

Гален

Γαληνός

Сочинения

V

Гален

Сочинения. Том 5

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68865675

SelfPub; 2023

Аннотация

В настоящее издание вошли пять трактатов Галена – выдающегося римского врача и философа II–III вв., создателя теоретико-практической системы, ставшей основой развития медицины и естествознания вплоть до научных открытий XVII в. Его сочинения содержат ценные сведения по истории медицины протонаучного периода. Каждый трактат сопровождается комментарием, в котором представлен историко-медицинский анализ основных идей Галена. Представленные в издании сочинения являются характерным примером связи общетеоретических, натурфилософских взглядов Галена и его практической деятельности как врача, демонстрируют прекрасное владение эмпирическим методом и навыками синтетического мышления, основанного на принципах рациональной медицины. Методология, предложенная в издании, позволяет показать взаимовлияние натурфилософии и медицины и комплексно осмыслить историческое значение работ Галена. Книга предназначена для ученых, занимающихся проблемами истории и философии естествознания.

Содержание

О Галене, Эрасистрате и особенностях преемственности знаний в античной медицине	10
Телеологический принцип в трактате Галена «О естественных функциях»	13
Об историографии и источниках	29
О натурфилософских взглядах Эрасистрата	42
О взглядах Эрасистрата на частные проблемы медицинской теории и практики	51
Отношение к венотомии как свидетельство противоречий во взглядах Эрасистрата и гиппократиков-рационалистов	63
Предисловие переводчика	85
ΓΑΛΗΝΟΥ. ΠΕΡΙ ΦΥΣΙΚΩΝ ΔΥΝΑΜΕΩΝ[90]	105
Гален. О естественных функциях	247
Комментарий	408
ΓΑΛΗΝΟΥ. ΠΕΡΙ ΦΛΕΒΟΤΟΜΙΑΣ ΠΡΟΣ ΕΡΑΣΙΣΤΡΑΤΟΝ ΒΙΒΛΙΟΝ[109]	483
Гален. О вскрытии вен, против Эрасистрата	511
Комментарий	545
ΓΑΛΗΝΟΥ. ΠΕΡΙ ΦΛΕΒΟΤΟΜΙΑΣ ΘΕΡΑΠΕΥΤΙΚΟΝ[129]	566
Гален. О лечении кровопусканием	613
Комментарий	666

ΓΑΛΗΝΟΥ. ΠΡΟΣ ΤΑ ΑΝΤΕΙΡΗΜΕΝΑ ΤΟΙΣ ΙΠΠΟΚΡΑΤΟΥΣ ΑΦΟΡΙΣΜΟΙΣ ΥΠΟ ΙΟΥΛΙΑΝΟΥ[147]	702
Гален. Опровержение возражений, выдвинутых Юлианом против афоризмов Гиппократа	739
Комментарий	778
ΓΑΛΗΝΟΥ. ΠΡΟΣ ΛΥΚΟΝ[164]	792
Гален. Против Лика	826
Комментарий	867

Гален
Сочинения. Том 5

Γαληνός

Corpus Galenicum

V

De Naturalibus Facultatibus (libri I–III)

De Venae Sectione adversus Erasistratum

De Curandi Ratione per Venae Sectionem

Adversus ea quae a Juliano in Hippocratis aphorismos
enuntiata sunt libellus

Adversus Lycum libellus

О Галене, Эрасистрате и особенностях преемственности знаний в античной медицине

Пятый том продолжает серию публикаций на русском языке сочинений Галена – великого врача и философа Античности. В рамках этого издания сложилась особая традиция – в каждом новом томе читатель знакомится с источниками, существенно меняющими сложившиеся взгляды не только на те или иные события в истории медицины, но и истории науки в целом.

В ходе подготовки к публикации текстов Галена в устоявшиеся в историографии представления о медицине Античности были внесены существенные уточнения – начиная с самого общего понимания значения наследия Галена (драматически недооцененного и недопонятого в отечественной науке) и завершая основаниями для оспаривания широко распространенного среди историков и философов науки мнения, согласно которому было принято считать, что физиологический эксперимент явился исключительным продуктом картины мира ученого XIX в., возникшей в ходе научных революций Нового времени. Уточнений накопилось настолько много и они настолько важны, что позволяют поставить вопрос об изменении представлений не только о

медицине, но и естествознании Античности в целом.

В данный том вошли сочинения Галена, позволяющие лучше представить его теоретико-практическую систему, что дает возможность подтвердить некоторые ранее высказанные мною гипотезы, одна из которых – об отсутствии среди врачей в III в. до Р.Х. – II в. единства взглядов на основные проблемы медицины.

Мне неоднократно приходилось говорить об ошибочности представленной в большинстве отечественных изданий (книгах и учебниках) исторической картины развития медицины Античности: в них, с одной стороны, констатируется существование разных медицинских школ (гиппократиков-рационалистов, врачей-методистов и врачей-эмпириков, в ряде случаев упоминаются и врачи-пневматики), а с другой – из них невозможно понять, чем и как различались учения этих школ. Подчас создается впечатление, что их знаменитые представители в целом придерживались сходных взглядов на теорию медицины и лишь иногда незначительно расходились в некоторых практических вопросах. В результате имена, например, Гиппократ, Герофила, Эрасистрата, Асклепиада даются одним перечнем, а Гален в ряде изданий называют «врачом-эрасистратором», что является примером грубого непонимания исторической реальности, как если бы В.И. Ленина и Л.Д. Троцкого автор современного учебника по отечественной истории назвал бы «ярыми монархистами». В данном томе публикуются трактаты Галена

«О естественных функциях», «О вскрытии вен, против Эрасистрата», «О лечении кровопусканием», подтверждающие, что во взглядах на основные вопросы медицинской теории и практики между Галеном и приверженцами традиции Гиппократа, с одной стороны, и врачами-методистами, последователями Эрасистрата – с другой, существовали непримиримые противоречия.

В дальнейшем можно ожидать, что будут обнаружены новые факты, подтверждающие мои предположения. Однако уже сейчас можно констатировать, что взгляды значительной части (если не большинства) современных Галену врачей-методистов были сформированы под влиянием традиции, восходящей к работам и деятельности Эрасистрата. Речь идет о врачах, занимавших антигиппократовскую позицию. Также имеющиеся в распоряжении современных исследователей данные позволяют сделать вывод о том, что единой медицинской школы в Александрии III в. до Р.Х. не существовало, а противоречия между взглядами Герофила и Эрасистрата были не меньшими, чем у Галена и современных ему последователей Эрасистрата.

Все сказанное и определило методику работы с текстами великого римского врача, вошедшими в этот том его сочинений: основные научные результаты, полученные при изучении источников, представлены во вступительной статье, а более подробный анализ дан в комментариях к текстам.

Телеологический принцип в трактате Галена «О естественных функциях»

Понятие «функции» и все, что с ним связано, – одно из ключевых в теоретико-практической системе Галена, для которого телеологический принцип является основой понимания существования всего живого. Напомню, что великий врач выделял три анатомических уровня организации человеческого тела: гомемерные (простые) части тела, сложные части тела (органы) и организм в целом. Соответственно, естественные, присущие живому существу функции Гален описывает в соответствии с уровнями их локализации. Целостной, иерархической систематизации всех функций он не приводит, однако упоминает об их иерархии, когда говорит о функциях «видовых» и «родовых». Иногда (например, во время чтения трактата «О естественных функциях») создается впечатление, что автор спонтанно использует их названия. В связи с этим остановимся на сути физиологических явлений, описываемых Галеном с их помощью.

Понятие «функции» позволило Галену ввести основные медицинские категории, прежде всего «здоровье» и «болезнь». Если функция, которой Творец (или Природа) наделил определенную часть тела, реализуется в полной мере, то эту часть тела можно считать здоровой. Соответственно, если часть тела функционирует не в полной мере, то это сви-

детельствует о ее заболевании. Гиппократовско-галеновское понятие «болезнь» носит количественный характер: часть тела больна настолько, насколько нарушена ее функция. По сути, разговор о «естественных функциях» – это не что иное, как попытка Галена описать физиологию человека на языке науки своего времени.

Гален выделяет четыре «естественные функции» организма человека – восприятие, произвольное движение, рост и питание. Восприятие и произвольное движение он относит к «делам души», а рост и питание – к «делам природы»¹. Хотелось бы обратить внимание на то, что эти две глобальные (организменного уровня) функции следует соотносить с деятельностью высшей, бессмертной части человеческой души, имеющей трехчастную структуру. Рост и питание происходит вследствие деятельности двух низших, смертных частей души человека. Эти функции характерны и для животных, а значит, их можно изучать экспериментальным путем. В трактате «О естественных функциях», как и в тексте «Об учениях Гиппократа и Платона»², содержится ряд примеров

---

¹ Подробнее об этом см.: *Балалыкин Д.А.* Исследовательский метод Галена // *Гален. Сочинения. Т. III / Общ. ред., сост., вступ. ст. Д.А. Балалыкина. М.: Практическая медицина, 2016. С. 5–119; Балалыкин Д.А.* О телеологическом принципе, научном методе и управляющих силах души в медицине Галена // *Гален. Сочинения. Т. IV / Общ. ред., сост., вступ. ст. Д.А. Балалыкина. М.: Практическая медицина, 2017. С. 5–100.*

² На русском языке текст этого трактата издан в двух томах: *Гален. Сочинения. Т. III / Общ. ред., сост., вступ. ст. Д.А. Балалыкина. М.: Практическая медицина, 2016. 560 с.; Гален. Сочинения. Т. IV / Общ. ред., сост., вступ. ст. Д.А. Балалы-*

физиологических экспериментов на животных, которые Гален осуществлял, чтобы подтвердить те или иные свои гипотезы.

Следуя Аристотелю, Гален подчеркивает, что движение является важной характеристикой процессов жизнедеятельности организма. Однако он существенно уточняет это доктринальное положение своего знаменитого предшественника: происходят не только количественные, но и качественные изменения, которые тоже относятся к движению. Пример этого – изменения, которые претерпевает пища, превращаясь сначала в кровь, а потом – в строительный материал из первоэлементов, усваиваемых теми или иными частями тела.

Из двух простых видов движения складываются четыре сложных – возрастание и убывание, возникновение и уничтожение. Еще в процессе эмбриогенеза, по мнению Галена, происходит формирование органов, направленное на обретение формы, оптимальной для последующей реализации изначально заложенных в них функций. Сначала это осуществляется на этапе, который Гален назвал зарождением (в это время осуществляется «функция зарождения»), потом на этапе роста (реализуется «функция роста»). Поскольку рост должен быть весьма значительным в количественном отношении (взрослый человек гораздо крупнее новорожденного), то дальше, на уровне частей тела, включает

ся другая функция – «уподобление»: части тела избирательно поглощают определенные комбинации первоэлементов, «уподобляя» их своей природе. Рост происходит за счет того, что различные элементы и сущности «превращаются» одна в другую, или «уподобляются»: «А чтобы стать костью, крови понадобится много времени, длительная переработка и множество изменений. И совершенно ясно, что хлеб, а тем более латук, свекла и им подобное, нуждаются в полном изменении, чтобы стать кровью»³. Гален определяет питание как уподобление «тому, что принимает пищу». Он говорит следующее: «Для того чтобы это произошло, нужно сращение, а для него, в свою очередь, необходимо приложение. Ведь всякий раз, когда сок, предназначенный для питания какой-либо из частей тела живого существа, извергается из сосудов, сначала он орошает всю эту часть тела, затем присоединяется и, наконец, уподобляется»⁴. «Уподобление» в системе Галена бывает двух видов. Первый из них – это превращение поступающих извне пищевых продуктов (чужеродных веществ) в субстанцию, усваиваемую организмом (это происходит во время пищеварения в желудке и превращения пищи в кровь), второй – окончательное усвоение частями тела питательных веществ, поступающих к ним с кровью. Гален, в значительной степени интуитивно (так как не имеет возможности подтвердить свои предположения с по-

---

³ Гален. О естественных функциях, I, 10, 21–22 К.

⁴ Там же, 11, 24 К.

мощью химических технологий), осознает, что компоненты пищи (на его языке – первоэлементы) должны подвергнуться серьезной качественной трансформации, чтобы «уподобиться» тем или иным гомемерным структурам. Блестящее предвидение дальнейшего развития клинической науки! Гален указывает, что пища перерабатывается в желудке, далее – в печени, а после этого – еще и в тканях тела. Современная наука так и понимает данный процесс и описывает его на языке биохимии!

Сходным образом, используя понятие функции «уподобления», Гален объясняет и воздействие лекарственных препаратов. Один из основных принципов его профессиональной деятельности (работы как врача) – гиппократовская доктрина лечения противоположного противоположным. Современному врачу должна быть понятна и близка логика Галена: лекарственное средство, назначаемое пациенту, способно оказывать специфическое воздействие на конкретную болезнь и конкретную часть тела. Гален использовал понятие «средство» в том же смысле, в котором специалист XXI в. использует термин «тропность».

И Гиппократ, и Гален исходили из того, что болезни имеют определенную причину (этиологию) и механизм развития (патогенез)⁵. Кроме того, заболевшая часть тела может

---

⁵ Так, патогенез болезни можно описывать с помощью терминов, обозначающих нарушение баланса жидкостей. В этом случае, например, очевидно, что бессмысленно лечить желтуху с помощью препаратов, избавляющих пациента от избытка воды или флегмы. Напротив, при применении желчегонного средства са-

иметь свои специфические характеристики, например топографию: если она расположена глубоко в теле, особое значение имеет способность лекарственного средства проникать внутрь тканей.

Именно с этих позиций следует понимать суждение, которое Гален неоднократно повторяет в трактате «О естественных функциях»: каждому веществу присуща некая функция, проявляющаяся в совершенно определенном воздействии на организм человека. Так, например, некоторые сорта вина воздействуют на желудок, стимулируя пищеварение.

Соответственно, и органы человеческого тела, по мысли Галена, могут «притягивать» определенные жидкости и питательные вещества. Однако в отличие от большинства соображений, подтверждающихся, как правило, опытным путем, тезис Галена о «притягивании» является весьма спекулятивным. Это – одно из немногих его концептуальных утверждений, которые не подтверждаются практикой, а выдвигаются для умозрительного объяснения физиологического феномена, существующего очевидно и объективно. С помощью функции «притягивания» Гален, например, объясняет работу почек, образование и выделение мочи (у него нет физиологических или анатомических наблюдений, разъясняющих этот процесс, однако имеется достаточный практический опыт, из которого следует, что моча образуется в почках и выделяется через мочевого пузырь). Тут Гален с ма-

стерством подлинного софиста (Гален, который всю жизнь обличал софистическую аргументацию!) меняет в своих рассуждениях местами причину и следствие: раз моча образуется в почках, накапливается в растягивающемся мочевом пузыре и выделяется через мочеиспускательный канал, то это означает, что почки имеют функцию «притягивания» жидкости, из которой образуется моча. Однако, обращая внимание на недостаток доказательств Галена в этом вопросе, отмечу, что в отличие от некоторых представителей других медицинских школ он считал образование и выделение мочи исключительно функцией почек, и это утверждение, неоднократно подтвержденное на практике, тоже было важным научным результатом для медицины его времени.

Точка зрения Галена на механизм реализации функции мочевыделения оспаривалась Ликом, известным врачом, возможно, уроженцем Македонии. Лик представлял себе функцию почек как некий фильтр, отсеивающий и выводящий из организма ненужные жидкости. Как и об Эрасистрате, о трудах Лика мы можем судить лишь по фрагментам, сохранившимся в сочинениях Галена. Если Эрасистрата Гален опровергает (иногда даже хвалит), но, в общем, отзывается о нем с уважением, то Лика он просто бранит⁶. Замечу, что на основании известных источников нельзя сделать вывод о принадлежности Лика к врачам-эмпирикам или вра-

---

⁶ Создается впечатление, что причиной неприязни, с которой Гален относится к Лику, по-видимому, является профессиональная ревность.

чам-методистам. Известное нам объяснение Ликом выделительной функции намного стройнее того, которое дал Гален, и ближе современным научным представлениям. Лик разделял учение Гиппократов о роли внутреннего тепла, но, судя по всему, представлял ее иначе, чем Гален.

Создается впечатление, что Лик, как и Гален, был убежденным врачом-гиппократиком, но иначе, чем великий римский врач, рассматривал некоторые важные вопросы теории и практики. Более того, Лик был успешен и известен – в этом и заключалась его главная вина. Гален был чрезвычайно самолюбив, тщеславен и, увы, завистлив. Лика, судя по всему, он считал своим конкурентом⁷.

Вместе с тем, по-видимому, и Лик, и другие гиппократики в той или иной степени разделяли «функциональный» подход Галена. Кроме того, именно такой подход был характерен для многих знаменитых врачей позднейших эпох, до XVII в. основывавших свое понимание медицины на системе Галена.

На глобальном уровне осознания физиологической целостности организма живому существу, по мнению Галена, присуща функция изменения. В конкретных условиях она реализуется в виде функций «уподобления» и «питания». Функции высшего порядка Гален называет «родовыми», низшего – «видовыми». На «видовом» уровне в опре-

---

⁷ Трактат «Против Лика», публикуемый в данном томе, поможет читателю представить глубину неприязни Галена к талантливому коллеге.

деленной части тела этот процесс осуществляется благодаря функции «притяжения», переходящей в «приращение». Напомню, что, согласно учению Галена, специфичность частей тела определяется комбинацией первоэлементов на уровне гомеомерий. Сложные части тела, состоящие из простых (гомеомерных), имеют на порядок больше особенностей строения, что и определяет их анатомическое соответствие физиологическому предназначению. Следовательно, разным частям тела необходимы разные смещения питательных веществ, восстанавливающих их структуру. Функция «притяжения» и описывает, на языке галеновской протонауки, свойство части тела «прилагать» к себе качественно и количественно все необходимое для роста. Реализация этой функции приводит в действие другую – «приращение»: она на «видовом» уровне раскрывает «родовую» функцию «уподобления».

Обращает на себя внимание некоторая хаотичность выбора Галеном конкретных терминов, как и отсутствия четкой таксономии. С одной стороны, он подчеркивает иерархичность функций, с другой – вряд ли на основе текста трактата «О естественных функциях» можно составить их четкую классификацию. Я бы уподобил Галена библейскому Адаму, которому Бог-Творец в Раю предлагает самостоятельно «нарекать» имена животным, которых сам создал в предшествующие дни Творения. До Галена никто не брался комплексно описывать физиологические процессы, основываясь на по-

нимании того, что организм функционирует как единое целое. Это непростая задача, требующая понимания свойств, присущих живым существам. Ни специальной терминологии, ни достаточного опыта экспериментальных исследований функционального взаимодействия частей тела не было создано предшественниками Галена. Существовала лишь традиция объяснять деятельность организма исходя из телеологического принципа, намеченная в работах Гиппократов, Герофила и ряда других врачей. Однако до Галена имелись лишь фрагментарные прояснения физиологических процессов. Признаком незаурядного таланта Галена как ученого является его стремление к целостному пониманию функционирования живого организма. Конечно, оно в целом носит рефлексивный и описательный характер (большого и невозможно ожидать, учитывая ограниченные возможности науки того времени)⁸. Однако лучшие представители врачебной профессии до XVII в. были последователями Галена, и то, что они всегда исходили из анатомической и физиологической целостности человеческого организма, – заслуга великого римского врача (это основополагающий принцип созданной им теоретико-практической системы).

В рамках реализации частями тела всех упомянутых функций необходимо было объяснить функционирование

---

⁸ Все замечания относительно медицинских знаний Античности даются мной с учетом принципа соизмеримости, предложенного Т. Куном (см.: *Кун Т. После структуры научных революций*. М.: АСТ, Харвест, 2014. С. 73–132).

полых органов и ряд других физиологических процессов. Можно было бы представить, что питательные вещества, растворенные в различных жидкостях, перемещаются по человеческому телу хаотически (именно этому и учили врачи-методисты). Гален указывает на способность организма «удержать питающий сок при определенном органе». Он также обращает внимание на то, что полые органы удерживают и накапливают жидкость, при этом качественно видоизменяя ее, – великий врач подробно разбирает этот процесс на примере пищеварения и выделения мочи. Таким образом, Гален вводит понятие функции «удержания», сочетающейся с функцией «вытеснения», которые дополняют друг друга.

Эти функции Гален подробно описывает в трактате «О естественных функциях», когда говорит о пищеварительной и выделительной системах. Особое внимание следует обратить на анализ работы желудка. Гален не собирался специально говорить о пищеварении: желудок служит одним из наиболее удачных примеров для того, чтобы продемонстрировать комбинацию функций удержания и вытеснения. Тем более ценными становятся его суждения о болезнях желудка, свидетельствующие об очередном приоритете великого римского врача в истории медицины. Во-первых, Гален указывает на существование физиологической нормы времени пищеварения в желудке. Он целенаправленно проводит ряд экспериментов на животных (в данном случае – свиньях) и делает вывод на основе неоднократно повторяющихся ре-

зультатов. Гален точно определяет время, требующееся на превращение твердой пищи в жидкое состояние, когда она эвакуируется через «нижнее отверстие желудка» в кишечник. По его данным, это происходит за три-четыре часа, что соответствует современным представлениям. Традиционно считалось, что время желудочного пищеварения было установлено в результате исследований физиологов XIX в. Теперь читатель имеет неопровержимое свидетельство источника, опровергающее это представление.

Во-вторых, Гален отмечает, что существует последовательность работы органов пищеварения, в результате чего пища не только подвергается механической обработке, но и претерпевает некие качественные изменения. Не имея возможности подтвердить свои предположения с помощью достижений химической науки, он настаивает на том, что внутри желудка под воздействием находящихся там жидкостей пища изменяется именно качественно. Переработанная пища переходит в кишечник только при достижении должной меры этой качественной переработки: «И нижнее отверстие желудка открывается только тогда, когда процесс пищеварения полностью завершится; тогда через него с легкостью проходят остатки, даже если среди них окажется порядочно камешков, костей, виноградных косточек и прочих примесей, которые невозможно перевести в жидкое состояние. Ты это сам сможешь рассмотреть, если будешь держать в памяти тот момент, когда открывается нижнее отверстие желудка.

Если ты даже ошибешься и содержимое желудка еще не начнет проходить вниз по пищеварительному тракту, вскрытие все же не пройдет без пользы и принесет свои плоды. Ведь ты сможешь при этом увидеть то, о чем мы говорили немногим выше: привратник желудка плотно закрыт, а желудок полностью обволакивает находящуюся в нем пищу, наподобие того, как у беременных матка укрывает зародыш»⁹.

Кишечник, отмечает Гален, так же плотно охватывает содержимое. На этом этапе пищеварения тоже существует целостный физиологический процесс, представляющий собой комбинацию проявлений функций удержания и вытеснения. Интересно, что к этому выводу Гален приходит не умозрительно, а в ходе эксперимента: «Я же при бесчисленных вскрытиях брюшины еще живых животных всегда обнаруживал, что весь кишечник волнообразно сжимается, охватывая содержимое. То, что происходит с желудком, сложнее: как только в него поступает пища, он, оставаясь неподвижным, плотно охватывает ее сверху, снизу и отовсюду, так что кажется единым целым со своим содержимым и как бы прирастает к нему со всех сторон. При этом, как я обнаружил, привратник желудка всегда сомкнут и плотно закрыт...»¹⁰

В-третьих, Гален заявляет, что нарушение нормального функционирования желудка (на языке великого врача это и означает заболевание) может происходить потому, что

---

⁹ Гален. О естественных функциях, III, 4, 156 К.

¹⁰ Там же, 157 К.

«внутри него возникает раздражение, вызванное едкостью пищи». Замечание Галена о причине заболевания на данный момент является древнейшим свидетельством подобного патогенетического взгляда на болезни желудка. Это очередное подтверждение исключительной ценности произведений Галена как источника. В этом отрывке есть еще одно свидетельство удивительной прозорливости Галена как клинициста, которому хорошо знакома гастроэнтерологическая проблематика: «...Когда расстройство наступает в нижних отделах желудка, а верхние находятся в нормальном состоянии, это ведет к диарее, а если не в порядке верхняя часть, а все остальное здорово – начинается рвота»¹¹.

Современный врач знает, что патология кардиального отдела желудка (язва, ахалазия и др.) проявляется симптомами, наступающими сразу после приема пищи, в том числе рвотой. Патология антрального отдела и двенадцатиперстной кишки, напротив, определяется в основном по симптомам, наблюдаемым через некоторое время после приема пищи. Еще в первой половине XX в. среди терапевтов был распространен диагноз «несварение желудка», одним из симптомов которого была диарея.

Трактат «О естественных функциях» позволяет мне утверждать, что Гален является первым в истории медицины врачом, сделавшим следующие открытия: 1) в пищеварительном тракте (прежде всего в желудке) пища претер-

---

¹¹ Гален. О естественных функциях, III, 5, 159 К.

певают не только механические, но и качественные изменения, субстанционально становясь «сродной» тканям человеческого организма; 2) повышение уровня кислотности жидкостей, вырабатываемых желудком с целью качественной переработки пищи, может вызывать заболевание, т. е. «нарушение функции» желудка; 3) качественная переработка пищи – комплексный процесс, в котором, помимо желудка, принимают участие и другие органы (кишечник, печень и др.). Важной составляющей этого процесса являются жидкости, вырабатываемые этими органами. Пищеварительная система в целом функционирует не только в отношении переработки пищи, но и в качестве фильтра: видоизменяется и всасывается все необходимое для тела, все ненужное извергается вовне в виде фекалий. Каловые массы образуются постепенно, их окончательное формирование происходит в терминальной части кишечника.

Важность гипотез, высказанных Галеном, трудно переоценить: великий римский врач предложил революционное для своего времени и вполне соизмеримое с современным научным знанием видение комплексного функционирования органов пищеварительной системы. Разумеется, телеологический принцип проявился в работах Галена не только в отношении гастроэнтерологической проблематики. Объяснение физиологических процессов на языке функций частей тела стало исключительно полезным и, в перспективе дальнейшего развития медицины, весьма продуктивным решением –

подлинным провидением великого врача и философа.

Об историографии и источниках

Что нового мы узнаем из конкретного текста об интересующих нас исторических событиях и персонажах? Насколько достоверны эти сведения, какой должна быть методика критики нового источника? Каким фактам верить – известным ранее или новым, порой противоречащим сложившейся историографической традиции? Каковы те изменения в оценках исторических процессов, к которым мы приходим на основе вводимых в научный оборот новых источников? Эти вопросы задает себе ученый, которому выпадает огромная удача – обнаружить ранее неизвестную информацию, способную радикально изменить взгляд на, казалось бы, хорошо известные события. Необходимость отвечать на них постоянно возникает у меня при изучении сочинений Галена. Так, например, в ходе подготовки материалов для этого тома появились основания для существенной переоценки вклада Эрасистрата в развитие античной медицины. Это диктует необходимость определиться, можно ли считать достоверными сведения о взглядах Эрасистрата, которые мы получаем из трудов Галена, и их влияние на последующую традицию античной медицины.

Эрасистрат наряду со своим современником и земляком Герофилом является легендарной фигурой в истории медицины. Рассказ о превосходном состоянии медицины в Алек-

сандрии IV в. до Р.Х. в последние десятилетия встречается практически во всех обзорных монографиях и учебниках по истории медицины. Александрийскую «медицину Герофила и Эрасистрата» историки Античности также довольно часто приводят в качестве примера расцвета науки и культуры эпохи эллинизма. Иногда отмечается, что основные достижения Герофила связаны с исследованием анатомии, а Эрасистрата – с созданием некоторых экспериментальных физических моделей для изучения физиологических процессов¹². В специальной литературе также встречаются аналогии между Эрасистратом и выдающимся механиком и математиком Архимедом. В историографии сохранилась тенденция говорить о Герофиле и Эрасистрате, не разделяя их имена, как бы подчеркивая их общий вклад в развитие медицины. Так, например, Дж. Лонгригг называет этих врачей «двумя великими александрийскими анатомами»¹³. Он также указывает на тот факт, что вплоть до конца 1980-х годов, «несмотря на грандиозность достижений этих двух александрийцев», историкам «были доступны лишь фрагментарные издания их

---

¹² *Мейер-Штейнез Т., Зудгоф К.* История медицины / Пер. со 2-го изд. под ред. В.А. Любарского, Б.Е. Гершуни. М.: Госиздат, 1925; *Nutton V.* Ancient Medicine. London; N.Y.: Routledge, 2013. 486 p.; *Лисицын Ю.П.* История медицины. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2011; *Петров Б.Д.* Очерки истории отечественной медицины. М., 1962.

¹³ *Longrigg J.* Greek Rational Medicine: Philosophy and Medicine from Alcmaeon to the Alexandrians. London: Routledge, 1993. P. 61.

трудов»¹⁴. Серьезными работами с источниками в этой области были, по мнению Дж. Лонгригга, сборники на немецком языке, содержащие фрагменты текстов Герофила и Эрасистрата, подготовленные К.Ф.Х. Марксом¹⁵ и Р. Фухсом¹⁶. На английском языке по этой теме он указывает две статьи Ж.Ф. Добсона¹⁷. Достаточный объем информации о работах знаменитых александрийцев ученые получили лишь в конце 1980-х – начале 1990-х годов: важное значение имели издание Гарофало и фундаментальный труд Г. фон Штадена¹⁸.

Дж. Лонгригг считает произведения Галена самым важным источником сведений о Герофиле и Эрасистрате. По его мнению, «Гален был хорошо знаком с их работами и явно находился под их влиянием, хотя время от времени его восхищение ими сменялось резкой критикой»¹⁹. Подобное обобщение мне кажется чрезмерным: в доступных текстах Галена я не встретил особой критики в адрес Герофила, как и

---

¹⁴ Там же. P. 183.

¹⁵ *Marx K.F.H.* Herophilus, ein Beitrag zur Geschichte der Medizin. Karlsruhe and Baden, 1838.

¹⁶ *Fuchs R.* Erasistratea. Diss. Leipzig, 1892.

¹⁷ *Dobson J.F.* Herophylus of Alexandria. Proceedings of the Royal Society of Medicine. 1925; 18 (Sect Hist Med): 19–32; *Dobson J.F.* Erasistratus. Proceedings of the Royal Society of Medicine. 1927; 20 (6): 825–832.

¹⁸ Дж. Лонгригг указывает две работы: *Garofalo I.* Erasistrati Fragmenta. (Biblioteca di Studi Antichi). Pisa: Giardini, 1988; *von Staden H.* Herophilus: The Art of Medicine in Early Alexandria. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. 666 p. См.: *Longrigg J.* Greek Rational Medicine. P. 184.

¹⁹ *Longrigg J.* Greek Rational Medicine. P. 183.

восхищения трудами Эрасистрата. О Герофиле Гален пишет немного и, как правило, довольно сухо констатирует моменты, когда Герофил сделал научное открытие, которое непосредственно связано с работами самого Галена. Дж. Лонгригг справедливо отмечает, что «Гален враждебен к Эрасистрату, который, по его мнению, опрометчиво отказался от традиционных идей и практик Гиппократов, таких как теория о четырех жидкостях или практика кровопускания»²⁰. Это верно, однако в работах Галена имеются моменты, когда он констатирует правоту Эрасистрата в тех или иных вопросах.

С 1920-х годов в специальной литературе появляются описания опытов, представлявших собой попытки моделирования физиологических процессов, которые будто бы воспроизводил Эрасистрат с использованием физических приборов. Основоположниками этой традиции можно считать Т. Мейера-Штейнега и К. Зудгофа, «История медицины»²¹ которых долгое время оставалась едва ли не единственным комплексным исследованием по истории медицины, переведенным на русский язык. Влияние их суждений на советских ученых было особенно значимым, вклад этих исследователей в развитие истории медицины высоко оценивался и в англоязычной историографии, и нет ничего удивительного в том, что несколько поколений отечественных ученых без особой критики воспроизводили эту точку зрения.

---

²⁰ Там же.

²¹ Мейер-Штейнег Т., Зудгоф К. История медицины. М., 1925.

Авторы этого сочинения рассуждают о тех или иных взглядах Эрасистрата, но практически не ссылаются на источники. Так, например, они указывают на то, что, по мнению Эрасистрата, болезнь представляет собой состояние, когда естественные функции организма не осуществляются вследствие переполнения частей тела недостаточно переваренными остатками пищи. По мнению Т. Мейера-Штейнега и К. Зудгофа, именно это состояние Эрасистрат называет «плеторой», и оно находится в центре его теории патологии. Они указывают на то, что Эрасистрат первым описал цепь патологических изменений разных органов, например печени при водянке, и утверждают, что эти наблюдения сделаны Эрасистратом при вскрытии трупов. Они считают, что эти и другие патологоанатомические исследования привели к тому, что Эрасистрат преувеличивал значение «чисто местных изменений»²² в общей патологии. Сразу возникает вопрос: каким образом водянка и наблюдающиеся при этом изменения печени могут быть интерпретированы как переполнение непереваженными частями пищи? Ведь «плетора» – это весьма распространенный древнегреческий медицинский термин, со времен Гиппократова означающий именно переполнение жидкостью. Т. Мейер-Штейнег и К. Зудгоф также указывают, что Эрасистрат считал лихорадку симптомом (не болезнью) и следствием закупорки круга пневмообращения в больших артериях, возникавшим

---

²² Там же. С. 81.

в результате проникновения туда крови из переполненных вен. Однако нет оснований сомневаться в том, что Эрасистрат рассматривал печень как гемопоэтический орган, в котором кровь образовывалась из поступающей в организм пищи. Эта точка зрения была сформулирована еще Платоном в «Тимее», хотя идея появилась раньше. Схожее понимание принципа кроветворения мы встречаем и в текстах «Корпуса Гиппократата». Можно считать, что оно сложилось в Косской и Книдосской традиции еще в V в. до Р.Х. Т. Мейер-Штейнег и К. Зудгоф не объясняют, каким образом тезис о непереваренных остатках пищи соотносится с описываемой ими точкой зрения Эрасистрата на генез лихорадки. Замечу, что их интерпретация взглядов Эрасистрата на значение перетока крови в артерии из переполненных вен является верной и подтверждается соответствующими отрывками из текстов Галена. Верно и то, что перетоком, но на уровне более мелких сосудов, Эрасистрат объяснял местный воспалительный процесс, – например, исследователи отмечают, что, по мнению Эрасистрата, «артрит возникает вследствие плеторы суставов»²³. Это утверждение правильно, но оно не согласуется с тезисом о переполнении частей тела «непереваренными остатками пищи», ведь «плетора» – это переполнение жидкостью. Например, «плетора», приводящая к воспалению, – это выход избыточного объема крови за пределы венозного русла. Для того чтобы это произошло, пища должна преобра-

---

²³ Мейер-Штейнег Т., Зудгоф К. История медицины. С. 81.

зоваться в кровь, причем в избыточном количестве. Как это соотносится с тезисом о переполнении частей тела непереваренными остатками пищи? К. Зудгоф и его соавтор утверждают: «Сводя все болезни к одному принципу “плеторы”, Эрасистрат в своих построениях мог совершенно отказаться от выяснения этиологии в собственном смысле слова, так как глубокие причины “плеторы” имели для него только теоретическое значение»²⁴.

Однако далее утверждается обратное: «В соответствии со своими теоретическими предпосылками Эрасистрат построил свою терапию на двух основных принципах. Терапия должна прежде всего иметь этиологический характер, т. е. должна быть направлена против общей причины, против “плеторы”; с другой стороны, она должна носить местный характер, т. е. объектом ее непосредственного воздействия должен быть больной орган»²⁵. Так отрицал Эрасистрат этиологию болезни на органном уровне или, наоборот, утверждал этиологический принцип?

Т. Мейер-Штейнег и К. Зудгоф справедливо указывают на то, что в терапевтической тактике Эрасистрата ключевое значение имели мероприятия, целью которых было «устранение переполнения тела»: диета, вплоть до полного воздержания от употребления пищи, использование слабительных, рвотных, мочегонных и потогонных средств и т. д. При

---

²⁴ Мейер-Штейнег Т., Зудгоф К. История медицины. С. 81.

²⁵ Там же. С. 82.

этом они признают: «К кровопусканиям Эрасистрат прибегал лишь в редких случаях, так как, извлекая мало крови, мы удаляем мало вредных веществ; извлекая же достаточное количество ее, мы удаляем больше, чем это нужно в интересах больного»²⁶. Однако это утверждение противоречит известным свидетельствам Галена, который говорит о том, что ни в одном из трудов Эрасистрата нет рекомендаций к проведению венотомии.

Один из основных вопросов истории Александрийской медицины III в. до Р.Х., находившийся в центре внимания историков медицины во второй половине XX в., был связан с тем, проводили ли в Мусейоне вскрытия живых людей. Сохранившиеся источники (речь идет о свидетельствах А.К. Цельса и Тертуллиана) можно интерпретировались по-разному. Мне этот вопрос представляется второстепенным и не имеющим серьезного значения для истории медицины, так как никакого практического смысла эти вскрытия иметь не могли. Возможно, что особенностью пенитенциарной системы государства Птолемеев (как и многих государств до, после и во время их правления) было понимание того, что по отношению к особо опасным преступникам оправданы любые действия. Об этом свидетельствуют изощренные пытки и казни, известные историкам. Следует с врачебной точки зрения разобрать, что именно представляет собой вскрытие живого преступника, и понять, может ли это занятие иметь

---

²⁶ Там же.

познавательный смысл.

Подвергаемый пыткам человек сопротивляется, и даже если он обездвижен (например, растянут ремнями и жестко зафиксирован), происходят естественные физиологические реакции (например, судороги, обильное кровотечение). Информация, которую может получить врач при подобной процедуре, по сути, ничтожна. Даже если бы Герофил или Эрасистрат однажды согласились вскрыть живого преступника, то вскоре могли убедиться в том, что вскрытие трупа недавно умершего дает гораздо больше информации, чем неудобная и во всех отношениях неприятная вивисекция. Следует также обратить внимание на упорное отрицание подавляющим большинством врачей эпохи Античности того факта, что в артериях содержится кровь. Мы знаем только двух знаменитых врачей Античности, утверждавших, что артерии содержат кровь и пневму, – Герофила и Галена. Возможно, того же мнения придерживались Марин и Руф Эфесский. Доступные нам источники указывают на то, что и Эрасистрат, и многие другие (до и после него) считали, что в артериях находится только пневма. На этом и основан тезис Эрасистрата о воспалительном процессе как патологии, объясняемой ненормальным перетоком избыточной венозной крови в артериальное русло или окружающую сосуды ткань. Если бы Эрасистрат вскрывал живого человека, он убедился бы, что магистральные артериальные сосуды содержат кровь. Общепризнанное античными врачами мнение о

том, что в артериях содержится только пневма, свидетельствует о том, что хирургические вмешательства на протяжении многих сотен лет носили локальный характер. На это указывают и работы Галена: в них прослеживается преемственность его хирургических и травматологических практик по отношению к «Корпусу Гиппократата». Это важно, так как Гален был весьма искусным хирургом-экспериментатором, выполнявшим сложнейшие операции и физиологические эксперименты на животных.

Привлекательным аргументом в пользу возможности проведения вскрытий живых людей является тезис о принципиальной разнице между живым и мертвым телом. Отрицание познавательного значения анатомических исследований врачами-эмпириками, воспитанными в духе стоической философии, и было основано на этой идее. Ведь если с наступлением смерти человеческое тело теряет нечто определяющее, то знания, полученные на основе изучения трупа, невозможно экстраполировать на живой организм. Следовательно, анатомические вскрытия бессмысленны, так как они не предоставляют информации о живом организме.

Однако как бы ни были интересны эти рассуждения, в реальности вивисекция не в состоянии предоставить серьезных данных об устройстве человека. Даже если кто-либо из александрийских врачей предпринимал попытки вскрывать живых людей, то убедился в том, что подобные вскрытия живых людей бессмысленны с точки зрения возможности полу-

чить полезные знания.

Для правильного восприятия сведений о взглядах Эрасистрата следует учитывать, что Гален в целом относится к нему отрицательно. Очевидно, что подходы современных Галену врачей-методистов имели много общего с учением Эрасистрата о болезнях и методах их лечения. Гален часто критикует знаменитого александрийского врача, не уставая подчеркивать преимущество врачей-методистов II в. по отношению к его идеям и практике. Многолетний опыт работы с текстами Галена позволяет мне утверждать, что некоторые его суждения носят откровенно предвзятый характер, спекулятивны и крайне эмоциональны. Яркий пример – его рассуждения о взглядах Платона на медицину в трактате «Об учениях Гиппократов и Платона»²⁷.

Однако необходимо понимать, что Гален – добросовестный ученый. Его комплименты, безусловно, основаны на убежденности в научной правоте суждений авторов, которым он симпатизирует. Не следует также забывать, что он врач, чрезвычайно внимательный к своим пациентам, и конечный клинический результат является для него главным способом проверки научной истины. Гален всегда подробно аргументирует свою точку зрения и подробно разбирает суждения своих оппонентов. Все это дает историку возможность выбрать правильную методику критического анализа оценок

---

²⁷ Гален. Сочинения. Т. III. М., 2016. 560 с.; Гален. Сочинения. Т. IV. М., 2017. 494 с.

взглядов Эрасистрата, данных великим римским врачом.

В ряде своих сочинений, помимо критики Эрасистрата, Гален констатирует его очевидные достижения и правильные суждения по тем или иным вопросам медицинской теории и практики. На мой взгляд, этим оценкам следует доверять. Если Гален за что-то хвалит Эрасистрата, то, с учетом его общего негативного отношения к его наследию, такие достижения должны были быть очевидны и бесспорны. Позитивные оценки отдельных суждений Эрасистрата со стороны Галена носят вынужденный характер: он как будто заставляет себя их высказывать и тут же добавляет изрядную порцию критики.

Следует исходить из того, что Гален был хорошо знаком с работами Эрасистрата: во II в. они были широко распространены. Врачи-методисты составляли большинство врачебной элиты того времени, а для них Эрасистрат был почитаемым классиком, на работах которого в значительной мере основывалось их образование. Трудно представить, что Гален мог позволить себе сознательно исказить взгляды Эрасистрата, не рискуя быть обвиненным в недобросовестности. Гален очень аккуратно воспроизводит мнения Эрасистрата, постоянно ссылаясь на его труды, поэтому четыре работы Галена – «О естественных функциях», «О вскрытии вен, против последователей Эрасистрата, живущих в Риме»²⁸, «О вскрытии

---

²⁸ Гален. Сочинения. Т. I / Общ. ред., сост., вступ. ст. и комм. Д.А. Балалыкина. М.: Весть, 2014. С. 426–462.

вен, против Эрасистрата»²⁹ и «О лечении кровопусканием» – имеют большую ценность: благодаря им стали известны названия некоторых основных трудов Эрасистрата, появилась возможность составить представление о круге его профессиональных интересов и основных занимавших его вопросах медицинской теории и практики.

---

²⁹ *Galen. De Venae Sectione Adversus Erasistratum // Claudii Galeni Opera Omnia / Ed. C.G. Kühn. Vol. 11. Leipzig: Knobloch, 1826 (repr. Hildesheim: Olms, 1965): 147–186.*

О натурфилософских взглядах Эрасистрата

В начале второй книги «О естественных функциях» Гален затрагивает крайне интересный для нас вопрос о философских взглядах Эрасистрата. В историографии преобладает тенденция относить Эрасистрата к сторонникам философии перипатетиков, ссылаясь на Диогена Лаэртского. Однако у него есть лишь замечание о том, что Эрасистрат мог слушать лекции Теофраста³⁰. Г. Дильс предположил, что элементы корпускулярной теории у Эрасистрата связаны с идеями перипатетика Стратона из Лампсака, но не привел свидетельств источников. Он лишь утверждает, что в предисловии к «Pneumatica» Герона Александрийского описывается корпускулярная теория, предложенная ранее перипатетиком Стратоном из Лампсака³¹. По мнению знаменитого немецкого историка и философа, и Герон, и Эрасистрат считали, что материя состоит из мельчайших частиц, чередующихся с пустотой, и практически все части тела содержат промежутки (но не «большую пустоту»). Соответственно, если где-то существует пустота большая, чем в норме, то окружающее ве-

---

³⁰ См.: *Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов*. М.: Мысль, 1979. С. 222.

³¹ *Diels H. Ueber das physikalische System des Straton // Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften zu Berlin*, 1893; 1: 101–127.

щество сразу проникает внутрь, заполняя ее. Г. Дильс говорит об этой теории, ссылаясь на Симпликия, который, в свою очередь, приписывает ее Стратону. Продолжая эту мысль, Г. Дильс указывает на связь Эрасистрата с традициями Ликея. Вполне вероятно, что Эрасистрат мог быть знаком с Теофрастом, однако, на мой взгляд, это не значит, что он учился в Ликее. Эрасистрат некоторое время жил в Афинах и мог посещать философов других школ точно так же, как, по замечанию Лаэрдия, слушал Теофраста.

Дж. Лонгригг указывает на сочетание стратоновской «корпускулярной теории с учением о пневме», ссылаясь на описание одного из экспериментов Эрасистрата, приводимого Лондонским Анонимом³². Александрийский врач рекомендовал взвесить птицу или похожее на нее живое существо, оставить на некоторое время без пищи в замкнутом сосуде, а затем снова взвесить вместе со всеми экскрементами. Эрасистрат указывал на то, что суммарный вес после пребывания в замкнутом пространстве будет меньше, чем до помещения в сосуд. Большая, чем вес экскрементов, потеря веса, по его мнению, указывала на то, что животное выделяет в атмосферу некие эманации – невидимое вещество, которое, находясь в его организме, обладает реальным весом.

Эрасистрат учил о невидимых корпускулах и составленных из них эманаций, испускаемых телами. Можно ли счи-

---

³² О Лондонском Анониме и его сочинении см.: *Jones W.H.S. The medical writings of Anonymus Londinensis. Cambridge, 1947.*

тать, что Эрасистрат склонялся к атомистическим взглядам? Мнение о его симпатии к идеям Стратона – предположение, призванное примирить два как бы заранее известных тезиса – о корпускулярной природе материи и об обучении в Ликее. Ясно, что увлечение Эрасистрата подобными механистическими идеями носило более широкий характер. Об этом свидетельствуют его взгляды на переработку пищи. Эрасистрат отвергает гиппократовскую традицию, утверждающую качественные изменения пищи в желудке под воздействием внутреннего тепла. Главным моментом в переработке пищи Эрасистрат считал механическое воздействие мышц желудка. Именно под их влиянием пищевая масса перерабатывается в достаточно гомогенное питательное вещество и затем выдавливается в виде млечного сока через стенки желудка и кишечника в кровеносные сосуды. По ним этот сок переносится в печень, где преобразуется в кровь, тогда же от общей массы переработанной пищи отделяется желчь и поступает в желчный пузырь, а чистая кровь из печени – в полую вену. Подобную точку зрения можно объяснить только атомистическими взглядами знаменитого александрийского врача. Только в том случае, если в пище и в структуре человеческого тела видеть только совокупность атомов и в принципе отрицать качественные превращения, схема, предложенная Эрасистратом, может показаться верной.

Уделяя основное внимание роли «плеторы» в процессе формирования заболевания, знаменитый александрийский

врач давал оригинальное объяснение механизму ее возникновения. Он определенным образом связывал развитие воспаления и болевого синдрома с нарушением местного кровообращения. Возникновение очага болезни в конкретной части тела Эрасистрат объяснял механическим выдавливанием избыточной массы крови из венозного русла на уровне мелких сосудов. Оно могло происходить, например, под влиянием травмы или какого-либо местного воздействия. Соответственно, разлитие избыточного объема крови в ткани части тела на уровне микрососудистого русла и приводило, по мысли Эрасистрата, к развитию плеторы и воспаления. Это блестящее объяснение развития посттравматического отека – от банального синяка до серьезного повреждения конечности. Более того, историк медицины может увидеть в этом истоки гипотезы о существовании микроциркуляторного русла, ставшего в наши дни разделом анатомической науки. Но с помощью этого механизма невозможно объяснить явление болезни в целом. Создается впечатление некоей фрагментарности интересов Эрасистрата. Какие-то клинические ситуации или анатомия конкретных органов его явно интересовали, и он ими серьезно занимался. При этом из его поля зрения как будто выпадали универсальные категории общей патологии и понимание целостности человеческого организма в норме и патологии. Идея о механическом проникновении крови в ткань на уровне микрососудов (т. е. невидимых мельчайших каналов) очень похожа на позднее высказанные

идеи Асклепиада и его учеников о трех механизмах развития болезни.

У Галена не вызывал возражений тезис Эрасистрата о важности роли «плеторы» в местном патологическом процессе, однако то, что александрийский врач отрицает значение внутреннего тепла, ему, безусловно, не нравится.

Эрасистрат исходил из того, что существуют разные виды эндогенной пневмы: «...Душевная пневма берет начало из головы, а жизненная пневма – из сердца»³³. При этом нет твердых оснований утверждать, что в отличие от Галена он имел определенное мнение о функциях этих видов пневмы в общей организации жизнедеятельности организма. Однако очевидно, что Эрасистрат различает виды пневмы по происхождению. Он также отрицает косскую традицию, придающую тетраде сущностей (холодное, горячее, влажное, сухое) первостепенное значение в патогенезе.

В историографии общим местом стало упоминание суждений Эрасистрата о пустоте в материальном объекте. Это подтверждает Гален: «Если что-то опустошается, то находящееся рядом заполняет оставленное пространство. Эрасистрат обычно называет это явление «замещение по мере опустошения»³⁴. В этом мнении можно узнать не только аристо-

---

³³ Гален. Об учениях Гиппократов и Платона // Сочинения. Т. III. С. 284.

³⁴ Гален. Фрагменты комментария к «Тимею» Платона // Гален. Сочинения. Т. II / Общ. ред., сост., вступ. ст. и комм. Д.А. Балалыкина. М.: Практическая медицина, 2015. С. 778.

телевскую Природу, которая «не терпит пустоты», но и атомистическую концепцию о заполнении частицами возможного объема. Ведь у Демокрита и, особенно, у Эпикура правильное представление о пустоте является важной частью теории.

Гален указывает на тот факт, что Эрасистрат, с одной стороны, выражает согласие с некоторыми общетеоретическими тезисами в духе учения перипатетиков, а с другой – в многочисленных конкретных суждениях о теории и практике медицины доходит до отрицания основополагающих суждений Аристотеля. По мнению Галена, Эрасистрат, возражая Гиппократу, опровергает многие положения, высказанные Стагиритом. Действительно, анализ цитат из произведений Эрасистрата, приводимых Галеном, показывает, что знаменитый александрийский врач отрицает доктрину внутреннего тепла, учение о горячем, холодном, сухом и влажном и многое другое. Отрицание основополагающего значения внутреннего тепла позволяет говорить о существенном несовпадении взглядов Эрасистрата не только с Гиппократом и Аристотелем, но и с Платоном. Это отрицание наглядно проявляется в объяснении желудочного пищеварения, где сугубо механический фактор (измельчение пищи под давлением мышц желудка) является для Эрасистрата приоритетным.

В теории Эрасистрата большое значение имела идея «благоприятного стечения обстоятельств». Формально он согла-

шался с идеей целесообразного, искусного творения Природой человеческого организма – именно это я и имел в виду, указывая на декларативное подтверждение Эрасистратом некоторых основополагающих доктрин перипатетиков. Однако в своих работах он заявляет, что «части тела прекрасно расположены и сформированы природой», и относит это к «благоприятному стечению обстоятельств». Эта формулировка выдает в Эрасистрате сторонника атомизма – констатируется хороший результат столкновения и агрегации атомов. Ведь этот результат мог быть неблагоприятным, если бы атомы столкнулись иначе. Именно поэтому Гален с явным недоверием относится к оценкам натурфилософских взглядов Эрасистрата как перипатетика. Восхищение природой, гармонично устроившей живое существо, вполне естественно для врача. О взглядах ученого свидетельствуют не общие рассуждения, а конкретный анализ физических явлений, и в этом Эрасистрат проявляет себя как сторонник атомизма.

Последователи Эрасистрата, врачи-методисты, также формально не отрицали идею Гиппократа о патогенезе – механизме развития болезни. Однако их учение о трех универсальных типах патогенеза, характерных для всех болезней, представляет собой фактическое отрицание этой идеи, ведь все дело в «пробках» из атомов, засоряющих поры внутри тела. Таким образом, они приходили к выводам о конечной бессмысленности анатомических и физиологических экспе-

риментов, проясняющих механизм конкретных реакций человеческого тела. Их подход к терапии выглядит исключительно симптоматическим, ведь признание существования определенного механизма воздействия препарата подразумевает понятие патогенеза. Лекарство лечит не само по себе, оно воздействует на определенное звено механизма протекания болезни.

Гален же, как истинный последователь Гиппократа, рассуждает о том, что лекарство, назначаемое врачом при определенном заболевании, должно оказывать специфическое воздействие на заболевшую часть тела (имеет «сродство») и саму болезнь.

Патогенетический подход представляется Галену единственно правильным для верного понимания идеи «сродства» в контексте представления о болезни как нарушении динамического равновесия триад жидкостей и сущностей. Так, например, хорошо подготовленный врач осознает необходимость назначить желчегонный препарат при избытке желчи, дегидратацию с целью опорожнения организма при избытке воды и т. д.

«Сродство» представляется Галену проявлением некоего универсального природного принципа. Не случайно свои суждения о медицине он иллюстрирует рассказом о свойствах магнита, притягивающего железо. Интересно, что Эпикур соглашался с очевидностью этого физического явления, но интерпретирует его в атомистическом духе. Напротив,

Асклепиад, которого историки считают основателем школы врачей-методистов, шел еще дальше, отвергая очевидное: согласно его учению, «притяжения между чем бы то ни было вообще не существует». Полагаю, что его последователи, воодушевленные еще и идеями Эрасистрата, были не менее упорны в игнорировании неудобных для них фактов. Это в значительной мере объясняет весьма агрессивный полемический настрой Галена, для которого эксперимент был неоспоримым способом проверки любой гипотезы.

О взглядах Эрасистрата на частные проблемы медицинской теории и практики

Благодаря произведениям Галена известны названия хотя бы некоторых основных трудов Эрасистрата: «О кровотечениях», «О лихорадках», «О ранах», «О заболеваниях желудка», «О подагре», «О здоровье», «О брюшной полости» и «О параличе».

В трактате «О лихорадках» Эрасистрат описал сердечные клапаны (митральный и трикуспидальный) и клапаны устья легочных артерий. Дж. Лонгригг считает, что Эрасистрат был первым, кто не просто открыл существование клапанов сердца, но и имел ясное представление об их скоординированной работе. Он хорошо понимал, что сокращение и расслабление клапанов позволяет крови выходить из соответствующего отдела сердца и не впускает ее назад. Однако знаменитый александриец также утверждал, что в левом желудочке содержится только пневма. То же самое он думал об артериях: в них, по мнению Эрасистрата, содержится только пневма, а кровь протекает лишь по венам.

Эрасистрат имел верное представление об анатомической структуре головного мозга, выделяя собственно мозг, его желудочки и мозжечок. Первоначально он учил об исхождении

нервов из *dura mater* (твердой оболочки мозга), однако в конце жизни пришел к выводу, что нервы произрастают из головного мозга.

Очень важной деталью, касающейся взглядов Эрасистрата на пневму, является его уверенность в эндогенном происхождении ее видов, регулирующих физиологические процессы в организме человека: «...душевная пневма берет начало из головы, а жизненная пневма – из сердца». Нет оснований считать Эрасистрата единомышленником Галена в отношении функции этих видов пневмы, но знаменитый александриец определенно различал виды пневмы по происхождению.

Эрасистрат утверждал, что «воздух движется по идеальному кругу и всегда возвращается одним и тем же способом в одну и ту же точку». Если считать воздух совокупностью атомов, движущихся хаотически и способных принимать любую форму движения под воздействием физических факторов, то это утверждение будет верным. Эрасистрат также оспаривал учение Платона о дыхании, предполагавшее важность «кругового толчка».

Эрасистрат, безусловно, имел опыт проведения анатомических вскрытий, носивших, в силу сложившейся картины мира, довольно избирательный характер. По отношению к стремлению врачей – последователей Гиппократов к целостному осмыслению устройства и функций человеческого организма его научный поиск носил фрагментарный характер.

Учитывая его опыт и серьезную врачебную практику, невозможно предположить, что Эрасистрат никогда не наблюдал кровотечения из артерий. Как же тогда объяснить его учение о том, что в артериях содержится лишь пневма? Дело в том, что Эрасистрат вовсе не оспаривал факт артериального кровотечения. Он исходил из того, что венозное и артериальное сосудистое русло сообщаются, имея значительное число анастомозов. Для него наличие крови в артерии означало попадание ее туда из венозного русла и было обязательным признаком патологического состояния. Основываясь на переведенных на русский язык текстах Галена, считаю возможным следующим образом представить взгляды Эрасистрата на конкретные патологические ситуации. Давление в артериях, туго заполненных пневмой, выше, они могут «раздуваться, как кузнечные мехи». При ранениях, травмах и иных подобных состояниях нарушается целостность сосудистой системы, как и целостность тканей частей тела. Соответственно, возникает переток крови из венозного русла в артериальное, что может проявляться кровотечением из артерии в случае ее повреждения. Кроме того, венозная кровь может изливаться в ткани – в этом процессе особую роль играет микрососудистое русло, о существовании которого Эрасистрат высказывался довольно уверенно. Переток крови из вен в артерии может сочетаться с излиянием ее из вен в ткани – это проявляется в значительной вариативности воспалительных процессов и местных кровотечений.

У меня возникает ощущение, что в какой-то момент (может быть, в работах не самого Эрасистрата, а кого-то из его учеников) невидимые микрососуды стали ассоциировать с каналами (или порами), по которым перемещаются атомы. Кому-то из читателей это предположение может показаться слишком смелым, однако следует признать удивительную комплиментарность рассуждений Эрасистрата и позднейшего учения врачей-методистов о засорении пор пробками из атомов, вследствие чего ткани приобретают патологическую рыхлость.

Знаменитый александрийский врач – последователь Хрисиппа Книдского. Высказывания Эрасистрата об этой преемственности, приводимые Галеном, позволяют мне утверждать наличие достаточно целостной и последовательной традиции, берущей начало в трудах Хрисиппа Книдского и продолжающейся вплоть до современных Галену врачей-методистов. Она существовала в античной медицине параллельно с гиппократовской и, безусловно, находилась в конкурентных отношениях с последней – слишком разными были основополагающие подходы каждой из этих школ к фундаментальным проблемам методов познания и понимания функций живых тел.

Одним из основных терапевтических методов Эрасистрата, применявшихся в том числе и при лечении острых заболеваний, было наложение давящих повязок (например, в области подмышек и в паху). Гален приводит рассуждения

Эрасистрата: «Перевязки под мышками и в паху надо делать не так, как делают некоторые люди, копирующие действия врачей, но не понимающие, что они делают это ради крови, а просто сильно сжимающими конечности повязками. Ведь в перетянутых частях тела задерживается значительное количество крови, подтверждение чему можно наблюдать при растяжении и вскрытии вен, ведь кровь течет значительно обильнее, если часть тела, на которой производится вскрытие вены, перевязана. Если же пациент страдает кровохарканьем или кровавой рвотой, большое количество крови можно задержать в голенях и предплечьях посредством перевязки. В результате, когда кровь оттекает из области груди, кровотечение становится значительно слабее. То же самое пытаются сделать те, кто при кровавой рвоте и кровохарканье рекомендует вскрытие вен. Но гораздо лучше рекомендации Хрисиппа...»³⁵

Здесь же Гален передает слова Эрасистрата о Хрисиппе Книдском, также не считавшем венотомию методом выбора: «Хрисипп же, перераспределяя питание между частями тела так, что оно у него уже готово и не должно поступать извне, делает это умно, достойно всяческой похвалы и последовательно»³⁶.

Аргументация, как видно, из арсенала апологетики натурфилософии атомизма: вещество «разгоняется» по организму

---

³⁵ Гален. О вскрытии вен, против Эрасистрата, 1, 148 К.

³⁶ Там же, 149 К.

равномерно. Разумеется, у меня нет подтвержденных источниками прямых указаний на то, что Хрисипп был, например, учеником Левкиппа (надо помнить, что нам известны лишь приблизительные годы жизни многих известных ученых Античности). Хрисипп вполне мог рассуждать, основываясь на профессиональном опыте, и не связывать свои взгляды с философией атомизма. Судя по всему, и Эрасистрат не считал свои философские симпатии атомистическими (его репутация как перипатетика возникла не случайно). Известно, что первым врачом, осознанно заявившим о себе как приверженце атомистической натурфилософии, был Асклепиад.

Гален для поколений историков науки тоже был «философом-эkleктиком», причем это именование имело выраженную негативную коннотацию. Однако наличие в его трудах элементов учений разных философских школ не отменяет того, что подавляющее большинство его доктринальных суждений о теории и практике медицины сформировано под влиянием идей Платона и Аристотеля³⁷.

Невозможно представить, чтобы врач эпохи Античности, много занимающийся практической клинической работой, постоянно задумывался о классификации своих натурфилософских взглядов и строго соотносил их с тем или иным школьным учением своего времени. Полагаю, что ни Гален,

---

³⁷ Думается, лучше говорить не об эkleктике (это понятие имеет некое негативное значение), а о продуманном сочетании элементов разных теорий, отвечающих собственным взглядам Галена и работающих на его видение естествознания и медицины в целом.

ни Эрасистрат не планировали написать труд, в котором бы классифицировали свои взгляды и мысли. И в наши дни любой крупный ученый-клиницист будет весьма удивлен, если ему предложат описать свой «тип рациональности» или свою «картину мира», например, в монографии по философии науки. Мой совет современным ученым, «все знающим» о том, что думали знаменитые врачи прошлого: предложите подобную задачу кому-либо из современных онкологов или кардиохирургов... Разумеется, я не оспариваю важность этих категорий, а только пытаюсь объяснить, как их следует учитывать при анализе исторической перспективы. Мне неоднократно приходилось спорить с известными историками, считающими вопрос о философских взглядах врачей Античности второстепенным. Напротив, я полагаю его первичным, а взгляд врача на проблемы практики – производным. Но как формулируется это производное? Подобно современной образовательной системе, во времена Эрасистрата и Галена существовали определенная этапность и преемственность образования. Молодой человек вначале учился читать, изучал риторику и философию, что подразумевало получение неких общих представлений об окружающем мире. Происходило это в частной школе, возглавляемой философом, или дома под руководством учителя, опять-таки философа. Узкое профессиональное образование (врач, архитектор, астроном и т. д.) молодой человек получал позднее, также под руководством конкретного наставника, выбирая

которого, он исходил из ранее полученного базового образования. Логичным представляется, что юноше, чьи взгляды на мир сформировались в школе, которой руководил философ-платоник, импонировали рассуждения врача – последователя Гиппократов. Представитель каждой медицинской школы учил по-своему, имея отличающийся от представителей других школ взгляд на методы лечения.

Важно понимать, что наилучшим образом методы лечения, по Эрасистрату, воспринимались тем ученым, картина мира которого до поступления в ученики к врачу формировалась в школе, возглавляемой философом-атомистом. Иными словами, осмысленно или инстинктивно практика Хрисиппа и Эрасистрата принимает форму, комплиментарную натурфилософии атомизма: давящие повязки под мышками и в паху представляются Хрисиппу наилучшим способом равномерного распределения веществ внутри тканей, и Эрасистрату – методом задержания крови, «отливающей» из больных органов.

Вторым, после повязок, методом лечения в системе Эрасистрата является диета. Но это не диететика по Гиппократу, главная цель которой – очистить организм, чтобы добиться возвращения оптимального равновесия первоэлементов, сущностей и жидкостей. По мнению Эрасистрата, развитие воспаления, лежащее в основе возникновения многих болезней, имеет внутреннюю причину в виде избытка питательных веществ, поэтому в начале болезни и при появлении

воспалений «необходимо прекратить давать больному пищу». Пища, поступающая в организм, превращается в кровь, так что «сосуды наполнятся пищей и воспаление станет еще более сильным» (это уже апология атомизма). Пищу и ткани человеческого организма Эрасистрат понимает как совокупность перемешивающихся субстанций, которые свободно перемещаются внутри тела.

Гален справедливо указывает на то, что безупречные с точки зрения формальной логики рассуждения Эрасистрата являются логической ловушкой, ведь пациент, организм которого поражен серьезным воспалением, слабеет во время болезни, а голодание, предписанное в качестве лечебного средства врачом-методистом, еще больше истощает силы больного. Описывая многочисленные дискуссии с врачами-методистами, Гален показывает, сколь печальным для пациента становился итог подобных «лечебных голоданий».

Третий, после давящих повязок и лечебного голодания, терапевтический инструмент в системе Эрасистрата – «тонкая диета». Различение «тонкой диеты» и опорожняющего организм полного отказа от пищи – не изобретение критиков Эрасистрата, искажающих при пересказе суждения оппонента. Эрасистрат сам четко разделяет эти лечебные способы. Вновь обращаю внимание на натурфилософскую основу подхода Эрасистрата: речь идет именно о количественном дозировании массы поступающих в организм атомов с тем, чтобы их выходило из организма больше, чем поступает. Диете-

тика по Гиппократу и Галену состоит совсем в другом: следует аккуратно подбирать пищевые продукты в рамках двух доктринальных положений их учения – стабилизации равновесия трех тетрад, определяющих гомеостаз, и реализации принципа «лечи противоположное противоположным», когда осознание причин заболевания в конкретной части тела позволяет врачу использовать различные пищевые продукты как лекарственное средство. Яркий пример подобного предписания – слаблящая либо закрепляющая диета при различных функциональных типах расстройства пищеварения.

Конечно, не следует представлять себе врачебную карьеру Эрасистрата как некую цепь ошибок и заблуждений. Не будем также преуменьшать значение его анатомических открытий: когда я говорю о фрагментарности его исследований, речь идет о взаимосвязи натурфилософских убеждений и научной практики знаменитого александрийца. Ведь даже сознательное отрицание значения анатомических вскрытий отнюдь не означало неудачной медицинской карьеры. Вспомним отцов-основателей школы врачей-эмпириков – Филина Косского и Серапиона Александрийского. Здесь самое время, подобно Диогену Лаэртскому, заметить: они вполне могли слушать лекции Эрасистрата. Это предположение вполне исторично: сложнее представить себе, что они никогда не слышали о нем. Их сознательный отказ от использования опыта анатомических вскрытий обусловлен простой причиной – скудостью арсенала терапевтических средств ме-

дицины того времени. Вполне могло получаться так, что отрицавший пользу вскрытий опытный врач-практик лучше использовал имевшиеся в его распоряжении средства, чем прекрасно теоретически подготовленный слушатель школы Герофила. Точно так же, столетиями позже, диета и воздействие на образ жизни пациента составляли значительную часть лечебных назначений и врача-методиста, и убежденного гиппократика.

Эрасистрат, безусловно, являлся талантливым врачом, и его репутация была вполне заслуженной. Не буду приводить широко известные примеры успехов знаменитого александрийца, упомяну лишь один из сочинения Эрасистрата, за который его хвалит Гален: наблюдая пациентов, больных холерой, Эрасистрат назначал им обильное питье с добавлением вина. Он действовал правильно с позиций современной медицины: для таких пациентов дегидратация является грозной опасностью, а вино играет роль антисептической компоненты.

Впрочем, не все пациенты легко переносили болезнь, и их можно было вылечить только с помощью диеты. Также не все больные были безнадежны (так, чтобы выздоровление хотя бы немногих прославило их лечащего врача). В то время, как и в наши дни, люди страдали и тяжелыми заболеваниями, когда знание этиологии и патогенеза приводило к возможным, но весьма спорным решениям, способным спасти пациенту жизнь. Одним из них была операция кровопус-

кания (в подавляющем большинстве случаев – венотомия), которая помогала при ряде критических состояний (например, при апоплексии). Не только выполнение такого вмешательства, но и само понимание его необходимости требовало фундаментальных знаний. Именно отношение к кровопусканию стало предметом непримиримого конфликта между Галеном и последователями Эрасистрата.

Отношение к венотомии как свидетельство противоречий во взглядах Эрасистрата и гиппократиков-рационалистов

Гален достаточно аргументированно доказывает, что Эрасистрат, вслед за Хрисиппом Книдским, отрицал возможности кровопускания и совершенно сознательно настаивал на том, чтобы эта операция не применялась в медицинской практике. Разумеется, Эрасистрат не мог не знать о соображениях тех врачей, которые этот метод успешно применяли (Гиппократ, Диокл, Еврифонт и др.), – знал, но отвергал принципиально, считая, что в соответствующих клинических ситуациях следует применять давящие повязки и лечебное голодание.

Судя по всему, отрицание венотомии ко времени Галена уже несколько скомпрометировало себя. Последователи Эрасистрата, врачи-методисты II в., утверждали, что их великий учитель хорошо знал метод венотомии, владел им, но видел его неоспоримые недостатки и поэтому не рекомендовал его использовать. В пылу полемики со своими оппонентами Гален активно цитирует работы Эрасистрата, успешно доказывая, что знаменитый александриец венотомией не владел и не применял ее принципиально. Благодаря полеми-

ческому задору Галена в виде цитат сохранился ряд фрагментов из утраченных произведений Эрасистрата.

Гален утверждает: «На деле Эрасистрат настолько далек от признания пользы вскрытия вен, что он ничего не говорит о том, надо им пользоваться или все же не стоит, да и вообще не решается изложить свое мнение о нем, если не считать, как я уже говорил, единственного упоминания при описании лечения одной болезни. Однако его молчание выдает его главную мысль: он не обошел бы молчанием метод, который одобряет. Не мог же он считать, что даже незначительные методы лечения нуждаются в его описании, а такой важный любой желающий может узнать сам и без его помощи»³⁸.

Подчеркивая, что негативное отношение к венотомии Эрасистрат перенял у Хрисиппа Книдского, великий римский врач не объясняет в деталях точку зрения Хрисиппа, мнение которого могло меняться со временем, так как в описании Галена разные ученики Хрисиппа «расходятся между собой» (Гален не называет их имен, упоминаются лишь Хрисипп и Эрасистрат).

В некоторых, очень важных медицинских вопросах Гален соглашается с Эрасистратом. Основой множества заболеваний, по их общему мнению, является воспаление. Основной фактор, обуславливающий воспалительный процесс, – реакция сосудов. Великий римский врач разделяет суждение

---

³⁸ Гален. О вскрытии вен, против Эрасистрата, 1, 150 К.

Эрасистрата, что воспаление может осложняться кровотечением, а при кровотечении возникает воспаление. Эрасистрат видит причину в перетекании крови в артерии вследствие повреждений обоих видов сосудов (не следует забывать, что для него в норме есть только один вид крови – венозная). Переток крови в вены, согласно взглядам Эрасистрата, – явление патологическое, вызывающее дополнительный проблемный фактор в виде давления пневмы (в норме содержащейся в артериях) на кровь (попавшую в артерии из венозного русла в результате повреждения). Следствием этого является возникновение местной плеторы, локальное переполнение части тела кровью, ее застой и воспаление. Гален, понимая, что кровь содержится и в артериях, и в венах, принимает тезис Эрасистрата о локальном переполнении, застое и воспалении (несмотря на разницу теоретических взглядов, практические, локальные тканевые последствия они видят одинаково).

По мнению Эрасистрата, употребление пищи во время болезни может усиливать воспалительный процесс. Я уже обращал внимание читателя на этот сугубо атомистический элемент рассуждений Эрасистрата: пища для него – некая сумма атомов, такой же комбинацией атомов является и тело пациента. Если вещества в каком-либо месте в избытке (воспаление однозначно трактуется как «плюс-процесс»), то, следуя логике философа-атомиста, надо ограничить его поступление в организм.

Вот суждение Эрасистрата, которое цитирует Гален (он указывает, что это отрывок из третьей книги трактата «О лихорадках»): «При начале болезней и возникновении воспалений необходимо прекратить давать больному пищу, поскольку воспаление происходит из-за избытка питательных веществ. Если в такой момент больной дополнительно получит пищу, она в результате процесса пищеварения окажет соответствующее воздействие на тело, так что сосуды наполнятся пищей, и воспаление станет еще более сильным»³⁹.

Гален квалифицирует состояние организма пациента с тяжелым воспалительным процессом так же, как «переполнение». Однако под «переполнением» Эрасистрат и его последователи, с одной стороны, а Гален – с другой, понимали разные вещи. «Переполнение» организма некоей общей массой вещества, с точки зрения Эрасистрата, требовало ограничить поступление этого вещества, т. е. принять такие меры, как лечебное голодание. В атомистической картине мира человеческое тело уподобляется сосуду, наполненному, недонаполненному или переполненному некоей массой атомов. Для врача-гиппократика не существует механического переполнения тела абстрактным «избытком питательных веществ». В состав пищи входят определенные смеси первоэлементов и жидкостей, она может быть влажной или сухой. Кроме того, употребление определенных видов пищи сочетается с выработкой различных эндогенных жидкостей, сти-

---

³⁹ Гален. О вскрытии вен, против Эрасистрата, 3, 155 К.

мулирующих определенные реакции организма, характеризующиеся в категориях сущностей, и т. д. В результате переполнение, например, желчью может сопровождаться недостатком воды – иными словами, заболевание одной части тела, сопровождающееся ее переполнением, может сочетаться с повышением потребности другой части тела в своем «строительном материале». Врачи-рационалисты осознавали важность качественного анализа переполнения, в то время как для Эрасистрата и его последователей первостепенное значение имела лишь количественная оценка.

Гален, обосновывая метод венотомии, напоминает об основах доктрины Гиппократов: «Кто же не знает, что противоположное лечится противоположным? Ведь это не только мысль Гиппократов – так думают все люди. Но мне кажется, что тебя⁴⁰ тщеславное стремление полемизировать с Гиппократом сделало безумнее всех прочих живых существ. Ведь все они, руководствуясь природой, каждый день лечат голод пищей, переполнение – опустошением, переохлаждение – теплом, а жар – охлаждением. Чем же иным является пища, если не возмещением какого-либо недостатка в организме? Что есть выделение экскрементов, как не удаление излишка вещества из прямой кишки? Что есть мочеиспускание, как не естественное лечение переполнения мочевого пузыря?»⁴¹

Соответственно, и венотомия в системе Галена имеет

---

⁴⁰ Здесь имеется в виду Эрасистрат.

⁴¹ Гален. О вскрытии вен, против Эрасистрата, 6, 167 К.

четкое патогенетическое обоснование. Существуют болезни, когда именно переполнение кровью определяет тяжесть состояния пациента: «Иногда же избыток крови, еще не начав гнить, притекает к той или иной части тела и либо полностью убивает ее, лишая возможности нормально функционировать, либо наносит ей существенный вред. Ведь именно таким образом, то есть вследствие притока большого количества крови к управляющему началу живого существа, развиваются апоплексии»⁴². По мнению Галена, избыток патологически измененной крови может приводить к другим заболеваниям в зависимости от того, какая именно кровь воздействует на конкретный орган. Например, чрезмерная примесь желчи может вызвать образование опухоли: «Если кровь бывает более плотная или содержит большее количество черной желчи, опухоль получается жесткой, если кровь содержит много флегмы, опухоль получается мягкой, а если она содержит много желчи, образуется рожистое воспаление»⁴³.

Гален следующим образом обосновывает выполнение кровопускания: увеличенный объем (патологическое количество) измененной крови воздействует на ту или иную часть тела, вызывая тяжелую болезнь. Необходимым условием излечения в данном случае является снятие этого патогенного воздействия – иными словами, речь идет о воздействии на патогенез.

---

⁴² Гален. О лечении кровопусканием, 5, 265 К.

⁴³ Там же.

Гален четко определяет моменты, которые следует учитывать врачу, решающемуся на венотомию: физическое и психологическое состояние пациента, режим питья и питания, степень его физических нагрузок и т. д. Интересно, что в учении Галена о кровопускании внешним факторам, воздействующим на пациента, уделяется не меньшее внимание, чем состоянию самого больного. Так, например, во влиянии климата, температуры воздуха, влажности и др. врач-гиппократик видит этиологический фактор. Он твердо знает, что условия окружающей среды способны повлиять на баланс жидкостей и сушностей. Показанием к венотомии Гален считает состояние переполнения, достигающее критического воздействия на части тела, т. е. операция очень часто носит срочный либо экстренный характер, поэтому она весьма опасна и способна не только спасти пациента, но и причинить ему вред. Он приводит пример, когда у больного, «имеющего прохладную природу», венотомия вызвала озноб. При проведении операции в холодное зимнее время года врач рискует тем, что у больного произойдет «страшное охлаждение тела». В таком случае необходимо воздержаться от выполнения венотомии и применять обычные методы – притирания, мази, питье.

Интересной темой является плановое применение венотомии при хронических заболеваниях, когда состояние пациента ухудшается. Например, Гален напоминает, что пациенты, страдающие приступами эпилепсии, апоплексии, плев-

ритами, кровохарканьем, пневмониями или заболеваниями легких, сопровождающимися периодическими приступами удушья, лучше всего чувствуют себя весной. По его мнению, венотомии им надлежит выполнять в начале весны, выбирая для реабилитации то время, когда пациент более всего компенсирован.

Гален напоминает о существовании четырех природных функций: привлекающей, удерживающей, выделительной и изменяющей. Большая или меньшая их выраженность может означать предрасположенность к тем или иным состояниям. В контексте обсуждения клинических аспектов применения кровопускания в первую очередь имеет значение предрасположенность к развитию переполнения, т. е. патологической абсорбции жидкости. По мнению Галена, это определяется изменяющей функцией. Здесь наиболее уязвимыми он считает железы, затем селезенку и мозг: «Мозг же принимает избыток жидкости так же, как эти органы, или даже с большей готовностью. Но он устроен лучше них в том отношении, что с легкостью выделяет то, что принял. Ведь у него есть большие желудочки, жидкость из которых выводится ведущими вниз каналами. У тех людей, у которых по природе их легкие, селезенка и мозг сильнее мясистых частей тела, поток лишней жидкости направится в железы и плоть, что приведет к общему ослаблению тела, которое бывает при ревматических состояниях»⁴⁴.

---

⁴⁴ Гален. О лечении кровопусканием, 8, 275–276 К.

Гален отмечает, что состояние переполнения само по себе не является показанием для выполнения кровопускания. Операцию следует назначать, когда существует опасность отрицательной динамики состояния пациента непосредственно в разгар болезни. Представим себе клиническую картину развития геморрагического инсульта (на языке медицины Галена – апоплексии). Врач, наблюдая пациента, понимает, что давление избыточного объема крови на головной мозг нарастает и приближается момент, когда возникнут симптомы необратимого поражения головного мозга. Тогда он может прибегнуть к венотомии, вызвав немедленное снижение давления избыточного объема крови на головной мозг. Это даст больному шанс избежать самого страшного исхода, не допустив достижения заболеванием его пика, когда неврологические последствия станут необратимыми.

Гален напоминает об искусстве прогностики и необходимости индивидуального подхода в каждом клиническом случае: «Если будет казаться, что болезнь собирается быть тяжелой, то в любом случае следует делать кровопускание, даже при отсутствии признаков переполнения; однако при этом следует учитывать возраст больного, характер местности и степень ослабленности организма больного»⁴⁵.

В качестве основного прогностического момента Гален выделяет оценку врачом компенсаторных возможностей организма и, соответственно, образ жизни пациента. Интерес-

---

⁴⁵ Гален. О лечении кровопусканием, 9, 277 К.

но, что он делает оговорку относительно детей и пожилых людей (последних он однозначно относит к группе риска: им, за исключением, возможно, единичных случаев, венотомия противопоказана). В медицине того времени существовала тенденция считать детский возраст таким же априорным противопоказанием к венотомии, как и пожилой. Гален думает иначе, указывая на то, что ресурс выздоровления у растущего организма больше. По его мнению, венотомию детям в принципе делать можно, надо лишь соблюдать гиппократовский принцип индивидуального подхода к выбору метода лечения пациента: возраст не является для Галена абсолютным показанием или противопоказанием.

Пациент, находящийся во цвете лет, может быть весьма ослаблен вследствие как неумеренного образа жизни, так и развития тяжелого клинического состояния. Тогда, даже при очевидном для врача переполнении и даже критическом скоплении непереваренных соков, выполнение кровопускания может быть противопоказано: «Признаком того, что они [*такие пациенты*. – Д.Б.] могут не перенести кровопускания, является потеря их телами естественного цвета, который указывает на полнокровие, при этом пульс их отклоняется от нормы по силе и частоте, причем преобладают слабые, едва различимые удары пульса»⁴⁶.

Для решения относительно проведения операции врачу важны два фактора – тяжесть болезни и запас сил пациен-

---

⁴⁶ Гален. О лечении кровопусканием, 9, 279 К.

та: «Тяжесть болезни, наряду с силами организма, является одним из первых таких критериев, причем тяжесть указывает на то, что нужно делать, а силы – на то, что нет ничего, что препятствовало бы применению этого средства, того, что некоторые из современных врачей называют противопоказаниями»⁴⁷.

Гален сравнивает положение врача при принятии решения о венотомии и возникновении проблем, связанных с применением обычных лекарственных средств, имея в виду степень контроля врача над последствиями принимаемых решений.

Легко дозировать количество лекарства, принимаемого *per os* в виде жидкого раствора, или мази, накладываемой на повязку. Однако как контролировать количество крови, свободно изливающейся из рассеченной вены? Гален описывает случаи (без сомнения, их было немало, и они были широко известны), когда в результате массивной кровопотери пациент погибал.

Во-первых, кровопускание нужно, по возможности, производить постепенно, порционно, в идеале – поэтапно: «... Лучше всего, если нет никакой срочности, сделать первое удаление крови не очень большим, а затем изъять еще кровь дополнительно; при желании можно сделать и три подхода. При состояниях, которые требуют большого изъятия крови, но сопряжены с упадком сил больного, нужно распределять

---

⁴⁷ Там же, 13, 289 К.

объем выпускаемой крови; ты мог наблюдать, как я это делал с больными, страдающими скоплением непереваренных соков. Удалив же немного крови, я немедленно даю больному хорошо вываренного медового напитка вместе с каким-нибудь разжижающим средством, или иссопом, или душицей, или даже мятой, или блоховником; можно также дать смесь меда и воды, смесь уксуса и меда или сладкий уксус. Затем я делаю еще одно кровопускание – иногда в тот же день, иногда на следующий. Затем снова даю что-нибудь из перечисленных средств и снова делаю кровопускание, и на третий день повторяю все это дважды. Когда же имеется избыток кипящей крови, сопряженный с острой лихорадкой, надо удалить большое количество крови. Следует пытаться удалять кровь до потери сознания, учитывая, однако, силы больного. Я знаю случаи, когда больным в таком состоянии удаляли шесть котил крови на второй, третий или четвертый день болезни. Иногда же это делалось и в первый день, если лихорадка начиналась в начале или в середине ночи, после того как съеденное накануне было хорошо переварено»⁴⁸.

Индикатором того, что критический объем крови уже выпущен, Гален считает потерю сознания пациентом. Он приводит конкретные наблюдения, когда больной терял сознание, впадал в состояние озноба (в противоположность предшествующей лихорадке) и, отдохнув, выздоравливал. При выполнении кровопускания нужно постоянно контролиро-

---

⁴⁸ Гален. О лечении кровопусканием, 12, 286–287 К.

вать пульс пациента – иначе можно пропустить момент, когда кровопускание становится опасным. «Сильный и ровный» пульс – хороший прогностический признак при принятии решения о кровопускании. Во время вмешательства необходимо внимательно следить за пульсом пациента, так как контроль пульса – это мониторинг состояния больного: «...Как только ты заметил, что сила пульса изменилась или он стал неровным, следует немедленно прекратить процедуру. Стоит ли говорить о том, как поступать, если пульс стал неразличимым? Ты уже должен понимать, что в этом качестве пульса содержится вернейшее средство различить наличие или отсутствие сил в организме»⁴⁹.

Количество удаляемой крови Гален советует соизмерять с двумя критериями – природой больного и климатическими условиями, в которых он находится в момент вмешательства. Кроме того, если климат жаркий, а смешение жидкостей, определяющее конституцию пациента, – «горячее и влажное», пациенту необходимо дополнительное питание. Кровопускание в таких случаях может быть весьма обильным. Напротив, у «людей бледных с рыхлой плотью» в холодное время года оно должно быть очень умеренным. Гален подчеркивает необходимость индивидуального подхода и в оценке адекватного объема кровопускания: «Я не могу дать однозначных письменных рекомендаций относительно предельного количества изливаемой крови в каждом слу-

---

⁴⁹ Гален. О лечении кровопусканием, 14, 292 К.

чае. Я знаю случаи, когда у больных изливалось шесть литров⁵⁰ крови и лихорадка у них немедленно прекращалась без всякого вреда для их сил, но помню также и случаи, когда полутора литров было достаточно, чтобы больной испытал небольшой упадок сил, а удаление двух литров привело бы к тяжкому вреду. Я помню случаи, когда приносило пользу изъятие одного литра, или даже меньшего объема, из локтевой, бедренной или коленной вены, а иногда и из вены у большого кантуса глаза и под языком. Из этих вен не бывает сильного течения крови, так же как и из вен на ногах и кончиках пальцев рук. Некоторые считают, что можно вылечить селезенку, вскрыв вену у второго из маленьких пальцев...»⁵¹

От врача требуется соотносить топографию заболевшей части тела с локализацией вены, которую можно вскрыть с наибольшей эффективностью. Гален напоминает о том, что не всегда удается использовать оптимальный вариант – могут возникнуть технические сложности (каждый пациент имеет свои анатомические особенности: не у всех вены крупные и легкодоступные). Тогда следует вскрывать ту вену, которая технически доступна и непосредственно связана с оптимальным, но недоступным технически вариантом.

Гален дает общий ориентир, чтобы выбрать наиболее удачное место для проведения кровопускания: крупная вена должна быть расположена ниже заболевшей части тела. Ко-

---

⁵⁰ Здесь имеется в виду римский литр, который равен трети современного.

⁵¹ Гален. О лечении кровопусканием, 14, 294–295 К.

гда речь идет о заболеваниях глаз, горла, апоплексическом приступе и т. д., он рекомендует вскрывать локтевую вену или ее притоки, в зависимости от размера и возможностей доступа. Кровопускание, необходимость которого определяется патологией органов, расположенных в тазовой области, следует выполнять, рассекая сосуды на бедрах и лодыжках. Особый вопрос – заболевания почек, которые Гален подразделяет на «собственно нефрит» и другие, связанные с переполнением или ранее перенесенным воспалением. В первом случае он считает возможным делать кровопускание в области локтя, во втором – из сосудов нижних конечностей. При заболеваниях матки, по его мнению, эффективны кровопускания из берцовых вен, особенно выполняемые постепенно, порционно в течение трех-четырех дней, желательно в сочетании с диетой для похудения и приемом специальных лекарств.

Гален постоянно подчеркивает, что врач лишь помогает природе, поэтому следует учитывать ресурс сил пациента и те условия (в первую очередь климатические), в которых он находится. Отсюда – советы применять кровопускание, сообразуясь с факторами, способствующими экономии сил больного и его выздоровлению: выполнять операцию утром, дав пациенту возможность выспаться, дозировать объем выпускаемой крови, не забывать назначить дополнительное питание, восстановительные прогулки и т. д.⁵²

---

⁵² См., например, трактат Галена «О лечении кровопусканием» (21, 311 К).

У Галена имелось системное и вполне соизмеримое с современной медициной учение о кровопускании как патогенетически обоснованном вмешательстве. Он постоянно подчеркивает, что лишь развивает идеи Гиппократата. Вместе с тем из его сочинений следует, что многие врачи – последователи Гиппократата применяли венотомию, следовательно, многими поколениями накапливался критический опыт использования этого метода. Об этом историки XXI века уже никогда не узнают: остается лишь строить предположения, в какой мере Гален обобщает опыт своих предшественников (например, Марина), что именно открыл сам Гален, а какие моменты его учения о кровопускании являются синтезом опыта других продолжателей традиции Гиппократата. В силу этого Гален остается персонализированным историческим бенефициаром всего ранее накопленного опыта.

Таким образом, венотомия и кровопускание явились предметом ожесточенного спора между представителями разных медицинских школ. Такое сложное, рискованное, но чрезвычайно эффективное в умелых руках вмешательство было сознательно отвергнуто врачами-методистами, последователями Эрасистрата, и служило глубоко осмысленным и натурфилософски обоснованным лечебным методом в практике Галена и других врачей-гиппократиков.

Несколько лет назад, еще в самом начале работы по изданию на русском языке сочинений Галена я высказал следующую гипотезу. На протяжении семисот лет (от Алкмеона до Галена) античная медицина не представляла собой единой научной и практической дисциплины. Медицинские школы, существовавшие в то время, настолько по-разному представляли себе устройство и принципы функционирования человеческого тела, что вряд ли можно говорить о некоей единой науке или области профессиональной деятельности (в отличие от математики или астрономии). Историю различных медицинских школ схематично я представил в виде «древа эволюции», «ствол» которого, ведущий к медицинским направлениям и специальностям (т. е. последствиям научных революций XVII в.), формировали только гиппократики-рационалисты. Врачи-методисты и врачи-эмпирики в рамках этого умозрительного древа являются «слепыми отростками», не имеющими продолжения. При этом я (по мнению многих «доброжелателей», нахально и безосновательно) отказался от доминировавшего в историографии взгляда на развитие античной медицины, уравнивавшего значение различных школ в ее истории. Для иллюстрации «древа эволюции» мною была предложена условная персонифицированная ось преемственности и развития знания: Алкмеон – Гип-

пократ – Герофил – Гален.

Значительное число источников подтверждает мою гипотезу. Переведенные на русский язык работы Галена, вошедшие в данный том, позволяют четче представить мою концепцию развития медицины применительно к выдающемуся явлению античной истории – медицине в Александрии III в. до Р.Х. Становится ясно, что единой в теоретическом и практическом плане медицинской школы в столице Птолемеев не существовало. Взгляды Герофила и Эрасистрата существенно различались, и эти различия в дальнейшем стали основой развития разных медицинских школ.

Герофил – последователь Платона, Аристотеля и Гипократа. Его картина мира основана на совокупности натурфилософских идей, исходя из которых анатомические вскрытия являются источником достоверной информации об устройстве человеческого тела. Герофила, безусловно, справедливо можно называть «основателем анатомической науки». Вскрытиями он занимался системно и целенаправленно, исходя из возможности экстраполировать полученные в ходе вскрытий и опытов данные на клиническую практику.

Эрасистрат (об этом свидетельствуют сочинения Галена) занимался анатомо-физиологическими опытами, однако его утверждения довольно часто носили спорный характер: к реальной экспериментальной проверке своих гипотез он либо приступал позднее, либо вовсе не приступал. Те же его

исследования, в которых содержится важная информация о принципах устройства человеческого организма, производят впечатление фрагментарных. Его последовательное оппонирование гиппократовой традиции становится очевидным при знакомстве с его взглядами на болезни и принципы их лечения. Считаю доказанным, что они сформировались под влиянием натурфилософии атомизма.

Наследие Эрасистрата имело определяющее значение для формирования доктринальных положений школы врачей-методистов. Талант этого замечательного врача непосредственно способствовал возникновению школы врачей-эмпириков и определил впоследствии непримиримое противостояние врачей-методистов и сторонников медицины Гиппократов. Вообще, формирование антигиппократовской линии в медицине II–I вв. до Р.Х. происходило под сильным влиянием идей Эрасистрата.

Важным элементом терапевтического арсенала врача-гиппократика, картина мира которого формируется в рамках платоновско-аристотелевской натурфилософии, была операция кровопускания, которая осмысливалась как патогенетически обоснованная. Многие врачи-методисты, современные Галену, кровопускание категорически отвергали. Считаю возможным утверждать, что в этом отрицании проявляется преемственность традиции Эрасистрата. Кроме того, в рамках атомистической картины мира кровопусканию не было разумного обоснования. Таким образом, мы видим,

что в отношении к кровопусканию раскрывается системный характер противоречий между клинической практикой врачей-рационалистов и последователей Эрасистрата.

Безусловно, методистская доктрина формировалась не только под влиянием идей Эрасистрата: Асклепиад, Темисон и Фессал были достаточно независимо мыслящими людьми. Публикуемая в данном томе работа Галена «Опровержение возражений, выдвинутых Юлианом против афоризмов Гиппократата» предоставляет данные, позволяющие составить более полное представление об учении врачей-методистов, в том числе о противоречиях во взглядах виднейших представителей этой школы.

Гален приводит суждение Фессала, утверждавшего, что «избыток жидкостей есть общая причина болезней». Оно более радикально, чем мнение Асклепиада, основателя методизма, который считал, что избыток жидкостей «ни в коей мере не является общей причиной» болезней, хотя и относится к числу патогенных факторов.

Гален упоминает еще об одном важном положении учения врачей-методистов – так называемом знаменитом тезисе Асклепиада, который будто бы полагал, что очищающие средства, рекомендуемые врачами-гиппократиками, не избавляют от соответствующих жидкостей, а, наоборот, оказывают противоположное воздействие.

Гален утверждает, что этого мнения придерживался и Фессал, и приводит объемную цитату из его сочинения. Ес-

ли верить великому римскому врачу, трактат Юлиана свидетельствует о том, что современные Галену методисты разделяли точку зрения своих знаменитых предшественников. Остановлюсь на примере, который приводит Фессал. Классик методизма утверждает, что если совершенно здоровому молодому человеку, отлично сложенному профессиональному атлету, дать желчегонное средство, то в результате выделится желчь, которая образуется («превратится») из желчегонного препарата. По мнению Фессала, лекарство, изгоняющее желчь, попав в организм здорового человека, превращается именно в желчь. В нормальном состоянии в теле здорового человека желчи нет, поскольку она не выделяется. Если вдруг она стала выделяться, значит, появилась. Раз появилась после приема желчегонного, то значит, образовалась из него, ведь к «веществу» тела, которое было здорово, не добавлялось ничего иного. Таков ход рассуждений Фессала, и если верить Галену, то он повторяет «знаменитый тезис» Асклепиада. С позиции атомистической натурфилософии Фессал рассуждает совершенно разумно. Если в теле здорового человека атомы находятся в равновесии, то добавленное желчегонное это равновесие нарушает. Выделение желчи восстанавливает равновесие, а значит, выделенная желчь представляет собой видоизмененное желчегонное. С точки зрения врачей-гиппократиков, лечебное средство воздействует на определенную составляющую: если это желчегонное, то оно изгоняет желчь. Если здоровому чело-

веку дать лекарственный препарат, то баланс будет нарушен, что может привести к заболеванию. Логика врачей-методистов кажется абсурдной, однако приведенный мной пример – повод задуматься о том, что суждения Гиппократов или Галена, как правило, представляются разумными и понятными. Это лучшая иллюстрация соизмеримости протонаучной системы Галена (а не учений врачей-эмпириков и врачей-методистов) с современными взглядами на медицину.

Многочисленные примеры, которые читатель найдет в публикуемых в данном томе сочинениях Галена, помогут четче уяснить глубину противоречий между представителями различных школ античной медицины. Если добавить к этому удовольствие от знакомства с замечательными памятниками античной словесности, то этот том, безусловно, можно считать достойным продолжением издания сочинений великого врача и философа.

Москва – Ashburn (Virginia, USA)

Предисловие переводчика

Три из публикуемых в настоящем томе трактатов – «О вскрытии вен, против Эрасистрата», «О лечении кровопусканием» и «Опровержение возражений, выдвинутых Юлианом против афоризмов Гиппократата»⁵³ – объединены общей темой – темой кровопускания. Говоря об этой методике лечения, Гален пользуется детально разработанной терминологией, перевод которой и был одной из наших задач.

Кровопускание (φλεβοτομία, буквально – «рассечение вен») является для Галена частным случаем общего лечебного метода, называемого им κένωσις (буквально «опорожнение», или «опустошение»)⁵⁴. Мы предпочли в обоих вариантах нашего перевода сохранить этимологическую связь с прилагательным κενός, однако эти варианты перевода – из которых первый вызывает у носителя русского языка ненужные скатологические ассоциации, второй же имеет депрессивную коннотацию – не отражают всех значений греческого термина, имевшего солидную историю уже ко времени Гиппократата. Достаточно сказать, что когда врач Эриксимах,

---

⁵³ Далее этот трактат будем называть сокращенно – «Опровержение возражений...».

⁵⁴ Например: О лечении кровопусканием, 1, 251 К, 3, 255 К, 3, 258 К, 4, 259 К, 11, 283 К; О вскрытии вен, против Эрасистрата, 1, 152 К; Опровержение возражений..., 1, 248 К, 5, 265 К, 11, 283 К.

персонаж платоновского «Пира», в своей шуточной речи дает определение своему искусству, связывая его, как это задано тематикой диалога, с вожделением-эросом, он делает это с помощью понятия «опорожнение»: «Ведь врачевание – это, по сути, наука о вожделениях тела к наполнению и к опорожнению, и кто умеет различать среди этих вожделений прекрасные и дурные, тот сведущий врач, а кто добивается перемены, стремясь заменить в теле одно вожделение другим, создавая нужное вожделение там, где его нет, но где оно должно быть, и удаляя оттуда ненужное, тот – великий знаток своего дела»⁵⁵.

Заставляя своего персонажа определять медицину через опорожнение (κένωσις), Платон отсылает своего образованного читателя к гиппократовской традиции⁵⁶. В самом деле, в начале сочинения «О ветрах», постулируя основы аллопатического лечения, Гиппократ приводит опорожнение (κένωσις) в качестве одного из основных примеров такого лечения: «Переполнение в свою очередь врачует опорожнение, опорожнение (κένωσις) же – переполнение; труд врачует отдых, и, наоборот, покой – труд. Одним словом, противоположное есть лекарство для противоположного, ибо медицина есть прибавление и отнятие: отнятие всего того, что

---

⁵⁵ Платон. Пир, 186 с-d // Платон. Собрание сочинений в 4 т. Т. 2. / Общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1993. С. 91. Перевод С.К. Апта.

⁵⁶ Об отношении шуточной речи Эриксимаха к гиппократовской традиции см.: Hunter R. Plato's Symposium. Oxford, OUP, 2004. P. 186.

излишне, прибавление же недостающего. И кто это наилучше делает, тот наилучший врач, а кто наиболее удаляется от выполнения этого, тот наиболее удаляется и от искусства»⁵⁷.

Та же мысль повторяется в трактате «О природе человека»: «Сверх всего этого должно также знать, что болезни, порождаемые переполнением, излечивает опорожнение, а рождающиеся от опорожнения лечатся наполнением»⁵⁸.

Из приведенных отрывков ясно, что под «опорожнением» (κένωσις) в гиппократовской медицине имеется в виду выведение из организма жидкости, либо лишней (если речь идет о лечении болезней, порождающихся переполнением), либо, напротив, необходимой (если само по себе опорожнение вызывает болезнь). Состоянием, противоположным опорожнению, у Гиппократов является «переполнение» (πλησμονή). Гален использует в этом значении термины *πληθώρα*⁵⁹ или *πληθος*⁶⁰. Это понятие является одним из ключевых для галеновской патологии и чрезвычайно трудно для передачи на русском языке. Мы остановились на ва-

---

⁵⁷ *Гиппократ*. О ветрах, 1 // Гиппократ. Избранные книги / Редакция, вступит. ст. и примечания В.П. Карпова. М.: Медгиз, 1936. С. 264. Перевод В.И. Руднева, с изменениями.

⁵⁸ *Гиппократ*. О природе человека, 9 // Гиппократ. Избранные книги. 203. Перевод В.И. Руднева.

⁵⁹ Например, см.: О вскрытии вен, против Эрасистрата, 3, 134 К; 9, 180 К.

⁶⁰ Например, см.: О вскрытии вен, против Эрасистрата, 3, 153 К, 3, 154 К, 5, 162 К, 5, 164 К, 6, 166 К; Опровержение возражений... , 2, 253 К, 6, 272 К, 7, 282 К, 7, 285 К; О лечении кровопусканием, 3, 257 К, 4, 259 К.

риантах «избыток», «избыток жидкости» или «переполнение». Этому состоянию Гален посвятил специальное сочинение *Περὶ πλῆθους* («Об избытке»)⁶¹. Значения понятия *πλῆθος* Гален, со ссылкой на это сочинение, поясняет в трактате «О лечении кровопусканием» так: «В книге “Об избытке” было показано, что существуют два вида избытка и два значения слова «избыток»: значение, связанное с функцией, и значение, указывающее на расширение естественной полости»⁶². Перевод последнего выражения указывает, насколько трудно бывает подобрать адекватные аналоги для терминов, используемых Галеном: рассматриваемое словосочетание буквально переводится как «по наливанию». Избыток в первом значении обусловлен ослаблением выделительной функции (*δύναμις*) соответствующей части тела – в этой ситуации опасно не столько избыточное количество жидкости само по себе, сколько неспособность части тела от этого избытка избавиться. Второй вид избытка имеет более механические причины – это переполнение сосудов, которое может привести к их разрыву⁶³.

Все названные явления подпадают под общую категорию,

---

⁶¹ Ранее встречавшийся перевод этого названия – «О полноте» – не вполне корректно передает суть этого понятия.

⁶² *Гален*. О лечении кровопусканием, 4, 259 К. Речь идет о двух значениях: значении, связанном с функцией, – *πρὸς δύναμιν*, и значении, указывающем на расширение естественной полости, – *πρὸς τὸ ἔγχεμα*.

⁶³ *Brain P. Galen on Bloodletting*. Cambridge, CUP, 1986. P. 12.

которую Гален обозначает термином $\delta\acute{\iota}\alpha\theta\epsilon\sigma\iota\varsigma$ ⁶⁴. За неимением лучшего мы переводим его на русский язык как «состояние», однако здесь требуются пояснения.

Термин этот имеет долгую медицинскую и философскую историю. Это слово происходит от греческого глагола $\tau\acute{\iota}\theta\eta\mu\iota$, означающего «ставить», «класть», то есть буквально оно означает «расположение». Э. Акеркнехт⁶⁵ указывает, что впервые этот термин встречается в сочинениях гиппократовского корпуса в значении более общем, чем то, в котором мы видим его у Галена: слово это может обозначать тип телосложения или даже выступать синонимом понятия $\phi\acute{\upsilon}\sigma\iota\varsigma$.

Однако чаще, чем в гиппократовском корпусе, это понятие встречается в сочинениях Аристотеля. Так, например, в «Метафизике» философ дает следующее определение «расположения» ($\delta\acute{\iota}\alpha\theta\epsilon\sigma\iota\varsigma$): «Расположением называется порядок в том, что имеет части, или в пространстве, или по способности, или по виду, ибо при этом должно быть некое положение, как это показывает и само слово “расположение”» (V, 19, 1022 b).

Понятие $\delta\acute{\iota}\alpha\theta\epsilon\sigma\iota\varsigma$ в сочинениях Галена более узко и конкретно, чем у Гиппократов. Это также своего рода темперамент, но темперамент непостоянный, изменчивый, и это об-

---

⁶⁴ Опровержение возражений, 7, 283 К; О лечении кровопусканием, 1, 251 К, 6, 268 К, 11, 285 К; О естественных функциях 1, 41 К.

⁶⁵ *Ackerknecht E.H. Diathesis: the Word and the Concept in Medical History // Bulletin of the History of Medicine 1982; 56: 317–325.*

щее состояние организма ответственно за правильное или неправильное функционирование различных органов и систем. В отличие от русского слова «состояние» этот термин у Галена часто обозначает (без дополнительного уточнения) специфически «ненормальное состояние». Однако не всякое «состояние» (διάθεσις) является болезнью: болезнью оно может считаться лишь в том случае, если уже привело к значительному нарушению одной из функций организма⁶⁶. Именно таким образом определяет Гален διάθεσις в сочинении «О лечении кровопусканием»: «Слово “состояние”, как я говорил в другом месте, происходит от глагола “состоять” и, как и он, может относиться к множеству вещей. Однако на протяжении всего настоящего сочинения мы будем подразумевать под этим понятием лишь всевозможные отступления от естественного состояния» (3, 255 К).

Здесь Гален ссылается на следующий отрывок из своего сочинения «О разновидностях симптомов»: «Существительное же “состояние” в каком-то смысле произошло от глагола “находиться в каком-либо положении”, и в этом значении оно использовалось не только древними философами, но и другими эллинами. Поэтому “состояние” – это понятие, общее для всех, обозначающее их здоровое, больное или промежуточное положение. Таким же образом эллины говорят о

---

⁶⁶ Подробнее об этом см.: *Hankinson R.J. Philosophy of Nature // The Cambridge companion to Galen / R.J. Hankinson (ed.). Cambridge, CUP, 2008. P. 231.*

состоянии песни, гармонии, рассуждения или выражения»⁶⁷.

Из этого более общего определения видно, что Гален воспринимает «состояние» (διάθεσις) организма как частный случай аристотелевского «состояния / расположения», сутью которого является взаимное расположение частей в сложной системе. Именно поэтому он говорит о «состоянии песни, гармонии, рассуждения или выражения»⁶⁸.

Таким образом, при переводе сочинений Галена всегда приходится уделять внимание интерпретации как самых конкретных, так и наиболее общих понятий. Так же обстоит дело и с трактатом «О естественных функциях», только в этом случае, в отличие от упоминавшихся работ о кровопускании, приходится начинать с понятий самых общих. И здесь мы вновь сталкиваемся с аристотелевской терминологической базой.

Сложность перевода на русский язык ключевого для Галена понятия δύνωσις, вынесенного в заглавие трактата, нам приходилось обсуждать неоднократно⁶⁹. Также мы уже упо-

---

⁶⁷ Этот трактат Галена опубликован во втором томе настоящего издания (см.: *Гален. О разновидностях симптомов*, 1 // Гален. Сочинения. Т. 2 / Общ. ред., сост., вступ. ст. и комм. Д.А. Балалыкина. М., Практическая медицина, 2015. С. 701. Перевод З.А. Барзах).

⁶⁸ Возможно, под «древними философами» имеются в виду Аристотель и те, кто принимал его терминологию.

⁶⁹ *Барзах З.А. Предисловие переводчика* // Гален. Сочинения. Т. 2. М., 2015. С. 113; *Барзах З.А. Предисловие переводчика* // Гален. Сочинения. Т. 4 / Общ. ред., сост., вступ. ст. Д.А. Балалыкина. М.: Практическая медицина, 2017. С. 109–110.

минали о связи этого понятия у Галена с термином ἐνέργεια, который мы тоже подчас переводили как «функция». Однако в начале сочинения, посвященного функциям организма, Гален, по своему обыкновению, дает определение ключевых для его темы понятий, помогающее увидеть различие между ними: «Я называю делом [ἔργον] то, что уже существует <...>, например кровь, плоть, нервы, энергией [ἐνέργεια] же зову активное движение, а его причину – функцией [δύναμις]» (О естественных функциях, I, 2, 7 К). Таким образом, как поясняет в предисловии к своему переводу трактата на английский язык А. Брок, для Галена «каждое действие той или иной части живого организма может рассматриваться тремя способами: (а) как δύναμις, функция, потенциальность, (б) как ἐνέργεια, то есть δύναμις в действии, и (в) как ἔργον, то есть результат или эффект ἐνέργεια»⁷⁰.

Данное определение объясняет, почему именно в этом трактате целесообразно переводить ἐνέργεια как «энергия». Дело в том, что именно так в русской традиции принято переводить ἐνέργεια в сочинениях Аристотеля, а данное здесь Галеном определение ἐνέργεια как реализующейся потенции напрямую восходит к Аристотелю. По-видимому, и сам этот термин изобретен Аристотелем: до него он не встречается в греческой литературе, да и первые несколько столетий

---

⁷⁰ Brock A.J. Introduction // Galen on the Natural Faculties / Brock A.J. (transl., comm.). Cambridge, Mass. Harvard University Press. 1963. P. XXIX–XXX.

после его смерти встречается только в сочинениях философов, испытавших влияние его учения. В сочинениях Аристотеля энергия выступает именно как реализация возможности (*δύναμις*)⁷¹.

Иногда, впрочем, используемый Галеном термин *ἐνέργεια* приходится переводить как «действие», особенно в тех случаях, когда он противопоставлен «претерпеванию» (*πάθημα*): «Я называю движение вены и мышц активным действием [*ἐνέργεια*], а движение пищи и костей – невольным претерпеванием [*πάθημα*], причем пища изменяется, а кости перемещаются» (О естественных функциях, I, 2, 7 К).

Отметим, что именно пониманием «энергии» исключительно как активного действия, в отличие от пассивного «претерпевания», использование этого термина Галеном отличается от аристотелевского: у Аристотеля, например, состояние ученика в процессе обучения определялось словом *ἐνέργεια*, так же как состояние учителя (Физика, III, 3). Д. Брэдшоу, отмечая эту терминологическую инновацию Галена, указывает, что такое изменение значения термина подготовлено развитием его употребления (как в научной литературе, так и за ее пределами) на протяжении веков, отделяющих Аристотеля от Галена, в сторону более «активного»

---

⁷¹ Об *ἐνέργεια* как реализации *δύναμις* у Аристотеля см.: *Bradshaw D. Aristotle East and West: Metaphysics and the Division of Christendom. Cambridge, CUP, 2004. P. 3–7.*

понимания, близкого английскому energy и русскому «энергия» («энергичность»)⁷².

Понятие «движение» (κίνησις), частным случаем которого, как мы видели, является ἐνέργεια, также определяется Галеном в аристотелевском духе. Для нас движение – это перемещение в пространстве, но для Галена и Аристотеля перемещение в пространстве – лишь частный случай движения, которое понимается как любое изменение: «Итак, когда некое тело ни в чем не изменяется по сравнению со своим первоначальным состоянием, мы говорим, что оно пребывает в покое, но, если оно подвергается какому-либо изменению, можно сказать, что оно приходит в движение. Так как изменения первоначального состояния многообразны, многообразными будут и виды движения. Ведь всякий раз, когда белое станет черным или черное станет белым, происходит движение в отношении цвета, а если сладкое делается горьким или, наоборот, горькое – сладким, речь идет о движении в отношении вкуса. Этот и предыдущий случай называются движением в отношении качества, и мы называем движением не только изменение цвета или вкуса, но также и превращение холодного в горячее или горячего в холодное, как и превращение влажного в сухое или сухого во влажное. Ко всем этим процессам мы относим общее название “изменение”» (О естественных функциях, I, 2, 2–3 К). Столь же общим и всеобъемлющим является и понимание движения

---

⁷² Bradshaw D. Aristotle East and West. P. 57.

у Аристотеля, как видно, например, из следующей цитаты: «Но движения помимо вещей не существует, ведь все меняющееся меняется всегда или в отношении сущности, или [в отношении] количества, или качества, или места, а ничего общего, как мы сказали, нельзя усмотреть в вещах, что не было бы ни определенным предметом, ни количеством, ни качеством, ни какой-либо другой категорией. Так что если, кроме указанного, нет ничего сущего, то и движение и изменение ничему иному не присущи, кроме как указанному. Каждый же из этих [родов сущего] присущ всему двояким образом, например: определенному предмету, с одной стороны, как форма его, с другой – как лишенность; в отношении качества – одно есть белое, а другое черное; в отношении количества – одно завершённое, другое – незавершённое; равным образом и в отношении перемещения – одно вверх, другое вниз или одно легкое, другое тяжелое. Таким образом, видов движения и изменения имеется столько же, сколько и [родов] сущего»⁷³.

Такое обобщенное понимание движения, энергии и функции, то есть интерпретация любого изменения как движения, а того, что может изменять, – как функции, объясняет то, что «функциями» совершенно неожиданно оказываются у Галена первичные качества – холод, тепло, сухость и влага: «Так что если ты стремишься узнать, что в ответе за пер-

---

⁷³ Аристотель. Физика, III, 1 // Аристотель. Сочинения в 4 т. Т. 3 / Вступ. ст. и примеч. И.Д. Рожанский. М.: Мысль, 1981. С. 103–104. Перевод В.П. Карпова.

вичные и элементарные функции, вызывающие изменения, то это влажность, сухость, холод и тепло» (О естественных функциях, I, 6, 12 К). Такое понимание слова «функция» отличается от нашего, что обусловлено принадлежностью Галена к восходящей к Аристотелю философской традиции.

О том, как формируется употребление слова $\deltaύναμις$, более близкое нашему пониманию функции, можно судить по галеновскому описанию формирования гомеомерий. О том, что такое гомеомерия в понимании Галена, нам уже приходилось писать⁷⁴. Здесь только напомним, что это понятие предшествует современному понятию «ткани» и указывает на гомогенные структуры организма (нервы, кости, сухожилия, кожа), состоящие, по мнению Галена, из одинаковых частиц. Вот как Гален описывает их формирование: «А кости, хрящи, нервы, мембраны, связки, вены и все прочее природа создает на первой стадии зарождения животного, используя, говоря в общем, функцию рождения и изменения, а в частности – согревающую, охлаждающую, (13 К) иссушающую и увлажняющую функции, а также те, что происходят от их смешения, например функцию формирования костей, нервов и хрящей – для ясности должно оперировать и такими названиями» (О естественных функциях, I, 6, 12 К). Таким образом, как сложные ткани и сложные органы формируются из элементов, соответствующих простейшим ка-

---

⁷⁴ Барзах З.А. Предисловие переводчика // Гален. Сочинения. Т. 4. М., 2017. С. 114.

чествам, так и сложные функции («функции» в нашем понимании слова, такие как остеопоз и хондропоз) формируются на основании простейших функций, соответствующих этим изменяющим качествам.

Иногда для названий отдельных функций, предлагаемых Галеном, бывает трудно подобрать адекватный русский эквивалент. Так обстоит дело, например, с термином ἀνάδοσις, который в настоящем томе переводится как «усвоение» (О естественных функциях, I, 2, 7 К; I, 16, 60 К; I, 16, 63 К), однако перевод этот не вполне соответствует значению греческого термина. Буквально ἀνάδοσις переводится как «раздавание». Гален представляет эту часть пищеварительного процесса как переход пищи из пищеварительного тракта в печень и дальнейшее распределение ее по тканям. Речь идет именно о механическом распределении, а не о химическом процессе усвоения: с точки зрения Галена, переработка пищи происходит лишь в желудке и в печени, в то время как остальные части пищеварительного тракта заняты ее механической транспортировкой и распределением⁷⁵.

Несколько слов скажем о стиле трактатов, публикуемых в настоящем томе, и об историческом контексте, в котором они создавались (каким он реконструируется по этим и другим сочинениям Галена). Эти аспекты тесно связаны: тон

---

⁷⁵ Brock A.J. Galen on Natural Facilities. P. 13; Powell O. Galen's Medical and Scientific Terminology // Galen. On the Properties of Foodstuffs. Introduction, translation and commentary by O. Powell. P. 21–22.

всех трактатов резко полемический. К данным трактатам это относится даже в большей степени, чем к сочинению «Об учениях Гиппократ и Платона»⁷⁶, ведь почти все последователи Эрасистрата, полемике с которыми посвящены три трактата, были современниками, соперниками и конкурентами Галена, а Юлиан и Лик, которым посвящены два других трактата, были современниками Галена.

Полемический дух, которым наполнены эти трактаты, виден даже в такой незначительной, казалось бы, и плохо передаваемой в русском переводе черте, как употребление частиц. Древнегреческий язык чрезвычайно богат интонационными частицами, которые имеют множество оттенков значений и очень плохо поддаются переводу на другие языки⁷⁷. Чем эмоционально насыщенной и риторически изысканней текст, тем больше в нем таких частиц. В сочинениях, перевод которых дается в настоящем томе, подчас наблюдается поразительное скопление интонационных частиц – иногда вместе с такими риторическими фигурами, как риторический вопрос, инверсия, анафора. Приведем несколько примеров. Здесь мы попытаемся дать более яркий пере-

---

⁷⁶ Перевод этого трактата с древнегреческого на русский язык опубликован в третьем и четвертом томах настоящего издания. См.: *Гален. Сочинения. Т. 3 /* Общ. ред., сост., вступ. ст. Д.А. Балалыкина. М.: Практическая медицина, 2016. 560 с.; *Гален. Сочинения. Т. 4 /* Общ. ред., сост., вступ. ст. Д.А. Балалыкина. М.: Практическая медицина, 2017. 494 с.

⁷⁷ См. классический научный труд о древнегреческих частицах: *Denniston J.D. The Greek Particles. Oxford, Clarendon Press, 1954.*

вод каждой частицы, в чем и будет заключаться отличие от перевода полного текста трактата, где подобная риторическая «пышность» избыточна. Согласно современному представлению, научный дискурс не предполагает риторических изысков, они только «затемняют» смысл, но во времена Галена понимание стиля было иным.

Первый пример из трактата «О вскрытии вен, против Эрасистрата»: «Что же это такое случилось с Эрасистратом, почему он ничего не сказал о нем [*т. е. о кровопускании. – З.Б.*]? <...> Ведь он бы, **уж конечно**⁷⁸, не обошел молчанием метод, который одобряет. Не мог же он, **в самом деле**, считать, что даже незначительные методы лечения нуждаются в его описании, а этот, такой важный, всякий желающий может открыть сам и без его помощи» (1, 150)⁷⁹.

Второй пример из трактата «О лечении кровопусканием»: «**И поистине**, величайшим злом будет, если они внушат молодым людям, изучающим врачебное искусство, что следует действовать подобным образом» (2, 253 К)⁸⁰.

---

⁷⁸ Об ироническом употреблении частицы $\delta\eta$ см.: *Denniston J.D. Greek Particles. P. 229–230.*

⁷⁹ См.: «τί **δή ποτε** παθὼν ὁ Ἐρασίστρατος ἠμέλησε τελέως τὸν ὑπὲρ αὐτῆς διεξελθεῖν λόγον; <...> οὐ **γὰρ δή** ἀρεσκόμενόν **γ’ ἂν** αὐτῷ παρέλιπεν, οὐδὲ τὰ **μὲν** σμικρὰ τῶν τοῖς πάθεσιν συμφερόντων γραφῆς ᾤετο δεῖσθαι, τὰ **δ’** οὕτω μεγάλα δύνασθαι τινα καὶ χωρὶς τοῦ παρ’ ἐκείνου μαθεῖν αὐτὸν ἐξευρεῖν» (*De venae sectione adversus Erasistratum // Claudii Galeni Opera Omnia / Ed. C.G. Kühn. Vol. 11. Leipzig: Knobloch, 1826. P. 150.*)

⁸⁰ См.: «ἔστι **μὲν δή καὶ** τοῦτο μέγιστον κακὸν, εἰ πεισθεῖεν οὕτω πράττειν οἱ τὴν τέχνην μανθάνοντες νέοι» (*De curandi ratione per venae sectionem // Claudii*

Третий пример – отрывок из трактата «Опровержение возражений...»: «Воистину, если уж не так-то легко очистить грязь из сосудов, которые открыты, неужели же это легко будет сделать из мясистых частей?» (7, 285 К)⁸¹.

А вот вполне типичный для галеновского полемического стиля пассаж – три риторических вопроса подряд и обличительный пафос, не уступающий классическому зачину «Первой речи против Катилины» Цицерона, также состоящему из одних риторических вопросов: «Кто сможет вынести такое? Кто потерпит такую глупость? Кто не пожалел бы времени, потерянного на спор с человеком, который сам не помнит и не понимает того, что сам пишет, но говорит и пишет, по пословице, все, что на вздорный язык придет?»⁸²

Кажется, что такие пассажи сохраняют интонации устной речи Галена – раздраженного, возбужденного спором, уверенного в своей правоте. Воссоздается атмосфера публичных дискуссий на медицинские темы, постоянным участником которых был Гален. Тон и атмосферу этих дискуссий хорошо передает сцена, описываемая Галеном в первой книге «О естественных функциях»: «Кто-то из наших софистов,

---

Galen Opera Omnia / Ed. C.G. Kühn. Vol. 11. Leipzig: Knobloch, 1826. P. 253).

⁸¹ См.: «ὄπλου γὰρ δὴ καὶ τὸν ἐκ τούτων τῶν ἀγγείων τῶν ἀραιῶν ἐκκαθῆραι ῥύπον οὐκ εὐτετές, ἢ πού γ' ἐκ τῶν σαρκοειδῶν ἔτομον» (Ad-versus ea quae a Juliano in Hippocratis aphorismos enuntiata sunt libellus // Galeni adversus Lycum et adversus Iulianum libelli / Ed. E. Wenkebach [Corpus medicorum Graecorum. Vol. 5.10.3]. Berlin: Akademie-Verlag, 1951. P. 33–70).

⁸² Гален. Опровержение возражений, 5, 272 К.

закаленный в словопрениях и во всем остальном, столь великий мастер поговорить, что другого такого не сыщешь, однажды заспорил об этом со мной. Он был настолько далек от колебаний по поводу чего бы то ни было из сказанного, что начал твердить, что он даже удивляется, когда я берусь нелепыми словами опровергать очевидные вещи. <...> Выпалив это и тому подобное мгновенно, ясно и без запинки, он под конец вскочил и удалился, оставив нас, как будто мы не могли уже придумать какого-либо убедительного возражения» (I, 13, 34–35 K). Такое экспрессивное поведение не было редкостью во время публичных дискуссий врачей: в других своих сочинениях Гален описывает, как оппоненты в ходе диспутов кричат друг на друга, «словно торговли рыбой», демонстративно громко смеются или рыдают, как зрители, не выдержав, вступают в дискуссию на стороне того или другого оппонента или как один из оппонентов выбирает жертву из числа зрителей и задает ей вопросы в духе сократовских диалогов, подводя к нужному ему выводу⁸³.

Мы знаем благодаря самому Галену, что по крайней мере некоторые из трактатов, вошедших в настоящий том, родились напрямую из таких дискуссий. Так, в начале трактата «Опровержение возражений...» (2, 253–254 K) Гален говорит о том, что это сочинение явилось записью его пуб-

---

⁸³ Свидетельства галеновского корпуса о публичных дискуссиях на медицинские темы собраны в кн.: *Mattern S.P. Galen and the Rhetoric of Healing*. Baltimore, John Hopkins University Press, 2008. P. 9–11, P. 207 n. 23–25.

личных лекций, содержавших разбор критического комментария Юлиана на «Афоризмы» Гиппократата. Лекции эти, по словам Галена, происходили ежедневно в течение более чем шести дней и в весьма эмоциональной атмосфере: слушатели давали оппоненту Галена обидные прозвища, сравнивали его с гомеровским Тер-ситом, а самого Галена – ни более ни менее как с Одиссеем, метким ударом посоха заставившим замолчать эпического болтуна. В сочинении же «О своих книгах» Гален пишет, что и его многолетняя полемика с последователями Эрасистрата относительно пользы и вреда кровопускания началась с такого публичного диспута, где на обсуждение был предложен отрывок из одного из трудов Эрасистрата, в котором тот отрицает пользу кровопускания. Еще до того, по словам Галена, у него произошло публичное столкновение с неким Марциалием во время одного из диспутов, и, так как этот Марциалий называл себя последователем Эрасистрата, он охотно вступил в дискуссию и распространялся на предложенную тему достаточно долго, «чтобы побольнее уязвить Марциалия». Речь его имела успех, и один из учеников предложил ему продиктовать ее стенографисту, чтобы иметь возможности донести ее содержание до Марциалия, адресата инвективы, находившегося в тот момент за пределами Рима (О своих книгах I, 19, 13–14 К). Мы не можем точно сказать, какой из трактатов, посвященных полемике с Эрасистратом, – «О вскрытии вен, против Эрасистрата», вошедший в настоящий том, или «О вскры-

тии вен, против последователей Эрасистрата, живущих в Риме»⁸⁴ – родился таким образом, но эта история, изложенная самим Галеном, позволяет составить представление об атмосфере живой, публичной и подчас агрессивной полемики, породившей публикуемые в настоящем томе трактаты с их ярким, острым и не всегда аутентично передаваемым на русском языке слогом.

Публикация перевода на русский язык трактата Галена «О лечении кровопусканием» поставила перед нами сложные вопросы, проистекающие из истории этого текста в новейшее время. Греческий текст трактата не переиздавался со времен К.Г. Кюна (с 1821 г.), и нам ничего не оставалось, как воспроизвести этот текст: задача подготовки нового критического издания текста Галена не соответствует целям данного издания. Тем не менее не учитывать текстологические недостатки издания К.Г. Кюна в нашем переводе мы не могли. Дело в том, что издание К.Г. Кюна не учитывает и не может учитывать чтения рукописи Laurentiana Plut. 74, 22 (La), ставшей достоянием науки через много лет после выхода этого издания⁸⁵. Иногда речь идет о достаточно серьезных расхождениях, влияющих на смысл. Так, например, в главе 22 трактата «О лечении кровопусканием» в издании

---

⁸⁴ Перевод этого трактата опубликован в первом томе настоящего издания сочинений Галена (см.: *Гален. Сочинения*. Т. 1 / *Общ. ред., сост., вступ. ст. и комм.* Д.А. Балалыкина. М.: Весть. С. 426–462. Перевод А.П. Щеглова).

⁸⁵ О рукописях этого трактата см.: *Brain P. Galen on bloodletting*. Cambridge, 1986. P. XII–XIII.

К.Г. Кюна отсутствует целая строчка, имеющаяся в рукописи La, без которой смысл отрывка оказывается неполным⁸⁶. В другом случае из-за ошибочного прочтения, принятого К.Г. Кюном, смысл высказывания Галена был заменен полностью противоположным: отсутствие отрицательной приставки α - привело к тому, что Гален, вопреки своим не раз высказанным убеждениям, пишет, что изменение пульса – «знак ложный», и только обращение к рукописи La помогло восстановить текст и подлинный смысл высказывания Галена: «знак неложный» (О лечении кровопусканием, 14, 292 К)⁸⁷. В этом и подобных случаях мы руководствовались текстологическими решениями, ставшими основой перевода на английский язык трактатов, включенных в книгу П. Брэйна «Гален о кровопускании»⁸⁸. Такие случаи отмечены нами в постраничных примечаниях.

В настоящем томе приводится нумерация страниц по изданию К.Г. Кюна – она вынесена на поля, что позволяет читателю без особых усилий соотнести греческий текст и перевод⁸⁹.

---

⁸⁶ *Brain P. Galen on Bloodletting*. P. 97.

⁸⁷ Там же. P. 88.

⁸⁸ *Brain P. Galen on Bloodletting*. Cambridge, 1986.

⁸⁹ Цифра на полях с буквой «К» в греческом тексте и переводе обозначает номер страницы по изданию К.Г. Кюна.

ΓΑΛΗΝΟΥ. ΠΕΡΙ ΦΥΣΙΚΩΝ ΔΥΝΑΜΕΩΝ⁹⁰

ΒΙΒΛΙΟΝ ΠΡΩΤΟΝ

1. Ἐπειδὴ τὸ μὲν αἰσθάνεσθαι τε καὶ κινεῖσθαι κατὰ προαίρεσιν ἴδια τῶν ζώων ἐστὶ, τὸ δ' αὐξάνεσθαι τε καὶ τρέφεσθαι κοινὰ καὶ τοῖς φυτοῖς, εἴη ἂν τὰ μὲν πρότερα τῆς ψυχῆς, τὰ δὲ δεύτερα τῆς φύσεως ἔργα. εἰ δέ τις καὶ τοῖς φυτοῖς ψυχῆς μεταδίδωσι καὶ διαιρούμενος αὐτὰς ὀνομάζει φυτικὴν μὲν ταύτην, αἰσθητικὴν δὲ τὴν ἑτέραν, λέγει μὲν οὐδ' οὗτος ἄλλα, τῇ λέξει δ' οὐ πάνυ τῇ συνήθει κέχρηται. ἀλλ' ἡμεῖς γε μεγίστην λέξεως ἀρετὴν σαφὴν εἶναι πεπεισμένοι καὶ ταύτην εἰδότες ὑπ' οὐδενὸς οὕτως ὡς ὑπὸ τῶν ἀσυνήθων ὀνομάτων διαφθειρομένην, ὡς τοῖς πολλοῖς ἔθος, οὕτως ὀνομάζοντες ὑπὸ μὲν ψυχῆς θ' ἅμα καὶ φύσεως τὰ ζῶα διοικεῖσθαι φαμεν, ὑπὸ δὲ φύσεως μόνης τὰ φυτὰ καὶ τό γ' αὐξάνεσθαι τε καὶ τρέφεσθαι φύσεως ἔργα φαμέν, οὐ ψυχῆς.

2. Καὶ ζητήσομεν κατὰ τόνδε τὸν λόγον, ὑπὸ τίνων

---

⁹⁰ Древнегреческий текст приводится по изданию: De naturalibus facultatibus // Claudii Galeni Pergameni scripta minora. Vol. 3 / Ed. J. Marquardt. Leipzig: Teubner, 1893. P. 101–257.

γίνεταί δυνάμεων αὐτὰ δὴ ταῦτα καὶ εἰ δὴ τι ἄλλο φύσεως ἔργον ἐστίν. ἀλλὰ πρότερόν γε διελέσθαι τε χρὴ καὶ μηνῦσαι σαφῶς ἕκαστον τῶν ὀνομάτων, οἷς χρῆσόμεθα κατὰ τόνδε τὸν λόγον, καὶ ἐφ' ὅ τι φέρομεν πρᾶγμα. γενήσεται δὲ τοῦτ' εὐθύς ἔργων φυσικῶν διδασκαλία σὺν ταῖς τῶν ὀνομάτων ἐξηγήσεσιν. ὅταν οὖν τι σῶμα κατὰ μηδὲν ἐξαλλάττηται τῶν προὔπαρχόντων, ἡσυχάζειν αὐτό φαμεν· εἰ δ' ἐξίσταιτό πη, κατ' ἐκεῖνο κινεῖσθαι. καὶ τοίνυν ἐπεὶ πολυειδῶς ἐξίσταται, πολυειδῶς καὶ κινηθήσεται. καὶ γὰρ εἰ λευκὸν ὑπάρχον μελαίνοιτο καὶ εἰ μέλαν λευκαίνοιτο, κινεῖται κατὰ χροάν, καὶ εἰ γλυκὺ τέως ὑπάρχον αὔθις αὐστηρόν ἢ ἔμπαλιν ἐξ αὐστηροῦ γλυκὺ γένοιτο, καὶ τοῦτ' ἂν κινεῖσθαι λέγοιτο κατὰ τὸν χυμόν. ἄμφω δὲ ταῦτά τε καὶ τὰ προειρημένα κατὰ τὴν ποιότητα κινεῖσθαι λεχθήσεται καὶ οὐ μόνον γε τὰ κατὰ τὴν χροάν ἢ τὸν χυμόν ἐξαλλαττόμενα κινεῖσθαι φαμεν, ἀλλὰ καὶ τὸ θερμότερον ἐκ ψυχροτέρου γενόμενον ἢ ψυχρότερον ἐκ θερμότερου κινεῖσθαι καὶ τοῦτο λέγομεν, ὥσπερ γε καὶ εἴ τι ξηρὸν ἐξ ὑγροῦ ἢ ὑγρὸν ἐκ ξηροῦ γίνοιτο. κοινὸν δὲ κατὰ τούτων ἀπάντων ὄνομα φέρομεν τὴν ἀλλοίωσιν. ἐν τι τοῦτο γένος κινήσεως. ἕτερον δὲ γένος ἐπὶ τοῖς τὰς χώρας ἀμείβουσι σώμασι καὶ τόπον ἐκ τόπου μεταλλάττειν λεγομένοις, ὄνομα δὲ καὶ τούτῳ φορά. αὗται μὲν οὖν αἱ δύο κινήσεις ἀπλαῖ καὶ πρῶται, σύνθετοι δ' ἐξ αὐτῶν αὔξησις τε καὶ φθίσις, ὅταν ἐξ ἐλάττονός τι μείζον ἢ ἐκ μείζονος ἔλαττον γένηται φυλάττον τὸ οἰκεῖον εἶδος. ἕτεροι δὲ δύο κινήσεις γένεσις καὶ φθορά, γένεσις μὲν ἢ

εἰς οὐσίαν ἀγωγή, φθορὰ δ' ἢ ἐναντία. πάσαις δὲ ταῖς κινήσει κοινὸν ἐξάλλαξις τοῦ προϋπάρχοντος, ὡσπερ οὖν καὶ ταῖς ἡσυχίαις ἢ φυλακῇ τῶν προϋπαρχόντων. ἀλλ' ὅτι μὲν ἐξαλλάττεται καὶ πρὸς τὴν ὄψιν καὶ πρὸς τὴν γεῦσιν καὶ πρὸς τὴν ἀφήν αἷμα γινόμενα τὰ σιτία, συγχωροῦσιν· ὅτι δὲ καὶ κατ' ἀλήθειαν, οὐκέτι τοῦθ' ὁμολογοῦσιν οἱ σοφισταί. οἱ μὲν γάρ τινες αὐτῶν ἅπαντα τὰ τοιαῦτα τῶν ἡμετέρων αἰσθήσεων ἀπάτας τινὰς καὶ παραγωγὰς νομίζουσιν ἄλλοτ' ἄλλως πασχουσῶν, τῆς ὑποκειμένης οὐσίας μηδὲν τούτων, οἷς ἐπονομάζεται, δεχομένης· οἱ δὲ τινες εἶναι μὲν ἐν αὐτῇ βούλονται τὰς ποιότητας, ἀμεταβλήτους δὲ καὶ ἀτρέπτους ἐξ αἰῶνος εἰς αἰῶνα καὶ τὰς φαινομένας ταύτας [ἐν αὐτῇ] ἀλλοιώσεις τῇ διακρίσει τε καὶ συγκρίσει γίγνεσθαί φασιν [ὡς Ἀναξαγόρας]. εἰ δὴ τούτους ἐκτραπόμενος ἐξελέγχοιμι, μείζον ἂν μοι τὸ πάρεργον τοῦ ἔργου γένοιτο. εἰ μὲν γὰρ οὐκ ἴσασιν, ὅσα περὶ τῆς καθ' ὅλην τὴν οὐσίαν ἀλλοιώσεως Ἀριστοτέλει τε καὶ μετ' αὐτὸν Χρυσίππῳ γέγραπται, παρακαλέσαι χρὴ τοῖς ἐκείνων αὐτοὺς ὁμιλῆσαι γράμμασιν· εἰ δὲ γινώσκοντες ἔπειθ' ἐκόντες τὰ χεῖρω πρὸ τῶν βελτιόνων αἰροῦνται, μάταια δήπου καὶ τὰ ἡμέτερα νομοῦσιν. ὅτι δὲ καὶ Ἰπποκράτης οὕτως ἐγίνωσκεν Ἀριστοτέλους ἔτι πρότερος ὢν, ἐν ἑτέροις ἡμῖν ἀποδέδεικται. πρῶτος γὰρ οὗτος ἀπάντων ὢν ἴσμεν ἰατρῶν τε καὶ φιλοσόφων ἀποδεικνύειν ἐπεχείρησε τέτταρας εἶναι τὰς πάσας δραστικὰς εἰς ἀλλήλας ποιότητας, ὑφ' ὧν γίνεταί τε καὶ φθείρεται πάνθ', ὅσα γένεσίν τε καὶ φθορὰν

ἐπιδέχεται. καὶ μέντοι καὶ τὸ κεράννυσθαι δι' ἀλλήλων αὐτὰς ὅλας δι' ὅλων Ἰπποκράτης ἀπάντων [ᾧν ἴσμεν] πρῶτος ἔγνω· καὶ τὰς ἀρχάς γε τῶν ἀποδείξεων, ᾧν ὕστερον Ἀριστοτέλης μετεχειρίσατο, παρ' ἐκείνῳ πρῶτῳ γεγραμμένας ἔστιν εὐρεῖν. εἰ δ' ὡσπερ τὰς ποιότητος οὕτω καὶ τὰς οὐσίας δι' ὅλων κεράννυσθαι χρὴ νομίζειν, ὡς ὕστερον ἀπεφήνατο Ζήνων ὁ Κιτιεύς, οὐχ ἡγοῦμαι δεῖν ἔτι περὶ τούτου κατὰ τόνδε τὸν λόγον ἐπεξιέναι. μόνην γὰρ εἰς τὰ παρόντα δέομαι γινώσκεισθαι τὴν δι' ὅλης τῆς οὐσίας ἀλλοίωσιν, ἵνα μὴ τις ὁστοῦ καὶ σαρκὸς καὶ νεύρου καὶ τῶν ἄλλων ἐκάστου μορίων οἶονεὶ μισγάγκειάν τινα τῷ ἄρτῳ νομίση περιέχεσθαι κἄπειτ' ἐν τῷ σώματι διακρινόμενον ὡς τὸ ὁμόφυλον ἕκαστον ἰέναι. καίτοι πρό γε τῆς διακρίσεως αἷμα φαίνεται γινόμενος ὁ πᾶς ἄρτος. εἰ γοῦν παμπόλλῳ τις χρόνῳ μηδὲν ἄλλ' εἴη σιτίον προσφερόμενος, οὐδὲν ἦττον ἐν ταῖς φλεψὶν αἷμα περιεχόμενον ἔξει. καὶ φανερῶς τοῦτο τὴν τῶν ἀμετάβλητα τὰ στοιχεῖα τιθεμένων ἐξελέγχει δόξαν, ὡσπερ οἶμαι καὶ τοῦλαιον εἰς τὴν τοῦ λύχνου φλόγα καταναλισκόμενον ἅπαν καὶ τὰ ξύλα πῦρ μικρὸν ὕστερον γινόμενα. καίτοι τό γ' ἀντιλέγειν αὐτοῖς ἡρνησάμην, ἀλλ' ἐπεὶ τῆς ἰατρικῆς ὕλης ἦν τὸ παράδειγμα καὶ χρήζω πρὸς τὸν παρόντα λόγον αὐτοῦ, διὰ τοῦτ' ἐμνημόνευσα. καταλιπόντες οὖν, ὡς ἔφην, τὴν πρὸς τούτους ἀντιλογίαν, <ἐνδόν> τοῖς βουλομένοις τὰ τῶν παλαιῶν ἐκμανθάνειν κἀξ ᾧν ἡμεῖς ἰδίᾳ περὶ αὐτῶν ἐπεσκεύμεθα, τὸν ἐφεξῆς λόγον ἅπαντα ποιησόμεθα ζητοῦντες ὑπὲρ ᾧν ἐξ ἀρχῆς

προϋθέμεθα, πόσαι τε καὶ τίνες εἰσὶν αἱ τῆς φύσεως δυνάμεις καὶ τί ποιεῖν ἔργον ἐκάστη πέφυκεν. ἔργον δὲ δηλονότι καλῶ τὸ γεγονὸς ἤδη καὶ συμπεπληρωμένον ὑπὸ τῆς ἐνεργείας αὐτῶν, οἷον τὸ αἷμα, τὴν σάρκα, τὸ νεῦρον· ἐνέργειαν δὲ τὴν δραστικὴν ὀνομάζω κίνησιν καὶ τὴν ταύτης αἰτίαν δύναμιν. ἐπεὶ γὰρ ἐν τῷ τὸ σιτίον αἷμα γίνεσθαι παθητικὴ μὲν ἢ τοῦ σιτίου, δραστικὴ δ' ἢ τῆς φλεβὸς γίνεταί κίνησις, ὡσαύτως δὲ κἂν τῷ μεταφέρειν τὰ κῶλα κινεῖ μὲν ὁ μῦς, κινεῖται δὲ τὰ ὀστέα, τὴν μὲν τῆς φλεβὸς καὶ τῶν μυῶν κίνησιν ἐνέργειαν εἶναί φημι, τὴν δὲ τῶν σιτίων τε καὶ τῶν ὀστέων σύμπτωμά τε καὶ πάθημα· τὰ μὲν γὰρ ἀλλοιοῦνται, τὰ δὲ φέρεται. τὴν μὲν οὖν ἐνέργειαν ἐγχωρεῖ καλεῖν καὶ ἔργον τῆς φύσεως, οἷον τὴν πέψιν, τὴν ἀνάδοσιν, τὴν αἰμάτωσιν, οὐ μὴν τό γ' ἔργον ἐξ ἅπαντος ἐνέργειαν· ἢ γὰρ τοι σὰρξ ἔργον μὲν ἐστὶ τῆς φύσεως, οὐ μὴν ἐνέργειά γε. δῆλον οὖν, ὡς θάτερον μὲν τῶν ὀνομάτων διχῶς λέγεται, θάτερον δ' οὐ.

3. Ἐμοὶ μὲν οὖν καὶ ἡ φλὲψ καὶ τῶν ἄλλων ἀπάντων ἕκαστον διὰ τὴν ἐκ τῶν τεττάρων ποιὰν κρᾶσιν ὡδί πως ἐνεργεῖν δοκεῖ. εἰσὶ δέ γε μὴν οὐκ ὀλίγοι τινὲς ἄνδρες οὐδ' ἄδοξοι, φιλόσοφοί τε καὶ ἰατροί, τῷ μὲν θερμῷ καὶ τῷ ψυχρῷ τὸ δρᾶν ἀναφέροντες, ὑποβάλλοντες δ' αὐτοῖς παθητικὰ τὸ ξηρόν τε καὶ τὸ ὑγρόν. καὶ πρῶτός γ' Ἄριστοτέλης τὰς τῶν κατὰ μέρος ἀπάντων αἰτίας εἰς ταύτας ἀνάγειν πειρᾶται τὰς ἀρχάς, ἠκολούθησε δ' ὕστερον αὐτῷ καὶ ὁ ἀπὸ τῆς στοᾶς χορός. καίτοι τούτοις μὲν, ὡς ἂν καὶ αὐτῶν

τῶν στοιχείων τὴν εἰς ἄλληλα μεταβολὴν χύσεσίν τε πῖσι καὶ πιλήσεσιν ἀναφέρουσιν, εὐλογον ἦν ἀρχὰς δραστικὰς ποιήσασθαι τὸ θερμὸν καὶ τὸ ψυχρὸν, Ἄ-ριστοτέλει δ' οὐχ οὕτως, ἀλλὰ ταῖς τέτταρσι ποιότησιν εἰς τὴν τῶν στοιχείων γένεσιν χρωμένῳ βέλτιον ἦν καὶ τὰς τῶν κατὰ μέρος αἰτίας ἀπάσας εἰς ταύτας ἀνάγειν. τί δήποτ' οὖν ἐν μὲν τοῖς περὶ γενέσεως καὶ φθορᾶς ταῖς τέτταρσι χρῆται, ἐν δὲ τοῖς μετεωρολογικοῖς καὶ τοῖς προβλήμασι καὶ ἄλλοθι πολλαχόθι ταῖς δύο μόνασι; εἰ μὲν γὰρ ὡς ἐν τοῖς ζώοις τε καὶ τοῖς φυτοῖς μᾶλλον μὲν δρᾷ τὸ θερμὸν καὶ τὸ ψυχρὸν, ἦπτον δὲ τὸ ξηρὸν καὶ τὸ ὑγρὸν ἀποφαίνοιτό τις, ἴσως ἂν ἔχοι καὶ τὸν Ἴπποκράτην σύμψηφον· εἰ δ' ὡσαύτως ἐν ἅπασιν, οὐκέτ' οἶμαι συγχωρήσειν τοῦτο μὴ ὅτι τὸν Ἴπποκράτην ἀλλὰ μηδ' αὐτὸν τὸν Ἄριστοτέλην μεμνήσθαι γε βουλόμενον ὧν ἐν τοῖς περὶ γενέσεως καὶ φθορᾶς οὐχ ἀπλῶς ἀλλὰ μετ' ἀποδείξεως αὐτὸς ἡμᾶς ἐδίδαξεν. ἀλλὰ περὶ μὲν τούτων κἂν τοῖς περὶ κράσεων, εἰς ὅσον ἰατρῷ χρήσιμον, ἐπεσκεψάμεθα.

4. Ἡ δ' οὖν δύναμις ἢ ἐν ταῖς φλεψὶν ἢ αἵματοποιητικὴ προσαγορευομένη καὶ πᾶσα δ' ἄλλη δύναμις ἐν τῷ πρὸς τι νενόηται· πρῶτως μὲν γὰρ τῆς ἐνεργείας [ἢ δύναμις] αἰτία, ἥδη δὲ καὶ τοῦ ἔργου κατὰ συμβεβηκός. ἀλλ' εἴπερ ἢ αἰτία πρὸς τι, τοῦ γὰρ ὑπ' αὐτῆς γενομένου μόνου, τῶν δ' ἄλλων οὐδενός, εὐδηλον, ὅτι καὶ ἡ δύναμις ἐν τῷ πρὸς τι. καὶ μέχρι γ' ἂν ἀγνοῶμεν τὴν οὐσίαν τῆς ἐνεργούσης αἰτίας, δύναμιν αὐτὴν ὀνομάζομεν, εἶναι τινα λέγοντες ἐν ταῖς φλεψὶν αἵματοποιητικὴν, ὡσαύτως δὲ κἂν τῇ κοιλίᾳ

πεπτικὴν κὰν τῇ καρδίᾳ σφυγμικὴν καὶ καθ' ἕκαστον τῶν ἄλλων ἰδίαν τινὰ τῆς κατὰ τὸ μόριον ἐνεργείας. εἴπερ οὖν μεθόδῳ μέλλοιμεν ἐξευρήσειν, ὅποσαι τε καὶ ὅποιαί τινες αἱ δυνάμεις εἰσίν, ἀπὸ τῶν ἔργων αὐτῶν ἀρκτέον· ἕκαστον γὰρ αὐτῶν ὑπὸ τινος ἐνεργείας γίννεται καὶ τούτων ἐκάστης προηγεῖται τις αἰτία.

5. Ἔργα τοίνυν τῆς φύσεως ἔτι μὲν κουμένου τε καὶ διαπλαττομένου τοῦ ζῶου τὰ σύμπαντ' ἐστὶ τοῦ σώματος μόρια, γεννηθέντος δὲ κοινὸν ἐφ' ἅπασιν ἔργον ἢ εἰς τὸ τέλειον ἐκάστῳ μέγεθος ἀγωγή καὶ μετὰ ταῦθ' ἢ μέχρι τοῦ δυνατοῦ διαμονή· ἐνέργεια δ' ἐπὶ τρισὶ τοῖς εἰρημένους ἔργοις τρεῖς ἐξ ἀνάγκης, ἐφ' ἐκάστῳ μία, γένεσις τε καὶ αὔξησις καὶ θρέψις. ἀλλ' ἢ μὲν γένεσις οὐχ ἀπλῆ τις ἐνέργεια τῆς φύσεως, ἀλλ' ἐξ ἀλλοιώσεώς τε καὶ διαπλάσεώς ἐστι σύνθετος. ἵνα μὲν γὰρ ὁστοῦν γένηται καὶ νεῦρον καὶ φλέψ καὶ τῶν ἄλλων ἕκαστον, ἀλλοιοῦσθαι χρὴ τὴν ὑποβεβλημένην οὐσίαν, ἐξ ἧς γίννεται τὸ ζῶον· ἵνα δὲ καὶ σχῆμα τὸ δέον καὶ θέσιν καὶ κοιλότητάς τινας καὶ ἀποφύσεις καὶ συμφύσεις καὶ τᾶλλα τὰ τοιαῦτα κτήσῃται, διαπλάττεσθαι χρὴ τὴν ἀλλοιουμένην οὐσίαν, ἣν δὴ καὶ ὕλην τοῦ ζῶου καλῶν, ὡς τῆς νεῶς τὰ ξύλα καὶ τῆς εἰκόνας τὸν κηρόν, οὐκ ἂν ἀμάρτοις. ἢ δ' αὔξησις ἐπίδοσις ἐστὶ καὶ διάστασις κατὰ μῆκος καὶ πλάτος καὶ βάθος τῶν στερεῶν τοῦ ζῶου μορίων, ὧν περ καὶ ἡ διάπλασις ἦν, ἢ δὲ θρέψις πρόσθεσις [ἐστὶ] τοῖς αὐτοῖς ἄνευ διαστάσεως.

6. Περὶ πρώτης οὖν τῆς γενέσεως εἴπωμεν, ἣν ἐξ

ἀλλοιώσεώς θ' ἅμα καὶ διαπλάσεως ἐλέγομεν γίνεσθαι. καταβληθέντος δὴ τοῦ σπέρματος εἰς τὴν μήτραν ἢ εἰς τὴν γῆν, οὐδὲν γὰρ διαφέρει, χρόνοις τισὶν ὠρισμένοις πάμπολλα συνίσταται μέρη τῆς γεννωμένης οὐσίας ὑγρότητι καὶ ξηρότητι καὶ ψυχρότητι καὶ θερμότητι καὶ τοῖς ἄλλοις ἅπασιν, ὅσα τούτοις ἔπεται, διαφέροντα. τὰ δ' ἐπόμενα γινώσκεις, εἴπερ ὅλως ἐφιλοσόφησάς τι περὶ γενέσεως καὶ φθορᾶς· αἱ λοιπαὶ γὰρ τῶν ἀπτῶν ὀνομαζομένων διαφορῶν ταῖς εἰρημέναις ἔπονται πρῶται καὶ μάλιστα, μετὰ δὲ ταύτας αἱ γευσταί τε καὶ ὀσφρηταὶ καὶ ὄραταί. σκληρότης μὲν οὖν καὶ μαλακότης καὶ γλισχρότης καὶ κραυρότης καὶ κουφότης καὶ βαρύτης καὶ πυκνότης καὶ ἀραιότης καὶ λειότης καὶ τραχύτης καὶ παχύτης καὶ λεπτότης ἀπταὶ διαφοραὶ καὶ εἴρηται περὶ πασῶν Ἀριστοτέλει καλῶς. οἷσθα δὲ δήπου καὶ τὰς γευστάς τε καὶ ὀσφρητάς καὶ ὄρατάς διαφοράς. ὥστ', εἰ μὲν τὰς πρῶτας τε καὶ στοιχειώδεις ἀλλοιωτικὰς δυνάμεις ζητοῖς, ὑγρότης ἐστὶ καὶ ξηρότης καὶ ψυχρότης καὶ θερμότης· εἰ δὲ τὰς ἐκ τῆς τούτων κράσεως γενομένας, τοσαῦται καθ' ἕκαστον ἔσονται ζῶον, ὅσαπερ ἂν αὐτοῦ τὰ αἰσθητὰ στοιχεῖα ὑπάρχη· καλεῖται δ' αἰσθητὰ στοιχεῖα τὰ ὁμοιομερῆ πάντα τοῦ σώματος μέρη· καὶ ταῦτ' οὐκ ἐκ μεθόδου τινὸς ἀλλ' αὐτόπτην γενόμενον ἐκμαθεῖν χρή διὰ τῶν ἀνατομῶν. ὅστοῦν δὴ καὶ χόνδρον καὶ νεῦρον καὶ ὑμένα καὶ σύνδεσμον καὶ φλέβα καὶ πᾶνθ' ὅσα τοιαῦτα κατὰ τὴν πρώτην τοῦ ζῴου γένεσιν ἢ φύσιν ἀπεργάζεται δυνάμει χρωμένη

καθόλου μὲν εἰπεῖν τῇ γεννητικῇ τε καὶ ἀλλοιωτικῇ, κατὰ μέρος δὲ θερμαντικῇ τε καὶ ψυκτικῇ καὶ ξηραντικῇ καὶ ὑγραντικῇ καὶ ταῖς ἐκ τῆς τούτων κράσεως γενομέναις, οἷον ὀστοποιητικῇ τε καὶ νευροποιητικῇ καὶ χονδροποιητικῇ· σαφηνείας γὰρ ἔνεκα καὶ τούτοις τοῖς ὀνόμασι χρηστέον. ἔστι γοῦν καὶ ἡ ἰδία σὰρξ τοῦ ἥπατος ἐκ τούτου τοῦ γένους καὶ ἡ τοῦ σπληνὸς καὶ ἡ τῶν νεφρῶν καὶ ἡ τοῦ πνεύμονος καὶ ἡ τῆς καρδίας. οὕτω δὲ καὶ τοῦ ἐγκεφάλου τὸ ἴδιον σῶμα καὶ τῆς γαστρὸς καὶ τοῦ στομάχου καὶ τῶν ἐντέρων καὶ τῶν ὑστερῶν αἰσθητὸν στοιχεῖόν ἐστιν ὁμοιομερές τε καὶ ἀπλοῦν καὶ ἀσύνθετον· ἐὰν γὰρ ἐξέλης ἐκάστου τῶν εἰρημένων τὰς ἀρτηρίας τε καὶ τὰς φλέβας καὶ τὰ νεῦρα, τὸ ὑπόλοιπον σῶμα τὸ καθ' ἕκαστον ὄργανον ἀπλοῦν ἐστι καὶ στοιχειῶδες ὡς πρὸς αἴσθησιν. ὅσα δὲ τῶν τοιούτων ὀργάνων ἐκ δυοῖν σύγκειται χιτώνων οὐχ ὁμοίων μὲν ἀλλήλοις, ἀπλοῦ δ' ἑκατέρου, τούτων οἱ χιτώνές εἰσι τὰ στοιχεῖα καθάπερ τῆς τε γαστρὸς καὶ τοῦ στομάχου καὶ τῶν ἐντέρων καὶ τῶν ἀρτηριῶν, καὶ καθ' ἑκάτερόν γε τῶν χιτώνων ἴδιος ἡ ἀλλοιωτικὴ δύναμις ἢ ἐκ τοῦ παρὰ τῆς μητρὸς ἐπιμηνίου γεννήσασα τὸ μόριον, ὥστε τὰς κατὰ μέρος ἀλλοιωτικὰς δυνάμεις τοσαύτας εἶναι καθ' ἕκαστον ζῶον, ὅσαπερ ἂν ἔχη τὰ στοιχειώδη μόρια. καὶ μὲν γε καὶ τὰς ἐνεργείας ἰδίας ἐκάστῳ τῶν κατὰ μέρος ἀναγκαῖον ὑπάρχειν ὥσπερ καὶ τὰς χρείας, οἷον καὶ τῶν ἀπὸ τῶν νεφρῶν εἰς τὴν κύστιν διηκόντων πόρων, οἱ δὲ καὶ οὐρητῆρες καλοῦνται. οὗτοι γὰρ οὐτ' ἀρτηρίαι εἰσίν, ὅτι μήτε σφύζουσι μήτ' ἐκ

δυοῖν χιτώνων συνεστήκασιν, οὔτε φλέβες, ὅτι μήθ' αἷμα περιέχουσι μήτ' ἔοικεν αὐτῶν ὁ χιτῶν κατὰ τι τῷ τῆς φλεβός· ἀλλὰ καὶ νεύρων ἐπὶ πλέον ἀφεστήκασιν ἢ τῶν εἰρημένων. τί ποτ' οὖν εἰσιν; ἐρωτᾷ τις, ὥσπερ ἀναγκαῖον ὄν ἅπαν μόριον ἢ ἀρτηρίαν ἢ φλέβα ἢ νεῦρον ὑπάρχειν ἢ ἐκ τούτων πεπλέχθαι καὶ μὴ τοῦτ' αὐτὸ τὸ νῦν λεγόμενον, ὡς ἴδιος ἐκάστῳ τῶν κατὰ μέρος ὀργάνων ἐστὶν ἡ οὐσία. καὶ γὰρ καὶ αἱ κύστεις ἐκάτεραι ἢ τε τὸ οὔρον ὑποδεχομένη καὶ ἡ τὴν ξανθὴν χολὴν οὐ μόνον τῶν ἄλλων ἀπάντων ἀλλὰ καὶ ἀλλήλων διαφέρουσι καὶ οἱ εἰς τὸ ἥπαρ ἀποφυόμενοι πόροι, καθάπερ στόμαχοί τινες ἀπὸ τῆς χοληδόχου κύστεως, οὐδὲν οὔτ' ἀρτηρίαις οὔτε φλεψὶν οὔτε νεύροις ἐοίκασι. ἀλλὰ περὶ μὲν τούτων ἐπὶ πλέον ἐν ἄλλοις τέ τισι κἂν τοῖς περὶ τῆς Ἱπποκράτους ἀνατομῆς εἴρηται. αἱ δὲ κατὰ μέρος ἅπασαι δυνάμεις τῆς φύσεως αἱ ἀλλοιωτικαὶ αὐτὴν μὲν τὴν οὐσίαν τῶν χιτώνων τῆς κοιλίας καὶ τῶν ἐντέρων καὶ τῶν ὑστερῶν ἀπετέλεσαν, οἷα πέρ ἐστι· τὴν δὲ σύνθεσιν αὐτῶν καὶ τὴν τῶν ἐμφυομένων πλοκὴν καὶ τὴν εἰς τὸ ἔντερον ἔκφυσιν καὶ τὴν τῆς ἔνδον κοιλότητος ἰδέαν καὶ τᾶλλ' ὅσα τοιαῦτα δύναμις τις ἑτέρα διέπλασεν, ἣν διαπλαστικὴν ὀνομάζομεν, ἣν δὲ καὶ τεχνικὴν εἶναι λέγομεν, μᾶλλον δ' ἀρίστην καὶ ἄκραν τέχνην καὶ πάντα τινὸς ἕνεκα ποιούσαν, ὡς μηδὲν ἀργὸν εἶναι μηδὲ περιττὸν μηδ' ὄλως οὕτως ἔχον, ὡς δύνασθαι βέλτιον ἑτέρως ἔχειν. ἀλλὰ τοῦτο μὲν ἐν τοῖς περὶ χρεῖας μορίων ἀποδείξομεν.

7. Ἐπὶ δὲ τὴν ἀύξητικὴν ἤδη μεταβάντες δύναμιν αὐτὸ

τοῦθ' ὑπομνήσωμεν πρῶτον, ὡς ὑπάρχει μὲν καὶ αὐτὴ τοῖς
κυουμένοις ὡσπερ καὶ ἡ θρεπτικὴ· ἀλλ' οἷον ὑπηρέτιδές
τινές εἰσι τηνικαῦτα τῶν προειρημένων δυνάμεων, οὐκ
ἐν αὐταῖς ἔχουσαι τὸ πᾶν κῦρος. ἐπειδὴν δὲ τὸ τέλειον
ἀπολάβη μέγεθος τὸ ζῶον, ἐν τῷ μετὰ τὴν ἀποκύησιν χρόνῳ
παντὶ μέχρι τῆς ἀκμῆς ἢ μὲν αὐξητικὴ τηνικαῦτα κρατεῖ·
βοηθοὶ δ' αὐτῆς καὶ οἷον ὑπηρέτιδες ἢ τ' ἀλλοιωτικὴ δύναμις
ἐστὶ καὶ ἡ θρεπτικὴ. τί οὖν τὸ ἴδιόν ἐστὶ τῆς αὐξητικῆς
δυνάμεως; εἰς πᾶν μέρος ἐκτείνει τὰ πεφυκότα. καλεῖται δ'
οὕτω τὰ στερεὰ μόρια τοῦ σώματος, ἀρτηρίαι καὶ φλέβες
καὶ νεῦρα καὶ ὀστέα καὶ χόνδροι καὶ ὑμένες καὶ σύνδεσμοι
καὶ οἱ χιτῶνες ἅπα-ντες, οὓς στοιχειώδεις τε καὶ ὁμοιομερεῖς
καὶ ἀπλοῦς ὀλίγον ἔμπροσθεν ἐκαλοῦμεν. ὅτῳ δὲ τρόπῳ τὴν
εἰς πᾶν μέρος ἔκτασιν ἴσχουσιν, ἐγὼ φράσω παράδειγμά τι
πρότερον εἰπὼν ἔνεκα τοῦ σαφοῦς. τὰς κύστεις τῶν ὑῶν
λαβόντες οἱ παῖδες πληροῦσί τε πνεύματος καὶ τρίβουσιν
ἐπὶ τῆς τέφρας πλησίον τοῦ πυρός, ὡς ἀλεαίνεσθαι μὲν,
βλάπτεσθαι δὲ μηδέν· καὶ πολλή γ' αὕτη ἢ παιδιὰ περί τε τὴν
Ἰωνίαν καὶ ἐν ἄλλοις ἔθνεσιν οὐκ ὀλίγοις ἐστίν. ἐπιλέγουσι
δὲ δὴ καὶ τιν' ἔπη τρίβοντες ἐν μέτρῳ τέ τινα καὶ μέλει
καὶ ῥυθμῷ καὶ ἔστι πάντα τὰ ῥήματα ταῦτα παρακέλευσις
τῇ κύστει πρὸς τὴν αὕξησιν. ἐπειδὴν δ' ἱκανῶς αὐτοῖς
διατετάσθαι δοκῆ, πάλιν ἐμφυσῶσί τε καὶ ἐπιδιατείνουσι
καὶ αὖθις τρίβουσι καὶ τοῦτο πλεονάκις ποιοῦσιν, ἄχρις
ἂν αὐτοῖς ἢ κύστις ἱκανῶς ἔχειν δοκῆ τῆς αὐξήσεως.
ἀλλ' ἐν τούτοις γε τοῖς ἔργοις τῶν παίδων ἐναργῶς, ὅσον

εἰς μέγεθος ἐπιδίδωσιν ἢ ἐντὸς εὐρυχωρία τῆς κύστεως, τοσοῦτον ἀναγκαῖον εἰς λεπτότητα καθαιρεῖσθαι τὸ σῶμα καὶ εἶ γε τὴν λεπτότητα ταύτην ἀνατρέφειν οἷοί τ' ἦσαν οἱ παῖδες, ὁμοίως ἂν τῇ φύσει τὴν κύστιν ἐκ μικρᾶς μεγάλης ἀπειργάζοντο. νυνὶ δὲ τοῦτ' αὐτοῖς ἐνδεῖ τὸ ἔργον οὐδὲ καθ' ἓνα τρόπον εἰς μίμησιν ἐνδεχόμενον ἀχθῆναι μὴ ὅτι τοῖς παισὶν ἄλλ' οὐδ' ἄλλω τινί [τῶν τελείων]· μόνης γὰρ τῆς φύσεως ἴδιόν ἐστιν. ὥστ' ἤδη σοι δῆλον, ὡς ἀναγκαῖα τοῖς ἀϋξανομένοις ἢ θρέψις. εἰ γὰρ διατείνοιτο μὲν, ἀνατρέφοιτο δὲ μή, φαντασίαν ψευδῆ μᾶλλον, οὐκ αὖξισιν ἀληθῆ τὰ τοιαῦτα σώματα κτήσεται. καίτοι καὶ τὸ διατείνεσθαι πάντη μόνους τοῖς ὑπὸ φύσεως ἀϋξανομένοις ὑπάρχει. τὰ γὰρ ὑφ' ἡμῶν διατεινόμενα σώματα κατὰ μίαν τινὰ διάστασιν τοῦτο πάσχοντα μειοῦται ταῖς λοιπαῖς οὐδ' ἔστιν εὐρεῖν οὐδέν, ὃ συνεχῆς ἔτι μένον καὶ ἀδιάσπαστον εἰς τὰς τρεῖς διαστάσεις ἐπεκτεῖναι δυνάμεθα. μόνης οὖν τῆς φύσεως τὸ πάντη διστάναι συνεχῆς ἑαυτῷ μένον ἔτι καὶ τὴν ἀρχαίαν ἅπασαν ιδέαν φυλάττον τὸ σῶμα. καὶ τοῦτ' ἔστιν ἢ αὖξισις ἄνευ τῆς ἐπιρρεοῦσης τε καὶ προσπλαττομένης τροφῆς μὴ δυναμένη γενέσθαι.

8. Καὶ τοίνυν ὁ λόγος ἦκειν ἔοικεν ὁ περὶ τῆς θρέψεως, ὃς δὴ λοιπός ἐστι καὶ τρίτος ὧν ἕξ ἀρχῆς προῦθέμεθα. τοῦ γὰρ ἐπιρρέοντος ἐν εἴδει τροφῆς παντὶ μορίῳ τοῦ τρεφομένου σώματος προσπλαττομένου θρέψις μὲν ἢ ἐνέργεια, θρεπτικὴ δὲ δύναμις ἢ αἰτία. ἀλλοίωσις μὲν δὴ κἀνταῦθα τὸ γένος τῆς ἐνεργείας, ἀλλ' οὐχ οἷαπερ ἢ ἐν τῇ γενέσει. ἐκεῖ μὲν

γὰρ οὐκ ὄν [ὀστοῦν] πρότερον ὕστερον ἐγένετο, κατὰ δὲ τὴν θρέψιν τῷ ἤδη γεγονότι συνεξομοιοῦται τὸ ἐπιρρέον καὶ διὰ τοῦτ' εὐλόγως ἐκείνην μὲν τὴν ἀλλοίωσιν γένεσιν, ταύτην δ' ἐξομοίωσιν [τε καὶ ὁμοίωσιν] ὠνόμασαν.

9. Ἐπειδὴ δὲ περὶ τῶν τριῶν δυνάμεων τῆς φύσεως αὐτάρκως εἴρηται καὶ φαίνεται μηδεμιᾶς ἄλλης προσδεῖσθαι τὸ ζῶον, ἔχον γε καὶ ὅπως αὐξηθῆ καὶ ὅπως τελειωθῆ καὶ ὅπως ἕως πλείστου διαφυλαχθῆ, δόξειε μὲν ἂν ἴσως ἱκανῶς ἔχειν ὁ λόγος οὗτος ἤδη καὶ πάσας ἐξηγεῖσθαι τὰς τῆς φύσεως δυνάμεις. ἀλλ' εἴ τις πάλιν ἐννοήσειεν, ὡς οὐδενὸς οὐδέπω τῶν τοῦ ζῴου μορίων ἐφήψατο, κοιλίας λέγω καὶ ἐντέρων καὶ ἥπατος καὶ τῶν ὁμοίων, οὐδ' ἐξηγήσατο τὰς ἐν αὐτοῖς δυνάμεις, αὐθις δόξειεν ἂν οἶον προοίμιόν τι μόνον εἰρῆσθαι τῆς χρησίμου διδασκαλίας. τὸ γὰρ σύμπαν ὧδ' ἔχει. γένεσις καὶ αὐξήσις καὶ θρέψις τὰ πρῶτα καὶ οἶον κεφάλαια τῶν ἔργων ἐστὶ τῆς φύσεως· ὥστε καὶ αἱ τούτων ἐργαστικαὶ δυνάμεις αἱ πρῶται τρεῖς εἰσι καὶ κυριώταται· δέονται δ' εἰς ὑπηρεσίαν, ὡς ἤδη δέδεικται, καὶ ἀλλήλων καὶ ἄλλων. τίνων μὲν οὖν ἢ γεννητικὴ τε καὶ αὐξητικὴ δέονται, εἴρηται, τίνων δ' ἢ θρεπτικὴ, νῦν εἰρήσεται.

10. Δοκῶ γὰρ μοι δεῖξιν τὰ περὶ τὴν [φυσικὴν] τῆς τροφῆς οἰκονομίαν ὄργανά τε καὶ τὰς δυνάμεις αὐτῶν διὰ ταύτην γεγονότα. ἐπειδὴ γὰρ ἡ ἐνέργεια ταύτης τῆς δυνάμεως ἐξομοίωσις ἐστίν, ὁμοιοῦσθαι δὲ καὶ μεταβάλλειν εἰς ἄλληλα πᾶσι τοῖς οὓσιν ἀδύνατον, εἰ μὴ τινα ἔχοι

κοινωνίαν ἤδη καὶ συγγένειαν ἐν ταῖς ποιότησι, διὰ τοῦτο
πρῶτον μὲν οὐκ ἐκ πάντων ἐδεσμάτων πᾶν ζῶον τρέφεσθαι
πέφυκεν, ἔπειτα δ' οὐδ' ἐξ ὧν οἷόν τ' ἐστὶν οὐδ' ἐκ τούτων
παραχρῆμα, καὶ διὰ ταύτην τὴν ἀνάγκην πλειόνων ὀργάνων
ἀλλοιωτικῶν τῆς τροφῆς ἕκαστον τῶν ζῴων χρῆζει. ἵνα μὲν
γὰρ τὸ ξανθὸν ἐρυθρὸν γένηται καὶ τὸ ἐρυθρὸν ξανθόν,
ἀπλῆς καὶ μιᾶς δεῖται τῆς ἀλλοιώσεως· ἵνα δὲ τὸ λευκὸν
μέλαν καὶ τὸ μέλαν λευκόν, ἀπασῶν τῶν μεταξύ. καὶ
τοῖνυν καὶ τὸ μαλακώτατον οὐκ ἂν ἀθρόως σκληρότατον
καὶ τὸ σκληρότατον οὐκ ἂν ἀθρόως μαλακώτατον γένοιτο,
ὥσπερ οὐδὲ τὸ δυσωδέστατον εὐωδέστατον οὐδ' ἔμπαλιν
τὸ εὐωδέστατον δυσωδέστατον ἐξαίφνης γένοιτ' ἂν. πῶς
οὖν ἐξ αἵματος ὁστοῦν ἂν ποτε γένοιτο μὴ παχυνθέντος
γε πρότερον ἐπὶ πλεῖστον αὐτοῦ καὶ λευκανθέντος ἢ πῶς
ἐξ ἄρτου τὸ αἷμα μὴ κατὰ βραχὺ μὲν ἀποθεμένου τὴν
λευκότητα, κατὰ βραχὺ δὲ λαμβάνοντος τὴν ἐρυθρότητα;
σάρκα μὲν γὰρ ἐξ αἵματος γενέσθαι ῥᾶστον· εἰ γὰρ εἰς
τοσοῦτον αὐτὸ παχύνειεν ἡ φύσις, ὡς σύστασίν τινα σχεῖν
καὶ μηκέτ' εἶναι ῥυτόν, ἢ πρώτη καὶ νεοπαγῆς οὕτως
ἂν εἴη σάρξ· ὁστοῦν δ' ἵνα γένηται, πολλοῦ μὲν δεῖται
χρόνου, πολλῆς δ' ἐργασίας καὶ μεταβολῆς τῷ αἵματι. ὅτι
δὲ καὶ τῷ ἄρτῳ καὶ πολὺ μᾶλλον θριδακίνη καὶ τεύτλῳ καὶ
τοῖς ὁμοίοις παμπόλλης δεῖται τῆς ἀλλοιώσεως εἰς αἷματος
γένεσιν, οὐδὲ τοῦτ' ἄδηλον. ἐν μὲν δὴ τοῦτ' αἴτιον τοῦ
πολλὰ γενέσθαι τὰ περὶ τὴν τῆς τροφῆς ἀλλοίωσιν ὄργανα.
δεύτερον δ' ἢ τῶν περιπτώματων φύσις. ὡς γὰρ ὑπὸ βοτανῶν

οὐδ' ὅλως δυνάμεθα τρέφεσθαι, καίτοι τῶν βοσκημάτων
τρεφομένων, οὕτως ὑπὸ ῥαφανίδος τρεφόμεθα μὲν, ἀλλ' οὐχ
ὡς ὑπὸ τῶν κρεῶν. τούτων μὲν γὰρ ὀλίγου δεῖν ὄλων ἢ φύσις
ἡμῶν κρατεῖ καὶ μεταβάλλει καὶ ἀλλοιοῖ καὶ χρηστὸν ἔξ
αὐτῶν αἷμα συνίστησιν· ἐν δὲ τῇ ῥαφανίδι τὸ μὲν οἰκειῶν
τε καὶ μεταβληθῆναι δυνάμενον, μόγις καὶ τοῦτο καὶ σὺν
πολλῇ τῇ κατεργασίᾳ, παντάπασιν ἐλάχιστον· ὅλη δ' ὀλίγου
δεῖν ἐστὶ περιπτωματικὴ καὶ διεξέρχεται τὰ τῆς πέψεως
ὄργανα, βραχέος ἔξ αὐτῆς εἰς τὰς φλέβας ἀναληφθέντος
αἵματος καὶ οὐδὲ τούτου τελέως χρηστοῦ. δευτέρας οὖν
αὔθις ἐδέησε διακρίσεως τῇ φύσει τῶν ἐν ταῖς φλεψὶ
περιπτωμάτων. καὶ χρεῖα καὶ τούτοις ὁδῶν τέ τινων ἐτέρων
ἐπὶ τὰς ἐκκρίσεις αὐτὰ παραγουσῶν, ὡς μὴ λυμαίνοιτο
τοῖς χρηστοῖς, ὑποδοχῶν τέ τινων οἷον δεξαμενῶν, ἐν αἷς
ὅταν εἰς ἰκανὸν [ἄθροιζόμενον] πλῆθος ἀφίκηται, τηνικαῦτ'
ἐκκριθήσεται. δεύτερον δὴ σοι καὶ τοῦτο τὸ γένος τῶν
ἐν τῷ σώματι μορίων ἐξεύρηται τοῖς περιπτώμασι τῆς
τροφῆς ἀνακείμενον. ἄλλο δὲ τρίτον ὑπὲρ τοῦ πάντη
φέρεσθαι, καθάπερ τινὲς ὁδοὶ πολλαὶ διὰ τοῦ σώματος ὄλου
κατατετμημέναι. μία μὲν γὰρ εἴσοδος ἢ διὰ τοῦ στόματος
ἅπανσι τοῖς σιτίοις, οὐχ ἓν δὲ τὸ τρεφόμενον ἀλλὰ πάμπολλά
τε καὶ πάμπολυ διεστῶτα. μὴ τοίνυν θαύμαζε τὸ πλῆθος
τῶν ὀργάνων, ὅσα θρέψεως ἔνεκεν ἢ φύσις ἐδημιούργησε.
τὰ μὲν γὰρ ἀλλοιοῦντα προπαρασκευάζει τὴν ἐπιτήδειον
ἐκάστω μορίῳ τροφήν, τὰ δὲ διακρίνει τὰ περιπτώματα,
τὰ δὲ παραπέμπει, τὰ δ' ὑποδέχεται, τὰ δ' ἐκκρίνει, τὰ δ'

ὁδοὶ τῆς πάντη φορᾶς εἰσι τῶν χρηστῶν χυμῶν, ὥστ', εἴπερ βούλει τὰς δυνάμεις τῆς φύσεως ἀπάσας ἐκμαθεῖν, ὑπὲρ ἐκάστου τούτων ἂν εἴη σοι τῶν ὀργάνων ἐπισκεπτέον. ἀρχὴ δ' αὐτῶν τῆς διδασκαλίας, ὅσα τοῦ τέλους ἐγγυὸς ἔργα τε τῆς φύσεώς ἐστι καὶ μόρια καὶ δυνάμεις αὐτῶν.

11. Αὐτοῦ δὲ δὴ πάλιν ἀναμνηστέον ἡμῖν τοῦ τέλους, οὔπερ ἔνεκα τοσαῦτά τε καὶ τοιαῦτα τῇ φύσει δεδημιούργηται μόρια. τὸ μὲν οὖν ὄνομα τοῦ πράγματος, ὥσπερ καὶ πρότερον εἴρηται, θρέψις· ὁ δὲ κατὰ τοῦνομα λόγος ὁμοίωσις τοῦ τρέφοντος τῷ τρεφομένῳ. ἵνα δ' αὕτη γένηται, προηγῆσασθαι χρὴ πρόσφυσιν, ἵνα δ' ἐκείνη, πρόσθεσιν. ἐπειδὴν γὰρ ἐκπέση τῶν ἀγγείων ὁ μέλλων θρέψειν ὅτιοῦν τῶν τοῦ ζώου μορίων χυμός, εἰς ἅπαν αὐτὸ διασπείρεται πρῶτον, ἔπειτα προστίθεται κἄπειτα προσφύεται καὶ τελέως ὁμοιοῦται. δηλοῦσι δ' αἱ καλούμεναι λεῦκαι τὴν διαφορὰν ὁμοιώσεώς τε καὶ προσφύσεως, ὥσπερ τὸ γένος ἐκεῖνο τῶν ὑδέρων, ὃ τινες ὀνομάζουσι ἀνὰ σάρκα, διορίζει σαφῶς πρόσθεσιν προσφύσεως. οὐ γὰρ ἐνδεία δήπου τῆς ἐπιρρεούσης ὑγρότητος, ὡς ἔνιαι τῶν ἀτροφιῶν τε καὶ φθίσεων, ἢ τοῦ τοιούτου γένεσις ὑδέρου συντελεῖται. φαίνεται γὰρ ἱκανῶς [αὐτοῖς] ἢ τε σὰρξ ὑγρὰ καὶ διάβροχος ἕκαστόν τε τῶν στερεῶν τοῦ σώματος μορίων ὡσαύτως διακείμενον. ἀλλὰ πρόσθεσις μὲν τις γίνεταί τῆς ἐπιφερομένης τροφῆς, ἅτε δ' ὑδατωδεστέρας οὔσης ἔτι καὶ μὴ πάνυ τι κεχυμωμένης μηδὲ τὸ γλίσχρον ἐκεῖνο καὶ κολλῶδες, ὃ δὴ τῆς ἐμφύτου θερμασίας

οικονομία προσγίγνεται, κεκτημένης ἢ πρόσφυσις ἀδύνατός ἐστιν ἐπιτελεῖσθαι πλήθει λεπτῆς ὑγρότητος ἀπέπτου διαρρεούσης τε καὶ ῥαδίως ὀλισθαινούσης ἀπὸ τῶν στερεῶν τοῦ σώματος μορίων τῆς τροφῆς. ἐν δὲ ταῖς λεύκαις πρόσφυσις μὲν τις γίγνεται τῆς τροφῆς, οὐ μὴν ἐξομοίωσίς γε. καὶ δῆλον ἐν τῷδε τὸ μικρῷ πρόσθεν ῥηθὲν ὡς ὀρθῶς ἐλέγετο τὸ δεῖν πρόσθεσιν μὲν πρῶτον, ἐφεξῆς δὲ πρόσφυσιν, ἔπειτ' ἐξομοίωσιν γενέσθαι τῷ μέλλοντι τρέφεσθαι. κυρίως μὲν οὖν τὸ τρέφον ἤδη τροφή, τὸ δ' οἶον μὲν τροφή, οὐπω δὲ τρέφον, ὁποῖόν ἐστι τὸ προσφυόμενον ἢ προστιθέμενον, τροφή μὲν οὐ κυρίως, ὁμωνύμως δὲ τροφή· τὸ δ' ἐν ταῖς φλεψὶν ἔτι περιεχόμενον καὶ τούτου μᾶλλον ἔτι τὸ κατὰ τὴν γαστέρα τῷ μέλλειν ποτὲ θρέψειν, εἰ καλῶς κατεργασθείη, κέκληται τροφή. κατὰ ταῦτα δὲ καὶ τῶν ἐδεσμάτων ἕκαστον τροφήν ὀνομάζομεν οὔτε τῷ τρέφειν ἤδη τὸ ζῶον οὔτε τῷ τοιοῦτον ὑπάρχειν οἶον τὸ τρέφον, ἀλλὰ τῷ δύνασθαί τε καὶ μέλλειν τρέφειν, εἰ καλῶς κατεργασθείη. τοῦτο γὰρ ἦν καὶ τὸ πρὸς Ἴπποκράτους λεγόμενον· “τροφή δὲ τὸ τρέφον, τροφή καὶ τὸ οἶον τροφή καὶ τὸ μέλλον”. τὸ μὲν γὰρ ὁμοιούμενον ἤδη τροφήν ὠνόμασε, τὸ δ' οἶον μὲν ἐκεῖνο προστιθέμενον ἢ προσφυόμενον οἶον τροφήν· τὸ δ' ἄλλο πᾶν, ὅσον ἐν τῇ γαστρὶ καὶ ταῖς φλεψὶ περιέχεται, μέλλον.

12. “Ὅτι μὲν οὖν ἀναγκαῖον ὁμοίωσιν τιν' εἶναι τοῦ τρέφοντος τῷ τρεφομένῳ τὴν θρέψιν, ἄντικρυς δῆλον. οὐ μὴν ὑπάρχουσάν γε ταύτην τὴν ὁμοίωσιν, ἀλλὰ φαινομένην μόνον εἶναί φασιν οἱ μήτε τεχνικὴν οἰόμενοι τὴν φύσιν

εἶναι μήτε προνοητικὴν τοῦ ζώου μήθ' ὅλως τινὰς οἰκείας ἔχειν δυνάμεις, αἷς χρωμένῃ τὰ μὲν ἀλλοιοῖ, τὰ δ' ἔλκει, τὰ δ' ἐκκρίνει. καὶ αὗται δύο γεγόνασιν αἰρέσεις κατὰ γένος ἐν ἰατρικῇ τε καὶ φιλοσοφίᾳ τῶν ἀπο-φηναμένων τι περὶ φύσεως ἀνδρῶν, ὅσοι γ' αὐτῶν γινώσκουσιν, ὅ τι λέγουσι, καὶ τὴν ἀκολουθίαν ὧν ὑπέθεντο θεωροῦσι θ' ἅμα καὶ διαφυλάττουσιν. ὅσοι δὲ μηδ' αὐτὸ τοῦτο συνιᾶσιν, ἀλλ' ἀπλῶς, ὅ τι ἂν ἐπὶ γλῶτταν ἔλθῃ, ληροῦσιν, ἐν οὐδετέρᾳ τῶν αἰρέσεων ἀκριβῶς καταμένοντες, οὐδὲ μεμνήσθαι τῶν τοιούτων προσήκει. τίνες οὖν αἱ δύο αἰρέσεις αὗται καὶ τίς ἢ τῶν ἐν αὐταῖς ὑποθέσεων ἀκολουθία; τὴν ὑποβεβλημένην οὐσίαν γενέσει καὶ φθορᾷ πᾶσαν ἠνωμένην θ' ἅμα καὶ ἀλλοιοῦσθαι δυναμένην ὑπέθετο θάτερον γένος τῆς αἰρέσεως, ἀμετάβλητον δὲ καὶ ἀναλλοίωτον καὶ κατατετμημένην εἰς λεπτὰ καὶ κεναῖς ταῖς μεταξὺ χώραις διειλημμένην ἢ λοιπῇ. καὶ τοίνυν ὅσοι γε τῆς ἀκολουθίας τῶν ὑποθέσεων αἰσθάνονται, κατὰ μὲν τὴν δευτέραν αἴρεσιν οὔτε φύσεως οὔτε ψυχῆς ἰδίαν τινὰ νομίζουσιν οὐσίαν ἢ δύναμιν ὑπάρχειν, ἀλλ' ἐν τῇ ποιᾷ συνόδῳ τῶν πρώτων ἐκείνων σωμάτων τῶν ἀπαθῶν ἀποτελεῖσθαι. κατὰ δὲ τὴν προτέραν εἰρημένην αἴρεσιν οὐχ ὑστέρᾳ τῶν σωμάτων ἢ φύσις, ἀλλὰ πολὺν προτέρα τε καὶ πρεσβυτέρα. καὶ τοίνυν κατὰ μὲν τούτους αὕτη τὰ σώματα τῶν τε φυτῶν καὶ τῶν ζώων συνίστησι δυνάμεις τινὰς ἔχουσα τὰς μὲν ἐλκτικὰς θ' ἅμα καὶ ὁμοιωτικὰς τῶν οἰκείων, τὰς δ' ἀποκριτικὰς τῶν ἀλλοτριῶν, καὶ τεχνικῶς ἅπαντα διαπλάττει τε γεννῶσα καὶ

προνοεῖται τῶν γεννωμένων ἐτέραις αὐθίς τισι δυνάμεσι, στερκτικῇ μὲν τινι καὶ προνοητικῇ τῶν ἐγγόνων, κοινωνικῇ δὲ καὶ φιλικῇ τῶν ὁμογενῶν. κατὰ δ' αὖ τοὺς ἐτέρους οὔτε τούτων οὐδὲν ὑπάρχει ταῖς φύσεσιν οὔτ' ἔννοιά τις ἐστὶ τῇ ψυχῇ σύμφυτος ἐξ ἀρχῆς οὐκ ἀκολουθίας οὐ μάχης, οὐ διαιρέσεως οὐ συνθέσεως, οὐ δικαίων οὐκ ἀδίκων, οὐ καλῶν οὐκ αἰσχυρῶν, ἀλλ' ἐξ αἰσθήσεώς τε καὶ δι' αἰσθήσεως ἅπαντα τὰ τοιαῦθ' ἡμῖν ἐγγίγνεσθαι φασὶ καὶ φαντασίαις τισὶ καὶ μνήμαις οἰακίζεσθαι τὰ ζῶα. ἔνιοι δ' αὐτῶν καὶ ῥητῶς ἀπεφήναντο μηδεμίαν εἶναι τῆς ψυχῆς δύναμιν, ἧ λογιζόμεθα, ἀλλ' ὑπὸ τῶν αἰσθητῶν ἄγεσθαι παθῶν ἡμᾶς καθάπερ βοσκήματα πρὸς μηδὲν ἀνανεῦσαι μηδ' ἀντειπεῖν δυναμένους. καθ' οὓς δηλονότι καὶ ἀνδρεία καὶ φρόνησις καὶ σωφροσύνη καὶ ἐγκράτεια λῆρός ἐστι μακρὸς καὶ φιλοῦμεν οὔτ' ἀλλήλους οὔτε τὰ ἔγγονα καὶ τοῖς θεοῖς οὐδὲν ἡμῶν μέλει. καταφρονοῦσι δὲ καὶ τῶν ὄνειράτων καὶ τῶν οἰωνῶν καὶ τῶν συμβόλων καὶ πάσης ἀστρολογίας, ὑπὲρ ὧν ἡμεῖς μὲν ἰδίᾳ δι' ἐτέρων γραμμάτων ἐπὶ πλεόν ἐσκεψάμεθα περὶ τῶν Ἀσκληπιάδου τοῦ ἰατροῦ σκοπούμενοι δογμάτων. ἔνεστι δὲ τοῖς βουλομένοις κἀκεῖνοις μὲν ὁμιλῆσαι τοῖς λόγοις καὶ νῦν δ' ἤδη σκοπεῖν, ὥσπερ τινῶν δυοῖν ὁδῶν ἡμῖν προκειμένων, ὁποτέραν βέλτιόν ἐστι τρέπεσθαι. Ἴπποκράτης μὲν γὰρ τὴν προτέραν ῥηθεῖσαν ἐτράπετο, καθ' ἣν ἦνεται μὲν ἡ οὐσία καὶ ἀλλοιοῦται καὶ σύμπνουν ὅλον ἐστὶ καὶ σύρρουν τὸ σῶμα καὶ ἡ φύσις ἅπαντα τεχνικῶς καὶ δικαίως πράττει δυνάμεις ἔχουσα, καθ' ἧς ἕκαστον τῶν

μορίων ἔλκει μὲν ἐφ' ἑαυτὸ τὸν οἰκεῖον ἑαυτῷ χυμὸν, ἔλξαν δὲ προσφύει τε παντὶ μέρει τῶν ἐν αὐτῷ καὶ τελέως ἔξομοιοῖ, τὸ δὲ μὴ κρατηθὲν ἐν τούτῳ μηδὲ τὴν παντελῆ δυνηθὲν ἀλλοιώσιν τε καὶ ὁμοιότητα τοῦ τρεφομένου καταδέξασθαι δι' ἑτέρας αὖ τινος ἐκκριτικῆς δυνάμεως ἀποτρίβεται.

13. Μαθεῖν δ' ἔνεστιν οὐ μόνον ἐξ ὧν οἱ τὰναντία τιθέμενοι διαφέρονται τοῖς ἐναργῶς φαινομένοις, εἰς ὅσον ὀρθότητός τε καὶ ἀληθείας ἦκει τὰ Ἴπποκράτους δόγματα, ἀλλὰ καὶ αὐτῶν τῶν κατὰ μέρος ἐν τῇ φυσικῇ θεωρίᾳ ζητουμένων τῶν τ' ἄλλων ἀπάντων καὶ τῶν ἐν τοῖς ζώοις ἐνεργειῶν. ὅσοι γὰρ οὐδεμίαν οὐδενὶ μορίῳ νομίζουσιν ὑπάρχειν ἐλκτικὴν τῆς οἰκείας ποιότητος δύναμιν, ἀναγκάζονται πολλάκις ἐναντία λέγειν τοῖς ἐναργῶς φαινομένοις, ὡσπερ καὶ Ἀσκληπιάδης ὁ ἰατρὸς ἐπὶ τῶν νεφρῶν ἐποίησεν, οὐς οὐ μόνον Ἴπποκράτης ἢ Διοκλῆς ἢ Ἐρασίστρατος ἢ Πραξαγόρας ἢ τις ἄλλος ἰατρὸς ἄριστος ὄργανα διακριτικὰ τῶν οὕρων πεπιστεύκασιν ὑπάρχειν, ἀλλὰ καὶ οἱ μάγειροι σχεδὸν ἅπαντες ἴσασιν, ὁσημέραι θεώμενοι τὴν τε θέσιν αὐτῶν καὶ τὸν ἀφ' ἑκατέρου πόρον εἰς τὴν κύστιν ἐμβάλλοντα, τὸν οὐρητῆρα καλούμενον, ἐξ αὐτῆς τῆς κατασκευῆς ἀναλογιζόμενοι τὴν τε χρεῖαν αὐτῶν καὶ τὴν δύναμιν. καὶ πρό γε τῶν μαγείρων ἅπαντες ἄνθρωποι καὶ δυσουροῦντες πολλάκις καὶ παντάπασιν ἰσχυροῦντες, ὅταν ἀλγῶσι μὲν τὰ κατὰ τὰς ψόας, ψαμμώδη δ' ἐξουρῶσιν, νεφριτικοὺς ὀνομάζουσι σφᾶς αὐτούς. Ἀσκληπιάδην δ' οἶμαι μηδὲ λίθον οὐρηθέντα

ποτὲ θεάσασθαι πρὸς τῶν οὕτω πασχόντων μηδ' ὡς προηγήσατο κατὰ τὴν μεταξὺ τῶν νεφρῶν καὶ τῆς κύστεως χώραν ὀδύνη τις ὀξεῖα διερχομένου τοῦ λίθου τὸν οὐρητῆρα μηδ' ὡς οὐρηθέντος αὐτοῦ τὰ τε τῆς ὀδύνης καὶ τὰ τῆς ἰσχυρίας ἐπαύσατο παραχρῆμα. πῶς οὖν εἰς τὴν κύστιν τῷ λόγῳ παράγει τὸ οὔρον, ἄξιον ἀκοῦσαι καὶ θαυμάσαι τὰνδρὸς τὴν σοφίαν, ὅς καταλιπὼν οὕτως εὐρείας ὁδοὺς ἐναργῶς φαινομένας ἀφανεῖς καὶ στενὰς καὶ παντάπασιν ἀναισθήτους ὑπέθετο. βούλεται γὰρ εἰς ἀτμοὺς ἀναλυόμενον τὸ πινόμενον ὑγρὸν εἰς τὴν κύστιν διαδίδοσθαι κἄπειτ' ἐξ ἐκείνων αὔθις ἀλλήλοις συνιόντων οὕτως ἀπολαμβάνειν αὐτὸ τὴν ἀρχαίαν ιδέαν καὶ γίγνεσθαι πάλιν ὑγρὸν ἐξ ἀτμῶν ἀτεχνῶς ὡς περὶ σπογγιᾶς τινος ἢ ἐρίου [περὶ] τῆς κύστεως διανοούμενος, ἀλλ' οὐ σώματος ἀκριβῶς πυκνοῦ καὶ στεγανοῦ δύο χιτῶνας ἰσχυροτάτους κεκτημένου, δι' ὧν εἴπερ διέρχεσθαι φήσομεν τοὺς ἀτμούς, τί δήποτ' οὐχὶ διὰ τοῦ περιτοναίου καὶ τῶν φρενῶν διελθόντες ἐνέπλησαν ὕδατος τό τ' ἐπιγᾶστριον ἅπαν καὶ τὸν θώρακα; ἀλλὰ παχύτερος, φησίν, ἐστὶ δηλαδὴ καὶ στεγανώτερος ὁ περιτόναιος χιτῶν τῆς κύστεως καὶ διὰ τοῦτ' ἐκεῖνος μὲν ἀποστέγει τοὺς ἀτμούς, ἡ δὲ κύστις παραδέχεται. ἀλλ' εἴπερ ἀνατετμήκει ποτέ, τάχ' ἂν ἠπίστατο τὸν μὲν ἔξωθεν χιτῶνα τῆς κύστεως ἀπὸ τοῦ περιτοναίου πεφυκότα τὴν αὐτὴν ἐκείνῳ φύσιν ἔχειν, τὸν δ' ἔνδοθεν τὸν αὐτῆς τῆς κύστεως ἴδιον πλέον ἢ διπλάσιον ἐκείνου τὸ πάχος ὑπάρχειν. ἀλλ' ἴσως οὔτε τὸ πάχος οὔθ' ἡ

λεπτότης τῶν χιτῶνων, ἀλλ' ἢ θέσις τῆς κύστεως αἰτία τοῦ φέρεσθαι τοὺς ἀτμοὺς εἰς αὐτήν. καὶ μὴν εἰ καὶ διὰ τᾶλλα πάντα πιθανὸν ἦν αὐτοὺς ἐνταυθοῖ συναθροίζεσθαι, τό γε τῆς θέσεως μόνης αὐταρκες κωλύσαι. κάτω μὲν γὰρ ἢ κύστις κεῖται, τοῖς δ' ἀτμοῖς σύμφυτος ἢ πρὸς τὸ μετέωρον φορά, ὥστε πολὺ πρότερον ἂν ἔπλησαν ἅπαντα τὰ κατὰ τὸν θώρακά τε καὶ τὸν πνεύμονα, πρὶν ἐπὶ τὴν κύστιν ἀφικέσθαι. καίτοι τί θέσεως κύστεως καὶ περιτοναίου καὶ θώρακος μνημονεύω; διεκπεσόντες γὰρ δήπου τοὺς τε τῆς κοιλίας καὶ τῶν ἐντέρων χιτῶνας οἱ ἀτμοὶ κατὰ τὴν μεταξὺ χώραν αὐτῶν τε τούτων καὶ τοῦ περιτοναίου συναθροισθήσονται καὶ ὑγρὸν ἐνταυθοῖ γενήσονται, ὥσπερ καὶ τοῖς ὑδερικοῖς ἐν τούτῳ τῷ χωρίῳ τὸ πλεῖστον ἀθροίζεται τοῦ ὕδατος, ἢ πάντως αὐτοὺς χρῆ φέρεσθαι πρόσω διὰ πάντων τῶν ὀπωσοῦν ὁμιλούντων καὶ μηδέποθ' ἴστασθαι. ἀλλ' εἰ καὶ τοῦτό τις ὑπόθοιτο, διεκπεσόντες ἂν οὕτως οὐ τὸ περιτόναιον μόνον ἀλλὰ καὶ τὸ ἐπιγάστριον, εἰς τὸ περιέχον σκεδασθεῖεν ἢ πάντως ἂν ὑπὸ τῷ δέρματι συναθροισθεῖεν. ἀλλὰ καὶ πρὸς ταῦτ' ἀντιλέγειν οἱ νῦν Ἀσκληπιάδαιοι πειρῶνται, καίτοι πρὸς ἀπάντων ἀεὶ τῶν παρατυγχανόντων αὐτοῖς, ὅταν περὶ τούτων ἐρίζωσι, καταγελώμενοι. οὕτως ἄρα δυσαιότριπτόν τι κακὸν ἔστιν ἢ περὶ τὰς αἰρέσεις φιλοτιμία καὶ δυσέκνιπτον ἐν τοῖς μάλιστα καὶ ψώρας ἀπάσης δυσιατότερον. τῶν γοῦν καθ' ἡμᾶς τις σοφιστῶν τά τ' ἄλλα καὶ περὶ τοὺς ἐριστικοὺς λόγους ἱκανῶς συγκεκροτημένος καὶ δεινὸς εἶπεῖν, εἴπερ τις ἄλλος,

ἀφικόμενος ἐμοί ποθ' ὑπὲρ τούτων εἰς λόγους, τοσοῦτον ἀπέδει τοῦ δυσωπεῖσθαι πρὸς τινος τῶν εἰρημένων, ὥστε καὶ θαυμάζειν ἔφασκεν ἐμοῦ τὰ σαφῶς φαινόμενα λόγοις ληρώδεσιν ἀνατρέπειν ἐπιχειροῦντος. ἐναργῶς γὰρ ὀσημέραι θεωρεῖσθαι τὰς κύστεις ἀπάσας, εἴ τις αὐτὰς ἐμπλήσειεν ὕδατος ἢ ἀέρος, εἶτα δήσας τὸν τράχηλον πιέζοι πανταχόθεν, οὐδαμόθεν μεθιείσας οὐδέν, ἀλλ' ἀκριβῶς ἅπαν ἐντὸς ἑαυτῶν στεγούσας. καίτοι γ' εἴπερ ἦσαν τινες ἐκ τῶν νεφρῶν εἰς αὐτὰς ἦκοντες αἰσθητοὶ καὶ μεγάλοι πόροι, πάντως ἄν, ἔφη, δι' ἐκείνων, ὥσπερ εἰσῆι τὸ ὑγρὸν εἰς αὐτὰς, οὕτω καὶ θλιβόντων ἐξεκρίνετο. ταῦτα καὶ τὰ τοιαῦτ' εἰπὼν ἐξαίφνης ἀπταίστω καὶ σαφεῖ τῷ στόματι τελευτῶν ἀναπηδήσας ἀπῆι καταλιπὼν ἡμᾶς ὡς οὐδὲ πιθανῆς τινος ἀντιλογίας εὐπορῆσαι δυναμένους. οὕτως οὐ μόνον ὑγιᾶς οὐδὲν ἴσασιν οἱ ταῖς αἰρέσεις δουλεύοντες, ἀλλ' οὐδὲ μαθεῖν ὑπομένουσι. δέον γὰρ ἀκοῦσαι τὴν αἰτίαν, δι' ἣν εἰσιέναι μὲν δύναται διὰ τῶν οὐρητήρων εἰς τὴν κύστιν τὸ ὑγρὸν, ἐξιέναι δ' αὐθις ὀπίσω τὴν αὐτὴν ὁδὸν οὐκέθ' οἷόν τε, καὶ θαυμάσαι τὴν τέχνην τῆς φύσεως, οὔτε μαθεῖν ἐθέλουσι καὶ λαιδοροῦνται προσέτι μάτην ὑπ' αὐτῆς ἄλλα τε πολλὰ καὶ τοὺς νεφροὺς γεγονέναι φάσκοντες. εἰσὶ δ' οἱ καὶ δειχθῆναι παρόντων αὐτῶν τοὺς ἀπὸ τῶν νεφρῶν εἰς τὴν κύστιν ἐμφυομένους οὐρητῆρας ὑπομείναντες ἐτόλμησαν εἰπεῖν οἱ μὲν, ὅτι μάτην καὶ οὔτοι γεγόνασιν, οἱ δ', ὅτι σπερματικοὶ τινές εἰσι πόροι καὶ διὰ τοῦτο κατὰ τὸν τράχηλον αὐτῆς, οὐκ εἰς τὸ κῦτος ἐμφύονται. δείξαντες οὖν ἡμεῖς αὐτοῖς τοὺς ὡς

ἀληθῶς σπερματικούς πόρους κατωτέρω τῶν οὐρητήρων ἐμβάλλοντας εἰς τὸν τράχηλον, νῦν γοῦν, εἰ καὶ μὴ πρότερον, ᾠήθημεν ἀπάξιν τε τῶν ψευδῶς ὑπειλημμένων ἐπὶ τε τὰναντία μεταστήσειν αὐτίκα. οἱ δὲ καὶ πρὸς τοῦτ' ἀντιλέγειν ἐτόλμων οὐδὲν εἶναι θαυμαστὸν εἰπόντες, ἐν ἐκείνοις μὲν ὡς ἂν στεγανωτέροις οὔσιν ἐπὶ πλέον ὑπομένειν τὸ σπέρμα, κατὰ δὲ τοὺς ἀπὸ τῶν νεφρῶν ὡς ἂν ἱκανῶς ἀνευρυσμένους ἐκρεῖν διὰ ταχέων. ἡμεῖς οὖν ἠναγκάσθημεν αὐτοῖς τοῦ λοιποῦ δεικνύειν εἰσρέον τῇ κύστει διὰ τῶν οὐρητήρων τὸ οὔρον ἐναργῶς ἐπὶ ζῶντος ἔτι τοῦ ζώου, μόγις ἂν οὕτω ποτὲ τὴν φλυαρίαν αὐτῶν ἐπισχῆσειν ἐλπίζοντες. ὁ δὲ τρόπος τῆς δείξεώς ἐστι τοιόσδε. διελεῖν χρὴ τὸ πρὸ τῶν οὐρητήρων περιτόναιον, εἶτα βρόχοις αὐτοὺς ἐκλαβεῖν κᾶπειτ' ἐπιδήσαντας ἐᾶσαι τὸ ζῶον· οὐ γὰρ ἂν οὐρήσειεν ἔτι. μετὰ δὲ ταῦτα λύειν μὲν τοὺς ἔξωθεν δεσμούς, δεικνύειν δὲ κενὴν μὲν τὴν κύστιν, μεστοὺς δ' ἱκανῶς καὶ διατεταμένους τοὺς οὐρητήρας καὶ κινδυνεύοντας ῥαγῆναι κᾶπειτα τοὺς βρόχους αὐτῶν ἀφελόντας ἐναργῶς ὄραν ἤδη πληρουμένην οὔρου τὴν κύστιν. ἐπὶ δὲ τούτῳ φανέντι, πρὶν οὐρῆσαι τὸ ζῶον, βρόχον αὐτοῦ περιβαλεῖν χρὴ τῷ αἰδοίῳ κᾶπειτα θλίβειν πανταχόθεν τὴν κύστιν. οὐδὲ γὰρ ἂν οὐδὲν ἔτι διὰ τῶν οὐρητήρων ἐπανάλθοι [ποτὲ] πρὸς τοὺς νεφρούς. κὰν τούτῳ δῆλον γίγνε-ται τὸ μὴ μόνον ἐπὶ τεθνεῶτος ἀλλὰ καὶ περιόντος ἔτι τοῦ ζώου κωλύεσθαι μεταλαμβάνειν αὐθις ἐκ τῆς κύστεως τοὺς οὐρητήρας τὸ οὔρον. ἐπὶ τούτοις ὀφθεῖσιν ἐπιτρέπειν ἤδη τὸ ζῶον

οὐρεῖν λύοντας αὐτοῦ τὸν ἐπὶ τῷ αἰδοίῳ βρόχον, εἴτ' αὐθις ἐπιβαλεῖν μὲν θατέρῳ τῶν οὐρητήρων, ἔασαι δὲ τὸν ἕτερον εἰς τὴν κύστιν συρρεῖν καὶ τινα διαλιπόντας χρόνον ἐπιδεικνύειν ἤδη, πῶς ὁ μὲν ἕτερος αὐτῶν ὁ δεδεμένος μεστός καὶ διατεταμένος κατὰ τὰ πρὸς τῶν νεφρῶν μέρη φαίνεται, ὁ δ' ἕτερος ὁ λελυμένος αὐτὸς μὲν χαλαρός ἐστι, πεπλήρωκε δ' οὔρου τὴν κύστιν. εἴτ' αὐθις διατεμεῖν πρῶτον μὲν τὸν πλήρη καὶ δεῖξαι, πῶς ἕξακοντίζεται τὸ οὔρον ἕξ αὐτοῦ, καθάπερ ἐν ταῖς φλεβοτομίαις τὸ αἷμα, μετὰ ταῦτα δὲ καὶ τὸν ἕτερον αὐθις διατεμεῖν κἀπειτ' ἐπιδῆσαι τὸ ζῶον ἕξωθεν, ἀμφοτέρῳ διηρημένων, εἴθ' ὅταν ἰκανῶς ἔχειν δοκῆ, λῦσαι τὸν δεσμόν. εὐρεθήσεται γὰρ ἢ μὲν κύστις κενή, πλήρες δ' οὔρου τὸ μεταξὺ τῶν ἐντέρων τε καὶ τοῦ περιτοναίου χωρίον ἅπαν, ὡς ἂν εἰ καὶ ὑδερικὸν ἦν τὸ ζῶον. ταῦτ' οὖν εἴ τις αὐτὸς καθ' ἑαυτὸν βουλευθεῖη βασανίζειν ἐπὶ ζῶου, μεγάλως μοι δοκεῖ καταγνώσεσθαι τῆς Ἀσκληπιάδου προπετείας. εἰ δὲ δὴ καὶ τὴν αἰτίαν μάθοι, δι' ἣν οὐδὲν ἐκ τῆς κύστεως εἰς τοὺς οὐρητήρας ἀντεκρεῖ, πεισθῆναι ἂν μοι δοκεῖ καὶ διὰ τοῦδε τὴν εἰς τὰ ζῶα πρόνοιάν τε καὶ τέχνην τῆς φύσεως. Ἴπποκράτης μὲν οὖν ὢν ἴσμεν ἰατρῶν τε καὶ φιλοσόφων πρῶτος ἀπάντων, ὡς ἂν καὶ πρῶτος [ἀκριβῶς] ἐπιγνοὺς τὰ τῆς φύσεως ἔργα, θαυμάζει τε καὶ διὰ παντὸς αὐτὴν ὑμνεῖ δικαίαν ὀνομάζων καὶ μόνην ἕξαρκεῖν εἰς ἅπαντα τοῖς ζῴοις φησίν, αὐτὴν ἕξ αὐτῆς ἀδιδάκτως πρᾶπτουσαν ἅπαντα τὰ δέοντα· τοιαύτην δ' οὔσαν αὐτὴν εὐθέως καὶ δυνάμεις

ὑπέλαβεν ἔχειν ἐλκτικὴν μὲν τῶν οἰκείων, ἀποκριτικὴν δὲ τῶν ἀλλοτρίων καὶ τρέφειν τε καὶ αὔξειν αὐτὴν τὰ ζῶα καὶ κρίνειν τὰ νοσήματα· καὶ διὰ τοῦτ' ἐν τοῖς σώμασιν ἡμῶν σύμπνοιάν τε μίαν εἶναί φησι καὶ σύρροισιν καὶ πάντα συμπαθέα. κατὰ δὲ τὸν Ἀσκληπιάδην οὐδὲν οὐδενὶ συμπαθὲς ἐστὶ φύσει, διηρημένης τε καὶ κατατεθραυσμένης εἰς ἄναρμα στοιχεῖα καὶ ληρώδεις ὄγκους ἀπάσης τῆς οὐσίας. ἐξ ἀνάγκης οὖν ἄλλα τε μυρία τοῖς ἐναργῶς φαινομένοις ἐναντίως ἀπεφάνητο καὶ τῆς φύσεως ἠγγνόησε τὴν τε τῶν οἰκείων ἐπισπαστικὴν δύναμιν καὶ τὴν τῶν ἀλλοτρίων ἀποκριτικὴν. ἐπὶ μὲν οὖν τῆς ἐξαιματώσεώς τε καὶ ἀναδόσεως ἐξεῦρέ τινα ψυχρὰν ἀδολεσχίαν· εἰς δὲ τὴν τῶν περιπτωμάτων κάθαρσιν οὐδὲν ὅλως εὐρῶν εἰπεῖν οὐκ ὤκνησεν ὁμόσε χωρῆσαι τοῖς φαινομένοις, ἐπὶ μὲν τῆς τῶν οὖρων διακρίσεως ἀποστερήσας μὲν τῶν τε νεφρῶν καὶ τῶν οὐρητήρων τὴν ἐνέργειαν, ἀδήλους δὲ τινὰς πόρους εἰς τὴν κύστιν ὑποθέμενος· τοῦτο γὰρ ἦν δηλαδὴ μέγα καὶ σεμνὸν ἀπιστήσαντα τοῖς φαινομένοις πιστεῦσαι τοῖς ἀδήλοις· ἐπὶ δὲ τῆς ξανθῆς χολῆς ἔτι μείζον αὐτῷ καὶ νεανικώτερόν ἐστι τὸ τόλμημα· γεννᾶσθαι γὰρ αὐτὴν ἐν τοῖς χοληδόχοις ἀγγείοις, οὐ διακρίνεσθαι λέγει. πῶς οὖν τοῖς ἰκτερικοῖς ἅμ' ἅμφω συμπίπτει, τὰ μὲν διαχωρήματα μηδὲν ὅλως ἐν αὐτοῖς ἔχοντα χολῆς, ἀνάπλεων δ' αὐτοῖς γιγνόμενον ὅλον τὸ σῶμα; ληρεῖν πάλιν ἐνταῦθ' ἀναγκάζεται τοῖς ἐπὶ τῶν οὖρων εἰρημένοις παραπλησίως. ληρεῖ δ' οὐδὲν ἦττον καὶ περὶ τῆς μελαίνης χολῆς καὶ τοῦ σπληνὸς οὔτε τί ποθ'

ὕψ' Ἴπποκράτους εἴρηται συνιεῖς ἀντιλέγειν τ' ἐπιχειρῶν
οἷς οὐκ οἶδεν ἐμπλήκτω τινὶ καὶ μανικῶ στόματι. τί δὴ
τὸ κέρδος ἐκ τῶν τοιούτων δογμάτων εἰς τὰς θεραπείας
ἐκτήσατο; μήτε νεφριτικὸν τι νόσημα δύνασθαι θεραπεῦσαι
μήτ' ἰκτερικὸν μήτε μελαγχολικόν, ἀλλὰ καὶ περὶ τοῦ
πᾶσιν ἀνθρώποις οὐχ Ἴπποκράτει μόνον ὁμολογουμένου
τοῦ καθαίρειν τῶν φαρμάκων ἕνια μὲν τὴν ξανθὴν χολήν,
ἕνια δὲ τὴν μέλαιναν, ἄλλα δὲ τινα φλέγμα καὶ τινα
τὸ λεπτὸν καὶ ὑδατῶδες περίπτωμα, μηδὲ περὶ τούτων
συγχωρεῖν, ἀλλ' ὑπ' αὐτῶν [γε] τῶν φαρμάκων γίνεσθαι
λέγειν τοιοῦτον ἕκαστον τῶν κενουμένων, ὥσπερ ὑπὸ τῶν
χοληδόχων πόρων τὴν χολήν· καὶ μηδὲν διαφέρειν κατὰ
τὸν θαυμαστὸν Ἀσκληπιάδην ἢ ὑδραγωγὸν διδόναι τοῖς
ὕδεριώσιν ἢ χολαγωγὸν φάρμακον· ἅπαντα γὰρ ὁμοίως
κενοῦν καὶ συντήκειν τὸ σῶμα καὶ τὸ σύντηγμα τοιόνδε
τι φαίνε-σθαι ποιεῖν, μὴ πρότερον ὑπάρχον τοιοῦτον. ἄρ'
οὔν οὐ μαίνεσθαι νομιστέον αὐτὸν ἢ παντάπασιν ἄπειρον
εἶναι τῶν ἔργων τῆς τέχνης; τίς γὰρ οὐκ οἶδεν, ὡς εἰ
μὲν φλέγματος ἀγωγὸν δοθείη φάρμακον τοῖς ἰκτεριώσιν,
οὐκ ἂν οὐδὲ τέτταρας κυάθους καθαρθεῖεν· οὕτω δ' οὐδ'
εἰ τῶν ὑδραγωγῶν τι· χολαγωγῶ δὲ φαρμάκῳ πλεῖστον
μὲν ἐκκενοῦται χολῆς, αὐτίκα δὲ καθαρὸς τοῖς οὕτω
καθαρθεῖσιν ὁ χρῶς γίγνεται. πολλοὺς γοῦν ἡμεῖς μετὰ τὸ
θεραπεῦσαι τὴν ἐν τῷ ἥπατι διάθεσιν ἅπαξ καθήραντες
ἀπηλλάξαμεν τοῦ παθήματος. οὐ μὴν οὐδ' εἰ φλέγματος
ἀγωγῶ καθαίροις φαρμάκῳ, πλεόν ἂν τι διαπράξαιο. καὶ

ταῦτ' οὐχ Ἴπποκράτης μὲν οὕτως οἶδε γιγνόμενα, τοῖς δ' ἀπὸ τῆς ἐμπειρίας μόνης ὀρμωμένοις ἐτέρως ἔγνωσται, ἀλλὰ κάκεινοις ὡσαύτως καὶ πᾶσιν ἰατροῖς, οἷς μέλει τῶν ἔργων τῆς τέχνης, οὕτω δοκεῖ πλὴν Ἀσκληπιάδου. προδοσίαν γὰρ εἶναι νενόμικε τῶν στοιχείων ὧν ὑπέθετο τὴν ἀληθῆ περι τῶν τοιούτων ὁμολογίαν. εἰ γὰρ ὅλως εὐρεθείη τι φάρμακον ἑλκτικὸν τοῦδέ τινος τοῦ χυμοῦ μόνου, κίνδυνος κρατεῖν δηλαδή τῷ λόγῳ τὸ ἐν ἐκάστῳ τῶν σωμάτων εἶναι τινα δύναμιν ἐπισπαστικὴν τῆς οἰκείας ποιότητος. διὰ τοῦτο κνήκον μὲν καὶ κόκκον τὸν κνίδιον καὶ ἵπποφαές οὐχ ἔλκειν ἐκ τοῦ σώματος ἀλλὰ ποιεῖν τὸ φλέγμα φησίν· ἄνθος δὲ χαλκοῦ καὶ λεπίδα καὶ αὐτὸν τὸν κεκαυμένον χαλκὸν καὶ χαμαῖδρυν καὶ χαμαιλέοντα εἰς ὕδωρ ἀναλύειν τὸ σῶμα καὶ τοὺς ὑδερικοὺς ὑπὸ τούτων οὐ καθαιρομένους ὀνίνασθαι ἀλλὰ κενουμένους συναυξόντων δηλαδή τὸ πάθος. εἰ γὰρ οὐ κενοῖ τὸ περιεχόμενον ἐν τοῖς σώμασιν ὕδατῶδες ὑγρὸν ἀλλ' αὐτὸ γεννᾷ, τῷ νοσήματι προστιμωρεῖται. καὶ μὲν γε καὶ ἡ σκαμμωνία πρὸς τῷ μὴ κενοῦν ἐκ τοῦ σώματος τῶν ἰκτερικῶν τὴν χολὴν ἔτι καὶ τὸ χρηστὸν αἷμα χολὴν ἐργαζομένη καὶ συντήκουσα τὸ σῶμα καὶ τηλικαῦτα κακὰ δρῶσα καὶ τὸ πάθος ἐπαύξουσα κατὰ γε τὸν Ἀσκληπιάδου λόγον ὅμως ἐναργῶς ὀραῖται πολλοὺς ὠφελοῦσα. ναί, φησίν, ὀνίνανται μὲν, ἀλλ' αὐτῷ μόνῳ τῷ λόγῳ τῆς κενώσεως. καὶ μὴν εἰ φλέγματος ἀγωγὸν αὐτοῖς δοίης φάρμακον, οὐκ ὀνήσονται. καὶ τοῦθ' οὕτως ἐναργές ἐστιν, ὥστε καὶ οἱ ἀπὸ μόνης τῆς ἐμπειρίας ὀρμώμενοι γινώσκουσιν

αὐτό. καίτοι τούτοις γε τοῖς ἀνδράσιν αὐτὸ δὴ τοῦτ' ἔστι φιλοσόφημα, τὸ μηδενὶ λόγῳ πιστεύειν ἀλλὰ μόνοις τοῖς ἐναργῶς φαινομένοις. ἐκεῖνοι μὲν οὖν σωφρονοῦσιν· Ἐσκληπιάδης δὲ παραπαίει ταῖς αἰσθήσεσιν ἡμᾶς ἀπιστεῖν κελεύων, ἔνθα τὸ φαινόμενον ἀνατρέπει σαφῶς αὐτοῦ τὰς ὑποθέσεις. καίτοι μακρῷ γ' ἦν ἄμεινον οὐχ ὁμόσε χωρεῖν τοῖς φαινομένοις ἀλλ' ἐκείνοις ἀναθέσθαι τὸ πᾶν. ἄρ' οὖν ταῦτα μόνον ἐναργῶς μάχεται τοῖς Ἐσκληπιάδου δόγμασιν ἢ καὶ τὸ θέρουσ μὲν πλείονα κενοῦσθαι τὴν ξανθὴν χολὴν ὑπὸ τῶν αὐτῶν φαρμάκων, χειμῶνος δὲ τὸ φλέγμα, καὶ νεανίσκῳ μὲν πλείονα τὴν χολήν, πρεσβύτη δὲ τὸ φλέγμα; φαίνεται γὰρ ἕκαστον ἔλκειν τὴν οὔσαν, οὐκ αὐτὸ γεννᾶν τὴν οὐκ οὔσαν. εἰ γοῦν ἐθελήσαις νεανίσκῳ τινὶ τῶν ἰσχνῶν καὶ θερμῶν ὥρα θέρουσ μὴτ' ἀργῶς βεβιωκότι μὴτ' ἐν πλησμονῇ φλέγματος ἀγωγὸν δοῦναι φάρμακον, ὀλίγιστον μὲν καὶ μετὰ βίας πολλῆς ἐκκενώσεις τοῦ χυμοῦ, βλάβησ δ' ἐσχάτως τὸν ἄνθρωπον· ἔμπαλιν δ' εἰ χολαγωγὸν δοίης, καὶ πάμπολυ κενώσεις καὶ βλάβησ οὐδέν. ἄρ' ἀπιστοῦμεν ἔτι τῷ μὴ οὐχ ἕκαστον τῶν φαρμάκων ἐπάγεσθαι τὸν οἰκεῖον ἑαυτῷ χυμόν; ἴσως φήσουσιν οἱ ἀπ' Ἐσκληπιάδου, μᾶλλον δ' οὐκ ἴσως, ἀλλὰ πάντως ἀπιστεῖν ἐροῦσιν, ἵνα μὴ προδῶσι τὰ φίλτατα.

14. Πάλιν οὖν καὶ ἡμεῖς ἐφ' ἐτέραν μεταβῶμεν ἀδολεσχίαν· οὐ γὰρ ἐπιτρέπουσιν οἱ σοφισταὶ τῶν ἀξίων τι ζητημάτων προχειρίζεσθαι καίτοι παμπόλλων ὑπαρχόντων, ἀλλὰ κατατρίβειν ἀναγκάζουσι τὸν χρόνον εἰς τὴν τῶν

σοφισμάτων, ὧν προβάλλουσι, λύσιν. τίς οὖν ἡ ἀδολεσχία; ἢ ἔνδοξος αὕτη καὶ πολυθρύλητος λίθος ἢ τὸν σίδηρον ἐπισπασμένη. τάχα γὰρ ἂν αὕτη ποτὲ τὴν ψυχὴν αὐτῶν ἐπισπάσαιτο πιστεύειν εἶναί τινας ἐν ἐκάστῳ τῶν σωμάτων ἑλκτικὰς τῶν οἰκείων ποιότητων δυνάμεις. Ἐπίκουρος μὲν οὖν καίτοι παραπλησίως Ἀσκληπιάδῃ στοιχείοις πρὸς τὴν φυσιολογίαν χρώμενος ὅμως ὁμολογεῖ, πρὸς μὲν τῆς ἠρακλείας λίθου τὸν σίδηρον ἔλκεσθαι, πρὸς δὲ τῶν ἠλέκτρων τὰ κυρήβια καὶ πειρᾶταί γε καὶ τὴν αἰτίαν ἀποδιδόναι τοῦ φαινομένου. τὰς γὰρ ἀπορρεούσας ἀτόμους ἀπὸ τῆς λίθου ταῖς ἀπορρεούσαις ἀπὸ τοῦ σιδήρου τοῖς σχήμασιν οἰκείας εἶναί φησιν, ὥστε περιπλέκεσθαι ῥαδίως. προσκρουούσας οὖν αὐτὰς τοῖς συγκρίμασιν ἑκατέροις τῆς τε λίθου καὶ τοῦ σιδήρου κᾶπειτ' εἰς τὸ μέσον ἀποπαλλομένας οὕτως ἀλλήλαις τε περιπλέκεσθαι καὶ συνεπισπᾶσθαι τὸν σίδηρον. τὸ μὲν οὖν τῶν ὑποθέσεων εἰς τὴν αἰτιολογίαν ἀπίθανον ἀντικρυς δῆλον, ὅμως δ' οὖν ὁμολογεῖ τὴν ὀλκὴν. καὶ οὕτω γε καὶ κατὰ τὰ σώματα τῶν ζώων φησὶ γίγνεσθαι τὰς τ' ἀναδόσεις καὶ τὰς διακρίσεις τῶν περιπτωμάτων καὶ τὰς τῶν καθαιρόντων φαρμάκων ἐνεργείας. Ἀσκληπιάδης δὲ τό τε τῆς εἰρημένης αἰτίας ἀπίθανον ὑπιδόμενος καὶ μηδεμίαν ἄλλην ἐφ' οἷς ὑπέθετο στοιχείοις ἐξευρίσκων πιθανὴν ἐπὶ τὸ μηδ' ὅλως ἔλκεσθαι λέγειν ὑπὸ μηδενὸς μηδὲν ἀναισχυντήσας ἐτράπετο, δέον, εἰ μήθ' οἷς Ἐπίκουρος εἶπεν ἠρέσκετο μήτ' ἄλλα βελτίω λέγειν εἶχεν, ἀποστῆναι τῶν ὑποθέσεων καὶ τὴν τε φύσιν

εἰπεῖν τεχνικὴν καὶ τὴν οὐσίαν τῶν ὄντων ἐνουμένην τε πρὸς ἑαυτὴν ἀεὶ καὶ ἀλλοιουμένην ὑπὸ τῶν ἑαυτῆς μορίων εἰς ἄλληλα δρώντων τε καὶ πασχόντων. εἰ γὰρ ταῦθ' ὑπέθετο, χαλεπὸν οὐδὲν ἦν τὴν τεχνικὴν ἐκείνην φύσιν ὁμολογῆσαι δυνάμεις ἔχειν ἐπισπαστικὴν μὲν τῶν οἰκείων, ἀποκριτικὴν δὲ τῶν ἀλλοτριῶν. οὐ γὰρ δι' ἄλλο τί γ' ἦν αὐτῇ τὸ τεχνικῆ τ' εἶναι καὶ τοῦ ζώου διασωστικῆ καὶ τῶν νοσημάτων κριτικῆ παρὰ τὸ προσίεσθαι μὲν καὶ φυλάττειν τὸ οἰκεῖον, ἀποκρίνειν δὲ τὸ ἀλλότριον. ἀλλ' Ἄσκληπιάδης κἀνταῦθα τὸ μὲν ἀκόλουθον ταῖς ἀρχαῖς αἷς ὑπέθετο συνεῖδεν, οὐ μὴν τὴν γε πρὸς τὸ φαινόμενον ἐναργῶς ἠδέσθη μάχην, ἀλλ' ὁμόσε χωρεῖ καὶ περὶ τούτου πᾶσιν οὐκ ἰατροῖς μόνον ἀλλ' ἤδη καὶ τοῖς ἄλλοις ἀνθρώποις οὔτε κρίσιν εἶναί τινα λέγων οὔθ' ἡμέραν κρίσιμον οὔθ' ὄλως οὐδὲν ἐπὶ σωτηρίᾳ τοῦ ζώου πραγματεύεσθαι τὴν φύσιν. ἀεὶ γὰρ τὸ μὲν ἀκόλουθον φυλάττειν βούλεται, τὸ δ' ἐναργῶς φαινόμενον ἀνατρέπειν ἔμπαλιν Ἐπικούρω. τιθεὶς γὰρ ἐκεῖνος ἀεὶ τὸ φαινόμενον αἰτίαν αὐτοῦ ψυχρὰν ἀποδίδωσι. τὰ γὰρ ἀποπαλλόμενα σμικρὰ σώματα τῆς ἠρακλείας λίθου τοιούτοις ἑτέροις περιπλέκεσθαι μορίοις τοῦ σιδήρου κᾶπειτα διὰ τῆς περιπλοκῆς ταύτης μηδαμοῦ φαινομένης ἐπισπᾶσθαι βαρεῖαν οὔτως οὐσίαν οὐκ οἶδ' ὅπως ἂν τις πεισθεῖη. καὶ γὰρ εἰ τοῦτο συγχωρήσομεν, τό γε τῷ σιδήρῳ πάλιν ἕτερον προστεθέν τι συνάπτεσθαι τὴν αὐτὴν αἰτίαν οὐκέτι προσίεται. τί γὰρ ἐροῦμεν; ἢ δηλαδὴ τῶν ἀπορρεόντων τῆς λίθου μορίων ἔνια μὲν προσκρούσαντα

τῷ σιδήρῳ πάλιν ἀποπάλλεσθαι καὶ ταῦτα μὲν εἶναι, δι' ὧν κρεμάννυσθαι συμβαίνει τὸν σίδηρον, τὰ δ' εἰς αὐτὸν εἰσδυόμενα διὰ τῶν κενῶν πόρων διεξέρχεσθαι τάχιστα κᾶπειτα τῷ παρακειμένῳ σιδήρῳ προσκρούοντα μὴτ' ἐκεῖνον διαδῦναι δύνασθαι, καίτοι τὸν γε πρῶτον διαδύντα, παλινδρομοῦντα δ' αὖθις ἐπὶ τὸν πρότερον ἐτέρας αὖθις ἐργάζεσθαι ταῖς προτέραις ὁμοίας περιπλοκάς; ἐναργῶς γὰρ ἐνταῦθα τὸ ληρῶδες τῆς αἰτίας ἐλέγχεται. γραφεῖα γοῦν οἷδά ποτε σιδηρᾶ πέντε κατὰ τὸ συνεχὲς ἀλλήλοις συναφθέντα, τοῦ πρώτου μὲν μόνου τῆς λίθου ψάυσαντος, ἐξ ἐκείνου δ' εἰς τᾶλλα τῆς δυνάμεως διαδοθείσης· καὶ οὐκ ἔστιν εἰπεῖν, ὡς, εἰ μὲν τῷ κάτω τοῦ γραφείου πέρατι προσάγοις ἕτερον, ἔχεται τε καὶ συνάπτεται καὶ κρέματα τὸ προσενεχθέν· εἰ δ' ἄλλῳ τινὶ μέρει τῶν πλαγίων προσθείης, οὐ συνάπτεται. πάντη γὰρ ὁμοίως ἢ τῆς λίθου διαδίδοται δύναμις, εἰ μόνον ἄψαιτο κατὰ τι τοῦ πρώτου γραφείου. καὶ μέντοι κακ τούτου πάλιν εἰς τὸ δεύτερον ὄλον ἢ δύναμις ἅμα νοήματι διαρρεῖ κάξ ἐκείνου πάλιν εἰς τὸ τρίτον ὄλον. εἰ δὴ νοήσαις σμικρὰν τινα λίθον ἠρακλείαν ἐν οἴκῳ τινὶ κρεμαμένην, εἴτ' ἐν κύκλῳ ψάυοντα πάμπολλα σιδήρια κάκείνων πάλιν ἕτερα κάκείνων ἄλλα καὶ τοῦτ' ἄχρι πλείονος, ἅπαντα δήπου πίμπλασθαι δεῖ τὰ σιδήρια τῶν ἀπορρεόντων τῆς λίθου σωμάτων. καὶ κινδυνεύει διαφορηθῆναι τὸ σμικρὸν ἐκεῖνο λιθίδιον εἰς τὰς ἀπορροὰς διαλυθέν. καίτοι, κἂν εἰ μηδὲν παρακέοιτ' αὐτῷ σιδήριον, εἰς τὸν ἀέρα σκεδάννυται, μάλιστ' εἰ καὶ

θερμὸς ὑπάρχοι. ναί, φησί, σμικρὰ γὰρ αὐτὰ χρῆ πάνυ νοεῖν, ὥστε τῶν ἐμφερομένων τῷ ἀέρι ψηγμάτων τούτων δὴ τῶν σμικροτάτων ἐκείνων ἕνια μυριοστὸν εἶναι μέρος. εἴτ' ἔξ οὕτω σμικρῶν τολμᾶτε λέγειν κρεμάννυσθαι βάρη τηλικαῦτα σιδήρου; εἰ γὰρ ἕκαστον αὐτῶν μυριοστὸν ἐστὶ μέρος τῶν ἐν τῷ ἀέρι φερομένων ψηγμάτων, πηλίκον χρῆ νοῆσαι τὸ πέρασ αὐτῶν τὸ ἀγκιστροειδές, ᾧ περιπλέκεται πρὸς ἄλληλα; πάντως γὰρ δήπου τοῦτο σμικρότατόν ἐστιν ὄλου τοῦ ψήγματος. εἶτα μικρὸν μικρῷ, κινούμενον κινουμένῳ περιπλακὲν οὐκ εὐθύς ἀποπάλλεται. καὶ γὰρ δὴ καὶ ἄλλ' ἄττα πάντως αὐτοῖς, τὰ μὲν ἄνωθεν, τὰ δὲ κάτωθεν, καὶ τὰ μὲν ἔμπροσθεν, τὰ δ' ὀπισθεν, τὰ δ' ἐκ τῶν δεξιῶν, τὰ δ' ἐκ τῶν ἀριστερῶν ἐκρηγνύμενα σείει τε καὶ βράττει καὶ μένειν οὐκ ἐᾷ. καὶ μέντοι καὶ πολλὰ χρῆ νοεῖν ἔξ ἀνάγκης ἕκαστον ἐκείνων τῶν σμικρῶν σωμάτων ἔχειν ἀγκιστρῶδη πέρατα. δι' ἑνὸς μὲν γὰρ ἀλλήλοις συνάπτεται, δι' ἑτέρου δ' ἑνὸς τοῦ μὲν ὑπερκειμένου τῇ λίθῳ, τοῦ δ' ὑποκειμένου τῷ σιδήρῳ. εἰ γὰρ ἄνω μὲν ἔξαφθείη τῆς λίθου, κάτω δὲ τῷ σιδήρῳ μὴ συμπλακείη, πλεόν οὐδέν. ὥστε τοῦ μὲν ὑπερκειμένου τὸ ἄνω μέρος ἐκκρέμασθαι χρῆ τῆς λίθου, τοῦ δ' ὑποκειμένου τῷ κάτω πέρατι συνῆφθαι τὸν σίδηρον. ἐπεὶ δὲ καὶ τῶν πλαγίων ἀλλήλοις περιπλέκεται, πάντως που κἀνταῦθα ἔχει τὰ ἀγκιστρα. καὶ μέμνησό μοι πρὸ πάντων, ὅπως ὄντα σμικρὰ τὰς τοιαύτας καὶ τοσαύτας ἀποφύσεις ἔχει. καὶ τούτου μᾶλλον ἔτι [μέμνησο], πῶς, ἵνα τὸ δεύτερον σιδήριον

συναφθῆ τῷ πρώτῳ καὶ τῷ δευτέρῳ τὸ τρίτον κἀκείνῳ τὸ τέταρτον, ἅμα μὲν διεξέρχεσθαι χρῆ τοὺς πόρους ταυτὶ τὰ μικρὰ καὶ ληρώδη ψήγματα, ἅμα δ' ἀποπάλλεσθαι τοῦ μετ' αὐτὸ τεταγμένου, καίτοι κατὰ πᾶν ὁμοίου τὴν φύσιν ὑπάρχοντος. οὐδὲ γὰρ ἢ τοιαύτη πάλιν ὑπόθεσις ἄτολμος, ἀλλ', εἰ χρῆ τάληθές εἶπεῖν, μακρῷ τῶν ἔμπροσθεν ἀναισχυντοτέρα, πέντε σιδηρίων ὁμοίων ἀλλήλοις ἐφεξῆς τεταγμένων διὰ τοῦ πρώτου διαδύομενα ῥαδίως τῆς λίθου τὰ μόρια κατὰ τὸ δεύτερον ἀποπάλλεσθαι καὶ μὴ διὰ τούτου κατὰ τὸν αὐτὸν τρόπον ἐτοιμῶς διεξέρχεσθαι. καὶ μὴν ἑκατέρως ἄτοπον. εἰ μὲν γὰρ ἀποπάλλεται, πῶς εἰς τὸ τρίτον ὠκέως διεξέρχεται; εἰ δ' οὐκ ἀποπάλλεται, πῶς κρεμάννυται τὸ δεύτερον ἐκ τοῦ πρώτου; τὴν γὰρ ἀπόπαλσιν αὐτὸς ὑπέθετο δημιουργὸν τῆς ὀγκῆς. ἀλλ', ὅπερ ἔφην, εἰς ἀδολεσχίαν ἀναγκαῖον ἐμπίπτειν, ἐπειδὴν τις τοιούτοις ἀνδράσι διαλέγεται. σύντομον οὖν τινα καὶ κεφαλαιώδη λόγον εἰπὼν ἀπαλλάττεσθαι βούλομαι. τοῖς [γὰρ] Ἄσκληπιάδου γράμμασιν εἴ τις ἐπιμελῶς ὁμιλήσειε, τὴν τε πρὸς τὰς ἀρχὰς ἀκολουθίαν τῶν τοιούτων δογμάτων ἀκριβῶς ἂν ἐκμάθοι καὶ τὴν πρὸς τὰ φαινόμενα μάχην. ὁ μὲν οὖν Ἐπίκουρος τὰ φαινόμενα φυλάττειν βουλόμενος ἀσχημονεῖ φιλοτιμούμενος ἐπιδεικνύειν αὐτὰ ταῖς ἀρχαῖς ὁμολογοῦντα. ὁ δ' Ἄσκληπιάδης τὸ μὲν ἀκόλουθον ταῖς ἀρχαῖς φυλάττει, τοῦ φαινομένου δ' οὐδὲν αὐτῷ μέλει. ὅστις οὖν βούλεται τὴν ἀτοπίαν ἐξελέγχειν τῶν ὑποθέσεων, εἰ μὲν πρὸς Ἄσκληπιάδην ὁ λόγος αὐτῷ γίγνοιτο, τῆς πρὸς τὸ

φαινόμενον ὑπομινησκέτω μάχης· εἰ δὲ πρὸς Ἐπίκουρον, τῆς πρὸς τὰς ἀρχὰς διαφωνίας. αἱ δ' ἄλλαι σχεδὸν αἰρέσεις αἱ τῶν ὁμοίων ἀρχῶν ἐχόμεναι τελῶς ἀπέσβησαν, αὗται δ' ἔτι μόναι διαρκουῖσιν οὐκ ἀγεννῶς. καίτοι τὰ μὲν Ἀσκληπιάδου Μηνόδοτος ὁ ἐμπειρικός ἀφύκτως ἐξελέγχει, τὴν τε πρὸς τὰ φαινόμενα μάχην ὑπομινήσκων αὐτὸν καὶ τὴν πρὸς ἄλληλα· τὰ δ' Ἐπικούρου πάλιν ὁ Ἀσκληπιάδης ἐχόμενος ἀεὶ τῆς ἀκολουθίας, ἧς ἐκεῖνος οὐ πάνυ τι φαίνεται φροντίζων. ἀλλ' οἱ νῦν ἄνθρωποι, πρὶν καὶ ταύτας ἐκμαθεῖν τὰς αἰρέσεις καὶ τὰς ἄλλας τὰς βελτίους κᾶπειτα χρόνῳ πολλῷ κρῖναί τε καὶ βασανίσαι τὸ καθ' ἑκάστην αὐτῶν ἀληθές τε καὶ ψεῦδος, οἱ μὲν ἰατροὺς ἑαυτοὺς, οἱ δὲ φιλοσόφους ὀνομάζουσι μηδὲν εἰδότες. οὐδὲν οὖν θαυμαστὸν ἐπίσης τοῖς ἀληθέσι τὰ ψευδῆ τιμηθῆσθαι. ὅτῳ γὰρ ἂν ἕκαστος πρῶτῳ περιτύχη διδασκάλῳ, τοιοῦτος ἐγένετο, μὴ περιμείνας μηδὲν ἔτι παρ' ἄλλου μαθεῖν. ἔνιοι δ' αὐτῶν, εἰ καὶ πλείοσιν ἐντύχοιεν, ἀλλ' οὕτω γ' εἰσὶν ἀσύνετοί τε καὶ βραδεῖς τὴν διάνοιαν, ὥστε καὶ γεγηρακότες οὕπῳ συνιᾶσιν ἀκολουθίαν λόγου. πάλαι δὲ τοὺς τοιοῦτους ἐπὶ τὰς βαναύσους ἀπέλυον τέχνας. ἀλλὰ ταῦτα μὲν ἔς ὃ τι τελευτήσει θεὸς οἶδεν. ἡμεῖς δ' ἐπειδὴ, καίτοι φεύγοντες ἀντιλέγειν τοῖς ἐν αὐταῖς ταῖς ἀρχαῖς εὐθύς ἐσφαλμένοις, ὅμως ἠναγκάσθημεν ὑπ' αὐτῆς τῶν πραγμάτων τῆς ἀκολουθίας εἰπεῖν τινα καὶ διαλεχθῆναι πρὸς αὐτοὺς, ἔτι καὶ τοῦτο προσθήσομεν τοῖς εἰρημένοις, ὡς οὐ μόνον τὰ καθαίροντα φάρμακα

πέφυκεν ἐπισπᾶσθαι τὰς οἰκείας ποιότητας ἀλλὰ καὶ τὰ
τοὺς σκόλοπας ἀνάγοντα καὶ τὰς τῶν βελῶν ἀκίδας εἰς
πολὺ βάθος σαρκὸς ἐμπεπαρμένας ἐνίοτε. καὶ μέντοι καὶ
ὅσα τοὺς ἰοὺς τῶν θηρίων ἢ τοὺς ἐμπεφαρμαγμένους τοῖς
βέλεσιν ἀνέλκει, καὶ ταῦτα τὴν αὐτὴν ταῖς ἡρακλείαις λίθοις
ἐπιδείκνυται δύναμιν. ἔγωγ' οὖν οἶδά ποτε καταπεπαρμένον
ἐν ποδὶ νεανίσκου σκόλοπα τοῖς μὲν δακτύλοις ἔλκουσιν
ἡμῖν βιαίως οὐκ ἀκολουθήσαντα, φαρμάκου δ' ἐπιτεθέντος
ἀλύπως τε καὶ διὰ ταχέων ἀνελθόντα. καίτοι καὶ πρὸς
τοῦτό τινες ἀντιλέγουσι φάσκοντες, ὅταν ἡ φλεγμονὴ
λυθῇ τοῦ μέρους, αὐτόματον ἐξιέναι τὸν σκόλοπα πρὸς
οὐδενὸς ἀνελκόμενον. ἀλλ' οὗτοί γε πρῶτον μὲν ἀγνοεῖν
εἰκόασιν, ὡς ἄλλα μὲν ἐστὶ φλεγμονῆς, ἄλλα δὲ τῶν
οὕτω καταπεπαρμένων ἐλκτικὰ φάρμακα· καίτοι γ' εἴπερ
ἀφλεγμάντων γενομένων ἐξεκρίνετο τὰ παρὰ φύσιν, ὅσα
φλεγμονῆς ἐστὶ λυτικά, ταῦτ' εὐθύς ἂν ἦν κἀκείνων ἐλκτικὰ·
δεύτερον δ', ὃ καὶ μᾶλλον ἂν τις θαυμάσειεν, ὡς οὐ
μόνον ἄλλα μὲν τοὺς σκόλοπας, ἄλλα δὲ τοὺς ἰοὺς ἐξάγει
φάρμακα, ἀλλὰ καὶ αὐτῶν τῶν τοὺς ἰοὺς ἐλκόντων τὰ
μὲν τὸν τῆς ἐχίδνης, τὰ δὲ τὸν τῆς τρυγόνος, τὰ δ' ἄλλου
τινὸς ἐπισπᾶται καὶ σαφῶς ἔστιν ἰδεῖν τοῖς φαρμάκοις
ἐπικειμένους αὐτούς. ἐνταῦθ' οὖν [πάλιν] Ἐπίκουρον μὲν
ἐπαινεῖν χρὴ τῆς πρὸς τὸ φαινόμενον αἰδοῦς, μέμφεσθαι δὲ
τὸν λόγον τῆς αἰτίας. ὃν γὰρ ἡμεῖς ἔλκοντες τοῖς δακτύλοις
οὐκ ἀνηγάγομεν σκόλοπα, τοῦτον ὑπὸ τῶν σμικρῶν ἐκείνων
ἀνέλκεσθαι ψηγμάτων, πῶς οὐ παντάπασιν ἄτοπον εἶναι

χρῆ νομίζεις; ἄρ' οὖν ἤδη πεπεύσμεθα τῶν ὄντων ἑκάστω
δύναμιν τιν' ὑπάρχειν, ἢ τὴν οἰκείαν ἔλκει ποιότητα, τὸ μὲν
μᾶλλον, τὸ δ' ἦττον; ἢ καὶ τὸ τῶν πυρῶν ἔτι παράδειγμα
προχειρισόμεθα τῷ λόγῳ; φανήσονται γὰρ οἶμαι καὶ τῶν
γεωργῶν αὐτῶν ἀμαθέστεροι [καὶ ἀνοητότεροι] περὶ τὴν
φύσιν οἱ μηδὲν ὄλως ὑπὸ μηδενὸς ἔλκεσθαι συγχωροῦντες·
ὡς ἔγωγε πρῶτον μὲν ἀκούσας τὸ γιγνόμενον ἐθαύμασα καὶ
αὐτὸς ἠβουλήθην αὐτόπτης αὐτοῦ καταστῆναι. μετὰ ταῦτα
δέ, ὡς καὶ τὰ τῆς πείρας ὠμολόγει, τὴν αἰτίαν σκοπούμενος
ἐν παμπόλλῳ χρόνῳ κατὰ πάσας τὰς αἰρέσεις οὐδεμίαν
ἄλλην εὐρεῖν οἷός τ' ἦν οὐδ' ἄχρι τοῦ πιθανοῦ προἰοῦσαν
ἀλλὰ καταγελάστους τε καὶ σαφῶς ἐξελεγχόμενας τὰς
ἄλλας ἀπάσας πλὴν τῆς τὴν ὀλκὴν πρεσβευούσης. ἔστι
δὲ τὸ γιγνόμενον τοιόνδε. κατακομίζοντες οἱ παρ' ἡμῖν
γεωργοὶ τοὺς ἐκ τῶν ἀγρῶν πυροὺς εἰς τὴν πόλιν ἐν ἀμάξιαις
τισίν, ὅταν ὑφελέσθαι βουληθῶσιν, ὥστε μὴ φωραθῆναι,
κεράμι' ἄττα πληρώσαντες ὕδατος μέσοις αὐτοῖς ἐνιστᾶσιν.
ἔλκοντες οὖν ἐκεῖνοι διὰ τοῦ κεραμίου τὸ ὑγρὸν εἰς
αὐτοὺς ὄγκον μὲν καὶ βάρος προσκτῶνται, κατάδηλοι δ'
οὐ πάνυ γίνονται τοῖς ὄρωσιν, εἰ μὴ τις προπευσμένος
ἤδη περιεργότερον ἐπισκοποῖτο. καίτοι γ' εἰ βουληθείης ἐν
ἡλίῳ καταθεῖναι πάνυ θερμῷ ταῦτὸν ἀγγεῖον, ἐλάχιστον
παντελῶς εὐρήσεις τὸ δαπανώμενον ἐφ' ἑκάστης ἡμέρας.
οὕτως ἄρα καὶ τῆς ἡλιακῆς θερμασίας τῆς σφοδρᾶς
ἰσχυροτέραν οἱ πυροὶ δύναμιν ἔχουσιν ἔλκειν εἰς ἑαυτοὺς
τὴν πλησιάζουσαν ὑγρότητα. λῆρος οὖν ἐνταῦθα μακρὸς

ἢ πρὸς τὸ λεπτομερὲς φορὰ τοῦ περιέχοντος ἡμᾶς ἀέρος καὶ μάλισθ' ὅταν ἱκανῶς ἦ θερμός, πολὺ μὲν ὑπάρχοντος ἢ κατὰ τοὺς πυροὺς λεπτομερεστέρου, δεχομένου δ' οὐδὲ τὸ δέκατον μέρος τῆς εἰς ἐκείνους μεταλαμβανομένης ὑγρότητος.

15. Ἐπεὶ δ' ἱκανῶς ἠδολεσχῆσαμεν οὐχ ἔκόντες, ἀλλ', ὡς ἢ παροιμία φησί, μαινομένοις ἀναγκασθέντες συμμαῆσαι, πάλιν ἐπὶ τὴν τῶν οὕρων ἐπανέλθωμεν διάκρισιν, ἐν ἧ τῶν μὲν Ἀσκληπιάδου λήρων ἐπιλαθώμεθα, μετὰ δὲ τῶν πεπεισμένων διηθεῖσθαι τὰ οὖρα διὰ τῶν νεφρῶν, τίς ὁ τρόπος τῆς ἐνεργείας ἐστίν, ἐπισκεψώμεθα· πάντως γὰρ ἢ ἕξ αὐτῶν ἐπὶ τοὺς νεφροὺς φέρεται τὰ οὖρα τοῦτο βέλτιον εἶναι νομίζοντα, καθάπερ ἡμεῖς, ὁπότεν εἰς τὴν ἀγορὰν ἀπίωμεν· ἢ, εἰ τοῦτ' ἀδύνατον, ἕτερόν τι χρὴ τῆς φορᾶς αὐτῶν ἐξευρεῖν αἷτιον. τί δὴ τοῦτ' ἔστιν; εἰ γὰρ μὴ τοῖς νεφροῖς δώσομέν τινα δύναμιν ἑλκτικὴν τῆς τοιαύτης ποιότητος, ὡς Ἴπποκράτης ἐνόμιζεν, οὐδὲν ἕτερον ἐξευρήσομεν. ὅτι μὲν γὰρ ἦτοι τούτους ἔλκειν αὐτὸ προσῆκεν ἢ τὰς φλέβας πέμπειν, εἶπερ γε μὴ ἕξ ἑαυτοῦ φέρεται, παντί που δῆλον. ἀλλ' εἰ μὲν αἱ φλέβες περιστελλόμεναι προωθοῖεν, οὐκ ἐκεῖνο μόνον, ἀλλὰ σὺν αὐτῷ καὶ τὸ πᾶν αἷμα τὸ περιεχόμενον ἐν ἑαυταῖς εἰς τοὺς νεφροὺς ἐκθλίψουσιν· εἰ δὲ τοῦτ' ἀδύνατον, ὡς δεῖξομεν, λείπεται τοὺς νεφροὺς ἔλκειν. πῶς οὖν ἀδύνατον τοῦτο; τῶν νεφρῶν ἡ θέσις ἀντιβαίνει. οὐ γὰρ δὴ οὕτω γ' ὑπόκεινται τῇ κοίλῃ φλεβὶ καθάπερ τοῖς ἕξ ἐγκεφάλου περιπτώμασιν ἔν τε

τῆ ρίνι καὶ κατὰ τὴν ὑπερώαν οἱ τοῖς ἡθμοῖς ὅμοιοι πόροι, ἀλλ' ἐκατέρωθεν αὐτῇ παράκεινται. καὶ μὴν, εἴπερ ὁμοίως τοῖς ἡθμοῖς ὅσον ἂν ἦ λεπτότερον καὶ τελέως ὀρρώδες, τοῦτο μὲν ἐτοιμῶς διαπέμπουσι, τὸ δὲ παχύτερον ἀποστέγουσιν, ἅπαν ἐπ' αὐτοὺς ἰέναι χρὴ τὸ αἷμα τὸ περιεχόμενον ἐν τῇ κοίλῃ φλεβί, καθάπερ εἰς τοὺς τρυγητοὺς ὁ πᾶς οἶνος ἐμβάλλεται. καὶ μὲν γε καὶ τὸ τοῦ γάλακτος τοῦ τυρουμένου παράδειγμα σαφῶς ἂν, ὃ βούλομαι λέγειν, ἐνδείξαιτο. καὶ γὰρ καὶ τοῦτο πᾶν ἐμβληθὲν εἰς τοὺς ταλάρους οὐ πᾶν διηθεῖται, ἀλλ' ὅσον μὲν ἂν ἦ λεπτότερον τῆς εὐρύτητος τῶν πλοκάμων, εἰς τὸ κάταντες φέρεται καὶ τοῦτο μὲν ὀρρὸς ἐπονομάζεται· τὸ λοιπὸν δὲ τὸ παχὺ τὸ μέλλον ἔσεσθαι τυρός, ὡς ἂν οὐ παραδεχομένων αὐτὸ τῶν ἐν τοῖς ταλάροις πόρων, οὐ διεκπίπτει κάτω. καὶ τοίνυν, εἴπερ οὕτω μέλλει διηθεῖσθαι τῶν νεφρῶν ὁ τοῦ αἵματος ὀρρὸς, ἅπαν ἐπ' αὐτοὺς ἦκειν χρὴ τὸ αἷμα καὶ μὴ τὸ μὲν ναί, τὸ δ' οὐ. πῶς οὖν ἔχει τὸ φαινόμενον ἐκ τῆς ἀνατομῆς; τὸ μὲν ἕτερον μέρος τῆς κοίλης ἄνω πρὸς τὴν καρδίαν ἀναφέρεται, τὸ λοιπὸν δ' ἐπιβαίνει τῇ ράχει καθ' ὅλης αὐτῆς ἐκτεινόμενον ἄχρι τῶν σκελῶν, ὥστε τὸ μὲν ἕτερον οὐδ' ἐγγὺς ἀφικνεῖται τῶν νεφρῶν, τὸ λοιπὸν δὲ πλησιάζει μὲν, οὐ μὴν εἰς αὐτοὺς γε καταφύεται. ἐχρῆν δ', εἴπερ ἔμελλεν ὡς δι' ἡθμῶν αὐτῶν καθαρθήσεσθαι τὸ αἷμα, πᾶν ἐπίπτειν εἰς αὐτοὺς κᾶπειτα κάτω μὲν φέρεσθαι τὸ λεπτόν, ἴσχεσθαι δ' ἄνω τὸ παχὺ. νυνὶ δ' οὐχ οὕτως ἔχει· πλάγιοι γὰρ ἐκατέρωθεν τῆς κοίλης φλεβὸς οἱ νεφροὶ κεῖνται. οὐκ οὖν ὡς ἡθμοὶ διηθοῦσι,

πεμπούσης μὲν ἐκείνης, αὐτοὶ δ' οὐδεμίαν εἰσφερόμενοι δύναμιν, ἀλλ' ἔλκουσι δηλονότι· τοῦτο γὰρ ἔτι λείπεται. πῶς οὖν ἔλκουσιν; εἰ μὲν, ὡς Ἐπίκουρος οἶεται τὰς ὀλκὰς ἀπάσας γίνεσθαι κατὰ τὰς τῶν ἀτόμων ἀποπάσεις τε καὶ περιπλοκάς, ἄμεινον ἦν ὄντως εἰπεῖν αὐτοὺς μηδ' ἔλκειν ὄλως· πολὺ γὰρ ἂν οὕτω γε τῶν ἐπὶ τῆς ἠρακλείας λίθου μικρῷ πρόσθεν εἰρημένων ὁ λόγος ἐξεταζόμενος εὐρεθείη γελοιότερος· ἀλλ' ὡς Ἴπποκράτης ἠβούλετο. λεχθήσεται δὲ σαφέστερον ἐπὶ προήκοντι τῷ λόγῳ. νυνὶ γὰρ οὐ τοῦτο πρόκειται διδάσκειν, ἀλλ' ὡς οὐτ' ἄλλο τι δυνατὸν εἰπεῖν αἴτιον εἶναι τῆς τῶν οὕρων διακρίσεως πλὴν τῆς ὀλκῆς τῶν νεφρῶν οὐθ' οὕτω γίνεσθαι τὴν ὀλκὴν, ὡς οἱ μηδεμίαν οἰκείαν διδόντες τῇ φύσει δύναμιν οἴονται γίνεσθαι. τούτου γὰρ ὁμολογηθέντος, ὡς ἔστιν ὄλως τις ἐν τοῖς ὑπὸ φύσεως διοικουμένοις δύναμις ἐλκτική, ληρώδης νομίζοιτ' ἂν ὁ περὶ ἀναδόσεως τροφῆς ἄλλο τι λέγειν ἐπιχειρῶν.

16. Ἐρασίστρατος δ' οὐκ οἶδ' ὅπως ἐτέραις μὲν τισὶ δόξαις εὐήθεσιν ἀντεῖπε διὰ μακρῶν, ὑπερέβη δὲ τελέως τὴν Ἴπποκράτους, οὐδ' ἄχρι τοῦ μνημονεῦσαι μόνον αὐτῆς, ὡς ἐν τοῖς περὶ καταπόσεως ἐποίησεν, ἀξιώσας. ἐν ἐκείνοις μὲν γὰρ ἄχρι τοσούτου φαίνεται μνημονεύων, ὡς τοῦνομ' εἰπεῖν τῆς ὀλκῆς μόνον ὧδέ πως γράφων· “ὀλκὴ μὲν οὖν τῆς κοιλίας οὐδεμία φαίνεται εἶναι”· περὶ δὲ τῆς ἀναδόσεως τὸν λόγον ποιούμενος οὐδ' ἄχρι συλλαβῆς μιᾶς ἐμνημόνευσε τῆς Ἴπποκρατείου δόξης. καίτοι γ' ἐπήρκεσεν ἂν ἡμῖν, εἰ καὶ τοῦτ' ἔγραψε μόνον, ὡς Ἴπποκράτης εἰπὼν ἰσάρκες

ὄλκοι καὶ ἐκ κοιλίας καὶ ἔξωθεν· ψεύδεται· οὔτε γὰρ ἐκ τῆς κοιλίας οὔτ' ἔξωθεν ἔλκειν δύνανται. εἰ δὲ καὶ ὅτι μήτρας αἰτιώμενος ἄρρωστον ἀνχένα κακῶς εἶπεν “οὐ γὰρ δύναται αὐτέης ὁ στόμαχος εἰρύσαι τὴν γονήν” ἢ εἰ καὶ τι τοιοῦτον ἄλλο γράφειν ὁ Ἑρασίστρατος ἠξίωσε, τότε ἂν καὶ ἡμεῖς πρὸς αὐτὸν ἀπολογούμενοι εἶπομεν· ὦ γενναῖε, μὴ ῥητορικῶς ἡμῶν κατάτρεχε χωρὶς ἀποδείξεως, ἀλλ' εἰπέ τινα κατηγορίαν τοῦ δόγματος, ἵν' ἢ πεισθῶμέν σοι ὡς καλῶς ἐξελέγχοντι τὸν παλαιὸν λόγον ἢ μεταπείσωμεν ὡς ἀγνοοῦντα. καίτοι τί λέγω ῥητορικῶς; μὴ γάρ, ἐπειδὴ τινες τῶν ῥητόρων, ἃ μάλιστα ἀδυνατοῦσι διαλύεσθαι, ταῦτα διαγελάσαντες οὐδ' ἐπιχειροῦσιν ἀντιλέγειν, ἤδη που τοῦτο καὶ ἡμεῖς ἠγώμεθ' εἶναι τὸ ῥητορικῶς· τὸ γὰρ διὰ λόγου πιθανοῦ ἔστι τὸ ῥητορικῶς, τὸ δ' ἄνευ λόγου βωμολοχικόν, οὐ ῥητορικόν. οὐκ οὔτε ῥητορικῶς οὔτε διαλεκτικῶς ἀντεῖπεν ὁ Ἑρασίστρατος ἐν τῷ περὶ τῆς καταπόσεως λόγῳ. τί γὰρ φησιν; ὄλκῃ μὲν οὖν τῆς κοιλίας οὐδεμία φαίνεται εἶναι'. πάλιν οὖν αὐτῷ παρ' ἡμῶν ἀντιμαρτυρῶν ὁ αὐτὸς λόγος ἀντιπαραβαλλέσθω· περιστολή μὲν οὖν τοῦ στομάχου οὐδεμία φαίνεται εἶναι. καὶ πῶς οὐ φαίνεται; τάχ' ἂν ἴσως εἶποι τις τῶν ἀπ' αὐτοῦ· τὸ γὰρ ἀεὶ τῶν ἄνωθεν αὐτοῦ μερῶν συστελλομένων διαστέλλεσθαι τὰ κάτω πῶς οὐκ ἔστι τῆς περιστολῆς ἐνδεικτικόν; αὐθις οὖν ἡμεῖς, καὶ πῶς οὐ φαίνεται, φήσομεν, ἢ τῆς κοιλίας ὄλκῃ; τὸ γὰρ ἀεὶ τῶν κάτωθεν μερῶν τοῦ στομάχου διαστελλομένων συστέλλεσθαι τὰ ἄνω πῶς οὐκ ἔστι τῆς ὄλκῆς ἐνδεικτικόν;

εἰ δὲ σωφρονήσειέ ποτε καὶ γνοίῃ τὸ φαινόμενον τοῦτο μηδὲν μᾶλλον τῆς ἐτέρας τῶν δοξῶν ὑπάρχειν ἐνδεικτικὸν ἄλλ' ἀμφοτέρων εἶναι κοινόν, οὕτως ἂν ἤδη δεῖξαιμεν αὐτῷ τὴν ὀρθὴν ὁδὸν τῆς τοῦ ἀληθοῦς εὐρέσεως. ἀλλὰ περὶ μὲν τῆς κοιλίας αὐθις. ἡ δὲ τῆς τροφῆς ἀνάδοσις οὐδὲν δεῖται τῆς πρὸς τὸ κενούμενον ἀκολουθίας ἅπαξ γε τῆς ἐλκτικῆς δυνάμεως ἐπὶ τῶν νεφρῶν ὠμολογημένης, ἣν καίτοι πάνυ σαφῶς ἀληθῆ γινώσκων ὑπάρχειν ὁ Ἑρασίστρατος οὗτ' ἐμνημόνευσεν οὗτ' ἀντεῖπεν οὗθ' ὄλως ἀπεφήνατο, τίς ἔχει δόξαν ὑπὲρ τῆς τῶν οὖρων διακρίσεως. ἢ διὰ τί προειπὼν εὐθύς κατ' ἀρχὰς τῶν καθ' ὄλου λόγων, ὡς ὑπὲρ τῶν φυσικῶν ἐνεργειῶν ἐρεῖ, πρῶτον τίνες τ' εἰσὶ καὶ πῶς γίνονται καὶ διὰ τίνων τόπων, ἐπὶ τῆς τῶν οὖρων διακρίσεως, ὅτι μὲν διὰ νεφρῶν, ἀπεφήνατο, τὸ δ' ὅπως γίνεταί παρέλιπε; μάτην οὖν ἡμᾶς καὶ περὶ τῆς πέψεως ἐδίδαξεν, ὅπως γίνεταί, καὶ περὶ τῆς τοῦ χολώδους περιττώματος διακρίσεως κατατρίβει. ἤρκει γὰρ εἰπεῖν κἀνταῦθα τὰ μόρια, δι' ὧν γίνεταί, τὸ δ' ὅπως παραλιπεῖν. ἀλλὰ περὶ μὲν ἐκείνων εἶχε λέγειν, οὐ μόνον δι' ὧν ὀργάνων ἀλλὰ καὶ καθ' ὄντινα γίνεταί τρόπον, ὥσπερ οἶμαι καὶ περὶ τῆς ἀναδόσεως· οὐ γὰρ ἤρκεσεν εἰπεῖν αὐτῷ μόνον, ὅτι διὰ φλεβῶν, ἀλλὰ καὶ πῶς ἐπεξηλήθεν, ὅτι τῇ πρὸς τὸ κενούμενον ἀκολουθία· περὶ δὲ τῶν οὖρων τῆς διακρίσεως, ὅτι μὲν διὰ νεφρῶν γίνεταί, γράφει, τὸ δ' ὅπως οὐκέτι προστίθησιν. οὐδὲ γὰρ οἶμαι τῇ πρὸς τὸ κενούμενον ἀκολουθία ἦν εἰπεῖν· οὕτω γὰρ ἂν οὐδεὶς ὑπ' ἰσχυρίας ἀπέθανεν οὐδέποτε μὴ

δυναμένου πλείονος ἐπιρρυῆναί ποτε παρὰ τὸ κενούμενον· ἄλλης γὰρ αἰτίας μηδεμιᾶς προστεθείσης, ἀλλὰ μόνης τῆς πρὸς τὸ κενούμενον ἀκολουθίας ποδηγούσης τὸ συνεχές, οὐκ ἐγχωρεῖ πλέον ἐπιρρυῆναί ποτε τοῦ κενουμένου. ἀλλ' οὐδ' ἄλλην τινὰ προσθεῖναι πιθανὴν αἰτίαν εἶχεν, ὡς ἐπὶ τῆς ἀναδόσεως τὴν ἔκθλιψιν τῆς γαστρούς. ἀλλ' αὕτη γ' ἐπὶ τοῦ κατὰ τὴν κοιλίην αἵματος ἀπωλώλει τελέως, οὐ τῷ· μήκει μόνον τῆς ἀποστάσεως ἐκλυθεῖσα, ἀλλὰ καὶ τῷ τὴν καρδίαν ὑπερκειμένην ἐξαρπάζειν αὐτῆς σφοδρῶς καθ' ἑκάστην διαστολὴν οὐκ ὀλίγον αἷμα. μόνη δὴ τις ἔτι καὶ πάντων ἔρημος ἀπελείπετο τῶν σοφισμάτων ἐν τοῖς κάτω τῆς κοιλίης ἢ πρὸς τὸ κενούμενον ἀκολουθία, διὰ τε τοὺς ἐπὶ ταῖς ἰσχυρίαις ἀποθνήσκοντας ἀπολωλεκυῖα τὴν πιθανότητα καὶ διὰ τὴν τῶν νεφρῶν θέσιν οὐδὲν ἦττον. εἰ μὲν γὰρ ἅπαν ἐπ' αὐτοὺς ἐφέρετο τὸ αἷμα, δεόντως ἂν τις ἅπαν ἔφασκεν αὐτὸ καθαίρεσθαι. νυνὶ δέ, οὐ γὰρ ὅλον ἀλλὰ τοσοῦτον αὐτοῦ μέρος, ὅσον αἰ μέχρι νεφρῶν δέχονται φλέβες, ἐπ' αὐτοὺς ἔρχεται, μόνον ἐκεῖνο καθαρθήσεται. καὶ τὸ μὲν ὀρρωδες αὐτοῦ καὶ λεπτὸν οἶον δι' ἡθμῶν τινων τῶν νεφρῶν διαδύσεται· τὸ δ' αἱματῶδες τε καὶ παχὺ κατὰ τὰς φλέβας ὑπομένον ἐμποδῶν στήσεται τῷ κατόπιν ἐπιρρέοντι. παλινδρομεῖν οὖν αὐτὸ πρότερον ἐπὶ τὴν κοιλίην ἀναγκαῖον καὶ κενὰς οὕτως ἐργάζεσθαι τὰς ἐπὶ τοὺς νεφροὺς ἰούσας φλέβας, αἷ δεύτερον οὐκέτι παρακομιοῦσιν ἐπ' αὐτοὺς ἀκάθαρτον αἷμα· κατειληφότος γὰρ αὐτὰς τοῦ προτέρου πάροδος οὐδεμία λέλειπται. τίς οὖν

ἡμῖν ἢ δύναμις ἀπάξει πάλιν ὀπίσω τῶν νεφρῶν τὸ καθαρὸν αἷμα; τίς δὲ τοῦτο μὲν διαδεξαμένη κελεύσει πάλιν πρὸς τὸ κάτω μέρος ἵεναι τῆς κοίλης, ἐτέρω δ' ἄνωθεν ἐπιφερομένῳ προστάξει, πρὶν ἐπὶ τοὺς νεφροὺς ἀπελθεῖν, μὴ φέρεσθαι κάτω; ταῦτ' οὖν ἅπαντα συνιδὼν ὁ Ἐρασίστρατος ἀποριῶν μεστὰ καὶ μίαν μόνην δόξαν εὖπορον εὐρῶν ἐν ἅπασι τὴν τῆς ὀλκῆς, οὔτ' ἀπορεῖσθαι βουλόμενος οὔτε τὴν [πρὸς] Ἴπποκράτους ἐθέλων λέγειν ἄμεινον ὑπέλαβε σιωπητέον εἶναι περὶ τοῦ τρόπου τῆς διακρίσεως. ἀλλ' εἰ κάκεῖνος ἐσίγησεν, ἡμεῖς οὐ σιωπήσομεν· ἴσμεν γάρ, ὡς οὐκ ἐνδέχεται παρελθόντα τὴν Ἴπποκράτειον δόξαν, εἴθ' ἕτερόν τι περὶ νεφρῶν ἐνεργείας εἰπόντα μὴ οὐ καταγέλαστον εἶναι παντάπασι. διὰ τοῦτ' Ἐρασίστρατος μὲν ἐσιώπησεν, Ἀσκληπιάδης δ' ἐψεύσατο παραπλησίως οἰκέταις λάλοις μὲν τὰ πρόσθεν τοῦ βίου καὶ πολλὰ πολλάκις ἐγκλήματα διαλυσαμένοις ὑπὸ περιττῆς πανουργίας, ἐπ' αὐτοφώρῳ δὲ ποτε κατειλημμένοις, εἴτ' οὐδὲν ἐξευρίσκουσι σόφισμα κἄπειτ' ἐνταῦθα τοῦ μὲν αἰδημονεστέρου σιωπῶντος, οἷον ἀποπληξία τινὶ κατειλημμένου, τοῦ δ' ἀναισχυντοτέρου κρύπτοντος μὲν ἔθ' ὑπὸ μάλης τὸ ζητούμενον, ἐξομνυμένου δὲ καὶ μηδ' ἑώρακένας πώποτε φάσκοντος. οὕτω γάρ τοι καὶ ὁ Ἀσκληπιάδης ἐπιλειπόντων αὐτὸν τῶν τῆς πανουργίας σοφισμάτων καὶ μήτε τῆς πρὸς τὸ λεπτομερὲς φορᾶς ἐχούσης ἔτι χώραν ἐνταυθοῖ ληρεῖσθαι μήθ' ὡς ὑπὸ τῶν νεφρῶν γεννᾶται τοῦτ' ἰσχυρῶς, καθάπερ ὑπὸ τῶν ἐν ἥπατι πόρων ἢ χολῆ, δυνατὸν ὄν εἰπόντα μὴ

οὐ μέγιστον ὀφλεῖν γέλωτα, ἐξόμνυταί τε καὶ ψεύδεται φανερώς, οὐ διήκειν λέγων ἐπὶ τοὺς νεφροὺς τὸ οὔρον ἀλλ' ἀτμοειδῶς εὐθύς ἐκ τῶν κατὰ τὴν κοίλην μερῶν εἰς τὴν κύστιν ἀθροίζεσθαι. οὔτοι μὲν οὖν τοῖς ἐπ' αὐτοφώρῳ κατειλημμένοις οἰκέταις ὁμοίως ἐκπλαγέντες ὁ μὲν ἐσιώπησεν, ὁ δ' ἀναισχύντως ψεύδεται.

17. Τῶν δὲ νεωτέρων ὅσοι τοῖς τούτων ὀνόμασιν ἑαυτοὺς ἐσέμνυαν Ἐρασιστρατεῖους τε καὶ Ἀσκληπιαδεῖους ἐπονομάσαντες, ὁμοίως τοῖς ὑπὸ τοῦ βελτίστου Μενάνδρου κατὰ τὰς κωμωδίας εἰσαγομένοις οἰκέταις, Δάοις τέ τισι καὶ Γέταις, οὐδὲν ἠγουμένοις σφίσι πεπραῆχθαι γενναῖον, εἰ μὴ τρὶς ἕξαπατήσειαν τὸν δεσπότην, οὕτω καὶ αὐτοὶ κατὰ πολλὴν σχολὴν ἀναίσχυντα σοφίσματα συνέθεσαν, οἱ μὲν, ἵνα μὴδ' ὄλως ἐξελεγχθεῖη ποτ' Ἀσκληπιάδης ψευδόμενος, οἱ δ', ἵνα κακῶς εἴπωσιν, ἃ καλῶς ἐσιώπησεν Ἐρασίστρατος. ἀλλὰ τῶν μὲν Ἀσκληπιαδεῶν ἄλις. οἱ δ' Ἐρασιστράτειοι λέγειν ἐπιχειροῦντες, ὅπως οἱ νεφροὶ διηθοῦσι τὸ οὔρον, ἅπαντα δρῶσί τε καὶ πάσχουσι καὶ παντοῖοι γίνονται πιθανὸν ἐξευρεῖν τι ζητοῦντες αἴτιον ὀλκῆς μὴ δεόμενον. οἱ μὲν δὴ πλησίον Ἐρασιστράτου τοῖς χρόνοις γενόμενοι τὰ μὲν ἄνω τῶν νεφρῶν μόρια καθαρὸν αἷμα λαμβάνειν φασί, τῷ δὲ βάρος ἔχειν τὸ ὑδατῶδες περίπτωμα βρίθειν τε καὶ ὑπορρεῖν κάτω· διηθούμενον δ' ἔνταῦθα κατὰ τοὺς νεφροὺς αὐτοὺς χρηστὸν οὕτω γενόμενον ἅπασι τοῖς κάτω τῶν νεφρῶν ἐπιπέμπεσθαι τὸ αἷμα. καὶ μέχρι γέ τινος εὐδοκίμησεν ἥδε ἡ δόξα καὶ

ἤκμασε καὶ ἀληθῆς ἐνομίσθη· χρόνῳ δ' ὕστερον καὶ αὐτοῖς τοῖς Ἑρασιστρατείοις ὑποπτος ἐφάνη καὶ τελευτῶντες ἀπέστησαν αὐτῆς. αἰτεῖσθαι γὰρ ἐδόκουν δύο ταῦτα μῆτε συγχωρούμενα πρὸς τινος ἀλλ' οὐδ' ἀποδειχθῆναι δυνάμενα, πρῶτον μὲν τὸ βάρος τῆς ὀρρώδους ὑγρότητος ἐν τῇ κοίλῃ [πρώτῃ] φλεβί γεννώμενον, ὥσπερ οὐκ ἐξ ἀρχῆς ὑπάρχον, ὁπότε ἐκ τῆς κοιλίας εἰς ἥπαρ ἀνεφέρετο. τί δὴ οὖν οὐκ εὐθύς ἐν ἐκείνοις τοῖς χωρίοις ὑπέρρει κάτω; πῶς δ' ἂν τῷ δόξειεν εὐλόγως εἰρῆσθαι συντελεῖν εἰς τὴν ἀνάδοσιν ἢ ὑδατώδης ὑγρότης, εἴπερ οὕτως ἐστὶ βαρεῖα; δεύτερον δ' ἄτοπον, ὅτι κἂν κάτω συγχωρηθῇ φέρεσθαι πᾶσα καὶ μὴ κατ' ἄλλο χωρίον ἢ τὴν κοίλην φλέβα, τίνα τρόπον εἰς τοὺς νεφροὺς ἐμπεσεῖται, χαλεπόν, μᾶλλον δ' ἀδύνατον εἰπεῖν, μῆτ' ἐν τοῖς κάτω μέρεσι κειμένων αὐτῶν τῆς φλεβὸς ἀλλ' ἐκ τῶν πλαγίων μῆτ' ἐμφυομένης εἰς αὐτοὺς τῆς κοιλίας ἀλλ' ἀπόφυσιν τίνα μόνον εἰς ἑκάτερον πεμπούσης, ὥσπερ καὶ εἰς τᾶλλα πάντα μόρια. τίς οὖν ἢ διαδεξαμένη ταύτην δόξα καταγνωσθεῖσαν; ἐμοὶ μὲν ἡλιθιωτέρα μακρῶ φαίνεται τῆς προτέρας. ἤκμασε δ' οὖν καὶ αὕτη ποτέ. φασὶ γάρ, εἰ κατὰ τῆς γῆς ἐκχυθείη μεμιγμένον ἔλαιον ὕδατι, διάφορον ἑκάτερον ὁδὸν βαδιεῖσθαι καὶ ῥυήσεσθαι τὸ μὲν τῆδε, τὸ δὲ τῆδε. θαυμαστὸν οὖν οὐδὲν εἶναί φασιν, εἰ τὸ μὲν ὑδατῶδες ὑγρὸν εἰς τοὺς νεφροὺς ῥεῖ, τὸ δ' αἷμα διὰ τῆς κοιλίας φέρεται κάτω. κατέγνωσται οὖν ἤδη καὶ ἡδε ἢ δόξα. διὰ τί γὰρ ἀπὸ τῆς κοιλίας μυρίων ἐκπεφυκυῶν φλεβῶν αἷμα μὲν εἰς τὰς ἄλλας ἀπάσας, ἢ δ' ὀρρώδης ὑγρότης εἰς τὰς ἐπὶ τοὺς

νεφρούς φερομένας ἐκτρέπεται; τοῦτ' αὐτὸ τὸ ζητούμενον οὐκ εἰρήκασιν, ἀλλὰ τὸ γιγνόμενον εἰπόντες μόνον οἴονται τὴν αἰτίαν ἀποδεδωκέναι. πάλιν οὖν, τὸ τρίτον τῷ σωτήρι, τὴν χειρίστην ἀπασῶν δόξαν ἐξευρημένην [δὲ] νῦν ὑπὸ Λύκου τοῦ Μακεδόνοσ, εὐδοκιμοῦσαν δὲ διὰ τὸ καινὸν ἤδη λέγωμεν. ἀπεφήνατο γὰρ δὴ ὁ Λύκος οὗτος, ὡσπερ ἐξ ἀδύτου τινὸς χρησμὸν ἀποφθεγγόμενος, περίπτωμα τῆς τῶν νεφρῶν θρέψεως εἶναι τὸ οὔρον. ὅτι μὲν οὖν αὐτὸ τὸ πινόμενον ἅπαν οὔρον γίγνεται, πλὴν εἴ τι μετὰ τῶν διαχωρημάτων ὑπῆλθεν ἢ εἰς ἰδρωτάσ ἀπεχώρησεν ἢ εἰς τὴν ἄδηλον διαπνοήν, ἐναργῶσ ἐνδείκνυται τὸ πλῆθος τῶν καθ' ἑκάστην ἡμέραν οὔρουμένων. ἐν χειμῶνι δὲ μάλιστα μαθεῖν ἔστιν ἐπὶ τῶν ἀργούντων μὲν, κωθωνιζομένων δέ, καὶ μάλιστ' εἰ λεπτὸσ ὁ οἶνοσ εἶη καὶ πόριμοσ. οὔρουσι γὰρ οὗτοι διὰ ταχέων ὀλίγου δεῖν, ὅσονπερ καὶ πίνουσι. ὅτι δὲ καὶ ὁ Ἑρασίστρατοσ οὕτωσ ἐγίγνωσκεν, οἱ τὸ πρῶτον ἀνεγνωκότεσ αὐτοῦ σύγγραμμα τῶν καθόλου λόγων ἐπίστανται. ὡσθ' ὁ Λύκοσ οὐτ' ἀληθῆ φαίνεται λέγων οὐτ' Ἑρασιστράτεια, δῆλον δ' ὡσ οὐδ' Ἀσκληπιάδεια, πολὺ δὲ μᾶλλον οὐδ' Ἴπποκράτεια. λευκῷ τοίνυν κατὰ τὴν παροιμίαν ἔοικε κόρακι μήτ' αὐτοῖσ τοῖσ κόραξιν ἀναμιχθῆναι δυναμένῳ διὰ τὴν χροάν μήτε ταῖσ περιστεραῖσ διὰ τὸ μέγεθοσ, ἀλλ' οὔτι που τούτου γ' ἔνεκα παροπτέοσ· ἴσωσ γὰρ τι λέγει θαυμαστόν, ὃ μηδεῖσ τῶν ἔμπροσθεν ἔγνω. τὸ μὲν οὖν ἅπαντα τὰ τρεφόμενα μόρια ποιεῖν τι περίπτωμα συγχωρούμενον, τὸ δὲ τοὺσ νεφρούσ μόνουσ,

οὕτω σμικρὰ σώματα, χόας ὅλους τέτταρας ἢ καὶ πλείους ἴσχειν ἐνίστε περιπτώματος οὐθ' ὁμολογούμενον οὐτε λόγον ἔχον· τὸ γὰρ ἐκάστου τῶν μειζόνων σπλάγγνων περίπτωμα πλείον ἀναγκαῖον ὑπάρχειν. οἷον αὐτίκα τὸ τοῦ πνεύμονος, εἴπερ ἀνάλογον τῷ μεγέθει τοῦ σπλάγγνου γίγνοιτο, πολλαπλάσιον ἔσται δῆπου τοῦ κατὰ τοὺς νεφρούς, ὥσθ' ὅλος μὲν ὁ θώραξ ἐμπλησθήσεται, πνιγήσεται δ' αὐτίκα τὸ ζῶον. ἀλλ' εἰ ἴσον φήσει τις γίνεσθαι τὸ καθ' ἕκαστον τῶν ἄλλων μορίων περίπτωμα, διὰ ποίων κύστεων ἐκκρίνεται; εἰ γὰρ οἱ νεφροὶ τοῖς κωθωνιζομένοις τρεῖς ἢ τέτταρας ἐνίστε χόας ποιοῦσι περιπτώματος, ἐκάστου τῶν ἄλλων σπλάγγνων πολλῶ πλείους ἔσονται καὶ πίθου τινὸς οὕτω μεγίστου δεήσει τοῦ δεξομένου τὰ πάντων περιπτώματα. καίτοι πολλάκις, ὅσον ἔπιέ τις, ὀλίγου δεῖν οὕρησεν ἅπαν, ὡς ἂν ἐπὶ τοὺς νεφρούς φερομένου τοῦ πόματος ἅπαντος. ἔοικεν οὖν ὁ τὸ τρίτον ἔξαπατῶν οὗτος οὐδὲν ἀνύειν ἀλλ' εὐθύς γεγενῆσθαι κατάφωρος καὶ μένειν ἔτι τὸ ἐξ ἀρχῆς ἄπορον Ἐρασιστράτῳ τε καὶ τοῖς ἄλλοις ἅπασιν πλὴν Ἴπποκράτους. διατρίβω δ' ἐκὼν ἐν τῷ τόπῳ σαφῶς εἰδῶς, ὅτι μηδὲν εἰπεῖν ἔχει μηδεὶς ἄλλος περὶ τῆς τῶν νεφρῶν ἐνεργείας, ἀλλ' ἀναγκαῖον ἢ τῶν μαγείρων ἀμαθεστέρους φαίνεσθαι μηδ' ὅτι διηθεῖται δι' αὐτῶν τὸ οὕρον ὁμολογοῦντας ἢ τοῦτο συγχωρήσαντας μηδὲν ἔτ' ἔχειν εἰπεῖν ἕτερον αἴτιον τῆς διακρίσεως πλὴν τῆς ὀλκῆς. ἀλλ' εἰ μὴ τῶν οὕρων ἢ φορὰ τῇ πρὸς τὸ κενούμενον ἀκολουθία γίνεταί, δῆλον, ὡς οὐδ' ἢ τοῦ αἵματος οὐδ' ἢ τῆς χολῆς ἢ

εἶπερ ἐκείνων καὶ τούτου· πάντα γὰρ ὡσαύτως ἀναγκαῖον ἐπιτελεῖσθαι καὶ κατ' αὐτὸν τὸν Ἑρασίστρατον. εἰρήσεται δ' ἐπὶ πλεόν ὑπὲρ αὐτῶν ἐν τῷ μετὰ ταῦτα γράμματι.

ΒΙΒΛΙΟΝ ΔΕΥΤΕΡΟΝ

1. Ὅτι μὲν οὖν ἀναγκαῖόν ἐστιν οὐκ Ἑρασιστράτῳ μόνον ἀλλὰ καὶ τοῖς ἄλλοις ἅπασιν, ὅσοι μέλλουσι περὶ διακρίσεως οὔρων ἐρεῖν τι χρηστόν, ὁμολογῆσαι δύναμιν τιν' ὑπάρχειν τοῖς νεφροῖς ἔλκουσαν εἰς ἑαυτοὺς ποιότητα τοιαύτην, οἷα ἐν τοῖς οὔροις ἐστί, διὰ τοῦ πρόσθεν ἐπιδέδεικται γράμματος, ἀναμνησκόντων ἅμ' αὐτῷ καὶ τοῦθ' ἡμῶν, ὡς οὐκ ἄλλως μὲν εἰς τὴν κύστιν φέρεται τὰ οὔρα διὰ τῶν νεφρῶν, ἄλλως δ' εἰς ἅπαντα τοῦ ζώου τὰ μόρια τὸ αἷμα, κατ' ἄλλον δέ τινα τρόπον ἢ ξανθὴ χολὴ διακρίνεται. δειχθείσης γὰρ ἐναργῶς ἐφ' ἐνὸς οὔτινοσοῦν ὀργάνου τῆς ἐλκτικῆς τε καὶ ἐπισπαστικῆς ὀνομαζομένης δυνάμεως οὐδὲν ἔτι χαλεπὸν ἐπὶ τὰ λοιπὰ μεταφέρειν αὐτήν· οὐ γὰρ δὴ τοῖς μὲν νεφροῖς ἢ φύσις ἔδωκέ τινα τοιαύτην δύναμιν, οὐχὶ δέ γε καὶ τοῖς τὸ χολῶδες ὑγρὸν ἔλκουσιν ἀγγεῖοις οὐδὲ τούτοις μὲν, οὐκέτι δὲ καὶ τῶν ἄλλων μορίων ἐκάστω. καὶ μὴν εἰ τοῦτ' ἀληθές ἐστι, θαυμάζειν χρὴ τοῦ Ἑρασιστράτου ψευδεῖς οὔτω λόγους ὑπὲρ ἀναδόσεως τροφῆς εἰπόντος, ὡς μηδ' Ἀσκληπιάδην λαθεῖν. καίτοι γ' οἶεται παντὸς μᾶλλον ἀληθές ὑπάρχειν, ὡς, εἶπερ ἐκ τῶν φλεβῶν ἀπορρέει τι, δυοῖν θάτερον ἢ κενὸς ἔσται τόπος ἀθρόως ἢ τὸ συνεχές

ἐπιρρυήσεται τὴν βάσιν ἀναπληροῦν τοῦ κενουμένου. ἀλλ' ὁ γ' Ἄσκληπιάδης οὐ δυοῖν θάτερόν φησιν, ἀλλὰ τριῶν ἓν τι χρῆναι λέγειν ἐπὶ τοῖς κενουμένοις ἀγγείοις ἔπεσθαι ἢ κενὸν ἀθρόως τόπον ἢ τὸ συνεχές ἀκολουθήσειν ἢ συσταλήσεσθαι τὸ ἀγγεῖον. ἐπὶ μὲν γὰρ τῶν καλάμων καὶ τῶν αὐλίσκων τῶν εἰς τὸ ὕδωρ καθιεμένων ἀληθές εἶπεῖν, ὅτι κενουμένου τοῦ περιεχομένου κατὰ τὴν εὐρυχωρίαν αὐτῶν ἀέρος ἢ κενὸς ἀθρόως ἔσται τόπος ἢ ἀκολουθήσει τὸ συνεχές· ἐπὶ δὲ τῶν φλεβῶν οὐκέτ' ἐγγωρεῖ, δυναμένου δὴ τοῦ χιτῶνος αὐτῶν εἰς ἑαυτὸν συνιζάνειν καὶ διὰ τοῦτο καταπίπτειν εἰς τὴν ἐντὸς εὐρυχωρίαν. οὕτω μὲν δὴ ψευδῆς ἢ περὶ τῆς πρὸς τὸ κενούμενον ἀκολουθίας οὐκ ἀπόδειξις μὰ Δί' εἶποίμ' ἂν ἀλλ' ὑπόθεσις Ἐρασιστράτειος, καθ' ἕτερον δ' αὖ τρόπον, εἰ καὶ ἀληθῆς εἴη, περιττή, τῆς μὲν κοιλίας ἐνθλίβειν ταῖς φλεψὶ δυναμένης, ὡς αὐτὸς ὑπέθετο, τῶν φλεβῶν δ' αὖ περιστέλλεσθαι τῷ ἐνυπάρχοντι καὶ προωθεῖν αὐτό. τά τε γὰρ ἄλλα καὶ πλῆθος οὐκ ἂν ἐν τῷ σώματι γένοιτο, τῇ πρὸς τὸ κενούμενον ἀκολουθία μόνῃ τῆς ἀναδόσεως ἐπιτελουμένης. εἰ μὲν οὖν ἢ τῆς γαστρὸς ἐνθλιψις ἐκλύεται προϊοῦσα καὶ μέχρι παντὸς ἀδυνατός ἐστιν ἔξικνεῖσθαι καὶ διὰ τοῦτ' ἄλλης τινὸς δεῖ μηχανῆς εἰς τὴν πάντη φορὰν τοῦ αἵματος, ἀναγκαῖα μὲν ἢ πρὸς τὸ κενούμενον ἀκολουθία προσεξεύρηται· πλῆθος δ' ἐν οὐδενὶ τῶν μεθ' ἧπαρ ἔσται μορίων, ἢ, εἴπερ ἄρα, περὶ τὴν καρδίαν τε καὶ τὸν πνεύμονα. μόνῃ γὰρ αὕτη τῶν μεθ' ἧπαρ εἰς τὴν δεξιὰν αὐτῆς κοιλίαν ἔλκει τὴν τροφήν, εἶτα διὰ τῆς φλεβὸς τῆς ἀρτηριώδους

ἐκπέμπει τῷ πνεύμονι· τῶν γὰρ ἄλλων οὐδὲν οὐδ' αὐτὸς ὁ Ἐρασίστρατος ἐκ καρδίας βούλεται τρέφεσθαι διὰ τὴν τῶν ὑμένων ἐπίφυσιν. εἰ δέ γ', ἵνα πλήθος γένηται, φυλάξομεν ἄχρι παντὸς τὴν ῥώμην τῆς κατὰ τὴν κοιλίαν ἐνθλίψεως, οὐδὲν ἔτι δεόμεθα τῆς πρὸς τὸ κενούμενον ἀκολουθίας, μάλιστα' εἰ καὶ τὴν τῶν φλεβῶν συνυποθοίμεθα περιστολήν, ὡς αὖ καὶ τοῦτ' αὐτῷ πάλιν ἀρέσκει τῷ Ἐρασιστράτῳ.

2. Ἐναμνηστέον οὖν αὖθις αὐτόν, κἂν μὴ βούληται, τῶν νεφρῶν καὶ λεκτέον, ὡς ἔλεγχος [εἰσὶν] οὗτοι φανερώτατος ἀπάντων τῶν ἀποχωρούντων τῆς ὀλκῆς· οὐδεὶς γὰρ οὐδὲν οὔτ' εἶπε πιθανόν, ἀλλ' οὐδ' ἐξευρεῖν εἶχε κατ' οὐδένα τρόπον, ὡς ἔμπροσθεν ἐδείκνυμεν, ἕτερον αἷτιον οὖρων διακρίσεως, ἀλλ' ἀναγκαῖον ἢ μαίνεσθαι δοκεῖν, εἰ φήσαιμεν ἀτμοειδῶς εἰς τὴν κύστιν ἵεναι τὸ οὔρον ἢ ἀσχημονεῖν τῆς πρὸς τὸ κενούμενον ἀκολουθίας μνημονεύοντας, ληρώδους μὲν οὔσης κἀπὶ τοῦ αἵματος, ἀδυνάτου δὲ καὶ ἠλιθίου παντάπασιν ἐπὶ τῶν οὔρων. Ἐν μὲν δὴ τοῦτο σφάλμα τῶν ἀποστάντων τῆς ὀλκῆς· ἕτερον δὲ τὸ περὶ τῆς κατὰ τὴν ξανθὴν χολὴν διακρίσεως. οὐδὲ γὰρ οὐδ' ἐκεῖ παραρρέοντος τοῦ αἵματος τὰ στόματα τῶν χοληδόχων ἀγγείων ἀκριβῶς διακριθῆσεται τὸ χολῶδες περίττωμα. καὶ μὴ διακρινέσθω, φασίν, ἀλλὰ συναναφερέσθω τῷ αἵματι πάντη τοῦ σώματος. ἀλλ', ὧ σοφώτατοι, προνοητικὴν τοῦ ζώου καὶ τεχνικὴν αὐτὸς ὁ Ἐρασίστρατος ὑπέθετο τὴν φύσιν. ἀλλὰ καὶ τὸ χολῶδες ὑγρὸν ἄχρηστον εἶναι παντάπασιν τοῖς ζώοις ἔφασκεν. οὐ συμβαίνει δ' ἀλλήλοις

ἄμφω ταῦτα. πῶς γὰρ ἂν ἔτι προνοεῖσθαι τοῦ ζῶου
δόξειεν ἐπιτρέπουσα συναναφέρεσθαι τῷ αἵματι μοχθηρὸν
οὔτω χυμὸν; ἀλλὰ ταῦτα μὲν σμικρά· τὸ δὲ μέγιστον καὶ
σαφέστατον πάλιν ἐνταῦθ' ἀμάρτημα καὶ δὴ φράσω. εἶπερ
γὰρ δι' οὐδὲν ἄλλ' ἢ ὅτι παχύτερον μὲν ἐστὶ τὸ αἷμα,
λεπτοτέρα δ' ἢ ξανθὴ χολή καὶ τὰ μὲν τῶν φλεβῶν εὐρύτερα
στόματα, τὰ δὲ τῶν χοληδόχων ἀγγείων στενότερα, διὰ
τοῦθ' ἢ μὲν χολὴ τοῖς στενοτέροις ἀγγείοις τε καὶ στόμασιν
ἐναρμόττει, τὸ δ' αἷμα τοῖς εὐρυτέροις, δῆλον, ὡς καὶ τὸ
ὑδατῶδες τοῦτο καὶ ὀρρωῶδες περίπτωμα τοσοῦτω πρότερον
εἰσρυήσεται τοῖς χοληδόχοις ἀγγείοις, ὅσω λεπτότερόν ἐστι
τῆς χολῆς. πῶς οὖν οὐκ εἰσερεῖ; ὅτι παχύτερόν ἐστι νῆ
Δία τὸ οὔρον τῆς χολῆς· τοῦτο γὰρ ἐτόλμησέ τις εἰπεῖν
τῶν καθ' ἡμᾶς Ἑρασιστρατείων ἀποστάς δηλονότι τῶν
αἰσθήσεων, αἷς ἐπίστευσεν ἐπὶ τε τῆς χολῆς καὶ τοῦ αἵματος.
εἶτε γὰρ ὅτι μᾶλλον ἢ χολὴ τοῦ αἵματος ῥεῖ, διὰ τοῦτο
λεπτοτέραν αὐτὴν ἡμῖν ἐστὶ νομιστέον, εἶθ' ὅτι δι' ὀθόνης
ἢ ῥάκους ἢ τινος ἠθμοῦ ῥᾶον διεξέρχεται καὶ ταύτης τὸ
ὀρρωῶδες περίπτωμα, κατὰ ταῦτα τὰ γνωρίσματα παχύτερα
τῆς ὑδατώδους ὑγρότητος καὶ αὕτη γενήσεται. πάλιν γὰρ
οὐδ' ἐνταῦθα λόγος οὐδεὶς ἐστίν, ὃς ἀποδείξει λεπτοτέραν
τὴν χολὴν τῶν ὀρρωδῶν περιπτωμάτων. ἀλλ' ὅταν τις
ἀναισχυνητῆ περιπλέκων τε καὶ μήπω καταπεπτωκέναι
συγχωρῶν, ὅμοιος ἔσται τοῖς ἰδιώταις τῶν παλαιστῶν, οἳ
καταβληθέντες ὑπὸ τῶν παλαιστρικῶν καὶ κατὰ τῆς γῆς
ὑπτιοὶ κείμενοι τοσοῦτου δέουσι τὸ πτώμα γνωρίζειν, ὥστε

καὶ κρατοῦσι τῶν ἀυχένων αὐτοὺς τοὺς καταβαλόντας οὐκ ἔϋντες ἀπαλλάττεσθαι, κὰν τούτῳ νικᾶν ὑπολαμβάνουσι.

3. Λῆρος οὖν μακρὸς ἅπασα πόρων ὑπόθεσις εἰς φυσικὴν ἐνέργειαν. εἰ μὴ γὰρ δύναμις τις σύμφυτος ἐκάστῳ τῶν ὀργάνων ὑπὸ τῆς φύσεως εὐθύς ἐξ ἀρχῆς δοθείη, διαρκεῖν οὐ δυνήσεται τὰ ζῶα, μὴ ὅτι τοσοῦτον ἀριθμὸν ἐτῶν ἀλλ' οὐδ' ἡμερῶν ὀλιγίστων· ἀνεπιτρόπευτα γὰρ ἐάσαντες αὐτὰ καὶ τέχνης καὶ προνοίας ἔρημα μόναις ταῖς τῶν ὑλῶν οἰακιζόμενα ῥοπαῖς, οὐδαμοῦ δυνάμεως οὐδεμιᾶς τῆς μὲν ἐλκούσης τὸ προσῆκον ἑαυτῇ, τῆς δ' ἀπωθούσης τὸ ἀλλότριον, τῆς δ' ἀλλοιούσης τε καὶ προσφυούσης τὸ θρέψον, οὐκ οἶδ' ὅπως οὐκ ἂν εἴημεν καταγέλαστοι περὶ τε τῶν φυσικῶν ἐνεργειῶν διαλεγόμενοι καὶ πολὺ μᾶλλον ἔτι περὶ τῶν ψυχικῶν καὶ συμπάσης γε τῆς ζωῆς. οὐδὲ γὰρ ζῆν οὐδὲ διαμένειν οὐδενὶ τῶν ζῴων οὐδ' εἰς ἐλάχιστον χρόνον ἔσται δυνατόν, εἰ τοσαῦτα κεκτημένον ἐν ἑαυτῷ μόρια καὶ οὕτω διαφέροντα μῆθ' ἐλκτικῇ τῶν οἰκείων χρήσεται δυνάμει μῆτ' ἀποκριτικῇ τῶν ἀλλοτριῶν μῆτ' ἀλλοιωτικῇ τῶν θρεψόντων. καὶ μὴν εἰ ταύτας ἔχοιμεν, οὐδὲν ἔτι πόρων μικρῶν ἢ μεγάλων ἐξ ὑποθέσεως ἀναποδείκτου λαμβανομένων εἰς οὔρου καὶ χολῆς διάκρισιν δεόμεθα καὶ τινος ἐπικαίρου θέσεως, ἐν ᾧ μόνῳ σωφρονεῖν ἔοικεν ὁ Ἐρασίστρατος ἅπαντα καλῶς τεθῆναί τε καὶ διαπλασθῆναι τὰ μόρια τοῦ σώματος ὑπὸ τῆς φύσεως οἰόμενος. ἀλλ' εἰ παρακολουθήσειεν ἑαυτῷ φύσιν ὀνομάζοντι τεχνικὴν, εὐθύς μὲν ἐξ ἀρχῆς ἅπαντα

καλῶς διαπλάσασάν τε καὶ διαθεῖσαν τοῦ ζώου τὰ μόρια, μετὰ δὲ τὴν τοιαύτην ἐνέργειαν, ὡς οὐδὲν ἔλειπεν, ἔτι προαγαγοῦσαν εἰς φῶς αὐτὸ σὺν τισι δυνάμεσιν, ὧν ἄνευ ζῆν οὐκ ἠδύνατο, καὶ μετὰ ταῦτα κατὰ βραχὺ προσαυξήσασαν ἄχρι τοῦ πρέποντος μεγέθους, οὐκ οἶδα πῶς ὑπομένει πόρων σμικρότησιν ἢ μεγέθεσιν ἢ τισιν ἄλλαις οὔτω ληρώδεσιν ὑποθέσει φυσικὰς ἐνεργείας ἐπιτρέπειν. ἢ γὰρ διαπλάπτουσα τὰ μόρια φύσις ἐκείνη καὶ κατὰ βραχὺ προσαύξουσα πάντως δήπου δι' ὅλων αὐτῶν ἐκτέταται· καὶ γὰρ ὅλα δι' ὅλων οὐκ ἔξωθεν μόνον αὐτὰ διαπλάττει τε καὶ τρέφει καὶ προσαύξει. Πραξιτέλης μὲν γὰρ ἢ Φειδίας ἢ τις ἄλλος ἀγαματοποιὸς ἔξωθεν μόνον ἐκόσμου τὰς ὕλας, καθὰ καὶ ψαύειν αὐτῶν ἠδύνατο, τὸ βάθος δ' ἀκόσμητον καὶ ἀργὸν καὶ ἄτεχνον καὶ ἀπρονόητον ἀπέλιπον, ὡς ἂν μὴ δυνάμενοι κατελθεῖν εἰς αὐτὸ καὶ καταδῦναι καὶ θιγεῖν ἀπάντων τῆς ὕλης τῶν μερῶν. ἢ φύσις δ' οὐχ οὔτως, ἀλλὰ τὸ μὲν ὀστοῦ μέρος ἅπαν ὀστοῦν ἀποτελεῖ, τὸ δὲ σαρκὸς σάρκα, τὸ δὲ πιμελῆς πιμελὴν καὶ τῶν ἄλλων ἕκαστον· οὐδὲν γὰρ ἐστὶν ἄψαυστον αὐτῇ μέρος οὐδ' ἀνεξέργαστον οὐδ' ἀκόσμητον. ἀλλὰ τὸν μὲν κηρὸν ὁ Φειδίας οὐκ ἠδύνατο ποιεῖν ἐλέφαντα καὶ χρυσόν, ἀλλ' οὐδὲ τὸν χρυσὸν κηρὸν· ἕκαστον γὰρ αὐτῶν μένον, οἷον ἦν ἐξ ἀρχῆς, ἔξωθεν μόνον ἡμφιεσμένον εἶδος τι καὶ σχῆμα τεχνικόν, ἀγαλμα τέλειον γέγονεν. ἢ φύσις δ' οὐδεμιᾶς ἔτι φυλάττει τῶν ὕλων τὴν ἀρχαίαν ιδέα· αἷμα γὰρ ἂν ἦν οὔτως ἅπαντα τοῦ ζώου τὰ μόρια, τὸ παρὰ τῆς κούσης

ἐπιρρέον τῷ σπέρματι, δίκην κηροῦ τινος ὕλη μία καὶ μονοειδῆς ὑποβεβλημένη τῷ τεχνίτῃ. γίνεται δ' ἐξ αὐτῆς οὐδὲν τῶν τοῦ ζώου μορίων οὔτ' ἐρυθρὸν οὔτως οὔθ' ὑγρόν. ὁστοῦν γὰρ καὶ ἄρτηρία καὶ φλέψ καὶ νεῦρον καὶ χόνδρος καὶ πιμελή καὶ ἄδην καὶ ὑμὴν καὶ μυελὸς ἄναιμα μὲν, ἐξ αἵματος δὲ γέγονε. τίνος [δ'] ἀλλοιώσαντος [αὐτὸ] καὶ τίνος πήξαντος καὶ τίνος διαπλάσαντος ἐδεόμην ἂν μοι τὸν Ἐρασίστρατον αὐτὸν ἀποκρίνασθαι. πάντως γὰρ ἂν εἶπεν ἦτοι τὴν φύσιν ἢ τὸ σπέρμα, ταῦτόν μὲν λέγων καθ' ἑκάτερον, διαφόροις δ' ἐπινοίαις ἐρμηνεύων· ὁ γὰρ ἦν πρότερον σπέρμα, τοῦθ', ὅταν ἄρξηται φύειν τε καὶ διαπλάττειν τὸ ζῶον, φύσις τις γίνεται. καθάπερ γὰρ ὁ Φειδίας εἶχε μὲν τὰς δυνάμεις τῆς τέχνης καὶ πρὶν ψαύειν τῆς ὕλης, ἐνήργει δ' αὐταῖς περὶ τὴν ὕλην—ἅπανσα γὰρ δύναμις ἀργεῖ ἀποροῦσα τῆς οἰκείας ὕλης—, οὔτω καὶ τὸ σπέρμα τὰς μὲν δυνάμεις οἴκοθεν ἐκέκτητο, τὰς δ' ἐνεργείας οὐκ ἐκ τῆς ὕλης ἔλαβεν, ἀλλὰ περὶ τὴν ὕλην ἐπεδείξατο. καὶ μὴν εἰ πολλῶ μὲν ἐπικλύζοιτο τῷ αἵματι τὸ σπέρμα, διαφθείροιτ' ἂν· εἰ δ' ὅλως ἀποροίη παντάπασιν ἀργοῦν, οὐκ ἂν γένοιτο φύσις. ἴν' οὖν μήτε φθείρηται καὶ γίγνηται φύσις ἀντὶ σπέρματος, ὀλίγον ἐπιρρεῖν ἀναγκαῖον αὐτῷ τοῦ αἵματος, μᾶλλον δ' οὐκ ὀλίγον λέγειν χρή, ἀλλὰ σύμμετρον τῷ πλήθει τοῦ σπέρματος. τίς οὖν ὁ μετρῶν αὐτοῦ τὸ ποσὸν τῆς ἐπιρροῆς; τίς ὁ κωλύων ἰέναι πλέον; τίς ὁ προτρέπων, ἴν' ἐνδεέστερον μὴ ἦ; τίνα ζητήσομεν ἐνταῦθα τρίτον ἐπιστάτην τοῦ ζώου τῆς γενέσεως, ὃς χορηγήσει τῷ

σπέρματι τὸ σύμμετρον αἷμα; τί ἂν εἶπεν Ἑρασίστρατος, εἰ ζῶν ταῦτ' ἠρωτήθη; τὸ σπέρμα αὐτὸ δηλονότι· τοῦτο γάρ ἐστιν ὁ τεχνίτης ὁ ἀναλογῶν τῷ Φειδία, τὸ δ' αἷμα τῷ κηρῷ προσέοικεν. οὐκ οὖν πρέπει τὸν κηρὸν αὐτὸν ἑαυτῷ τὸ μέτρον ἐξευρίσκειν, ἀλλὰ τὸν Φειδίαν. ἔλξει δὴ τοσοῦτον αἵματος ὁ τεχνίτης εἰς ἑαυτὸν, ὅπου δειτῆται. ἀλλ' ἐνταῦθα χρὴ προσέχειν ἤδη τὸν νοῦν καὶ σκοπεῖν, μή πως λάθωμεν τῷ σπέρματι λογισμὸν τινα καὶ νοῦν χαρισάμενοι· οὕτω γὰρ ἂν οὔτε σπέρμα ποιήσαιμεν οὔτε φύσιν ἀλλ' ἤδη ζῶον αὐτό. καὶ μὴν εἰ φυλάξομεν ἀμφοτέρω, τὴν θ' ὀλκὴν τοῦ συμμέτρου καὶ τὸ χωρὶς λογισμοῦ, δύναμιν τινα, καθάπερ ἡ λίθος ἐλκτικὴν εἶχε τοῦ σιδήρου, καὶ τῷ σπέρματι φήσομεν ὑπάρχειν αἵματος ἐπισπαστικὴν. ἠναγκάσθημεν οὖν πάλιν κἀνταῦθα, καθάπερ ἤδη πολλάκις ἔμπροσθεν, ἐλκτικὴν τινα δύναμιν ὁμολογῆσαι κατὰ τὸ σπέρμα. τί δ' ἦν τὸ σπέρμα; ἡ ἀρχὴ τοῦ ζώου δηλονότι ἡ δραστικὴ· ἡ γὰρ ὑλικὴ τὸ καταμήνιον ἐστίν. εἴτ' αὐτῆς τῆς ἀρχῆς πρώτη ταύτη τῇ δυνάμει χρωμένης, ἵνα γένηται τῶν ὑπ' αὐτῆς τι δεδημιουργημένων, ἅμοιον εἶναι τῆς οἰκείας δυνάμεως οὐκ ἐνδέχεται. πῶς οὖν Ἑρασίστρατος αὐτὴν οὐκ οἶδεν, εἰ δὴ πρώτη μὲν αὕτη τοῦ σπέρματος ἐνέργεια τὸ σύμμετρον αἵματος ἐπισπᾶσθαι πρὸς ἑαυτό; σύμμετρον δ' ἂν εἴη τὸ λεπτὸν οὕτω καὶ ἀτμῶδες, ὥστ' εὐθύς εἰς πᾶν μόριον ἐλκόμενον τοῦ σπέρματος δροσοειδῶς μηδαμοῦ τὴν ἑαυτοῦ παρεμφαίνειν ἰδέαν. οὕτω γὰρ αὐτοῦ καὶ κρατήσῃ ῥαδίως τὸ σπέρμα καὶ ταχέως ἐξομοιώσῃ καὶ τροφήν

ἑαυτῷ ποιήσεται κᾶπειτ' οἷμαι δεύτερον ἐπισπάσεται καὶ τρίτον, ὡς ὄγκον ἑαυτῷ καὶ πλῆθος ἀξιόλογον ἐργάσασθαι τραφέντι. καὶ μὴν ἤδη καὶ ἡ ἀλλοιωτικὴ δύναμις ἐξεύρηται μηδ' αὐτὴ πρὸς Ἑρασιστράτου γεγραμμένη. τρίτη δ' ἂν ἡ διαπλαστικὴ φανείη, καθ' ἣν πρῶτον μὲν οἷον ἐπίπαγόν τινα λεπτὸν ὑμένα περιτίθουσιν ἑαυτῷ τὸ σπέρμα, τὸν ὑφ' Ἴπποκράτους ἐπὶ τῆς ἐκταίας γονῆς, ἣν ἐκπεσεῖν ἔλεγε τῆς μουσουργοῦ, τῷ τῶν ὠῶν εἰκασθέντα χιτῶνι· μετὰ δὲ τοῦτον ἤδη καὶ τᾶλλ', ὅσα πρὸς ἐκείνου λέγεται διὰ τοῦ περὶ φύσιος παιδίου συγγράμματος. ἀλλ' εἰ τῶν διαπλασθέντων ἕκαστον οὕτω μείνειε μικρόν, ὡς ἐξ ἀρχῆς ἐγένετο, τί ἂν εἴη πλέον; ἀυξάνεσθαι τοίνυν αὐτὰ χρή. πῶς οὖν ἀυξηθήσεται; πάντα διατεινόμενα θ' ἅμα καὶ τρεφόμενα. καὶ μοι τῶν ἔμπροσθεν εἰρημένων ἐπὶ τῆς κύστεως, ἣν οἱ παῖδες ἐμφυσῶντες ἔτριβον, ἀναμνησθεῖς μαθήσῃ μᾶλλον κᾶκ τῶν νῦν ῥηθησομένων. ἐννόησον γὰρ δὴ τὴν καρδίαν οὕτω μὲν μικρὰν εἶναι κατ' ἀρχάς, ὡς κέγχρου μηδὲν διαφέρειν ἢ, εἰ βούλει, κυάμου, καὶ ζήτησον, ὅπως ἂν ἄλλως αὐτὴ γένοιτο μεγάλη χωρὶς τοῦ πάντα διατεινομένην τρέφεσθαι δι' ὅλης ἑαυτῆς, ὡς ὀλίγῳ πρόσθεν ἐδείκνυτο τὸ σπέρμα τρεφόμενον. ἀλλ' οὐδὲ τοῦτ' Ἑρασίστρατος οἶδεν ὁ τὴν τέχνην τῆς φύσεως ὑμῶν, ἀλλ' οὕτως ἀυξάνεσθαι τὰ ζῶα νομίζει καθάπερ τινὰ κρησέραν ἢ σειρὰν ἢ σάκκον ἢ τάλαρον, ὧν ἕκαστῷ κατὰ τὸ πέρασ ἐπιπλεκομένων ὁμοίων ἐτέρων τοῖς ἐξ ἀρχῆς αὐτὰ συντιθεῖσιν ἢ πρόσθεσις γίγνεται. ἀλλὰ τοῦτό γ' οὐκ ἀυξησίς ἐστιν ἀλλὰ γένεσις, ὧ

σοφώτατε· γίγνεται γὰρ ὁ θύλακος ἔτι καὶ ὁ σάκκος καὶ
θοιμάτιον καὶ ἡ οἰκία καὶ τὸ πλοῖον καὶ τῶν ἄλλων ἕκαστον,
ὅταν μηδέπω τὸ προσῆκον εἶδος, οὗ χάριν ὑπὸ τοῦ τεχνίτου
δημιουργεῖται, συμπεπληρωμένον ἦ. πότ' οὖν αὐξάνεται;
ὅταν ἤδη τέλειος ὦν ὁ τάλαρος, ὡς ἔχειν πυθμένα τέ τινα
καὶ στόμα καὶ οἶον γαστέρα καὶ τὰ τούτων μεταξύ, μείζων
ἅπανσι τούτοις γένηται. καὶ πῶς ἔσται τοῦτο; φήσει τις. πῶς
δ' ἄλλως ἢ εἰ ζῶον ἐξαίφνης ἢ φυτὸν ὁ τάλαρος ἡμῖν γένοιτο;
μόνων γὰρ τῶν ζώντων ἢ αὕξησης. σὺ δ' ἴσως οἶει τὴν οἰκίαν
οἰκοδομουμένην αὐξάνεσθαι καὶ τὸν τάλαρον πλεκόμενον
καὶ θοιμάτιον ὑφαινόμενον. ἀλλ' οὐχ ὧδ' ἔχει· τοῦ μὲν γὰρ
ἤδη συμπεπληρωμένου κατὰ τὸ εἶδος ἢ αὕξησης, τοῦ δ' ἔτι
γιγνομένου ἢ εἰς τὸ εἶδος ὁδὸς οὐκ αὕξησης ἀλλὰ γένεσις
ὀνομάζεται· αὐξάνεται μὲν γὰρ τὸ ὄν, γίγνεται δὲ τὸ οὐκ ὄν.

4. Καὶ ταῦτ' Ἐρασίστρατος οὐκ οἶδεν, ὃν οὐδὲν
λανθάνει, εἶπερ ὅλως ἀληθεύουσιν οἱ ἀπ' αὐτοῦ φάσκοντες
ὠμιληκῆναι τοῖς ἐκ τοῦ περιπάτου φιλοσόφοις αὐτόν. ἄχρι
μὲν οὖν τοῦ τὴν φύσιν ὑμνεῖν ὡς τεχνικὴν καὶ γὰρ γνωρίζω
τὰ τοῦ περιπάτου δόγματα, τῶν δ' ἄλλων οὐδὲν οὐδ' ἐγγύς.
εἰ γὰρ τις ὀμιλήσειε τοῖς Ἀριστοτέλους καὶ Θεοφράστου
γράμμασι, τῆς Ἰπποκράτους ἂν αὐτὰ δόξειε φυσιολογίας
ὑπομνήματα συγκεῖσθαι, τὸ θερμὸν καὶ τὸ ψυχρὸν καὶ τὸ
ξηρὸν καὶ τὸ ὑγρὸν εἰς ἄλληλα δρῶντα καὶ πάσχοντα
καὶ τούτων αὐτῶν δραστικώτατον μὲν τὸ θερμὸν, δεύτερον
δὲ τῇ δυνάμει τὸ ψυχρὸν Ἰπποκράτους ταῦτα σύμπαντα
πρώτου, δευτέρου δ' Ἀριστοτέλους εἰπόντος. τρέφεσθαι δὲ

δι' ὄλων αὐτῶν τὰ τρεφόμενα καὶ κεράννυσθαι δι' ὄλων τὰ κεραννύμενα καὶ ἀλλοιοῦσθαι δι' ὄλων τὰ ἀλλοιούμενα, καὶ ταῦθ' Ἴπποκράτεια θ' ἅμα καὶ Ἀριστοτέλεια. καὶ τὴν πέψιν ἀλλοίωσιν τιν' ὑπάρχειν καὶ μεταβολὴν τοῦ τρέφοντος εἰς τὴν οἰκείαν τοῦ τρεφομένου ποιότητα, τὴν δ' ἐξαιμάτωσιν ἀλλοίωσιν εἶναι καὶ τὴν θρέψιν ὡσαύτως καὶ τὴν αὔξησιν ἐκ τῆς πάντη διατάσεως [τοῦ σώματος] καὶ θρέψεως γίνεσθαι, τὴν δ' ἀλλοίωσιν ὑπὸ τοῦ θερμοῦ μάλιστα συντελεῖσθαι καὶ διὰ τοῦτο καὶ τὴν πέψιν καὶ τὴν θρέψιν καὶ τὴν τῶν χυμῶν ἀπάντων γένεσιν, ἤδη δὲ καὶ τοῖς περιπτώμασι τὰς ποιότητας ὑπὸ τῆς ἐμφύτου θερμοσίας ἐγγίγνεσθαι, ταῦτα σύμπαντα καὶ πρὸς τούτοις ἕτερα πολλὰ τὰ τε τῶν προειρημένων δυνάμεων καὶ τὰ τῶν νοσημάτων τῆς γενέσεως καὶ τὰ τῶν ἰαμάτων τῆς εὐρέσεως Ἴπποκράτης μὲν πρῶτος ἀπάντων ὧν ἴσμεν ὀρθῶς εἶπεν, Ἀριστοτέλης δὲ δεύτερος ὀρθῶς ἐξηγήσατο. καὶ μὴν εἰ ταῦτα σύμπαντα τοῖς ἐκ τοῦ περιπάτου δοκεῖ, καθάπερ οὖν δοκεῖ, μηδὲν δ' αὐτῶν ἀρέσκει τῷ Ἐρασιστράτῳ, τί ποτε βούλεται τοῖς Ἐρασιστρατείοις ἢ πρὸς τοὺς φιλοσόφους ἐκείνους τοῦ τῆς αἰρέσεως αὐτῶν ἠγεμόνος ὁμιλία; θαυμάζουσι μὲν γὰρ αὐτὸν ὡς θεὸν καὶ πάντ' ἀληθεύειν νομίζουσιν. εἰ δ' οὕτως ἔχει ταῦτα, πάμπλου δήπου τῆς ἀληθείας ἐσφάλθαι χρή νομίζειν τοὺς ἐκ τοῦ περιπάτου φιλοσόφους, οἷς μηδὲν ὧν Ἐρασίστρατος ὑπελάμβανεν ἀρέσκει. καὶ μὴν ὥσπερ τιν' εὐγένειαν αὐτῷ τῆς φυσιολογίας τὴν πρὸς τοὺς ἄνδρας ἐκείνους

συνουσίαν ἐκπορίζουσι. πάλιν οὖν ἀναστρέψωμεν τὸν λόγον ἑτέρως ἢ ὡς ὀλίγω πρόσθεν ἐτύχομεν εἰπόντες. εἴπερ γὰρ οἱ ἐκ τοῦ περιπάτου καλῶς ἐφυσιολόγησαν, οὐδὲν ἂν εἶη ληρωδέστερον Ἐρασιστράτου καὶ δίδωμι τοῖς Ἐρασιστρατείοις αὐτοῖς τὴν αἴρεσιν· ἢ γὰρ τὸν πρότερον λόγον ἢ τοῦτον προσήσονται. λέγει δ' ὁ μὲν πρότερος οὐδὲν ὀρθῶς ἐγνωκέναι περὶ φύσεως τοὺς περιπατητικούς, ὁ δὲ δεύτερος Ἐρασίστρατον. ἐμὸν μὲν οὖν ὑπομῆσαι τῶν δογμάτων τὴν μάχην, ἐκείνων δ' ἢ αἴρεσις. ἀλλ' οὐκ ἂν ἀποσταῖεν τοῦ θαυμάζειν Ἐρασίστρατον· οὐκοῦν σιωπάτωσαν περὶ τῶν ἐκ τοῦ περιπάτου φιλοσόφων. παμπόλλων γὰρ ὄντων δογμάτων φυσικῶν περὶ τε γένεσιν καὶ φθορὰν τῶν ζώων καὶ ὑγίειαν καὶ νόσους καὶ τὰς θεραπείας αὐτῶν ἓν μόνον εὐρεθήσεται ταῦτόν Ἐρασιστράτῳ κἀκείνοις τοῖς ἀνδράσι, τό τινος ἕνεκα πάντα ποιεῖν τὴν φύσιν καὶ μάτην μηδέν. ἀλλὰ καὶ αὐτὸ τοῦτο μέχρι λόγου κοινόν, ἔργῳ δὲ μυριάκις Ἐρασίστρατος αὐτὸ διαφθείρει· μάτην μὲν γὰρ ὁ σπλὴν ἐγένετο, μάτην δὲ τὸ ἐπίπloon, μάτην δ' αἱ εἰς τοὺς νεφροὺς ἀρτηρίαι καταφυόμεναι, σχεδὸν ἀπασῶν τῶν ἀπὸ τῆς μεγάλης ἀρτηρίας ἀποβλαστανουσῶν οὔσαι μέγιστα, μάτην δ' ἄλλα μυρία κατὰ γε τὸν Ἐρασιστράτειον λόγον· ἅπερ εἰ μὲν οὐδ' ὄλως γιγνώσκει, βραχεῖ μαγείρου σοφώτερός ἐστιν ἓν ταῖς ἀνατομαῖς, εἰ δ' εἰδῶς οὐ λέγει τὴν χρεῖαν αὐτῶν, οἶεται δηλονότι παραπλησίως τῷ σπληνὶ μάτην αὐτὰ γεγονέναι. καίτοι τί ταῦτ' ἐπεξέρχομαι τῆς περὶ χρεῖας

μορίων πραγματείας ὄντα μελλούσης ἡμῖν ἰδίᾳ περαίνεσθαι; πάλιν οὖν ἀναλάβωμεν τὸν αὐτὸν λόγον εἰπόντες τέ τι βραχὺ πρὸς τοὺς Ἐρασιστρατεῖους ἔτι τῶν ἐφεξῆς ἐχώμεθα. δοκοῦσι γάρ μοι μηδὲν ἀνεγνωκέναι τῶν Ἀριστοτέλους οὗτοι συγγραμμάτων, ἀλλ' ἄλλων ἀκούοντες, ὡς δεινὸς ἦν περὶ φύσιν ὁ ἄνθρωπος καὶ ὡς οἱ ἀπὸ τῆς στοᾶς κατ' ἴχνη τῆς ἐκείνου φυσιολογίας βαδίζουσιν, εἴθ' εὐρόντες ἔν τι τῶν περιφερομένων δογμάτων κοινὸν αὐτῷ πρὸς Ἐρασίστρατον ἀναπλάσαι τινὰ συνουσίαν αὐτοῦ πρὸς ἐκείνους τοὺς ἄνδρας. ἀλλ' ὅτι μὲν τῆς Ἀριστοτέλους φυσιολογίας οὐδὲν Ἐρασιστράτῳ μέτεστιν, ὁ κατάλογος τῶν προειρημένων ἐνδείκνυται δογμάτων, ἃ πρῶτου μὲν Ἴπποκράτους ἦν, δευτέρου δ' Ἀριστοτέλους, τρίτων δὲ τῶν Στωϊκῶν, ἐνὸς μόνου μετατιθεμένου τοῦ τὰς ποιότητος εἶναι σώματα. τάχα δ' ἂν τῆς λογικῆς ἔνεκα θεωρίας ὠμιληκέναι φαῖεν τὸν Ἐρασίστρατον τοῖς ἐκ τοῦ περιπάτου φιλοσόφοις οὐκ εἰδότες, ὡς ἐκεῖνοι μὲν ψευδεῖς καὶ ἀπεράντους οὐκ ἔγραψαν λόγους, τὰ δ' Ἐρασιστράτεια βιβλία παμπόλλους ἔχει τοὺς τοιούτους. τάχ' ἂν οὖν ἤδη τις θαυμάζοι καὶ διαποροίη, τί παθὼν ὁ Ἐρασίστρατος εἰς τοσοῦτον τῶν Ἴπποκράτους δογμάτων ἀπετράπετο καὶ διὰ τί τῶν ἐν ἥπατι πόρων τῶν χοληδόχων, ἅλις γὰρ ἤδη νεφρῶν, ἀφελόμενος τὴν ἑλκτικὴν δύναμιν ἐπίκαιρον αἰτιᾶται θέσιν καὶ στομάτων στενότητα καὶ χώραν τινὰ κοινήν, εἰς ἣν παράγουσι μὲν αἱ ἀπὸ τῶν πυλῶν τὸ ἀκάθαρτον αἷμα, μεταλαμβάνουσι δὲ πρότεροι μὲν οἱ πόροι

τὴν χολήν, δεύτεροι δ' αἱ ἀπὸ τῆς κοίλης φλεβὸς τὸ καθαρὸν αἷμα. πρὸς γὰρ τῷ μηδὲν ἂν βλαβῆναι τὴν ὄλκην εἰπὼν ἄλλων μυρίων ἔμελλεν ἀμφισβητουμένων ἀπαλλάξεσθαι λόγων.

5. Ὡς νῦν γε πόλεμος οὐ μικρὸς ἐστὶ τοῖς Ἐρασιστρατείοις οὐ πρὸς τοὺς ἄλλους μόνον ἀλλὰ καὶ πρὸς ἀλλήλους, οὐκ ἔχουσιν, ὅπως ἐξηγήσονται τὴν ἐκ τοῦ πρώτου τῶν καθόλου λόγων λέξιν, ἐν ἧ φησιν· “εἰς τὸ αὐτὸ δ' ἀνεστομωμένων ἐτέρων δύο ἀγγείων τῶν τ' ἐπὶ τὴν χοληδόχον τεινόντων καὶ τῶν ἐπὶ τὴν κοίλην φλέβα συμβαίνει τῆς ἀναφερομένης ἐκ τῆς κοιλίας τροφῆς τὰ ἐναρμόζοντα ἑκατέροις τῶν στομάτων εἰς ἑκάτερα τῶν ἀγγείων μεταλαμβάνεσθαι καὶ τὰ μὲν ἐπὶ τὴν χοληδόχον φέρεσθαι, τὰ δ' ἐπὶ τὴν κοίλην φλέβα περαιουῖσθαι”. τὸ γὰρ “εἰς τὸ αὐτὸ ἀνεστομωμένων”, ὃ κατ' ἀρχὰς τῆς λέξεως γέγραπται, τί ποτε χρὴ νοῆσαι, χαλεπὸν εἶπειν. ἦτοι γὰρ οὕτως εἰς ταυτόν, ὥστε τῷ τῆς ἐν τοῖς σιμοῖς φλεβὸς πέρατι συνάπτειν δύο ἕτερα πέρατα, τό τ' ἐν τοῖς κυρτοῖς καὶ τὸ τοῦ χοληδόχου πόρου, ἦ, εἰ μὴ οὕτω, χώραν τινὰ κοινήν ἐπινοῆσαι χρὴ τῶν τριῶν ἀγγείων οἷον δεξαμενὴν τινα, πληρουμένην μὲν ὑπὸ τῆς κάτω φλεβός, ἐκκενουμένην δ' εἰς τε τοὺς χοληδόχους πόρους καὶ τὰς τῆς κοίλης ἀποσχίδας· καθ' ἑκατέραν δὲ τῶν ἐξηγήσεων ἄτοπα πολλά, περὶ ὧν εἰ πάντων λέγοιμι, λάθοιμ' ἂν ἐμαυτὸν ἐξηγήσεις Ἐρασιστράτου γράφων, οὐχ, ὅπερ ἔξ ἀρχῆς προὔθεμην, περαίνων. κοινὸν δ' ἀμφοτέραις ταῖς

ἐξηγήσεισιν ἄτοπον τὸ μὴ καθαίρεσθαι πᾶν τὸ αἷμα. χρῆ γὰρ ὡς εἰς ἡθμόν τινα τὸ χοληδόχον ἄγγειον ἐμπίπτειν αὐτό, οὐ παρέρχεσθαι καὶ παραρρεῖν ὠκέως εἰς τὸ μεῖζον στόμα τῆ ρύμη τῆς ἀναδόσεως φερόμενον. ἄρ' οὖν ἐν τούτοις μόνον ἀπορίαις ἀφύκτοις ὁ Ἑρασιστράτου λόγος ἐνέχεται μὴ βουληθέντος χρήσασθαι ταῖς ἐλκτικαῖς δυνάμεσιν εἰς μηδέν, ἢ σφοδρότατα μὲν ἐν τούτοις καὶ σαφῶς οὕτως, ὡς ἂν μηδὲ παῖδα λαθεῖν;

6. Εἰ δ' ἐπισκοποῖτό τις ἐπιμελῶς, οὐδ' ὁ περὶ θρέψεως αὐτοῦ λόγος, ὃν ἐν τῷ δευτέρῳ τῶν καθόλου λόγων διεξέρχεται, τὰς αὐτὰς ἀπορίας ἐκφεύγει. τῆ γὰρ πρὸς τὸ κενούμενον ἀκολουθία συγχωρηθέντος ἐνὸς λήμματος, ὡς πρόσθεν ἐδείκνυμεν, ἐπέραινέ τι περὶ φλεβῶν μόνων καὶ τοῦ κατ' αὐτὰς αἵματος. ἐκρέοντος γὰρ τινος κατὰ τὰ στόματ' αὐτῶν καὶ διαφορουμένου καὶ μήτ' ἄθρόως τόπου κενοῦ δυναμένου γενέσθαι μήτε τῶν φλεβῶν συμπεσεῖν, τοῦτο γὰρ ἦν τὸ παραλειπόμενον, ἀναγκαῖον ἦν ἔπεσθαι τὸ συνεχές ἀναπληροῦν τοῦ κενουμένου τὴν βᾶσιν. αἰ μὲν δὴ φλέβες ἡμῖν οὕτω θρέψονται τοῦ περιεχομένου κατ' αὐτὰς αἵματος ἀπολαύουσαι· τὰ δὲ νεῦρα πῶς; οὐ γὰρ δὴ κἂν τούτοις ἐστὶν αἷμα. πρόχειρον μὲν γὰρ ἦν εἰπεῖν, ἔλκοντα παρὰ τῶν φλεβῶν· ἀλλ' οὐ βούλεται. τί ποτ' οὖν κἂν ταῦθα ἐπιτεχνᾶται; φλέβας ἔχειν ἐν ἑαυτῷ καὶ ἀρτηρίας τὸ νεῦρον ὡσπερ τινὰ σειρὰν ἐκ τριῶν ἱμάντων διαφερόντων τῆ φύσει πεπλεγμένην. ὤθη γὰρ ἐκ ταύτης τῆς ὑποθέσεως ἐκφεύξεσθαι τῷ λόγῳ τὴν ὀλκήν· οὐ γὰρ ἂν ἔτι δεήσεσθαι

τὸ νεῦρον ἐν ἑαυτῷ περιέχον αἷματος ἀγγεῖον ἐπιρρύτου
τινὸς ἕξωθεν ἐκ τῆς παρακειμένης φλεβὸς τῆς ἀληθινῆς
αἷματος ἐτέρου, ἀλλ' ἵκανὸν αὐτῷ πρὸς τὴν θρέψιν ἔσεσθαι
τὸ κατεψευσμένον ἀγγεῖον ἐκεῖνο τὸ λόγῳ θεωρητόν. ἀλλὰ
κάνταῦθα πάλιν αὐτὸν ὁμοία τις ἀπορία διεδέξατο. τουτὶ
γὰρ τὸ σμικρὸν ἀγγεῖον ἑαυτὸ μὲν θρέψει, τὸ παρακείμενον
μέντοι νεῦρον ἐκεῖνο τὸ ἀπλοῦν ἢ τὴν ἀρτηρίαν οὐχ οἷόν τ'
ἔσται τρέφειν ἄνευ τοῦ σύμφυτόν τιν' ὑπάρχειν αὐτοῖς ὀλκὴν
τῆς τροφῆς. τῇ μὲν γὰρ πρὸς τὸ κενούμενον ἀκολουθία
πῶς ἂν ἔτι δύναιτο τὴν τροφήν ἐπισπᾶσθαι τὸ ἀπλοῦν
νεῦρον, ὥσπερ αἱ φλέβες αἱ σύνθετοι; κοιλότης μὲν γὰρ
τίς ἐστὶν ἐν αὐτῷ κατ' αὐτόν, ἀλλ' οὐχ αἷματος αὕτη γ'
ἀλλὰ πνεύματος ψυχικοῦ μεστή. δεόμεθα δ' ἡμεῖς οὐκ εἰς
τὴν κοιλότητα ταύτην εἰσάγειν τῷ λόγῳ τὴν τροφήν ἀλλ'
εἰς τὸ περιέχον αὐτὴν ἀγγεῖον, εἴτ' οὖν τρέφεσθαι μόνον
εἴτε καὶ αὔξεσθαι δέοιτο. πῶς οὖν εἰσάξομεν; οὕτω γὰρ
ἐστὶ σμικρὸν ἐκεῖνο τὸ ἀπλοῦν ἀγγεῖον καὶ μέντοι καὶ τῶν
ἄλλων ἐκάτερον, ὥστ', εἰ τῇ λεπτοτάτῃ βελόνῃ νύξιός
τι μέρος, ἅμα διαιρήσεις τὰ τρία. τόπος οὖν αἰσθητὸς
ἄθρόως κενὸς οὐκ ἂν ποτ' ἐν αὐτῷ γένοιτο· λόγῳ δὲ
θεωρητὸς τόπος κενούμενος οὐκ ἦν ἀναγκαστικὸς τῆς
τοῦ συνεχοῦς ἀκολουθίας. ἡβουλόμην δ' αὖ πάλιν μοι
κάνταῦθα τὸν Ἐρασίστρατον αὐτὸν ἀποκρίνασθαι περὶ τοῦ
στοιχειώδους ἐκείνου νεύρου τοῦ σμικροῦ, πότερον ἔν τι καὶ
συνεχὲς ἀκριβῶς ἐστὶν ἢ ἐκ πολλῶν καὶ σμικρῶν σωμάτων,
ᾧν Ἐπίκουρος καὶ Λεύκιππος καὶ Δημόκριτος ὑπέθεντο,

σύγκειται. καὶ γὰρ καὶ περὶ τούτου τοὺς Ἑρασιστρατεῖους ὁρῶ διαφερομένους. οἱ μὲν γὰρ ἓν τι καὶ συνεχές αὐτὸ νομίζουσιν ἢ οὐκ ἂν ἀπλοῦν εἰρῆσθαι πρὸς αὐτοῦ φασιν· τινὲς δὲ καὶ τοῦτο διαλύειν εἰς ἕτερα στοιχειώδη τολμῶσιν. ἄλλ' εἰ μὲν ἓν τι καὶ συνεχές ἐστὶ, τὸ κενούμενον ἕξ αὐτοῦ κατὰ τὴν ἄδηλον ὑπὸ τῶν ἰατρῶν ὀνομαζομένην διαπνοὴν οὐδεμίαν ἐν ἑαυτῷ καταλείπει χώραν κενήν. οὕτω γὰρ οὐχ ἓν ἀλλὰ πολλὰ γενήσεται, διειργόμενα δήπου ταῖς κεναῖς χώραις. εἰ δ' ἐκ πολλῶν σύγκειται, τῇ κηπαίᾳ κατὰ τὴν παροιμίαν πρὸς Ἀσκληπιάδην ἀπεχωρήσαμεν ἄναρμά τινα στοιχεῖα τιθέμενοι. πάλιν οὖν ἄτεχνος ἡμῖν ἢ φύσις λεγέσθω· τοῖς γὰρ τοιούτοις στοιχείοις ἕξ ἀνάγκης τοῦθ' ἔπεται. διὸ δὴ μοι καὶ δοκοῦσιν ἀμαθῶς πάνυ τὴν εἰς τὰ τοιαῦτα στοιχεῖα τῶν ἀπλῶν ἀγγείων εἰσάγειν διάλυσιν ἔνιοι τῶν Ἑρασιστρατεῖων. ἐμοὶ γοῦν οὐδὲν διαφέρει. καθ' ἑκατέρους γὰρ ἄτοπος ὁ τῆς θρέψεως ἔσται λόγος, ἐκείνοις τοῖς ἀπλοῖς ἀγγείοις τοῖς σμικροῖς τοῖς συντιθεῖσι τὰ μεγάλα τε καὶ αἰσθητὰ νεῦρα κατὰ μὲν τοὺς συνεχῆ φυλάττοντας αὐτὰ μὴ δυναμένης γενέσθαι τῆς πρὸς τὸ κενούμενον ἀκολουθίας, ὅτι μηδὲν ἐν τῷ συνεχεῖ γίνεται κενόν, κἂν ἀπορρέῃ τι· συνέρχεται γὰρ πρὸς ἄλληλα τὰ καταλειπόμενα μόρια, καθάπερ ἐπὶ τοῦ ὕδατος ὁρᾶται, καὶ πάλιν ἓν γίνεται πάντα τὴν χώραν τοῦ διαφορηθέντος αὐτὰ καταλαμβάνοντα· κατὰ δὲ τοὺς ἑτέρους, ὅτι τῶν στοιχείων ἐκείνων οὐδὲν δεῖται τῆς πρὸς τὸ κενούμενον ἀκολουθίας. ἐπὶ γὰρ τῶν αἰσθητῶν μόνων, οὐκ ἐπὶ τῶν

λόγῳ θεωρητῶν ἔχει δύναμιν, ὡς αὐτὸς ὁ Ἑρασίστρατος ὁμολογεῖ διαρρήδην, οὐ περὶ τοῦ τοιούτου κενοῦ φάσκων ἐκάστοτε ποιεῖσθαι τὸν λόγον, ὃ κατὰ βραχὺ παρέσπαρται τοῖς σώμασιν, ἀλλὰ περὶ τοῦ σαφοῦς καὶ αἰσθητοῦ καὶ ἀθρόου καὶ μεγάλου καὶ ἐναργοῦς καὶ ὅπως ἂν ἄλλως ὀνομάζειν ἐθέλης. Ἑρασίστρατος μὲν γὰρ αὐτὸς αἰσθητὸν ἀθρόως οὕτως φησι δύνασθαι γενέσθαι κενόν· ἐγὼ δ' ἐκ περιουσίας εὐπορήσας ὀνομάτων ταῦτὸν δηλοῦν ἔν γε τῷ νῦν προκειμένῳ λόγῳ δυναμένων καὶ τᾶλλα προσέθηκα. κάλλιον οὖν μοι δοκεῖ καὶ ἡμᾶς τι συνεισενέγκασθαι τοῖς Ἑρασιστρατείοις, ἐπειδὴ κατὰ τοῦτο γεγόναμεν, καὶ συμβουλευσαί τοις τὸ πρῶτον ἐκεῖνο καὶ ἀπλοῦν ὑπ' Ἑρασιστράτου καλούμενον ἀγγεῖον εἰς ἕτερ' ἅπτα σώματα στοιχειώδη διαλύουσιν ἀποστῆναι τῆς ὑπολήψεως, ὡς πρὸς τῷ μηδὲν ἔχειν πλέον ἔτι καὶ διαφορομένοις Ἑρασιστράτῳ. ὅτι μὲν οὖν οὐδὲν ἔχει πλέον, ἐπιδέδεικται σαφῶς· οὐδὲ γὰρ ἠδυνήθη διαφυγεῖν τὴν περὶ τῆς θρέψεως ἀπορίαν ἢ ὑπόθεσις· ὅτι δ' οὐδ' Ἑρασιστράτῳ σύμφωνός ἐστιν, ὃ ἐκεῖνος ἀπλοῦν καὶ πρῶτον ὀνομάζει, σύνθετον ἀποφαίνουσα καὶ τὴν τῆς φύσεως τέχνην ἀναιροῦσα, πρόδηλον καὶ τοῦτ' εἶναι μοι δοκεῖ. εἰ μὴ γὰρ κἂν τοῖς ἀπλοῖς τούτοις ἔνωσίν τινα τῆς οὐσίας ἀπολείψομεν, ἀλλ' εἰς ἄναρμα καὶ ἀμέριστα καταβησόμεθα στοιχεῖα, παντάπασιν ἀναιρήσομεν τῆς φύσεως τὴν τέχνην, ὥσπερ καὶ πάντες οἱ ἐκ ταύτης ὀρμώμενοι τῆς ὑποθέσεως ἰατροὶ καὶ φιλόσοφοι. δευτέρα γὰρ τῶν τοῦ ζώου μορίων κατὰ τὴν τοιαύτην

ὑπόθεσιν ἢ φύσιν, οὐ πρώτη γίνεται. διαπλάττειν δὲ καὶ δημιουργεῖν οὐ τοῦ δευτέρου γεγονότος, ἀλλὰ τοῦ προϋπάρχοντός ἐστιν· ὥστ' ἀναγκαῖόν ἐστιν εὐθύς ἐκ σπερμάτων ὑποθέσθαι τὰς δυνάμεις τῆς φύσεως, αἷς διαπλάττει τε καὶ αὐξάνει καὶ τρέφει τὸ ζῷον· ἀλλ' ἐκείνων [ἕκαστον] τῶν σωμάτων τῶν ἀνάρμων καὶ ἀμερῶν οὐδὲν ἐν ἑαυτῷ διαπλαστικὴν ἔχει δύναμιν ἢ αὐξητικὴν ἢ θρεπτικὴν ἢ ὅλως τεχνικὴν· ἀπαθὲς γὰρ καὶ ἀμετάβλητον ὑπόκειται. τῶν δ' εἰρημένων οὐδὲν ἄνευ μεταβολῆς καὶ ἀλλοιώσεως καὶ τῆς δι' ὅλων κράσεως γίνεται, καθάπερ καὶ διὰ τῶν ἔμπροσθεν ἐνεδειξάμεθα. καὶ διὰ ταύτην τὴν ἀνάγκην οὐκ ἔχοντες, ὅπως τὰ ἀκόλουθα τοῖς στοιχείοις, οἷς ὑπέθεντο, φυλάττοιεν, οἱ ἀπὸ τῶν τοιούτων αἰρέσεων ἅπαντες ἄτεχνον ἠναγκάσθησαν ἀποφύνασθαι τὴν φύσιν. καίτοι ταῦτά γ' οὐ παρ' ἡμῶν ἐχρῆν μανθάνειν τοὺς Ἑρασιστρατεῖους, ἀλλὰ παρ' αὐτῶν τῶν φιλοσόφων, οἷς μάλιστα δοκεῖ πρῶτον ἐπισκοπεῖσθαι τὰ στοιχεῖα τῶν ὄντων ἀπάντων. οὐκ οὐδ' Ἑρασίστρατον ἂν τις ὀρθῶς ἄχρι τοσαύτης ἀμαθίας νομίζοι προήκειν, ὡς μηδὲ ταύτην γνωρίσαι δυνηθῆναι τὴν ἀκολουθίαν, ἀλλ' ἅμα μὲν ὑποθέσθαι τεχνικὴν τὴν φύσιν, ἅμα δ' εἰς ἀπαθῆ καὶ ἄναρμα καὶ ἀμετάβλητα στοιχεῖα καταθραῦσαι τὴν οὐσίαν. καὶ μὴν εἰ δώσει τιν' ἐν τοῖς στοιχείοις ἀλλοίωσιν τε καὶ μεταβολὴν καὶ ἔνωσιν καὶ συνέχειαν, ἐν ἀσύνθετον αὐτῷ τὸ ἀπλοῦν ἀγγεῖον ἐκεῖνο, καθάπερ καὶ αὐτὸς ὀνομάζει, γενήσεται. ἀλλ' ἢ μὲν ἀπλῆ φλὲψ ἐξ αὐτῆς τραφήσεται, τὸ νεῦρον δὲ καὶ

ἡ ἀρτηρία παρὰ τῆς φλεβός. πῶς καὶ τίνα τρόπον; ἐν τούτῳ γὰρ δὴ καὶ πρόσθεν γενόμενοι τῷ λόγῳ τῆς τῶν Ἑρασιστρατείων διαφωνίας ἐμνημονεύσαμεν, ἐπεδείξαμεν δὲ καὶ καθ' ἑκατέρους μὲν ἄπορον εἶναι τὴν τῶν ἀπλῶν ἐκείνων ἀγγείων θρέψιν, ἀλλὰ καὶ κρῖναι τὴν μάχην αὐτῶν οὐκ ὠκνήσαμεν καὶ τιμῆσαι τὸν Ἑρασίστρατον εἰς τὴν βελτίονα μεταστήσαντες αἴρεσιν. αὐθις οὖν ἐπὶ τὴν ἐν ἀπλοῦν ἠνωμένον ἑαυτῷ πάντα τὸ στοιχειῶδες ἐκείνο νεῦρον ὑποτιθεμένην αἴρεσιν ὁ λόγος μεταβάς ἐπισκοπεῖσθω, πῶς τραφήσεται· τὸ γὰρ εὐρεθὲν ἐνταῦθα κοινὸν ἂν ἦδη καὶ τῆς Ἴπποκράτους αἰρέσεως γένοιτο. κάλλιον δ' ἂν μοι δοκῶ τὸ ζητούμενον ἐπὶ τῶν νενοσηκότων καὶ σφόδρα καταλελεπτυσμένων βασανισθῆναι. πάντα γὰρ τούτοις ἐναργῶς φαίνεται τὰ μόρια τοῦ σώματος ἄτροφα καὶ λεπτὰ καὶ πολλῆς προσθήκης τε καὶ ἀναθρέψεως δεόμενα. καὶ τοίνυν καὶ τὸ νεῦρον τοῦτο τὸ αἰσθητόν, ἐφ' οὗπερ ἔξ ἀρχῆς ἐποιησάμην τὸν λόγον, ἰσχνὸν μὲν ἱκανῶς γέγονε, δεῖται δὲ θρέψεως. ἔχει δ' ἐν ἑαυτῷ μέρη πάμπολλα μὲν ἐκείνα τὰ πρῶτα καὶ ἀόρατα νεῦρα τὰ μικρὰ καὶ τινὰς ἀρτηρίας ἀπλᾶς ὀλίγας καὶ φλέβας ὁμοίως. ἅπαντ' οὖν αὐτοῦ τὰ νεῦρα τὰ στοιχειώδη καταλελέπνυνται δηλονότι καὶ αὐτὰ ἢ, εἰ μὴδ' ἐκείνα, οὐδὲ τὸ ὅλον. καὶ τοίνυν καὶ θρέψεως οὐ τὸ μὲν ὅλον δεῖται νεῦρον, ἕκαστον δ' ἐκείνων οὐ δεῖται. καὶ μὴν εἰ δεῖται μὲν ἀναθρέψεως, οὐδὲν δ' ἢ πρὸς τὸ κενούμενον ἀκολουθία βοηθεῖν αὐτοῖς δύναται διὰ τε τὰς ἔμπροσθεν εἰρημένους

ἀπορίας καὶ διὰ τὴν ὑπόγειον ἰσχνότητα, καθάπερ δείξω, ζητητέον ἡμῖν ἔστιν ἕτεραν αἰτίαν θρέψεως. πῶς οὖν ἢ πρὸς τὸ κενούμενον ἀκολουθία τρέφειν ἀδύνατός ἐστι τὸν οὕτω διακείμενον; ὅτι τοσοῦτον ἀκολουθεῖν ἀναγκάζει τῶν συνεχῶν, ὅσον ἀπορρεῖ. τοῦτο δ' ἐπὶ μὲν τῶν εὐεκτούντων ἰκανόν ἐστιν εἰς τὴν θρέψιν, ἴσα γὰρ ἐπ' αὐτῶν εἶναι χρὴ τοῖς ἀπορρέουσι τὰ προστιθέμενα· ἐπὶ δὲ τῶν ἐσχάτως ἰσχνῶν καὶ πολλῆς ἀναθρέψεως δεομένων εἰ μὴ πολλαπλάσιον εἴη τὸ προστιθέμενον τοῦ κενουμένου, τὴν ἐξ ἀρχῆς ἕξιν ἀναλαβεῖν οὐκ ἂν ποτε δύναιντο. δῆλον οὖν, ὡς ἔλκειν αὐτὰ δεήσει τοσοῦτω πλεῖον, ὅσῳ καὶ δεῖται πλείονος. Ἐρασίστρατος δὲ κἀνταῦθα πρότερον ποιήσας τὸ δεύτερον οὐκ οἶδ' ὅπως οὐκ αἰσθάνεται. διότι γάρ, φησί, πολλὴ πρόσθεσις εἰς ἀνάθρεψιν γίγνεται τοῖς νενοσηκόσι, διὰ τοῦτο καὶ ἢ πρὸς ταύτην ἀκολουθία πολλή. πῶς δ' ἂν πολλὴ πρόσθεσις γένοιτο μὴ προηγουμένης ἀναδόσεως δαψιλοῦς; εἰ δὲ τὴν διὰ τῶν φλεβῶν φορὰν τῆς τροφῆς ἀνάδοσιν καλεῖ, τὴν δ' εἰς ἕκαστον τῶν ἀπλῶν καὶ ἀοράτων ἐκείνων νεύρων καὶ ἀρτηριῶν μετάληψιν οὐκ ἀνάδοσιν ἀλλὰ διάδοσιν, ὡς τινες ὀνομάζειν ἠξίωσαν, εἶτα τὴν διὰ τῶν φλεβῶν μόνῃ τῇ πρὸς τὸ κενούμενον ἀκολουθία φησὶ γίνεσθαι, τὴν εἰς τὰ λόγῳ θεωρητὰ μετάληψιν ἡμῖν ἐξηγησάσθω· ὅτι μὲν γὰρ οὐκέτ' ἐπὶ τούτων ἢ πρὸς τὸ κενούμενον ἀκολουθία λέγεσθαι δύναται καὶ μάλιστα ἐπὶ τῶν ἐσχάτως ἰσχνῶν, ἀποδέδεικται. τί δὲ φησιν ἐπ' αὐτῶν ἐν τῷ δευτέρῳ τῶν καθόλου λόγων ὁ Ἐρασίστρατος, ἄξιον ἐπακοῦσαι τῆς λέξεως. “τοῖς δ’

ἔσχατοις τε καὶ ἀπλοῖς, λεπτοῖς τε καὶ στενοῖς οὖσιν, ἐκ τῶν παρακειμένων ἀγγείων ἢ πρόσθεσις συμβαίνει εἰς τὰ κενώματα τῶν ἀπενεχθέντων κατὰ τὰ πλάγια τῶν ἀγγείων ἐλκομένης τῆς τροφῆς καὶ καταχωριζομένης”. ἐκ ταύτης τῆς λέξεως πρῶτον μὲν τὸ κατὰ τὰ πλάγια προσίεμαί τε καὶ ἀποδέχομαι· κατὰ μὲν γὰρ αὐτὸ τὸ στόμα τὸ ἀπλοῦν νεῦρον οὐκ ἂν δύναίτο δεχόμενον τὴν τροφήν οὕτως εἰς ὅλον ἑαυτὸ διανέμειν· ἀνάκειται γὰρ ἐκεῖνο τῷ ψυχικῷ πνεύματι· κατὰ δὲ τὸ πλάγιον ἐκ τῆς παρακειμένης φλεβὸς τῆς ἀπλῆς ἐγχωρεῖ λαβεῖν αὐτό. δεύτερον δ’ ἀποδέχομαι τῶν ἐκ τῆς Ἑρασιστράτου λέξεως ὀνομάτων τὸ γεγραμμένον ἐφεξῆς τῷ κατὰ τὰ πλάγια. τί γὰρ φησι; “κατὰ τὰ πλάγια τῶν ἀγγείων ἐλκομένης τῆς τροφῆς”. ὅτι μὲν οὖν ἔλκεται, καὶ ἡμεῖς ὁμολογοῦμεν, ὅτι δ’ οὐ τῇ πρὸς τὸ κενούμενον ἀκολουθίᾳ, δέδεικται πρόσθεν.

7. Ἐξεύρωμεν οὖν κοινῇ, πῶς ἔλκεται. πῶς δ’ ἄλλως ἢ ὡς ὁ σίδηρος ὑπὸ τῆς ἥρακλείας λίθου δύναμιν ἐχούσης ἐλκτικὴν τοιαύτης ποιότητος; ἀλλ’ εἰ τὴν μὲν ἀρχὴν τῆς ἀναδόσεως ἢ τῆς κοιλίας ἐνθλιψις παρέχεται, τὴν δὲ μετὰ ταῦτα φορὰν ἅπασαν αἷ τε φλέβες περιστελλόμεναι καὶ προωθοῦσαι καὶ τῶν τρεφομένων ἕκαστον ἐπισπώμενον εἰς ἑαυτό, τῆς πρὸς τὸ κενούμενον ἀκολουθίας ἀποστάντες, ὡς οὐ πρεπούσης ἀνδρὶ τεχνικὴν ὑποθεμένῳ τὴν φύσιν, οὕτως ἂν ἤδη καὶ τὴν ἀντιλογίαν εἶημεν πεφευγότες τὴν Ἀσκληπιάδου μὴ δυνάμενοί γε λύειν αὐτήν. τὸ γὰρ εἰς τὴν ἀπόδειξιν παραλαμβανόμενον λῆμμα τὸ διεξευγμένον

οὐκ ἐκ δυοῖν ἀλλ' ἐκ τριῶν ἔστι κατὰ γε τὴν ἀλήθειαν διεξευγμένον. εἰ μὲν οὖν ὡς ἐκ δυοῖν αὐτῷ χρησαίμεθα, ψεῦδος ἔσται τι τῶν εἰς τὴν ἀπόδειξιν παρειλημμένων· εἰ δ' ὡς ἐκ τριῶν, ἀπέραντος ὁ λόγος γενήσεται.

8. Καὶ ταῦτ' οὐκ ἐχρῆν ἀγνοεῖν τὸν Ἑρασίστρατον, εἴπερ κὰν ὄναρ ποτὲ τοῖς ἐκ τοῦ περιπάτου συνέτυχεν, ὥσπερ οὖν οὐδὲ τὰ περὶ τῆς γενέσεως τῶν χυμῶν, ὑπὲρ ὧν οὐδὲν ἔχων εἰπεῖν [ἄλλο] οὐδὲ μέχρι τοῦ μετρίου πιθανὸν οἶεται παρακρούεσθαι σκηπτόμενος, ὡς οὐδὲ χρήσιμος ὅλως ἐστὶν ἢ τῶν τοιούτων ἐπίσκεψις. εἴτ', ὧ πρὸς θεῶν, ὅπως μὲν τὰ σιτία κατὰ τὴν γαστέρα πέττεται χρήσιμον ἐπίστασθαι, πῶς δ' ἐν ταῖς φλεψὶν ἢ χολῇ γίγνεται, περιπτόν; καὶ τῆς κενώσεως ἄρα φροντιστέον αὐτῆς μόνης, ἀμελητέον δὲ τῆς γενέσεως; ὥσπερ οὐκ ἄμεινον ὑπάρχον μακρῷ τὸ κωλύειν εὐθύς ἔξ ἀρχῆς γεννᾶσθαι πλείονα τοῦ πράγματ' ἔχειν ἐκκενοῦντας. θαυμαστὸν δὲ καὶ τὸ διαπορεῖν, εἴτ' ἐν τῷ σώματι τὴν γένεσιν αὐτῆς ὑποθετέον εἴτ' εὐθύς ἔξωθεν ἐν τοῖς σιτίοις περιέχεσθαι φατέον. εἰ γὰρ δὴ τοῦτο καλῶς ἠπόρηται, τί οὐχὶ καὶ περὶ τοῦ αἵματος ἐπισκεψόμεθα, πότερον ἐν τῷ σώματι λαμβάνει τὴν γένεσιν ἢ τοῖς σιτίοις παρέσπαρται, καθάπερ οἱ τὰς ὁμοιομερείας ὑποτιθέμενοί φασι; καὶ μὴν πολλῷ γ' ἦν χρησιμώτερον ζητεῖσθαι, ποῖα τῶν σιτίων ὁμολογεῖ τῇ τῆς αἱματώσεως ἐνεργείᾳ καὶ ποῖα διαφέρεται, τοῦ ζητεῖν, τίνα μὲν τῇ τῆς γαστρὸς ἐνεργείᾳ νικᾶται ῥαδίως, τίνα δ' ἀντιβαίνει καὶ μάχεται. τούτων μὲν γὰρ ἢ ἔκλεξις εἰς πέψιν μόνην, ἐκείνων δ' εἰς

αἵματος χρῆστου διαφέρει γένεσιν. οὐδὲ γὰρ ἴσον ἐστὶν ἢ μὴ καλῶς ἐν τῇ γαστρὶ χυλωθῆναι τὴν τροφήν ἢ μὴ χρῆστον αἷμα γεννηθῆναι. πῶς δ' οὐκ αἰδεῖται τὰς μὲν τῆς πέψεως ἀποτυχίας διαιρούμενος, ὡς πολλάκις εἰσὶ καὶ κατὰ πολλὰς γίνονται προφάσεις, ὑπὲρ δὲ τῶν τῆς αἱματώσεως σφαλμάτων οὐδ' ἄχρι ῥήματος ἐνόος οὐδ' ἄχρι συλλαβῆς μιᾶς φθελγξάμενος; καὶ μὴν εὐρίσκεται γε καὶ παχὺ καὶ λεπτὸν ἐν ταῖς φλεψὶν αἷμα καὶ τοῖς μὲν ἐρυθρότερον, τοῖς δὲ ξανθότερον, τοῖς δὲ μελάντερον, τοῖς δὲ φλεγματοδέστερον. εἰ δ' ὅτι καὶ δυσῶδες οὐχ ἓνα τρόπον ἀλλ' ἐν πολλαῖς πάνυ διαφοραῖς ἀρρήτοις μὲν λόγῳ, σαφεστάταις δ' αἰσθήσεσι φαίνεται γινόμενον, εἰδείη τις, οὐκ ἂν οἶμαι μετρίως ἔτι καταγνώσεσθαι τῆς Ἐρασιστράτου ῥαθυμίας αὐτὸν οὕτω γ' ἀναγκαίαν εἰς τὰ ἔργα τῆς τέχνης θεωρίαν παραλιπόντος· ἐναργῆ γὰρ δὴ καὶ τὰ περὶ τῶν ὑδέρων ἀμαρτήματα τῇ ῥαθυμίᾳ ταύτῃ κατὰ λόγον ἠκολουθηκότα. τό τε γὰρ τῇ στενοχωρίᾳ τῶν ὁδῶν κωλύεσθαι νομίζειν πρόσω τοῦ ἥπατος ἰέναι τὸ αἷμα καὶ μηδέποτε ἂν ἄλλως ὑδερὸν δύνασθαι συστήναι πῶς οὐκ ἐσχάτην ἐνδείκνυται ῥαθυμίαν; τό τε μὴ διὰ τὸν σπλῆνα μηδὲ δι' ἄλλο τι μόριον, ἀλλ' αἰεὶ διὰ τὸν ἐν τῷ ἥπατι σκίρρον ὑδερὸν οἶεσθαι γίνεσθαι τελέως ἀργοῦ τὴν διάνοιαν ἀνθρώπου καὶ μηδενὶ τῶν ὁσημέραι γινομένων παρακολουθοῦντος. ἐπὶ μὲν γε χρονίαις αἱμορροΐσιν ἐπισχεθείσαις ἢ διὰ κένωσιν ἄμετρον εἰς ψῦξιν ἐσχάτην ἀγαγούσαις τὸν ἄνθρωπον οὐχ ἅπαξ οὐδὲ δις ἀλλὰ πολλάκις ἤδη τεθεάμεθα συστάντας

ὕδερους, ὥσπερ γε καὶ γυναιξίν ἢ τε τῆς ἐφ' ἐκάστῳ μηνὶ καθάρσεως ἀπώλεια παντελῆς καὶ ἄμετρος κένωσις, ὅταν αἰμορραγήσωσί ποθ' αἰ μῆτραι σφοδρῶς, ἐπεκαλέσαντο πολλάκις ὕδερρον καὶ τισιν αὐτῶν καὶ ὁ γυναικεῖος ὀνομαζόμενος ῥοῦς εἰς τοῦτ' ἐτελεύτησε τὸ πάθος, ἵνα τοὺς ἀπὸ τῶν κενεῶνων ἀρχομένους ἢ ἄλλου τινὸς τῶν ἐπικαίρων μορίων ὑδέρους παραλίπω, σαφῶς μὲν καὶ αὐτοὺς ἐξελέγχοντας τὴν Ἐρασιστράτειον ὑπόληψιν, ἀλλ' οὐχ οὕτως ἐναργῶς ὡς οἱ διὰ κατάψυξιν σφοδρὰν τῆς ὄλης ἕξεως ἀποτελούμενοι. πρώτη γὰρ αὕτη γενέσεως ὑδέρων αἰτία διὰ τὴν ἀποτυχίαν τῆς αἵματώσεως γιγνομένη τῶν ὁμοιότατον ταῖς ἐπὶ τῆ τῶν σιτίων ἀπεψία διαρροίαις. οὐ μὴν ἐσκίρρωταί γε κατὰ τοὺς τοιοῦτους ὑδέρους οὐδ' ἄλλο τι σπλάγχνον οὐδὲ τὸ ἥπαρ. ἀλλ' Ἐρασίστρατος ὁ σοφὸς ὑπεριδὼν καὶ καταφρονήσας, ὧν οὐθ' Ἴπποκράτης οὔτε Διοκλῆς οὔτε Πραξαγόρας οὔτε Φιλιστίων ἀλλ' οὐδὲ τῶν ἀρίστων φιλοσόφων οὐδεὶς κατεφρόνησεν οὔτε Πλάτων οὔτ' Ἀριστοτέλης οὔτε Θεόφραστος, ὅλας ἐνεργείας ὑπερβαίνει καθάπερ τι μικρὸν καὶ τὸ τυχὸν τῆς τέχνης παραλιπὼν μέρος οὐδ' ἀντειπεῖν ἀξιῶσας, εἴτ' ὀρθῶς εἶτε καὶ μὴ σύμπαντες οὔτοι θερμῶ καὶ ψυχρῶ καὶ ξηρῶ καὶ ὑγρῶ, τοῖς μὲν ὡς δρῶσι, τοῖς δ' ὡς πάσχουσι, τὰ κατὰ τὸ σῶμα τῶν ζῴων ἀπάντων διοικεῖσθαι φασὶ καὶ ὡς τὸ θερμὸν ἐν αὐτοῖς εἰς τε τὰς ἄλλας ἐνεργείας καὶ μάλιστα εἰς τὴν τῶν χυμῶν γένεσιν τὸ πλεῖστον δύναται. ἀλλὰ τὸ μὲν μὴ πείθεσθαι τοσοῦτοις τε καὶ τηλικούτοις ἀνδράσι

καὶ πλέον αὐτῶν οἶσθαι τι γινώσκειν ἀνεμέσητον, τὸ δὲ μήτ' ἀντιλογίας ἀξιῶσαι μήτε μνήμης οὕτως ἔνδοξον δόγμα θαυμαστήν τινα τὴν ὑπεροψίαν ἐνδείκνυται. καὶ μὴν σμικρότατός ἐστι τὴν γνώμην καὶ ταπεινὸς ἐσχάτως ἐν ἀπάσαις ταῖς ἀντιλογίαις ἐν μὲν τοῖς περὶ τῆς πέψεως λόγοις τοῖς σήπεσθαι τὰ σιτία νομίζουσι φιλοτίμως ἀντιλέγων, ἐν δὲ τοῖς περὶ τῆς ἀναδόσεως τοῖς διὰ τὴν παράθεσιν τῶν ἀρτηριῶν ἀναδίδοσθαι τὸ διὰ τῶν φλεβῶν αἷμα νομίζουσιν, ἐν δὲ τοῖς περὶ τῆς ἀναπνοῆς τοῖς περιωθεῖσθαι τὸν ἀέρα φάσκουσιν. οὐκ ὄκνησε δ' οὐδὲ τοῖς ἀτμοειδῶς εἰς τὴν κύστιν ἰέναι τὰ οὔρα νομίζουσιν ἀντειπεῖν οὐδὲ τοῖς εἰς τὸν πνεύμονα φέρεσθαι τὸ ποτόν. οὕτως ἐν ἅπασιν τὰς χειρίστας ἐπιλεγόμενος δόξας ἀγάλλεται διατρίβων ἐπὶ πλέον ἐν ταῖς ἀντιλογίαις· ἐπὶ δὲ τῆς τοῦ αἵματος γενέσεως οὐδὲν ἀτιμοτέρας οὔσης τῆς ἐν τῇ γαστρὶ χυλώσεως τῶν σιτίων οὔτ' ἀντειπεῖν τινα τῶν πρεσβυτέρων ἠξίωσεν οὔτ' αὐτὸς εἰσηγήσασθαι τιν' ἑτέραν γνώμην ἐτόλμησεν, ὁ περὶ πασῶν τῶν φυσικῶν ἐνεργειῶν ἐν ἀρχῇ τῶν καθόλου λόγων ὑποσχόμενος ἐρεῖν, ὅπως τε γίνονται καὶ δι' ὧντινων τοῦ ζώου μορίων. ἢ τῆς μὲν πέπτειν τὰ σιτία πεφυκυίας δυνάμεως ἀρρωστούσης ἀπεπτήσει τὸ ζῶον, τῆς δ' αἱματούσης τὰ πεφθέντα οὐδὲν ἔσται πάθημα τὸ παράπαν, ἀλλ' ἀδαμαντίνη τις ἡμῖν αὕτη μόνη καὶ ἀπαθὴς ἐστίν; ἢ ἄλλο τι τῆς ἀρρωστίας αὐτῆς ἔκγονον ὑπάρξει καὶ οὐχ ὕδερως; δῆλος οὖν ἐναργῶς ἐστίν ὁ Ἑρασίστρατος ἐξ ὧν ἐν μὲν τοῖς ἄλλοις οὐδὲ

ταῖς φαυλοτάταις δόξαις ἀντιλέγειν ὄκνησεν, ἐνταυθοῖ δ' οὐτ' ἀντειπεῖν τοῖς πρόσθεν οὐτ' αὐτὸς εἰπεῖν τι καινὸν ἐτόλμησε, τὸ σφάλμα τῆς ἑαυτοῦ γνωρίζων αἰρέσεως. τί γὰρ ἂν καὶ λέγειν ἔσχεν ὑπὲρ αἵματος ἄνθρωπος εἰς μηδὲν τῷ συμφύτῳ θερμῷ χρώμενος; τί δὲ περὶ ξανθῆς χολῆς ἢ μελαίνης ἢ φλέγματος; ὅτι νῆ Δία δυνατὸν ἐστὶν ἀναμειγμένην τοῖς σιτίοις εὐθύς ἔξωθεν παραγίγνεσθαι τὴν χολήν. λέγει γοῦν ὧδέ πως αὐτοῖς ὀνόμασι· “πότερον δ' ἐν τῇ περὶ τὴν κοιλίαν κατεργασία τῆς τροφῆς γεννᾶται τοιαύτη ὑγρασία ἢ μεμιγμένη τοῖς ἔξωθεν προσφερομένοις παραγίγνεται, οὐδὲν χρήσιμον πρὸς ἰατρικὴν ἐπεσκέφθαι”. καὶ μὴν, ὃ γενναιότατε, καὶ κενοῦσθαι χρῆναι φάσκες ἐκ τοῦ ζώου τὸν χυμὸν τοῦτον καὶ μέγਾਲως λυπεῖν, εἰ μὴ κενωθείη. πῶς οὖν οὐδὲν ἐξ αὐτοῦ χρηστὸν ὑπολαμβάνων γίγνεσθαι τολμᾶς ἄχρηστον λέγειν εἰς ἰατρικὴν εἶναι τὴν περὶ τῆς γενέσεως αὐτοῦ σκέψιν; ὑποκείσθω γὰρ ἐν μὲν τοῖς σιτίοις περιέχεσθαι, μὴ διακρίνεσθαι δ' ἀκριβῶς ἐν ἥπατι· ταῦτα γὰρ ἀμφοτέρα νομίζεις εἶναι δυνατά. καὶ μὴν οὐ μικρὸν ἐνταῦθα τὸ διαφέρον ἢ ἐλαχίστην ἢ παμπόλλην χολήν ἐν ἑαυτοῖς περιέχοντα προσάρασθαι σιτία. τὰ μὲν γὰρ ἀκίνδυνα [πάντη], τὰ δὲ παμπόλλην περιέχοντα τῷ μὴ δύνασθαι πᾶσαν αὐτὴν ἐν ἥπατι καθαρθῆναι καλῶς αἴτια καταστήσεται τῶν τ' ἄλλων παθῶν, ὧν αὐτὸς ὁ Ἐρασίστρατος ἐπὶ πλήθει χολῆς γίγνεσθαι φησι, καὶ τῶν ἰκτέρων οὐχ ἥκιστα. πῶς οὖν οὐκ ἀναγκαιότατον ἰατρῷ γινώσκειν, πρῶτον μὲν, ὡς ἐν τοῖς σιτίοις αὐτοῖς ἔξωθεν

ἡ χολὴ περιέχεται, δεύτερον δ', ὡς τὸ μὲν τεῦτλον, εἰ τύχοι, παμπόλλην, ὁ δ' ἄρτος ἐλαχίστην καὶ τὸ μὲν ἔλαιον πλείστην, ὁ δ' οἶνος ὀλιγίστην ἕκαστόν τε τῶν ἄλλων ἄνισον τῷ πλήθει περιέχει τὴν χολήν; πῶς γὰρ οὐκ ἂν εἴη γε-λοιότατος, ὅς ἂν ἐκὼν αἰρήθαι τὰ πλείονα χολήν ἐν ἑαυτοῖς περιέχοντα πρὸ τῶν ἐναντίων; τί δ' εἰ μὴ περιέχεται μὲν ἐν τοῖς σιτίοις ἡ χολή, γίγνεται δ' ἐν τοῖς τῶν ζώων σώμασιν; ἢ οὐχὶ καὶ κατὰ τοῦτο χρήσιμον ἐπίστασθαι, τίνι μὲν καταστάσει σώματος ἔπεται πλείων αὐτῆς ἡ γένεσις, τίνι δ' ἐλάττων; ἀλλοιοῦν γὰρ δήπου καὶ μεταβάλλειν οἷοί τ' ἐσμέν καὶ τρέπειν ἐπὶ τὸ βέλτιον ἀεὶ τὰς μοχθηρὰς καταστάσεις τοῦ σώματος. ἀλλ' εἰ μὴ γινώσκοιμεν, καθότι μοχθηραὶ καὶ ὄπη τῆς δεούσης ἐξίστανται, πῶς ἂν αὐτὰς ἐπανάγειν οἷοί τ' εἴημεν ἐπὶ τὸ κρεῖττον; οὐκ οὐν ἄχρηστόν ἐστιν εἰς τὰς ἰάσεις, ὡς Ἐρασίστρατός φησιν, ἐπίστασθαι τάληθές αὐτὸ περὶ γενέσεως χολῆς. οὐ μὴν οὐδ' ἀδύνατον οὐδ' ἀσαφές ἐξευρεῖν, ὅτι μὴ τῷ πλείστην ἐν ἑαυτῷ περιέχειν τὸ μέλι τὴν ξανθὴν χολήν ἀλλ' ἐν τῷ σώματι μεταβαλλόμενον εἰς αὐτὴν ἀλλοιοῦται τε καὶ τρέπεται. πικρόν τε γὰρ ἂν ἦν γευομένοις, εἰ χολήν ἔξωθεν εὐθύς ἐν ἑαυτῷ περιεῖχεν ἅπασί τ' ἂν ὡσαύτως τοῖς ἀνθρώποις ἴσον αὐτῆς ἐγέννα τὸ πλῆθος. ἀλλ' οὐχ ὧδ' ἔχει τάληθές. ἐν μὲν γὰρ τοῖς ἀκμάζουσι καὶ μάλιστ' εἰ φύσει θερμότεροι καὶ βίον εἶεν βιοῦντες ταλαίπωρον, ἅπαν εἰς ξανθὴν χολήν μεταβάλλει τὸ μέλι· τοῖς γέρουσι δ' ἱκανῶς ἐστιν ἐπιτήδειον, ὡς ἂν οὐκ εἰς χολήν ἀλλ' εἰς αἷμα τὴν ἀλλοίωσιν ἐν ἐκείνοις λαμβάνον.

Ἐρασίστρατος δὲ πρὸς τῷ μηδὲν τούτων γινώσκειν οὐδὲ περὶ τὴν διαίρεσιν τοῦ λόγου σωφρονεῖ, πότερον ἐν τοῖς σιτίοις ἢ χολῇ περιέχεται εὐθύς ἕξ ἀρχῆς ἢ κατὰ τὴν ἐν τῇ κοιλίᾳ κατεργασίαν ἐγένετο, μηδὲν εἶναι χρήσιμον εἰς ἰατρικὴν ἐπεσκέφθαι λέγων. ἐχρῆν γὰρ δήπου προσθεῖναι τι καὶ περὶ τῆς ἐν ἥπατι καὶ φλεψὶ γενέσεως αὐτῆς, ἐν τοῖσδε τοῖς ὀργάνοις γεννᾶσθαι τὴν χολὴν ἅμα τῷ αἵματι τῶν παλαιῶν ἰατρῶν τε καὶ φιλοσόφων ἀποφηναμένων. ἀλλὰ τοῖς εὐθύς ἕξ ἀρχῆς σφαλεῖσι καὶ διαμαρτάνουσι τῆς ὀρθῆς ὁδοῦ τοιαῦτά τε ληρεῖν ἀναγκαῖόν ἐστι καὶ προσέτι τῶν χρησιμωτάτων εἰς τὴν τέχνην παραλιπεῖν τὴν ζήτησιν. ἡδέως δ' ἂν ἐνταῦθα τοῦ λόγου γεγωνὸς ἠρόμην τοὺς ὀμιλῆσαι φάσκοντας αὐτὸν ἐπὶ πλεῖστον τοῖς ἐκ τοῦ περιπάτου φιλοσόφοις, εἰ γινώσκουσιν, ὅσα περὶ τοῦ κεκρᾶσθαι τὰ σώμαθ' ἡμῶν ἐκ θερμοῦ καὶ ψυχροῦ καὶ ξηροῦ καὶ ὑγροῦ πρὸς Ἀριστοτέλους εἴρηται τε καὶ ἀποδέδεικται, καὶ ὡς τὸ θερμὸν ἐν αὐτοῖς ἐστι τὸ δραστικώτατον καὶ ὡς τῶν ζώων ὅσα μὲν θερμότερα φύσει, ταῦτα πάντως ἔναιμα, τὰ δ' ἐπὶ πλέον ψυχρότερα πάντως ἄναιμα καὶ διὰ τοῦτο τοῦ χειμῶνος ἀργὰ καὶ ἀκίνητα κεῖται φωλεύοντα δίκην νεκρῶν. εἴρηται δὲ καὶ περὶ τῆς χροιάς τοῦ αἵματος οὐκ Ἀριστοτέλει μόνον, ἀλλὰ καὶ Πλάτωνι. καὶ ἡμεῖς νῦν, ὅπερ ἤδη καὶ πρόσθεν εἶπον, οὐ τὰ καλῶς ἀποδεδειγμένα τοῖς παλαιοῖς λέγειν προὔθεμεθα, μήτε τῇ γνώμῃ μήτε τῇ λέξει τοὺς ἄνδρας ἐκείνους ὑπερβαλέσθαι δυνάμενοι· τὰ δ' ἦτοι χωρὶς ἀποδείξεως ὡς ἐναργῆ πρὸς αὐτῶν εἰρημένα

διὰ τὸ μῆδ' ὑπονοῆσαι μοχθηροὺς οὕτως ἔσεσθαι τινὰς σοφιστάς, οἳ καταφρονήσουσι τῆς ἐν αὐτοῖς ἀληθείας, ἢ καὶ παραλελειμμένα τελῶς ὑπ' ἐκείνων ἀξιοῦμεν εὐρίσκειν τε καὶ ἀποδεικνύναι. περὶ δὲ τῆς τῶν χυμῶν γενέσεως οὐκ οἶδ', εἰ ἔχει τις ἕτερον προσθεῖναι σοφώτερον ὢν Ἴπποκράτης εἶπε καὶ Ἀριστοτέλης καὶ Πραξαγόρας καὶ Φιλότημος καὶ ἄλλοι πολλοὶ τῶν παλαιῶν. ἀποδέδεικται γὰρ ἐκείνοις τοῖς ἀνδράσιν ἀλλοιουμένης τῆς τροφῆς ἐν ταῖς φλεψὶν ὑπὸ τῆς ἐμφύτου θερμασίας αἷμα μὲν ὑπὸ τῆς συμμετρίας τῆς κατ' αὐτήν, οἳ δ' ἄλλοι χυμοὶ διὰ τὰς ἀμετρίας γιγνόμενοι· καὶ τούτῳ τῷ λόγῳ πάνθ' ὁμολογεῖ τὰ φαινόμενα. καὶ γὰρ τῶν ἐδεσμάτων ὅσα μὲν ἐστὶ θερμότερα φύσει, χολωδέστερα, τὰ δὲ ψυχρότερα φλεγματικώτερα· καὶ τῶν ἡλικιῶν ὡσαύτως χολωδέστεραι μὲν αἱ θερμότεραι φύσει, φλεγματωδέστεραι δ' αἱ ψυχρότεραι· καὶ τῶν ἐπιτηδευμάτων δὲ καὶ τῶν χωρῶν καὶ τῶν ὥρῶν καὶ πολὺ δὴ πρότερον ἔτι τῶν φύσεων αὐτῶν αἱ μὲν ψυχρότεραι φλεγματωδέστεραι, χολωδέστεραι δ' αἱ θερμότεραι· καὶ νοσημάτων τὰ μὲν ψυχρὰ τοῦ φλέγματος ἔκγονα, τὰ δὲ θερμὰ τῆς ξανθῆς χολῆς· καὶ ὅλως οὐδὲν ἔστιν εὐρεῖν τῶν πάντων, ὃ μὴ τούτῳ τῷ λόγῳ μαρτυρεῖ. πῶς δ' οὐ μέλλει; διὰ γὰρ τὴν ἐκ τῶν τεττάρων ποιὰν κρᾶσιν ἐκάστου τῶν μορίων ὡδί πως ἐνεργοῦντος ἀνάγκη πᾶσα καὶ διὰ τὴν βλάβην αὐτῶν ἢ διαφθειρεσθαι τελῶς ἢ ἐμποδίζεσθαι γε τὴν ἐνέργειαν καὶ οὕτω νοσεῖν τὸ ζῶον ἢ ὅλον ἢ κατὰ τὰ μόρια. καὶ τὰ πρῶτά γε καὶ γενικώτατα νοσήματα τέτταρα τὸν ἀριθμὸν ὑπάρχει θερμότητι καὶ

ψυχρότητι καὶ ξηρότητι καὶ ὑγρότητι διαφέροντα. τοῦτο δὲ καὶ αὐτὸς ὁ Ἑρασίστρατος ὁμολογεῖ καίτοι μὴ βουλόμενος. ὅταν γὰρ ἐν τοῖς πυρετοῖς χεῖρους τῶν σιτίων τὰς πέψεις γίνεσθαι λέγη, μὴ διότι τῆς ἐμφύτου θερμασίας ἢ συμμετρία διέφθαρται, καθάπερ οἱ πρόσθεν ὑπελάμβανον, ἀλλ' ὅτι περιστέλλεσθαι καὶ τρίβειν ἢ γαστήρ οὐχ ὁμοίως δύναται βεβλαμμένη τὴν ἐνέργειαν, ἐρέσθαι δίκαιον αὐτόν, ὑπὸ τίνος ἢ τῆς γαστρὸς ἐνέργεια βέβλαπται. γενομένου γάρ, εἰ τύχοι, βουβῶνος ἐπὶ προσπταίσματι, πρὶν μὲν πυρέξει τὸν ἄνθρωπον, οὐκ ἂν χεῖρον ἢ γαστήρ πέψειεν· οὐ γὰρ ἱκανὸν ἦν οὐδέτερον αὐτῶν οὔθ' ὁ βουβῶν οὔτε τὸ ἔλκος ἐμποδίσαι τι καὶ βλάψαι τὴν ἐνέργειαν τῆς κοιλίας· εἰ δὲ πυρέξειεν, εὐθύς μὲν αἱ πέψεις γίνονται χεῖρους, εὐθύς δὲ καὶ τὴν ἐνέργειαν τῆς γαστρὸς βεβλάφθαι φαμὲν ὀρθῶς λέγοντες. ἀλλ' ὑπὸ τίνος ἐβλάβη, προσθεῖναι χρὴ τῷ λόγῳ. τὸ μὲν γὰρ ἔλκος οὐχ οἷόν τ' ἦν αὐτὴν βλάπτειν, ὥσπερ οὐδ' ὁ βουβῶν· ἧ γὰρ ἂν ἔβλαψε καὶ πρὸ τοῦ πυρετοῦ. εἰ δὲ μὴ ταῦτα, δῆλον, ὡς ἢ τῆς θερμασίας πλεονεξία. δύο γὰρ ταῦτα προσεγένετο τῷ βουβῶνι, ἢ τῆς κατὰ τὰς ἀρτηρίας τε καὶ τὴν καρδίαν κινήσεως ἀλλοίωσις καὶ ἢ τῆς κατὰ φύσιν θερμασίας πλεονεξία. ἀλλ' ἢ μὲν τῆς κινήσεως ἀλλοίωσις οὐ μόνον οὐδὲν βλάψει τὴν ἐνέργειαν τῆς γαστρὸς, ἀλλὰ καὶ προσωφελήσει κατ' ἐκεῖνα τῶν ζώων, ἐν οἷς εἰς τὴν πέψιν ὑπέθετο πλεῖστον δύνασθαι τὸ διὰ τῶν ἀρτηριῶν εἰς τὴν κοιλίαν ἐμπῖπτον πνεῦμα. διὰ λοιπὴν οὖν ἔτι καὶ μόνην τὴν ἄμετρον θερμασίαν ἢ βλάβη τῆς ἐνεργείας τῇ γαστρὶ. τὸ μὲν

γὰρ πνεῦμα σφοδρότερόν τε καὶ συνεχέστερον καὶ πλέον ἐμπίπτει νῦν ἢ πρότερον. ὥστε ταύτη μὲν μᾶλλον πέπειται διὰ τὸ πνεῦμα καλῶς πέττοντα ζῶα, διὰ λοιπὴν δ' ἔτι τὴν παρὰ φύσιν θερμασίαν ἀπεπτήσει. τὸ γὰρ καὶ τῷ πνεύματι φάναι τιν' ὑπάρχειν ἰδιότητα, καθ' ἣν πέπτει, κἄπειτα ταύτην πυρεπτόντων διαφθείρεσθαι καθ' ἕτερον τρόπον ἐστὶν ὁμολογῆσαι τὸ ἄτοπον. ἐρωτηθέντες γὰρ αὐθις, ὑπὸ τίνος ἡλλοιώθη τὸ πνεῦμα, μόνην ἔξουσιν ἀποκρίνεσθαι τὴν παρὰ φύσιν θερμασίαν καὶ μάλιστα' ἐπὶ τοῦ κατὰ τὴν κοιλίαν· οὐδὲ γὰρ πλησιάζει κατ' οὐδὲν τοῦτο τῷ βουβῶνι. καίτοι τί τῶν ζῴων ἐκείνων, ἐν οἷς ἡ τοῦ πνεύματος ἰδιότης μέγα δύναται, μνημονεύω, παρὸν ἐπ' ἀνθρώποις, ἐν οἷς ἡ οὐδὲν ἢ παντάπασιν ἀμυδρόν τι καὶ μικρὸν ὠφελεῖ, ποιῆσθαι τὸν λόγον; ἀλλ' ὅτι μὲν ἐν τοῖς πυρετοῖς οὗτοι κακῶς πέπτουσιν, ὁμολογεῖ καὶ αὐτὸς καὶ τὴν γ' αἰτίαν προστιθεὶς βεβλάφθαι φησὶ τῆς γαστρὸς τὴν ἐνέργειαν. οὐ μὴν ἄλλην γέ τινα πρόφασιν τῆς βλάβης εἰπεῖν ἔχει πλὴν τῆς παρὰ φύσιν θερμασίας. ἀλλ' εἰ βλάπτει τὴν ἐνέργειαν ἢ παρὰ φύσιν θερμασία μὴ κατὰ τι συμβεβηκός, ἀλλὰ διὰ τὴν αὐτῆς οὐσίαν τε καὶ δύναμιν, ἐκ τῶν πρώτων ἂν εἴη νοσημάτων· καὶ μὴν οὐκ ἐνδέχεται τῶν πρώτων μὲν εἶναι νοσημάτων τὴν ἀμετρίαν τῆς θερμασίας, τὴν δ' ἐνέργειαν ὑπὸ τῆς εὐκρασίας μὴ γίνεσθαι. οὐδὲ γὰρ δι' ἄλλο τι δυνατὸν γίνεσθαι τὴν δυσκρασίαν αἰτίαν τῶν πρώτων νοσημάτων ἀλλ' ἢ διὰ τὴν εὐκρασίαν διαφθειρομένην. τῷ γὰρ ὑπὸ ταύτης γίνεσθαι τὰς ἐνεργείας ἀνάγκη καὶ τὰς πρώτας

αὐτῶν βλάβας διαφθειρομένης γίνεσθαι. ὅτι μὲν οὖν καὶ κατ' αὐτὸν τὸν Ἐρασίστρατον ἡ εὐκρασία τοῦ θερμοῦ τῶν ἐνεργειῶν αἰτία, τοῖς θεωρεῖν τὸ ἀκόλουθον δυναμένοις ἱκανῶς ἀποδεδειχθαι νομίζω. τούτου δ' ὑπάρχοντος ἡμῖν οὐδὲν ἔτι χαλεπὸν ἐφ' ἐκάστης ἐνεργείας τῇ μὲν εὐκρασίᾳ τὸ βέλτιον ἔπεσθαι λέγειν, τῇ δὲ δυσκρασίᾳ τὰ χεῖρω. καὶ τοίνυν εἶπερ ταῦθ' οὕτως ἔχει, τὸ μὲν αἷμα τῆς συμμετροῦ θερμοσίας, τὴν δὲ ξανθὴν χολὴν τῆς ἀμέτρου νομιστέον ὑπάρχειν ἔγγονον. οὕτω γὰρ καὶ ἡμῖν ἔν τε ταῖς θερμαῖς ἡλικίαις καὶ τοῖς θερμοῖς χωρίοις καὶ ταῖς ὥραις τοῦ ἔτους ταῖς θερμαῖς καὶ ταῖς θερμαῖς καταστάσεσιν, ὡσαύτως δὲ καὶ ταῖς θερμαῖς κράσεσι τῶν ἀνθρώπων καὶ τοῖς ἐπιτηδεύμασί τε καὶ τοῖς διαιτήμασι καὶ τοῖς νοσήμασι τοῖς θερμοῖς εὐλόγως ἡ ξανθὴ χολὴ πλείστη φαίνεται γιγνομένη. τὸ δ' ἀπορεῖν, εἴτ' ἐν τοῖς σώμασι τῶν ἀνθρώπων ὁ χυμὸς οὗτος ἔχει τὴν γένεσιν εἴτ' ἐν τοῖς σιτίοις περιέχεται, μηδ' ὅτι τοῖς ὑγιαίνουσιν ἀμέμπτως, ὅταν ἀσιτήσωσι παρὰ τὸ ἔθος ὑπὸ τινος περιστάσεως πραγμάτων ἀναγκασθέντες, [ἐφ' ὧν] πικρὸν μὲν τὸ στόμα γίνεται, χολώδη δὲ τὰ οὔρα, δάκνεται δ' ἡ γαστήρ, ἑωρακότος ἐστὶν ἀλλ' ὡσπερ ἐξαίφνης νῦν εἰς τὸν κόσμον ἐληλυθότος καὶ μήπω τὰ κατ' αὐτὸν φαινόμενα γινώσκοντος. ἐπεὶ τίς οὐκ οἶδεν, ὡς ἕκαστον τῶν ἐψομένων ἐπὶ πλέον ἀλυκώτερον μὲν τὸ πρῶτον, ὕστερον δὲ πικρότερον γίνεται; κἂν εἰ τὸ μέλι βουληθείης αὐτὸ τὸ πάντων γλυκύτετον ἐπὶ πλεῖστον ἔψειν, ἀποδείξεις καὶ τοῦτο πικρότατον· ὁ γὰρ τοῖς ἄλλοις, ὅσα

μη φύσει θερμά, παρὰ τῆς ἐψήσεως ἐγγίγνεται, τοῦτ' ἐκ φύσεως ὑπάρχει τῷ μέλιτι. διὰ τοῦτ' οὖν ἐψόμενον οὐ γίγνεται γλυκύτερον· ὅσον γὰρ ἐχρῆν εἶναι θερμότητος εἰς γένεσιν γλυκύτητος, ἀκριβῶς αὐτῷ τοῦτο πᾶν οἴκοθεν ὑπάρχει. ὁ τοίνυν ἔξωθεν τοῖς ἐλλιπῶς θερμοῖς ἦν ὠφέλιμον, τοῦτ' ἐκείνῳ βλάβη τε καὶ ἀμετρία γίγνεται καὶ διὰ τοῦτο θᾶπτον τῶν ἄλλων ἐψόμενον ἀποδεικνυται πικρόν. δι' αὐτὸ δὲ τοῦτο καὶ τοῖς θερμοῖς φύσει καὶ τοῖς ἀκμάζουσιν εἰς χολὴν ἐτοίμως μεταβάλλεται. θερμῷ γὰρ θερμὸν πλησιάζον εἰς ἀμετρίαν κράσεως ἐτοίμως ἐξίσταται καὶ φθάνει χολὴ γιγνόμενον, οὐχ αἷμα. δεῖται τοίνυν ψυχρᾶς μὲν κράσεως ἀνθρώπου, ψυχρᾶς δ' ἡλικίας, ἴν' εἰς αἵματος ἄγηται φύσιν. οὐκουν ἄπο τρόπου συνεβούλευσεν Ἴπποκράτης τοῖς φύσει πικροχόλοις μὴ προσφέρειν τὸ μέλι, ὡς ἂν θερμοτέρας δηλονότι κράσεως ὑπάρχουσιν. οὕτω δὲ καὶ τοῖς νοσήμασι τοῖς πικροχόλοις πολέμιον εἶναι τὸ μέλι καὶ τῆ τῶν γερόντων ἡλικία φίλιον οὐχ Ἴπποκράτης μόνον ἀλλὰ καὶ πάντες ἰατροὶ λέγουσιν, οἳ μὲν ἐκ τῆς φύσεως αὐτοῦ τὴν δύναμιν ἐνδειξαμένης εὐρόντες, οἳ δ' ἐκ τῆς πείρας μόνης. οὐδὲ γὰρ οὐδὲ τοῖς ἀπὸ τῆς ἐμπειρίας ἰατροῖς ἕτερόν τι παρὰ ταῦτα τετήρηται γιγνόμενον, ἀλλὰ χρηστὸν μὲν γέροντι, νέῳ δ' οὐ χρηστὸν, καὶ τῷ μὲν φύσει πικροχόλῳ βλαβερόν, ὠφέλιμον δὲ τῷ φλεγματώδει· καὶ τῶν νοσημάτων ὡσαύτως τοῖς μὲν πικροχόλοις ἐχθρόν, τοῖς δὲ φλεγματώδεσι φίλιον· ἐνὶ δὲ λόγῳ τοῖς μὲν θερμοῖς σώμασιν ἢ διὰ φύσιν ἢ διὰ νόσον ἢ δι' ἡλικίαν ἢ δι' ὥραν ἢ διὰ χώραν ἢ δι' ἐπιτήδευμα χολῆς

γεννητικόν, αἷματος δὲ τοῖς ἐναντίοις. καὶ μὴν οὐκ ἐνδέχεται ταῦτόν ἔδεσμα τοῖς μὲν χολήν γεννᾶν, τοῖς δ' αἷμα μὴ οὐκ ἐν τῷ σώματι τῆς γενέσεως αὐτῶν ἐπιτελουμένης. εἰ γὰρ δὴ οἴκοθέν γε καὶ παρ' ἑαυτοῦ τῶν ἔδεσμάτων ἕκαστον ἔχον καὶ οὐκ ἐν τοῖς τῶν ζώων σώμασι μεταβαλλόμενον ἐγέννα τὴν χολήν, ἐν ἅπασιν ἂν ὁμοίως αὐτὴν τοῖς σώμασιν ἐγέννα καὶ τὸ μὲν πικρὸν ἔξω γευομένοις ἦν ἂν οἶμαι χολῆς ποιητικόν, εἰ δέ τι γλυκὺ καὶ χρηστόν, οὐκ ἂν οὐδὲ τὸ βραχύτατον ἔξ αὐτοῦ χολῆς ἐγεννᾶτο. καὶ μὴν οὐ τὸ μέλι μόνον, ἀλλὰ καὶ τῶν ἄλλων ἕκαστον τῶν γλυκέων τοῖς προειρημένοις σώμασι τοῖς δι' ὀτιοῦν τῶν εἰρημένων θερμοῖς οὔσιν εἰς χολήν ἐτοίμως ἐξίσταται. καίτοι ταῦτ' οὐκ οἶδ' ὅπως ἐξηγέσθην εἰπεῖν οὐ προελόμενος ἀλλ' ὑπ' αὐτῆς τοῦ λόγου τῆς ἀκολουθίας ἀναγκασθεῖς. εἴρηται δ' ἐπὶ πλεῖστον ὑπὲρ αὐτῶν Ἀριστοτέλει τε καὶ Πραξαγόρα τὴν Ἴπποκράτους καὶ Πλάτωνος γνώμην ὀρθῶς ἐξηγησαμένοις.

9. Μὴ τοίνυν ὡς ἀποδείξεις ὑφ' ἡμῶν εἰρησθαι νομίζειν τὰ τοιαῦτα μᾶλλον ἢ περὶ τῆς τῶν ἄλλως γιγνωσκόντων ἀναισθησίας ἐνδείξεις, οἳ μὴδὲ τὰ πρὸς ἀπάντων ὁμολογούμενα καὶ καθ' ἑκάστην ἡμέραν φαινόμενα γινώσκουσιν· τὰς δ' ἀποδείξεις αὐτῶν τὰς κατ' ἐπιστήμην ἔξ ἐκείνων χρή λαμβάνειν τῶν ἀρχῶν, ὧν ἤδη καὶ πρόσθεν εἶπομεν, ὡς τὸ δρᾶν καὶ πάσχειν εἰς ἄλληλα τοῖς σώμασιν ὑπάρχει κατὰ τὸ θερμὸν καὶ ψυχρὸν καὶ ξηρὸν καὶ ὑγρὸν. καὶ εἴτε φλέβας εἴθ' ἦπαρ εἴτ' ἀρτηρίας εἴτε καρδίαν εἴτε κοιλίαν εἴτ' ἄλλο τι μόνιον ἐνεργεῖν τις φήσειεν

ἦντινοῦν ἐνέργειαν, ἀφύκτοις ἀνάγκαις ἀναγκασθήσεται
διὰ τὴν ἐκ τῶν τεττάρων ποιὰν κρᾶσιν ὁμολογήσαι
τὴν ἐνέργειαν ὑπάρχειν αὐτῷ. διὰ τί γὰρ ἡ γαστήρ
περιστέλλεται τοῖς σιτίοις, διὰ τί δ' αἱ φλέβες αἷμα γεννῶσι,
παρὰ τῶν Ἑρασιστρατείων ἐδεόμην ἀκοῦσαι. τὸ γὰρ ὅτι
περιστέλλεται μόνον αὐτὸ καθ' ἑαυτὸ γινώσκειν οὐδέπω
χρηστόν, εἰ μὴ καὶ τὴν αἰτίαν εἰδείημεν· οὕτω γὰρ ἂν
οἶμαι καὶ τὰ σφάλματα θεραπεύσαιμεν. οὐ μέλει, φασίν,
ἡμῖν οὐδὲ πολυπραγμονοῦμεν ἔτι τὰς τοιαύτας αἰτίας· ὑπὲρ
ἰατρὸν γὰρ εἰσι καὶ τῷ φυσικῷ προσήκουσι. πότερον οὖν
οὐδ' ἀντερεῖτε τῷ φάσκοντι τὴν μὲν εὐκρᾶσίαν τὴν κατὰ
φύσιν αἰτίαν εἶναι τῆς ἐνεργείας ἐκάστῳ τῶν ὀργάνων,
τὴν δ' αὖ δυσκρᾶσίαν νόσον τ' ἤδη καλεῖσθαι καὶ πάντως
ὑπ' αὐτῆς βλάπτεσθαι τὴν ἐνέργειαν; ἢ πεισθήσεσθε ταῖς
τῶν παλαιῶν ἀποδείξεσιν; ἢ τρίτον τι καὶ μέσον ἐκατέρου
τούτων πράξετε μήτ' ὡς ἀληθέσι τοῖς λόγοις ἐξ ἀνάγκης
πειθόμενοι μήτ' ἀντιλέγοντες ὡς ψευδέσιν, ἀλλ' ἀπορητικοί
τινες ἐξαίφνης καὶ Πυρρώνειοι γενήσεσθε; καὶ μὴν εἰ τοῦτο
δράσετε, τὴν ἐμπειρίαν ἀναγκαῖον ὑμῖν προστήσασθαι. τῷ
γὰρ ἂν ἔτι τρόπῳ καὶ τῶν ἰαμάτων εὐποροίητε τὴν οὐσίαν
ἐκάστου τῶν νοσημάτων ἀγνοοῦντες; τί οὖν οὐκ ἐξ ἀρχῆς
ἐμπειρικοὺς ὑμᾶς αὐτοὺς ἐκαλέσατε; τί δὲ πράγμαθ' ἡμῖν
παρέχετε φυσικὰς ἐνεργείας ἐπαγγελλλόμενοι ζητεῖν ἰάσεως
ἕνεκεν; εἰ γὰρ ἀδύνατος ἡ γαστήρ ἐστὶ τινι περιστέλλεσθαι
καὶ τρίβειν, πῶς αὐτὴν εἰς τὸ κατὰ φύσιν ἐπανάξομεν
ἀγνοοῦντες τὴν αἰτίαν τῆς ἀδυναμίας; ἐγὼ μὲν φημι

τὴν μὲν ὑπερθερμασμένην ἐμψυκτέον ἡμῖν εἶναι, τὴν δ' ἐψυγμένην θερμαντέον· οὕτω δὲ καὶ τὴν ἐξηρασμένην ὑγραντέον, τὴν δ' ὑγρασμένην ξηραντέον. ἀλλὰ καὶ κατὰ συζυγίαν, εἰ θερμοτέρα τοῦ κατὰ φύσιν ἅμα καὶ ξηροτέρα τύχοι γεγενημένη, κεφάλαιον εἶναι τῆς ἰάσεως ἐμψύχειν θ' ἅμα καὶ ὑγραίνειν· εἰ δ' αὖ ψυχροτέρα τε καὶ ὑγροτέρα, θερμαίνειν τε καὶ ξηραίνειν καπὶ τῶν ἄλλων ὡσαύτως· οἱ δ' ἀπ' Ἐρασιστράτου τί ποτε καὶ πράξουσιν οὐδ' ὄλως ζητεῖν τῶν ἐνεργειῶν τὰς αἰτίας ὁμολογοῦντες; ὁ γὰρ τοι καρπὸς τῆς περὶ τῶν ἐνεργειῶν ζητήσεως οὗτός ἐστι, τὸ τὰς αἰτίας τῶν δυσκρασιῶν εἰδότα εἰς τὸ κατὰ φύσιν ἐπανάγειν αὐτάς, ὡς αὐτὸ γε [τοῦτο] μόνον τὸ γνῶναι τὴν ἐκάστου τῶν ὀργάνων ἐνέργειαν ἣτις ἐστὶν οὐπω χρηστὸν εἰς τὰς ἰάσεις. Ἐρασίστρατος δέ μοι δοκεῖ καὶ αὐτὸ τοῦτ' ἀγνοεῖν, ὡς, ἣτις ἂν ἐν τῷ σώματι διάθεσις βλάβη τὴν ἐνέργειαν μὴ κατὰ τι συμβεβηκὸς ἀλλὰ πρῶτως τε καὶ καθ' ἑαυτήν, αὕτη τὸ νόσημά ἐστὶν αὐτό. πῶς οὖν ἔτι διαγνωστικός τε καὶ ἰατικός ἔσται τῶν νοσημάτων ἀγνοῶν ὄλως αὐτὰ τίνα τ' ἐστὶ καὶ πόσα καὶ ποῖα; κατὰ μὲν δὴ τὴν γαστέρα τό γε τοσοῦτον Ἐρασίστρατος ἠξίωσε ζητεῖσθαι τὸ πῶς πέττεται τὰ σιτία· τὸ δ' ἣτις πρώτη τε καὶ ἀρχηγὸς αἰτία τούτου, πῶς οὐκ ἐπεσκέψατο; κατὰ δὲ τὰς φλέβας καὶ τὸ αἷμα καὶ αὐτὸ τὸ πῶς παρέλιπεν. ἀλλ' οὔθ' Ἴπποκράτης οὔτ' ἄλλος τις ὧν ὀλίγω πρόσθεν ἐμνημόνευσα φιλοσόφων ἢ ἰατρῶν ἄξιον ᾗετ' εἶναι παραλιπεῖν· ἀλλὰ τὴν κατὰ φύσιν ἐν ἐκάστῳ ζῳῷ θερμοσίαν εὐκρατόν τε καὶ μετρίως ὑγρὰν

οὔσαν αἵματος εἶναί φασι γεννητικὴν καὶ δι' αὐτό γε τοῦτο καὶ τὸ αἷμα θερμὸν καὶ ὑγρὸν εἶναί φασι τῇ δυνάμει χυμὸν, ὥσπερ τὴν ξανθὴν χολὴν θερμὴν καὶ ξηρὰν εἶναι, εἰ καὶ ὅτι μάλισθ' ὑγρὰ φαίνεται. διαφέρειν γὰρ αὐτοῖς δοκεῖ τὸ κατὰ φαντασίαν ὑγρὸν τοῦ κατὰ δύναμιν. ἢ τίς οὐκ οἶδεν, ὡς ἄλμη μὲν καὶ θάλαττα ταριχεύει τὰ κρέα καὶ ἄσηπτα διαφυλάττει, τὸ δ' ἄλλο πᾶν ὕδωρ τὸ πότιμον ἐτοίμως διαφθείρει τε καὶ σήπει; τίς δ' οὐκ οἶδεν, ὡς ξανθῆς χολῆς ἐν τῇ γαστρὶ περιεχομένης πολλῆς ἀπαύστῳ δίψει συνεχόμεθα καὶ ὡς ἐμέσαντες αὐτὴν εὐθύς ἄδιψοι γιγνόμεθα μᾶλλον ἢ εἰ πάμπολυ ποτὸν προσηράμεθα; θερμὸς οὖν εὐλόγως ὁ χυμὸς οὗτος εἴρηται καὶ ξηρὸς κατὰ δύναμιν, ὥσπερ γε καὶ τὸ φλέγμα ψυχρὸν καὶ ὑγρὸν. ἐναργεῖς γὰρ καὶ περὶ τούτου πίστεις Ἰπποκράτει τε καὶ τοῖς ἄλλοις εἴρηνται παλαιοῖς. Πρόδικος δ' ἐν τῷ περὶ φύσεως ἀνθρώπου γράμματι τὸ συγκε-καυμένον καὶ οἷον ὑπερωπτημένον ἐν τοῖς χυμοῖς ὀνομάζων φλέγμα παρὰ τὸ πεφλέχθαι τῇ λέξει μὲν ἑτέρως χρῆται, φυλάττει μέντοι τὸ πρᾶγμα κατὰ ταῦτό τοῖς ἄλλοις. τὴν δ' ἐν τοῖς ὀνόμασι τάνδρὸς τούτου καινοτομίαν ἱκανῶς ἐνδείκνυται καὶ Πλάτων. ἀλλὰ τοῦτό γε τὸ πρὸς ἀπάντων ἀνθρώπων ὀνομαζόμενον φλέγμα τὸ λευκὸν τὴν χροάν, ὃ βλένναν ὀνομάζει Πρόδικος, ὁ ψυχρὸς καὶ ὑγρὸς χυμὸς ἐστὶν οὗτος καὶ πλεῖστος τοῖς τε γέρουσι καὶ τοῖς ὀπωσδήποτε ψυγεῖσιν ἀθροίζεται καὶ οὐδεὶς οὐδὲ μαινόμενος ἂν ἄλλο τι ἢ ψυχρὸν καὶ ὑγρὸν εἴποι ἂν αὐτόν. ἄρ' οὖν θερμὸς μὲν τίς ἐστὶ καὶ ὑγρὸς χυμὸς καὶ θερμὸς καὶ ξηρὸς ἕτερος καὶ ὑγρὸς

καὶ ψυχρὸς ἄλλος, οὐδεὶς δ' ἐστὶ ψυχρὸς καὶ ξηρὸς τὴν δύναμιν, ἀλλ' ἡ τετάρτη συζυγία τῶν κράσεων ἐν ἅπασιν τοῖς ἄλλοις ὑπάρχουσα μόνις τοῖς χυμοῖς οὐχ ὑπάρχει; καὶ μὴν ἢ γε μέλαινα χολὴ τοιοῦτός ἐστι χυμὸς, ὃν οἱ σωφρονοῦντες ἰατροὶ καὶ φιλόσοφοι πλεονεκτεῖν ἔφασαν τῶν μὲν ὠρῶν τοῦ ἔτους ἐν φθινοπώρῳ μάλιστα, τῶν δ' ἡλικιῶν ἐν ταῖς μετὰ τὴν ἀκμὴν. οὕτω δὲ καὶ διαιτήματα καὶ χωρία καὶ καταστάσεις καὶ νόσους τινὰς ψυχρὰς καὶ ξηρὰς εἶναι φασιν· οὐ γὰρ δὴ χολὴν ἐν ταύτῃ μόνῃ τῇ συζυγίᾳ τὴν φύσιν εἶναι νομίζουσιν ἀλλ' ὥσπερ τὰς ἄλλας τρεῖς οὕτω καὶ τήνδε διὰ πάντων ἐκτετάσθαι. ἠὺξάμην οὖν κἀνταῦθ' ἐρωτῆσαι δύνασθαι τὸν Ἐρασίστρατον, εἰ μηδὲν ὄργανον ἢ τεχνικὴ φύσις ἐδημιούργησε καθαρτικὸν τοῦ τοιοῦτου χυμοῦ, ἀλλὰ τῶν μὲν οὖρων ἄρα τῆς διακρίσεώς ἐστὶν ὄργανα δύο καὶ τῆς ξανθῆς χολῆς ἕτερον οὐ σμικρόν, ὃ δὲ τούτων κακοηθέστερος χυμὸς ἀλάται διὰ παντός ἐν ταῖς φλεψὶν ἀναμειγμένος τῷ αἵματι. καίτοι “δυσεντερὴ”, φησί που Ἰπποκράτης, “ἦν ἀπὸ χολῆς μελαίνης ἄρξεται, θανάσιμον”, οὐ μὴν ἢ γ' ἀπὸ τῆς ξανθῆς χολῆς ἀρχομένη πάντως ὀλέθριος, ἀλλ' οἱ πλείους ἐξ αὐτῆς διασώζονται. τοσοῦτω κακοηθεστέρα τε καὶ δριμυτέρα τὴν δύναμιν ἢ μέλαινα χολὴ τῆς ξανθῆς ἐστὶν. ἄρ' οὖν οὔτε τῶν ἄλλων ἀνέγνω τι τῶν τοῦ Ἰπποκράτους γραμμάτων ὃ Ἐρασίστρατος οὐδὲν οὔτε τὸ περὶ φύσεως ἀνθρώπου βιβλίον, ἴν' οὕτως ἀργῶς παρέλθοι τὴν περὶ τῶν χυμῶν ἐπίσκεψιν, ἢ γινώσκει μὲν, ἐκῶν δὲ παραλείπει καλλίστην τῆς τέχνης θεωρίαν;

ἐχρῆν οὖν αὐτὸν μηδὲ περὶ τοῦ σπληνὸς εἰρηκέναι τι μηδ' ἀσχημονεῖν ὑπὸ τῆς τεχνικῆς φύσεως ὄργανον τηλικούτον μάτην ἠγούμενον κατεσκευάσθαι. καὶ μὴν οὐχ Ἴπποκράτης μόνον ἢ Πλάτων, οὐδέν τι χείρους Ἐρασιστράτου περὶ φύσιν ἄνδρες, ἐν τι τῶν καθαιρόντων τὸ αἷμα καὶ τοῦτ' εἶναί φασι τὸ σπλάγχνον, ἀλλὰ καὶ μυρίοι σὺν αὐτοῖς ἄλλοι τῶν παλαιῶν ἰατρῶν τε καὶ φιλοσόφων, ὧν ἀπάντων προσποιησάμενος ὑπερφρονεῖν ὁ γενναῖος Ἐρασίστρατος οὔτ' ἀντεῖπεν οὔθ' ὄλως τῆς δόξης αὐτῶν ἐμνημόνευσε. καὶ μὴν ὅσοις γε τὸ σῶμα θάλλει, τούτοις ὁ σπλὴν φθίνει, φησὶν Ἴπποκράτης, καὶ οἱ ἀπὸ τῆς ἐμπειρίας ὀρμώμενοι πάντες ὁμολογοῦσιν ἰατροί. καὶ ὅσοις γ' αὖ μέγας καὶ ὕπουλος αὐξάνεται, τούτοις καταφθείρει τε καὶ κακόχυμα τὰ σώματα τίθησιν, ὡς καὶ τοῦτο πάλιν οὐχ Ἴπποκράτης μόνον ἀλλὰ καὶ Πλάτων ἄλλοι τε πολλοὶ καὶ οἱ ἀπὸ τῆς ἐμπειρίας ὁμολογοῦσιν ἰατροί. καὶ οἱ ἀπὸ σπληνὸς δὲ κακοπραγοῦντος ἴκτεροι μελάντεροι καὶ τῶν ἐλκῶν αἱ οὐλαὶ μέλαιναι. καθόλου γάρ, ὅταν ἐνδεέστερον ἢ προσῆκεν εἰς ἑαυτὸν ἔλκη τὸν μελαγχολικὸν χυμὸν, ἀκάθαρτον μὲν τὸ αἷμα, κακόχρουν δὲ τὸ πᾶν γίγνεται σῶμα. πότε δ' ἐνδεέστερον ἔλκει; ἢ δῆλον ὅτι κακῶς διακειμένος; ὥσπερ οὖν τοῖς νεφροῖς ἐνεργείας οὔσης ἔλκειν τὰ οὔρα κακῶς ἔλκειν ὑπάρχει κακοπραγοῦσιν, οὔτω καὶ τῷ σπληνὶ ποιότητος μελαγχολικῆς ἐλκτικὴν ἐν ἑαυτῷ δύναμιν ἔχοντι σύμφυτον ἀρρωστήσαντί ποτε ταύτην ἀναγκαῖον ἔλκειν κακῶς κὰν τῷδε παχύτερον ἤδη καὶ μελάντερον γίγνεσθαι τὸ αἷμα.

ταῦτ' οὖν ἅπαντα πρὸς τε τὰς διαγνώσεις τῶν νοσημάτων
καὶ τὰς ἰάσεις μεγίστην παρεχόμενα χρείαν ὑπερεπήδησε
τελέως ὁ Ἑρασίστρατος καὶ καταφρονεῖν προσεποιήσατο
τηλικούτων ἀνδρῶν ὁ μὴδὲ τῶν τυχόντων καταφρονῶν ἀλλ'
ἀεὶ φιλοτίμως ἀντιλέγων ταῖς ἡλιθιωτάταις δόξαις. ᾧ καὶ
δῆλον, ὡς οὐδὲν ἔχων οὐτ' ἀντειπεῖν τοῖς πρεσβυτέροις
ὑπὲρ ὧν ἀπεφήναντο περὶ σπληνὸς ἐνεργείας τε καὶ χρείας
οὐτ' αὐτὸς ἐξευρίσκων τι καινὸν εἰς τὸ μὴδὲν ὄλως εἰπεῖν
ἀφίκετο. ἀλλ' ἡμεῖς γε πρῶτον μὲν ἐκ τῶν αἰτίων, οἷς
ἅπαντα διοικεῖται τὰ κατὰ τὰς φύσεις, τοῦ θερμοῦ λέγω
καὶ ψυχροῦ καὶ ξηροῦ καὶ ὑγροῦ, δεύτερον δ' ἐξ αὐτῶν
τῶν ἐναργῶς φαινομένων κατὰ τὸ σῶμα ψυχρὸν καὶ
ξηρὸν εἶναί τινα χρῆναι χυμὸν ἀπεδειξάμεν. ἐξῆς δ', ὅτι
καὶ μελαγχολικὸς οὗτος ὑπάρχει καὶ τὸ καθαῖρον αὐτὸν
σπλάγχνον ὁ σπλήν ἐστιν, διὰ βραχέων ὡς ἔνι μάλιστα
τῶν τοῖς παλαιοῖς ἀποδεδειγμένων ἀναμνήσαντες ἐπὶ τὸ
λεῖπον ἔτι τοῖς παροῦσι λόγοις ἀφιξόμεθα. τί δ' ἂν εἴη
λεῖπον ἄλλο γ' ἢ ἐξηγήσασθαι σαφῶς, οἷόν τι βούλονται
τε καὶ ἀποδεικνύουσι περὶ τὴν τῶν χυμῶν γένεσιν οἱ
παλαιοὶ συμβαίνειν. ἐναργέστερον δ' ἂν γνωσθεῖη διὰ
παραδείγματος. οἶνον δὴ μοι νόει γλεύκινον οὐ πρὸ πολλοῦ
τῶν σταφυλῶν ἐκτεθλιμμένον ζέοντά τε καὶ ἀλλοιούμενον
ὑπὸ τῆς ἐν αὐτῷ θερμασίας. ἔπειτα κατὰ τὴν αὐτοῦ
μεταβολὴν δύο γεννώμενα περιπτώματα τὸ μὲν κουφότερόν
τε καὶ ἀερωδέστερον, τὸ δὲ βαρύτερόν τε καὶ γεωδέστερον,
ᾧ τὸ μὲν ἄνθος, οἶμαι, τὸ δὲ τρύγα καλοῦσι. τούτων τῷ

μὲν ἑτέρῳ τὴν ξανθὴν χολήν, τῷ δ' ἑτέρῳ τὴν μέλαιναν εἰκάζων οὐκ ἂν ἀμάρτοις, οὐ τὴν αὐτὴν ἔχόντων ιδέαν τῶν χυμῶν τούτων ἐν τῷ κατὰ φύσιν διοικεῖσθαι τὸ ζῶον, οἷαν καὶ παρὰ φύσιν ἔχοντος ἐπιφαίνονται πολλάκις. ἢ μὲν γὰρ ξανθὴ λεκιθώδης γίγνεται· καὶ γὰρ ὀνομάζουσιν οὕτως αὐτὴν, ὅτι ταῖς τῶν ὠῶν λεκίθοις ὁμοιοῦται κατὰ τε χροάν καὶ πάχος. ἢ δ' αὖ μέλαινα κακοηθεστέρα μὲν πολὺ καὶ αὕτη τῆς κατὰ φύσιν· ὄνομα δ' οὐδὲν ἴδιον κεῖται τῷ τοιούτῳ χυμῷ, πλὴν εἴ πού τινες ἢ ξυστικὸν ἢ ὄξιωδη κεκλήκασιν αὐτόν, ὅτι καὶ δριμύς ὁμοίως ὄξει γίγνεται καὶ ξύει γε τὸ σῶμα τοῦ ζῴου καὶ τὴν γῆν, εἰ κατ' αὐτῆς ἐκχυθείη, καὶ τινα μετὰ πομφολύγων οἷον ζύμωσίν τε καὶ ζέσιν ἐργάζεται, σηπεδόνος ἐπικτήτου προσελθούσης ἐκείνῳ τῷ κατὰ φύσιν ἔχοντι χυμῷ τῷ μέλανι. καὶ μοι δοκοῦσιν οἱ πλεῖστοι τῶν παλαιῶν ἰατρῶν αὐτὸ μὲν τὸ κατὰ φύσιν ἔχον τοῦ τοιούτου χυμοῦ καὶ διαχωροῦν κάτω καὶ πολλάκις ἐπιπολάζον ἄνω μέλαινα καλεῖν χυμόν, οὐ μέλαιναν χολήν, τὸ δ' ἐκ συγκαύσεώς τινος καὶ σηπεδόνος εἰς τὴν ὄξειαν μεθιστάμενον ποιότητα μέλαιναν ὀνομάζειν χολήν. ἀλλὰ περὶ μὲν τῶν ὀνομάτων οὐ χρὴ διαφέρεσθαι, τὸ δ' ἀληθὲς ὧδ' ἔχον εἰδέναί. κατὰ τὴν τοῦ αἵματος γένεσιν ὅσον ἂν ἰκανῶς παχὺ καὶ γεῶδες ἐκ τῆς τῶν σιτίων φύσεως ἐμφερόμενον τῇ τροφῇ μὴ δέξηται καλῶς τὴν ἐκ τῆς ἐμφύτου θερμασίας ἀλλοίωσιν, ὃ σπλὴν εἰς ἑαυτὸν ἔλκει τοῦτο. τὸ δ' ὀπτηθέν, ὡς ἂν τις εἴποι, καὶ συγκαυθὲν τῆς τροφῆς, εἴη δ' ἂν τοῦτο τὸ θερμότατον ἐν αὐτῇ καὶ γλυκύτετον, οἷον τό τε μέλι

καὶ ἡ πιμελή, ξανθὴ γενόμενον χολὴ διὰ τῶν χοληδόχων ὀνομαζομένων ἀγγείων ἐκκαθαίρεται. λεπτὸν δ' ἐστὶ τοῦτο καὶ ὑγρὸν καὶ ῥυτὸν οὐχ ὥσπερ ὅταν ὀπτηθὲν ἐσχάτως ξανθὸν καὶ πυρῶδες καὶ παχὺ γένηται ταῖς τῶν ὠῶν ὁμοιον λεκίθοις. τοῦτο μὲν γὰρ ἤδη παρὰ φύσιν· θάτερον δὲ τὸ πρότερον εἰρημένον κατὰ φύσιν ἐστίν· ὥσπερ γε καὶ τοῦ μέλανος χυμοῦ τὸ μὲν μήπω τὴν οἶον ζέσιν τε καὶ ζύμωσιν τῆς γῆς ἐργαζόμενον κατὰ φύσιν ἐστὶ, τὸ δ' εἰς τοιαύτην μεθιστάμενον ιδέαμ τε καὶ δύναμιν ἤδη παρὰ φύσιν, ὡς ἂν τὴν ἐκ τῆς συγκαύσεως τοῦ παρὰ φύσιν θερμοῦ προσειληφὸς δριμύτητα καὶ οἶον τέφρα τις ἤδη γεγονός. ὧδέ πως καὶ ἡ κεκαυμένη τρῦξ τῆς ἀκαύστου διήνεγκε. θερμὸν γάρ τι χρῆμα αὕτη γ' ἱκανῶς ἐστίν, ὥστε καίειν τε καὶ τήκειν καὶ διαφθείρειν τὴν σάρκα. τῇ δ' ἑτέρα τῇ μήπω κεκαυμένη τοὺς ἰατροὺς ἔστιν εὐρεῖν χρωμένους εἰς ὅσαπερ καὶ τῇ γῆ τῇ καλουμένην κεραμίτιδι καὶ τοῖς ἄλλοις, ὅσα ξηραίνειν θ' ἅμα καὶ ψύχειν πέφυκεν. εἰς τὴν τῆς οὕτω συγκαυθείσης μελαίνης χολῆς ιδέαμ καὶ ἡ λεκιθώδης ἐκείνη μεθίσταται πολλάκις, ὅταν καὶ αὐτὴ ποθ' οἶον ὀπτηθεῖσα τύχη πυρῶδει θερμασίᾳ. τὰ δ' ἄλλα τῶν χολῶν εἶδη σύμπαντα τὰ μὲν ἐκ τῆς τῶν εἰρημένων κράσεως γίνεταί, τὰ δ' οἶον ὁδοὶ τινὲς εἰσι τῆς τούτων γενέσεώς τε καὶ εἰς ἄλληλα μεταβολῆς. διαφέρουσι δὲ τῶ τὰς μὲν ἀκράτους εἶναι καὶ μόνας, τὰ δ' οἶον ὀρροῖς τισιν ἐξυγρασμένας. ἀλλ' οἱ μὲν ὀρροὶ τῶν χυμῶν ἅπαντες περιπτώματα καὶ καθαρὸν αὐτῶν εἶναι δεῖται τοῦ ζώου τὸ σῶμα. τῶν δ' εἰρημένων χυμῶν ἐστὶ

τις χρεία τῆ φύσει καὶ τοῦ παχέος καὶ τοῦ λεπτοῦ καὶ καθαίρεται πρὸς τε τοῦ σπληνὸς καὶ τῆς ἐπὶ τῷ ἥπατι κύστεως τὸ αἷμα καὶ ἀποτίθεται τοσοῦτόν τε καὶ τοιοῦτον ἑκατέρου μέρος, ὅσον καὶ οἶον, εἴπερ εἰς ὄλον ἠνέχθη τοῦ ζῴου τὸ σῶμα, βλάβην ἂν τιν' εἰργάσατο. τὸ γὰρ ἱκανῶς παχὺ καὶ γεῶδες καὶ τελέως διαπεφευγὸς τὴν ἐν τῷ ἥπατι μεταβολὴν ὁ σπλὴν εἰς ἑαυτὸν ἔλκει· τὸ δ' ἄλλο τὸ μετρίως παχὺ σὺν τῷ κατειργάσθαι πάντη φέρεται. δεῖται γὰρ ἐν πολλοῖς τοῦ ζῴου μορίοις παχύτητός τινος τὸ αἷμα καθάπερ οἶμαι καὶ τῶν ἐμφερομένων ἰνῶν. καὶ εἴρηται μὲν καὶ Πλάτωνι περὶ τῆς χρείας αὐτῶν, εἰρήσεται δὲ καὶ ἡμῖν ἐν ἐκείνοις τοῖς γράμμασιν, ἐν οἷς ἂν τὰς χρείας τῶν μορίων διερχώμεθα· δεῖται δ' οὐχ ἥκιστα καὶ τοῦ ξανθοῦ χυμοῦ τοῦ μήπω πυρώδους ἐσχάτως γεγεννημένου τὸ αἷμα καὶ τίς αὐτῷ καὶ ἡ παρὰ τοῦδε χρεία, δι' ἐκείνων εἰρήσεται. φλέγματος δ' οὐδὲν ἐποίησεν ἡ φύσις ὄργανον καθαρτικόν, ὅτι ψυχρὸν καὶ ὑγρὸν ἐστὶ καὶ οἶον ἡμίπεπτός τις τροφή. δεῖται τοίνυν οὐ κενοῦσθαι τὸ τοιοῦτον ἀλλ' ἐν τῷ σώματι μένον ἀλλοιοῦσθαι. τὸ δ' ἐξ ἐγκεφάλου καταρρέον περίπτωμα τάχα μὲν ἂν οὐδὲ φλέγμα τις ὀρθῶς ἀλλὰ βλένναν τε καὶ κόρυζαν, ὥσπερ οὖν καὶ ὀνομάζεται, καλοίη. εἰ δὲ μή, ἀλλ' ὅτι γε τῆς τούτου κενώσεως ὀρθῶς ἡ φύσις προῦνοήσατο, καὶ τοῦτ' ἐν τοῖς περὶ χρείας μορίων εἰρήσεται. καὶ γὰρ οὖν καὶ τὸ κατὰ τε τὴν γαστέρα καὶ τὰ ἔντερα συνιστάμενον φλέγμα ὅπως ἂν ἐκκενωθῆ καὶ αὐτὸ τάχιστα τε καὶ κάλλιστα, τὸ παρεσκευασμένον τῆ φύσει

μηχάνημα δι' ἐκείνων εἰρήσεται καὶ αὐτὸ τῶν ὑπομνημάτων.
ὅσον οὖν ἐμφέρεται ταῖς φλεψὶ φλέγμα χρήσιμον ὑπάρχον
τοῖς ζώοις, οὐδεμιᾶς δεῖται κενώσεως. προσέχειν δὲ χρὴ
κάνταῦθα τὸν νοῦν καὶ γινώσκειν, ὥσπερ τῶν χολῶν
ἐκατέρας τὸ μὲν τι χρήσιμὸν ἐστὶ καὶ κατὰ φύσιν τοῖς ζώοις,
τὸ δ' ἄχρηστὸν τε καὶ παρὰ φύσιν, οὕτω καὶ τοῦ φλέγματος,
ὅσον μὲν ἂν ἦ γλυκύ, χρηστὸν εἶναι τοῦτο τῷ ζῷω καὶ κατὰ
φύσιν, ὅσον δ' ὀξύ καὶ ἄλμυρὸν ἐγένετο, τὸ μὲν ὀξύ τελέως
ἠπεπτήσθαι, τὸ δ' ἄλμυρὸν διασεσῆφθαι. τελείαν δ' ἀπεψίαν
φλέγματος ἀκούειν χρὴ τὴν τῆς δευτέρας πέψεως δηλονότι
τῆς ἐν φλεψίν· οὐ γὰρ δὴ τῆς γε πρώτης τῆς κατὰ τὴν
κοιλίαν· ἢ οὐδ' ἂν ἐγεγένητο τὴν ἀρχὴν χυμὸς, εἰ καὶ ταύτην
διεπεφεύγει. ταῦτ' ἀρκεῖν μοι δοκεῖ περὶ γενέσεώς τε καὶ
διαφθορᾶς χυμῶν ὑπομνήματ' εἶναι τῶν Ἰπποκράτει τε καὶ
Πλάτωνι καὶ Ἀριστοτέλει καὶ Πραξαγόρα καὶ Διοκλεῖ καὶ
πολλοῖς ἄλλοις τῶν παλαιῶν εἰρημένων· οὐ γὰρ ἐδικαίωσα
πάντα μεταφέρειν εἰς τόνδε τὸν λόγον τὰ τελέως ἐκείνοις
γεγραμμένα. τοσοῦτον δὲ μόνον ὑπὲρ ἐκάστου εἶπον, ὅσον
ἐξορμήσει τε τοὺς ἐντυγχάνοντας, εἰ μὴ παντάπασιν εἶεν
σκαιοί, τοῖς τῶν παλαιῶν ὁμιλῆσαι γράμμασι καὶ τὴν εἰς
τὸ ῥᾶον αὐτοῖς συνεῖναι βοήθειαν παρέξει. γέγραπται δὲ
που καὶ δι' ἑτέρου λόγου περὶ τῶν κατὰ Πραξαγόραν τὸν
Νικάρχου χυμῶν. εἰ γὰρ καὶ ὅτι μάλιστα δέκα ποιεῖ χωρὶς
τοῦ αἵματος, ἐνδέκατος γὰρ ἂν εἴη χυμὸς αὐτὸ τὸ αἷμα,
τῆς Ἰπποκράτους οὐκ ἀποχωρεῖ διδασκαλίας. ἀλλ' εἰς εἶδη
τινὰ καὶ διαφορὰς τέμνει τοὺς ὑπ' ἐκείνου πρώτου πάντων

ἅμα ταῖς οἰκείαις ἀποδείξεσιν εἰρημένους χυμούς. ἐπαινεῖν μὲν οὖν χρή τούς τ' ἐξηγησαμένους τὰ καλῶς εἰρημένα καὶ τοὺς εἶ τι παραλέλειπται προστιθέντας· οὐ γὰρ οἷόν τε τὸν αὐτὸν ἄρξασθαί τε καὶ τελειῶσαι· μέμφεσθαι δὲ τοὺς οὕτως ἀταλαιπώρους, ὡς μηδὲν ὑπομένειν μαθεῖν τῶν ὀρθῶς εἰρημένων, καὶ τοὺς εἰς τοσοῦτον φιλοτίμους, ὥστ' ἐπιθυμία νεωτέρων δογμάτων ἀεὶ πανουργεῖν τι καὶ σοφίζεσθαι, τὰ μὲν ἐκόντας παραλιπόντας, ὥσπερ Ἐρασίστρατος ἐπὶ τῶν χυμῶν ἐποίησε, τὰ δὲ πανούργως ἀντιλέγοντας, ὥσπερ αὐτός θ' οὗτος καὶ ἄλλοι πολλοὶ τῶν νεωτέρων. ἀλλ' οὗτος μὲν ὁ λόγος ἐνταυθοῖ τελευτάτω, τὸ δ' ὑπόλοιπον ἅπαν ἐν τῷ τρίτῳ προσθήσω.

BIBLION TPITON

1. Ὅτι μὲν οὖν ἡ θρέψις ἀλλοιουμένου τε καὶ ὁμοιουμένου γίνεταί τοῦ τρέφοντος τῷ τρεφομένῳ καὶ ὡς ἐν ἐκάστῳ τῶν τοῦ ζώου μορίων ἐστί τις δύναμις, ἣν ἀπὸ τῆς ἐνεργείας ἀλλοιωτικὴν μὲν κατὰ γένος, ὁμοιωτικὴν δὲ καὶ θρεπτικὴν κατ' εἶδος ὀνομάζομεν, ἐν τῷ πρόσθεν δεδήλωται λόγῳ. τὴν δ' εὐπορίαν τῆς ὕλης, ἣν τροφήν ἑαυτῷ ποιεῖται τὸ τρεφόμενον, ἕξ ἐτέρας τινὸς ἔχειν ἐδείκνυτο δυνάμειος ἐπισπᾶσθαι πεφυκυίας τὸν οἰκεῖον χυμόν, εἶναι δ' οἰκεῖον ἐκάστῳ τῶν μορίων χυμόν, ὃς ἂν ἐπιτήδειος εἰς τὴν ἐξομοίωσιν ἦ, καὶ τὴν ἔλκουσαν αὐτὸν δύναμιν ἀπὸ τῆς ἐνεργείας ἐλκτικὴν τέ τινα καὶ ἐπισπαστικὴν ὀνομάζεσθαι.

δέδεικται δὲ καί, ὡς πρὸ μὲν τῆς ὁμοιώσεως ἢ πρόσφυσις ἔστιν, ἐκείνης δ' ἔμπροσθεν ἢ πρόσθεσις γίνεταί, τέλος, ὡς ἂν εἴποι τις, οὔσα τῆς κατὰ τὴν ἐπισπαστικὴν δύνάμιν ἐνεργείας. αὐτὸ μὲν γὰρ τὸ παράγεσθαι τὴν τροφήν ἐκ τῶν φλεβῶν εἰς ἕκαστον τῶν μορίων τῆς ἑλκτικῆς ἐνεργούσης γίνεταί δυνάμεως, τὸ δ' ἤδη παρῆχθαι τε καὶ προστίθεσθαι τῷ μορίῳ τὸ τέλος ἔστιν αὐτό, δι' ὃ καὶ τῆς τοιαύτης ἐνεργείας ἐδεήθημεν· ἵνα γὰρ προστεθῆ, διὰ τοῦθ' ἔλκεται. χρόνου δ' ἐντεῦθεν ἤδη πλείονος εἰς τὴν θρέψιν τοῦ ζώου δεῖ· ἐλχθῆναι μὲν γὰρ καὶ διὰ ταχέων τι δύναται, προσφῦναι δὲ καὶ ἀλλοιωθῆναι καὶ τελέως ὁμοιωθῆναι τῷ τρεφομένῳ καὶ μέρος αὐτοῦ γενέσθαι παραχρῆμα μὲν οὐχ οἷόν τε, χρόνῳ δ' ἂν πλείονι συμβαίνοι καλῶς. ἀλλ' εἰ μὴ μένοι κατὰ τὸ μέρος ὁ προστεθεὶς οὔτος χυμὸς, εἰς ἕτερον δέ τι μεθίστατο καὶ παραρρέοι διὰ παντὸς ἀμείβων τε καὶ ὑπαλλάττων τὰ χωρία, κατ' οὐδὲν αὐτῶν οὔτε πρόσφυσις οὔτ' ἐξομοίωσις ἔσται. δεῖ δὲ κἀνταῦθά τινος τῇ φύσει δυνάμεως ἑτέρας εἰς πολυχρόνιον μονὴν τοῦ προστεθέντος τῷ μορίῳ χυμοῦ καὶ ταύτης οὐκ ἔξωθὲν ποθεν ἐπιρρεούσης ἀλλ' ἐν αὐτῷ τῷ θρεψομένῳ κατωκισμένης, ἣν ἀπὸ τῆς ἐνεργείας πάλιν οἱ πρὸ ἡμῶν ἠναγκάσθησαν ὀνομάσαι καθεκτικὴν. ὁ μὲν δὴ λόγος ἤδη σαφῶς ἐνεδείξατο τὴν ἀνάγκην τῆς γενέσεως τῆς τοιαύτης δυνάμεως καὶ ὅστις ἀκολουθίας σύνεσιν ἔχει, πέπεισται βεβαίως ἐξ ὧν εἴπομεν, ὡς ὑποκειμένου τε καὶ προαποδεδειγμένου τοῦ τεχνικὴν εἶναι τὴν φύσιν καὶ τοῦ ζώου κηδεμονικὴν ἀναγκαῖον ὑπάρχειν αὐτῇ καὶ τὴν

τοιαύτην δύναμιν.

2. Ἄλλ' ἡμεῖς οὐ τούτῳ μόνῳ τῷ γένει τῆς ἀποδείξεως εἰθισμένοι χρῆσθαι, προστιθέντες δ' αὐτῷ καὶ τὰς ἐκ τῶν ἐναργῶς φαινομένων ἀναγκαζούσας τε καὶ βιαζομένας πίστεις ἐπὶ τὰς τοιαύτας καὶ νῦν ἀφιξιόμεθα καὶ δείξομεν ἐπὶ μὲν τινῶν μορίων τοῦ σώματος οὕτως ἐναργῆ τὴν καθεκτικὴν δύναμιν, ὡς αὐταῖς ταῖς αἰσθήσεσι διαγιγνώσκεισθαι τὴν ἐνέργειαν αὐτῆς, ἐπὶ δὲ τινῶν ἥττον μὲν ἐναργῶς ταῖς αἰσθήσεσι, λόγῳ δὲ κἀνταῦθα φωραθῆναι δυναμένην. ἀρξώμεθ' οὖν τῆς διδασκαλίας ἀπ' αὐτοῦ τοῦ τέως πρῶτον μεθόδῳ τινὶ προχειρίσασθαι μόρι' ἅπτα τοῦ σώματος, ἐφ' ὧν ἀκριβῶς ἔστι βασανίσει τε καὶ ζητήσαι τὴν καθεκτικὴν δύναμιν ὅποια ποτ' ἐστίν. ἄρ' οὖν ἄμεινον ἂν τις ἐτέρωθεν ἢ ἀπὸ τῶν μεγίστων τε καὶ κοιλοτάτων ὀργάνων ὑπάρξαιτο τῆς ζητήσεως; ἐμοὶ μὲν οὖν οὐκ ἂν δοκεῖ βέλτιον. ἐναργεῖς γοῦν εἰκὸς ἐπὶ τούτων φανῆναι τὰς ἐνεργείας διὰ τὸ μέγεθος· ὡς τὰ γε σμικρὰ τάχ' ἂν, εἰ καὶ σφοδρὰν ἔχει τὴν τοιαύτην δύναμιν, ἀλλ' οὐκ αἰσθήσει γ' ἐτοίμην διαγιγνώσκεισθαι τὴν ἐνέργειαν αὐτῆς. ἀλλ' ἔστιν ἐν τοῖς μάλιστα κοιλότατα καὶ μέγιστα τῶν τοῦ ζώου μορίων ἢ τε γαστήρ καὶ <αἰ> μῆτραί τε καὶ ὑστέραι καλούμεναι. τί οὖν κωλύει ταῦτα πρῶτα προχειρισμένους ἐπισκέψασθαι τὰς ἐνεργείας αὐτῶν, ὅσαι μὲν καὶ πρὸ τῆς ἀνατομῆς δῆλαι, τὴν ἐξέτασιν ἐφ' ἡμῶν αὐτῶν ποιουμένους, ὅσαι δ' ἀμυδρότεραι, τὰ παραπλήσια διαιροῦντας ἀνθρώπῳ ζῶα, οὐχ ὡς οὐκ ἂν ἱκανῶς τό γε καθόλου περὶ τῆς ζητουμένης δυνάμεως καὶ

τῶν ἀνομοίων ἐνδειξομένων, ἀλλ' ὡς ἴν' ἅμα τῷ κοινῷ καὶ τὸ ἴδιον ἐφ' ἡμῶν αὐτῶν ἐγνωκότες εἷς τε τὰς διαγνώσεις τῶν νοσημάτων καὶ τὰς ἰάσεις [αὐτῶν] εὐπορώτεροι γιγνώμεθα. περὶ μὲν οὖν ἀμφοτέρων τῶν ὀργάνων ἅμα λέγειν ἀδύνατον, ἐν μέρει δ' ὑπὲρ ἑκατέρου ποιησόμεθα τὸν λόγον ἀπὸ τοῦ σαφέστερον ἐνδείξασθαι δυναμένου τὴν καθεκτικὴν δύναμιν ἀρξάμενοι. κατέχει μὲν γὰρ καὶ ἡ γαστήρ τὰ σιτία, μέχρι περ ἂν ἐκπέψη, κατέχουσι δὲ καὶ αἱ μήτραι τὸ ἔμβρυον, ἔστ' ἂν τελειώσωσιν· ἀλλὰ πολλαπλάσιός ἐστιν ὁ τῆς τῶν ἐμβρύων τελειώσεως χρόνος τῆς τῶν σιτίων πέψεως.

3. Εἰκὸς οὖν καὶ τὴν δύναμιν ἐναργέστερον ἐν ταῖς μήτραις φωράσειν ἡμᾶς τὴν καθεκτικὴν, ὅσω καὶ πολυχρονιωτέραν τῆς γαστρὸς τὴν ἐνέργειαν κέκτηται. μῆσι γὰρ ἐννέα που ταῖς πλείσταις τῶν γυναικῶν ἐν αὐταῖς τελειοῦται τὰ κυήματα, μεμυκυῖαις μὲν ἅπαντι τῷ αὐχένι, περιεχούσαις δὲ πανταχόθεν αὐτὰ σὺν τῷ χορίῳ. καὶ πέρασ γε τῆς τοῦ στόματος μύσεως καὶ τῆς τοῦ κυουμένου κατὰ τὰς μήτρας μονῆς ἢ χρεῖα τῆς ἐνεργείας ἐστίν· οὐ γὰρ ὡς ἔτυχεν οὐδ' ἀλόγως ἱκανὰς περιστέλλεσθαι καὶ κατέχειν τὸ ἔμβρυον ἢ φύσις ἀπειργάσατο τὰς ὑστέρας, ἀλλ' ἴν' εἰς τὸ πρέπον ἀφίκηται μέγεθος τὸ κυούμενον. ὅταν οὖν, οὗ χάριν ἐνήργουν τῇ καθεκτικῇ δυνάμει, συμπεπληρωμένον ἦ, ταύτην μὲν ἀνέπαυσάν τε καὶ εἰς ἡρεμίαν ἐπανήγαγον, ἀντ' αὐτῆς δ' ἐτέρα χρῶνται τῇ τέως ἡσυχάζουσῃ, τῇ προωστικῇ. ἦν δ' ἄρα καὶ τῆς ἐκείνης ἡσυχίας ὄρος ἢ χρεῖα καὶ τῆς

γ' ἐνεργείας ὡσαύτως ἢ χρεία· καλούσης μὲν γὰρ αὐτῆς ἐνεργεῖ, μὴ καλούσης δ' ἡσυχάζει. καὶ χρὴ πάλιν κἀνταῦθα καταμαθεῖν τῆς φύσεως τὴν τέχνην, ὡς οὐ μόνον ἐνεργειῶν χρησίμων δυνάμεις ἐνέθηκεν ἐκάστω τῶν ὀργάνων, ἀλλὰ καὶ τοῦ τῶν ἡσυχιῶν τε καὶ κινήσεων καιροῦ προὔνοήσατο. καλῶς μὲν γὰρ ἀπάντων γιγνομένων τῶν κατὰ τὴν κύησιν ἢ ἀποκριτικὴ δύναμις ἡσυχάζει τελῶς ὥσπερ οὐκ οὔσα, κακοπραγίας δέ τινος γενομένης ἢ περὶ τὸ χορίον ἢ περὶ τινα τῶν ἄλλων ὑμένων ἢ περὶ τὸ κυούμενον αὐτὸ καὶ τῆς τελειώσεως αὐτοῦ παντάπασιν ἀπογνωσθείσης οὐκέτ' ἀναμένουσι τὸν ἐννεάμηνον αἰ μῆτραι χρόνον, ἀλλ' ἢ μὲν καθεκτικὴ δύναμις αὐτίκα δὴ πέπαυται καὶ παραχωρεῖ κινεῖσθαι τῇ πρότερον ἀργούσῃ, πράττει δ' ἤδη τι καὶ πραγματεύεται χρηστὸν ἢ ἀποκριτικὴ τε καὶ προωστικὴ· καὶ γὰρ οὖν καὶ ταύτην οὕτως ἐκάλεσαν ἀπὸ τῶν ἐνεργειῶν αὐτῇ τὰ ὀνόματα θέμενοι καθάπερ καὶ ταῖς ἄλλαις. καὶ πῶς ὁ λόγος ἔοικεν ὑπὲρ ἀμφοτέρων ἀποδείξειν ἅμα· καὶ γὰρ τοὶ καὶ διαδεχομένας αὐτὰς ἀλλήλας καὶ παραχωροῦσαν ἀεὶ τὴν ἑτέραν τῇ λοιπῇ, καθότι ἂν ἡ χρεία κελεύῃ, καὶ τὴν διδασκαλίαν κοινὴν οὐκ ἀπεικός ἐστι δέχεσθαι. τῆς μὲν οὖν καθεκτικῆς δυνάμεως ἔργον περιστεῖλαι τὰς μήτρας τῷ κυουμένῳ πανταχόθεν, ὥστ' εὐλόγως ἀπτομέναις μὲν ταῖς μαιευτρίαις τὸ στόμα μεμυκὸς αὐτῶν φαίνεται, ταῖς κυούσαις δ' αὐταῖς κατὰ τὰς πρώτας ἡμέρας καὶ μάλιστα κατ' αὐτὴν ἐκείνην, ἐν ἧπερ ἂν ἡ τῆς γονῆς σύλληψις γένηται, κινουμένων τε καὶ συντρεχουσῶν εἰς ἑαυτὰς τῶν

ὑστερῶν αἰσθησις γίγνεται καὶ ἦν ἄμφω ταῦτα συμβῆ, μῦσαι μὲν τὸ στόμα χωρὶς φλεγμονῆς ἢ τινος ἄλλου παθήματος, αἰσθησιν δὲ τῆς κατὰ τὰς μήτρας κινήσεως ἀκολουθῆσαι, πρὸς αὐτὰς ἤδη τὸ σπέρμα τὸ παρὰ τὰνδρὸς εἰληφέναι τε καὶ κατέχειν αἱ γυναῖκες νομίζουσι. ταῦτα δ' οὐχ ἡμεῖς νῦν ἀναπλάττομεν ἡμῖν αὐτοῖς, ἀλλ' ἐκ μακρᾶς πείρας δοκιμασθέντα πᾶσι γέγραπται σχεδόν τι τοῖς περὶ τούτων πραγματευσαμένοις. Ἡρόφιλος μὲν γε καὶ ὡς οὐδὲ πυρῆνα μήλης ἂν δέχοιτο τῶν μητρῶν τὸ στόμα, πρὶν ἀποκυεῖν τὴν γυναῖκα, καὶ ὡς οὐδὲ τοῦλάχιστον ἔτι διέστηκεν, ἦν ὑπάρξεται κύειν, καὶ ὡς ἐπὶ πλέον ἀναστομοῦνται κατὰ τὰς τῶν ἐπιμηνίων φοράς, οὐκ ὤκνησε γράφειν· συνομολογοῦσι δ' αὐτῷ καὶ οἱ ἄλλοι πάντες οἱ περὶ τούτων πραγματευσάμενοι καὶ πρῶτός γ' ἀπάντων ἰατρῶν τε καὶ φιλοσόφων Ἴπποκράτης ἀπεφήνατο μύειν τὸ στόμα τῶν ὑστερῶν ἔν τε ταῖς κυήσεσι καὶ ταῖς φλεγμοναῖς, ἀλλ' ἐν μὲν ταῖς κυήσεσιν οὐκ ἐξιστάμενον τῆς φύσεως, ἐν δὲ ταῖς φλεγμοναῖς σκληρὸν γιγνόμενον. ἐπὶ δέ γε τῆς ἐναντίας τῆς ἐκκριτικῆς ἀνοίγνυται μὲν τὸ στόμα, προέρχεται δ' ὁ πυθμὴν ἅπασ ὅσον οἶόν τ' ἐγγυτάτω τοῦ στόματος ἀπωθούμενος ἔξω τὸ ἔμβρυον, ἅμα δ' αὐτῷ καὶ τὰ συνεχῆ μέρη τὰ οἶον πλευρὰ τοῦ παντὸς ὀργάνου συνεπιλαμβανόμενα τοῦ ἔργου θλίβει τε καὶ προωθεῖ πᾶν ἔξω τὸ ἔμβρυον. καὶ πολλαῖς τῶν γυναικῶν ὠδίνες βίαιοι τὰς μήτρας ὅλας ἐκπεσεῖν ἠνάγκασαν ἀμέτρως χρησαμέναις τῇ τοιαύτῃ δυνάμει, παραπλησίου τινὸς γιγνομένου τῷ πολλάκις ἐν πάλαις

τιοὶ καὶ φιλονεικίαις συμβαίνοντι, ὅταν ἀνατρέψαι τε καὶ καταβαλεῖν ἑτέρους σπεύδοντες αὐτοὶ συγκαταπέσωμεν. οὕτω γὰρ καὶ αἱ μήτραι τὸ ἔμβρυον ὠθοῦσαι συνεξέπεσον ἐνίοτε καὶ μάλισθ', ὅταν οἱ πρὸς τὴν ῥάχιν αὐτῶν σύνδεσμοι χαλαροὶ φύσει τυγχάνωσιν ὄντες. ἔστι δὲ καὶ τοῦτο θαυμαστόν τι τῆς φύσεως σόφισμα, τὸ ζῶντος μὲν τοῦ κυήματος ἀκριβῶς πάνυ μεμυκέναι τὸ στόμα τῶν μητρῶν, ἀποθανόντος δὲ παραχρῆμα διανοιέσθαι τοσοῦτον, ὅσον εἰς τὴν ἔξοδον αὐτοῦ διαφέρει. καὶ μέντοι καὶ αἱ μαῖαι τὰς τικτούσας οὐκ εὐθύς ἀνιστᾶσιν οὐδ' ἐπὶ τὸν δίφρον καθίζουσιν, ἀλλ' ἄπτονται πρότερον ἀνοιγομένου τοῦ στόματος κατὰ βραχὺ καὶ πρῶτον μὲν, ὥστε τὸν μικρὸν δάκτυλον καθιέναι, διεστηκέναι φασίν, ἔπειτ' ἤδη καὶ μεῖζον καὶ κατὰ βραχὺ δὴ πυνθανομένοις ἡμῖν ἀποκρίνονται τὸ μέγεθος τῆς διαστάσεως ἐπαυξανόμενον. ὅταν δ' ἱκανὸν ἦ πρὸς τὴν τοῦ κυουμένου δίοδον, ἀνιστᾶσιν αὐτὰς καὶ καθίζουσι καὶ προθυμῆσθαι κελεύουσιν ἀπώσασθαι τὸ παιδίον. ἔστι δ' ἤδη τοῦτο τὸ ἔργον, ὃ παρ' ἑαυτῶν αἱ κύουσαι προστιθέασιν, οὐκέτι τῶν ὑστερῶν, ἀλλὰ τῶν κατ' ἐπιγᾶστριον μυῶν, οἱ πρὸς τὴν ἀποπάτησίν τε καὶ τὴν οὔρησιν ἡμῖν συνεργοῦσιν.

4. Οὕτω μὲν ἐπὶ τῶν μητρῶν ἐναργῶς αἱ δύο φαίνονται δυνάμεις, ἐπὶ δὲ τῆς γαστρὸς ὧδε. πρῶτον μὲν τοῖς κλύδωσιν, οἱ δὴ καὶ πεπίστευνται τοῖς ἰατροῖς ἀρρώστου κοιλίας εἶναι συμπτώματα καὶ κατὰ λόγον πεπίστευνται. ἐνίοτε μὲν γὰρ ἐλάχιστα προσενηνεγμένων

οὐ γίνονται περιστελλομένης ἀκριβῶς αὐτοῖς τῆς γαστρὸς καὶ σφιγγούσης πανταχόθεν, ἐνίοτε δὲ μεστή μὲν ἢ γαστήρ ἐστίν, οἱ κλύδωνες δ' ὡς ἐπὶ κενῆς ἕξακούονται. κατὰ φύσιν μὲν γὰρ ἔχουσα καὶ χρωμένη καλῶς τῇ περισταλτικῇ δυνάμει, κἂν ὀλίγον ἢ τὸ περιεχόμενον, ἅπαν αὐτὸ περιλαμβάνουσα χώραν οὐδεμίαν ἀπολείπει κενήν, ἄρρωστοῦσα δέ, καθότι ἂν ἀδυνατήση περιλαβεῖν ἀκριβῶς, ἐνταῦθ' εὐρυχωρίαν τιν' ἐργαζομένη συγχωρεῖ τοῖς περιεχομένοις ὑγροῖς κατὰ τὰς τῶν σχημάτων μεταλλαγὰς ἄλλοτ' ἄλλαχόσε μεταρρέουσι κλύδωνας ἀποτελεῖν. εὐλόγως οὖν, ὅτι μηδὲ πέψουσιν ἱκανῶς, οἱ ἐν τῷδε τῷ συμπτώματι γινόμενοι προσδοκῶσιν· οὐ γὰρ ἐνδέχεται πέψαι καλῶς ἄρρωστον γαστέρα. τοῖς τοιούτοις δὲ καὶ μέχρι πλείονος ἐν αὐτῇ φαίνεται παραμένον τὸ βᾶρος, ὡς ἂν καὶ βραδύτερον πέπτουσι. καὶ μὴν θαυμάσειεν ἂν τις ἐπ' αὐτῶν τούτων μάλιστα τὸ πολυχρόνιον τῆς ἐν τῇ γαστρὶ διατριβῆς οὐ τῶν σιτίων μόνον ἀλλὰ καὶ τοῦ πόματος· οὐ γάρ, ὅπερ ἂν οἰηθεῖη τις, ὡς τὸ τῆς γαστρὸς στόμα τὸ κάτω στενὸν ἱκανῶς ὑπάρχον οὐδὲν παρήσει πρὶν ἀκριβῶς λειωθῆναι, τοῦτ' αἴτιον ὄντως ἐστί. πολλὰ γοῦν πολλάκις ὀπωρῶν ὅστᾳ μέγιστα καταπίνουσι πάμπολλοι καὶ τις δακτύλιον χρυσοῦν ἐν τῷ στόματι φυλάττων ἄκων κατέπιε καὶ ἄλλος τις νόμισμα καὶ ἄλλος ἄλλο τι σκληρὸν καὶ δυσκατέργαστον, ἀλλ' ὅμως ἅπαντες οὗτοι ῥαδίως ἀπεπάτησαν, ἃ κατέπιον, οὐδενὸς αὐτοῖς ἀκολουθήσαντος συμπτώματος. εἰ δέ γ' ἢ στενότης τοῦ πόρου τῆς γαστρὸς

αἰτία τοῦ μένειν ἐπὶ πλέον ἦν τοῖς ἀτρίπτοις σιτίοις, οὐδὲν ἂν τούτων ποτὲ διεχώρησεν. ἀλλὰ καὶ τὸ τὰ πόματ' αὐτοῖς ἐν τῇ γαστρὶ παραμένειν ἐπὶ πλεῖστον ἱκανὸν ἀπάγειν τὴν ὑπόνοιαν τοῦ πόρου τῆς στενότητος· ὅλως γάρ, εἴπερ ἦν ἐν τῷ κεχυλῶσθαι τὸ θάπτον ὑπιέναι, τὰ τε ῥοφήματ' ἂν οὕτω καὶ τὸ γάλα καὶ ὁ τῆς πτισάνης χυλὸς αὐτίκα διεξῆει πᾶσιν. ἀλλ' οὐχ ὧδ' ἔχει· τοῖς μὲν γὰρ ἀσθενέσιν ἐπὶ πλεῖστον ἐμπλεῖ ταῦτα καὶ κλύδωνας ἐργάζεται παραμένοντα καὶ θλίβει καὶ βαρύνει τὴν γαστέρα, τοῖς δ' ἰσχυροῖς οὐ μόνον τούτων οὐδὲν συμβαίνει, ἀλλὰ καὶ πολὺ πλῆθος ἄρτων καὶ κρεῶν ὑποχωρεῖ ταχέως. οὐ μόνον δ' ἐκ τοῦ περιτετάσθαι τὴν γαστέρα καὶ βαρύνεσθαι καὶ μεταρρεῖν ἄλλοτ' εἰς ἄλλα μέρη μετὰ κλύδωνος τὸ παραμένειν ἐπὶ πλέον ἐν αὐτῇ πάντως τοῖς οὕτως ἔχουσι τεκμήραιτ' ἂν τις ἀλλὰ κάκ τῶν ἐμέτων· ἔνιοι γὰρ οὐ μετὰ τρεῖς ὥρας ἢ τέτταρας ἀλλὰ νυκτῶν ἤδη μέσων παμπόλλου μεταξὺ χρόνου διελθόντος ἐπὶ ταῖς προσφοραῖς ἀνήμεσαν ἀκριβῶς ἅπαντα τὰ ἐδηδεσμένα. καὶ μὲν δὴ καὶ ζῶον ὀτιοῦν ἐμπλήσας ὑγρᾶς τροφῆς, ὥσπερ ἡμεῖς πολλάκις ἐπὶ συῶν ἐπειράθημεν ἐξ ἀλεύρων μεθ' ὕδατος οἷον κυκεῶνά τινα δόντες αὐτοῖς, ἔπειτα μετὰ τρεῖς πού καὶ τέτταρας ὥρας ἀνατεμόντες, εἰ οὕτω καὶ σὺ πράξειας, εὐρήσεις ἔτι κατὰ τὴν γαστέρα τὰ ἐδηδεσμένα· πέρας γὰρ αὐτοῖς ἐστὶ τῆς ἐνταῦθα μονῆς οὐχ ἢ χύλωσις, ἦν καὶ ἐκτὸς ἔτι ὄντων μηχανήσασθαι δυνατόν ἐστιν, ἀλλ' ἢ πέψις, ἕτερόν τι τῆς χυλώσεως οὔσα, καθάπερ αἱμάτωσίς τε καὶ θρέψις. ὥς γὰρ κάκεῖνα δέδεικται ποιότητων μεταβολῆ

γιγνόμενα, τὸν αὐτὸν τρόπον καὶ ἢ ἐν τῇ γαστρὶ πέψις τῶν σιτίων εἰς τὴν οἰκείαν ἐστὶ τῷ τρεφομένῳ ποιότητα μεταβολῆ καὶ ὅταν γε πεφθῇ τελέως, ἀνοίγνυται μὲν τηνικαῦτα τὸ κάτω στόμα, διεκπίπτει δ' αὐτοῦ τὰ σιτία ῥαδίως, εἰ καὶ πληθὸς τι μεθ' ἑαυτῶν ἔχοντα τύχοι λίθων ἢ ὀστέων ἢ γιγάρτων ἢ τινος ἄλλου χυλωθῆναι μὴ δυναμένου. καὶ σοι τοῦτ' ἔνεστιν ἐπὶ ζώου θεάσασθαι στοχασαμένῳ τὸν καιρὸν τῆς κάτω διεξόδου. καὶ μὲν γε καὶ εἰ σφαλείης ποτὲ τοῦ καιροῦ καὶ μηδὲν μήπω κάτω παρέρχοιτο πεπτομένων ἔτι κατὰ τὴν γαστέρα τῶν σιτίων, οὐδ' οὕτως ἄκαρπος ἢ ἀνατομή σοι γενήσεται· θεάσῃ γὰρ ἐπ' αὐτῶν, ὅπερ ὀλίγω πρόσθεν ἐλέγομεν, ἀκριβῶς μὲν μεμυκότα τὸν πυλωρόν, ἅπασαν δὲ τὴν γαστέρα περιεσταλμένην τοῖς σιτίοις τρόπον ὁμοιότατον, οἷόνπερ καὶ αἱ μήτραι τοῖς κυουμένοις. οὐ γὰρ ἔστιν οὐδέποτε κενὴν εὐρεῖν χώραν οὔτε κατὰ τὰς ὑστέρας οὔτε κατὰ τὴν κοιλίαν οὔτε κατὰ τὰς κύστεις ἀμφοτέρας οὔτε κατὰ τὴν χοληδόχον ὀνομαζομένην οὔτε τὴν ἑτέραν· ἀλλ' εἴτ' ὀλίγον εἴη τὸ περιεχόμενον ἐν αὐταῖς εἴτε πολὺ, μεστὰι καὶ πλήρεις αὐτῶν αἱ κοιλίαι φαίνονται περιστελλομένων ἀεὶ τῶν χιτώνων τοῖς περιεχομένοις, ὅταν γε κατὰ φύσιν ἔχη τὸ ζῶον. Ἐρασίστρατος δ' οὐκ οἶδ' ὅπως τὴν περιστολήν τῆς γαστρὸς ἀπάντων αἰτίαν ἀποφαίνει καὶ τῆς λειώσεως τῶν σιτίων καὶ τῆς τῶν περιπτωμάτων ὑποχωρήσεως καὶ τῆς τῶν κεχυλωμένων ἀναδόσεως. ἐγὼ μὲν γὰρ μυριάκις ἐπὶ ζῶντος ἔτι τοῦ ζώου διελὼν τὸ περιτόναιον εὖρον ἀεὶ τὰ μὲν ἔντερα πάντα περιστελλόμενα

τοῖς ἐνυπάρχουσι, τὴν κοιλίαν δ' οὐχ ἀπλῶς, ἀλλ' ἐπὶ μὲν ταῖς ἐδωδαῖς ἄνωθ' ἐν τε καὶ κάτωθεν αὐτὰ καὶ πανταχόθεν ἀκριβῶς περιειληφυῖαν ἀκίνητον, ὡς δοκεῖν ἠνῶσθαι καὶ περιπεφυκέναι τοῖς σιτίοις· ἐν δὲ τούτῳ καὶ τὸν πυλωρὸν εὕρισκον αἰεὶ μεμυκότα καὶ κεκλεισμένον ἀκριβῶς ὡσπερ τὸ τῶν ὑστερῶν στόμα ταῖς ἐγκύμοσιν· ἐπὶ μέντοι ταῖς πέψεσι συμπεπληρωμέναις ἀνέωκτο μὲν ὁ πυλωρός, ἢ γαστήρ δὲ περισταλτικῶς ἐκινεῖτο παραπλησίως τοῖς ἐντέροις.

5. Ἐπὶ τῶν ἀπαντ' οὖν ἀλλήλοις ὁμολογεῖ ταῦτα καὶ τῆ γαστρὶ καὶ ταῖς ὑστέραις καὶ ταῖς κύστεσιν εἶναί τινας ἐμφύτους δυνάμεις καθεκτικὰς μὲν τῶν οἰκείων ποιότητων, ἀποκριτικὰς δὲ τῶν ἀλλοτρίων. ὅτι μὲν γὰρ ἔλκει τὴν χολὴν εἰς ἑαυτὴν ἢ ἐπὶ τῷ ἥπατι κύστις, ἔμπροσθεν δέδεικται, ὅτι δὲ καὶ ἀποκρίνει καθ' ἑκάστην ἡμέραν εἰς τὴν γαστέρα, καὶ τοῦτ' ἐναργῶς φαίνεται. καὶ μὴν εἰ διεδέχετο τὴν ἐλκτικὴν δύναμιν ἢ ἐκκριτικὴ καὶ μὴ μέση τις ἀμφοῖν ἦν ἢ καθεκτικὴ, διὰ παντὸς ἐχρῆν ἀνατεμνομένων τῶν ζώων ἴσον πλῆθος χολῆς εὐρίσκεισθαι κατὰ τὴν κύστιν· οὐ μὴν εὐρίσκειται γε. ποτὲ μὲν γὰρ πληρεστάτη, ποτὲ δὲ κενωτάτη, ποτὲ δὲ τὰς ἐν τῷ μεταξὺ διαφορὰς ἔχουσα θεωρεῖται, καθάπερ καὶ ἡ ἕτέρα κύστις ἢ τὸ οὔρον ὑποδεχομένη. ταύτης μὲν γε καὶ πρὸ τῆς ἀνατομῆς αἰσθανόμεθα, πρὶν ἀνιαθῆναι τῷ πλήθει βαρυνθεῖσαν ἢ τῆ δριμύτητι δηχθεῖσαν, ἀθροισούσης ἔτι τὸ οὔρον, ὡς οὔσης τινὸς κἀνταῦθα δυνάμεως καθεκτικῆς. οὕτω δὲ καὶ ἡ γαστήρ ὑπὸ δριμύτητος πολλάκις δηχθεῖσα πρωιαίτερον

τοῦ δέοντος ἄπεπτον ἔτι τὴν τροφήν ἀποτρίβεται. αὐθις δ' ἂν ποτε τῷ πλήθει βαρυνθεῖσα ἢ καὶ κατ' ἄμφω συνελθόντα κακῶς διατεθεῖσα διαρροίαις ἐάλω. καὶ μὲν γε καὶ οἱ ἔμετοι, τῷ πλήθει βαρυνθείσης αὐτῆς ἢ τὴν ποιότητα τῶν ἐν αὐτῇ σιτίων τε καὶ περιπτωμάτων μὴ φερούσης, ἀνάλογόν τι ταῖς διαρροίαις πάθημα τῆς ἄνω γαστρὸς ἐστίν. ὅταν μὲν γὰρ ἐν τοῖς κάτω μέρεσιν αὐτῆς ἢ τοιαύτη γένηται διάθεσις, ἐρρωμένων τῶν κατὰ τὸν στόμαχον, εἰς διαρροίας ἐτελεύτησεν, ὅταν δ' ἐν τοῖς κατὰ τὸ στόμα, τῶν ἄλλων εὐρωστούντων, εἰς ἐμέτους.

6. Ἐνεστι δὲ καὶ τοῦτο πολλάκις ἐναργῶς ἰδεῖν ἐπὶ τῶν ἀποσίτων· ἀναγκαζόμενοι γὰρ ἐσθίειν οὔτε καταπίνειν εὐσθενοῦσιν οὔτ', εἰ καὶ βιάσαιντο, κατέχουσιν, ἀλλ' εὐθύς ἀνεμοῦσι. καὶ οἱ ἄλλως δὲ τῶν ἐδεσμάτων πρὸς ὀτιοῦν δυσχεραίνοντες βιασθέντες ἐνίοτε προσάρασθαι ταχέως ἐξεμοῦσιν ἢ, εἰ κατάσχοιεν βιασάμενοι, ναυτιώδεις τ' εἰσὶ καὶ τῆς γαστρὸς ὑπτίας αἰσθάνονται καὶ σπυροῦσης ἀποθέσθαι τὸ λυποῦν οὕτως ἐξ ἀπάντων τῶν φαινομένων, ὅπερ ἐξ ἀρχῆς ἐρρέθη, μαρτυρεῖται τὸ δεῖν ὑπάρχειν τοῖς τοῦ ζώου μορίοις σχεδὸν ἅπασιν ἔφεσιν μὲν τινα καὶ οἷον ὄρεξιν τῆς οἰκείας ποιότητος, ἀποστροφὴν δὲ τινα καὶ οἷον μῖσός τι τῆς ἀλλοτρίας. ἀλλ' ἐφιέμενα μὲν ἔλκειν εὐλογον, ἀποστρεφόμενα δ' ἐκκρίνειν. κακὰ τούτων πάλιν ἢ θ' ἐλκτικὴ δύναμις ἀποδείκνυται καθ' ἅπαν ὑπάρχουσα καὶ ἡ προωστικὴ. ἀλλ' εἴπερ ἔφεσις τέ τις ἐστὶ καὶ ἔλξις, εἴη ἂν τις καὶ ἀπόλαυσις· οὐδὲν γὰρ τῶν ὄντων ἔλκει τι

δι' αὐτὸ τὸ ἔλκειν, ἀλλ' ἴν' ἀπολαύσῃ τοῦ διὰ τῆς ὀλκῆς εὐπορηθέντος. καὶ μὴν ἀπολαύειν οὐ δύναται μὴ κατασχόν. κὰν τούτῳ πάλιν ἢ καθεκτικὴ δύναμις ἀποδείκνυται τὴν γένεσιν ἀναγκαίαν ἔχουσα· σαφῶς γὰρ ἐφίεται μὲν τῶν οἰκείων ποιότητων ἢ γαστήρ, ἀποστρέφεται δὲ τὰς ἀλλοτρίας. ἀλλ' εἴπερ ἐφίεται τε καὶ ἔλκει καὶ ἀπολαύει κατέχουσα καὶ περιστελλομένη, εἴη ἂν τι καὶ πέρασ αὐτῆ τῆς ἀπολαύσεως κἀπὶ τῷδ' ὁ καιρὸς ἤδη τῆς ἐκκριτικῆς δυνάμεως ἐνεργούσης.

7. Ἄλλ' εἰ καὶ κατέχει καὶ ἀπολαύει, καταχρῆται πρὸς ὃ πέφυκε. πέφυκε δὲ τοῦ προσήκοντος ἑαυτῆ κατὰ ποιότητα καὶ οἰκείου μεταλαμβάνειν· ὥσθ' ἔλκει τῶν σιτίων ὅσον χρηστότατον ἀτμωδῶς τε καὶ κατὰ βραχὺ καὶ τοῦτο τοῖς ἑαυτῆς χιτῶσιν ἐναποτίθεται τε καὶ προστίθῃσιν. ὅταν δ' ἱκανῶς ἐμπλησθῆ, καθάπερ ἄχθος τι τὴν λοιπὴν ἀποτίθεται τροφὴν ἐσχηκυῖάν τι χρηστὸν ἤδη καὶ αὐτὴν ἐκ τῆς πρὸς τὴν γαστέρα κοινωνίας· οὐδὲ γὰρ ἐνδέχεται δύο σώματα δρᾶν καὶ πάσχειν ἐπιτήδεια συνελθόντα μὴ οὐκ ἦτοι πάσχειν θ' ἅμα καὶ δρᾶν ἢ θάτερον μὲν δρᾶν, θάτερον δὲ πάσχειν. ἐὰν μὲν γὰρ ἰσάζῃ ταῖς δυνάμεσιν, ἐξ ἴσου δράσει τε καὶ πείσεται, ἂν δ' ὑπερέχη πολὺ καὶ κρατῆ θάτερον, ἐνεργήσῃ περὶ τὸ πάσχον· ὥστε δράσει μέγα μὲν τι καὶ αἰσθητὸν, αὐτὸ δ' ἦτοι σμικρὸν τι καὶ οὐκ αἰσθητὸν ἢ παντάπασιν οὐδὲν πείσεται. ἀλλ' ἐν τούτῳ δὴ καὶ μάλιστα διήνεγκε φαρμάκου δηλητηρίου τροφῆ· τὸ μὲν γὰρ κρατεῖ τῆς ἐν τῷ σώματι δυνάμεως, ἢ δὲ κρατεῖται. οὐκ οὐκ ἐνδέχεται

τροφὴν μὲν εἶναι τι τῷ ζῳῷ προσήκουσαν, οὐ μὴν καὶ κρατεῖσθαι γ' ὁμοίως πρὸς τῶν ἐν τῷ ζῳῷ ποιότητων· τὸ κρατεῖσθαι δ' ἦν ἀλλοιοῦσθαι. ἀλλ' ἐπεὶ τὰ μὲν ἰσχυρότερα ταῖς δυνάμεσιν ἐστὶ μόρια, τὰ δ' ἀσθενέστερα, κρατήσῃ μὲν πάντα τῆς οἰκείας τῷ ζῳῷ τροφῆς, οὐχ ὁμοίως δὲ πάντα· κρατήσῃ δ' ἄρα καὶ ἡ γαστήρ καὶ ἀλλοιώσῃ μὲν τὴν τροφήν, οὐ μὴν ὁμοίως ἥπατι καὶ φλεψὶ καὶ ἀρτηρίαις καὶ καρδίᾳ. πόσον οὖν ἐστίν, ὃ ἀλλοιοῖ, καὶ δὴ θεασώμεθα· πλεόν μὲν ἢ κατὰ τὸ στόμα, μείον δ' ἢ κατὰ τὸ ἥπαρ τε καὶ τὰς φλέβας. αὕτη μὲν γὰρ ἡ ἀλλοίωσις εἰς αἵματος οὐσίαν ἄγει τὴν τροφήν, ἡ δ' ἐν τῷ στόματι μεθίστησι μὲν αὐτὴν ἐναργῶς εἰς ἕτερον εἶδος, οὐ μὴν εἰς τέλος γε μετακοσμεῖ. μάθοις δ' ἂν ἐπὶ τῶν ἐγκαταλειφθέντων ταῖς διαστάσεσι τῶν ὀδόντων σιτίων καὶ καταμεινάντων δι' ὅλης νυκτός· οὔτε γὰρ ἄρτος ἀκριβῶς ὁ ἄρτος οὔτε κρέας ἐστὶ τὸ κρέας, ἀλλ' ὄζει μὲν τοιοῦτον, οἷόνπερ καὶ τοῦ ζῳοῦ τὸ στόμα, διαλέλυται δὲ καὶ διατέτηκε καὶ τὰς ἐν τῷ ζῳῷ τῆς σαρκὸς ἀπομέμακται ποιότητος. ἔνεστι δέ σοι θεάσασθαι τὸ μέγεθος τῆς ἐν τῷ στόματι τῶν σιτίων ἀλλοιώσεως, εἰ πυροὺς μασησάμενος ἐπιθείης ἀπέπτοις δοθιῆσιν· ὄψει γὰρ αὐτοὺς τάχιστα μεταβάλλοντάς τε καὶ συμπέττοντας, οὐδὲν τοιοῦτον, ὅταν ὕδατι φυραθῶσιν, ἐργάσασθαι δυναμένους· καὶ μὴ θαυμάσης· τὸ γὰρ τοι φλέγμα τουτὶ τὸ κατὰ τὸ στόμα καὶ λειχῆνων ἐστὶν ἄκος καὶ σκορπίους ἀναιρεῖ παραχρῆμα καὶ πολλὰ τῶν ἰοβόλων θηρίων τὰ μὲν εὐθέως ἀποκτείνει, τὰ δ' ἐς ὕστερον· ἅπαντα γοῦν βλάπτει μέγਾਲως. ἀλλὰ τὰ μεμα-

σημένα σιτία πρῶτον μὲν τούτῳ τῷ φλέγματι βέβρεκταί τε καὶ πεφύραται, δεύτερον δὲ καὶ τῷ χρωτὶ τοῦ στόματος ἅπαντα πεπλησίακεν, ὥστε πλείονα μεταβολὴν εἴληφε τῶν ἐν ταῖς κεναῖς χώραις τῶν ὀδόντων ἐσφηνωμένων. ἀλλ' ὅσον τὰ μεμασημένα τούτων ἐπὶ πλέον ἠλλοίωται, τοσοῦτον ἐκείνων τὰ καταποθέντα. μὴ γὰρ οὐδὲ παραβλητὸν ἦ τὸ τῆς ὑπερβολῆς, εἰ τὸ κατὰ τὴν κοιλίαν ἐννοήσασιν φλέγμα καὶ χολὴν καὶ πνεῦμα καὶ θερμασίαν καὶ ὅλην τὴν οὐσίαν τῆς γαστροῦ. εἰ δὲ καὶ συνεπινοήσασιν αὐτῇ τὰ παρακείμενα σπλάγχνα καθάπερ τινὶ λέβητι μεγάλῳ πυρὸς ἐστίας πολλᾶς, ἐκ δεξιῶν μὲν τὸ ἦπαρ, ἐξ ἀριστερῶν δὲ τὸν σπλῆνα, τὴν καρδίαν δ' ἐκ τῶν ἄνω, σὺν αὐτῇ δὲ καὶ τὰς φρένας αἰωρουμένας τε καὶ διὰ παντὸς κινουμένας, ἐφ' ἅπασιν δὲ τούτοις σκέπον τὸ ἐπίπλοον, ἐξαίσιόν τινα πεισθήσῃ τὴν ἠλλοίωσιν γίνεσθαι τῶν εἰς τὴν γαστέρα καταποθέντων σιτίων. πῶς δ' ἂν ἠδύνατο ῥαδίως αἵματοῦσθαι μὴ προπαρασκευασθέντα τῇ τοιαύτῃ μεταβολῇ; δέδεικται γὰρ οὖν καὶ πρόσθεν, ὡς οὐδὲν εἰς τὴν ἐναντίαν ἀθρόως μεθίσταται ποιότητα. πῶς οὖν ὁ ἄρτος αἷμα γίνεται, πῶς δὲ τὸ τεῦτλον ἢ ὁ κύαμος ἢ τι τῶν ἄλλων, εἰ μὴ πρότερόν τιν' ἑτέραν ἠλλοίωσιν ἐδέξατο; πῶς δ' ἢ κόπρος [εὐθύς] ἐν τοῖς λεπτοῖς ἐντέροις ἀθρόως γεννηθήσεται; τί γὰρ ἐν τούτοις σφοδρότερον εἰς ἠλλοίωσιν ἐστὶ τῶν κατὰ τὴν γαστέρα; πότερα τῶν χιτώνων τὸ πλῆθος ἢ τῶν γειννιώντων σπλάγχνων ἢ περίθεσις ἢ τῆς μονῆς ὁ χρόνος ἢ σύμφυτός τις ἐν τοῖς ὀργάνοις θερμασία; καὶ μὴν

κατ' οὐδὲν τούτων πλεονεκτεῖ τὰ ἔντερα τῆς γαστροῦ. τί ποτ' οὖν ἐν μὲν τῇ γαστρὶ νυκτὸς ὄλης πολλάκις μείναντα τὸν ἄρτον ἔτι φυλάττεσθαι βούλονται τὰς ἀρχαίας διασώζοντα ποιότητος, ἐπειδὴν δ' ἅπαξ ἐμπέση τοῖς ἐντέροις, εὐθὺς γίνεσθαι κόπρον; εἰ μὲν γὰρ ὁ τοσοῦτος χρόνος ἀδύνατος ἀλλοιοῦν, οὐδ' ὁ βραχὺς ἰκανός· εἰ δ' οὗτος αὐτάρκης, πῶς οὐ πολὺ μᾶλλον ὁ μακρός; ἄρ' οὖν ἀλλοιοῦται μὲν ἢ τροφή κατὰ τὴν κοιλίαν, ἄλλην δέ τιν' ἀλλοίωσιν καὶ οὐχ οἴαν ἐκ τῆς φύσεως ἴσχει τοῦ μεταβάλλοντος ὄργανου; ἢ ταύτην μὲν, οὐ μὴν τὴν γ' οἰκείαν τῷ τοῦ ζώου σώματι; μακρῷ τοῦτ' ἀδυνατώτερόν ἐστι. καὶ μὴν οὐκ ἄλλο γ' ἦν ἢ πέψις ἢ ἀλλοίωσις εἰς τὴν οἰκείαν τοῦ τρεφομένου ποιότητα. εἴπερ οὖν ἢ πέψις τοῦτ' ἔστι καὶ ἢ τροφή κατὰ τὴν γαστέρα δέδεικται δεχομένη ποιότητα τῷ μέλλοντι πρὸς αὐτῆς θρέψεσθαι ζῶν προσήκουσαν, ἰκανῶς ἀποδέδεικται τὸ πέπτεσθαι κατὰ τὴν γαστέρα τὴν τροφήν. καὶ γελοῖος μὲν Ἄσκληπιάδης οὗτ' ἐν ταῖς ἐρυγαῖς λέγων ἐμφαίνεσθαι ποτε τὴν ποιότητα τῶν πεφθέντων σιτίων οὗτ' ἐν τοῖς ἐμέτοις οὗτ' ἐν ταῖς ἀνατομαῖς· αὐτὸ γὰρ δὴ τὸ τοῦ σώματος ἐξόζειν αὐτὰ τῆς κοιλίας ἐστὶ τὸ πεπέφθαι. ὁ δ' οὕτως ἐστὶν εὐήθης, ὥστ', ἐπειδὴ τῶν παλαιῶν ἀκούει λεγόντων ἐπὶ τὸ χρηστὸν ἐν τῇ γαστρὶ μεταβάλλειν τὰ σιτία, δοκιμάζει ζητεῖν οὐ τὸ κατὰ δύναμιν ἀλλὰ τὸ κατὰ γεῦσιν χρηστὸν, ὥσπερ ἢ τοῦ μήλου μηλωδεστέρου—χρὴ γὰρ οὕτως αὐτῷ διαλέγεσθαι—γιγνομένου κατὰ τὴν κοιλίαν ἢ τοῦ μέλιτος μελιτωδεστέρου. πολὺ δ' εὐηθέστερός ἐστι καὶ γελοιότερος ὁ Ἐρασίστρατος

ἢ μὴ νοῶν, ὅπως εἴρηται πρὸς τῶν παλαιῶν ἢ πέψις ἐψήσει παραπλήσιος ὑπάρχειν, ἢ ἐκὼν σοφιζόμενος ἑαυτόν. ἐψήσει μὲν οὖν, φησὶν, οὕτως ἐλαφρὰν ἔχουσιν θερμασίαν οὐκ εἰκὸς εἶναι παραπλησίαν τὴν πέψιν, ὥσπερ ἢ τὴν Αἴτνην δέον ὑποθεῖναι τῇ γαστρὶ ἢ ἄλλως αὐτῆς ἀλλοιοῦσαι τὰ σιτία μὴ δυναμένης ἢ δυναμένης μὲν ἀλλοιοῦν, οὐ κατὰ τὴν ἔμφυτον δὲ θερμασίαν, ὑγρὰν οὖσαν δηλονότι καὶ διὰ τοῦθ' ἔψειν οὐκ ὀπτᾶν εἰρημένην. ἐχρῆν δ' αὐτόν, εἴπερ περὶ πραγμάτων ἀντιλέγειν ἐβούλετο, πειραθῆναι δεῖξαι μάλιστα μὲν καὶ πρῶτον, ὡς οὐδὲ μεταβάλλει τὴν ἀρχὴν οὐδ' ἀλλοιοῦται κατὰ ποιότητα πρὸς τῆς γαστρὸς τὰ σιτία, δεύτερον δ', εἴπερ μὴ οἷός τ' ἦν τοῦτο πιστώσασθαι, τὸ τὴν ἀλλοίωσιν αὐτῶν ἄχρηστον εἶναι τῷ ζῳῷ· εἰ δὲ μηδὲ τοῦτ' εἶχε διαβάλλειν, ἐξελέγξει τὴν περὶ τὰς δραστικὰς ἀρχὰς ὑπόληψιν καὶ δεῖξαι τὰς ἐνεργείας ἐν τοῖς μορίοις οὐ διὰ τὴν ἐκ θερμοῦ καὶ ψυχροῦ καὶ ξηροῦ καὶ ὑγροῦ ποιὰν κρᾶσιν ὑπάρχειν ἀλλὰ δι' ἄλλο τι· εἰ δὲ μηδὲ τοῦτ' ἐτόλμα διαβάλλειν, ἀλλ' ὅτι γε μὴ τὸ θερμόν ἐστιν ἐν τοῖς ὑπὸ φύσεως διοικουμένοις τὸ τῶν ἄλλων δραστικώτατον. ἢ εἰ μήτε τοῦτο μήτε τῶν ἄλλων τι τῶν ἔμπροσθεν εἶχεν ἀποδεικνύναι, μὴ ληρεῖν ὀνόματι προσπαλαίοντα μάτην, ὥσπερ οὐ σαφῶς Ἀριστοτέλους ἐν τ' ἄλλοις πολλοῖς κἂν τῷ τετάρτῳ τῶν μετεωρολογικῶν ὅπως ἢ πέψις ἐψήσει παραπλήσιος εἶναι λέγεται, καὶ ὅτι μὴ πρῶτως μηδὲ κυρίως ὀνομαζόντων, εἰρηκότος. ἀλλ', ὡς ἤδη λέλεκται πολλάκις, ἀρχὴ τούτων ἀπάντων ἐστὶ μία τὸ περὶ θερμοῦ

καὶ ψυχροῦ καὶ ξηροῦ καὶ ὑγροῦ διασκέψασθαι, καθάπερ Ἄριστοτέλης ἐποίησεν ἐν τῷ δευτέρῳ περὶ γενέσεως καὶ φθορᾶς, ἀποδείξας ἀπάσας τὰς κατὰ τὰ σώματα μεταβολὰς καὶ ἀλλοιώσεις ὑπὸ τούτων γίνεσθαι. ἀλλ' Ἐρασίστρατος οὔτε τούτοις οὔτ' ἄλλῳ τινὶ τῶν προειρημένων ἀντειπῶν ἐπὶ τοῦνομα μόνον ἐτράπετο τῆς ἐψήσεως.

8. Ἐπὶ μὲν οὖν τῆς πέψεως, εἰ καὶ τᾶλλα πάντα παρέλιπε, τὸ γοῦν ὅτι διαφέρει τῆς ἐκτὸς ἐψήσεως ἢ ἐν τοῖς ζῴοις πέψις, ἐπειράθη δεικνύναι, περὶ δὲ τῆς καταπόσεως οὐδ' ἄχρι τοσοῦτου. τί γάρ φησιν; ὀλκὴ μὲν οὖν τῆς κοιλίας οὐδεμία φαίνεται εἶναι. καὶ μὴν δύο χιτῶνας ἢ γαστήρ ἔχει πάντως ἕνεκά του γεγονότας καὶ διήκουσιν οὔτοι μέχρι τοῦ στόματος, ὁ μὲν ἔνδον, οἷός ἐστι κατὰ τὴν γαστέρα, τοιοῦτος διαμένων, ὁ δ' ἕτερος ἐπὶ τὸ σαρκωδέστερον ἐν τῷ στομάχῳ τρεπόμενος. ὅτι μὲν οὖν ἐναντίας ἀλλήλαις τὰς ἐπιβολὰς τῶν ἰνῶν ἔχουσιν οἱ χιτῶνες οὔτοι, τὸ φαινόμενον αὐτὸ μαρτυρεῖ. τίνος δ' ἕνεκα τοιοῦτοι γεγόνασιν, Ἐρασίστρατος μὲν οὐδ' ἐπεχείρησεν εἰπεῖν, ἡμεῖς δ' ἐροῦμεν. ὁ μὲν ἔνδον εὐθείας ἔχει τὰς ἴνας, ὀλκῆς γὰρ ἕνεκα γέγονεν. ὁ δ' ἔξωθεν ἐγκαρσίας ὑπὲρ τοῦ κατὰ κύκλον περιστέλλεσθαι. ἐκάστω γὰρ τῶν κινουμένων ὀργάνων ἐν τοῖς σώμασι κατὰ τὰς τῶν ἰνῶν θέσεις αἱ κινήσεις εἰσίν. ἐπ' αὐτῶν δὲ πρῶτον τῶν μυῶν, εἰ βούλει, βασάνισον τὸν λόγον, ἐφ' ὧν καὶ αἱ ἴνες ἐναργέσταται καὶ αἱ κινήσεις αὐτῶν ὀρῶνται διὰ σφοδρότητα. μετὰ δὲ τοὺς μῦς ἐπὶ τὰ φυσικὰ τῶν ὀργάνων ἴθι καὶ πάντ' ὄψει κατὰ τὰς ἴνας κινούμενα

καὶ διὰ τοῦθ' ἑκάστω μὲν τῶν ἐντέρων στρογγύλαι καθ' ἑκάτε-ρον τῶν χιτώνων αἱ ἴνές εἰσι· περιστέλλονται γὰρ μόνον, ἔλκουσι δ' οὐδέν. ἡ γαστήρ δὲ τῶν ἰνῶν τὰς μὲν εὐθείας ἔχει χάριν ὀλκῆς, τὰς δ' ἐγκαρσίας ἔνεκα περιστολῆς· ὥσπερ γὰρ ἐν τοῖς μουσιν ἑκάστης τῶν ἰνῶν τεινομένης τε καὶ πρὸς τὴν ἀρχὴν ἐλκομένης αἱ κινήσεις γίνονται, κατὰ τὸν αὐτὸν λόγον κὰν τῇ γαστρὶ· τῶν μὲν οὖν ἐγκαρσίων ἰνῶν τεινομένων ἔλαττον ἀνάγκη γίνεσθαι τὸ εὖρος τῆς περιεχομένης ὑπ' αὐτῶν κοιλότητος, τῶν δ' εὐθειῶν ἐλκομένων τε καὶ εἰς ἑαυτὰς συναγομένων οὐκ ἐνδέχεται μὴ οὐ συναιρεῖσθαι τὸ μῆκος. ἀλλὰ μὴν ἐναργῶς γε φαίνεται καταπινόντων συναιρούμενον καὶ τοσοῦτον ὁ λάρυγξ ἀνατρέχων, ὅσον ὁ στόμαχος κατασπᾶται, καὶ ὅταν γε συμπληρωθείσης τῆς ἐν τῷ καταπίνειν ἐνεργείας ἀφεθῆ τῆς τάσεως ὁ στόμαχος, ἐναργῶς πάλιν φαίνεται καταφερόμενος ὁ λάρυγξ· ὁ γὰρ ἔνδον χιτῶν τῆς γαστρὸς ὁ τὰς εὐθείας ἴνας ἔχων ὁ καὶ τὸν στόμαχον ὑπαλείφων καὶ τὸ στόμα τοῖς ἐντὸς μέρεσιν ἐπεκτείνεται τοῦ λάρυγγος, ὥστ' οὐκ ἐνδέχεται κατασπῶμενον αὐτὸν ὑπὸ τῆς κοιλίας μὴ οὐ συνεπισπᾶσθαι καὶ τὸν λάρυγγα. ὅτι δ' αἱ περιφερεῖς ἴνες, αἷς περιστέλλεται τὰ τ' ἄλλα μόρια καὶ ἡ γαστήρ, οὐ συναιροῦσι τὸ μῆκος, ἀλλὰ συστέλλουσι καὶ στενοῦσι τὴν εὐρύτητα, καὶ παρ' αὐτοῦ λαβεῖν ἔστιν ὁμολογούμενον Ἐρασιστράτου· περιστέλλεσθαι γὰρ φησι τοῖς σιτίοις τὴν γαστέρα κατὰ τὸν τῆς πέψεως ἅπαντα χρόνον. ἀλλ' εἰ περιστέλλεται μὲν, οὐδέν δὲ τοῦ μήκους ἀφαιρεῖται

τῆς κοιλίας, οὐκ ἔστι τῆς περισταλτικῆς κινήσεως ἴδιον τὸ κατασπᾶν κάτω τὸν στόμαχον. ὅπερ γὰρ αὐτὸς ὁ Ἐρασίστρατος εἶπε, τοῦτο μόνον αὐτὸ συμβήσεται τὸ τῶν ἄνω συστελλομένων διαστέλλεσθαι τὰ κάτω. τοῦτο δ' ὅτι, κἂν εἰς νεκροῦ τὸν στόμαχον ὕδατος ἐγγέης, φαίνεται γιγνόμενον, οὐδεὶς ἀγνοεῖ. ταῖς γὰρ τῶν ὑλῶν διὰ στενοῦ σώματος ὁδοιπορίαις ἀκόλουθόν ἐστι τὸ σύμπτωμα· θαυμαστὸν γάρ, εἰ διερχομένου τινὸς αὐτὸν ὄγκου μὴ διασταλήσεται. οὐκοῦν τὸ μὲν τῶν ἄνω συστελλομένων διαστέλλεσθαι τὰ κάτω κοινόν ἐστι καὶ τοῖς νεκροῖς σώμασι, δι' ὧν ὀπωσοῦν τι διεξέρχεται, καὶ τοῖς ζῶσιν, εἴτε περιστέλλοιτο τοῖς διερχομένοις εἴθ' ἔλκοιτο· τὸ δὲ τῆς τοῦ μήκους συναιρέσεως ἴδιον τῶν τὰς εὐθείας ἵνας ἐχόντων ὀργάνων, ἴν' ἐπισπάσωνταί τι. ἀλλὰ μὴν ἐδείχθη κατασπώμενος ὁ στόμαχος, οὐ γὰρ ἂν εἶλκε τὸν λάρυγγα· δῆλον οὖν, ὡς ἡ γαστήρ ἔλκει τὰ σιτία διὰ τοῦ στομάχου. καὶ ἡ κατὰ τὸν ἔμετον δὲ τῶν ἐμουμένων ἄχρι τοῦ στόματος φορὰ πάντως μὲν που καὶ αὐτὴ τὰ μὲν ὑπὸ τῶν ἀναφερομένων διατεινόμενα μέρη τοῦ στομάχου διεστῶτα κέκτηται, τῶν πρόσω δ' ὅ τι ἂν ἐκάστοτ' ἐπιλαμβάνηται, τοῦτ' ἀρχόμενον διαστέλλεται, τὸ δ' ὀπισθεν καταλείπει δηλονότι συστελλόμενον, ὥσθ' ὁμοίαν εἶναι πάντη τὴν διάθεσιν τοῦ στομάχου κατὰ γε τοῦτο τῆ τῶν καταπινόντων· ἀλλὰ τῆς ὀλκῆς μὴ παρούσης τὸ μῆκος ὅλον ἴσον ἐν τοῖς τοιούτοις συμπτώμασι διαφυλάττεται. διὰ τοῦτο δὲ καὶ καταπίνειν ῥᾶόν ἐστιν ἢ ἐμεῖν, ὅτι καταπίνεται μὲν

ἄμφοιν τῆς γαστρὸς τῶν χιτῶνων ἐνεργούντων, τοῦ μὲν ἐντὸς ἔλκοντος, τοῦ δ' ἐκτὸς περιστελλομένου τε καὶ συνεπωθοῦντος, ἐμείται δὲ θατέρου μόνου τοῦ ἔξωθεν ἐνεργοῦντος, οὐδενὸς ἔλκοντος εἰς τὸ στόμα. οὐ γὰρ δὴ ὡσπερ ἢ τῆς γαστρὸς ὄρεξις προηγεῖτο τοῦ καταπίνειν τὰ σιτία, τὸν αὐτὸν τρόπον κἂν τοῖς ἐμέτοις ἐπιθυμῆι τι τῶν κατὰ τὸ στόμα μορίων τοῦ γιγνομένου παθήματος, ἀλλ' ἄμφω τῆς γαστρὸς αὐτῆς εἰσιν ἐναντίαι διαθέσεις, ὄρεγομένης μὲν καὶ προσιεμένης τὰ χρήσιμά τε καὶ οἰκεῖα, δυσχεραίνουσης δὲ καὶ ἀποτριβομένης τὰ ἀλλότρια. διὸ καὶ τὸ καταπίνειν αὐτὸ τοῖς μὲν ἱκανῶς ὄρεγομένοις τῶν οἰκείων ἐδεσμάτων τῇ γαστρὶ τάχιστα γίνεται, σαφῶς ἐλκούσης αὐτὰ καὶ κατασπώσης πρὶν ἢ μασηθῆναι, τοῖς δ' ἦτοι φάρμακόν τι κατ' ἀνάγκην πίνουσιν ἢ σιτίον ἐν χώρᾳ φαρμάκου προσφερομένοις ἀνιὰρὰ καὶ μόγις ἢ κατάποσις αὐτῶν ἐπιτελεῖται. δῆλος οὖν ἐστὶν ἐκ τῶν εἰρημένων ὁ μὲν ἔνδον χιτῶν τῆς γαστρὸς ὁ τὰς εὐθείας ἔχων ἴνας τῆς ἐκ τοῦ στόματος εἰς αὐτὴν ὀλκῆς ἕνεκα γεγωνῶς καὶ διὰ τοῦτ' ἐν ταῖς καταπόσεσι μόναις ἐνεργῶν, ὁ δ' ἔξωθεν ὁ τὰς ἐγκαρσίας [ἴνας] ἔχων ἕνεκα μὲν τοῦ περιστέλλεσθαι τοῖς ἐνυπάρχουσι καὶ προωθεῖν αὐτὰ τοιοῦτος ἀποτελεσθεῖς, ἐνεργῶν δ' οὐδὲν ἦπτον ἐν τοῖς ἐμέτοις ἢ ταῖς καταπόσεσιν. ἐναργέστατα δὲ μαρτυρεῖ τῷ λεγομένῳ καὶ τὸ κατὰ τὰς χάννας τε καὶ τοὺς συνόδοντας γιγνόμενον· εὐρίσκεται γὰρ ἐνίστε τούτων ἢ γαστήρ ἐν τῷ στόματι καθάπερ καὶ ὁ Ἀριστοτέλης ἐν ταῖς περὶ ζῴων ἔγραψεν ἱστορίαις καὶ

προστίθησί γε τὴν αἰτίαν ὑπὸ λαϊμαργίας αὐτοῖς τοῦτο συμβαίνειν φάσκων. ἔχει γὰρ ὧδε· κατὰ τὰς σφοδροτέρας ὀρέξεις ἄνω προστρέχει πᾶσι τοῖς ζώοις ἢ γαστήρ, ὥστε τινὲς τοῦ πάθους αἰσθησιν ἐναργῆ σχόντες ἐξέρπουν αὐτοῖς φασὶ τὴν κοιλίαν, ἐνίων δὲ μασωμένων ἔτι καὶ μήπω καλῶς ἐν τῷ στόματι τὰ σιτία κατεργασαμένων ἐξαρπάζει φανερώς ἀκόντων. ἐφ' ὧν οὖν ζώων φύσει λαϊμάργων ὑπαρχόντων ἢ τ' εὐρυχωρία τοῦ στόματός ἐστι δαψιλῆς ἢ τε τῆς γαστρὸς θέσις ἐγγύς, ὡς ἐπὶ συνόδοντός τε καὶ χάννης, οὐδὲν θαυμαστόν, ὅταν ἱκανῶς πεινάσαντα διώκη τι τῶν μικροτέρων ζώων, εἴτ' ἤδη πλησίον ἢ τοῦ συλλαβεῖν, ἀνατρέχειν ἐπειγούσης τῆς ἐπιθυμίας εἰς τὸ στόμα τὴν γαστέρα. γενέσθαι δ' ἄλλως ἀμήχανον τοῦτο μὴ οὐχ ὥσπερ διὰ χειρὸς τοῦ στομάχου τῆς γαστρὸς ἐπισπωμένης εἰς ἑαυτὴν τὰ σιτία. καθάπερ γὰρ καὶ ἡμεῖς ὑπὸ προθυμίας ἐνίοτε τῇ χειρὶ συνεπεκτείνομεν ὅλους ἡμᾶς αὐτοὺς ἕνεκα τοῦ θᾶπτον ἐπιδράξασθαι τοῦ προκειμένου σώματος, οὕτω καὶ ἡ γαστήρ οἷον χειρὶ τῷ στομάχῳ συνεπεκτείνεται. καὶ διὰ τοῦτ' ἐφ' ὧν ζώων ἅμα τὰ τρία ταυτὶ συνέπεσεν, ἔφεσις τε σφοδρὰ τῆς τροφῆς ὃ τε στόμαχος μικρὸς ἢ τ' εὐρυχωρία τοῦ στόματος δαψιλῆς, ἐπὶ τούτων ὀλίγη ῥοπή τῆς ἐπεκτάσεως εἰς τὸ στόμα τὴν κοιλίαν ὄλην ἀναφέρει. ἦρκει μὲν οὖν ἴσως ἀνδρὶ φυσικῶ παρ' αὐτῆς μόνης τῆς κατασκευῆς τῶν ὀργάνων τὴν ἔνδειξιν τῆς ἐνεργείας λαμβάνειν. οὐ γὰρ δὴ μάτην γ' ἂν ἡ φύσις ἐκ δυοῖν χιτώνων ἐναντίως ἀλλήλοις ἐχόντων ἀπειργάσατο τὸν

οἰσοφάγον, εἰ μὴ καὶ διαφόρως ἐκάτερος αὐτῶν ἐνεργεῖν ἔμελλεν. ἀλλ' ἐπεὶ πάντα μᾶλλον ἢ τὰ τῆς φύσεως ἔργα διαγιγνώσκειν οἱ περὶ τὸν Ἑρασίστρατόν εἰσιν ἱκανοί, φέρε κακ τῆς τῶν ζώων ἀνατομῆς ἐπιδείξωμεν αὐτοῖς, ὡς ἐκάτερος τῶν χιτῶνων ἐνεργεῖ τὴν εἰρημένην ἐνέργειαν. εἰ δὴ τι λαβὼν ζῶον, εἶτα γυμνώσας αὐτοῦ τὰ περικείμενα τῷ στομάχῳ σώματα χωρὶς τοῦ διατεμεῖν τινα τῶν νεύρων ἢ τῶν ἀρτηριῶν ἢ τῶν φλεβῶν τῶν αὐτόθι τεταγμένων ἐθέλοις ἀπὸ τῆς γένυος ἕως τοῦ θώρακος εὐθείαις τομαῖς διελεῖν τὸν ἔξω χιτῶνα τὸν τὰς ἐγκαρσίας ἵνας ἔχοντα κᾶπειτα τῷ ζῶῳ τροφήν προσενέγκοις, ὄψει καταπῖνον αὐτὸ καίτοι τῆς περισταλτικῆς ἐνεργείας ἀπολωλυίας. εἰ δ' αὖ πάλιν ἐφ' ἐτέρου ζώου διατέμοις ἀμφοτέρους τοὺς χιτῶνας τομαῖς ἐγκαρσίαις, θεάσῃ καὶ τοῦτο καταπῖνον οὐκέτ' ἐνεργοῦντος τοῦ ἐντός. ᾧ δῆλον, ὅτι καὶ διὰ θατέρου μὲν αὐτῶν καταπίνειν οἷόν τ' ἐστίν, ἀλλὰ χειρόν ἢ δι' ἀμφοτέρων. πρὸς γὰρ αὖ τοῖς ἄλλοις καὶ τοῦτ' ἔστι θεάσασθαι σαφῶς ἐπὶ τῆς εἰρημένης ἀνατομῆς, ὡς ἐν τῷ καταπίνειν ὑποπίμπλαται πνεύματος ὁ στόμαχος τοῦ συγκαταπινομένου τοῖς σιτίοις, ὃ περιστελλομένου μὲν τοῦ ἔξωθεν χιτῶνος ὠθεῖται ῥαδίως εἰς τὴν γαστέρα σὺν τοῖς ἐδέσμασι, μόνου δὲ τοῦ ἔνδον ὑπάρχοντος ἐμποδῶν ἴσταται τῇ φορᾷ τῶν σιτίων διατεινόν τ' αὐτὸν καὶ τὴν ἐνέργειαν ἐμποδίζον. ἀλλ' οὔτε τούτων οὐδὲν Ἑρασίστρατος εἶπεν οὔθ' ὡς ἡ σκολιὰ θέσις τοῦ στομάχου διαβάλλει σαφῶς τὸ δόγμα τῶν νομιζόντων ὑπὸ τῆς ἄνωθεν βολῆς μόνης

ποδηγούμενα μέχρι τῆς γαστρὸς ἵεναι τὰ καταπινόμενα. μόνον δ' ὅτι πολλὰ τῶν μακροτραχήλων ζώων ἐπικεκυφότα καταπίνει, καλῶς εἶπεν. ᾧ δῆλον, ὅτι τὸ φαινόμενον οὐ τὸ πῶς καταπίνομεν ἀποδείκνυσιν, ἀλλὰ τὸ πῶς οὐ καταπίνομεν· ὅτι γὰρ μὴ διὰ μόνης τῆς ἄνωθεν βολῆς, ἐκ τούτου δῆλον· οὐ μὴν εἶθ' ἐλκούσης τῆς κοιλίας εἴτε παράγοντος αὐτὰ τοῦ στομάχου, δῆλον ἤδη πω. ἀλλ' ἡμεῖς γε πάντας τοὺς λογισμοὺς εἰπόντες τοὺς τ' ἐκ τῆς κατασκευῆς τῶν ὀργάνων ὀρμωμένους καὶ τοὺς ἀπὸ τῶν ἄλλων συμπτωμάτων τῶν τε πρὸ τοῦ γυμνωθῆναι τὸν στόμαχον καὶ γυμνωθέντος, ὡς ὀλίγω πρόσθεν ἐλέγομεν, ἱκανῶς ἐνεδειξάμεθα τοῦ μὲν ἔλκειν ἕνεκα τὸν ἐντὸς χιτῶνα, τοῦ δ' ἀπωθεῖν τὸν ἐκτὸς γεγονέναι. προὔθέμεθα μὲν οὖν ἀποδείξαι τὴν καθεκτικὴν δύναμιν ἐν ἐκάστω τῶν ὀργάνων οὔσαν, ὡσπερ ἐν τῷ πρόσθεν λόγῳ τὴν ἐλκτικὴν τε καὶ προσέτι τὴν ἀλλοιωτικὴν. ὑπὸ δὲ τῆς ἀκολουθίας τοῦ λόγου τὰς τέτταρας ἀπεδείξαμεν ὑπαρχούσας τῇ γαστρί, τὴν ἐλκτικὴν μὲν ἐν τῷ καταπίνειν, τὴν καθεκτικὴν δ' ἐν τῷ πέττειν, τὴν ἀπωστικὴν δ' ἐν τοῖς ἐμέτοις καὶ ταῖς τῶν πεπεμμένων σιτίων εἰς τὸ λεπτὸν ἔντερον ὑποχωρήσειν, αὐτὴν δὲ τὴν πέψιν ἀλλοίωσιν ὑπάρχειν.

9. Οὐκ οὐκ ἔτ' ἀπορήσομεν οὐδὲ περὶ τοῦ σπληνός, εἰ ἔλκει μὲν τὸ οἰκεῖον, ἀποκρίνει δὲ τὸ ἀλλότριον, ἀλλοιοῦν δὲ καὶ κατέχειν, ὅσον ἂν ἐπισπάσῃται, πέφυκεν, οὐδὲ περὶ ἥπατος ἢ φλεβός ἢ ἀρτηρίας ἢ καρδίας ἢ τῶν ἄλλων τινός· ἀναγκαῖαι γὰρ ἐδείχθησαν αἱ τέτταρες αὗται

δυνάμεις ἅπαντι μορίῳ τῷ μέλλοντι θρέψεσθαι καὶ διὰ τοῦτ' αὐτὰς ὑπηρετίδας εἶναι θρέψεως ἕφαμεν· ὡς γὰρ τὸ τῶν ἀνθρώπων ἀποπάτημα τοῖς κυσὶν ἥδιστον, οὕτω καὶ τὰ τοῦ ἥπατος περιπτώματα τὸ μὲν τῷ σπληνί, τὸ δὲ τῇ χοληδόχῳ κύστει, τὸ δὲ τοῖς νεφροῖς οἰκεῖον.

10. Καὶ λέγειν ἔτι περὶ τῆς τούτων γενέσεως οὐκ ἂν ἐθέλομι μεθ' Ἴπποκράτην καὶ Πλάτωνα καὶ Ἀριστοτέλην καὶ Διοκλέα καὶ Πραξαγόραν καὶ Φιλότιμον· οὐδὲ γὰρ οὐδὲ περὶ τῶν δυνάμεων εἶπον ἂν, εἴ τις τῶν ἔμπροσθεν ἀκριβῶς ἐξειργάσατο τὸν ὑπὲρ αὐτῶν λόγον. ἐπεὶ δ' οἱ μὲν παλαιοὶ καλῶς ὑπὲρ αὐτῶν ἀποφηνάμενοι παρέλιπον ἀγωνίσασθαι τῷ λόγῳ, μηδ' ὑπονοήσαντες ἔσεσθαι τινὰς εἰς τοσοῦτον ἀναισχύντους σοφιστάς, ὡς ἀντιλέγειν ἐπιχειρῆσαι τοῖς ἐναργέσιν, οἱ νεώτεροι δὲ τὸ μὲν τι νικηθέντες ὑπὸ τῶν σοφισμάτων ἐπέισθησαν αὐτοῖς, τὸ δὲ τι καὶ ἀντιλέγειν ἐπιχειρήσαντες ἀποδεῖν μοι πολὺ τῆς τῶν παλαιῶν ἔδοξαν δυνάμεως, διὰ τοῦθ', ὡς ἂν ἐκείνων αὐτῶν, εἴπερ ἔτ' ἦν τις, ἀγωνίσασθαι μοι δοκεῖ πρὸς τοὺς ἀνατρέποντας τῆς τέχνης τὰ κάλλιστα, καὶ αὐτὸς οὕτως ἐπειράθην συνθεῖναι τοὺς λόγους. ὅτι δ' ἢ οὐδὲν ἢ παντάπασιν ἀνύσω τι σμικρὸν, οὐκ ἄγνοῶ· πάμπολλα γὰρ εὐρίσκω τελέως μὲν ἀποδεδειγμένα τοῖς παλαιοῖς, οὔτε δὲ συνετὰ τοῖς πολλοῖς τῶν νῦν δι' ἀμαθίαν, ἀλλ' οὐδ' ἐπιχειρούμενα γινώσκεσθαι διὰ ῥαθυμίαν, οὔτ', εἰ καὶ γνωσθεῖη τινί, δικαίως ἐξεταζόμενα· χρῆ γὰρ τὸν μέλλοντα γνώσεσθαι τι τῶν πολλῶν ἄμεινον εὐθύς μὲν καὶ τῇ φύσει καὶ τῇ πρώτῃ διδασκαλίᾳ πολὺ

τῶν ἄλλων διενεγκεῖν· ἐπειδὰν δὲ γένηται μειράκιον, ἀληθείας τινὰ σχεῖν ἐρωτικὴν μανίαν, ὥσπερ ἐνθουσιῶντα καὶ μήθ' ἡμέρας μήτε νυκτὸς διαλείπειν σπεύδοντά τε καὶ συντεταμένον ἐκμαθεῖν, ὅσα τοῖς ἐνδοξοτάτοις εἴρηται τῶν παλαιῶν· ἐπειδὰν δ' ἐκμάθη, κρίνειν αὐτὰ καὶ βασανίζει χρόνῳ παμπόλλῳ καὶ σκοπεῖν, πόσα μὲν ὁμολογεῖ τοῖς ἐναργῶς φαινομένοις, πόσα δὲ διαφέρεται, καὶ οὕτω τὰ μὲν αἰρεῖσθαι, τὰ δ' ἀποστρέφεισθαι. τῷ μὲν δὴ τοιούτῳ πάνυ σφόδρα χρησίμους ἤλπικα τοὺς ἡμετέρους ἔσεσθαι λόγους· εἶεν δ' ἂν ὀλίγοι παντάπασιν οὗτοι· τοῖς δ' ἄλλοις οὕτω γενήσεται τὸ γράμμα περιττόν, ὡς εἰ καὶ μῦθον ὄνῳ τις λέγοι.

11. Συμπεραντέον οὖν ἡμῖν τὸν λόγον ἕνεκα τῶν τῆς ἀληθείας ἐφιεμένων ὅσα λείπει κατ' αὐτὸν ἔτι προσθεῖσιν. ὡς γὰρ ἡ γαστήρ ἔλκει μὲν ἐναργῶς καὶ κατασπᾶ τὰ σιτία τοῖς σφόδρα πεινώδεσι, πρὶν ἀκριβῶς ἐν τῷ στόματι λειωθῆναι, δυσχεραίνει δὲ καὶ ἀπωθεῖται τοῖς ἀποσίτοις τε καὶ πρὸς ἀνάγκην ἐσθίουσιν, οὕτω καὶ τῶν ἄλλων ὀργάνων ἕκαστον ἀμφοτέρας ἔχει τὰς δυνάμεις, τὴν τε τῶν οἰκείων ἐλκτικὴν καὶ τὴν τῶν ἀλλοτρίων ἀποκριτικὴν. καὶ διὰ τοῦτο, κἂν ἐξ ἑνὸς ἢ χιτῶνος ὄργανόν τι συνεστῶς, ὥσπερ καὶ αἱ κύστεις ἀμφοτέραι καὶ αἱ μήτραι καὶ αἱ φλέβες, ἀμφοτέρα τῶν ἰνῶν ἔχει τὰ γένη, τῶν εὐθειῶν τε καὶ τῶν ἐγκαρσίων. καὶ μὲν γε καὶ τρίτον τι γένος ἰνῶν ἐστὶ <τῶν> λοξῶν, ἔλαττον πολὺ τῷ πλήθει τῶν προειρημένων δύο γενῶν. εὐρίσκεται δ' ἐν μὲν τοῖς ἐκ δυοῖν χιτῶνων συνεστηκόσιν ὀργάνοις ἐν θατέρῳ μόνῳ ταῖς εὐθείαις

ἰσὶν ἀναμειγμένον, ἐν δὲ τοῖς ἕξ ἑνὸς ἅμα τοῖς ἄλλοις δύο γένεσι. συνεπιλαμβάνουσι δ' αὖται μέγιστον τῆ τῆς καθεκτικῆς ὀνομασθείσης δυνάμεως ἐνεργεία· δεῖται γὰρ ἐν τούτῳ τῷ χρόνῳ πανταχόθεν ἐσφίγγθαι καὶ περιτετάσθαι τοῖς ἐνυπάρχουσι τὸ μόριον, ἢ μὲν γαστήρ ἐν τῷ τῆς πέψεως, αἱ μήτραι δ' ἐν τῷ τῆς κυήσεως χρόνῳ παντί. ταῦτ' ἄρα καὶ ὁ τῆς φλεβὸς χιτῶν εἷς ὢν ἐκ πολυειδῶν ἰνῶν ἐγένετο καὶ τῶν τῆς ἀρτηρίας ὁ μὲν ἕξωθεν ἐκ τῶν στρογγύλων, ὁ δ' ἔσωθεν ἐκ μὲν τῶν εὐθειῶν πλείστων, ὀλίγων δὲ τινων σὺν αὐταῖς καὶ τῶν λοξῶν, ὥστε τὰς μὲν φλέβας ταῖς μήτραις καὶ ταῖς κύστεσιν εἰσὶν κατὰ γε τὴν τῶν ἰνῶν σύνθεσιν, εἰ καὶ τῷ πάχει λείπονται, τὰς δ' ἀρτηρίας τῆ γαστρί. μόνα δὲ πάντων ὀργάνων ἐκ δυοῖν θ' ἅμα καὶ ἀμφοτέρων ἐγκαρσίας ἐχόντων τὰς ἴνας ἐγένετο τὰ ἔντερα. τὸ δ' ὅτι βέλτιον ἦν τῶν τ' ἄλλων ἐκάστῳ τοιούτῳ τὴν φύσιν ὑπάρχειν, οἷόνπερ καὶ νῦν ἐστὶ, τοῖς τ' ἐντέροις ἐκ δυοῖν ὁμοίων χιτῶνων συγκεῖσθαι τῆς περὶ χρείας μορίων πραγματείας ἐστίν. οὐκ οὖν νῦν χρὴ ποθεῖν ἀκούειν περὶ τῶν τοιούτων, ὥσπερ οὐδὲ διὰ τί περὶ τοῦ πλήθους τῶν χιτῶνων ἐκάστου τῶν ὀργάνων διαπεφώνηται τοῖς ἀνατομικοῖς ἀνδράσιν. ὑπὲρ μὲν γὰρ τούτων αὐτάρκως ἐν τοῖς περὶ τῆς ἀνατομικῆς διαφωνίας εἴρηται· περὶ δὲ τοῦ διότι τοιοῦτον ἕκαστον ἐγένετο τῶν ὀργάνων, ἐν τοῖς περὶ χρείας μορίων εἰρήσεται.

12. Νυνὶ δ' οὐδέτερον τούτων πρόκειται λέγειν, ἀλλὰ τὰς φυσικὰς δυνάμεις μόνας ἀποδεικνύειν ἐν ἐκάστῳ τῶν ὀργάνων τέτταρας ὑπαρχούσας. ἐπὶ τοῦτ' οὖν πάλιν

ἐπανελθόντες ἀναμνήσωμέν τε τῶν ἔμπροσθεν εἰρημένων ἐπιθῶμέν τε κεφαλὴν ἤδη τῷ λόγῳ παντὶ τὸ λείπον ἔτι προσθέντες. ἐπειδὴ γὰρ ἕκαστον τῶν ἐν τῷ ζῳῷ μορίων ἔλκειν εἰς ἑαυτὸ τὸν οἰκεῖον [τῆ ποιότητι] χυμὸν ἀποδέδεικται καὶ πρώτη σχεδὸν αὕτη τῶν φυσικῶν ἐστὶ δυνάμεων, ἐφεξῆς ἐκείνῳ γνωστόεον, ὡς οὐ πρότερον ἀποτρίβεται τὴν ἐλχθεῖσαν <τροφὴν> ἦτοι σύμπασαν ἢ καὶ τι περίπτωμα αὐτῆς, πρὶν ἂν εἰς ἐναντίαν μεταπέση διάθεσιν ἢ αὐτὸ τὸ ὄργανον ἢ καὶ τῶν περιεχομένων ἐν αὐτῷ τὰ πλεῖστα. ἡ μὲν οὖν γαστήρ, ἐπειδὴ μὲν ἱκανῶς ἐμπλησθῆ τῶν σιτίων καὶ τὸ χρηστότατον αὐτῶν εἰς τοὺς ἑαυτῆς χιτῶνας ἐναπόθηται βδάλλουσα, τηνικαῦτ' ἤδη τὸ λοιπὸν ἀποτρίβεται καθάπερ ἄχθος ἀλλότριον· αἱ κύστεις δ', ἐπειδὴ ἕκαστον τῶν ἐλχθέντων ἢ τῷ πλήθει διατεῖνον ἢ τῆ ποιότητι δάκνον ἀνιαρὸν γένηται· τῷ δ' αὐτῷ τρόπῳ καὶ αἱ μῆτραι· ἦτοι γὰρ, ἐπειδὴ μῆκέτι φέρωσι διατεινόμεναι, τὸ λυποῦν ἀποθέσθαι σπεύδουσιν ἢ τῆ ποιότητι δακνόμεναι τῶν ἐκχυθέντων εἰς αὐτὰς ὑγρῶν. ἐκάτερον δὲ τῶν εἰρημένων γίγνεται μὲν καὶ βιαίως ἔστιν ὅτε καὶ ἀμβλώσκουσι τηνικαῦτα, γίγνεται δ' ὡς τὰ πολλὰ καὶ προσηκόντως, ὅπερ οὐκ ἀμβλώσκειν ἀλλ' ἀποκυΐσκειν τε καὶ τίκτειν ὀνομάζεται. τοῖς μὲν οὖν ἀμβλωθριδίῳις φαρμάκοις ἢ τισιν ἄλλοις παθήμασι διαφθείρουσι τὸ ἔμβρυον ἢ τινὰς τῶν ὑμένων αὐτοῦ ῥηγνύουσιν αἱ ἀμβλώσεις ἔπονται, οὕτω δὲ κάπειδὴν ἀνιαθῶσί ποθ' αἱ μῆτραι κακῶς ἔχουσαι τῆ διατάσει, ταῖς δὲ

τῶν ἐμβρύων αὐτῶν κινήσεισι ταῖς σφοδροτάταις οἱ τόκοι, καθάπερ καὶ τοῦθ' Ἴπποκράτει καλῶς εἴρηται. κοινὸν δ' ἅπασῶν τῶν διαθέσεων ἡ ἀνία καὶ ταύτης αἷτιον τριπτὸν ἢ ὄγκος περιπτὸς ἢ τι βάρος ἢ δῆξις· ὄγκος μὲν, ἐπειδὰν μηκέτι φέρωσι διατεινόμεναι, βάρος δ', ἐπειδὰν ὑπὲρ τὴν ῥώμην αὐτῶν ἢ τὸ περιεχόμενον, δῆξις δ', ἐπειδὰν ἦτοι τὰ πρότερον ἐν τοῖς ὑμέσιν ὑγρὰ στεγόμενα ῥαγέντων αὐτῶν εἰς αὐτὰς ἐκχυθῆ τὰς μήτρας ἢ καὶ σύμπαν ἀποφθαρὲν τὸ κύημα σηπόμενόν τε καὶ διαλυόμενον εἰς μοχθηροὺς ἰχώρας οὕτως ἐρεθίζῃ τε καὶ δάκνη τὸν χιτῶνα τῶν ὑστερῶν. ἀνάλογον οὖν ἐν ἅπασι τοῖς ὀργάνοις ἕκαστα τῶν τ' ἔργων αὐτῶν τῶν φυσικῶν καὶ μέντοι τῶν παθημάτων τε καὶ νοσημάτων φαίνεται γινόμενα, τὰ μὲν ἐναργῶς καὶ σαφῶς οὕτως, ὡς ἀποδείξεως δεῖσθαι μηδέν, τὰ δ' ἦττον μὲν ἐναργῶς, οὐ μὴν ἄγνωστά γε παντάπασι τοῖς ἐθέλουσι προσέχειν τὸν νοῦν. ἐπὶ μὲν οὖν τῆς γαστρὸς αἶ τε δῆξεις ἐναργεῖς, διότι πλείστης αἰσθήσεως μετέχει, τὰ τ' ἄλλα παθήματα τὰ τε ναυτίαν ἐμποιοῦντα καὶ οἱ καλούμενοι καρδιωγμοὶ σαφῶς ἐνδείκνυνται τὴν ἀποκριτικὴν τε καὶ ἀπωστικὴν τῶν ἀλλοτριῶν δύναμιν, οὕτω δὲ καπὶ τῶν ὑστερῶν τε καὶ τῆς κύστεως τῆς τὸ οὖρον ὑποδεχομένης· ἐναργῶς γὰρ οὖν καὶ αὕτη φαίνεται μέχρι τοσοῦτου τὸ ὑγρὸν ὑποδεχομένη τε καὶ ἀθροίζουσα, ἄχρις ἂν ἦτοι πρὸς τοῦ πλήθους αὐτοῦ διατεινομένη μηκέτι φέρῃ τὴν ἀνίαν ἢ πρὸς τῆς ποιότητος δακνομένη· χρονίζον γὰρ ἕκαστον τῶν περιπτωμάτων ἐν τῷ σώματι σήπεται δηλονότι, τὸ μὲν ἐλάττονι, τὸ δὲ πλείονι

χρόνω, καὶ οὕτω δακνωδὲς τε καὶ δριμύ καὶ ἀνιαρὸν τοῖς περιέχουσι γίνεταί. οὐ μὴν ἐπὶ γε τῆς ἐπὶ τῷ ἥπατι κύστεως ὁμοίως ἔχει· ὧ δῆλον, ὅτι νεύρων ἥκιστα μετέχει. χρῆ δὲ κἀνταῦθα τὸν γε φυσικὸν ἄνδρα τὸ ἀνάλογον ἐξευρίσκειν. εἰ γὰρ ἔλκειν τε τὸν οἰκεῖον ἀπεδείχθη χυμὸν, ὡς φαίνεσθαι πολλάκις μεστήν, ἀποκρίνειν τε τὸν αὐτὸν τοῦτον οὐκ εἰς μακράν, ἀναγκαῖόν ἐστιν αὐτὴν ἢ διὰ τὸ πλῆθος βαρυνομένην ἢ τῆς ποιότητος μεταβαλλούσης ἐπὶ τὸ δακνωδὲς τε καὶ δριμύ τῆς ἀποκρίσεως ἐφίεσθαι. οὐ γὰρ δὴ τὰ μὲν σιτία τὴν ἀρχαίαν ὑπαλλάττει ποιότητα ταχέως οὕτως, ὥστ', ἐπειδὰν ἐμπέση τοῖς λεπτοῖς ἐντέροις, εὐθύς εἶναι κόπρον, ἢ χολή δ' οὐ πολὺ μᾶλλον ἢ τὸ οὔρον, ἐπειδὰν ἄπαξ ἐκπέση τῶν φλεβῶν, ἐξαλλάττει τὴν ποιότητα, τάχιστα μεταβάλλοντα καὶ σηπόμενα. καὶ μὴν εἴπερ ἐπὶ τε τῶν κατὰ τὰς ὑστέρας καὶ τὴν κοιλίαν καὶ τὰ ἔντερα καὶ προσέτι τὴν τὸ οὔρον ὑποδεχομένην κύστιν ἐναργῶς φαίνεται διάτασις τις ἢ δῆξις ἢ ἄχθος ἐπεγεῖρον ἕκαστον τῶν ὀργάνων εἰς ἀπόκρισιν, οὐδὲν χαλεπὸν καπὶ τῆς χοληδόχου κύστεως ταῦτ' ἐννοεῖν ἐπὶ τε τῶν ἄλλων ἀπάντων ὀργάνων, ἐξ ὧν δηλονότι καὶ αἱ ἀρτηρίαι καὶ αἱ φλέβες εἰσίν.

13. Οὐ μὴν οὐδὲ τὸ διὰ τοῦ αὐτοῦ πόρου τὴν θ' ὄλκην γίνεσθαι καὶ τὴν ἀπόκρισιν ἐν διαφέρουσι χρόνοις οὐδὲν ἔτι χαλεπὸν ἐξευρεῖν, εἴ γε καὶ τῆς γαστρὸς ὁ στόμαχος οὐ μόνον ἐδέσματα καὶ πόματα παράγων εἰς αὐτὴν, ἀλλὰ κἀν ταῖς ναυτίαις τὴν ἐναντίαν ὑπηρεσίαν ὑπηρετῶν ἐναργῶς

φαίνεται, καὶ τῆς ἐπὶ τῷ ἥπατι κύστεως ὁ ἀνὴρ εἷς ὢν ἅμα μὲν πληροῖ δι' αὐτοῦ τὴν κύστιν, ἅμα δ' ἐκκενοῖ, καὶ τῶν μητρῶν ὁ στόμαχος ὡσαύτως ὁδός ἐστιν εἴσω μὲν τοῦ σπέρματος, ἔξω δὲ τοῦ κυήματος. ἀλλὰ κἀνταῦθα πάλιν ἢ μὲν ἐκκριτικὴ δύναμις ἐναργής, οὐ μὴν ὁμοίως γ' αὐτῇ σαφῆς τοῖς πολλοῖς ἢ ἐλκτικὴ· ἀλλ' Ἰπποκράτης μὲν ἀρρώστου μήτρας αἰτιώμενος ἀνὴρα φησί· 'οὐ γὰρ δύναται αὐτέης ὁ στόμαχος εἰρύσαι τὴν γονήν'. Ἐρασίστρατος δὲ καὶ Ἀσκληπιάδης εἰς τοσοῦτον ἤκουσι σοφίας, ὥστ' οὐ μόνον τὴν κοιλίαν καὶ τὰς μήτρας ἀποστεροῦσι τῆς τοιαύτης δυνάμεως ἀλλὰ καὶ τὴν ἐπὶ τῷ ἥπατι κύστιν ἅμα τοῖς νεφροῖς. καίτοι γ' ὅτι μὴδ' εἰπεῖν δυνατὸν ἕτερον αἷτιον ἢ οὔρων ἢ χολῆς διακρίσεως, ἐν τῷ πρώτῳ δέδεικται λόγῳ. καὶ μήτραν οὖν καὶ γαστέρα καὶ τὴν ἐπὶ τῷ ἥπατι κύστιν δι' ἐνὸς καὶ ταύτου στόμαχου τὴν θ' ὀλκὴν καὶ τὴν ἀπόκρισιν εὐρίσκοντες ποιουμένας μηκέτι θαυμάζωμεν, εἰ καὶ διὰ τῶν φλεβῶν ἢ φύσις ἐκκρίνει πολλάκις εἰς τὴν γαστέρα περιττώματα. τούτου δ' ἔτι μᾶλλον οὐ χρὴ θαυμάζειν, εἰ, δι' ὧν εἰς ἥπαρ ἀνεδόθη φλεβῶν ἐκ γαστροῦ, αὐθις εἰς αὐτὴν ἐξ ἥπατος ἐν ταῖς μακροτέραις ἀσιτίαις ἔλκεσθαί τις δύναται τροφή. τὸ γὰρ τοῖς τοιοῦτοις ἀπιστεῖν ὁμοίον ἐστὶ δήπου τῷ μηκέτι πιστεῦειν μὴδ' ὅτι τὰ καθαίροντα φάρμακα διὰ τῶν αὐτῶν στομάτων ἐξ ὄλου τοῦ σώματος εἰς τὴν γαστέρα τοὺς οἰκείους ἐπισπᾶται χυμούς, δι' ὧν ἔμπροσθεν ἢ ἀνάδοσις ἐγένετο, ἀλλ' ἕτερα μὲν ζητεῖν ἀναδόσεως, ἕτερα δὲ καθάρσεως στόματα. καὶ μὴν εἴπερ ἐν καὶ ταῦτο

στόμα διτταῖς ὑπηρετεῖ δυνάμεσιν, ἐν διαφοροῖς χρόνοις εἰς τάναντία τὴν ὀλκὴν ποιουμέναις, ἔμπροσθεν μὲν τῆ κατὰ τὸ ἦπαρ, ἐν δὲ τῷ τῆς καθάρσεως καιρῷ τῆ τοῦ φαρμάκου, τί θαυμαστόν ἐστι διττὴν ὑπηρεσίαν τε καὶ χρεῖαν εἶναι ταῖς φλεβὶ ταῖς ἐν τῷ μέσῳ τεταγμέναις ἥπατός τε καὶ τῶν κατὰ τὴν κοιλίαν, ὥσθ', ὁπότε μὲν ἐν τούτοις ἄφθονος εἶη περιεχομένη τροφή, διὰ τῶν εἰρημένων εἰς ἦπαρ ἀναφέρεσθαι φλεβῶν, ὁπότε δ' εἶη κενὰ καὶ δεόμενα τρέφεσθαι, διὰ τῶν αὐτῶν αὐθις ἐξ ἥπατος ἔλκεσθαι; πᾶν γὰρ ἐκ παντός ἔλκειν φαίνεται καὶ παντὶ μεταδιδόναι καὶ μία τις εἶναι σύρροια καὶ σύμπνοια πάντων, καθάπερ καὶ τοῦθ' ὁ θειότατος Ἴπποκράτης εἶπεν. ἔλκει μὲν οὖν τὸ ἰσχυρότερον, ἐκκενουῖται δὲ τὸ ἀσθενέστερον. ἰσχυρότερον δὲ καὶ ἀσθενέστερον ἕτερον ἑτέρου μόριον ἢ ἀπλῶς καὶ φύσει καὶ κοινῇ πᾶσιν ἐστὶν ἢ ἰδίως τῷδέ τινα γίγνεται. φύσει μὲν καὶ κοινῇ πᾶσιν ἀνθρώποις θ' ἅμα καὶ ζώοις ἢ μὲν καρδία τοῦ ἥπατος, τὸ δ' ἦπαρ τῶν ἐντέρων τε καὶ τῆς γαστρὸς, αἱ δ' ἀρτηρίαι τῶν φλεβῶν ἐλκύσαι τε τὸ χρήσιμον ἑαυταῖς ἀποκρίναί τε τὸ μὴ τοιοῦτον ἰσχυρότεροι. καθ' ἕκαστον δ' ἡμῶν ἰδίως ἐν μὲν τῷδε τῷ καιρῷ τὸ ἦπαρ ἰσχυρότερον ἔλκειν, ἢ γαστήρ δ' ἐν τῷδε. πολλῆς μὲν γὰρ ἐν τῇ κοιλίᾳ περιεχομένης τροφῆς καὶ σφοδρῶς ὀρεγομένου τε καὶ χρήζοντος τοῦ ἥπατος, πάντως ἰσχυρότερον ἔλκει τὸ σπλάγχνον· ἔμπαλιν δὲ τοῦ μὲν ἥπατος ἐμπεπλησμένου τε καὶ διατεταμένου, τῆς γαστρὸς δ' ὀρεγομένης καὶ κενῆς ὑπαρχούσης ἢ τῆς ὀλκῆς ἰσχύς εἰς ἐκείνην μεθίσταται.

ὡς γάρ, εἰ κἂν ταῖς χερσί τινα σιτία κατέχοντες ἀλλήλων ἀρπάζοιμεν, εἰ μὲν ὁμοίως εἶημεν δεόμενοι, περιγίγνεσθαι τὸν ἰσχυρότερον εἰκόσ, εἰ δ' οὗτος μὲν ἐμπεπλησμένος εἶη καὶ διὰ τοῦτ' ἀμελῶς κατέχων τὰ περιττὰ ἢ καὶ τι μετὰδοῦναι ποθῶν, ὁ δ' ἀσθενέστερος ὀρέγοιτο δεινῶς, οὐδὲν ἂν εἶη κώλυμα τοῦ μὴ πάντα λαβεῖν αὐτόν, οὕτω καὶ ἡ γαστήρ ἐκ τοῦ ἥπατος ἐπισπᾶται ῥαδίως, ὅταν αὐτὴ μὲν ἰκανῶς ὀρέγηται τροφῆς, ἐμπεπλησμένον δ' ἦ τὸ σπλάγχχνον. καὶ τοῦ γε μὴ πεινῆν ἐνίοτε τὸ ζῶον ἢ περιουσία τῆς ἐν ἥπατι τροφῆς αἰτία· κρείττονα γὰρ ἔχουσα καὶ ἐτοιμοτέραν ἡ γαστήρ τροφήν οὐδὲν δεῖται τῆς ἕξωθεν· εἰ δέ γέ ποτε δέοιτο μὲν, ἀποροίη δέ, πληροῦται περιττωμάτων. ἰχώρες δέ τινές εἰσι ταῦτα χολώδεις τε καὶ φλεγματώδεις καὶ ὀρρώδεις, οὓς μόνους ἐλκούση μεθίησιν αὐτῇ τὸ ἥπαρ, ὅταν ποτὲ καὶ αὐτὴ δέηται τροφῆς. ὥσπερ οὖν ἐξ ἀλλήλων ἔλκει τὰ μόρια τροφήν, οὕτω καὶ ἀποτίθεται ποτ' εἰς ἄλληλα τὸ περιττὸν καὶ ὥσπερ ἐλκόντων ἐπλεονέκτει τὸ ἰσχυρότερον, οὕτω καὶ ἀποτιθεμένων καὶ τῶν γε καλουμένων ῥευμάτων ἦδε ἡ πρόφασις. ἕκαστον γὰρ τῶν μορίων ἔχει τινὰ τόνον σύμφυτον, ᾧ διωθεῖται τὸ περιττὸν. ὅταν οὖν ἐν ἐξ αὐτῶν ἀρρωστότερον γένηται κατὰ δὴ τινα διάθεσιν, ἐξ ἀπάντων εἰς ἐκεῖνο συρρεῖν ἀνάγκη τὰ περιττώματα. τὸ μὲν γὰρ ἰσχυρότατον ἐναποτίθεται τοῖς πλησίον ἅπασιν, ἐκείνων δ' αὖ πάλιν ἕκαστον εἰς ἕτερον ἅττα τῶν ἀσθενεστέρων, εἴτ' αὖθις ἐκείνων ἕκαστον εἰς ἄλλα καὶ τοῦτ' ἐπὶ πλεῖστον γίνεσθαι, μέχρι περ ἂν ἐξ ἀπάντων ἐλαυνόμενον τὸ

περίπτωση καθ' ἓν τι μείνη τῶν ἀσθενεστάτων· ἐντεῦθεν γὰρ οὐκέτ' εἰς ἄλλο δύναται μεταρρεῖν, ὡς ἂν μήτε δεχομένου τινὸς αὐτὸ τῶν ἰσχυροτέρων μήτ' ἀπόσασθαι δυναμένου τοῦ πεπονθότος. ἀλλὰ περὶ μὲν τῶν παθῶν τῆς γενέσεως καὶ τῆς ἰάσεως αὐθις ἡμῶν ἐπιδεικνύντων ἱκανὰ κἀξ ἐκείνων ἔσται λαβεῖν μαρτύρια τῶν ἐν τῷδε τῷ λόγῳ παντὶ δεδειγμένων ὀρθῶς. ὃ δ' ἐν τῷ παρόντι δεῖξαι προὔκειτο, πάλιν ἀναλάβωμεν, ὡς οὐδὲν θαυμαστὸν ἔξ ἥπατος ἦκειν τινὰ τροφήν ἐντέροις τε καὶ γαστρὶ διὰ τῶν αὐτῶν φλεβῶν, δι' ὧν ἔμπροσθεν ἔξ ἐκείνων εἰς ἥπαρ ἀνεδίδοτο. καὶ πολλοῖς ἀθρόως τε καὶ τελέως ἀποστᾶσιν ἰσχυρῶν γυμνασίων ἢ τι κῶλον ἀποκοπεῖσιν αἵματος [ἀθρόου] διὰ τῶν ἐντέρων γίγνεται κένωσις ἔκ τινων περιόδων, ὡς που καὶ Ἴπποκράτης ἔλεγεν, οὐδὲν μὲν ἄλλο λυποῦσα, καθαίρουσα δ' ὀξέως τὸ πᾶν σῶμα καὶ τὰς πλησμονὰς ἐκκενοῦσα, διὰ τῶν αὐτῶν δήπου φλεβῶν τῆς [ἔξω] φορᾶς τῶν περιπτῶν ἐπιτελουμένης, δι' ὧν ἔμπροσθεν ἢ ἀνάδοσις ἐγίγνετο. πολλάκις δ' ἐν νόσοις ἢ φύσις διὰ μὲν τῶν αὐτῶν δήπου φλεβῶν τὸ πᾶν ἐκκαθαίρει ζῶον, οὐ μὴν αἱματώδης γ' ἢ κένωσις αὐτοῖς, ἀλλὰ κατὰ τὸν λυποῦντα γίγνεται χυμὸν. οὕτω δὲ κἂν ταῖς χολέραις ἐκκενοῦται τὸ πᾶν σῶμα διὰ τῶν εἰς ἔντερά τε καὶ γαστέρα καθηκουσῶν φλεβῶν. τὸ δ' οἶσθαι μίαν εἶναι ταῖς ὕλαις φορὰν τελέως ἀγνοοῦντός ἐστι τὰς φυσικὰς δυνάμεις τὰς τ' ἄλλας καὶ τὴν ἐκκριτικὴν ἐναντίαν οὔσαν τῇ ἐλκτικῇ· ταῖς γὰρ ἐναντίαις δυνάμεσιν ἐναντίας κινήσεις τε καὶ

φορὰς τῶν ὑλῶν ἀναγκαῖον ἀκολουθεῖν. ἕκαστον γὰρ τῶν μορίων, ὅταν ἐλκύσῃ τὸν οἰκεῖον χυμὸν, ἔπειτα κατάσχη καὶ ἀπολαύσῃ, τὸ περιττὸν ἅπαν ἀποθέσθαι σπεύδει, καθότι μάλιστα δύναται τάχιστα θ' ἅμα καὶ κάλλιστα, κατὰ τὴν τοῦ περιττοῦ ῥοπήν. ὅθεν ἡ γαστήρ τὰ μὲν ἐπιπολάζοντα τῶν περιπτωμάτων ἐμέτοις ἐκκαθαίρει, τὰ δ' ὑφιστάμενα διαρροίαις. καὶ τό γε ναυτιῶδες γίνεσθαι τὸ ζῶον τοῦτ' ἔστιν ὀρμηῆσαι τὴν γαστέρα κενωθῆναι δι' ἐμέτου. οὕτω δὲ δὴ τι βίαιον καὶ σφοδρὸν ἢ ἐκκριτικὴ δύναμις ἔχει, ὥστ' ἐν τοῖς εἰλεοῖς, ὅταν ἀποκλεισθῇ τελέως ἢ κάτω διέξοδος, ἐμεῖται κόπρος. καίτοι πρὶν διελθεῖν τό τε λεπτὸν ἔντερον ἅπαν καὶ τὴν νῆστιν καὶ τὸν πυλωρὸν καὶ τὴν γαστέρα καὶ τὸν οἰσοφάγον οὐχ οἷόν τε διὰ τοῦ στόματος ἐκπεσεῖν οὐδενὶ τοιούτῳ περιπτώματι. τί δὴ θαυμαστόν, εἰ καὶ τῆς ἐσχάτης ἐπιφανείας τῆς κατὰ τὸ δέρμα μέχρι τῶν ἐντέρων τε καὶ τῆς γαστρὸς ἀφικνοῖτό τι μεταλαμβανόμενον, ὡς καὶ τοῦθ' Ἴπποκράτης ἡμᾶς ἐδίδαξεν, οὐ πνεῦμα μόνον ἢ περίπτωμα φάσκων ἀλλὰ καὶ τὴν τροφήν αὐτὴν ἐκ τῆς ἐσχάτης ἐπιφανείας αὐθις ἐπὶ τὴν ἀρχήν, ὅθεν ἀνηνέχθη, καταφέρεσθαι. ἐλάχισται γὰρ ῥοπαὶ κινήσεων τὴν ἐκκριτικὴν ταύτην οἰακίζουσι δύναμιν, ὡς ἂν διὰ τῶν ἐγκαρσίων μὲν ἰνῶν γιγνομένην, ὠκύτατα δὲ διαδιδομένην ἀπὸ τῆς κινήσεως ἀρχῆς ἐπὶ τὰ καταντικρὺ πέρατα. οὐκ οὐκ ἀπεικὸς οὐδ' ἀδύνατον ἀήθει ποτὲ ψύξει τὸ πρὸς τῷ δέρματι μόριον ἐξαίφνης πηληθὲν ἅμα μὲν ἀρρωστότερον αὐτὸ γενόμενον, ἅμα δ' οἷον ἄχθος τι μᾶλλον ἢ παρασκευὴν

θρέψεως ἔχον τὴν ἔμπροσθεν ἀλύπως αὐτῷ παρεσπαρμένην ὑγρότητα καὶ διὰ τοῦτ' ἀποθέσθαι σπεῦδον, ἅμα δὲ τῆς ἕξω φορᾶς ἀποκεκλεισμένης τῇ πυκνώσει, πρὸς τὴν λοιπὴν ἐπιστραφῆναι καὶ οὕτω βιασάμενον εἰς τὸ παρακείμενον αὐτῷ μόριον ἀθρώως ἀπώσασθαι τὸ περιττόν, ἐκεῖνο δ' αὖ πάλιν εἰς τὸ μετ' αὐτό, καὶ τοῦτο μὴ παύσασθαι γιγνόμενον, ἄχρις ἂν ἡ μετάληψις ἐπὶ τὰ ἐντὸς πέρατα τῶν φλεβῶν τελευτήσῃ. αἱ μὲν δὴ τοιαῦται κινήσεις θᾶπτον ἀποπαύονται, αἱ δ' ἀπὸ τῶν ἔνδοθεν διερευθίζόντων, ὡς ἔν τε τοῖς καθαίρουσι φαρμάκοις καὶ ταῖς χολέραις ἰσχυρότεραί τε πολὺ καὶ μονιμώτεραι γίνονται καὶ διαμένουσιν, ἔστ' ἂν καὶ ἡ περὶ τοῖς στόμασι τῶν ἀγγείων διάθεσις, ἢ τὸ πλησίον ἔλκουσα, παραμένη. αὕτη μὲν γὰρ τὸ συνεχές ἐκκενοῖ μόριον, ἐκεῖνο δ' αὖ τὸ μετ' αὐτὸ καὶ τοῦτ' οὐ παύεται μέχρι τῆς ἐσχάτης ἐπιφανείας, ὥστε διαδιδόντων τῶν ἐφεξῆς αἰεὶ μορίων ἑτέρων ἑτέροις τὸ πρῶτον πάθος ὠκύτατα δυκνεῖσθαι μέχρι τῶν ἐσχάτων. οὕτως οὖν ἔχει κατὰ τῶν εἰλεῶν. αὐτὸ μὲν γὰρ τὸ φλεγμαῖνον ἔντερον οὐτε τοῦ βάρους οὐτε τῆς δριμύτητος ἀνέχεται τῶν περιπτωμάτων καὶ διὰ τοῦτ' ἐκκρίνειν αὐτὰ σπεύδει καὶ ἀπωθεῖσθαι πορρωτάτω. κωλυόμενον δὲ κάτω ποιεῖσθαι τὴν δίωσιν, ὅταν ἐνταυθοῖ ποτε τὸ σφοδρότατον ἦ τῆς φλεγμονῆς, εἰς τὰ πλησιάζοντα τῶν ὑπερκειμένων ἐντέρων ἀπωθεῖται. καὶ οὕτως ἤδη κατὰ τὸ συνεχές τὴν ῥοπὴν τῆς ἐκκριτικῆς δυνάμεως ἄνω ποιησαμένης ἄχρι τοῦ στόματος ἐπανέρχεται τὰ περιπτώματα. ταῦτα μὲν οὖν δὴ καὶ τῶν νοσημάτων

λογισμοῖς ἐπὶ πλεόν εἰρήσεται. τὸ δ' ἐκ παντὸς εἰς πᾶν φέρεσθαί τι καὶ μεταλαμβάνεσθαι καὶ μίαν ἀπάντων εἶναι σύμπνοιάν τε καὶ σύρροϊαν, ὡς Ἴπποκράτης ἔλεγεν, ἥδη μοι δοκῶ δεδειχθαι σαφῶς καὶ μηκέτ' ἄν τινα, μηδ' εἰ βραδύς αὐτῷ νοῦς ἐνεΐη, περὶ τῶν τοιούτων ἀπορῆσαι μηδενός, οἷον ὅπως ἡ γαστήρ ἢ τὰ ἔντερα τρέφεται καὶ τίνα τρόπον ἐκ τῆς ἐσχάτης ἐπιφανείας εἴσω τι δικνεῖται. πάντων γὰρ τῶν μορίων ἔλκειν μὲν τὸ προσῆκόν τε καὶ φίλιον, ἀποκρίνειν δὲ τὸ βαρῦνον ἢ δάκνον ἐχόντων δύναμιν οὐδὲν θαυμαστὸν ἐναντίας συνεχῶς γίνεσθαι κινήσεις ἐν αὐτοῖς, ὥσπερ ἐπὶ τε τῆς καρδίας ὀραῖται σαφῶς καὶ τῶν ἀρτηριῶν ἀπασῶν καὶ τοῦ θώρακος καὶ τοῦ πνεύμονος. ἐπὶ μὲν γε τούτων ἀπάντων μόνον οὐ καθ' ἐκάστην καιροῦ ῥοπήν τὰς ἐναντίας κινήσεις θ' ἅμα τῶν ὀργάνων καὶ φορὰς τῶν ὑλῶν ἐναργῶς ἔστιν ἰδεῖν γιγνομένας. εἴτ' ἐπὶ μὲν τῆς τραχείας ἀρτηρίας οὐκ ἀπορεῖς ἐναλλάξ ποτὲ μὲν εἴσω παραγούσης εἰς τὸν πνεύμονα τὸ πνεῦμα, ποτὲ δ' ἔξω, καὶ τῶν κατὰ τὰς ῥίνας πόρων καὶ ὄλου τοῦ στόματος ὡσαύτως οὐδ' εἶναί σοι δοκεῖ θαυμαστὸν οὐδὲ παράδοξον, εἰ, δι' οὗ μικρῷ πρόσθεν εἴσω παρεκομίζετο τὸ πνεῦμα, διὰ τούτου νῦν ἐκπέμπεται, περὶ δὲ τῶν ἐξ ἥπατος εἰς ἔντερά τε καὶ γαστέρα καθηκουσῶν φλεβῶν ἀπορεῖς καὶ σοι θαυμαστὸν εἶναι φαίνεται, διὰ τῶν αὐτῶν ἀναδίδοσθαί θ' ἅμα τὴν τροφήν εἰς ἥπαρ ἔλκεσθαί τ' ἐξ ἐκείνου πάλιν εἰς γαστέρα; διόρισαι δὴ τὸ ἅμα τοῦτο ποτέρως λέγεις. εἰ μὲν γὰρ κατὰ τὸν αὐτὸν χρόνον, οὐδ' ἡμεῖς τοῦτό γέ φαμεν. ὥσπερ γὰρ εἰσπνέομεν ἐν ἑτέρῳ χρόνῳ καὶ

αὔθις πάλιν ἐν ἐτέρῳ ἀντεκπνέομεν, οὕτω καὶ τροφήν ἐν ἐτέρῳ μὲν χρόνῳ τὸ ἥπαρ ἐκ τῆς γαστροῦς, ἐν ἐτέρῳ δ' ἢ γαστήρ ἐκ τοῦ ἥπατος ἐπισπᾶται. εἰ δ' ὅτι καθ' ἐν καὶ ταῦτὸ ζῶον ἐν ὄργανον ἐναντίαις φοραῖς ὑλῶν ὑπηρετεῖ, τοῦτο σοι βούλεται δηλοῦν τὸ ἅμα καὶ τοῦτό σε ταράττει, τὴν τὴν εἰσπνοὴν ἰδὲ καὶ τὴν ἐκπνοήν. πάντως που καὶ αὗται διὰ μὲν τῶν αὐτῶν ὀργάνων γίνονται, τρόπῳ δὲ κινήσεώς τε καὶ φορᾶς τῶν ὑλῶν διαφέρουσιν. ὁ πνεύμων μὲν οὖν καὶ ὁ θώραξ καὶ ἀρτηρίαι αἱ τραχεῖαι καὶ αἱ λείαι καὶ καρδία καὶ στόμα καὶ ῥίνες ἐν ἐλαχίσταις χρόνου ῥοπαῖς εἰς ἐναντίας κινήσεις αὐτὰ τε μεταβάλλει καὶ τὰς ὕλας μεθίστησιν. αἱ δ' ἐξ ἥπατος εἰς ἔντερα καὶ γαστέρα καθήκουσαι φλέβες οὐκ ἐν οὕτῳ βραχέσι χρόνου μορίοις ἀλλ' ἐν πολλαῖς ἡμέραις ἅπαξ ἐνίοτε τὴν ἐναντίαν κινουῦνται κίνησιν. ἔχει γὰρ ὧδε τὸ σύμπαν. ἕκαστον τῶν ὀργάνων εἰς ἑαυτὸ τὴν πλησιάζουσαν ἐπισπᾶται τροφήν ἐκβοσκόμενον αὐτῆς ἅπασαν τὴν χρηστὴν νοτίδα, μέχρις ἂν ἱκανῶς κορεσθῆ, καὶ ταύτην, ὡς καὶ πρόσθεν ἐδείκνυμεν, ἐναποτίθεται ἑαυτῷ καὶ μετὰ ταῦτα προσφύει τε καὶ ὁμοιοῖ, τουτέστι τρέφεται. διώρισται γὰρ ἱκανῶς ἔμπροσθεν ἕτερόν τι τῆς θρέψεως ἐξ ἀνάγκης αὐτῆς προηγούμενον ἢ πρόσφυσις ὑπάρχειν, ἐκείνης δ' ἔτι πρότερον ἢ πρόσθεσις. ὥσπερ οὖν τοῖς ζῴοις αὐτοῖς ὄρος ἐστὶ τῆς ἐδωδῆς τὸ πληρῶσαι τὴν γαστέρα, κατὰ τὸν αὐτὸν τρόπον ἑκάστῳ τῶν μορίων ὄρος ἐστὶ τῆς προσθέσεως ἢ πλήρωσις τῆς οἰκείας ὑγρότητος. ἐπεὶ τοίνυν ἅπαν μόριον τῆ γαστρὶ ὁμοίως ὀρέγεται τρέφεσθαι,

καὶ περιπτύσσεται τῇ τροφῇ καὶ οὕτω σφίγγει πανταχόθεν αὐτὴν ὡς ἡ γαστήρ. ἔπεται δ' ἕξ ἀνάγκης τούτῳ, καθάπερ καὶ πρόσθεν ἐρρέθη, τὸ πέττεσθαι τοῖς σιτίοις, τῆς γαστρὸς οὐ διὰ τοῦτο περιστελλομένης αὐτοῖς, ἴν' ἐπιτήδεια τοῖς ἄλλοις ἐργάσῃται μορίοις· οὕτω γὰρ ἂν οὐκέτι φυσικὸν ὄργανον ἀλλὰ ζῳὸν τι γίγνοιτο λογισμὸν τε καὶ νοῦν ἔχον, ὡς αἰρεῖσθαι τὸ βέλτιον· ἀλλ' αὕτη μὲν περιστέλλεται τῷ τὸ πᾶν σῶμα δύναμιν ἐλκτικὴν τινα καὶ ἀπολαυστικὴν κεκτῆσθαι τῶν οἰκείων ποιότητων, ὡς ἔμπροσθεν ἐδείκνυτο· συμβαίνει δ' ἐν τούτῳ τοῖς σιτίοις ἀλλοιοῦσθαι. καὶ μέντοι καὶ πληρωθεῖσα τῆς ἕξ αὐτῶν ὑγρότητος καὶ κορεσθεῖσα βάρους ἡγεῖται τὸ λοιπὸν αὐτά. τὸ περιπτὸν οὖν εὐθύς ἀποτρίβεται τε καὶ ὠθεῖ κάτω πρὸς ἕτερον ἔργον αὐτὴν τρεπομένη, τὴν πρόσφυσιν. ἐν δὲ τούτῳ τῷ χρόνῳ διερχομένη τὸ ἔντερον ἅπαν ἡ τροφή διὰ τῶν εἰς αὐτὸ καθηκόντων ἀγγείων ἀναρπάζεται, πλείστη μὲν εἰς τὰς φλέβας, ὀλίγη δὲ τις εἰς τὰς ἀρτηρίας, ὡς μικρὸν ὕστερον ἀποδείξομεν. ἐν τούτῳ δ' αὖ τῷ χρόνῳ καὶ τοῖς τῶν ἐντέρων χιτῶσι προστίθεται. καὶ μοι τεμῶν ἤδη τῷ λογισμῷ τὴν τῆς τροφῆς οἰκονομίαν ἅπασαν εἰς τρεῖς μοίρας χρόνων ἐν μὲν τῇ πρώτῃ νόει μένουσάν θ' ἅμα κατὰ τὴν κοιλίαν αὐτὴν καὶ πεττομένην καὶ προστιθεμένην εἰς κόρον τῇ γαστρὶ καὶ τι καὶ τῷ ἥπατι παρ' αὐτῆς ἀναφερόμενον· ἐν δὲ τῇ δευτέρᾳ διερχομένην τὰ τ' ἔντερα καὶ προστιθεμένην εἰς κόρον αὐτοῖς τε τούτοις καὶ τῷ ἥπατι καὶ τι βραχὺ μέρος αὐτῆς πάντη τοῦ σώματος φερόμενον· ἐν δὲ δὴ τούτῳ τῷ καιρῷ τὸ προστεθὲν ἐν τῷ

πρώτῳ χρόνῳ προσφύεσθαι νόει τῇ γαστρί· κατὰ δὲ τὴν τρίτην μοῖραν τοῦ χρόνου τρέφεσθαι μὲν ἤδη τὴν κοιλίαν ὁμοιώσασαν ἑαυτῇ τελέως τὰ προσφύοντα, πρόσφυσιν δὲ τοῖς ἐντέροις καὶ τῷ ἥπατι γίνεσθαι τῶν προστεθέντων, ἀνάδοσιν δὲ πάντῃ τοῦ σώματος καὶ πρόσθεσιν. εἰ μὲν οὖν ἐπὶ τούτοις εὐθέως τὸ ζῶον λαμβάνοι τροφήν, ἐν ᾧ πάλιν ἡ γαστήρ χρόνῳ πέττει τε ταύτην καὶ ἀπολαύει προστιθεῖσα πᾶν ἐξ αὐτῆς τὸ χρηστὸν τοῖς ἑαυτῆς χιτῶσι, τὰ μὲν ἔντερα τελέως ὁμοιώσει τὸν προσφύοντα χυμὸν, ὡσαύτως δὲ καὶ τὸ ἥπαρ. ἐν ὅλῳ δὲ τῷ σώματι πρόσφυσις τῶν προστεθέντων τῆς τροφῆς ἔσται μορίων. εἰ δ' ἄσιτος ἀναγκάζεται μένειν ἢ γαστήρ ἐν τούτῳ τῷ χρόνῳ, παρὰ τῶν ἐν μεσεντερίῳ τε καὶ ἥπατι φλεβῶν ἔλξει τὴν τροφήν· οὐ γὰρ ἐξ αὐτοῦ γε τοῦ σώματος τοῦ ἥπατος. λέγω δὲ σῶμα τοῦ ἥπατος αὐτὴν τε τὴν ἰδίαν αὐτοῦ σάρκα πρώτην καὶ μάλιστα, μετὰ δὲ τήνδε καὶ τῶν ἀγγείων ἕκαστον τῶν κατ' αὐτό. τὸν μὲν γὰρ ἐν ἐκάστῳ τῶν μορίων ἤδη περιεχόμενον χυμὸν οὐκέτ' εὐλόγον ἀντισπᾶν ἐτέρῳ μορίῳ καὶ μάλισθ' ὅταν ἤδη πρόσφυσις ἢ ἐξομοίωσις αὐτοῦ γίγνηται. τὸν δ' ἐν ταῖς εὐρυχωρίαις τῶν φλεβῶν τὸ μᾶλλον ἰσχύον θ' ἅμα καὶ δεόμενον ἀντισπᾶ μόριον. οὕτως οὖν καὶ ἡ γαστήρ ἐν ᾧ χρόνῳ δεῖται μὲν αὐτὴ τροφῆς, ἐσθίει δ' οὐδέπω τὸ ζῶον, ἐν τούτῳ τῶν κατὰ τὸ ἥπαρ ἐξαρπάζει φλεβῶν. ἐπεὶ δὲ καὶ τὸν σπλῆνα διὰ τῶν ἔμπροσθεν ἐδείκνυμεν ὅσον ἐν ἥπατι παχύτερον ἔλκοντα κατεργάζεσθαι τε καὶ μεταβάλλειν ἐπὶ τὸ χρηστότερον, οὐδὲν οὐδ' ἐνταῦθα θαυμαστὸν ἔλκεσθαι τι

καὶ τοῦ σπληνὸς εἰς ἕκαστον τῶν κοινωνούντων αὐτῷ κατὰ τὰς φλέβας ὀργάνων, οἷον εἰς ἐπίπλοον καὶ μεσεντέριον καὶ λεπτὸν ἔντερον καὶ κῶλον καὶ αὐτὴν τὴν γαστέρα· κατὰ δὲ τὸν αὐτὸν τρόπον ἐξερεύγεσθαι μὲν εἰς τὴν γαστέρα τὸ περίπτωμα καθ' ἕτερον χρόνον, αὐτὸν δ' αὔθις ἐκ τῆς γαστρὸς ἔλκειν τι τῆς οἰκείας τροφῆς ἐν ἑτέρῳ καιρῷ· καθόλου δ' εἰπεῖν, ὃ καὶ πρόσθεν ἤδη λέλεκται, πᾶν ἐκ παντὸς ἔλκειν τε καὶ πέμπειν ἐγχωρεῖ κατὰ διαφέροντας χρόνους, ὁμοιοτάτου γιγνομένου τοῦ συμβαίνοντος, ὡς εἰ καὶ ζῶα νοήσαις πολλὰ τροφήν ἄφθονον ἐν κοινῷ κατακειμένην, εἰς ὅσον βούλεται, προσφερόμενα. καθ' ὃν γὰρ ἤδη πέπαιται χρόνον ἕτερα, κατὰ τοῦτον εἰκὸς ἐσθίειν ἕτερα, καὶ μέλλειν γε τὰ μὲν παύεσθαι, τὰ δ' ἄρχεσθαι, καὶ τινα μὲν συνεσθίοντα, τὰ δ' ἀνὰ μέρος ἐσθίοντα καὶ ναὶ μὰ Δία γε τὸ ἕτερον ἀρπάζειν θατέρου πολλάκις, εἰ τὸ μὲν ἕτερον ἐπιδέοιτο, τῷ δ' ἀφθόνως παρακέοιτο. καὶ οὕτως οὐδὲν θαυμαστὸν οὔτ' ἐκ τῆς ἐσχάτης ἐπιφανείας εἴσω τι πάλιν ὑποστρέφειν οὔτε διὰ τῶν αὐτῶν ἀγγείων ἐξ ἥπατός τε καὶ σπληνὸς εἰς κοιλίαν ἀνενεχθῆναι τι, δι' ὧν ἐκ ταύτης εἰς ἐκεῖνα πρότερον ἀνηνέχθη. κατὰ μὲν γὰρ τὰς ἀρτηρίας ἱκανῶς ἐναργῆς τὸ τοιοῦτον, ὥσπερ καὶ κατὰ τὴν καρδίαν τε καὶ τὸν θώρακα καὶ τὸν πνεῦμονα. τούτων γὰρ ἀπάντων διαστελλομένων τε καὶ συστελλομένων ἐναλλάξ ἀναγκαῖον, ἐξ ὧν εἰλκύσθη τι πρότερον, εἰς ταῦθ' ὕστερον ἐκπέμπεσθαι. καὶ ταύτην ἄρα τὴν ἀνάγκην ἡ φύσις προγιγνώσκουσα τοῖς ἐν τῇ καρδίᾳ στόμασι τῶν ἀγγείων ὑμένας ἐπέφουσε

κωλύσοντας εἰς τοῦπίσω φέρεσθαι τὰς ὕλας. ἀλλ' ὅπως μὲν τοῦτο γίνεται καὶ καθ' ὄντινα τρόπον, ἐν τοῖς περιχρείας μορίων εἰρήσεται δεικνύντων ἡμῶν τὰ τ' ἄλλα καὶ ὡς ἀδύνατον οὕτως ἀκριβῶς κλείεσθαι τὰ στόματα τῶν ἀγγείων, ὡς μηδὲν παλινδρομεῖν. εἰς μὲν γὰρ τὴν ἀρτηρίαν τὴν φλεβώδη, καὶ γὰρ καὶ τοῦτ' ἐν ἐκείνοις δειχθήσεται, πολὺ πλέον ἢ διὰ τῶν ἄλλων στομάτων εἰς τοῦπίσω πάλιν ἀναγκαῖον ἐπανέρχεσθαι. τὸ δ' εἰς τὰ παρόντα χρήσιμον, ὡς οὐκ ἐνδέχεται τι τῶν αἰσθητῶν καὶ μεγάλην ἐχόντων εὐρύτητα μὴ οὐκ ἦτοι διαστελλόμενον ἔλκειν ἐξ ἀπάντων τῶν πλησίον ἢ ἐκθλίβειν αὐθις εἰς ταῦτα συστελλόμενον ἔκ τε τῶν ἤδη προειρημένων ἐν τῷδε τῷ λόγῳ σαφὲς ἂν εἴη κἀξ ὧν Ἐρασίστρατος τε καὶ ἡμεῖς ἐτέρωθι περὶ τῆς πρὸς τὸ κενούμενον ἀκολουθίας ἐδείξαμεν.

14. Ἄλλὰ μὴν καὶ ὡς ἐν ἐκάστη τῶν ἀρτηριῶν ἐστὶ τις δύναμις ἐκ τῆς καρδίας ἐπιρρέουσα, καθ' ἣν διαστέλλονται τε καὶ συστέλλονται, δέδεικται δι' ἐτέρων. εἶπερ οὖν συνθείης ἅμφω τό τε ταύτην εἶναι τὴν κίνησιν αὐταῖς τό τε πᾶν τὸ διαστελλόμενον ἔλκειν ἐκ τῶν πλησίον εἰς ἑαυτό, θαυμαστὸν οὐδὲν σοι φανεῖται τὰς ἀρτηρίας, ὅσαι μὲν εἰς τὸ δέρμα περαίνουσιν αὐτῶν, ἐπισπᾶσθαι τὸν ἔξωθεν ἀέρα διαστελλόμενας, ὅσαι δὲ κατὰ τι πρὸς τὰς φλέβας ἀνεστόμονται, τὸ λεπτότατον ἐν αὐταῖς καὶ ἀτμωδέστατον ἐπισπᾶσθαι τοῦ αἵματος, ὅσαι δ' ἐγγὺς τῆς καρδίας εἰσίν, ἐξ αὐτῆς ἐκείνης ποιεῖσθαι τὴν ὀλκὴν. ἐν γὰρ τῇ πρὸς τὸ κενούμενον ἀκολουθίᾳ τὸ κουφότατόν τε καὶ

λεπτότατον ἔπεται πρῶτον τοῦ βαρυτέρου τε καὶ παχυτέρου·
κουφότατον δ' ἐστὶ καὶ λεπτότατον ἅπαντων τῶν κατὰ τὸ
σῶμα πρῶτον μὲν τὸ πνεῦμα, δεύτερον δ' ὁ ἀτμός, ἐπὶ
τούτῳ δὲ τρίτον, ὅσον ἂν ἀκριβῶς ἦ κατειργασμένον τε
καὶ λελεπτυσμένον αἷμα. ταῦτ' οὖν εἰς ἑαυτὰς ἔλκουσιν
αἱ ἀρτηρίαι πανταχόθεν, αἱ μὲν εἰς τὸ δέρμα καθήκουσαι
τὸν ἕξωθεν ἀέρα· πλησίον τε γὰρ αὐταῖς οὗτός ἐστι καὶ
κουφότατος ἐν τοῖς μάλιστα· τῶν δ' ἄλλων ἢ μὲν ἐπὶ τὸν
τράχηλον ἐκ τῆς καρδίας ἀνιούσα καὶ ἢ κατὰ ράχιν, ἤδη
δὲ καὶ ὅσαι τούτων ἐγγὺς ἐξ αὐτῆς μάλιστα τῆς καρδίας·
ὅσαι δὲ καὶ τῆς καρδίας πορρωτέρω καὶ τοῦ δέρματος,
ἔλκειν ταύταις ἀναγκαῖον ἐκ τῶν φλεβῶν τὸ κουφότατον
τοῦ αἵματος· ὥστε καὶ τῶν εἰς τὴν γαστέρα τε καὶ τὰ ἔντερα
καθηκουσῶν ἀρτηριῶν [ἀπὸ τῶν ἐπὶ τῇ ράχει πεφυκυιῶν
ἀπασῶν] τὴν ὀλκὴν ἐν τῷ διαστέλλεσθαι γίνεσθαι παρά
τε τῆς καρδίας αὐτῆς καὶ τῶν παρακειμένων αὐτῇ φλεβῶν
παμπόλλων οὐσῶν. οὐ γὰρ δὴ ἔκ γε τῶν ἐντέρων καὶ τῆς
κοιλίας τροφὴν οὕτω παχεῖάν τε καὶ βαρεῖαν ἐν ἑαυτοῖς
ἐχόντων δύνανται τι μεταλαμβάνειν, ὅ τι καὶ ἄξιον λόγου,
φθάνουσαι πληροῦσθαι τοῖς κουφοτέροις. οὐδὲ γὰρ εἰ
καθεὶς ἀυλίσκον εἰς ἀγγεῖον ὕδατός τε καὶ ψάμμου πληρὴς
ἐπισπάσαιο τῷ στόματι τὸν ἐκ τοῦ ἀυλίσκου ἀέρα, δύναιτ'
ἂν ἀκολουθῆσαί σοι πρὸ τοῦ ὕδατος ἢ ψάμμος· αἰεὶ γὰρ ἐν
τῇ πρὸς τὸ κενούμενον ἀκολουθίᾳ τὸ κουφότερον ἔπεται
πρότερον.

15. Οὐκουν χρή θαυμάζειν, εἰ παντελῶς ὀλίγον ἐκ

τῆς κοιλίας, ὅσον ἂν ἀκριβῶς ἦ κατειργασμένον, εἰς τὰς ἀρτηρίας παραγίγνεται φθανούσας πληροῦσθαι τῶν κουφοτέρων, ἀλλ' ἐκεῖνο γινώσκειν, ὡς δὴ ἔσθ' ὄλκῃς εἶδη, τὸ μὲν τῇ πρὸς τὸ κενούμενον ἀκολουθία, τὸ δ' οἰκειότητι ποιότητος γιγνόμενον· ἐτέρως μὲν γὰρ εἰς τὰς φύσας ὁ ἀήρ, ἐτέρως δ' ὁ σίδηρος ὑπὸ τῆς ἡρακλείας ἐπισπᾶται λίθου· καὶ ὡς ἡ μὲν πρὸς τὸ κενούμενον ἀκολουθία τὸ κουφότερον ἔλκει πρότερον, ἡ δὲ κατὰ τὴν τῆς ποιότητος οἰκειότητα πολλάκις, εἰ οὕτως ἔτυχε, τὸ βαρύτερον, ἂν τῇ φύσει συγγενέστερον ὑπάρχη. καὶ τοίνυν καὶ ταῖς ἀρτηρίαις τε καὶ τῇ καρδίᾳ, ὡς μὲν κοίλοις τε καὶ διαστέλλεσθαι δυναμένοις ὀργάνοις, ἀεὶ τὸ κουφότερον ἀκολουθεῖ πρότερον, ὡς δὲ τρέφεσθαι δεομένοις, εἰς αὐτοὺς τοὺς χιτῶνας, οἳ δὴ τὰ σώματα τῶν ὀργάνων εἰσὶν, ἔλκεται τὸ οἰκεῖον. ὅσον ἂν οὖν εἰς τὴν κοιλότητα διαστελλομένων αὐτῶν αἵματος μεταληφθῆ, τούτου τὸ οἰκειότατόν τε καὶ μάλιστα τρέφειν δυνάμενον οἳ χιτῶνες αὐτοὶ τῶν ἀγγείων ἐπισπῶνται. τοῦ δ' ἐκ τῶν φλεβῶν εἰς τὰς ἀρτηρίας μεταλαμβάνεσθαι τι πρὸς τοῖς εἰρημένοις ἱκανὸν καὶ τοῦτο γε τεκμήριον. εἰ πολλὰς καὶ μεγάλας ἀρτηρίας διατεμῶν ἀποκτεῖναι τὸ ζῶον [δι' ἐκείνων] βουληθείης, εὐρήσεις αὐτοῦ τὰς φλέβας ὁμοίως ταῖς ἀρτηρίαις ἐκκενουμένας, οὐκ ἂν τούτου ποτὲ γενομένου χωρὶς τῶν πρὸς ἀλλήλας αὐταῖς ἀναστομώσεων. ὡσαύτως δὲ καὶ κατ' αὐτὴν τὴν καρδίαν ἐκ τῆς δεξιᾶς κοιλίας εἰς τὴν ἀριστερὰν ἔλκεται τὸ λεπτότατον ἔχοντός τινα τρήματα τοῦ μέσου διαφράγματος

αὐτῶν, ἃ μέχρι μὲν πλείστου δυνατὸν ἐστὶν ἰδεῖν, οἷον βοθύνους τινὰς ἔξ εὐρυτέρου στόματος ἀεὶ καὶ μᾶλλον εἰς στενότερον προΐόντας. οὐ μὴν αὐτὰ γε τὰ ἔσχατα πέρατα δυνατὸν ἔτι θεάσασθαι διὰ τε σμικρότητα καὶ ὅτι τεθνεῶτος ἤδη τοῦ ζώου κατέψυκταί τε καὶ πεπύκνωται πάντα. ἀλλ' ὁ λόγος κἀνταῦθα πρῶτον μὲν ἐκ τοῦ μηδὲν ὑπὸ τῆς φύσεως γίνεσθαι μάτην ὀρμώμενος ἐξευρίσκει τὰς ἀναστομώσεις ταύτας τῶν κοιλιῶν τῆς καρδίας· οὐ γὰρ δὴ εἰκῆ γε καὶ ὡς ἔτυχεν οἱ ἐς στενὸν οὕτω τελευτῶντες ἐγένοντο βόθυνοι· δεύτερον δὲ κὰκ τοῦ δυοῖν ὄντοιιν στομάτοιιν ἐν τῇ δεξιᾷ τῆς καρδίας κοιλίᾳ τοῦ μὲν εἰσάγοντος τὸ αἷμα, τοῦ δ' ἐξάγοντος πολὺ μείζον εἶναι τὸ εἰσάγον. ὡς γὰρ οὐ παντὸς τοῦ αἵματος, ὅσον ἢ κοίλη φλέψ δίδωσι τῇ καρδίᾳ, πάλιν ἔξ ἐκείνης ἐκπεμπομένου τῷ πνεύμονι, μείζων ἐστὶν ἢ ἀπὸ τῆς κοίλης εἰς αὐτὴν ἔμφυσις τῆς ἐμφυομένης εἰς τὸν πνεύμονα φλεβός. οὐδὲ γὰρ τοῦτ' ἐστὶν εἰπεῖν, ὡς ἐδαπανήθη τι τοῦ αἵματος εἰς τὴν αὐτοῦ τοῦ σώματος τῆς καρδίας θρέψιν. ἑτέρα γὰρ ἐστὶ φλέψ ἢ εἰς ἐκεῖνο κατασχιζομένη μήτε τὴν γένεσιν ἐκ τῆς καρδίας αὐτῆς μήτε τὴν τοῦ αἵματος ἔχουσα μετάληψιν. εἰ δὲ καὶ δαπανᾶται τι, ἀλλ' οὐ τοσοῦτόν γε μείων ἐστὶν ἢ εἰς τὸν πνεύμονα φλέψ ἄγουσα τῆς εἰς τὴν καρδίαν ἐμφυομένης, ὅσον εἰκὸς εἰς τὴν τροφήν ἀνηλωσθαι τῆς καρδίας, ἀλλὰ πλέον πολλῶ. δῆλον οὖν, ὡς εἰς τὴν ἀριστεράν τι μεταλαμβάνεται κοιλίαν. καὶ γὰρ οὖν καὶ τῶν κατ' ἐκείνην ἀγγείων δυοῖν ὄντων ἔλαττόν ἐστι πολλῶ τὸ ἐκ τοῦ πνεύμονος εἰς αὐτὴν εἰσάγον τὸ πνεῦμα τῆς ἐκφυομένης

ἀρτηρίας τῆς μεγάλης, ἀφ' ἧς αἱ κατὰ τὸ σῶμα σύμπασαι πεφύκασιν, ὡς ἂν μὴ μόνον ἐκ τοῦ πνεύμονος πνεῦμα μεταλαμβάνουσης αὐτῆς, ἀλλὰ καὶ τῆς δεξιᾶς κοιλίας αἷμα διὰ τῶν εἰρημένων ἀναστομώσεων. ὅτι δ' ἄμεινον ἦν τοῖς τοῦ σώματος μορίοις τοῖς μὲν ὑπὸ καθαροῦ καὶ λεπτοῦ καὶ ἀτμώδους αἵματος τρέφεσθαι, τοῖς δ' ὑπὸ παχέος καὶ θολεροῦ καὶ ὡς οὐδ' ἐνταῦθά τι παρεώραται τῇ φύσει, τῆς περὶ χρείας μορίων πραγματείας ἐστίν, ὥστ' οὐ χρὴ νῦν ὑπὲρ τούτων ἔτι λέγειν, ἀλλ' ὑπομνήσαντας, ὡς δύο ἐστὸν ὀλκῆς εἶδη, τῶν μὲν εὐρείαις ὁδοῖς ἐν τῷ διαστέλλεσθαι τῇ πρὸς τὸ κενούμενον ἀκολουθίᾳ τὴν ἔλξιν ποιουμένων, τῶν δ' οἰκειότητι ποιότητος, ἐφεξῆς λέγειν, ὡς τὰ μὲν πρότερα καὶ πόρρωθεν ἔλκειν τι δύναται, τὰ δὲ δεύτερα ἐκ τῶν ἐγγυτάτω μόνων. αὐλίσκον μὲν γὰρ ὅτι μήκιστον εἰς ὕδωρ ἔνεστι καθέντα ῥαδίως ἀνασπᾶν εἰς τὸ στόμα δι' αὐτοῦ τὸ ὑγρόν· οὐ μὴν εἴ γ' ἐπὶ πλέον ἀπαγάγοις τῆς ἡρακλείας λίθου τὸν σίδηρον ἢ τοὺς πυροὺς τοῦ κεραμίουλοῖς ὄχετοῖς μικροῖς ἀπὸ τοῦ μεγάλου τετμημένοις εἰς ἕκαστον μέρος τοῦ κήπου τὴν ἐπίρρυσιν τοῦ ὕδατος ἐπιτεχνᾶσθαι· καὶ τηλικαῦτά γε τὰ μεταξὺ διαστήματα τούτων τῶν μικρῶν ὄχετῶν ποιούσιν, ἠλίκα μάλιστα νομίζουσιν ἀρκεῖν εἰς τὸ ἱκανῶς ἀπολαύειν ἔλκοντα τῆς ἐκατέρωθεν αὐτοῖς ἐπιρρεούσης ὑγρότητος. οὕτως οὖν ἔχει κἂν τοῖς τῶν ζώων σώμασιν. ὄχετοῖ πολλοὶ κατὰ πάντα τὰ μέλη διεσπαρμένοι παράγουσιν αὐτοῖς αἷμα καθάπερ ἐν κήποις ὕδρειαν τινά. καὶ τούτων τῶν ὄχετῶν τὰ μεταξὺ διαστήματα θαυμαστῶς ὑπὸ τῆς

φύσεως εὐθύς ἐξ ἀρχῆς διατέτακται πρὸς τὸ μήτ' ἐνδεῶς χορηγεῖσθαι τοῖς μεταξὺ μορίοις ἔλκουσιν εἰς ἑαυτὰ τὸ αἷμα μήτε κατακλύζεσθαι ποτ' αὐτὰ πλήθει περιττῆς ὑγρότητος ἀκαίρως ἐπιρρεούσης. ὁ γὰρ δὴ τρόπος τῆς θρέψεως αὐτῶν τοιόσδε τίς ἐστι. τοῦ συνεχοῦς ἑαυτῷ σώματος, οἷόνπερ τὸ ἀπλοῦν ἀγγεῖον Ἐρασίστρατος ὑποτίθεται, τὰ μὲν ἐπιπολῆς μέρη πρῶτα τῆς ὀμιλούσης ἀπολαύει τροφῆς· ἐκ δὲ τούτων αὐτὸ μεταλαμβάνει κατὰ τὸ συνεχές ἔλκοντα τὰ τούτων ἐξῆς, εἴτ' ἐξ ἐκείνων αὐθις ἕτερα καὶ τοῦτ' οὐ παύεται γιγνόμενον, ἄχρις ἂν εἰς ἅπαντ' αὐτοῦ διαδοθῇ τὰ μόρια τῆς τρεφούσης οὐσίας ἢ ποιότης. ὅσα δὲ τῶν μορίων ἐπὶ πλεόν ἄλλοιουμένου δεῖται τοῦ μέλλοντος αὐτὰ θρέψειν χυμοῦ, τούτοις ὥσπερ τι ταμιεῖον ἢ φύσις παρεσκεύασεν ἦτοι κοιλίας ἢ σήραγγας ἢ τι ταῖς σήραγγιν ἀνάλογον. αἱ μὲν γὰρ σάρκες αἶτε τῶν σπλάγχχνων ἀπάντων αἶτε τῶν μυῶν ἐξ αἵματος αὐτοῦ τρέφονται βραχεῖαν ἀλλοίωσιν δεξαμένου. τὰ δ' ὅσα παμπόλλης ἐν τῷ μεταξὺ δεῖται τῆς μεταβολῆς, ἵνα τραφῇ, καὶ ἔστιν οἷόνπερ τὸ αἷμα ταῖς σαρκί, τοιοῦτος ὁ μυελὸς τοῖς ὀστοῖς ἐν μὲν τοῖς μικροῖς τε καὶ ἀκοιλίοις κατὰ τὰς σήραγγας αὐτῶν διεσπαρμένος, ἐν δὲ τοῖς μείζοσι τε καὶ κοιλίας ἔχουσιν ἐν ἐκείναις ἠθροισμένος. ὥς γὰρ καὶ διὰ τοῦ πρώτου γράμματος ἐδείκνυτο, τοῖς μὲν ὁμοίαν ἔχουσι τὴν οὐσίαν εἰς ἄλληλα μεταβάλλειν ἐγγωρεῖ, τοῖς δὲ πάμπολυ διεστῶσιν ἀμήχανον ἀλλήλοις ὁμοιωθῆναι χωρὶς τῶν ἐν μέσῳ μεταβολῶν. τοιοῦτόν τι καὶ τοῖς χόνδροις ἐστὶ τὸ περικεχυμένον μυξῶδες καὶ τοῖς συνδέσμοις καὶ τοῖς

ὕμεσι καὶ τοῖς νεύροις τὸ παρεσπαρμένον ἐν αὐτοῖς ὑγρὸν γλίσχρον· ἕκαστον γὰρ τούτων ἕξ ἰνῶν σύγκειται πολλῶν, αἴπερ ὁμοιομερεῖς τ' εἰσὶ καὶ ὄντως αἰσθητὰ στοιχεῖα. κατὰ δὲ τὰς μεταξὺ χώρας αὐτῶν ὁ οἰκειότατος εἰς θρέψιν παρέσπαρται χυμός, ὃν εἴλκυσαν μὲν ἐκ τῶν φλεβῶν τοῦ αἵματος, ὅσον οἶόν τ' ἦν ἐκλεξάμενοι τὸν ἐπιτηδειότατον, ἕξομοιοῦσι δὲ κατὰ βραχὺ καὶ μεταβάλλουσιν εἰς τὴν ἑαυτῶν οὐσίαν. ἅπαντ' οὖν ταῦτα καὶ ἀλλήλοις ὁμολογεῖ καὶ τοῖς ἔμπροσθεν ἀποδεδειγμένοις ἱκανῶς μαρτυρεῖ καὶ οὐ χρὴ μῆκύνειν ἔτι τὸν λόγον· ἐκ γὰρ τῶν εἰρημένων ἔνεστιν ἐκάστω τὰ κατὰ μέρος ἅπαντα καθ' ὄντινα γίνεται τρόπον ἕξευρίσκειν ἐτοιμῶς, ὥσπερ καὶ διὰ τί πολλοῖς κωθωνιζομένοις πάμπολυ τάχιστα μὲν ἀναδίδοται τὸ ποθὲν, οὐρεῖται δ' ὀλίγου δεῖν ἅπαν ἐντὸς οὐ πολλοῦ χρόνου. καὶ γὰρ κἀνταῦθα τῇ τε τῆς ποιότητος οἰκειότητι καὶ τῇ τῆς ὑγρότητος λεπτότητι καὶ τῇ τῶν ἀγγείων τε καὶ τῶν κατ' αὐτὰ στομάτων εὐρύτητι καὶ τῇ τῆς ἐλκτικῆς δυνάμεως εὐρωστία τὸ τάχος συντελεῖται τῆς ἀναδόσεως, τῶν μὲν πλησίον τῆς κοιλίας τεταγμένων μορίων οἰκειότητι ποιότητος ἑαυτῶν ἕνεκα ἐλκόντων τὸ πόμα, τῶν δ' ἕξις τούτοις ἕξαρπαζόντων καὶ αὐτῶν εἰς ἑαυτὰ κᾶπειτα τῶν ἐφεξῆς πάλιν ἐκ τούτων μεταλαμβάνόντων, ἄχρις ἂν εἰς τὴν κοίλην ἀφίκηται φλέβα, τοῦντεῦθεν δ' ἤδη τῶν νεφρῶν τὸ οἰκεῖον ἐπισπωμένων. ὥστ' οὐδὲν θαυμαστὸν οἶνον μὲν ὕδατος ἀναλαμβάνεσθαι θᾶπτον οἰκειότητι ποιότητος, αὐτὸν δὲ τὸν οἶνον τὸν μὲν λευκὸν καὶ καθαρὸν ἐτοιμῶς

ἀναδίδοσθαι διὰ λεπτότητα, τὸν δ' αὖ μέλανα καὶ θολερὸν ἴσχεσθαί τε κατὰ τὴν ὁδὸν καὶ βραδύνειν ὑπὸ πάχους. εἴη δ' ἂν ταῦτα καὶ τῶν ὑπὲρ τῶν ἀρτηριῶν ἔμπροσθεν εἰρημένων οὐ σμικρὰ μαρτύρια. πανταχοῦ γὰρ ὅσον οἰκεῖόν τε καὶ λεπτὸν αἷμα τοῦ μὴ τοιούτου ῥᾶον ἔπεται τοῖς ἔλκουσιν. ἀτμὸν οὖν ἔλκουσαι καὶ πνεῦμα καὶ λεπτὸν αἷμα κατὰ τὰς διαστάσεις αἱ ἀρτηρίαι τῶν κατὰ τὴν κοιλίαν καὶ τὰ ἔντερα περιεχομένων χυμῶν ἢ οὐδ' ὅλως ἢ παντάπασιν ἐπισπῶνται βραχύ.

Гален. О естественных функциях

КНИГА ПЕРВАЯ

1. Так как восприятие и произвольное движение являются свойствами животных, а рост и питание объединяют их также с растениями, то восприятие и произвольное движение являются делами души, а рост и питание – природы. Если кто-нибудь приписывает наличие души и растениям и, различая, одну душу называет растительной, а другую – воспринимающей, то он говорит то же самое, но выбирает необычные выражения. Что до меня, то я убежден, что ясность – это высшее достоинство речи, и ни от чего она так не страдает, как от непривычных названий. Поэтому мы говорим, пользуясь названиями, принятыми у большинства, что животными управляют душа и природа, растениями же – только природа, а рост и питание суть дела природы, а не души.

2. В этом сочинении мы будем исследовать, что за функции лежат в основе этих и других, сколько их ни есть, природных проявлений. Но в первую очередь следует рассмотреть и пространно объяснить каждое из названий, которым мы будем пользоваться в этом сочинении, а также то, по отношению к какой вещи мы его применяем. Это будет не толь-

ко объяснение названий, но и начало учения о самих физических проявлениях. Итак, когда некое тело ни в чем не изменяется по сравнению со своим первоначальным состоянием, мы говорим, что оно пребывает в покое, но, если оно подвергается какому-либо изменению, можно сказать, что оно приходит в движение. Так как изменения первоначального состояния многообразны, многообразными будут и виды движения. Ведь всякий раз, когда белое станет черным или черное станет белым, происходит движение в отношении цвета, а если сладкое делается горьким или, наоборот, горькое – сладким, речь идет о движении в отношении вкуса. Этот и предыдущий случай называются движением в отношении качества, и мы называем движением не только изменение цвета или вкуса, но также и превращение холодного в горячее или горячего в холодное, как и превращение влажного в сухое или сухого во влажное. Ко всем этим процессам мы относим общее название «изменение».

Это один вид движения, но есть и другой, когда тела меняют местоположение и, можно сказать, переходят с места на место, имя ему – «перемещение». Итак, эти два вида движения являются простыми и основными, а из них складываются возрастание и убывание, когда что-то из меньшего становится бóльшим или из бóльшего меньшим, сохраняя при этом свою форму. А еще два вида движения – это возникновение и уничтожение: возникновение – переход к бытию, а уничтожение – его противоположность. Общим же призна-

ком всякого движения является изменение первоначального положения, а состояния покоя – его сохранение.

Однако софисты, признавая, что хлеб, превращаясь в кровь, изменяется на вид, на вкус и на ощупь, при этом не соглашались с тем, что он в действительности изменяется. Ведь кое-кто из них считает все это некими уловками и соблазнами наших чувств, так или иначе затронутых, между тем как лежащая в основании сущность непричастна тем свойствам, по которым она получает дополнительные названия. А иные из софистов хотят, чтобы сущностные качества оставались неизменными и необратимыми от века и на века, а эти видимые изменения происходили из-за разъединения и соединения, как говорит Анаксагор. Если я, отклонившись, примусь их опровергать, сказанное между делом окажется, пожалуй, важнее самого дела. Ведь если они не знают всего того, что пишет Аристотель, а за ним и Хрисипп об изменении сущности в целом, то следует побудить их познакомиться с трудами этих авторов. А если, зная, они все же предпочитают худшее лучшему, то они и наши рассуждения сочтут напрасными.

В других местах я уже показывал, что того же мнения держался и Гиппократ, который жил еще раньше, чем Аристотель. Ведь он первым из всех известных нам врачей и философов взялся показать, что есть четыре качества и все они находятся во взаимодействии; через них возникает и разрушается все, что подвержено возникновению и уничтожению.

Более того, Гиппократ первым из всех признал, что они целиком смешиваются друг с другом, и именно у него впервые можно обнаружить источники тех доказательств, которыми позднее оперировал Аристотель. А следует ли считать, что целиком смешиваются не только качества, но и сущности, как позднее утверждал Зенон Китийский, – не думаю, чтобы здесь нужно было пускаться в рассуждения об этом. Пока мне достаточно признать только полное изменение сущности, чтобы кому-нибудь не пришло в голову, будто в хлебе, как потоки вод в долине, пребывают вместе кости, плоть, сухожилия и все прочие части, а затем каждая из них в теле отделяется и направляется к соприродной.

А ведь очевидно, что прежде разделения хлеб целиком превращается в кровь. По крайней мере, даже если кто-либо долгое время будет сидеть на одном хлебе, в жилах у него все равно будет течь та же кровь. И это наглядно опровергает мнение тех, кто считает, будто элементы не подвержены изменениям, точно так же, как, думается, опровергает его и полный расход масла на пламя светильника или превращение древесины в огонь за малое время. Так, хотя я и объявил, что не буду спорить с ними, пример я все-таки привел, поскольку он касается предмета медицины и нужен мне здесь по ходу мысли. Таким образом, пусть мы отказались, как я уже говорил, от споров с ними, однако то, что думали по этому поводу древние, при желании можно узнать хотя бы исходя из того, как мы сами смотрим на эти вещи. Все дальней-

шее изложение мы посвятим тому, что положили своей темой с самого начала: сколько есть природных функций, каковы они и в основе какого дела лежит каждая из них. Разумеется, я называю делом то, что уже существует и исполнено благодаря их действию, например кровь, плоть, нервы, энергией же зову активное движение, а его причину – функцией.

Ведь при превращении пищи в кровь движение пищи пассивно, а движение вены активно, так же и при передвижении конечностей: двигает их мышца, а двигаются кости. Я называю движение вены и мышц активным действием, а движение пищи и костей – невольным претерпеванием, причем пища изменяется, а кости перемещаются. Стало быть, действие иногда можно называть делом природы, например в случае пищеварения, усвоения, кроветворения, но не всякое дело является действием: ведь плоть, к примеру, – это дело природы, но она ни в коем случае не является действием. Таким образом, очевидно, что одно из названий употребляют в двух разных значениях, а другое – нет.

3. Так вот, мне представляется, что и вена, и любая из всех других частей каким-либо образом функционирует подобно тому или иному смешению четырех элементов. И нет недостатка в прославленных мужах, и философах, и врачах, которые приписывают деятельное начало горячему и холодному, добавляя к ним как пассивные начала сухое и влажное. И первым пытается возвести к этим элементам все частные проявления Аристотель, а позже, вслед за ним, – хор сто-

иков. Впрочем, для них было логичным видеть источник активности в горячем и холодном, так как они полагали, что сами элементы превращаются один в другой посредством расширения или сжатия. У Аристотеля же дело обстоит иначе: поскольку, говоря о зарождении элементов, он апеллирует к четырем качествам, ему удобнее возводить причины частных проявлений именно к ним. Почему же тогда в трактате «О возникновении и уничтожении» он говорит о четырех качествах, а в «Метеорологии», в «Проблемах» и иных сочинениях обходится лишь двумя? Ведь если бы кто-то утверждал, что в животных и растениях горячее и холодное начала деятельные, а сухое и влажное менее активные, наверное, Гиппократ был бы на его стороне. А если бы этот человек заявил, что так бывает во всех случаях, тут, думаю, это не приглянулось бы не только Гиппократу, но даже и Аристотелю, пожелай тот напомнить о том, чему сам учил нас в сочинении «О возникновении и уничтожении», и не голословно, а с доказательствами. Но это мы рассмотрели в трактате «О смешении» – в той мере, в какой это полезно для врача.

4. Итак, так называемая кроветворная функция в венах, да и всякая другая функция, мыслится как относительная, ведь она является прежде всего причиной действия, а затем уже, при случае, и причиной дела. Но если причина относительна, то есть определена только по отношению к тому, что происходит из-за нее, то совершенно ясно, что и функция относительна. И пока мы не знаем сущности действующей

щей причины, мы называем ее функцией, говоря, что в венах есть некая кроветворная функция, так же как в желудке – пищеварительная, в сердце – функция пульсации и в каждом из остальных органов – своя функция, соответствующая действию каждого органа. Так вот, если мы намерены исследовать методически, сколько существует функций и каковы они, следует начать с их дел, ведь каждое из них происходит от какого-то действия и у каждого из них есть причина.

5. Итак, пока живое существо зачинается и формируется в утробе, дело природы состоит в том, что образуются все члены его тела, а когда оно родится на свет, общее для всех частей дело природы – достижение положенной для каждой части величины, а после этого – поддержание насколько возможно дольше.

На три упомянутых проявления обязательно приходится три вида действия, по одному на каждое проявление – зарождение, рост и питание. Однако зарождение – это не простое природное действие: оно складывается из изменения и формирования. Ведь чтобы появилась кость, нерв, вена, да и любая другая ткань, лежащая в ее основе материя, из которой зарождается живое существо, должна измениться. А для того чтобы измененная материя приобрела должную форму, положение, какие-либо полости, выросты, наросты и прочее в таком роде, ей нужно сформироваться. И ты, пожалуй, не ошибешься, если назовешь эту материю строительным материалом живого существа, вроде корабельной древесины или

воска для отливки.

Рост же – это увеличение и растяжение плотных частей живого существа – тех самых частей, которые появились в результате формирования, – в длину, ширину и толщину, а питание – прибавление к ним материи, но уже без растяжения.

6. Так вот, давайте начнем с вопроса о рождении, которое, как мы сказали, является одновременно результатом изменения и формирования.

Брошено семя в утробу или в землю – не имеет значения: так или иначе, в положенный срок образуются бесчисленные частицы рождающейся материи, различающиеся по влажности, сухости, холоду, теплоте и по всем другим качествам, которые из них проистекают. И эти производные качества тебе известны, если, конечно, тебе вообще случалось рассуждать с позиции философии о возникновении и уничтожении. Ведь, во-первых и прежде всего, из упомянутых качеств происходят остальные так называемые осязательные различия, а из них – различные вкусы и запахи, и различия, определяемые зрением. Так вот, распознавание твердого и мягкого, вязкого и хрупкого, легкого и тяжелого, плотного и рыхлого, гладкого и шершавого, толстого и тонкого – это осязательные различия, и о них обо всех прекрасно сказано у Аристотеля. И, разумеется, ты хорошо знаешь также вкусовые, обонятельные и зрительные различения. Так что если ты стремишься узнать, что в ответе за первичные и эле-

ментарные функции, вызывающие изменения, то это влажность, сухость, холод и тепло; если же тебя интересуют те функции, которые являются результатом их слияния, то их будет столько, сколько у каждого животного найдется чувствительных элементов. Чувственно различаемыми элементами называются все гомеомерные части тела, и следует их изучать, не полагаясь на какую-либо систему, но своими глазами, посредством анатомического вскрытия.

А кости, хрящи, нервы, мембраны, связки, вены и все прочее природа создает на первой стадии зарождения животного, используя, говоря в общем, функцию рождения и изменения, а в частности – согревающую, охлаждающую, иссушающую и увлажняющую функции, а также те, что происходят от их смешения, например функцию формирования костей, нервов и хрящей – для ясности должно оперировать и такими названиями.

К этому разряду относится и специфическая плоть печени, как и плоть селезенки, почек, легких, сердца; точно так же и особенная материя мозга, желудка, пищевода, кишечника, матки является чувственно различаемым элементом – однородным, простым, не составным. Иными словами, если удалить из упомянутых органов артерии, вены и нервы, то остальное вещество каждого из них по ощущению будет простым и элементарным. Что касается тех органов, которые состоят из двух покровов, не подобных друг другу, но по отдельности простых, то и эти покровы являются элементар-

ными, подобно тканям желудка, пищевода, кишечника, артерий, и каждому из этих покровов присуща своя собственная изменяющая функция, которая произвела этот элемент из ежемесячных выделений из матки, следовательно, каждое в отдельности живое существо имеет столько изменяющих функций, сколько у него элементарных частей. И далее, каждой из этих элементарных частей обязательно должно соответствовать свое действие, так же как и свое особенное назначение. Рассмотрим, например, протоки, идущие из почек в мочевой пузырь, которые называются мочеточниками: это и не артерии, так как они не пульсируют и не состоят из двух покровов, и не вены, так как в них нет крови и их покров совсем не похож на покров вены, а от нервов они отличаются еще больше, чем от артерий и вен.

«Так что же это, наконец?» – спросит кто-нибудь, считая, что необходимо, чтобы каждая часть являлась либо артерией, либо веной, либо нервом, либо была сплетена из них, и не веря в то, что здесь говорится, что, дескать, у каждого отдельного органа есть свое особенное вещество. Ведь есть, например, два разных пузыря: тот, что собирает мочу, и тот, что собирает желтую желчь; эти пузыри не только ото всех остальных, но и друг от друга отличаются, да и протоки, которые идут в печень от желчного пузыря, как своего рода каналы, ничем не напоминают ни артерии, ни вены, ни нервы.

Что касается самой материи покровов желудка, кишечника и матки, то ее сделали такой, какова она есть, соответству-

ющие природные функции, направленные на изменение. А что до их соединения, внутреннего сплетения и вrastания в кишечник, своеобразных внутренних полостей и всего прочего в таком роде, то за все это в ответе другая функция, которую мы называем «образующей». Мы называем ее также мастерской функцией, а скорее – высшей степенью мастерства, делающей все с определенной целью, чтобы не было ничего бесполезного или чрезмерного и вообще чтобы ничего невозможно было сделать лучше. Но обо всем этом мы расскажем в сочинении «О назначении частей человеческого тела».

7. Перейдя же к функции роста, позвольте напомнить сначала о том, что сама она, наравне с функцией питания, заложена уже у плода в утробе, но тогда они обе бывают наподобие служанок при тех функциях, о которых шла речь выше, и сами по себе силы не имеют. Но как только животное достигнет совершенного размера, все время от рождения до зрелости господствует функция роста, а в помощь ей и как бы в услужение даются функции изменения и питания. Итак, в чем, собственно, состоит свойство функции роста? Растягивать во все стороны порожденное. Порожденным называются твердые части тела, артерии, вены, кости, хрящи, мембраны, связки и все оболочки – все, что немного ранее мы называли элементарным, гомеомерным и простым. Каким же образом они растягиваются во все стороны, я объясню, приведя сначала для ясности один пример.

Так, дети, взяв свиные пузыри, наполняют их воздухом и трут в золе у огня, чтобы те согрелись и не лопались, – такая игра популярна как в Ионии, так и у многих других народов – а натирая, складно припевают какие-то стишки, и вся эта песенка – уговоры пузыря, чтобы он рос. Когда же им покажется, что пузырь растянулся довольно, снова надувают его, пока не решат, что пузырь достаточно велик. Но даже из этих детских забав ясно, что насколько пространство внутри пузыря прибавляет в размере, настолько истончается его вещество, и, если бы дети могли питанием возместить это истончение, как это делает природа, из маленького пузыря получился бы большой. Однако это действие им недоступно, и никоим образом невозможно ему подражать – не потому, что они дети, а потому, что это никому не дано. На это способна только природа.

Таким образом, тебе уже ясно, что для роста необходимо питание. Ведь, растягиваясь и не получая питания, тела не растут на самом деле, но являют лишь обманчивую видимость роста. Впрочем, растяжение во всех направлениях возможно только для тел, которые увеличиваются природным способом. Ведь, когда мы сами растягиваем тела, они, подвергаясь удлинению в одном направлении, во всех остальных уменьшаются. И не найти ничего такого, что может быть растянуто в трех направлениях, и при этом сохранить свою целостность и не порвется. Стало быть, раздаться во все стороны, оставаясь целыми и к тому же сохраняя ис-

ходный вид, тела могут только благодаря природе.

Таким образом, рост невозможен без притока и всасывания пищи.

8. Итак, кажется, мы подошли к вопросу о питании, который является третьим и последним из заявленных нами с самого начала. Ведь когда усваивается то, что в виде пищи поступает к каждому члену питаемого тела, действием является питание, а причиной – питающая функция. Вид действия здесь в данном случае – изменение, но не такое, как при рождении. Ведь там является на свет то, чего прежде не было, а в процессе питания поступающая пища уподобляется тому, что уже существует. Поэтому один вид изменения с полным основанием назвали рождением, другой – уподоблением.

9. И поскольку о трех природных функциях сказано достаточно и кажется, что живое существо не нуждается больше ни в какой другой, раз у него есть все, чтобы вырасти, созреть и как можно дольше сохраняться, может показаться, что довольно уже речей, и все природные функции уже получили свое истолкование.

Но если кто-нибудь обратит внимание, что речь до сих пор еще не касалась ни одной из частей тела животного (я имею в виду желудок, кишечник, печень и тому подобное) и не были еще исследованы их функции, он, пожалуй, подумает, что перед ним не более как вступление к полезному учению. В целом дело обстоит так: рождение, рост и питание – это первичные и как бы главные из дел природы, поэтому и их

деятельные функции – три первые и господствующие, и они нуждаются, как было показано, во взаимном служении, как и в помощи других. Уже было сказано, чего не хватает функциям рождения и роста; о том же, чего не хватает функции питания, расскажем сейчас.

10. Ведь я собираюсь показать, что органы и способы распределения питания существуют благодаря этой функции. Поскольку свойство этой функции – уподобление, и различным сущностям свойственно уподобляться друг другу и превращаться одна в другую, если в их качествах нет уже чего-то общего и родственного, то, во-первых, никакое живое существо по природе своей не способно питаться любой едой, а во-вторых, даже то, чем оно может питаться, оно усваивает не сразу. А если этого не избежать, то каждому живому существу нужно изрядное количество органов пищеварения. Ведь, чтобы желтое стало красным, а красное желтым, понадобится простое и единственное изменение, а чтобы белое стало черным, а черное белым, нужно пройти все промежуточные стадии. Так же и совершенно мягкое не становится в высшей степени твердым мгновенно, а весьма твердое – весьма мягким, как и исключительно зловонное не может внезапно обернуться исключительно ароматным, ни ароматнейшее – внезапно стать зловонным.

Как тогда из крови однажды получится кость, если та прежде сколь возможно не уплотнится и не побелеет, или кровь из хлеба, если тот постепенно не утратит белизну и не

примет мало-помалу красный цвет? Ведь из крови легче получается плоть: если природа сгустит ее настолько, что она до какой-то степени отвердеет и уже не будет способна течь, то таким образом получится изначальная только что образованная плоть. А чтобы стать костью, крови понадобится много времени, длительная переработка и множество изменений. И совершенно ясно, что хлеб, а тем более латук, свекла и им подобное, нуждаются в полном изменении, чтобы стать кровью.

Именно здесь кроется причина того, что органов переработки пищи так много. А вторая причина – природа выделений. Ведь как мы совершенно не можем питаться травой, хотя скот с этим справляется, так же мы способны прокормиться редькой, однако не так хорошо, как мясом. Ведь мало есть такого, чего бы наша природа не переварила, не преобразовала, не усвоила и из чего не произвела бы, наконец, полноценной крови. Но в редьке сродного нам, подходящего к усвоению (и то едва-едва и при серьезной переработке) совсем немного, но она почти целиком подлежит выделению и проходит через пищеварительные органы, и лишь немного из нее берется в вены в кровь, да и кровь та не вполне хороша. Поэтому природе понадобилось во второй раз выделять излишки, на этот раз те, что в венах. А для этого нужны, во-первых, какие-то новые пути, по которым излишки будут выводиться наружу, не смешиваясь при этом с полезными веществами, и нечто вроде приемников, из которых остатки

извергались бы лишь тогда, когда они достаточно наполнены.

Итак, мы рассмотрели также части тела второго рода, предназначенные для выделения остатков. Но есть еще один, третий род частей тела, предназначенный для того, чтобы нести пищу во всех направлениях, наподобие множества дорог, проложенных по всему телу.

Ведь всевозможные виды пищи могут попадать в тело одним-единственным способом, а получает пищу не одна, а многие части тела, находящиеся на достаточно большом расстоянии. Поэтому не удивляйся изобилию частей тела, которые природа создала для питания. Ведь одни из них предусматривают подходящую пищу для каждой части тела, изменяя ее, другие отделяют остатки, третьи их переносят, четвертые собирают, пятые выводят, а иные представляют собой те пути, по которым переносятся во всех направлениях полезные соки. Так что, если хочешь изучить все природные функции, тебе следует рассмотреть каждую из этих частей тела в отдельности.

Изучая их, следует начать с того, каковы дела природы, что близко к понятию цели, а также определить части тела и их функции.

11. В самом деле, нам нужно снова вспомнить о той цели, ради которой природа сотворила эти части тела и в таком количестве. Название этому процессу, как было сказано выше, – питание, а питание, согласно определению этого поня-

тия, есть уподобление того, что питает, тому, что принимает пищу. Для того чтобы это произошло, нужно сращение, а для него, в свою очередь, необходимо приложение. Ведь всякий раз, когда сок, предназначенный для питания какой-либо из частей тела живого существа, извергается из сосудов, сначала он орошает всю эту часть тела, затем присоединяется и, наконец, уподобляется.

Так называемая белая проказа проясняет разницу между уподоблением и сращением, подобно тому, как тот род водянки, который иные называют анасарка, наглядно отделяет приложение от сращения. Ведь несомненно, что этот род водянки развивается не оттого, что плоть нуждается в прибывающей влаге, как это бывает при некоторых состояниях атрофии и истощения. Ведь можно видеть, что плоть при таких состояниях достаточно влажная и орошается, и то же относится ко всем плотным частям тела. Но происходит некое приложение прибывающей пищи, так как она более водянистая и не совсем еще переработана в сок, и нет в ней той липкости и вязкости, которые проявляются под действием врожденной теплоты. Сращения же прибывшей пищи произойти не может, поскольку непереваренная пища содержит много неплотной влаги и из-за этого растекается и легко скользит от плотных частей тела. При проказе происходит сращение пищи, а не настоящее уподобление. Это подтверждает, что все сказанное мной здесь вкратце было верным: там, где предстоит питание, сперва происходит приложение, затем –

сращение, а после – уподобление.

Строго говоря, то, что питает, уже является пищей, а то, что подобно пище, но еще не питает, например сращиваемое и присоединяемое, не есть пища в строгом смысле слова, но только ее подобие. То, что еще содержится в венах, и еще в большей степени то, что еще в желудке, можно назвать пищей лишь на том основании, что оно станет питающим, если будет правильно обработано. Поэтому и всякие виды еды называются пищей не потому, что они уже питают живое существо, и не потому, что являются таким, каким должно быть то, что питает, но потому, что могут питать и для этого предназначены, если они правильно обработаны.

Ведь именно об этом говорит Гиппократ: «Пища – это питающее, подобное питающему и то, что станет питающим»⁹¹. Ведь он называет пищей то, что уже уподобилось, то же, что прилагается и сращивается, – напоминающим питание, а все прочее, что содержится в венах и в желудке, – предназначенным для питания.

12. Совершенно ясно, что питание неизбежно является неким уподоблением того, что питает, тому, что получает питание. Впрочем, иные говорят, что это уподобление не происходит на самом деле, но всего лишь кажется: таково мнение тех, кто считает, что природа неспособна действо-

---

⁹¹ *Гиппократ. О пище*, VIII. Этот трактат Гиппократа в переводе В.И. Руднева см.: *Гиппократ. Сочинения*. Т. 2 / Редакция и примечания проф. В.П. Карпова. М.: Медгиз, 1944. С. 506–511.

вать мастерски и предусмотрительно заботиться о живом существе и вообще не имеет никаких собственных способностей, которые она пускает в ход, чтобы одни вещества изменять, другие – привлекать, третьи – выделять.

Вообще в медицине и философии существуют два направления среди тех, кто внятно высказался о природе людей; речь, разумеется, о тех из них, кто знает, что говорит, видит следствия своих гипотез и в то же время их придерживается. А что до тех, кто даже этого не осознает, но попросту болтает, что на язык приходит и не принадлежит в точности ни к тому, ни к другому направлению, так о них и упоминать не стоит.

Что же это за два направления и каковы выводы из гипотез, которые они выдвигают? Одни предполагают, что есть некая материальная субстанция любого возникновения и уничтожения, всеобщая, единая и в то же время способная изменяться. Представители другой школы полагают, что материя не подвержена превращению, неизменна и разделена на мелкие частицы, которые перемежаются с пустотами между ними.

Таким образом, по крайней мере те, кто воспринимает следствия своих допущений, придерживаясь второго направления, полагают, что нет никакой специальной материи или функции природы и души, но они реализуются благодаря тому, что эти первичные, не подверженные изменению тела как-то сходятся вместе. Согласно же первому из назван-

ных направлений, природа не вторична по отношению к телам, а первична и намного старше их. Следовательно, по их мнению, природа создает тела как растений, так и животных и обладает для этого определенными функциями, то есть способностью привлекать и уподоблять соответственное и исключать неподходящее. Порождая, она искусно формирует все и заботится о том, что рождается, при помощи некоторых других функций: это и способность любить потомство и заботиться о нем, и способность общения и дружбы с представителями того же рода. Согласно другой школе, ничто такое не свойственно природе живых существ, и в души не заложена никакая врожденная идея, будь то идея согласия или вражды, разделения или соединения, справедливого или несправедливого, прекрасного или безобразного. Они утверждают, что все это зарождается в нас из восприятия и через восприятие и что живыми существами управляют образы и воспоминания.

Некоторые из них прямо утверждают, что у души нет никакой функции, за счет которой мы бы рассуждали, но что мы ведомы чувственными впечатлениями, подобно скоту, и не в состоянии сознательно принять или отвергнуть что бы то ни было. По их мнению, ясно, что и мужество, и разум, и рассудительность, и самообладание суть не более чем великая глупость, и на самом деле мы не любим ни друг друга, ни своих отпрысков, да и богам нет до нас никакого дела. Они презирают сны, гадания по птицам, предзнаменования

и астрологию в целом – все, что мы, со своей стороны, основательно исследовали в другом сочинении, обсуждая мнения врача Асклепиада. Желаящие могут познакомиться и с этими доводами и теперь уже рассудить, на какую дорогу из двух предложенных нам лучше повернуть. Ведь Гиппократ пошел первым из двух названных путей, придерживаясь мнения, что материя едина и способна к изменению, что все тело согласованно пронизывается и воздухом, и влагой, а природа творит все искусно и справедливо, используя функции, посредством которых каждая из частей тела влечет к себе соприродный ей сок, а сделав это, усваивает его каждой своей частицей и совершенно уподобляет себе. Та часть сока, которая не была усвоена и не смогла полностью измениться и уподобиться питаемому, уничтожается посредством другой, выделительной функции.

13. Уяснить же, в какой мере точности и истины достиг в своих мнениях Гиппократ, можно не только из того, что его оппоненты говорят вещи, противоречащие очевидным явлениям, но также исходя из самих отдельных предметов естественнонаучного исследования и, в частности, действий природы в телах живых существ. Ведь тот, кто считает, что ни одна часть тела не имеет функции привлекать вещества, обладающие соответствующим качеством, часто вынужден вступать в противоречие с очевидными явлениями, как это случилось с врачом Асклепиадом в вопросе о почках, которые считают органами, выводящими мочу, не только Гип-

пократ, Диокл⁹², Эрасистрат, Праксагор⁹³ или любой другой врач, но также едва ли не все мясники, так как они ежедневно видят положение почек и канал, который соединяет каждую из них с мочевым пузырем, так называемую уретру, и из строения этих органов делают вывод об их работе и предназначении. Помимо мясников, все люди, испытывающие частые затруднения при мочеиспускании или страдающие задержкой мочи, когда у них ломит поясницу и с мочой выводится песок, сами себя называют «почечниками».

Я думаю, что Асклепиад никогда не видел камня, вышедшего у тех, кто страдает мочекаменной болезнью, и не замечал ни того, что этому предшествует острый приступ боли в области между почками и мочевым пузырем, когда камень проходит по мочеточнику, ни того, что, едва он выйдет, боль и задержки мочеиспускания тотчас прекращаются. А что до мочи, как она, по его мнению, поступает в мочевой пузырь, об этом стоит послушать и подивиться мудрости мужа, кото-

---

⁹² Диокл Карийский, ученик Гиппократов, принадлежал к медицинской школе догматиков. Его сочинения были посвящены вопросам практической медицины, диете и питанию. Диокл написал первый систематический учебник по анатомии животных. Считается, что он был первым, кто использовал слово «анатомия». Согласно Диоклу, для достижения здоровья требуется понимать природу Вселенной и ее связь с человеком. Он полагал, что нервы являются каналами ощущений, а вмешательство в них приводит к болезням, поэтому, чтобы вылечить больного, необходимо восстановить прежнее состояние.

⁹³ Праксагор Косский, современник Александра Македонского, принадлежал к школе догматиков. Открыл различие между венами и артериями. По данным некоторых источников, мог совершать операции на кишечнике.

рый, покинув широкие и ясно видимые дороги, предложил узкие и совершенно невиданные пути. Ведь он хочет, чтобы влага, которую мы пьем, проникала в мочевой пузырь в виде паров, а затем, из-за их скопления, принимала первоначальный вид и снова конденсировалась в воду; он рассуждает о мочевом пузыре точь-в-точь как о губке или шерсти, а не о теле весьма плотном и непроницаемом, защищенном двумя прочными оболочками. Если мы станем утверждать, что через них проходят пары, почему бы тогда, пройдя сквозь брюшину и диафрагму, воде не заполнить весь эпигастрий и грудную клетку? «Но очевидно, что брюшная оболочка плотнее и непроницаемее, чем оболочка мочевого пузыря, – говорит он, – и потому она не пропускает пары, а мочевой пузырь принимает их». Однако если бы он когда-либо занимался анатомией, он знал бы, что внешняя оболочка мочевого пузыря вырастает из брюшной оболочки и имеет одинаковую с ним природу, а особая внутренняя оболочка собственно мочевого пузыря более чем в два раза толще внешней.

Однако, возможно, дело не в толщине оболочек, но в расположении мочевого пузыря, благодаря которому в него устремляются пары? Напротив, если еще и оставалась вероятность того, что все прочее побуждает их там собираться, одного положения достаточно, чтобы понять, что это невозможно: мочевой пузырь находится внизу, а парам от природы свойственно стремиться вверх, так что куда раньше, чем они попали бы в мочевой пузырь, они должны были запол-

нить все пространство внутри грудной клетки и легких.

Но почему, в самом деле, останавливаюсь я на положении мочевого пузыря, брюшины и грудной клетки? Так ведь, проскользнув через оболочки желудка и кишечника, пары соберутся в полости между ними и брюшиной и там превратятся в жидкость (как собирается в этом месте больше всего жидкости у страдающих водянкой), или им, во всяком случае, придется устремляться вперед сквозь все, что так или иначе окажется поблизости, и никогда не останавливаться. Но если бы кто-нибудь и выдвинул такую гипотезу, то ему пришлось бы признать, что пары, пройдя таким образом не только через брюшину, но и через эпигастрий, рассеялись бы в окружающий воздух или, в крайнем случае собрались бы под кожей.

Однако нынешние сторонники Асклепиада пытаются на это возражать, хотя их неизменно поднимают на смех все, кому случалось с ними столкнуться, когда они об этом спорят. Таким поистине неистребимым злом является честолюбивая приверженность своей секте, которую невозможно вытравить, а вылечить труднее, чем любую чесотку.

Кто-то из наших софистов, закаленный в словопрениях и во всем остальном, столь великий мастер поговорить, что другого такого не сыщешь, однажды заспорил об этом со мной. Он был настолько далек от колебаний по поводу чего бы то ни было из сказанного, что начал твердить, что он даже удивляется, когда я берусь нелепыми словами опровер-

гать очевидные вещи. Ведь каждый день можно наблюдать, как обыкновенные пузыри, если кто-то наполнит их водой или воздухом, а затем, стянув шейку, сдавит со всех сторон, ничего ниоткуда не выпускают, но полностью сохраняют то, что было у них внутри. И если бы вправду шли к ним из почек какие-либо каналы, достаточно большие, чтобы их можно было различить, в любом случае, по его словам, влага выходила бы через них под давлением так же, как и пришла. Выпалив это и тому подобное мгновенно, ясно и без запинки, он под конец вскочил и удалился, оставив нас, как будто мы не могли уже придумать какого-либо убедительного возражения.

Так и все те, кто рабски следуют учению своих сект, не только не знают ничего здравого, но даже и не хотят ненадолго задержаться, чтобы узнать. Ведь вместо того, чтобы узнать, как следовало бы, причину, по которой жидкость может войти через мочеточники в мочевой пузырь, а выйти назад тем же путем уже не может, и подивиться мастерству природы, они и научиться не хотят, а к тому же еще болтают вздор, заявляя, что природа создала многое другое, а главное, почки просто так, без всякой цели. Впрочем, некоторые другие позволили, чтобы им наглядно показали, что мочеточники от почек вырастают в мочевой пузырь. Однако одни из них имели дерзость заявлять, что и те появились просто так, а другие – что это какие-то семенные протоки, и потому они вырастают в шейку мочевого пузыря, а не в его тело.

Поэтому, показав им, что настоящие семенные протоки впадают в шейку пузыря ниже мочеточников, мы думали, что они хотя бы теперь, раз уж раньше этого не сделали, уйдут от ложных предположений и переменят их на противоположные. Они и на это имели наглость возражать, заявив, что нет тут ничего удивительного: в этих протоках, дескать, как в более закрытых, семя остается дольше, а по тем, что идут от почек, оно быстро стекает вниз, так как они шире. Тогда мы были вынуждены показывать им наглядно на живом еще животном, что моча через мочеточники стекает в мочевой пузырь, не слишком надеясь даже таким образом когда-нибудь положить конец их болтовне.

А способ доказательства такой. Нужно разрезать брюшину перед мочеточниками, затем охватить их петлями, а после, перевязав животное, отпустить его, ведь так оно уже не сможет испускать мочу. После этого, ослабив внешние повязки, следует показать, что мочевой пузырь пуст, а мочеточники полны, растянуты и едва не лопаются. Затем, сняв петли, можно увидеть, что мочевой пузырь уже полон мочой. Когда это станет очевидным, нужно, прежде чем животное испустит мочу, затянуть ему петлю вокруг полового члена, а затем со всех сторон сдавить пузырь, ведь через мочеточники ничего назад в почки вернуться не может. Из этого становится ясно, что не только у мертвого животного, но и у еще живого что-то мешает мочеточникам принять мочу назад из мочевого пузыря. Сделав эти наблюдения, следует,

ослабив петлю на половом члене животного, позволить ему испустить мочу, а затем снова перевязать один из мочеточников, позволив другому опорожниться в мочевой пузырь, и через некоторое время показать, что тот из них, что перевязан, в той части, которая расположена ближе к почкам, полон и растянут, а свободный остается мягким, между тем как пузырь полон мочой. Далее следует рассечь первый, полный мочеточник и продемонстрировать, как из него вырывается моча, подобно крови при кровопускании, тотчас разрезать и другой, а затем наложить животному внешние повязки, после того как рассечены оба мочеточника. Когда покажется, что времени прошло достаточно, повязку следует снять – теперь пузырь окажется пустым, а вся полость между внутренностями и брюшиной будет наполнена мочой, как если бы животное страдало водянкой. Итак, если кто-нибудь самостоятельно решится провести такой эксперимент над животным, он, думается, строго осудит опрометчивость Асклепиада. А если он поймет причину, по которой из пузыря в мочеточники ничего не возвращается, думаю, это убедит его в том, с какой предусмотрительностью и мастерством позаботилась природа о живых существах.

Гиппократ – первый, кого мы знаем, из всех тех, кто был и врачом, и философом, и он первым, постигнув дела природы, восхищался ей и славил ее повсюду, называя справедливой. По его словам, она одна удовлетворяет во всем живые существа, сама из себя производя все необходимое, ни у кого

не участь. А раз она такова, то у нее есть, как он естественно заключил, определенные функции: способность привлекать сродное и отвергать чужеродное, и именно она питает тела живых существ, побуждает их расти и отражает болезни. И поэтому он утверждает, что в наших телах есть единство дыхания, единство течения жидкостей и все сообразно по отношению друг к другу. А по Асклеиаду, ничто ни с чем по природе не сообразно, но вся материя разъята и раздроблена на обособленные элементы и ничтожные частицы. Выходит, что он, кроме того, что поневоле делал бесчисленные предположения, противоречащие очевидным явлениям, не знал и природных функций: ни той, что привлекает сродное, ни той, что отвергает чужеродное. Так вот, по поводу кровотока и всасывания пищи он пустился в какую-то невнятную болтовню и, вовсе не найдя, что бы сказать об очищении тела от излишков, без колебаний решился пойти вразрез с очевидными явлениями, лишив почки и мочеточники функции выведения мочи, но утверждая, что в мочевой пузырь ведут какие-то невидимые пути. Есть в этом, несомненно, нечто великое и внушительное: не удостоив доверия очевидные явления, верить вещам недостоверным.

В вопросе о желтой желчи еще далее простирается его великое и пылкое дерзновение, ведь, по его словам, она порождается в желчных протоках, а не выделяется через них.

Как же тогда выходит, что у людей, страдающих желтухой, совпадают два симптома: с одной стороны, их выделения во-

все не содержат желчи, а с другой – все тело полно ей? Здесь он вынужден снова болтать чепуху, наподобие той, которую наговорил по поводу мочи. Не меньший вздор болтает он и о черной желчи, и о селезенке, не понимая ничего из того, что было когда-либо сказано Гиппократом, принимаясь спорить о том, чего не знает, с безрассудством человека одержимого.

Какую же пользу для врачевания извлек он из этих утверждений? Он не только не мог излечить ни почечных недомоганий, ни желтухи, ни болезней, вызванных черной желчью, но даже не был в состоянии согласиться с тем, что признано всеми, а не одним лишь Гиппократом: что одни лекарства выводят желтую желчь, другие – черную, иные – флегму, а иные – неплотные водянистые выделения. Напротив, он утверждал, что каждое вещество, которое надлежит вывести, возникает под действием самих этих лекарств, как желчь у него производят сами желчные протоки. И нет никакой разницы, по мнению этого достойного изумления человека, дать ли больному водянкой лекарство, выводящее воду, или желчегонное средство, так как все они одинаково опорожняют и сушат тело и побуждают явиться на свет какую-то жидкость, которой до того не существовало.

Разве не следует после этого полагать, что он безумен либо совершенно не искушен в вопросах ремесла? Ведь кто не знает, что если дать страдающим желтухой лекарство, выводящее флегму, то оно не выведет из тела больного и четырех киафов жидкости? То же касается и средств, выводя-

щих воду; желчегонное же опорожнит от большого количества желчи, а кожа больных, получивших такое очистительное средство, тотчас становится чистой. Так вот, мы лично избавили от болезни многих посредством однократного применения очистительного средства, предварительно излечив болезненное состояние печени. А ты точно не добился бы существенного результата, если бы применил средство, выводящее флегму.

И не то чтобы Гиппократ знал, что это так, а те, кто исходит исключительно из опыта, смотрели бы на эти вещи иначе. Напротив, они разделяют это мнение, как и все практикующие врачебное искусство – все, кроме Асклепиада. Ведь признанную в этих вопросах истину он считал предательством тех элементов, существование которых он предполагал. Ведь, если бы было найдено некое лекарство, привлекающее исключительно определенную жидкость, очевидно, следовало бы сделать рискованный вывод, что у всякого тела есть определенная функция – притягивать родственные качества. Поэтому он утверждает, что сафлор, книдский волчегородник и молочай не выводят флегму из тела, но создают ее; между тем как крошки и чешуйки меди и сама обожженная медь, а также дубровник и дикая мастиха⁹⁴ растворяют тело до состояния воды, при этом страдающие водян-

---

⁹⁴ Сафлор – *Carthamus tinctorius*; книдский волчегородник – *Daphne Gnidium*; молочай – *Euphorbia acanthothamnus*; дубровник – *Teucrium chamaedrys*; дикая мастиха – *Atractylis gummifera*.

кой получают облегчение не потому, что выводится лишняя жидкость, а потому, что они избавляются от вещества, которое на самом деле должно бы спровоцировать болезнь. Ведь, если тело не опорожняется от водянистой жидкости, но, напротив, порождает ее в себе, болезнь усугубляется. Так и скаммония, если верить Асклеиаду, не только не выводит желчь у больных желтухой, но и превращает в желчь полезную кровь, причиняя много зла и усугубляя болезнь.

Однако наблюдается, что многим эти лекарства приносят пользу! «Разумеется, – говорит он, – они полезны, но только постольку, поскольку вызывают опорожнение». Однако если дать таким больным лекарство, выводящее флегму, на пользу им это не пойдет. И это настолько очевидно, что даже тем, кто опирается исключительно на собственный опыт, это известно, хотя эти люди и придерживаются принципиальной позиции не доверять ничему, кроме очевидных явлений. Итак, они-то проявляют здравый смысл, а Асклеиад витает в облаках, побуждая нас не верить глазам своим там, где наблюдаемые явления недвусмысленно опровергают его гипотезы, хотя для него было бы куда лучше не нападать на наблюдаемые явления, но полагаться на них во всем.

Разве только эти факты очевидно идут вразрез с учением Асклеиада? Разве не противоречит ему то, что одни и те же лекарства летом выводят больше желтой желчи, а зимой – флегмы, что желчи больше у молодого человека, а флегмы – у старика? Очевидно, что всякое средство притягивает то,

что уже существует, а не создает то, чего прежде не было. И если ты попробуешь в летнюю пору дать лекарство, выводящее флегму, юноше, склонному к сухости и жару и ведущему деятельный образ жизни без излишеств, с большим трудом выведешь ты ничтожное количество жидкости, а человеку причинишь серьезный вред. А если дашь желчегонное, и очистишь основательно, и вреда никакого не будет.

Можно ли после этого не поверить, что каждое лекарство выводит соответствующую жидкость? Возможно, сторонники Асклепиада скажут (и не «возможно», а определенно скажут!), что не верят этому, лишь бы не расставаться со своими драгоценными предрассудками.

14. Теперь обратимся к еще одной нелепости, ведь софисты не позволяют приниматься за что-либо, достойное исследования, хотя бы таких тем было великое множество, но вынуждают проводить время в разрешении своих софизмов.

Итак, что это за нелепость? Речь пойдет о прославленном и широко известном камне, том самом, что притягивает железо. Может быть, он сможет притянуть в их души мысль, что у каждого тела есть определенные функции, которые обеспечивают притяжение соответствующих качеств.

Итак, Эпикур, хотя и использует в своем учении о природе элементы, сходные с элементами Асклепиада, однако признает, что к гераклову камню⁹⁵ прилипает железо, а к янтарию – шелуха. Он, по крайней мере, пытается определить при-

---

⁹⁵ Гераклов камень – магнит.

чину этого явления. Он говорит, что атомы, истекающие от камня, сообразны по форме тем, что истекают от железа, так что им легко сцепиться. И вот, атомы, истекающие от железа, сталкиваются с камнем, а истекающие от камня – с железом; затем, отскакивая, они встречаются в середине и там сцепляются друг с другом и тянут за собой железо к камню. Очевидно, что гипотеза, с помощью которой он пытается объяснить причину этого явления, совершенно неубедительна, но он хотя бы признает наличие притяжения. Сходным образом он объясняет процессы усвоения пищи и выделения остатков в телах животных, а также действие лекарств, выводящих жидкости.

Асклепиад, с одной стороны, понимал недостоверность названной причины, а с другой – не мог найти никакого иного убедительного объяснения, опираясь на свои гипотетические элементы, имел бесстыдство заявить, что притяжения между чем бы то ни было вообще не существует. Следовало бы, если он недоволен тем, что сказал Эпикур, и сам не может выдумать ничего лучшего, воздержаться от гипотез и сказать, что природа искусна, сущность вещей едина и в то же время вечно подвержена изменениям, так как ее части оказывают действие друг на друга и испытывают действие других частей. Ведь если бы он это предположил, было бы совсем не трудно признать, что у этой искусной природы есть функции, которые обеспечивают притяжение родственного и отторжение чужеродного. Ведь нет иной причины назы-

вать ее искусной, промыслительной по отношению к живому существу, отражающей болезни, кроме как согласиться, что она сохраняет родственное и устраняет чужеродное.

Однако Асклепиад и здесь, понимая естественные выводы из оснований своей гипотезы, и не подумал устыдиться, оспаривая очевидные факты, но ополчился против того, в чем согласны не только все врачи, но и все остальные люди, заявляя, что не бывает во время болезни никакого критического дня и что природа вообще никак не позаботилась о том, чтобы уберечь живое существо. Ведь он всегда упорно следует логике, не считаясь с очевидностью, в противовес Эпикуру: тот, напротив, всегда выдвигает очевидный факт, хотя и дает ему неудовлетворительное объяснение. Не знаю, как можно поверить в то, что мельчайшие частицы магнита, отскакивая, сцепляются с другими мелкими частицами железа, а затем, благодаря этому сцеплению, вовсе не очевидному, притягивается такое тяжелое вещество, как железо. Ведь даже если мы это допустим, та же самая причина уже не объясняет тот факт, что притягиваться будет и что-то другое, если его, в свою очередь, приложить к железу.

Ведь что тут можно сказать? Что некоторые из частиц, вытекающих из камня, столкнувшись с железом, отскакивают назад, и поэтому железо оказывается в подвешенном состоянии? Что повисает на камне, а другие частицы камня, проникая в железо через пустые каналы, быстро проходят насквозь, а затем, налетев на следующий кусок железа, не мо-

гут пройти сквозь него, хотя сквозь первый прошли? И что они, немедленно устремившись назад к первому куску железа, тотчас образуют новые сцепления, подобные первым?

Но это объяснение ясно опровергается здесь в силу своей нелепости. В самом деле, видел я однажды, как пять железных стилей⁹⁶ сцепились друг с другом в цепочку, камня же касался только первый из них, а от него способность к притяжению передавалась всем остальным. Более того, неправильно было бы утверждать, что если поднести к нижнему концу стилиа другой стиль, то он удержится, прицепится и останется в подвешенном состоянии, а если приложить его к какой-нибудь другой части, сцепления не будет. Ведь сила притяжения магнита распространяется повсюду равномерно, если только он соприкасается с любой частью первого стилиа. Причем из него сила притяжения с быстротой мысли равномерно перетекает во второй стиль, а из того – далее, в третий. Теперь представим, что в каком-то доме подвешен маленький гераклов камушек и он по периметру соприкасается с великим множеством железных предметов, те – с другими, другие – с третьими и так далее. Тогда придется предположить, что все железные предметы наполняются истекающими из камня мельчайшими частицами, и этот маленький камушек рискует, рассеявшись, сойти на нет. Впрочем, даже если никакого железа возле этого камешка нет, он рассеется в воздух, в особенности если воздух теплый.

---

⁹⁶ Стиль – палочка для письма.

«Именно так, – говорит Эпикур, – ведь следует иметь в виду, что частицы эти весьма малы, так что иные из них являются десятитысячной частью мельчайших пылинок, переносимых воздухом». И вы имеете наглость утверждать, что столь малые частицы удерживают в подвешенном состоянии внушительную тяжесть железа? Ведь если каждая из них – это десятитысячная часть тех пылинок, что носятся в воздухе, какими по величине следует представлять те крючкообразные выступы, которыми они между собой сцепляются? Ведь это в любом случае самая маленькая деталь целой частички.

Далее, когда сцепляются малые частицы, находящиеся в движении, они не могут тотчас разлететься. Ведь множество других частиц, налетая на них со всех сторон: сверху и снизу, спереди и сзади, справа и слева, – швыряют и сотрясают их, не позволяя оставаться на месте. Кроме того, мы вынуждены полагать, что все эти крошечные частицы снабжены множеством крючкообразных выступов: один служит для сцепления с соседней частицей, другой, верхний – для сцепления с камнем, а тот, что снизу, – с железом. Ведь если частица сверху прицепилась к камню, а снизу с железом не связана, толку от этого нет никакого. Получается, нужно, чтобы самый верх выступающей части зацеплялся за камень, а железо соединялось с нижним выступом. А так как частицы сплетаются между собой и с боков, где-то там, несомненно, тоже должны быть крючки. Главное, не упускай из виду, что эти

частицы, будучи такими мелкими, оснащены многочисленными и разнообразными отростками. А еще не забывай вот о чем: чтобы второй железный предмет сцепился с первым, третий – со вторым, а тот – с четвертым, нужно, чтобы эти крошечные частички проникали сквозь поры и в то же время отскакивали от следующего железного предмета, хотя по природе своей он во всем подобен первому.

Что ж, такую гипотезу не упрекнешь в недостатке смелости. Однако, по правде говоря, она куда более бесстыдна, чем предыдущие: получается, что, если пять одинаковых железных стилей выстроились в цепочку один за другим, частички камня, легко проходя сквозь первый, отскакивают от второго и не могут пройти сквозь него таким же образом. С какой стороны ни посмотри, выходит нелепость: ведь если частицы отскакивают от второго железного стила, как они попадают в третий? А если не отскакивают, за счет чего второй подвешен к первому? Ведь сам Эпикур предполагал, что притяжение порождается отталкиванием частиц.

Но, как я уже сказал, случись кому-либо вести беседу с этими людьми, ему самому придется говорить глупости. Поэтому, сказав краткое заключительное слово, я бы хотел оставить эту тему. Если кто-нибудь возьмется прилежно изучать сочинения Асклепиада, ему станет ясно, что его мнения логически восходят к истокам его учения, но при этом противоречат наблюдаемым явлениям. Эпикур, стремясь найти объяснения явлениям, навлекает насмешки, тщетно стара-

сь показать, что они согласуются с его теорией, Асклепиад же заботится о логической связи с основами своего учения, но ему нет дела до явлений. Таким образом, тому, кто хочет опровергнуть нелепые гипотезы, следует, если он спорит с Асклепиадом, упомянуть о расхождении с наблюдаемыми явлениями, а если он спорит с Эпикуром – о несогласии с теорией. Почти все остальные школы, которые основывались на такого рода началах, теперь окончательно угасли, и только эти до сих пор держатся, и не без достоинства. Впрочем, гипотезы Асклепиада неоспоримо опровергает Менодот Эмпирик, упоминая как об их несогласии с наблюдаемыми явлениями, так и о противоречиях между собой. А гипотезы Эпикура оспаривает Асклепиад, всегда опираясь на логику, о которой, кажется, не очень-то заботился Эпикур.

Однако нынешние люди не торопятся получить ясное представление об этих школах, как и о других, лучших, с тем, чтобы потом долго разбирать и испытывать, что истинно, а что ложно в каждой из них; но, несмотря на свое невежество, одни называют себя врачами, а другие – философами. А поэтому неудивительно, что они почитают ложное наравне с истинным. Ведь каждый из них стал таким, каков был первый наставник, который ему подвернулся, не пытаюсь научиться чему-либо у кого-нибудь еще. А иные из них, хотя бы и повстречали более одного учителя, однако до того непонятливы и тупоумны, что даже на старости лет все еще не понимают логической последовательности аргументов. В

старину таких людей отсылали на черные работы. А чем это закончится – бог знает!..

Хотя мы и избегаем прений с теми, кто впадает в заблуждение прямо-таки с азов своего учения, сам порядок вещей вынуждает нас кое-что сказать и вступить с ними в спор. Поэтому мы добавим к сказанному еще и то, что не только очистительные средства естественным образом привлекают соответствующие им качества, но зачастую так же действуют и лекарства, помогающие извлекать занозы и наконечники стрел, когда те глубоко застревают в плоти. Причем, вытягивают ли лекарства яды животных или яды отравленных стрел, они проявляют ту же функцию, что и геракловы камни. Мне самому довелось видеть, как заноза, застрявшая в ноге у юноши, не поддавалась, пока мы, надавив, вытягивали ее пальцами, а едва применили лекарство, она вышла быстро и безболезненно. Но и на это некоторые возражают, говоря, что стоит воспалению распространиться там, где засела заноза, как она выходит сама, хотя ее никак не пытаются извлечь. Однако, во-первых, похоже, эти люди не отдают себе отчета, что разные лекарства устраняют воспаление и вытягивают то, что застряло в теле подобным образом. Впрочем, если чужеродный предмет вышел после прекращения воспаления, то противовоспалительные лекарства способствовали в то же время его извлечению.

А во-вторых, эти люди, что еще удивительнее, не знают, похоже, и того, что не только одни препараты выводят занозы

зы, а другие – яды, но и среди последних одни вытягивают яд ехидны, другие – яд ската-шипоноса⁹⁷, третьи – еще какого-нибудь животного, и мы можем ясно видеть, как каждому из ядов соответствует лекарство. Поэтому следует здесь похвалить Эпикура за его уважение к наблюдаемым явлениям, а побранить за то, как он объясняет их причины. Да и как не считать совершенно нелепицей, что ту самую занозу, которую мы безрезультатно пытались извлечь пальцами, вытягивают пресловутые крошечные частицы?

Разве теперь уже мы не убедились, что у всякого вещества есть определенная функция, посредством которой привлекаются соответствующие каждому качества, только у одних эта способность больше, у других – меньше?

А, может быть, стоит дополнительно к этому рассуждению привести пример, а именно зерна пшеницы? Думаю, что те, кто допускает, что вообще ничто ничем не притягивается, окажутся в вопросах природы невежественнее даже земледельцев. Что до меня, то сначала, услышав об этом, я подивился происходящему и пожелал лично, собственными глазами, увидеть такое явление. Затем, когда результаты опыта подтвердили то, что я слышал, я провел долгое время в поисках причины этого явления, обращаясь ко всем научным направлениям, однако не смог отыскать никакого другого объяснения, хотя бы приближающегося к правдоподобию, за исключением теории, которая во главу угла ставит притяжение.

---

⁹⁷ *Trygon pastinaca.*

Все прочие объяснения оказались достойны осмеяния и наглядно опровергались.

Речь идет вот о каком явлении. Когда наши крестьяне привозят на телегах в город пшеницу с полей и хотят поживиться и не попасться на этом, они, наполнив водой какие-нибудь сосуды, ставят их посреди пшеницы. Зерно же, притягивая влагу из сосуда, разбухает и прибавляет в весе, но это почти совершенно незаметно на взгляд, если только кто-нибудь, узнав об этих уловках, не примется рассматривать его более придирчиво. Однако, если у тебя возникнет желание поставить тот же сосуд на очень жарком солнце, ежедневная потеря в весе окажется совершенно незначительной. Выходит, что зерна имеют более выраженную способность втягивать в себя окружающую влагу, чем иссушающая способность сильного солнечного жара. Итак, тяга к разреженной части окружающего нас воздуха, в особенности когда он достаточно разогрет, – это великая глупость, так как снаружи воздух куда более разрежен, чем в зернах, однако он не получает и десятой доли от той влаги, которую впитала пшеница.

15. Поскольку мы уже достаточно говорили о пустяках, пусть и против воли (как говорится в пословице: с безумными поведешься – поневоле начнешь безумствовать), давайте вернемся назад к способу выведения мочи, забудем про глупости Асклепиада и посмотрим вместе с теми, кто убежден, что моча проходит через почки, что за вид действия здесь

присутствует. Ведь, судя по всему, либо моча в процессе собственного движения попадает в почки, находя этот путь лучшим (точь-в-точь как мы, отправляясь на агору), либо, если это невозможно, приходится искать какую-то другую причину ее движения. Что же это может быть за причина? Ведь если мы не припишем почкам функции притягивать определенное качество, как считал Гиппократ, ничего другого нам не придумать, потому что всякому ясно, что мочу должны либо притягивать почки, либо выталкивать вены, если только она не движется сама по себе. Но если это вены, периодически сжимаясь, толкают ее вперед, то они должны вытеснять в почки не только мочу, но вместе с ней и всю кровь, которая в них содержится. А если это невозможно, как мы беремся доказать, остается, что ее притягивают почки.

Итак, отчего это невозможно? Мешает этому положение почек. Ведь они не расположены под полой веной так, как каналы решетчатой кости, расположенные в носу и на нёбе – под местом скопления физиологических выделений из мозга, но находятся с двух сторон от нее. Кроме того, если сравнить почки с ситом, которое может пропускать неплотную водянистую сыворотку, а более густое вещество отфильтровывает, то вся кровь, которая содержится в полой вене, должна идти в них, как в винном прессе вино выливается в новую емкость целиком. Также могу наглядно продемонстрировать, что я имею в виду, на примере сквашенного молока, из которого делают сыр. Ведь оно тоже целиком от-

кидывается в корзинки, а просачивается не полностью, но лишь та водянистая часть, которую пропускает ширина ячейки, стекает вниз – она-то и называется сывороткой. Из оставшейся густой части со временем получится сыр: она не проваливается вниз, так как отверстия в корзинах ее не пропускают. Таким образом, действительно, если сыворотка крови может пройти через почки, то в них должна попасть и вся кровь, а не так, чтобы часть прошла, а часть нет.

А как обстоит дело с этим явлением с точки зрения анатомии? Одна часть поллой вены поднимается вверх к сердцу, а другая идет к позвоночнику и тянется по всей его длине вплоть до конечностей, так что первая не достигает почек, а вторая приближается к ним, однако в них не проникает. Если бы кровь должна была очищаться через почки, как через сито, она должна была бы целиком попадать в них, водянистая часть уходила бы вниз, а густая удерживалась бы наверху. Но на самом деле это не так: почки находятся по бокам от поллой вены. Следовательно, дело обстоит не так, что почки фильтруют кровь, подобно сити, причем толкает ее поллая вена, а их собственной функции в этом нет. Таким образом, очевидно, что они притягивают кровь, ведь остается только этот вариант.

Как же они притягивают кровь? Если, как думает Эпикур, любое притяжение происходит благодаря толчкам и сцеплениям атомов, то, в сущности, было бы лучше сказать, что почки притяжению совершенно не способствуют, иначе эта

теория на поверку окажется еще смехотворнее, чем теория притяжения гераклова камня, о чем только что шла речь. Как почки притягивают на самом деле, постулировал Гиппократ. Мы расскажем об этом подробно, когда ход рассуждения подведет нас к этому. Ведь теперь не это следует объяснять – важно показать, что невозможно назвать никакой другой причины выведения мочи, кроме втягивания крови почками, а процесс притяжения выглядит не так, как представляют его люди, которые не допускают, что у природы есть хоть какая-нибудь свойственная ей функция. Ведь если признать, что у вещей, которыми управляет природа, вообще может быть функция притяжения, того, кто вздумает говорить нечто иное о процессе усвоения пищи, сочтут, пожалуй, пустым болтуном.

16. Что до Эрасистрата, то он по непонятным причинам обстоятельно оппонировал кое-каким другим наивным учениям, а учение Гиппократа совершенно обошел вниманием, не удостоив его ни единым упоминанием, например в сочинении «О глотании». В этом сочинении, как можно увидеть, он помнил о нем настолько, чтобы упомянуть слово «тяга», говоря примерно следующее: «Итак, никакой тяги у желудка не наблюдается». А рассуждая об усвоении пищи, он не приводит ни единого слова из всего учения Гиппократа. Нам было бы довольно, напиши он хотя бы то, что Гиппократ заблуждается, говоря: «Плоть втягивает как из желудка, так и извне», поскольку ни из желудка, ни извне она

ничего втягивать не может. Или если бы он соизволил написать, что в поисках причины заболевания шейки матки Гиппократ ошибался, когда говорил: «Ведь шейка матки не может притягивать семя», или что-нибудь в том же роде. Тогда бы и мы, защищаясь, обратились к нему с такими словами. «О достойнейший, не обрушивайся на нас риторически без всякого доказательства, но сформулируй свои претензии к учению так, чтобы мы либо убедились, что ты критикуешь древнюю традицию по существу, либо, переубедив, избавили тебя от невежества». Впрочем, что же я говорю «риторически»? Ведь бывает, что иные из раторов берутся опровергать то, с чем они совершенно неспособны справиться, прибегая к насмешкам, однако не следует нам принимать это за какой-то риторический прием. Ведь риторике свойственна убедительная логика, а речь без аргументов из риторики обращается в шутовство. Стало быть, в сочинении «О глотании» аргументация Эрасистрата не является ни риторической, ни научной. Ведь что он говорит? «Итак, никакой тяги у желудка не наблюдается». В свою очередь, мы, свидетельствуя против него, предложим ему аргумент, построенный точно так же: итак, никакой перистальтики у пищевода не наблюдается. «То есть как это – не наблюдается?» – тотчас, пожалуй, возразит кто-нибудь из его сторонников. – «Ведь когда верхние части пищевода сжимаются, нижние всегда расслабляются. Разве это не указывает на перистальтику?» Тогда и мы, со своей стороны, скажем: «Как это – у желудка

не наблюдается никакой тяги? Ведь когда верхние части пищевода сжимаются, нижние всегда расслабляются. Разве не указывает это на притяжение?» Если бы он проявил здравый смысл и осознал, что это явление не подтверждает одну из этих двух точек зрения в большей степени, чем другую, но является доказательством обеих, мы бы таким образом указали ему верную дорогу поисков истины.

Однако вернемся к разговору о желудке. Учение о всасывании пищи совершенно не нуждается в теории о том, что природа не терпит пустоты, как только мы признали у почек функцию притяжения. Однако Эрасистрат, прекрасно понимая, что эта функция на самом деле существует, ни словом не обмолвился о ней, не высказался против и вообще никак не объяснил, как, по его мнению, выводится моча. Или почему, заявив в самом начале сочинения «Об основных вопросах», что он намерен говорить о естественных действиях, прежде всего о том, каковы они и каков механизм и место этих действий, признавая, что выведение мочи происходит через почки, он не описал, как это происходит? Таким образом, напрасно описывал он нам, как, по его мнению, происходит пищеварение, или потратил время на описание того, как происходит выведение избытка желчи. Ведь он и в этих случаях мог бы ограничиться тем, что указал части тела, в которых происходит действие, а о том, как оно происходит, умолчал бы. А ведь, рассказывая об этих действиях, он не только указал на действующие органы, но и на механизм

действия, как и в случае с усвоением пищи он не ограничился указанием на то, что усвоение происходит через вены, но заявил, что в основе этого процесса лежит естественное стремление заполнить пустоту. А о выведении мочи он лишь пишет, что оно проходит через почки, но ничего более не прибавляет о том, как оно, собственно, проходит. Впрочем, я не думаю, что здесь было бы уместно говорить о стремлении заполнить пустоту, ведь, если бы это было так, никто бы никогда не умирал от невозможности вывести мочу, так как она не могла бы прибывать в большем количестве, чем позволяет пустое пространство. Ведь если нет никакой другой причины, кроме неизменного стремления заполнять пустоту, то невозможно, чтобы прибывало больше мочи, чем ее было выведено. Но он не в состоянии предложить никакой другой убедительной причины, наподобие сжатия желудка при всасывании пищи. Однако такое объяснение оказалось совершенно несостоятельным в случае с кровью в поллой вене, не только из-за большого расстояния, но и потому, что сердце, расположенное выше, при каждом расширении с силой вбирает из нее порядочную порцию крови.

Применительно к нижним частям поллой вены теория заполнения пустоты оставалась единственной и обособленной от всех рассуждений, лишённая правдоподобия как из-за того, что люди умирают от удержания мочи, так не в меньшей степени и из-за самого положения почек. Ведь если бы к ним поступала вся кровь, то пришлось бы утверждать, что вся

она очищается. В действительности очищается не вся кровь, но только та часть, которая содержится в венах, направляющихся к почкам. И отфильтровываться, проходя через почки, как через сито, будет ее водянистая сыворотка, между тем как густая кровянистая часть, оставаясь в венах, будет препятствовать вновь пребывающему потоку крови. Выходит, кровь, во-первых, вынуждена бежать обратно в полую вену, опустошая, таким образом, вены, ведущие к почкам. А во-вторых, вены уже не могут переносить к ним новую порцию требующей очищения крови: поскольку они заняты предыдущей порцией, никакого прохода не остается. Что за сила тогда погонит далее от почек очищенную кровь? И что за сила, удержав эту кровь, не даст ей идти вспять в нижнюю часть полых вен, а другой, прибывающей сверху, не даст спуститься вниз, прежде чем она пройдет через почки?

Итак, Эрасистрат, осознав, что все это полно противоречий, и понимая, что из всех научных мнений непротиворечивое объяснение дает только теория притяжения, не пожелал ни признать своего затруднения, ни приводить мнение Гиппократов, но решил, что способ выделения лучше обойти молчанием.

Но хотя он об этом умолчал, я молчать не стану, ведь я знаю, что невозможно обойти мнение Гиппократов и заявить что-то другое о функционировании почек, не выставив себя перед всеми на посмешище. Поэтому Эрасистрат промолчал, а Асклепиад солгал, точь-в-точь как рабы, ко-

которые поначалу были словоохотливы, не раз попадали в переплет и выпутывались благодаря исключительному плутовству, не находят слов в свое оправдание, будучи пойманными с поличным на воровстве, и тогда более совестливый хранит молчание, словно его хватил удар, а более бесстыжий, пряча пропажу под мышкой, клятвенно утверждает, что в глаза ее не видел. Ведь так и Асклепиад, когда ему недостает изворотливых аргументов, и становится неуместным болтать о тяге к разреженным частицам воздуха, и уже невозможно говорить, что эти излишки производят почки, как поры печени – желчь, не вызвав общего смеха, божится и откровенно лжет: дескать, моча не проходит через почки, но, испаряясь, собирается в мочевой пузырь непосредственно из нижней части поллой вены.

Итак, они ведут себя как рабы, которых поймали с поличным на воровстве и бьют: один молчит, а другой бесстыдно лжет.

17. Те же из молодых людей, которые стали превозноситься благодаря именам этих прославленных мужей, называя себя последователями Эрасистрата и Асклепиада, подобны всяким Давам и Гетам, рабам из комедий великолепного Менандра. Ведь эти рабы полагают, что им ничего не удалось сделать честь по чести, пока они трижды не обманут своего господина. Так и они потратили немало времени, чтобы сочинить бесстыдные софизмы: одни – чтобы Асклепиад никогда не был полностью изобличен во лжи, а другие – чтобы

глупо изложить то, о чем Эратосфен благообразно умолчал.

Впрочем, довольно о последователях Асклепиада. А последователи Эрасистрата, пустившись в рассуждения о том, как почки пропускают мочу, пойдут на все и все стерпят, обернутся такими и сякими в стремлении отыскать какое-либо правдоподобное объяснение, которое обходилось бы без учения о притяжении.

Те, кто по времени близок к Эрасистрату, утверждают, что органы, находящиеся над почками, получают чистую кровь, а водянистые излишки из-за собственной тяжести начинают стекать вниз и затем, пройдя через сами почки и став, таким образом, пригодными, направляются в виде крови ко всем органам, расположенным ниже почек.

До определенного момента это мнение почиталось, процветало и считалось истинным, но со временем вызвало подозрения у самих приверженцев Эрасистрата, и в конце концов они от него отказались. Ведь они, очевидно, предполагают две вещи, которые никто не признавал и которые даже невозможно доказать: во-первых, то, что тяжесть жидкой сыворотки образуется в поллой вене, как будто бы ее не было изначально, когда эта жидкость поступала из поллой вены в печень. Иначе непонятно, почему она еще оттуда не начала стекать вниз. И как кому бы то ни было может показаться разумным утверждение, что жидкая сыворотка способствует усвоению, если она такая тяжелая?

Вторая же нелепость заключается вот в чем: если допу-

стить, что сыворотка целиком устремляется вниз, и именно тогда, когда она оказывается в полой вене, трудно, пожалуй, и невозможно объяснить, каким образом она попадает в почки, если они расположены не ниже вены, но по сторонам от нее, и если полая вена не вырастает в них, а всего лишь посылает в каждую из них отростки, точно так же, как и во все остальные органы. И какое же учение возобладало, когда прежнее было отвергнуто? Учение, как мне кажется, куда более глупое. Впрочем, и оно в конце концов достигло своего расцвета. Итак, по их словам, если масло, смешанное с водой, разлить по земле, каждая из этих жидкостей направится своим путем, и одна потечет в одну сторону, а другая – в другую. Стало быть, говорят они, нет ничего удивительного в том, что водянистая сыворотка течет в почки, а кровь по полой вене устремляется вниз. Однако разоблачено и это учение. Ведь почему тогда, хотя из полой вены берут начало множество сосудов, водянистая сыворотка отклоняется в сторону тех вен, которые идут к почкам, а кровь поступает во все остальные? На этот вопрос они не дают ответа, но думают, что указали причину, лишь описывая происходящее.

И вот опять (Спасителю – третья чаша!)⁹⁸ они излагают учение, которое хуже всех прежних – я имею в виду недавнюю выдумку Лика из Македонии, которая стала популярной благодаря своей новизне. Ведь этот Лик поведал, точно

---

⁹⁸ Греческая поговорка, основанная на обычае поднимать третий тост в честь Зевса Спасителя. Примерный аналог русской поговорки – «Бог троицу любит».

провещал из недр некоего святилища, что моча – это излишки, выделяемые почками в процессе питания. Однако обилие мочи, которое выделяется ежедневно, ясно показывает, что мочой становится вся выпитая нами жидкость, помимо той, что выходит с испражнениями или с потом или незаметно выдыхается. В особенности это заметно зимой, на примере людей праздных и выпивающих, особенно если вино легкое и легко находит себе дорогу. Ведь они довольно быстро выделяют почти столько же мочи, сколько выпивают жидкости. А то, что это и Эрасистрату было известно, знают те, кто прочел его первое сочинение «Об общих началах». Следовательно, очевидно, что Лик далек как от истины, так и от того, что говорил сам Эрасистрат, и ясно, что так же далеко это от учения Асклепиада и еще дальше – от учения Гиппократов. И выходит по пословице: белой вороне ни с самими воронами не сойтись – больно бела, ни с голубями – больно велика. Впрочем, из этого еще не следует, что его нужно презирать: в любом случае он сказал нечто удивительное, что никому прежде и в голову не приходило.

Итак, мы признаем, что все органы, связанные с питанием, выделяют какой-то излишек, но невозможно допустить и нет тому основания, чтобы почки, совсем маленькие органы, одни удерживали порой целых четыре хои жидкости, а иной раз и того больше, ведь тогда необходимо, чтобы выделения каждого из больших органов были еще внушительнее. Возьмем, к примеру, легкие: если сравнивать внутренние ор-

ганы по величине, очевидно, что они во много раз превосходят почки. И если бы они выделяли соответствующее количество жидкости, вся грудная клетка заполнилась бы ей, и животное тотчас задохнулось бы. Но если кто-нибудь все же станет утверждать, что и у каждого из прочих органов имеются выделения, через какие пузыри тогда они выводятся? Ведь, если почки человека, пьющего вино, производят иной раз три-четыре хои излишков, выделения каждого из прочих внутренних органов будут куда больше, и понадобится огромный пифос, чтобы собрать все излишки. Впрочем, часто бывает так, что мочи выделяется почти столько же, сколько жидкости человек выпил, – выходит, что вся выпитая жидкость проходит к почкам.

Таким образом, похоже, что Лик, поборник третьего ложного учения, так ничего и не достиг, но тотчас был уличен во лжи. Итак, проблема, которая была с самого начала и приводила в недоумение Эрасистрата и всех остальных, за исключением Гиппократов, остается неразрешенной.

Я намеренно останавливаюсь на этой теме, так как точно знаю, что никто другой ничего не может ясно сказать о функции почек, но либо окажется, что он еще больший неуч, чем любой из мясников, так как не признает, что моча проходит через почки, либо, если он это признает, не сможет назвать другую причину выделения, кроме функции притяжения.

А если движение мочи не связано со стремлением занять пустое пространство, ясно, что не связано с ним и движение

крови и желчи. А если движение этих жидкостей связано с ним, то и движение мочи связано. Ведь даже, согласно самому Эрасистрату, необходимо, чтобы все это совершалось единообразно.

Однако этот вопрос мы обсудим подробнее в следующей книге.

КНИГА ВТОРАЯ

1. В предыдущей книге мы показали, что не только Эрасистрат, но и все остальные врачи, берущиеся сказать о выделении мочи нечто дельное, вынуждены признать, что у почек есть определенная функция, эта функция служит для привлечения того качества, которое есть в моче. Вместе с тем следует обратить внимание, что способ, которым моча через почки попадает в мочевой пузырь, не отличается от способа, которым кровь попадает во все части тела живого существа, а также и от способа выделения желтой желчи. Ведь достаточно наглядно показать эту притягивающую и так называемую привлекающую функцию на примере одного какого-нибудь органа, чтобы без труда перенести ее на остальные органы. В самом деле, если природа наделила почки такого рода функцией, невозможно, чтобы она лишила этого свойства желчевыводящие протоки, как и любой другой орган. А если это истинно, изумления достойно, как это Эрасистрат высказал столь ошибочные соображения по поводу усвоения

пищи, что это не укрылось даже от Асклепиада.

Эрасистрат, по всей видимости, полагает истинным, что если что-то вытечет из вен, то произойдет одно из двух: либо останется совершенно пустое место, либо постоянно будет прибывать новое содержимое, заполняя пустоту. Асклепиад, однако, утверждает, что следует говорить не об одном из двух, а об одном из трех возможных следствий: либо место останется совершенно пустым, либо постоянно будет прибывать новое содержимое, либо сосуд сожмется. Опуская в воду тростинки и трубочки, мы не погрешим против истины, сказав: по мере того как воздух будет уходить из их полости, пространство либо останется совершенно пустым, либо будет заполняться новым содержимым. В случае с венами этого уже нельзя утверждать с уверенностью, ведь их оболочки могут начать оседать и проваливаться в полое внутренне пространство. Выходит – Зевсом клянусь! – ложным является не опыт, который показывает естественное стремление заполнить пустоту, а гипотеза Эрасистрата.

Что до второго объяснения, то оно излишнее, даже если является верным, хотя бы желудок и давил на вены, как предполагал сам Эрасистрат, а те, в свою очередь, сжимали и проталкивали собственное содержимое. Ведь, помимо всего прочего, в теле не бывало бы избытка жидкости, если усвоенные пищи происходило согласно теории заполнения пустоты.

Выходит, если давление желудка на вены, по мере удаления от него, ослабевает и не может распространяться на бес-

конечное расстояние, то нужен какой-то другой механизм, побуждающий кровь двигаться во всех направлениях; теорию заполнения пустоты можно привести лишь как дополнительный аргумент. Избыток же жидкости ни в одном из органов после печени не будет, разве что в области сердца и легких, ведь сердце – единственный из органов после печени, который втягивает питание в свой правый желудочек, а затем по артериевидной вене⁹⁹ направляет в легкие. Ведь даже сам Эрасистрат утверждал, что никакой другой орган не получает питания из сердца вследствие разрастания оболочек. А если мы ради того, чтобы объяснить избыток жидкости, все-таки допустим, что сила, с которой давит желудок, сохраняется на какое угодно расстояние, не будет уже никакой необходимости в теории заполнения пустоты, в особенности если мы признаем также гипотезу о сжатии вен, как это, в свою очередь, признает сам Эрасистрат.

2. Здесь Эрасистрату следует напомнить, хотя бы и вопреки его желанию, о почках. Именно почки самым очевидным образом опровергают утверждения всех тех, кто не согласен с идеей притяжения, ибо ни один из них не только не привел ничего убедительного, но даже не смог хотя бы выдумать, как мы уже показали выше, иную причину выделения мочи. Но мы неминуемо прослывим безумцами, твердя, что моча попадает в почки в виде пара, либо выставим себя на посмешище, ссылаясь на закон заполнения пустоты: гипотеза эта

---

⁹⁹ Т.е. по легочной вене.

является вздорной и в вопросе о крови, а в отношении мочи она совершенно неосновательная и слабая.

Вот первое заблуждение тех, кто отвергает закон притяжения; второе касается секреции желтой желчи. Ведь и в этом случае неочевидно, что излишки желчи будут полностью выделяться, пока кровь протекает вдоль устья желчевыводящих протоков. «Допустим, – заявляют они, – пускай желчь не выделяется, но разносится с кровью по всему телу». Но, о мудрейшие, не полагал ли Эрасистрат, что природа предусмотрительно позаботилась о живых существах, создавая их с величайшим искусством? И он же заявлял, что желчь для живых существ решительно бесполезна. Эти два утверждения не сходятся между собой. Ведь как можно допустить, что природа в предусмотрительной заботе о живом существе разослала вместе с кровью по всему организму столь негодную жидкость?

Этого, однако, недостаточно; на самую же большую и очевидную ошибку я укажу здесь. Допустим, кровь – вещество более вязкое, а желчь – более жидкое, при этом у вен более широкие устья, чем у желчевыводящих протоков, и именно по этой причине желчь попадает в сосуды с более узким сечением, кровь же – с более широким, в соответствии со своей вязкостью. Тогда ясно, что излишек водянистой сыворотки потечет по желчевыводящим протокам тем быстрее, чем эта сыворотка водянистее самой желчи. Так почему же сыворотка не течет? Оказывается, «потому, что моча – жидкость

более плотная, чем желчь»! Это осмелился заявить один из живущих ныне последователей Эрасистрата, совершенно не считаясь с тем, что внушает ему чувственное восприятие, хотя прежде, рассуждая о желчи и крови, он вполне доверял своему эмпирическому опыту.

Ведь если следует признать желчь более жидкой, чем кровь, раз она более текучая, а сыворотку еще более жидкой, поскольку она легко может просочиться сквозь тонкое полотно, ветошь или сито, это ли не признак, что сама желчь плотнее серовидной жидкости? Ведь здесь, опять-таки, нет основания для доказательства того, что желчь – жидкость более тонкая, чем излишки сыворотки.

Но всякий, кто в речах своих бесстыдно петляет и ни за что не признается в собственном поражении, подобен борцам-любителям, из тех, кого уже бросили наземь и уложили на обе лопатки завсегдатаи палестры, а они до того не хотят признавать поражение, что цепляются за шею своих победителей, не давая им уйти, – так им кажется, что победа за ними.

3. Стало быть, обращаться к любой гипотезе о наличии каналов, чтобы объяснить естественную жизнедеятельность органов, – значит продолжать болтать ерунду. Ведь если не признавать, что природа изначально наделила каждый орган определенной функцией, получится, что живым существам не дано прожить хотя бы столько дней, сколько им было отпущено лет. Попробуем только допустить, что живые

существа природе безразличны и лишены ее промыслительного искусства, а управляются одними материальными силами, без каких бы то ни было функций (будь то влечение к подходящему и отвержение чужеродного, изменение и усвоение предназначенного в пищу). Даже не знаю тогда, как нам избежать насмешек, коль скоро возьмемся мы рассуждать о природной или, того более, о психической деятельности живых существ и о жизни вообще. Ведь никакое живое существо не сможет не только жить, но даже незначительное время существовать, если, заключая в себе множество столь разнообразных органов, оно не воспользуется функцией притяжения свойственного, функцией отторжения чужеродного и функцией изменения того, что предназначено ему в пищу. Если же есть у нас такие функции, то в вопросе о выделении мочи и желчи нам совершенно ни к чему выдумывать «каналы»: ни малые, ни большие – всего лишь допущение, которое еще надо доказать. Ни к чему также и идея «благоприятного стечения обстоятельств» – единственная концепция, где Эрасистрат обыкновенно проявляет здравый смысл, полагая, что части тела прекрасно расположены и сформированы природой.

Но, положим, Эрасистрат проявил бы последовательность, называя искусным творцом природу, которая изначально прекрасно образовала и расположила все органы живых существ, а затем, когда нечего уже было прибавить, явила их на свет, снабдив теми функциями, без которых жизнь

была бы невозможна, и далее в короткое время вырастила их до подходящего размера. Даже не знаю, как бы тогда он решился приписывать действия природы большему или меньшему размеру «каналов» или каким-то другим столь же вздорным гипотезам. Ведь та самая природа, формируя и в короткое время увеличивая до положенного размера части живого организма, уж наверное, продолжает действовать во всех этих органах, ведь она формирует, и питает, и выращивает все органы, действуя через другие органы, а не только как некая внешняя сила.

Ведь Пракситель, Фидий или иной какой-нибудь ваятель – они извлекали из материала только внешнюю красоту, лишь там, где могли его касаться, оставляя нутро грубым, праздным, невозделанным и не затронутым общим замыслом, так как не могли проникнуть в него, пройти насквозь и коснуться всех частей материи. Не так обстоит дело с природой: всякую часть кости она создает как кость, часть плоти – как плоть, так же и с жиром, и со всем остальным. Ведь нет такой части, которой бы она не могла коснуться, поработать над ней и украсить ее. Что до Фидия, то он не мог превратить воск в слоновую кость или золото, а золото в воск, так как каждый из этих материалов, оставаясь таким, каким он был изначально, становится совершенной статуей, лишь облекшись благодаря искусству в некую форму.

А природа не сохраняет в первоизданном виде никакую материю, иначе все органы живого существа оставались бы

женской кровью, текущей к семени в момент зачатия, — одним сплошным веществом, вроде некого воска в руках скульптора. Но ни один из органов живого существа не получается из нее таким же красным и влажным. Ведь кость, артерии, вены, нервы, хрящи, жировая ткань, железы, мембраны и костный мозг бескровны, хотя и произошли из крови.

Следовало бы, чтобы Эрасистрат сам ответил мне, что же заставляет все это изменяться, уплотняться и формироваться? Так или иначе, в ответ он точно назвал бы либо природу, либо семя, имея в виду в том и в другом случае одно и то же, но объясняя это двумя разными механизмами. Ведь то, что прежде было семенем, становится неким проявлением природы всякий раз, когда оно производит и формирует живое существо. Подобно тому, как у Фидия еще до того, как он прикоснулся к материалу, были способности к искусству, благодаря которым он мог этот материал обрабатывать (ведь всякая функция бездейственна, если нет подходящей материи), так и у семени изначально были определенные функции. Что до способности к действию, то семя получило ее не из материала, но эта способность смогла проявиться при взаимодействии с материалом.

В случае если семя заливается большим количеством крови, оно гибнет, а если оно, оставаясь пустым, совершенно лишено крови, ему невозможно взять на себя роль природы ради зарождения живого существа. Для того чтобы семя не погибло и вместо него начала действовать природа,

нужно, чтобы к семени притекло небольшое количество крови. Скорее следует говорить даже не о малом количестве, но о крови, соразмерной обилию семени. Кто же может отмерить подходящую порцию прибывающей крови? Кто ограничит приток лишней крови? Кто позаботится, чтобы не было недостатка? Кого мы, наконец, отыщем, кто третьим предстоял бы при зарождении живого существа, кто обеспечил бы семя соразмерным количеством крови? Что сказал бы в ответ Эрасистрат, если бы он был жив и его бы об этом спросили? Ну, конечно, он бы сказал «само семя», ведь именно оно и есть тот мастер, которого можно сравнить с Фидием, а кровь скорее напоминает воск, с которым работает скульптор.

Так вот, не пристало, чтобы воск сам себе определял меру, ведь это задача Фидия. Мастер всякий раз получит для себя столько крови, сколько ему требуется. Но в этом месте нам следует быть внимательными и осмотрительными, чтобы ненароком не ошибиться, приписывая семени способность к рассуждению и разумное начало. Ведь тогда нам придется признать семя не одним из проявлений природы, а прямо-таки живым существом. Если же мы будем одновременно учитывать два обстоятельства – притяжение семенем соразмерного количества крови и его непричастность к разумной деятельности, – придется признать, что у него есть свойство притягивать кровь, подобно тому, как магниту свойственно притягивать железо. Стало быть, и здесь, как это не раз слу-

чалось делать прежде, мы вынуждены согласиться с тем, что у семени есть свойственная ему функция притяжения.

Чем же здесь являлось семя? Безусловно, началом деятельным, тогда как пассивным материальным началом была менструальная кровь. А раз деятельное начало проявлялось благодаря той первой функции, с тем, чтобы эта функция дала возможность существовать чему-то, что было лишь запрограммировано ею, то невозможно, чтобы семя было непричастно этой функции, как свойственной ему изначально.

Отчего же тогда это было неизвестно Эрасистрату, если главной функцией семени является привлечение к себе соразмерной доли крови? Соразмерной же должна быть доля крови столь невесомой и разреженной, чтобы никоим образом не обнаружить свое присутствие, проникая, подобно росе, в каждую частицу семени. Ведь таким образом семя легко удержит и быстро усвоит кровь, сделав ее себе пищей, а затем, думаю, привлечет вторую и третью порцию крови, чтобы в процессе питания приобрести существенную массу и объем. Здесь можно также усмотреть и функцию изменения, о которой у Эрасистрата не сказано ни слова. Наконец, можно обнаружить и третью функцию, функцию формирования, благодаря которой семя первым делом облекается тонкой оболочкой, точно слоем поверхностной накипи: согласно Гиппократу, оболочка эмбриона, которого будто бы выкинула певичка на шестой день после зачатия, напоминала оболочку яйца. После этого плод проходит все остальные

стадии формирования, как это описано в сочинении Гиппократов «О семени и природе ребенка».

Но что было бы, если бы каждая из сформированных частей оставалась такой маленькой, какой она была в самом начале? Вот поэтому частям тела нужно расти. А каким образом они будут расти? Растягиваясь по всем направлениям и в то же время питаясь. А если вспомнить, что я не так давно рассказывал про забаву с пузырем, который дети надувают и трут, будет легче понять мою мысль.

Представим себе, например, сердце, которое поначалу столь мало, что не отличается от просяного зернышка или, если угодно, от боба. А теперь постараемся ответить на вопрос, как сердце могло бы иначе увеличиться в размерах, кроме как питаясь и растягиваясь по всем направлениям, так же как немногим выше было показано на примере питания и роста семени. Однако и это не было известно Эрасмусту – человеку, который воспевал искусство Природы: по его мнению, живые существа увеличиваются, точно какое-нибудь сито, веревочная сетка, холстинка или плетенка, ведь их легко надставить, приплетая по краям нечто подобное тому, из чего они первоначально были сделаны.

Только речь здесь, о наимудрейший, не об увеличении, но о зарождении, ведь мешок, холст, плащ, дом или судно и прочее в том же роде – все это именно зарождается, пока оно, еще не созданное в полной мере, дополняется, чтобы воплотить замысел ремесленника. Когда же можно говорить об

увеличении? Только тогда, когда корзина действительно является корзиной: имеет дно, входное отверстие, что-то вроде чрева и другие промежуточные детали, и теперь каждая из ее составных частей увеличивается. «Да как же она будет увеличиваться?» – спросит кто-нибудь. Не иначе, как если наша корзина внезапно окажется растением или животным, ибо увеличение свойственно одним живым организмам. А ты, должно быть, думаешь, что дом растет, пока его строят, корзина – пока ее плетут, а холст – пока его ткут? Дело, однако, обстоит не так: увеличение возможно лишь в том случае, когда форма уже полностью сложилась. Процесс создания формы называется зарождение, а не увеличение, ведь растет то, что уже существует, а зарождается то, чего прежде не было.

4. И это также было неизвестно Эрасистрату, от которого ничего не укрылось, если, конечно, доверять его последователям, которые утверждают, что он был знаком с философией перипатетиков. До того момента, как он воспевае природу как искусного творца, и я узнаю в его речах перипатетическое учение, а во всем остальном не вижу ничего похожего. Ведь всякий, кто обратится к сочинениям Аристотеля и Феофраста, вероятно, заметит, что они составлены как комментарии к «Физиологии» Гиппократов. Согласно Гиппократу, такие элементы, как горячее и холодное, сухое и влажное, оказывают действие друг на друга или испытывают его, причем наиболее активным является горячее, а вторым по си-

ле воздействия – холодное. Все это первым сформулировал Гиппократ, а уже за ним – Аристотель. Гиппократ и Аристотель также согласны в том, что процесс питания происходит посредством всех этих элементов, как и процессы смешения и изменения. Они же учили, что пищеварение – это род изменения, а то, что идет в пищу, приобретает качество, родственное тому, что эту пищу принимает; и кроветворение, и питание – это тоже род изменения, а увеличение происходит за счет растяжения во всех направлениях и питания. Изменение же возможно благодаря лишь врожденной теплоте, благодаря которой возможно и пищеварение, и питание, и образование всех жидкостей организма, и качества того, что подлежит выделению, также порождает врожденная теплота. Все это, а также многое другое об упомянутых выше функциях, о происхождении болезней, о поисках правильного лекарства первым, как нам известно, верно изложил Гиппократ, Аристотель же, правильно все это истолковав, был вторым.

И если все это действительно признается перипатетиками (а они все это признают), а Эрасистрат ни одно из этих положений не принимает, каким образом его приверженцы приписывают основателю своей школы знакомство с учением перипатетиков? Да ведь они поклоняются ему, как боже-ству, и считают истинным все, что бы он ни сказал. Однако если это так, то приходится признать, что перипатетики много погрешили против истины, поскольку они не одобря-

ют ни одно из положений Эрасистрата. И уж конечно, последователи Эрасистрата преувеличивают его связь с перипатетиками, чтобы намекнуть на благородное происхождение его учения о природе.

Итак, попробуем развернуть нашу аргументацию по-другому и направить ее иначе, чем делали до этого. Ведь если перипатетики были правы в своем учении о природе, невозможно отыскать ничего более абсурдного, чем утверждения Эрасистрата. Здесь я оставляю выбор за последователями Эрасистрата, какой из двух аргументов им принять. Согласно первому, заблуждаются в своих воззрениях на природу перипатетики, согласно второму – сам Эрасистрат. Выходит, мое дело – коснуться противоречий между этими научными позициями, а выбор остается за ними.

Впрочем, едва ли они перестанут восхищаться Эрасистратом, и поэтому о философах перипатетической школы им лучше помолчать. Ведь из множества естественнонаучных учений о рождении и гибели живых существ, о здоровье, болезнях и их лечении найдется одно-единственное общее для Эрасистрата и перипатетиков положение, согласно которому природа творит все с определенной целью и ничего не делает просто так.

Но даже этот постулат оказывается общим только на словах, а на деле Эрасистрат тысячу раз не оставляет от него камня на камне. Получается, что и от селезенки, и от сальника нет никакой пользы, что артерии, которые ведут к поч-

кам, хотя это самые большие почти из всех тех сосудов, что расходятся от аорты, не имеют никакого определенного назначения и что в организме полным-полно других бесполезных органов, по крайней мере с точки зрения Эрасистрата. Но если он ничего не знает о том, как устроены эти органы, то в анатомии он смыслит не более мясника. Если же знает, но ничего не говорит об их назначении, очевидно, он полагает, что они, как и селезенка, были созданы без определенной цели. К чему мне тогда вообще рассуждать о таких органах в сочинении «О назначении частей человеческого тела», которое я, со своей стороны, готов довести до конца?

Итак, повторим нашу аргументацию и, сказав еще несколько слов последователям Эрасистрата, перейдем к следующей теме. Такое впечатление, что они не прочли ни одного сочинения Аристотеля, но, прослышав от других, что этот человек пользовался большим авторитетом в естественнонаучных вопросах и что стоики идут по его стопам, а затем обнаружив среди широко известных положений какое-то одно общее для Аристотеля и Эрасистрата, выдумали, что этих ученых мужей что-то связывает. Однако простое перечисление догматов, о которых речь шла выше, указывает на то, что Эрасистрат не имеет никакого отношения к учению Аристотеля о природе. Сначала эти догматы сформулировал Гиппократ, вслед за ним – Аристотель, далее – стоики, с одной поправкой: «качества» у них – это «тела».

Возможно, последователи Эрасистрата будут утверждать,

что именно в логике их учитель следовал учению перипатетической школы, ведь им неведомо, что те не приводили ошибочных и неубедительных аргументов, а книги Эрасистрата полны аргументами именно такого рода.

Возможно, в конце концов кто-то в изумлении спросит: что это нашло на Эрасистрата, что он до такой степени отворотился от учения Гиппократов? Почему, отказывая в функции притяжения желчевыводящим протокам, которые находятся в печени (о почках уже было сказано достаточно), он нуждается в теории «благоприятного времени и места», в узких входных отверстиях, в некоем общем пространстве, куда через ворота печени поступает неочищенная кровь (первыми принимают желчь желчные каналы, а ответвления поллой вены затем получают очищенную кровь)? Между тем, признав функцию притяжения, он не только не нанес бы никакого ущерба своим рассуждениям, но впредь избежал бы сомнений по поводу великого множества своих аргументов.

5. Что до нынешних последователей Эрасистрата, то они вступают в настоящие баталии не только с представителями всех прочих направлений, но и между собой, так как не знают, как толковать пассаж из первой книги Эрасистрата «Общие положения», в которой он говорит следующее: «Поскольку из двух видов сосудов, имеющих выход в одно и то же место, одни направляются к желчному пузырю, а другие – к поллой вене, выходит, что пища, двигаясь по пищеварительным путям, частью соответствует размеру устья одних сосу-

дов, частью — других, а потому сообразно распределяется: часть пищи поступает в желчный пузырь, а другая часть достигает полой вены». Ведь трудно сказать, как следует понимать фразу, написанную в самом начале: «сосудов, имеющих выход в одно и то же место». Значит ли выражение «в одно и то же место», что к концу той вены, что находится на вогнутой поверхности печени, прикрепляются концы двух других сосудов: вены, находящейся на выпуклой поверхности печени и желчевыводящего протока? Или если первая версия неверна, то следует выдумать некое пространство, общее для трех сосудов, наподобие резервуара, который наполняется из нижней вены и содержимое которого изливается в желчные протоки и в ответвление полой вены? В каждом из этих объяснений есть множество нелепостей, и начни я сейчас перечислять их все, то, пожалуй, сам того не замечая, примусь толковать Эрасистрата, вместо того, чтобы довершить то, что обещал с самого начала. А объединяет две эти версии одна общая неувязка: ни в том, ни в другом случае кровь полностью не очищается. Ведь должно, чтобы кровь попадала в желчный проток, как в некое сито, а не миновала его и стремительно не проносилась в большее по размеру устье, повинувшись закону усвоения.

Единственные ли это непреодолимые противоречия, которые таит в себе учение Эрасистрата, или эти трудности наиболее значительные и до того бросающиеся в глаза, что не укроются и от малого ребенка?

6. Если присмотреться внимательно, то даже в вопросе о питании, о котором идет речь во второй книге «Общих положений», ему не удастся избежать тех же самых противоречий. Согласно одному постулату, пустота требует заполнения (на это мы уже указывали), отсюда он смог сделать заключение исключительно о венах и о находящейся в них крови. Ведь если что-то вытекает через их устья и рассеивается по организму и если не может образоваться совершенно пустое пространство, а вены не могут сжаться (это последнее от него ускользнуло), было бы необходимо признать, что каждая следующая порция крови заполняет пространство, освобождающееся по мере оттока утекающей крови. Именно так наши вены будут получать питание, извлекая пользу из содержащейся в них крови. А как быть с нервами, ведь в них нет крови, как в венах? На это легко можно было бы сказать, что они притягивают питание из вен. Но Эрасистрат этого не желает. И как же он справляется с этой трудностью? Он полагает, что нерв имеет свои собственные вены и артерии, представляя собой что-то вроде веревки, которую сама природа сплела из трех разных тонких тесемок. Ведь он, выдвигая эту гипотезу, полагал таким образом уйти от теории притяжения: ведь нерв, содержащий в себе собственный сосуд, не будет нуждаться в другой, настоящей крови, притекающей снаружи из расположенного рядом сосуда, и этого фантастического сосуда, существующего только в теории, для питания нерва будет достаточно.

Однако Эрасистрат вновь сталкивается с затруднением. Ведь этот маленький сосуд будет питать самого себя, но питать расположенный рядом нерв или артерию он уже будет не в состоянии, если у них не будет естественной способности привлекать пищу. Ведь если даже признать теорию заполнения пустоты, то как нерв, будучи простым, сможет притягивать пищу, наподобие сложно устроенных вен? Ведь хотя и есть в нем своего рода полость, но заполнена она не кровью, а душевной пневмой. В нашем рассуждении нам нужно, чтобы питательные вещества как-то проникали не в самую полость, но в сосуд, который ее содержит, независимо от того, нуждается он только в питании или одновременно и в росте. Как же мы направим туда питательные вещества? Ведь этот простой сосуд до того мал и до того мал каждый из двух других, сплетенных с ним сосудов, что если проколоть его в любом месте тончайшей иглой, то пронзишь насквозь все три сосуда разом. Поэтому ощутимого совершенно пустого пространства в нем нигде быть не может, а то пустое пространство, которое существует только в воображении, не могло бы побудить новое содержимое снова и снова заполнять пустоту.

Здесь мне снова хотелось бы обратиться к Эрасистрату и спросить его об этом элементарном малом нерве: действительно ли он является единым и сплошным, или он состоит из множества мельчайших тел, как это предполагали Эпикур, Левкипп и Демокрит? Вижу, что последователи Эрасистрата расходятся во мнениях и по этому поводу. Одни счи-

тают, что единый и сплошной: в противном случае Эрасистрат бы не называл его простым, но кое-кто осмеливается и его разделить на другие, элементарные составляющие. Но если он является чем-то единым и сплошным, то, что уйдет из него благодаря явлению, которое медики называют неоощутимым испарением, никакого пустого пространства в нем не оставит. Ведь в результате будет уже не нечто единое, а множественное, разделенное пустотами. Если же они составлены из множества мельчайших тел, то мы, как говорится, черным ходом попали прямо к Асклеиаду, коль скоро мы полагаем, что существуют такого рода несопряженные частицы. Тогда, опять-таки, нам придется отказать природе в творческом начале, ведь это неизбежно вытекает из предположения, что такие частицы существуют.

Именно поэтому мне кажется, что некоторые из последователей Эрасистрата допускают разделение простых сосудов на элементарные составляющие по своему сугубому невежеству. И мне уже безразлично, остановимся мы на первой или второй версии: их взгляды на питание неизбежно окажутся нелепыми. Если считать, что эти простые и малые сосуды, вместе составляющие большие и оощутимые нервы, являются сплошными, пустоту в них заполнить невозможно, потому что в сплошном нет пустоты, даже если оттуда что-то утекает. Ведь оставшиеся частицы сходятся друг с другом, как это видно на примере воды, и вновь становятся чем-то единым, занимая целиком место того, что прежде их разделяло. Если

же придерживаться точки зрения других приверженцев Эрасистрата, то заполнение пустоты также невозможно, ибо ни один из упомянутых мельчайших элементов в этом не нуждается. Ведь этот принцип действует, если мы имеем дело с чем-то осязательным, а не с тем, что существует только в теории, как это открыто признает и сам Эрасистрат, утверждая, что предметом рассмотрения для него является не та пустота, которая понемногу заполняет пространство между частицами, но пустота явная, осязательная, обширная, великая и очевидная – или как еще заблагорассудится тебе ее назвать. Разумеется, сам Эрасистрат утверждает, что совершенная пустота не может быть осязательной, я же ко многим существующим терминам добавил в нынешнем моем рассуждении термин, вносящий ясность.

Тут, мне кажется, лучше нам как-то поддержать последователей Эрасистрата (раз уж мы об этом заговорили) и посоветовать им, если они делят на другие элементарные тела сосуд, который Эрасистрат называет первичным и простым, отказаться от этого мнения. Ведь помимо того, что они при этом ничего для себя не извлекают, так еще и расходятся с Эрасистратом в этом вопросе. Ясно, что они из этого ничего не извлекают, ведь, опираясь на данное мнение, невозможно отделаться от сложности, которая связана с вопросом о питании. И мне кажется очевидным, что это мнение идет вразрез с воззрениями Эрасистрата, ведь оно объявляет сложным то, что он называет простым и первичным, и отказыва-

ет природе в творческой силе. Ведь если мы не допустим в этих простых образованиях определенного единства сущности, но дойдем до неупорядоченных и неделимых частиц, мы начисто откажем природе в ее творческой силе, как все врачи и философы, которые берут эту гипотезу за отправную точку.

Ведь согласно этой гипотезе, природа вторична, а не первична по отношению к частям живого организма. А формировать и созидать – это задача не того, что появилось следом, а того, что предшествовало. Поэтому нам обязательно придется предположить, что функции природы, при помощи которых она формирует, растит и питает живое существо, действуют, начиная от самого семени. Однако ни одна из этих неупорядоченных и неделимых частиц не наделена ни функцией формирования, ни функцией увеличения, ни функцией питания – словом, никакой творческой способностью вообще; предполагается, что они невосприимчивы и не подвержены изменению. А между тем ни один из названных процессов не обходится без преобразования, изменения и полного взаимопроникновения, как мы показали выше. Повинуясь необходимости, все сторонники этого течения, так как они не в состоянии делать логические выводы из гипотезы элементарных частиц, вынуждены объявить природу лишенной творческого начала. Впрочем, последователям Эрасмистрата следовало узнать это не от нас, но от самих философов, для которых особенно важно первым делом рассмот-

реть элементы всего сущего.

Едва ли было бы верным считать, что Эрасистрат дошел до такой степени невежества, что не осознавал логические последствия своей теории, то есть, признавая за природой творческую силу, вместе с тем дробил бы материю на невосприимчивые, рассеянные и не подверженные изменениям частицы. Если он согласен наделить элементарные частицы способностью меняться и преобразовываться, а также признать за ними единство и целостность, то простой сосуд (как он сам его называет) окажется у него единым, не составным. Но простая вена будет получать питание из самой себя, нерв же и артерия – от вены. Однако как и каким образом? Ведь уже и прежде, касаясь этой темы, мы упомянули о разногласиях в лагере сторонников Эрасистрата и не только показали, что вопрос питания упомянутых простых сосудов остается открытым, но также решились выступить судьями в этой распре и оказать честь Эрасистрату, причислив его к лучшему научному направлению.

Итак, вновь обратившись к научному направлению, которое предполагает, что элементарный нерв является единым, простым и совершенно слитным, рассмотрим, как он будет питаться. Ведь то, что удастся обнаружить здесь, могут, пожалуй, разделять и представители школы Гиппократов.

Думаю, лучше подвергнуть испытанию спорный вопрос, обратив внимание на состояние тех людей, которые перенесли тяжелую болезнь и сильно исхудали. Очевидно, что

все части тела у них истощенные и слабые и они нуждаются в прибавке веса и усиленном питании. По той же причине этот осязаемый нерв, о котором мы говорили с самого начала, становится достаточно тонким и нуждается в питании. Этот нерв заключает в себе многочисленные части: те самые первичные и неразличимые малые нервы, а также какие-то небольшие простые артерии и вены. Итак, совершенно очевидно, что все его элементарные нервы тоже истончились, ведь если бы не истончились и они, то и целый нерв бы не отошел. И, разумеется, не может быть так, чтобы целый нерв нуждался в питании, а каждый из тех простых – нет. А поскольку требуется усиленное питание, стремление заполнить пустоту ничем не может им помочь, как из-за тех противоречий, о которых речь шла выше, так и по причине наступившего истощения, что я и продемонстрирую; нам следует искать иную причину процесса питания.

Почему же стремление заполнить пустоту не может обеспечить питание того, кто находится в таком состоянии? Потому что необходимо, чтобы постоянно поступало ровно столько, сколько утекло. Этого достаточно для питания тех, кто здоров, ведь у них то, что входит в организм, должно быть равным выходящему. А при крайнем истощении и потребности в усиленном питании, если поступающее не будет многократно превышать убывающее, совершенно невозможно будет достигнуть первоначального состояния. Отсюда ясно следует, что истощенные части тем более должны будут

усиливать притяжение, чем больший недостаток испытывают. Не понимаю, как это Эрасистрат не видит, что, путая причинно-следственные связи, вторичное он делает первичным.

Ведь он утверждает, что из-за того, что больным для питания требуется существенное пополнение, и стремление заполнить пустоту будет велико. Как же возможно существенное пополнение, если ему не предшествует обильное распределение питательных веществ в организме, то есть усвоение? Положим, он называет усвоением перенесение пищи по венам, а процесс, при котором каждый простой и незаметный нерв и каждый кровеносный сосуд получает питание, – распределением (как некоторые требуют этот процесс называть), а далее утверждает, что получение питания через вены происходит исключительно благодаря стремлению заполнить пустоту. Пусть тогда он объяснит нам, как выглядит получение пищи, если говорится о частях организма, которые существуют только в теории. Ведь, как это было показано, в этом случае речь уже не может идти о стремлении заполнить пустоту, в особенности если организм крайне истощен. Стоит выслушать, что заявляет об этих частях сам Эрасистрат во второй книге своего сочинения «Общие положения»: «У абсолютно простых сосудов, которые являются тонкими и узкими, пополнение питания происходит из сосудов, расположенных рядом, причем питание привлекается через стенки сосудов и проникает в пустоты, образовавшиеся после того,

как вышло прежнее содержимое». Из этого отрывка я, во-первых, приветствую и принимаю выражение «через стенки сосудов», ведь простой сосуд, принимая питание через входное отверстие, не может распределять его равномерно внутри себя, так как устье сосуда предназначено для душевной пневмы, а через боковую поверхность из прилежащего к нему сосуда получать питание возможно. Во-вторых, из пассажа Эрасистрата я принимаю тот термин, который он употребляет рядом с выражением «через стенки сосудов». Ведь что именно он говорит? «Питание привлекается через стенки сосудов». Так ведь и мы соглашаемся с тем, что оно «привлекается», однако уже прежде было показано, что привлекается оно не за счет стремления заполнить пустоту.

7. Теперь давайте сообща разберемся, как именно привлекается питание. А каким же еще другим способом, кроме того, которым притягивает железо магнит, наделенный функцией притяжения определенного качества? Положим, усвоение начинается со сжатия желудка, а все дальнейшее движение питательных веществ происходит за счет сокращения и поступательной пульсации вен, а также благодаря тому, что все части организма, нуждающиеся в питании, втягивают его в себя. Если это так, то, отказавшись от принципа заполнения пустоты, поскольку он не согласуется с представлением о творческом потенциале природы, мы, пожалуй, сможем уйти от спора с Асклепиадом, раз уж не можем благополучно завершить этот спор. Ведь приведенная для примера дизъюнк-

ция на самом деле состоит не из двух, а из трех элементов. Стало быть, если мы возьмем разделенное высказывание из двух элементов, какой-то из них в нашем примере окажется ложным, а если элементов будет три, логическое заключение невозможно.

8. И об этом Эрасистрату следовало бы знать, если только ему действительно доводилось сталкиваться с перипатетиками хотя бы во сне, подобно тому, как следовало бы ему разбираться в зарождении жидкостей в организме, о которых ему нечего сказать даже умеренно правдоподобного. Поэтому он думает ввести нас в заблуждение, ссылаясь на то, что исследование этих жидкостей не приносит никакой пользы. Но, – богов призываю в свидетели! – выходит, как пища переваривается в желудке, знать полезно, а как желчь появляется в венах – это знание нам ни к чему? Стало быть, важно не упустить только, как желчь выводится, и не задумываться о том, как она зарождается? Не лучше ли с самого начала помешать секреции большего количества желчи, чем трудиться над тем, чтобы длительное время выводить то, что образовалось. Удивления достойны и сами сомнения: считать, что желчь зарождается в теле, или утверждать, что она содержится в пище и приходит в организм извне. Ведь если в этом сомневаться незасорно, отчего бы нам не порассуждать и о крови: зарождается ли она в теле или рассеяна в пище, как заявляют те, кто придерживается теории гомеомерий. И уж точно намного полезнее было бы исследовать, ка-

кой вид пищи согласуется с кроветворением, а какой расходуется, чем исследовать, с какой пищей желудок легко справляется и с какой вступает в противоборство. Потому что выбор между легкой и тяжелой пищей касается только пищеварения, а выбор между двумя видами пищи, о которых упомянуто выше, – зарождения полезной крови. Ведь не равным образом важно то, что пища в желудке переваривается с трудом, и то, что не образуется полезная кровь. Как же не стыдно Эрасистрату, что он, разбирая расстройства пищеварения (часто ли они случаются и много ли тому причин), о сложностях кроветворения не только ни единого слова, но даже ни единого слога не сказал? В самом деле, кровь в венах на поверку может оказаться вязкой и жидкой, у одних – краснее, у других – желтее, у третьих – чернее, у четвертых – скорее напоминающая флегму. А если прибавить, что кровь может неприятно пахнуть, и не одним каким-нибудь образом, а весьма различно (что трудно описать словами, но легко распознать органами чувств), то всякому ясно, что легкомыслие Эрасистрата придется сурово осудить за то, что он пренебрег теорией, столь необходимой для практики врачебного искусства.

Ведь совершенно ясно, что заблуждения по поводу водянки логически вытекают из этого попустительства. Разве не свидетельствует о крайней небрежности Эрасистрата представление о том, что узость проходов не дает крови проникнуть глубоко в печень и что водянка не может возникнуть ни

при каких иных обстоятельствах? Только человек с совершенно неповоротливым умом и напрочь лишенный внимания к повседневным случаям врачебной практики способен вообразить, что причиной водянки всегда является уплотнение в печени, а не состояние селезенки или другого какого-нибудь органа. И мы не раз и не два, но часто видели, как водянка случалась при хронических геморроях, которые были остановлены, либо из-за крайнего охлаждения, вызванного чрезмерной потерей крови. Точно так же у женщин: как совершенное прекращение месячных очищений, так и неумеренная потеря крови при сильных кровотечениях из матки, по нашим наблюдениям, часто вызывали водянку, а у некоторых к этой болезни приводило и так называемое женское истечение. Я оставляю в стороне те случаи водянки, когда она начинается в паху или в каких-то других важных участках тела: эти примеры ясно изобличают мнение Эрасистрата, хотя и не так наглядно, как те виды водянки, которые вызваны сильным охлаждением всего тела. Ведь первая причина разных видов водянки – это результат нарушения кроветворения, что очень напоминает диарею как следствие несварения пищи. И, разумеется, при таких случаях водянки ни печень, ни какие-либо другие внутренности не отвердевают.

Однако, глядя с высокомерным пренебрежением на такие вещи, которые не презирали не только Гиппократ, Диокл, Праксагор или Филистион, но также и ни один из про-

славленных философов – ни Платон, ни Аристотель, ни Феофраст, – премудрый Эрасистрат минует, оставляя в стороне, важные действия природы, точно это какой-то пустяк и рутинная часть врачебного искусства. Эрасистрат даже не удосужился прокомментировать, правильно или ошибочно они единодушно утверждают, что в телах всех живых существ все управляется элементами: теплым, холодным, сухим и влажным, причем одни из элементов действуют, а другие – испытывают воздействие; что теплое среди них обладает наибольшей силой во всех видах естественной деятельности, в особенности при зарождении жидкостей организма. Впрочем, не соглашаться с множеством прославленных ученых и полагать, что автору известно нечто большее, – это само по себе еще незазорно, а вот не удостоить ответом и даже не упомянуть о столь прославленной доктрине – это признак удивительного высокомерия.

На самом деле в научных прениях Эрасистрат – человек совершенно ограниченный и крайне недалекий. В своем сочинении «О пищеварении» он ревностно спорит с теми, кто считает пищеварение процессом гниения пищи, в трактате «Об усвоении» – с теми, кто считает, что кровь передается по венам только благодаря близкому расположению артерий, а в труде «О дыхании» – с теми, кто утверждает, что воздух в легких со всех сторон подвергается стеснению. Он также, не дрогнув, стал возражать тем, кто считает, что моча поступает в мочевой пузырь в виде пара, и тем, кто думает, что питье

устремляется в легкие. Таким образом, он охотно выбирает среди всех самые уязвимые учения и в основном занимается опровержениями. Что же до теории зарождения крови, которая ничуть не менее значительна, чем теория разжижения пищи в желудке, то он не снизошел до полемики с кем-либо из древних, а сам не осмелился предложить какую-нибудь новую мысль, хотя в начале своего сочинения «Общие положения» он и пообещал рассказать, как и посредством каких органов совершаются все природные действия в организме живых существ.

Выходит, если врожденная функция пищеварения слабеет, то у животного делается несварение, а если то же самое случится с функцией превращения переваренной пищи в кровь, то никакой болезни не произойдет? Следует ли полагать, что только эта функция у нас точно из стали и не подвержена изменениям? Или есть какое-то другое проявление этой болезни, помимо водянки? Итак, очевидно, что Эрасистрат во всех прочих вопросах, не колеблясь, опровергал самые слабые теории, а в этом вопросе не осмелился возражать своим предшественникам, да и сам не посмел сказать что-нибудь новое, тем самым признавая, что его собственная позиция оказалась несостоятельной.

Ведь что было сказать о крови человеку, который ни во что не ставил внутреннюю теплоту? Что ему было сказать о желтой или черной желчи или о флегме? То, что, клянусь Зевсом, вероятно, желчь поступает извне напрямую, вместе

с пищей. Эрасистрат примерно это и говорит: «Нет никакой пользы для практической медицины в том, чтобы разбираться, появляется жидкость такого рода при переработке пищи в области желудка или она попадает в организм, будучи смешанной с пищей, которая приносится снаружи». И ты, о почтеннейший, твердишь, что эту жидкость следует выводить из организма живого существа и что она станет причиной великого страдания, если ее не вывести. Как же ты, полагая, что от желчи нет никакой пользы, смеешь говорить, что для практической медицины нет смысла исследовать ее происхождение?

Допустим, что она содержится в пище и не выделяется непосредственно в печень (ты ведь считаешь, что возможны оба эти варианта). В этом случае важно определить, содержится ли в поступающей пище небольшое количество желчи, или ее там очень много. Ведь тогда одни виды пищи безвредны, а другие из-за большого содержания желчи не могут как следует очищаться в печени и должны вызывать множество болезней, причина которых, согласно самому Эрасистрату, – избыток желчи, в первую очередь желтуху. Каким образом для врача может быть избыточным знание о том, что, во-первых, желчь приходит извне, так как содержится в самой пище, а во-вторых, что в свекле, например, есть избыток желчи, в хлебе ее меньше, больше всего – в оливковом масле, а меньше всего – в вине, и так в каждом новом виде пищи по-своему? Разве не поднимут на смех того, кто со-

знательно выберет продукты с большим содержанием желчи вместо тех, где ее немного?

А что если желчь не содержится в еде, а зарождается в самих живых существах? Разве не полезно в этом случае знать, при каком состоянии тела ее появляется больше, а при каком меньше? Ведь наверняка всегда можно изменить, преобразовать и обратить к лучшему болезненные состояния тела. Но если мы не будем знать, какими бывают болезненные состояния и в чем отклонение от нормы, как нам эти состояния улучшить?

Таким образом, вовсе не бесполезно для лечения, как это выходит у Эрасистрата, знать, как на самом деле происходит зарождение желчи. И нет ничего невозможного или трудного в том, чтобы выяснить, что мед изменяется и обращается в желтую желчь не потому, что содержит ее в себе в большом количестве, а потому, что подвергается изменению в организме. Ведь он был бы горьким на вкус, если бы содержал в себе желчь, попадающую в организм извне, и у всех людей он бы производил равное количество желчи. Но на самом деле все обстоит не так. Ведь у людей, находящихся в расцвете сил, в особенности у тех, кто горяч по природе и проводит жизнь в труде, весь мед перерабатывается в желтую желчь. Для стариков же мед достаточно полезен, так как у них в организме он подвергается изменению, превращаясь не в желчь, а в кровь. А Эрасистрат, помимо того, что ничего об этом не знает, не силен даже в логическом членении: он

не задается вопросом, содержится ли желчь в пище с самого начала или производится в результате переработки в желудке, – говорит, что для практической медицины нет никакого смысла в этом разбираться. А ведь, наверное, следовало прибавить кое-что и об образовании желчи в печени и венах, так как древние врачи и философы доказывали, что желчь зарождается в этих органах вместе с кровью. Впрочем, те, кто с самого начала сбился и отклонился от правильного пути, поневоле болтают глупости и при этом не спешат заняться тем, что для практической медицины исключительно полезно.

Дойдя до этого места, я бы с удовольствием спросил тех, кто утверждает, что Эрасистрат тесно связан с перипатетиками, знают ли они, что о наших телах, приводя доказательства, сказал Аристотель. А он сказал, что наши тела – это результат смешения горячего, холодного, сухого и влажного, что горячее является наиболее активным, что те животные, у которых тепла больше, имеют крови в избытке, а у тех, у кого преобладает холодное, крови недостаточно; поэтому зимой они лежат, свернувшись в норах, лениво и неподвижно, точно мертвые. Что касается цвета крови, то о нем говорил не только Аристотель, но и Платон. Мы же, как я уже прежде сказал, не ставили своей целью излагать то, что прекрасно было показано у древних, так как нам не под силу превзойти этих мужей ни мыслями, ни способом изложения этих мыслей. Но нам представляется достойным отыс-

кать и доказать те факты, которые они приводили без доказательств, как очевидные, так как не подозревали, что найдутся какие-то жалкие софисты, которые будут презирать истину в этих очевидных вещах. Кроме того, мы постараемся отыскать и доказать те факты, которые древние врачи и философы совершенно обошли вниманием.

Не знаю, можно ли прибавить что-нибудь мудрее того, что Гиппократ, Аристотель, Праксагор, Филотим и множество других древних философов и врачей говорили о зарождении жидкостей в организме. Ведь в их сочинениях показано, что при изменении питания в венах под действием природной теплоты кровь производится соразмерно потребляемой пище, а остальные жидкости организма – не в соответствующей пропорции, и все явления согласуются с этим аргументом. Ведь пища, по природе более горячая, способствует выработке желчи, а более холодная – слизи. Так же и с возрастом: в те периоды жизни, которые по природе являются более горячими, вырабатывается больше желчи, а в более холодные – больше слизи. Так же обстоит дело и с занятиями, и с землями, и, что всего важнее, с самими видами человеческой природы: более горячее производит больше желчи, а более холодное – больше слизи. И «холодные» болезни – результат действия флегмы, а «горячие» – желтой желчи. И вообще не найти ничего такого, что бы не свидетельствовало в пользу этого закона. А как же иначе? Раз каждая из частей организма действует каким-то образом благодаря определен-

ному смешению четырех элементов, неизбежно, что при нарушении баланса элементов естественная деятельность организма полностью нарушается или по крайней мере бывает затруднена; таким образом, болезнь поражает или живое существо в целом, или отдельные его органы.

Всего существуют четыре первичные и общие болезни, которые различаются в отношении тепла, холода, сухости и влажности. И Эрасистрат это признает, сам того не желая. Ведь когда он говорит, что пищеварение ухудшается при лихорадке (не потому, что нарушена правильная пропорция внутренней теплоты, как это предполагали его предшественники, а потому, что при расстройстве естественной деятельности желудок не может, как обычно, обволакивать и перетирать пищу), резонно его спросить, по какой причине нормальное функционирование желудка нарушилось?

Ведь если, например, после травмы появится бубон, пищеварение не нарушится до того, как больного начнет лихорадить. Ведь ни бубона, ни раны самих по себе недостаточно, чтобы как-то помешать деятельности желудка и совсем ее расстроить. Если же у больного начинается жар, пищеварение тотчас расстраивается, и мы не ошибемся, сказав, что тотчас нарушается естественная деятельность желудка. Однако следует определиться, что является причиной этого нарушения. Ведь ни рана, ни бубон не могут нарушить нормальное функционирование желудка, иначе это произошло бы еще до начала лихорадки. А раз это не так, ясно, что

причина в избыточном количестве тепла в организме. Ведь появлению бубона сопутствуют два дополнительных симптома – изменение в движениях артерий и сердца и избыток природной теплоты. Однако изменение движения артерий и сердца не только совершенно не повредят функционированию желудка, но даже принесут пользу тем животным, у которых, как полагает Эрасистрат, пневма, попадая в пищеварительную систему через артерии, весьма способствует пищеварению. Стало быть, единственная возможная причина расстройства деятельности желудка – это избыточный жар. А ведь теперь пневма поступает интенсивнее, без перерыва и в большем количестве, чем прежде. Получается, что животные, у которых пищеварение происходит за счет пневмы, при таком положении дел будут только лучше переваривать; между тем из-за дополнительного обстоятельства – избыточного жара – должно наступать несварение. Очевидно, что заявлять, что у пневмы есть особое свойство, которое способствует пищеварению, и тут же утверждать, что это особенное нарушается в случае лихорадки, – значит так или иначе признавать нечто нелепое. Ведь если снова задать вопрос, что заставляет пневму измениться, они в ответ смогут назвать только избыток теплоты, в особенности если речь идет о пневме в области желудка; а между тем к бубону она даже не может приблизиться!

Впрочем, зачем здесь упоминать тех животных, у которых особенность пневмы, возможно, и играет важную роль, если

речь идет о людях, у которых пневма не играет никакой роли, или если и играет, то совершенно незначительную? Однако Эрасистрат и сам соглашается, что у больных лихорадкой нарушается пищеварение, и говорит о нарушении деятельности желудка, называя причину, и не приводит никакого другого основания, кроме избыточной теплоты! Но если избыточный жар нарушает пищеварительную деятельность не случайно, а по своей сущности и функции, то его можно отнести к первичным болезням.

Однако невозможно, чтобы несоразмерное увеличение жара принадлежало к числу первичных болезней, а причина нормальной природной деятельности в то же время не заключалась бы в соразмерном смешении элементов. Поэтому невозможно, чтобы неправильное смешение элементов вызывало первичные болезни из-за чего-то иного, кроме расстройства соразмерного смешения. Ведь если организм нормально функционирует, пока все элементы в нем находятся в равновесии, то при нарушении этого равновесия происходят первичные сбои естественной деятельности.

Полагаю, что те, кто способен делать логические выводы, получили достаточно доказательств, что, согласно самому Эрасистрату, соразмерная доля тепла при смешении элементов – причина нормальной деятельности организма. Однако если это так, ничто не мешает нам говорить, что при каждом виде естественной деятельности правильное его смешение приводит к хорошему состоянию, а неправильное –

к плохому. А если это так, следует полагать, что пропорциональная доля тепла в организме способствует образованию крови, а непропорциональное – желчи. Так, мы предсказуемо находим, что желчь в большом количестве образуется в горячие периоды жизни, в теплом климате, в теплое время года, при горячих состояниях организма, горячих температурах человека, занятиях и образе жизни, а также при горячих болезнях.

Те же, кого смущает вопрос о том, в организме у человека образуется желчь или содержится в пище, но не смущает наблюдение, что у безусловно здоровых людей, когда они, вопреки обыкновению, волею обстоятельств вынуждены голодать, во рту чувствуется горечь, цвет мочи напоминает желчь, а желудок терзает резь, – эти люди точно вчера на свет родились и незнакомы с тем, что в мире делается! А ведь кто не знает, что достаточно что-нибудь поварить подольше, как оно становится сначала солоноватым, а потом горчит? Даже если тебе вздумается отварить мед, самый сладкий из всего съедобного, ты обнаружишь, что и он стал горьким. Раз это происходит с любой пищей, пусть и не горячей по природе, если ее долго варить, так же естественным образом обстоит дело с горячим по природе медом. Отчего же мед не становится при варке еще слаще? Дело в том, что в нем изначально присутствует ровно столько теплоты, сколько было необходимо для того, чтобы произвести сладкое. Дополнительное тепло извне было бы полезно при недостатке внутренне-

го тепла, но здесь оно наносит вред и нарушает правильную пропорцию, поэтому от варки быстрее всего остального на поверку оказывается горьким именно мед. По этой же причине мед с легкостью перерабатывается в желчь у тех людей, кто горяч по природе и находится в расцвете сил. Ведь горячее, приближаясь к горячему, обязательно приводит к дисбалансу смешения элементов и быстро превращается в желчь, а не в кровь. Поэтому для того, чтобы мед способствовал кроветворению, нужен человек холодного темперамента и такого возраста, когда организму свойственно остывать. Выходит, Гиппократ совершенно правильно предписывал людям, у которых по природе много горькой желчи, не употреблять мед, так как очевидно, что у них и без того горячий темперамент. Впрочем, не один Гиппократ, но вместе с ним все врачи говорят, что мед плох при желчных болезнях, но хорош в старости. Одни обнаружили это, следуя указаниям самой природы, другие – опытным путем. Ведь даже врачи-эмпирики делают такие же наблюдения: мед хорош для старика, но не для молодого человека, вреден человеку желчному, а флегматику идет на пользу. Точно так и с болезнями: при желчных болезнях мед плох, а при болезнях, сопровождающихся обилием флегмы, – хорош. Одним словом, если тела горячие либо по природе, либо по болезни, либо в силу возраста, либо из-за времени года или климата, либо из-за рода занятий, то мед производит желчь, а в противоположном случае – кровь.

Но ведь, действительно, невозможно, чтобы одна и та же пища у одних порождала желчь, а у других – кровь, если и желчь, и кровь производятся не в самом организме. Допустим, каждый вид пищи на самом деле изначально содержал бы в себе желчь, а не производил ее в результате переработки в телах живых существ. Тогда один и тот же вид пищи во всех телах производил бы ее в равном количестве. Тогда у тех, кто отведал горького, горькая пища, думаю, производила бы желчь, а у тех, кто попробовал что-то хорошее и сладкое, даже капли желчи от этого не появилось бы. И не только мед, но любая другая сладкая пища в упомянутых телах, горячих по той или иной причине, с легкостью превращается в желчь.

Впрочем, я и сам не знаю, как я оказался вовлечен в эти прения, ведь я не собирался этого делать, но был вынужден самой последовательностью рассуждения. Обо всем этом подробно высказались Аристотель и Праксагор, верно изложив взгляды Гиппократ и Платона.

9. Поэтому не считите сказанное нами за доказательства, а лучше примите за указания на невосприимчивость тех, кто думает иначе. Ведь они не знакомы ни с общепризнанными, ни с самыми заурядными фактами ежедневной практики. А в научных доказательствах следует исходить из тех основ, о которых мы уже говорили прежде: взаимодействие активных и пассивных начал в телах становится возможным благодаря горячему, холодному, сухому и влажному. И всякий, ко-

му придется исследовать деятельность вен, печени, артерий, сердца, пищеварительного канала или какого-либо другого органа, будет вынужден признать, что эта деятельность зависит от того, как смешаны эти четыре элемента. Ведь последователи Эрасистрата должны были бы мне объяснить, почему желудок обволакивает пищу, а вены производят кровь. Что толку знать, что желудок обволакивает пищу, если нам не была известна причина, по которой это происходит? А если нам это известно, то мы, думаю, сможем лечить и расстройства функционирования. «Нас это не касается, – заявляют приверженцы Эрасистрата, – и мы не занимаемся причинами как таковыми, ибо они находятся вне сферы интересов врача и подходят, скорее, тем, кто исследует природу в теории». Но разве вы станете возражать тому, кто утверждает, что гармоничное смешение элементов является причиной естественной деятельности любого органа, а дисгармоничное уже можно назвать болезнью и причиной расстройства естественной деятельности? Или же вы доверитесь доказательствам, которые приводят древние авторы? Или, избрав третий путь, вы постараетесь держаться где-то посередине, не торопясь доверять этим доводам, как истинным, просто по необходимости, но и не возражая им, как ложным, но станете в одночасье скептиками, вроде последователей Пиррона? Однако, если вы выберете этот путь, вам придется укрыться за учением эмпириков. Ведь каким еще способом преуспеете вы в лечении, если не разберетесь в причине

каждой болезни? Так отчего бы вам с самого начала не назвать себя эмпириками? Что же вы путаете нас, заявляя во всеуслышание, что изучаете естественную деятельность организма ради того, чтобы лечить? Ведь если желудок больного не в состоянии обволакивать и перетирать пищу, как вернуть его в норму, не разобравшись в причине болезни? А я вам скажу, что, если в желудке избыток жара, нам нужно его охладить, если избыток холода – добавить тепла; в случае излишней сухости необходима дополнительная влага, в случае излишней влажности – сухость. А если случится, что желудок одновременно будет горячее и суше, чем следует, первая задача врача – вместе и охладить, и увлажнить его; если же он слишком холодный и влажный – добавить тепла и сухости; так же и при прочих комбинациях. А что, скажите на милость, будут делать последователи Эрасистрата, если они признаются, что вовсе не собираются искать причины естественного функционирования организма? Ведь плод исследования деятельности органов в том, чтобы, зная причины нарушения равновесия элементов, привести их к гармоничному состоянию. Но для того, чтобы лечить, недостаточно просто знать, какая естественная деятельность с каким органом связана.

Мне кажется, что Эрасистрат не осознавал, что болезнь – это такое состояние организма, которое расстраивает его природную деятельность, не под влиянием случайных факторов, но само по себе. И как тогда ему распознавать и ле-

читать болезни, если он совсем не знает, что это за болезни, сколько их и какого они рода? Что касается желудка, то здесь Эрасистрат все-таки счел достойным исследовать то, каким образом переваривается пища. Почему же тогда он не рассмотрел первую и главную причину пищеварения? А что до крови и вен, здесь он даже не задается вопросом, каким образом они функционируют.

Однако ни Гиппократу, ни кому-то другому из упомянутых мной врачей или философов не казалось, что этот вопрос не стоит внимания. Они утверждают, что природная теплота, которая есть в каждом живом существе, разумно смешанная с умеренным количеством влаги, порождает кровь, а оттого и сама кровь по своей функции – теплая и влажная жидкость. Точно так же и желтая желчь – горячая и сухая, несмотря на то что, в общем-то, кажется влажной. Ведь они понимали, что влажное в представлении и влажное по функции различается.

Кто не знает, что рассол и морская вода консервируют мясо и предотвращают гниение, а мясо, залитое любой другой водой, пригодной для питья, легко портится и гниет? Или того, что от обилия желтой желчи в желудке нас мучает неутолимая жажда, но стоит извергнуть ее – и мы тотчас от жажды избавляемся – скорее, чем выпив огромное количество воды. Выходит, что эта жидкость по праву называется горячей и сухой по своей функции, так же как флегма – холодной и влажной. Ведь и этому как Гиппократ, так и другие древние

философы и врачи приводят ясные доказательства.

Продик в своей книге «О природе человека» называет флегмой нечто «перегоревшее» и как бы «переваренное», входящее в состав жидкостей, сообразно созвучному глаголу¹⁰⁰, и хотя он пользуется термином «флегма» в другом значении, однако по сути не расходится с остальными учеными, употребляющими слово «флегма». О терминологических новшествах этого человека можно судить по тому, что говорит об этом Платон. Впрочем, вещество белого цвета (которое все называют флегмой, а Продик – слизью)¹⁰¹ – это холодная и влажная жидкость, собирающаяся в избытке у стариков и у тех, кто по той или иной причине переохладился. Едва ли кто-нибудь, если только он в здравом уме, скажет, что это нечто иное, а не холодная и влажная жидкость.

Выходит, что одна жидкость организма горячая и влажная, другая – горячая и сухая, третья – влажная и холодная, но никакой холодной и сухой по своей функции жидкости нет, а четвертая комбинация смешения элементов существует во всех остальных вещах и не представлена только среди жидкостей? Это не так: существует черная желчь – жидкость, которая избыточна, по словам разумных врачей и философов, главным образом осенью и в том возрасте, когда на смену расцвету приходит увядание. Также, по их словам, тот или иной образ жизни, местность, состояние и болезни

---

¹⁰⁰ πεφλέχθαι – форма глагола φλέγω («жечь»).

¹⁰¹ ἡ βλέννα, лат. Mucus.

могут быть холодными и сухими. Не увечна же, в самом деле, природа, считают они, чтобы не справиться только с таким типом смещения, но он распространен повсюду, как и все остальные комбинации.

Здесь я взмолился: что если бы мне можно было спросить самого Эрасистрата? Я бы его спросил: что же, природа не создала никакого органа, чтобы выводить из организма такую жидкость? Ведь для секреции мочи существуют целых два органа, и еще есть достаточно большой орган для выведения желтой желчи, а жидкость более вредоносная, чем те, проникает повсюду по венам, смешавшись с кровью? Впрочем, как говорит Гиппократ, «дизентерия приводит к смерти, если ее вызывает черная желчь», а если желтая – она совершенно неопасна, и большинство переболевших остаются в живых. Это доказывает, насколько губительнее и сильнее по своей функции черная желчь, чем желтая. Разве не читал Эрасистрат ни сочинение Гиппократа «О природе человека», ни другие его книги, чтобы так беспечно обходить вопрос о жидкостях живого организма? Или он знаком с этим вопросом и сознательно пренебрегает одним из самых блистательных медицинских учений? Так вот, лучше было бы ему вообще ничего не говорить о селезенке и не позориться, полагая, что такой внушительный орган был создан природой без определенной цели.

На самом деле, о том, что селезенка также является одним из внутренних органов, очищающих кровь, говорят не

только Гиппократ или Платон, которые ничуть не уступают Эрасистрату в вопросах природы, но вместе с ними тысячи других древних врачей и философов. А благородный Эрасистрат, напустив на себя презрение ко всем вокруг, не только не стал им возражать, но вообще не упомянул их точку зрения. В действительности Гиппократ говорит, что селезенка истощается у тех, у кого тело процветает, и с ним согласны все врачи-эмпирики. Если же она вырастает большой и раздувается от внутреннего нагноения, то разрушает организм, наполняя его вредоносными соками, что опять-таки признает не один Гиппократ, но и Платон, и множество других врачей, не исключая врачей-эмпириков. И желтухи при страдающей селезенке приобретают более черный оттенок, и рубцы от ран чернеют. Ведь, вообще говоря, когда селезенка втягивает в себя меньше черной желчи, чем следовало бы, кровь не очищается, а все тело приобретает дурной цвет. А когда селезенка втягивает меньше черной желчи? Разве не очевидно, что тогда, когда она в плохом состоянии? Подобно тому, как почки, функция которых – притягивать мочу, делают это с трудом, если они сами в плохом состоянии, так же и селезенке, врожденная функция которой – притягивать черную желчь, не справиться с этой задачей, когда она больна, и уже от этого кровь становится более плотной и чернеет.

Все эти сведения, чрезвычайно полезные для диагностики и лечения болезней, Эрасистрат полностью пропустил и тем самым выказал пренебрежение к столь великим людям

– он, человек, который и первых встречных не презирал, но всегда с большим рвением возражал хотя бы и на глупейшие пассажи. И вот, очевидно, не зная, что возразить древним по поводу функционирования и назначения селезенки, а собственных открытий не сделав, он закончил тем, что не сказал вообще ничего. Что до меня, то первым делом из причин, которыми управляется все в природе, я называю элементы горячего, холодного, сухого и влажного. А затем, исходя из процессов, которые очевидным образом происходят в организме, я показал, что должна существовать какая-то холодная и сухая жидкость. И далее, по порядку, я доказал, что это черная желчь, а селезенка – внутренний орган, который ее очищает, и, насколько возможно кратко упомянув о доказательствах древних авторов, перехожу напоследок к тому, о чем еще нужно здесь сказать.

А что еще остается, кроме как ясно истолковать, как древние представляют и доказывают процесс зарождения жидкостей в организме. Нагляднее всего это можно понять на примере. Представь себе молодое вино, недавно из-под пресса, которое начинает бродить и изменяться под действием внутренней теплоты. Затем представь два вида излишков, выделившихся в результате изменения: один более легкий и воздушный, а другой – более тяжелый и землеобразный; первый называют пеной, а второй – осадком. Ты, пожалуй, не ошибешься, сравнив первый из них с желтой желчью, а второй – с черной. Впрочем, вид этих двух жидкостей бывает разным,

в зависимости от того, в нормальном состоянии находится организм или, как это нередко бывает, в болезненном. Ведь в этом случае желтая желчь делается похожей на желток – ее так и называют, потому что сравнивают с яичным желтком по цвету и плотности. А черная желчь становится куда вредоноснее, чем она была в нормальном состоянии. Этой жидкости еще не дали особого названия, разве что иные называют ее едкой и подобной уксусу, так как она становится едкой, как уксус, и разъедает тело живого существа и землю, если разлить ее по земле. И она производит некое брожение и бурление, образуя при этом пузыри, да еще добавляется сильная способность к гниению, по сравнению с тем, какой была черная желчь в нормальном состоянии. Мне кажется, что большинство из древних врачей называли просто черным соком, а не черной желчью небольшое количество этой жидкости, естественным образом извергающееся из кишечника или поднимающееся из желудка вверх. А черной желчью они называли то, что уже приобретало свойства кислоты, изменившись в процессе некоего пережигания и гниения. Однако не следует вступать в прения из-за терминов, а нужно узнать истинное положение вещей, которое обстоит следующим образом.

При кроветворении селезенка втягивает в себя все то, что по природе есть в пище плотного и землеобразного, – то, что с трудом переваривается под воздействием природной теплоты, поступая в организм с питательными веществами. А

та пища, которая, так сказать, «испеклась» и сгорела в организме (наиболее теплая и сладкая ее часть, вроде меда или жира), превратившись в желтую желчь, вычищается через так называемые желчные протоки. Это тонкое, влажное и текучее вещество, не похожее на ту желтую, огнеподобную и плотную субстанцию, напоминающую яичный желток, которой оно становится, после того как разогреется до крайнего предела. Эта густая субстанция – отклонение от естественного состояния, между тем как первая, о которой шла речь, остается в норме. Так и с черной желчью: если, разлитая по земле, она еще не бурлит и не бродит, значит, она в нормальном состоянии. А если она изменилась на вид и приобрела функцию брожения – это уже ненормальное состояние, ведь, перегорая под действием избыточного тепла, она приобретает едкость и становится чем-то вроде золы. Примерно так пережженный винный осадок отличается от необоженного. Ведь первый – это вещество, достаточно жгучее, чтобы сжигать, разлагать и разрушать плоть. Что до второго, необоженного, то некоторые врачи используют его с той же целью, что и так называемую гончарную землю или другие вещества, способные одновременно подсушивать и охлаждать.

Нередко и перегоревшая желтая желчь, напоминающая желток, приобретает вид перегоревшей черной желчи, когда и ей случается сгореть под воздействием жгучего жара. А все остальные виды желчи либо являются результатом смешения тех, о которых шла речь, либо становятся некими про-

межуточными стадиями при их зарождении и превращении друг в друга. Разница в том, что первые из названных видов желчи – чистые и самодостаточные, а остальные разбавлены всякими сыворотками. Но все сыворотки в жидкостях – это отходы, и телу живого существа нужно от них очищаться. У названных жидкостей есть какое-то естественное назначение – и у плотной, и у тонкой. А при помощи селезенки и желчного пузыря очищается кровь и откладывается часть каждой из этих жидкостей в таком количестве и такого качества, что они нанесли бы определенный вред, если бы разнеслись по всему организму живого существа. Селезенка втягивает в себя достаточно плотную и землеобразную субстанцию, полностью избежавшую переработки в печени; другая часть, умеренной плотности, подвергается переработке и разносится повсюду. Во многих органах живого существа кровь нуждается в определенной плотности, так же как, думаю, и в тех волокнах, которые в ней содержатся. Об их назначении говорится у Платона; мы также коснемся этой темы в тех сочинениях, в которых будем говорить о назначении частей тела. Не менее нуждается кровь и в желтой жидкости, пока она еще не стала до крайности жгучей, а чем эта жидкость полезна для крови, мы расскажем позже в этих же книгах.

Что касается флегмы, то природа не создала никакого органа для того, чтобы очищать от нее организм, так как она холодная и влажная и подобна полупереваренной пище. Такая жидкость должна не выводиться из организма, а подвергать-

ся изменению, оставаясь в теле. А те выделения, которые стекают из мозга, пожалуй, можно называть не флегмой, а слизью или насморком, как это явление и принято обозначать. Так или иначе, природа правильно сделала, позаботившись об их выведении из организма, и об этом также будет сказано в сочинении «О назначении частей человеческого тела». В этом же сочинении мы прокомментируем и тот механизм, который изобрела природа, чтобы как можно быстрее и лучше выводить желчь, которая содержится в желудке и кишечнике. Та же часть желчи, которая распространяется в венах, не нуждается ни в каком очищении, поскольку она полезна для живого существа. На это нужно обращать внимание и осознавать, что, подобно тому, как из двух видов желчи один здоров и годен для живого существа, а другой – нездоров и бесполезен, точно так же есть два вида флегмы: одна флегма – сладкая, здоровая и полезная для живого существа, а другая стала горькой и соленой. Горькая желчь – это та, что переварилась полностью, а соленая – та, что подверглась процессу гниения. Термин «полное несварение», разумеется, следует относить ко второй стадии переваривания пищи – той, что имеет место в венах, а не к первой стадии в пищеварительной системе организма. Ведь с самого начала не получилось бы никакой жидкости, если бы первая стадия переваривания не была пройдена.

Мне кажется, что я достаточно подробно прокомментировал то, что сказали Гиппократ, Платон, Аристотель, Пракса-

гор, Диокл и многие другие из древних по поводу зарождения и гибели жидкостей организма, поскольку мне показалось неправильным приводить в этом сочинении все их высказывания от начала до конца. Я сказал о каждой из жидкостей ровно столько, сколько нужно, чтобы побудить всякого (если он не совершенный невежда) познакомиться с сочинениями древних и помочь ему уразуметь прочитанное. В другом сочинении я написал также о том, что думали по поводу жидкостей, находящихся в организме, Праксагор и Никарх. Ведь несмотря на то, что Праксагор насчитывает целых десять жидкостей, не считая крови (одиннадцатая жидкость – это уже кровь), он не выходит за рамки учения Гиппократата. Ведь он делит на виды и разновидности те жидкости, по поводу которых, указав на особенности, свойственные каждой из них, первым из всех высказался Гиппократ.

Итак, остается поблагодарить тех, кто истолковал положения, изложенные мной верно, как и тех, кто дополнил упущенное. Ведь невозможно одному человеку сделать все от начала до конца! А порицания заслужили те, кто настолько нетерпелив, что не дождался, пока научится тому, что изложено верно, и настолько честолюбив, что в погоне за новыми теориями вечно хитрит и мудрствует, кое-что сознательно пропуская, как это делает Эрасистрат в вопросе о жидкостях, а кое-что коварно парируя, как это делает и названный автор, и многие другие из новых светил.

Здесь нам следует остановиться, а все остальное я изложу

в третьей книге.

КНИГА ТРЕТЬЯ

1. Итак, в предыдущей книге было ясно показано, что питание происходит за счет изменения и уподобления того, чему надлежит пойти в пищу, самому питающемуся. Мы также указали, что у каждой из частей тела живого существа есть некая функция, которой, в соответствии с действием, мы дали родовое название функция изменения, а видовое – функция уподобления или питания. Мы показали, что та материя, употребляя которую живое существо образует для себя пищу, поступая в организм, способна притягивать соприродную ей жидкость, и это происходит благодаря другой врожденной функции. Мы также показали, что у каждого из органов есть своя соприродная жидкость, которая понадобится для процесса уподобления, и что функция, привлекающая жидкость, называется функцией притяжения или привлечения по тому естественному действию организму, за которое она отвечает. Процессу уподобления предшествует стадия приращения, до приращения имеет место стадия приложения, а еще раньше – это, можно сказать, стадия того природного действия, которое связано с функцией притяжения. Ведь из вен пища попадает в каждый из органов под действием силы притяжения, а то, что уже покинуло вены и приложено непосредственно к органу, является той самой це-

лью, ради которой у нас есть определенная функция – функция притяжения: очевидно, что для того, чтобы приложить нечто, надо его сначала привлечь. С этого момента для питания живого существа понадобится уже больше времени, ведь если еще можно что-то быстро привлечь, то срастись, измениться и, наконец, уподобиться питающемуся и стать его частью – все это не может произойти в мгновение ока, но требует немало времени. Но если этот питательный сок, таким образом приложенный, не остается при каком-то определенном органе, но перемещается к другому и блуждает повсюду, чередуя и меняя свое местоположение, ни приращения, ни полного уподобления одному из них не получится. Здесь нужна какая-то дополнительная функция, для того чтобы надолго удержать питающий сок при определенном органе, и эта функция не приплывает неизвестно откуда, но заключается в самом питающемся органе. Нашим предшественникам не оставалось ничего иного, как назвать ее функцией удержания, исходя из природного действия, с ней связанного.

Действительно, все наше рассуждение недвусмысленно указывало на то, что такая функция должна появиться. И всякого, кто способен к логическим умозаключениям, наши слова должны были убедить в том, что такая природная функция непременно должна существовать, если мы признаем, опираясь на предварительные доказательства, что природа искусна и что она заботится о живом существе.

2. Однако мы не привыкли обходиться лишь таким способом доказательства, но дополняем его непреложными и настоятельными подтверждениями, опираясь на очевидные факты. Мы и сейчас прибегнем к таковым и на примере отдельных органов продемонстрируем функцию удержания – до того наглядно, что сможем распознать ее действие при помощи органов чувств. На примере других органов это получится менее ощутимо, но даже в этих случаях – логически доказательно.

Итак, приступим к введению, с самого начала беря за образец последовательно те или иные части тела, на примере которых можно опытным путем точно установить, что такое функция удержания.

Чего же лучше, чем начать наше исследование с наиболее крупных органов, имеющих полости? Мое личное мнение, что лучшего не придумать. Ведь, как правило, на них можно ясно все показать благодаря их величине. А на небольших органах действие функции притяжения различить не так легко, даже если она интенсивная.

Особенно внушительными полыми органами являются желудок и тот орган, который зовется лоно, или матка. Итак, что мешает нам в первую очередь, проведя посильное исследование, рассмотреть действия именно этих органов – действия, очевидные и без анатомического вскрытия. А чтобы исследовать другие, не столь очевидные, виды деятельности этих органов, можно прибегнуть к вскрытию животных, наи-

более близких по строению к человеку. И хотя исследовать животных, не похожих по строению на человека, для того, чтобы в общих чертах судить о функции притяжения, было бы достаточно, эти анатомические исследования помогут нам разобраться, что является общим для всех живых существ, а что присуще только нам самим. Таким образом, у нас будет больше возможностей как для диагностики, так и для успешного лечения болезней.

Итак, невозможно говорить о двух органах одновременно, поэтому мы поговорим о каждом в свою очередь, начав с того, у которого функция удержания проявляется более наглядно. Ведь пища содержится в желудке, пока полностью не переварится, так же как и плод в утробе до тех пор, пока не созреет. Однако время созревания зародыша во много раз превышает время пищеварения.

3. Естественно, функцию удержания нам легче отслеживать на примере матки – тем легче, чем продолжительнее, по сравнению с процессом пищеварения, природное действие этой функции. Ведь у большинства женщин плод созревает в матке порядка девяти месяцев; шейка матки при этом плотно закрыта, а наружная оболочка плода окружает его со всех сторон. И цель природного действия состоит в том, чтобы держать закрытым устье шейки матки и, таким образом, давать плоду спокойно пребывать в утробе. Ведь природа не случайно, не без умысла создала матку, способную со всех сторон укрывать и удерживать внутри себя эмбрион,

но для того, чтобы плод мог достигнуть надлежащей величины. А едва созревает плод (на что и было направлено действие функции удержания), как эта функция тотчас затухает и возвращается в состояние покоя. Вместо нее матка пускает в ход другую функцию, которая до сих пор пребывала в состоянии покоя, – функцию продвижения. И здесь сама потребность определяла как фазу покоя, так и фазу активного действия: действие, связанное с функцией, включалось, когда оно было полезным, а едва потребность прекращалась, наступало состояние покоя.

Здесь мы вновь распознаем творческий промысел природы, ведь она не только наделила каждый орган функциями полезных действий, но еще и позаботилась о своевременной смене состояний покоя и движения. Ведь когда беременность протекает без осложнений, функция вытеснения у матки находится в состоянии полного покоя, как если бы ее вовсе не было. Но стоит чему-то произойти с внешней оболочкой плода или остальными покровами, а то и с самим эмбрионом, так что уже нет надежды на его созревание, как действие функции удержания тотчас прекращается, не дожидаясь, когда пройдут девять месяцев, и она уступает место другой, прежде дремавшей функции, с тем чтобы та сменила состояние покоя на состояние движения. И вот уже действует и заботится о пользе организма функция вытеснения и продвижения, ведь эта функция получила свое название по действию, которое она производит, как и названия всех

остальных функций.

Об этих двух функциях можно говорить одновременно, ведь каждая из них, включаясь, приходит на смену другой и, в свой черед, уступает место той, что прежде дремала, сообразуясь с необходимостью, так что вполне резонно изучать их вместе. Задача функции удержания – со всех сторон сомкнуться, укрывая зародыш; поэтому совершенно естественно, что повитухи на ощупь находят устье шейки матки закрытым. А у самих женщин в первые дни беременности, а в особенности в тот самый день, в который произошло зачатие, возникает ощущение, что угроба приходит в движение и смыкается внутри них. И если сойдутся два эти обстоятельства: шейка матки закроется без всякого воспаления или какой-либо патологии, и этому сопутствует ощущение подвижности в матке, – женщины догадываются, что они приняли семя мужчины и удержали его.

И мы не сами по себе это выдумываем, но передаем то, что засвидетельствовано на основании длительного опыта почти у всех авторов, которые занимались подобными вопросами. По крайней мере, Герофил пишет без всяких колебаний, что до тех пор, пока женщина не разрешится от бремени, шейка матки не пропускает и кончика зонда и что она не раскрывается даже на самую малость, с тех пор как произошло зачатие, а во время месячных истечений раскрывается больше обычного. Все, кто занимался этими вопросами, с ним соглашались, а первым из всех врачей, кто сообщил, что шей-

ка матки закрывается при беременности и воспалении, был Гиппократ. Впрочем, при беременности шейка матки находится в естественном состоянии, а при воспалении отвердевает.

А когда активизируется противоположная функция – функция вытеснения – шейка матки открывается, и все дно матки продвигается как можно ближе к ее шейке, выталкивая плод наружу. А вместе с ним и смежные с ним части, как бы бока всего органа, сжимают и проталкивают плод наружу целиком, способствуя этому процессу. И у многих женщин, у которых эта функция проявляется чрезмерно, сильные спазмы приводят к выпадению матки. Что-то подобное бывает порою при упорной борьбе: часто, стараясь одолеть соперника и бросить его на землю, мы сами валимся вместе с ним. Ведь так и матка порой выпадает, выталкивая плод, в особенности тогда, когда связки, соединяющие матку с позвоночником, по природе слабые.

О мудрости природы говорит также удивительная особенность: пока плод жив, шейка матки очень плотно закрыта, если же случится замирание плода, шейка немедленно открывается настолько, насколько это необходимо, чтобы плод мог выйти наружу. Причем повивальные бабки не сразу поднимают родильниц и сажают их на кресло, но прежде пальпируют понемногу раскрывающуюся шейку матки и сначала говорят, что она открылась достаточно, чтобы мог пройти маленький палец, затем большой и так далее, констатируя вре-

мя от времени, насколько увеличился проход, в ответ на наши вопросы. И когда шейка матки раскрывается достаточно для того, чтобы прошел плод, они поднимают родильниц, сажают их и велят как следует тужиться, чтобы вытолкнуть ребенка. Эти дополнительные усилия, которые прилагают сами беременные, связаны уже не с работой матки, но с работой мышц эпигастрия, которые также способствуют опорожнению кишечника и мочеиспусканию.

4. Таким образом, на примере матки ясно проявляются эти две функции, а на примере желудка они дают о себе знать следующим образом. Во-первых, при бурлении в животе: среди врачей считается, что это признак болезни желудка, и не без основания. Ведь порою живот не крутит, да же тогда, когда туда поступает совсем немного пищи, так как желудок полностью охватывает и сжимает ее. А иногда, когда желудок полон, он бурлит, точно пустой. Ведь когда желудок здоров и правильно применяет функцию, которая позволяет обволакивать пищу, он полностью охватывает даже небольшое количество пищи, не оставляя никакого пустого пространства. А если желудок болен и не может обволакивать свое содержимое полностью, он формирует некоторое пустое пространство, позволяя своему жидкому содержимому бурлить, перетекая туда-сюда при изменении формы этих пустот.

Естественно, что те, у кого наблюдается подобная симптоматика, испытывают проблемы с пищеварением, ведь боль-

ной желудок не может как следует переваривать пищу. Очень долго у них остается ощущение тяжести в желудке, как будто пищеварение идет слишком медленно. И особенно удивительно, что у этих людей исключительно медленно перерабатывается в желудке не только пища, но и питье. Ведь причина вовсе не в том, как, пожалуй, можно было бы подумать, что из-за узости нижнего отверстия желудок пропускает только основательно измельченное содержимое. Ведь известно множество случаев, когда люди глотали большие фруктовые косточки, а один даже нечаянно проглотил золотое кольцо, которое он прятал во рту, кому-то случалось глотать монеты, а иному – другие твердые предметы, переварить которые невозможно, однако все они естественным образом легко избавились от инородных предметов, без каких-либо осложнений. Ведь если бы причиной непроходимости была узость желудочного отверстия, ни один из этих предметов через него бы не вышел. Достаточно вспомнить, что в желудке у этих людей надолго застревает не только пища, но и питье, чтобы отклонить аргумент об узости нижнего отверстия. Собственно говоря, если бы жидкое переваривалось быстрее, то у всех, кто съел похлебки или выпил молока либо ячменного отвара, жидкая пища мгновенно проходила бы по пищеварительной системе. А на деле все обстоит иначе, ведь у ослабленных болезнью именно эта пища и вызывает бурление, так как долго остается непереваренной и давит желудок, вызывая в нем ощущение тяжести. Напротив,

у людей крепких не только не происходит ничего подобного, но даже большое количество хлеба и мяса быстро переваривается.

И не только потому, что желудок растягивается, ощущается тяжесть и содержимое с бурлением перетекает с места на места, можно заключить, что у людей с подобными симптомами непереваренная пища находится там слишком долго; еще одно тому подтверждение – рвота. Ведь случается, что иные извергают полностью все, что было съедено, и не через три-четыре часа, а посреди ночи, когда прошло уже порядочно времени с момента приема пищи.

Особенно хорошо это заметно, если накормить какое-либо животное жидкой пищей, как мы часто проделываем со свиньями, когда даем им некое подобие кикиона, смешав муку с водой, и через три-четыре часа произвести вскрытие. Поступив так, ты обнаружишь пищу еще в желудке. Это время понадобилось не для того, чтобы пища перешла в жидкое состояние: этого можно добиться заранее, пока она еще не попала в желудок. Время пребывания в желудке предназначено для переваривания, а это иной процесс, чем переход в жидкое состояние, так же как кроветворение или питание. Ведь как можно наглядно показать, эти процессы проходят с качественными изменениями, таким же образом и процесс пищеварения в желудке – это изменение качества пищи, в результате которого оно становится соприродным тому, что пищу принимает.

И нижнее отверстие желудка открывается только тогда, когда процесс пищеварения полностью завершится; тогда через него с легкостью проходят остатки, даже если среди них окажется порядочно камешков, костей, виноградных косточек и прочих примесей, которые невозможно перевести в жидкое состояние. Ты это сам сможешь рассмотреть, если будешь держать в памяти тот момент, когда открывается нижнее отверстие желудка. Если ты даже ошибешься и содержимое желудка еще не начнет проходить вниз по пищеварительному тракту, вскрытие все же не пройдет без пользы и принесет свои плоды. Ведь ты сможешь при этом увидеть то, о чем мы говорили немногим выше: привратник желудка плотно закрыт, а желудок полностью обволакивает находящуюся в нем пищу, наподобие того, как у беременных матка укрывает зародыш. Ведь ни здесь, ни там невозможно обнаружить пустого места: ни внутри матки, ни внутри желудка. Точно так же обстоит дело с тем и другим пузырем: как с тем из них, который называется желчным, так и со вторым, именуемым мочевым. Но независимо от того, скудное в них содержимое или обильное, их полости целиком заполнены за счет внутренних оболочек, обволакивающих то, что находится внутри, если животное находится в нормальном здоровом состоянии.

А Эрасистрат почему-то объявляет причиной всех процессов способность желудка обволакивать: эта способность ему кажется причиной измельчения пищи, и выведения из-

лишков, и усвоения жидкого содержимого.

Я же при бесчисленных вскрытиях брюшины еще живых животных всегда обнаруживал, что весь кишечник волнообразно сжимается, охватывая содержимое. То, что происходит с желудком, сложнее: как только в него поступает пища, он, оставаясь неподвижным, плотно охватывает ее сверху, снизу и отовсюду, так что кажется единым целым со своим содержимым и как бы прирастает к нему со всех сторон. При этом, как я обнаружил, привратник желудка всегда сомкнут и плотно закрыт, подобно тому, как сомкнута шейка матки, когда в ней находится эмбрион.

Когда процесс пищеварения был уже завершен, привратник желудка оказывался открытым, а сам желудок волнообразно сокращался, напоминая движения кишечника.

5. Итак, все эти факты, согласуясь друг с другом, говорят о том, что у желудка, матки и у обоих пузырей есть определенные врожденные функции: функция притяжения родственных качеств и функция отвержения чужеродных. Ведь, как было показано выше, пузырь, который находится при печени, втягивает в себя желчь; совершенно очевидно и то, что он ежедневно выделяет ее в желудок. И если бы функция выведения активизировалась тогда, когда отключалась бы функция притяжения, и между ними не было бы места функции удержания, при каждом вскрытии животных мы обнаруживали бы в желчном пузыре большое количество желчи. Но это не так: порой мы видим, что он полон, порой совсем пуст,

а иной раз – нечто среднее между двумя этими крайностями, так же как в случае с другим пузырем, который собирает мочу. Впрочем, это нам заметно и до всякого вскрытия, ведь мочевого пузырь продолжает накапливать мочу до тех пор, пока он не наполнится так, что тяжесть становится для него мучительной, а едкая моча не начнет его разъедать, так как он наделен функцией удержания.

Точно так же порой и желудок стремится раньше, чем следует, избавиться от не переваренной еще пищи, так как внутри его возникает раздражение, вызванное едкостью пищи. А порой, когда желудок испытывает дискомфорт от чрезмерного количества пищи, либо тогда, когда совпадают оба названные обстоятельства, начинается диарея. Так же и рвота, аналогичный диарее недуг верхней части желудка, возникает тогда, когда он перегружен большим количеством пищи либо когда для него невыносимы ее качество и примеси, которые в ней содержатся. Ведь когда расстройство наступает в нижних отделах желудка, а верхние находятся в нормальном состоянии, это ведет к диарее, а если не в порядке верхняя часть, а все остальное здорово, – начинается рвота.

6. Это часто можно наблюдать у тех, у кого нет аппетита: даже когда они вынуждены есть, у них не хватает сил глотать, а если все-таки удастся себя заставить, они не могут удержать пищу, но тотчас извергают ее с рвотой. И тех, которые гнушаются какого-то определенного вида пищи, но вынуждены ее попробовать, быстро начинает рвать, а если им

удается усилием удержаться от рвоты, их начинает мутить, и они чувствуют, что желудок у них выворачивает, так как старается избавиться от того, что является причиной неприятных ощущений.

Таким образом, все явления, о которых было сказано выше, свидетельствуют о том, что почти у всех органов живых существ должна быть некая склонность и, так сказать, влечение к соприродному качеству и отвращение или своего рода ненависть к чужеродному. Естественно, что, стремясь к соприродному, они притягивают его, а чужеродное отторгают, испытывая к нему отвращение. Это еще одно доказательство того, что у каждого животного есть функция притяжения и вытеснения.

Однако, если налицо некая склонность и тяготение, должна быть в этом определенная выгода, так как ничто сущее не станет что-то притягивать просто так, ради самого процесса притяжения, но лишь рассчитывая извлечь пользу от того, что удалось получить. Разумеется, из того, что не удалось удержать, пользы не извлечь. Из этого следует, что функция удержания неизбежно должна была появиться, ведь совершенно ясно, что желудок склоняется к соприродным ему качествам, а чужеродные отвергает.

Однако, пусть даже он проявляет склонность к родственным качествам, притягивает их и, удержав, извлекает пользу, обволакивая свое содержимое, есть, пожалуй, предел этому процессу, а вслед за ним приходит время действия функции

вытеснения.

7. Но если желудок способен удерживать и извлекать при этом пользу, то он делает это для того, ради чего он создан природой. А его естественная цель – принимать то, что соответствует ему по качеству. Поэтому он извлекает из пищи то, что ему наиболее полезно, притягивая в парообразном и в измельченном виде, и запасает в своих оболочках, прикладывая все это к ним. Когда же он наполнен достаточно, он избавляется от оставшейся пищи, как избавляются от того, чем тяготятся, между тем как и сама она уже получила какую-то пользу от своего взаимодействия с желудком, ведь два необходимые для взаимодействия тела, сойдясь вместе, либо оба в равной степени воздействуют друг на друга, либо одно из них действует, а другое испытывает действие. Ведь если силы их равны, они в равной мере будут действовать и испытывать действие, а если сила одного намного превосходит силу другого, то, что сильнее, будет воздействовать, а то, что слабее, подвергаться воздействию. Таким образом, действует нечто большое и осязаемое, а мелкое и незаметное или вовсе ничтожное испытывает действие на себе. В этом смысле пища отличается от ядовитого зелья: яд сильнее, чем те силы, которые заключаются в теле, а пища им подвластна.

Итак, живому существу не может подходить та пища, которая не способна подчиниться соответствующим качествам организма, подчиниться же – значит подвергнуться изменению. Но так как одни органы сильнее по действию своих

функций, а другие – слабее, хотя все они и будут подчинять себе пищу, соприродную живому существу, но не все будут делать это одинаково. Например, желудок подчиняет себе пищу и изменяет ее, но не в той мере, как печень, вены, артерии и сердце.

Итак, давайте рассмотрим, насколько желудок изменяет пищу: в желудке она подвергается изменению больше, чем во рту, и меньше, чем в печени или венах. Ведь это последнее изменение доводит пищу до состояния крови, между тем как во рту пища, хотя и принимает другой вид, до конца не преобразуется. Об этом можно заключить по крупичам пищи, которая застряла между зубами и оставалась там всю ночь. Хлеб уже не прежний хлеб, а мясо – не прежнее мясо, они издают запах, наподобие того, как пахнет изо рта животного, подверглись разложению и гниению и несут на себе печать тех качеств, которые присущи животной плоти. Ты можешь оценить степень изменения пищи во рту, если, пожевав пшеницу, приложишь ее к еще не созревшим чирьям, ведь ты увидишь, что смешанная со слюной пшеница быстро изменяет и размягчает чирьи, чего она сделать не в состоянии, если смешать ее с простой водой. Не удивляйся этому, ведь та слизь, что содержится во рту, – это и лекарство, помогающее от лишаев, также она быстро действует против скорпионов и убивает ядовитых тварей: одних сразу, других – некоторое время спустя, однако всем без исключения наносит вред. А пережеванная пища сначала впитывает слизь, содержащую-

ся во рту, и смешивается в ней, а затем полностью примыкает к коже полости рта, таким образом, подвергаясь более существенному изменению, чем пища, которая застряла между зубами.

Степень изменения пищи, пережеванной во рту, больше той, которую претерпела пища, застрявшая между зубами. Настолько же изменение пищи, переваренной в желудке, превышает изменение пищи пережеванной. Разумеется, в точности эти процессы невозможно сравнивать, если под желудком мы подразумеваем и флегму, и желчь, и пневму, и теплоту, и всю, собственно, материю желудка. А если, наряду с желудком, учитывать также прилежащие внутренние органы, расположенные вокруг него, точно множество очагов вокруг одного большого котла (справа – печень, слева – селезенка, сверху – сердце, а вместе с сердцем – грудобрюшная перегородка, подвешенная в постоянном движении, да еще сальник, укрывающий все эти органы), то ты можешь не сомневаться, что пища, переваренная в желудке, подверглась грандиозному изменению.

Да и как пища может превратиться в кровь, если она не подверглась такому изменению? Ведь, как было показано выше, ничто не переходит в свою противоположность, в одночасье изменив качество. Разве хлеб, говядина, бобы или другая пища становится кровью, не подвергаясь предварительно изменению? Что же, фекалии сразу образовались прямо в тонком кишечнике? Что в кишечнике сильнее побужда-

ет к изменению, по сравнению с тем, как это происходит в желудке? Количество оболочек, определенное расположение соседних внутренних органов вокруг него, время, которое содержимое находится в нем, или присущая ему врожденная теплота?

Очевидно, ни в чем из перечисленного выше кишечник не имеет никаких преимуществ по сравнению с желудком. Откуда берется противоположное мнение, что хлеб, целую ночь пробыв в желудке, еще продолжает сохранять свои первоначальные качества, а едва попадет в кишечник, тотчас становится калом? Ведь если столь долгое время не способствовало его изменению, короткого точно будет недостаточно, а если короткого промежутка времени достаточно, чтобы завершить процесс, то длительного тем более для этого хватит! Разве пища изменяется в желудке каким-то иным способом, а не тем, который связан с природой изменяющего органа? Или это такое изменение, что оно не соприсродно телу животного? Это совершенно невозможно, ведь пищеварение – это изменение качества на соприсродное питающемуся. А если именно это и есть пищеварение и пища, как было показано, при изменении в желудке получает качество, соответствующее тому животному, которому она предназначена, этого достаточно, чтобы доказать, что в желудке идет процесс пищеварения.

Поэтому смешны рассуждения Асклепиада о том, что ни отрыжка, ни рвотная масса не свидетельствуют о качестве

переваренной пищи, как не свидетельствуют о нем и результаты вскрытия; а ведь то, что, выходя из тела, издает запах, является результатом пищеварения в желудке. Он же до того наивен, что, услышав, что пища, по мнению древних, изменяется в желудке в нечто хорошее, старается отыскать не что-то потенциально полезное, но что-то хорошее на вкус, как если бы яблоко на вкус становилось еще «яблочнее» (ведь именно так нужно с ним разговаривать) или мед – еще «медовее».

Намного наивнее и забавнее в этом вопросе Эрасистрат, и тогда, когда он не принимает во внимание, что древние сравнивают процесс пищеварения с варкой, и в тех случаях, когда он намеренно запутывается в софизмах. По его мнению, сравнение с варкой неуместно, так как процесс переваривания пищи располагает незначительной теплотой, которую нельзя сравнивать с той, что требуется при варке. Ведь это сравнимо с предположением, что в желудке должен находиться вулкан Этна, иначе он не справится с изменением пищи. Или, в противном случае, изменять пищу он способен, но не при помощи врожденной теплоты, а так как желудок, несомненно, влажен, то слово «варит», рассуждая о нем, употребляют вместо слова «печет».

Если бы он хотел возражать по существу, ему следовало в первую очередь попытаться показать, что пища в желудке совершенно не подвержена изменению и качество ее не меняется, а затем, если бы он смог это подтвердить, что изме-

нение это было бы бесполезным для живого существа. А если бы ему не удалось никого ввести в заблуждение, следовало бы критиковать учение об активных элементах, доказывая, что органы функционируют не за счет смешения горячего, холодного, сухого и влажного, но благодаря чему-то еще. А если бы он не отважился на такую подмену понятий, ему оставалось бы утверждать, что теплое не является наиболее активным из всех элементов в тех системах, которыми руководит природа. Но если бы он не смог доказать этого, как не смог доказать свои прежние утверждения, не следовало бы ему болтать вздор, понапрасну нападая на термин. Можно подумать, что у Аристотеля не было ясно сказано, как в четвертой книге «Метеорологии», так и во многих других сочинениях, каким образом пищеварение сродни варке, как и то, что это выражение используется не в первом, буквальном значении.

Но, как было уже не раз сказано, исходный пункт для всего этого один – обзор теории элементов: горячего, холодного, сухого и влажного. Именно с этого начал Аристотель во второй книге своего сочинения «О возникновении и уничтожении», где он показал, что от названных элементов зависят все изменения и преобразования, которые происходят в теле. Однако Эрасистрат, не высказав никаких возражений ни по этому поводу, ни по поводу того, о чем речь шла выше, направил все силы на единственное слово – «варка».

8. Таким образом, рассуждая о пищеварении, он хотя и

оставил без внимания все прочее, однако попытался по крайней мере доказать, что переваривание в организме живого существа отличается от обычного процесса варки. А рассуждая о глотании, он даже настолько не продвигается. Ведь что он об этом говорит? «Очевидно, что никакое притяжение желудку не свойственно». А между тем у желудка есть две оболочки, которые, разумеется, предназначены для какой-то цели: внутренняя целиком сохраняет сходство с тканями желудка, а внешняя, более мясистая, напоминает ткани пищевода. Простое наблюдение показывает, что у этих оболочек есть выросты волокон, направленные навстречу друг другу. По какой причине они выглядят именно так, Эрасмустрат объяснить не удосужился, а мы попробуем.

Внутренняя оболочка имеет продольные волокна, ведь она предназначена для притяжения, а внешняя – поперечные, чтобы обеспечить перистальтику. Ведь перемещения подвижных органов тела связаны с положением волокон. Если угодно, убедитесь в этом сначала на примере самих мышц: в них волокна наиболее различимы, движения их весьма заметны из-за своей интенсивности. От мышц переходите к природным органам, и вы увидите, что все движется посредством волокон, а потому и обе оболочки всего кишечника снабжены круговыми волокнами, ведь они только волнообразно сокращаются, но не обладают силой притяжения. У желудка есть продольные волокна для притяжения и поперечные для перистальтики, ведь подобно тому, как стяжение

отдельных волокон и приведение их в первоначальное состояние побуждает двигаться мышцу, происходят и желудочные сокращения. Таким образом, когда поперечные волокна сжимаются, полость, окруженная ими, неизбежно сужается, а когда сокращаются и втягиваются продольные, не может не сократиться длина. Наглядно стяжение проявляется при глотании, и видно, что глотка поднимается настолько, насколько тянется вниз пищевод. Когда же завершено действие, которое состоит в глотании, пищевод освобождается от напряжения, и ясно видно, как глотка опускается. Это происходит потому, что внутренняя оболочка желудка, имеющая продольные волокна, сглаживая пищевод и полость рта, доходит до внутренних частей глотки. Таким образом, невозможно, чтобы глотка не опускалась одновременно с пищеводом, который тянет вниз желудок.

Из сочинений Эрасистрата можно заключить, что кольцевые волокна, которые обеспечивают перистальтику желудка и прочих органов, не сокращают их длину, но стягивают и сужают их в объеме, ведь желудок, по его словам, волнообразно сжимает пищу все время, пока идет процесс пищеварения. Но если при перистальтике желудок ничуть не сокращается в длину, то движение пищевода вниз не связано с волнообразными сокращениями. Единственное, что происходит, как говорит сам Эрасистрат, – это то, что нижние части расслабляются, между тем как верхние сжимаются. Всякий знает, что это видно, даже если влить воду в пищевод

мертвого человека, – такой симптом сопутствует прохождению вещества через узкий канал, ведь было бы удивительно, если бы он не расширялся, когда через него поступает определенное количество материи. Таким образом, то, что нижние части расширяются, а верхние при этом сокращаются, – явление общее как для мертвых тел, так и для живых людей, когда что-то проходит через пищевод, будь то результат перистальтики или силы притяжения.

Что до сокращения в длину, то за него отвечают органы, имеющие продольные волокна, предназначенные для притяжения. Пищевод же стягивается книзу, как и было показано, иначе он не потянул бы за собой глотку. Таким образом, ясно, что желудок притягивает пищу через пищевод.

Кроме того, и перенесение извергаемой пищи вплоть до ротовой полости при рвоте само по себе побуждает растягиваться и открываться части пищевода под напором переносимого вещества. Каждый раз, когда заполняется та часть, что находится выше, она первым делом расслабляется, а та, что находится ниже, очевидным образом сжимается, так что действие пищевода во всем напоминает процесс глотания. Но поскольку втягивающая сила не действует, длина пищевода при том, что с ним происходит, остается неизменной.

Поэтому пищу легче проглотить, чем извергнуть, так как при глотании действуют обе оболочки желудка, одна – втягивающая, а другая – обволакивающая и волнообразно сжимающая, а при рвоте задействована только одна, внешняя оболочка, между

тем как сила притяжения в сторону полости рта отсутствует. Ведь несмотря на то, что проглатыванию пищи предшествует позыв к утолению голода, исходящий от желудка, в случае рвоты аналогичного позыва в ротовой полости не возникает, однако состояния желудка в этих двух случаях различны: в первом желудок стремится принять полезную и подходящую ему пищу, во втором – отвергает чужую и вредную пищу, избавляясь от нее. Поэтому люди, у которых достаточно выражен аппетит к подходящей для желудка пище, глотают ее весьма быстро: очевидно, что желудок притягивает и получает ее до того, как она была пережевана. А тем, кто вынужден пить лекарства или употреблять вместо них определенную пищу, глотать неприятно и затруднительно.

Итак, из сказанного становится ясно, что внутренняя оболочка желудка, снабженная продольными волокнами, предназначена для привлечения пищи в желудок из полости рта и поэтому задействована только при глотании, между тем как внутренняя оболочка с поперечными волокнами должна проталкивать пищу, сжимая ее и волнообразно сокращаясь. Эта оболочка задействована не только в процессе глотания, но и при рвотном извержении. Это весьма наглядно подтверждается на примере таких рыб, как змееголов или синодонт: желудок этих рыб порой можно обнаружить в ротовой полости, как пишет Аристотель в своей «Истории животных», прибавляя, что причина такого явления кроется в прожорливости этих рыб.

Дело обстоит так: у всех живых существ желудок, при наличии сильного аппетита, поднимается вверх, так что кое-кто, отчетливо ощущая, что с ним происходит, утверждает, что желудок «вылезает вон», а у иных, хотя они еще не прожевали пищу должным образом, желудок прямо-таки вырывает ее против их воли. У тех животных, которые по природе своей прожорливы, размер ротовой полости внушительный, а желудок непосредственно к ней примыкает, точь-в-точь как у змееголова и синодонта. Поэтому нет ничего удивительного, что желудок, понуждаемый сильным желанием, попадает в полость рта, когда эти животные, изрядно проголодавшись, преследуют какое-то другое существо, помельче, или уже приблизились настолько, что готовы его схватить. Желудок втягивает в себя пищу никоим другим образом, кроме как при помощи пищевода, который действует наподобие руки. Подобно тому, как порой мы сами тянемся всем телом вслед за рукой, желая схватить побыстрее лежащий перед нами предмет, так и желудок тянется за пищеводом, как за рукой. Именно поэтому у тех животных, которым присущи эти три особенности – прожорливость, короткий пищевод и внушительных размеров ротовая полость, – малейшее побуждение к рывку вперед приводит к тому, что желудок попадает в ротовую полость.

Человеку, сведущему в естественнонаучных вопросах, пожалуй, достаточно одного строения органов, чтобы понять, как они действуют. Ведь природа понапрасну не придала бы

пищеводу двух оболочек, одну против другой, если бы им не предстояло действовать по-разному. Коль скоро последователи Эрасистрата способны на что-то большее, чем распознавать действия природы, давайте-ка покажем им, опираясь на анатомию, что эти две оболочки функционируют так, как уже было сказано. Произведя вскрытие какого-либо животного, а затем обнажив все, что находится вокруг пищевода, не повредив при этом нервов, артерий и вен, проходящих там, следует рассечь верхнюю оболочку пищевода, снабженную кольцевыми волокнами, сделав прямое сечение от нижней челюсти до грудной клетки, а затем покормить животное. Тогда будет видно, что оно может глотать, хотя способность к перистальтике утрачена. Если же у другого животного разрезать оба покрова поперечным сечением¹⁰², можно будет, в свою очередь, увидеть, что и оно глотает, хотя внутренняя оболочка не действует. Из этого опыта ясно, что животное может глотать, если будет цела хотя бы одна из оболочек, однако хуже, чем если бы целы были обе. Кроме того, при таких вскрытиях можно ясно увидеть, как при глотании в пищевод вместе с пищей попадает немного воздуха, который при наличии внешней оболочки, обеспечивающей перистальтику, легко выталкивается в желудок вместе с едой. Когда же остается одна внутренняя оболочка, воздух препятствует движению пищи, растягивая оболочку и мешая

---

¹⁰² Очевидно, Гален имеет в виду, что внешняя оболочка остается неповрежденной, а разрез проходит между ее волокнами.

ей функционировать нормально.

Но у Эрасистрата ничего такого не сказано. Он также не упоминает, что наклонное положение пищевода противоречит учению тех, кто считает, что пища, будучи проглочена, устремляется в желудок, падая сверху вниз. Единственное верное его наблюдение – это то, что животные с длинной шеей вынуждены глотать, наклонившись вниз. Однако очевидно, что это явление показывает не то, как глотают, а то, как не глотают, ведь из этого наблюдения становится ясно, что процесс глотания – это не простое падение сверху вниз. При этом по-прежнему непонятно, притягивает ли пищу желудок, или ее доставляет пищевод. А мы, со своей стороны, привели все соображения: одни из них основываются на строении органов пищеварения, другие – на тех симптомах, которые мы наблюдали до и после того, как был обнажен пищевод, о чем шла речь немногим раньше. Таким образом, мы положительно можем доказать, что внутренняя оболочка служит для втягивания пищи, а внешняя – для того, чтобы ее проталкивать.

Итак, изначально нашей задачей было продемонстрировать функцию удержания на примере каждого из органов, как в предыдущей книге мы доказывали существование функций притяжения и выделения. Так, в ходе изложения мы показали, что у желудка есть четыре природных функции: функция притяжения при глотании, функция удержания при переваривании, выделительная – при рвоте и выве-

дении переваренной пищи в тонкий кишечник, само же пищеварение является изменением.

9. Что же касается селезенки, мы также не сомневаемся, что она притягивает подходящее, выводит чужеродное, а также изменяет и удерживает то, что она притянула. То же относится к печени, венам, артериям, сердцу или любому другому органу. Ведь, как мы показали, эти четыре функции необходимы каждому органу, которые обеспечивают питание организма. Потому мы и назвали такие органы «слугами питания», ведь как человеческие испражнения чрезвычайно приятны собакам, так из тех веществ, которые осели в печени, одни подходят селезенке, другие – желчному пузырю, третьи – почкам.

10. И более говорить о происхождении выделений после Гиппократ, Платона, Аристотеля, Диокла, Праксагора и Филотима, думаю, не стоит. Я бы не заговорил и о природных функциях, если бы кто-то из моих предшественников углубился в эту тему.

Изречения древних авторов по этому поводу были верными, но сами они не стали состязаться в доказательствах, не подозревая, что софисты будут настолько бесстыдными, что примутся спорить с очевидными вещами. А из ближнего к нам поколения врачей одни, побежденные софизмами, им последовали, а другие, хотя и пытались возражать, были весьма далеки, как мне думается, от мощи древних авторов. Поэтому я постарался сложить речь таким образом, как если

бы кто-нибудь из них, будь он еще жив, ополчился бы против тех, кто ниспровергает прекраснейшие основы врачебного искусства.

И мне очень хорошо известно, что я либо не достигну совсем ничего, либо добьюсь чего-то ничтожно малого, ведь весьма и весьма многое, в совершенстве показанное древними, нынешние врачи либо не поняли по своему невежеству, и даже поленились попытаться понять, либо поняли кое-что, но не исследовали как подобает.

Ведь тому, кто намерен узнать нечто лучше, чем большинство окружающих, надлежит с самого начала намного превосходить всех остальных и по своим природным качествам, и по раннему воспитанию. Когда же он станет подростком и, точно в исступлении божественного вдохновения, познает страстную одержимость истиной, ни днем, ни ночью он не должен прекращать занятий, усердно изучая все, что изрек-ли самые прославленные из древних авторов. А когда изучит, весьма долго следует ему все это разбирать и испытывать, взвешивая, что здесь согласуется с очевидными фактами, а что расходится, и, таким образом, одно принимать, а другое отвергать. Вот такому человеку, верится мне, мои книги принесут великую пользу. Таких людей, пожалуй, будет совсем немного, для всех прочих эта книга будет так же бесполезна, как история, рассказанная ослу.

11. Так вот, ради тех, кто стремится к истине, нам следует добавить все необходимые сведения по этой теме, прибавив

то, чего еще недостает в нашем сочинении. Очевидно, что у людей, испытывающих сильный голод, желудок притягивает и поглощает пищу прежде, чем она станет полностью однородной в ротовой полости. Если же аппетита нет, а человека к еде принуждают, желудок гнушается пищей и извергает ее. Точно так же и всякий прочий орган наделен обеими этими функциями: функцией притяжения свойственного и отвержения чужеродного. Именно поэтому всякий орган наделен волокнами двух видов: продольными и поперечными, даже если он состоит из одной единственной оболочки, как оба пузыря, матка или вены.

Кроме того, существует третий вид волокон – так называемые косые волокна, которые встречаются реже, чем первые две упомянутые разновидности. В тех органах, которые состоят из двух оболочек, их можно обнаружить только в одной из них, попеременно с прямыми волокнами, а если орган состоит только из одной оболочки, они находятся там вместе с двумя остальными видами. Косые волокна более всего способствуют проявлению функции, которую мы обозначили как функцию удержания. Ведь в течение всего периода сохранения орган должен быть полностью закрытым и укрывать содержимое со всех сторон, как это происходит с желудком в процессе пищеварения и с маткой на протяжении беременности.

Так, единственная оболочка вены состоит из самых разных волокон, а у артерий внешняя оболочка состоит из за-

гнутых волокон, а внутренняя – из прямых, с незначительным включением косых волокон. Таким образом, вены по составу волокон напоминают матку и оба пузыря, хотя и уступают им в толщине, между тем как артерии подобны желудку. Что до кишечника, то это единственный из всех внутренних органов, который имеет две оболочки, каждая из которых снабжена поперечными волокнами. А доказательства того, что всякому органу по природе лучше было сформироваться именно так, как он и сформировался, что кишечнику целесообразно было иметь две оболочки, следует искать в разделе о назначении органов. Поэтому нам сейчас ни к чему излишне увлекаться этой темой, как и задаваться вопросом, отчего специалисты по анатомии расходятся, рассуждая о количестве оболочек у каждого органа. Об этом сказано достаточно в сочинении «О расхождениях в вопросах анатомии». Строению же каждого конкретного органа будет посвящен трактат «О назначении частей человеческого тела».

12. Однако сейчас нам не к чему говорить об этих материях, наша задача – рассмотреть только те четыре функции, которые присущи каждому органу. Вновь обращаясь к этой теме, стоит вспомнить то, что было сказано выше, а затем, добавив то, что было упущено, достойно завершить наш труд. Мы уже показали, что каждый из органов животного привлекает соприродную себе жидкость и что в этом, вероятно, состоит первая из природных функций организма. Далее следует осознать, что орган может избавиться от пищи, которую

он привлек, либо от излишков этой пищи не прежде, чем он сам или большая часть его содержимого полностью изменит свое состояние. Так, желудок вытесняет чужеродные излишки лишь тогда, когда он достаточно наполнился пищей и, впитав то, что в ней было наиболее полезного, отложил это в своих собственных оболочках. Так же обстоит дело с желчным и мочевым пузырем: они опорожняются тогда, когда привлеченные в них вещества становятся обременительными для них, растягивая стенки пузыря либо разъедая их.

Нечто подобное происходит и с маткой: либо она уже не в силах вынести растяжения, стремясь избавиться от того, что ее тяготит, либо раздражена теми выделениями, которые попадают в ее воды. Оба эти процесса порой принимают насильственный характер, и тогда случается выкидыш. Однако в большинстве случаев естественный процесс происходит надлежащим образом, и тогда это уже называется не выкидышем, а разрешением от бремени и родами.

Причиной выкидыша может стать применение abortивных средств, а также иные болезненные состояния, губительные для эмбриона или вызывающие разрыв одной из его оболочек. К такому же результату может привести сильное растяжение матки, сопряженное с ее болезненным состоянием, а слишком активные движения самого эмбриона могут вызвать роды, как это прекрасно описано у Гиппократов. Боль сопутствует всем описанным состояниям, и у нее могут быть три причины: чрезмерный рост плода, чрезмерное

бремя или раздражение матки. О чрезмерном растяжении можно говорить в тех случаях, когда оно становится невыносимым для матки, а о чрезмерном бремени, когда плод слишком тяжел для нее. Раздражение бывает вызвано тем, что жидкости, которые ранее содержались в оболочках, при разрыве изливаются прямо в лоно, или зародыш погибает и подвергается гниению, разлагаясь во вредоносную сукровицу, раздражая и разъедая оболочки матки.

Таким образом, естественное функционирование, а также его нарушения и болезни проходят сходным образом во всех органах, и порой это так наглядно и ясно, что не нуждается в доказательствах, а иногда менее выражено, и требуется внимание, чтобы это стало очевидным.

Однако в случае желчного пузыря дело обстоит иначе, ведь очевидно, что в нем меньше нервов. Впрочем, тот, кто изучает природные процессы, и здесь должен усмотреть соответствие. Несомненно, что желчный пузырь привлекает свойственную ему жидкость, раз видно, что она часто его наполняет; затем, через некоторое время, он выделяет ту же жидкость. Если это так, приходится признать, что он стремится избавиться от нее, либо тяготясь обилием содержимого, либо оттого, что содержимое, меняясь по своему качеству, начинает его изъязвлять и разъедать. Ведь в отличие от пищи, которая изменяет свое первоначальное качество не столь быстро, чтобы попадать в тонкий кишечник уже в виде сформировавшихся выделений, качество желчи, едва она

покинет вены, тотчас меняется (даже быстрее, чем это происходит с мочой), и она немедленно подвергается гниению.

Если на примере матки, желудка, кишечника, а также мочевого пузыря, ясно видно, что к выделению каждый из этих органов побуждает растяжение, раздражение или излишняя тяжесть, нет ничего сложного в том, чтобы перенести это представление на желчный пузырь и остальные органы, включая артерии и вены.

13. Не составляет никаких дополнительных трудностей установить, что усвоение и выделение пищи происходит через одни и те же части тела в разное время. Ведь пищевод является не только проводником в желудок пищи и жидкости, но, когда появляется тошнота, выполняет противоположное действие. Так же и мочевой пузырь и наполняется, и опустошается через один и тот же орган, а именно через свою шейку. Подобным образом и влагалище обеспечивает сперме вход в матку, а плоду – выход из нее. Но и здесь выделительная функция ясна, а притягательная не столь очевидна для большинства людей. Однако Гиппократ говорит именно о слабости шейки матки: «Ведь шейка матки не может привлечь семя».

Однако Эрасистрат и Асклепиад достигли такой мудрости, что отказывают в этой функции не только желудку и материнской утробе, но и печени с почками. Впрочем, в первой книге я доказал, что невозможно найти какой-либо другой причины для выделения мочи и желчи.

Однако мы уже не должны удивляться тому, что матка, желудок и пузырь, находящийся рядом с печенью, реализуют функцию притяжения и выделения через один и тот же канал, раз уж Природа часто устраивает выделение лишних веществ в желудок с помощью вен. Еще меньше мы должны удивляться тому, что во время длительных голоданий часть питательных веществ из печени попадает обратно в желудок благодаря тем же самым венам, по которым они попали в печень во время поглощения пищи. Отрицать эти явления – все равно, что отрицать то, что очистительные лекарства вытягивают соответствующие пищевые вещества и жидкости из всего тела в желудок через те же самые устья, через которые до того происходило распределение и усвоение пищи, и искать отдельные каналы для поглощения и выделения.

В самом деле, если одно и то же устье одновременно выполняет две функции, действующие в разное время в противоположных направлениях (в одном направлении благодаря печени, а при очищении – благодаря лекарству), то не стоит удивляться тому, что и у вен, расположенных в середине печени и в желудке, двойное назначение: когда пища имеется в достаточном количестве, она посредством этих вен поступает в печень, когда же желудок пуст и возникает потребность в пище, через них же пища поступает в желудок из печени.

Похоже, что все части привлекают пищу друг из друга и передают друг другу питательные вещества и у всего организма есть общее течение жидкостей и общее дыхание, как и

говорил божественный Гиппократ. При этом более сильная часть организма привлекает вещества, а более слабая опустошается.

При этом одни части тела бывают сильнее, а другие слабее либо простым образом, по природе, что является общим для всех, либо специфическим образом у конкретного человека. Например, у всех людей и у всех животных сердце по своей природе сильнее печени, печень сильнее, чем кишечник и желудок, а артерии сильнее вен. Более сильный орган вытягивает из более слабого вещества, которые нужны ему, и выделяет в него те, что не нужны. Однако у каждого человека в определенные моменты печень обладает большей вытягивающей силой, чем желудок, и наоборот. Например, когда в желудке содержится много питательных веществ, а вытягивающая сила и потребность печени увеличивается, этот внутренний орган обладает большей силой притяжения. Когда же печень переполнена и растянута, а желудок, наоборот, опустошен и нуждается в питании, вытягивающая сила переходит к желудку. Так, предположим, что у нас в руках есть пища и мы вырываем ее друг у друга. Если мы одинаково голодны, то более сильный из нас отнимает пищу у более слабого. Но если сильный человек сыт, то он может не слишком старательно охранять лишнюю для него пищу или даже добровольно передать ее другому, и если слабый при этом будет очень голоден, то ничто не мешает тому, чтобы он взял все. Подобным же образом желудок легко притягивает пита-

тельные вещества из печени, когда у него имеется достаточно сильная потребность в питании. Иногда избыток пищи в печени является причиной того, что животное не испытывает голод, ведь если у желудка есть лучшее и более готовое питание, ему не требуется получать его извне. Но в том случае, если желудок испытывает потребность в пище и не может ее получить, он заполняется имеющимися в организме излишками. Это жидкости желчные, слизистые, серозные, которые только и позволяют ему привлечь в себя печень, если и она испытывает недостаток в питании.

Далее, как части организма заимствуют пищу друг у друга, так они и откладывают друг в друга излишки, и как в привлечении пищи побеждает более сильная часть, так тот же принцип действует и при откладывании так называемых течений. Ведь каждая часть организма имеет некий врожденный тонус, посредством которого выталкиваются излишки. Следовательно, когда одна из этих частей в определенном состоянии ослабевает, по необходимости в нее притекают излишки из всех прочих частей тела. Ведь более сильная часть откладывает свои излишки во все близлежащие части, а те, в свою очередь, – в другие части, и это по большей части происходит до тех пор, пока излишки из всех частей не скопятся в одной из самых слабых частей: из нее они уже не могут перетекать в другие части, так как ни одна из более сильных частей этих излишков не примет, да и страдающая часть не сможет их вытолкнуть.

Однако нами уже достаточно сказано о возникновении и лечении болезней, и это можно рассматривать как свидетельство верности всего того, что сказано в настоящем сочинении. Так что вернемся вновь к теме нашего исследования. Мы покажем, что нет ничего удивительного в том, как питание поступает из печени в кишечник через те самые вены, в которые оно раньше поступило из них в печень. У многих людей, которые внезапно и полностью отказались от интенсивных спортивных занятий, а также у тех, у кого была ампутирована конечность, с определенной периодичностью происходит сильное выделение крови через кишечник, о чем говорил Гиппократ в некоторых своих сочинениях. Это выделение не причиняет никакого иного страдания, но благодаря ему тело резко очищается от лишней крови. При этом выделение избытка крови происходит по тем же венам, по каким происходило распределение и усвоение питания.

Очень часто сама Природа при болезнях очищает все тело живого существа через те же самые вены, но чаще всего это не избавление от излишней крови, а очищение от той жидкости, которая вызвала болезнь. Так, например, при холере желчь выделяется посредством вен, идущих к кишечнику и желудку.

Поэтому если кто-то полагает, что различные вещества перемещаются только в одном направлении, то он совершенно ничего не знает о естественных функциях, особенно о функции выделения, противоположной притягивающей си-

ле. Противоположные движения материи должны вызывать-ся противоположными природными функциями, одни из ко-торых активные, другие пассивные. То есть после того, как каждая часть тела привлекла соответствующую питательную жидкость, сохранила и усвоила ее, она спешит избавиться от пищевых излишков настолько быстро, насколько ей позво-ляет сделать это состав выделяемого вещества.

Поэтому очищение желудка происходит следующим об-разом: те излишки пищи, которые находятся ближе к верх-ней части желудка, выходят с рвотными массами, в то время как непереваренный остаток пищи очищается посредством диареи. Тошнота часто возникает, когда у живого существа возникает потребность в очищении желудка через рвоту, при этом выделительная функция, связанная с рвотой, столь ве-лика и сильна, что в случае непроходимости кишечника, ко-гда нижний выход полностью закрыт, фекалии выходят вме-сте с рвотой. И это при том, что эти вещества не могут вый-ти изо рта, не пройдя сначала по всей тонкой кишке, то-щей кишке, привратнику, желудку и пищеводу. Что же мо-жет быть в этом удивительного, если питательные вещества могут распространяться вплоть до кожного покрова, а затем возвращаться обратно в кишечник и желудок?

На этот процесс нам указал еще Гиппократ, утверждав-ший, что не только пневма или излишки пищи, но и сама пи-ща нисходит от самой поверхности тела, которой они дости-гают, обратно в желудок, из которого они распространились.

Эта выделительная функция управляется малейшими, незаметными механическими движениями, так как выделение происходит благодаря поперечным волокнам и очень быстро передается от источника движения к его завершающему пределу. Поэтому нет ничего невозможного и невероятного в том, что прилегающая к коже часть под влиянием резкого внешнего холода ослабевает, а жидкость, ранее спокойно находившаяся рядом с этой частью, становится скорее источником неудобства, чем источником питательных веществ. Поэтому эта часть органа стремится вытолкнуть эту жидкость. Но выделение наружу невозможно из-за уплотнения кожи, поэтому излишек пищи сначала переходит в соседнюю часть тела, затем идет далее, и это движение не прекращается, пока наконец не достигнет наиболее глубоких окончаний вен.

Однако эти движения прекращаются достаточно быстро, но те, что происходят из-за внутреннего раздражения, например, при приеме слабительных препаратов или при холере, бывают более сильными и продолжаются достаточно долго, сохраняясь столько времени, сколько сохраняется состояние устьев сосудов, привлекающее избыток пищи. Это состояние приводит к опорожнению смежных частей тела, те опорожняют смежные с ними – и этот процесс не прекращается, пока не доходит до поверхности тела: лежащие друг возле друга части передают друг другу болезненное состояние, и оно быстро доходит до самых крайних частей. Именно это

происходит при кишечной непроходимости. Воспаленный кишечник неспособен выдерживать тяжесть и едкость выделений и поэтому спешит выделить их и вытолкнуть дальше. Но так как естественный путь выделения вниз закрыт из-за сильного воспаления, эти вещества переходят в ближайшие части лежащего выше кишечника. Таким образом, благодаря постепенному переходу выделительной функции к смежным частям, она поднимает избыточные вещества вверх, до тех пор пока они не достигнут полости рта.

Подробнее об этом сказано в моем сочинении «О болезнях». Сейчас же, как мне кажется, я со всей очевидностью показал, что излишки могут переходить из любого органа в любой и приниматься им и что у всех частей тела существует, по словам Гиппократов, общее течение жидкостей и общее дыхание. Я думаю, что все это описано мной достаточно просто, и даже тот, кто медленно соображает, вполне может понять, как, например, питаются желудок или кишечник или каким образом что-либо проникает внутрь с внешней поверхности тела. Все части организма обладают способностью притягивать то, что им полезно, и выделять то, что им в тягость или разъедает их. Поэтому совершенно неудивительно, что в органах тела постоянно происходят противоположные движения, как это можно увидеть в случае с сердцем, всеми артериями, а также грудной клеткой и легкими. Во всех этих случаях в упомянутых органах почти в каждый момент можно наблюдать противоположные движения и пе-

ремещения материи. Также нет ничего удивительного в том, что трахея поочередно втягивает воздух в легкие и выпускает его наружу. Ведь, когда речь идет о ноздрях и рте, тебе не кажется необычным, что воздух выдыхается через тот канал, через который незадолго перед тем его вдохнули. Если это так, то почему же ты удивляешься тому, что по одним и тем же венам, идущим из печени в кишечник и желудок, соки могут идти сразу в противоположных направлениях? Тогда определи, в каком смысле ты употребляешь слово «сразу»¹⁰³. Если в смысле «в одно и то же время», то мы имеем в виду не это. Но как мы то вдыхаем, то выдыхаем воздух, так же в один момент печень притягивает питательные вещества из желудка, а в другое время желудок втягивает их обратно из печени. Если же тебя пугает слово «сразу» в том смысле, что в одном и том же живом существе один и тот же орган служит для переноса веществ в двух противоположных направлениях, рассмотри процесс вдоха и выдоха. Ведь и они происходят через одни и те же органы, однако различаются направлением движения и переноса вещества.

Итак, легкие, грудная клетка, трахея, гладкие артерии, сердце, уста и ноздри могут довольно быстро менять направление движения содержащихся в них веществ на противоположное. С другой стороны, вены, которые идут вниз от пе-

---

¹⁰³ К сожалению, в русском языке затруднительно подобрать эквивалент греческому ἄμα. Оно может означать и «одновременно» («в одно и то же время»), и «при этом» (о двух фактах, имеющих место в одной и той же области или сфере, пусть даже в разное время).

чени к кишечнику и желудку, изменяют направление движения веществ не так часто – иногда один раз за много дней. Ведь этот процесс происходит следующим образом: каждый из органов втягивает в себя питательные вещества, поглощая находящуюся в них полезную жидкость до тех пор, пока не насытится. Эти вещества он, как я уже показал, вначале откладывает внутри себя, а затем приращивает к себе и уподобляет себе, то есть питается. Ранее мной с достаточной ясностью было показано, что необходимым предшествующим этапом для процесса питания является приращение, а ему предшествует прибавление. Как для живых существ цель процесса питания состоит в том, чтобы желудок был наполнен пищей, для любой другой части организма цель прибавления вещества – наполнение соответствующей ей питательной жидкостью. Итак, поскольку любой орган имеет, как и желудок, потребность в питании, то, как и желудок, всякая часть обволакивает пищу и сжимает ее со всех сторон. За этим, как уже было сказано, обязательно следует переваривание пищи. Однако желудок обволакивает пищу не затем, чтобы сделать ее подходящей для других частей тела, иначе он был бы не просто физиологическим органом, а неким живым существом, обладающим разумом и способностью размышлять, а также самостоятельно выбирать наилучшее. Желудок обволакивает пищу лишь в силу наличия у него общих для всего организма функций втягивания и поглощения веществ, наделенных соответствующими тому или ино-

му органу качествами, как уже было доказано ранее, и при этом пища претерпевает изменения. После чего, наполнившись и насытившись полученной из пищи жидкостью, желудок воспринимает остальное как лишний груз. Так что излишки немедленно растираются и выдавливаются вниз, а желудок обращается к другому делу, то есть приращению. В это время пища проходит по всей длине кишечника и затем втягивается сосудами, проникающими в кишечник. Как мы покажем далее, большая часть пищи попадает в вены, а меньшая – в артерии. В то же самое время пища прилагается к оболочке кишечника.

Теперь мысленно раздели описанный процесс распределения питания на три периода. Во время первого пища находится в желудке, который переваривает ее и прибавляет к себе, пока не наступит насыщение, причем часть пищи направляется из желудка в печень, также полностью насыщая ее. Во второй период пища поступает в кишечник до стадии его насыщения, а также насыщения печени, в то время как ее небольшая часть распределяется по всему телу. Следует иметь в виду, что именно в этот период пища, попавшая в предыдущий период в желудок, усваивается в нем.

В третий период желудок полностью переваривает пищу. Тогда же в кишечнике и печени происходит приращение поступившей в них пищи. В это же время совершается распространение и усвоение пищевых соков всеми частями тела. Если живое существо будет принимать пищу сразу по-

сле этого, причем желудок будет вновь переваривать пищу и усваивать полезные вещества из нее своими оболочками, то в кишечнике, а также в печени будет происходить уподобление приращенных ранее пищевых соков. Если же желудок по какой-либо причине остается без еды, то он какое-то время привлекает питание из вен, находящихся в брыжейке и печени, но не из самого тела печени. Под телом я понимаю прежде всего ее плоть, а только уже потом все содержащиеся в ней сосуды, поскольку было бы странно считать, что одна часть тела может привлекать питательные вещества из другой части, тем более если с ними уже произошло приращение и уподобление. С другой стороны, сок, находящийся в полости вен, будет поглощен втягивающей силой той части тела, которая сильнее и больше нуждается в питании.

Таким образом, желудок, лишенный пищи из-за того, что живое существо не ест, вбирает в себя питательные вещества из вен. Мы уже упоминали о том, что и селезенка, перетягивая в себя более плотные вещества из печени, перерабатывает их и делает лучше. Поэтому нет ничего удивительного в том, что далее питательные вещества распространяются из селезенки во все части тела, соединенные с ней венами, – в сальник, брыжейку, тонкую и ободочную кишку, а также в желудок. Не удивительно также и то, что селезенка может в один момент сбрасывать избыточные вещества в желудок, а в другой – вытягивать из него некоторое количество подходящих для нее питательных веществ.

Итак, как уже было сказано, любая часть тела в разное время способна привлекать из другой части питательные вещества и посылать их в другую часть. Можно понять, как это происходит, представив животных, которым предложено много пищи, чтобы каждый брал, сколько хочет. В тот момент, когда одни прекращают есть, другие начинают. Одни собираются закончить трапезу, другие только приступают, некоторые едят вместе, некоторые берут еду с верхней части кучи, и, конечно, некоторые вырывают пищу друг у друга, если одному не хватает, а рядом с другим ее в избытке.

Так что нет ничего удивительного в том, что вещество может проникать от внешней поверхности тела во внутреннее пространство. Также нет ничего необычного в переходе питательных веществ из печени и селезенки в желудок по тем же сосудам, по которым они поступили в эти органы.

То же самое можно достаточно ясно наблюдать, рассмотрев функции артерий, а также сердца, грудной клетки и легких. Им всем свойственно попеременно расширяться и сжиматься и возвращать вещество в те части тела, из которых было привлечено. Природа, предвидев такую необходимость, снабдила сердечные клапаны мембранами, чтобы исключить возможность возвращения крови. Как это устроено, будет более подробно рассказано в моем сочинении «О назначении частей человеческого тела». Там же, среди прочего, я покажу, что устья сосудов не могут быть полностью закрыты, выпуская кровь только в одном направлении, без

возможности ее возвращения назад. Ведь, как будет доказано там же, необходимо, чтобы в вено-подобную артерию попадало гораздо больше крови, чем во все остальные. Для понимания нашей мысли необходимо знать, что если орган имеет большую и заметную полость, то, расширяясь, он не может не привлекать вещества из соседних органов, а сжимаясь, напротив, не может не выталкивать вещества в них. Это ясно из того, что уже было сказано в этом трактате, а также из того, что Эрасистрат и мы в другом месте доказали относительно стремления природы к заполнению пустоты.

14. Однако в других моих сочинениях было показано, что каждая артерия имеет способность расширяться и сокращаться и что эта способность передается артериям от сердца.

Итак, тебе остается сопоставить следующие факты: артерии движутся таким образом, а все расширяющееся втягивает в себя находящееся рядом вещество. Теперь для тебя нет ничего удивительного в том, что артерии, соприкасающиеся с кожей, расширяясь, втягивают находящийся снаружи воздух. Те же артерии, которые открыты в сторону вен, втягивают в себя из них самую тонкую и парообразную часть крови. Артерии, расположенные рядом с сердцем, вытягивают из него вещество. Ведь более легкие вещества скорее поддаются стремлению заполнить пустоту, чем более тяжелые и плотные. Самое легкое и тонкое из того, что есть в теле, — это, во-первых, пневма, во-вторых, дыхание, а в-третьих, та часть крови, которая была тщательно очищена и сделалась

менее плотной. Так что именно такую кровь артерии притягивают к себе со всех сторон. Те же артерии, которые подходят к поверхности кожи, втягивают окружающий воздух, ведь он находится рядом с ними и относится к самым легким веществам.

Что касается прочих артерий, то та из них, что проходит от сердца к шее, и другая, которая расположена вдоль позвоночника, и те, что находятся возле них, привлекают вещества из самого сердца. Тем же, что расположены достаточно далеко как от сердца, так и от кожи, приходится вытягивать самую легкую часть крови из вен. Так что тяга, возникающая в результате расширения сердца, распространяется, помимо самого сердца и прилежащих к нему многочисленных вен, на артерии, идущие в желудок и кишечник, а также и на окружающие их многочисленные вены. Эти артерии не могут принять в себя сколько-нибудь значимого количества грубой и тяжелой пищи, содержащейся в кишечнике и желудке, поскольку они спешат заполниться более легким веществом. Ведь если ты, например, опустишь трубочку в сосуд, наполненный водой и песком, и станешь ртом втягивать из нее воздух, то песок не может быть вытянут прежде воды, так как, когда имеется стремление к заполнению пустоты, она в первую очередь заполняется более легким веществом.

15. Однако не следует удивляться тому, что очень малое количество питательных веществ после того, как они бывают полностью переварены в желудке, поступает в артерии,

хотя они сначала стремятся заполниться более легким веществом. Мы должны понимать, что существуют два вида притяжения: одно – стремление заполнить пустоту, другое – стремление, основанное на сродности качеств. Пример первого притяжения – втягивание воздуха в мехи, пример второго – притяжение железа магнитом. При этом при заполнении пустоты притягивается вначале более легкое, а при притяжении, основанном на сродности качеств, – иногда и более тяжелое, если оно по природе является более сродным притягиваемому. Что же касается сердца и артерий, то, поскольку они являются полыми органами, способными к расширению, они всегда втягивают более легкую материю. Когда же они нуждаются в питании, то в их оболочки, которые и являются их телами, привлекается сродное им вещество.

Помимо сказанного, есть еще одно доказательство того, что нечто переходит из вен в артерии. Если ты убьешь животное посредством разрезания у него многочисленных крупных артерий, то обнаружишь, что в венах его, так же как и в артериях, нет крови. Это было бы невозможно, если бы между ними не было соединения. Точно так же и в сердце самая тонкая и легкая часть крови выводится из правого желудочка в левый благодаря наличию некоего отверстия в перегородке между ними. Это отверстие можно видеть на протяжении большей его части. Оно похоже на своего рода углубление, имеющее в начале широкую воронкообразную форму, которая постепенно сужается. Однако крайние оконча-

ния его невозможно рассмотреть, как из-за их малого размера, так и из-за того, что когда животное мертво, все части его остывают и затвердевают. Однако наше рассуждение, отправляясь от утверждения, что Природа ничего не создаст напрасно, обнаруживает соединение между желудочками сердца – так и здесь не может быть случайным то, что эти воронки сужаются к концу.

Кроме того, существование соединения между желудочками видно из того, что из двух отверстий правого желудочка, первое из которых вводит в него кровь, а второе выводит, вводящее намного больше выводящего. Ведь то, что входное отверстие из поллой вены в сердце больше, чем выходное отверстие из сердца в вену, ведущую в легкие, свидетельствует о том, что не вся кровь, которую полая вена поставляет в сердце, посылается из него в легкие. При этом нельзя также сказать, что часть крови расходуется на питание самого тела сердца, так как для этого существует другая вена, которая, разветвляясь в нем, не имеет в сердце своего начала и не получает от него крови. И даже если на питание сердца что-то расходуется, разница между размерами вены, ведущей в легкие, и вены, растающей в сердце, не такая, чтобы ее можно было объяснить этим расходом, но гораздо больше. Поэтому очевидно, что что-то передается в левый желудочек.

Кроме того, из двух сосудов, соединенных с сердцем, тот, который приводит в него пневму из легких, намного меньше, чем большая артерия, растающая из него, от которой

распространяются по всему телу все прочие артерии. Все это доказывает, что эта артерия получает не только пневму из легких, но и кровь из правого желудочка через упомянутые соединительные отверстия.

В моем сочинении «О назначении частей человеческого тела» показано, что для одних частей тела лучше питаться чистой, тонкой и насыщенной парами кровью, а для других – густой и мутной кровью, и что и здесь природа все предусмотрела. Поэтому нет смысла обсуждать эти вопросы вновь, достаточно напомнить, что существуют два вида притяжения: во-первых, некоторые тела имеют способность притягивать, расширяя собственные полости, куда по закону заполнения пустоты втягиваются различные вещества, во-вторых, притяжение может возникать также на основе качественной близости. Первый вид притяжения может действовать на большом расстоянии, а второй – только на небольшом. Так, длинная трубка, опущенная в воду, легко может доставить воду до рта, в то время как на железо, отнесенное далеко от магнита, или на пшеничное зерно, отнесенное на достаточное расстояние от глиняного горшка (и этот пример уже приводился), не оказывает влияния никакая притягивающая сила.

Лучше всего ты можешь понять это, наблюдая за садовыми каналами. Вода, находящаяся в каналах, впитывается почвой, расположенной рядом, но отдаленная от канала почва не получает достаточного количества влаги. Чтобы напи-

тать всю территорию сада, необходимо в каждую его часть провести небольшие каналы, берущие воду из одного большого. Расстояние же между этими небольшими каналами делают таким, которое позволяет питать всю территорию сада, разнося воду во все его концы. То же самое происходит и в телах живых существ. Многочисленные кровеносные сосуды, распределенные во всех частях тела, приносят им чистую кровь, словно оросительные каналы, распределяющие влагу по всему саду. Расстояние между этими каналами Природа с самого начала так искусно устраивает, что ни одна из расположенных между ними частей не испытывает нужду в питании, так как в них поступает кровь. При этом ни одна часть не страдает от избытка жидкости, так как кровь поступает во все части в надлежащем количестве.

Теперь скажем несколько слов о том, как сосуды получают питание. Это выглядит следующим образом. Живое тело по своей сущности непрерывно, как непрерывен, по Эрасмустрату, предполагаемый им простой сосуд, поэтому к частям тела, близким к поверхности, питание поступает в первую очередь. От них питание получают близлежащие части в силу их смежности, от них – другие, и так продолжается до тех пор, пока питающее вещество не проникнет во все части тела. Некоторые части тела, однако, нуждаются в том, чтобы жидкости, питающие их, подвергались сильному изменению. Такие части природа снабдила как бы неким хранилищем, либо в виде полости, либо в виде трубки, либо подоб-

ным трубке. Плоть же внутренних органов и мышц питается непосредственно из крови и претерпевает лишь незначительные изменения. Для питания костей необходимо, чтобы в питательных веществах произошли значительные предварительные изменения, и костный мозг является для кости тем же, чем для плоти – кровь: в маленьких костях, которые не имеют полостей, он содержится в трубках, а в больших – сосредоточен в полостях.

Как уже было показано в первой книге, вещи со сходной сущностью могут легко переходить друг в друга, в то время как те, что совершенно различны, не могут превращаться друг в друга без промежуточных этапов. Например, для хрящей таковым является окружающая их смешанная субстанция, а для связок, мембран и нервов – содержащаяся в них вязкая жидкость. Ведь каждая из этих частей состоит из многочисленных волокон, которые являются гомеомерными и по существу чувственно воспринимаемыми элементами. В промежутках между этими волокнами находится наиболее подходящая для их питания жидкость, которую волокна извлекли из крови, находящейся в венах, выбирая самое подходящее по количеству и качеству. Эта жидкость усваивается волокнами, которые постепенно превращают ее в свою материю.

Все изложенные положения согласуются как между собой, так и с тем, что было достаточно убедительно доказано ранее. Поэтому нет никакой необходимости рассуждать

об этом далее. Любой, прочитав наше сочинение, может без труда понять, каким образом происходят все отдельные процессы в организме. Например, мы таким образом можно объяснить, почему у многих, неумеренно пьющих вино, выпитое очень быстро проходит через все тело и выходит с мочой почти полностью за очень короткое время. Здесь скорость усвоения зависит, как всегда, от качества усваиваемой жидкости, легкости ее состава, от размера сосудов и ширины их соединений, а также от действенности втягивающей способности. Части тела, расположенные вблизи пищевода и желудка, в силу своих качественных особенностей привлекают в себя выпитое, те, что расположены за ними, также вбирают соответствующие вещества в себя, далее от них жидкость принимают другие части, и так пока она не достигнет полой вены, откуда уже почки извлекают то, что подходит для них. Поэтому нет ничего удивительного, что вино усваивается быстрее, чем вода, благодаря большему качественному соответствию организму. Кроме того, чистое белое вино усваивается быстрее из-за своего легкого состава, в то время как красное, неочищенное вино задерживается в пути из-за своей густоты и вязкости.

Все это является немаловажным доказательством того, что было сказано ранее об артериях. Легкая и чистая кровь легче втягивается артериями, чем густая и вязкая. Поэтому артерии, расширяясь, поглощают пар, пневму и легкую кровь, но в то же время или вовсе не втягивают того, что со-

держится в желудке и кишечнике, или втягивают это в весьма малом количестве.

Комментарий

КНИГА ПЕРВАЯ

Трактат Галена «О естественных функциях» – особая страница наследия великого римского врача. В начале этого сочинения автор выделяет четыре «естественные функции» – восприятие, произвольное движение, рост и питание. При этом он на первый взгляд неожиданно относит восприятие и произвольное движение к «делам души», а рост и питание – к «делам природы» (I, 1). Может показаться, что это суждение противоречит теории Платона о трехчастном строении души и всему тому, что удалось узнать из ранее переведенных на русский язык сочинений Галена¹⁰⁴ относительно его представления о роли каждой из трех частей души в физиологических процессах.

Однако в рассматриваемом трактате Гален в качестве «дел души» упоминает лишь восприятие и произвольное

---

¹⁰⁴ До начала в 2014 г. проекта по переводу и изданию сочинений Галена на русском языке был доступен только один его трактат – «О назначении частей человеческого тела» (см.: *Гален К. О назначении частей человеческого тела* / Под ред. В.Н. Терновского; пер. С.П. Кондратьева; ред. и вступ. ст. В.Н. Терновского и Б.Д. Петрова. М., 1971). В 2014–2017 г. были переведены 17 произведений Галена, в том числе и его фундаментальный труд «Об учениях Гиппократата и Платона». В пятый том вошли еще пять работ великого римского врача.

движение, которые относятся к функциям только высшей части души, находящейся, согласно его представлениям, в головном мозге. Рост и питание живого организма в рамках натурфилософских представлений Галена происходят при участии двух низших частей души. Однако между «делами» высшей и двух низших частей души есть существенная разница. Высшая часть души разумна, проявления ее деятельности относятся к тому, что в современной медицине называется «высшей нервной деятельностью». Деятельность вожделеющей и яростной (или страстной) частей души носит природный характер и обуславливает функции, имеющиеся не только у человека, – они есть также у животных и растений. Именно эти функции Гален называет «естественными» и посвящает им свое сочинение. В его тексте речь идет о свойствах внутренних органов, сходным образом реализуемых у человека и высших животных. Не случайно уже в начале своего трактата Гален обозначает две важнейшие из них – рост и питание.

Вслед за Аристотелем Гален утверждает, что движение является неотъемлемой характеристикой процессов жизнедеятельности организма (I, 2). Физиологические процессы означают не просто движение, но и изменения состояния веществ, сопровождающиеся переменой их качественных характеристик: «Итак, когда некое тело ни в чем не изменяется по сравнению со своим первоначальным состоянием, мы говорим, что оно пребывает в покое, но, если оно подверга-

ется какому-либо изменению, можно сказать, что оно приходит в движение. Так как изменения первоначального состояния многообразны, многообразными будут и виды движения. Ведь всякий раз, когда белое станет черным или черное станет белым, происходит движение в отношении цвета, а если сладкое делается горьким или, наоборот, горькое – сладким, речь идет о движении в отношении вкуса. Этот и предыдущий случай называются движением в отношении качества, и мы называем движением не только изменение цвета или вкуса, но также и превращение холодного в горячее или горячего в холодное, как и превращение влажного в сухое или сухого во влажное. Ко всем этим процессам мы относим общее название “изменение”» (I, 2, 2–3К). Это первый вид простого движения.

Вторым видом простого движения является очевидное для каждого изменение положения тела в пространстве. Из комбинаций этих двух простых видов складываются четыре более сложных – возрастание и убывание, возникновение и уничтожение. При этом любое состояние движения представляет собой изменение не только первоначального положения, но и состояния тела.

Рассуждения Галена развиваются в рамках доктрины Аристотеля, изложенной в его трактате «О возникновении и уничтожении». Цель сочинения Галена – объяснить физиологические процессы, протекающие в рамках реализации «естественных функций», поэтому, высказывая положение

общетеоретического характера, он немедленно иллюстрирует его конкретным медицинским примером. Так описываются процессы движения, происходящие в организме при употреблении пищи: «...Очевидно, что прежде разделения хлеб целиком превращается в кровь. По крайней мере, даже если кто-либо долгое время будет сидеть на одном хлебе, в жилах у него все равно будет течь та же кровь. И это наглядно опровергает мнение тех, кто считает, будто элементы не подвержены изменениям, точно так же, как, думается, опровергает его и полный расход масла на пламя светильника или превращение древесины в огонь за малое время. Так, хотя я и объявил, что не буду спорить с ними, пример я все-таки привел, поскольку он касается предмета медицины и нужен мне здесь по ходу мысли. Таким образом, пусть мы отказались, как я уже говорил, от споров с ними, однако то, что думали по этому поводу древние, при желании можно узнать хотя бы исходя из того, как мы сами смотрим на эти вещи» (I, 2, 6 К).

Гален указывает, что Гиппократ высказал эту идею еще до Аристотеля, когда ввел понятие о четырех сущностях (или качествах). Для Галена важно, что в описываемом им примере хлеб именно превращается в нечто совсем иное: смешиваются не только качества, но и изменяется сущность вещи. Не случайно, что эти рассуждения сопровождаются выпадом в адрес не только софистов, но и Анаксагора: «Однако софисты, признавая, что хлеб, превращаясь в кровь, изменяется на вид, на вкус и на ощупь, при этом не соглаша-

ются с тем, что он в действительности изменяется. Ведь кое-кто из них считает все это некими уловками и соблазнами наших чувств, так или иначе затронутых, между тем как лежащая в основании сущность непричастна тем свойствам, по которым она получает дополнительные названия. А иные из софистов хотят, чтобы сущностные качества оставались неизменными и необратимыми от века и на века, а эти видимые изменения происходили из-за разъединения и соединения, как говорит Анаксагор. Если я, отклонившись, примусь их опровергать, сказанное между делом окажется, пожалуй, важнее самого дела. Ведь если они не знают всего того, что пишет Аристотель, а за ним и Хрисипп об изменении сущности в целом, то следует побудить их познакомиться с трудами этих авторов. А если, зная, они все же предпочитают худшее лучшему, то они и наши рассуждения сочтут напрасными» (I, 2, 4–5К).

Из этого следует и постановка проблемы: «Все дальнейшее изложение мы посвятим тому, что положили своей темой с самого начала: сколько есть природных функций, каковы они и в основе какого дела лежит каждая из них. Разумеется, я называю делом то, что уже существует и исполнено благодаря их действию, например кровь, плоть, нервы, энергией же зову активное движение, а его причину – функцией» (I, 2, 6–7 К). При превращении пищи в кровь движение пищи пассивно, а движение вены активно, при движении конечности перемещение кости пассивно, а движение мыш-

цы, перемещающей кость, активно. Пассивное движение Гален называет также невольным претерпеванием. Он полагает, что «действие иногда можно называть делом природы, но не всякое дело является действием».

Гален подчеркивает изменчивость частей тела (речь идет об изменчивости их состояния и функционирования). Он отмечает ее характер: состояние части тела в категориях нормы или патологии им оценивается по степени сохранения присущей этой части тела функции. Гален говорит, что любая часть тела «функционирует сообразно тому или иному смещению четырех элементов» (I, 3, 7 К). Соответственно, причиной нарушения нормального функционирования является расстройство, развивающееся внутри частей тела при их заболевании.

Аристотель, определяя сущности как «горячее», «холодное», «сухое» и «влажное», приписывал горячему и холодному «деятельное начало», а сухое и влажное относил к «пассивным». Именно этим, по мнению Галена, объясняется тот факт, что в тексте «О возникновении и уничтожении» Аристотель говорит о четырех, а в «Метеорологии» – только о двух качествах. В последнем случае его интересует именно проявления «деятельности начал».

Гален отмечает необходимость точно следовать определениям: «И пока мы не знаем сущности действующей причины, мы называем ее функцией, говоря, что в венах есть некая кроветворная функция, так же как в желудке – пище-

варительная, в сердце – функция пульсации и в каждом из остальных органов – своя функция, соответствующая действию каждого органа» (I, 4, 9 К).

Именно поэтому вопрос о «естественных функциях», вынесенный в название трактата, представляется великому врачу столь важным. Действительно, если называть «функцией» любое проявление жизнедеятельности организма, то можно запутаться в анализе, оставаясь формально корректным. Ведь можно говорить о функции глаза или о функции пальца – постановка вопроса будет верной. Однако Гален всегда пытается осмыслить иерархию понятий – это проявляется, например, в его классификации частей тела или симптомов болезни. Ему важно понять основу наблюдаемых процессов: «Так вот, если мы намерены исследовать методически, сколько существует функций и каковы они, следует начать с их дел, ведь каждое из них происходит от какого-то действия и у каждого из них есть причина» (I, 4, 10 К).

Интересно суждение Галена об эмбриогенезе. Этот процесс представляется ему ярким проявлением заданного характера трех видов действия, то есть движения: «Итак, пока живое существо зачинается и формируется в утробе, дело природы состоит в том, что образуются все члены его тела, а когда оно родится на свет, общее для всех частей дело природы – достижение положенной для каждой части величины, а после этого – поддержание насколько возможно дольше.

На три упомянутых проявления обязательно приходится

три вида действия, по одному на каждое проявление – зарождение, рост и питание. Однако зарождение – это не простое природное действие: оно складывается из изменения и формирования. Ведь чтобы появилась кость, нерв, вена, да и любая другая ткань, лежащая в ее основе материя, из которой зарождается живое существо, должна измениться. А для того чтобы измененная материя приобрела должную форму, положение, какие-либо полости, выросты, наросты и прочее в таком роде, ей нужно сформироваться. И ты, пожалуй, не ошибешься, если назовешь эту материю строительным материалом живого существа, вроде корабельной древесины или воска для отливки.

Рост же – это увеличение и растяжение плотных частей живого существа – тех самых частей, которые появились в результате формирования, – в длину, ширину и толщину, а питание – прибавление к ним материи, но уже без растяжения» (I, 5, 10–11 К).

С точки зрения Галена, рождение ребенка представляет собой одновременно результат изменения и формирования. Это отсылает нас к началу трактата, где Гален формулирует цель своего исследования. В процессе эмбриогенеза формируется человеческое тело, в то же самое время каждый этап его формирования представляет собой значительное изменение анатомии эмбриона. Необходимо понимать, что суждения Галена носят отнюдь не умозрительный характер. На одной из конференций, посвященной наследию Гале-

на, я стал свидетелем дискуссии, которую вели весьма авторитетные специалисты в области истории, филологии и философии. Ее суть сводилась к вопросу о том, мог ли Гален иметь представление о состоянии плода на разных стадиях эмбриогенеза, если он не располагал возможностями визуализации, доступными современному врачу (например, ультразвуковой диагностикой)? Так как возможностей визуализации у Галена не было, а о вскрытии тела умершей беременной женщины он нигде никогда не сообщал, мои коллеги единодушно решили, что знания Галена в этой области были весьма умозрительными. Мне пришлось вступить в дискуссию и напомнить коллегам, что Рим времен Галена представлял собой идеальное место для исследования эмбриогенеза разных стадий ввиду обилия abortивного материала. Город, изобиловавший соблазнами сексуального характера, в котором проживали тысячи женщин, ведущих достаточно распущенный образ жизни, давал работу огромному числу повивальных бабок, владевших самыми изощренными техниками извержения плода и прерывания беременности. Все это обеспечивало достаточный уровень знаний в данной области.

Рассуждая об эмбриогенезе, Гален сразу обозначает свою натурфилософскую позицию: рассуждение ведется «с позиции философии о возникновении и уничтожении». С точки зрения Галена, «брошено семя в утробу или в землю – не имеет значения: так или иначе, в положенный срок образу-

ются бесчисленные частицы рождающейся материи, различающиеся по влажности, сухости, холоду, теплоте и по всем другим качествам, которые из них проистекают» (I, 6, 11 K). Гален напоминает, что о «чувственно различаемых элементах» говорил Аристотель: «Так вот, распознавание твердого и мягкого, вязкого и хрупкого, легкого и тяжелого, плотного и рыхлого, гладкого и шершавого, толстого и тонкого – это осязательные различия, и о них обо всех прекрасно сказано у Аристотеля. И, разумеется, ты хорошо знаешь также вкусовые, обонятельные и зрительные различения. Так что если ты стремишься узнать, что в ответе за первичные и элементарные функции, вызывающие изменения, то это влажность, сухость, холод и тепло; если же тебя интересуют те функции, которые являются результатом их слияния, то их будет столько, сколько у каждого животного найдется чувствительных элементов» (I, 6, 11 K). Формирование костей, нервов, хрящей, связок и других частей тела в процессе эмбриогенеза представляют собой функции рождения и изменения. Гален подмечает, что формирование частей тела можно описать в рамках тетрады сущностей как чередование и сочетание согревания, охлаждения, иссушения и увлажнения. Именно так может быть описана сложная череда быстро протекающих процессов развития плода. Из рыбоподобного на ранних стадиях эмбриона в течение беременности формируется человек – пусть маленький, но по набору частей тела совершенно соответствующий взрослому. Гален подчер-

кивает, что баланс сущностей и элементов устанавливается в той мере, в какой мы различаем то, что в конечном счете должно сформироваться. Эти специфические признаки реализуются на уровне гомеомерных частей тела и самих гомеомерий, когда образуются кости, нервы или хрящи.

Естественно, что формирование органов происходит в направлении обретения ими формы, необходимой для реализации предназначенной функции. Поэтому, по мнению Галена, нельзя предполагать существование какого-либо особенного вещества для формирования каждого органа. Гален подчеркивает, что органы могут быть схожи по форме, но различаться по функции: «Ведь есть, например, два разных пузыря: тот, что собирает мочу, и тот, что собирает желтую желчь; эти пузыри не только ото всех остальных, но и друг от друга отличаются, да и протоки, которые идут в печень от желчного пузыря, как своего рода каналы, ничем не напоминают ни артерии, ни вены, ни нервы.

Что касается самой материи покровов желудка, кишечника и матки, то ее сделали такой, какова она есть, соответствующие природные функции, направленные на изменение» (I, 6, 14–15 K).

Когда функция зарождения реализована, на первый план выходит функция роста: «Итак, в чем, собственно, состоит свойство функции роста? Растягивать во все стороны порожденное. Порожденным называются твердые части тела, артерии, вены, кости, хрящи, мембраны, связки и все оболочки –

все, что немного ранее мы называли элементарным, гомеомерным и простым» (I, 7, 16 К). Объясняя этот процесс, Гален приводит пример детской игры, когда ребенок раздувает свиной пузырь, наполняя его воздухом. Секрет игры заключается в том, что свиной пузырь должен быть натерт в золе у огня, тогда он согревается и не лопается при увеличении в размере. Гален подмечает истончение тканей пузыря, указывая на очевидный факт: подобный процесс невозможен в случае с эмбрионом, ведь рождается полноценный ребенок. А это значит, что рост должен быть настоящим, а не «обманчиво видимым». Вывод Галена ясен и прост: «...Рост невозможен без притока и всасывания пищи» (I, 7, 18 К). Так, Гален определяет один вид изменения как «рождение», а другой, когда усваиваемые элементы из пищи поступают к каждому члену питаемого тела, – «уподобление» (I, 8).

Гален стремится к характеристике эмбриогенеза в философских терминах, описывающих движение: «В целом дело обстоит так: рождение, рост и питание – это первичные и как бы главные из дел природы, поэтому и их деятельные функции – три первые и господствующие, и они нуждаются, как было показано, во взаимном служении, как и в помощи других» (I, 9, 20 К).

Таким образом, Гален подходит к одной из главных тем, которым посвящена первая книга трактата «О естественных функциях», – проблеме питания и усвоения питательных веществ. Питание, с точки зрения Галена, может оцениваться

как естественная функция. Главное свойство этой функции – уподобление: «...Различным сущностям свойственно уподобляться друг другу и превращаться одна в другую, если в их качествах нет уже чего-то общего и родственного, то, во-первых, никакое живое существо по природе своей не способно питаться любой едой, а во-вторых, даже то, чем оно может питаться, оно усваивает не сразу» (I, 10, 20 K).

Слово «уподобление» Гален употребляет в совершенно определенном смысле: различным элементам и сущностям необходимо «превращаться одна в другую», или «уподобляться». В этих рассуждениях Галена, на мой взгляд, заложено глубокое понимание функциональной целостности организма, осознание взаимосвязи и взаимовлияния различных частей тела. Философская методология, позволяющая Галену осмыслить процессы, вновь заставляет нас вспомнить о фундаментальной работе Аристотеля «Об изменении и уничтожении»: «...Чтобы стать костью, крови понадобится много времени, длительная переработка и множество изменений. И совершенно ясно, что хлеб, а тем более латук, свекла и им подобное, нуждаются в полном изменении, чтобы стать кровью» (I, 10, 21–22 K).

Именно сложность этих процессов и определяет конечное, завершающее эмбриогенез устройство пищеварительной системы: «Именно здесь кроется причина того, что органов переработки пищи так много. А вторая причина – природа выделений. Ведь как мы совершенно не можем питать-

ся травой, хотя скот с этим справляется, так же мы способны прокормиться редькой, однако не так хорошо, как мясом» (I, 10, 22 K). Действительно, сложность процессов переработки самых разных пищевых продуктов в организме человека предопределяет тот факт, что часть их усваивается, а часть, непригодная для усвоения или излишняя, выводится из организма. Следовательно, и органы должны быть весьма сложного устройства, ведь их задача – часть остатков вывести, а полезные вещества доставить к частям тела, которым они необходимы: «Итак, мы рассмотрели также части тела второго рода, предназначенные для выделения остатков. Но есть еще один, третий род частей тела, предназначенный для того, чтобы нести пищу во всех направлениях, наподобие множества дорог, проложенных по всему телу» (I, 10, 23 K). Питание, по мнению Галена, «есть уподобление того, что питает, тому, что принимает пищу. Для того чтобы это произошло, нужно сращение, а для него, в свою очередь, необходимо приложение. Ведь всякий раз, когда сок, предназначенный для питания какой-либо из частей тела живого существа, извергается из сосудов, сначала он орошает всю эту часть тела, затем присоединяется и, наконец, уподобляется» (I, 11, 24 K). Итак, сначала «уподобление», то есть некая необходимая организму трансформация пищевых веществ в пищеварительной системе, а потом «сращение» и «присоединение». В конце этой цепочки осуществляется процесс, который Гален вновь называет «уподобле-

ние», но уже в совершенно ином смысле. Первое «уподобление» – это превращение чужеродных по сути, поступающих в организм извне пищевых продуктов, а второе – это окончательное усвоение частями тела переработанных в удобные для усвоения питательные вещества. Гален тут же справедливо уточняет: «Строго говоря, то, что питает, уже является пищей, а то, что подобно пище, но еще не питает, например сращиваемое и присоединяемое, не есть пища в строгом смысле слова, но только ее подобие. То, что еще содержится в венах, и еще в большей степени то, что еще в желудке, можно назвать пищей лишь на том основании, что оно станет питающим, если будет правильно обработано» (I, 11, 25–26 К). Гален предугадал существование сложнейших биохимических механизмов переработки питательных веществ с целью их усвоения. Пищевые массы, попавшие в желудок, являются пищей, однако она напрямую не может укрепить изношенные гомеометрии мышц, встроившись в них в виде соответствующего специфического набора первоэлементов. Пища должна быть переработана в желудке, а далее в печени, где, по мысли Галена, из поступивших в организм веществ синтезируется венозная кровь. Но и этого недостаточно: Гален предполагает, что вещества, поступающие из крови в ткани, должны быть дополнительно обработаны, и только тогда они послужат строительным материалом гомеометрических частей тела. В этом случае питание как третья основополагающая функция выполнит свое предназначение – под-

держание размера тела. Великий римский врач подчеркивает свое согласие с Гиппократом: «Ведь именно об этом говорит Гиппократ: “Пища – это питающее, подобное питающему и то, что станет питающим”. Ведь он называет пищей то, что уже уподобилось, то же, что прилагается и срачивается, – напоминающим питание, а все прочее, что содержится в венах и в желудке, – предназначенным для питания» (I, 11, 26 К). Провидение Гиппократа и Галена – пищевые вещества, поступившие извне, должны обрести сущностное сходство с гомеомериями, из которых состоят части тела, питаемые ими (I, 11).

Гален уточняет свою мысль: «Совершенно ясно, что питание неизбежно является неким уподоблением того, что питает, тому, что получает питание. Впрочем, иные говорят, что это уподобление не происходит на самом деле, но всего лишь кажется: таково мнение тех, кто считает, что природа не способна действовать мастерски и предусмотрительно заботиться о живом существе и вообще не имеет никаких собственных способностей, которые она пускает в ход, чтобы одни вещества изменять, другие – привлекать, третьи – выделять» (I, 12, 26 К). Здесь он вновь напоминает о существовании в медицине и философии как минимум двух направлений. Одно учение предполагает наличие некой материальной «субстанции любого возникновения или уничтожения», всеобщей, единой и в то же время способной изменяться. Разумеется, речь здесь идет о первоэлементах и сущ-

ностях, которые являются универсальными, смешение и взаимопроникновение которых определяет различие в гомеомериях. Гален негативно отзываясь о другой конкурирующей школе – атомистах: «Представители другой школы полагают, что материя не подвержена превращению, неизменна и разделена на мелкие частицы, которые перемежаются с пустотами между ними» (I, 12, 27 K). Врачи, придерживающиеся атомистической философии, разумеется, должны прийти до полной недооценки целесообразной деятельности природы, особенность которой состоит в том, что тела как растений, так и животных создаются с врожденной способностью привлекать, «уподоблять соответственное и исключать неподходящее». Утверждая это, оппоненты Галена должны прийти к отрицанию какой бы то ни было функции души. Здесь Гален уже определенно указывает на «мнение врача Асклепиада». Напротив, Гиппократ полагал, что «материя едина и способна к изменению, что все тело согласованно пронизывается и воздухом, и влагой, а природа творит все искусно и справедливо, используя функции, посредством которых каждая из частей тела влечет к себе соприродный ей сок, а сделав это, усваивает его каждой своей частицей и совершенно уподобляет себе. Та часть сока, которая не была усвоена и не смогла полностью измениться и уподобиться питаемому, уничтожается посредством другой, выделительной функции» (I, 12, 29–30 K). Здесь Гален впервые упоминает о способности целесообразно устроенных органов и

тканей притягивать элементы, необходимые для развития, те, которые могут быть «уподоблены их структуре и реализуемой ими функции».

Одним из важнейших постулатов гиппократовской теории медицины Гален называет представление об избирательном привлечении органами тех или иных веществ (далее Гален конкретизирует это понятие): «Ведь тот, кто считает, что ни одна часть тела не имеет функции привлекать вещества, обладающие соответствующим качеством, часто вынужден вступать в противоречие с очевидными явлениями, как это случилось с врачом Асклепиадом в вопросе о почках, которые считают органами, выводящими мочу, не только Гиппократ, Диокл, Эрасистрат, Праксагор или любой другой врач, но также едва ли не все мясники, так как они ежедневно видят положение почек и канал, который соединяет каждую из них с мочевым пузырем, так называемую уретру, и из строения этих органов делают вывод об их работе и предназначении. Помимо мясников, все люди, испытывающие частые затруднения при мочеиспускании или страдающие задержкой мочи, когда у них ломит поясницу и с мочой выводится песок, сами себя называют “почечниками”» (I, 13, 30–31 K).

Гален представляет читателю этот предмет своих рассуждений в очень выигрышном свете: он сразу приводит пример из клинической практики, с которым довольно сложно спорить. Действительно, кто из врачей станет отрицать существование мочекаменной болезни? Гален указывает на на-

копление песка и камнеобразование, связанное именно с выделительной функцией и происходящее в почках, а не в каком-либо другом органе. Тем более разумно, с его точки зрения, предположение, что жидкость, образующая мочу, может избирательно накапливаться почками и далее эвакуироваться через мочевой пузырь. Альтернатива этому представлению – идея врачей-методистов о парах жидкости, проникающей внутрь брюшной полости и превращающейся в мочу, кажется Галену не слишком убедительной. Действительно, если существует процесс парообразования, то пар в силу своих физических характеристик не должен опускаться вниз и скорее соберется в свободных пространствах брюшной полости.

Гален напоминает о высказанном им тезисе об опасности утраты убеждения в творческой силе природы, создавшей все целесообразно: он упоминает, не называя имен, своих оппонентов, утверждающих, что природа создала почки без всякой цели, а мочеточники появились «просто так». Гален также вспоминает (речь явно идет о конкретных дискуссиях) о том, что некоторые его собеседники путали анатомию мочевыводящих и семявыводящих путей. Единственным убедительным доказательством своей правоты в анатомо-физиологическом описании мочевыделительной системы Гален считает эксперимент: «А способ доказательства такой. Нужно разрезать брюшину перед мочеточниками, затем охватить их петлями, а после, перевязав животное, отпустить его, ведь

так оно уже не сможет испускать мочу. После этого, ослабив внешние повязки, следует показать, что мочевого пузыря пуст, а мочеточники полны, растянуты и едва не лопаются. Затем, сняв петли, можно увидеть, что мочевого пузыря уже полон мочой. Когда это станет очевидным, нужно, прежде чем животное испустит мочу, затянуть ему петлю вокруг полового члена, а затем со всех сторон сдавить пузырь, ведь через мочеточники ничего назад в почки вернуться не может. Из этого становится ясно, что не только у мертвого животного, но и у еще живого что-то мешает мочеточникам принять мочу назад из мочевого пузыря. Сделав эти наблюдения, следует, ослабив петлю на половом члене животного, позволить ему испустить мочу, а затем снова перевязать один из мочеточников, позволив другому опорожниться в мочевой пузырь, и через некоторое время показать, что тот из них, что перевязан, в той части, которая расположена ближе к почкам, полон и растянут, а свободный остается мягким, между тем как пузырь полон мочой. Далее следует рассечь первый, полный мочеточник и продемонстрировать, как из него вырывается моча, подобно крови при кровопускании, тотчас разрезать и другой, а затем наложить животному внешние повязки, после того как рассечены оба мочеточника. Когда покажется, что времени прошло достаточно, повязку следует снять – теперь пузырь окажется пустым, а вся полость между внутренностями и брюшиной будет наполнена мочой, как если бы животное страдало водянкой. Итак, если кто-ни-

будь самостоятельно решится провести такой эксперимент над животным, он, думается, строго осудит опрометчивость Асклеиада. А если он поймет причину, по которой из пузыря в мочеточники ничего не возвращается, думаю, это убедит его в том, с какой предусмотрительностью и мастерством позаботилась природа о живых существах» (I, 13, 36–38 К).

Далее Гален вновь возвращается к главному тезису – делу природы, которая порождает способность тела отвергать чужеродное и привлекать родное. Тут же следует новый выпад в адрес врачей-методистов: по Асклеиаду, «ничто ни с чем по природе не сообразно», но состоит из атомов, двигающихся хаотично. Важный момент, который проясняется при чтении этого текста, – конкретные представления методистов о физиологии и патологии. Ранее была рассмотрена функция мочевыделения, похожие соображения имелись относительно кроветворения и всасывания пищи: «Так вот, по поводу кроветворения и всасывания пищи он [*Асклеиад*. – Д.Б.] пустился в какую-то невнятную болтовню и, во все не найдя, что бы сказать об очищении тела от излишков, без колебаний решил пойти вразрез с очевидными явлениями, лишив почки и мочеточники функции выведения мочи, но утверждая, что в мочевой пузырь ведут какие-то невидимые пути» (I, 13, 39 К). Критику со стороны Галена также вызывали представления врачей-методистов о выделении желчи и функции селезенки. Из-за неверных представлений о функциях органов возникли и конкретные ошиб-

ки в лечении – это важно с учетом распространенного в историографии суждения о том, что и гиппократики-догматики, и эмпирики, и методисты лечили более или менее одинаково. Гален указывает на неспособность врачей-методистов, следовавших за Асклепиадом, излечить мочекаменную болезнь, желтуху или какое-либо заболевание, связанное с преобладанием черной желчи. В сущности, вопрос стоял вообще о возможности целенаправленной лекарственной терапии. Врачи-методисты могли объяснить только симптоматическое лечение, решение о котором принимается сугубо ситуационно.

Сведения, представленные в трактате «О естественных функциях», позволяют нам определенно утверждать, что атомистическая философия, которой руководствовались врачи-методисты, на практике приводила к полному отрицанию этиологии и патогенеза (если, конечно, не считать три умозрительные схемы патогенеза всех болезней, связанных с засорением пор и «пробками» из движущихся атомов). Гален говорит об очевидной в наши дни вещи: лекарство, назначаемое врачом в случае определенной болезни, должно оказывать некое специфическое воздействие именно на эту болезнь (он называет его «средством»). Действительно, болезнь развивается в определенной части тела (возможно, затрагивая и другие части). Соответственно, лекарство должно проникнуть в эту часть и оказать соответствующее воздействие. Взгляды Галена на этот вопрос довольно подробно

изложены в трактате «Искусство медицины» – в тех частях, в которых речь идет о дозах лекарства и способах введения его в организм в зависимости, например, от расположения патологического очага. Главный принцип остается неизменным – гиппократовское «лечи противоположное противоположным». Однако этого недостаточно: важно знать, что конкретный препарат имеет «сродство», то есть обладает свойствами, позволяющими ему проникнуть в нужную часть тела.

Гален напоминает читателю о принципе Гиппократа лечить противоположное противоположным, предполагающем верное определение того, какая именно жидкость преобладает при конкретной патологии. Ведь любому знающему врачу очевидно, например, что при желтухе бесполезно назначать препарат, выводящий избыток флегмы или воды, а желчегонное средство опорожнит организм пациента, страдающего желтухой, от излишней патологической жидкости, и самочувствие больного улучшится.

Гиппократ и Гален прекрасно понимали: болезни имеют этиологию и патогенез, то есть развиваются по определенному механизму, на который надо воздействовать. Однако специфика болезни также связана с тем, что она развивается в конкретном органе. В этом трактате Гален подсказывает решение: надо понимать «сродство» лекарства и части тела. Это важное дополнение к уже известным теоретическим взглядам великого врача.

Напротив, врачи-методисты, по сути, игнорируют патогенез и лекарства применяют только симптоматически. Гален соглашается с тем, что и его оппонентам порой удастся подобрать нужные средства, однако очень часто их назначения спекулятивны и, как следствие, бесполезны. Так, например, одна из глав трактата «О естественных функциях» завершается внушительным перечнем бесполезных и необоснованных терапевтических рекомендаций самого Асклепиада (I, 13).

Углубляя свою полемику с атомистами, Гален обращается к отвлеченному, на первый взгляд, примеру: он напоминает о свойствах магнита, притягивающего железо¹⁰⁵. Это одно из ключевых утверждений, важных для понимания смысла трактата «О естественных функциях». Гален полагал, что части человеческого тела подобно магниту обладают свойством избирательно притягивать вещества, необходимые для реализации их функционального предназначения.

Важность этого тезиса настолько велика, что Гален аккуратно и последовательно излагает взгляды своих оппонентов, начиная от оценки Эпикуром эффекта действия магнита. Ведь именно эпикурейская версия атомистической философии стала основой школьного учения врачей-методистов. Эпикур соглашался с существованием эффекта притяжения

---

¹⁰⁵ См.: Гален. О естественных функциях, I, 14, 45 К.

железа магнитом¹⁰⁶, однако объяснял этот очевидный факт по-своему: «Он [*Эпикур*. – *Д.Б.*] говорит, что атомы, истекающие от камня, сообразны по форме тем, что истекают от железа, так что им легко сцепиться. И вот, атомы, истекающие от железа, сталкиваются с камнем, а истекающие от камня – с железом; затем, отскакивая, они встречаются в середине и там сцепляются друг с другом и тянут за собой железо к камню. Очевидно, что гипотеза, с помощью которой он пытается объяснить причину этого явления, совершенно неубедительна, но он хотя бы признает наличие притяжения. Сходным образом он объясняет процессы усвоения пищи и выделения остатков в телах животных, а также действие лекарств, выводящих жидкости» (I, 14, 45 K).

Асклепиад не соглашался с таким объяснением Эпикура, так как, по мнению Галена, понимает «недостоверность названной причины». Видимо, основатель атомистического учения осознавал опасность этого (и, возможно, иных) известного примера из физики для своей теории. Это приводило Асклепиада к простому отрицанию физических фактов и утверждению, что «притяжения между чем бы то ни было вообще не существует». Естественно, что такое возражение имело более глубокий смысл: Асклепиаду, для того чтобы сохранить свою стройную теорию, необходимо было отрицать любую специфическую совместимость (или «сродство») между субстанциями человеческого тела и различны-

---

¹⁰⁶ «Гераклов камень» – это название магнита использует Гален.

ми лекарствами.

Гален прекрасно понимает, что его аргументы направлены против одной из основных доктрин врачей-методистов, поэтому он весьма обстоятельно обосновывает несостоятельность мнения Асклепиада относительно свойств магнита. Отрицать хорошо известные факты притяжения железа геракловым камнем невозможно, это очевидно слабое место в рассуждениях Асклепиада. Гален неспешно разбирает аргументы основателя школы методистов, стараясь произвести на читателя максимально выгодное впечатление. Показав несостоятельность своих оппонентов с помощью очевидных примеров из области физики, Гален, по обыкновению, не упускает случая поиронизировать: «Однако нынешние люди не торопятся получить ясное представление об этих школах, как и о других, лучших, с тем, чтобы потом долго разбирать и испытывать, что истинно, а что ложно в каждой из них; но, несмотря на свое невежество, одни называют себя врачами, а другие – философами. А поэтому неудивительно, что они почитают ложное наравне с истинным. Ведь каждый из них стал таким, каков был первый наставник, который ему подвернулся, не пытаясь научиться чему-либо у кого-нибудь еще. А иные из них, хотя бы и повстречали более одного учителя, однако до того непонятливы и тупоумны, что даже на старости лет все еще не понимают логической последовательности аргументов. В старину таких людей отсылали на черные работы. А чем это закончится – бог знает!..» (I, 14,

52–53 К).

Оказавшись в явно выигрышном положении, Гален переводит ход рассуждений в русло клинического анализа и продолжает изобличать ошибки своих оппонентов. Он верен себе и приводит примеры, которые, в силу их очевидности, невозможно оспорить: «Поэтому мы добавим к сказанному еще и то, что не только очистительные средства естественным образом привлекают соответствующие им качества, но зачастую так же действуют и лекарства, помогающие извлекать занозы и наконечники стрел, когда те глубоко застревают в плоти. Причем, вытягивают ли лекарства яды животных или яды отравленных стрел, они проявляют ту же функцию, что и геракловы камни. Мне самому довелось видеть, как заноза, застрявшая в ноге у юноши, не поддавалась, пока мы, надавив, вытягивали ее пальцами, а едва применили лекарство, она вышла быстро и безболезненно. Но и на это некоторые возражают, говоря, что стоит воспалению распространиться там, где засела заноза, как она выходит сама, хотя ее никак не пытаются извлечь. Однако, во-первых, похоже, эти люди не отдают себе отчета, что разные лекарства устраняют воспаление и вытягивают то, что застряло в теле подобным образом. Впрочем, если чужеродный предмет вышел после прекращения воспаления, то противовоспалительные лекарства способствовали в то же время его извлечению» (I, 14, 53–54 К).

Подводя итоги, Гален повторяет свое утверждение о су-

существовании некой функции, присущей каждому веществу. Под ней он подразумевает свойство этого вещества, проявляющееся в совершенно определенном, специфическом воздействии на организм человека. Речь идет о некой скрытой в веществе способности, потенциальные возможности воздействия, которая проявляет себя при взаимодействии с плотью живого существа. При этом эта функция может быть достаточно простой, легко определяемой – так, вино определенного сорта действует на желудок, улучшая пищеварение. Примером простого «средства» является также способность зерен пшеницы втягивать в себя воду.

Функция вещества может быть и очень сложной. В качестве примера Гален приводит противоядия: при их использовании запускается определенный многоступенчатый механизм – яд взаимодействует с организмом, и вещество, используемое в виде противоядия, воздействует и на организм, и на яд, «вытягивая» последний.

Окончив анализ тщательно подобранных доказательств существования в природе некоего «средства» веществ, проявляющегося в «притяжении» железа магнитом, воды – зернами пшеницы и т. д., Гален вновь обращается к анализу выделительной функции. Все сказанное позволяет ему перейти непосредственно к аргументам физиологического характера и продемонстрировать свое превосходство над оппонентами: «Поскольку мы уже достаточно говорили о пустяках, пусть и против воли (как говорится в пословице: с безумными по-

ведешься – поневоле начнешь безумствовать»), давайте вернемся назад к способу выведения мочи, забудем про глупости Асклепиада и посмотрим вместе с теми, кто убежден, что моча проходит через почки, что за вид действия здесь присутствует» (I, 15, 56–57 К).

Гален возвращается к объяснению функции выделения. Он ставит вопрос о существовании некоего физиологического механизма, в рамках которого почки «притягивают» мочу и далее выводят ее через мочевыводящие пути.

Механизм этого притяжения не может быть объяснен с точки зрения атомической натурфилософии – анатомическое расположение почек исключает механическое движение атомов именно к ним. Интересно, что по ходу изложения Гален приходит к объяснению, похожему на современное: почки фильтруют кровь, выделяя из нее части, не нужные организму. Однако он отвергает это объяснение как не вписывающееся в его систему взглядов на кровообращение. Он далек от понимания истинной роли артериальной крови. Гален знает, что в ней содержится жизненный дух, – и этого для него достаточно. Великий врач исходил из первостепенного значения венозной крови: по его мнению, именно она выполняет питательную функцию. Гален рассуждает следующим образом: если бы почки фильтровали кровь и образование мочи было бы следствием такой фильтрации, то через почки должна была бы проходить вся кровь. Однако они, в отличие от печени, находятся на периферии венозного кро-

вообращения – по обе стороны от нижней полой вены. В системе Галена нет замкнутого круга кровообращения, нет и понятия о конечном объеме циркулирующей крови. Именно поэтому интересная гипотеза о моче как отфильтрованном излишке крови (а эта идея ему явно нравится!) не находит логичного объяснения, и Гален ее отвергает.

Остается лишь идея притяжения почками жидкости, из которой образуется моча, – здесь он вновь прибегает к примеру с магнитом, притягивающим железо.

Далее Гален переходит к рассуждениям о том, что Эрасистрат заблуждался в вопросе о «сродстве» или «притягивании» в физиологии человека (I, 16). Полемика с методистами не обходится без упоминания об Эрасистрате, что еще раз напоминает нам о связи между идеями знаменитого александрийца и практикой современных Галену врачей-методистов. Судя по всему, Эрасистрат отрицал способность внутренних органов создавать физиологический эффект «тяги». В некоторых вопросах это могло означать отрицание очевидного: применительно к пищеводу и желудку Гален называет это свойство «перистальтикой».

К сожалению, не сохранилось ни одного сочинения Эрасистрата, однако благодаря Галену и его привычке включать в свои тексты многочисленные цитаты мы располагаем довольно значительным перечнем названий работ знаменитого александрийского врача. Гален не только упоминает их, но и весьма часто кратко (и очень критично) разбирает их. Это

еще раз напоминает о ценности текстов Галена, в том числе и как источников информации об утраченных сочинениях других античных авторов.

Гален довольно подробно разбирает ряд тезисов, содержащихся в сочинении Эрасистрата «Об основных вопросах». В этой работе он, судя по всему, пытался решить ту же задачу, которую Гален решает в трактате «О естественных функциях», – «говорить о естественных действиях, прежде всего о том, каковы они и каковы механизм и место этих действий» (I, 16, 63 К). Эрасистрат описывает функции мочеиспускания (признает, что выведение мочи происходит через почки) и пищеварения, отдельно останавливается на процессе выведения из организма желчи. Гален критикует его за неверные объяснения физиологических механизмов, признавая, впрочем, что сами механизмы описаны верно. Любопытно, что Эрасистрат пользуется аристотелевской логикой при объяснении этих процессов, и именно она вызывает серьезные нарекания со стороны Галена: «А ведь, рассказывая об этих действиях, он не только указал на действующие органы, но и на механизм действия, как и в случае с усвоением пищи он не ограничился указанием на то, что усвоение происходит через вены, но заявил, что в основе этого процесса лежит естественное стремление заполнить пустоту. А о выведении мочи он лишь пишет, что оно проходит через почки, но ничего более не прибавляет о том, как оно, собственно, проходит. Впрочем, я не думаю, что здесь было бы

уместно говорить о стремлении заполнить пустоту, ведь, если бы это было так, никто бы никогда не умирал от невозможности вывести мочу, так как она не могла бы прибывать в большем количестве, чем позволяет пустое пространство. Ведь если нет никакой другой причины, кроме неизменного стремления заполнять пустоту, то невозможно, чтобы прибывало больше мочи, чем ее было выведено» (I, 16, 63–64 K).

Далее Гален критикует приложение теории об обязательном заполнении пустоты по отношению к функционированию желудка и применительно к нижним частям полой вены. Он вновь возвращается к несостоятельной, по его мнению, теории, объясняющей физиологию почек как фильтра крови.

Заканчивая анализ мнений Эрасистрата, Гален констатирует: «Итак, Эрасистрат, осознав, что все это полно противоречий, и понимая, что из всех научных мнений непротиворечивое объяснение дает только теория притяжения, не пожелал ни признать своего затруднения, ни приводить мнение Гиппократов, но решил, что способ выделения лучше обойти молчанием» (I, 16, 66 K). Отсутствие в работах Эрасистрата верных объяснений физиологического механизма функции почек приводит к тому, что Асклепиад «солгал» и отрицает даже верно представленную Эрасистратом оценку самой этой функции. И вновь мы видим, что для Галена связь между идеями Эрасистрата, Асклепиада и современных ему врачей-методистов – непреложный факт. Как и в ранее введен-

ных в научный оборот источниках, эта связь Галеном уверенно констатируется, но четко не разъясняется.

Гален говорит о том, как Эрасистрат объясняет функции мочевыведения: «Те, кто по времени близок к Эрасистрату, утверждают, что органы, находящиеся над почками, получают чистую кровь, а водянистые излишки из-за собственной тяжести начинают стекать вниз и затем, пройдя через сами почки и став, таким образом, пригодными, направляются в виде крови ко всем органам, расположенным ниже почек» (I, 17, 68 К).

Здесь же наиболее четко формулируются возражения самого Галена: «Ведь они, очевидно, предполагают две вещи, которые никто не признавал и которые даже невозможно доказать: во-первых, то, что тяжесть жидкой сыворотки образует в поллой вене, как будто бы ее не было изначально, когда эта жидкость поступала из поллой вены в печень. Иначе непонятно, почему она еще оттуда не начала стекать вниз. И как кому бы то ни было может показаться разумным утверждение, что жидкая сыворотка способствует усвоению, если она такая тяжелая?»

Вторая же нелепость заключается вот в чем: если допустить, что сыворотка целиком устремляется вниз, и именно тогда, когда она оказывается в поллой вене, трудно, пожалуй, и невозможно объяснить, каким образом она попадает в почки, если они расположены не ниже вены, но по сторонам от нее, и если поллая вена не врастает в них, а всего лишь посы-

дает в каждую из них отростки, точно так же, как и во все остальные органы» (I, 17, 68–69 К).

Уже во времена Галена возникает теория, отрицающая предложенную Гиппократом и развиваемую самим Галеном концепцию притяжения (или «средства»). Она была выдвинута врачом Ликом, уроженцем Македонии, с которым Гален много полемизировал¹⁰⁷.

С точки зрения современной медицины, теорию Лика следует признать здоровой: согласно ей, моча представляет собой излишки, выводимые из организма в процессе питания. Гален считает, что вся жидкость, выпитая человеком, превращается в мочу, – тезис, неверный с точки зрения современной физиологии. При этом он, как обычно, не стесняется в выражениях: «И выходит по пословице: белой вороне ни с самими воронами не сойтись – больно бела, ни с голубьями – больно велика. Впрочем, из этого еще не следует, что его нужно презирать: в любом случае он сказал нечто удивительное, что никому прежде и в голову не приходило» (I, 17, 71 К).

Гален признает, что «все органы, связанные с питанием, выделяют какой-то излишек, но невозможно допустить и нет тому основания, чтобы почки, совсем маленькие органы, одни удерживали порой целых четыре хои жидкости, а иной раз и того больше, ведь тогда необходимо, чтобы выделения

---

¹⁰⁷ Полемике с Ликом посвящено отдельное сочинение Галена («Против Лика»), перевод которого публикуется в этом томе.

каждого из больших органов были еще внушительнее» (I, 17, 71 К). Тем не менее с Ликом он не согласен, и следует признать, что его аргументы неубедительны и носят весьма приблизительный и количественный характер: «Ведь, если почки человека, пьющего вино, производят иной раз три-четыре хои излишков, выделения каждого из прочих внутренних органов будут куда больше, и понадобится огромный пифос, чтобы собрать все излишки. Впрочем, часто бывает так, что мочи выделяется почти столько же, сколько жидкости человек выпил, – выходит, что вся выпитая жидкость проходит к почкам» (I, 17, 72 К).

В конце первой книги трактата «О естественных функциях» Гален констатирует, что невозможно использовать принцип заполнения пустого пространства («природа не терпит пустоты») в качестве универсального объяснения физиологических процессов. Вместе с тем он отмечает, что «даже, согласно самому Эрасистрату, необходимо, чтобы все это совершалось единообразно» (I, 17, 73 К).

КНИГА ВТОРАЯ

В начале второй книги трактата «О естественных функциях» Гален формулирует свое понимание назначения выделительной функции: внутренние органы имеют естественную способность «притягивать» к себе соответствующую жидкость из кровеносного русла и формировать из него выделя-

емую субстанцию. Таким образом, желчь через печень попадает в желчный пузырь, а моча – через почки в мочевой пузырь.

Судя по всему, Эрасистрат строил свои рассуждения относительно мочевыделения, руководствуясь общей идеей заполнения пустоты: «Эрасистрат, по всей видимости, полагает истинным, что если что-то вытечет из вен, то произойдет одно из двух: либо останется совершенно пустое место, либо постоянно будет прибывать новое содержимое, заполняя пустоту». Гален сообщает, что Асклепиад не разделял эту точку зрения: «Асклепиад, однако, утверждает, что следует говорить не об одном из двух, а об одном из трех возможных следствий: либо место останется совершенно пустым, либо постоянно будет прибывать новое содержимое, либо сосуд сожмется» (II, 1, 75 K).

Здесь же Гален дополняет критику взглядов Эрасистрата уже известным нам соображением о невозможности с помощью любимой его оппонентом идеи физиологической механики понять функции пищеварения и кровообращения. Одним давлением мышц желудка невозможно объяснить не только измельчение пищи в самом желудке, но и всасывание ее в вены.

По мнению Галена, не существует иной основы для правильного понимания процесса мочевыделения, кроме принципа «притяжения» (II, 2). Ведь его отрицание приводит к необходимости постулировать довольно странные альтерна-

тивные гипотезы: «Но мы неминуемо прослышем безумцами, твердя, что моча попадает в почки в виде пара, либо выставим себя на посмешище, ссылаясь на закон заполнения пустоты: гипотеза эта является вздорной и в вопросе о крови, а в отношении мочи она совершенно неосновательная и слабая. <...> Ведь как можно допустить, что природа в предусмотрительной заботе о живом существе разослала вместе с кровью по всему организму столь негодную жидкость?» (II, 2, 78 К).

Гален также обращается к очевидному аргументу, понятному любому врачу: и моча, и желчь являются более плотными и менее текучими жидкостями, чем кровь, поэтому вряд ли можно предположить их свободную, наряду с кровью и сывороткой, циркуляцию по всему телу.

Гален говорит о своем понимании телеологического принципа устройства организма человека: «...Если не признавать, что природа изначально наделила каждый орган определенной функцией, получится, что живым существам не дано прожить хотя бы столько дней, сколько им было отпущено лет» (II, 3, 80 К).

Идея существования свойства естественного притяжения частями тел соответствующих их функциям жидкостей является для Галена альтернативой учению врачей-методистов о каналах (или порах), по которым внутри организма хаотически перемещаются атомы: «...Никакое живое существо не сможет не только жить, но даже незначительное время су-

ществовать, если, заключая в себе множество столь разнообразных органов, оно не воспользуется функцией притяжения свойственного, функцией отторжения чужеродного и функцией изменения того, что предназначено ему в пищу. Если же есть у нас такие функции, то в вопросе о выделении мочи и желчи нам совершенно ни к чему выдумывать “каналы”: ни малые, ни большие – всего лишь допущение, которое еще надо доказать. Ни к чему также и идея “благоприятного стечения обстоятельств” – единственная концепция, где Эрасистрат обыкновенно проявляет здравый смысл, полагая, что части тела прекрасно расположены и сформированы природой» (II, 3, 81 K).

Далее Гален углубляется в пространные рассуждения о красоте и целесообразности устройства созданного природой человеческого тела и проводит аналогию с искусством великих скульпторов Праксителя и Фидия. Он подчеркивает, что скульптура создается в рамках целостного замысла художника, который подбирает соответствующие материалы для решения каждой конкретной задачи.

Гален рассуждает о необходимости смешения семени с кровью в соответствующих пропорциях. При этом семя, играющее ключевую роль в размножении, должно обладать способностью естественного притяжения, необходимой для осуществления его функции при взаимодействии с жидкостью (в данном случае кровь): «Так вот, не пристало, чтобы воск сам себе определял меру, ведь это задача Фидия.

Мастер всякий раз получит для себя столько крови, сколько ему требуется. Но в этом месте нам следует быть внимательными и осмотрительными, чтобы ненароком не ошибиться, приписывая семени способность к рассуждению и разумное начало. Ведь тогда нам придется признать семя не одним из проявлений природы, а прямо-таки живым существом. Если же мы будем одновременно учитывать два обстоятельства – притяжение семенем соразмерного количества крови и его непричастность к разумной деятельности, – придется признать, что у него есть свойство притягивать кровь, подобно тому, как магниту свойственно притягивать железо. Стало быть, и здесь, как это не раз случалось делать прежде, мы вынуждены согласиться с тем, что у семени есть свойственная ему функция притяжения» (II, 3, 84–85 К).

Гален затрагивает крайне интересный вопрос о философских взглядах Эрасистрата, которого обычно относят к сторонникам философии перипатетиков. Однако Диоген Лаэртский лишь замечает, что Эрасистрат «мог слушать» Теофраста. Элементы корпускулярной теории, присутствующие у Эрасистрата, Г. Дильс связал с идеями перипатетика Стратона из Лампсака. Однако это лишь предположение, в целом не подкрепленное свидетельствами источников. На противоречие во взглядах Эрасистрата обращает внимание и Гален: «До того момента, как он [*Эрасистрат*. – Д.Б.] воспеваает природу как искусного творца, и я узнаю в его речах перипатетическое учение, а во всем остальном не вижу ничего схо-

жего» (II, 4, 88 K).

Гален подчеркивает, что перипатетическая традиция может рассматриваться только в непосредственной связи с идеями Гиппократов: «Ведь всякий, кто обратится к сочинениям Аристотеля и Теофраста, вероятно, заметит, что они составлены как комментарии к “Физиологии” Гиппократов. Согласно Гиппократу, такие элементы, как горячее и холодное, сухое и влажное, оказывают действие друг на друга или испытывают его, причем наиболее активным является горячее, а вторым по силе воздействия – холодное. Все это первым сформулировал Гиппократ, а уже за ним – Аристотель. Гиппократ и Аристотель также согласны в том, что процесс питания происходит посредством всех этих элементов, как и процессы смешения и изменения. Они же учили, что пищеварение – это род изменения, а то, что идет в пищу, приобретает качество, родственное тому, что эту пищу принимает; и кроветворение, и питание – это тоже род изменения, а увеличение происходит за счет растяжения во всех направлениях и питания. Изменение же возможно благодаря лишь врожденной теплоте, благодаря которой возможно и пищеварение, и питание, и образование всех жидкостей организма, и качества того, что подлежит выделению, также порождает врожденная теплота» (II, 4, 88–89 K).

Гален задает вопрос: «...Если все это действительно признается перипатетиками (а они все это признают), а Эрасистрат ни одно из этих положений не принимает, каким обра-

зом его приверженцы приписывают основателю своей школы знакомство с учением перипатетиков?» (II, 4, 90 К).

Эрасистрат отрицает многие положения учения Гиппократов, которые находят подтверждение в теории Аристотеля: это и доктрина внутреннего тепла, и учение о горячем, холодном, сухом и влажном, и многое другое. Представления Эрасистрата о приоритетности сугубо механического фактора в превращении пищи в желудке являются фундаментальным противоречием аристотелевскому учению об изменениях. Иными словами, «простое перечисление догматов... указывает на то, что Эрасистрат не имеет никакого отношения к учению Аристотеля о природе» (II, 4, 92 К).

Далее Гален обращает внимание на взгляды своих современников, врачей-методистов, которых называет «нынешними последователями Эрасистрата» (II, 5). Эрасистрат, по его мнению, неверно описывал анатомию магистральных сосудов, исходящих из печени и желчевыводящих путей, – в этом основа ошибочного понимания Эрасистратом функции печени. Современники Галена, последователи Эрасистрата, не интересовались анатомическими исследованиями и не только повторяли ошибку знаменитого александрийского врача, но и усугубляли ее. Представление о том, что под воздействием механического давления мышц желудка пищевые массы, превратившиеся в насыщенный сок, всасываются в опустевшие сосуды, в корне неверно. Ведь это не объясняет, почему в венах содержится кровь, а в желчных прото-

ках – желчь. По мнению Галена, правильно объяснить эти процессы можно лишь с помощью его теории «притягивания». Вообще, в этом и других сочинениях Галена довольно много указаний на совершенно конкретные ошибочные суждения Эрасистрата по вопросам анатомии. Конечно, нет оснований ставить под сомнение широко распространенное в историографии мнение о том, что Эрасистрат производил анатомические вскрытия. Ведь такие его открытия, как описание клапанов сердца и магистральных сосудов, невозможно сделать иначе как с помощью непосредственных наблюдений за устройством тела. Однако создается впечатление, что интерес Эрасистрата к анатомии был не очень последовательным и какими-то вопросами он не интересовался совсем. Иначе нельзя объяснить тот факт, что устройство одних органов он описывал верно, а об анатомии других он имеет весьма отдаленное представление.

У Галена есть интересное рассуждение о философских взглядах Эрасистрата. Говоря о своей теории «притягивания», Гален ставит вопрос о содержимом нервов и их питании. Напомню, что нервы в его представлении – это небольшие полые трубки, внутри которых циркулирует психическая пневма, передающая частям тела команды к произвольным движениям, исходящие из головного мозга. Указывая на устройство нерва, Гален задает следующий вопрос: «Здесь мне снова хотелось бы обратиться к Эрасистрату и спросить его об этом элементарном малом нерве: действи-

тельно ли он является единым и сплошным, или он состоит из множества мельчайших тел, как это предполагали Эпикур, Левкипп и Демокрит?» (II, 6, 97 К). Это вновь ставит под сомнение мнение об Эрасистрате как последовательном перипатетике: «Ведь в результате будет уже не нечто единое, а множественное, разделенное пустотами. Если же они составлены из множества мельчайших тел, то мы, как говорится, черным ходом попали прямо к Асклепиаду, коль скоро мы полагаем, что существуют такого рода несопряженные частицы. Тогда, опять-таки, нам придется отказать природе в творческом начале, ведь это неизбежно вытекает из предположения, что такие частицы существуют» (II, 6, 98 К).

Современные Галену врачи, последователи Эрасистрата, будучи атомистами, шли еще дальше и фактически отказывались от тезиса своего именитого предшественника о «простых и первичных» сосудах и нервах. Галену кажется очевидным, что «это мнение идет вразрез с воззрениями Эрасистрата, ведь оно объявляет сложным то, что он называет простым и первичным, и отказывает природе в творческой силе». Он продолжает: «Ведь если мы не допустим в этих простых образованиях определенного единства сущности, но дойдем до неупорядоченных и неделимых частиц, мы начисто откажем природе в ее творческой силе, как все врачи и философы, которые берут эту гипотезу за отправную точку» (II, 6, 100 К). Далее Гален справедливо отмечает, что конечной точкой подобных рассуждений является тезис о

«вторичности природы». Эту мысль надо понимать как следствие доктрины о хаотическом движении атомов, не предполагающей наличия целесообразных процессов. По мнению Галена, природа невидимым образом реализует творческие функции. В соответствии с учением Аристотеля, эти функции таковы, что «ни один из названных процессов не обходится без преобразования, изменения и полного взаимопроникновения» (II, 6, 101 K).

Заслуживает внимания значительный по объему фрагмент рассуждений Галена о «простом», «едином», или «элементарном» нерве. В рамках атомистической доктрины все анатомические образования понимаются как «составные», причем сформированные в результате случайных процессов. Между тем это противоречит стройной галеновской иерархии частей тела – только в ее рамках возможно более или менее системное осмысление физиологических процессов.

Гален прямо указывает на то, что Эрасистрат не разделяет гуморальную теорию Гиппократов, считает это противоречием учению перипатетиков: «И об этом Эрасистрату следовало бы знать, если только ему действительно доводилось сталкиваться с перипатетиками хотя бы во сне, подобно тому, как следовало бы ему разбираться в зарождении жидкостей в организме, о которых ему нечего сказать даже умеренно правдоподобного. Поэтому он думает ввести нас в заблуждение, ссылаясь на то, что исследование этих жидкостей не приносит никакой пользы» (II, 8, 107 K).

Только отрицая значение жидкостей вообще, Эрасистрат мог проигнорировать объяснение важного, по мнению Галена, вопроса: почему желчь и кровь содержатся в разных сосудах и не смешиваются? Гален время от времени называет желчные протоки «сосудами» в полемических целях, как бы принимая позицию Эрасистрата и его сторонников: пусть все виды полых образований называются «сосуды». Тогда четкое разделение жидкостей и то, что они не смешиваются, можно объяснить только избирательным «притяжением», которое носит целесообразный характер, соответствующий естественной функции того или иного органа.

Гален подмечает особенность полемики, которую ведет Эрасистрат: он выбирает наиболее абсурдные идеи своих оппонентов, попытка же сформулировать целостную позитивную теорию представляет для знаменитого александрийца серьезную проблему: «На самом деле в научных прениях Эрасистрат – человек совершенно ограниченный и крайне недалекий. В своем сочинении “О пищеварении” он ревностно спорит с теми, кто считает пищеварение процессом гниения пищи, в трактате “Об усвоении” – с теми, кто считает, что кровь передается по венам только благодаря близкому расположению артерий, а в труде “О дыхании” – с теми, кто утверждает, что воздух в легких со всех сторон подвергается стеснению. Он также, не дрогнув, стал возражать тем, кто считает, что моча поступает в мочевой пузырь в виде пара, и тем, кто думает, что питье устремляется в легкие. Та-

ким образом, он охотно выбирает среди всех самые уязвимые учения и в основном занимается опровержениями. Что же до теории зарождения крови, которая ничуть не менее значительна, чем теория разжижения пищи в желудке, то он не снизошел до полемики с кем-либо из древних, а сам не осмелился предложить какую-нибудь новую мысль, хотя в начале своего сочинения “Общие положения” он и пообещал рассказать, как и посредством каких органов совершаются все природные действия в организме живых существ» (II, 8, 111–112 К).

Судя по всему, Эрасистрат двояко оценивал происхождение желчи: иногда он утверждал, что она поступает в организм с пищей, а порой соглашался с идеей ее эндогенного происхождения. Для врача, отрицавшего значение баланса жидкостей в норме и патологии, этот вопрос действительно мог показаться маловажным. Однако для такого последовательного гиппократика, как Гален, этот вопрос был принципиальным: не случайно он уделяет внимание анализу своих противоречий со сторонниками Эрасистрата по этому вопросу. Он напоминает о том, что Эрасистрат отрицал доктрину о внутреннем тепле как о важнейшем физиологическом факторе.

При этом Гален вновь обращает внимание на то, что Эрасистрат отвергает некоторые важнейшие положения натурфилософии Аристотеля, еще раз подвергает сомнению возможность относить Эрасистрата к перипатетикам: «Дойдя до

этого места, я бы с удовольствием спросил тех, кто утверждает, что Эрасистрат тесно связан с перипатетиками, знают ли они, что о наших телах, приводя доказательства, сказал Аристотель. А он сказал, что наши тела – это результат смешения горячего, холодного, сухого и влажного, что горячее является наиболее активным, что те животные, у которых тепла больше, имеют крови в избытке, а у тех, у кого преобладает холодное, крови недостаточно; поэтому зимой они лежат, свернувшись в норах, лениво и неподвижно, точно мертвые. Что касается цвета крови, то о нем говорил не только Аристотель, но и Платон» (II, 8, 116 K).

Дополнительным фактором, который, по мнению Эрасистрата, способствовал пищеварению, было попадание пневмы из артерий в полость пищеварительного тракта¹⁰⁸. Гален использует это суждение александрийского врача, чтобы поставить под сомнение основополагающие принципы взгляда своего оппонента на физиологию человека в целом.

Гален приводит клинический пример: у пациента после травмы появился бубон, однако функция пищеварения не нарушается до того, как «больного начнет лихорадить» (II, 8, 119 K). Действительно, местные повреждения никак не отражаются на жизнедеятельности организма, до того как вследствие присоединения инфекции не разовьется септицемия. У больного начинается интоксикация, жар, и его общее со-

---

¹⁰⁸ Напомню, что Эрасистрат исходил из того, что в артериях содержится только пневма.

стояние влияет на совокупность функций, в том числе и пищеварение. Причина ухудшения конкретной функции в этом случае, как считает Гален, состоит в накоплении избыточного количества тепла. Циркуляция пневмы усиливается, движение артерий и сердца очевидным образом меняется. Однако, если следовать логике Эрасистрата, более интенсивное поступление пневмы должно способствовать улучшению функции пищеварения. На практике из-за избыточного жара наступает несварение желудка.

Общий принцип патологии Гален в данном случае формулирует следующим образом: «...Невозможно, чтобы несоответствующее увеличение жара принадлежало к числу первичных болезней, а причина нормальной природной деятельности в то же время не заключалась бы в соразмерном смешении элементов. Поэтому невозможно, чтобы неправильное смешение элементов вызывало первичные болезни из-за чего-то иного, кроме расстройств соразмерного смешения. Ведь если организм нормально функционирует, пока все элементы в нем находятся в равновесии, то при нарушении этого равновесия происходят первичные сбои естественной деятельности» (II, 8, 121 К).

Соответственно, нельзя недооценивать значение внутреннего тепла: «Полагаю, что те, кто способен делать логические выводы, получили достаточно доказательств, что, согласно самому Эрасистрату, соразмерная доля тепла при смешении элементов – причина нормальной деятельности организма.

Однако если это так, ничто не мешает нам говорить, что при каждом виде естественной деятельности правильное его смешение приводит к хорошему состоянию, а неправильное – к плохому. А если это так, следует полагать, что пропорциональная доля тепла в организме способствует образованию крови, а непропорциональное – желчи. Так, мы предсказуемо находим, что желчь в большом количестве образуется в горячие периоды жизни, в теплом климате, в теплое время года, при горячих состояниях организма, горячих температурах человека, занятиях и образе жизни, а также при горячих болезнях» (II, 8, 121–122 К).

Аналогичным образом следует рассматривать вопрос о сладком, горьком и соленом. Гален приводит свой излюбленный пример с медом, горячим по природе, который при дополнительной варке меняет свой естественный сладкий вкус на горький. По мнению великого римского врача, это происходит из-за нарушения баланса внутреннего тепла: когда его слишком много, вкус меда меняется на противоположный. Это, по мнению Галена, опровергает идею Эрасистрата о возможном экзогенном происхождении желчи: «Но ведь, действительно, невозможно, чтобы одна и та же пища у одних порождала желчь, а у других – кровь, если и желчь, и кровь производятся не в самом организме. Допустим, каждый вид пищи на самом деле изначально содержал бы в себе желчь, а не производил ее в результате переработки в телах живых существ. Тогда один и тот же вид пищи во всех телах

производил бы ее в равном количестве. Тогда у тех, кто отведал горького, горькая пища, думаю, производила бы желчь, а у тех, кто попробовал что-то хорошее и сладкое, даже капли желчи от этого не появилось бы. И не только мед, но любая другая сладкая пища в упомянутых телах, горячих по той или иной причине, с легкостью превращается в желчь» (II, 8, 124–125 К).

Гален заканчивает рассуждения напоминанием о своем видении философской традиции, полезной для развития медицины. По его мнению, важно всегда помнить о высказываниях Аристотеля и Праксагора, не забывая и о том, что они лишь верно изложили взгляды Гиппократов и Платона.

Девятая глава второй книги трактата «О естественных функциях» как раз и начинается с напоминания о верной научной методологии, которой руководствовались упомянутые великие ученые: «...В научных доказательствах следует исходить из тех основ, о которых мы уже говорили прежде: взаимодействие активных и пассивных начал в телах становится возможным благодаря горячему, холодному, сухому и влажному. И всякий, кому придется исследовать деятельность вен, печени, артерий, сердца, пищеварительного канала или какого-либо другого органа, будет вынужден признать, что эта деятельность зависит от того, как смешаны эти четыре элемента» (II, 9, 126 К).

Если врач уклонится от этой руководящей идеи, то неминуемо потеряет основы, на которых строится познание чело-

веческого организма. Тогда он станет скептиком «вроде последователей Пиррона» и ему «придется укрыться за учением эмпириков». Далее Гален весьма эмоционально отстаивает фундаментальный принцип медицины Гиппократов – лечение противоположного противоположным. При этом великий римский врач постоянно напоминает о том, что этот принцип не является результатом простого эмпирического воспроизводства удачного клинического опыта, а представляет собой правильно осмысленную концепцию воздействия на причину болезни, имеющую глубокие философские основания: «Ведь каким еще способом преуспеете вы в лечении, если не разберетесь в причине каждой болезни? Так отчего бы вам с самого начала не назвать себя эмпириками? Что же вы путаете нас, заявляя во всеуслышание, что изучаете естественную деятельность организма ради того, чтобы лечить? Ведь если желудок больного не в состоянии обволакивать и перетирать пищу, как вернуть его в норму, не разобравшись в причине болезни? А я вам скажу, что, если в желудке избыток жара, нам нужно его охладить, если избыток холода – добавить тепла; в случае излишней сухости необходима дополнительная влага, в случае излишней влажности – сухость. А если случится, что желудок одновременно будет горячее и суше, чем следует, первая задача врача – вместе и охладить, и увлажнить его; если же он слишком холодный и влажный – добавить тепла и сухости; так же и при прочих комбинациях. А что, скажите на милость, будут делать последователи Эра-

систрата, если они признаются, что вовсе не собираются искать причины естественного функционирования организма? Ведь плод исследования деятельности органов в том, чтобы, зная причины нарушения равновесия элементов, привести их к гармоничному состоянию. Но для того, чтобы лечить, недостаточно просто знать, какая естественная деятельность с каким органом связана» (II, 9, 127–128 K).

Далее Гален дает краткое описание состояний, связанных с патологическим преобладанием одной из жидкостей. Это классика гиппократовского наследия: черная желчь – жидкость, избыточная в организме, находящемся в состоянии увядания (речь идет не только о старости, но и о тяжелой, смертельной болезни, например раке), эффект от преобладания желтой желчи напоминает последствия употребления чрезмерного количества соли (Гален сравнивает его с консервирующим воздействием рассола и морской воды на мясо) и т. д.

Этот экскурс в теорию жидкостей Гален сопровождает эмоциональными критическими выпадами в адрес Эрасистрата: «Мне кажется, что Эрасистрат не осознавал, что болезнь – это такое состояние организма, которое расстраивает его природную деятельность, не под влиянием случайных факторов, но само по себе» (II, 9, 128 K); «...благородный Эрасистрат, напустив на себя презрение ко всем вокруг, не только не стал им возражать, но вообще не упомянул их точку зрения» (II, 9, 132 K).

Конечно, подобные ремарки – лишь фигура речи, гораздо большее значение имеют упреки Галена, адресованные Эрасистрату, которые свидетельствуют о принципиально неверном понимании им функций некоторых внутренних органов (Гален говорит о селезенке и вновь, как и выше, возвращается к обсуждению роли почек).

Гален завершает вторую книгу трактата «О естественных функциях» подробным анализом метаболизма четырех жидкостей. Здесь важно отметить три момента. Во-первых, Гален подчеркивает преемственность своего учения по отношению к древним классикам врачебной профессии: «Мне кажется, что я достаточно подробно прокомментировал то, что сказали Гиппократ, Платон, Аристотель, Праксагор, Диокл и многие другие из древних по поводу зарождения и гибели жидкостей организма, поскольку мне показалось неправильным приводить в этом сочинении все их высказывания от начала до конца. Я сказал о каждой из жидкостей ровно столько, сколько нужно, чтобы побудить всякого (если он не совершенный невежда) познакомиться с сочинениями древних и помочь ему уразуметь прочитанное. В другом сочинении я написал также о том, что думали по поводу жидкостей, находящихся в организме, Праксагор и Никарх. Ведь несмотря на то, что Праксагор насчитывает целых десять жидкостей, не считая крови (одиннадцатая жидкость – это уже кровь), он не выходит за рамки учения Гиппократа. Ведь он делит на виды и разновидности те жидкости, по

поводу которых, указав на особенности, свойственные каждой из них, первым из всех высказался Гиппократ» (II, 9, 140–141 К). Информация, сообщаемая Галеном относительно взглядов Праксагора, очень важна – это еще одно свидетельство ценности текста «О естественных функциях» как источника.

Во-вторых, анализ Галеном метаболизма четырех жидкостей направлен на доказательство их эндогенного происхождения и опровергает тезис Эрасистрата и его последователей о возможности попадания каких-либо из этих жидкостей в организм извне, в составе употребляемой пищи.

В-третьих, Гален еще раз подчеркивает значимость своего учения о присущем внутренним органам свойстве «притягивать» определенные жидкости в зависимости от их функционального предназначения. Ни в каком другом из текстов Галена теория «притягивания» не излагалась столь подробно и определенно.

КНИГА ТРЕТЬЯ

В начале третьей книги трактата «О естественных функциях» Гален кратко напоминает о том, как именно классифицируются эти функции в его физиологической системе. Читая Галена, обращаешь внимание на особенности его повествования: в начале каждого раздела кратко говорится о том, о чем шла речь ранее.

Итак, по его мнению, каждой части тела живого существа присуща функция изменения. Это глобальный уровень понимания устройства живого. Гален подчеркивает это, используя по отношению к этой функции понятие «родовое название». Одновременно он упоминает о «видовом названии», которое необходимо ему для раскрытия цепочки локальных процессов. «Видовое название» этой функции – «уподобление или питание». Понимание физиологии живого Галеном основано на гипотезе, согласно которой разные части тела, имеющие отличное друг от друга устройство, привлекают различные компоненты материи, поступающей в организм человека в виде пищи. Гален выделяет «видовую функцию», описывающую этот процесс, – функцию притяжения, которая обуславливает стадию приложения жидкостей и первоэлементов к конкретному органу, переходящую, в свою очередь, в стадию приращения. Последняя (то есть сам процесс изменения части тела, получившей необходимые питательные вещества) как раз и раскрывает родовую функцию уподобления (или питания) (III, 1).

Однако этого понятийного аппарата недостаточно, ведь можно было бы представить, что питательные вещества, растворенные в различных жидкостях, хаотически перемещаются по человеческому телу. В анатомо-физиологической системе, основанной на принципе телеологии, такого быть не должно, и Гален вводит понятие «функция удержания», призванное объяснить то, как именно можно «надолго удерж-

жать питающий сок при определенном органе» (III, 1, 145 К).

Наиболее яркий пример, на котором доказываются существование и принцип реализации функции удержания, – работа полых органов, например желудка или матки. Гален все время подчеркивает, что каждый его тезис обоснован логически, то есть с помощью практических наблюдений и на основе результатов анатомических вскрытий. Он обращает внимание на циклический характер работы желудка, который удерживает пищу до тех пор, пока она не переварится, и значительный по времени период беременности, когда плод созревает в матке (III, 2).

Галену представляется очень важным тот факт, что не только физиология матки меняется в период беременности, но и анатомия, когда появляются новые образования, например «наружная оболочка плода». Пребывание матки в состоянии покоя описывается функцией удержания, переход «фазы покоя» в «фазу активного действия» – «функцией продвижения»: «Здесь мы вновь распознаем творческий промысел природы, ведь она не только наделила каждый орган функциями полезных действий, но еще и позаботилась о своевременной смене состояний покоя и движения. Ведь когда беременность протекает без осложнений, функция вытеснения у матки находится в состоянии полного покоя, как если бы ее вовсе не было. Но стоит чему-то произойти с внешней оболочкой плода или остальными покровами, а то и с самим эмбрионом, так что уже нет надежды на его со-

зревание, как действие функции удержания тотчас прекращается, не дожидаясь, когда пройдут девять месяцев, и она уступает место другой, прежде дремавшей функции, с тем чтобы та сменила состояние покоя на состояние движения. И вот уже действует и заботится о пользе организма функция вытеснения и продвижения, ведь эта функция получила свое название по действию, которое она производит, как и названия всех остальных функций» (III, 3, 148–149).

Очень интересно понимание Галеном соотношения функций: «каждая из них, включаясь, приходит на место другой», конечные эффекты действия одной становятся триггером для включения последующей, «так что вполне резонно изучать их вместе». Так же через 1700 лет после Галена будет рассуждать И.П. Павлов о рефлексах пищеварительной системы! Великий русский физиолог, анализируя механизм работы органов гастро-гепато-панкреатодуоденальной зоны, обращал внимание на три ключевых аспекта: 1) целостность этого механизма, требующая соответствующего подхода со стороны физиолога-экспериментатора; 2) необходимость рассматривать гормональную и нервную регуляцию работы органов гастро-гепато-панкреатодуоденальной зоны в совокупности; 3) конечная стадия предшествующего рефлекса является начальной стадией, инициацией следующего рефлекса. Изучая трактат Галена «О естественных функциях», читатель не может не удивляться, что взгляды врача эпохи Античности близки (соизмеримы) взглядам лауреата

Нобелевской премии начала XX в.

Гален обращает внимание на то, как функция удержания изменяет физиологию матки: еще Гиппократ и Герофил указывали на то, как во время беременности плотно, вопреки обычному, смыкается шейка матки, не пропуская и кончика зонда!

Напротив, при наступлении родов матка активизирует извержение плода так же последовательно, как еще недавно защищала его. Более того, если по какой-либо причине наступала внутриутробная смерть, шейка матки «немедленно раскрывается настолько, насколько необходимо, чтобы плод мог выйти наружу».

Не менее убедительным примером (хотя и несколько иного рода) сочетания функций удержания и вытеснения, по мнению Галена, является работа желудка. Он напоминает, что «бурление» в животе многие врачи не без основания считают признаком болезни желудка. Вопрос не в количестве пищи: Гален замечает, что желудок в норме «полностью охватывает даже небольшое количество пищи, не оставляя никакого другого пространства». По его мнению, нарушение нормальной функции этого органа приводит к тому, что нарушаются оба процесса – и удержание, и вытеснение. Удержание не происходит в полной мере, пища не охватывается плотно, возникают некие пустые пространства – именно в них, по мнению Галена, и возникают соответствующие звуки. Нарушение механизма переваривания касается и жидко-

сти, и твердой пищи, неприятная тяжесть в животе, возникающая в этом случае, и есть проявление нарушения функции удержания. Объяснение скопления пищи в желудке (когда пациента ночью может вырвать практически непереваренной пищей, которую он съел в обед) незначительным объемом антрального отверстия Гален считает совершенно несостоятельным. И в норме, и при патологии анатомические условия одни и те же, однако здоровый желудок позволяет проглатывать большие косточки, а больной извергает наружу даже жидкость. Гален указывает на существование физиологической нормы времени переваривания пищи в желудке. Подчеркну, что здесь мы сталкиваемся с еще одним примером проведения эксперимента. Гален заранее осмысливает цель опыта, проводимого на животных, повторяет его неоднократно и четко оценивает: «Особенно хорошо это заметно, если накормить какое-либо животное жидкой пищей, как мы часто делаем со свиньями, когда даем им некое подобие кикиона, смешав муку с водой, и через три-четыре часа произвести вскрытие. Поступив так, ты обнаружишь пищу еще в желудке. Это время понадобилось не для того, чтобы пища перешла в жидкое состояние: этого можно добиться заранее, пока она еще не попала в желудок. Время пребывания в желудке предназначено для переваривания, а это иной процесс, чем переход в жидкое состояние, так же как кроветворение или питание. Ведь, как можно наглядно показать, эти процессы проходят с качественными изменениями, та-

ким же образом и процесс пищеварения в желудке – это изменение качества пищи, в результате которого оно становится соприродным тому, что пищу принимает.

И нижнее отверстие желудка открывается только тогда, когда процесс пищеварения полностью завершится; тогда через него с легкостью проходят остатки, даже если среди них окажется порядочно камешков, костей, виноградных косточек и прочих примесей, которые невозможно перевести в жидкое состояние. Ты это сам сможешь рассмотреть, если будешь держать в памяти тот момент, когда открывается нижнее отверстие желудка. Если ты даже ошибешься и содержимое желудка еще не начнет проходить вниз по пищеварительному тракту, вскрытие все же не пройдет без пользы и принесет свои плоды. Ведь ты сможешь при этом увидеть то, о чем мы говорили немногим выше: привратник желудка плотно закрыт, а желудок полностью обволакивает находящуюся в нем пищу, наподобие того, как у беременных матка укрывает зародыш» (III, 4, 155–156 К).

Кишечник, отмечает Гален, также плотно охватывает содержимое. На этом этапе пищеварения тоже существует целостный физиологический процесс, представляющий собой комбинацию проявлений функций удержания и вытеснения. Интересно, что к этому выводу Гален приходит не умозрительно, а в ходе эксперимента: «Я же при бесчисленных вскрытиях брюшины еще живых животных всегда обнаруживал, что весь кишечник волнообразно сжимается, охваты-

вая содержимое. То, что происходит с желудком, сложнее: как только в него поступает пища, он, оставаясь неподвижным, плотно охватывает ее сверху, снизу и отовсюду, так что кажется единым целым со своим содержимым и как бы прирастает к нему со всех сторон. При этом, как я обнаружил, привратник желудка всегда сомкнут и плотно закрыт, подобно тому, как сомкнута шейка матки, когда в ней находится эмбрион.

Когда процесс пищеварения был уже завершен, привратник желудка оказывался открытым, а сам желудок волнообразно сокращался, напоминая движения кишечника» (III, 4, 157 К).

Гален уточняет свое понимание органной функции в контексте ранее обоснованного им тезиса о выборочном притяжении конкретной частью тела совершенно определенных, сродных ей в силу ее структуры компонентов пищи. Здесь Гален говорит о «врожденных» функциях «притяжения родственных качеств» и «функции отвержения чужеродных». Он также приводит примеры желчного и мочевого пузыря, которые при вскрытии можно наблюдать полными, пустыми или наполненными частично. Подобные состояния, по мнению Галена, наблюдаются в зависимости от этапа общих физиологических циклов пищеварения и мочеиспускания. Автор описывает их как комбинацию функций притяжения, удержания и вытеснения. Хотелось бы обратить внимание читателя на то, что выводы Галена относительно физиоло-

гии описываемых процессов основаны на результатах экспериментов!

Гален понимает, что довольно часто дисфункция желудка объясняется тем, что «внутри его возникает раздражение, вызванное едкостью пищи». Это высказывание позволяет ставить вопрос о пересмотре известной в специальной литературе хронологии приоритетов в изучении язвенной болезни желудка и двенадцатиперстной кишки. Замечания Галена о заболевании и нарушении функции желудка вследствие повышенной кислотности становится на данный момент древнейшим свидетельством подобного патогенетического взгляда на патологию желудка. Это еще одно подтверждение исключительной ценности произведений Галена как источника. Здесь же еще одно свидетельство удивительной прозорливости Галена как клинициста именно в гастроэнтерологии: «...Когда расстройство наступает в нижних отделах желудка, а верхние находятся в нормальном состоянии, это ведет к диарее, а если не в порядке верхняя часть, а все остальное здорово, – начинается рвота» (III, 5, 159 К).

Современный гастроэнтеролог прекрасно знает, что патология кардиального отдела желудка (язва, ахалазия и др.) проявляется симптомами, наступающими сразу после приема пищи, в том числе и рвотой. Напротив, патология антрального отдела и двенадцатиперстной кишки определяется по симптомам, которые в основном наблюдаются через некоторое время после приема пищи. Еще в первой поло-

вине XX в. среди терапевтов был распространен диагноз «несварение желудка», одним из симптомов которого считалась диарея. Это ли не повод для многих историков медицины сменить снисходительный тон по отношению к античным врачам на более почтительный? Ведь тексты Галена дают все основания для сравнения взглядов их автора с рутинной практикой врачей XX в.

Гален продолжает рассуждать о физиологической норме и патологии желудка. Он описывает дисфагию, четко увязывая состояние болезни в симптоматическом плане с наличием (или отсутствием) у пациента аппетита: «Это часто можно наблюдать у тех, у кого нет аппетита: даже когда они вынуждены есть, у них не хватает сил глотать, а если все-таки удастся себя заставить, они не могут удержать пищу, но тотчас извергают ее с рвотой. И тех, которые гнушаются какого-то определенного вида пищи, но вынуждены ее попробовать, быстро начинает рвать, а если им удастся усилием удержаться от рвоты, их начинает мутить, и они чувствуют, что желудок у них выворачивает, так как старается избавиться от того, что является причиной неприятных ощущений» (Ш, 6, 157 К).

При описании процесса «притягивания» нужных для организма, «соприродных» ему веществ и отторжения, «вытеснения» «чужеродных» Гален использует слово «выгода». Под совершенно «определенной выгодой», которую представляет собой для организма функционирующая в норме

модель физиологии желудка, он понимает телеологический принцип. Современный специалист, скорее, использовал бы словосочетание «физиологический смысл» или «физиологическая польза». Однако суть дела от этого не меняется: рассуждения Галена о болезнях желудка вновь напоминают нам о телеологическом принципе как о фундаментальном компоненте его теории. Гален убежден в том, что человеческий организм создан Творцом (или природой) как четкий, сбалансированный комплекс, все части которого связаны между собой. В нем нет ничего лишнего, и если назначение какой-либо его части или смысл физиологического процесса неясен врачу, то это является моментом, побуждающим к дальнейшим исследованиям. Ничего бесполезного или ненужного в организме живого существа нет и быть не может – в этом заключается одно из фундаментальных разногласий Галена с Эрасистратом и его последователями.

Работу желудка Гален представляет не только как физическую переработку пищи, но и как сортировку, своего рода фильтр. Из пищи в желудке выделяются полезные для организма компоненты, которые всасываются. Неполезные, «чужеродные» элементы отделяются от полезных, и желудочно-кишечный тракт «избавляется от оставшейся пищи, как избавляются от того, чем тяготятся» (Ш, 7, 161 К). При этом физиологический процесс пищеварения в желудке представляется Галену как взаимодействие «двух необходимых» друг другу «тел». Иными словами, желудок влияет на пищу, но

и пища воздействует на желудок. К. Бернар справедливо назвал Галена своим предшественником в экспериментальной практике. Однако трактат «О естественных функциях» заставил меня вспомнить еще и работы И.П. Павлова по физиологии пищеварения. Гален, имея весьма ограниченные технические возможности, провидел удивительно многое!

Процесс пищеварения, по мнению великого римского врача, начинается во рту: там пища претерпевает не только механическую обработку, но и некие другие «изменения».

Гален четко осознает, что на разных этапах пищеварительного процесса пища меняется не только механически, но и субстанционально: «Итак, давайте рассмотрим, насколько желудок изменяет пищу: в желудке она подвергается изменению больше, чем во рту, и меньше, чем в печени или венах. Ведь это последнее изменение доводит пищу до состояния крови, между тем как во рту пища, хотя и принимает другой вид, до конца не преобразуется. Об этом можно заключить по крупичам пищи, которая застряла между зубами и осталась там всю ночь. Хлеб уже не прежний хлеб, а мясо – не прежнее мясо, они издают запах, наподобие того, как пахнет изо рта животного, подверглись разложению и гниению и несут на себе печать тех качеств, которые присущи животной плоти. Ты можешь оценить степень изменения пищи во рту, если, пожевав пшеницу, приложишь ее к еще не созревшим чирьям, ведь ты увидишь, что смешанная со слюной пшеница быстро изменяет и размягчает чирьи, чего она сделать не

в состоянии, если смешать ее с простой водой. Не удивляйся этому, ведь та слизь, что содержится во рту, – это и лекарство, помогающее от лишаев, также она быстро действует против скорпионов и убивает ядовитых тварей: одних сразу, других – через некоторое время, однако всем без исключения наносит вред» (III, 7, 162–163 К). Гален практически высказывает гипотезу, которая в XX в. была подтверждена открытием ферментов и защитных свойств слюны. Он разбирает процесс обработки пищи в желудке, указывая на то, что именно на этом этапе пища претерпевает наибольшую (по сравнению с предшествующим этапом – ротовой полостью и последующим – кишечником) степень изменения.

Гален прекрасно понимает условность формулировки о пище, «перевариваемой в желудке», он видит эту проблему комплексно: «Разумеется, в точности эти процессы невозможно сравнивать, если под желудком мы подразумеваем и флегму, и желчь, и пневму, и теплоту, и всю, собственно, материю желудка. А если, наряду с желудком, учитывать также прилежащие внутренние органы, расположенные вокруг него, точно множество очагов вокруг одного большого котла (справа – печень, слева – селезенка, сверху – сердце, а вместе с сердцем – грудобрюшная перегородка, подвешенная в постоянном движении, да еще сальник, укрывающий все эти органы), то ты можешь не сомневаться, что пища, переваренная в желудке, подверглась грандиозному изменению» (III, 7, 163–164 К).

Читая Галена, лишний раз убеждаешься в несостоятельности рассуждений многих философов науки о будто бы существовавшем радикальном отличии картины мира ученых Античности от картины мира их коллег, трудившихся в XVIII–XIX вв. Возможно, этот тезис и верен по отношению к истории физики или математики, но некорректен по отношению к истории медицины: это доказывают переведенные на русский язык трактаты Галена (текст «О естественных функциях» является очередным тому подтверждением).

Очевидно, что Гален догадывается о многом, хотя и не может экспериментально подтвердить значительную часть своих гипотез. Происходит это не из-за разницы между «технэ» Античности и самоуподоблением ученого Богу, присущим и ментальности XIX в. Проблема – в ограниченном техническом арсенале Галена и неразвитости в его время других естественнонаучных дисциплин (прежде всего химии). Великому римскому врачу просто не хватает практических инструментов верификации своих идей, а эти идеи сами по себе следует оценивать как во многом соизмеримые с современной научной картиной мира врача-исследователя.

Гален справедливо указывает на качественный субстанциональный (а не только механический) характер переработки пищи в желудке – иначе как она «может превратиться в кровь, если она не подверглась такому изменению». По его мнению, менее глубоким (по сравнению с желудком), но все-таки серьезным изменениям ненужный для усвоения орга-

низмом остаток пищи подвергается в кишечнике (фекалии не образуются сразу в тонком кишечнике). Суждение о том, что пища в желудке не изменяется качественно, а в тонком кишечнике приобретает форму испражнений, кажется Галену абсурдным именно в силу его представления о физиологических процессах. Его учение о качественных (современный врач скажет «химических») изменениях пищи в процессе пищеварения глубоко рационально: «Откуда берется противоположное мнение, что хлеб, целую ночь пробыв в желудке, еще продолжает сохранять свои первоначальные качества, а едва попадет в кишечник, тотчас становится калом? Ведь если столь долгое время не способствовало его изменению, короткого точно будет недостаточно, а если короткого промежутка времени достаточно, чтобы завершить процесс, то длительного тем более для этого хватит! Разве пища изменяется в желудке каким-то иным способом, а не тем, который связан с природой изменяющего органа? Или это такое изменение, что оно не соприсродно телу животного? Это совершенно невозможно, ведь пищеварение – это изменение качества на соприсродное питающемуся. А если именно это и есть пищеварение и пища, как было показано, при изменении в желудке получает качество, соответствующее тому животному, которому она предназначена, этого достаточно, чтобы доказать, что в желудке идет процесс пищеварения» (III, 7, 164–165 К).

Далее Гален кратко, в полемическом ключе, упоминает о

взглядах Асклепиада и Эрасистрата на проблему переваривания пищи в желудке.

Асклепиад считал, что «ни отрыжка, ни рвотная масса» не свидетельствуют о качестве переваренной пищи. Данные вскрытий, показывающие глубокие, качественные (нормальные и патологические) изменения пищи в желудке, также не являются для Асклепиада серьезным аргументом. Это понятно: Асклепиад придерживался весьма радикальных атомистических взглядов. Как я уже указывал, атомистическая натурфилософия объяснила жизнедеятельность живого организма очень грубо, но по-своему логично. В рамках атомистической натурфилософской доктрины и анализ выделений, и результаты вскрытий не могли быть экстраполированы на жизнедеятельность организма. А если факты упрямо свидетельствовали об истине – тем хуже для истины! Именно поэтому Асклепиад, стоявший на позициях в высшей степени спекулятивной теории, пытался выдумать теорию об улучшении качества пищи в желудке – вполне естественное развитие атомистического образа мыслей.

Эрасистрат яростно выступает против метафоры, встречающейся в «Корпусе Гиппократата», согласно которой процесс переработки пищи уподобляется варке. Если верить Галену, то основной аргумент Эрасистрата состоял в том, что внутреннего тепла, находящегося в желудке, для варки недостаточно.

Гален указывает на умозрительный характер этого спора:

проблема в том, что пища в желудке изменяется не только количественно, но и качественно. Кроме того, вопрос о достаточном или недостаточном количестве тепла (как будто «в желудке должен находиться вулкан Этна») возникает в силу отрицания Эрасистратом существования в организме баланса сущностей – горячего, холодного, сухого и влажного. Гален указывает на то, что отрицанием Эрасистрат отвергал одну из базовых доктрин натурфилософии перипатетиков. Это возвращает нас к первой книге трактата, в которой Гален возражал тем своим коллегам, которые считали Эрасистрата философом-перипатетиком. К сожалению, заблуждение, на которое указывал еще Гален, и закрепилось в историографии XX в.

Гален свидетельствует: Эрасистрат считал, что «никакое притяжение желудку не свойственно», хотя и не отрицал, что процесс переработки пищи в организме человека отличается от простого процесса варки (III, 8). Полемизируя с Эрасистратом, Гален обстоятельно излагает здесь свои взгляды на анатомию и физиологию желудочно-кишечного тракта.

С присущей ему добросовестностью, великий римский врач отмечает, что Эрасистрату было известно, что желудок имеет две оболочки – внутреннюю и внешнюю, причем внешняя, «более мясистая, напоминает ткани пищевода». Однако здесь Гален вновь обращает внимание на главную, по его мнению, методологическую проблему Эрасистрата: он «не удосужился» разобрать, «по какой причине» оболочки

желудка устроены так, а не иначе. Гален следует телеологическому принципу, его интересует, почему орган обладает своим определенным устройством. Вопрос о том, какова цель функции данного органа, Гален всегда ставит перед собой. Для Эрасистрата и его последователей этот вопрос, как правило, не является важным: «Внутренняя оболочка имеет продольные волокна, ведь она предназначена для притяжения, а внешняя – поперечные, чтобы обеспечить перистальтику. Ведь перемещения подвижных органов тела связаны с положением волокон. Если угодно, убедитесь в этом сначала на примере самих мышц: в них волокна наиболее различимы, движения их весьма заметны из-за своей интенсивности. От мышц переходите к природным органам, и вы увидите, что все движется посредством волокон, а потому и обе оболочки всего кишечника снабжены круговыми волокнами, ведь они только волнообразно сокращаются, но не обладают силой притяжения. У желудка есть продольные волокна для притяжения и поперечные для перистальтики, ведь подобно тому, как стяжение отдельных волокон и приведение их в первоначальное состояние побуждает двигаться мышцу, происходят и желудочные сокращения» (III, 8, 168–169 К).

Эрасистрат понимал, что активность «кольцевых волокон» стягивает органы и сужает их в объеме. Ему ясно, что благодаря им желудок способен «волнообразно сжимать пищу» в процессе пищеварения. Гален указывает, что сокращение продольных мышечных волокон не менее важно,

чем кольцевых: перистальтика обеспечивается комбинацией сокращения тех и других. Именно за счет последовательной работы продольных мышц желудка происходит притяжение пищи в желудок из пищевода и далее – это является для Галена физиологическим механизмом, обеспечивающим функцию «притяжения», о которой он говорит в трактате.

Именно с выраженностью этой функции он связывает чувство аппетита: «...Люди, у которых достаточно выражен аппетит к подходящей для желудка пище, глотают ее весьма быстро: очевидно, что желудок притягивает и получает ее до того, как она была пережевана. А тем, кто вынужден пить лекарства или употреблять вместо них определенную пищу, глотать неприятно и затруднительно» (III, 8, 172–173 К).

Данное Галеном описание физиологии желудка напоминает мне метафоры, используемые Платоном в «Тимее»: при наличии аппетита, то есть при физиологической готовности желудка принять пищу, он «поднимается вверх». Впечатление ненасытного зверя усугубляется сравнением со змееголовом или синодонтом, о которых Аристотель пишет, что «желудок этих рыб порой можно обнаружить в ротовой полости».

Гален считает, что необходимо тщательно разобраться с функциональным предназначением двух составляющих мышечной оболочки пищевода и желудка. Его явно очень интересует вопрос функционального соотношения этих двух ор-

ганов. Важная анатомо-физиологическая проблема, конечно же, должна разрешаться с помощью эксперимента, который и выполняется Галеном: «Произведя вскрытие какого-либо животного, а затем, обнажив все, что находится вокруг пищевода, не повредив при этом нервов, артерий и вен, проходящих там, следует рассечь верхнюю оболочку пищевода, снабженную кольцевыми волокнами, сделав прямое сечение от нижней челюсти до грудной клетки, а затем покормить животное. Тогда будет видно, что оно может глотать, хотя способность к перистальтике утрачена. Если же у другого животного разрезать оба покрова поперечным сечением, можно будет, в свою очередь, увидеть, что и оно глотает, хотя внутренняя оболочка не действует. Из этого опыта ясно, что животное может глотать, если будет цела хотя бы одна из оболочек, однако хуже, чем если бы целы были обе. Кроме того, при таких вскрытиях можно ясно увидеть, как при глотании в пищевод вместе с пищей попадает немного воздуха, который при наличии внешней оболочки, обеспечивающей перистальтику, легко выталкивается в желудок вместе с едой. Когда же остается одна внутренняя оболочка, воздух препятствует движению пищи, растягивая оболочку и мешая ей функционировать нормально» (III, 8, 175–176 К).

В чем же причина столь пристального внимания к этой проблеме? Это становится ясно, когда Гален возвращается к взглядам Эрасистрата на этот вопрос. Разобрав их, Гален, наконец, формулирует проблему: вследствие рассуждений

Эрасистрата не ясно, «притягивает ли пищу желудок, или ее доставляет пищевод». В системе взглядов Галена, основанной на телеологическом принципе, огромную важность имеет функциональное предназначение части тела и ее соотношение с функцией соседних частей, особенно связанных с ней в единую систему.

Собственно, весь подробный анализ работы желудка и понадобился Галену лишь для того, чтобы продемонстрировать на практике сочетание функций «притяжения и выделения». Таким образом, физиология желудка описывается Галеном на языке естественных функций следующим образом: «Так, в ходе изложения мы показали, что у желудка есть четыре природных функции: функция притяжения при глотании, функция удержания при переваривании, выделительная – при рвоте и выведении переваренной пищи в тонкий кишечник, само же пищеварение является изменением» (III, 8, 177 К). Убежденность Галена в собственной правоте столь велика, что он беспелляционно обобщает свой тезис о функциях применительно ко всем органам брюшной полости: «Что же касается селезенки, мы также не сомневаемся, что она притягивает подходящее, выводит чужеродное, а также изменяет и удерживает то, что она притянула. То же относится к печени, венам, артериям, сердцу или любому другому органу. Ведь, как мы показали, эти четыре функции необходимы каждому органу, которые обеспечивают питание организма» (III, 9, 177–178 К). Конечно, для современного уче-

ного это звучит весьма наивно! Разумеется, врач XXI в. знает, что селезенка не имеет никакого отношения к «питанию организма» и вообще не относится к пищеварительной системе. Однако эта ошибка Галена вполне понятна: если ему ранее удавалось с помощью физиологических опытов доказывать свои гипотезы, то не было оснований сомневаться в том, что это удалось бы и в этот раз. Предлагаю читателю осознать, что даже тогда, когда Гален ошибается, в его рассуждениях есть стройная внутренняя система. Иными словами, речь идет просто о новой, хотя и неверной, гипотезе, которая тем интереснее для ее автора, чем более удачными оказались попытки доказать ранее высказанные гипотезы. Неслучайно Гален сразу же обрушивается на «софистов», которые оказываются настолько «бесстыдными», что их не убеждают даже результаты клинических наблюдений и экспериментальные доказательства (III, 10).

ΓΑΛΗΝΟΥ. ΠΕΡΙ ΦΛΕΒΟΤΟΜΙΑΣ ΠΡΟΣ ΕΡΑΣΙΣΤΡΑΤΟΝ ΒΙΒΛΙΟΝ¹⁰⁹

1. Ἄξιον εἶναι μοι δοκεῖ ζητήσεως οὐ μικρᾶς τί δή ποτε καὶ τᾶλλα τῆς τέχνης ἱκανὸς ὢν ὁ Ἐρασίστρατος, κἂν τοῖς μικροτάτοις οὕτως ἐπιμελής ὥστε καὶ λαχάνων τινῶν καὶ καταπλασμάτων ἐψήσεις γράφειν, ἐφ' ὧν ἤρκεσεν ἂν ἐτέρῳ πρὸς ὃ τι συμφέρει μόνον εἰπόντι τὸν τρόπον τῆς σκευασίας παραλιπεῖν, ὡς οὐδὲν μέγα καὶ αὐτόν τι νιν ἐντυγχανόντων ἐξευρεῖν, ἐν οὕτως ἰσχυρῶ καὶ μεγάλῳ βοηθήματι τῇ φλεβοτομίᾳ καὶ οὐδενὸς ἦττον τῶν δραστικωτάτων εὐδοκιμοῦντι παρὰ τοῖς πρεσβυτέροις αὐτοῦ λόγον οὐδένα πεποιήται. σχεδὸν γὰρ οὔτε τοῦνομα τῆς φλεβοτομίας ἐστὶν εὐρεῖν ἐν οὐδενὶ συγγράμματι, πλὴν ἅπαξ ἐν τῷ περὶ αἵματος ἀναγωγῆς, ἐπιμνησθέντος αὐτοῦ κατὰ τὸ πάρεργον μᾶλλον, ὡς ἂν τῷ δόξειεν, ἢ μετὰ τινος ἀξιολόγου σπουδῆς· μάθοις δ' ἂν ἐξ αὐτῆς τῆς ῥήσεως ἐχούσης ὧδε ἀποδέσεις δὲ ποιεῖσθαι παρὰ τε τὰς μασχάλας καὶ τοὺς βουβῶνας μὴ ὥσπερ ἔνιοι τῶν μιμουμένων τὰς θεραπείας οὐδὲν παρακολουθοῦντες αἵματος χάριν ταῦτα ποιοῦνται, ἀλλ' ἀποπιέζονται ἱκανῶς τοῖς δεσμοῖς. ἐν

---

¹⁰⁹ Древнегреческий текст приводится по изданию: De venae sectione adversus Erasistratum // Claudii Galeni Opera Omnia. Vol. 11 / Ed. C.G. Kühn. Leipzig: Knobloch, 1826. P. 147–186. (Cod: 6,173: Med.)

γὰρ τοῖς ἀποδομένοις μέρει τοῦ σώματος πλεῖον αἷμα ἀπολαμβάνεται· δηλοῖ δὲ ἢ τε διάτασις τῶν φλεβῶν καὶ ἡ φλεβοτομία· πολὺ γὰρ πλεῖον ῥεῖ, ὅτε ἀποδεθῆ τὸ φλεβοτομούμενον μέρος τοῦ σώματος. ἐπὶ δὲ τῆς ἀναγωγῆς τοῦ αἵματος πλεῖστον ἀπολαμβάνεται τοῦ αἵματος ἀπὸ τῆς ἀποδέσεως ἔν τε τοῖς σκέλεσι καὶ τοῖς βραχίουσιν. ἐλάσσονος γὰρ γινομένου τοῦ περὶ τὸν θώρακα καὶ ἐλαφροτέρα ἔσται ἡ ἀναγωγή. τὸ δ' αὐτὸ τοῦτο βούλονται ποιεῖν καὶ οἱ φλεβοτομοῦντες τοὺς ἀνάγοντας τὸ αἷμα. ἀλλὰ πολὺ βέλτιον ὁ Χρῦσιππος, οὐ μόνον τὸ παρὸν ἐπιβλέπων, ἀλλὰ καὶ τοῦ ἐπιφερομένου κινδύνου φροντίζων. ἐχόμενος γὰρ τοῦ περὶ τὴν ἀναγωγήν ὁ κατὰ τὴν φλεγμονὴν κίνδυνος, ἐν ᾧ προσφέρειν μὲν οὐ ῥάδιον· φλεβοτομηθέντι δὲ καὶ πολὺν χρόνον ἀσιτήσαντι κίνδυνος ἐκλυθῆναι· ὁ δὲ τὴν ἐνυπάρχουσαν τροφήν ἐν τῷ σώματι κατεργαζομένην εἰς τόπους ἀλύτους μεταστησάμενος, καθ' ὃν καιρὸν ὁ τῆς ἐκλύσεως κίνδυνος· ὅταν δὲ οὕτως παραλλάξῃ, ἐξ ἐτοίμου ταῦτ' ἤδη χρώμενος καὶ μὴ προσφέρειν ἀναγκαζόμενος, ἄκρως περιττὸς τῇ διανοίᾳ καὶ ἄξιος ἐπαίνου καὶ δι' ὅλου ἀκολουθῶν αὐτὸς ἑαυτῷ. ὅτι μικρὰ ταῦτα καὶ τὰ τυχόντα, καὶ οὔτε τῆς Ἐρασιστράτου περὶ τὴν τέχνην ἀκριβείας οὔτ' αὐτοῦ τοῦ βοηθήματος τῆς δυνάμεως ἄξια, παντὶ δῆλον. εἰ μὲν μήτε παρ' Ἴπποκράτει μήτε παρὰ Διοκλεῖ μήτε παρ' Εὐρυφῶντι μήθ' ὄλως παρ' ἄλλῳ μηδενὶ τῶν Ἐρασιστράτου πρεσβυτέρων ἦν εὖρεῖν τὸ βοήθημα γεγραμμένον, ἴσως ἂν τις ὑπενόησεν, εἰ μήπω τῆς χρήσεως εὐρημένης ἢ μὴ παρὰ

τοῖς εὐδόξοις εὐδοκιμούσης, εὐλόγως αὐτὸν παραλιπεῖν. ἐπεὶ δὲ εὐροίντο ἄλλοι καὶ πολλή τις χρῆσις ἤδη τοῦ βοηθήματος ἦν, οὐκ ἔφ' ἐνὸς μόνον οὐδὲ τοῦ τυχόντος πάθους, ἀλλ' ἐπὶ τῶν πλείστων τε καὶ ὀξυτάτων, οὕτως γὰρ ὁ Ἰπποκράτης γε αὐτὸς, ὁ τῶν καλῶν τῆς τέχνης ἀπάντων ἡμῖν ἡγεμῶν, οἳ τ' ἄλλοι παλαιοὶ φαίνονται χρώμενοι. τί δὴ ποτε παθὼν ὁ Ἐρασίστρατος ἡμέλησε τελέως τὸν ὑπὲρ αὐτῆς διεξελθεῖν λόγον; καὶ γὰρ ἀρεσκομένον ἐχρῆν ἐπισημαίνεσθαι τοῖς πάθεσιν αὐτὸ προσαναγράψαντα, καθάπερ τᾶλλα βοηθήματα, καὶ ἀρεσκομένου εἰπεῖν αἰτίαν δι' ἣν ἀρέσκεται. ὁ δὲ τοσοῦτον ἀποδεῖ τὸν λόγον ὑποσχεῖν περὶ τῆς τοῦ βοηθήματος δυνάμεως, ὥστ' οὐδ' ὅτι χρηστέον ἢ μὴ χρηστέον ἐμήνυσεν, οὐδ' ὅλως ἐτόλμησεν ἀποφήνασθαι ἣν ἔχει γνώμην πλὴν ἅπαξ, ὡς εἶπον, ἐφ' ἐνὸς πάθους, καίτοι κῶξ αὐτῶν ὧν σιωπᾶ κατάφωρον αὐτοῦ τῆς γνώμης τὸ κεφάλαιον. οὐ γὰρ δὴ ἀρεσκομένον γ' ἂν αὐτῷ παρέλιπεν, οὐδὲ τὰ μὲν σμικρὰ τῶν τοῖς πάθεσιν συμφερόντων γραφῆς ᾧετο δεῖσθαι, τὰ δ' οὕτω μεγάλα δύνασθαι τινα καὶ χωρὶς τοῦ παρ' ἐκείνου μαθεῖν αὐτὸν ἐξευρεῖν.

2. Ἡ δ' αἰτία δι' ἣν οὐκ ἐχρῆτο φλεβοτομία, τὸ μὲν ἀληθέστατον φάναι, τάχ' ἂν τῷ δόξειε μαντείας δεῖσθαι. τί γὰρ ἂν τις εἰδείη πῶς Ἐρασίστρατος ἐγίνωσκεν ὑπὲρ ὧν αὐτὸς οὐδὲν ἐμνημόνευσε διεξοδικῶς; ὁμως δ' οὖν ἐτόλμησάν τινες ἀπομαντεύσασθαι τῆς γνώμης αὐτοῦ. κατάφωροι δ' εἰσὶν ἀμαρτάνοντες οὐχ ἥκιστα ἐξ ὧν πρὸς ἀλλήλους διαφέρονται. δοκεῖ γὰρ αὐτῶν οὐδενὶ τὰ αὐτὰ, καὶ

τὸ πάντων δεινότατον, ὅτι μηδ' αὐτοῖς τοῖς συμφοιτηταῖς μὲν τοῦ Ἐρασιστράτου, μαθηταῖς δὲ Χρυσίππου τοῦ Κνιδίου, οὐ̄περ δὴ πρώτου τὸ δόγμα τοῦτ' ἦν, μὴ χρῆσθαι φλεβοτομίᾳ· οὐδὲ γὰρ ἐκείνοις ὁμολογεῖται περὶ τῆς Χρυσίππου γνώμης οὐδέν. ἀλλὰ τὰ μὲν ὑπὸ τε Ἀποιμάντου καὶ Στράτωνος εἰρημένα καταγέλαστα. καὶ γὰρ τὸ σχάσαι τὴν φλέβα δύσκολον εἶναι φασιν καὶ τὸ διαγνῶναι καὶ τὸ διαιρῆσαι τὴν ἀρτηρίαν αὐτὴν, μετὰ δ' ἐν τούτῳ κακὸν ἀποβαίνει, εἰ ἀντὶ φλεβὸς ἀρτηρίαν διαιρεῖσθαι συμβαίνει· καὶ ὅτι δείσας τις ἔθανεν, ὁ μὲν καὶ πρὸ τοῦ τμηθῆναι τὸ ἀγγεῖον, ὁ δὲ καὶ τμηθεὶς οὐκ ἀνεκομίσθη. καὶ ὅτι ἡμοῦράγησέ τις ἀνεπισχέτως· τὰ δ' ὑφ' ἑτέρων λεγόμενα, τῶν μὲν, ὅτι τοῦ μέτρου τῆς κενώσεως ἐστοχάσθαι χαλεπὸν, ὥστε ἀναγκαῖον ἢ ἐνδεῶς κενώσαντι μηδὲν εἶναι πλεόν ἢ τὸ σύμμετρον ὑπερβαλόντι μεγίστην ἀκολουθῆσαι βλάβην. τί γὰρ ἂν ἀποδέοι, φασὶ, σφαγῆς ἄμετρος φλεβοτομία; τῶν δὲ, ὅτι παρέμπτωσις τοῦ πνεύματος ἐκ τῶν ἀρτηριῶν εἰς τὰς φλέβας γένοιτ' ἂν, ἀκολουθήσει γὰρ ἐξ ἀνάγκης κατὰ τὰς συναναστομώσεις τοῦ αἵματος κενουμένου τὸ πνεῦμα· τῶν δ', ὅτι τοῦ πάθους τῆς φλεγμονῆς ἐν ἀρτηρίαις συνισταμένου, περιπτὸν ἐκκενοῦν τὰς φλέβας. τὰ δὲ τοιαῦτα κἄν εἴ τι ἐδοξεν εἶναι πιθανὰ, κατὰ γε τὴν ἀλήθειαν αὐτὴν οὔτε πιθανὸν οὐδὲν ἔχει καὶ ψευδῆ φανερώς ἐστὶ· πολλῶν γὰρ ἂν ἦσαν πιθανώτεροι ταῦτα λέγοντες ἄπερ ἑτέροις τισὶν ἐκ τῆς τῶν χυμῶν φύσεως ὀρμωμένοις εἴρηται. καὶ τάχ' ἂν ἴσως καὶ δέοιτό τις πρὸς ἐκείνους λόγου πλείονος,

ἄλλ' οὐ νῦν καιρός· εἰς μακρόν τε γὰρ οὕτω λόγον μῆκος ἐκπεσεῖν ἀνάγκη, καὶ ἄλλως οὐδὲν κατεπείγει τὰ μήθ' ὑπ' Ἐρασιστράτου μήθ' ὑπ' ἄλλου τινὸς τῶν Χρυσίππου μαθητῶν εἰρημένα νῦν ἐπιχειρεῖν ἐξελέγγειν.

3. Ἄριστα οὖν μοι δοκῶ διαθέσθαι τὸν λόγον, εἰ τᾶλλα παραλιπὼν ἀπ' αὐτῶν ἀρξαίμην τῶν Ἐρασιστράτῳ δοκούντων· εἰρήσεται δ' ὡς ἔνι μάλιστα διὰ βραχυτάτων. ἀρέσκει δὲ αὐτῷ πνεύματος μὲν ἀγγεῖον εἶναι τὴν ἀρτηρίαν, αἷματος δὲ τὴν φλέβα· σχιζόμενα δ' αἰεὶ τὰ μείζω τῶν ἀγγείων εἰς ἐλάττονα μὲν τὸ μέγεθος, ἀριθμὸν δὲ πλείω καὶ πάντη τοῦ σώματος ἐνεχθέντα, μηδένα γὰρ εἶναι τόπον ἔνθα μὴ πέρασ ἀγγείου κείμενον ὑπάρχει, εἰς οὕτω σμικρὰ πέρατα τελευτᾶν, ὥστε τῇ μύσει τῶν ἐσχάτων στομάτων κρατούμενον ἐντὸς αὐτῶν ἴσχεσθαι τὸ αἷμα· καὶ διὰ τοῦτο καίτοι παρακειμένων ἀλλήλοις τοῦ στόματος τοῦ τε τῆς φλεβὸς καὶ τῆς ἀρτηρίας, ἐν τοῖς ἰδίοις ὄροις μένειν τὸ αἷμα μηδαμόθι τοῖς τοῦ πνεύματος ἐπεμβαῖνον ἀγγείοις. μέχρι μὲν δὴ τοῦδε νόμου φύσεως διοικεῖσθαι τὸ ζῶον· ἐπεὶ δέ τις αἰτία βίαιος ἐκ τῶν φλεβῶν εἰς τὰς ἀρτηρίας τὸ αἷμα μεταχθῆναι, αὐτὸ νοσεῖν ἀναγκαῖον ἦδη. αἰτίας δὲ καὶ ἄλλας τινὰς καὶ οὐδεμιᾶς ἐλάττω τὸ πλῆθος εἶναι τοῦ αἵματος, ὑφ' οὗ διατείνεσθαι μὲν τὸν χιτῶνα τῆς φλεβὸς, ἀναστομοῦσθαι δὲ τὰ πρότερον μεμυκότα πέρατα, μεταχεισθαι δὲ εἰς τὰς ἀρτηρίας τὸ αἷμα, κἀντεῦθεν τῷ παρὰ καρδίας φερομένῳ πνεύματι προσκόπτον καὶ ἐνιστάμενον, ἀλλοιοῦντι τὴν ἐκείνου κίνησιν, ἥνικ' ἂν ἐγγὺς ἦ καὶ κατ' εὐθὺ τῆς ἀρχῆς

καὶ τοῦτ' εἶναι τὸν πυρετόν· ὠθούμενον τε ὑπ' αὐτοῦ πρόσω σφηνοῦσθαι κατὰ τὰ πέρατα τῶν ἀρτηριῶν καὶ τοῦτ' εἶναι τὴν φλεγμονήν. οὕτω μὲν ἐπὶ πλήθει φλεγμονὴν ἐργάζεται τῷ λόγῳ τῷδε, ἐπὶ τραύμασι δὲ φλεγμονὴν αἰτιᾶται μὲν, κἄνταῦθα τὴν παρέμπτωσιν ἐκ τῶν φλεβῶν εἰς τὰς ἀρτηρίας τοῦ αἵματος, αὐτῆς δὲ τῆς παρεμπτώσεως αἰτίαν εἶναί φησι τὴν πρὸς τὸ κενούμενον ἀκολουθίαν. ὅταν γὰρ τῶν ἐν τῷ τετρωμένῳ μέρει διαιρηθεῖσῶν ἀρτηριῶν ἐκχυθῆ, κατὰ τὴν τρωσιν ἅπαν τὸ πνεῦμα καὶ κίνδυνος ἢ κενὸν γενέσθαι τόπον, ἔπεσθαι κατὰ τὰς συναναστομώσεις τὸ αἷμα, τοῦ κενουμένου πνεύματος τὴν βάσιν ἀναπληροῦντος· ἀνεωγότες μὲν οὖν τοῦ πνεύματος ἐκχεῖσθαι, κλεισθέντος δὲ καὶ μύσαντος ἔνδον ὠθούμενον ὑπὸ τοῦ παρὰ καρδίαν ἐπιπεμπομένου πνεύματος ἀθροίζεσθαι πάλιν ἅπαν ἐν τοῖς περὶ τὸ τραῦμα τόποις, καὶ τὴν φλεγμονὴν οὕτως ἐργάζεσθαι. ἄγε δὴ, συγχωρήσομεν γὰρ αὐτὸν κατὰ γε τὸ παρὸν ἀληθεύειν ἅπαντα περὶ τε πυρετοῦς καὶ φλεγμονᾶς, καίτοι γ' ὅτι μηδὲν αὐτῶν ἀληθές ἐστιν ἐν ἑτέροις ἀπεδείξαμεν, ἐφεξῆς ἡμᾶς διδαξάτω τὰ ἰάματα. φησὶ γοῦν αὐτὸς ἔν τε ἄλλοις πολλοῖς, κἄν τῷ τρίτῳ περὶ πυρετῶν κατὰ λέξιν οὕτω· περὶ μὲν οὖν τὰς ἀρχὰς τῶν ἀρρώστιων καὶ τὰς τῶν φλεγμονῶν γενέσεις ἀφαιρετέον ἂν εἴη πᾶσαν προσφορὰν ροφημάτων· καὶ γίνονται ὡς τὸ πολὺ αἱ τοὺς πυρετοῦς ποιοῦσαι τῶν φλεγμονῶν διὰ πληθώραν. διδομένων οὖν ἐν τοῖς τοιούτοις καιροῖς προσφορῶν καὶ τῆς πέψεως καὶ ἀναδόσεως τὰς καθ' αὐτὰς ἐνεργείας

ἀποδιδουσῶν, πληρουμένων τῶν ἀγγείων τῆς τροφῆς, ἐπὶ πλέον τε ἰσχυροτέρας συμβήσεται τὰς φλεγμονὰς γίνεσθαι. ταῦτα μὲν ὑπὲρ τῶν περὶ πλήθει χωρὶς τραύματος γιγνομένων φλεγμονῶν· ὑπὲρ δὲ τῶν ἐπὶ τραύμασιν ἐν πρώτῳ πάλιν περὶ πυρετῶν ὧδέ πως φησιν. ἀκόλουθοι δὲ καὶ θεραπεῖαι τούτοις εἰς τὸ ἀφλέγμαντα πάντα γίνεσθαι τὰ τραύματα· καὶ τῶν φαρμάκων τὰ μὲν περιχριόμενα ἐπὶ τοὺς ὑγιεῖς τόπους ἀποστούφοντα καὶ μύοντα κωλύει τὴν συνίωσιν τοῦ ἄνωθεν κεχυμένου αἵματος ἐπὶ τοὺς διηρημένους τόπους γίνεσθαι. ἐν δὲ τοῖς ἀπαθέσι τόποις πολλῶν ἀνεστομωμένων ἀρτηριῶν τε καὶ φλεβῶν εἰς τοὺς αὐτοὺς τόπους μετάληψις γίνεται εἰς τὰς φλέβας τοῦ παρεμπεπτωκότος αἵματος εἰς τὰς ἀρτηρίας. εἶτα ἐφεξῆς πάλιν ἀκόλουθον τούτοις καὶ τὸ μηδὲν προσφέρειν τοῖς τετραυματισμένοις ὑπὸ τοὺς τῆς φλεγμονῆς καιρούς. κενούμεναι γὰρ αἱ φλέβες τῆς τροφῆς ῥᾶον παραδέξονται τὸ παρεμπεπτωκὸς αἷμα εἰς τὰς ἀρτηρίας. τούτου δὲ συμβαίνοντος ἦττον αἱ φλεγμοναὶ ἔσσονται. οὐκοῦν ὅτι μὲν χρή κενῶσαι τὸ πλῆθος καὶ ὅτι δέξασθαι πάλιν εἰς ἑαυτὰς αἱ φλέβες οὐκ ἂν δύναιντο τὸ αἷμα μεστὰ τυγχάνουσαι καὶ διατεταμέναι, συμφωνεῖται τοῦτό γε καὶ αὐτῷ τῷ Ἐρασιστράτῳ. τὸ δὲ ὅτῳ χρή τρόπῳ κενῶσαι αὐτὰς τὸ ἀμφισβητούμενόν ἐστιν.

4. Ἐγὼ μὲν οὖν ὤμην, ἐπειδὴ ἅπαξ τὸ κενούμενον ὠμολόγηται, ῥᾶστόν τε ἤδη καὶ ἐτοιμότατόν ἐστιν τεμεῖν τὴν φλέβα· καὶ γὰρ ἂν τάχιστα οὕτω καὶ αὐτὰς μόνας τὰς φλεγμονὰς ἐξεκενώσαμεν, ὡς αἶ γε ἀσιτίαι πρὸς τῷ χρόνου

δεῖσθαι μακροῦ καὶ ὄλην τὴν ἕξιν κενοῦσιν ὁμοίως· τὸ δὲ οὐ
χρή· τί γὰρ ἂν τις κενοίῃ τὸ μὴ δεόμενον κενώσεως ἢ τί τὰς
σάρκας ἐκτίκοι, παρὸν ἀποχεῖν τοῦ αἵματος; ἵνα τᾶλλα ὅσα
ταῖς μακραῖς ἀσιτίαις ἐξ ἀνάγκης ἔπεται κακὰ παραλείπω,
τὴν τε δύναμιν κάμνουσαν καὶ τοὺς χυμοὺς ἐπὶ τὸ χολῶδες
καὶ πικρὸν τρεπομένους καὶ καρδιωγμοὺς πολλοὺς καὶ ἄσπιν
καὶ διαχώρημα ἰσχύμενον, καὶ πάνθ' ἀπλῶς τὰ περιπτώματα
δριμύτερα γιγνόμενα, ὧν οὐδὲν ὁ Ἑρασίστρατος ἰδὼν,
ὥσπερ οἱ τυφλοὶ, λείας ὁδοῦ καὶ πλατείας καὶ εὐθείας ἐγγὺς
οὔσης πολλάκις στενὴν καὶ τραχεῖαν καὶ μακρὰν ἐλόμενοι
περιέρχονται· καὶ αὐτὸς οὕτω παρακειμένην ὁδὸν σύντομον
ἱκανῶς καὶ ἄλυπον παριδὼν ἐπὶ μοχθηρὰν καὶ μακρὰν
ἐλήλυθεν, τοῦτο μόνον θεασάμενος, εἰ ἐφ' ὃ βούλεται ἄγει
αὐτὸν ἢ ὁδὸς, οὐκ ἔτι δὲ εἰ ταχέως καὶ ἀλύπως. ἄγει μὲν γὰρ
ἐπὶ τὴν τοῦ πλήθους κένωσιν καὶ ἢ ἀσιτία, σύμφημι τοῦτο,
ἀλλ' ἐν χρόνῳ τε μακρῷ σὺν τῷ λυπῆσαι πολλά. καὶ ὅμως
τηλικούτον βοήθημα παραλιπὼν ὁ σοφὸς Ἑρασίστρατος,
ὃν ἀξιοῦσιν τινες Ἱπποκράτει παραβάλλειν, οὐκ αἰδεῖται
μηδὲν πιθανόν τι καὶ εὐλογον, ἀλλ' ἀπομνημονεύσας ὥσπερ
τινὸς τῶν φαυλοτάτων τε καὶ οὐδενὸς ἀξίων. ἀλλ' οὐχ
Ἱπποκράτης, ὃ Ἑρασίστρατε, μηδὲν τι χείρων ἰατρός σου
περὶ φλεβοτομίας οὕτως ἐπεγίνωσκεν· ἀλλ' ἃ σὺ θαυμάζεις
λόγῳ, ταῦτ' ἔργῳ ποιῶν εὐρίσκεται. θαυμάζεις μὲν γὰρ
τὴν φύσιν, ὡς τεχνικὴν τε ἅμα καὶ προνοητικὴν τοῦ ζώου,
μιμῆ δ' αὐτὴν οὐδαμοῦ· ἢ διὰ τί πολλάκις ἰδὼν αἵματος
κενώσει τὴν φύσιν ἰασαμένην πολλὰ νοσήματα, τοῦτο οὐδ'

ἐφ' ἐνὸς ἔπραξας οὐδὲ πώποτε; τί δὲ σιγᾶς τὰ τῆς φύσεως ἔργα, ἦν ἐπαινεῖς; διὰ τί παρὰ μὲν Ἴπποκράτει πολλὰ τοιαῦτα εὐρίσκων γεγραμμένα, Γυναικὶ αἷμα ἐμεοῦση τῶν καταμηνίων ῥαγέντων λύσις· ἀπὸ χολῆς μελαίνης εἰς ὄμοιον αἱμορροΐδες· αἱμορραγίαὶ λαῦροι τὰ πολλὰ ῥύονται ἐκ ῥινῶν· παρὰ σοὶ δὲ οὐδὲν τοιοῦτον, ἀλλ' ἄχρι λόγου μόνου ἐπαινουμένη ἡ φύσις, ἔργον δ' οὐδὲν οὐδαμοῦ φύσεως γεγραμμένον; ἦρκει μοι τὰ τῆς φύσεως μόνης ἔργα μαθεῖν· ἱκανὸς ἂν ἦν ἐκ τούτου ὀρμώμενος εὐρίσκειν τὸ δέον. ἄρά μοι συγχωρήσουσιν οἱ θαυμάζοντές σε τὸ παριστάμενον εἰπεῖν, ἢ παντάπασιν ἀνόητός μοι δοκεῖς εἶναι ἢ μικρὰ τοῖς τῆς φύσεως ἔργοις ὠμιληκένας. τὸ γὰρ ἢ μηδ' ὄλως γινώσκειν αὐτὰ ἢ μὴ ζηλοῦν γινώσκοντα θατέρω τοῖν δυοῖν ἔνοχόν ἐστιν· ἢ γὰρ ἐν οἴκῳ τινὶ καθειργμένος ἔγραφες ταῦτα, μηδένα μηδεπώποτε θεασάμενος ἄρρωστον· ὅθεν εἰκότως ἀγνοεῖς τὰ τῆς φύσεως ἔργα, ἐθαύμασας μὲν αἰεὶ οὐκέτ' ἐμμήσω δεύτερον ἐσχάτως ἀνόητος. εἴτ' εἰ τοίνυν γράφειν ἐπιχειρεῖς, τὸν νόμον τοῦ γράφειν ὑπερβάς. ἐχρῆν σε πρῶτον γράψαι μοι τὰ τῆς φύσεως ἔργα, δεύτερον δ' ἐξηγήσασθαι, τίνα μὲν ὀλοκλήρως καὶ ἀπηρτισμένως τοῖς οἰκείοις λόγοις κινουμένη δρᾶ, τίνα δ' ἐλλιπῶς ὑπὸ τῶν κατὰ τὰς νόσους αἰτιῶν κωλυομένη. ὁδὸς γὰρ αὕτη πρὸς εὗρεσιν ἰαμάτων, ἵνα ἐκμαθὼν τὰ καλῶς ὑπ' αὐτῆς ἀποτελούμενα τούτοις ἐπικουρεῖν δύνωμαι, τὸ λείπον προστιθείς· ἢ μηδ' ὄλως κινουμένης, καὶ γὰρ καὶ τοῦτό ποτε πάσχει τῇ ῥώμῃ τῶν νοσῶδων αἰτιῶν νικηθεῖσα, τὸ πᾶν αὐτὸς ἐκπορίζωμαι.

τούτων οὐδὲν ἐπέδειξας. ἴσως γὰρ, ὅπερ φασίν, ὀλιγορεῖς μὲν τοὺς ἀρρώστους θεᾶσθαι, μένων δ' οἴκοι τὸ δόξαν ἔγραφες. ἀλλ' εἰ καὶ μὴ αὐτὸς ἐθεάσω, τὰ γοῦν ὑφ' Ἴπποκράτους ἐνῆν ἀναγινώσκοντί σοι μανθάνειν ὅσα μὲν ὀλοκλήρως καὶ ἀνελλιπῶς καὶ ὡς αὐτὸς ἐκεῖνος εἴωθεν λέγειν, ἀρτίως ἢ φύσις κινουμένη κρίνονται· πῶς δ' ἂν αὐτὴν κάλλιστά τις μιμήσαιτο, μηδὲ ἐγχειροῦσαν κρίσει· καὶ πῶς ἐπιχειροῦση μὲν, ἀλλ' ἐνδεῶς κινουμένη βοηθητέον. εἰ γὰρ ἐν τούτοις ἐγυμνάσω, τοιαῦτα ἂν ἦκουόν σου συμβουλευόντος, οἷα καὶ Ἴπποκράτους ἀκούω, τὰ κρινόμενα καὶ τὰ κεκριμένα ἀρτίως μὴ κινέειν, μηδὲ νεωτεροποιεῖν μήτε φαρμακίησι μήτε ἄλλοισιν ἐρεθισμοῖσιν, ἀλλ' ἔῃν. τοῦτο μὲν σοι φύσεως ὀλοκλήρως κινουμένης παράγγελμα· τὸ δὲ ἐφεξῆς τούτῳ κινουμένης μὲν ἐπὶ κρίσιν, ἀλλ' ἐνδεῶς· διὰ τοῦτο αὐτῇ συνεργεῖν παρακελευόμενος ἐρεῖ· ἃ δεῖ ἄγειν, ταῦτα ἄγειν ὅπῃ ἂν μάλιστα ῥέπει διὰ τῶν ξυμφερόντων χωρίων. βούλεται μὲν γὰρ ἡ φύσις τηνικαῦτα τὸ λυποῦν ἀπώσασθαι, μὴ δυναμένη δ' ἐπιθεῖναι τῷ ἔργῳ τὸ τέλος ὑπ' ἀρρώστιας, ἡμῶν βοηθῶν δεῖται. διὰ τοῦτο καὶ πλευριτικούς θεραπεύων κατὰ τὴν ῥοπήν τῶν χυμῶν κενοῖ. τί γὰρ φησίν; ἀλλ' εἰ μὲν ἡ ὀδύνη ἐς κληῖδα, ἢ ἐν βραχίονι βάρος, ἢ περὶ μαζόν, ἢ ὑπὲρ τῶν φρενῶν, τέμνειν χρὴ τὴν ἐν ἀγκῶνι φλέβα τὴν ἔσω καὶ μὴ ὀκνεῖν συχνὸν ἀφαιρεῖν, ἔστ' ἂν ἐρυθρότερον πολλῶ ῥυῆ ἢ ἀντὶ καθαροῦ τε καὶ ἐρυθροῦ πελιδνόν. ἀμφότερον γὰρ γίνεται. ἦν δὲ ὑπὸ φρένας ἢ τὸ ἄλγημα, ἐς δὲ τὴν κληῖδα μὴ σημήνη, μαλθάσσειν χρὴ τὴν κοιλίην ἢ μέλανι ἔλλεβόρω

ἢ πεπλίω. πάλιν δ' ἔν τινι τῶν νεφριτικῶν παθημάτων συνδρομῇ προειπῶν καὶ ἐς νεφρὸν ὀδύνη βαρεῖη, ἀρχὴ μηροῦ κατ' ἰξὺν ἐπιφέρει, ἰγνὺν τέμνειν, τοῦτ' ἐστὶ τὴν ἐν ἰγνύη τέμνειν φλέβα.

5. Ἐκεῖνο δὲ πῶς εἴρηται; ἐκ Στυμαργέω οἰκέτιδος οὐδὲ αἷμα ἐγένετο, ὡς ἔτεκε θυγατέρα, ἀπέστραπτο τὸ στόμα πρὸς ἰσχίον καὶ σκέλος, ὀδύνη παρὰ σφυρὸν τμηθεῖσα ἐράϊσε, καίτοι τρόμοι τὸ σῶμα περικατεῖχον. ἀλλ' ἐπὶ τὴν πρόφασιν χρὴ ἐλθεῖν καὶ τῆς προφάσιος τὴν τροφήν. Ἰπποκράτης μὲν οὖν σοι τὴν πρόφασιν τοῦ νοσήματος ἐξετάζειν κελεύει καὶ τῆς προφάσε-ως τὴν γένεσιν. ὅπερ εἴποις οὐκ ἂν οἶμαι γε πλήθους αἵματος ἐνοχλοῦντος ἄλλο τι πρὸς τῆς φλεβοτομίας εἰρήσεσθαι. ἐπὶ γοῦν τῆς προειρημένης γυναικὸς, καίτοι τρομώδους οὔσης, οὐκ ἐμέλησε τέμνειν τὴν φλέβα, μηδενὸς ἂν ἄλλου τολμήσαντος αἵματος ἀφελεῖν ἐν τρόμοις, ὥσπερ οὐδὲ ἐν ὑδέροις οὐδ' ἄλλῳ ψυχρῷ πάθει οὐδενί. δέον γὰρ ἐν τοῖς τοιούτοις ψυγῆναι μὲν ἔτι καὶ μᾶλλον τὸ σῶμα τῇ τοῦ θερμοῦ χυμοῦ κενώσει, καὶ πρότερον ἤδη τῷ πάθει κατεψυγμένον σβεσθῆναι τὸ ἔμφυτον θερμόν. ἀλλ' Ἰπποκράτης σκεψάμενος, ὡς αὐτὸς λέγει, τὴν πρὸ τοῦ πάθους ὅτι τὸ πλῆθος ἦν τοῦ αἵματος. οὐ γὰρ ἐκαθάρθη τὸ γύναιον τὴν λοχείαν καλουμένην κάθαρσιν. ἢ τροφὴ τῆς προφάσεως, τοῦτ' ἔστι ἡ γένεσις καὶ ἡ πρώτη αἰτία τοῦ μὴ καθαρθῆναι καλῶς ἢ διαστροφή τῆς μήτρας. ἀπέστραπτο γὰρ πρὸς τὸ ἰσχίον. ἐνδειξαμένης οὖν αὐτῷ

τῆς μὲν ἐπισχέσεως τὴν κένωσιν, τῆς δὲ ἐπὶ μήτραν ῥοπῆς τὸν τόπον δι' οὗ χρὴ κενῶσαι, τὴν παρὰ σφυρὸν ἔταμε φλέβα. τοιοῦτος ἐν ἅπασιν ὁ Ἴπποκράτης. ἀλλ' ἵνα μὴ λυπῶ τοὺς Ἐρασιστρατεῖους ἐπιπλέον αὐτὸν ἐπαινῶν, καὶ γὰρ μοι δοκοῦσιν αὐτοῖ τε οὗτοι καὶ πρὸ αὐτῶν ὁ Ἐρασίστρατος ἐριστικῶς ἔχειν πρὸς τὸν ἄνδρα, καταλείψωμεν ἤδη τὰ Ἴπποκράτους. ἐν ἑτέρῳ γὰρ μοι καιρῷ πᾶσαν αὐτοῦ τὴν περὶ τὰς κενώσεις τέχνην ἔξεστι δηλῶσαι. μεταβήσωμεν δὲ ἐπὶ τοὺς ἄλλους ἄνδρας ἑκατέρας αἰρέσεως, ἐμπειρικῆς τε καὶ λογικῆς. οὐδὲ γὰρ τούτων οὐδένα εὐρίσκω τῆς φλεβοτομίας ἀποστάντα. δογματικὸν μὲν γὰρ οἶδα καὶ Διοκλέα καὶ Πλειστόνικον καὶ Διευχῆ καὶ Μνησίθεον, Πραξαγόραν τε καὶ Φιλότιμον καὶ Ἡρόφιλον καὶ Ἀσκληπιάδην φλεβοτομοῦντας. καίτοι φιλόνεικος οὕτως ἦν Ἀσκληπιάδης ὥστε ὀλίγου δεῖν ἅπαντα κινῆσαι τὰ πρόσθεν δόγματα καὶ μήτ' ἄλλου τινὸς τῶν πρὸ αὐτοῦ φείσασθαι μήτ' Ἴπποκράτους, ὥστε καὶ θανάτου μελέτην τὴν τῶν παλαιῶν ἱατρικὴν οὐκ ὤκνησεν εἰπεῖν. ἀλλ' οὐδ' οὗτος ἐπὶ τοσοῦτον ἀναίσχυντος ὥστε τολμῆσαι παντάπασιν ἐξελάσαι φλεβοτομίαν τῶν ἱατρικῶν βοηθημάτων. ἀλλ' οὐδέ τις οὔτε τῶν νεωτέρων οὔτε τῶν παλαιῶν, οὐ Μαντίας, οὐκ Ἀθήναιος, οὐκ Ἀγαθῖνος, οὐκ Ἀρχιγένης, οὐχ ὁ τῶν ἐμπειρικῶν χορός. καὶ τούτων μὲν οὐδὲν τῷ λόγῳ προσεχόντων ἐπομένων καὶ ἀεὶ τῇ πείρᾳ καταγνοῦς, ἀλλ' οὐκ ἂν ἔχοις εἰπεῖν οὐδένα. τί ποτ' οὖν οἱ διαφωνοῦντες ἐν ἅπασιν σχεδὸν τοῖς ἄλλοις

ἐν τούτῳ συμπεφωνήκασιν; ἐμοὶ μὲν γὰρ οὐδὲν εἶναι δοκεῖ πιστότερον ἀνυπόπτου συμφωνίας. παραλείπωμεν δ', εἰ βούλει, τούτους, ἵνα μηδὲ τῷ πλήθει τῶν μαρτύρων δυσωπητὰ τὰ τῆς φύσεως, ἣν ἐπαινεῖς ἔργα ποιήσωμεν. οὐχ αὕτη γυναῖκας μὲν ἀπάσας ἐφ' ἐκάστῳ μηνὶ κενοῖ τὸ περιττὸν ἀποχέουσα τοῦ αἵματος; ἔδει γὰρ, οἶμαι, οἴκοι τὸ θῆλυ γένος οὔτ' ἐν ἰσχυροῖς πόνοις διαιτώμενον οὔθ' ὀμιλοῦν ἠλίῳ καθαρῷ, καὶ δι' ἄμφω ταῦτα πλήθος ὑποτρέφον ἴαμα φυσικὸν ἔχειν τοῦ πλήθους τὴν κένωσιν. ἐν μὲν τούτοις ἦν τῆς φύσεως ἔργον· ἕτερον δὲ ἢ μετὰ τόκον κάθαρσις, καίτοι καὶ ἢ κύησις αὐτὴ κένωσις ἦν. ἐκ τοῦ τῆς μήτρας αἵματος τὸ κυούμενον τρέφεται. καὶ ἢ μετὰ τὴν κύησιν δὲ τοῦ γάλακτος ἐν μαστοῖς γένεσις οὐ σμικρὰ κένωσις οὐδ' αὐτὴ τῷ πλήθει. μία γὰρ ἀμφοτέρων ἢ οὐσία καταμηνίου τε καὶ γάλακτος καὶ κοιναί, καθάπερ ἂν τις εἴποι, πη-γαί τῶν ὀχετῶν ἐκατέρων αἱ φλέβες εἰσὶ. διὰ τοῦθ' ὅσαι δι' ἠλικίαν ἤδη τὸ καταμήνιον μηκέτ' ἔρχεται, ταύταις οὐδ' ἐν μαστοῖς ἀθροίζεται γάλα. καὶ ὅσαι καθαίρεσθαι μὲν ὥρας ἔχουσι, ἀλλὰ θηλάζουσιν, οὐ καθαίρονται. καὶ ἦν θηλαζούση γυναικὶ δι' ὑστερῶν ὀρμήσῃ τὸ αἷμα, σβέννυται τὸ γάλα. καὶ τῶν ζώων ὅσα μὴ κυῖσκειται, τούτοις οὐδὲ γάλα ἐστίν, καὶ ὅσοις γάλα ἐστὶ, ταῦτα κυῖσκεσθαι φύσιν ἔχει. εἰ δὲ καὶ μάθοις ἠλικῶν ἐκ ταύτης τῆς κενώσεως ἀπολαύει τὸ θῆλυ γένος ἀγαθῶν καὶ ὅσα βλάπτεται μὴ κενούμενον, οὐκ οἶδα πῶς ὑπομενεῖς ἔτι μὴ παντὶ τρόπῳ σπεύδων κενῶσαι πλεονάζον αἷμα. γυνὴ οὐ ποδαγριᾶ, εἰ μὴ τὰ καταμηνία

αὐτῆς ἐκλείπη, φησὶν Ἴπποκράτης. καίτοι τί δέομαι τῶν Ἴπποκράτους φωνῶν πρὸς ἄνθρωπον ἐχθρὸν Ἴπποκράτει; νομίζω τοίνυν αὐτὴν λέγειν σοι τὴν ἀλήθειαν δι' ἐμοῦ κήρυκος, οὔτε ποδάγρας οὔτε ἀρθρίτισιν οὔτε πλευρίτι-σιν οὔτε περιπνευμονίαις ἀλίσκεται γυνὴ καλῶς καθαιρομένη. ἀλλ' οὐδὲ ἐπίληπτος οὐδὲ ἀπόπληκτος οὐδὲ ἄπνους οὐδὲ ἄφωνος οὐδενὶ ἐν καιρῷ ποτε γίνεται καθαιρομένη καλῶς. ἐάλω δέ ποτε φρενίτισιν ἢ ληθάργοις ἢ σπασμοῖς ἢ τρόμοις ἢ τετάνοις ἐπιμηνίων ἰόντων. εἶδες δέ ποτε μελαγχολῶσαν ἢ μαινομένην ἢ πτύουσιν ἐκ θώρακος ἢ ἐμοῦσαν ἐκ γαστρὸς αἷμα, ἢ κεφαλαία κάμνουσαν, ἢ συνάγχη πνιγομένην, ἢ τι τῶν μεγάλων καὶ ἰσχυρῶν παθημάτων ὑπομένουσαν, εἰ καλῶς ἐκκρίνεται τὰ καταμηνία. ἰσχομένων δ' αὖ πάλιν ἔτοιμον ἐν παντὶ κακῷ γενέσθαι. καὶ αἱ κενώσεις ἰάματα. καταλιπὼν δὲ ἤδη τὰς γυναῖκας ἐπὶ τοὺς ἄνδρας ἐλθέ, καὶ μάθε, πόσοι μὲν αἰμορροῖδι τὸ περιττὸν εἰθισμένοι κενοῦσθαι, πάντες ἀπαθεῖς νοσημάτων διατελοῦσι, πόσοι δ' ἐπισχεθείσης τῆς κενώσεως ἐν χαλεπωτάτοις ἐγένοντο. πότερον οὐδὲ τούτων ἀποκενώσεις τοῦ αἵματος, οὐδ' ἂν συναγχοὶ γενόμενοι τύχωσιν, οὐδ' ἂν περιπνευμονικοί. ἀλλ' ὑπὸ τοῦ μὴ ἀναθέσθαι τὰ κακῶς ἐγνωσμένα περιόψει τοσοῦτους ἀπολλυμένους; σὺ μὲν ἴσως τοῦτο δράσεις, ἐγὼ δ' οὐ ταῦτα μόνον, ἀλλὰ καὶ σπασμὸν καὶ ὕδερρον αἵματος κενώσει πολλάκις ἰασάμην. οὕτως γὰρ ἦτε μακρὰ πεῖρα διδάσκει με, ὃ τε λόγος οὕτως ἐπὶ τὴν πρόφασιν κελεύει ἔρχεσθαι καὶ τῆς προφάσεως τὴν ῥοπήν. ὅτι δὲ καὶ ἡ πεῖρα,

τὰ τῶν ἐμπειρικῶν ἀναγνοῦς εἴση γράμματα.

6. Μὴ τοίνυν ἔτι φιλονεικεῖν Ἴπποκράτει μόνῳ δόκει κενοῦν αἷμα παραινοῦντι, κἄν εἰς τρόμον, κἄν εἰς ὕδρον, κἄν εἰς ἄλλο τι ψυχρὸν πάθος ἢ ἀνὴρ δι' ἐπίσχεσιν αἰμορροΐδος ἢ γυνὴ δι' ἐμμηνίων ἐμπέσοι, ἀλλὰ καὶ τοῖς ἀπὸ τῆς ἐμπειρίας ἅπασιν ἰατροῖς καὶ τῷ βίῳ τῶν ἀνθρώπων ἀνατρέπειν γοῦν μοι δοκεῖς τὸν κοινὸν ἀπάντων λογισμόν. οὐκ ἂν φαίης κατὰ φύσιν εἶναι παντὶ τῷ λογίσασθαι κενοῦν αἵματος διὰ πλῆθος, τίς οὐκ οἶδεν ὅτι τὰναντία τῶν ἐναντίων ἰάματα; μὴ γὰρ Ἴπποκράτους ἡ γνώμη μόνου, κοινὴ πάντων ἀνθρώπων ἐστίν. ἀλλὰ μοι δοκεῖς ὑπὸ τῆς πρὸς Ἴπποκράτη φιλονεικίας καὶ τῶν ἄλλων ἀνοητότερος εἶναι. ταῦτα γοῦν ὀσημέραι τῆς φύσεως ποδηγούσης αὐτὰ καὶ τὴν ἔνδειαν προσφοραῖς ἰᾶται καὶ τὰς πλησμονὰς κενώσσει καὶ τὸ κρῦος θάλψει καὶ τὰς θάλψεις ἐμψύξει. τί γὰρ ἐστὶ τροφήν προσενέγκασθαι ἄλλο γε ἢ τὸ πλῆθος ἐκπορίσασθαι; τί δ' ἀποκρῖναι κόπρον ἢ ἔντερον πεπληρωμένον ἐκκενῶσαι; τί δ' οὖρησαι ἢ κύστεως πλησμονὴν ἰάσασθαι; ταῦτα μὲν ζῶα καὶ κρῦει πονούμενα φωλεοῦς ἑαυτοῖς καὶ τινὰς ἄλεινὰς εἰς τὴν γῆν καταδύσεις ἐκπορίζεται· καὶ τῷ θάλπει κάμνοντα θέρους ὥρα νήχεται μὲν ἐν ὕδατι ψυχρῷ, διατρίβει δ' ἐν τόποις συσκίοις τε καὶ προσηνέμοις. ἔγωγε κύνα πολλάκις εἶδον ἔμετον ἐπιτηδεύοντα καὶ τὴν Αἰγυπτίαν ὄρνιθα κλυστῆρα μιμησαμένην, ἀνθρώποις δὲ αὐτὰ τε ταῦτα, ὡς ἂν λόγῳ χρωμένοις, εὐμηχανώτερα ἅπαντα. κάλεσον οὖν

ιδιωτήν ἰατρικῆς ἐπὶ ἄρρωστον εὐέκτην, νέον, πολύαιμον ὑπὸ συνάγχης ἢ περιπνευμονίας πνιγόμενον, εἶτ' ἔροῦ τὸν ἄνθρωπον εἴ τι πρὸς τὸ πάθος ἐπινοεῖ, τίς οὕτως ἀνόητος ὡς μὴ κένωσιν αἵματος εἰπεῖν; ἀλλ' Ἐρασίστρατος ὑπὸ τῆς πρὸς Ἴπποκράτη φιλονεικίας οὐδὲ τὰς κοινὰς ἀπάντων ἀνθρώπων ἐννοίας φαίνεται διασώζων, ἀλλ' ἔτι καὶ τῶν γεράνων ἀνοητότερος εὐρίσκεται. μακρῶ τοιγαροῦν καὶ ταύτας, ὡς ἀετοὺς μέχρι περάτων γῆς πετομένους ἐστὶν ἰδεῖν, ὑποφευγούσας ἐν μέρει κρύος τε καὶ θάλλπος, ἰωμένας τε διὰ παντὸς τοῖς ἐναντίοις τὰ ἐναντία. τοῦτο μὲν οὖν, ὅπερ ἔφην, οὐπω τῆς Ἴπποκράτους ἄξιον τέχνης, ὡς χρῆ κενοῦν αἵματος οἷς διὰ πλῆθος αἵματος ὁ κίνδυνος. ὅτω δὲ χρῆ τρόπῳ τὴν κένωσιν ποιεῖσθαι καὶ ἐν ὅτῳ καιρῷ καὶ μέχρι τοσοῦτον, μᾶλλον ἐβουλόμην ἂν μοι διαλέγεσθαι. τὸ γὰρ ἐπίστασθαι πηνίκα μὲν χρῆ τέμνειν τὴν ἐν τῷ μετώπῳ φλέβα, πηνίκα δὲ τὰς παρὰ τοὺς κανθοὺς τῶν ὀφθαλμῶν ἢ τὰς ὑπὸ τῆ γλώττῃ ἢ τὴν ὠμιαίαν ὀνομαζομένην, ἢ τὴν διὰ μασχάλων, ἢ τὰς κατ' ἰγνύας ἢ παρὰ σφυρὸν, ὑπὲρ ὧν ἀπασῶν ἐδίδαξεν Ἴπποκράτης, τοῦτον ἐγὼ νομίζω τὸν λογισμὸν ἰατρῶν εἶναι. τὸ δ' ὅτι χρῆ τὰ ἐναντία τοῖς ἐναντίοις ἰᾶσθαι καὶ ὡς τῷ πλήθει ἢ κένωσις ἐναντίον, τοσοῦτω δέω θαυμάζειν ὥστε καὶ τοῖς ἀλόγοις ζώοις μετεῖναι φημι τῆς ἐννοίας. εἰ δὲ βούλει μικρὸν ἀνοίξας τὰ ὦτα, μᾶλλον δὲ τὴν ψυχὴν, ἀληθῆ λόγον καταδέξασθαι τῆς πρὸς Ἴπποκράτη δυσμενείας ἐπιλαθόμενος, εἶποιμ' ἂν σοί τι τῆς ἐκείνου τέχνης ἄξιον. ἄχρι μὲν γὰρ τοῦδε

καὶ Διοκλῆς ἠπίστατο καὶ Πλειστόνικος, Ἡρόφιλος τε καὶ Πραξαγόρας καὶ Φιλότιμος ἄλλοι τε πολλοὶ τῶν ἰατρῶν· οὐκ αὐτοὶ μὲν ἐξεῦρον, ἐπόμενοι δὲ Ἴπποκράτει, πηνίκα χρῆ τέμνειν ἐκάστην ὧν εἶπον φλέβα. ὅτι δ' ἀπὸ χολῆς μελαίνης εἰς ὄμοιον αἰμορροΐδι, τοῦτο οὐκ ἔτι πάντες γινώσκουσι, καίτοι σαφῶς Ἴπποκράτους διδάξαντος, ἀλλ' ὅσοι γνησίως ὠμίλησαν αὐτοῦ τοῖς γράμμασιν, οὗτοι μόνοι πῶς μὲν αἰμορροΐς γίγνεται μεμαθήκασιν παρ' αὐτοῦ, πῶς δὲ καὶ δυσεντερία, πῶς δὲ καὶ κισσὸς, ὅτι τε οὐ διὰ παντὸς ἕκαστον τούτων συνιστάμενον κωλυτέον, ἀλλ' ὅτι ὅτε συνεργητέον, ἢ τῆς φύσεως ἡσυχασούσης, αὐτῇ τὸ πᾶν διατρεπτέον, ὅτε οὕτω συμφέρει τοσοῦτον ἀποδέουσιν οἱ ταῦτα μαθόντες τὴν δυσεντερίαν καὶ κισσὸν καὶ αἰμορροΐδα πρὸ τοῦ καιροῦ σπεύδειν ἰᾶσθαι, ὥστε αὐτοὶ μηχανῶνται μὴδ' ὄλως ὄντα ποιῆσαι. καὶ ἔγωγε πολλοὺς οἶδα καὶ μελαγχολήσαντας καὶ ἄλλως ἐκμανέντας ἐπὶ τοιαύταις κενώσεσιν ἰατρῶν ἀμαθεία κωλυθείσας. οἱ δὲ τινες αὐτῶν πλευρίτισι καὶ νεφρίτισιν ἐάλωσαν, ἄλλοι δὲ αἵματος ἤμεσαν ἐκ γαστροῦ, ἢ ἐκ θώρακος ἀνέβηξαν, ἢ παραπληγίαις ἢ ὑδέροις ἀπώλοντο. ταῦτ' ἐγὼ χρῆναι γινώσκειν φημὶ τὸν ἰατρόν. αὕτη μεγάλη περὶ τὰς κενώσεις τέχνη.

7. Τὸ δ' ὅσον χρῆ κενοῦν αἵματος πλεονάζοντος οὐδὲν μέγα. τί δήποτ' οὖν παρεῖδεν ὁ Ἐρασίστρατος αὐτὸ καθάπερ τι τῶν μεγάλων; ἢ τί ληροῦσιν οἱ πρὸς ἅπαν ἐρίζειν ἐτοιμότατοι τῆς κενώσεως ἄγνωστον εἶναι φάσκοντες, ὥσπερ καὶ τῶν ἄλλων βοηθημάτων ταυτὸν

κατηγοροῦντες; ἢ τίνος ὧ πρὸς θεῶν ἀκριβῶς οἴονται τὸ μέτρον λαβεῖν, ὡς μήθ' ὑπερβάλλειν τὸ ποσὸν μήτ' ἐλλείπειν; ἄρα γε κλυστήρος, ἢ τῶν καθαιρόντων τινὸς φαρμάκων, ἢ τῶν οὔρησιν κινούντων, ἢ τροφῆς ἢ πόματος οὐδενὸς τῶν πάντων; ὦρα τοίνυν αὐτοῖς εἰς ἅπαντα τὴν ὑποψίαν ἐκτείνουσιν ἡσυχάζειν περὶ πᾶν. τί ποτ' οὖν αὐτὸς ὁ Ἐρασίστρατος καθαίρουσι χρῆται φαρμάκοις καὶ οἶνον δίδωσιν ὕδατι ψυχρῷ κεραννύς, ἄλλοις τέ τισι καὶ χολερικοῖς. ἐνταῦθα μὲν γε φορτικῶς ἱκανῶς ἐπαινῶν τὸν διδάσκαλον Χρῦσιππον, ὡς ἐξευρόντα βοήθημα μηδενὶ τῶν ἔμπροσθεν ἐγνωσμένων, μόνον διαρκὲς εἰς ἴασιν χολερικῶν ἤδη θανάτῳ πελαζόντων. οὐ γὰρ ἐν τῷ τυχόντι δίδωσιν αὐτῷ καιρῷ, ἀλλ' εἰς ὄξυ σφόδρα κατήγαγε τὴν χρῆσιν τοῦ βοηθήματος. καὶ οὐ μέμφομαι τοῦτο, εἰ πάντα ἀκριβῶς ἐστοχάσατο τοῦ καιροῦ. θαυμαζέτω δέ τις ἐκεῖνο, πῶς ἐν οἷς μὲν αὐτὸς εἴρηκεν, εἰ Χρυσίππειόν τι διδάσκει, τολμηρὸς ἱκανῶς ἐστι καὶ οὐδὲν ἄρα τηνικαῦτ' αὐτὸν, οὐκ ὄξύτης καιροῦ κατέπληξεν, οὐ τοῦ μέτρου τὸ δύσληπτον, οὐ τοῦ πάθους τὸ κινδυνῶδες, ἀλλ' οὕτως οἶεται σαφῶς τε ἅμα καὶ ἀκριβῶς αὐτό τε τὸ μέτρον καὶ τὸν καιρὸν ἐκδιδάσκειν, ὥστ' οὐ μόνον ἰατροῖς, ἀλλ' ἤδη καὶ ἰδιώταις χρησίμους εἶναι τὰς ὑποθήκας νομίζει. οἷς δ' ἂν τινα δέοι τῶν πρεσβυτέρων ἰατρῶν ἐπαινέσαι τῆς εὐρέσεως, ἐνταῦθα παντάπασιν ἀποδιδράσκει. φέρε δὴ καὶ τοῦτο αὐτοῖς ἐπιδείξομεν, ὡς παντὸς οὔτινοσοῦν βοηθήματος ἐν φλεβοτομίᾳ τὸ μέτρον εὐληπτότερον. εἰ καὶ γὰρ χροᾶς μεταβολὴν ἔνεστι πολλάκις

τεκμήρασθαι καὶ διχῶς τοῦτο ποιῆσαι, ποτὲ μὲν τοῦ ῥέοντος αἵματος, ποτὲ δὲ καὶ τοῦ κάμνοντος αὐτοῦ. καὶ λειποθυμία ἐπὶ πολλῶν παθῶν ὄρος ἐστὶ κενώσεως, καὶ ὁ τόνος τῆς ῥύσεως τοῦ αἵματος ὀκλάζων, καὶ οἱ σφυγμοὶ τρεψάμενοι. καὶ μόνης ταύτης κενώσεως αὐτοκράτορα τὴν ἐξουσίαν ἔχει ὁ ἰατρὸς παύειν ὅτε βούλοιτο, τῶν δ' ἄλλων οὐδεμιᾶς. ἀλλ' εἴθ' ὑπήλατον φάρμακον δώσεις, εἴτε ἐμετήριον, εἴτε οὖρων κενωτικὸν, εἴτε θώρακος, εἴτε κεφαλῆς καθαρτικὸν, πρώτη δόσις ἐπὶ σοί, τὰ δ' ἐφεξῆς ἢ τύχη βραβεύει καὶ μέγας ὁ κίνδυνος ἐπὶ φαρμάκων καθαιρόντων δόσεις ἢ μὴ κινήθῃναι τὴν κάθαρσιν ἢ μὴ ῥαδίως ἐκκριθῆναι τὸ συρροῦν εἰς τὴν κοιλίαν, ἢ μετὰ πόνων καὶ δῆξεων καὶ στρόφων καὶ καταψύξεως καὶ ἀσφυξίας καὶ λειποθυμίας ἐκκρίνεσθαι, ἢ ταραχθῆναι μὲν ὅλον τὸ σῶμα σφοδρῶς, ὀλίγον δὲ κενωθῆναι ἢ ὑπερκενωθῆναι. καὶ γὰρ αὖ καὶ τοῦτο γίνεται πολλάκις ἐν τῷδε, κακῶν ἔσχατον. οὐ γὰρ ὥσπερ ἐπὶ τῆς φλεβὸς τῆς διηρημένης ἐπιθεὶς τὸν δάκτυλον εὐθὺς ἔπαυσας, τὸ ῥέον εἰς τὴν γαστέρα παύειν. ἀλλ' ὅμως οὐδεὶς ἰατρῶν ἀφίσταται δόσεως φαρμάκων, εὐλαβεῖα τῶν ἐπιγιγνομένων συμπτωμάτων, ἀλλ' ὡς σφαλεῖς νῦν οὕτω μηκέτι χρῆσθαι προνοεῖται. τί λέγω καθαρτικὰ καὶ φαρμάκων ἰσχυρῶν μνημονεύων διατρίβω, σιτίου παντὸς ἢ διαμαρτία τοῦ μέτρου μέγιστα βλάπτει; θεάσασθαι δὲ ἐστὶν ἐναργῶς τῆς βλάβης τὸ μέγεθος ἐν τοῖς ὑπερίνοις μὲν καὶ ἀσθενέσι, ταχείας δὲ ἀναθρέψεως δεομένοις. ἐν οἷς τὸ μὲν ἔλαττον ἐνδεῶς τρέφον μαραίνει τὴν δύναμιν,

τὸ δ' ὑπερβάλλον, ἄχθος ὄν τῇ φύσει μᾶλλον ἢ τροφή, τελέως ἀπέπνιξέ τε κατέσβεσεν. ἄρ' οὖν ἀποστήσει καὶ τοῦ σιτίου διδόναι, διότι τὸ μέτρον δύσληπτον; οὕτω μὲν γε καὶ τοῦ ἰατρούειν ἀποστήσει παντάπασιν. ὡς οὐδὲν γὰρ εὐροις τῶν κατ' ἰατρικὴν ὃ μὴ σὺν μέτρῳ τινὶ τὴν χρεῖαν παρέχει. φλεβοτομίας δὲ καὶ μόνης οὐδὲ τοῦτ' ἔχεις μέμψασθαι. ἄμφω τοῦ μέτρου αἱ διαμαρτίαι μεγάλα βλάπτουσιν· αἱ μὲν γὰρ ὑπερβολαὶ βλαβερώταται, τίς δ' οὐ φησὶν; ἀλλ' οὐκ ἀναγκαῖον ὑπερβάλλειν ἐν ᾧ τοῦλάττονα κίνδυνον. ἔστω γὰρ, εἰ τύχοι, τριῶν κοτυλῶν ἢ σύμμετρος ἀφαίρεσις, εἰ μὲν δ' ἀφέλοις, ἔβλαψε μέγιστα· δύο δ' εἰ ἐκκενώσαις, ὠφέλησε μὲν ἱκανῶς, ἔβλαψε δ' οὐδέν. ἔνεστι μὲν γὰρ σοι τὴν μίαν ἢ κλυστῆρσιν ἢ ἀσιτίαις ἢ τρίψεσιν ἢ ἰδρωσιν ἐκκενώσαι. πρὸς τὸ μῆδ' εἰ αὐθις αἷματος ἀφελεῖν ἐθέλοις κεκωλύσθαι. ἀλλὰ τί πολλὰ λέγω φιλοτιμούμενος ἀντιπαρεξάγειν ἀνθρώποις ἀμαθέσιν, οἳ πρὸς τὸ μῆδὲν ἐχόμενον λόγου φλυαρεῖν οὐδὲ τὰ πρὸς αὐτῶν ἐπαινούμενα γινώσκουσι. θαυμάζουσι μὲν γὰρ τοὺς Ἐρασιστράτου λόγους καὶ τοῦνομα ἐπ' αὐτοῖς ἀπ' ἐκείνου τίθενται, προσαγορεύοντες Ἐρασιστρατεῖους, οὕτω δὲ αὐτῶν ἀμαθεῖς εἰσὶν ὥστε πάντα μᾶλλον ἢ τὴν ἐκείνου γνώμην ἐξηγοῦνται. περὶ γοῦν φλεβοτομίας οὕτω μακρὰ καὶ ἀλλόκοτα ληροῦσιν, ὡς ἂν τινα μὴ τὴν ἀμάθειαν αὐτῶν μόνον, ἀλλ' ἤδη καὶ τὴν ἀναισχυντίαν θαυμάσαι. σαφῶς γὰρ αὐτοῦ λέγοντος Ἐρα-σιστράτου ἐν τῷ περὶ αἵματος ἀναγωγῆς, ἐν ᾧ καὶ μόνῳ φλεβοτομίας ἐμνημόνευσε, ὅτι

Χρύσιππος ὑπὲρ τοῦ διαρκέσαι τὸν κάμνοντα ταῖς ἀσιτίαις ἀναγκαίως παραληφθησόμενον διὰ τὰς φλεγμονὰς οὐκ ἀφήρει τοῦ αἵματος, αὐτοὶ πάντα μᾶλλον ἢ ταῦτα λέγουσιν. εἴτ' οὖν ἐμὲ βούλει προσέχειν ἄνθρωποις Ἐρασιστράτου φλυαροῦσιν, αὐτὰς ἔχοντα Ἐρασιστράτου φωνάς; οὐδενὶ τὸν τρόπον ἡγοῦμαι προσήκειν. ἀκούσωμεν οὖν αὐτοῦ τῶν φωνῶν. πολὺ, φησὶ, βέλτιον ὁ Χρύσιππος ἐποίει, οὐ μόνον τὸ παρὸν ἐπιβλέπων, ἀλλὰ καὶ τοῦ ἐπιφερομένου κινδύνου φροντίζων. ἐχόμενος γὰρ τοῦ περὶ τὴν ἀναγωγὴν ὁ κατὰ φλεγμονὴν κίνδυνος, ἐν ᾧ προσφέρειν μὲν οὐ ῥάδιον, φλεβοτομηθέντι δὲ καὶ πολὺν χρόνον ἀσιτήσαντι κίνδυνος ἐκλυθῆναι. σαφῶς γὰρ ἐνταῦθα τὸν κατ' ἔνδειαν κίνδυνον εὐλαβεῖσθαι φησιν αὐτὸν, ὃν ἐξ ἀνάγκης ἀκολουθήσειν οἴεται πλείονι χρόνῳ, διὰ τὴν φλεγμονὴν λιμαγχονομένου τὰνθρώπου.

8. Καὶ οὐ δέομαι πάλιν ἐνταῦθα ληρούντων Ἐρασιστρατείων διὰ τί προσφέρειν τροφὰς τοῖς φλεγμαίνουσιν ἄνθρωποις εἶπεν, ἀλλ' αὐτὸν Ἐρασίστρατον ἐξηγούμενον ἑαυτὸν ἔχω δι' ὧν ἔμπροσθεν ἐμνημόνευσα ῥήσεων. ἐκ μὲν τοῦ τρίτου περὶ πυρετῶν ὑπὲρ τῶν ἐπὶ πλήθει γινομένων φλεγμονῶν· ἐκ δὲ τοῦ πρώτου περὶ τραύματος. ἐν ἀμφοτέροις γὰρ βιβλίοις οὐχ ἅπαξ, ἀλλὰ πολλάκις ὑπὸ τῶν ἀσιτιῶν κενουμένας τὰς φλέβας ἐπιτηδειοτέρας ἔσεσθαι φησὶ πρὸς τὸ πάλιν εἰς αὐτὰς δέξασθαι τὸ παρεγχυθὲν αἷμα. τί γὰρ φησίν; ἀκόλουθον δὲ τούτοις καὶ τὸ μηδὲν προσφέρειν τοῖς τετραυματισμένοις ὑπὸ

τοὺς τῆς φλεγμονῆς καιροὺς. κενούμεναι γὰρ αἱ φλέβες τῆς τροφῆς ῥᾶον παραδέχονται τὸ παρεμπεπτωκὸς αἷμα εἰς τὰς ἀρτηρίας. ὡς κενωτικὸν οὖν βοήθημα ἡ ἀσιτία φλεγμονὰς λύεται. οὐ γὰρ δι' ἄλλο τι φησὶν αὐτὴν ἐπὶ τῶν φλεγμαινόντων παραλαμβάνειν ἢ ὅτι κενούμεναι αἱ φλέβες ῥᾶον παραδέχονται τὸ παρεμπεπτωκὸς αἷμα εἰς τὰς ἀρτηρίας. εἶτα, ὃ πρὸς θεῶν, κενῶσαι τις τὰς φλέβας βουλόμενος, ἐνὸν ἀλύπως καὶ ταχέως τοῦτο ποιῆσαι, μακρὰ κάμνει. οὐκ οἶδα πῶς ἂν τις μᾶλλον ἑαυτῷ περιπίπτων εὐρεθείη. οὐ φλεβοτομῶ, φησὶν, ἴν' ὁ κάμνων ἐξαρκέσῃ τὰς διὰ τὰς φλεγμονὰς ἀσιτίας. τίνος δὲ χάριν τὰ φλεγμαίνοντα λιμαγχονεῖς; ἵνα κενώσω, φησὶ, τὰς φλέβας. τί οὖν οὐκ ἀπ' ἀρχῆς ἐκένοους; ἐγὼ μὲν οὖν ἐλεῶ τῶν ἀμαρτημάτων τὸν ἄνδρα. πρὸς γὰρ οἷς ἐναντίοις ἐστὶν, οὐ τοῖς φαινομένοις μόνον κατὰ τὴν τέχνην ἔργοις, ἀλλὰ καὶ τοῖς ἑαυτοῦ λόγοις, ἔτι καὶ τοῦτο ἀγνοῶν εὐρίσκεται, τίνος ἕνεκεν ἀσιτία παραλαμβάνονται, καίτοι τὴν χρεῖαν αὐτῶν ἱκανῶς τε ἅμα καὶ σαφῶς Πραξαγόρας ἔφθανεν γεγραμέναι, πρὸς τὸ μηδὲ Ἴπποκράτην παραλιπεῖν, μηδὲ Διοκλέα, οὐδὲ οὕτω χρηστὸς ὥσθ' ὑπὲρ τοῦ κενῶσαι τὰς φλέβας οἶεται τὰς ἀσιτίας παραλαμβάνεσθαι καὶ ταύτη μόνον βοηθεῖν. εἶτα, πρὸς Διὸς, κενωτικοῦ δεόμενος βοηθήματος ἐπὶ τὸ πάντων ἀσθενέστατον ἀφίξαι, παρελθὼν τὰ δραστικὰ καὶ ταχέως ἄγειν ἐφ' ᾧ βούλει δυνάμενα. ἀλλ' ἔστω, συγχωρεῖσθω σοι καὶ τοῦτο τὰς ἐπὶ τραύμασι φλεγμονὰς οὕτω θεραπεύειν ὡς τὰς ἐπὶ πλήθει, τί ποιήσομεν αὐτὸ τὸ πλῆθος ἐν ταῖς φλεψίν

ἔτι μένον καὶ διατεῖνον αὐτάς, εἰς δὲ τὰς ἀρτηρίας οὕτω παρὸν ὅπως ἰατέον; ἐγὼ μὲν γὰρ ὄμην ἐπὶ τῶν τοιούτων ἀπάντων ἐτοιμοτάτην εἶναι τὴν διὰ φλεβὸς κένωσιν. ἐπὶ θώρακα φερέσθω τὸ πλῆθος, κινδυνευέτω τι τῶν ἐν τούτῳ ῥαγῆναι ἀγγείων, οὐδ' οὕτως φλεβοτομήσομεν, ἀλλ' ἐρίοις δηλαδὴ διαδήσομεν τὰ κῶλα; καὶ τοῦθ' ἱκανόν. εἰ τῷ πρὸς θεῶν ἀντισπαστικῷ βοηθήματι χρώμενοι οὐκ ἴστε ὅτι πολὺ τούτου δραστικώτερον ἀντισπάσεως φλεβοτομία. πολλῶν γοῦν ἀνεπισχέτως αἱμορραγούντων τεμόντες φλέβα τὴν αἱμορραγίαν ἐστήσαμεν. Ἐρασίστρατον δ' οἶμαι καὶ τοῦτ' ἀγνοεῖν. οὐδὲ γὰρ τὸ τυχόν ἐστὶν εἰδέναι ποίας ἐπὶ ποίοις μέρεσιν αἱμορραγοῦσι τμητέον φλέβας. ὅταν οὖν αὕτη τὰ μέγιστα δρᾶ ὧν νῦν δεόμεθα, παρῆκε τὸ κενοῦν καὶ τὸ ἀντισπᾶν. τί μέλλεις ἔτι καὶ τρίβεις τὸν χρόνον καὶ τὸν ἄνθρωπον ἐπιτρίβεις, ἐνὸν κερδῆσαι καὶ τὴν ῥῆξιν αὐτὴν τῶν ἀγγείων καὶ τὴν ἐπὶ ταύτῃ φλεγμονὴν καὶ τὰς ὑπὲρ τοῦ τὴν φλεγμονὴν ἰάσασθαι παραλαμβανομένας λιμαγχονίας; εἰ γὰρ τὸ πλῆθος ἐργάζεται τὴν ῥῆξιν, ἐκκενώσας τὸ ἐργαζόμενον κωλύσεις τὸ ἐσόμενον· εἰ δὲ τοῦτο, καὶ τὴν ἐπὶ τῇ ῥῆξει φλεγμονὴν· εἰ δὲ τοῦτο, οὐδὲ τῶν ἀσιτιῶν ἔτι χρεία. σὺ δέ μοι δοκεῖς ὥσπερ ἐπιθυμῶν ἀσιτίαν συμβουλεύειν αὐτὸς ἐργάζεσθαι πάθη χρήζοντα λιμαγχονίας. τί δεινὸν ἦν τὸ λυπῆσον κενώσαντα μηδὲ ἔχειν πρᾶγμα;

9. Καίτοι μάτην πολλὰ κάμνω παρὸν ὑπομνησαί σε τὸν λόγον. εἰ γὰρ οὐκ αὐτὸς ἡμᾶς ἐδίδαξας ἐν τῷ προτέρῳ τῶν ὑγιεινῶν, ἔνθα γένεσιν τοῦ κατὰ τὰς φλέβας

πλήθους προειπῶν ἐφεξῆς γράφεις ἰάματα, σκοπὸν μὲν αὐτῶν ἀπάντων κένωσιν θέμενος, ἄλλην δ' ἄλλω συμφέρειν φάσκων· πλὴν ἀλλὰ γε κενοῦντα τὴν πληθώραν, οὕτως γὰρ ἀξιοῖς καλεῖν τὸ ἐν ταῖς φλεψὶ τροφῆς πλῆθος καὶ γυμνάσια καὶ λουτρὰ πλείω καὶ λεπτὴν διαίταν εἶναι κελεύεις. οὐ ταυτὸν δὲ πᾶσι συμφέρειν φῆς βοήθημα κενωτικὸν, ὅτι μήτε πάντες εἰθισμένοι χρῆσθαι πᾶσιν, ἀλλ' οἱ μὲν λουτροῖς μᾶλλον, οἱ δὲ γυμνασίοις, οἱ δὲ τοῖς μετὰ δεῖπνον ἐμέτοις, καὶ ὅτι μὴ τοῖς αὐτοῖς ἅπαντες εὐάλωτοι νοσήμασιν, ἀλλ' ὁ μὲν τις ἐπιληψίαις, ὁ δ' αἵματος πτύσεσι, ὁ δὲ τοῖς καθ' ἥπαρ ἢ σπλῆνα πάθεσιν. οὐκ οὖν οὔτε τὸν ἐπίληπτον ἐπιχειρήσομεν βαλανείοις κενοῦν, ὡς σὺ φῆς, ὀρθῶς τοῦτο κελεύων, οὔθ' ὧ τι φόβος ἀγγεῖον ἐν θώρακι ῥαγῆναι γυμνάσομεν. κίνδυνος γὰρ δηλαδὴ ταῖς τῶν γυμνασίων συντονίαις, εἰ καὶ μὴ πλῆθος ἦν, ἀλλ' ὡς διὰ ἀσθένειαν κατὰ θώρακα ῥαγῆναι γυμνασομένῳ. ὅπως οὖν αὐτὸν ἰασόμεθα δίδαξον ἡμᾶς. ὅτι μὲν γὰρ κενωτέον ἐστὶν ὁμολογεῖς καὶ σύ. κενωτικὰ δ' εἶχομεν βοηθήματα γυμνάσια καὶ λουτρὰ πλείω καὶ λεπτὴν διαίταν. ἀλλὰ γυμνασίοις μὲν οὐδ' αὐτὸς ἀξιοῖς χρῆσθαι. περὶ δὲ λουτρῶν σὺ μὲν ὅλως οὐδὲν εἶπας, οὔτ' εἰ χρηστέον οὔτ' εἰ μὴ χρηστέον ἐπὶ τῶν οὕτως ἐχόντων. ἐγὼ δ' ἐρῶ τὸ φαινόμενον αὐτὸ καὶ τῇ πείρᾳ κεκριμένον, εἰ δέ τι χρῆ καὶ περὶ σοῦ μαντεύσασθαι, καὶ σοὶ τάχα ἂν δόξαν. σὺ γοῦν αὐτὸς ἐν τῷ περὶ αἵματος ἀναγωγῆς συγγράμματι διαδέσμοις τε ἅμα καὶ ἀσιτίαις χρώμενος ὑπὸ τούτων μὲν ἀντισπόσαι τοῦ πλήθους, τοῦ δὲ κενῶσαι βαλανείοις οὐ χρή.

λογίζομαι γάρ σε φθέγγοντα τὸ λουτρὸν ἐπὶ τῆς ἐρῶνυίας ἤδη φλεβός, οὐδ' ἔφης, εἰ ἐπίδοξος ἢ ῥῆξις, ἐθελῆσαι ἂν χρήσασθαι. εἰ δὲ καὶ μὴ σὺ οὕτως ἐγίνωσκες, ἀλλ' ἐμοὶ τὸ φαινόμενον ἤρκει. μεγίστη γὰρ αἰμορραγίαις ἀπάσαις ἢ ἐκ βαλανείου βλάβη καὶ ἢ αἰτία πρόδηλος, εἴ γε δὴ χεῖται μὲν τὸ αἷμα καὶ εἰς ἀτμοὺς λύεται καὶ πνεύματα τοῦ τε θερμαινομένου, ὥστε καὶ εἰς κίνησιν προτρέπεσθαι καὶ εἰς ὄγκον αἴρεσθαι. μαλακὰ δὲ καὶ ἀσθενῆ ταῖς θερμολουσίαις ἀποτελεῖται τὰ σώματα. πῶς δὴ οὖν οὐκ ἂν ῥᾶστα πάθοι αὐτὰ γε μαλακώτερα γεγόμενα καὶ τοῦ ῥηγνύντος αὐτὰ κινήσιν τε ἅμα καὶ ὄγκον προσλαβόντος; οὐκ οὖν οὐδὲ ἐν βαλανείοις ἐπιχειρήσομεν κενοῦν οἷς φόβος δι' αἵματος πληθος ῥαγῆναι τὰς φλέβας. εἰς λοιπὸν τὸ τρίτον συγκλειόμεθα τῶν κενωτικῶν βοηθημάτων τὴν λεπτὴν δίαιταν. ἄγε δὴ, ἐπειδὴ ταύτην αὐτὸς σὺν τρισὶ τρόποις ἐργάζη, λεπτὰ ἢ μικρὰ καὶ ἄτροφα σιτία προσφέρων ἢ οὐδ' ὄλως προσφέρων ἢ ἐμείν ἀπὸ δεῖπνου κελεύων. ἴδωμεν οὖν ὅπως λεπτῶς διαιτήσομεν. ἄρα γε μετὰ δεῖπνον ἐμείν κελεύσαντες; ἀλλ' εἰς τὴν ἐν τοῖς γυμνασίοις συντονίαν εὐλαβηθείμεν, εἴ πού γέ τι κατὰ τοὺς ἐμέτους ἀδεῶς χρῆσόμεθα. τοῦτο μὲν οὐδ' ἂν ἰδιώτην λάθοι. λοιπὸν οὖν ἢ ἀσιτίαν προστάξομεν ἢ μικρὰ καὶ ἄτροφα σιτία δώσομεν. ἀλλ' εἰ καὶ μὴ ἰσχυρῶς τὰ τοιαῦτα, τρέφει γοῦν. ἡμεῖς δ' οὐ προσθεῖναι νῦν, ἀλλ' ἀφελεῖν βουλόμεθα. λοιπὸν ἄρα τὴν ἐπίπονον καὶ μοχθηρὰν ὄντως ὥσπερ τινὰ ἱερὰν ἀγκύραν εἰς ἅπαντα πάθη διαρκῆ παραληψόμεθα λιμοκτονίαν.

εἶτα δηλαδὴ σκώψομεν ἼΑπολλώνιον καὶ Δέξιππον ἐπι
λιμαγχονία; καίτοι καὶ τοῦτ' αὐτὸς ἐδίδαξε, βούλομαι
μᾶλλον ὑπομῆσαι. καὶ γὰρ αὐτὸς μοι δοκεῖς αἰσθάνεσθαι
περὶ τῆς αἰτίας ὡς οὐ κενωτικοῦ βοηθήματος. ἀποδείξας
δὲ πρότερον ὃ βούλομαι, τῆνικαῦτα δὴ καὶ τῆς παρὰ σοῦ
μαρτυρίας μνημονεύσω. ἡ αἰτία οὐ δήπου τῶν ὄντων τι
πραγμάτων ἐστίν, οὐ μᾶλλον ἢ τυφλότης ἢ κωφότης, ἀλλὰ
πάντα τὰ τοιαῦτα στερήσεις τῶν ὑπαρχόντων εἰσί. αὐτὸ
μὲν γὰρ τὸ προσενέγκασθαι σιτία τῶν ὄντων ἐστίν, ὅθεν
αὐτὴν καὶ τοῦργον εὐρήσεις ὑπάρχειν θρέψιν τοῦ σώματος.
τὸ μὴ προσενέγκασθαι οὐ ταῦτὸν τῶν ὑπαρχόντων ἐστίν,
οὔτ' ἔργον αὐτοῦ δεῖξαι δυνήση, καθάπερ ἰδρώτων μὲν
καὶ φλεβοτομίας καὶ κλυστῆρος κένωσιν, ἐδεσμάτων δὲ
θρέψιν. μέση τοίνυν ἀμφοῖν ἐστίν ἡ αἰτία τοῦ τε κενοῦν
καὶ τοῦ τρέφειν. οὔτε γὰρ τρέφει οὔτε κενοῖ. πῶς οὖν,
φησὶν, ἀπέθανον πολλοὶ κατ' ἔνδειαν ἀπορία σιτίων; οὐ
τῆ τῶν σιτίων ἀπορία, φήσομεν, ἐπεὶ οὔτω γ' ἂν οὐδὲ
τὰ φωλεύοντα ζῶα τροφῆς ἀποροῦντα διαρκεῖν ἐδύνατο.
διαρκεῖ δέ γε, καὶ τοῦτ' αὐτὸς ὁ ἼΕρασίστρατος λέγει καὶ
τὴν αἰτίαν προσθήτησιν. ἅπαν γὰρ, φησὶ, τὸ κατὰ τὴν
ἐκτὸς ἐπιφάνειαν διαπνεῖσθαι πέφυκεν, ἀλλ' ἢ πλέον ἢ
ἥττον, ὡς ἂν καὶ μανότητος ἔχει. τοῦ δ' ἥττόν τε καὶ
μᾶλλον γίνεσθαι μανὴν τὴν ἐπιφάνειαν ἄλλαι τέ τινες αἰτίαι
καὶ οὐδεμιᾶς ἐλάττους αἰ κατὰ θερμασίαν καὶ ψύξιν καὶ
ἡσυχίαν καὶ κίνησιν τροπαὶ τοῦ σώματος. θερμοῦ μὲν γὰρ
ὄντος τοῦ περιέχοντος ἀέρος καὶ τοῦ ζώου γυμναζομένου

πλεῖστον ἀπορῥεῖν· ἐπὶ δέ γε τοῖς ἐναντίοις κρύει τοῦ περιέχοντος καὶ ἀκίνησία τοῦ ζώου πυκνοῦσθαι μὲν τὴν ἐκτὸς ἐπιφάνειαν, ἀπορῥεῖν δὲ ἢ μηδὲν ἢ παντάπασιν ὀλίγον· καὶ διὰ τοῦτο μὴ δεῖσθαι τροφῆς τὰ φωλεύοντα· ἅτε γὰρ ψυχρῶν μὲν καὶ ἀργῶν καὶ παχέων τῶν καθ' ὅλον τὸ σῶμα διὰ τὴν ἡσυχίαν γιγνομένων, πυκνουμένης δὲ τῆς ἐκτὸς ἐπιφανείας ἐν τῷ χειμερινῷ κρύει, καθ' ἣν σῶραν φωλεύει τὰ ζῶα, μηδὲν ἐκτὸς ἀπορῥεῖν· οὐκοῦν οὐδὲ τοῦ πληρώσοντος τὸ κενούμενον δεῖσθαι· χρεῖα δ' ἦν αὐτῇ τροφῆς καὶ διὰ τοῦτ' ἐπ' αὐτὴν ἔρχεται τὰ ζῶα τὴν ἐκ τῆς κενώσεως ἔνδειαν ἰώμενα· σαφὲς οὖν ὅτι τῆς μὲν ἐνδείας ἢ καθ' ὅλην τὴν ἐπιφάνειαν κένωσις αἰτία καὶ χρεῖα σιτίων ὑπὲρ τοῦ τὸ κενούμενον ἀναπληρῶσαι· τῆς οὖν αἰτίας ἀπολλυμένης δι' ἣν ὅλως ἐδεῖτο τὰ ζῶα σιτίων, ἀνάγκη πᾶσα καὶ τὴν χρεῖαν συναπόλλυσθαι, καὶ διὰ τοῦτο οὐ δεῖται τὰ φωλεύοντα σιτίων, ὅτι μηδὲ προσθέσεως· σαφῶς οὖν ἐμάθομεν ὡς οὐχ ἢ ἀσιτία κενοῦν πέφυκεν, ἀλλ' ἢ τοῦ δέρμα-τος μανότης· εἰ δὲ τοῦτο πυκνώσας ἡσυχία καὶ κρύει, τί τῆς λιμαγχονίας ἔτ' ὄφελος; καὶ μὴν ἀναγκαῖον ἄμφω φυλάξασθαι, καὶ τὰ γυμνάσια καὶ πᾶσαν ἀλέαν, ᾧ κίνδυνος αἶμα πτύσαι· τὰ μὲν γὰρ τῇ συντονίᾳ ῥηγνύναι πέφυκε τὰς φλέβας· αἱ θερμασίαι δὲ καθ' ὄν λόγον καὶ τὰ λουτρά· μὴ θερμαίνων μὲν ἄρα κενώσεις τὸ σῶμα, θερμαίνων δὲ ἢ γυμνασίοις ἢ λουτροῖς μέγιστα βλάβηεις τὴν πρὸς τὸ ῥήγνυσθαι τῶν φλεβῶν αὐτῶν ἐπιτηδειότητα· τί δὴ λοιπὸν ἔτι συμβουλεύσομεν τοῖς ὧδε κάμνουσιν; αἱ μὲν

γὰρ ἀσιτία χωρὶς τοῦ γυμνάζεσθαι τὸν ἄνθρωπον ἢ ἄλλως ὁπποσοῦν θερμαίνεσθαι κενοῦν οὐ δύνανται. φλεβοτομίαν δὲ, ὡς εἰκόκαμεν, ἐσχάτως φεύγομεν, ὥσπερ, οἶμαι, καὶ τὰς ἰσχυρὰς καθάρσεις. θαυμασὴ γέ ἡ εὐπορία τῶν κενωτικῶν βοηθημάτων εἰς ἀσιτίαν κατακλεισθέντων. εἰ μὲν μόνη χρῆσόμεθα, πλεῖον οὐδὲν ἔξομεν, οὐ γὰρ κενοῖ μόνη. σὺν ἧ̃ κενοῦν πέφυκε, μείζονας ταῦτα τὰς ἄλλας βλάβας τῆς ἐκ τοῦ κενοῦν ὠφελείας ἔχει.

Гален. О вскрытии вен, против Эрасистрата

1. Как мне кажется, заслуживает специального исследования следующий вопрос. Эрасистрат прекрасно разбирается в медицинском ремесле и чрезвычайно старателен в мелочах: например, он описывает приготовление отваров из различных овощей и горячих компрессов, хотя другой удовлетворился бы тем, что указал, когда их использовать, и обошел бы молчанием способ их приготовления, так как это дело нехитрое, и каждый, столкнувшийся с этим, может сам отыскать способ. Однако Эрасистрат ни слова не говорит о таком действенном и надежном средстве, как вскрытие вен, несмотря на то что данный способ лечения, наряду с другими серьезными лечебными методами, был в большом почете у его предшественников. Почти ни в одном из его сочинений нельзя найти даже термин «вскрытие вен». Лишь один раз он упоминает его в труде «О кровотоке»¹¹⁰, но и здесь скорее касается его вскользь, чем описывает с надлежащим вниманием, что очевидно для читателя. Ты можешь убедиться в этом из следующего его рассуждения: «Перевязки под

---

¹¹⁰ Название этого сочинения буквально переводится как «О выведении крови через верх». Речь в нем, по-видимому, шла о кровохарканье и о кровавой рвоте. См.: *Brain P. Galen on Bloodletting*. Cambridge, Cambridge University Press, 1986. P. 15, n. 3.

мышками и в паху надо делать не так, как делают некоторые люди, копирующие действия врачей, но не понимающие, что они делают это ради крови, а просто сильно сжимающие конечности повязками. Ведь в перетянутых частях тела задерживается значительное количество крови, подтверждение чему можно наблюдать при растяжении и вскрытии вен: ведь кровь течет значительно обильнее, если часть тела, на которой производится вскрытие вены, перевязана. Если же пациент страдает кровохарканьем или кровавой рвотой, большое количество крови можно задержать в голенях и предплечьях посредством перевязки. В результате, когда кровь оттекает из области груди, кровотечение становится значительно слабее. То же самое пытаются сделать те, кто при кровавой рвоте и кровохарканье рекомендует вскрытие вен. Но гораздо лучше рекомендации Хрисиппа¹¹¹, который имеет в виду не только состояние пациента в данный момент, но и опасности, подстерегающие его в дальнейшем. С кровохарканьем, или кровавой рвотой, связана опасность развития лихорадки, которая создает трудности в приеме пищи. А человек, который пережил вскрытие вен и перед этим долго не принимал пищи, может потерять сознание. Хрисипп же, перераспределяя питание между частями тела так, что оно у

---

¹¹¹ Упоминаемый здесь Хрисипп – не философ-стоик, с которым Гален полемизирует в сочинении «Об учениях Гиппократов и Платона», а Хрисипп Книдский – врач, учитель Эрасистрата. Подробнее о его биографии и взглядах см.: *Berrey M. Chrysippus of Cnidus: Medical Doxography and Hellenistic Monarchies // Greek, Roman and Byzantine Studies 2014; 54(3): 420–443.*

него уже готово и не должно поступать извне, делает это умно, достойно всяческой похвалы и последовательно»¹¹². Однако то, что это сделанное походя упоминание слишком мало значительно, учитывая надежность описанного метода, и что такой подход недостойн обычной научной скрупулезности Эрасистрата, очевидно каждому.

Можно было бы объяснить то, что Эрасистрат обошел молчанием этот метод лечения, если бы никто из его предшественников – ни Гиппократ, ни Диокл, ни Еврифонт, ни другие заслуженные врачи – не упоминал об этом методе, не применял его, и он не был бы одобрен славными врачами прошлого. Но к тому времени другие врачи уже открыли его и давно его использовали, не только при лечении какой-нибудь случайной болезни, но для исцеления от многих, в том числе и самых тяжелых. Ведь этим методом пользовался и сам Гиппократ, ставший для нас источником всего, что есть прекрасного во врачебном искусстве, и другие врачи древности. Что же тогда случилось с Эрасистратом, почему он ничего не сказал о нем? Ему следовало бы ясно обозначить,

---

¹¹² Эрасистрат, fr. 231 Garofalo (*Garofalo I. Erasistrati Fragmenta*. (Biblioteca di Studi Antichi, 62). Pisa: Giardini, 1988). Перевод З.А. Барзах. Суть метода Хрисиппа состоит в следующем: посредством перевязок он задерживал кровь в конечностях, чтобы при необходимости, если больной в силу кровотечения теряет много крови и будет слаб из-за недостаточного питания, ослабить повязки и позволить крови поступить в организм. П. Брэйи (*Brain P. Galen on Bloodletting*. P. 16, n. 6.) замечает, что этот метод предвосхищает современную практику аутогемотрансфузии, а также такой современный метод оказания первой помощи, как медицинские антишоковые штаны.

что он одобряет этот способ лечения и рекомендует его при лечении наравне с другими медицинскими средствами, – и не просто одобрить его, но указать причину, по которой он его одобряет. На деле Эрасистрат настолько далек от признания пользы вскрытия вен, что он ничего не говорит о том, надо им пользоваться или все же не стоит, да и вообще не решается изложить свое мнение о нем, если не считать, как я уже говорил, единственного упоминания при описании лечения одной болезни. Однако его молчание выдает его главную мысль: он не обошел бы молчанием метод, который одобряет. Не мог же он считать, что даже незначительные методы лечения нуждаются в его описании, а такой важный любой желающий может узнать сам и без его помощи.

2. Может показаться, что причина, по которой Эрасистрат не пользовался вскрытием вен, настолько таинственна, что для того, чтобы узнать ее, над быть пророком. Ведь как можно узнать, что думал Эрасистрат о том, о чем он ни разу не говорил подробно? Однако некоторые все же дерзают строить предположения относительно его мнения. То, что они заблуждаются, ясно уже из того, насколько разнятся их мнения. Самое удивительное, что даже те, кто учился вместе с Эрасистратом, то есть ученики Хрисиппа Книдского, который первым заявил о бесполезности вскрытия вен, по-разному излагают мнение Хрисиппа. То же, что было сказано по этому поводу Апимантом и Стратоном, просто смешно. Ведь они утверждают, что рассечь вену, а также распознать

и отделить от нее саму артерию очень сложно. Они говорят, что если случайно рассечь артерию вместо вены, то это может привести к неблагоприятному исходу, а также что некоторые при этом умирали от страха в одном случае еще перед рассечением сосуда, а в другом – не приходя в себя после процедуры. Также они упоминают случаи, когда невозможно было остановить кровотечение. Смешно и то, что говорят другие, утверждающие, что очень трудно найти в этом надлежащую меру: крови всегда выходит либо слишком мало, и процедура не приносит никакой пользы, либо слишком много, и тогда она наносит величайший вред. Ведь чем, спрашивают они, чрезмерное кровопускание отличается от разбойного нападения с ножом на незащитного человека? Другие же утверждают, что при этой процедуре пневма попадает из артерий в вены, так как она заполняет опустошаемые от крови вены. По мнению третьих, когда воспаление поражает артерии, из вен выходит слишком много крови. Может быть, такие высказывания и кажутся кому-нибудь убедительными, но на самом деле они совершенно неубедительны и очевидно ложны. Их аргументы звучали бы убедительнее, если бы они утверждали то, что говорят некоторые другие врачи, исходящие из природы жидкостей. Пожалуй, их мнение и стоило бы разобрать более подробно, но сейчас не время для этого: это слишком затянуло бы наше сочинение, и, кроме того, ничто не вынуждает нас попытаться опровергнуть учение, которому не следовал ни Эрасистрат, ни кто-либо дру-

гой из учеников Хрисиппа.

3. Поэтому я считаю, что мне удастся наилучшим образом построить это сочинение, если я обойду молчанием все остальное и начну с того, что считает истинным сам Эрасистрат, но при этом буду по возможности предельно краток. Эрасистрат полагает: «Сосудом для пневмы служит артерия, а для крови – вена, кроме того, самые большие сосуды всегда разделяются на более мелкие. При этом мелких сосудов бывает значительно больше, чем крупных. Сосуды, разделяясь, пронизывают все тело так, что не остается места, где бы не было окончания сосуда. Концы сосудов настолько узки, что не позволяют вылиться содержащейся в них крови. Из-за этого, хотя устья вен и артерий смыкаются, кровь остается в венах и не проникает в сосуды с пневмой. Так бывает, если живое существо находится в своем естественном состоянии. Если же какая-либо причина заставляет кровь перетекать из вен в артерии, то это ведет к болезни. Существуют и другие причины, в том числе и полнота крови в сосудах, из-за которых оболочка вены растягивается, закрытые ранее концы вен открываются, и кровь перетекает в артерии, где она сталкивается с пневмой. Если столкнувшись с пневмой, движимой сердцем, она заставит ее изменить направление движения и окажется возле начала своего движения, то возникнет лихорадка. А если она, отталкиваемая пневмой, скопится в концах артерий, возникнет воспаление. Итак, в большинстве случаев воспаление возникает по этой причине». Причиной

воспаления при ранах он также считает попадание крови из вен в артерии, но в этом случае объясняет его стремлением природы заполнить пустоту. «При ранении, – говорит он, – пневма выходит из разорванных артерий, и возникает опасность их опустошения. Так как устья вен и артерий сливаются, пустое пространство заполняет кровь. Следовательно, если из артерий уходит пневма, туда перетекает кровь. Итак, когда пневма открывает проход крови, она изливается, а когда проход вновь закрывается, кровь под давлением пневмы, которую посылает сердце, скапливается в месте раны, отчего и возникает воспаление».

Что ж, предположим, что Эрасистрат правильно определил причины возникновения жара и воспалений, хотя в других сочинениях мы показали, что он заблуждается. Пусть теперь он объяснит, как это лечить. Он говорит об этом во многих своих сочинениях, в частности в третьей книге трактата «О лихорадках», где он пишет буквально следующее: «При начале болезней и возникновении воспалений необходимо прекратить давать больному пищу, поскольку воспаление происходит из-за избытка питательных веществ. Если в такой момент больной дополнительно получит пищу, она в результате процесса пищеварения окажет соответствующее воздействие на тело, так что сосуды наполнятся пищей, и воспаление станет еще более сильным». Следовательно, Эрасистрат считает, что воспаления могут возникать не только из-за ран, но и по причине избытка пищи. Лечение воспали-

ний, появившихся из-за ран, Эрасистрат описывает в первой книге трактата «О лихорадках» примерно так. Он говорит, что цель лечения этих ран – устранение воспаления. Для этого неповрежденные места вокруг раны следует смазать вяжущими средствами, которые не позволят льющейся сверху крови попасть в отделенные таким образом места. Ведь при таких ранах, говорит он, происходит раскрытие устьев множества артерий и вен, и в вены попадает кровь из артерий. Далее Эрасистрат вновь рассуждает о том, что больного с воспаленной раной не следует кормить, так как вены, не заполненные питательными веществами, скорее вернут кровь, попавшую в них, в артерии, и в этом случае воспаление будет меньше. Итак, сам Эрасистрат согласен с тем, что следует избавиться от переполнения вен, так как иначе они, будучи заполненными, не смогут принять в себя кровь обратно, вопрос лишь в том, как следует опустошать вены.

4. Мне, со своей стороны, кажется, что, раз уж мы согласились, что надо опустошать вены, самый простой и естественный способ сделать это – вскрытие вен. Ведь этот способ самый быстрый, а кроме того, при нем удаляется лишь то, что вызывает воспаление, тогда как голодание занимает много времени и приводит к истощению всего организма, чего в данном случае не требуется. Зачем опустошать то, чего не нужно опустошать, зачем истощать плоть, если можно просто излить некоторое количество крови? Я уже молчу о прочих осложнениях, которые сопутствуют долгому голода-

нию: об общем упадке сил, о том, что естественные жидкости становятся более желчными и горькими, о частых болях в сердце, тошноте, задержке испражнений и более едком, чем в нормальном состоянии, характере всех выделений. Однако Эрасистрат ничего этого не видит, действует подобно слепцам, которые часто выбирают узкие и неудобные кружные тропинки, притом что есть путь легкий, широкий и прямой. Так и он, пренебрегая этим доступным, коротким и легким путем, следует дурной и долгой дорогой, думая только о том, куда она приведет, пусть даже она не легка и сопряжена со страданиями. Разумеется, я согласен, что голодание ведет к устранению избытка питательных веществ, но этот процесс происходит долго и причиняет больному многочисленные страдания.

И тем не менее наш мудрец Эрасистрат, которого некоторые сравнивают с Гиппократом, обходит молчанием столь важный метод лечения и не стыдится того, что не может сказать о нем ничего убедительного и надежного, но лишь упоминает его вскользь, как нечто незначительное и не стоящее подробного рассуждения. Однако Гиппократ, о Эрасистрат, придерживался относительно вскрытия вен совсем иного мнения, а был он врачом не хуже, чем ты. Он, как выясняется, совершал на деле то, чему ты удивляешься на словах. Ты восхищаешься природой, сотворившей живое существо с большим искусством и великой мудростью, однако сам не подражаешь мудрости природы. Почему ты, ча-

сто видя, что избавлением от избытка крови природа лечит многие болезни, сам ни разу не использовал метод вскрытия вен? Ведь способ избавления от болезней с помощью кровотечения подробно описан у Гиппократ: «У женщины, которую рвет кровью, если пойдет месячное очищение, наступает разрешение»¹¹³; «у меланхоликов, если открывается геморрой, это хорошо»¹¹⁴, «обильные кровотечения из носа целебны»¹¹⁵. У тебя же невозможно встретить ничего подобного: ты лишь на словах хвалишь величие природы, дел же ее описать не можешь. Мне же достаточно понаблюдать за природными процессами, чтобы, отталкиваясь от этих наблюдений, найти то, что необходимо больному. Пусть со мной и не согласятся твои почитатели, но я считаю, что ты или говоришь, не думая, или недостаточно исследовал природные процессы. Происходит ли это от твоего незнания или от нежелания знать – в любом случае вина лежит на тебе. Или, может быть, ты писал это, закрывшись в каком-нибудь доме, не видя при этом ни одного больного? В таком случае понятно, почему тебе неведомы дела природы. Восхищаясь делами природы, ты не предпринимаешь никаких попыток

---

¹¹³ *Гиппократ*. Афоризмы, 5, 32 // Гиппократ. Избранные книги. Т. 1. М.: Государственное издательство биологической и медицинской литературы, 1936. С. 718. Перевод В.И. Руднева.

¹¹⁴ *Гиппократ*. Афоризмы, 6, 12 // Гиппократ. Избранные книги. Т. 1. С. 722. Перевод В.И. Руднева, с изменениями.

¹¹⁵ Такого афоризма в сочинениях Гиппократа нет. Мысль о пользе кровотечения из носа при ряде заболеваний высказана в «Афоризмах» (4, 74).

подражать им, а это вдвойне неразумно.

Далее, когда ты пытаешься писать научные сочинения, ты нарушаешь правила, по которым их пишут. Следует сначала описать естественные функции, затем объяснять, что природа делает совершенно и безупречно, когда действует согласно своим законам, а что делает недостаточно хорошо, когда ей препятствуют болезненные процессы. Ведь это и есть путь к нахождению средств лечения: зная, что и как природа делает совершенно, я могу помочь ей в других случаях, добавив недостающее, или, если она не действует вовсе, а и такое иногда случается, если она побеждена силой болезненных причин, я смогу сам сделать за нее все. Ты же ничего из этого не показываешь. Это неудивительно, ведь говорят, что ты пренебрегал наблюдением за больными, а писал свои книги, сидя дома, исходя из своих умозрительных представлений. Но если даже ты не наблюдал больных сам, то мог бы узнать, прочтя Гиппократ, как происходит разрешение болезни, когда природа действует полно и безупречно, или, как он сам говорит, совершенно, как наилучшим образом подражать ей, когда она сама не ведет болезнь к разрешению, и как помочь ей, когда она ведет болезнь к разрешению, однако ее усилий недостаточно. Если бы ты поупражнялся в этом, я бы услышал, как ты советуешь то же, что Гиппократ: «То, что разрешается или только что разрешилось, не должно ни двигать, ни вновь выводить ни очищающими, ни другими воз-

буждающими средствами, но следует переждать»¹¹⁶. Это совет на тот случай, если природа действует совершенно. Далее же он дает рекомендации на тот случай, если природа начала движение в направлении кризиса, однако это движение недостаточно сильно. В этом случае он предлагает помочь ей: «Все, что необходимо отвести, следует направлять туда, куда оно само более всего стремится, и через соответствующие места»¹¹⁷. Сама природа стремится избавиться от избытка жидкости, причиняющего страдания, но не справляется с этой задачей из-за вызванной болезнью слабости и нуждается в нас как в помощниках. Именно поэтому при лечении плеврита следует производить удаление жидкостей в том же направлении, в котором они уже движутся.

5. Ведь что он говорит? «Однако при боли в ключице и при чувстве тяжести в плече, около соска или над грудобрюшной преградой следует рассечь внутреннюю вену в изгибе локтя и не страшиться вызвать сильное кровотечение, даже если кровь через некоторое время станет более красной или вместо чистой и красной – темной, ибо и то и другое случается. Если же боль наблюдается под диафрагмой, а не в ключице, должно размягчить желудок черной чемерицей

---

¹¹⁶ *Гиппократ. Афоризмы, 1, 20 // Гиппократ. Избранные книги. Т. 1. С. 698. Перевод В.И. Руднева, с изменениями.*

¹¹⁷ *Гиппократ. Афоризмы, 1, 21 // Гиппократ. Избранные книги. Т. 1. С. 698. Перевод В.И. Руднева, с изменениями.*

или пеплионом»¹¹⁸. В свою очередь, описывая определенное сочетание почечных симптомов, он вначале говорит: «Боль тяготеет и почку... Наблюдается оцепенение бедра со стороны пораженной почки». Затем добавляет рекомендацию «пускать кровь под коленкой»¹¹⁹, то есть рассечь вену под коленкой. А как он описывает другой случай? «У служанки Стимарга, у которой не было даже истечения крови, когда она родила девочку, появились отклонение рыльца матки, боль в бедре и голени. Ей пустили кровь из ноги, и это ее излечило, хотя при этом дрожь охватила все ее тело. Итак, нужно идти к причине и к источнику причины»¹²⁰.

Здесь Гиппократ показывает тебе, Эрасистрат, что надо в первую очередь искать причину болезни и источник этой причины. Я думаю, ты с сам согласишься, что в данном случае это может означать только одно: если причиной болезни является избыток крови, надо вскрыть вену. Поэтому Гиппократ, несмотря на сильную дрожь у женщины, не побоялся вскрыть ей вену. Никто, кроме Гиппократа, не решался

---

¹¹⁸ *Гиппократ*. О диете при острых болезнях, 7 // Гиппократ. Избранные книги. Т. 1. С. 402–403. Перевод В.И. Руднева, с изменениями. Черная чемерица (*Veratrum nigrum*) употреблялась как слабительное и рвотное. Пеплион (*Euphorbia peplis*) – растение из семейства молочайниковых, сок которого использовали как слабительное.

¹¹⁹ *Гиппократ*. Эпидемии, IV, 5 // Гиппократ. Избранные книги. Т. 2. М.—Л.: Медгиз, 1944. С. 181. Перевод В.И. Руднева, с изменениями.

¹²⁰ *Гиппократ*. Эпидемии, II, 4, 5 // Гиппократ. Избранные книги. Т. 2. Перевод В.И. Руднева, с изменениями.

прибегать к кровопусканию при дрожи, так же как при водянках и прочих холодных болезнях. Ведь при этой процедуре тело, в котором и так из-за болезни угасло врожденное тепло, еще больше охладится. Однако Гиппократ, как он сам говорит, понимал, что причиной болезни является избыток крови, поскольку у этой женщины не было родового очищения¹²¹. Источником и первопричиной отсутствия родового очищения было неправильное положение матки, так как она повернулась к бедру. Задержка родового очищения указывала для него на то, что необходимо пустить кровь, а по положению матки он понял, откуда ее нужно пустить. Вот таков был Гиппократ – единственный из всех врачей. Но оставим Гиппократа, чтобы, чрезмерно восхваляя его, не огорчить последователей Эрасистрата, ведь они, как и сам Эрасистрат до них, относятся к Гиппократу как к сопернику. Я могу показать его искусство в отношении вскрытия вен при другом удобном случае.

Перейдем к другим мужам каждой из двух школ – эмпирической и догматической. Я делаю это для того, чтобы показать: среди них нет ни одного, кто бы отказался от вскрытия вен. Я хорошо знаю, что такие врачи, как Диокл, Плейстоник, Диевхес, Мнесифей, Праксагор, Филотим, Герофил и Асклепиад¹²², прибегали к вскрытию вен. Да, это касает-

---

¹²¹ Термином *λοχεία κάθαρσις* (букв. «родовое очищение») Гиппократ и Гален обозначают послеродовое кровотечение.

¹²² Все перечисленные врачи, кроме Асклепиада, – догматики-рационалисты,

ся даже Асклеиада, который был таким любителем поспорить, что стремился ниспровергнуть все прежние медицинские учения и не щадил никого из своих предшественников, в том числе и Гиппократ. В своих обличениях он дошел до того, что называл врачебное искусство древних подготовкой к смерти. Но даже он не дошел до такого бесстыдства, чтобы отважиться совершенно исключить вскрытие вен из врачебной практики. Более того, такого не позволял себе никто ни из древних, ни из нынешних врачей, таких как Мантей, Афиней, Агатин, Архиген или весь хор эмпириков. Изучив сочинения этих последних, которые ни во что не ставят учение, но во всем следуют опыту, ты не найдешь ни одного, кто был бы согласен с тобой. Почему же те, кто расходятся почти по всем другим положениям учения, согласны в этом? Именно это согласие, как мне кажется, и есть вернейшее доказательство действительности этого способа лечения.

Но, если хочешь, оставим их, чтобы за голосами множества свидетелей не сокрылись дела самой природы, которую ты восхваляешь. Разве она не выводит ежемесячно излишки жидкостей из тел женщин, производя выделение крови? Думается мне, дело в том, что у женщин, которые не проводят много времени под открытым небом, да и в доме не проводят время в тяжких трудах, по обеим этим причинам скапливается избыток веществ, и естественным лечением при этом оказывается выведение крови. Таково одно действие приро-

ды, происходящее в них; второе же – послеродовое очищение, которое необходимо, несмотря на то что роды сами по себе являются опустошением. Ведь плод питается кровью из матки. Да и после родов формирование грудного молока также значительно уменьшает избыток жидкости. На самом деле у веществ месячных и грудного молока одна и та же основа, и можно сказать, что у обеих этих рек один и тот же источник, а именно вены. Поэтому у женщин, у которых в силу их возраста прекращаются месячные, также отсутствует грудное молоко. С другой стороны, у женщин, у которых еще есть месячные, они прекращаются в период кормления грудью. Если же у кормящей женщины появляется кровотечение из матки, то молоко исчезает. И из животных имеют молоко только живородящие, а те, что не рожают, и молока не имеют. Если бы ты, Эрасистрат, знал, сколько благ для женского организма приносит это избавление от излишней крови и насколько вредна задержка месячных, когда этот излишек не выводится, ты бы, я думаю, не мог не стремиться любым доступным способом избавить больного от излишка крови. Гиппократ говорит: «Женщины не страдают подагрой, если у них не прекращаются месячные»¹²³. Но что значит мнение Гиппократа для того, кто Гиппократу враждебен? Я считаю, однако, что сама истина обращается к тебе сейчас через меня, как через глашатая, и сообщает, что

---

¹²³ *Гиппократ. Афоризмы*, 6, 29 // Гиппократ. Избранные книги. Т. 1. С. 724. Перевод В.И. Руднева, с изменениями.

ни одна женщина не страдает ни артритом, ни плевритом, ни подагрой, ни пневмонией, если у нее надлежащим образом происходят месячные очищения. У тех женщин, у которых своевременно происходят месячные, не бывает ни апоплексического удара, ни апоноэ, ни потери голоса. Разве когда-нибудь наблюдалось, чтобы какая-нибудь женщина, у которой нормально идут месячные, страдала френитом, летаргией, спазмами, тремором или судорогами? А видел ли ты когда-нибудь женщину, у которой ежемесячные выделения происходят надлежащим образом, в состоянии черной меланхолии, или в припадке безумия, или харкающую кровью, или с кровавой рвотой из желудка, или страдающую головными болями либо приступами удушья, да и вообще страдающую той или иной тяжелой болезнью? Однако если у женщины происходит задержка месячных, ее немедленно поражают всяческие недуги. Но оставим женщин и обратимся к мужчинам. Узнай же, что те из них, которые из-за кровотечений регулярно избавляются от лишней крови, не болеют, а те, у кого таких опорожнений не происходит, заболевают тяжелейшими недугами. Неужели ты и таким мужчинам не будешь делать кровопусканий, даже если они заболеют воспалением легких? Или ты будешь стоять и наблюдать, как эти люди умирают, только для того, чтобы не отказываться от своих ложных убеждений? Скорее всего, ты так и поступишь! Я же много раз вылечивал с помощью кровопускания не только это заболевание, но и судороги, и даже водянку.

Этому научил меня мой длительный медицинский опыт, и разум побуждает меня к тому же, так как он повелевает искать причину болезни и источник этой причины. Почитав сочинения эмпириков, ты убедишься, что тому же учит и опыт.

6. Итак, Эрасистрат, не думай, что ты в своей страсти к спорам вызвал на состязание одного лишь Гиппократу, советовавшего избавляться от лишней крови во время судорог, водянки и других холодных болезней, или если у мужчины, страдающего геморроем, прекращается кровотечение, или при задержке месячных у женщин, – ты вступаешь в спор со всеми опытными врачами и с самой жизнью человеческой. Итак, я утверждаю, что здесь ты идешь против общего мнения. Ведь ты не готов признать, что естественный и единственно разумный способ лечения при избытке крови – удаление ее излишков. Кто же не знает, что противоположное лечится противоположным? Ведь это не только мысль Гиппократу – так думают все люди. Но мне кажется, что тебя тщеславное стремление полемизировать с Гиппократом сделало безумнее всех прочих живых существ. Ведь все они, руководствуясь природой, каждый день лечат голод пищей, переполнение – опустошением, переохлаждение – теплом, а жар – охлаждением. Чем же иным является пища, если не возмещением какого-либо недостатка в организме? Что есть выделение экскрементов, как не удаление излишка вещества из прямой кишки? Что есть мочеиспускание, как не естественное лечение переполнения мочевого пузыря? Ведь и

животные, страдающие от холода, выют себе гнезда или роют в земле теплые норы, а страдая от летней жары, плавают в холодной воде и проводят время в тенистых и ветреных местах. Я часто наблюдал собак, искусственно вызывавших у себя рвоту, и египетских птиц, которые делают себе самим подобие клизмы¹²⁴. Люди же, как существа, обладающие разумом и речью, делают это гораздо искуснее. Позови любого несведущего в медицине человека к крепкому молодому больному, задыхающемуся из-за ангины или воспаления легких, и спроси его, что делать в этом случае, – и ты не найдешь человека столь неразумного, что он не скажет: «Делать кровопускание». И лишь Эрасистрат в своем тщеславном стремлении соперничать с Гиппократом отрицает очевидные для всех вещи и оттого оказывается более неразумным, чем журавли. Ведь можно наблюдать, что они, как и орлы, когда им прихо-

---

¹²⁴ «Египетская птица» – ибис, священная птица бога Тота у египтян. Представление о том, что ибис использует свой клюв в качестве клистирной трубки, встречается в римской литературе неоднократно: в «Ибисе» (448–449) Овидия, «О природе богов» (II, 50) Цицерона, «Естественной истории» (VIII, 41; X, 58) Плиния Старшего (см.: *Martin E. W. The Birds of the Latin Poets*. Stanford University Press, 1914. P. 123). Интересно, что Цицерон, говоря о «самолечении» в животном мире, приводит те же примеры, что и Гален: «Собаки излечивают себя рвотой, египетские ибисы лечат желудок сами себе клювами (как бы ставя себе клистир). Искусство врачей открыло эти способы лишь недавно, то есть немного веков назад» (*Цицерон. О природе богов. II, 50. Перевод М.И. Рижского*). Откуда пошло это представление, мы точно не знаем. Вероятно, древние наблюдали, как ибис с помощью своего загнутого клюва извлекает секрет копчиковой железы, чтобы затем распределить его по перьям, и это действие, смысла которого они знать не могли, вызвало у них ассоциацию с постановкой клизмы.

дится совершать долгие перелеты к краю земли, поочередно избегают холода и жары, таким образом, постоянно лечат противоположное противоположным. Так вот, утверждение о том, что если опасность для здоровья вызвана избытком крови, то следует удалить излишнюю кровь, – это, как я сказал, слишком просто и очевидно для высокого гиппократовского искусства медицины. А хотелось бы мне поговорить о том, каким образом следует производить вскрытие вен, в какое время и до какой степени удалять лишнюю кровь. Необходимо знать, когда надо вскрывать вену на лбу, когда – вены в углах глаз или под языком, а когда – так называемую плечевую вену. Также надо знать, как вскрывать вены под мышками, под коленями или возле лодыжки. Всему этому учит нас Гиппократ, и именно это я считаю подлинной врачебной наукой. А то, что противоположное следует лечить противоположным, и то, что опустошение есть противоположность переполнению, – это настолько не ново, что и бессловесные животные это понимают. Если бы ты, о Эрасистрат, оказался в состоянии немного открыть уши, а скорее – душу, и воспринять слово истины, забыв на время неприязнь к Гиппократу, я бы сказал, что ты достоин его искусства. Ведь даже Диокл, Плейстоник, Герофил, Праксагор, Филотим и многие другие врачи владели этим искусством настолько, чтобы понимать, когда надо вскрывать какую из перечисленных мною вен. Разумеется, они обнаружили это не сами, но следовали в этом Гиппократу.

То же, что при избытке черной желчи аналогичное целебное действие может иметь открытие геморроя¹²⁵, знают не все, но лишь те, кто знаком с писаниями Гиппократ, поскольку лишь они узнали от него о происхождении таких заболеваний, как геморрой, дизентерия и варикоз. Такие врачи понимают, что при возникновении этих состояний не всегда нужно стремиться устранить их: иногда надо помочь природе, а иногда, если она находится в спокойном состоянии, стоит все предоставить ей, так как может случиться, что в определенный момент это самое выгодное. Те, кто узнал это из сочинений Гиппократ, не только не спешат раньше времени лечить дизентерию, варикоз или геморрой, но иногда искусственно вызывают эти состояния, когда их вовсе нет. Я, со своей стороны, наблюдал множество больных, которые заболели черной меланхолией или другими видами безумия из-за того, что неграмотные врачи воспрепятствовали одному из перечисленных способов избавления от лишней жидкости. Некоторые из таких пациентов заболели плевритами или нефритами, у других случилась кровавая рвота, причем кровь шла из желудка, а у иных – кровохарканье, некоторые же умирали от паралича или водянки. Я считаю, что врач обязан знать такие вещи. Эта наука о выведении жидкостей – великая наука.

7. Вопрос о количестве крови, которое надо выпустить

---

¹²⁵ *Гиппократ. Афоризмы*, 6, 12 // Гиппократ. Избранные книги. Т. 1. С. 720. Перевод В.И. Руднева, с изменениями.

при избытке крови, не слишком важен. Интересно, почему Эрасистрат обошел его молчанием? Ведь обычно он обходит молчанием лишь важные вопросы. И что за глупости говорят вечные спорщики, заявляющие, что для кровопускания неизвестен предел удаления жидкости, – впрочем, подобные же вещи они говорят и о других методах лечения? Пусть скажут, ради богов, у какого средства лечения есть такая мера, чтобы оно всегда применялось не больше и не меньше нее? У клизмы? У очистительных средств? У мочегонных? А может, у какой-нибудь пищи или у какого-нибудь питья? Может быть, этим людям, придирающимся ко всему, стоит уже успокоиться? Разве сам Эрасистрат не пользовался очищающими средствами и не давал вино, разбавленное холодной водой, больным холерой, а также некоторым другим больным? При этом Эрасистрат достаточно грубо восхваляет своего учителя Хрисиппа, утверждая, что тот нашел никому из его предшественников не известное средство, спасающее больных холерой, уже находящихся при смерти. При этом данное средство, по словам Эрасистрата, следует давать больному не в любой момент, а именно в критическом состоянии. Я не сужу его за это, если он, конечно, в состоянии точно определить надлежащий момент. Однако удивительно, насколько смело звучит то, что он говорит, пусть и излагая при этом учение Хрисиппа. Его не пугает ни острота состояния больного, ни трудность в определении меры для данного лечебного средства, ни опасность этой болезни. Он

полагает, что может описать и меру, и надлежащее время лечения достаточно точно, чтобы по его описаниям этим средством могли пользоваться не только врачи, но и люди, несведущие в медицине; а вот когда действительно нужно похвалить кого-то из предшественников, он это делать избегает.

Итак, давайте покажем этим людям, что для вскрытия вен определить меру проще, чем для какого бы то ни было другого лечебного средства. Определить, когда нужно остановиться, можно по изменению цвета, причем либо по изменению цвета крови, либо по изменению цвета больного. При многих заболеваниях таким пределом является потеря сознания, а также ослабление интенсивности струи крови и перебои пульса. Важно отметить, что лишь при этом виде удаления лишней жидкости, но ни при каком другом, врач может в любой момент прекратить процедуру. При этом, если ты прописываешь слабительное средство, или лекарство, вызывающее рвоту, или мочегонное снадобье, с помощью которых можно избавиться от головных болей, а также очистить грудь, от тебя зависит только, дать средство или не дать, а дальше уж судьба решает, и велика опасность, что, например, слабительное либо вовсе не вызовет опорожнение желудка, либо скопившееся в желудке будет выводиться с трудом, либо выведение будет сопровождаться болями, коликами, бурлением в животе, чувством холода, удушьем, обмороком, сильными телесными судорогами, а кала при этом выйдет либо совсем немного, либо слишком много. Подоб-

ное случается сплошь и рядом и представляет собой серьезную проблему. Ведь приток жидкости в желудок нельзя прекратить с той же легкостью, как кровотечение, просто приложив палец к вене. Однако никто из врачей не отказывается от назначения лекарств лишь из опасения возможных нежелательных последствий: вместо этого, однажды сделав ошибку, хороший врач в дальнейшем заботится о том, чтобы впредь не использовать то или иное лекарство именно таким образом. Но что я все время рассуждаю об очищающих средствах и сильных лекарствах, в то время как даже в пище незнание меры сильно вредит здоровью? Какой великий от этого может быть вред, можно ясно видеть по людям, которые после слишком интенсивного очищения организма оказываются истощенными и нуждаются в усиленном питании. У этих людей силы угасают из-за недостатка питательных веществ, однако и избыточное питание может стать для природы не питанием, но бременем, и совершенно задушить и погасить ее. Так что, ты велишь людям вовсе отказаться от пищи только потому, что в ней трудно определить надлежащую меру? Тогда уж лучше тебе самому вовсе отказаться от занятий медициной! Ведь ты не найдешь в медицине ничего, что приносило бы пользу, но не имело бы меры. Порицать же за это одно лишь вскрытие вен, как делаешь ты, неправильно. И излишек, и недостаток приносят большой вред. Никто не станет отрицать и того, что излишек вреднее недостатка. Но нет никакой необходимости рисковать выпустить слиш-

ком много крови, так как всегда можно выбрать более безопасный путь. Предположим, например, что надлежащая мера при вскрытии вен – не более трех котил крови. Тогда если выпустить четыре, то это нанесет сильный вред организму, а если две, то результат лечения будет достаточным, но при этом лечение не нанесет никакого вреда. Ведь оставшуюся одну котилу жидкости можно вывести с помощью клизмы, голодания, растираний и потения. Кроме того, ничто не мешает, если захочешь, еще раз прибегнуть к кровопусканию. Но зачем я столь многословно возражаю людям неученым, несущим всякий вздор и не имеющим никакого представления даже о том, кого и что они всемерно восхваляют. Они превозносят имя Эрасистрата и считают себя его последователями, называясь «эрасистраторами». На самом же деле, они настолько невежественны, что не имеют никакого представления о его учении. А о вскрытии вен они рассуждают столь многословно и вздорно, что можно подивиться не только их невежеству, но и их бесстыдству. Ведь сам Эрасистрат ясно говорит в своем сочинении «О кровотечении», где он единственный раз упоминает этот метод, что Хрисипп предпочитал не делать кровопускания больным, которые перед этим долго не принимали пищи из-за лихорадки, чтобы они не потеряли сознания. Последователи же Эрасистрата говорят все что угодно, только не это. Так стоит ли мне слушать вздорные речи его нынешних последователей, когда передо мной находятся подлинные слова самого Эрасистра-

та? Я считаю, что не стоит. Так послушаем же его голос! «Но гораздо лучше, – говорит он, – рекомендации Хрисиппа, который имеет в виду не только наличное состояние пациента, но и опасности, подстерегающие в дальнейшем. С кровохарканьем, или кровавой рвотой, связана опасность лихорадки, которая создает трудности в приеме пищи. А человек, который пережил вскрытие вен и перед этим долго не принимал пищи, может потерять сознание». Здесь Эрасистрат совершенно ясно говорит о том, что следует учитывать опасность истощения, которая, по его словам, всегда появляется в том случае, если пациент долго воздерживается от приема пищи из-за лихорадки.

8. И опять мне не нужны последователи Эрасистрата со своими пустыми разглагольствованиями о том, почему большим лихорадкой нужно давать пищу, так как у меня есть рассуждения самого Эрасистрата, о которых я уже упоминал ранее. Так, в третьей книге «О лихорадках» он описывает воспаления, возникающие из-за избытка крови, а в первой книге сочинения «О ранах» многократно говорит, что голодание помогает избавить вены от излишка старой крови, чтобы затем они наполнились новой кровью. Итак, что же он пишет? «С этим согласуется и то, что раненым, если у них имеется воспаление, нельзя давать пищу. Ведь вены, опустошенные от питательных веществ, с большей легкостью примут кровь из артерий». Итак, согласно Эрасистрату, голодание может излечить воспаление постольку, поскольку явля-

ется средством опустошения вен. Ведь он говорит, что голодание при воспалении стало обычной практикой не по какой-то иной причине, а из-за того, что опустошенные вены с большей легкостью примут кровь из артерий. Но зачем же, скажите, ради богов, заставлять больного долго страдать, когда вены можно опустошить быстро и легко – посредством вскрытия? Поэтому я не понимаю, как Эрасистрат, не войдя в противоречие с самим собой, может утверждать следующее: «Я не вскрываю вен для того, чтобы у больного хватило сил на голодание, которое прописывается при воспалении». А зачем ты заставляешь больного, страдающего воспалением, голодать? Для того, чтобы опустошить вены от крови? Тогда почему бы тебе не вскрыть больному вены с самого начала? Эрасистрат запутался настолько, что мне его жалко. Он вступает в противоречие не только с явлениями, наблюдаемыми в медицинской практике, но и со своими собственными словами. Кроме того, он, оказывается, не знает, для какой цели применяется голодание, хотя об этом подробно и ясно писал еще Проксагор, не говоря уже о Гиппократе и Диокле. И уже Праксагор не был столь наивен, чтобы полагать, что голодание используется для опустошения вен и что это и есть единственное его применение. Ради Зевса, объясните, почему, если необходимо избавиться от лишней крови, надо прибегать к самому слабому из средств, ведущих к этому, отвергая средства, которые могли бы быстро привести к желаемой им цели? Но даже если допустить, что при

ранах воспаление надо лечить так же, как и при полнокровии, что мы будем делать с избытком крови, еще остающимся в венах и растягивающим их? А что мы будем делать, если этот излишек крови попадет в артерии? Мне всегда казалось, что нет ничего естественнее, чем вывести избыток вещества из вен с помощью их вскрытия. Неужели даже в том случае, когда избыток крови поднимется к груди и возникнет опасность разрыва какого-либо сосуда, он будет не вскрывать вены, а перевязывать конечности шерстяными повязками? Оказывается, для Эрасистрата достаточно ограничиться только перевязками! О боги! Если уж ты собираешься использовать средство, отводящее лишнюю жидкость, неужели ты не понимаешь, что вскрытием вен это достигается гораздо лучше, чем сложными перевязками? В самом деле, мне удавалось посредством вскрытия вен избавить многих больных даже от непрерывных кровотечений. Но Эрасистрату, я думаю, такие вещи не были известны. Ведь для того, чтобы понимать, какую вену следует вскрывать при каком виде кровотечений, необходимы глубокие специальные познания. Итак, поскольку именно это средство в наибольшей степени достигает того, что тебе нужно, то есть опустошения и оттягивания жидкости, зачем тебе еще терять время и мучить больного, когда можно одним действием избежать и разрыва сосудов, и следующего за ним воспаления, и голодания, которое назначается, чтобы излечить это воспаление? Ведь, если разрыв сосудов обусловлен их переполнением, устранив

причину, можно предотвратить и последствия, а предотвратив разрыв, предотвратишь и воспаление, и в таком случае в голодании не будет нужды. Но ты, как мне кажется, так любишь назначать голодание, что целенаправленно вызываешь состояния, требующие таких назначений. Что страшного в методе лечения, который удаляет причиняющее страдание вещество, не вызывая при этом никаких осложнений?

Но мне кажется, что я зря утруждаю себя, когда можно напомнить тебе твои собственные слова. Не сам ли ты говорил об этом в первой книге сочинения «О здоровье», в том месте, где, сначала описав причины избытка крови в сосудах, затем говоришь о лечении этого состояния, заявляя, что цель всех этих способов – опустошение сосудов? Там ты писал, что одним больным помогают одни средства, а другим – другие. Для устранения «переполнения», как ты решил называть избыток веществ в венах, ты рекомендуешь физические упражнения, многочисленные омовения и облегченное питание. Однако не всем, по твоим словам, подходят одни и те же опустошающие средства, там как не все привычны к одним и тем же средствам, но одним привычнее омовения, другим – упражнения, третьим – вызывание рвоты после принятия пищи, так же как не все подвержены одним и тем же болезням, но одни – эпилепсии, другие – кровохарканию, а третьи – заболеваниям печени и селезенки. Так вот, ты говоришь, и говоришь правильно, что эпилептика не следует лечить от излишнего полнокровия с помощью водных проце-

дур и омовений, а того, у кого есть опасность разрыва внутренних сосудов, – с помощью гимнастических упражнений. Ведь напряжение, вызываемое гимнастическими упражнениями, создает опасность разрыва сосудов под грудной клеткой просто при их слабости, безо всякого переполнения. Но с тем, что лишнюю жидкость надо выводить, соглашаешься и ты. У нас есть следующие опустошающие средства: упражнения, омовения, облегченное питание. Но занятия гимнастикой ты и сам не рекомендуешь. О том, стоит ли рекомендовать пациентам в таком состоянии пользоваться банями, ты не говоришь ничего. Я скажу о том, что подтверждено наблюдениями и опытом, и если позволено будет гадать о твоём мнении, то и ты, полагаю, придерживался тех же взглядов. Ведь и ты сам в сочинении «О кровотоке» рекомендуешь использовать для оттягивания избыточной жидкости перетяжки конечностей и голодание и при этом не рекомендуешь пользоваться водными процедурами для опустошения сосудов. Думается мне, ты избегаешь применять водные процедуры, если сосуд уже разорван, раз ты говоришь, что даже при возможности разрыва применять эти процедуры не следует. Даже если ты и не знал об этом, мне было бы достаточно результатов наблюдений. Ведь при любом кровотечении бани очень опасны, и причина этого очевидна: при нагревании кровь превращается в пар и газ, при этом приходя в движение и увеличиваясь в объеме. Кроме того, при горячих водных процедурах ткани становятся мягкими и слабыми.

Как же им при этом не пострадать, если, с одной стороны, они стали более мягкими, а с другой – то, что может их разорвать, увеличилось в объеме и стало подвижнее? Именно по этой причине мы не используем горячие бани в качестве опустошающего средства для больных, у которых есть опасность разрыва вен из-за избытка крови. Теперь обратимся к оставшемуся третьему способу опустошения вен – к облегченной диете. Давайте выясним, что это такое, на примере трех видов этой диеты, указанных Эрасистратом. Первое – это скудная и нежирная пища. Второе – отсутствие всякой пищи вообще. Третье – вызывание рвоты после еды. Ну, посмотрим теперь, как мы будем пользоваться такой облегченной диетой? Может, порекомендуем больному вызывать рвоту после еды? Но мы уже отказались от гимнастических упражнений из-за вызываемого ими напряжения; как же мы порекомендуем вызывание рвоты, которое сопровождается не меньшим напряжением? Ведь это очевидно даже для несведущего в медицине человека. Следовательно, нам остается или предписать полное голодание, или все же давать больному немного нежирной пищи. В последнем случае, даже если пища питает немного, она все же дает питательные вещества. А нам нужно не прибавлять, а убавлять количество вещества в сосудах. Итак, нам осталось прибегнуть, как к последнему якорю спасения, к средству скверному и мучительному – морить больного голодом. И после этого мы еще высмеиваем Аполлония и Дексиппа за то, что они морили голодом боль-

ных... Но я хотел бы напомнить тебе, что ты учил именно этому. Ведь ты и сам, как мне кажется, понимаешь, что голодание – не средство выведения лишнего вещества. Сначала я докажу свое положение, а затем приведу твои собственные свидетельства. Отсутствие пищи не принадлежит к разряду вещей сущих, так же как слепота или глухота: все это есть отсутствие чего-либо. Питание принадлежит к разряду вещей сущих, и назначение этой вещи – поступление в организм питательных веществ. Отсутствие же питания и само не является чем-то сущим, и назначение его ты не сможешь определить, как определяешь назначение потения, вскрытия вен и клизмы, то есть опорожнение, или назначение пищи, то есть питание. Так вот, голодание есть середина между тем и другим, то есть между опорожнением и питанием. Само по себе оно не питает и не опорожняет. Тогда почему, задает вопрос Эрасистрат, многие умирают от недостатка пищи? По нашему мнению, они умирают не от отсутствия пищи, иначе звери, которые зимуют в норах, не могли бы обходиться без пищи. Однако они обходятся без пищи, и Эрасистрат сам объясняет каким образом. Он говорит следующее: всякое живое существо способно дышать через поверхность тела, одно в большей степени, другое в меньшей, в зависимости от того, насколько пориста у них эта поверхность.

Существуют различные причины, увеличивающие или уменьшающие эту пористость, и не в последнюю очередь это состояние тела – теплота, холод, покой или движение.

Когда окружающий воздух горяч, выделение через поверхность тела происходит наиболее интенсивно. При холодном воздухе и неподвижности животного поверхность его тела уплотняется и испарений через нее не происходит или они наблюдаются в малой степени. По этой причине зимующие и живущие в норах животные не нуждаются в пище. Их тело, находящееся в покое, становится холодным и вялым, а внешняя поверхность тела затвердевает от холода, поэтому в течение всей зимовки через поверхность ничего не выделяется. Так как не происходит никакого выделения, ничто и не нуждается в восполнении. Ведь это и есть функция питания, а животные нуждаются в питании, чтобы восполнить опорожнение. Итак, очевидно, что причина этой потребности – выделение с поверхности тела и необходимость восполнить выделенное пищей. Когда же устранена причина, по которой животное нуждалось в пище, то и сама потребность пропадает. Поэтому животные не нуждаются в пище во время зимней спячки, как не нуждаются в это время и в поступлении питательных веществ. Таким образом, совершенно очевидно, что не голодание является причиной опустошения, а пористость поверхности тела. Если же ты уплотнишь ее посредством холода и покоя, то какая польза будет от голодания? И, разумеется, если у пациента есть риск кровохарканья, надо остерегаться и физических упражнений, и любого перегрева тела. Ведь напряжение часто приводит к разрыву вен, то же относится к нагреванию и омовению. Итак, не на-

гревая тела, ты не выведешь из него лишнего вещества, а нагревая, упражнениями или омовениями, нанесешь большой вред, вызвав риск разрыва вен. Что же нам остается посоветовать таким больным, ведь голодание не может быть средством опорожнения без физических упражнений или разогрева тела в бане? Я думаю, следует, наконец, прибегнуть к вскрытию вен как к сильному средству очищения. Воистину, удивительно обилие способов опорожнения, которые можно применить вместо голодания. Использование одного этого метода мало помогает в нашем случае, ведь он не ведет к опорожнению. Если же использовать его в сочетании с другими методами, которые по природе своей приводят к опорожнению, то причиняемый таким лечением вред превысит пользу, приносимую опорожнением.

Комментарий

Трактат «О вскрытии вен, против Эрасистрата» небольшой, но крайне важный для Галена. Есть еще одно произведение, схожее по названию и смыслу, – «О вскрытии вен, против последователей Эрасистрата, живущих в Риме»¹²⁶. Оба этих текста являются ценными источниками, так как в них, во-первых, представлен подробный рассказ об одной из важнейших составляющих клинической практики Галена и, во-вторых, содержатся сведения о взглядах Эрасистрата.

В начале сочинения «О вскрытии вен, против Эрасистрата» Гален говорит о том, что знаменитый александрийский врач не пользовался венотомией и никогда не описывал этот метод в своих трудах. Это заявление Галена может показаться довольно вызывающим, ведь он сам делает оговорку: Эрасистрат игнорирует венотомию, несмотря на то что «данный способ лечения, наряду с другими серьезными лечебными методами, был в большом почете у его предшественников» (1, 147 К).

Гален утверждает: «Почти ни в одном из его сочинений нельзя найти даже термин “вскрытие вен”. Лишь один раз он упоминает о нем вскользь, в труде “О кровотечении”» (1, 148

---

¹²⁶ Перевод этого трактата на русский язык опубликован в первом томе сочинений Галена (см.: *Гален. Сочинения. Т. I /* Общ. ред., сост., вступ. ст. и комм. Д.А. Балалыкина. М.: Весть, 2014. С. 426–462).

К). Обратим внимание, что Гален называет сочинение Эрасистрата, в котором тот все-таки говорит о венотомии. Далее великий римский врач поясняет, что к венотомии Эрасистрат относится негативно: он рекомендует врачам, желающим воспользоваться этим методом, отказаться от своих намерений и наложить давящие повязки, например, в области подмышек и в паху. Гален приводит слова Эрасистрата: «Ведь в перетянутых частях тела задерживается значительное количество крови, подтверждение чему можно наблюдать при растяжении и вскрытии вен: ведь кровь течет значительно обильнее, если часть тела, на которой производится вскрытие вены, перевязана. Если же пациент страдает кровохарканьем или кровавой рвотой, большое количество крови можно задержать в голених и предплечьях посредством перевязки. В результате, когда кровь оттекает из области груди, кровотечение становится значительно слабее» (1, 148 К).

Гален приводит слова Эрасистрата и указывает источник – его сочинение «О кровотечении». Сознательное искажение Галеном идей Эрасистрата в этом случае маловероятно – он рисковал бы быть обвиненным во лжи. В этом отрывке упоминается Хрисипп Книдский, который не считает венотомию методом выбора, так как пациент может быть истощен, а вскрытие вен лишь усугубит его состояние.

Далее Гален указывает на мнения своих знаменитых предшественников – Гиппократов и его последователей Диокла и Эврифонтов, которые не только применяли венотомию, но и

исцеляли с ее помощью очень тяжелых больных. Здесь Гален обходится без цитат и подробного описания теории, однако в том, что Гиппократ не отрицал значения венотомии, нетрудно убедиться на основе даже тех источников, которые дошли до историков, живущих в XXI в.

Гален настаивает: «На деле Эрасистрат настолько далек от признания пользы вскрытия вен, что он ничего не говорит о том, надо им пользоваться или все же не стоит, да и вообще не решается изложить свое мнение о нем, если не считать, как я уже говорил, единственного упоминания при описании лечения одной болезни. Однако его молчание выдает его главную мысль: он не обошел бы молчанием метод, который одобряет» (1, 150 К). И это несмотря на то, что его знаменитые предшественники и современники высоко оценивали и широко использовали венотомию. Это утверждение могло бы показаться сомнительным, если бы Эрасистрат был единственным критиком рассечения вен. Однако Гален указывает, что существовала целая группа известных врачей, современников Эрасистрата, которые придерживались такого же мнения: он упоминает Хрисиппа Книдского, Апоймата и Стратона.

Аргументы этих врачей касались двух моментов: технической сложности вмешательства и возможности причинить вред здоровью пациента, существенно превышающий пользу от самой венотомии. Гален формулирует темы для дискуссии следующим образом: «Ведь чем, спрашивают они, чрез-

мерное кровоупускание отличается от разбойного нападения с ножом на незащитного человека? Другие же утверждают, что при этой процедуре пневма попадает из артерий в вены, так как она заполняет опустошаемые от крови вены. По мнению третьих, когда воспаление поражает артерии, из вен выходит слишком много крови» (2, 152 К).

Гален подчеркивает, что у сторонников венотомии для применения данного метода имеется теоретическое обоснование, однако считает: их «аргументы звучали бы убедительнее, если бы они утверждали то, что говорят некоторые другие врачи, исходящие из природы жидкостей» (2, 152 К).

Гален переходит непосредственно к изложению мыслей Эрасистрата – цитирует значительный по объему отрывок из одного из его произведений, название которого Гален не указывает. Однако можно предположить, что это трактат «О кровотоке». Благодаря Галену современные читатели имеют возможность составить представление о взглядах Эрасистрата на основе фрагментов из его работ, ни одна из которых не сохранилась. Ввиду важности этого отрывка воспроизведу его полностью: «Эрасистрат полагает: “Сосудом для пневмы служит артерия, а для крови – вена, кроме того, самые большие сосуды всегда разделяются на более мелкие. При этом мелких сосудов бывает значительно больше, чем крупных. Сосуды, разделяясь, пронизывают все тело так, что не остается места, где бы не было окончания сосуда. Концы сосудов настолько узки, что не позволяют вылиться содер-

жащейся в них крови. Из-за этого, хотя устья вен и артерий смыкаются, кровь остается в венах и не проникает в сосуды с пневмой. Так бывает, если живое существо находится в своем естественном состоянии. Если же какая-либо причина заставляет кровь перетекать из вен в артерии, то это ведет к болезни. Существуют и другие причины, в том числе и полнота крови в сосудах, из-за которых оболочка вены растягивается, закрытые ранее концы вен открываются, и кровь перетекает в артерии, где она сталкивается с пневмой. Если столкнувшись с пневмой, движимой сердцем, она заставит ее изменить направление движения и окажется возле начала своего движения, то возникнет лихорадка. А если она, отталкиваемая пневмой, скопится в концах артерий, возникнет воспаление. Итак, в большинстве случаев воспаление возникает по этой причине”. Причиной воспаления при ранах он также считает попадание крови из вен в артерии, но в этом случае объясняет его стремлением природы заполнить пустоту. “При ранении, – говорит он, – пневма выходит из разорванных артерий, и возникает опасность их опустошения. Так как устья вен и артерий сливаются, пустое пространство заполняет кровь. Следовательно, если из артерий уходит пневма, туда перетекает кровь. Итак, когда пневма открывает проход крови, она изливается, а когда проход вновь закрывается, кровь под давлением пневмы, которую посылает сердце, скапливается в месте раны, отчего и возникает воспаление”» (3, 153–154 К).

Гален продолжает: «Что ж, предположим, что Эрасистрат правильно определил причины возникновения жара и воспалений, хотя в других сочинениях мы показали, что он заблуждается» (3, 155 К).

Цитируемый Галеном отрывок начинается с утверждения, согласно которому Эрасистрат полагал, что в артериях циркулирует пневма, а в венах – кровь. Известно, что Гален, вслед за Герофилом, считал, что артерии содержат кровь и один из видов пневмы – жизненный дух, образование которого великий римский врач связывал с деятельностью средней части души, локализуемой в сердце. Здесь констатируется еще одно очень важное расхождение во взглядах между Герофилом и Эрасистратом, ставящее под сомнение широко распространенное мнение о том, что Эрасистрат (как и Герофил) имел значительный опыт проведения вивисекций: при выполнении этой манипуляции очевидно артериальное кровотечение (оно не может не наблюдаться при пересечении магистральных сосудов).

В чем же тогда Гален может быть согласен с Эрасистратом? Главное здесь – тезис о том, что при кровотечении возникает воспаление. Эрасистрат видит причину в перетекании крови в артерии вследствие повреждений обоих видов сосудов (не следует забывать, что для Эрасистрата в норме есть только один вид крови – венозная). Переток крови в вены – явление патологическое, обуславливающее дополнительный проблемный фактор в виде давления пневмы (в нор-

ме содержащейся в артериях) на кровь (попавшую в артерии из венозного русла вследствие повреждения). Следствием этого является возникновение местной плеторы, локальное переполнение части тела кровью, ее застой и воспаление. Гален, понимая, что кровь содержится и в артериях, и в венах, принимает тезис Эрасистрата о локальном переполнении, застое и воспалении – несмотря на разницу теоретических взглядов, практические, местные последствия они видят одинаково.

Однако есть еще одна причина, приводящая к развитию воспаления: «Эрасистрат считает, что воспаления могут возникать не только из-за ран, но и по причине избытка пищи» (3, 155 К). Для иллюстрации этого суждения Гален приводит еще одну цитату из Эрасистрата, добросовестно ссылаясь на ее источник – третью книгу трактата «О лихорадках»: «При начале болезней и возникновении воспалений необходимо прекратить давать больному пищу, поскольку воспаление происходит из-за избытка питательных веществ. Если в такой момент больной дополнительно получит пищу, она в результате процесса пищеварения окажет соответствующее воздействие на тело, так что сосуды наполнятся пищей, и воспаление станет еще более сильным» (3, 155 К).

Именно при знакомстве с этим отрывком из трактата «О вскрытии вен, против Эрасистрата» становится понятна логика Эрасистрата. Даже если причиной кровотечения является повреждение, пища остается источником образования

все новых объемов крови. Здесь Эрасистрат не противоречит большинству популярных тогда натурфилософских теорий, ведь еще Платон считал печень гемопозитическим органом, преобразующим употребляемые в пищу вещества в кровь. Раз это так, то, по мнению Эрасистрата, питание больного следует ограничить.

Гален справедливо указывает на то, что Эрасистрат и его последователи попадают в ими же созданную логическую ловушку: пациента с воспалением кормить не надо, но организм его ослабевает, а риск венотомии – в моментальной реакции ослабленного организма (вплоть до летального исхода). Именно поэтому они приходят к заключению, что при воспалении не следует делать венотомию, а показаны голодание и повязки: «Итак, сам Эрасистрат согласен с тем, что следует избавиться от переполнения вен, так как иначе они, будучи заполненными, не смогут принять в себя кровь обратно, вопрос лишь в том, как следует опустошать вены. Мне, со своей стороны, кажется, что, раз уж мы согласились, что надо опустошать вены, самый простой и естественный способ сделать это – вскрытие вен. Ведь этот способ самый быстрый, а кроме того, при нем удаляется лишь то, что вызывает воспаление, тогда как голодание занимает много времени и приводит к истощению всего организма, чего в данном случае не требуется» (3–4, 156 К).

Далее Гален высказывает в адрес Эрасистрата много критических замечаний оценочного характера. Они эмоцио-

нальны, но практически не содержат фактов. Заслуживает внимания положение общетеоретического характера, высказываемое Галеном со ссылкой на Гиппократ: «Но если даже ты [*Эрасистрат*. – Д.Б.] не наблюдал больных сам, то мог бы узнать, прочтя Гиппократ, как происходит разрешение болезни, когда природа действует полно и безупречно, или, как он сам говорит, совершенно, как наилучшим образом подражать ей, когда она сама не ведет болезнь к разрешению, и как помочь ей, когда она ведет болезнь к разрешению, однако ее усилий недостаточно» (4, 159–160 К). Затем Гален приводит несколько примеров того, как Гиппократ применял этот принцип на практике.

Сильной стороной сочинений Галена, посвященных клиническим проблемам, всегда является концентрация автора на вопросах практики. Он всегда приводит конкретные примеры и очень аккуратен в деталях – любой врач, читавший его произведения, мог использовать их в качестве практического пособия.

Описание случаев применения венотомии в данном сочинении – яркая иллюстрация такого подхода. Ранее я уже обращал внимание читателя на снисходительный и излишне высокомерный тон, который часто встречается в отечественной историографии по отношению к кровопусканию. Однако отмечу, что Гален советовал вскрывать не вену вообще, а производить вмешательство на конкретном сосуде, с учетом топографии венозного русла в целом и расположения кон-

кретной вены по отношению к очагу воспаления. Гален подчеркивает, что этот принцип был сформулирован еще Гиппократом: «Однако при боли в ключице и при чувстве тяжести в плече, около соска или над грудобрюшной преградой следует рассечь внутреннюю вену в изгибе локтя и не страшиться вызвать сильное кровотечение, даже если кровь через некоторое время станет более красной или вместо чистой и красной – темной, ибо и то и другое случается. Если же боль наблюдается под диафрагмой, а не в ключице, должно размягчить желудок черной чемерицей или пеплионом». В свою очередь, описывая определенное сочетание почечных симптомов, он [*Гиппократ. – Д.Б.*] вначале говорит: «Боль отягощает и почку... Наблюдается оцепенение бедра со стороны пораженной почки». Затем добавляет рекомендацию «пускать кровь под коленкой», то есть рассечь вену под коленкой» (5, 160–161 К).

Гален упоминает о положительном отношении к веномотомии знаменитых врачей прошлого: «Я хорошо знаю, что такие врачи, как Диокл, Плейстоник, Диевхес, Мнесифей, Праксагор, Филотим, Герофил и Асклепиад, прибегали к вскрытию вен». Очень интересно следующее замечание Галена: «Да, это касается даже Асклепиада, который был таким любителем поспорить, что стремился ниспровергнуть все прежние медицинские учения и не щадил никого из своих предшественников, в том числе и Гиппократа. В своих обличениях он дошел до того, что называл врачебное искус-

ство древних подготовкой к смерти. Но даже он не дошел до такого бесстыдства, чтобы отважиться совершенно исключить вскрытие вен из врачебной практики» (5, 163 К).

Иными словами, отец-основатель школы врачей-методистов не отвергал метод венотомии. Более того, Гален подчеркивает благосклонное отношение к данному методу наиболее видных врачей-пневматиков – Афиня, Агатина и Архигена, а также то, что среди врачей-эмпириков не было системной оппозиции клиническому использованию венотомии. Это объясняет весь ход дискуссии – не все методисты, современники Галена, отрицательно относились к рассечению вен. Повидимому, среди этих врачей существовало определенное направление, представители которого в определенных вопросах руководствовались именно идеями Эрасистрата. Это объясняет тот факт, что критика Галена адресована не всем врачам-методистам, а тем из них, которые называли себя последователями Эрасистрата.

Кровопускание для Галена – это избавление от излишней крови, подобное менструации: «У тех женщин, у которых своевременно происходят месячные, не бывает ни апоплексического удара, ни апноэ, ни потери голоса» (5, 165 К). Женщина находится в более выгодном положении, ведь «ни одна женщина не страдает ни артритом, ни плевритом, ни подагрой, ни пневмонией, если у нее надлежащим образом происходят месячные очищения». Более того: «А видел ли ты когда-нибудь женщину, у которой ежемесячные выделе-

ния происходят надлежащим образом, в состоянии черной меланхолии, или в припадке безумия, или харкающую кровью, или с кровавой рвотой из желудка, или страдающую головными болями либо приступами удушья, да и вообще страдающую той или иной тяжелой болезнью? Однако если у женщины происходит задержка месячных, ее немедленно поражают всяческие недуги» (5, 165–166 К).

Гален видит проблему в патогенетическом ключе: нарушение баланса жидкостей приводит к переполнению. Устранив его, врач избавляет больного от большого числа рисков: «Но оставим женщин и обратимся к мужчинам. Узнай же, что те из них, которые из-за кровотечений регулярно избавляются от лишней крови, не болеют, а те, у кого таких опорожнений не происходит, заболевают тяжелейшими недугами. Неужели ты и таким мужчинам не будешь делать кровопусканий, даже если они заболеют воспалением легких? Или ты будешь стоять и наблюдать, как эти люди умирают, только для того, чтобы не отказываться от своих ложных убеждений? Скорее всего, ты так и поступишь! Я же много раз вылечивал с помощью кровопускания не только это заболевание, но и судороги, и даже водянку» (5, 166 К).

Кровопускания и менструации, характеризуемые Галеном как способы естественного избавления от излишка крови, трактуются великим римским врачом в свете принципа Гиппократата «лечить противоположное противоположным»: «Кто же не знает, что противоположное лечится противополо-

ложным? Ведь это не только мысль Гиппократов – так думают все люди. Но мне кажется, что тебя¹²⁷ тщеславное стремление полемизировать с Гиппократом сделало безумнее всех прочих живых существ. Ведь все они, руководствуясь природой, каждый день лечат голод пищей, переполнение – опустошением, переохлаждение – теплом, а жар – охлаждением. Чем же иным является пища, если не возмещением какого-либо недостатка в организме? Что есть выделение экскрементов, как не удаление излишка вещества из прямой кишки? Что есть мочеиспускание, как не естественное лечение переполнения мочевого пузыря?» (6, 167 К).

Гален подчеркивает преемственность своих взглядов на венотомию и взглядов Гиппократов, который обозначил закономерный принцип произведения венотомии: вскрывается крупная вена, ближайшая к воспаленному органу. «Ближайшая» в данном случае означает не только анатомическую, но и функциональную близость: вскрытие конкретной вены должно обеспечить необходимый объем оттока жидкости из воспаленной ткани. Вместе с тем надо понимать, что свои идеи относительно венотомии Гиппократ формулировал в значительной степени эмпирически, исходя из уровня анатомических знаний своей эпохи.

Например, во время написания «Корпуса Гиппократов» врачи еще не вполне разделяли венозную и артериальную части кровеносной системы. «φλέβες» в текстах «Корпуса» –

---

¹²⁷ Имеется в виду Эрасистрат.

это кровеносные сосуды «вообще», четкое разделение их на вены («φλέβες») и артерии («ἀρτηρία») было предложено Праксагором, а определенная разница в анатомическом строении тех и других описана еще позже. Гален основывается на идеях Гиппократов, однако он самостоятельно формулирует практические аспекты применения венотомии, имея более глубокие познания в анатомии и общей патологии: «Так вот, утверждение о том, что если опасность для здоровья вызвана избытком крови, то следует удалить излишнюю кровь, – это, как я сказал, слишком просто и очевидно для высокого гиппократовского искусства медицины. А хотелось бы мне поговорить о том, каким образом следует производить вскрытие вен, в какое время и до какой степени удалять лишнюю кровь. Необходимо знать, когда надо вскрывать вену на лбу, когда – вены в углах глаз или под языком, а когда – так называемую плечевую вену. Также надо знать, как вскрывать вены под мышками, под коленями или возле лодыжки. Всему этому учит нас Гиппократ, и именно это я считаю подлинной врачебной наукой» (6, 168–169 К).

Здесь мне кажется уместным вновь обратить внимание на стиль Галена: он порой бывал весьма эмоционален. Так, в рассуждениях о преемственности своих идей идеям Гиппократов, Гален периодически позволяет себе резкие выпады в адрес Эрасистрата: «И лишь Эрасистрат в своем тщеславном стремлении соперничать с Гиппократом отрицает очевидные для всех вещи и оттого оказывается более неразум-

ным, чем журавли» (6, 168 К).

Создается впечатление, что по ходу изложения эмоциональное напряжение автора все больше и больше возрастает: «Если бы ты, о Эрасистрат, оказался в состоянии немного открыть уши, а скорее – душу, и воспринять слово истины, забыв на время неприязнь к Гиппократу, я бы сказал, что ты достоин его искусства» (6, 169 К).

Подобные фрагменты из текстов Галена интересны читателю, но не содержат ценных сведений для историка. Однако надо быть осторожным и внимательно читать Галена. Например, в рассматриваемом сочинении есть несколько отрывков, в которых автор довольно эмоционально критикует Эрасистрата и своих современников, его последователей. Великий римский врач ругает своих оппонентов не только за отказ от проведения вено-томии, но и за неверные подходы к применению очищающих и мочегонных средств и т. д. Вдруг Гален задает вопрос: «Разве сам Эрасистрат не пользовался очищающими средствами и не давал вино, разбавленное холодной водой, больным холерой, а также некоторым другим больным?» И продолжает: «При этом данное средство, по словам Эрасистрата, следует давать больному не в любой момент, а именно в критическом состоянии» (7, 171 К).

Это вновь указывает на значение произведений Галена как источника: свидетельства автора очень добросовестны, когда речь идет о конкретных примерах из клинической практики. Теперь, благодаря переводу «О вскрытии вен,

против Эрасистрата», мы знаем, что Эрасистрат уделял внимание состоянию пациента в терминальной стадии холеры. Современная наука об инфекционных болезнях указывает на значение обезвоживания и интоксикации при летальном исходе заболевания. Что же делал Эрасистрат? Пытался восполнить дефицит жидкости и боролся с токсемией! Добавляя в воду вино, он также стремился к общеукрепляющему и обеззараживающему эффекту. Этот подход следует признать вполне логичным, не преувеличивая, впрочем, его результативность. Но ничего более радикального медицина не могла предложить вплоть до второй трети XX в., т. е. до появления сульфаниламидов и, позднее, антибиотиков!

Вообще борьба с интоксикацией является предметом пристального внимания Галена как врача: «При этом, если ты прописываешь слабительное средство, или лекарство, вызывающее рвоту, или мочегонное средство, с помощью которых можно избавиться от головных болей, а также очистить грудь, от тебя зависит только, дать средство или не дать, а дальше уж судьба решает, и велика опасность, что, например, слабительное либо вовсе не вызовет опорожнение желудка, либо скопившееся в желудке будет выводиться с трудом, либо выведение будет сопровождаться болями, коликами, бурлением в животе, чувством холода, удушьем, обмороком, сильными телесными судорогами, а кала при этом выйдет либо совсем немного, либо слишком много. Подобное случается сплошь и рядом и представляет собой серьезную

проблему» (7, 173 К).

Суть разногласий между Эрасистратом и его последователями, с одной стороны, и Галеном – с другой, раскрывается в следующем отрывке: «Так послушаем же его [*Эрасистрата. – Д.Б.*] голос! “<...> С кровохарканьем, или кровавой рвотой, связана опасность лихорадки, которая создает трудности в приеме пищи. А человек, который пережил вскрытие вен и перед этим долго не принимал пищи, может потерять сознание”. Здесь Эрасистрат совершенно ясно говорит о том, что следует учитывать опасность истощения, которая, по его словам, всегда появляется в том случае, если пациент долго воздерживается от приема пищи из-за лихорадки. И опять мне не нужны последователи Эрасистрата со своими пустыми разглагольствованиями о том, почему больным лихорадкой нужно давать пищу, так как у меня есть рассуждения самого Эрасистрата, о которых я уже упоминал ранее. Так, в третьей книге “О лихорадках” он описывает воспаления, возникающие из-за избытка крови, а в первой книге сочинения “О ранах” многократно говорит, что голодание помогает избавить вены от излишка старой крови, чтобы затем они наполнились новой кровью. Итак, что же он пишет? “С этим согласуется и то, что раненым, если у них имеется воспаление, нельзя давать пищу. Ведь вены, опустошенные от питательных веществ, с большей легкостью примут кровь из артерий”. Итак, согласно Эрасистрату, голодание может излечить воспаление постольку, поскольку является средством

опустошения вен. Ведь он говорит, что голодание при воспалении стало обычной практикой не по какой-то иной причине, а из-за того, что опустошенные вены с большей легкостью примут кровь из артерий. Но зачем же, скажите, ради богов, заставляя больного долго страдать, когда вены можно опустошить быстро и легко – посредством вскрытия?» (7–8, 176–177 К).

Эрасистрат прекрасно понимает, что необходимо очищать организм, Гален с ним согласен. Однако Гален, исповедуя гиппократовский принцип индивидуального подхода к лечению пациентов, очень хорошо чувствует опасность схематизации. Порой при стремительном ухудшении состояния пациента надо действовать решительно и быстро: «Ради Зевса, объясните, почему, если необходимо избавиться от лишней крови, надо прибегать к самому слабому из средств, ведущих к этому, отвергая средства, которые могли бы быстро привести к желаемой им цели?» (8, 178 К).

Если это верно относительно первого принципа Эрасистрата – лечения длительным голоданием, то будет также правильно по отношению ко второму – применению давящих повязок при воспалительных процессах: «Неужели даже в том случае, когда избыток крови поднимется к груди и возникнет опасность разрыва какого-либо сосуда, он будет не вскрывать вены, а перевязывать конечности шерстяными повязками? Оказывается, для Эрасистрата достаточно ограничиться только перевязками! О боги! Если уж ты собира-

ешься использовать средство, отводящее лишнюю жидкость, неужели ты не понимаешь, что вскрытием вен это достигается гораздо лучше, чем сложными перевязками? В самом деле, мне удавалось посредством вскрытия вен избавить многих больных даже от непрерывных кровотечений. Но Эрасистрату, я думаю, такие вещи не были известны» (8, 178 К).

И Эрасистрат, и Гален понимают, что необходимо избавить пациента от избытка крови¹²⁸. Разница в том, что Эрасистрат рекомендует методы консервативные, а Гален выступает за активную хирургическую тактику по индивидуальным показаниям: «Но мне кажется, что я зря утруждаю себя, когда можно напомнить тебе твои собственные слова. Не сам ли ты говорил об этом в первой книге сочинения “О здоровье”, в том месте, где, сначала описав причины избытка крови в сосудах, затем говоришь о лечении этого состояния, заявляя, что цель всех этих способов – опустошение сосудов? Там ты писал, что одним больным помогают одни средства, а другим – другие. Для устранения “переполнения”, как ты решил называть избыток веществ в венах, ты рекомендуешь физические упражнения, многочисленные омовения и облегченное питание» (8, 179–180 К).

Гален не устает напоминать о том, что все пациенты разные, и поэтому одна и та же определенная болезнь может проявляться по-разному у разных больных. В связи с этим

---

¹²⁸ Здесь уместно вспомнить еще термин, широко применявшийся врачами XVIII–XIX вв., – «излишек дурной крови».

арсенал терапевтических вмешательств должен быть достаточно широк и применяться индивидуально: «Так вот, ты говоришь, и говоришь правильно, что эпилептика не следует лечить от излишнего полнокровия с помощью водных процедур и омовений, а того, у кого есть опасность разрыва внутренних сосудов, – с помощью гимнастических упражнений. Ведь напряжение, вызываемое гимнастическими упражнениями, создает опасность разрыва сосудов под грудной клеткой просто при их слабости, безо всякого переполнения» (8, 180 К).

Третий, после полного голодания и давящих повязок, способ «опустошения вен», по Эрасистрату, – так называемая тонкая диета. Гален выделяет этот способ именно как третий, хотя из его рассуждений становится ясно, что аргументы Эрасистрата в пользу этой диеты те же, что и в отношении воздержания от пищи. Видимо, сам Эрасистрат обозначал его как отдельный вид лечения, разделяя «тонкую диету» и голодание, поэтому Гален также излагает свои аргументы последовательно.

Великий римский врач напоминает: «Отсутствие пищи не принадлежит к разряду вещей сущих, так же как слепота или глухота: все это есть отсутствие чего-либо. Питание принадлежит к разряду вещей сущих, и назначение этой вещи – поступление в организм питательных веществ. Отсутствие же питания и само не является чем-то сущим, и назначение его ты не сможешь определить, как определяешь назначение по-

тения, вскрытия вен и клизмы, то есть опорожнение, или назначение пищи, то есть питание. Так вот, голодание есть середина между тем и другим, то есть между опорожением и питанием. Само по себе оно не питает и не опорожняет» (8, 183 К). Если использовать голодание «в сочетании с другими методами, которые по природе своей приводят к опорожнению, то причиняемый таким лечением вред превысит пользу, приносимую опорожением» (8, 186 К).

В своем сочинении «О вскрытии вен, против Эрасистрата» Гален выступает с позиций апологетики патогенетического принципа и идеи индивидуального подхода к лечению пациента. По его мнению, любая болезнь имеет определенный механизм развития, на который и следует воздействовать всеми имеющимися в распоряжении врача методами. Один из них – венотомия, применяемая по строгим показаниям и с учетом анатомии пораженной воспалительным процессом части тела.

ΓΑΛΗΝΟΥ. ΠΕΡΙ ΦΛΕΒΟΤΟΜΙΑΣ ΘΕΡΑΠΕΥΤΙΚΟΝ¹²⁹

1. Τοῖς περὶ φλεβοτομίας σκοπουμένοις ἔν μὲν καὶ πρῶτον ἐστὶ πρόβλημα σκέψασθαι τὰς διαθέσεις τοῦ σώματος, ὅσαι δέονται κενώσεως. εἴθ' ἐξῆς δεύτερον ὅσαι τῆς διὰ φλεβοτομίας, ὡς πολλαὶ εἰσὶ διαθέσεις, ἄλλαι μὲν τινος κενώσεως, οὐ μὴν φλεβοτομίας δεόμεναι. τρίτον ἐπὶ τούτοις σκέμμα διακρίναι τοὺς δυναμένους ἀλύπως ἐνεγκεῖν τὴν κένωσιν. εὐρίσκεται γὰρ ἢ μὲν διάθεσις ἐνίοτε δεομένη φλεβοτομίας, ὁ κάμων δ' οὐ φέρει αὐτὴν ἢτοι δι' ἡλικίαν, ἢ δι' ὥραν τοῦ ἔτους, ἢ διὰ τὴν τῆς χώρας φύσιν, ἢ διὰ κάκωσιν τοῦ στόματος τῆς γαστρὸς, ὁ καταχρώμενοι πολλάκις ὀνομάζουσι στόμαχον, ὥσπερ ἀμέλει καὶ νῦν ἐν ὄλῳ τῷ λόγῳ χρώμεθα τῇ προσηγορίᾳ βραχυλογίας ἔνεκεν. εἰσὶ δὲ οἱ καὶ διὰ τὴν ἕξιν ὄλου τοῦ σώματος οὐ φέρουσι φλεβοτομίαν, εἰ καὶ μάλιστα αὐτῆς τυγχάνοιεν ὅσον ἐπὶ τῷ νοσήματι δεόμενοι. ἦν δὲ δὴ καὶ ταῦτα διορίσῃται τις, ἢ περὶ τοῦ μέρους σκέψις ἡμᾶς διαδέχεται, καθάπερ ἐπὶ παντὸς ἄλλου βοηθήματος. εἴθ' ἐξῆς ἢ περὶ τῶν φλεβῶν ἄς χρή τέμνειν· ἐζητήται γὰρ ἱκανῶς καὶ περὶ τούτων,

---

¹²⁹ Древнегреческий текст приводится по изданию: De curandi ratione per venae sectionem // Claudii Galeni Opera Omnia. Vol. 11 / Ed. C.G. Kühn. Leipzig: Knobloch, 1826. P. 250–316. (Cod: 10,398: Med.)

ἄρα γε διαφέρει μηδὲν ἢν ἂν ἐθελήσῃ τις τέμνειν φλέβα, ἅπασαι γὰρ ὡσαύτως ὠφελοῦσιν ἀπάσας τὰς διαθέσεις, ἢ καθάπερ Ἴπποκράτης καὶ οἱ δοκιμώτατοι τῶν ἰατρῶν ὑπειλήφασιν πάμπολυ διαφέρειν τὸ τήνδε πρὸ τῆσδε σχάσαι. διορισθέντος δὲ καὶ τούτου τοῦ σκέμματος, ἔσται ἐξῆς ὁ περὶ τῶν σκοπῶν λόγος, οἷς ἂν τις προσέχων τὸν νοῦν στοχάσοιτο τοῦ μέτρου τῆς κενώσεως. ἐπὶ δὲ τούτοις ἅπασιν, ἐπὶ τινῶν μὲν ἅπαξ ἀφαιρεῖν ἄμεινον, ἐπὶ τινῶν δὲ τὴν καλουμένην ἐπαφαίρεσιν ποιεῖσθαι προσήκει, καὶ τινὰς μὲν ἄχρι λειποθυμίας κενοῦν, ἐπὶ τινῶν δὲ φυλάττεσθαι ταύτην, ὡς μέγιστον κακόν. ταῦτα μὲν οὖν ἀναγκαῖόν ἐστιν ἐπισκέπτεσθαι τὸν μέλλοντα καλῶς χρῆσθαι τῷ βοηθήματι.

2. Καὶ λέλεκται περὶ πάντων αὐτῶν ἤδη κατὰ τὴν τῆς θεραπευτικῆς μεθόδου πραγματείαν, καθάπερ γε καὶ πρὸς Ἑρασίστρατον ἰδίᾳ περὶ τοῦ κακῶς αὐτὸν ἀποστῆναι τοῦ βοηθήματος. εἶτα αὖθις ἄλλο πρὸς ἐκείνους τῶν Ἑρασιστρατείων ὅσοι φασὶ κεχρηῆσθαι τῷ βοηθήματι τὸν ἄνδρα. διὸ καὶ μισήσειεν ἂν τις ἦτοι τὴν πανουργίαν τῶν μιαρῶν σοφιστῶν, ὅταν γινώσκοντες ὅτι ψεύδονται, ἐπιτεχνάζονται ἐπιθυμία καινοτομίας, ἢ τὴν δοξοσοφίαν, ὅταν ἀγνοοῦντες τὰ χρησιμώτατα, κατασκευάζουσι τῷ λόγῳ τὰναντία. τούτων γάρ τοι τὸ ἕτερον ὁ Κνίδιος Χρῦσιππος ἔπαθεν ἐξελὼν παντάπασιν φλεβοτομίαν τῶν βοηθημάτων τῶν ἰατρικῶν. ἠκολούθησαν δ' αὐτῷ καὶ οἱ μαθηταὶ Μήδιός τε καὶ Ἀριστογένους ἔνδοξοι καὶ αὐτοὶ παρ' Ἑλλησι γινόμενοι. τούτων δ' ἐπὶ μᾶλλον ὁ

Ἐρασίστρατος εἰς δόξαν ἀρθεὶς λαμπροτάτην ἐφύλαξε τὴν Χρυσίππου γνώμην. εἴθ' ἕξις οἱ τούτου μαθηταὶ τό γε κατ' ἀρχὰς ἠκολούθησαν ἅπαντες τῷ τοῦ διδασκάλου δόγματι, χρόνῳ δ' ὕστερον ἀπέστησαν τινὲς αὐτῶν αἰδεσθέντες ἀναίσχυντον αἰδῶ. τί γὰρ ἂν ἄλλο τίς εἶπη πρὸς τοὺς ὑπομείναντας ἀποφήνασθαι προσίεσθαι τὸ τῆς φλεβοτομίας βοήθημα τὸν Ἐρασίστρατον, εἰ καὶ μηδαμόθι φαίνεται τῶν συγγραμμάτων ἐπὶ μηδενὸς πάθους αὐτὸ συμβουλεύων; ἀκόλουθον γὰρ οὖν ἦν φασὶ τῷ τὴν ἀσιτίαν ὡς κενωτικὸν βοήθημα παραλαμβάνοντι καὶ τὴν φλεβοτομίαν πολὺ μᾶλλον ἐκκρίνειν. οἱ δὲ ταῦτα λέγοντες ἅπαντες ἀξιώσουσι φλεβοτομεῖν, ἐφ' ὧν Ἐρασίστρατος ἐκέλευσεν ἀσιτία χρῆσθαι. γεγραφότος οὖν αὐτοῦ κατὰ τὴν τῶν πυρετῶν πραγματείαν, ἐν ταῖς ἀρχαῖς τῶν νόσων ἀσιτίαν, ἀκόλουθόν ἐστιν ἅπαντας φλεβοτομεῖν, ὡς καὶ ὁ τούτων λόγος ἐν ἐκείνῳ τῷ καιρῷ. ἔστι μὲν δὴ καὶ τοῦτο μέγιστον κακὸν, εἰ πεισθεῖεν οὕτω πράττειν οἱ τὴν τέχνην μαθάνοντες νέοι. πολὺ δὲ τούτων χειρόν, εἰ μηδὲ τῶν ἄλλων ὧν διορίσασθαι προσῆκεν, ἐπισκέψονται. ταῦτ' οὖν ἠναγκάσθην αὐτὰ καθ' ἕτερον γράμμα διεξελθεῖν, ἐπιδειξαί τε τοῖς νέοις Ἐρασίστρατον οὔτε φλεβοτομία κεχρημένον, ἄμεινον γὰρ τοῦτο πεισθῆναι τοῦ πάντας ἕξις φλεβοτομεῖν, ὅσους ἐκεῖνος ἀσιτεῖν ἐκέλευσε, μέγιστην τε τὴν ὠφέλειαν ἐκ τοῦ βοηθήματος γίνεσθαι τοῖς κάμνουσιν, ἐάν τις αὐτῷ προσηκόντως ἦ χρώμενος. οὐκ οὖν ἔτι γε δέη κατά γε τὴν ἐμὴν γνώμην ἄλλο τί μοι γραφῆναι περὶ φλεβοτομίας, ἐν μὲν

τῆς θεραπευτικῆς πραγματείας τῆς χρήσεως τοῦ βοηθήματος εἰρημένης, ὡσπερ γε κἀν τοῖς ὑγιεινοῖς. ἐν δὲ τοῖς δύο βιβλίοις, ὧν τὸ μὲν ἕτερον ἐγράφη πρὸς Ἑρασίστρατον αὐτὸν, τὸ δὲ ἕτερον πρὸς τοὺς ἐν Ῥώμῃ Ἑρασιστρατεῖους, ἐπιδεδειχότος μου τὰ κακῶς ὑπ' αὐτοῦ δοξασθέντα, παρακαλεσάντων δὲ πολλάκις πολλῶν μὲν φίλων ἰατρῶν, οἳ δοκοῦσί μοι τὴν θεραπευτικὴν πραγματείαν ὀκνεῖν ἀναγινώσκειν, ἠναγκάσθη ὑστερον ἐπὶ τὴν ἐνεστῶσαν ἀφικέσθαι σοι διέξοδον, ὅπως μὴ δόξαιμι φθονεῖν αὐτοῖς, ἐφεξῆς δὲ ἅπαντα κατὰ τὴν προσήκουσαν τάξιν ὑπὲρ τοῦ βοηθήματος εἰπεῖν. καὶ τοίνυν ἤδη μοι καιρὸς ἄρξασθαι τοῦ λόγου.

3. Τὸ μὲν τῆς διαθέσεως ὄνομα, καθότι καὶ δι' ἄλλων ἡμῖν εἴρηται, παρὰ τὸ διακεῖσθαι γεγονὸς, ὁμοίως ἐκείνῳ κατὰ πολλῶν λέγεται πραγμάτων. ἀλλὰ νῦν γε τὰς εἰς τὸ περὶ φύσιν ἐκτροπὰς ὅποῖαι τινὲς ἂν ᾧσι, διαθέσεις ὀνομάζομεν ἐν ἅπαντι τῷ λόγῳ. ζητήσομεν δὲ πρότερον ὅπόσαι καὶ ὅποῖαι τούτων εἰσὶν αἱ κενώσεως δεόμεναι, δεύτερον δὲ τίνες ἐξ αὐτῶν αἱ φλεβοτομίας. ἐπεὶ δὲ τὰ ζητούμενα πάντα δύο τῆς εὐρέσεως ὄργα-να κέκτηται, λόγον καὶ πείραν ἐν ἀπάσαις ταῖς τέχναις, οὐχ ἥκιστα τε καθ' ὅλον τὸν βίον, ἀναγκαῖον οἶμαι καὶ νῦν ἦτοι διὰ τοῦ λόγου μόνου γενέσθαι τῶν προκειμένων τὴν εὕρεσιν ἢ διὰ πείρας μόνης ἢ δι' ἀμφοτέρων. ἐπεὶ δὲ καὶ ὁ λόγος αὐτὸς ὁ μὲν ἐκ τῶν κοινῶν ἐννοιῶν μόνων ἀρχόμενος εὐρίσκεται καὶ ἀποδείκνυσιν, ὁ δὲ καὶ τοῖς ἐκ τούτων εὕρημένοις

χρῆται πρὸς ἀπόδειξιν, ἑκατέρων τε τῷ λόγῳ ἐδείχθησαν ἡμῖν αἱ τέχναι πᾶσαι χρώμεναι, καὶ ἡμεῖς νῦν ὀπότερος ἂν αὐτῶν εὐρίσκηται χρήσιμος, ἐκείνον προσχειριούμεθα. τῷ μὲν οὖν προτέρῳ τῶν λόγων ἅπαντες ἄνθρωποι χρῶνται καθ' ὅλον τὸν βίον, τῷ δευτέρῳ δ' οὐχ ἅπαντες· ἴδιος γάρ ἐστι τῶν τεχνιτῶν. ὁ γάρ τοι γεωμέτρης τὸ μὲν πρῶτον θεώρημα τῆς αὐτοῦ τέχνης διὰ τοῦ προτέρου λόγου μόνου δείκνυσιν, εἶτα τῷ δευτέρῳ μόνῳ χρῆται, προσλαμβάνει δὲ εἰς τὴν ἀπόδειξιν αὐτῆς καὶ τὸ ἐκ τοῦ πρώτου κατασκευασθέν. ὅσῳ δ' ἂν ἐπὶ πλέον ἀφίστηται τοῦ πρώτου θεωρήματος, ἐπὶ τοσοῦτον ἀφίσταται καὶ τοῦ προτέρου λόγου καὶ τελευτῶν ἐλαχίστοις χρῆται, διὰ τῶν ἀποδεδειγμένων ἀποδεικνύς ἕτερα καὶ δι' ἐκείνων αὐθις ἄλλα. καὶ εἴτ' ἂν αὐθις ἄλλα δι' ἐκείνων, ὥστε ἔρχεσθαι ποτε τὴν δεῖξιν αὐτῶν ἄχρι τῶν τοῖς ἰδιώταις ἀπίστων, ἡλίου καὶ σελήνης καὶ γῆς, οὐ μόνον τῶν μεγεθῶν, ἀλλὰ καὶ τῶν διαστημάτων τῆς γνώσεως, ἕξ ὧν εὐρεθέντων ὠρολόγια τε κατασκευάζουσι καὶ κλεψύδρας οἱ τὴν ὁδὸν ταύτην βαδίσαντες, ἐκλείψεις τε προλέγουσιν ἡλίου καὶ σελήνης. οὕτως οὖν καὶ ἡμῖν ὁ τεχνικὸς λόγος ἀποδεδειγμένος ἐν ἑτέραις πραγματείαις χρήσεται πολλοῖς, ἐνίοις μὲν ὡς δυνάμεις τινές εἰσι διοικοῦσαι τὰ ζῶα πλείους, ὧν τὰς μὲν φυσικὰς, τὰς δὲ ψυχικὰς ὀνομάζομεν. αἰδ' ἀρχαὶ τῆς γενέσεως ἅπασι τοῖς οὖσιν ὕλην ἔχουσι τὰ τέτταρα στοιχεῖα, κεράννυσθαι τε πεφυκότα δι' ὄλων ἀλλήλων καὶ δρᾶν εἰς ἄλληλα. διὰ τοῦτο οὐδὲ Ἀσκληπιάδου μνημονεύσομεν ἔτι

κατὰ τόνδε τὸν λόγον ἀποδεδεικότες αὐτοῦ τὰ στοιχεῖα
ψευδῆ, κατὰ γε τὸ τρισκαιδέκατον ὑπόμνημα τῶν περὶ τῆς
ἀποδείξεως καὶ κατὰ τὴν τῶν Ἀσκληπιάδου δογμάτων
πραγματεῖαν, ἐν ἧ τὸ πέμπτον τε καὶ ἕκτον ἔλεγχον ἔχει
τῶν στοιχείων αὐτοῦ. δέδεικται δὲ καὶ τῷ περὶ τῶν
Ἱπποκράτους στοιχείων ὑπομνήματι περὶ τε τῶν δραστικῶν
ποιότητων, ὧν ὀνόματα θερμότης, ψυχρότης, ξηρότης,
ὕγρότης, ἢ τε τῶν χυμῶν διαφορὰ τε καὶ γένεσις. εἴρηται δὲ
καὶ περὶ τῶν καθαιρόντων φαρμάκων ἕκαστον τῶν χυμῶν
ὀλίγα μὲν τινα καὶ τῷ περὶ τῶν στοιχείων συγγράμματι,
καὶ κατὰ μόνας δ' ἐν ἐτέρῳ βιβλίῳ καὶ ἡ περὶ κράσεων δὲ
πραγματεῖα τῇ περὶ τῶν στοιχείων ἐπομένη χρησίμη πρὸς
τὸν ἐνεστῶτα λόγον. ἀπάντων δὲ μάλιστα τὸ περὶ πλήθους
βιβλίον, ἐν ᾧ δέδεικται τὸ μὲν ὡς πρὸς δύναμιν πλήθος,
τὸ δ' ὡς πρὸς τὴν εὐρυχωρίαν, ἐν ἧ περιέχεται ὑπὸ τῶν
ιατρῶν τὸ πλήθος τοῦτο κατὰ τὸ ἔγχυμα. κάλλιστον οὖν
ἐστὶ τοῖς μέλλουσι ἐξετάζειν ἐπιστημονικῶς τὰ κατὰ τήνδε
τὴν πραγματεῖαν εἰρημένα τὸ περὶ πλήθους ἀνεγνωκέναι
βιβλίον. ὅσων δ' αὖ πάλιν ἐκεῖνο δεῖται προανεγνωσμένων
αὐτὸ δηλώσει. θαυμαζέτω δὲ μηδεὶς εἰ τοσούτων δεόμεθα
πρὸς τὸ καλῶς ἐπισκέψασθαι περὶ φλεβοτομίας. οὐ γὰρ
εἰς τούτου μόνου τοῦ βοηθήματος εὔρεσιν, ἀλλὰ καὶ τὴν
τῶν ἄλλων ἀπάντων ἀναγκαῖα τῶν εἰρημένων ἐστὶν ἡ
γνώσις. ὡς εἴ γε χωρὶς τῆς ἐκείνων ἐπιστήμης ἐνεχώρει
θεραπεύειν ὀρθῶς, οὐκ ἂν ἐσπουδάσαμεν αὐτά. ταυτὶ μὲν
οὖν ἀναγκαῖα ἦν προειπεῖν. αὐτοῦ δ' ἤδη καιρὸς ἄρξασθαι

τοῦ λόγου σκοπούμενοι ὅποσαι διαθέσεις εἰσὶν αἱ δεόμεναι κενώσεως. ἐὰν μὲν οὖν ἐκ πείρας τις αὐτὰς ἠθροικῶς διέρχεται, μνήμης χρεία μόνης ἐστὶ πρὸς τὴν δήλωσιν. ἐὰν δ' ἐκ λογικῆς ὁδοῦ, τὸ κοινὸν καὶ καθόλου ἀναγκαῖον ἐστὶν εὐρεῖν, ἔπειτ' ἐκ τῆς ἐκείνου τομῆς εἰς εἴδη τε καὶ διαφορὰς ἄχρι τῶν ἐσχάτων εἰδῶν εὐρίσκειν τὸν ἀριθμὸν τῶν ἐνδεικνυμένων τὴν κένωσιν διαθέσεων. οὕτω γὰρ δείξομεν ἅπαντα συνιστάμενα τὰ διὰ λογικῆς ὁδοῦ τὴν εὐρεσιν ἔχοντα.

4. Τῆς οὖν ἰατρικῆς τέχνης ἔργον ἐχούσης ἀπάσας τῶν μορίων τοῦ σώματος τὰς κατὰ φύσιν ἐνεργείας ἀνασώζειν μὲν ὅποτε διαφθείροιτο, φυλάττειν δ' ὅποτε σώζοιντο, τούτων δ' ἐπομένων τῇ φυσικῇ κατασκευῇ, ταύτην ἀναγκαῖον ἐστὶ φυλάττειν τε παροῦσαν, ἀνακτᾶσθαι δὲ διαφθειρομένην. ἐπεὶ τοίνυν ἐδείχθησαν ὑπὸ τῶν ὁμοιομερῶν σωμάτων αἱ πρῶται τῶν ἐνεργειῶν ἐπιτελούμεναι, διὰ δὲ τῶν ὀργανικῶν αἱ δεύτεραι, ἐπισκεπτέον ἔστω σοι τὰ κατὰ τὸ σῶμα περιεχόμενα τῶν ὑγρῶν ἦντινα τὴν ὠφέλειαν ἢ τὴν βλάβην ἐργάζεται τοῖς μορίοις αὐτοῦ. δεδειγμένου τοίνυν ἐν τῷ περὶ πλήθους βιβλίῳ διττῶς γίνεσθαι τε καὶ λέγεσθαι τὸ πολὺ, κατὰ μὲν τὸ ἕτερον τῶν σημαινομένων ὡς πρὸς τὴν δύναμιν, κατὰ δὲ θάτερον ὡς πρὸς τὴν εὐρυχωρίαν τῶν περιεχόντων τοὺς χυμοὺς ἀγγείων, ὅπερ ὀνομάζουσιν ἔνιοι κατὰ τὸ ἔγχυμα, κενώσεως δὲ ἐστὶν ἑκατέρω χρεία, κἄν ἐπὶ νοσοῦντος ἀνθρώπου κἄν ἐπὶ ὑγιαίνοντος ἐπιγίγνηται. καθάπερ γε

καὶ ὁ τὸ φορτίον βαστάζων οὐκ εὐθὺς ἅμα τῷ βαρύνεσθαι τε καὶ κάμνειν ἤδη καταπέπτωκέ τε καὶ νενίκηται πρὸς αὐτοῦ, κατὰ τὸν αὐτὸν τρόπον, ὅταν ἡ δύναμις ὑπὸ πλῆθους βαρύνηται, δυνατόν ἐστι μηδέπω νοσεῖν τὸν ἄνθρωπον. εἰ γοῦν ἔνιοι τῶν ἔτι τὰς συνήθεις πράξεις πραπτόντων λέγουσιν ὡς αἰσθάνονται βαρέων ἑαυτῶν καὶ νοθρῶν καὶ ὀκνηρῶν καὶ δυσκινήτων, αὐτὸ τοῦτό ἐστι τὸ πλῆθος τὸ πρὸς τὴν δύναμιν, ὡσπερ καὶ ὅταν ἀπὸ γυμνασίων τετάσθαι δοκῶσιν, ὡσπερ Ἐρασίστρατος ἔφη, παραπίπρानται βραχίονές τε καὶ πῆχεις, οὐ μικρὸν γνώρισμά ἐστι θατέρου πλῆθους, ὃ κατὰ τὸ ἔγχυμα καλεῖσθαι πρὸς τινῶν εἶπον, ἐπειδὴ κατὰ τοὺς ἐγκεχυμένους τοῖς ἀγγείοις χυμοὺς συνίσταται καὶ νοεῖται. λέλεκται δ' ἐν τοῖς ὑγιεινοῖς ἐλκώδους αἰσθήσεως ἐν ὅλῳ τῷ σώματι γιγνομένης, καὶ μάλιστα κατὰ τὰς κινήσεις, κακοχυμίας ἕγγονον εἶναι τὴν τοιαύτην διάθεσιν. ἀλλ' ὅμως καὶ τοῦτο φαίνεται γιγνόμενον οὐκ ὀλίγοις τῶν πραπτόντων ἔτι τὰς συνήθεις πράξεις. καὶ κατὰ μόρια δέ τινα τοῦ σώματος οὐχ ὅλον ἐνίοτε τὸν ὄγκον ἐπιφαίνεται τὰ σημεῖα τῶν ἐν ἐκείνοις τοῖς μορίοις ὁμοίων διαθέσεων, ὅποια τοίνυν εἴρηνται καθ' ὅλον τὸ σῶμα συνίστασθαι. κεφαλῆς γοῦν μόνης αἰσθανόμεθα ποτὲ βαρυνομένης ἢ ἐλκώδη τινὰ αἰσθησιν ἐχούσης, ἢ τῶν κροταφίτων μυῶν τεινομένων ἢτοι γ' ἀπλῶς ἢ μετὰ θερμασίας πλείονος. οὕτω δὲ καὶ καθ' ἥπαρ τε καὶ σπλῆνα καὶ γαστέρα καὶ πλευρὰς καὶ διάφραγμα βάρους αἰσθανόμεθα πολλακίς. ὡσαύτως δὲ καὶ κατὰ τὸ

στόμα τῆς γαστρὸς ἦτοι βάρους, ἢ δήξεως, ἢ ναυτίας, ἢ ἀποστροφῆς σιτίων, ἢ ὀρέξεως παραλόγου γίνεται ποτ' αἰσθησις, πρὸς τούτοις καὶ ὀδύνη καθ' ὅτι οὖν ἐρείδουσαι μόριον, ἢ διὰ χυμῶν πλῆθος ἀθρόως ἐπενεχθὲν ἢ διὰ πνεῦμα φυσῶδες ἐνδείκνυται κένωσιν, ὥσπερ γε καὶ διὰ χυμὸν δριμὺν ἐσθιοντά τε καὶ διαβιβρώσκοντα τὸ μόριον. ἔναι δὲ κατὰ δυσκρασίαν γίνονται. καὶ τούτων αὐτῶν τινὲς μὲν ψιλὴν ἄνευ χυμῶν, ἔναι δὲ μετὰ χυμῶν. ἐφ' ἀπάντων μὲν οὖν τῶν εἰρημένων αἱ κενώσεις τῶν λυπούντων χυμῶν καὶ ἀτμῶν ἀπαλλάττουσι τῶν παθημάτων τὸν ἄνθρωπον, οὐ μὴν φλεβοτομίας δεόμεθά γε πάντως, ἀλλ' ἀρκεῖ καὶ καθῆραι καὶ τρῖψαι καὶ λούσαι καὶ χρῖσαι τινὶ δια-φορητικῷ φαρμάκῳ. τίνες οὖν εἰσὶν αἱ διὰ φλεβοτομίας ὠφελούμεναι διαθέσεις ἐφεξῆς λεγέσθωσαν.

5. Οὐ μόνον ἡ τροφή τοῖς τοῦ ζώου μέρεσιν ἐξ αἵματός ἐστιν, ἀλλὰ καὶ ἡ κατὰ φύσιν θερμοσία τὴν διαμονὴν ἐξ αἵματος ἔχει, καθάπερ ἐκ τῶν ἐπιτηδείων καίεσθαι ξύλων τὸ κατὰ τῆς ἐστίας πῦρ, ὑφ' οὗ καὶ τοὺς οἴκους ὀρῶμεν ὅλους θερμαινομένους. ὥσπερ οὖν τὸ πῦρ τοῦτο βλάπτεται ποτὲ μὲν ἀθρόως ξύλων ἐπιβληθέντων αὐτῷ, ποτὲ δ' εἰ καὶ μὴ πολλῶν, ἀλλ' ὑγρῶν ἰκανῶς, ἐνίοτε δ' οὐδ' ὄλως ἐπιτιθεμένων ἢ παντάπασιν ὀλίγων, οὕτω καὶ ἡ κατὰ τὴν καρδίαν θερμότης ποτὲ μὲν ἐλάπτων ἑαυτῆς διὰ τε πλῆθος αἵματος ἢ ἐνδειαν πολλὴν ἢ ποιότητα ψυχρὰν ἀποτελεῖται, ποτὲ δὲ πλείων ἦτοι διὰ ποιότητα θερμὴν αἵματος ἢ δι' ἐνδειαν ὀλίγην. ὅ τι δ' ἂν ἡ καρδία πάθοι

κατὰ ψύξιν ἢ θερμότητα, τούτου καὶ τᾶλλα μέρη τοῦ σώματος εὐθέως μεταλαμβάνει. γίνεται δὲ καὶ καθ' ἓν τι μέρος ἐνίοτε παρὰ φύσιν ἦτοι θερμότης ἢ ψυχρότης, ὡς δέδεικται πολλάκις ἐν ἑτέροις ὑπομνήμασι. καὶ γενέσεις δὲ τούτων ἐν διττῷ τρόπῳ, ποτὲ μὲν ἐπὶ χυμοῖς θερμοῖς ἢ ψυχροῖς, ἐνίο-τε δὲ καὶ κατὰ δυσκρασίαν μόνην. ἀλλ' αἱ μερικαὶ θερμότητες καὶ ψύξεις, ὅσαι μὲν ἐγγύς εἰσι τῷ πεπονθότι μορίῳ συµμεταβάλλουσιν, εἰς ὅλον δ' οὐκ ἐκτείνονται τὸ σῶμα πρὶν τὴν καρδίαν ἀλλοιωῶσαι. κατὰ δὲ τὸν αὐτὸν τρόπον ἐπεδείχθη καὶ τὸ σῶμα τῆς καρδίας ἀλλοιούμενον διττῶς, ἦτοι κατὰ δυσκρασίαν ἢ διὰ χυμοὺς θερμοὺς ἢ ψυχροὺς ἢ δι' ἔνδειαν τινὸς αὐτῶν. οἱ χυμοὶ δὲ ἐδείχθησαν θερμοὶ καὶ ψυχροὶ γινόμενοι διὰ τε τὸ ποσὸν τῶν ἐσθιομένων τε καὶ πινομένων καὶ δι' ἡσυχίας τε καὶ κινήσεις σώματός τε καὶ ψυχῆς πλείους. ὡσπερ δὲ ἐν τῇ γαστρὶ πολλάκις αἱ πέψεις γίνονται μοχθηραὶ, φλεγµατωδεστέρων ἢ χολωδεστέρων ἀποτελουμένων τῶν ληφθέντων, ἢ τινὰ παρὰ φύσιν ἑτέραν διαφθορὰν ἰσχόντων ἢ ὤμων καὶ ἀμεταβλήτων ἄχρι πλείστου μενόντων καὶ πνευματουμένων, οὕτω καὶ κατὰ τὴν τοῦ αἵματος γένεσιν ἀποτυγχανομένων. ἀνάλογον ταῖς ἐπὶ τῆς γαστρὸς ἀποτυχίαις τῆς πέψεως, ἔσσονται κατ' αὐτὰς τὰς ἀρτηρίας καὶ τὰς φλέβας κατὰ τοὺς χυμοὺς διαθέσεις. ἐπεὶ δὲ πάντα τὰ θερμὰ καὶ ὑγρὰ φαίνεται τάχιστα σηπόμενα, καὶ μάλισθ' ὅταν ἐν θερμοῖς ἢ χωρίοις, ἀναγκαῖον ἔσται καὶ τὴν ἐκ τῆς κοιλίας ἀναδιδομένην τροφήν, ὅταν μὴ κρατῆται καὶ μεταβάλληται πρὸς τῆς

φύσεως εἰς γένεσιν αἵματος χρηστοῦ, σηπεδόνας ἴσχειν ἄλλοτε ἀλλοίας. ἐπεὶ δὲ τοῖς ἐξ ὕλης θερμοῦ σηπομένοις συμβαίνει γίνεσθαι θερμοτέροις, διὰ τοῦτο θερμότερον ἔσται τὸ σηπόμενον αἷμα. τούτου δὲ θερμοτέρου γιγνομένου καὶ τὸ μόριον ἐν ᾧ σήπεται θερμότερον αἰσθητῶς ἔσται. ἐπεὶ δὲ ὑπὸ τῶν αἰσθητῶς θερμῶν τὰ πλησιάζοντα συνθερμαίνεται, συνθερμανθήσεται τοῖς οὕτω διακειμένοις μορίοις τὰ πέριξ ἅπαντα, δακνώδει καὶ δριμεῖα δηλονότι θερμασία, τοιαύτη γὰρ ἢ ἐκ σηπεδόνας. ἐὰν οὖν ἀξιόλογόν τε τὸ μόριον ἢ τὸ οὕτως θερμανθὲν, ἐκτείνειν τε τὴν ἑαυτοῦ θερμασίαν ἐπὶ τὴν καρδίαν ἰκανόν, ἦτοι γε ὅτι πλησίον αὐτῆς ἐστίν, ἢ ὅτι κύριον, ἢ ὅτι θερμόν, συνεκπυρώσει κἄκείνην, ἅτε φύσει θερμοτάτην οὔσαν. εἰ δὲ ἅπαξ αὐτὴ πυρωθεῖη, ῥαδίως ἤδη τὸ πᾶν αὐτῆς σῶμα συνεκθερμανθήσε-ται, καθάπερ τινὸς ἐστίας φλόγα πολλὴν ἐχούσης ὁ περιέχων αὐτὴν οἶκος. ὀνομάζουσι δὲ τὸ τοιοῦτον πάθημα τοῦ σώματος οἱ Ἕλληνες πυρετόν. ἐνίστε δὲ πρὶν ἄρχεσθαι σήπεσθαι τὸ πλῆθος τοῦ αἵματος, ἐπὶ τι μόριον ἀθρόως ἀφικόμενον ἦτοι τελῶς ἐνέκρωσεν, ὥστε διαφθεῖραι τὴν ἐνέργειαν, ἢ βλάβην ἀξιόλογον ἐνεγκεῖν. αἱ γοῦν ἀποπληξίαι κατὰ τοῦτον γίνονται τὸν τρόπον, ἐπὶ τὴν ἀρχὴν τοῦ ζώου ῥυέντος ἀθρόως αἵματος πολλοῦ. ὡς ὅταν γ' εἰς ἄλλο τι κατασκήψη μόριον, ὄγκον ἐν τούτῳ παρὰ φύσιν ἐργάζεται. ἐκ τούτου τοῦ γένους ἐστὶ καὶ ἡ φλεγμονή. ὅταν δὲ παχύτερόν τε καὶ μελαγχολικώτερον ἢ τὸ κατασκήψαν αἷμα, σκιρρώδης ὁ ὄγκος γίνεται, καθάπερ γε καὶ χαῦνος, ὅταν ἢ

φλεγματικώτερον τὸ ρεῦμα· χολώδους δὲ ὄντος ἐρυσίπελας ἀποτελεῖται. διωρισμένα δ' ἀκριβῶς ἔχεις ἅπαντα ταῦτα κατὰ τὰς προειρημένας ἄρτι πραγματείας, ἀλλὰ νῦν γ', ὡς ἔφην, ὑποθέσεις τῷ παρόντι λόγῳ τὰ δεδειγμένα ποιούμενος ἀκολούθως αὐτοῖς τὸν περὶ τῆς φλεβοτομίας ἐπιδείκνυμι λόγον. ὄντος οὖν πλήθους διπτοῦ, κάλλιστον γὰρ ἐντεῦθεν ἄρξασθαι, καὶ τοῦ μὲν ὡς πρὸς τὴν δύναμιν εἰς σηπεδόνα τε ῥαδίως ἀφικνουμένου καὶ μέντοι καὶ κατασκήπτοντος ἐνίοτε εἰς μόριά τινα, κἄν τούτοις ἐργαζομένου τοὺς παρὰ φύσιν ὄγκους, ἐτέρου δὲ τοῦ κατὰ τὸ καλούμενον ἔγχυμα, κατασκήπτοντος μὲν καὶ τούτου πολλάκις εἰς μόρια καὶ γεννῶντος ὄγκους, ἀλλὰ καὶ τὰς ἀποπληξίας καὶ τὰς ῥήξεις τῶν φλεβῶν ἐργαζομένου, πειρᾶσθαι χρή κενοῦν αὐτὸ διὰ ταχέων, πρὶν ἄρξασθαι τι μέγα κακὸν ἐργάσασθαι περὶ τὸν ἄνθρωπον. εἴρηται δ' ἐπὶ πλέον ὅπως τε χρή διαγινώσκειν ἄμφω τὰ πάθη καὶ ὅπως ἰᾶσθαι, κατὰ τὴν τῶν ὑγιεινῶν πραγματείαν, ὥσπερ γε κάπειδὰν ἦτοι πυρετὸς ἢ αἷματος ἀναγωγή γένηται διὰ πλήθος, ἦτοι τῶν ἀποπληκτικῶν ἀρρώστημάτων, ὅπως χρή καὶ τοῦτο θεραπεύειν ἐν τοῖς τῆς θεραπευτικῆς μεθόδου γράμμασιν εἴρηται, διὸ καὶ περιττὴν ἠγοῦμαι τήνδε τὴν συγγραφὴν. εἰ μὲν γὰρ ὡσαύτως καὶ ἐν ἐκείναις ταῖς πραγματεῖαις ἔγραψα, κἄνταῦθα γράφοιμι, δις περὶ τῶν αὐτῶν ἀνα-γκασθήσομαι διέρχεσθαι, καὶ διὰ ταῦτα μακρὸν ἀποτείνειν τὸν λόγον. εἰ δὲ ἐπὶ τὸ συντομώτερον ἄγοιμι τὸν λόγον τόνδε, κινδυνεύσω παθεῖν δυοῖν θάτερον, ἢ ἀσαφῶς τι διὰ τὴν βραχυλογίαν εἰπεῖν, ἢ

διορισμόν τινα τῶν χρησίμων παραλιπεῖν. ἀλλ' ἐπεὶ μὴ κατὰ τὴν ἑμαυτοῦ προαίρεσιν ἦκον ἐπὶ τὸν λόγον τοῦτον, εἴ τι γίγνοιτο τῶν εἰρημένων τούτων ἐν αὐτῷ σφάλμα, τὴν αἰτίαν οἱ ἀξιώσαντες ἔξουσιν, ὥσπερ γε καὶ εἰ κατορθωθείη καὶ φανείη χρήσιμος, ἀποστήσομαι τῶν ἐπαίνων ἐκείνοις.

6. Ἦδε οὖν αὖθις ἀρχὴ γιγνέσθω τῷ λόγῳ. τοῖς μὲν τὰ συνήθη πράττουσιν, ἦτοι δὲ τῶν κυρίων τι μορίων καὶ σύμπαν τὸ σῶμα βαρυνόμενοις ἢ τεινομένοις, ἀναγκαῖα μὲν ἐστὶν ἡ κένωσις· εἰ δὲ κατὰ τὴν ἡλικίαν μήτε παῖδες εἶεν ἔτι μήτε ἤδη γέροντες, ἐπισκέπτου περὶ φλεβοτομίας ἀποβλέπων, μάλιστα μὲν εἰς τοὺς πρώτους σκοποὺς τούσδε, τὴν τε ποσότητα τοῦ πλήθους καὶ τὴν ποιότητα καὶ τὴν τῆς δυνάμεως ῥώμην ἢ ἀρρώστειαν, ἐφεξῆς δὲ τὴν φυσικὴν ἔξιν ὅλου τοῦ σώματος, ὥραν τε καὶ χώραν καὶ τὸν προγεγεννημένον βίον, εἰ πλῆθος ἐδεσμάτων καὶ πομάτων καὶ μάλιστα πολυτρόφων ὁ οὕτως ἔχων προσηνέγκατο τὸ ἔθος τε καὶ παρὰ τὸ ἔθος, κινήσεις τε τίνας ἐκινήθη, ἐκκρίσεις τε τίνας ἔσχεν ἢ ἐπεσχέθη παρὰ τὸ ἔθος, ἐπὶ δὲ τούτοις ἅπασι πότερον ἰσχνότερος ἢ παχύτερος ἐγένετο. ἢ μὲν δὴ τοῦ πλήθους ἐκατέρου ποσότης ἐκ τοῦ μεγέθους τῶν ἰδίων ὀρισθήσεται σημείων. εἰς ὅσον γὰρ ἑαυτῷ βαρύτερος ὁ ἄνθρωπος εἶναι δοκεῖ, πρόδηλον ὅτι καὶ τὸ πρὸς τὴν δύναμιν πλῆθος εἰς τοσοῦτον ἠϋξῆται. κατὰ δὲ τὸν αὐτὸν λόγον εἰς ὅσον ἢ τονώδης αἰσθησις ἠϋξῆται, κατὰ τοσοῦτον καὶ τὸ ἕτερον πλῆθος, ὃ καλεῖσθαι πρὸς τινῶν ἔφην κατὰ τὸ ἔγχυμα. τὴν ποιότητα δ' ἐφ' ἐκατέρου

τοῦ πλήθους ἔκ τε τοῦ χρώματος διαγνώση, μεμνημένος ὅτι τὸ χρῶμα χυμῶν ἐστίν, ἐπειδὴν μετρίως ἔχει θερμότητος λείπων σῶμα φύσει. τοῖς μὲν γὰρ ψυχροτέροις ψυχροτέρα τοῦ παντός σώματος ἢ αἴσθησις ἔπεται, τοῖς δὲ θερμοτέροις θερμοτέρα, καὶ τοῖς μὲν κατὰ τὰς φλέβας ἠθροισμένοις χυμοῖς ὄγκος καὶ διάθεσις τῶν ἀγγείων, τοῖς δ' ἐν τῇ σαρκί, κατ' ἐκείνην ἢ αἴσθησις ἦτοι τοῦ βάρους ἢ τῆς τάσεως, ὥσπερ γε καὶ θερμότητος. αἱ δὲ τῶν διοικουσῶν ἡμᾶς δυνάμεων ἀρρώστιαί τε καὶ ῥῶμαι ταῖς οἰκείαις ἐνεργείαις ἐδείχθησαν κρινόμεναι, προαιρετικάς μὲν κατὰ τὰ νεῦρα καὶ τὴν τούτων ἀρχὴν τὸν ἐγκέφαλον, ταῖς δὲ κατὰ τοὺς σφυγμοὺς κατὰ τὰς ἀρτηρίας τε καὶ τὴν καρδίαν, τῇ δὲ κατ' εὐτροφίαν τε καὶ ἀτροφίαν εὐχροίαν τε καὶ ἄχροίαν ἢ τρίτη δύναμις ἢ θρεπτικὴ, ἣν ἐξ ἥπατος ὀρμᾶσθαι ἐδείκνυεν τὴν διάγνωσιν ἐλάμβανεν. ὅταν οὖν ἐπὶ τοῖς τοῦ πλήθους σημείοις αἱ δυνάμεις ἐρρώμεναι τυγχάνουσιν οὔσαι, φλεβοτομήσεις δηλονότι κατὰ μὲν τὴν τονώδη διάθεσιν οὐδὲν ἐπιδιοριζόμενος, ἔτι δὲ μᾶλλον οὐδὲ κατὰ τὴν φλεγμονώδη. τοῦ δὲ βαρύνοντος πλήθους ἐνοχλοῦντος οὐ πάντως αἵματος ἀφαιρετέον. ἐνδέχεται γὰρ ὤμὸν ἠθροῖσθαι κατὰ τὸ σῶμα χυμὸν, ἐφ' οὗ προσέχειν ἀκριβῶς χρῆ μὲχρι πόσου μὲν ἡ δύναμις ἔρρώται, μὲχρι δὲ πόσου αὐτὸς ὁ χυμὸς ἔφθ. προκαταλυθεῖσα γὰρ ὑπὸ τῶν τοιούτων διαθέσεων ἡ δύναμις ἐν ταῖς φλεβοτομίας εἴωθε καταπίπτειν ἐς ἔσχατον, ὡς μηκέτ' αὐτὴν ἀνακτήσασθαι δυναθῆναι. τούτου δὲ γενομένου κίνδυνος οὐ σμικρὸς

ἔπεται, μάλισθ' ὅταν ἐπιπέσῃ πυρετός ἐν καταστάσει θερινῆ
στομάχου μοχθηρῶς ἔχοντος, ἢ τοῦ σώματος ὅλου μαλακοῦ
τε φύσει καὶ ὑγροῦ τὴν κρᾶσιν ὄντος. διαφοροῦνται
γὰρ οἱ τοιοῦτοι συγκόπτονται τε τάχιστα, κἄν μὴ μέγας
αὐτοῖς ἐπιπέσῃ πυρετός. εἰ δὲ μηδὲν εἶη τούτων, ἀλλ' ὁ
χειμῶν ἢ τὸ χωρίον ὑπάρχει φύσει ψυχρόν, ἢ τε φύσις
τάνθρώπου ψυχρότερα, καταψύχονται τε δεινῶς ὅλον τὸ
σῶμα φλεβοτομηθέντες, ἐμπίπτει τέ τινα τῶν διὰ κατάψυξιν
ἰσχυρὰν ἐπομένων συμπτωμάτων. τοὺς οὕτω διακειμένους
οὐ προσήκει διὰ φλεβοτομίας κενοῦν, ἀλλὰ τρίψεσί τε
καὶ χρίσμασι μετρίως θερμαίνουσι καὶ πόμασι τέμνουσι
τὸ πάχος τῶν χυμῶν καὶ θερμαίνουσι μετρίως. ὅσα γὰρ
σφοδρῶς θερμαίνει καταλύει τὴν δύναμιν ἀθροότερον, ὡς
μηκέτι ἔξαρκεῖν τῇ θεραπείᾳ. πολλάκις δὲ καὶ τὸν πυρετὸν
συνηύξησεν, ὥστε κἀντεῦθεν βλάβην γίνεσθαι τῇ δυνάμει.
διὸ δὲ τῶν τεμνόντων τὸ πάχος χυμῶν, ἐδεσμάτων τε καὶ
πομάτων ἢ κατὰ τὸ θερμαίνειν δύναμις ἔστω μετρία.

7. Ὅσοι δὲ αἷμα πτύσαντες ἐθεραπεύθησαν μὲν τῷ
παραυτικά, τοιαύτην δὲ ἔχουσι κατασκευὴν, ἐν τοῖς
κατὰ θωρακά τε καὶ πνεύμονα μορίοις, ὡς εἰ βραχὺ
πλέον ἀθροισθῆ θέλοι τὸ αἷμα, πάλιν αὐτοῖς ἦτοι γ'
ἀναστομωθῆναί τι τῶν ἀγγείων ἢ ῥαγῆναι, τούτους
εἰ καὶ μηδὲν εἶη κατὰ τὸ σῶμα μηδέπω σύμπτωμα,
φλεβοτομεῖν χρή κατὰ τὴν ἀρχὴν τοῦ ἥρος. ὡσαύτως
δὲ καὶ τοὺς εἰς ἐπιληπτικὰ πάθη ῥαδίως ἐμπίπτοντος
ἢ ἀποπληκτικοῦς. κατὰ δὲ τὸν αὐτὸν τρόπον, εἰ καὶ

τισι τῶν ἄλλων νοσημάτων εὐάλωτον εἰδείημεν εἶναι τὸν ἄνθρωπον, οἷον ἦτοι περιπνευμονικοῖς ἢ πλευριτικοῖς ἢ συναγκηκοῖς, ἄμεινον φθάνειν φλεβοτομοῦντας μὴ περιμένοντας φανῆναί τι σύμπτωμα πλήθους ἐναργές. ὡσαύτως δὲ καὶ οἷς αἰμορροΐδες ἐπέσχηνται, καὶ μάλιστα εἰ μελαγχολικώτεροι φαίνονται. καὶ ὅσοι δὲ καθ' ἕκαστον ἔτος ἐν θέρει νοσοῦσιν νοσήματα πληθωρικὰ, καὶ τούτους χρὴ κενοῦν εἰσβάλλοντος ἤρος. ὡσαύτως καὶ ὅσοι κατ' αὐτὸ τὸ ἔαρ ἀλίσκονται τοῖς τοιούτοις, ἔνιοι ὀφθαλμοὺς ἔχοντες ἀσθενεῖς, ἢ τοῖς ὀνομαζομένοις σκοτωματικοῖς πάθεισιν εὐάλωτοι καὶ αὐτοὶ κατὰ τὴν ἀρχὴν τοῦ ἤρος δέονται κενοῦσθαι, προσδιασκεψαμένων ἡμῶν ὁποῖόν τι τὸ ἀθροίζόμενον αὐτοῖς εἶη. τινὲς μὲν γὰρ τὸν πικρόχολον ἀθροίζουσι χυμὸν πλέονα τῶν ἄλλων, τινὲς τὸν μελαγχολικὸν ἢ φλεγματικὸν, ἔνιοι δὲ ὁμοτίμως ἅπαντας ἐφ' ὧν αἷμα πλεονάζειν λέγεται. τούτους οὖν ἅπαντας κενώσεις, ὡσπερ καὶ τοὺς ποδαγρικούς τε καὶ ἀρθριτικούς ἐν ἀρχῇ τοῦ ἤρος, ἀλλ' ἦτοι φαρμακεύων ἢ φλεβοτομῶν. ἐγὼ γοῦν πολλοὺς ἐτῶν ἤδη τριῶν καὶ τεττάρων ἐνοχλουμένους ἐκ διαλειμμάτων ἀλγήμασι ποδῶν ἰασάμην, ἦτοι καθαίρων τὸν πλεονάζοντα χυμὸν ἐν ἀρχῇ τοῦ ἤρος ἢ αἵματος ἀφαιρῶν. εὐδὴλον δ' ὅτι καὶ μέτριοι τινὲς οἱ τοιοῦτοι κατὰ τὴν ὄλην εἰσὶ δίαιταν, ὡς τοὺς γε ἀκολάστους οἰνόφλυγας τε καὶ γαστριμάργους οὐδὲν ὀνήσεις μέγα, φαρμακεύων ἢ φλεβοτομῶν. ἀθροίζουσι γὰρ ἐν τάχει πλῆθος ὤμων χυμῶν, ἀκολάστως διαιτώμενοι. τούτους μὲν οὐδὲ ἐπιχειρεῖν χρὴ

θεραπεύειν, ὅπη δ' εὐπειθεῖς εἰσὶν ὀνήσεις αὐτοὺς μέγιστα κατὰ τὴν ἀρχὴν τοῦ ἥρος, προκενώσας μὲν πρῶτον, ἐφεξῆς δ' ἐπὶ γυμνάσια καὶ δίαιταν ὑγιεινὴν ἀναγαγών. ἃ δ' ἐπὶ τούτων εἴρηκα, ταῦτά σοι νόμιζε καὶ περὶ πάντων εἰρῆσθαι τῶν ἐπιτηδείων ἀλίσκεσθαι πάθεσιν οἷς ἀρτίως εἶπον, οἷον ἐπιληπτικοῖς, ἢ ἀποπληκτικοῖς, ἢ σκοτωματικοῖς, ἢ αἰμοπτοϊκοῖς, ἢ μελαγχολικοῖς.

8. Οὐ μόνον δὲ πλήθους ὄντος, ἢ τοῦ πρὸς τὴν δύναμιν ἢ τοῦ κατὰ τὸ καλούμενον ἔγχυμα, φλεβοτομία μεγάλως ὀνίνησιν, ἀλλὰ καὶ χωρὶς πλήθους ἀρχομένην φλεγμονὴν, ἦτοι διὰ πληγὴν ἢ ὀδύνην ἢ ἀτονίαν μορίων. ἦ τε γὰρ ὀδύνη πρὸς αὐτὴν ἐπισπᾶται τὸ αἷμα καὶ πολλάκις ἀτονία μορίων ἐργάζεται φλεγμονὴν ἄνευ τοῦ καθ' ὅλον τὸ σῶμα πλήθους. ἐδείχθη γὰρ ἐν τοῖς τῶν φυσικῶν δυνάμεων ὑπομνήμασιν, ὅταν ἀσθενὲς ἦ φύσει μόριον, ἐτοίμως βαρυνόμενον, εἰ καὶ βραχὺ πλεῖον ἀθροισθεῖη ποτὲ ἐν αὐτῷ περίπτωμα. καὶ μέντοι καὶ ὅτι δύναμιν ἔχει πᾶν μόριον ὥσπερ ἐλκτικὴν τῶν οἰκείων, οὕτω καὶ τῶν ἀλλοτρίων ἀποκριτικὴν, ὅτι τε διττὸν εἶη τὸ ἀλλότριον, ἕτερον μὲν τῷ ποσῷ, τῷ ποιῷ δ' ἄλλο. διὸ κἂν μὴ βαρύνοιτό τι μόριον ὑπὸ τῶν καθ' ἑαυτὸ χυμῶν, ἴσχει δὲ τινα περιπτώματα κατὰ τὴν ποιότητα παρὰ φύσιν, ἐπὶ τὴν ἀπόκρισιν αὐτῶν ὁρμᾶν διὰ τῶν ἐν αὐτῷ φλεβῶν ὥσπερ δι' ὀχετῶν, ἀλλ' εἴθ' αἷμα μοχθηρὸν εἶη τὸ ὠθούμενον, εἴτ' ἄλλος χυμὸς, ἀνάγκη μὲν εἰς τι τῶν πλησίον ἀφικέσθαι μορίων αὐτόν. ἐν ἐκείνῳ δὲ δυοῖν θάτερον, ἢ πεφθέντα ἢ καὶ διαφθαρέντα, μηκέτ' εἰς ἄλλο μεταρῆναι

τρίτον, ἢ μηδετέρου τῶν εἰρημένων τυχόντα πάλιν ἐκ τοῦ δευτέρου μορίου μεταρεῖν εἰς ἕτερον, εἴτ' ἐξ ἐκείνου πάλιν εἰς ἄλλο. καὶ τοῦτο μὴ παύεσθαι γιγνόμενον, ἄχρις ἂν εἴς τι κατασκήψη τοιοῦτον, ὃ μηκέτ' εἰς ἄλλο διώσασθαι δύναται τὸ πλεονάζον ἐν ἑαυτῷ. συμβαίνει δὲ τοῦτο τῶν μορίων ἐκείνοις ὅσα τὴν ἀποκριτικὴν δύναμιν ἀσθενεστέραν ἔχει τῶν πλησιαζόντων ἀπάντων. οὐκέτι γὰρ ἀπώσασθαι τὸ λυποῦν εἰς ἐκεῖνα δύναται τὰ μὴ παραδεχόμενα, διὰ τὴν ἐν αὐτοῖς ἰσχύν. ἐδείχθη γοῦν καὶ τοῦτο ἡμῖν δι' ἐκείνων τῶν ὑπομνημάτων, ὡς οὐ μόνον ὠθεῖ τὸ περιττὸν ἕκαστον τῶν μορίων εἰς τὸ πλησιάζον, ἀλλὰ καὶ ὅτι δέχεται μὲν, πολλάκις δ' ἀντιπέμπει καὶ ἀντωθεῖ μὴ παραδεχόμενον εἰς ἑαυτὰ, κἂν τούτῳ τὸ ἰσχυρότερον ἐκράτησε. διὸ καὶ τὰ πάντων ἀσθενέστερα μόρια πρῶτα τοῖς περιττωματικοῖς ἀλίσκεται νοσήμασιν. ἐκ τοιούτου δὲ τινος τρόπου καὶ τὰς καλουμένας ῥευματικὰς διαθέσεις ἴσθι γιγνομένας, ἀσθενοῦς μὲν ὅλου τοῦ σώματος ὄντος, ὅπερ ἔν τι τῶν τῆς καχεξίας εἰδὸς ἐστίν, εἰωθότων τῶν κυρίων αὐτοῦ μορίων βαρύνεσθαι, κἂν ὀλίγον ἐν αὐτοῖς ἐστὶ τὸ αἷμα, διωθούμενόν τε τοῦτο πρὸς τὰ κατὰ τὸ δέρμα μέρη τὰ σαρκώδη, καὶ μᾶλλον γε εἰς τοὺς ἀδένας ἐπιτηδείους ὄντας ὑποδέχεσθαι τὸ περιττὸν, διὰ τε τὸ χαῦνον τῆς οὐσίας καὶ ὅτι τῶν ἄλλων μορίων ἀσθενεστάτας ἔχουσι τὰς φυσικὰς δυνάμεις, ὥσπερ γε καὶ ἡ πιμελή. τετάρων γὰρ αὐτῶν οὐσῶν, ὡς ἐδείχθη, πρῶτης μὲν τῆς ἐλκτικῆς, δευτέρας δὲ καθεκτικῆς καὶ τρίτης τῆς ἀποκριτικῆς, καὶ τετάρτης τῆς ἀλλοιωτικῆς, τὰς

μὲν ἄλλας τρεῖς ἀσθενεστάτας ἔχουσιν οἱ ἀδένες καὶ αἱ σάρκες, τὴν ἀλλοιωτικὴν δὲ μόνην οὐ πολλῶ μείω τῶν ἄλλων μορίων. ἐφεξῆς δὲ τοῖς ἀδένεσιν ὁ πνεύμων ἐστὶν ἐτοιμότητος δέξασθαι ῥεῦμα. καὶ γὰρ οὗτος ἀσθενεῖς τε τὰς τρεῖς ἔχει δυνάμεις καὶ τὸ σῶμα χαῦνον. εἴθ' ἐξῆς ὁ σπλήν. ὁ δ' ἐγκέφαλος ὅμοιος μὲν τούτοις ἢ καὶ μᾶλλον ἐπιτήδειος δέξασθαι ῥεῦμα. πλεονεκτεῖ δ' αὐτῶν ἐκ τῆς κατασκευῆς εἰς ἀπόκρισιν ἐτοιμῆς οὕσης ὧν ὑπεδέξατο. κοιλίας μὲν γὰρ ἔχει μεγάλας κατάντεσι πόροις ἐκκενουμένας. οἷς ἂν οὖν φύσει ῥωμαλεώτερος ἢ τοῦ σαρκώδους γένους ὁ πνεύμων τε καὶ ὁ σπλήν καὶ ὁ ἐγκέφαλος, ἐπὶ τούτων εἰς τοὺς ἀδένες καὶ τὰς σάρκας ἀφικνεῖται τὰ ῥεύματα καὶ τοῦ σώματος ἕξεως ὅλης ἀσθενούσης, ὡς ἐπὶ τῶν ῥευματικῶν ἐστὶ διαθέσεων. εἰκότως τοιγαροῦν ἡ θεραπεία τούτων οὐ κένωσιν ἔχει τὸν σκοπὸν, ἀλλὰ τοῦ παντὸς σώματος τὴν ῥῶσιν. ἢ γε μὴν ἀρχὴ τῆς θεραπείας ἀπὸ φλεβοτομίας αὐτοῖς γίνεται. μοχθηρῶν δὲ τῇ ποιότητι τῶν περιττωμάτων ὄντων καὶ κάθαρσιν παραλαμβάνομεν ἐφ' ὧν μάλιστα σωμάτων οὐδετέρου πλήθους ἀναμένειν χρὴ τὸ οἰκεῖον σύμπτωμα, βάρους μὲν τοῦ πρὸς τὴν δύναμιν, τάσιν δὲ τοῦ κατὰ τὸ ἔγχυμα. κατὰ δὲ τὸν αὐτὸν λόγον ἐπὶ τῶν πληγέντων τι μορίων ἀξιολόγως, ἢτε ἄλλως ὅπως οὖν ἀρχομένην ἐχόντων φλεγμονὴν, ἐπειδὴν μεγάλην αὐτὴν ἔσεσθαι προσδοκῆσωμεν, ἀπὸ κενώσεως ἀρχόμεθα τῆς θεραπείας ἢ καθαίροντες ἢ φλεβοτομοῦντες ὁποτέραν κρίνομεν ἀμείνω κένωσιν ἔσεσθαι.

9. Καλῶς οὖν ἐν τοῖς προκειμένοις τῶν περὶ διαίτης ὀξέων

παρήνηται φλεβοτομεῖν ἡμᾶς, ὅταν ἦ μέγα τὸ νόσημα καὶ ἀκμάζει [ἢ νόσος, ἦ] ὁ νοσῶν καὶ ῥώμη παρῆ. καὶ κακῶς ὁ Μηνόδοτος ἐπὶ τῇ καλουμένῃ πληθωρικῇ συνδρομῇ μόνη τὰς φλεβοτομίας λέγει τετηρηῆσθαι. τὸναντίον γὰρ ἅπαν οἱ σκοποὶ τῆς φλεβοτομίας οὐ περιλαμβάνουσι, πρῶτον ἐν αὐτοῖς τὸ πλῆθος, ἀλλὰ τὴν ὑποψίαν τοῦ γενομένου πάθους. εἰ γὰρ ἔσσεσθαι φαίνοιτο μέγα, φλεβοτομήσομεν πάντως, κἂν μηδὲν ἦ τῶν τοῦ πλήθους γνωρισμάτων, ἐπισκοποῦντες ἡλικίαν τε καὶ χώραν καὶ δύναμιν, ἃ μόνον φαίνεται κἂν τοῖς προκειμένοις τῶν περὶ διαίτης εἰρημένα. τὸν μὲν γὰρ ἀκμάζοντα διὰ τὰ παιδιά καὶ τοὺς γέροντας εἰς διορισμὸν παρέλαβεν. οἱ πρῶτοι δ' εἰσὶ καὶ κυριώτατοι σκοποὶ τῆς φλεβοτομίας μέγεθος νοσήματος καὶ ῥώμη τοῦ κάμνοντος, καὶ ταύτην χρῆ πρώτην λέγειν εἶναι συνδρομὴν, οὐ τὴν πληθωρικὴν, ἐφ' ἣ τετήρηται φλεβοτομία. περιέχεται γὰρ ἐν αὐτῇ κἄκείνη τὸ μέγεθος αὐξάνουσα τοῦ νοσήματος. οὐ μόνον γὰρ ὅταν ἦδη παρῆ τὸ μέγα νόσημα, φλεβοτομίας καιρὸς, ἀλλὰ κἄπειδὴν ἐπίδοξον ἔσσεσθαι. φθάνει γὰρ ἡ παιδείσις ἦν Ἰπποκράτης εἶπε διδάσκων ἡμᾶς, ὅσα παρόντων ἦδη τῶν νοσημάτων ὀρθῶς ἂν πράξαιμεν, ἅμεινον εἶναι ταῦτα κατὰ τὰς ἀρχὰς αὐτῶν ἢ μελλόντων ἄρχεσθαι φθάνειν ποιοῦντας. ὥστε τοὺς εἰρημένους σκοποὺς ἐπὶ τοὺς ὑγιαίνοντας ἔστι μεταφέρεσθαι. καὶ γὰρ καὶ τούτους φλεβοτομήσεις ἐπιδόξους γενομένους ἀλώσεσθαι μεγάλῳ νοσήματι, πρὸς τε τὴν ἡλικίαν ἀποβλέπων καὶ τὴν ῥώμην. εἰ γὰρ ἐπιτήδειός

τις ἐν νοσήματι γενέσθαι μεγάλῳ, κἄν μηδὲν μηδέπω κατὰ τὸ σῶμα παρῆ σύμπτωμα, φλεβοτομεῖν ἀξιοῦμεν. ἀρκεῖ γὰρ τὴν ἡλικίαν ἐπισκέψασθαι μετὰ τῆς δυνάμεως, ὥστε τρία τὰ συνέχοντα τὴν διάγνωσιν εἶναι, μέγεθος νοσήματος, ἥτοι παρὸν ἢ προσδοκώμενον, καὶ ἡλικίαν ἀκμάζοντος καὶ ῥώμην δυνάμεως. ἴσως δὲ μόνον ἀμελέστερον ἐρμηνεύεσθαι δόξει τὸ τῆς ἡλικίας ἐν τοῖς προκειμένοις, ἐν τῷ περὶ διαίτης ὀξέων. οὐ γὰρ τὴν τῶν ἀκμαζόντων εἰρῆσθαι μόνον ὀρθῶς ἔχει, ἀλλὰ καὶ τὴν πρὸ αὐτῆς καὶ μετ' αὐτὴν, ὡς δύο μόνας ἐξαιρεῖσθαι τοῦ διορισμοῦ, τὴν τε τῶν παίδων καὶ τὴν τῶν γερόντων. ἀλλ' ἢ μὲν τῶν γερόντων ἐν τῷ τῆς δυνάμεως λόγῳ περιέχεσθαι δύναται. ῥώμη γὰρ οὐδενὶ τῶν κατ' αὐτὴν τὴν ἡλικίαν ἐστίν. ἐνίοις δὲ τῶν ἰατρῶν οὐδὲ τοῖς παισὶν ἔδοξεν ὑπάρχειν ῥώμην κακῶς ἐγνωκόσιν, ὡς ἐν ἑτέροις ἐπιδέδεικται μοι. φλεβοτομήσομεν οὖν, εἰ μέγα τὸ νόσημα προσδοκοίημεν εἶναι, ἢ παρὸν ἤδη θεωροίημεν ἢ ἀρχόμενον, ἐπισκεψάμενοι τὴν ῥώμην τῆς δυνάμεως, ἐξελοῦντες τοῦ λόγου μόνον τὰ παιδιά, καὶ φήσομεν ἐλλειπέστερον εἰρῆσθαι τὴν ἀπὸ τῆς ἡλικίας διάγνωσιν ὑπὸ τοῦ γράψαντος τὰ προκείμενα τῷ περὶ διαίτης ὀξέων. ἀρκοῦσι γὰρ οὗτοι μόνον σκοποὶ πρὸς φλεβοτομίαν. οὐδὲ γὰρ ὅποτε πλῆθος ὠμῶν χυμῶν ἤθροισται τοιοῦτον, ὡς κελεύεσθαι φλεβοτομεῖν, ὁ λόγος ἐλέγχεται. ῥώμη γὰρ τούτοις δυνάμεως οὐ πάρεστι. καὶ αὐτὸ γε τοῦτ' ἐστὶ γνώρισμα τοῦ μὴ δύνασθαι φλεβοτομίαν ἐνεγκεῖν αὐτοὺς, ὅταν ἅμα τῷ χρώματι τοῦ παντὸς σώματος ἐμπεπτωκότε τοῦ δηλοῦντος

αἷμα πλεονάζειν, ὁ σφυγμὸς ἀνώμαλος ἢ κατὰ σφοδρότητα καὶ μέγεθος ἐπικρατούντων κατὰ τὴν ἀνωμαλίαν αὐτοῦ τῶν ἀμυδρῶν τε καὶ μικρῶν. ὠρισμένων οὖν τριῶν σκοπῶν φλεβοτομίας, μεγέθους νοσήματος, ἤτοι παρόντος ἢ προσδοκωμένου ἢ ἀρχομένου, ἡλικίας ἀκμάζοντος, ῥώμης δυνάμεως ἔξω τῆς τῶν παιδῶν ἡλικίας, ἐπὶ τὰ ἄλλα τὰ πρόσθεν εἰρημένα γνωρίσματα φλεβοτομίας, ἃ προσέθηκαν οὐκ ὀλίγοι τῶν ἰατρῶν ἀφίξομεν, συνενδεικνύμενοι τὸ ποσὸν τῆς ἀφαιρέσεως, οὐκ αὐτὴν τὴν φλεβοτομίαν, ὥστε ἐκ μὲν τοῦ νοσήματος καὶ τῆς ἡλικίας καὶ τῆς δυνάμεως ὅτι φλεβοτομητέον γνωρίζεσθαι, τὸ ποσὸν δὲ τῆς κενώσεως οὐκ ἐκ τούτων μόνων, ἀλλὰ καὶ τῶν ἄλλων λαμβάνεσθαι. ταῦτα δὲ ἐστὶν ἢ τε πληθωρικὴ καλουμένη συνδρομὴ καὶ ἢ τοῦ περιέχοντος ἡμᾶς ἀέρος κρᾶσις, εἰς ὥραν καὶ χώραν τεμνομένη καὶ τὰ κατὰ τὸν προηγούμενον βίον γεγονότα περὶ τε ποιότητα καὶ ποσότητα τῶν ἐδηδεσμένων, ἐκκρίσεις τε καὶ κινήσεις ἤτοι γεγονυίας ἢ μή. περὶ μὲν οὖν τῆς ἐν τούτοις διαφορᾶς ὀλίγον ὕστερον ὀψόμεθα.

10. Περὶ δὲ τῶν ἐκατέρου τοῦ πλήθους γνωρισμάτων ἐν τῷ παρόντι σκεψόμεθα, πότερον ἐπὶ φλεβοτομίαν ἀφίξομεθα πάντως ὅταν φαίνεται ταῦτα περὶ τινὰ τῶν ἔτι τὰ συνήθη πραττόντων, ἢ οὐκ ἀναγκαῖον, ὅταν μηδεμίᾳ προσδοκίᾳ μεγάλου νοσήματος. ἦντινα τοίνυν ἔχωμεν γνώμην καὶ περὶ τούτου ἴστε πολλάκις αὐτοὶ παραγεγονότες μοι συμβουλεύοντι, ἤτοι ποδαγρικοῖς ἢ ἀθριτικοῖς ἢ ἐπιληπτικοῖς ἢ μελαγχολικοῖς, ἢ αἷμα

πρόσθεν ἐπτυκόσιν, ἢ κατὰ θώρακα πρὸς τοιοῦτον πάθημα κατασκευὴν ἐπιτηδείων ἔχουσιν, ἢ σκοτοματικοῖς, ἢ συνεχῶς ἀλισκομένοις συνάγχῃ ἢ περιπνευμονία, ἢ πλευρίτισιν, ἢ ἥπατίτισιν, ἢ ὀφθαλμίαις σφοδραῖς, ἢ καθόλου φάναι μεγάλῳ νοσήματι. φλεβοτομίαν γὰρ ἐπὶ τῶν τοιούτων ἀπάντων ἀναγκαῖον εἶναι φημι βοήθημα παραχρῆμα προσαγόμενον, ἐπιδιωρισμένη τῇ δυνάμει τε καὶ ἡλικία. ταῦτα εἰ μὴ λεχθείη ποτὲ, προσυπακούεσθαι χρή. τοῖς δὲ μηδὲν τοιοῦτον πεπονθόσιν ἔμπροσθεν ἀπάντων τε τῶν μορίων τοῦ σώματος ἄμεμπτον ἔχουσι κατασκευὴν, ἵστε δῆπου διττὴν ὁδὸν τῆς κενώσεως ὑποτιθέμενόν με, διὰ φλεβοτομίας μὲν εἰ ἀκρατεῖς εἶεν τῇ διαίτῃ, χωρὶς δὲ ταύτης εἰ ἐγκρατεῖς. ἔνεστι γὰρ καὶ τρίψει πολλῇ καὶ λουτροῖς καὶ περιπάτοις καὶ ταῖς ἄλλαις κινήσεσι, ἔτι χρίσμασι διαφορητικοῖς, ταχέως ἐκκενῶσαι τὸ πλῆθος, εἰ μὴ ἄρα σοι δόξει ποτὲ παχέος αἵματος εἶναι πλεο-νεξίαν. τοιοῦτον δὲ ἐστὶ μάλιστα τὸ μελαγχολικὸν ὡς τὰ πολλά. σπανίως δὲ πού καὶ τὸ τῶν ὤμων καλουμένων χυμῶν. ἀλλ' ἐπὶ μὲν τῆς μελαγχολικῆς καλουμένης περιουσίας φλεβοτομεῖν ἄμεινον, ἢ πάντως γε φαρμάκῳ χρῆσθαι μελάνων καθαρτικῶ, τῶν δ' ὤμων χυμῶν ἐπικρατούντων, πρὶν μὲν ἄρξασθαι νοσεῖν, εὐλαβῶς ἀποκενώσεις, ἥδη δὲ πυρεττόντων, ὡς ἔμπροσθεν εἶπον, οὐδ' ὄλως. ἔξεις δὲ αὐτῶν γνώρισμα τό τε τῆς χροιάς μολιβδῶδες ἢ ὀχρώλευκον ἅπαντά τε μᾶλλον ἢ ἐρυθρὸν, καὶ τὴν τῶν σφυγμῶν ἀνωμαλίαν. εἰ δὲ ἱκανῶς ἠϋξημένον εἶη τὸ τοιοῦτον πλῆθος, καὶ τὸ βάρος τοῦ

σώματος αὐτοῖς σύνεστι καὶ πρὸς τὰς κινήσεις ὄκνος καὶ γνώμης νωθρότης καὶ αἰσθήσεων ἀμαυρότης. ἔμπαλιν δὲ τούτοις τοὺς ἐξ ἐπισχέσεως αἰμορροΐδων ἠθροικότας αἷμα φλεβοτομήσεις θαρρῶν, κἄν μὴ πρότερον ὧσι πεπειραμένοι μεγάλου νοσήματος. ἐνδέχεται μὲν γὰρ αὐτοὺς ἐπιτηδείους μὲν εἶναι πρὸς τι τῶν τοιούτων, οὐδέπω δὲ πεπονθέναι διὰ τὴν ὑπὸ τῶν αἰμορροΐδων κένωσιν. ἐὰν δὲ καὶ φαίνωνται τινὰ μόρια κατεσκευασμένοι μοχθηρῶς, καὶ μάλιστα τὸ κατὰ θώρακα, πάντως αὐτοὺς φλεβοτομήσεις ἐν τάχει.

11. Τὴν αὐτὴν δὲ γνώμην ἴστε με καὶ περὶ γυναικῶν ἔχοντα τῶν ἐπεσχημένων τὴν ἔμμηνον κάθαρσιν. οὐδὲ γὰρ οὐδ' ἐπὶ τούτων ἀναβάλλεσθαι χρὴ τὴν κένωσιν. οὐ μὴν ἀναγκαῖόν γε σχάσαι τὴν φλέβα. καὶ γὰρ αἱ τῶν σφυρῶν ἀποχαράξεις ἱκαναὶ κενῶσαι τὸ περιττὸν, ἔχουσαί τι καὶ ἄλλο προτρεπτικὸν εἰς τὴν τῶν ἐμμήνων κίνησιν, ὥσπερ γε καὶ αἱ κατὰ τὰ σφυρὰ καὶ τὰς ἰγνύας φλεβοτομίαι. τὰς γὰρ ἐξ ἐπισχέσεως καταμηνίων ἀπὸ τῶν σκελῶν πάντως κενώσεις, εἴτε φλέβα χρὴ τέμνειν, εἴτ' ἀποσχάζειν. ἀντισπᾶν γὰρ εἴωθεν ἢ ἐξ ἀγκῶνος φλεβοτομία τὰς τῶν γυναικῶν καθάρσεις, ἀθροίζουσι δὲ καὶ τούτων αὐτῶν ὅσαι μὲν λευκότεραι λεπτότερον αἷμα, καὶ διὰ τοῦτο ταῖς ἀπὸ τῶν σφυρῶν ἀμυχαῖς ὀνίνανται μάλιστα. τὰς μελαντέρας δὲ φλέβας τέμνων θεράπευε. παχύτερον γὰρ ἀθροίζουσιν αἷμα καὶ μελαγχολικώτερον, ἔτι δὲ μᾶλλον ἂν μεγάλας ἔχειν φαίνωνται τὰς φλέβας. ὑπάρχει δὲ τοῦτο ἰσχυνοτέραις τε καὶ μελαντέραις. εὐσάρκοις δὲ καὶ λευκαῖς σμικρότης τῶν

φλεβῶν, ἐφ' ὧν ἀποσχάζειν ἄμεινον τὰ σφυρὰ τοῦ τέμνειν τὴν φλέβα. καὶ γὰρ καὶ μικρὰς αὗται τὰς ἐν τοῖς σκέλεσι φλέβας ἔχουσιν, ὥστε οὐδὲ ρεῖ τὸ σύμμετρον, εἰ καὶ καλῶς τμηθεῖη. οὐ χρὴ δὲ ὑμᾶς καταφρονεῖν φλεβοτομίας ὡς οὐκ ἀντισπαστικοῦ βοηθήματος, ἔωρακότας ἐμὲ πολλάκις ἐπὶ τῆς ἐκ ῥινῶν αἰμορραγίας, ὅταν ἦ σφοδρὰ, χρώμενον τῷ βοηθήματι καὶ παύοντα τὴν ῥύσιν αὐτίκα. προσήκει δ', ὡς ἐθεάσασθε, μὴ περιμένειν εἰς ἔσχατον ἀφικέσθαι καταπτώσεως τὴν δύναμιν, ἀλλ' ὅταν ἤδη δοκῇ κεκενωῖσθαι μὲν τὸ σύμμετρον, ἢ δ' ὀρμὴ τῆς φορᾶς τοῦ αἵματος ἰσχυρὰ διαμένῃ, τέμνειν ἐν ἀγκῶνι φλέβα, δεξιοῦ μὲν αἰμορραγοῦντος μυκτῆρος τῇ δεξιᾷ χειρὶ, θατέρου δὲ κατὰ τὴν ἀριστεράν· ἅμα δὲ τοῦτο τῷ ἔργῳ καὶ τοῖς κώλοις περιβάλλειν δεσμοὺς ἐκ ταινίων ἢ ἐρίων καὶ συκίαν ὑποχονδρίῳ προσβάλλειν ᾧ κατ' εὐθύ· ταῦτα γὰρ καὶ ἡμεῖς ποιοῦντες, ὡς ἴστε, διαπαντὸς ἐπέσχομεν τὰς ἐκ ῥινῶν αἰμορραγίας, πειρασθέντες ἔμπροσθεν ὧν γεγράφασιν εἰς τε τὰς ῥίνας ἐκτιθεμένων φαρμάκων, ἐπὶ τε τοῦ μετώπου καταχριομένων πάντων ἀσθενῶν. ὥστε πρὸς τοῖς εἰρημένοις περὶ φλεβοτομίας ἔμπροσθεν καὶ τοῦτο καταβάλλει τὸν Μηνοδότου λόγον, ἡγουμένου τὴν πληθωρικὴν ὀνομαζομένην συνδρομὴν ἀναμινθήσκειν ἡμᾶς τοῦ βοηθήματος. ἢ γὰρ εἰρημένη νῦν διάθεσις ἐναντία σαφῶς ἐστὶ τῇ πληθωρικῇ. παραλαμβάνομεν δ' ἐπ' αὐτῆς τὴν φλεβοτομίαν οὐχ ὡς κενωτικὸν, ἀλλ' ὡς ἀντισπαστικὸν βοήθημα.

12. Οὐδὲν οὕτω τὴν ἰατρικὴν τέχνην ἐν ταῖς πράξεσιν ἀποφαίνει στοχαστικὸν, ὡς τὸ ποσὸν ἐκάστου τῶν βοηθημάτων. εἰδότες γοῦν ἀκριβῶς πολλακίς ὡς καιρὸς τοῦ δοῦναι τροφήν ἢ ποτὸν ἤτοι θερμὸν ἢ ψυχρὸν ἐνέστηκεν, ὅποσον χρὴ δοῦναι βεβαίως οὐκ ἴσμεν. ὡσαύτως δὲ καὶ πῶς τῶν καθαιρόντων φαρμάκων, ὅτι ἤτοι χολῆς ξανθῆς, ἢ μελαίνης, ἢ φλέγματος, ἢ τῶν ὀρρώδων περιττωμάτων ἐστὶ δοτέον τῷ κάμνοντι κενωτικὸν φάρμακον ἀκριβῶς ἴσμεν ἐνίστε, πόσον δὲ δοῦναι προσήκει οὐκ ἐπιστάμεθα. ἀλλὰ τοιαύτη μὲν ἡ δόσις ἐπανόρθωσιν οὐδεμίαν ἔχει. τὸ γὰρ ἅπαξ εἰς τὴν γαστέρα καταποθὲν φάρμακον οὐ δύναται μὴ καταπεπῶσθαι πᾶν, οὐδ' ἔστιν οἷόν τε μᾶλλον ἤδη καθαιρομένου τοῦ ἀνθρώπου μέρος ἀφελεῖν τι τοῦ προσενηνεγμένου. ἐπὶ δὲ τῆς φλεβοτομίας ἀγαθὸν τοῦτο μέγιστον ὑπάρχει, παύειν ὅποτε βούλοιο τὴν κένωσιν, εἴτ' αὖθις πάλιν ἐν ὧπερ ἂν ἐθελήσεις καιρῷ ρεῖν ἐπιτρέπειν, ἄχρις ἂν ὀρθῶς ἔχειν σοι φαίνεται. διόπερ ἄμεινον ἐστὶν, ἐὰν μηδὲν ἐπείγῃ, τὴν πρώτην ἀφαίρεσιν ἐλλιπέστερον ποιησάμενοι, ἐπαφαιρεῖν αὖθις· εἰ δὲ βούλοιο, καὶ τρίτον. ἐφ' ὧν οὖν ἐστὶ κενώσεως μὲν χρεῖα πολλῆς, οὐκ ἰσχυρὰ δ' ἡ δύναμις, ἐπὶ τούτων προσήκει ταμιεύεσθαι τὴν κένωσιν, ὥσπερ ἀμέλει καὶ πῶς τῶν πλῆθος ἐχόντων ὠμοτέρων χυμῶν ἐθεάσασθαι με πράττοντα. κενώσας γὰρ ὀλίγον αἷμα εὐθέως δίδωμι μελικράτου καλῶς ἠψημένου μετὰ τινος τῶν λεπτυντικῶν φαρμάκων ἢ ὑσώπου ἢ ὀριγάνου καὶ ποτὲ καλαμίνθης, ἢ γλήχωνος, ἢ καὶ μετὰ

τοῦ μελικράτου, ἢ ὀξύμέλιτος, ἢ ὀξύγλυκέως, εἴτ' αὖθις ἐπαφαιρῶ ποτὲ μὲν ἐπὶ τῆς αὐτῆς ἡμέρας, ἐνίοτε δὲ κατὰ τὴν ὑστεραίαν, ἐν ἧ' ἄλλοις ὁμοίως διδούσιν τῶν εἰρημένων τι φαρμάκων αὖθις ἐπαφαιρῶ, καὶ κατὰ τὴν τρίτην ἡμέραν δις ὡσαύτως. ἀλλ' ὅταν ἦ ζέοντος αἵματος πλῆθος, ἀνάπτον ὀξύτατον πυρετὸν, ἀθρόας ἐστὶ κενώσεως χρεία. καὶ τοῦτο χρὴ πειρᾶσθαι κενοῦν, ἄχρι λειποθυμίας, ἐπισκεψάμενον τὴν ῥῶσιν τῆς δυνάμεως. ὥστε ἐνίων οἶδα κοτύλας ἕξ ἀφελεῖν εὐθέως ἦτοι κατὰ τὴν δευτέραν ἢ τὴν τρίτην ἢ τὴν τετάρτην ἡμέραν. ἐνίοτε καὶ κατὰ τὴν πρώτην αὐτὴν, ὅταν μὲν πυρετὸς ἄρξηται περὶ τὰ πρῶτα τῆς νυκτὸς ἢ τὰ μέσα, καλῶς δ' ἦ πεπεμμένα τὰ κατὰ τὴν προτεραίαν ἐδηδεσμένα. τινῶν δὲ κατὰ τὴν προτεραίαν ἀνωμαλίαν ἴδρωτα ἢ ἄλγημα κεφαλῆς ἢ ἄλλου τινὸς μέρους ἠτιασμένων, καὶ διὰ τοῦτο ἐνδεῶς διαιτηθέντων, ἀρχομένων δὲ πυρέττειν, νυκτὸς ἤδη προηκούσης, οἶδα κατὰ τὴν πρώτην ἡμέραν τελευτῶσαν ἀφελῶν αἵματος. ἐφ' ὧν γὰρ ἂν σοι φαίνηται ζέοντος αἵματος πλῆθος, ὅτι τάχιστα πειρῶ κενοῦν αὐτὸ πρὶν ἐπὶ τι κατασκήψει μόριον κύριον, ὥστε καὶ διὰ τῆς νυκτὸς οὐκ ὀκνήσεις τεμεῖν ἐνίοτε φλέβα. γελοῖον γὰρ ὅπερ οἱ πολλοὶ πράττουσιν ἀπὸ δευτέρας ὥρας ἡμέρας ἄχρι ε' ἢ σ' ἀφαιροῦντες μόνον αἵματος, ἐν ἄλλῳ δ' οὐδενὶ χρόνῳ οὓς εἰ μὴ καὶ κλυστῆρσι καὶ τροφῆς προσφορᾷ καὶ τοῖς ἄλλοις βοηθήμασι ἐώρων χρωμένους ἐν ἅπαντι καιρῷ τῆς νυκτὸς, ἐνῆν ἂν μοι χαλεπὸς ὁ πρὸς αὐτοὺς λόγος. ἐπεὶ δὲ πάντα πράττοντες οὐ τὸν

ὄρισμένον ἀριθμὸν ὠρῶν ἓνα καὶ κοινὸν ἐπὶ πάντων τῶν νοσοῦντων, ἀλλ' ὡς ἂν ὑπαγορεύῃ τὸ πάθος ἐπὶ μόνῃς τῆς φλεβοτομίας τὸν εἰρημένον ἀρτίως ἀεὶ περιμένουσι καιρὸν, εὐφωρότατον ἴσχουσι τὸ σφάλμα. τοὺς οὖν οὕτω διακειμένους ἀρρώστους, ὡς εἰρήκαμεν, προσήκει μέχρι λειποθυμίας ἄγειν. ἐνίους γὰρ αὐτῶν οἶδα καταψυχθέντας μὲν ἕξ ἀνάγκης ἐπὶ τῇ λειποθυμίᾳ, προσγενομένων δὲ νοτίδων ἐν ὄλῳ τῷ σώματι καὶ τῆς γαστρὸς καταρραγείσης ἐν τάχει παυσαμένους τῆς νόσου. προσέχειν μέντοι καλῶς ἔχει τῇ καθαιρέσει τῶν σφυγμῶν, ἐφαπτόμενον αὐτῶν ἔτι ῥέοντος τοῦ αἵματος, ὥσπερ κἀπὶ τῶν ἄλλων ἀπάντων εἴωθα πράττειν τῶν φλεβοτομουμένων, ὅπως μὴ ποτε λάθῃς αὐτὸν ἀντὶ λειποθυμίας θάνατον ἐργασάμενος, ὅπερ οἶδα τρισὶν ἰατροῖς γενόμενον. ἐφλεβοτόμησεν εἰς μὲν αὐτῶν γυναῖκα πυρέττουσαν, ἑκατέρος δὲ τῶν ἄλλων ἄνδρα μέχρι λειποθυμίας τοσαύτης ὡς μηκέτι ἀναληφθῆναι. καὶ διὰ τοῦτο αὐτὸ βέλτιόν ἐστι φυλάττεσθαι τὰς ἀθρόας κενώσεις, εἰ μὴ τις ἀνάγκη μεγάλη κελεύῃ. καὶ μέντοι καὶ ἡ ἀντίσπασις οὐ μικρὸν οὖσα βοήθημα καὶ διὰ φλεβοτομίας γιγνομένη πολλάκις ὅσῳ περ εἰς ἀριθμὸν πλέονα τὰς κατὰ μέρος ἀφαιρέσεις αὐξήσεις, τοσοῦτον δραστικώτερον γίνεται. ταῦτα μὲν οὖν ἀμείνω προεγνῶσθαι.

13. Πάλιν δὲ ἕξ ἀρχῆς ἀνελθόντες ἐπὶ τὸ προκείμενον σκέμμα διέλθωμεν ὅσα γινώσκομεν ἀναγκαιότατα βουλομένοις ἀβλαβεῖς ἀεὶ τὰς φλεβοτομίας ἐργάζεσθαι. πρῶτον μὲν ἐπίστασθαι προσήκει τοὺς εἰρημένους σκοποὺς

τοῦ βο-ηθήματος ἀυξομένους μὲν ἐνδείκνυσθαι πλέονα κένωσιν, ἐκλυομένους δὲ καθαίρειν εἰς τοσοῦτον τὴν ποσότητα τῆς κενώσεως, εἰς ὅσον ἐμειώθησαν αὐτοί. μέγεθος οὖν νοσήματος ἅμα ῥώμη δυνάμεως οἱ πρῶτοι σκοποὶ φλεβοτομίας ἦσαν, ὁ μὲν ὡς ἐνδεικνύμενος αὐτὸς ἂν χρή πράττειν, ὁ δ' ὡς οὐ κωλύων ἐκεῖνον, ὅπερ ἀντιενδείκνυσθαι καλοῦσιν ἔνιοι τῶν νεωτέρων ἰατρῶν. ἐνίστε γὰρ ἢ μὲν διάθεσις ὑπαγορεύει τὴν φλεβοτομίαν, ἢ δ' ἀρῥωστία τῆς δυνάμεως κωλύει. τούτων δ' ἀμφοτέρων τῶν σκοπῶν ὑπαρχόντων, δῆλον μὲν, ὡς ἐλέχθη πρόσθεν, οὐδὲ πλῆθος ἐστὶ χυμῶν ὠμῶν τοσοῦτων τε καὶ τοιοῦτον ὡς κωλύσαι τὸ βοήθημα. συνεπισκέπτεσθαι δ' ἐφεξῆς ὅποια ἢ φυσικὴ κρᾶσις ἐστὶ τᾶνθρώπου. τοὺς μὲν γὰρ μεγάλας ἔχοντας τὰς φλέβας, ἰσχνούς τε μετρίως καὶ μὴ λευκοὺς μηδ' ἀπαλοσάρκους ἀφειδέστερον κενώσεις, τοὺς δ' ἐναντίους φειδομένως. αἷμά τε γὰρ ὀλίγον ἔχουσιν εὐδιαφόρητόν τε τὴν σάρκα. κατὰ τοῦτον οὖν τὸν λόγον οὐδὲ τοὺς παῖδας φλεβοτομήσεις μέχρι τεσσαρακαιδεκαετοῦς ἡλικίας, μετὰ δὲ ταύτην ἐὰν αἷμα πάμπολύ τε φαίνεται ποτὲ ἠθροισμένον, ἢ θ' ὥρα τοῦ ἔτους ἐαρινὴ καὶ τὸ χωρίον εὐκρατον φύσει καὶ ἢ τοῦ παιδὸς φύσις εὐαἶμος, ἀφαιρήσεις ἔτι μᾶλλον αἷμα, εἰ κίνδυνος ἐφεδρεύει περιπνευμονίας, ἢ συνάγχης, ἢ πλευρίτιδος, ἢ τινὸς ἄλλου ὀξέος καὶ σφοδροῦ νοσήματος. ἀφαιρήσεις δὲ τὸ πλεῖστον ἄχρι κοτύλης τὸ πρῶτον. ἐὰν δέ σοι μετὰ ταῦτα ἐπισκεπτομένῳ δόξη τὰ τῆς δυνάμεως ἰσχυρὰ διαμένειν, ἥμισυ προσθήσεις κατὰ

τὴν ἐπαφαίρεισιν. ἔμαθες δὲ τῷ σφοδρῷ σφυγμῷ μετὰ ὀμαλότητος ὡς ἀψευδεῖ σημεῖω πιστεύειν περὶ δυνάμεως ἰσχυρᾶς, ἐξ ἐπιμέτρου δὲ καὶ τῷ μεγάλῳ. καὶ τοίνυν καὶ τοὺς ἐβδομηκοντούτας φλεβοτομήσεις ὧν εἴρηκα σφυγμῶν παρόντων, ἐπειδὰν ἡ διάθεσις κελεύῃ. εἰσὶ γὰρ ἔτι καὶ κατὰ τὴν ἡλικίαν τήνδε πολύαιμοί τινες ἅμα ῥώμῃ δυνάμεως, ὥσπερ ἕτεροι ξηροὶ, καὶ ὀλίγοι μοι καὶ ῥαδίως μελαινόμενοι πᾶν τὸ πληγὲν μέρος. οὐ προσέξεις οὖν τῷ ἀριθμῷ μόνον, καθάπερ ἔνιοι προσέχουσιν, ἀλλὰ τῇ τοῦ σώματος ἕξει. καὶ γὰρ ἔξηκο-ντοῦταί τινες οὐκέτι φέρουσι φλεβοτομίαν, ἐβδομηκοντοῦται δὲ φέρουσιν. ἀλλὰ ἔλαττον ἀφαιρήσεις δηλονότι τούτων, εἰ καὶ τὴν αὐτὴν ἔχειν φαίνονται διάθεσιν ἀκμαστικῷ σώματι.

14. Κάλλιστον μὲν πρὸ τοῦ διαιρεῖν τὴν φλέβα τὰ τοιαῦτα πάντα ἐπισκέπτεσθαι, καὶ μάλιστα περὶ αἱμορροΐδων ἐπισχομένων καὶ γυναικείας καθάρσεως. ὁπότε γὰρ σχασθείσης τῆς φλεβὸς ῥέῃ τὸ αἷμα, τῇ μεταβολῇ μὲν αὐτοῦ, καὶ μάλισθ' ὅταν ἦ ἤδη φλεγμονή, καὶ τῷ τόνῳ δὲ τῆς ῥύσεως ὀκλάζοντι, μάλιστα δὲ τῇ μεταβολῇ τῶν σφυγμῶν ὡς ψευδεῖ γνωρίσματι προσέχειν δεῖ τὸν νοῦν καὶ παύειν αὐτίκα μεταβάλλοντος ἢ κατὰ μέγεθος ἢ κατὰ ἀνωμαλίαν ἦντινοῦν. περὶ μὲν γὰρ τῆς εἰς ἀμυδρότητα μεταβολῆς τί δεῖ καὶ λέγειν; ἔμαθες γὰρ ἐν τῇ ποιότητι ταύτῃ βεβαίαν γίνεσθαι διάκρισιν ἰσχυρᾶς τε καὶ ἀσθενοῦς δυνάμεως. ἐφ' ὧν δὲ ἐγγὺς τῆς διαιρουμένης φλεβὸς ἐστί τις φλεγμονὴ μεγάλη, κάλλιστον ἀναμένειν τὴν μεταβολὴν τοῦ αἵματος ἐν

τε τῆ χροιά καὶ τῆ συστάσει, καθάπερ καὶ ὁ Ἴπποκράτης ἐδήλωσεν ἐν τῷ περὶ διαίτης ὀξέων, ἐπὶ πλευρίτιδος ποιούμενος τὸν λόγον. ἕτερον γάρ ἐστι τὸ κατὰ φλεγμονὴν αἷμα τοῦ κατὰ φύσιν, ἐπιθερμαινόμενον ἐπιπλέον, εἰ μὲν ἦν ἔμπροσθεν ὠμότερον, ἐρυθρότερον καὶ ξανθότερον γίνεται, εἰ δὲ τοιοῦτον ἦν ἔμπροσθεν, ἐπὶ τὸ μέλαν ἐκτρέπεται κατοπτώμενον, διὰ τοῦτο ἔγραψεν ἐπὶ τῶν πλευριτικῶν ὁ Ἴπποκράτης ὧδε· ὁποῖαν δὲ χρῆ τέμνειν τὴν ἐν ἀγκῶνι φλέβα τὴν εἴσω καὶ μὴ ὀκνεῖν συχνὸν ἀφαιρήσειν, ἔστ' ἂν ἐρυθρότερόν τε καὶ ξανθότερον πολὺ ῥυῆ, ἢ ἀντὶ καθαροῦ τε καὶ ἐρυθροῦ πελιδνόν. ἀμφοτέρα γὰρ γίνεται, σημεῖον γὰρ τίθεται τοῦ μετελιῆφθαί τι τοῦ κατὰ τὴν φλεγμονὴν αἵματος εἰς τὴν τετμημένην φλέβα, τῷ φανῆναι μεταβολὴν ἐν αὐτῷ. οὐ μὴν ἐκ παντὸς τρόπου περιμένειν χρῆ ταύτην, ἀλλ' ἔστ' ὅτε καὶ πρὸ τοῦ γενέσθαι παύεσθαι προσήκει διὰ διττὴν αἰτίαν, ἥτοι δυνάμεως ἀρρώστούσης ἢ κακοήθους φλεγμονῆς, ἐνίοτε γὰρ οὐδὲν μεθίησιν, ἀλλὰ ἔσφικται σφοδρῶς. εἰ μέντοι ἢ δύναμις μὴ φαίνοιτο καταλυομένη διὰ τῆς κενώσεως, εἶδη δὲ τοῦτο τῶν σφυγμῶν ἀπτόμενος, ὅταν φλεβοτομούμενος ἀκμάζων εἴη, περιμένειν προσήκει τὴν μεταβολὴν, καὶ μᾶλλον εἰ τὸ περιέχον εὐκρατον εἴη. δύο γὰρ ἐστι ταῦτα δι' ἃ μάλιστα γίνεται στοχαστικὸν τὸ ποσὸν τῆς κενώσεως ἐν τούτῳ τῷ βοηθήματι, τοῦ τε κάμνοντος ἢ φύσις ὁποῖα τίς ἐστὶν ἀδυνατούντων ἡμῶν ἀκριβῶς διαγνῶναι, τοῦ τε περιέχοντος ἢ κρᾶσις ὁποῖα τις ἔσται μετὰ τὴν φλεβοτομίαν. ὁπόταν γὰρ ἢ μὲν πυρετώδης

θερμασία διαφορῆ πολὺ τοῦ αἵματος, ἐνδεῶς δ' ὁ κάμνων
ἢ διαιτώμενος, ἐξ ἀνάγκης ἐπιλείπη ταχέως αὐτὸν ἢ
ἐκ τοῦ αἵματος τροφή, καὶν τούτῳ καταλυθῆ ἢ δύναμις.
ἐκδαπανᾶται δὲ διὰ μὲν τὴν κρᾶσιν τοῦ νοσοῦντος, ὑγρὰν
τε καὶ θερμὴν οὔσαν, οἷα περ ἐστὶ καὶ ἡ τῶν παίδων, διὰ
δὲ τὸ περιέχον ἐν χώρᾳ θερμῇ καὶ ὥρᾳ θερινῇ. διὰ τοῦτ'
οὔν ἔλαττον ἀφαιροῦμεν ἢ τὸ πλῆθος ὑπαγορεύει, κατὰ
μὲν τὰς ἡλικίας ἐπὶ τῶν παίδων, κατὰ δὲ τὰς ἕξεις τοῦ
σώματος ἐπὶ τῶν ἀπαλοσάρκων καὶ λευκῶν, οἷοί περ εἰσὶν
οἱ Κελτοὶ, κατὰ δὲ τὰς ὥρας ὑπὸ τοῦ κυνός. παραπλησίως
δὲ κατὰ τὰ χωρία καὶ τὰς καταστάσεις. καθ' ἕτερον δὲ
τρόπον, ὡς εἴρηται καὶ ἔμπροσθεν ἐπὶ τῶν ἐναντίων, ὅπερ
ἐστὶν ἐπὶ τῶν ψυχρῶν ὥρων τε καὶ χωρῶν, εὐλαβούμεθα
κένωσιν δαψιλῇ διὰ τὴν ἐπομένην κατάψυξιν. οὐκ οἶον
τε διὰ γραφῆς ἐφ' ἐκάστῳ τῶν εἰρημένων ἐν ἀφορίσαι
κενώσεως μέτρον. οἶδα γὰρ ἐπ' ἐνίων μὲν αὐτάρκως ἀφελεῖν
στ' λίτρας αἵματος, ὡς τὸν τε πυρετὸν αὐτίκα σβεσθῆναι καὶ
μηδεμίαν ἀκολουθῆσαι κάκωσιν τῆς δυνάμεως· ἐπ' ἐνίων
δὲ μίαν καὶ ἡμίσειαν οὐκ ἄνευ τοῦ βραχύ τι παραβλάψαι
τὴν δύναμιν, ἐφ' ὧν εἰ δύο τις ἐκένωσεν, ἔβλαψεν ἂν
ἐσχάτως. διὰ τοῦτ' οὔν οἶδα καὶ μίαν ἀφηρηκῶς λίτραν
ἐνίοτε ὠφελίμως, καί ποτε καὶ ταύτης ἐλάττονα, ἀπὸ φλεβὸς
κατ' ἀγκῶνα καὶ ἰγνύαν καὶ ἀστράγαλον, ὡς ἔκ τε τῶν
παρὰ τοὺς μεγάλους κανθοὺς τῶν ὀφθαλμῶν ἢ ὑπὸ τὴν
γλῶτταν, οὐδὲ ρεῖν εἴωθεν ἀξιόλογον, ὥσπερ οὐδ' εἴ τις ἐν
ποσὶν ἢ ἄκραις χερσὶ τέμνει φλέβα, καθάπερ καὶ οἱ σπλήνα

θεραπεύσασθαι νομίζοντες ὑπὸ τῆς παρὰ τὸν δεύτερον τῶν μικρῶν δακτύλων φλεβὸς τμηθείσης, ὑπὲρ ἧς ἐπιπλέον ἐφεξῆς εἰρήσεται.

15. Ὅσα οὖν καὶ περὶ τούτου τοῦ σκέμματος εἴρηται τοῖς ἰατροῖς εἰ γράφοιμι, δεήσει μοι βιβλίου μεγάλου, καθ' ἑαυτὸ δὲ πληρουμένου. καθάπερ δὲ ἐπὶ τῶν ἄλλων ἃ μέχρι δεῦρο τοῦ λόγου διώρισται, τὴν ἑμαυτοῦ γνώμην ὑμᾶς ἀνέμνησα, τεθεαμένους ἐπὶ τῶν ἔργων αὐτὴν μαρτυρουμένην, οὕτω καὶ νῦν πράξω, τὴν ἀρχὴν τοῦ λόγου ποιησάμενος ἐκ τῶν ἐναργῶς ὀσημέραι θεωρουμένων ἐπὶ τῶν καμνόντων, ἃ πρῶτος Ἴπποκράτης ἀκριβῶς παραφυλάξας ἔγραψεν. ἔστι δὲ αὐτῶν ἓν μὲν καὶ πρῶτον κεφάλαιον· ὅσα κατ' ἴξιν αἱμορραγεῖ, μεγίστην ὠφέλειαν ἐπιφέρειν τοῖς νοσοῦσιν. τὸ δὲ κατ' ἴξιν ὅτι κατ' εὐθὺ λέγει, πᾶσιν ὠμολόγηται, σαφῶς αὐτοῦ κεχρημένου πολλάκις ἐπὶ τοῦδε τοῦ σηματομένου τῆ κατ' ἴξιν φωνῆ. τὰ δ' ἀνάπαλιν αἱμορραγοῦντα μηδὲν ὠφελεῖν ἢ καὶ βλάπτειν ἐνίστε τῷ καταλῦσαι τὴν δύναμιν ἄνευ τοῦ τὸ πάθος κουφίσει. οὔτε γὰρ ἐπὶ σπληνὶ μεγάλῳ μυκτῆρ δεξιὸς αἱμορραγήσας οὔτε ἀριστερὸς ἐφ' ἥπατι φέρει τινὰ ὠφέλειαν, ἀλλὰ ἀντίσπασις μὲν ἐν τοῖς κατ' εὐθὺ ἀντισπωμένοις ἐναργῆ τὴν ὠφέλειαν ἐν τάχει δεικνύει, ἐπὶ δὲ τοῖς ἀνάπαλιν οὐκέτι. δεξιοῦ μὲν οὖν αἱμορραγοῦντος μυκτῆρος ἢ κατὰ τὸ ὑποχόνδριον τὸ δεξιὸν ἐρειδομένη συκία σαφῶς ἴστησιν ἐν τάχει τὴν αἱμορραγίαν, ὥσπερ καὶ ἡ κατὰ τὸν ἀριστερὸν αἱμορραγοῦντος ἀριστεροῦ. καὶ φλεβοτομήσας δὲ χάριν ἀντισπάσεως, ἐπὶ μὲν ταῖς κατ'

εὐθεΐαν αἰμορραγίας ἐν τάχει θεάσῃ σαφῆ τὴν ὠφέλειαν.
ἔμπαινον δ' εἰ τέμνοισι, οὐδὲν ὄφελος.

16. Οὕτω τοίνυν καὶ σπληνὸς πάσχοντος ἢ τῆς κατὰ τὸν παράμεσον δάκτυλον φλεβὸς διαίρεσις ὤνησεν ἐξ ἀριστερᾶς χειρὸς, ὡς εἰ καὶ τὴν ἐν ἀγκῶνι φλέβα τέμνης τὴν ἔνδον, ὠφελεῖ γὰρ ἰκανῶς σπλῆνα κακοπραγοῦντα κένωσις αἵματος ἐξ ἀριστερᾶς χειρὸς, ἄμεινον δὲ μὴ ἅπαξ ἐκκενοῦν τὸ σύμμετρον, ἀλλ' εἰς δύο μερίζοντας ἡμέρας. οὐ μὴν οἶδα κατὰ τί τοῖς ἰατροῖς ἡμέληται τοῦ φλεβοτομεῖν τοὺς σπληνώδεις. ἐγὼ γὰρ ἀεὶ μεγάλην ὠφέλειαν ἔγνων γινομένην, εἰ καὶ λίτραν τις ἐκκενώσειεν μίαν, ἀλλὰ τό γε ποσὸν τῆς κενώσεως ἐκ τῶν προειρημένων σκοπῶν χρή ποιεῖσθαι. καὶ μὲν γε κἄπι τῶν πλευριτικῶν ἢ κατ' εὐθὺ τοῦ πάσχοντος πλευροῦ φλεβοτομία τὴν ὠφέλειαν ἐναργεστάτην ἐπεδείξατο πολλάκις, ἢ δὲ ἐκ τῆς ἀντικειμένης χειρὸς ἢ πάντως ἀμυδρὰν ἢ μετὰ χρόνον. ὀδύνας τε πολλάκις ὀφθαλμὸν ἰσχυροτάτας ἐντὸς ὥρας μιᾶς ἔπαυσεν ἢ κατ' εὐθὺ φλεβοτομία, τῆς ὠμιαίας καλουμένης φλεβὸς τεμνομένης. πειρᾶσθαι δ' ἐπὶ πάντων παθῶν ἄμεινον ἦν ἐπὶ ταῖς φλεβοτομίαις μετρίαις γινομέναις τὴν καλουμένην ἐπαφαίρεσιν ποιεῖσθαι, ποτὲ μὲν ἐπὶ μιᾶς ἡμέρας, ὅταν οὕτω πράττειν ἐγχωρῇ, ποτὲ δὲ καὶ κατὰ τὴν ὑστεραίαν, πλὴν εἴποτε, ὡς ἔμπροσθεν εἴρηται, μέχρι λειποθυμίας ἄγειν τὴν κένωσιν ἐπιχειροῖμεν. ἐπὶ μὲν οὖν τῶν ὀφθαλμῶν ἢ τ' ὠμιαία καλουμένη φλέψ ἢ τ' ἐπ' αὐτῆς κατασχιζομένη κατ' ἀγκῶνα τμηθεῖσα φανερὰν ἐν τάχει

τὴν ὠφέλειαν ἐπιφέρουσιν. ἐπὶ δὲ πλευρᾷς πεπονθυίας, ἢ πνεύμονος, ἢ διαφράγματος, ἢ σπληνός, ἢ ἥπατός τε καὶ γαστρος, ἢ διὰ μασχάλης ἐπὶ τὴν κατ' ἀγκῶνα διάρθρωσιν ἀφικνουμένη. τέμνειν δὲ καὶ ταύτην, μάλιστα μὲν αὐτὴν τὴν ἔνδον· εἰ δὲ μὴ, τὴν ἀπ' αὐτῆς ἀποσχιζομένην εἰς τὴν καμπὴν τῆς διαρθρώσεως. ἴστε δὴ πού μικρὸν ἔμπροσθεν ἀπὸ τῆς ὠμιαίας φλεβὸς ἀποσχίζεσθαι τὴν προειρημένην συνάπτουσιν αὐτὴν. τρεῖς γὰρ οὗτοι τρόποι τῆς κατ' ἀγκῶνα φλεβοτομίας εἰσίν, ὃ τ' ἔνδον καὶ ὁ ἐκτὸς καὶ ὁ μέσος. ὁ μὲν οὖν ἔνδον ἐπὶ τῶν τὰ κάτω τοῦ τραχήλου πεπονθότων ὠφέλιμος, ὁ δὲ ἐκτὸς ἐπὶ τῶν ὑπὲρ τούτων ἢ προσώπου ἢ κεφαλῆς. ὁ μέσος δὲ τόπος ἐνίοτε μὲν ἀμφοτέρας ἔχει τὰς ἀπεσχισμένας φλέβας, εἰς τὸ πρόσω τῆς χειρὸς ἐκτεινομένας, εἴτ' ἐνταῦθα συναπτομένας, ἐνίοτε δὲ διὰ ταχέων εἰς ταυτὸν ἀλλήλαις ἰούσας κατὰ τὴν καμπὴν τῆς διαρθρώσεως, ἔστι δ' ὅτε σαφῆ μὲν τὴν ἑτέραν αὐτῶν, ἀσαφῆ δὲ τὴν ἑτέραν. ὅταν οὖν ἀσαφεστέρας οὔσης τῆς οἰκείας τῷ πάσχοντι μορίῳ φλεβὸς, ἐπὶ τινὰ τῶν μέσων ἤκης, πειρῶ τὴν ἀποσχιζομένην τῆς οἰκείας τέμνειν μᾶλλον. ἔστι δ' ὅτε καὶ τὰς κατωτέρας τῆς κατ' ἀγκῶνα διαρθρώσεως, ὅσαι κατὰ τὸν πῆχυν εἰσι, διαιρεῖν οὐδὲν κωλύει μὴ φαινομένων τῶν κατ' ἀγκῶνα. καὶ τούτων αὐτῶν τὰς κατ' εὐθὺ τοῖς πεπονθόσιν, οὕτω δ' ἐναργῆ διὰ ταχέων ἐνίοτε τὴν ὠφέλειαν αἱ κατ' εὐθὺ τῶν πασχόντων μορίων φλεβοτομίαι φέρουσιν, ὥστε καὶ τοὺς πάσχοντας αὐτοὺς καὶ τοὺς οἰκείους αὐτῶν ἐκπλήττεσθαι πολλάκις.

17. Ἐγὼ γοῦν οἶδα ποτε παρακληθεὶς ὑπὸ τινος οἰκοῦντος ἐν προαστείῳ τῆς Ῥωμαίων πόλεως ἀνδρὸς πλουσίου, θεάσασθαι τινὰ τῶν διοικούντων αὐτοῦ τὰ πράγματα, κινδυνεύοντα τυφλωθῆναι, τοῦτο γὰρ ἐκεῖνος ἔλεγεν, ὀδυνώμενόν τε μέγਾਲως καὶ τοῦτο πάσχοντος σχεδὸν ἡμερῶν κ'. ἦν δ' ὁ τῆς οἰκίας τοῦ πλουσίου προϊστάμενος ἰατρὸς Ἐρασιστράτειος. ἔργον πεποιημένος ἀπέχεσθαι φλεβοτομίας ἀεὶ. θεασάμενος οὖν ἐγὼ τὸν πάσχοντα, νεανίσκον ὄντα πολύαιμον, ἀνελκώτους μὲν ἔτι τοὺς ὀφθαλμοὺς ἔχοντα, φλεγμονὴν δὲ μεγίστην ἔχοντα καὶ ῥεῦμα καὶ δασύτητα ἐν ἀμφοτέροις τοῖς βλεφάροις, ἐν θατέρῳ καὶ τραχύτητας ἤδη τινάς, ὑφ' ὧν ἐπισκοτούμενος ἔτι καὶ μᾶλλον ὠδυνᾶτό τε καὶ παρωξύνετο τὴν φλεγμονὴν καὶ τὸ ῥεῦμα. ταῦτα θεασάμενος ἐγὼ καὶ γνοὺς ἅπασαν ἦν ἐποιεῖτο τῆς θεραπείας ἀγωγὴν ὁ ἰατρὸς, αὐτὸν μὲν οὐκ ἔφη δύνασθαι συνεχῶς εἰς τὸ προαστεῖον ἰέναι, χρῆζειν δὲ τὸν ἄνθρωπον ἄχρι τῶν τριῶν ἡμερῶν τοῦλάχιστον οὐκ ἐκ μακρῶν διαλειμμάτων ὑπ' ἐμοῦ θεωρεῖσθαι. δὸς οὖν αὐτὸν, εἶπον, τὰς τρεῖς ταύτας ἡμέρας ἐμοί. καὶ μὴν, ἔφη, παρακαλῶ τοῦτο καὶ χάριν εἶσομαι καὶ ἤδη πρὸς τὴν σὴν οἰκίαν ἄπαγε τὸν ἄνθρωπον, ἥκέ τέ που ὥρας ε' καὶ ἀφηρέθην τὴν πρώτην ἀφαίρεσιν εὐθέως αἵματος λίτρας γ', εἶτα ἄλλην μίαν ὥρας θ'. ἐν αἷς ἀνακαλύψας μέγਾਲως ὑψηλείφθη κατὰ τὴν ὑστεραίαν ἐνὶ τῶν ἀπαλῶν κολλυρίων μιχθέντος αὐτοῦ τοῦ δι' οἴνου, καθάπερ εἰώθαμεν ἐπὶ τῶν τοιούτων πράττειν, καθ' ὑπερβολὴν τῆς μίλης τοῦ πυρῆνος

ὑπὸ τὰ βλέφαρα τῆς ὑπαλείψεως γιγνομένης. ἐπράχθη δὲ τοῦτο πρῶτον μὲν ἕωθεν, εἶτα τετάρτης ὥρας, εἶτα θ'. ἐφ' αἷς ὑπαλείψεσιν ἐλούσατο περὶ δυσμᾶς ἡλίου, κᾶπειτα κατὰ τὴν ὑστεραίαν ἐκστραφέντων τῶν βλεφάρων, ὑπηλείψατο δις ἐπιμιχθέντος τῷ ἀπαλῷ κολλυρίῳ πολὺ πλείονος τοῦ δι' οἴνου, καὶ μετὰ ταῦτα εἰς ἑσπέραν ἐλούσατο. κατὰ δὲ τὴν ἑξῆς ἡμέραν ἕωθεν ἀπαντήσας τῷ πλουσίῳ κατὰ τι χωρίον ἔνθα τῶν ὀχημάτων ἀποβαίνειν εἰσὶν εἰθισμένοι, προσηγόρευσεν αὐτῷ, ἀνεωγόσι τε καὶ ἀφλεγμάντοις καὶ ἀρευματίστοις τοῖς ὀφθαλμοῖς, ὁ πρὸ δύο ἡμερῶν οὐδὲ διανοιῆσαι τὰ βλέφαρα δυνάμενος ὑπὸ τοῦ ρεύματός τε καὶ τῆς ὀδύνης. ἔδοξεν οὖν τὸ πρᾶγμα μαγείᾳ τινὶ γεγενῆσθαι παραπλήσιον, ὥστε ἐκεῖνόν τε αὐτὸν ἀνακραγεῖν θαυμάζοντά τε τὸ τάχος τῆς θεραπείας, ἅπαντάς τε τοὺς μετ' αὐτοῦ παραπλησίως βοᾶν, οὐχ ἡμῶν μέγα τι ποιησάντων, ἀλλ' ἐκ τῆς πρὸς τὸν οἰκεῖον ἰατρὸν αὐτοῦ παραβολῆς μέγιστα κακὰ ὀρῶντα διὰ τὸ τῆς φλεβοτομίας δέος. ἔχρηξε μὲν γὰρ ὁ κάμνων ἀποσμηχθῆναι τὰς ἐκ τῶν βλεφάρων δασύτητάς τε καὶ τραχύτητας, ἀδύνατον δ' ἦν τοῦτο γενέσθαι χωρὶς φαρμάκου δάκνοντος. οὐδὲν δ' ἐδύνατο φέρειν τοιοῦτον ἄνευ τοῦ προκενωθῆναι. λέλεκται γὰρ ἤδη καὶ δέδεικται πολλάκις ἡμῖν ὡς ἅπαντα τὰ δριμέα φάρμακα προσφερόμενα μορίοις τισίν, ἐὰν μὴ κενὸν ᾖ τὸ σῶμα πᾶν καὶ ἀκριβῶς ἀπέριπτον, ἐπισπᾶται ρεῦμα καὶ φλεγμονὴν ἐργάζεται. τότε δ' ὁ πλούσιος ἐπυνθάνετο τίς ἢ οὖν μαγείᾳ τῆς θεραπείας ἐγίνετο, καὶ πάντ' ἀκούσας

τὰ πραχθέντα, ἀπ' ἐκείνου τὸν Ἑρασιστράτειον ἰατρὸν αἰμοφόβον ὠνόμαζεν. αὕτη μὲν οὖν ἡ διήγησις ἀμφοῖν ἔνδειξιν ἔχει, τοῦ τε χρῆναι φλεβοτομεῖν τὰς τοιαύτας διαθέσεις, ὅπερ οὐκ ἦν ἡμῖν προκείμενον ἐν τῷ παρόντι λόγῳ, τοῦ τε φλεβοτομεῖν χρῆναι κατ' εὐθὺ τῶν πασχόντων μορίων καὶ τὰς ὠμιαίας ἐντέμνειν φλέβας ἐπὶ τῶν ἀνωτέρων μερῶν τοῦ θώρακος πασχόντων.

18. Ὡσπερ δὲ τὰ προειρημένα πάντα μόρια ταῖς κατ' ἀγκῶνα φλεβοτομίαις, ὡς εἴρηται, γιγνομέναις ὠφελεῖται, κατὰ τὸν αὐτὸν τρόπον ὅσα κατωτέρω τούτων ἐστὶ ταῖς ἐπ' ἰγνύων τε καὶ σφυρῶν. ἔστι δὲ τῶν προειρημένων κατωτέρω τὰ κατ' ἰσχίον τε καὶ κύστιν καὶ μήτραν. νεφροὶ δὲ ἐπαμφοτερίζουσι κάτω μὲν ὄντες ἤδη τῶν πρότερον εἰρημένων, ἄνω δὲ τῶν δεύτερον, διὸ καὶ ταῖς ἐπ' ἀγκῶνος ἐνίοτε φλεβοτομίας ὑπακούουσιν, ὅταν ἢ τε φλεγμονὴ πρόσφατος εἴη καὶ πλῆθος αἵματος. ἐφ' ὧν δ' ἡ διάθεσις ἐστὶν ἢν ἰδίως καλοῦσι νεφρῖτιν, τὴν κατ' ἰγνύαν ἐπὶ τούτου χρὴ τέμνειν, ἢ πάντως γε τὰς κατὰ σφυρὰ φλέβας. αἱ δὲ τῆς μήτρας φλεγμοναὶ μᾶλλον ἔτι νεφρῶν ὑπὸ τῶν ἐν τοῖς σκέλεσι φλεβῶν τεμνομένων ὠφελοῦνται. ταῖς γὰρ ἐπ' ἀγκῶνος κενώσεται καὶ ἄλλο τι πρόσσεσι μοχθηρόν. ἐπέχουσι γὰρ ἐμμήνους καθάρσεις, ἀντισπῶσαι τὸ αἷμα πρὸς τὰ τοῦ σώματος ὑψηλότερα. ταῖς δ' ἀπὸ τῶν σκελῶν οὐ μόνον ἀντισπάσαι, ἀλλὰ καὶ προτρέπειν ὑπάρχει τὰ καταμήνια. καὶ ὅταν γε τοῦτο πρᾶξιαι βουλευθῆς κατὰ τὸν καιρὸν τῆς εἰωθυίας τῆς γυναικὶ περιόδου, προλαβὼν ἡμέρας ὡσεὶ γ

’, ἢ δ’, ἦτοι φλέβα τεμῶν ἢ ἀποσχάσας τὰ σφυρὰ τοῦ ἑτέρου τῶν σκελῶν ἀποκένωσον ὀλίγον, εἶτα κατὰ τὴν ὑστεραίαν ὡσαύτως ἀπὸ θατέρου σκέλους, αὐθις ὁμοίως κένωσον ἅμα τῷ καὶ προνοεῖσθαι τῆς λεπτυνούσης διαίτης, ἐν αὐταῖς ταῖς ἡμέραις, ἐν αἷς οὕτως κενοῖς, καὶ πρὸ αὐτῶν ἄλλαις ἤδη τέσσαρσιν ἢ πέντε. γέγραπται δέ μοι περὶ τῆς λεπτυνούσης διαίτης εἷς κατὰ ἰδίαν λόγος. ἀλλὰ γυναιξὶ καὶ ἄνευ τοιαύτης διαίτης ἱκανὰ προτρέψαι καταμήνια καὶ καλαμίνθην καὶ γλήχωνα. διδόναι δὲ αὐταῖς ἀφειψῶν ἐν μελικράτῳ καὶ ξηρὰ κόπτων καὶ διάπτων λεπτῷ κοσκίνῳ καὶ τρίβων γε πάλιν χάριν τοῦ ποιῆσαι χνοῶδες, ἐπιπάττε τῷ μελικράτῳ. καιρὸς δὲ τῆς πόσεως ἄριστός ἐστι μετὰ τὸ βαλανεῖον, περιβεβλημέναις ταῖς σίνδοσι. ταῦτα μὲν οὖν ἐπιεικῆ φάρμακα, σφοδρότερα δὲ βράθυ καὶ δίκταμον. ἢ δὲ χρῆσις ὁμοία τοῖς προειρημένοις. δίδοται δ’ ἐν τούτῳ τῷ καιρῷ καὶ τὸ πικρὸν ἰδίως ὀνομαζόμενον φάρμακον, ὃ τὰς ρ’ ἔχει τῆς ἀλόης μιγνυμένας ταῖς τῶν ἄλλων φαρμάκων ἕξ ἐκάστου. κάλλιστον δ’ ἐστὶν ὅταν λάβῃ κινάμωμον. ταῦτα μὲν ἐν παρέργῳ λελέχθω, καίτοι γ’ οὐκ ὄντα πάρεργα, διότι τῆ τοῦ αἵματος ἐκ μήτρας φορᾶ συνεργεῖ, μετὰ τῆς ἀπὸ τῶν σκελῶν κενώσεως, ἦτοι τῶν σφυρῶν ἀμυττομένων ἢ φλεβὸς τεμνομένης παρὰ τὸν ἀστράγαλον ἢ κατ’ ἰγνύαν. οἶδα δὲ καὶ ἰσχιάδας ἐν ἡμέρᾳ μιᾷ θεραπευθείσας ὑπὸ τῆς διὰ τῶν σκελῶν κενώσεως, ὅσαι μὴ διὰ ψύξιν, ἀλλὰ πεπληρωμένων αἵματος τῶν κατ’ ἰσχίον ἀγγείων ἐγένοντο. διὸ καὶ συμφορώτερον τῆς ἀπὸ τῶν σφυρῶν φλεβοτομίας ἢ

ἀπὸ τῆς ἰγνύας ἐστὶ τοῖς οὕτω διακειμένοις. ἀποχάραξις δ' αὐτοὺς οὐδὲν ὀνίνησι σαφές.

19. Συνελόντι γε μὴν εἰπεῖν τὰς μὲν ἀρχομένας φλεγμονὰς ἀντισπαστικῶς χρή κενοῦν, τὰς δὲ κεχρονισμένας ἔξ αὐτῶν, εἰ οἷόν τε, τῶν πεπονθότων· εἰ δὲ μὴ, τῶν ἐγγυτάτω τούτων. ἐπὶ μὲν γὰρ τῶν ἀρχομένων ἀποστρέψαι χρή τὸ ἐπιρρέον, ἐπὶ δὲ τῶν κεχρονισμένων αὐτὸ μόνον ἐκκενῶσαι τὸ εὐφηνωμένον ἐν τῷ πεπονθότι μορίῳ. κενωθήσεται δ' ἄριστα τοῦτο διὰ τῶν συνημμένων φλεβῶν τοῖς κατ' αὐτά. τούτῳ τῷ λογισμῷ καὶ ἡ πείρα μαρτυρεῖ. καὶ διὰ ταῦθ' ὅσα κατὰ φάρυγγα καὶ ἀρτηρίαν φλεγμαίνει μέγਾਲως, ἐν ἀρχῇ μὲν ἡ κατ' ἀγκῶνα, μετ' ἐκείνην δὲ ἡ ἐπ' αὐτῆς τῆς γλώττης βοηθεῖ μέγਾਲως, ἐντεμνομένων ἀμφοτέρων τῶν ἐπ' αὐτῆς φλεβῶν. οὕτω δὲ καὶ τὰ κατὰ τοὺς ὀφθαλμοὺς σκιρῶδῆ λείψανα τῶν φλεγμονῶν ἢ παρὰ τὸν μέγαν κανθὸν φλὲψ ὀνίνησι διαιρουμένη, καθάπερ γε τὰ τῆς κεφαλῆς βάρη καὶ τὰς διὰ πλῆθος ὀδύνας κεχρονικυίας ἐν αὐτῇ κουφίζειν εἶωθε σαφῶς ἢ ἐν τῷ μετώπῳ φλὲψ τμηθεῖσα, τὰς δ' ἀρχομένας τε καὶ τὰς ἀκμαζούσας ἢ ἐπ' ἰνίου ἀντίσπασις διὰ σικύας, ἐνίστε μὲν αὐτῆς μόνης, ἐνίστε δὲ καὶ μετὰ ἀμυχῶν γιγνομένης. προκεκενῶσθαι δὲ χρή τὸ σύμπαν σῶμα. κατὰ δὲ τὸν αὐτὸν λόγον ὀπισθεν τῆς κεφαλῆς ὀδύνας ἀρχομένας καὶ ἀκμαζούσας ἢ ἐν μετώπῳ φλὲψ ὠφελεῖ διαιρουμένη. τὰς μὲν γὰρ ἀντισπάσεις ἅμα τῇ κενώσει ποιεῖσθαι χρή μᾶλλον ἐπὶ τῶν ἀρχομένων ρευμάτων. τὰς δὲ ἀπ' αὐτῶν τῶν πεπονθότων

μορίων ἢ τῶν πλησίον αὐτοῖς, ἐπὶ τῶν οἷον ἐσκιρῶμένων φλεγμονῶν. ἐφ' ὧν δὲ σωμάτων οὐδὲν πάσχει μόριον οὐδέπω, φθάνομεν δὲ κενοῦν ἤρος εἰσβάλλοντος, ἐπὶ τούτων ἐπὶ μὲν εἰθισμένου τοῦ ἀνθρώπου νοσήμασιν ἀλίσκε-σθαι πυρετώδεσιν ὥρα θέρους ἐκκενῶσαι τὴν χορηγίαν αὐτῶν ἐφιέμεθα, πᾶν μέρος εἰς ἀφαίρεσιν αἵματος ὁμότιμον ἐστίν· ὥσπερ γε καὶ εἰ ἀρθριτικὸς εἶη πᾶσι τοῖς ἄρθροις πεπονθώς. οἷς δὲ τι μέρος ἐξαιρέτως ἐνοχλεῖται μὴ προκενωθεῖσιν, οὐ γὰρ ποιῆσθαι τὴν κένωσιν ὁμότιμον ἐξ ἀπάντων, ἀλλ' ὡς ἐπὶ τῶν ἀρχομένων ἤδη πάσχειν. διὸ τοὺς μὲν ποδαγρικοὺς ἐπ' ἀγκῶνος γὰρ κενοῦν, ἐπιληπτικοὺς δὲ καὶ σκοτωματικοὺς ἀπὸ τῶν σκελῶν μᾶλλον. εἰ δὲ δι' αἰμορροΐδος ἐπίσχεσιν ἐπὶ φλεβοτομίαν ἤκοις, εἰ μὲν ἐπέχειν αὐτὴν βούλοιο, τὰς ἐν ταῖς χερσίν, εἰ δὲ προτρέψαι, τὰς ἐν τοῖς σκέλεσι γὰρ τέμνειν φλέβας. ἀλλ' ἐπὶ γε τῶν ἐπεσχημένων καταμήνια, τὰς ἐν σκέλει διαπαντός. οὐ γὰρ ὥσπερ ἐπὶ τῶν αἰμορροΐδων, ἔνιοι μὲν ἀπηλλάχθαι τῆς τοιαύτης κενώσεως ἐθέλουσιν, ἔνιοι δὲ ἔχειν ἀγαπῶσιν, οὕτω καὶ τῆς ἐμμήνου καθάρσεως. ἢ μὲν γὰρ ἐκ τῶν αἰμορροΐδων κένωσις ὑποπτὸς ἐστὶν ἀμετρίαν τοσαύτην ἐλθεῖν, ὡς ἦτοι παραχρῆμα τὸν ἄνθρωπον ἀνελεῖν, ἢ ὑδερῶδη γε πάντως, ἢ καχεκτικὸν ἀπεργάσασθαι. ταῖς δ' ἐκ τῶν μητρῶν κενώσεις ὡς ἂν κατὰ φύσιν οὐσαις οὐδὲν τοιοῦτον συμπίπτει. συμβαίνει μὲντοι ἐνίοτε καὶ τὰς μήτρας ἐξ ἀναβρώσεως αἰμορροάγειν, ἐφ' ὧν οὐκέθ' ὁ αὐτὸς σκοπὸς τῆς θεραπείας ἐστίν. οὐ γὰρ φέρεσθαι τὸ αἷμα καθάπερ

ἐκ τῶν καταμηνίων, ἀλλὰ παντάπασι στήναι βουλόμεθα. κοινὸς οὖν ἐπὶ τούτων ἀπάντων ἦρος εἰσβάλλοντος ἐπὶ φλεβοτομίαν ἠκόντων ὅδε ὁ λόγος ἐστίν, εἰ μὲν ἔξαιρέτως ἀσθενές τι μόριον ἔχοιεν, ἐφ' ὃ τὸ ἀθροιζόμενον πλῆθος διήκει, ἀντισπαστικῶς κενοῦν. εἰ δὲ μηδὲν εἶη τοιοῦτον, ὅθεν ἂν ἐκάστω φίλον ἦ, πλὴν τῶν δι' αἰμορροΐδος ἐπίσχεσιν ἢ καταμηνίων, ὡς ὀλίγον ἔμπροσθεν διώρισται.

20. Εἴρηται μὲν οὖν δυνάμει καὶ περὶ τούτου διὰ τῶν ἔμπροσθεν, ἄμεινον δὲ καὶ νῦν ἅπαντα διελθεῖν, ἀθροίζοντα μὲν εἰς ἓνα λόγον τοῦτον ὅσα πρόσθεν εἴρηται, προσεπιδιορίζοντα δὲ τὰ μὴ διωρισμένα. καθόλου μὲν οὖν τοῦτο γνωστόν, ὡς οὐ χρὴ προσέχειν ἡμερῶν ἀριθμὸν πρῶτον ἐπὶ φλεβοτομίας, ὥσπερ τινες ἔγραψαν καὶ ἔνιοι μὲν πάνυ γελοίως μετὰ τὸν τῆς τρίτης παροξυσμὸν, ὁπότε, ὡς φασίν, ἤδη τινὰ διάγνωσιν ἔχωμεν ὁποῖα τίς ἐστὶ κατὰ τὴν ἰδέαν καὶ τὸ ἦθος, ὅλην τε τὴν ἑαυτῆς φύσιν ἢ νόσος· ἔνιοι δὲ τὸν μὲν ἔξοχώτατον ὄρον τῆς φλεβοτομίας ὥρισαν εἶναι τὴν τετάρτην ἡμέραν, ἐντὸς δὲ αὐτῆς συγχωροῦσι φλεβοτομεῖν ἐν τοῖς τῶν παροξυσμῶν διαλείμμασι, ὁπότε ἐθελήσαιεν· ἔνιοι δὲ σπεύδουσιν ἀφαιρεῖν ἐφ' ὧν ἂν ὀρίσωσιν αἷματος ἀφαιρέσεως εἶναι χρεῖαν, ἔτι μεταρρέοντος αὐτοῦ, καὶ μηδέπω κατεχομένου βεβαίως ἔν τινι μέρει δεξαμένῳ τὴν περιουσίαν ἐν μόνον ἐπισκοποῦντες, εἰ μὴ διαφθορά τις εἶη γεγонуῖα τῆς ἐν τῇ γαστρὶ πεπτομένης τροφῆς, ἢ βραδυπεψία τις, ἢ καὶ σιτία περιεχόμενα κατ' αὐτήν. ὅτι μὲν οὖν σπεύδειν προσήκει ἐφ' ὧν ἐστὶ χρεῖα κενώσεως,

εἰ μή που προπεφθῆναι δέον τὰ σιτία καὶ τοὺς κατὰ τὰς πρῶτας φλέβας ἡμιπέπτους χυμοὺς, κάλλιστα λέγουσι καὶ πιστέον αὐτοῖς. ἀλλ' ἐπεὶ πολλάκις ἡμέρας πέντε ἤδη ἢ ἕξ ἄγοντός τινος ἀπὸ τῆς ἀρχῆς ἐπὶ τὴν θεραπείαν αὐτοῦ καλούμεθα, καλῶς ἂν ἔχοι φλεβοτομεῖν, εἰ καὶ παρελείφθη τοῦ βοηθήματος ὁ πρῶτος καιρὸς. ἐν ἧ γὰρ ἂν ἡμέρα τοὺς σκοποὺς τῆς φλεβοτομίας ἐπὶ τοῦ κάμνοντος εὐρίσκῃς, ἐν ἐκείνῃ πράξεις τὸ βοήθημα, κἄν εἰκοστὴν ἡμέραν ἀπὸ τῆς ἀρχῆς ἔτυχεν εἶναι. τίνες δ' ἦσαν οἱ σκοποὶ; μέγα τὸ νοσήμα, ῥώμη τῆς δυνάμεως ὑπεξηρημένης τῆς ἡλικίας παιδικῆς καὶ τοῦ περιέχοντος ἡμᾶς ἀέρος ἰκανῶς θερμοῦ. ἐπεὶ δὲ προκαταλύεται τοῦ χρόνου προϊόντος ἡ δύναμις ἐν τοῖς πλείστοις νοσήμασι, διὰ τοῦθ' ὁ τῆς φλεβοτομίας καιρὸς ἀναιρεῖται τὸ πλῆθος τῶν ἡμερῶν, οὐ πρῶτος τοῦτ' ἐργαζομένου, ἀλλὰ διὰ μέσου, πρὶν καταλυθῆναι τὴν δύναμιν. ὥστ' εἰ κατὰ τὴν δευτέραν ἡμέραν μετὰ τὴν ἀρχὴν φαίνεται καταλυομένη ποθ' ἡ δύναμις, ἀφεξώμεθα τῆς φλεβοτομίας.

21. "Ὅτι δ' ἐν αὐτῇ πάλιν ἐκείνῃ τῇ ἡμέρᾳ, καθ' ἣν φλεβοτομοῦμεν, ἐπιτηρῆσαι χρὴ τὴν παρακμὴν τοῦ πυρετοῦ, πρόδηλον εἶναι νομίζω. καίτοι γ' ἐνίοις ἐστὶν οὐδὲ τοῦτο πρόδηλον, ὅσοι κελεύουσιν ἕωθεν μόνον φλεβοτομεῖν, ἢ τὸ μακρότατον ἄχρι πέντε ἢ ἕξ ὥρων. ἀλλ' εἰ τῶν ἔμπροσθεν εἰρημένων ἐν ὄλω τῷ γράμματι μνημονεύει τις, οὐδὲν τοιούτων σφαλῆσεται φλεβοτομῶν ἐν ἀπάσῃ μὲν ἡμέρᾳ ὥρα, πάσης δὲ νυκτὸς, σκοπὸν ἔχων ἐπὶ μὲν τῶν

πυρετόντων τὴν παρακμὴν τῶν κατὰ μέρος παροξυσμῶν, ἐπὶ δὲ τῶν ἤτοι δι' ὀφθαλμίαν ἢ δι' ἄλλο τι τοιοῦτον δεομένων τοῦ βοηθήματος χωρὶς πυρετοῦ, οὐ τὴν παρακμὴν, οὐκ ὄντος γε ὅλως τοῦ πυρετοῦ, τὸ μέγεθος δ' αὐτῆς τῆς ὀδύνης ἢ φλεγμονῆς ἢ ὅλης τῆς διαθέσεως, ἐν ἣ τῆς φλεβοτομίας ἐστὶ χρεία. μηδενὸς δὲ τοιοῦτου κατεπείγοντος ἢ κωλύοντος ἄμεινόν ἐστιν ἔωθεν φλεβοτομεῖν, οὐκ εὐθέως ἅμα τῶ τῶν ὑπνῶν ἐξαναστῆναι, προγρηγορήσαντες δὲ χρόνον ὡς ὥρας μιᾶς, εἴρηται δὲ ὅτι καὶ λούειν τινὰς ἄμεινον, εἰ δὲ τοῦτο, καὶ προπεριπατήσαντας ἐνίους, ἐφ' ὧν δὲ ἦρος εἰσβαλόντος ἐπὶ φλεβοτομίαν ἔρχεσθαι. διὰ προσδοκίαν πυρετῶν οἶδα φλεβοτομήσας ἐνίους καὶ μετὰ τὸ πρᾶξαί τινα τῶν συνήθων ἔργων, ἢ ἐν διδασκαλείοις, ἢ ἐργαστηρίοις, ἢ κατ' ἀγορὰν, ἢ ἐπὶ τῆς οἰκίας. ὃ γε μὴν τῆς ἐπαφαιρέσεως καιρὸς, ἐφ' ὧν μὲν ἀπλῶς κενῶσαι, κἄν δύο ταῖς ἐφεξῆς ἡμέραις γένηται, βέλτιον ἐστί. προσέχειν δ' ἐν ἅπασιν τοῖς τοιοῦτοις σε χρὴ τὴν δύναμιν τοῦ κάμνοντος, ἀπτόμενον τῶν αὐτοῦ ἀρτηριῶν. ἔνιοι γὰρ εὐπαθεῖς εἰσι τὴν δύναμιν, ὡς μὴ φέρειν ἀθρόαν κένωσιν, ἐφ' ὧν ἀνακτησάμενος ἐν τῇ πρώτῃ τῶν ἡμερῶν τὸν κάμνοντα, ἐπαφαιρεῖν ἐν τῇ δευτέρᾳ προσήκει.

22. Ὅτι καὶ τὰς ἀρτηρίας φλέβας ὀνομάζουσι οἱ παλαιοὶ καὶ ἡμῖν ἐτέρωθι δέδεικται καὶ πρὸ ἡμῶν ἄλλοις ὠμολόγηται. διὰ τε οὖν αὐτὸ καὶ προσέτι τὴν οἰκειότητα τῶν διδασκαλιῶν καὶ βραχύτητα τοῦ λόγου, κάλλιον ἔδοξέ μοι μὴ γράφειν ἕτερον βιβλίον ὑπὲρ ἀρτηριοτομίας, ἀλλὰ τῶ τῆς φλεβοτομίας συνάψαι λόγῳ, καὶ τοῦτό γε αὐτὸ

κατὰ τόδε τὸ μέρος, ἐν ᾧ σκοπούμεθα τίνας ἐπὶ τίσιν
μέρεσι πεπονθόσι προσήκει διαιρεῖσθαι φλέβας. ὡς γὰρ
ἄλλας ἐπ' ἄλλοις ἐδείξαμεν, οὕτω δὴ καὶ τὰς κατὰ τοὺς
κροτάφους ἀρτηρίας καὶ τὰς τῶν ὠτων ὀπισθεν ἔθος
ἐστὶ τοῖς ἰατροῖς διαιρεῖν, τὰς μὲν ἐν τοῖς κροτάφοις ἐπὶ
τοῖς ἐν ὀφθαλμοῖς ρεύμασιν, ὅσα θερμὰ καὶ πνευματώδη,
τὰς δὲ ὀπισθεν τῶν ὠτων ἐπὶ σκοτωματικοῖς μάλιστα καὶ
ὅσοι χρόνιοις ἀλγήμασι κεφαλῆς θερμοῖς καὶ πνευματώδεσι
κάμνουσιν. ἤδη δὲ καὶ δι' ἄλλα πάθη περὶ τὴν κεφαλὴν
συνιστάμενα χρόνια κέχρηται τινὲς ἀρτηριοτομία τῶν
ὠτων ὀπισθεν. οὐ μὴν ἐφ' ἑτέρου γέ τινος μορίου πάσχοντος
ἐχρήσαντο τῷ βοηθήματι, καίτοι τῶν πολλῶν δεομένων
αὐτοῦ μᾶλλον ἢ φλεβοτομίας. ἔνθα γὰρ ἐνοχλεῖ θερμὸν αἷμα
καὶ πνευματώδες ἐν ταῖς ἀρτηρίαις ἠθροισμένον, ἐνταῦθα
χρεῖα τῶν κοινῶν τῷ πάσχοντι μορίῳ τεμνομένων ἀρτηριῶν.
ἀλλὰ διὰ τὸ δυσεπίσχετον τῆς ἀρτηρίας οὐ τολμῶσιν οἱ
ἰατροὶ διαιρεῖν τὰς ἀρτηρίας, ὅπου γε καὶ φλεβοτομοῦντες
τινὲς, ὅταν ἀρτηρίαν τρώσωσιν ἐν τῷ παραχρῆμα, δυσχερῶς
ἰστώσι τὴν αἱμορραγίαν, καὶ ὅταν τὰ βέλτιστα πράξωσιν, εἰς
οὐλήν τῆς διαιρέσεως ἰούσης ἀνεύρυσμα γίνεται.

23. Καὶ μέντοι καὶ ἀποθανόντας τινὰς ἴσμεν ἐκ τῆς
ὑποκειμένης ἀρτηρίας τῇ κατ' ἀγκῶνα φλεβὶ τῇ ἔνδον.
ἐνίους μὲν ἐν τῷ παραχρῆμα διὰ τὸν περιβληθέντα βρόχον,
ἐθελησάντων τε τῶν ἰατρῶν ἐπέχειν, ὡς τὴν αἱμορραγίαν
εἰς γάγγραιναν ἐλθεῖν, ἐνίους δ' ὕστερον ἐν τῇ τῶν
ἀνευρυσμάτων χειρουργίᾳ διαφθαρέντας. ἀναγκαῖον γὰρ

ἐν ταύτῃ βρόχῳ διαλαμβάνεσθαι τὸ ἀγγεῖον. τὰς μὲν οὖν ἀξιολόγους κατὰ τὸ μέγεθος ἀρτηρίας διὰ ταῦτα φεύγουσιν οἱ ἰατροὶ, τὰς δὲ μικρὰς ὡς οὐδὲν μέγα δυναμένας ἀνύσαι. καίτοι καὶ αὗται πολλάκις ἡμῖν ὄφθησαν οὐ μικρὰν ὠφέλειαν ἐπιφέρουσαι μετὰ καὶ τοῦ συνουλοῦσθαι χωρὶς ἀνευρύσματος. καὶ μέντοι κἄν μείζων ἀρτηρία ἦ, καὶ αὐτὴ χωρὶς ἀνευρύσματος συνουλοῦται διαιρεθεῖσα πᾶσα. καὶ πολλάκις τοῦτο αὐτὸ τὸν ἐκ τῆς αἰμορῥαγίας κίνδυνον ἰάσατο. φαίνεται γὰρ σαφῶς ὅθ' ὅλη δι' ὅλης ἑαυτῆς ἐγκαρσίως διακοπῇ, τῶν μερῶν ἑκατέρων ἀνασπωμένων ἑκατέρωσε, τὸ μὲν ἄνω τοῦ μορίου, τὸ δὲ κάτω. τοῦτο μὲν γε καὶ ταῖς φλεψίν, ἀλλὰ μετρίου ὑπάρχει, ταῖς δ' ἀρτηρίαις ἀεὶ μᾶλλον τῶν φλεβῶν. ἔγωγ' οὖν ὅθεν ὀρμηθεὶς ἐπὶ τὸ διαιρεῖν ἀρτηρίας ἦκον ἤδη σοι φράσω. προτραπεῖς ὑπὸ τίνων ὀνειράτων δυοῖν ἐναργῶς μοι γενομένων ἦκον ἐπὶ τὴν ἐν τῷ μεταξὺ λιχανοῦ τε καὶ μεγάλου δακτύλου τῆς δεξιᾶς χειρὸς ἀρτηρίαν, ἐπέτρεψά τε ρεῖν ἄχρις ἂν αὐτομάτως παύσῃται τὸ αἷμα, κελεύσαντος οὕτω τοῦ ὀνειράτος. ἐρῥύη μὲν οὖν οὐδ' ὅλη λίτρα. παραχρῆμα δ' ἐπαύσατο χρόνιον ἄλγημα κατ' ἐκεῖνο μάλιστα τὸ μέρος ἐρεῖδον, ἔνθα συμβάλλει τῷ διαφράγματι τὸ ἦπαρ. ἐμοὶ μὲν οὖν τοῦτο συνέβη νέῳ τὴν ἡλικίαν ὄντι. θεραπευτῆς δὲ τοῦ θεοῦ ἐν Περγάμῳ χρόνιου πλευρᾶς ἀλγήματος ἀπηλλάγη δι' ἀρτηριοτομίας ἐν ἄκρῳ τῇ χειρὶ γενομένης, ἐξ ὀνειράτος ἐπὶ τοῦτο ἐλθὼν καὶ αὐτός. ἑτέρῳ δὲ τραύματος ἐν τῷ σφυρῶ γενομένου διαιρεθείσης ἀρτηρίας, οὐκ ἐπαύετο μὲν ἢ φορὰ τοῦ

αΐματος, ἄχρι κληθεῖς ἐγὼ διέτεμον ὅλην αὐτήν, εἶτα τῷ διὰ τῆς ἀλόης καὶ μάννης καὶ τοῦ λευκοῦ τῶν ὠῶν ἐχρησάμην φαρμάκῳ λαγῶαις ἀναλαμβανομένῳ θριξί, καὶ χωρὶς μὲν ἀνευρύσματος ἐθεραπεύθη τὸ τραῦμα περισαρκωθέντος τοῦ στόματος τῆς ἀρτηρίας, ὁ δὲ ἄνθρωπος ἐτῶν ἤδη τεσσάρων ἐκ διαλειμμάτων οὐ μικρῶν ὀδυνώμενος τὸ ἰσχίον, ἐξ ἐκείνου τελέως ὑγιῆς ἐγένετο. ταῦτα οὖν ἔπεισέ με πολλάκις ἐν ἄκροις τε τοῖς κώλοις, καὶ μέντοι καὶ κατὰ τὴν κεφαλὴν ἀρτηρίας διαιρεῖν, ἐπὶ πᾶσιν ἀλγήμασιν, ὅσα διὰ θερμὴν οὐσίαν ἢ πνευματώδη τὴν γένεσιν ἔχειν ἔδοξεν, καὶ μάλιστα κατὰ τοὺς ὑμένας, ὧν τὸ ἄλγημα νυγματῶδές τ' ἐστὶ καὶ πλατυνόμενον ἀτρέμα, τῆς μὲν νυγματώδους αἰσθήσεως καθ' ἓν τι μέρος ὡς ἂν κέντρον τοῦ πεπονθότος τόπου γινομένης, τάσεως δ' αἰσθησὶν ἰσχυρότος τοῦ περὶ τὸ κέντρον τοῦ μυὸς παντός.

Гален. О лечении кровопусканием

1. Первая задача, которая встает перед тем, кто рассматривает вопрос о применении кровопускания, – определить состояния тела, при которых необходимо опустошение, вторая заключается в том, чтобы определить состояния, при которых требуется опустошение, но не посредством вскрытия вен. Третья задача – определить, при каких состояниях эту процедуру можно применять без вреда для здоровья. Ведь бывают состояния, при которых нужно произвести кровопускание, однако больной может его не перенести либо в силу возраста, либо из-за неподходящего сезона, либо из-за особенностей местности, либо из-за заболевания той части желудка, которую часто называют его устьем. Этим названием, краткости ради, мы будем пользоваться и в настоящем сочинении. Некоторые люди не переносят кровопускания из-за общего дурного состояния тела, хотя их болезнь требует применения именно этого средства. Если наша задача – различать все эти случаи, то нам необходимо рассмотреть каждый из них в отдельности, как и для других методов лечения¹³⁰. Если же делать классификацию кровопусканий,

---

¹³⁰ Здесь мы, вслед за П. Брэйном (см.: *Brain P. Galen on Bloodletting*. Cambridge, 1986. P. 67), принимаем чтение рукописи La (Laurentiana 74, 22, Флоренция) κείρου («случая») вместо μέρους («части»), как в остальных рукописях и у К. Кюна.

то, как и для любого другого метода лечения, следует исходить из части тела. Далее, следует сказать о том, какие вены надлежит вскрывать. Ведь неоднократно обсуждалась следующая проблема: одни говорят, что не имеет значения, какую вену вскрывать, а другие, в том числе Гиппократ и славнейшие из врачей, утверждают, что большая разница, вскрывать ту или эту вену. Когда ответ на этот вопрос будет найден, следует определить цели этого лечения, исходя из которых надлежит определять необходимое количество выпускаемой крови. Кроме того, в некоторых случаях предпочтительно проводить однократное кровопускание, а в некоторых полезно произвести так называемое «дополнительное изъятие», у некоторых пациентов необходимо удалять кровь до тех пор, пока они не потеряют сознание, в иных же случаях этого следует остерегаться, как величайшего зла. Все это необходимо иметь в виду тому, кто хочет хорошо пользоваться этим лечебным средством.

2. Обо всем этом уже сказано в моей книге «О методе лечения», а также в специальном сочинении против Эрасистрата, где я доказываю, что он не прав, отвергая этот метод лечения. Еще одно сочинение написал я против тех последователей Эрасистрата, которые утверждают, что этот человек пользовался данным лечебным средством. В любом случае они достойны презрения: либо как коварные и жалкие софисты, которым доставляет удовольствие изобретать все новые и новые аргументы в пользу своей теории, хотя они и

знают, что она ложна, либо как неучи-самозванцы, которые не знают о величайшей пользе этого средства, но придумывают аргументы против него. То же справедливо и для другого уроженца Книды, Хрисиппа, который полностью изъясляет вскрытие вен из числа лечебных средств. В этом за ним последовали и ученики его, Мидий и Аристоген, также славные среди эллинов. Затем Эрасистрат, прославившийся еще больше, чем они, сделал мнение Хрисиппа еще более известным. Что касается его учеников, то сначала все они разделяли мнение своего учителя, однако затем некоторые из них отказались от него. Они устыдились, но и в стыде своем остались бесстыдными. Ведь как иначе сказать о тех, кто утверждает, что Эрасистрат рекомендовал вскрытие вен, в то время как ни в одном из своих сочинений он не рекомендует его ни при каком заболевании? Они утверждают, что естественно, чтобы тот, кто использовал в качестве опустошающего средства голодание, тем более пользовался для удаления лишнего вещества вскрытием вен. И при этом все те, кто так говорят, считают правильным прибегать к вскрытию вен в тех состояниях, для которых Эрасистрат рекомендовал голодание. Так неужели, если он пишет в сочинении «О лихорадках»: «В начале болезни рекомендуется голодание», – из этого следует, что всем больным лихорадкой нужно вскрывать вены? А ведь в данном случае эти последователи Эрасистрата утверждают именно это. Воистину, величайшим злом будет, если они внушат молодым людям, изучающим лечеб-

ное искусство, что следует действовать подобным образом. Но еще большим злом будет, если они станут делать это, не учитывая другие факторы, которые нужно в данном случае иметь в виду. Об этом мне пришлось отдельно писать в другом сочинении, доказывая молодым людям, что Эрасистрат не пользовался вскрытием вен, ведь это лучше, чем считать, что следует прибегать к вскрытию вен во всех случаях, для которых он рекомендовал голодание. Ведь наибольшая польза для больного от того или иного лечебного средства происходит в том случае, если использование этого средства бывает уместным. По моему мнению, пожалуй, и не было бы мне особой необходимости писать о вскрытии вен еще одну книгу, притом что я изложил то, что касается использования этого средства, в сочинении «О методе лечения», а также в сочинении «О здоровье». Также в двух книгах, одна из которых направлена против самого Эрасистрата, а другая – против его римских последователей, я изобличил их ложные мнения. Однако по просьбам многих моих друзей-врачей, которых отпугнула необходимость читать сочинение «О методе лечения»¹³¹, я был, наконец, вынужден взяться за настоящее сочинение, чтобы не показалось, что я злонамеренно лишаю их важного знания, и изложить в надлежащем порядке все, что касается этого метода лечения. Итак, настало

---

¹³¹ Объем упомянутого здесь сочинения занимает весь десятый том К. Кюна, т. е. составляет 1021 страницу (см.: *Claudii Galeni Opera Omnia / Ed. C.G.Kühn. Vol. X. Lipsiae, 1828*).

время приступить к изложению.

3. Слово «состояние», как я говорил в другом месте¹³², происходит от глагола «состоять» и, как и он, может относиться к множеству вещей. Однако на протяжении всего настоящего сочинения мы будем подразумевать под этим понятием лишь всевозможные отступления от естественного состояния. Во-первых, следует рассмотреть, какие из них требуют опустошения, а во-вторых – в каких из состояний, требующих опустошения, надлежит прибегать к вскрытию вен. И так как для исследования любого вопроса любой науки, как и в целом в нашей жизни, нам необходимо два инструмента, а именно разум и опыт, мне кажется, что и в настоящем случае надлежит исследовать предложенный вопрос либо лишь с помощью разума, либо лишь с помощью опыта, либо с помощью того и другого. А разумное рассуждение, в свою очередь, может либо опираться в своих открытиях и доказательствах исключительно на общепринятые доводы здравого смысла, либо пользуется также выводами прежних рассуждений такого рода, и, как мы уже показали, любая наука пользуется обоими названными видами рассуждений. Так что и мы ныне будем пользоваться обоими способами рассуждения, в той мере, в которой применение каждого из них покажется нам уместным. Итак, первым видом

---

¹³² Здесь Гален ссылается на определение понятия «состояние» (διάθεσις), которое он дает в начале сочинения «О разновидностях симптомов» (*De symptomatum differentibus*, I, 1 // *Claudii Galeni Opera Omnia* / Ed. C.G. Kühn. Vol. VII. Lipsiae, 1824. P. 43).

рассуждений пользуются все люди на протяжении всей своей жизни, а вторым не все – он присущ лишь людям ученым. Например, геометр доказывает первым способом лишь первую теорему своего искусства, а в дальнейшем пользуется только вторым способом, но в каждом из доказательств применяет и то, что обнаружено первым способом. И чем дальше он отходит от первой теоремы, тем дальше он оказывается от первого способа рассуждения, а под конец почти совсем не пользуется им, но доказывает новые положения через уже доказанные и из этих новых, в свою очередь, выводит следующие. Так, уходя все дальше и дальше в своих рассуждениях, он доказывает то, что людям несведущим кажется невероятным, например, вычисляет не только размеры Солнца, Луны и Земли, но и расстояние между ними. Исходя из этих данных, ученые, следующие этим путем, изобрели солнечные часы и клепсидры и научились предсказывать солнечные и лунные затмения. Поэтому и мы в данном научном рассуждении будем пользоваться многими положениями, доказанными в других сочинениях, в том числе и положением о том, что существует несколько функций, управляющих живым существом, и одни из них мы называем физическими, а другие – психическими. Началом же происхождения всего сущего являются четыре стихии, которым по природе их свойственно смешиваться друг с другом и воздействовать друг на друга. Поэтому мы не будем упоминать в этом сочинении Асклепиада, ложность мнений которого об

элементах мы уже показали в тринадцатой книге сочинений «О доказательстве» и в сочинении «Против учений Асклепиада»¹³³, пятая и шестая книга которого содержат опровержения его учения об элементах. В сочинении же «Об элементах, согласно Гиппократу» я изложил свое учение о действующих качествах, имена которых – тепло, холод, сухость и влажность, а также о видах жидкостей и порождении их. Об очищающих средствах, предназначенных для выведения каждой из этих жидкостей, кратко сказано в сочинении «Об элементах», а в другой книге я рассказал подробнее о каждом из них. Моя книга «О смещениях жидкостей», которая следует за книгой «Об элементах», также полезна для понимания настоящего сочинения. Наиболее же важна для его понимания книга «О переполнении», в которой я описываю, с одной стороны, переполнение по функции, а с другой – то, что врачи называют переполнением полости, то есть состояние, характеризующееся расширением полости, содержащей ту или иную жидкость¹³⁴. Поэтому для научного изучения изложенного в этой книге материала необходимо предварительно ознакомиться с моей книгой «О переполнении». В этой книге, в свою очередь, указаны те сочинения, которые необходимо прочесть перед ознакомлением с ней. И нет ни-

---

¹³³ Оба эти сочинения не сохранились.

¹³⁴ Полный текст этого предложения сохранился только в рукописи La. В издании К. Кюна отсутствуют несколько слов, и за счет лакуны предложение становится непонятным. Латинский перевод К. Кюна соответствует рукописи La.

чего удивительного в том, что правильное рассмотрение вопроса о вскрытии вен требует столь глубоких познаний. Изучение не только этого вида лечения, но и всех других требует понимания всего того, что перечислено выше. Ведь, если бы можно было хорошо лечить, не понимая всех этих вещей, мы бы ими и не занимались. Итак, вот что необходимо было сказать предварительно. Теперь же пора перейти к самому рассуждению. Начнем с рассмотрения вопроса о том, какие состояния требуют опустошения. Если бы наша задача состояла в том, чтобы перечислить все эти состояния, обнаруженные из опыта, то для этого требовалась бы только память; но, поскольку мы избрали путь разумных доводов, нам следует искать общее и с необходимостью верное для всех этих состояний, затем же разделить их на виды, установив признаки, по которым будет производиться классификация, и, дойдя до наиболее частных видов, определить количество состояний, требующих опустошения. Так мы сможем продемонстрировать все выводы, которые могут быть сделаны посредством логического метода.

4. Задача врачебного искусства – восстанавливать естественную функцию любой из частей тела, если она повреждена, и стремиться сохранить ее, если она в порядке. А так как сохраняемая функция является следствием естественного состояния, то врачебное искусство должно сохранять его, когда оно присутствует, и восстанавливать, когда оно нарушено. А поскольку уже было показано, что первичные функ-

ции осуществляются простыми, или гомеомерными, частями, а вторичные – сложными, или органическими, тебе следует рассмотреть, какое вредное или полезное действие жидкости, содержащиеся в теле, могут оказывать на его части. В книге «Об избытке» было показано, что существуют два вида избытка и два значения слова «избыток»: значение, связанное с функцией, и значение, указывающее на расширение естественной полости. Последний вид переполнения некоторые называют «наливанием жидкостью». В обоих случаях необходимо опустошение, независимо от того, случилось ли это со здоровым или с больным человеком. Как человек, несущий тяжелый груз, падает, побежденный его тяжестью, не в ту минуту, когда начинает чувствовать усталость, так и тот, кто отягощен избыточным действием изобилующей жидкости, заболевает не сразу. Иногда такие люди продолжают заниматься своими обычными делами, однако говорят, что чувствуют тяжесть, вялость, утомление, затруднение в движениях. Все это – признаки избытка с точки зрения функции. То же, что после физических упражнений их члены как бы вытягиваются и в икрах и предплечьях чувствуется жар – эти симптомы описывает Эрасистрат, – является важным признаком переполнения в обоих смыслах. Некоторые же говорят, что этот признак может указывать лишь на избыток в смысле переполнения естественной полости, так как можно заключить, что такие вещи происходят, когда сосуды переполняются жидкостью. Я уже писал в сочинении

«О здоровье», что, когда во всем теле появляется тянущее чувство, особенно при движении, это является признаком дурного состояния соков. Однако и это часто наблюдается у тех, кто еще продолжает заниматься своими повседневными делами. И когда тяжесть появляется не во всем теле, а в отдельных частях его, это может быть признаком такого же состояния этих частей, на какое состояние всего тела указывали те же признаки, наблюдающиеся во всем теле. Например, иногда тяжесть и напряжение ощущаются лишь в голове, а иногда происходит спазм височных мускулов, либо без дополнительных симптомов, либо сопровождающийся жаром. Также мы часто чувствуем тяжесть в области печени, селезенки, желудка, боков и диафрагмы. Также в области устья желудка могут возникать ощущения тяжести, изжоги, тошноты, отрыжка, необъяснимые приступы голода. Кроме того, на необходимость опустошения могут указывать боли в любой части тела, возникающие из-за скопления соков либо газов, например, в том случае, когда та или иная часть тела разъедается едкой жидкостью. Иногда боли вызываются дурным смешением жидкостей. Из этих болей одни сопровождаются притоком жидкости, а другие – нет. Во всех перечисленных случаях удаление причиняющей страдание жидкости или газа избавляет больного от страданий, однако вскрытие вен в этих случаях не требуется: достаточно бывает очищений, растираний, омовений или применений потогонных средств. А в каких состояниях рекомендуется вскрытие

вен, мы скажем далее.

5. Кровь нужна живому существу не только для питания частей тела, она также отвечает за поддержание в организме естественного тепла, подобно тому, как дрова поддерживают огонь в очаге, который обогревает весь дом. Так вот, как этот огонь иногда претерпевает вред из-за того, что в него подбросили слишком много дров, иногда – из-за того, что дров немного, но они сырые, а иногда – из-за того, что дрова не подбросили вовсе или подбросили их слишком мало, так и тепло сердца иногда уменьшается из-за того, что крови слишком много, иногда – из-за того, что ее слишком мало или она имеет дурное качество, а иногда увеличивается из-за того, что кровь горяча по качеству или ее слишком много. А охлаждение или потепление, которое испытывает сердце, немедленно передается и в другие части тела. Так же и в отдельных частях тела, как я многократно показывал в других сочинениях, бывает неестественный жар или холод. Происхождение его бывает двояким: либо от холодных или теплых соков, либо лишь из-за неправильного смешения соков. Отдельные более или менее теплые части тела, находясь в непосредственной близости к части страдающей, изменяют свое состояние вместе с ней, однако это состояние не простирается на все тело, прежде чем будет задето сердце. Таким же образом, как я уже показывал, и состояние тела сердца может изменяться двояким образом: либо из-за дурного смешения соков, либо из-за горячего или холодного сока, либо

из-за недостатка того или иного сока. Соки же, как было показано, бывают холодными или горячими либо из-за количества съеденного или выпитого, либо из-за избыточной неподвижности или чрезмерного движения тела или души. Ведь, как в желудке часто бывает дурное пищеварение, в результате которого переваренная пища содержит либо слишком много флегмы, либо слишком много желчи, либо имеет какое-то иное отклонение от определенного природой состояния, или же пища долгое время остается непереваренной или превращается в газы, так и, если кроветворение нарушено аналогично нарушениям пищеварения в желудке, возникнут болезненные состояния, касающиеся артерий, вен и соков. А поскольку, как можно наблюдать, горячее и влажное быстрее всего гниет, и больше всего – когда находится во влажных местах, пища, поступающая из желудка, если природа не справляется с тем, чтобы превратить ее в хорошую кровь, по необходимости претерпевает различные формы гниения. Если же те части, которые состоят из теплой плоти, из-за гниения становятся еще теплее, то из-за этого гниющая кровь станет еще более горячей. А если она станет еще более горячей, то и часть тела, в которой происходит нагноение, еще сильнее нагреется от нее. И поскольку от осязаемого тепла близлежащее нагревается, вместе со страдающими таким образом частями будет нагреваться все, что вокруг них, – острым и едким теплом, поскольку именно такое тепло происходит от гниения, и если таким образом нагреется важная

часть тела, которая способна передать свое тепло сердцу – или благодаря своей близости к сердцу, или из-за своего значения, или из-за сильного жара, – то это болезненное тепло достигнет и сердца, которое и так по природе своей является весьма горячим. И стоит этому жару однажды коснуться сердца, как все тело с легкостью загорится от него, подобно тому как весь дом воспламеняется от языка пламени, вырывающегося из очага. Такое страдание тела эллины именуют лихорадкой. Иногда же избыток крови, еще не начав гнить, притекает к той или иной части тела и либо полностью убивает ее, лишая возможности нормально функционировать, либо наносит ей существенный вред. Ведь именно таким образом, то есть вследствие притока большого количества крови к управляющему началу живого существа, развиваются апоплексии. Приток же большого количества крови к другой части вызывает неестественную опухоль. Если кровь более плотная или содержит большее количество черной желчи, опухоль получается жесткой, если кровь содержит много флегмы, опухоль получается мягкой, а если она содержит много желчи, образуется рожистое воспаление. Подробное определение всех этих состояний ты можешь найти в упомянутых ранее сочинениях, ныне же, как было сказано, я кладу доказанные там положения в основу рассуждений, которые будут приведены в этой книге, и с их помощью обосновываю мое рассуждение о вскрытии вен. Итак, лучше всего начать наше рассуждение с того, что термин «избыток» имеет

два значения, причем избыток по функции часто приводит к гнойному воспалению, хотя иногда, проникая в некие части тела, образует там неестественные опухоли. Другая же форма избытка, так называемое изливание, чаще всего, проникая в те или иные части тела, образует в них опухоль, а также может приводить к апоплексиям, разрывам сосудов, и в этом случае следует как можно скорее удалить лишнее вещество, пока не приключилось с человеком то или иное великое зло. О том, как следует различать эти заболевания и лечить каждое из них, подробнее сказано в сочинении «О здоровье». В сочинении же «О методе лечения» сказано о том, как следует лечить лихорадку или подъем крови вверх, происходящие из-за избытка вещества или апоплексии. Поэтому я считаю, что писать об этом здесь было бы излишним. Ведь если я начну здесь писать о том же, о чем уже было сказано в других сочинениях, то по необходимости об одном и том же будет сказано дважды, и сочинение из-за этого получится излишне растянутым. Однако если я буду стараться сделать это сочинение как можно более кратким, меня подстерегают две опасности: текст может стать неясным из-за излишней краткости, и я могу пропустить то или иное важное определение. Однако, поскольку сам я вообще не хотел писать это сочинение, виноваты будут те, кто решил, что я должен это написать, равно как и в том случае, если у меня получится написать нечто правильное и полезное, я уступаю эту заслугу им.

6. Итак, приступим снова к рассуждению. Больным, про-

должающим заниматься своими обычными делами, однако чувствующим тяжесть или натяжение в той или иной важной части тела или во всем теле, необходимо опустошение. Если же по возрасту они не дети и не старцы, следует рассмотреть необходимость вскрытия вен. При этом следует ориентироваться прежде всего на два первых критерия, упомянутых ранее, а именно на качество и количество переполнения, а также наличие сил или слабость. Также следует принимать во внимание физическое состояние тела в целом, время года, местность, историю жизни больного, а именно: привычно ли для больного избыточное питание и большое количество питья, и не получал ли он в последнее время непривычное для него избыточное количество пищи и питья, какова в последнее время была его физическая активность, были ли у него в последнее время избыточные выделения или, напротив, необычная для него задержка выделений, и похудел ли он при этом или поправился. Ведь количество того или иного переполнения определяется по интенсивности отдельных признаков. Ведь насколько больной кажется тяжелее своего нормального состояния, настолько, очевидно, велико и функциональное переполнение. В свою очередь, насколько увеличивается натяжение, настолько же возрастает и другое переполнение, называемое некоторыми переполнением, связанным с изливанием. Качественные же характеристики переполнения – это касается обоих видов переполнения – можно определить по цвету, помня, что цвет связан с характери-

стиками жидкостей – в том случае, если тело в целом пребывает в соразмерном состоянии относительно тепла или холода окружающей среды, а также относительно естественных свойств каждого из соков¹³⁵. Если окружающая среда является более холодной, то все тело испытывает холод, а если более теплой – то тепло, и, если избыток соков сосредоточен в венах, человек чувствует тяжесть и растяжение сосудов, если же в плоти, то и чувство тяжести и растяжения, равно как и чувство тепла, бывает в плоти. А сила и слабость управляющих нами функций определяется по силе их действия: для разумной функции – по состоянию нервов и мозга, который является их началом, для функции, связанной с пульсом, – по состоянию артерий и сердца, а для функции, связанной с питанием, начало которой, как мы уже показали, находится в печени, – по степени упитанности или истощенности, а также по хорошему или плохому цвету кожи. Итак, если выявляются признаки усиления этих функций из-за переполнений, то, не производя никаких дополнительных различий, следует вскрывать вены при состоянии напряженности, и тем более – при состоянии избытка флегмы. При отягчающем же переполнении надо вскрывать вены не всегда. Ведь бывает, что в теле скапливается жесткий, непереваренный сок, и в этих случаях надо определить, в какой степени речь идет о нарушении функции, а в какой – об избыт-

---

¹³⁵ Здесь мы вновь переводим в соответствии с рукописью La, так как в издании К. Кюна выпущена почти целая строчка.

ке самого сока. Ведь функция, уже пострадавшая из-за такого состояния, может при вскрытии вен окончательно упасть, так что уже не сможет восстановиться. А это влечет за собой великую опасность, например, если посреди лета лихорадка нападёт на человека, у которого желудок находится в дурном состоянии, или все тело слабо по природе и жидко по смешению соков. Такие пациенты очень быстро теряют силы, даже если лихорадка, напавшая на них, не слишком сильна. Если же ничего из этого не наблюдается, но дело происходит зимой, и природа местности холодна, и пациент природу имеет прохладную, после вскрытия вен происходит страшное охлаждение тела, и пациент может получить один из симптомов тяжелого переохлаждения. Поэтому пациентам, наделенным такой природой, не показано опустошение посредством вскрытия вен – в этих случаях следует применять умеренно разогревающие притирания и мази, а также давать питье, уменьшающее плотность соков и умеренно согревающее. То же, что сильно разогревает, слишком внезапно уменьшает избыточную функцию и поэтому не подходит для лечения. Часто такие средства также увеличивают лихорадку и таким образом также вредят функции. Поэтому пусть разогревающая сила лекарств, уменьшающих плотность соков, а также питья и еды будет умеренной.

7. Те больные, которые получают временное облегчение, отхаркивая кровь, тем не менее сохраняют болезненное состояние в области груди и легких, так что, если кровь немно-

го скопится в них, какой-нибудь из сосудов либо перекроется, либо разорвется. Поэтому этим людям надо вскрывать вены в начале весны, даже если у них не наблюдается никаких телесных симптомов. То же относится и к тем, у кого часто случаются эпилептические припадки или приступы апоплексии. Таким же образом, если ты видишь, что больной подвержен тому или иному заболеванию, например пневмонии, плевриту или приступам удушья, лучше поспешить со вскрытием вен, чем ждать, пока симптомы переполнения проявятся в полную силу. То же относится и к страдающим геморроем, особенно к тем из них, кто имеет меланхолический склад. И всем тем, кто каждое лето страдает заболеваниями, связанными с переполнением, следует проводить опорожняющие процедуры в начале весны. То же относится ко всем тем, кто переживает подобные обострения уже весной; иногда у таких людей слабеют глаза или случаются так называемые затмения зрения. Всем этим людям также следует проводить опорожняющие процедуры в начале весны, выяснив заранее, какова по качеству жидкость, которая у них имеется в избытке. Ведь одни страдают от избытка горькой желчи, другие – от избытка черной желчи или флегмы, у третьих все основные элементы преобладают равномерно, и про таких говорят, что у них избыток крови. Всем этим больным, так же как и страдающим подагрой и артритом, показаны опорожняющие процедуры в начале весны – либо опорожнение посредством лекарств, либо вскрытие вен. Что

касается меня, то я вылечил многих, уже третий или четвертый год страдавших болями в ногах, либо дав в начале весны очищающее средство, выводящее находящийся в избытке сок, либо сделав – также в начале весны – кровопускание. Ясно, что все эти люди вели умеренный образ жизни, потому что пьяницам и обжорам при таких заболеваниях не помогут ни лекарственные средства, ни кровопускание. Ведь в телах людей невоздержанных быстро собирается избыток непереваренных соков. Таких не стоит и пытаться лечить; однако, если они окажутся достаточно послушными пациентами, им лучше всего можно помочь в начале весны: сначала производя опорожняющие процедуры, а затем посадив на диету и побудив заниматься физическими упражнениями. То, что сказано об этом заболевании, справедливо и для других перечисленных ранее заболеваний – эпилепсии, апоплексии, временного ухудшения зрения, кровохарканья и меланхолии.

8. Кровопускание приносит большую пользу не только при переполнении, будь то переполнение по функции или так называемое переполнение полости, но и при воспалении без переполнения, происходит ли оно из-за механической травмы, боли или расслабления той или иной части тела. Ведь боль притягивает к пораженной части тела кровь, а расслабленность частей тела часто вызывает воспаление даже без переполнения во всем теле. Ведь в сочинении «О природных функциях» уже было показано, что если та или иная часть тела по природе слаба, она с легкостью отягоща-

ется, даже если в ней скапливается совсем небольшой избыток вещества. Там же было показано, что каждая часть тела обладает способностью притягивать то, что ей сродно, и отталкивать то, что ей чуждо, а также то, что чуждое бывает двух видов – по количеству и по качеству. Поэтому, даже если часть тела не отягощена содержащимися в ней соками, но в ней имеется неестественный избыток вещества, чуждого ей по качеству, она стремится избавиться от него посредством содержащихся в ней сосудов, используя их как каналы. Итак, то, что выталкивается таким образом, будь то дурная кровь или какая-либо иная жидкость, обязательно притекает в одну из прилежащих частей тела. В этой прилежащей части с жидкостью произойдет одно из двух. В первом случае жидкость будет переварена или даже окончательно испорчена, но в третью часть тела не перейдет. Второй случай – с жидкостью не происходит ни того, ни другого, но из этой второй части тела переходит в третью, оттуда – в четвертую, и так далее. И процесс этот не прекращается до тех пор, пока жидкость не достигнет такой части, которая не способна перенести в другую часть вещество, пребывающее в ней в избытке. Это бывает с теми частями тела, выделительная способность которых меньше, нежели у всех прилежащих к ним частей. Эти части не могут вытолкнуть причиняющую страдание жидкость в прилежащие части: они не принимают их из-за имеющейся в них отталкивающей способности. В упомянутых сочинениях нами было показано

не только то, что каждая из частей тела выталкивает избыток вещества в прилежащие части, но и то, что прилежащая часть может принять этот избыток, а может вытолкнуть его и послать обратно, и побеждает здесь сильнейшая часть. Поэтому наиболее слабые части легче всего поражаются заболеваниями, вызванными избытком вещества. Знай, что таким образом формируется и так называемое ревматическое состояние: при общем ослаблении тела, что является одним из признаков его дурного состояния, естественным образом отягчаются наиболее важные части его, и, даже если в них немного крови, эта кровь выталкивается к мясистым частям, находящимся прямо под кожей, и особенно к железам, которые очень хорошо приспособлены для того, чтобы принимать избыток вещества, как из-за своей пористой структуры, так и из-за того, что по природным функциям они слабее всех прочих частей. То же относится и к жиру. Природных функций существует четыре: привлекающая, удерживающая, выделительная и изменяющая. Первые три у желез чрезвычайно слабы, а изменяющая – лишь немного слабее, чем у прочих частей. На втором месте после желез по готовности принять приток жидкости стоят легкие. Ведь у них также слабы первые три функции, материя же их рыхла. Далее следует селезенка. Мозг же принимает избыток жидкости так же, как эти органы, или даже с большей готовностью. Но он устроен лучше них в том отношении, что с легкостью выделяет то, что принял. Ведь у него есть большие желудоч-

ки, жидкость из которых выводится ведущими вниз каналами. У тех людей, у которых легкие, селезенка и мозг по природе сильнее мясистых частей тела, поток лишней жидкости направляется в железы и плоть, что приводит к общему ослаблению тела, которое бывает при ревматических состояниях. Поэтому естественно, что при лечении таких больных целью ставится не выведение лишней жидкости, но общее усиление тела. Однако в начале лечения таких пациентов следует прибегнуть к кровопусканию. Если же выделения у таких больных дурные по качеству, то мы прибегаем и к очистительным средствам, особенно если речь идет о частях тела, в которых не бывает обычных симптомов переполнения, в первом или во втором смысле слова, – тяжести как признака переполнения по функции и растяжения как признака переполнения полости. Следуя той же логике, если та или иная часть тела получила сильный удар или в ней начинается воспаление какой-либо иной природы, и мы ожидаем, что воспаление может быть большим, следует прибегнуть к выведению лишней жидкости, посредством ли вскрытия вен или при помощи очистительных средств, смотря по тому, какой метод покажется лучшим в данном случае.

9. В приложении¹³⁶ к сочинению «О диете при острых бо-

---

¹³⁶ Здесь мы, вслед за П. Брэйном, принимаем чтение *προσκεκμένοιο* («в приложении»), отраженное в латинском переводе К. Кюна, вместо рукописного *προκεκμένοιο* («в гипотезах»), принимаемого К. Кюном. Правильность этого прочтения подтверждается тем, что совет, приведенный здесь Галеном, действительно содержится в приложении к сочинению Гиппократата «О диете при острых бо-

лезнях» дан мудрый совет: прибегать к кровопусканию, если болезнь велика и находится в высшей точке, но силы у больного еще есть. Посему заблуждается Менодот, полагая, что вскрытие вен показано лишь при так называемом синдроме переполнения. Напротив, показания к кровопусканию не включают в себя переполнения самого по себе, но включают подозрение на возможное развитие этого болезненного состояния. Если кажется, что болезнь будет тяжелой, то в любом случае следует делать кровопускание, даже при отсутствии признаков переполнения; однако при этом следует учитывать возраст больного, характер местности и степень ослабленности организма. Все это изложено в приложении к сочинению «О диете при острых болезнях». Там проведено разделение между взрослыми больными, детьми и стариками. Основные критерии, которыми следует пользоваться при назначении кровопускания, – сила болезни и силы больного. Именно сочетание этих параметров, а не состояние переполнения, следует прежде всего принимать в расчет при назначении кровопускания. Это сочетание предопределяет и предполагаемую тяжесть развивающейся болезни. Ведь подходящий момент для кровопускания – не только когда тяжелая болезнь уже присутствует, но и когда можно предполагать, что она вскоре разовьется. В этом предшественником и учителем нашим был Гиппократ, учивший, что, как бы правильно мы ни лечили уже имеющиеся болезни, гораздо

важнее уметь предупреждать болезни, которые еще не развились, но вот-вот разовьются. Так что упомянутые критерии следует перенести и на здоровых людей. Ведь и им следует делать кровопускание, если есть основания предполагать, что у них могут развиться тяжелые болезни, однако при этом следует учитывать возраст и силу. Итак, если некто близок к тяжелой болезни, даже если нигде в теле его нет еще признаков болезни, я считаю необходимым прибегнуть к кровопусканию. Необходимо также учитывать возраст и силу больного, так что имеются три диагностических критерия, которые нужно учитывать при назначении кровопускания: сила болезни, уже наступившей или ожидаемой, возраст больного и его общее состояние. Может создаться впечатление, что вопрос о возрасте пациента разобран в приложении к сочинению «О диете при острых болезнях» несколько небрежно. Ведь было бы правильно говорить не только о пациентах, находящихся во цвете лет, но и о детях и стариках. Однако о стариках имеет смысл говорить в рассуждении о силе, так как в этом возрасте у человека недостаточно сил. Те же из врачей, которые полагают, что сил недостаточно и у детей, неправы, как показано мной в других сочинениях. Итак, мы будем производить кровопускание, если уже имеется, ожидается или в данный момент начинается серьезное заболевание и если у больного достаточно сил. Исключение мы будем делать для детей, тем самым признавая, что в сочинении «О диете при острых болезнях» о возрасте больного сказано

недостаточно. Этих критериев достаточно для принятия решения о кровопускании. Эти принципы не нарушаются и в том случае, когда скопление непереваренных соков столь велико, что, казалось бы, требует кровопускания. Ведь у таких больных мало сил. Признаком того, что они могут не перенести кровопускания, является потеря их телами естественного цвета, который указывает на полнокровие, а также отклонение пульса от нормы по силе и частоте, причем преобладают слабые, едва различимые удары пульса. Итак, мы определили три главных критерия для назначения кровопускания: сила болезни, либо ожидаемой в ближайшем будущем, либо уже начинающейся, возраст больного и силы больного, причем последний критерий неприменим к детям. Перейдем к другим показаниям к кровопусканию, о которых говорили многие врачи, указывая при этом на необходимое количество удаляемой крови, а не на то, следует ли вскрывать вены или нет. Ведь необходимость кровопускания определяется силой болезни, силой человека и его возрастом, а количество удаляемой крови – не только этими параметрами, но и другими. Это и так называемый синдром переполнения, и климат и погода, которые определяются временем года и местностью, и образ жизни больного – количество и качество принимаемой пищи и то, имели ли место выделения и движение. Все эти критерии будут рассмотрены далее.

10. Теперь же рассмотрим относительно каждого из множества признаков, следует ли прибегать к кровопусканию

при появлении этого признака в любом случае, даже если больной еще занимается своими обычными делами, или в этом нет необходимости, если ничто не указывает на возможное наступление тяжелой болезни. Какого мнения я придерживаюсь относительно этого, вы знаете сами, так как часто прибегали к моим советам, и помните, как я рекомендовал кровопускание страдающим подагрой, артритом, эпилепсией, меланхолией, кровохарканьем, а также тем, у кого в области груди имеется предрасположенность к этому заболеванию, страдающим обмороками или частыми удушьями, а также перипневмонией, плевритами, гепатитами, тяжелыми заболеваниями глаз или, коротко говоря, любым тяжелым заболеванием. Я утверждаю, что при всех этих состояниях кровопускание является необходимым лечебным средством. При этом, однако, следует учитывать силы и возраст больного. Даже если это не сказано прямо, это всегда подразумевается. Если же у больного прежде не было таких состояний и если устройство всех частей тела его безупречно, знай, что я рекомендую два способа выведения избытка: со вскрытием вен, если больной ведет неумеренный образ жизни, и без вскрытия вен, если умеренный. Ведь, если речь не идет об избытке плотной крови, можно быстро избавиться от состояния переполнения посредством частых растираний, водных процедур, ходьбы и других движений, а также различных мазей. А такое переполнение чаще всего бывает связано с избытком черной желчи. Реже оно бывает следствием скопле-

ния так называемых непереваренных соков. При так называемом переполнении черной желчью лучше прибегнуть к кровопусканию, чем полагаться исключительно на средства, выводящие эту жидкость. Если же преобладают непереваренные соки, то до начала болезни надо прибегать к выводящим избыток жидкости средствам с осторожностью, если же у больного уже имеется лихорадка, то, как было сказано, не следует прибегать к ним вовсе. Признак такого состояния – свинцовый, или бледно-желтый, или вообще любой, кроме красного, оттенок кожи, а также неравномерность пульса. Если же их количество достаточно возрастает, это состояние сопровождается увеличением массы тела, медлительностью движений, отупением разума и притуплением чувств. Напротив, если скопление крови получилось из-за подавления кровотока при геморрое, надо немедленно прибегать к кровопусканию, даже если больной прежде не переносил серьезных заболеваний. Ведь возможно, что у больного есть предрасположенность к таким заболеваниям, но раньше у него их не было из-за того, что избыток вещества удалялся благодаря геморрою. Если же ты видишь, что у больного та или иная часть тела устроена плохо, особенно в области грудной клетки, надо делать кровопускание немедленно.

11. То же рассуждение следует относить и к женщинам, у которых бывает задержка месячных. У них также следует немедленно удалить лишнюю жидкость, но не обязательно посредством кровопускания. Иногда надрезов на лодыжках

бывает достаточно, чтобы удалить избыток жидкости, поскольку у них имеются и иные механизмы, стимулирующие месячные, помимо кровопускания из области лодыжек и бедер. При задержке месячных всегда надо производить опорожнение в области голеней, посредством ли вскрытия вен или нанесения порезов. Ведь кровопускание в области локтей способно задержать месячные. У тех из женщин, которые более бледны, скапливается более жидкая кровь, и этим объясняется то, что кровопускание из лодыжек приносит наибольшее облегчение. При лечении вскрывай наиболее темные вены. Ведь в них собирается наиболее плотная кровь с наибольшей примесью черной желчи, особенно в том случае, если вены кажутся увеличенными. Это бывает у наиболее крепких и смуглых женщин. У полных же и светловолосых женщин вены мелкие, так что им лучше наносить порезы, а не вскрывать вены. Ведь у них вены на лодыжках мелки, так что из них не вытечет достаточное количество крови, даже если хорошо разрезать. Не следует пренебрегать кровопусканием и в качестве отвлекающего средства: я часто наблюдал, как сильное кровотечение из носа при использовании этого средства тотчас останавливалось. Итак, при этом состоянии следует, как ты уже видел, не ждать крайнего истощения сил больного, но, если уже вышло достаточно крови, а кровотечение остается сильным, рассечь вену на предплечье правой руки, если кровь идет из правой ноздри, и левой – если из левой. Одновременно с этим следует пере-

вязать конечности льняными или шерстяными повязками, а в область подреберья с соответствующей стороны поставить банку. Поступая таким образом, мы, как ты понимаешь, оттягиваем кровотоечение из носа во всех направлениях. Ранее мы пытались вкладывать в ноздри больных лекарства, предписываемые другими врачами, а также смазывали лоб всем больным. Это вместе с тем, что было сказано ранее о вскрытии вен, опровергает рассуждение Менодота, который считает, что так называемый синдром переполнения наведет нас на правильное лечение. Ведь состояние, которое мы обсуждаем сейчас, явным образом противоположно переполнению. При этом состоянии мы применяем кровопускание не как опустошающее, а как отвлекающее средство.

12. Ничто так наглядно не показывает, что врачебное искусство на практике часто требует угадывания, как вопрос о количестве каждого из лечебных средств. Ведь часто те, кто точно знает надлежащий момент для того, чтобы дать лекарство или питье, холодное или теплое, не могут надежно определить необходимое количество этого средства. То же касается и очистительных средств: иногда мы точно знаем, что нужно дать больному средство, выводящее желтую или черную желчь, или флегму, или серозные выделения, необходимого же количества этого средства не знаем. И дозу такого лекарства исправить нельзя. Ведь, однажды попав в желудок, такое лекарство не может не быть переваренным полностью, и, если больной уже подвергся слишком сильному

очищению, невозможно изъять часть уже данного лекарства. В случае же с кровопусканием у нас есть великое преимущество: мы можем прекратить опорожнение, когда пожелаем, и, с другой стороны, позволить крови вытечь дополнительно в какое хотим время, пока нам не покажется, что цель достигнута. Поэтому лучше всего, если нет никакой срочности, сделать первое удаление крови не очень большим, а затем изъять еще кровь дополнительно; при желании можно сделать и три подхода. При состояниях, которые требуют большого изъятия крови, но сопряжены с упадком сил больного, нужно распределять объем выпускаемой крови; ты мог наблюдать, как я это делал с большими, страдающими скоплением непереваренных соков. Удалив немного крови, я немедленно даю больному хорошо вываренного медового напитка вместе с каким-нибудь разжижающим средством, или иссопом, или душицей, или мятой, или блоховником; можно также дать смесь меда и воды, смесь уксуса и меда или сладкий уксус. Затем я делаю еще одно кровопускание – иногда в тот же день, иногда на следующий. Затем снова даю что-нибудь из перечисленных средств и снова делаю кровопускание, и на третий день повторяю все это дважды. Когда же имеется избыток кипящей крови, сопряженный с острой лихорадкой, надо удалить большое количество крови. Следует пытаться удалять кровь до потери сознания, учитывая, однако, силы больного. Я знаю случаи, когда больным в та-

ком состоянии удаляли шесть котил¹³⁷ крови на второй, третий или четвертый день болезни. Иногда это делалось даже в первый день, если лихорадка начиналась в начале или в середине ночи, после того как съеденное накануне было хорошо переварено. Помню, что я и сам делал кровопускание в конце первого дня лихорадки тем больным, которые страдали от ненормального потоотделения и головной боли и утверждали, что причина тому – дурное самочувствие накануне, и из-за этого не принимали пищи в течение дня, но к вечеру начинали страдать лихорадкой. Итак, если ты подозреваешь скопление кипящей крови, делай кровопускание немедленно, если надо, и ночью, пока болезнь не поразила какой-нибудь из жизненно важных органов. Нелепо, как делают многие, вскрывать вены только во втором, четвертом или пятом часу дня, и не в какой другой час. Если бы я не наблюдал, что они ставят клизмы, и дают пищу, и пользуются другими лекарственными средствами в любое время ночи, речь моя к ним была бы более суровой. Но так как они делают все это, не соблюдая единого для всех больных времени и срока, но действуя так, как требует болезнь, и только для кровопускания ждут одного определенного часа, ошибка их простительна. Итак, больным, которые находятся в таком состоянии, надо, как было сказано, удалять кровь до потери сознания. Я наблюдал, что у некоторых таких больных, вслед за ознобом, который неизбежно сопровождает потерю созна-

---

¹³⁷ То есть около 1700 мл.

ния, потом по всему телу и опорожнением желудка болезнь совершенно отступала. При этом следует тщательно следить за замедлением пульса, щупая его, пока кровь еще течет, как принято делать при любом кровопускании, чтобы вместо потери сознания не наступила смерть – такие случаи, как мне известно, бывали у трех врачей. Один из них делал кровопускание женщине, страдающей лихорадкой, а двое других – мужчинам; во всех трех случаях больные, потеряв сознание, уже не пришли в себя. По этой причине лучше воздерживаться от удаления слишком большого объема крови, если только великая необходимость не повелит сделать это. Так же и ревульсия, являющаяся великим целебным средством и часто случающаяся из-за кровопускания, будет тем более действенной, чем на большее количество подходов ты разобьешь кровопускание, особенно если ты будешь это делать из разных частей. Но все это необходимо знать заранее.

13. Итак, повторяя с самого начала то, что относится к предмету предпринятого нами исследования, перечислим то, что мы считаем самым важным для врача, желающего делать кровопускание без вреда для пациента. Прежде всего, надлежит иметь в виду перечисленные выше показания к применению этого лечебного средства и, если они увеличиваются, удалять больше крови, а если они уменьшаются, настолько уменьшить количество удаляемой крови, насколько уменьшились эти признаки. Тяжесть болезни, наряду с силами организма, является одним из первых таких критериев,

причем тяжесть указывает на то, что нужно делать, а силы – на то, что нет ничего, что препятствовало бы применению этого средства, того, что некоторые из современных врачей называют противопоказаниями. Ведь иногда бывает так, что болезненное состояние указывает на необходимость кровопускания, а слабость сил больного этому препятствует. Если же оба эти критерия указывают на необходимость и возможность кровопускания, его нужно провести, если не имеется, как было сказано ранее, скопления непереваренных соков, такого по количеству и качеству, что оно будет препятствовать кровопусканию. Далее, следует принять во внимание природное смешение жидкостей больного. Без всяких опасений можно делать кровопускание тем, у кого вены велики, кто умеренно худ и при этом не бледен и не имеет рыхлую плоть. Тем же, у кого свойства природы противоположны, следует делать кровопускание с осторожностью. Ведь крови у них мало, а плоть быстро истощается. Согласно тому же принципу, не следует делать кровопускание детям младше четырнадцати лет, а детям старше этого возраста – если видно, что скопилось много крови, и если время весеннее, а место – с хорошим климатом, и ребенок по природе полнокровен – следует делать кровопускание, особенно если есть опасность перипневмонии, или удушья, или плеврита, или иного острого и тяжелого состояния. Чаще всего первый раз нужно удалять не больше котилы крови. Если после этого при осмотре ты убедишься, что силы больного не ослабли, в

следующий раз удали крови в полтора раза больше. Бесспорным признаком большой силы организма пусть будет для тебя сильный и ровный пульс; то же самое верно, даже в большей степени, для большого пульса. При таком пульсе ты можешь делать кровопускание даже семидесятилетним, если их состояние того требует. Ведь даже в этом возрасте бывают люди полнокровные и полные сил, тогда как другие бывают сухими и малокровными, так что у них любая ударенная часть тела с легкостью чернеет. Так что учитывай не только количество лет, как делают иные, но и состояние организма. Некоторые шестидесятилетние уже не переносят кровопускания, а некоторые семидесятилетние, напротив, переносят. Но у них, конечно, следует удалять меньше крови, даже если ты видишь, что состояние их организма не хуже, чем у людей, находящихся в расцвете лет.

14. Лучше всего прежде, чем вскрывать вену, принять во внимание все это, и в особенности то, что касается геморроя, при котором остановилось кровотечение, и женских месячных. Когда же вена уже рассечена и кровь уже течет, следует внимательно следить за всеми переменами в ее течении, особенно если уже имеется воспаление, и за уменьшением интенсивности ее течения, и особенно за изменением пульса, ибо это – знак неложный¹³⁸, и, как только ты заметил,

---

¹³⁸ Здесь мы вновь переводим в соответствии с рукописью La, которой следует и латинский перевод К. Кюна, и английский перевод П. Брэйна: ἄψευδεῖ – «неложным» вместо ψευδεῖ – «ложным».

что сила пульса изменилась или он стал неровным, следует немедленно прекратить процедуру. Стоит ли говорить о том, как поступать, если пульс стал неразличимым? Ты уже должен понимать, что в этом качестве пульса содержится вернейшее средство различить наличие или отсутствие сил в организме. Если имеется сильное воспаление около вскрываемой вены, лучше всего ожидать перемены в цвете и составе истекающей крови, как пишет и Гиппократ в сочинении «О диете при острых болезнях», когда речь идет о плеврите. Ведь кровь, которая бывает при воспалении, отличается от крови в ее естественном состоянии, поскольку она нагревается, и если ранее она была относительно жесткой, то становится более красной или более желтой, если же ранее была такой, то становится более черной из-за того, что сваривается. Поэтому Гиппократ так пишет о плеврите: «Следует рассечь внутреннюю вену в изгибе локтя и извлечь как можно скорее обильную кровь, и не прекращать процедуру до тех пор, пока кровь не станет более красной или вместо чистой и красной – темной, ибо и то и другое случается»¹³⁹. Гиппократ считает, что явное изменение крови, текущей из рассеченной вены, является свидетельством того, что в нее попадает часть крови от места воспаления. Однако не всегда следует ждать такого изменения, иногда нужно прекратить процедуру, не дожидаясь его наступления. Эта необхо-

---

¹³⁹ *Гиппократ. О диете при острых болезнях, 7 // Гиппократ. Избранные книги. Т. 1. М., 1936. С. 403.*

димось возникает по двум причинам: либо силы больного слабы, либо воспаление злокачественно. Иногда же вена не выделяет из себя никакой крови, но бывает сильно стянута. Если же упадка сил из-за потери крови не наблюдается, а определить это можно, держа руку на пульсе в тот момент, когда кровь идет с наибольшей силой, следует ждать изменения крови, особенно если климат и погода благоприятны. Ведь существуют два критерия, по которым надо определять количество удаляемой крови при этой процедуре, а именно природа больного, хотя точно определить ее мы не можем, и то, какая ожидается погода после того, как будет проведена процедура. Ведь когда жгучий жар сильно разжижает кровь, а больной получает скудное питание, питание тела, получаемое из крови, вскоре станет недостаточным, из-за чего силы больного иссякнут. Нужно давать больному дополнительное питание, если смешение жидкостей в нем горячее и влажное, как это бывает у детей, если климат жарок и если дело происходит летом. Поэтому мы удаляем меньше крови, чем того требует переполнение, из-за возраста – у детей, из-за типа телосложения – у людей бледных с рыхлой плотью, как-вы бывают кельты, и из-за времени года – в дни созвездья Пса. Те же принципы применяются относительно местности и состояния. С другой стороны, в противоположной ситуации, а именно в холодное время года в холодных местах, надо остерегаться чрезмерно обильного кровопускания из-за того, что больной после него может замерзнуть. Я не мо-

гу дать однозначных письменных рекомендаций относительно предельного количества изливаемой крови в каждом случае. Я знаю случаи, когда у больных изливалось шесть литров¹⁴⁰ крови и лихорадка у них немедленно прекращалась без всякого вреда для их сил, но помню также и случаи, когда полутора литров было достаточно, чтобы больной испытал небольшой упадок сил, а удаление двух литров привело бы к тяжкому вреду. Я помню случаи, когда приносило пользу изъятие одного литра, или даже меньшего объема, из локтевой, бедренной или коленной вены, а иногда и из вены у большого кантуса глаза и под языком. Из этих вен не бывает сильного течения крови, так же как и из вен на ногах и кончиках пальцев рук. Некоторые считают, что можно вылечить селезенку, вскрыв вену у второго из маленьких пальцев, о чем пойдет речь далее.

15. Если я возьмусь переписывать все, что написано врачами на эту тему, мне придется наполнить этими писаниями большую книгу. Но, как и для прочих тем, которые я до сих пор разобрал в этом сочинении, я приведу вам собственное мнение, подтверждая его случаями из практики, которые я наблюдал. Исходным пунктом своего рассуждения я полагаю то, что ежедневно наблюдается у больных, и что первым, по результатам наблюдения, подробно описал Гиппократ. Первое и главное в этом вот что: кровотечение «по пря-

---

¹⁴⁰ Римский литр равен примерно трети обычного. Соответственно, речь идет о потере двух литров крови.

мой» приносит больным величайшую пользу. С тем, что «по прямой» означает «на той же стороне тела, что и пораженное место», согласны все, так как слово «прямая» явным образом многократно употребляется в этом значении. Кровотечение же с другой стороны не приносит пользы, но иногда и приносит вред, так как отнимает силы, не принося при этом облегчения страданий. Ведь кровотечение из правой ноздри не помогает при заболевании большой селезенки, а кровотечение из левой – при заболевании печени, но отвлекающее кровотечение, случающееся с той же стороны, с которой находится орган, от которого надо отвлечь лишнюю жидкость, явно приносит облегчение. Кровотечение же с другой стороны облегчения не приносит. Далее, при кровотечении из правой ноздри банка, поставленная в правом подреберье, быстро останавливает кровотечение, а кровотечение из левой ноздри останавливает банка в левом подреберье. Также ты можешь увидеть, как быстро останавливает кровотечение кровопускание, сделанное ради отвлечения крови с той же стороны, что и кровотечение. Кровопускание же с другой стороны пользы не приносит.

16. Так и при заболевании селезенки помогает кровопускание из среднего пальца левой руки, точно так же, как и вскрытие локтевой вены на левой руке, и лучше всего удалить сообразное количество крови не за один раз, а разделить его на два дня. Я не знаю, почему врачи пренебрегают кровопусканием как методом лечения заболеваний селе-

зенки. Я, со своей стороны, всегда знал, что этот метод приносит величайшую пользу, даже если выведешь всего один литр¹⁴¹, однако количество удаляемой крови надо вычислять исходя из приведенных ранее критериев. Также многократно было показано, что страдающим плевритом приносит большую пользу кровопускание из вены, находящейся на той же стороне, что и больной бок, польза же вскрытия вены с противоположной стороны или вовсе неясна, или наступает через некоторое время. Также вскрытие вены, находящейся с той же стороны, часто снимало в течение часа сильную боль в глазу, причем вскрывалась так называемая плечевая вена. Лучше всего при всех заболеваниях стараться после умеренно обильного кровопускания делать так называемое дополнительное кровопускание, иногда в тот же день, если это возможно, иногда на следующий день, кроме случаев, когда, как мы упоминали, мы стараемся удалять кровь, пока больной не потеряет сознание. При заболеваниях же глаз явное и быстрое облегчение приносит вскрытие из так называемой плечевой или локтевой вены. При болезни же бока, или легкого, или диафрагмы, или селезенки, или печени, или желудка надо вскрывать вену, проходящую через подмышку и локоть. Если нет возможности вскрыть эту вену, надо вскрывать вену, ответвляющуюся от нее и идущую в место сгиба сустава. Я полагаю, ты знаешь, что названная вена несколько ранее ответвляется от локтевой вены, но далее соединяется с ней.

---

¹⁴¹ Здесь также имеется в виду римский литр.

Ведь есть три способа вскрытия вены в области локтя: внешний, внутренний и средний¹⁴². Внутренний полезен при заболеваниях нижней части шеи, внешний – при заболеваниях верхней части шеи, лица и головы. В средней части иногда бывают обе разделившиеся вены, которые идут к концам рук и разделяются там, а иногда они сходятся в одно быстро, то есть у сгиба сустава. Бывает так, что одну из этих вен видно хорошо, а другую – плохо. Так вот, если вена, которую надо вскрывать при данном заболевании, плохо видна, перейди к какой-нибудь из средних вен и постарайся вскрыть ту, что ответвляется от вены, вскрытие которой помогает при данном заболевании. Иногда ничто не мешает разрезать и те вены, которые находятся ниже локтевого сгиба, на предплечье, если вены в районе локтя не видны. И в этом случае также надо вскрывать вены, находящиеся на той же стороне, что и страдающая часть, ведь вскрытие вены, находящейся с той же стороны, что и страдающая часть, часто приносит столь быстрое облегчение, что удивляются и сами больные, и их домашние.

17. Я помню, как однажды меня вызвал один богатый человек, проживавший в пригороде Рима, чтобы осмотреть одного из его домашних, которому, по его словам, угрожала слепота, и который к тому времени страдал сильными болями уже около двадцати дней. Домашним врачом этого бо-

---

¹⁴² Внешней локтевой веной Гален называет головную вену, внутренней – локтевую (царскую), средней – срединную локтевую вену.

гатового человека был последователь Эрасистрата. Этот врач всегда воздерживался от кровопускания. Я осмотрел больного. Это был полнокровный юноша, в глазах его пока не было изъязвления, однако воспаление было чрезвычайно сильным, и сопровождалось оно скоплением жидкости и утолщением на обоих веках и участками жесткой ткани на одном из них, из-за которого он не мог видеть и испытывал сильные боли, что обостряло воспаление и скопление жидкости. Увидев все это и узнав обо всем, что сделал в ходе лечения его врач, я сказал, что я сам не могу часто бывать в этом пригороде, но что я должен часто видеть этого человека в течение ближайших трех дней. «Итак, – сказал я его врачу, – предоставь его мне на эти три дня». «Я позволяю тебе это с благодарностью, – сказал он. – Возьми этого человека к себе домой». Он прибыл ко мне около пятого часа, и сразу у него было изъято в ходе первого кровопускания три литра крови и еще один литр в седьмом часу. Это принесло ему весьма большую пользу. На другой день ему было сделано натирание мягкой глазной мазью, смешанной с вином, как мы обычно делаем в таких состояниях, поместив закругленный конец смазанной мастью палочки под веко. Это было сделано сначала утром, затем в пятом часу, а затем в девятом. После этих смазываний он совершил омовение на закате солнца, на другой же день, вывернув ему веки, я дважды сделал ему смазывание мягкой глазной мастью, смешанной с большим количеством вина, после чего вечером он совершил омове-

ние. На следующий же день, утром, он встретился с тем богатым человеком в том месте, где они имели обыкновение сходить с повозок, и поприветствовал его, причем глаза его были открыты, и в них не было ни воспаления, ни притока крови, притом что за два дня до того он не мог и глаз открыть из-за притока крови и боли. Это исцеление казалось подобным какому-то волшебству, так что сам этот богатый человек вскричал от удивления, восхищаясь скоростью лечения, и все, кто был с ним, стали кричать – не оттого, что я сделал что-то удивительное, а потому, что сравнили мое лечение с поведением его домашнего врача, который лишь наблюдал за тем, как происходит величайшее зло, и все из-за страха перед кровопусканием. Ведь пациенту нужно было удалить утолщение и жесткость века, а этого нельзя было сделать без использования разъедающего лекарства. Применения же разъедающего лекарства он не смог бы перенести без предварительного кровопускания. Ведь мной уже много раз было сказано и доказано, что применение едких лекарств к той или иной части тела, если все тело перед этим не освободить от лишней жидкости и не сделать полностью лишенным излишков, привлекает течение жидкости и вызывает воспаление. Тогда же этот богатый человек спросил, как произошло это волшебное исцеление, услышав же обо всем, что произошло, стал с тех пор звать этого врача, последователя Эрасистрата, Гемофобом¹⁴³. Этот рассказ явля-

---

¹⁴³ То есть боящимся крови.

ется доказательством двух положений: того, что людям, находящимся в таком состоянии, надо делать кровопускание, что я не взял в качестве своей темы в настоящем сочинении, и того, что надо делать вскрытие вены с той же стороны, что и страдающая часть, а если страдающая часть расположена выше груди, то вскрывать надо плечевую вену.

18. Как все перечисленные части тела лечатся, как было сказано, кровопусканием из-под локтя, так все части, расположенные ниже, лечатся кровопусканием из бедер и лодыжек. Части же, находящиеся ниже упомянутых, – все, что находится в районе таза, мочевого пузыря и матки. Обе почки же находятся ниже частей тела, перечисленных вначале, и выше тех, что перечислены во вторую очередь, и поэтому при заболеваниях почек иногда помогает вскрытие вены в районе локтя, если незадолго до того имело место воспаление или избыток крови. При состоянии же, которое называется собственно нефритом, следует вскрывать либо вену в районе бедра, либо любую из вен вдоль лодыжки. Заболевания матки лечатся кровопусканием из вен на ногах еще лучше, чем заболевания почек. На кровопускания же из области локтя или из другого места они реагируют плохо. Ведь такие кровопускания мешают месячным, отвлекая кровь в верхние части тела. В то же время кровопускания из голеней могут как отвлечь кровь от месячных, так и способствовать им. Если ты хочешь достичь последнего эффекта в период, когда у женщины должны начаться месячные, то начни за-

ранее, дня за три-четыре, и либо рассеки вену, либо сделай надрезы на лодыжке одной из ног и выпусти немного крови, на следующий же день сделай то же с другой ногой, одновременно позаботившись о строгой диете в тот день, когда будешь делать кровопускания, и на четвертый или пятый день от этого дня. Об этой диете у меня написано специальное сочинение – «О диете для похудения». Но, даже если женщина не соблюдает эту диету, достаточно способствуют обильным месячным мята и блоховник. Готовить же их следует так: выварить в медовом напитке, высушить, нарезать и пропустить через мелкое сито, затем снова растереть в пыль и снова засыпать в медовый напиток. Лучше всего принимать этот напиток после посещения бани, когда женщина оборачивается в льняную ткань. Это лекарства умеренного действия, а более сильные – можжевельник и ясенец. Применять их надо тем же описанным только что способом. В этот же период дается лекарство, носящее название «горькое», состоящее из ста драхм алоэ, к которым примешано по шесть драхм каждого из прочих лекарств. Лучше же всего принимать корицу. Однако все это сказано между делом, хотя дело это не лишнее, поскольку способствует движению крови из матки после опорожнения, сделанного из ног, посредством ли нанесения царапин на лодыжки или вскрытия вены в области пятки или бедра. Я знаю случаи, когда заболевания бедра вылечивались за один день благодаря опорожнению, производимому из ног, – в тех случаях, когда причиной заболева-

ния было не переохлаждение, а избыток крови в сосудах в области бедра. Поэтому вскрытие вены на бедре для таких пациентов полезнее вскрытия вены на лодыжке. Нанесение же порезов в этих случаях явной пользы не приносит.

19. Итак, начинающиеся воспаления надо лечить посредством опорожнений по принципу отвлечения, те же из них, что перешли в хроническую форму, если это возможно, нужно лечить посредством опорожнения из самой страдающей части тела, если же это невозможно – из части тела, ближайшей к ней. Ведь при начинающемся воспалении надо отвлечь стремящуюся к месту воспаления кровь, а при хроническом воспалении следует удалить только то, что задержалось¹⁴⁴ в страдающей части. Делать это лучше всего посредством вскрытия вен, соединенных с теми, которые находятся в страдающей части. Это положение подтверждается и на опыте. Так, при сильном воспалении в районе гортани и трахеи в начале воспаления помогает кровопускание из локтя, а в продолжении – из самого языка, причем в нем надо вскрыть обе вены. Так и в глазу, если после воспаления остался струп, для удаления его полезно вскрыть вену у большого кантуса. Также и при тяжести в голове и при хронических головных болях, вызванных состоянием переполнения, приносит облегчение вскрытие вены на лбу, если

---

¹⁴⁴ Здесь мы также переводим в соответствии с рукописью La, которой следует латинский перевод К. Кюна и английский перевод П. Брэйна: ἐνοφρωμένον – «задержавшееся» вместо представленного у К. Кюна εὐφρωμένον – слова, нигде больше не встречающегося.

же такое состояние только началось или находится в высшей точке, помогает отвлечение посредством постановки банки на шею, причем иногда достаточно только банки, а иногда необходимо еще и нанести порезы. Перед этим надо предварительно удалить лишнюю жидкость из всего тела. Согласно той же логике, при боли в задней части головы, если она только началась или находится в высшей точке, помогает рассечение вены на лбу. Отвлечение же одновременно с опорожнением следует делать, когда начинается приток крови к месту воспаления. А кровопускание из самой страдающей части или частей, к ней ближайших, следует делать при воспалении, образовавшем как бы затвердение. Если же ни одна часть тела человека не страдает никакой болезнью, мы предупреждаем болезни, производя опорожнение в начале весны. Таким образом мы стремимся избежать того, что человек с наступлением лета заболит обычными для него недугами, сопряженными с жаром. При этом все части тела равно предпочтительны для того, чтобы удалять кровь именно через них, как в том случае, когда пациент болен артритом, и у него страдают все суставы. Если же у человека какая-либо часть тела страдает больше других, если не сделано предварительного опорожнения, то не все равно, из какой части тела его делать, но необходимо делать опорожнения из той части тела, которая уже начала страдать. Поэтому у страдающих подагрой следует делать опорожнение из области локтя, а у страдающих эпилепсией и обмороками – из ног. Если

же ты прибегаешь к вскрытию вен из-за геморроя, то, если хочешь остановить кровотечение, следует вскрывать вены на руках, а если стимулировать – то на ногах. Однако при задержке месячных надо всегда вскрывать вены на ногах. Ведь при проблемах с месячными ситуация не такова, как при геморрое, когда одни люди хотят избавиться от такого способа удаления лишней жидкости, а другие рады его сохранить. Ведь кровотечение при геморрое несет в себе ту опасность, что оно станет чрезмерным, и человек либо погибнет, либо станет малокровным или истощенным. При кровотечениях же из матки, так как они естественны, ничего такого не происходит. Однако иногда случается, что матка кровоточит из-за эрозии, и при этом цель лечения будет иной. Ведь в этом случае мы хотим, чтобы кровотечение не продолжалось, как при месячных, но полностью прекратилось. При всех этих заболеваниях общий принцип, которым мы руководствуемся, делая кровопускание в начале весны, таков: если та часть тела, в которой образовался избыток жидкости, исключительно слаба – делать кровопускание с целью отвлечения крови, если же нет, то можно делать кровопускание откуда угодно, кроме кровопусканий, которые призваны сдержать кровотечение из геморроя или месячные, о чем сказано ранее.

20. По существу, обо всем этом было сказано в предыдущей части сочинения, однако следует собрать в одно общее изложение все, что было сказано ранее, и дополнитель-

но пройти то, что не было определено. В целом нужно знать, что, когда речь идет о кровопускании, не следует в первую очередь обращать внимание на число дней, как делают, советуя, что совершенно нелепо, производить кровопускание после обострения, которое происходит на третий день, когда, по словам некоторых, мы уже имеем определенное знание относительно того, каковы вид болезни, характер и ее природа в целом. Иные же полагают крайним сроком для кровопускания четвертый день и внутри этого промежутка позволяют делать кровопускание в любой момент в промежутках между обострениями болезни. Другие же спешат сделать кровопускание, как только определяют, что нужно удалить лишнюю кровь, когда ее избыток еще перетекает и еще не задержался надежно в той части, которая принимает избыток, заботясь только о том, чтобы не было какой-либо порчи перевариваемой в желудке пищи, или несварения, или чтобы в желудке не было пищи. В том, что, если есть необходимость в опорожнении, надо спешить, и перед этим не должна перевариваться пища, и в первой вене не должно быть полусваренных соков, они правы, и в этом им можно верить. Но, так как нас призывают прибегать к кровопусканию зачастую на пятый или шестой день после начала болезни, лучше всего пользоваться первой же возможностью для кровопускания, если момент для него подходящий. В тот же день, когда ты увидишь у больного показания к кровопусканию, и применишь это средство, даже если это произойдет на двадцатый

день после начала болезни. Каковы эти показания? Тяжелая болезнь, достаточная сила организма (кроме детского возраста) и достаточно теплая погода. А так как при большинстве болезней силы оставляют больного с течением времени, подходящий момент для кровопускания через несколько дней бывает упущен, однако не само время – причина этого, но другие причины, из-за которых со временем уходят силы. Поэтому, если на десятый день болезни силы больного окажутся на исходе, мы должны будем воздержаться от кровопускания.

21. Я считаю очевидным, что следует ожидать облегчения лихорадки в тот же день, когда ты собираешься делать кровопускание. Однако это неочевидно для некоторых людей, которые велят делать кровопускание только утром или не позже пятого или шестого часа. Однако, если кто-то помнит то, что было сказано ранее в этой книге, он не допустит ни одной из этих ошибок, но будет делать кровопускание в любое время дня и ночи, считая показанием к этому у страдающих лихорадкой облегчение обострения, у страдающих же заболеванием глаз или другим подобным недугом, требующим этого лечебного средства, но не связанным с лихорадкой, – не спад лихорадки, потому что лихорадки при этих болезнях нет вообще, но силу боли, или воспаления, или в целом того болезненного состояния, в котором возникает потребность в кровопускании. Если же ничто из этого не побуждает немедленно начать процедуру или не препятствует ей, лучше все-

го делать кровопускание утром, но не сразу по пробуждении от сна, а примерно через час бодрствования, и говорится, что в некоторых случаях лучше перед этим произвести омовления, а перед этим некоторым бывает полезно прогуляться – речь идет о тех, кому назначено кровопускание в начале весны. Я наблюдал, как некоторым пациентам делали кровопускание, назначенное из-за опасения, что может начаться лихорадка, после того, как они занимались своими обычными делами, в школах, в мастерских, на агоре или дома. Если же настало удачное время для дополнительного удаления крови, для тех пациентов, которым мы хотим сделать простое опорожнение, дополнительное кровопускание можно сделать в тот же день, что и основное, если же мы делаем кровопускание ради отвлечения, то его можно сделать и в следующие два дня¹⁴⁵. Во всех этих случаях следует иметь в виду силы больного, щупая ему пульс в районе трахеи. Ведь некоторые склонны к упадку сил, так что не переносят единовременного обильного кровопускания. В этих случаях в первый день больному надо дать отдохнуть, а дополнительно удалить кровь на второй день.

22. То, что древние называли артерии венами, и нами было в другом месте показано, и до нас другими признано. Из-за этого, а также ради уместности учения и краткости рас-

---

¹⁴⁵ В греческом тексте К. Кюна здесь пропущена строчка, которая, однако, имеется в его латинском переводе. Мы переводим по тексту рукописи La, приведенному П. Брэйном.

суждения, я решил не писать еще одну книгу о вскрытии артерий, но прибавить рассуждение об этом к книге о вскрытии вен, а именно к той ее части, в которой мы рассматриваем вопрос, какие вены необходимо вскрывать при заболевании каких частей тела. Мы показали, что при различных заболеваниях необходимо вскрывать разные вены, также у врачей есть обыкновение вскрывать артерии на висках и за ушами при различных заболеваниях: на висках – при стечении горячей и подобной пневме жидкости в область глаз, а за ушами – людям, склонным к обморокам, и тем, которые страдают хроническими головными болями, горячими и связанными с пневмой. Некоторые применяют вскрытие артерий за ушами и при других хронических заболеваниях головы. Однако они не пользуются этим средством при заболеваниях других частей тела, хотя многие больные нуждаются в этом средстве более, нежели во вскрытии вен. Ведь когда горячая и наполненная пневмой кровь скапливается в артериях и отягощает их, следует вскрыть артерию, которая является общей со страдающей частью. Но из-за того, что артериальную кровь труднее остановить, врачи не дерзают вскрывать артерии, поскольку и при вскрытии вен, если они случайно задевают артерии, они с трудом останавливают кровь, и даже если они делают лучшее, что могут, из шрама, оставшегося после вскрытия, развивается аневризма.

23. Нам известны даже случаи, когда больные умирали от того, что им вскрывали артерию, которая находится под ве-

ной внутренней стороны локтя. Некоторые умирали быстро, из-за накидываемой веревки, с помощью которой врач пытался остановить кровотечение и которая приводила к гангрене, а некоторые позднее, при хирургической операции по поводу аневризмы. Ведь в таких случаях необходимо наложить веревку на сосуд. Поэтому врачи стараются избегать артерий, значительных по своему размеру, а маленьким не придают значения, так как их вскрытие будто бы не может привести к значительному результату. Однако мы многократно наблюдали, что вскрытие этих артерий приносит видимую пользу, и, кроме того, они срастаются без аневризмы. Но даже если артерия больше, она срастется без аневризмы, если разрезать ее полностью. Именно этот метод часто помогал избежать опасности кровотечения. Это очевидно, если перерезать артерию полностью наискосок и развести разные части в разные стороны, одну вверх, а другую вниз. То же бывает и с венами, однако с ними – умеренно, с артериями же – в большей степени, чем с венами. Я же расскажу тебе, какова была моя отправная точка в том, что я занялся рассечением артерий. Я был побуждаем некими сновидениями: ясных сновидений об этом у меня было два. Я приступил к артерии, которая находится на правой руке между указательным и большим пальцем, и предоставил крови течь, пока она не остановится сама, как повелел мне сон. Вытекло же около литра. И у больного немедленно прекратилась боль, которая была в течение долгого времени в том месте, где печень смы-

кается с диафрагмой. Это случилось со мной, когда я был еще молодым человеком. И некий служитель бога в Пергаме также был избавлен от долго длившейся боли в боку благодаря вскрытию артерии кисти, причем путь к исцелению был также указан ему во сне. У другого человека была рана бедра, и кровь из поврежденной артерии не переставала течь, пока я не был приглашен и не разрезал артерию полностью. Затем я намазал заячью шерсть лекарством из алоэ, ладана и яичного белка, и благодаря этому лекарству рана зажила без аневризмы, и человек, уже четыре года страдавший от сильной боли в бедре из-за этого разрыва, с этого момента стал окончательно здоров. Все это убедило меня часто прибегать к вскрытию артерий на конечностях, иногда же – и на голове, при любых болях, которые, как представляется, происходят от горячего или насыщенного пневмой вещества, особенно если это боль мембран. В этом случае боль бывает колющей и медленно распространяющейся. Колющая боль бывает в одном месте, как будто бы в одну точку воткнули иглу, и чувство напряжения распространяется вокруг места укола по всей мышце.

Комментарий

Цель написания Галеном трактата «О лечении кровопусканием» – еще раз напомнить о принципах применения венотомии. При скудности арсенала терапевтических вмешательств, которым располагали врачи эпохи Античности, вопрос о вскрытии вен имел важное значение.

Большинство оппонентов Галена, принадлежавших к школе врачей-методистов, венотомию решительно отвергали, ссылаясь на авторитет их знаменитого предшественника – Эрасистрата. Некоторые представители этой школы, напротив, утверждали, что Эрасистрат не возражал против использования венотомии, но был не очень высокого мнения о возможностях этого метода.

Гален спорит и с теми, и с другими. Стратегия его полемики заключается в том, чтобы, подробно разобрав тексты Эрасистрата, доказать, что он отвергал венотомию. В этом контексте Гален оспаривает аргументы, используемые Эрасистратом для апологии других, альтернативных венотомии методов лечения. Одновременно он доказывает ложность высказываний тех методистов, которые полагали, что Эрасистрат допускал применение кровопускания.

Гален утверждает, что Эрасистрат не просто исключал венотомию из клинической практики – его позиция была обусловлена еще и традицией, берущей начало в работах Хри-

сиппа Книдского. Современные методисты, по мнению Галена, либо фантазеры, напрасно пытающиеся реабилитировать Эрасистрата, либо безграмотные люди, повторяющие заблуждения своего именитого предшественника. В любом случае для великого римского врача было важно доказать невежественный характер рассуждений врачей-методистов о венотомии.

Одновременно Гален старается поддержать своих сторонников и учеников. Для этого он напоминает о принципах правильного использования этого эффективного, но весьма небезопасного вмешательства.

В начале трактата Гален постулирует основные задачи, стоящие перед врачом, применяющим этот метод. Первая – «определить состояния тела, при которых необходимо опустошение» (1, 250 К). Речь идет не только о том, что мы в наши дни называем «клиническим диагнозом». Гален имеет в виду не только необходимость определить болезнь, от которой страдает пациент, но и оценить тяжесть общего его состояния. Отсюда – вторая задача: попытаться решить вопрос «опустошения организма» менее инвазивными средствами. Переходить к применению кровопускания следует только тогда, когда врач убеждается в том, что другие методы не будут эффективны. После этого следует тщательно разработать тактику использования венотомии «без вреда для здоровья» – это третья задача, которую должен решить врач (гл. 1).

Ясно, что пациент с «общим дурным состоянием тела» может физически не перенести тяжелого хирургического вмешательства. Классификация кровопусканий, по мнению Галена, определяется топографией вскрываемых сосудов – это постулировал еще Гиппократ. Придерживаясь гиппократовского принципа индивидуального подхода к лечению пациента, Гален напоминает: «Кроме того, в некоторых случаях предпочтительно проводить однократное кровопускание, а в некоторых полезно произвести так называемое “дополнительное изъятие”, у некоторых пациентов необходимо удалять кровь до тех пор, пока они не потеряют сознание, в иных же случаях этого следует остерегаться, как величайшего зла» (1, 251–252 К).

В апологии Гиппократа Гален видит удобный повод напомнить о низком качестве аргументации своих оппонентов: «либо как коварные и жалкие софисты, которым доставляет удовольствие изобретать все новые и новые аргументы в пользу своей теории, хотя они и знают, что она ложна, либо как неучи-самозванцы, которые не знают о величайшей пользе этого средства, но придумывают аргументы против него» (2, 252 К). Подобный подход не случаен: эта традиция освящена в глазах современных Галену врачей-методистов авторитетом не только Эрасистрата, но и его легендарного предшественника – Хрисиппа Книдского.

Гален напоминает читателю о других своих сочинениях, посвященных этому же вопросу: «Об этом мне пришлось от-

дельно писать в другом сочинении, доказывая молодым людям, что Эрасистрат не пользовался вскрытием вен, ведь это лучше, чем считать, что следует прибегать к вскрытию вен во всех случаях, для которых он рекомендовал голодание» (2, 254 К).

Великий римский врач указывает на необходимость использовать любые фармацевтические средства или любое терапевтическое вмешательство, исходя из индивидуальных показаний: «Ведь наибольшая польза для больного от того или иного лечебного средства происходит в том случае, если использование этого средства бывает уместным» (2, 254 К).

Прежде всего, Гален советует оценивать возможности использования других (помимо венотомии) методов для «опорожнения» организма. Для «исследования любого вопроса любой науки» у ученого, по мнению великого врача, имеются два инструмента – разум и опыт. Соответственно, и разрешить вопросы, возникающие в процессе лечения, можно двумя путями – основываясь на «общепринятых доводах здравого смысла» и с помощью научного метода, опираясь на предшествующие традиции. Здесь Гален приводит в качестве примера работу геометра и астронома, вычисляющего размеры Солнца и Луны. Читателю может показаться странным значительный объем рассуждений (гл. 3), посвященных, казалось бы, совершенно постороннему вопросу, особенно в сочетании с последующим пространственным перечислением различных медицинских сочинений, в том числе и самого авто-

ра трактата. Гален настаивает на необходимости решать вопрос о венотомии с учетом «многочисленных предварительных познаний». Пространное перечисление книг и примеры математических вычислений служат для напоминания о базовых принципах его методологии. Этот отрывок можно сравнить с разделом «материалы и методы» из современной научной статьи, посвященной вопросам естествознания.

Не случайно далее Гален переходит к констатации основного, по его мнению, принципа медицины: «Задача врачебного искусства – восстанавливать естественную функцию любой из частей тела, если она повреждена, и стремиться сохранить ее, если она в порядке. А так как сохранная функция является следствием естественного состояния, то врачебное искусство должно сохранять его, когда оно присутствует, и восстанавливать, когда оно нарушено» (4, 259 К). Для верного понимания дальнейшего текста важно помнить о таких сочинениях Галена, как «О естественных функциях», «О разновидностях болезней», «О причинах болезней» и «О разновидностях симптомов». Гален дает сжатое и вместе с тем очень информационно насыщенное описание патофизиологических причин «переполнения» организма жидкостью. Он напоминает о разнице между устройством и функцией гомеомерных и сложных частей тела (органов). Состояние переполнения вызывает сначала функциональные и лишь через какое-то время органические нарушения. Органные симптомы развиваются по мере усугубления этих нару-

шений: «Например, иногда тяжесть и напряжение ощущаются лишь в голове, а иногда происходит спазм височных мышц, либо без дополнительных симптомов, либо сопровождающийся жаром. Также мы часто чувствуем тяжесть в области печени, селезенки, желудка, боков и диафрагмы» (4, 261 К). Иногда эти боли «вызываются дурным смешением жидкостей», и одни из этих болей «сопровождаются притоком жидкости, а другие – нет». Безусловно, во всех этих случаях необходимо устранять состояние переполнения, «однако вскрытие вен в этих случаях не требуется: достаточно бывает очищений, растираний, омовений или применений потогонных средств» (4, 261–262 К).

Оценка состояния переполнения подразумевает, в числе прочего, еще и понимание того, какая именно жидкость доминирует в развитии конкретного патологического состояния. Для того чтобы объяснить логику применения веномотомии, Гален напоминает о функции крови и возможных ее нарушениях: «Кровь нужна живому существу не только для питания частей тела: она также отвечает за поддержание в организме естественного тепла, подобно тому, как дрова поддерживают огонь в очаге, который обогревает весь дом. Так вот, как этот огонь иногда претерпевает вред из-за того, что в него подбросили слишком много дров, иногда – из-за того, что дров немного, но они сырые, а иногда – из-за того, что дрова не подбросили вовсе или подбросили их слишком мало, так и тепло сердца иногда уменьшается из-за того, что

крови слишком много, иногда – из-за того, что ее слишком мало или она имеет дурное качество, а иногда увеличивается из-за того, что кровь горяча по качеству или ее слишком много» (5, 262 К).

Врач может столкнуться с состоянием жара или озноба у пациента. Происхождение «неестественного жара или холода» может, по мнению Галена, быть двояким: «либо от холодных или теплых соков, либо лишь из-за неправильного смешения соков» (5, 263 К). При этом причины развития подобного состояния могут локализоваться не только в той части тела, которая страдает от болезни – например, болезни сосудов могут стать следствием дурного пищеварения в желудке. Плохо переработанная пища подвергается гниению, может содержать слишком много флегмы или желчи и, всасываясь в кровь, сообщает ей патологические свойства: гниющая кровь становится «еще более горячей», чем ей присуще по природе. Соответственно, «поскольку от осязаемого тепла близлежащее нагревается, вместе со страдающими таким образом частями будет нагреваться все, что вокруг них, – острым и едким теплом, поскольку именно такое тепло происходит от гниения, и если таким образом нагреется важная часть тела, которая способна передать свое тепло сердцу – или благодаря своей близости к сердцу, или из-за своего значения, или из-за сильного жара, – то это болезненное тепло достигнет и сердца, которое и так по природе своей является весьма горячим» (5, 264 К). Именно состоя-

ние «воспламенения» тела от влияния патологически разогретой крови и называется в традиции эллинской медицины «лихорадкой».

В чем же Гален видит причины развития местных симптомов, которые по своей тяжести могут превалировать над общим состоянием пациента? Великий врач четко отвечает на этот вопрос: «Иногда же избыток крови, еще не начав гнить, притекает к той или иной части тела и либо полностью убивает ее, лишая возможности нормально функционировать, либо наносит ей существенный вред. Ведь именно таким образом, то есть вследствие притока большого количества крови к управляющему началу живого существа, развиваются апоплексии» (5, 265 К). Гален считает прилив патологически измененной крови возможной причиной и других, не менее тяжелых заболеваний, например развития опухолей. Дело только в том, какая именно кровь воздействует на конкретный орган: «Если кровь более плотная или содержит большее количество черной желчи, опухоль получается жесткой, если кровь содержит много флегмы, опухоль получается мягкой, а если она содержит много желчи, образуется рожистое воспаление» (5, 265 К).

Таким образом, Гален обосновывает показания для выполнения кровопускания: увеличенный объем (патологическое количество) измененной (патологическое качество) крови воздействует на ту или иную часть тела, вызывая тяжелую болезнь. Необходимым условием излечения является

устранение этого патогенного воздействия, а значит, проведение операции венотомии имеет патогенетический смысл.

Гален выступает последовательным апологетом индивидуального подхода к лечению пациента. Констатируя необходимость добиваться опорожнения организма больного, он тут же перечисляет факторы, которые следует учитывать при определении клинической тактики: физическое и психологическое состояние пациента, режим питания, физическую активность и т. д. (6, 267 К). Особое внимание врачу, по мнению Галена, следует уделять внешним факторам – времени года, теплу, холоду и влажности окружающей среды, другим подобным обстоятельствам, способным влиять на баланс тетрад жидкостей, сущностей и первоэлементов.

Первостепенное внимание Гален уделяет анализу функций частей тела, так как считает, что именно степень поврежденности функции и определяет тяжесть заболевания: «... Сила и слабость управляющих нами функций определяется по силе их действия: для разумной функции – по состоянию нервов и мозга, который является их началом, для функции, связанной с пульсом, – по состоянию артерий и сердца, а для функции, связанной с питанием, начало которой, как мы уже показали, находится в печени, – по степени упитанности или истощенности, а также по хорошему или плохому цвету кожи. Итак, если выявляются признаки усиления этих функций из-за переполнений, то, не производя никаких дополнительных различений, следует вскрывать вены при состоянии

напряженности, и тем более – при состоянии избытка флегмы. При отягчающем же переполнении надо вскрывать вены не всегда. Ведь бывает, что в теле скапливается жесткий, непереваренный сок, и в этих случаях надо определить, в какой степени речь идет о нарушении функции, а в какой – об избытке самого сока. Ведь функция, уже пострадавшая из-за такого состояния, может при вскрытии вен окончательно упасть, так что уже не сможет восстановиться» (6, 268–269 К).

Логика Галена ясна: венотомия – мощное терапевтическое вмешательство, которое может принести пользу или причинить вред. Есть ряд состояний, когда венотомия просто опасна. Великий врач приводит пример пациента, «имеющего прохладную природу», у которого после вскрытия вен, при наличии внешних, усугубляющих его состояние воздействий (в виде холодной зимней погоды), может произойти «страшное охлаждение тела». Такому пациенту показаны притирания, мази, питье, уменьшающие плотность тела, – все, кроме кровопускания (6, 270 К).

Еще Гиппократ ввел в клиническую практику понятия о зависимости обострения тех или иных болезней от наступавшего времени года. Для Галена эти теоретические представления имели фундаментальное значение, тем более что объяснения влияния условий окружающей среды на развитие состояния переполнения выглядели вполне логично. Например, Гален напоминает о том, что пациенты, страдаю-

щие приступами эпилепсии или апоплексии, лучше всего чувствуют себя весной. То же самое касается и больных, страдающих кровохарканьем, плевритами, пневмонией или заболеваниями легких, сопровождающимися периодически наступающими приступами удушья. Соответственно, операцию венотомии с целью разрешения патологического переполнения организма таким пациентам лучше всего выполнить в начале весны. Идея Галена состоит в том, чтобы выбирать то время года, когда пациент в целом компенсирован лучше всего, оставляя ему достаточное время для реабилитации после вмешательства. Если больной, как правило, переходит в наихудшее состояние летом, то начало весны является оптимальным моментом для выполнения операции. С этой позиции следует подходить и к лечению больных, имеющих ряд других весьма серьезных хронических заболеваний: «То же относится и к страдающим геморроем, особенно к тем из них, кто имеет меланхолический склад. И всем тем, кто каждое лето страдает заболеваниями, связанными с переполнением, следует проводить опорожняющие процедуры в начале весны. То же относится ко всем тем, кто переживает подобные обострения уже весной; иногда у таких людей слабеют глаза или случаются так называемые затмения зрения. Всем этим людям также следует проводить опустошающие процедуры в начале весны, выяснив заранее, какова по качеству жидкость, которая у них имеется в избытке. Ведь одни страдают от избытка горькой желчи, другие – от избыт-

ка черной желчи или флегмы, у третьих все основные элементы преобладают равномерно, и про таких говорят, что у них избыток крови. Всем этим больным, как и страдающим подагрой и артритом, показаны опорожняющие процедуры в начале весны – либо опорожнение посредством лекарств, либо вскрытие вен. Что касается меня, то я вылечил многих, уже третий или четвертый год страдавших болями в ногах, либо дав в начале весны очищающее средство, выводящее находящийся в избытке сок, либо сделав – также в начале весны – кровопускание» (7, 271–272 К).

Стоит обратить внимание на постоянные оговорки, которые делает Гален относительно образа жизни пациента, – данный текст не исключение. И в этом Гален – верный последователь Гиппократов. Не случайно в истории медицины сложилась традиция связывать возникновение идеи профилактики болезней с именем великого основателя Косской школы. Даже при обсуждении серьезного, весьма радикального хирургического вмешательства Гален подчеркивает необходимость вести «умеренный образ жизни». Это тем более важно в ситуации, когда силы пациента истощаются борьбой с хроническим заболеванием, потому что «пьяницам и обжорам при таких заболеваниях не помогут ни лекарственные средства, ни кровопускание» (7, 272 К).

Гален достаточно определенно объясняет, почему необходимо применить кровопускание. Переполнение части тела, возникающее вследствие воспаления или механической

травмы, обязательно сопровождается болью. Следует помнить высказанные Галеном положения о способности различных частей тела притягивать тропные им (по их гомеомерному составу) вещества. Соответственно, «каждая часть тела обладает способностью притягивать то, что ей сродно, и отталкивать то, что ей чуждо, а также то, что чуждое бывает двух видов – по количеству и по качеству. Поэтому даже если часть тела не отягощена содержащимися в ней соками, но в ней имеется неестественный избыток вещества, чуждого ей по качеству, она стремится избавиться от него посредством содержащихся в ней сосудов, используя их как каналы» (8, 273 К).

Гален смотрит на человеческий организм как на целое, функциональную и органическую совокупность частей тела, влияющих друг на друга: «дурная кровь или какая-либо иная жидкость» не останутся в пораженном органе, они обязательно «притекают в одну из прилегающих частей тела». Иными словами, процесс интоксикации организма всегда принимает генерализованный характер. Также следует вспомнить рассуждения Галена о том, что одни части тела могут быть «сильнее» других. На языке современной медицины это описывается как предрасположенность пациента к той или иной органной патологии. Гален поясняет: «Поэтому наиболее слабые части легче всего поражаются заболеваниями, вызванными избытком вещества» (8, 274 К).

Гален напоминает о том, что существуют четыре природ-

ные функции – привлекающая, удерживающая, выделительная и изменяющая. Соответственно, выраженность либо слабость этих функций в системе Галена означает предрасположенность к тем или иным состояниям. В контексте обсуждения клинических аспектов применения кровопускания в первую очередь имеет значение предрасположенность к развитию переполнения, т. е. патологической абсорбции жидкости. По мнению Галена, это определяется изменяющей функцией. Здесь наиболее уязвимыми он считает железы, затем следуют селезенка и мозг: «Мозг же принимает избыток жидкости так же, как эти органы, или даже с большей готовностью. Но он устроен лучше них в том отношении, что с легкостью выделяет то, что принял. Ведь у него есть большие желудочки, жидкость из которых выводится ведущими вниз каналами. У тех людей, у которых по природе их легкие, селезенка и мозг сильнее мясистых частей тела, поток лишней жидкости направится в железы и плоть, что приведет к общему ослаблению тела, которое бывает при ревматических состояниях» (8, 275–276 К).

При развитии состояния переполнения для врача огромное значение приобретает владение искусством прогностики. Гален указывает на возможность оценки динамики состояния пациента с тем, чтобы быть заранее готовым в нужный момент вывести лишнюю жидкость «посредством ли вскрытия вен или при помощи очистительных средств» (8, 276 К).

Гален напоминает о рекомендации Гиппократов, высказанной им в приложении к сочинению «О диете при острых болезнях», – «прибегать к кровопусканию, если болезнь велика и находится в высшей точке, но силы у больного еще есть» (9, 277 К). Несколько ниже, разобрав практические вопросы применения кровопускания и развивая идеи Гиппократов, он своими словами формулирует этот подход: «Необходимо также учитывать возраст и силу больного, так что имеются три диагностических критерия, учитываемых при назначении кровопускания: сила болезни, уже наступившей или ожидаемой, возраст больного и его общее состояние» (9, 278 К).

Гален возражает тем врачам, которые (подобно упомянутому в тексте Менодоту) считали, что состояние переполнения само по себе является показанием для выполнения кровопускания. Возможность развития отрицательной динамики состояния пациента с переполнением и вероятность достижения им вследствие ухудшения этого состояния некоего пика (или разгара) болезни – вот что должно заставить врача задуматься о возможной перспективе проведения венотомии. Логика Галена становится совершенно ясной и понятной современному специалисту, если представить себе конкретную клиническую ситуацию в виде развития у пациента геморрагического инсульта (на языке античной медицины – апоплексии). Опытный врач, видя ухудшающееся состояние пациента и владея искусством прогностики, понимает, что

пик болезни, когда разовьются симптомы необратимого поражения головного мозга, приближается. В этом случае он может прибегнуть к вено-томии, вызвав немедленное снижение давления избыточного объема крови на головной мозг. Это даст больному шанс избежать самого страшного исхода, не допустит развития приступа заболевания до его пика, когда неврологические последствия станут необратимыми.

Об искусстве прогностики и индивидуальном подходе к каждому клиническому случаю напоминает Гален и предупреждает: «Если будет казаться, что болезнь собирается быть тяжелой, то в любом случае следует делать кровопускание, даже при отсутствии признаков переполнения; однако при этом следует учитывать возраст больного, характер местности и степень ослабленности организма больного» (9, 277 К).

Именно поэтому Гален делает важную оговорку, когда говорит о пациентах детского и пожилого возраста. У стариков, по его мнению, сил, как правило, недостаточно, поэтому кровопускание пациентам старческого возраста бывает показано крайне редко. Скептицизм Галена в отношении проведения этого тяжелого вмешательства пожилым пациентам очевиден и особенно понятен с учетом ранее перечисленных заболеваний, при которых венотомия особенно эффективна.

Интересно замечание Галена относительно проведения кровопускания детям. В отличие от многих своих оппонентов он находит его вполне возможным именно потому,

что осознает: растущий организм обладает зачастую гораздо большими возможностями борьбы с болезнью, чем организм взрослых: «Те же из врачей, которые полагают, что сил недостаточно и у детей, не правы, как показано мной в других сочинениях» (9, 279 К). Более того, в рамках стандартной прогностики для детей следует делать исключение. Подобная оговорка – далеко не единственная, поэтому я считаю необходимым обратить особое внимание читателя на это обстоятельство.

Напротив, пациент, находящийся в зрелом возрасте, может быть весьма ослаблен как вследствие неумеренного образа жизни, так и вследствие развития тяжелого клинического состояния. Тогда, даже при очевидном для врача переполнении и критическом скоплении непереваренных соков, выполнение кровопускания может быть противопоказано: «Признаком того, что они [*больные*. – Д.Б.] могут не перенести кровопускание, является потеря их телами естественного цвета, который указывает на полнокровие, при этом пульс их отклоняется от нормы по силе и частоте, причем преобладают слабые, едва различимые удары пульса» (9, 279 К).

Гален постоянно обращает внимание читателя на необходимость учитывать образ жизни пациента: если он носит умеренный характер, то перспективы реабилитации позитивны и кровопускание показано. Пациенту, который ведет неумеренный образ жизни, венотомию чаще всего произ-

водить бессмысленно, и следует применить другой способ борьбы с переполнением: использовать частые растирания, водные процедуры, двигательные нагрузки или различные мази.

В этом сочинении Галена встречается интересный отрывок, который имеет важное значение для историка медицины. Гален кратко и четко перечисляет заболевания, при которых, по его мнению, кровопускание имеет максимальный эффект: «...Помните, как я рекомендовал кровопускание страдающим подагрой, артритом, эпилепсией, меланхолией, кровохарканьем, а также тем, у кого в области груди имеется предрасположенность к этому заболеванию, страдающим обмороками или частыми удушьями, а также перипневмонией, плевритами, гепатитами, тяжелыми заболеваниями глаз или, коротко говоря, любым тяжелым заболеванием. Я утверждаю, что при всех этих состояниях кровопускание является необходимым лечебным средством» (10, 281 К).

В рамках своих представлений о патогенезе болезней Гален предлагает врачам придерживаться дифференцированной тактики при переполнении различного происхождения. Например, если врач диагностирует у больного «избыток плотной крови», следует думать о преобладании черной желчи и лучше прибегнуть к кровопусканию. При преобладании непереваренных соков от операции следует воздержаться, тем более что это состояние, как правило, является след-

ствием неумеренного образа жизни. Лихорадка – явное противопоказание к кровопусканию, особенно в сочетании с переполнением «непереваренными соками»: «Признак такого состояния – свинцовый, или бледно-желтый, или вообще любой, кроме красного, оттенок кожи, а также неравномерность пульса. Если же их количество достаточно возрастет, это состояние сопровождается увеличением массы тела, медлительностью движений, отупением разума и притуплением чувств» (10, 282 К). Завершая эти рассуждения, Гален еще раз напоминает читателю о важном обстоятельстве: абсолютным показанием к кровопусканию является задержка естественных кровотечений, например геморроидальных или менструальных.

Задержка месячных вообще является особой клинической ситуацией, которую Гален разбирает весьма подробно. Конечно, не при всякой задержке следует выполнять кровопускания: опытный врач способен в этом разобраться. Интересно наблюдение Галена относительно топографии венотомии: вскрытие вен в области лодыжек и бедер стимулирует месячное кровотечение, а вскрытие локтевых вен «способно задержать месячные» (11, 283 К). «Наибольшее облегчение» вызывает вскрытие вен в области лодыжек, в первую очередь следует обратить внимание на «наиболее темные» небольшие вены, особенно на те из них, которые увеличены. В них «собирается наиболее плотная кровь с наибольшей примесью черной желчи» (11, 282 К) – в первую очередь это ка-

саются смуглых женщин плотного телосложения. У полных и светловолосых представительниц прекрасного пола сосуды на лодыжках, как правило, мельче, им следует делать мелкие надрезы, не стремясь к полноценному вскрытию вен.

Далее в тексте Галена содержится пассаж, который не может не вызвать удивления у современного врача, – рассуждение о том, что кровопускание может носить не только исцеляющий, но и «отвлекающий» характер. Как правило, при анализе текстов Галена я обращаю внимание читателя на соизмеримость взглядов великого римского врача с современными научными представлениями о том или ином предмете исследования. Здесь иной случай, и рекомендации Галена предстают как реликт античной медицины.

Гален указывает на опасность длительного и массивного кровотечения из носа, которое может прекратиться, если пациенту «в качестве отвлекающего средства» вскрыть вены: «Итак, при этом состоянии следует, как вы уже видели, не ждать крайнего истощения сил больного, но, если уже вышло достаточно крови, а кровотечение остается сильным, рассечь вену на предплечье на правой руке, если кровь идет из правой ноздри, и на левой – если из левой. Одновременно с этим следует перевязать конечности льняными или шерстяными повязками, а в область подреберья с соответствующей стороны поставить банку. Поступая таким образом, мы, как вы понимаете, оттягиваем кровотечение из носа во всех направлениях» (11, 284 К).

Остается неясным, что именно имеет в виду Гален: очевидно, что здесь «отвлечение» – не психологический трюк, а «оттягивание» объема крови из области носа в другие части тела, простимулированные венотомией. Однако для того, чтобы остановить носовое кровотечение и предотвратить кровопотерю, Гален предлагает вывести тот же объем через, например, кубитальные вены! За этими рассуждениями скрывается нечто интересное – то, что при доступном в данный момент объеме информации понять невозможно (например, случай какой-то опухоли в области носа). В ином случае Гален не стал бы рассуждать столь определенно – он настаивает на возможности применять кровопускание «как отвлекающее средство»: «При этом состоянии мы применяем кровопускание не как опустошающее, а как отвлекающее средство» (11, 285 К).

Гален указывает на необходимость четкого определения дозы лекарства или лечебного питья, применяемого врачом. Это сложный вопрос, и даже опытный врач, хорошо понимающий, какой препарат и когда следует применить, может не рассчитать правильно количество лечебного средства.

Иное дело – венотомия, при которой объем выпускаемой крови всегда контролируется врачом. Гален советует заранее ориентироваться на постепенное ее удаление и постоянное наблюдение за состоянием пациента с целью выбора оптимального объема вмешательства: «Поэтому лучше всего, если нет никакой срочности, сделать первое удаление кро-

ви не очень большим, а затем изъять еще кровь дополнительно; при желании можно сделать и три подхода. При состояниях, которые требуют большого изъятия крови, но сопряжены с упадком сил больного, нужно распределять объем выпускаемой крови; ты мог наблюдать, как я это делал с больными, страдающими скоплением непереваренных соков. Удалив же немного крови, я немедленно даю больному хорошо вываренного медового напитка вместе с каким-нибудь разжижающим средством, или иссопом, или душицей, или даже мятой, или блоховником; можно также дать смесь меда и воды, смесь уксуса и меда или сладкий уксус. Затем я делаю еще одно кровопускание – иногда в тот же день, иногда на следующий. Затем снова даю что-нибудь из перечисленных средств и снова делаю кровопускание, и на третий день повторяю все это дважды. Когда же имеется избыток кипящей крови, сопряженный с острой лихорадкой, надо удалить большое количество крови. Следует пытаться удалять кровь до потери сознания, учитывая, однако, силы больного. Я знаю случаи, когда больным в таком состоянии удаляли шесть котил крови на второй, третий или четвертый день болезни. Иногда же это делалось и в первый день, если лихорадка начиналась в начале или в середине ночи, после того как съеденное накануне было хорошо переварено» (12, 286–287 К).

Вообще лихорадка, по мнению великого римского врача, требует особой тактики применения кровопускания. У Гале-

на лихорадка ассоциируется с развитием состояния «скопления кипящей крови». Это состояние острого заболевания с неблагоприятным прогнозом, когда действовать необходимо незамедлительно, «если надо, и ночью». Представления некоторых своих коллег о том, что венотомию следует выполнить в определенное время дня («втором, четвертом или пятом часу»), Гален называет «нелепыми». Судя по всему, это заблуждение касается именно кровопускания, а не иных лечебных методов: Гален подчеркивает, что клизмы и другие процедуры эти врачи выполняют по показаниям, независимо от времени суток. Очевидно, здесь речь идет о конкретных ошибках совершенно определенных, хорошо знакомых Галену докторов: он к ним неплохо относится, но пользуется возможностью покритиковать, деликатно не называя их имен.

Индикатором того, что критический объем крови уже выпущен, Гален считает потерю сознания пациентом. Он приводит конкретные наблюдения, когда больной терял сознание, впадал в состояние озноба (в противоположность предшествующей лихорадке) и, отдохнув, выздоравливал. При выполнении кровопускания нужно постоянно контролировать пульс пациента, иначе можно пропустить момент, когда кровопускание становится опасным. Гален говорит о трех врачах, которые выполняли венотомию двум мужчинам и женщине, страдавшим лихорадкой. Отсутствие контроля пульса привело к тому, что за потерей сознания последовала

смерть пациентов (12, 289 К). По сути, врачи, не владевшие методом кровопускания, умертвили своих пациентов!

Гален подводит промежуточный итог, еще раз подчеркивает два фактора, которые должен учитывать врач, – тяжесть болезни и запас сил пациента: «Тяжесть болезни, наряду с силами организма, является одним из первых таких критериев, причем тяжесть указывает на то, что нужно делать, а силы – на то, что нет ничего, что препятствовало бы применению этого средства, того, что некоторые из современных врачей называют противопоказаниями» (13, 289 К). Должны соблюдаться оба этих фактора: болезнь должна быть достаточно тяжелой, что определяет необходимость кровопускания, а пациент должен иметь достаточно сил, чтобы успешно перенести операцию и последующий реабилитационный период (это определяет саму возможность венотомии). Конституциональные особенности пациента описываются с помощью теории смешения жидкостей. Подходящая конституция у того, «у кого вены велики, кто умеренно худ и при этом не бледен и не имеет рыхлую плоть». В иных случаях следует серьезно задуматься о необходимости выполнения вмешательства. С большой осторожностью также следует относиться к венотомии у детей младше четырнадцати лет. Многие врачи, современники Галена, как следует из ряда его высказываний, в принципе исключали возможность выполнения кровопускания детям. Гален указывает, когда это вмешательство можно выполнить совершенно уверенно: если ребенок «по при-

роде полнокровен», климатические условия благоприятны, а болезнь тяжела – «есть опасность перипневмонии, или удушья, или плеврита» (13, 290 К).

Механизмом контроля при выполнении операции является наблюдение за пульсом. Во-первых, «сильный и ровный» пульс пациента – хороший прогностический признак при принятии решения о кровопускании. Во-вторых, пульс необходимо контролировать во время вмешательства, так как он является индикатором состояния больного: «...Как только ты заметил, что сила пульса изменилась или он стал неровным, следует немедленно прекратить процедуру. Стоит ли говорить о том, как поступать, если пульс стал неразличимым? Ты уже должен понимать, что в качестве пульса содержится вернейшее средство различить наличие или отсутствие сил в организме» (14, 292 К).

В случае если лихорадка носит достаточно интенсивный характер, врач может наблюдать воспалительный процесс около самой вскрываемой вены. Эта мысль Галена вполне понятна современному врачу, имеющему представление о генерализованном характере интоксикации. Великий римский врач напоминает, что во время кровопускания может меняться характер истекающей крови, на это обращал внимание еще Гиппократ в своем трактате «О диете при острых болезнях». Если очаг воспаления скрыт внутри тела и к нему нет непосредственного доступа, выбор правильной топографии сосуда может, в соответствии с учением Гиппократа и

Галена, такой доступ обеспечить. Если, например, кровь, вытекающая из вены, через некоторое время становится более темной и плотной, то, по мысли классиков античной медицины, это указывает на то, что места разреза достигла кровь, исходящая непосредственно из очага воспаления.

Количество удаляемой крови Гален советует соизмерять с двумя критериями – природой больного и климатическими условиями, в которых он находится в момент вмешательства. Кроме того, если климат жаркий, а смешение жидкостей, определяющее конституцию пациента, – «горячее и влажное», пациенту необходимо дополнительное питание. Кровопускание в таких случаях может быть весьма обильным. Напротив, у «людей бледных с рыхлой плотью» в холодное время года оно должно быть очень умеренным. Гален подчеркивает необходимость индивидуального подхода и в оценке адекватности объема кровопускания: «Я не могу дать однозначных письменных рекомендаций относительно предельного количества изливаемой крови в каждом случае. Я знаю случаи, когда у больных изливалось шесть литров крови и лихорадка у них немедленно прекращалась без всякого вреда для их сил, но помню также и случаи, когда полутора литров было достаточно, чтобы больной испытал небольшой упадок сил, а удаление двух литров привело бы к тяжкому вреду. Я помню случаи, когда приносило пользу изъятие одного литра, или даже меньшего объема, из локтевой, бедренной или коленной вены, а иногда и из вены у большого кан-

туса глаза и под языком. Из этих вен не бывает сильного течения крови, так же как и из вен на ногах и кончиках пальцев рук. Некоторые считают, что можно вылечить селезенку, вскрыв вену у второго из маленьких пальцев, о чем пойдет речь далее» (14, 294–295 К).

По ходу текста Гален периодически возвращается к основополагающей рекомендации относительно методики кровопускания – оптимальному выбору топографии вскрываемого сосуда. Идеальный случай, когда кровотечение, как выражается великий врач, происходит «по прямой», т. е. место кровотечения максимально приближено к заболевшей части тела. Этого не всегда можно добиться в реальных клинических условиях, однако «по прямой», безусловно, должно означать хотя бы «на той же стороне тела, что и пораженное место». Гален приводит примеры, поясняющие эту рекомендацию: «Так и при заболевании селезенки помогает кровопускание из среднего пальца левой руки, точно так же, как и вскрытие локтевой вены на левой руке, и лучше всего удалить необходимое количество крови не за один раз, а разделить его на два дня. <...> Также многократно было показано, что страдающим плевритом приносит большую пользу кровопускание из вены, находящейся на той же стороне, что и больной бок, польза же вскрытия вены с противоположной стороны или вовсе неясна, или наступает через некоторое время. Также вскрытие вены, находящейся с той же стороны, часто снимало в течение часа сильную боль в глазу, причем

вскрывалась так называемая плечевая вена. <...> При болезни же бока, или легкого, или диафрагмы, или селезенки, или печени, или желудка надо вскрывать вену, проходящую через подмышку и локоть. Если нет возможности вскрыть эту вену, надо вскрывать ответвляющуюся от нее и идущую в место сгиба сустава» (16, 296–298 К).

Порой от врача требуются серьезные познания в анатомии, чтобы соотнести топографию заболевшей части тела и вены, которую можно вскрыть. Гален напоминает о том, что вену бывает трудно локализовать в силу технической сложности: у каждого пациента существуют свои анатомические особенности (не у всех вены крупные и легкодоступные). Тогда следует вскрывать ту вену, которая доступна и непосредственно связана с той, вскрытие которой было бы оптимально, но технически невыполнимо.

Особенностью текстов Галена, посвященных клиническим проблемам, является наличие в них ярких описаний решения определенных лечебных задач. Великий римский врач, как правило, обрамляет клинический пример бытовыми зарисовками – врачебный разбор конкретного клинического случая разворачивается в интересную житейскую историю, великолепно характеризующую ту эпоху. Сочинение «О лечении кровопусканием» – не исключение. Так, Гален рассказывает, как посещал одного больного на дому: он получил приглашение от уважаемого и богатого римлянина, которому великий врач не считал возможным отказать.

Один из «домашних» (родственник или слуга – Гален не уточняет) этого уважаемого человека страдал сильными болями в области глаз «около двадцати дней», и ему «угрожала слепота» (17, 299 К). У хозяина дома, разумеется, имелся семейный врач, но он был последователем Эрасистрата и из принципиальных соображений воздерживался от кровопускания. Больной оказался «полнокровным юношей», страдавшим «чрезвычайно сильным» воспалением глаз, сопровождавшимся скоплением жидкости. Гален не наблюдал «изъязвлений», однако обратил внимание на «утолщения» и «участки жесткой ткани», уже сформировавшиеся на глазах.

По прогнозу великого врача, на излечение пациента требовалось три дня, но эти три дня должны были быть насыщены лечебными процедурами – больной должен был находиться под постоянным наблюдением врача. Гален был в это время чем-то очень занят и не располагал возможностью регулярно посещать пациента. Об этом он объявил его патрону, предложив забрать пациента с собой и лечить у себя дома, пообещав вернуть его через три дня выздоровевшим (еще одна бытовая деталь, указывающая на то, что отношения с этим человеком были для Галена весьма важны). Когда пациент оказался дома у врача «около пятого часа вечера», Гален немедленно произвел кровопускание – в два этапа, с перерывом в два часа, выпустив три римских литра крови сразу и еще один позднее.

В последующие два дня Гален обработал глаза пациента

специальной мазью (в первый день – три раза, во второй – два), смешанной с вином. Используемое лекарство Гален называет «разъедающим», подчеркивая, что без предшествующего кровопускания пациент его бы не перенес. Сама по себе процедура обработки глаза тоже была довольно жесткой: веки выворачивались и лекарство наносилось закругленным концом специальной палочки.

На третий день пациент был представлен своему благодетелю поправившимся: он уже видел и мог самостоятельно его приветствовать. Здесь Гален с видимым удовольствием описывает удивление и восторг хозяина дома и его многочисленной челяди, потрясенных быстротой и эффективностью лечения. В заключение этого увлекательного рассказа Гален напоминает об уже известных нам правилах кровопускания и применения в сочетании с ним «разъедающих лекарств».

Гален дает общий ориентир выбора места для производства кровопускания: крупная вена должна быть расположена ниже заболевшей части тела. Когда речь идет о заболеваниях глаз, горла, апоплексическом приступе и т. д., он рекомендует вскрывать локтевую вену или ее притоки, в зависимости от размера и возможностей доступа. Кровопускание, необходимость которого определяется патологией органов, расположенных в тазовой области, следует выполнять, рассекая сосуды на бедрах и лодыжках. Особый вопрос – заболевания почек, которые Гален подразделяет на «собственно нефрит» и другие, связанные с переполнением или ранее перенесен-

ным воспалением. В первом случае великий римский врач считает возможным делать кровопускание в области локтя, во втором – из сосудов нижних конечностей. При заболеваниях матки, по его мнению, эффективны кровопускания из берцовых вен, особенно выполняемые постепенно, порционно в течение трех-четырех дней. Желательно сочетать их с диетой для похудения и приемом специальных лекарств, рецепт которых Гален здесь же и описывает (18, 303–304 К).

Великий врач предлагает трехчастную классификацию кровопусканий: начинающиеся воспалительные процессы лечатся «по принципу отвлечения», хронические – «опорожнения», при далеко зашедших состояниях надо добиваться хотя бы извлечения крови из частей тела, ближе всего расположенных к заболевшему органу.

Гален, как всегда, поясняет этот тезис рядом практических примеров и рекомендаций: «Так, при сильном воспалении в районе гортани и трахеи в начале воспаления помогает кровопускание из локтя, а в продолжении – из самого языка, причем в нем надо вскрыть обе вены. Так и в глазу, если после воспаления остался струп, для удаления его полезно вскрыть вену у большого кантуса. Так же и при тяжести в голове и при хронических головных болях, вызванных состоянием переполнения, приносит облегчение вскрытие вены на лбу, если же такое состояние только началось или находится в высшей точке, помогает отвлечение посредством постановки банки на шею, причем иногда достаточно только бан-

ки, а иногда необходимо еще и нанести порезы. Перед этим надо предварительно удалить лишнюю жидкость из всего тела. Согласно той же логике, при боли в задней части головы, если она только началась или находится в высшей точке, помогает рассечение вены на лбу. Отвлечение же одновременно с опустошением следует делать, когда начинается приток крови к месту воспаления. А кровопускание из самой страдающей части или частей, к ней ближайших, следует делать при воспалении, образовавшем как бы затвердение. Если же ни одна часть тела человека не страдает никакой болезнью, мы предупреждаем болезни, производя опустошение в начале весны. Таким образом, мы стремимся избежать того, что человек с наступлением лета заболит обычными для него недугами, сопряженными с жаром» (19, 305–306 К).

Описания подобных клинических ситуаций, по мысли автора трактата, должны сделать представленные им выводы предельно ясными для врачей. Кровопускание делается с целью «отвлечения крови», если заболевшая часть тела слаба. Если же она достаточно сильная, то, сообразуясь с временем года и характером заболевания, кровопускание производится для радикального излечения пациента.

Соответственно, неприемлемо устанавливать сроки выполнения вмешательства: «В целом нужно знать то, что, когда речь идет о кровопускании, не следует в первую очередь обращать внимание на число дней, как делают, советуя, что совершенно нелепо, производить кровопускание по-

сле обострения, которое происходит на третий день, когда, по их словам, мы уже имеем определенное знание относительно того, каковы вид болезни, характер и ее природа в целом. Иные же полагают крайним сроком для кровопускания четвертый день и внутри этого промежутка позволяют делать кровопускание в любой момент в промежутках между обострениями болезни» (20, 308–309 К).

Гален не устает напоминать, что кровопускание – это экстренное хирургическое вмешательство, весьма эффективное, если выполняется по жизненным показаниям. Наличие этих показаний определяется ходом болезни и способностью пациента перенести вмешательство. Никакие искусственные сроки, соотносящие время выполнения операции с течением болезни, устанавливать не стоит: кровопускание, выполняемое не по экстренным или срочным показаниям, может оказаться в лучшем случае бесполезным, а в худшем – опасным для жизни пациента. В зависимости от хода болезни операция может понадобиться сразу или через какое-то время, и выполнять ее надо только исходя из реальной клинической картины, «даже если это произойдет на двадцатый день болезни».

Гален постоянно следует мысли, которую он четко высказал и обосновал в трактате «Искусство медицины»¹⁴⁶: врач лишь помогает природе, поэтому следует учитывать ресурс

---

¹⁴⁶ На русском языке текст этого трактата см.: *Гален. Сочинения*. Т. 2. М., 2015. С. 172–230.

сил пациента и те условия (в первую очередь климатические), в которых он проживает. Отсюда советы применять кровопускание, соотносясь с факторами, способствующими экономии сил больного и его возможностям выздоровления: выполнять операцию утром, дав пациенту возможность выспаться, дозировать объем выпускаемой крови, не забывать назначить восстановительные прогулки и т. д. (21, 311 К).

Весьма важным является еще один момент: возможно ли выполнить кровопускание путем вскрытия артерии, а не вены? Гален признает подобную постановку вопроса совершенно логичной: «Ведь когда горячая и наполненная пневмой кровь скапливается в артериях и отягощает их, следует вскрыть артерию, которая является общей со страдающей частью» (22, 313 К). Вместе с тем он предостерегает от очевидной опасности: кровотечение из артерии остановить гораздо труднее. Вероятность гибели больного от неконтролируемого кровотечения гораздо выше при вскрытии артерии, чем при венотомии. Гален также упоминает об известных ему случаях развития гангрены конечности при попытках остановить артериальное кровотечение с помощью наложения лигатуры.

Великий врач говорит о том, что блестяще владеет артерио-томией, как и венотомией. В. Наттон подчеркивал некоторую склонность Галена к хвастовству и самолюбованию. Эти его качества предстают перед читателем и в сочинении

«О лечении кровопусканием». Гален не ограничивается упоминанием о своем опыте и рекомендацией вскрывать лишь небольшие артерии с крайней осторожностью. Он «скромно» поясняет, что к искусству вскрывать артерии он был приобщен сверхъестественными силами, поэтому другим врачам не стоит даже пытаться его превзойти: «Я же расскажу тебе, какова была моя отправная точка в том, что я занялся рассечением артерий. Я был побуждаем некими сновидениями: ясных сновидений об этом у меня было два. Я приступил к артерии, которая находится на правой руке между указательным и большим пальцем, и предоставил крови течь, пока она не остановится сама, как повелел мне сон. Вытекло же около литра. И у больного немедленно прекратилась боль, которая была в течение долгого времени в том месте, где печень смыкается с диафрагмой. Это случилось со мной, когда я был еще молодым человеком. И некий служитель бога в Пергаме также был избавлен от долго длившейся боли в боку благодаря вскрытию артерии кисти, причем путь к исцелению был также указан ему во сне. У другого человека была рана бедра, и кровь из поврежденной артерии не переставала течь, пока я не был приглашен и не разрезал артерию полностью. Затем я намазал заячью шерсть лекарством из алоэ, ладана и яичного белка, и благодаря этому лекарству рана зажила без аневризмы, и человек, уже четыре года страдавший от сильной боли в бедре из-за этого разрыва, с этого момента стал окончательно здоров. Все это убедило меня

часто прибегать к вскрытию артерий на конечностях, иногда же – и на голове, при любых болях, которые, как представляется, происходят от горячего или насыщенного пневмой вещества, особенно если это боль мембран» (23, 314–316 К).

Рассказом о практических аспектах применения артериотомии и заканчивается трактат Галена «О лечении кровопусканием». Может показаться, что он обрывается на изложении взглядов великого врача на артериотомию. Однако не стоит забывать о том, что очень многие сохранившиеся тексты Галена представляют собой либо письма к его последователям, либо устные выступления (лекции или клинические разборы), записанные его учениками. Многие из них не имеют четкой структуры и порой выглядят как краткое устное выступление. «О лечении кровопусканием» представляет собой полноценное сочинение: в нем подробно рассмотрены теория и практика применения венотомии, артериотомия оценена как лечебный метод и, в общем, не рекомендована для широкого применения в отличие от рассечения вен. Гален отмечает, что артериотомию – эффективный метод, но при его применении возможно развитие опасных осложнений, и ясно дает понять: использование этого метода – удел немногих.

ΓΑΛΗΝΟΥ. ΠΡΟΣ ΤΑ ΑΝΤΕΙΡΗΜΕΝΑ ΤΟΙΣ ΙΠΠΟΚΡΑΤΟΥΣ ΑΦΟΡΙΣΜΟΙΣ ΥΠΟ ΙΟΥΛΙΑΝΟΥ¹⁴⁷

1. Ἄμεινον μὲν ἦν, ὥσπερ οἱ νομοθέται τοὺς ψευδῶς ἐγκαλέσαντας ὁμοίως τιμωροῦνται τοῖς ἐγκληθεῖσιν, εἴπερ ἦλωσαν, οὕτως καὶ τοὺς ἀντιλέγοντας ψευδῶς οἷς οὐκ ἔμαθον ὑπέχειν ἀξίαν ὧν πλημμελοῦσι τιμωρίαν. ἐπεὶ δ' οὐκ οἶδ' ὅπως ὕβρεως μὲν ἐφεῖται δικάζεσθαι, νόμος δ' οὐδεὶς κεῖται περὶ τῶν ψευδῶς ἐγκαλούντων, εἰκότως οἶμαι κατὰ τῶν ἀρίστων ἀνδρῶν οἱ σκαιότατοι λέγειν τολμῶσιν. ἐχρῆν γὰρ ὥσπερ ἐν Αἰγύπτῳ πάλαι τῶν κατὰ τὰς τέχνας εὐρισκομένων ἕκαστον ὑπὸ κοινοῦ συνεδρίου τῶν πεπαιδευμένων κριθὲν ἐνεγράφετο στήλαις τισὶν ἀποκειμέναις ἐν ἱεροῖς χωρίοις, οὕτω καὶ παρ' ἡμῖν εἶναι τι συνέδριον ἀνδρῶν δικαίων τε ἅμα καὶ πεπαιδευμένων, οἱ δοκιμάζοντες τὰ νέα συγγράμματα θήσουσι μὲν ἐν δημοσίοις χωρίοις τὰ χρηστά, διαφθεροῦσι δ' ὅσα μοχθηρά· βέλτιον δ' ἦν, εἰ μὴδὲ τοῦνομα τοῦ γράψαντος ἐφύλαττον,

---

¹⁴⁷ Древнегреческий текст приводится по изданию: *Adversus ea quae a Juliano in Hippocratis aphorismos enuntiata sunt libellus // Galeni adversus Lycum et adversus Iulianum libelli* / Ed. E. Wenkebach. [Corpus medicorum Graecorum. Vol. 5.10.3. Berlin: Akademie-Verlag, 1951]. P. 33–70.

ὥσπερ οὐδ' ἐν Αἰγύπτῳ τὸ ἀρχαῖον· ἐκωλύθη γὰρ ἂν οὐχ ἥκιστα κὰκ τοῦδε τῶν φιλοτίμων ἢ περὶ δόξαν ἄμετρος σπουδή. νῦν δ' ἐπειδὴ καὶ γράφειν ἕξεστιν ἅπασι καὶ κρίνειν τοῖς ἐπιτυχοῦσιν, εὐδοκιμοῦσι παρὰ τοῖς πολλοῖς οἱ τολμηρότα-τοι, καθάπερ ὁ Θεσσαλὸς <δι'> ὧν ἔγραψε λαιδορηθεὶς Ἴπποκράτει, καίτοι βιβλίον ἐν συνθεὶς ἐν ᾧ, καθάπερ οἶται, τοὺς ἀφορισμοὺς ἐξελέγχει, δεικνὺς ἐναργῶς ἡμῖν ἑαυτὸν οὐδὲ τοῦλάχιστον ἐπιστάμενον τῆς Ἴπποκράτους τέχνης. καίτοι δίκαιόν γε ἦν ἐκμαθόντα πρότερον αὐτὴν οὕτως ἐπιχειρεῖν ἀντιλέγειν. ἢ τοῦτο μὲν ἴσως οὐκ ὀρθῶς εἶπον; οὐ γὰρ <ἂν> ἐτόλμησεν ἀντειπεῖν τοῖς ἀληθέσιν, εἶπερ ἔμαθεν αὐτήν, πλὴν εἰ παντάπασιν ἀναίσχυντός τις ἦν, οἷος καὶ ὁ νῦν ἐπὶ τῆς Ἀλεξανδρείας γεγωνῶς Ἰουλιανός, οὗ βίβλους εἶναί φασιν ὀκτὼ καὶ τεσσαράκοντα πρὸς τοὺς Ἴπποκράτους ἀφορισμοὺς, ἐξ ὧν ἑναγχος ἔλαβον τὴν δευτέραν ἐν ἧ τὸν ἀφορισμόν, ὡς οἶται, ψευδῆ φησιν εἶναι τοῦτον· “ἐν τῆσι ταραχῆσι τῆς κοιλῆς καὶ τοῖσιν ἐμέτοισι τοῖσιν αὐτομάτως γιγνομένοισιν, ἦν μὲν οἷα δεῖ καθαίρεσθαι καθαίρωνται, ξυμφέρει τε καὶ εὐφόρως φέρουσιν· ἦν δὲ μή, τούναντίον. οὕτω δὴ καὶ κενεαγγεῖη, ἦν μὲν οἷα δεῖ γίνεσθαι <γίνηται>, ξυμφέρει τε καὶ εὐφόρως φέρουσιν· ἦν δὲ μή, τούναντίον.” καὶ χάρις γε τύχῃ τοῦθ' ἡμῖν πρῶτον ἐγχειρισαμένη τὸ βιβλίον, ὅπως μὴ μάτην ὁ χρόνος τρίβοιτο μακρὸν ἀναγινωσκόντων <ἐλέγχον> ὃν ἔγραψε πρὸς τὸν πρῶτον ἀφορισμόν <ὄς> τῶν ἐξῆς ἀπάντων ἐστὶ προοίμιον. ἴσως γὰρ ἂν ἠναγκάσθην τι

καὶ πρὸς ἐκεῖνα γράψας οὐδὲν μέγα δοκεῖν πεποιηκέναι
διὰ τὸ μηδέπω θεωρίας ἰατρικῆς ἄπτεσθαι τὸν λόγον.
ἄλλ' ὃ γε προειρημένος ἀφορισμὸς οὐ περὶ μικρῶν τῆς
τέχνης διαλέγεται συμβουλευῶν τῷ ἱατρῷ τῶν αὐτομάτως
γιγνομένων κενώσεων διὰ τε τῆς ἄνω καὶ κάτω γαστρὸς
μιμῆσθαι τὰς ὠφελούσας, καὶ διδάσκει γε τίνες εἰσὶν
αὗται καὶ πῶς αὐτὰς γνωριουῖμεν, ὥσπερ γε καὶ τίνες
αἱ βλάπτουσαι σὺν τοῖς οἰκείοις γνωρίσμασιν. εἰ μὲν
οὖν ἐμεμαθήκει τὴν τέχνην Ἰουλιανὸς ὑπὸ διδασκάλων
Ἰπποκρατείων, οὐκ ἂν ἐτόλμησε τοῖς ἀληθέσιν ἀντιλέγειν.
ἐπεὶ δὲ οὗτ' αὐτὸς οὗθ' ὁ τῆς τοιαύτης ἐμπληξίας
ἡγεμῶν αὐτοῦ Θεσσαλὸς ἐγνώκασι τῶν Ἀσκληπιαδῶν
τὴν τέχνην, θαυμαστὸν οὐδὲν ἀγνοεῖν αὐτοὺς ἂ μηδ' οἱ
χωρὶς λόγου φάσκοντες ἰατρεύειν ἠγνόησαν. ἀκοῦσαι γοῦν
ἔστιν ἐκείνων λεγόντων αὐξήθηναί μάλιστα τὴν τέχνην ἐκ
τῆς μιμητικῆς πείρας. ὅσα γὰρ ἐκ περιπτώσεως γενόμενα
τοὺς κάμνοντας ὠφέλησε, ταῦθ' ἡμεῖς, φασί, μιμούμενοι
πολλάκις συνεστησάμεθα καὶ διαιρούμενοι ταῦτα φυσικὰ
μὲν ὀνομάζουσιν ὧν ἐκ τοῦ σώματος ἡ αἰτία, κατὰ τύχην
δὲ γίγνεσθαι φασιν ὧν ἔξωθεν, ὥστε μὴ μόνης φύσεως,
ἀλλὰ καὶ τύχης εἶναι μιμητικὸν τὸν ἱατρόν. εἴρηται γοῦν
ὑπ' ἐκείνων τῶν ἀνδρῶν ἄλλα τε πολλὰ τῶν κατὰ τύχην
ὠφελησάντων παραδείγματα καὶ ὁ τὴν ἐν μετώπῳ φλέβα
διακοπεῖς ἐκ τοῦ καταπεσεῖν. ἐπὶ γὰρ ὁμοίως διακειμένου
τὴν αὐτὴν φλέβα τεμεῖν ἐτολμήσαμεν, φασίν, ἐλπίδι τῆς
αὐτῆς ὠφελείας. ἀλλὰ καὶ γαστήρ ἀξιολόγως ὑπελθοῦσα

φλεγμαινόντων ὀφθαλμῶν, εἴτ' ὀνήσασα μεγάλως ἐπὶ τὴν τοῦ γενομένου μίμησιν ἡμᾶς προὔτρεψατο. ὡσαύτως δὲ καὶ τοὺς ἰκτεριῶντας ἄθροα χολώδη διαχωρήματα ὥφθη πολλάκις ὠφελήσαντα καὶ τοὺς τὸν καλούμενον ἐλέφαντα νοσοῦντας ἢ τῶν μελαγχολικῶν χυμῶν κένωσις καὶ τοὺς ὑδεριῶντας <ἢ τῶν> ὑδατωδῶν· καὶ ἐκ τούτων πρόδηλόν ἐστιν ὅτι καὶ τοῖς ἰατροῖς προσήκει μιμεῖσθαι. καὶ τί δεῖ λέγειν αὐτομάτους κενώσεις, ὅπου καὶ τὰ τῶν διδασκάλων ἔργα μιμούμενοι μανθάνομεν τὴν τέχνην; ἢ Θεσσαλὸν μὲν, ἐὰν διὰ κλύσματος οὔτινος ὑπαγωγῆς τὴν γαστέρα θεραπεύσῃ τὸν κάμνοντα, μιμητέον ἐστὶ τοὺς τούτου μαθητάς, ἐὰν δ' αὐτομάτως ὑπελθοῦσα τύχη, φευκτέον; ἢ τῆς ἐμμήνου καθάρσεως ἰσχυομένης, ἐὰν ἔμετος αἷματος γένηται τῇ γυναικὶ κᾶπειτα Θεσσαλὸς ἦτοι κινήσας τὴν κάθαρσιν ἢ φλέβα τεμὼν ἰάσῃται τὸ πάθος, οὐκ ἂν ἀμάρτοιεν οἱ μαθηταὶ μιμησάμενοι τὸν διδάσκαλον, ἐὰν δ' αὐτομάτως ῥαγέντων τῶν καταμηνίων ἢ κάμνουσα ῥαστωνήσῃ, τοῦτο οὐκέτ' αὐτοὺς μιμητέον; καὶ μὴν οὐδὲν διαφέρει πρὸς τὴν ἐκατέρων μίμησιν ἂν θ' ὑπὸ τῆς μαίας ἂν θ' ὑπὸ Θεσσαλοῦ κινήθωντων τῶν καταμηνίων ἂν τε καὶ χωρὶς τούτων αὐτομάτως ἐκκριθέντων ἢ κάμνουσα ῥαστωνήσῃ· διὰ γὰρ τοὶ τὴν κένωσιν, οὐ διὰ τὸ ποιῆσαν αὐτὴν ἢ ὠφέλεια γίνεται, καὶ τοῦτο διδάσκων ὁ Ἴπποκράτης ἔγραψε τὸν ἀφορισμὸν ἐκεῖνον· “γυναικὶ αἷμα ἐμεοῦση τῶν καταμηνίων ῥαγέντων λύσις.” ὅπως ἂν ῥαγῇ, φησί, τὰ καταμήνια, λύσις ἔσται τοῦ παθήματος, εἴτε

φυσικῶς εἶτε καὶ ἡμῶν τοῦτ' ἐργασαμένων. οὐ γὰρ τὸ ποιῆσαν αἴτιον, ἀλλὰ τὸ γινόμενον ὠφελεῖ τὴν νοσοῦσαν. ἐν μόνον ὑπαρχέτω τοῖς καταμηνίοις τὸ ἀθρώως ἐκκριθῆναι, ὅπως ὁ Ἴπποκράτης ὠνόμασε, ῥαγέντων, ἔθος ὃν αὐτῷ τὰς ἀθρόας κενώσεις οὕτω προσαγορεύειν, ὡς εἰ καὶ κατὰ τήνδε τὴν λέξιν εἰρήκει· “γυναικὶ αἷμα ἐμεούση τῶν καταμηνίων ἀθρώως ἐκκριθέντων λύσις”. ἐπιλείποι δ' ἂν με ἡ ἡμέρα διερχόμενον ὅσα μιμοῦνται τῶν αὐτομάτως γιγνομένων οἱ ἄνθρωποι· οὐ μὴν οὐδ' ἀμφισβητεῖ τις ἕτερος, ἀλλ' ὡς κοινήν ἔννοιαν δέχονται πλὴν τῶν μιαρῶν σοφιστῶν, ὅσοι περὶ μὲν τὰ τῆς τέχνης ἔργα καὶ τῶν ἰδιωτῶν εἰσι χεῖρους, ἱκανοὶ δ' ἀπαναισχυνητῆσαι καὶ μακρὰς φλυαρίας συνθεῖναι κατὰ τῶν ἀρίστων ἰατρῶν, οἷος καὶ νῦν γέγονεν Ἰουλιανὸς οὗτος, ὃν ἅπαντες μὲν ἴσασι μηδὲν πώποτε τῶν τῆς τέχνης ἔργων μεταχειρισάμενον, ἀναισχύντως δ' ὑβρίζοντα τοὺς παλαιοὺς ἰατρούς.

2. “Α γοῦν ἐτόλμησε γράψαι πρὸς τὸν ἀρτίως εἰρημένον ἀφορισμὸν οὐδ' εἶπεῖν οἷόν τε πηλίκην ἦτοι γε ἀμαθίαν ἢ ἀναισχυνητίαν ἢ τόλμαν ἐνδείκνυται, μᾶλλον δ' εἰ χρῆ τάληθές εἶπεῖν καὶ ταῦτα πάντα καὶ τούτων ἔτι πλείω. τάχα μὲν οὖν ἄμεινον ἦν μηδ' ἀντιλογίας ἀξιοῦν αὐτὰ τῆς διὰ γραμμάτων μηδ' ἀπολλύναι τινὰ καὶ πρὸς τοῦτο χρόνον. δεηθέντων δέ μου λιπαρῶς πάνυ πολλῶν φίλων, ὅσα προσκομισθέντος μοι τοῦ βιβλίου καθ' ὃ τὸν προειρημένον ἀφορισμὸν ἐξελέγχειν Ἰουλιανὸς ἐπεχείρει διηλθον, ἐν ὑπομνήμασιν αὐτοῖς παρασχεῖν, ὑπέμεινα καὶ τοῦτον οὐ

σμικρὸν ἄθλον, ἀλλ' εἰ χρὴ τάληθες εἰπεῖν πολὺ μείζω
τοῦ κατὰ τοὺς αὐτοσχεδίουσιν οὖσιν ἡμερῶν ἕξ ἢ πλειόνων
ἐποησάμην ἐπιδεικνὺς τὸ πλῆθος τῶν ληρωδῶν Ἰουλιανοῦ
λόγων ὧν ἐνέγραψε τῷ βιβλίῳ. κυριώτατον γὰρ ἂν τις
εἴποι τοῦτο δὴ τὸ συνήθως λεγόμενον, ὡς οὐδέν ἐστιν
ἄπεραντολογώτερον τὰνθρώπου· “Θερσίτης δ' ἔτι μῦθος
ἀμετροεπῆς ἐκολῶα”, <καὶ> τούτῳ μᾶλλον ἂν ἢ Θερσίτη
πρέποι πάντα ὑπερβαλόντι τοὺς πώποτε γεγονότας <ἐν>
ἀμετροεπείαις. καὶ τοίνυν οἱ παραγενόμενοι τοῖς λόγοις
ἀναγινωσκομένοις αὐτοῦ δύο ταύτας ἔθεντο προσηγορίας
τὰνθρώπῳ, τὴν ἀμετροεπίαν καὶ τὴν ἀπεραντολογίαν,
ὥστ' οὐκ ἐμοῦ σωφρονίζοντος, ἀλλ' Ὀδυσσέως τινὸς
ἐδεῖτο τοῦ τῷ σκήπτρῳ καθίζοντος· σωφρονίσει γὰρ τὸν
οὕτως ἔμπληκτον οὐδ' αὐτὸς ὁ τῶν Μουσῶν δύναται
χορός. ἐπεὶ τοίνυν ἄκων ἠναγκάσθην γράφειν ταῦτα,
<ὅδε> ὁ λόγος ἐστὶν ὑμῖν ὡς <ἐν> μοί<ρα> προοιμίου
τινός, ὅπως μὴ καταγνωσθῶ πρὸς τῶν ἀναγνωσομένων
αὐτά· μέλλω γὰρ ἐλέγξιν ἄνθρωπον ἔμπληκτον ἀμαθῆ
δοξόσοφον ἀπαιδευτοῖς μεираκίοις ἐν ἅπαντι τῷ βίῳ
φλυαρήσαντα, παρ' οἷς ἕξ ὧν ἐβλασφήμει τοὺς παλαιοὺς
ἐπιστεύθη τις εἶναι. δέομαι <δ'> οὖν συγχωρῆσαί μοι
κολάσαι τὴν ἀπαιδευσίαν αὐτοῦ λόγοις τραχυτέροις ὧν
εἶθισμαι χρῆσθαι. δεινὸν γὰρ εἰ τούτῳ <μὲν> ἐξέσται
λοιδορεῖσθαι τῶν παλαιῶν τοῖς ἀρίστοις, ἡμῖν δ' οὐκ ἐξέσται
δι' ἀποδείξεων ἐναργῶν ἐξελέγχειν αὐτοῦ τὴν ἀπαιδευσίαν.
εἰς τοσοῦτον γὰρ ἤκει μεγέθους ὥστ' οὐδ' ὅθεν ἄρξηταί τις

εὐρεῖν εὐπετές.

3. Κατὰ μὲν τὴν ἀρχὴν τοῦ βιβλίου τὰ πλείω πρὸς Σαβῖνον ἀποτείνεται καταλιπὼν τὸν Ἴπποκράτην, καὶ τοῦτο μὲν, ὡς ἔοικεν, ἐν ἀπάσῃ ποιεῖ τῇ πραγματείᾳ, καίτοι πρὸς τοὺς Ἴπποκράτους ἀφορισμοὺς ἐπιγράψας αὐτήν, οὐ πρὸς τὰς Σαβῖνου ἐξηγήσεις, εἶτα φλυαρεῖ πολλά, καθάπερ ἔθος αὐτῷ, ληρόν τινα ῥημάτων ἀσαφῶν συντιθείς, ὃν εἰ μὲν ἐλέγχειν τις ἐπιχειροίη, φθάσει πληρώσας βιβλίον μέγιστον, πρὶν ἄρξασθαι δόξειν, συγχωρήσας οὐ λελέχθαι πάντα. γράφοντι μὲν οὖν δυσδιάθετον καὶ τοῦτο, μᾶλλον δ' ἄπορον ἐσχάτως. ἐν μέντοι τοῖς αὐτοσχεδιοῖς λόγοις οὗς πολλάκις ἐποησάμεθα παρόντων ἀνδρῶν πεπαιδευμένων ἐπιδέδεικται τις ἡμῖν εὐπορία καθ' ὁμοιότητα τῶν εἰς τοὺς παλαιοὺς ἐξηγήσεων εὐρεθεῖσα· καθάπερ γὰρ ἐκείνων τὸ προβληθὲν βιβλίον ἐν ταῖς δημοσίαις ἐπιδείξεισιν ἐξηγούμεθα ***¹⁴⁸ εἰ δὲ ὁ μεθοδικὸς φαίη λεληθότως φυσικευόμενος, [ὅτι] μὴ ἀλαζῶν μηδὲ μεγαληγόρος μηδ' εἰς μέσον φέρων τὴν ἄνωθεν ρίζαν τοῦ κεκρυμμένου δόγματος, δύο εἶναι τὰ σώματος πάθη <καὶ> τῷ γε κατὰ φύσιν συνεστῶτι δύο ἂν ἐφεδρεύειν τροπὰς καὶ μεταβολὰς ἀλλήλαις ἐναντίας ἢ συναγομένου πλείω ἢ χεομένου βία, διανοητὰ ἂν δοκοίη λέγειν οὐ μὰ Δία φυσικευόμενοις τοῖς φιλοσόφοις καὶ περὶ τῆς τῶν ὄλων ὕλης διαλεγόμενοις, ἀλλ' ἰατροῖς φυσικοῖς. αὕτη μὲν σοι μία ῥῆσις ἐστὶ τῶν θαυμαστῶν <τοῦ> Ἰουλιανοῦ λόγων,

¹⁴⁸ Здесь и далее этот знак обозначает лакуну в рукописи Галена.

<έν> οἷς ἀποχωρῶν <ῶν> ὁ Ἄσκληπιάδης καὶ Θεμίσων καὶ Θεσσαλὸς ἔθεντο στοιχείων ἐπὶ τοὺς προειρημένους ἦκει φιλοσόφους ἀναιροῦντας ἐκ τοῦδε τοῦ κόσμου παντάπασι τὸ κενόν. ἑτέρα δ' ἐφεξῆς αὐτῆς ἦδε· ἀλλ' ἐπιχωρήσειν †¹⁴⁹ καὶ μὴτ' ἐκείνης κατάσχοιμ' ἂν τὸ λοιπὸν τῆς γλώττης, ὡς μὴ εἴποιμι. τί γὰρ † ἂν ἐμοὶ καὶ τότε ἦ ὅτι ταῖσδε ταῖς τροπαῖς ὡσπερ ἠκολούθησεν ἡ τῶν στοιχείων γένεσις, οὔτω καὶ θερμοῦ φύσις καὶ ψυχροῦ καὶ ὑγροῦ καὶ ξηροῦ; ἐκείνων γὰρ πρώτων γόνων ἔγγονα ποιήματα ἂν εἴη. ὅρα πῶς ἐν ὑψηλοτάτῳ θρόνῳ καὶ μετεωροτάτῳ καθημένη ἡ μέθοδος ἐλάνθανεν, ἦν ὑπὸ ἐπιεικείας καὶ μετριότητος βουλομένην λανθάνειν ἐν οὐρανῷ ἔδειξα καὶ ἐξεκάλυψα μόνος καὶ πρῶτος <τὸ> ἐπισκοτοῦν νέφος παραγαγὼν καὶ ἐλευθερώσας. ταῦτ' οὖν ὁ Ἰουλιανὸς λέγει καὶ τούτων ἐξῆς ἄλλο τι· μείον ἂν ξυμφεροίμην Ἐπικούρῳ οὐχ ἐλόμενος αὐτοῦ τὰ στοιχεῖα, οὐχ ἐνώσαντι τὴν οὐσίαν. ἐν μὲν δὴ τῷ περὶ τῆς μεθόδου ταῦτά τε καὶ ἄλλα πολλὰ γέγραπται Ἰουλιανῷ τὸ βιβλίον ὅλον ἐπιγράφοντι Φίλωνα. δι' ἄλλου δ' αὐθις, ἐν ᾧ περὶ τῶν ψυχικῶν καὶ σωματικῶν παθῶν ὁ λόγος ἐστὶν αὐτῷ, γράφει ταυτί· σύμμετρον δὴ κατάστασιν καὶ μεμετρημένην συναγωγῆς τε καὶ χύσεως ὑποστησάμενοι ἐπὶ τῶν ἀνθρωπείων συγκριμάτων ὄνομα αὐτῇ ἐθέμεθα ὑγείαν. εἰ δ' ἦδε ἡ μεσότης ὑπὸ νόσων ἐπιβουλευθείη, ἐξ ἀνάγκης πάσχει τὰ σώματα συναγόμενα καὶ σκληρυνόμενα

---

¹⁴⁹ Здесь и далее этот знак обозначает место, где рукописный текст испорчен и не дает удовлетворительного смысла.

καὶ ξηρότερα γινόμενα ἢ χεόμενα καὶ μαλακυνόμενα καὶ ὑγραινόμενα.

4. Αὗται μὲν οὖν αἱ ῥήσεις τοῦ λαμπροτάτου σοφιστοῦ Ζήνωνι καὶ Ἀριστοτέλει καὶ Πλάτωνι τοὺς Μεθοδικοὺς ἰατροὺς ἔπεσθαι φάσκοντος. ἡμεῖς δ' αὖθις ἀναμνήσομεν αὐτὸν ὡς ἕκαστος τούτων τῶν φιλοσόφων ἅμα πολλοῖς τοῖς μετ' αὐτὸν εὐκρασίαν μὲν ἠγεῖται τὴν ὑγείαν εἶναι θερμοῦ καὶ ψυχροῦ καὶ ξηροῦ καὶ ὑγροῦ, νοσήματα δὲ γίνεσθαι τὰ γοῦν κατὰ δίαιταν ὑπερβάλλοντος ἑκάστου τῶν εἰρημένων ἢ ἐλλείποντος, εἶναι δὲ καὶ χυμοὺς ἐν τῷ σώματι, τοὺς μὲν ὑγροὺς καὶ ξηροὺς κατὰ δύναμιν, ἐνίους δὲ θερμοὺς ἢ ψυχροὺς ἀναλογίζοντας νοσήμασιν. οὕτως Πλάτων ἅμα τοῖς ἀπ' αὐτοῦ πᾶσιν, οὕτως Ἀριστοτέλης ἅμα τοῖς ἐκ τοῦ Περιπάτου, οὕτως Ζήνων καὶ Χρῦσιππος ἅμα τοῖς ἄλλοις Στωϊκοῖς ἐγίγνωσκον. Ἰουλιανὸς δ' οὐδ' ἀνέγνω τι βιβλίον ὧν εἶπον ἀνδρῶν οὐδ' ὄλως ἀκολούθου καὶ μαχομένου σύνεσιν ἔχει, πάντως γὰρ ἂν ἦσθετο τῇ μὲν ἀναιρούσῃ τὸ κενὸν αἰρέσει ταῦθ' ἐπόμενα, τῇ δ' ὑπάρχειν εἰπούσῃ συμμετρίαν μὲν τινα πόρων εἶναι τὴν ὑγείαν, ἐν στεγνώσει δὲ καὶ ῥύσει τῶν δι' αὐτῶν φερομένων συνίστασθαι τὰ κατὰ δίαιταν νοσήματα. Πότερον οὖν Ἀριστοτέλους καὶ Χρυσίππου καὶ τῶν ἄλλων ἀπάντων Περιπατητικῶν τε καὶ Στωϊκῶν ἐξῆς παραγράψω τὰς ῥήσεις, ἐν αἷς φλέγμα καὶ χολὴν αἰτιῶνται καὶ τὰ πρῶτα νοσημάτων τέτταρα ὑπάρχειν φασίν, ὥσπερ καὶ τὰ στοιχεῖα τὸ θερμὸν καὶ τὸ ψυχρὸν καὶ τὸ ξηρὸν καὶ τὸ ὑγρὸν, ἢ τοῦτο μὲν ὡς ἂν

οὐχ ἓν ἢ δύο βιβλία πληρῶσαι δυνάμενον, ἀλλὰ καὶ τρία καὶ τέτταρα καὶ πλείω παραλιπεῖν ἄμεινον, ἄρκεσθῆναι δὲ μόνοις τοῖς ὑπὸ Πλάτωνος εἰρημένοις; ἴσως ἄμεινον οὕτω πρᾶξι καὶ μὴ συναδολεσχεῖν τὰ πάντα ληρώδει σοφιστῆ. τοσοῦτον μόνον εἰπόντες ὑπὲρ τῶν ἐκ τοῦ Περιπάτου τε καὶ τῆς Στοᾶς τῶν φιλοσόφων ἀπαλλάξομεν. οὐδὲν <γὰρ> ἂν εὐροις οὔτ' Ἀριστοτέλους οὔτε Θεοφράστου βιβλίον, ἐν ᾧ περὶ νοσημάτων ἀναγκασθέντες εἰπεῖν τι <χωρὶς τοῦ> θερμοῦ καὶ ξηροῦ καὶ ψυχροῦ καὶ ὑγροῦ μνημονεῦσαι διήλθον τὸν λόγον, ἀλλὰ καὶ τούτων ἀεὶ μέμνηνται καὶ σὺν αὐτοῖς πολλάκις ἑκατέρας τῆς χολῆς, μελαίνης καὶ ξανθῆς, οὐκ ὀλιγάκις δὲ καὶ φλέγματος, οἷ γε καὶ τὰς διαφορὰς αὐτοῦ διέρχονται, τὸ μὲν ὄξύ, τὸ δ' ἄλμυρον ἢ ἄλυκόν, ἄλλο δὲ γλυκὺ προσαγορεύοντες. οὐ μὴν οὐδὲ Χρῦσιππος ἑτέρως, ἀλλ' οὕτως ἀεὶ καὶ περὶ νοσημάτων καὶ χυμῶν διαλέγεται. <κἂν> εἴ τις ἐθέλοι μόνων τῶν εἰρημένων τριῶν ἀνδρῶν ἐκλέγειν τὰς ῥήσεις, οὐκ ὀλίγα πληρώσει βιβλία, σχολάζων δ' οὕτως τις, ὥσπερ Ἰουλιανὸς ἐπὶ τῆς Ἀλεξανδρείας ἐσχόλαζεν, ἐὰν ἐθέ<λη> καὶ τῶν ἄλλων ἀπάντων Στωϊκῶν ἢ Περιπατητικῶν ἐκάστου τὰς ῥήσεις ἐκλέγειν, ὅλην βιβλιοθήκην πληρώσει.

ἀλλ' ὅπερ ἔφην ἐάσας τούτους ἄρκεσθήσομαι μόνου <τοῦ> Πλάτωνος ῥήσεσιν ἐπομένου κατὰ πάντα τοῖς Ἰπποκράτους δόγμασιν. οὐ μὴν οὐδὲ παρὰ τούτου τῶν ἄλλων ἐκλέξας βιβλίων ὄντων πολλῶν, ἀλλ' ἐξ ἑνὸς ἄρκεσθήσομαι μόνου τοῦ Τιμαίου παραγράψαι ταῦτα.

“τὸ δὲ τῶν νόσων πόθεν συνίσταται, δῆλόν που καὶ παντί. τετάρων γὰρ ὄντων γενῶν ἕξ ὧν συμπέπηγε τὸ σῶμα, γῆς ὕδατος πυρός τε καὶ ἀέρος, τούτων ἢ παρὰ φύσιν πλεονεξία καὶ ἔνδεια καὶ τῆς χώρας μεταστάσις ἕξ οἰκείας ἐπ’ ἀλλοτρίαν γενομένη πυρός τε αὖ καὶ τῶν ἑτέρων, ἐπειδὴ πλέονα γένη ἐνὸς ὄντα τυγχάνει, τὸ μὴ προσῆκον ἕκαστον ἑαυτῷ προσλαμβάνον καὶ πάνθ’ ὅσα τοιαῦτα τάσεις καὶ νόσους παρέχει. παρὰ φύσιν γὰρ ἐκάστου γιγνομένου καὶ μεθισταμένου θερμαίνεται μὲν ὅσα ἂν πρότερον ψύχεται. ξηρὰ δ’ ὄντα εἰς ὕστερον γίνεται <νοτερά> καὶ κοῦφα δὴ καὶ βαρέα καὶ πάσας πάντη μεταβολὰς δέχεται.” ἐν ταύτῃ μὲν οὖν τῇ ῥήσει σαφῶς ὁ Πλάτων ἀκολουθεῖ τῷ Ἴπποκράτει κατὰ τὰ πρῶτα στοιχεῖα καὶ τὰς ποιότητας αὐτῶν. ἐν δὲ τοῖς μετὰ ταῦτα καὶ τοὺς χυμούς πως αἰτιώμενος τῶν νοσημάτων ὠδίπως φησί. “τὸ δὲ λευκὸν φλέγμα διὰ <τὸ> τῶν πομφολύγων πνεῦμα χαλεπὸν ἀποληφθὲν, ἕξω δὲ τοῦ σώματος ἀναπνοῶς ἴσχον ἠπιώτερον μὲν, καταποικίλλει δὲ τὸ σῶμα λεύκας ἀλφούς τε καὶ τὰ τούτων συγγενῆ νοσήματα ἀποτίκτον. μετὰ δὲ χολῆς μελαίνης κερασθὲν ἐπὶ τὰς περιόδους τὰς ἐν τῇ κεφαλῇ θειοτάτας οὔσας ἐπισκεδαννύμενον καὶ ξυνταράττον αὐτὰς καθ’ ὕπνον μὲν ἰὸν πρᾶύτερον, ἐγρηγορόσι δὲ ἐπιτιθέμενον δυσπαλλακτότερον· νόσημα δ’ ἱερᾶς ὄν φύσεως ἐνδικώτατα ἱερὸν λέγεται.” καὶ ταύτῃ γε τῇ ῥήσει πάλιν ἐπιφέρων ἑτέραν φησί. “φλέγμα δ’ ὄξυ καὶ ἀλμυρὸν πηγὴ πάντων νοσημάτων ὅσα γίνεται καταρροϊκά,

διὰ δὲ τοὺς τόπους εἰς οὓς ῥεῖ παντοδαπούς ὄντας παντοῖα ὀνόματα εἴληφεν.” οὕτω μὲν ὁ Πλάτων περὶ φλέγματος ἀπεφήνατο καὶ σὺν αὐτῷ μελαίνης χολῆς. ἐφεξῆς δ’ ἄκουσον ἃ λέγει περὶ τῆς ξανθῆς· “ὅσα δὲ φλεγμαίνειν λέγεται τοῦ σώματος ἀπὸ τοῦ κάεσθαί τε καὶ φλέγεσθαι διὰ χολὴν γέγονε πάντα. λαμβάνουσα μὲν <οὔν> ἀναπνοὴν ἔξω παντοῖα ἀναπέμπει φύματα ζέουσα, καθειργνυμένη δὲ ἐντὸς πυρίκαυτα νοσήματα πολλὰ ἐμποιεῖ, μέγιστον δ’, ὅταν αἷματι καθαρῷ συγκερασθεῖσα τὸ τῶν ἰνῶν γένος ἐκ τῆς ἑαυτῶν διαφορῆς τάξεως, αἱ διεσπάρησαν μὲν εἰς αἷμα, ἵνα συμμέτρως λεπτότητος ἴσχοι καὶ πάχους καὶ μήτε διὰ θερμότητα ὡς ὑγρὸν ἐκ μανοῦ τοῦ σώματος ἐκρέοι μήτ’ αὖ πυκνότερον δυσκίνητον ὄν μόνις ἀναστρέφοιτο ἐν ταῖς φλεψί. καιρὸν δὴ τούτων ἴνες τῆς φύσεως γενέσει φυλάττουσιν, ἃς ὅταν τις καὶ τεθνεῶτος αἷματος ἐν ψύχει τε ὄντος πρὸς ἀλλήλας ξυναγάγη, διαχεῖται πᾶν τὸ λοιπὸν αἷμα. ἐαθεῖσαι δὲ ταχὺ μετὰ τοῦ περιστῶτος αὐτὸ ψύχους ξυμπηγνύασι. ταύτην δὴ τὴν δύναμιν ἔχουσῶν ἰνῶν ἐν αἷματι, χολὴ φύσει παλαιὸν αἷμα γεγонуῖα καὶ πάλιν ἐκ τῶν σαρκῶν εἰς τοῦτο τετηκυῖα, θερμὴ καὶ ὑγρὰ κατ’ ὀλίγον τὸ πρῶτον ἐμπίπτουσα πήγνυται διὰ τὴν τῶν ἰνῶν δύναμιν, πηγνυμένη δὲ καὶ βία κατασβεννυμένη χειμῶνα καὶ τρόμον ἐντὸς παρέχει· πλείων δ’ ἐπιρρέουσα, τῆς παρ’ αὐτῆς θερμότητι κρατήσασα, τὰς ἴνας εἰς ἀταξίαν ζέσασα διέσεισε· καὶ ἐὰν μὲν ἰκανὴ διὰ τέλους κρατῆσαι γένηται, πρὸς τὸ τοῦ μυελοῦ διαπεράσασα γένος καίουσα

ἔλυσε τὰ τῆς ψυχῆς αὐτόθεν οἷον νεῶς πείσματα μεθῆκέ τε ἐλευθέραν, ὅταν δὲ ἐλάττων ἦ τό τε σῶμα ἀντίσχητηκόμενον, αὐτὴ κρατηθεῖσα ἢ κατὰ πᾶν τὸ σῶμα ἐξέπεσεν ἢ διὰ τῶν φλεβῶν εἰς τὴν κάτω ξυνωσθεῖσα ἢ τὴν ἄνω κοιλίαν, οἷον φυγὰς ἐκ πόλεως στασιασάσης ἐκ τοῦ σώματος ἐκπίπτουσα, διαρροίας καὶ δυσεντερίας καὶ τὰ τοιαῦτα <νοσήματα> πάντα παρέσχετο.” ταυτὶ μὲν οὖν ἐν μόνῳ τῷ Τιμαίῳ Πλάτων εἶπεν ἐπόμενος Ἴπποκράτει· τὰ δ’ ἐκ τῶν ἄλλων αὐτοῦ βιβλίων εἴ τις ἐκλέγει πάντα, δόξει μιμῆσθαι μακρολογίας ἕνεκα τὸν Ἰουλιανόν, ἔτι δὲ δὴ μᾶλλον, εἰ τὰ [παρὰ] Θεοφράστῳ καὶ Ἀριστοτέλει καὶ Χρυσίππῳ καὶ πᾶσι τοῖς Περιπατητικοῖς τε καὶ Στωϊκοῖς εἰρημένα περὶ θερμοῦ καὶ ψυχροῦ καὶ ξηροῦ καὶ ὑγροῦ καὶ χολῆς καὶ φλέγματος ὑγείας τε καὶ νόσου παραγράφοι σύμπαντα. καὶ γὰρ νῦν ἠγοῦμαί τινας ἤδη μέμφεσθαι τοῦ μήκους ἡμῖν τῶν λόγων εἰς ἔλεγχον ἀναισθήτου σοφιστοῦ συγκειμένων. ὃς γὰρ οὐκ ὤκνησεν, ὧ Ζεῦ καὶ θεοί, Πλάτωνα μὲν καὶ Ἀριστοτέλην καὶ Ζήνωνα καὶ τοὺς ἀπ’ αὐτῶν φιλοσόφους ἐπαινεῖν, ἐξελέγχειν δὲ τὰ περὶ τῶν τοῦ σώματος στοιχείων ὑφ’ Ἴπποκράτους εἰρημένα, τί ἂν ἐπὶ τῶν πάντων ὁ τοιοῦτος εἰπεῖν αἰδεσθείη;

5. < Ἀλλὰ> ταῦτα μὲν ἀφείσθω, σκέψαι δ’ ἐξῆς ἃ γράφει μὴ συγχωρῶν, ὡς ἔοικε, μηδὲ τῷ ὀνόματι χρήσασθαι τῆς φύσεως. ἔστι δ’ <ἡ> ἀρχὴ τῆς ῥήσεως ἥδε· οὐδ’ ἂν πείσειαν ἡμᾶς γε <οὔτως ὡς> ἑαυτοὺς ἐπ’ ἀληθεία ὅτι ἴσασι τί ἡ φύσις ἐστίν, ἦν ἄνω τε καὶ κάτω θρυλοῦσι τραγωδοῦντες

πανταχοῦ ἦτοι θερμὸν ἀπλοῦν ἢ κρᾶμα † κάκ μίξεως ἢ ψυχροῦ οὐσίαν καὶ πνεύματος. κᾶπειτα ἐξῆς τούτων ἐπιφέρει πολλὰ μὴ συγχωρῶν ἐγνώσθαι φύσεως οὐσίαν, ὡσπερ Ἰπποκράτους γεγραφότος ὄνομα φύσεως ἐν τῷ προκειμένῳ νῦν ἡμῖν ἀφορισμῷ, ἀλλ' οὐκ ἐν τοῖς αὐτομάτως γιγνομένοις εἰρηκότος. πόθεν ἐπεισῆλθε τὸ τῆς φύσεως ὄνομα; πόθεν δ' ἄλλοθεν ἢ ἐκ τῆς συνήθους Ἰουλιανοῦ φλυαρίας ἀφορμὴν παρεξούσης λόγων μακρῶν, οὓς ἐάν τις ἀναπτύξῃ, προδήλως φωράσει τὸν λῆρον αὐτοῦ. ἐπεὶ τοίνυν ἅπαντες ἰατροὶ τῶν κενώσεων τὰς μὲν ὑπὸ φύσεως, τὰς δ' ὑπὸ τύχης γίνεσθαι φασιν, ἐνδεικνύμενοι τὴν αἰτίαν αὐτῶν ἐνίοτε μὲν ἐξ αὐτοῦ τοῦ τῶν καμνόντων ὀρμᾶσθαι σώματος, ἔστιν ὅτε δ' ἔξωθεν, ἀφορμὴν ταύτην εἶχε τοῦ ληρῆσαί τι περὶ τοῦ τῆς φύσεως ὀνόματος. ἔστι δ' ὁ βούλεται λέγειν ἐν κεφαλαίῳ περιλαβόντι τοιόνδε· 'φυσικὰς κενώσεις οὐδὲ φθέγγεσθαι προσῆκεν, ἀγνοοῦντας ὅ τι ποτ' ἐστὶν ἡ φύσις.' ἀλλ', ὧ γενναιότατε σοφιστῶν, οὐδ' ὅτι ψυχὴν ἔχομεν ἢ αἰσθησιν ἢ νοῦν ἢ μνήμην ἢ λογισμὸν ὁ τοιοῦτος λόγος ἐπιτρέψει γινώσκειν, ὡς ἐκάστου γε καὶ τούτων δύσγνωστος ἢ οὐσία. καὶ τί θαυμαστόν; ὅπου γὰρ καὶ τὸν ἥλιον αὐτὸν ὃν ἐνεργέστατα βλέπομεν οὐκ ἴσμεν ἀκριβῶς ὁποῖός ἐστι τὴν οὐσίαν, ἢ πού γε περὶ φύσεως ἢ ψυχῆς ἢ μνήμης ἢ τινος ἑτέρου τῶν τοιούτων ἐτοίμως ἀποφανούμεθα. ἀλλ' ὡσπερ καὶ ταῦτα ὀρθῶς εἰρήκαμεν, οὕτως καί, ὅτε τὴν ἔννοιαν αὐτῶν ἐκάστου καὶ τὴν τῆς ὑπάρξεως διάγνωσιν ἔχομεν ἐναργῆ, προσθεῖναι χρὴ τῷ

λόγω. ἅπαν μὲν γὰρ φυτὸν ὑπὸ φύσεως διοικεῖται, πᾶν δὲ ζῶον ὑπὸ φύσεώς τε ἅμα καὶ ψυχῆς, εἴ γε δὴ τὴν μὲν τοῦ τρέφεσθαι τε καὶ αὐξάνεσθαι καὶ τῶν τοιούτων ἔργων αἰτίαν ὀνομάζομεν ἅπαντες ἄνθρωποι φύσιν, τὴν δὲ τῆς αἰσθήσεώς τε καὶ τῆς <ἐφ>εξῆς αὐτῇ κινήσεως ψυχὴν. ὥστ' οὐδεὶς ἡμῶν οὔτε καταψεύδεται τῶν ἔργων τῆς φύσεως οὔτ', ἐπειδὴ ταῦτα γινώσκει, καὶ τὴν οὐσίαν αὐτῆς εὐθύς οἶδε, καθάπερ οὐδὲ τὴν τοῦ ἡλίου, ἀλλ' ἀνατέλλοντα μὲν αὐτὸν ὀρῶμεν ἐναργῶς, ὥσπερ γε καὶ δυόμενον ἅπαντὰ τε μεταξὺ τόπον ἀμείβοντα τάξει <κατὰ> χρόνον ἀφωρισμένον, τὴν δ' οὐσίαν ὁποῖός τις ἐστὶν ἐπὶ σχολῇ ζητοῦμεν. εἰ μὲν οὖν ἀδύνατον ἦν γινῶναι τὰς φυσικὰς ἐκκρίσεις ὁπότε γίνονται χωρὶς τοῦ προγινῶναι τὴν οὐσίαν τῆς ἐργαζομένης αὐτὰς φύσεως, εἰκότως ἂν ὁ δείξας ἐκείνην ἄγνωστον εὐθύς αὐτῇ συνανηρήκει τὴν τούτων γινῶσιν. ἐπεὶ δ' ἐγχωρεῖ, κἂν ἐκείνην τις ἀγνοῇ, ταύτας γοῦν γινώσκειν, ἐκ περιπτοῦ φλυαρεῖ πάντα ταῦθ' ὁ θαυμασιώτατος Ἰουλιανός. ἡμεῖς γάρ, ὅταν τῷ χωρὶς φαρμάκου καθαίροντος ἔμετος ἢ συχνὴ κάτω γένηται κένωσις, εἴτε δι' ἐντέρων εἴτε καὶ διὰ μήτρας, ἅπαντα τὰ τοιαῦτα φύσει τε γεγονέναι φαμέν ἢ ὑπὸ φύσεως ἢ φυσικῶς (οὐδὲν γὰρ δι-αφέρει) μιμούμεθά τε <τὰ> φανερῶς ὠφελήσαντα τοὺς κάμνοντας. Ἰουλιανὸς δ' ἔοικεν οὐδ' ὁ πάντες ἄνθρωποι λέγουσί τε καθ' ἑκάστην ἡμέραν καὶ γινώσκουσιν, οὐδὲ τοῦτ' ἐπίστασθαι, κατὰ φύσιν μὲν ἔχειν τοὺς ὑγιαίνοντας, παρὰ φύσιν δὲ τοὺς νοσοῦντας. εἰ γὰρ οὐκ ἔξεστιν οὐδενὶ τῶν τοιούτων ὀνομάτων χρῆσθαι

μὴ πρότερον ἐπισταμένους τῆς φύσεως τὴν οὐσίαν, οὔτε τοὺς ὑγιαίνοντας ὅτι κατὰ φύσιν ἔχουσιν ἐροῦμεν οὔτε τοὺς νοσοῦντας ὅτι παρὰ φύσιν.

ἀλλὰ γὰρ εἰ βούλει καὶ τοῦτ' αὐτῷ δῶμεν ἐκ περιουσίας καὶ συγχωρήσωμεν, εἰ μὴ πρότερον εἰδείημεν ὡς ἐκ θερμοῦ καὶ ψυχροῦ καὶ ξηροῦ καὶ ὑγροῦ τὰ σώμαθ' ἡμῶν συνέστηκεν, ἀμήχανον εἶναι μιμήσασθαι τὰ καλῶς ὑπὸ φύσεως ἢ τύχης γιγνόμενα. τί οὖν κωλύει γινώσκειν ἡμᾶς ἀκριβῶς τοῦτο, μέχρις ἂν ἡμεῖς τε λέγειν ἔχωμεν ἀπόδειξιν δόγματος οἷ τ' ἄριστοι τῶν φιλοσόφων οὓς καὶ σὺ θαυμάζεις αὐτὸς ὁμολογῶσιν Ἰπποκράτει τε καὶ ἀλλήλοις, εἰ μὴ τις τὴν διαφωνίαν ἱκανὸν ἠγεῖται μαρτύριον εἶναι τῆς ἀγνοίας τοῦ δόγματος ἑξαίφνης Ἀπορητικός τις ἀντὶ Στωϊκοῦ γεγονώς. εἰ γὰρ δὴ τούτῳ πέπεισαι τῷ λόγῳ τῷ φάσκοντι μηδὲν τῶν διαπεφωνημένων πᾶσι τοῖς φιλοσόφοις εἰς γνῶσιν ἀνθρωπίνην ἀφικέσθαι δύνασθαι, τί δήποτε οὐ πολὺ πρῶτος ἀπάντων ἀπιστεῖς ταῖς καλαῖς σου κοινότησιν ἃς ἢ κατὰ τὸν οὐρανὸν οἰκοῦσα μέθοδος ἐγέννησεν; ἀλλ' ὅμως οὐδεὶς τῶν ἄλλων ἰατρῶν εἶδεν αὐτὰς ἀμυδρῶς, ἐναργῶς δέ, ὡς νομίζει, ὁ Θεσσαλός, καὶ τό γε τούτου μεῖζον, ὅ<τι καίτοι> θεασαμένου καὶ δείξαντος αὐτὰς τοῦ Θεσσαλοῦ τῷ λαμπροτάτῳ χορῷ τῶν ἀμφ' αὐτὸν ἰατρῶν ὅμως οὐδεὶς οὐδενὶ συνεφώνησεν, ἀλλ' ἄχρι δεῦρο πολεμοῦσιν ἀλλήλοις μεῖζονα πόλεμον οὗ Θεσσαλὸς ἐπολέμησε τοῖς συμφοιτηταῖς. εἴπερ οὖν ἡ διαφωνία σημεῖόν ἐστι τῆς τῶν πραγμάτων ἀγνοίας, ἀπασῶν πρώταις ἀπιστητέον

ἔστιν ταῖς Θεσσαλοῦ κοινότησιν, ὅσον καὶ πλείστη περὶ αὐτῶν ἔστι διαφωνία. τὸ μέντοι γε τοῦ σώματος ἡμῶν τὴν φύσιν ἦτοι γε ἔξ ἀέρος καὶ πυρὸς ὕδατος τε καὶ γῆς ἢ ἔξ ὑγροῦ καὶ ξηροῦ καὶ θερμοῦ καὶ ψυχροῦ συμμέτρως ἀλλήλοις κεκραμένων γεγονέναι διαπεφώνηται μὲν, ἀλλ' οὐκ εἰς τοσοῦτον, ὅσον αἱ Θεσσαλοῦ κοινότητες, εἴ γε καὶ Πλάτων καὶ Ζήνων Ἄριστοτέλης τε καὶ Θεόφραστος Εὐδημὸς τε καὶ Κλεάνθης καὶ Χρῦσιππος ἅμα πολλοῖς φιλοσόφοις, ὧν οἱ μὲν Στωϊκοὺς οἱ δὲ Περιπατητικοὺς οἱ δὲ Πλατωνικοὺς ἑαυτοὺς ὠνόμασαν, ὁμολογοῦσιν ἀμφ' αὐτά· αἱ δ' ὑπὸ Θεσσαλοῦ κοινότητες εἰρημέναι τοσοῦτου δέουσιν ἀρέσκειν τοὺς ἄλλους ἰατρούς, ὥστ' οὐδ' αὐτοῖς τούτοις ὁμολογοῦνται τοῖς ἀμεθόδοις μὲν ὄντως, ὀνόματι δὲ σεμνῶ τῷ τῆς μεθόδου καθάπερ τινὶ προβλήματι κεχρημένοις. οὔτε γὰρ Ἴπποκράτης οὔτε Διοκλῆς οὔτε Πλειστόνικος οὔτε Πραξαγόρας οὔτε Φυλότιμος οὔτε Μνησίθεος οὔτε Ἐρασίστρατος οὔτε Ἡρόφιλος οὔτε ἄλλος τις ἰατρὸς οὔτε Λογικὸς οὔτε Ἐμπειρικὸς ἠρέσθη ταῖς Θεσσαλοῦ κοινότησι. καὶ μὴν εἰ χρὴ παραβαλεῖν ἀλλήλαις τὰς διαφωνίας, οὐ μικρῶ τινι προὔχουσιν εὐρήσεις τὴν περὶ τὰς τοῦ Θεσσαλοῦ κοινότητος. τριῶν γὰρ οὐσῶν ἐν ἰατρικῇ κατὰ γένος αἰρέσεων, ὡς αὐτοὶ λέγουσιν, ὅταν οἱ τ' ἀπὸ τῆς ἐμπειρίας ὄντες οἱ τε δογματίζοντες ἀναιρῶσι τὰς Θεσσαλοῦ κοινότητος, οὐ μικρὰν τινα χρὴ νομίζειν εἶναι τὴν τοιαύτην διαφωνίαν, <ἀλλ'> ἀνυπέμβλητον τὸ μέγεθος αὐτῆς γίνεται, μήτ' αὐτοῦ τοῦ γεννήσαντος τὰς

κοινότητος Θεμίσιωνος μήτε τῶν ἀπ' αὐτοῦ μηδενός, ἀλλὰ
μηδὲ τῶν ἀμεθόδων Θεσσαλείων μηδενός φυλάξαντος
αὐτάς. οὐδεὶς γοῦν ἐστὶν ὃς οὐκ ἦτοί προσέθηκεν αὐταῖς
ἄλλας ἢ ἀφεῖλεν ἢ μετεκόσμησέ πως. καίτοι γε οὐδ' εἰ
πάντες οὗτοι συνεφώνουν ἀλλήλοις, οὐδ' οὕτω μικρά τις
ἦν ἡ διαφωνία πρὸς τοὺς ἄλλους αὐτοῖς. ὁπότε δ' ἐπ'
ἐκείνοις ἅπασιν οὐδ' αὐτοὶ συμφέρονται, μόνος ἀπολείπεται
ὁ Θεσσαλὸς ὁμόψηφον ἔχων οὐδένα πλὴν ἄχρι λόγου
τοῦτον τὸν Ἰουλιανόν. ἔργῳ μὲν γὰρ ἐδείχθη καὶ οὗτος
ἐναντιώτατα λέγων αὐτῷ, καὶ ὅστις περὶ τούτου πεισθῆναι
βούλεται, τοῖς Περι τῆς μεθοδικῆς αἰρέσεως ὑπομνήμασιν
ἡμῶν ἐντυχέτω. ἀλλὰ καίτοι μόνος ὁ Θεσσαλὸς εἰ φαίη τοῖς
ὑπὲρ ἀληθείας ἀγωνιζομένοις ἀπόδειξιν εἶναι τὸ κριτήριον
<καὶ> συμφωνίαν τῶν τοῖς ἄλλοις δοκούντων, οὐδεὶς αὐτοῦ
καταγνώσεται, εἴτα Θεσσαλοῦ μὲν οὐ προκαταγινώσκομεν,
ἅπασιν τοῖς ἄλλοις διαφωνοῦντος Ἰπποκράτους, <ᾧπερ>
πρὸς τοῖς ἀρίστοις ἰατροῖς οἱ κράτιστοι τῶν φιλοσόφων
μαρτυροῦσιν, ἀπιστήσομεν δ' ἐκ μόνης διαφωνίας; τίς ἂν
τούτων ἀνασχέσθαι δύναίτο; τίς περιμεῖναι λῆρον τοιοῦτον;
τίς οὐκ ἂν ἀλγήσειεν ἀπολλύς τὸν χρόνον εἰς ἀντιλογίαν
ἀνθρώπου μήθ' ὧν αὐτὸς εἶπε μεμνημένου μήθ' ὧν γράφει
συνιέντος, ἀλλὰ αὐτὸ δὴ τοῦτο τὸ κατὰ τὴν παροιμίαν ὃ τι
περ ἂν ἐπὶ γλῶτταν ἔλθῃ φλυαροῦντος;

6. Ἀλλὰ γὰρ ἐάσαντες ἤδη καὶ ταῦτα τῶν ἐξῆς
εἰρημένων ἀκούσωμεν αὐτῷ καὶ πρώτης γε τῆς ῥήσεως,
ἐν ἣ φησὶ τὸν προκείμενον ἀφορισμὸν ῥίζαν τε καὶ

πηγὴν ἔχειν τὸ ὅτι πλῆθος ὑγρῶν ἑτῶν νοσημάτων ἐστὶ συνεκτικὸν αἷτιον'. ἄμεινον ἴσως κἀνταῦθα παραγράψαι τὴν ῥῆσιν ὅλην αὐτοῖς ὀνόμασι. γέγραπται δ' οὕτως ὑπ' αὐτοῦ· αὐτίκα τὸ ὧδέ πως εἰρημένον (καιρὸς γὰρ ἤδη ἐπὶ τὴν ἐξ εὐθείας παρελθεῖν ἀντίρρησιν)· “ἐν τῆσι ταραχῆσι τῆς κοιλίης”, ὡς τὸ παραλειπόμενον τοῦ ἀφορισμοῦ ἅπαν ρίζαν τε καὶ πηγὴν ἔχει τὸ ὅτι πλῆθος ὑγρῶν νοσοποιεῖ τὰ σώματα κατὰ ἔννοιαν συνεκτικοῦ αἰτίου, ὅθεν ἀποδεδειγμένῳ τῷ οὐκ ἐν ὑγροῖς εἶναι αἷτια τῶν παθῶν (ψευδῆς γὰρ ἢ δόξα) συναποδέδεικται καὶ ἡ τοῦ ἀφορισμοῦ μοχθηρία, ὅτι ἀδήλω εὐρήματι ἔπονται ψεύδη. αὕτη μὲν ἢ ῥῆσις αὐτοῦ· κάλλιστον δ' ἦν, εἴπερ ἐνεχώρει γενέσθαι θεάτρον τι πληρώσαντας μὴ τοιοῦτον οἶον ὁ Θεσσαλὸς ὑποθέμενος ἐστεφάνωσεν ἑαυτὸν ἐν τοῖς ληρώδεσι βιβλίοις, ἀλλ' ὄν μεστὸν ἀνδρῶν πεπαιδευμένων, ἐρέσθαι τὸν Ἰουλιανὸν <ἐξ> ὁποίας ὀρμώμενος ἀποδεικτικῆς μεθόδου τὸν εἰρημένον ὑπ' αὐτοῦ λόγον ἀληθῆ νομίζει. γενήσεται γὰρ, εἴ τις αὐτὸν ἐρμηνεύσειεν, ὡς προσήκει, τοιόσδε· ‘τοῖς ἡγουμένοις ἐπὶ ταῖς κενώσεσιν ὠφελεῖσθαι τοὺς κάμνοντας ἀναγκαῖόν ἐστὶ συνεκτικὸν αἷτιον ὑποθέσθαι τῶν νόσων πλῆθος.’ εἰ δ' ἀληθῆς ἐστὶν ὁ λόγος οὗτος, ἡδέως ἂν ἐπει<ρώ>μην τοῦ θεάτρου πεπαιδευμένων ἀνδρῶν, ἵνα κακ τοῦ πλήθους αὐτῶν αἰσθηταί ποτε τῆς ἐμπληξίας ὁ ληρώδης Ἰουλιανός. ἐκ μὲν γὰρ αὐτῶν τῶν λεγομένων ἀδύνατον αἰσθέσθαι τοιούτῳ γε ὄντι οἶον ἑαυτὸν ἐπιδείκνυται διὰ τῶν γραμμάτων. ἀλλ' <οἷς τις> ἐν τῷ θεάτρῳ καλῶς

ἐγχειρήσει, ταῦτα καὶ νῦν ἐρῶ. ἢ τῶν Θεσσαλαείων ὄνων ἀγέλη φλεβοτομοῦσι παμπόλλους τῶν πυρεπτόντων. εἰ μὲν βλάπτεσθαι νομίζουσιν ἐκ τῆς κενώσεως αὐτούς, οὐκ ὀρθῶς φλεβοτομοῦσιν· εἰ δ' ὠφελεῖσθαι, συνεκτικὸν αἷτιον ὑποτίθενται πλῆθος, ὅπερ οὐ βούλονται. τάχ' οὖν ἂν τις ἐξ αὐτῶν εἴποι· 'καὶ τίς ἀνάγκη συνεκτικὸν αἷτιον εἶναι τὸ πλῆθος ὠφελούσης τῆς κενώσεως;' πρὸς δὲ ἀποκρίνασθαι μοι ῥᾶστον, ὡς ἀνάγκη μὲν οὐδεμία, λέγει δ' οὖν ταῦτα τῶν ἐκ τῆς ἀγέλης τῆς ὑμῶν οὐτοσί, καὶ δεῖξω τὸν Ἰουλιανὸν ἐκεῖνόν τε φήσω δίκαιον εἶναι λόγον ὑπέχειν ὧν ἐλήρησεν. οὕτω μὲν <ἂν> ἐν τῷ θεάτρῳ προσηνέχθη τις αὐτῶν. νυνὶ δὲ (οὐ γὰρ ἔχομεν θέατρον) εἰς τὰς αὐτὰς ἤκουσι λαβὰς ὀλίγου <δεῖν> πάντες, ἂν τ' ἀληθεῖς ὑπάρχωσιν ἂν τε καὶ προφανῶς ψευδεῖς.

Ἰουλιανὸς τοιγαρ<οῦν> αἰεὶ γράφει τὸ ἐπελθὸν αὐτῷ μηδεπώποτε φροντίσας ἀληθείας, ἐγὼ δὲ παρ' ὅλον ἑμαυτοῦ τὸν βίον οὐδὲν οὕτω σπουδάσας ὡς γινῶναι πρῶτον μὲν ἀποδεικτικὴν ἐπιστήμην, ἀσκηθῆναι δ' αὖθις αὐτῇ μετὰ πάσης σπουδῆς, ἔοικα κάμνειν μάτην. ὅσοι μὲν γὰρ ἀποδείξει παρακολουθοῦσι, τάχα μὲν καὶ γινώσκουσιν ὅλως μηδέπω τὸν Ἰουλιανὸν ἀφιστάμενον λήρων. ὅσοι δ' ἐκ τῆς ἀγέλης εἰσὶν αὐτοῦ, τὴν ἀρχὴν οὐδὲν μανθάνουσι τῶν λεγομένων. διὰ ταῦτα τοίνυν, ὅπερ καὶ πρόσθεν ἔλεγον, οὐ μικρὸν μοι τοῦτον <τὸν> ἄθλον οἱ φίλοι προσέταξαν, ὧν ἕνεκεν ἐπιστημονικωτέρων ἄψομαι λόγων. ἐχρῆν μὲν δήπου μὴ φθέγγεσθαι μόνον ὀνόματα τῇ διαφορᾷ τῶν

αἰτίων προσήκοντα τὸν Ἰουλιανόν, ἀλλὰ καὶ φυλάττειν αὐτῶν τὰ σημαινόμενα. νυνὶ δὲ (καὶ γὰρ τοῦθ' ἔν ἐστι τῆς ἐμπληξίας ἀπάντων τῶν Μεθοδικῶν κοινόν) ἄχρι μὲν τῆς προσηγορίας ἦκει τῶν συνεκτικῶν αἰτίων, οὐ παρακολουθεῖ δ' ὅπη διαφέρει τῶν προηγουμένων ἢ πάντως ἂν ἐγίνωσκεν <ὡς> ἢ τῶν νοσημάτων αὐξήσεις τῶν προηγουμένων αἰτίων ἔργον ἐστίν. ὁ γὰρ ὅλως ἤρξατο τῆς γενέσεως τοῦ νοσήματος, ἀνάγκη τοῦτο αὐξάνειν αὐτὸ μέχρι περ ἂν ἐνεργῇ τι παρόμοιον· εἴ γ' οὕτως τύχοι, δριμύ φάρμακον ὡς ἔλκοῦν δύνασθαι μιᾷ μὲν ὥρᾳ κατὰ τοῦ δέρματος ἐπιτεθὲν αὐτὴν μόνην ἐλκώσει τὴν καλουμένην ἐπιδερμίδα. πλείονι δὲ χρόνῳ πλησιάζον ἔργον ἀξιόλογον ἐργάσεται πρώτου μὲν τοῦ δέρματος, εἶτα καὶ τῶν ὑποκειμένων σαρκῶν. καὶ τὰ δὲ καλούμενα σηπτὰ μέχρι μὲν τῶν ὑποκειμένων ὀστέων ἐνίοτε προέρχεται, διακαίοντα τὴν ἐπικειμένην αὐτοῖς <ἄπασαν> σάρκα. τοιαύτην οὖν φύσιν ἐχόντων τῶν προηγουμένων αἰτίων οὐχ οἷόν τε τὸ γεγονὸς ἤδη πάθος ἰάσασθαι μενόντων. ὅπου γὰρ ἐδείχθη μεῖζον γιγνόμενον, οὐκ ἂν δήπου τελέως ὑγιασθεῖη, πρὶν τὸ ποιῶν ἀρθῆναι. τὰ τοίνυν προηγούμενα τῶν αἰτίων, οἷόν περ καὶ τὸ πλῆθος ἐστίν (ὑποκείσθω γὰρ πρῶτον ἐν τῷδε τῷ λόγῳ προηγούμενον), εἰ μὴ τις ἐκκόψει πρότερον, ἀδύνατον αὐτῷ τὸ ἤδη γεγονὸς πάθος ἰάσασθαι, καὶ διὰ τοῦτο <Ἀσκληπιάδης> πλῆθος ἡγεῖται προκατάρχειν νόσων ὑπὸ τε τῆς κενώσεως αὐτοῦ φησιν ὠφελεῖσθαι τοὺς κάμνοντας οὐκ εἰς τὸ λύειν ὧν ἐποίη<σεν> ἤδη παθῶν, ἀλλ' εἰς τὸ μηκέτι αὐξάνειν αὐτὰ

<καί> ἀπαιτεῖ τοῖς ἰατροῖς ἐπιτελεῖσθαι τὴν ἴασιν.

ἀλλὰ γὰρ ὑποκείσθω τὸ πλῆθος γίγνεσθαι ποτε νόσων αἷτιον συνεκτικόν, ἀναγκαῖον αὐτοῦ τῇ κενώσει παύσασθαι τὸ νόσημα. καὶ μὴν οὐδέποτε ἐστίν, ὥς φησιν Ἀσκληπιάδης, συνεκτικόν. ἀποχωρήσαντας γὰρ ἐνταῦθα τοῦ ληρώδους Ἰουλιανοῦ βέλτιον Ἀσκληπιάδην διαλεχθῆναι κἂν εἰ μηδὲν ἄλλο νομίμῳ γοῦν ὑπάρχοντι σοφιστῇ. λόγους γὰρ εἶωθεν ἐρωτᾶν πιθανωτάτους ὁ ἀνὴρ οὗτος οὐκ ἀκόμψως πεπανουργεμένους, ὅπερ ἦν ἔργον οἶμαι σοφιστοῦ. τοιοῦτος δὲ δὴ τίς ἐστὶ καὶ ὃν ἐφεξῆς ἔγραψεν Ἰουλιανὸς οὐ μὰ τὸν Δία τῆς δυνάμεως αἰσθανόμενος αὐτοῦ (πάντας γὰρ ἂν ἐγεγράφει τοὺς τοιούτους), ἀλλ' ἀπομνημονεύσας εἰρημένων ὑπ' Ἀσκληπιάδου, ὥς, εἴ γε τῶν ἰδίων Ἰουλιανοῦ λόγων ἦν, ὁμοίως ἂν ἐφαίνετο τοῖς ἔμπροσθεν ληρώδης. ὁ τοίνυν Ἀσκληπιάδης φησίν, ὥς, εἴπερ ἦν συνεκτικόν αἷτιον τὸ πλῆθος τῶν παθῶν, ἐπὶ δαψιλέσι κενώσεσιν ἐνίστε κατὰ τὴν ἀρχὴν τῆς νόσου γενομέναις εὐθύς <ἂν> ἀπάντων ὀχληρῶν ὁ κάμνων ἀπηλλάττετο· νυνὶ δὲ φαίνεσθαι πολλάκις ἀὔξανομένας τὰς νόσους ἤδη τοῦ πλήθους καθηρημένου. οὗτος ὁ λόγος ἰκανῶς πιθανός ἐστὶ καὶ διὰ τοῦτο δεῖται λύσεως ἰδίας, οὐ μὴν ἄπτεται τῶν κατὰ τὸν ἀφορισμὸν Ἰπποκράτους εἰρημένων. οὐ γὰρ ἐκ δόγματος ἐκεῖνα τὴν πίστιν ἔσχηκεν, ἀλλ' ἐκ λογισμοῦ κοινοῦ πάντων ἀνθρώπων, ᾧ καὶ τοὺς Ἐμπειρικοὺς ἔφην χρῆσθαι. διὸ καὶ λύωμεν αὐτὸν τὸν Ἀσκληπιάδου λόγον οὐχ ὡς προσήκοντα

τοῖς κατὰ τὸν ἀφορισμὸν εἰρημένους, ἀλλ' ἐπειδὴ βέλτιον εἶναι δοκεῖ τῶν Ἰουλιανοῦ λήρων ἀνεσχημένους ἄχρι δεῦρο γυμνάσασθαι ποτε διαλεκτικώτερον ἀνθρώπῳ προσπαλαίσαντας ὄντι σοφιστῆ. ὅταν οὖν ὀνομάζη πλῆθος ὁ Ἀσκληπιάδης, ἐρωτητέον αὐτὸν ὀπότερόν φησιν, ἄρα γε τὸ πρὸς τὴν δύναμιν εἶτε τὸ πρὸς τὴν χώραν τῶν ἀγγείων, ὃ δὴ καὶ κατὰ τὸ ἔγχυμα καλεῖν εἰσιν εἰθισμένοι, καὶ πότερον τὸ καθ' ὅλον τὸ σῶμα γιγνόμενον ἢ κἂν ἐν μέρει τινὶ συνίσταται. τὸ μὲν οὖν ὡς πρὸς τὴν δύναμιν οὐδ' εἰπεῖν αὐτῷ δυνατὸν ἀνηρηκότι τὰς δυνάμεις σχεδὸν ἀπάσας αἷς διοικεῖται τὸ ζῶον. τὸ δ' ὡς πρὸς τὴν χώραν τῶν ἀγγείων ἔστι μὲν δήπου καὶ τοῦτο διττὸν ἦτοι τῷ κατὰ φύσιν μέτρῳ παραβαλλόμενον ἢ ψιλῷ καὶ μόνῳ τῷ μὴ στέγεσθαι. δύναται δὲ ἐκάτερον αὐτῶν ἦτοι καθ' ὅλον ὑπάρχειν τὸ ζῶον ἢ καθ' ἓν τι μόριον ἢ πλειῶ. καὶ δέδεικται πρὸς ἡμῶν ἓν τε τοῖς ὑπομνήμασιν ἐν οἷς τὰς Αἰτίας τῶν συμπτωμάτων διερχόμεθα κἂν τῷ <Περὶ> τῶν παρὰ φύσιν ὄγκων ὃ τε σπασμὸς ἐνίοτε καὶ ὁ τρόμος ἢ τε φλεγμονὴ διὰ παντὸς ἐρυσίπελάς τε καὶ τὸ καλούμενον ὑπὸ τῶν νεωτέρων ἰατρῶν οἴδημα καὶ πρὸς τούτοις ἕτερα ἅτινα πάθη πληθωρικὴν ὑπόθεσιν ἔχοντα καί, εἴ τις κενώσει τὸ πλῆθος, αὐτίκα τὸ μόριον εἰς τὸ κατὰ φύσιν ἐπανερχόμενον. εἴρηται δὲ καὶ Περὶ τῶν συνεκτικῶν αἰτίων ἐτέρωθι δεικνύντων ἡμῶν ὅτι τε τοῦνομα καὶ τὸ πρᾶγμα αὐτὸ καθ' οὗ τοῦνομα τῆς Στωϊκῆς αἰρέσεώς ἐστι καὶ ὡς οὐκ ὀρθῶς οὐθ' ὑπειλήφασιν οὗτ' ὀνομάζουσιν οἱ νεώτεροι τῶν ἰατρῶν ἅπαν τοῦτο τὸ γένος, καίτοι γε καὶ ἡμεῖς ἐπόμενοι

πολλάκις αὐτοῖς, ὅπως μὴ δόξωμεν ἐρίζειν ὑπὲρ ὀνόματος, ἕνια τῶν αἰτίων οὕτω καλεῖσθαι συγχωροῦμεν, οὐ μὰ Δί', ὅσα τῶν ἀπλῶς ὄντων ἐστίν, ἀλλὰ τῶν ἐν τῷ γίγνεσθαι τὸ εἶναι κεκτημένων. ἐν τούτῳ μὲν ἡ λύσις τοῦ σοφίσματος, ἅπαντα δὲ μεταφέρειν ἐνταῦθα τῆς Ἰουλιανοῦ φλυαρίας ἔργον οὐχ ἡμέτερον.

ἀλλ' ἐφ' ἕτερόν τι τῶν προβεβλημένων ἴωμεν ὃ κοινῆ πρὸς ἅπαντ' ἐστὶ τῶν ἐν ὑγροῖς αἰτίων <ῶν> τὸ γένος ὑπάρχει διπτόν, ἐν πλήθει μὲν τὸ ἕτερον, ἐν διαφθορᾷ δὲ τὸ ἕτερον. ἀλλ' ἀμφοῖν γε ῥαδίαν ἔσεσθαι φασι τὴν ἴασιν, ἐν ἀκαρεῖ χρόνῳ δυναμένων ἡμῶν καὶ τοῦ πλεονάζοντος ἀποχέαι τὸ περιπτόν καὶ τὸ διεφθαρμένον ὅλον ἐκκενῶσαι, ὥστ' οὐδέποτε χρονίσειν νόσημα. τοῦτον οὖν τὸν λόγον οὕτως ὄντα σαφῆ τε ἅμα καὶ σύντομον ἀσαφῶς καὶ μακρῶς ὁ Ἰουλιανὸς ἔγραψε κατὰ τήνδε τὴν ῥῆσιν· αὐτίκα <ἔοικεν> ἐν τῷ ἀφορισμῷ λῆμμα συνηρπάσθαι οὐκ ἀποδεδειγμένον τὸ ὅτι ὑγροῦ πλῆθος νοσοποιεῖ ἢ μεταβολὴ πρὸς τὸ οὐκ οἰκεῖον τῆς ἰδίας ποιότητος, <ἢ τὸ> ὄνομα ἰατρῶν παῖδες ἔθεντο κατὰ τοῦ ὅλου εἶδους διαφθοράν, ὥστε τοῦ νοσοποιοῦ ἀποκρινομένου ὠφέλειαν ἔσεσθαι φαντάζεται σφόδρα ἰταμῶς πρὸς γε τὴν ἀπὸ τοῦ ἀμάχου φαινομένην κρίσιν. <ἀλλὰ τὸ> ὑγροῦ τινος ἐν τῷ σώματι πλῆθος τῆς νόσου τὸ αἷτιον εἶναι νομίζειν ἢ οὐ πλῆθος μὲν, τροπὴν δὲ ἀδιανόητόν τε καὶ πρὸς τὴν ἀλήθειαν ἀσύμφωνον τότε τυγχάνει ὄν. καὶ γὰρ <ἦν> τὰ πάθη εὖλυτα πάντα καὶ οὐκ ἂν ἦν τι χρόνιον ἢ τε θεραπεία

πάσα μονοειδῆς οὐδ' ἦντινοῦν δυσχέρειαν ἐργώδη ἔχουσα. ἀπλοῦν γὰρ ἦν ἐκ παρακειμένου κενῶσαι τὸ νοσοποιοῦν καὶ αὐτίκα ἐν ἀρχῇ καὶ κατὰ τὴν πρώτην ὑπόστασιν λύειν τὸ πάθος, ὥσθ' ἐνὸς μόνου δεῖσθαι κενωτικοῦ βοηθήματος καὶ τοῦτο παρὰ πάντα καιρὸν ἐνεστῶτα πεσόντα ὀρίζειν καὶ αἷματος μένοντος μόνη ἀρκεῖσθαι φλεβοτομία, φλέγματος δὲ φλεγμαγωγῶ, χολῆς δὲ χολαγωγῶ.

7. Αὕτη μὲν ἡ τοῦ Ἰουλιανοῦ ῥῆσις. ἔστι δ', ὡς ἔφην, ὁ κατ' αὐτὴν λόγος τοιόσδε· “εἴπερ ἐν ὑγροῖς εἴη τὰ τῶν νόσων αἷτια, δυνατὸν ἐστὶν ἡμῖν ἐν τάχει κενουῖσιν αὐτὰ μηδενὶ νοσήματι χρονίζειν ἐπιτρέπειν. ἀλλὰ μὴν χρονίζει γε πολλά, κἂν κατὰ τὴν ἀρχὴν αὐτῶν ἱκανῶς ἐκκενώσωμεν τὸ σῶμα. οὐκ ἄρα ἐστὶν ἐν ὑγροῖς τὰ αἷτια.” ἀλλ' ὁ γε λόγος οὗτος, εἰ μὲν περὶ τοῦ πρὸς τὴν χώραν τῶν ἀγγείων ἐν ὄλω τῷ σώματι συνισταμένου πλήθους ἐστίν, ἀληθῆς ὑπάρχει (βουληθέντες γὰρ εὐθέως ἐν ἀρχῇ τῆς νόσου κενῶσαι τὸ περιττὸν ἐκκρίνομεν ἅπασαν πληθωρικὴν διάθεσιν). εἰ δὲ περὶ τοῦ κατὰ τι μόριον, ἐν ᾧ καὶ πλείω γιγνόμενα, ψευδής. ἐπιδέδεικται γὰρ ἡμῖν ἐκεῖνο τὸ πλῆθος οὐκ ἀεὶ κενουῖσθαι ταχέως δυνάμενον. οὕτω δὴ καὶ περὶ τῆς διαφθορᾶς ὁ λόγος ἐρωτώμενος [εἰ] πρόχειρον ἔχει τὴν λύσιν. οὐ γὰρ οἷόν τε ταχέως αὐτὴν ἐκκενώσαι, καθάπερ ἐξ ἀσκοῦ τινος ἢ πίθου. κἂν <εἰ> ἐκ τούτων ὄλων ἐκκενώσασαιμεν πῆποτε τὸ μοχθηρὸν ὑγρὸν, οὐκ εὐθέως ἀντεγγέομεν ἕτερον χρηστόν, ἀλλὰ διανίψαντές τε καὶ πλύναντες ἀκριβῶς τὸ ἀγγεῖον. ἄρ' οὖν οὕτω δυνατὸν ἐν ἀνθρώπου σώματι

κενω̄σαι μὲν τὸ διεφθαρμένον αἷμα, χρηστὸν δὲ ἀντεγγεῖν
παραχρῆμα τοῖς ἐκείνου μορίοις [ἄξιον τοῦτο]; πῶς οὖν
ἐν τάχει φασὶ δύνασθαι κενωθῆναι τὴν διαφθοράν; οὕτως
ὡς καὶ τᾶλλα πάντα λέγουσιν εὐχερῶς οὐδενὶ προσέχοντες
τὸν νοῦν οὐδὲ μετὰ περισκέψεως ἀκριβεστέρας ὄλον
ἀθροῦντες τὸ πρᾶγμα. καὶ μὴν καὶ χολῆς περιεχομένης ἐν
τῷ σώματι πολλῆς ἄνευ μὲν πυρετοῦ ῥᾶδιον ἐκκενω̄σαι
πολλάκις. εἰ δ' ἀλῶναι φθάσειεν ὁ ἄνθρωπος ὄξει πυρετῷ,
χαλεπώτατον. οὐ γὰρ οὐδ' ἐγχωρεῖ χρῆσθαι καθαίρουσι
φαρμάκοις ἀκινδύνως. ὁμοίως δὲ καὶ περὶ φλέγματος
ἔχει καὶ τῶν ὀρρωδῶν περιπτωμάτων. εἴρηται δὲ καὶ
περὶ τούτων ἀπάντων ἐν ἄλλαις πραγματείαις καὶ χρῆ
τὸν βουλόμενον ἀκριβῶς τι γινῶναι περὶ αὐτῶν ἐκεῖθεν
ἐκμανθάνειν. ὅτι μὲν οὖν ἡ φλεγμονὴ πληθωρικόν τι νόσημά
ἐστίν, οὐκ ἐν αὐτοῖς μόνοις τοῖς ἀγγείοις στεγομένου
τοῦ πλήθους, ἀλλὰ καὶ τὰς ἐν τοῖς μυσὶ χώρας κενὰς
ἀπάσας καταλαμβάνοντος, ἔξ ἐκείνου μάλιστα μαθήση τοῦ
γράμματος ἐν ᾧ Περὶ τῶν παρὰ φύσιν ὄγκων ὁ λόγος
ἐστὶ μοι, ὅτι δ' οὐχ οἷόν τε φλεγμονὴν ἅπασαν ἰάσασθαι
ταχέως ἐν τοῖς Θεραπευτικῆς μεθόδου γράμμασιν εἴρηται
κατ' ἐκεῖνα μάλιστα τὰ βιβλία δι' ὧν ἡ μέθοδος δέικνυται
τῆς περὶ τῶν παρὰ φύσιν ὄγκων ἰάσεως. ἐνίστε γὰρ οὕτως
ἰσχυρῶς καὶ δυσλύτως ἐμπλάττονται ταῖς σαρκὶ γλίσχροι
καὶ παχεῖς χυμοί, ὥστε κίνδυνον εἶναι χροניζόντων αὐτῶν
ἀκολουθήσειν σκίρρον. ἀλλ' οἱ μηδὲν τούτων εἰδότες ἔξ ὧν
ἀγνοοῦσι τὰ τῆς τέχνης ἐπίκαιρα <τολμῶσι> κατηγορεῖν

Ἰπποκράτους. καίτοι γε ἀντιστρέψας ἂν τις, εἰ μὲν ἦτοι ψυχθείη <τι> τῶν στερεῶν σωμάτων ἢ θερμανθείη, ῥαδίαν ἔσσεσθαι φησι τὴν εἰς τὸ κατὰ φύσιν ἐπάνοδον αὐτῷ, καθάπερ γε καὶ εἰ πυκνωθείη ποτὲ ἢ μανώτερον γεννηθείη. τό τε γὰρ ψυχθὲν θερμῆναι καὶ τὸ θερμανθὲν ψύξαι καὶ τό τε πυκνωθὲν ἀραιῶσαι καὶ τὸ μανωθὲν πυκνῶσαι χαλεπὸν οὐδέν, ἐμπεπλασμένον δὲ χυμὸν ἦτοι γλίσχρον ἢ παχὺν ἐν σαρκώδεσι μορίοις ἐκκενῶσαι χαλεπώτατον. ὅπου γὰρ δὴ καὶ τὸν ἐκ τούτων τῶν ἀγγείων τῶν ἀραιῶν ἐκκαθῆραι ῥύπον οὐκ εὐπετές, ἢ πού γ' ἐκ τῶν σαρκοειδῶν ἔτοιμον. ὥστε πάνυ μοχθηρὸς ὁ λόγος ὁ τὰς ἐν ὑγροῖς αἰτίας εὐιατοτέρας εἶναι φάσκων ἀεὶ τῶν ἐν τοῖς στερεοῖς. εἰ μὲν γὰρ ἀπλῶς πλῆθος εἶη, καθ' ὅλην τοῦ ζώου τὴν ἕξιν ἐν τοῖς ἀγγείοις περιεχόμενον, ὅπερ ἰδίως ὀνομάζουσι πλῆθος, ἔτοιμόν τε παραχρῆμα κενῶσαι τοῦτο καὶ τῶν συμπτωμάτων ὁ κάμνων ἀπαλλαγῆσεται τῶν δι' αὐτοῦ. κακοχυμίας δέ τινος ἢ διαφθορᾶς ὑπαρχούσης ἀδύνατόν ἐστι διὰ κενώσεως ἀθρόας ἰάσασθαι τὸν ἄνθρωπον. καὶ μέντοι καὶ φαίνεται ταῦθ' οὕτως γιγνόμενα, πολλοὶ μὲν γὰρ βαρυνόμενοί τε τὸ σῶμα καὶ τάσεως αἰσθανόμενοι παραχρῆμα τῶν συμπτωμάτων ἀπηλλάγησαν ἐπὶ ταῖς φλεβοτομίαις, ἔνιοι δὲ μῆνα ὅλον ὑπὸ διαφθορᾶς ὀχλούμενοι διετέλεσαν, μήτ' ἀθρόως ἐκκενῶσαι τὸ μοχθηρὸν αἷμα δυναμένων ἡμῶν μήθ' ἕτερον ἀντεγχεῖαι χρηστόν. ἐκ μὲν γὰρ τῶν σίτων δῆπου καλῶς κατεργασθέντων ἐν τῷ τοῦ ζώου σώματι τὸ χρηστόν αἷμα γεννᾶσθαι πέφυκεν. ἐν αὐτῷ

δὲ τῷ προσφέρεσθαι τροφᾶς ἐπιτηδεῖους κίνδυνός ἐστι
τῷ προϋπάρχοντι μοχθηρῷ συνδιαφθαρῆναι τὸ χρηστόν,
ὄθεν οὐδὲ πᾶσαν οἷόν τε διαφθορὰν ἰάσασθαι, ἀλλ' ἐκείνην
μόνην ἐφ' ἧς ἰσχυρὸν μὲν ἔτι τὸ σῶμά ἐστιν, ἢ δύναμις δ'
εὖρωστος. οὐ μὴν ἰῶδες ἐγένετο τὸ αἷμα παντάπασιν οὐδ'
οἷον συνδιαφθεῖραι τὴν ἐπιρρέουσαν τροφήν, ἀλλ' αὐτὸ
μᾶλλον ὑπ' ἐκείνης ἐπικρα<τη>θῆναι. οὐ μὴν οὐδὲ ὅταν τὸ
πρὸς τὴν δύναμιν πλῆθος συστήῃ, δυνατὸν ἰάσασθαι ταχέως
αὐτὸ συγκαταλυομένης ἐνίοτε τῇ κενώσει τῆς δυνάμεως.
εἴρηται δὲ ἡμῖν καὶ περὶ τῆς τοιαύτης διαθέσεως ἐν τῇ
τῆς Θεραπευτικῆς μεθόδου πραγματείᾳ. ὀλιγάκις οὖν ἐπὶ
τῇ κενώσει τὸν ἄνθρωπον δείξεις ὑγιαίνοντα παραχρῆμα.
γενήσεται μέντοι ποτὲ τοῦτο, καθάπερ καὶ φαίνεται καὶ
δείκνυσιν ἐναργῶς ἢ πεῖρα τοῦ λόγου τὴν ἀλήθειαν. ἔνιοι
γὰρ ἐπὶ ταῖς κενώσεσιν αὐτίκα πάντων ἀπαλλάττονται
τῶν ὀχληρῶν, ἀλλ' οὔτ' ἴσασι τὰς διαθέσεις αὐτῶν οἱ
ἰατροὶ πάντες, οὔτ' εἰ γινώσκουσιν, εὐθέως διαγινώσκειν
δύνανται. οὔτοι τοίνυν οἱ μάλιστα ληροῦντες, ὧν, εἰ χρὴ
τάληθές εἰπεῖν, ὁ κορυφαῖός ἐστιν Ἰουλιανός, ἀνομίλητος
μὲν ἀεὶ διατελέσας τοῖς ἔργοις τῆς τέχνης, ἐξ ὧν δ'
αὐτὸς ἔγραψε <γνωρίζεται θρασυνό>μενος, ἀλλ' ἡμεῖς
γε δι' αὐτῶν τῶν ἔργων τῆς τέχνης πολλάκις ἐδείξαμεν
ἐπὶ τῇ κενώσει τοῦ πλῆθους ἐκάτερου παραχρῆμα τοὺς
ἀνθρώπους ὑγιασθέντας. ἐκάτερον δὲ λέγω τό θ' ὡς πρὸς
τὴν χώραν τῶν ἀγγείων ὃ δὴ καὶ πληθῶραν ὀνομάζουσι
τό τε πρὸς τὴν δύναμιν, ὅταν μὴ συγκαταλύηται τῇ

κενώσει. ταῦτα μὲν οὖν, ὅταν ἄρξηται τ<ις ἀκρι>βῶς ἐπισκέπτεσθαι τοὺς ἀρρώστους, ἅμα τοῖς ἐπισταμένοις ἰάσασθαι μαθήσεται.

8. Τὰ δ' ἐξῆς ἴδωμεν ἐν οἷς τὸν Ἄσκληπιάδου λόγον ὁ Ἰουλιανὸς μεταχειρίζεται, τοῦτον δὴ τὸν πολυθρύλητον, ὡς οὐχ ἔλκει τὸν οἰκεῖον χυμὸν ἕκαστον τῶν καθαιρόντων φαρμάκων, ἀλλ' αὐτὸν γεννᾷ. λέλεκται δέ μοι περὶ τούτου βραχέα μὲν τινα κατὰ τῆς τελευτῆς τοῦ Περί τῶν καθ' Ἱπποκράτην στοιχείων, ὡσπερ καὶ τῷ πρώτῳ τῶν Φυσικῶν δυνάμεων, ὕστερον δὲ τῶν ἐταίρων ἀξιωσάντων καὶ δι' ἐνὸς ὅλου γράμματος <ὁ> Περί τῆς τῶν καθαιρόντων φαρμάκων δυνάμεως ἐπιγέγραπται. τὸν μὲν ὅλον λόγον ὁ βουλούμενος ἐξ ἐκείνων μανθανέτω, τοῖς δ' ὑπὸ Θεσσαλοῦ γεγραμμένοις ἐνταῦθα ἀπαντήσω προσγράψας αὐτὰ κατὰ λέξιν. ἀθλητὴν γὰρ λαμβάνοντες εὐέκτην ὃν βούλονται κατὰ φύσιν ἔχοντα χρηστῆς τούτῳ τῆς ὕλης ἐν τῷ σώματι ὑποκειμένης καὶ ἀτρέπτου καθαρτικὸν διδῶμεν καὶ δεικνύωμεν τὰ ἀποκρινόμενα σφόδρα διεφθορότα. εἴτ' ἐπιλογιζόμεθα μηδενὸς ἐνίστασθαι δυναμένου πρὸς τὸ λεγόμενον ἐναντιωτικῶς, ὡς δὴ ἂ νῦν ἐκκρίνεται δριμύτατά τε καὶ διεφθαρμένα πρὸ μὲν τοῦ καθαρτικοῦ οὐχ ὑπόκειται τοιάδε τῷ ἀθλητῇ, εὐέκτης γὰρ ἐτύγχανεν ὢν. λείπεται οὖν μηδὲν ἄλλο ἡμᾶς δύνασθαι λέγειν ἢ τόδε, ὅτι ὑπὸ τοῦ φαρμάκου ἀμφότερα γίνεται, πρῶτον μὲν τὸ τὴν ὕλην μεταβάλλειν εἰς διαφθοράν, δεύτερον δὲ καὶ <τὸ> ἀποκρίνεσθαι, εἴτε δι' ἐμέτων εἴη εἴτε διὰ γαστροῦ. αὕτη μὲν

ἡ τοῦ Θεσσαλοῦ ῥῆσις· ἀκούσατε δὲ ἐν μέρει πρὸς ἡμῶν ὡς τὸ καθαίρεσθαι πάντας χυμοὺς τὸν εὐέκτην οὐ μᾶλλον τι τοῦ γεννᾶσθαι νῦν ἐστὶ δηλωτικὸν ἢ τοῦ περιέχεσθαι πρόσθεν. μάτην οὖν εἴρηκε μηδ' ἑτέραν γε τῶν αἰρέσεων <λείπεσθαι>, μήτ' ἀνατρέπων ἕξ ἀνάγκης μήτε κατασκευάζων. *** εἰ δὲ καὶ τῶν ὑπαγόντων τι τὴν γαστέρα διδοῖεν, ἀλλ' οὐ φαρμακῶδες γε τοῦτ' ἐστὶν αὐτοῖς οὐδ', ὥσπερ ὁ ἀναίσχυντος Θερσίτης λέγει, δίδομεν καὶ δείκνυμεν, μήτε δοὺς αὐτὸς ἢ δείξας πώποτε, μήτ' ἄλλου δόντος ἢ δείξαντος θεασάμενος. οὐ μὴν ἡμεῖς γε τοιοῦτοι τολμῶντες λέγειν ἢ γράφειν ἂ μὴ πράττομεν, ἀλλὰ τοῖς ἔργοις αὐτοῖς πρότερον ἀποδεικνύντες τάληθές τῆνικαῦτα τὴν ἀμφ' αὐτὰ τέχνην ἐξηγούμεθα, ἅπερ ἔστιν ἀκούσαι τῶν ἐκ τῆς ἀγέλης τοῦ Θεσσαλοῦ, πόσους μὲν ὑδερικοὺς ὑδραγωγῶ φαρμάκῳ καθήρας αὐτίκα τὴν γαστέρα προσεσταλμένην ἀπέφηνα, πόσους <δ'> ἰκτεριῶντας χολαγωγῶ παραχρῆμα τὸν ἰκτερον ἰασάμην. ἀλλ' οὐδὲ τούτων οὐδὲν οὐδ' ἄλλο τι τοιοῦτον Ἰουλιανὸς ἐθεάσα-το. <ῥωμα>λέφ τῶν ἀθλητῶν, φησί, δίδωμι καθαρτικὸν καὶ δείκνυμι. ἀκόλουθον μὲν γὰρ δηλαδή τῷ τσαύτης ἐμπληξίας μεστῶ καθαίρειν μὲν τοὺς εὐχύμους ἀθλητάς, μὴ καθαίρειν δὲ μήθ' ὑδεριῶντας μήτε ἰκτεριῶντας μήτε μελαγχολῶντας μήτε τὸν καλούμενον ἐλέφαντα νοσοῦντα μήτε καρκίνῳ κάμνοντα μήθ' ὑπὸ φαγεδαίνης ἢ ἐρυσσιπέλατος ἐνοχλούμενον ἢ τινος ἄλλου κακοχύμου νοσήματος. ἄλις ἤδη μοι καὶ τούτων αὐτοῦ τῶν λήρων. εἰ γὰρ ἅπαντα λέγειν ὧν ἀκούειν ἐστὶν

ἄξιον Ἰουλιανὸν ἐπιχειρήσειέ τις, οὐ μᾶς ἢ δυοῖν, ἀλλὰ παμπόλλων αὐτῷ χρεῖα βιβλίων ἐστίν.

ἀκούσωμεν οὖν αὐτοῦ τι τῶν ἐφεξῆς ὠδίπως γράφοντος· ἄλλο δὴ φημι ἰσχυρότατον ὃ μᾶλλον ὁρῶντας σωφρονίζεσθαι ἐχρῆν καὶ μὴ πάντα τῆς μελαίνης χολῆς ἄγειν· ὅταν δὴ χολῆς ὑπεῖναι δοξαζομένης φλεγμαγωγὸν διδῶμεν, καὶ χολὴ μὲν ἀποκρίνεται, φλέγμα δὲ <οὐκ>, ἢ φλέγματος ὑπονοουμένου φλεγμαγωγόν, καὶ φλέγμα μὲν οὐκ ἀποκρίνεται, χολὴ δὲ ἐπ' ἀμφοῖν· ὑδραγωγὸν διδῶμεν, καὶ τότε οὐδὲ ὕδωρ φανήσεται τὸ φερόμενον, πάντων μάλιστα παραδοξότατον, ὑδρωπικοῖς σαφῶς ὕδατος παρακειμένου, <εἰκότως δ'> ἀπόκρισις γένοιτ' ἂν χολῆ μὲν διὰ χολαγωγοῦ, φλέγματι δὲ διὰ φλεγμαγωγοῦ· αὕτη μὲν ἢ ῥῆσις. ἄξιον δ' αὐτῆς ἄγασθαι πρῶτον μὲν τὸ κατὰ τὴν ἀρχὴν εἰρημένον ὡς ἐχρῆν μὴ πάντα τῆς μελαίνης χολῆς ἄγειν. μελαγχολῶντας γὰρ ἡμᾶς δηλονότι λέγει τοὺς ἐπαινοῦντας Ἴπποκράτην. ἀλλ' οὗτός γε ὁ χαριεντισμὸς ἑτέροις μᾶλλον ἔπρεπεν, ὅσοι δογματίζουσιν ὑπὸ μελαίνης χολῆς ἐνοχλεῖσθαι τοὺς μελαγχολῶντας. Ἰουλιανὸς δὲ ὁμοιότατός ἐστι τῷ κατὰ τὸν Αἰσώπου λόγον ὄνω, ὃς θεασάμενος ἐν τῶν Μελιταίων κυνίδιον ἀριστῶντι τῷ δεσπότη συγκατακείμενον ἀλλόμενόν τε περὶ αὐτὸν καὶ σκιρτῶν καὶ σεῖον τὴν οὐρὰν καὶ τι καὶ φώνημα τερπνὸν ὑποφθεγγόμενον, ἐφ' οἷς ἡδοντό τε καὶ κατεφίλουν αὐτὸ πάντες οἱ σύνδειπνοι, μηδὲν μελλήσας, ἀλλ' εὐθύς ἀναπηδήσας ἐπὶ τὴν κλίνην ὠγκᾶτό τε καὶ κατ' αὐτὴν

ἤλλετο σείων τὴν οὐράν. ἀλλὰ τούτῳ γε παραπλήσιος ὢν Ἰουλιανὸς ἐπισκώπτει χαριεντιζόμενος εἰς μελαγχολίαν ἡμᾶς, ἦν αὐτὸς [ὥς] φησιν ὑπὸ μελαίνης γίνεσθαι χολῆς. κατάλιπε τοίνυν ἡμᾶς ἐπὶ σοι λέγειν τὴν μέλαιναν, ὡς οὐδὲ τῶν παιδαρίων τῶν ἰατρικῶν ἀμείνων ὑπάρχων τὴν τέχνην ἐπιτιμᾶς Ἰπποκράτει. τίς ταύτης μείζων μελαγχολία; τίς ἀπαιδευσία φανερωτέρα; τίς τόλμα προπετεστέρα; καθ' ἡμῶν, Ἰουλιανέ, χαριεντίζη τοιαῦτα καὶ συνάπτεις <αὐτὰ> λόγοις ἀμαθέσιν, ὡς ἂν μηδὲ παῖδα λαθεῖν αὐτῶν τὴν ἀτοπίαν. Ἰπποκράτους γὰρ εἰρηκότος οὐθ' ἡλικίαν οὐθ' ὄραν ἔτους οὐθ' ὄλως οὐδένα καιρὸν εὕρεθῆναι δύνασθαι, καθ' ὃν ἀπόλλυταί τις ἐκ τοῦ σώματος ἡμῶν χυμὸς ὃν αὐτὸς ἀεὶ φησιν ὑπάρχειν, αἵματος δηλονότι καὶ φλέγματος καὶ χολῶν διπτῶν (ἅπαντας μὲν γὰρ εἶναι διὰ παντός, αὐξάνεσθαι δ' ἄλλον ἐν ἄλλῃ κράσει καὶ φύσει σώματος ἡλικία τε καὶ ὥρα καὶ χώρα καὶ νοσήματι), νομίζεις καταβάλλεσθαι τὸν λόγον, εἰ τῷ χολῶντι φλέγματος ἀγωγοῦ δοθέντος φαρμάκου τουτὶ μὲν <μῆ> κενούμενον φαίνοιτο, χολὴ δὲ [οὐ] κενοῦται. *** φέρε τοίνυν ἡμῖν τοῦτο φαίνεται γιγνόμενον, μηδ' ἐκκενοῦν τὸ φάρμακον ἀεὶ τὸν οἰκεῖον ἑαυτῷ χυμόν. ἄρ' οὐκ ἐναργῶς δοκεῖ ψευδὲς εἶναι τὸ Ἰπποκράτους δόγμα; εἰ γὰρ ὁμοτίμους μὲν ἅπαντας ἔλκει τοὺς χυμοὺς ἕκαστον τῶν καθαιρόντων, ἀλλοιοῦν δ' εἰς μίαν ἰδέαν αὐτοὺς [ἦν] πέφυκεν, οὐδὲν διοίσει τοῦ φλεβοτομεῖν τὸ καθαίρειν. ἀλλ' εἴπερ οὕτως τοῦτ' ἔχει, ῥᾶστον ἤδη τῇ πείρᾳ κρῖναι τὸ δόγμα καὶ δυοῖν ἀνθρώπων ἀσκήτην

ὔδερων ἐχόντων ἴσον τὸ μέγεθος, ἐπὶ τῇ τοῦ σώματος ἕξει τε καὶ ἡλικία παραπλησίως διακειμένων τῷ μὲν ἑτέρῳ δοῦναι τῶν ὑδραγωγῶν τι φάρμακον, τοῦ δ' ἑτέρου τεμεῖν τὴν φλέβα κᾶπειτα θεάσασθαι τίς μὲν ἐξ αὐτῶν ὠφελεῖται, τίς δὲ βλάπτεται. δίκαιον μὲν οὖν ἦν ἴσον ἑκατέρῳ ποιήσασθαι τὸ πλῆθος τῆς κενώσεως, τοσαύτας κοτύλας ἐκχέοντας τοῦ αἵματος ὅσας τοῦ κενωθέντος, ὡς οὔτοι νομίζουσιν, ὔδατος ὑπὸ τοῦ καθαρτικοῦ φαρμάκου. ἀλλὰ κἂν τοῦτο συγχωρήσωμεν αὐτοῖς καὶ τοῦ μὲν ἑτέρου διὰ τῆς καθάρσεως κενώσωμεν κοτύλας ὔδα-τος εἰ τύχοι ιε', τοῦ δ' ἑτέρου διὰ τῆς φλεβοτομίας δύο μόνως, ἐπίδωμεν ὅστις μὲν αὐτῶν ἐσφάγη (τί γὰρ ἂν ἄλλο τις εἴποι περὶ τοῦ φλεβοτομηθέντος ὑδεριῶντος;), ὅστις δ' ὤνητο τὰ μέγιστα. τί λέγομεν, ὦ οὔτος; ἄρα ἴσος ἢ παραπλήσιος ὁ νῦν εἰρημένος ἔλεγχος ᾧ σὺ μικρὸν ἔμπροσθεν ἐνεχείρησας; καθαρτικὸν χολῆς, φησί, διδόσθω τινὶ τῶν ὑδεριῶντων, κενώσει μὲν, ὦ οὔτος, καὶ τουτὶ χολήν, ἀλλ' ὀλίγην τε καὶ σὺν οὐδενὶ χρηστῷ· καθαρτικὸν ὑδατώδους ἰχῶρος διδόσθω τῷ χολῶντι, κενώσει μὲν ὑδατώδες, ἀλλ' ὀλίγον τε καὶ μετὰ βλάβης. πάλιν οὖν διδόσθω τὸ μὲν ὑδραγωγὸν τῷ τὸν ἀσκίτην νοσοῦντι, τὸ δὲ χολαγωγὸν τῷ τὸν ἵκτερον, καὶ πολὺ κενωθήσεται τῶν ἀνθρώπων ἑκάτερος καὶ σὺν ὠφελείᾳ μεγάλη. ταῦτα εἰ μὲν οὐδεπώ<ποτ'> ἀνέγνω γεγραμμένα παρὰ τινι τῶν ἰατρῶν ὁ Ἰουλιανός, θαυμάζω τὴν φιλοπονίαν τάνδρός. ἀναγνοὺς δ' εἰ ἐτόλμησε γράφειν ἅπερ ἔγραψεν, ἄξιον ἄγασθαι τὴν σύνεσιν αὐτοῦ. νομίζω

γὰρ ἐγὼ νῦν <τοῖς> ἀκούσασαι τῶν εἰρημένων ἀλγήσειν <ἐξ> αὐτῶν τὰ ὄψα. Ἰουλιανὸς δ' ἐν οἷς ἔγραψε περὶ αὐτῶν ἠγεῖται μελαγχολᾶν ἡμᾶς. ἀποκρινάσθω τοιγαροῦν ἀναμνησθεῖς τῶν φιλοσόφων οὓς ἐπήνεσε, παρὰ τίνος αὐτῶν ἔμαθε νόμον ἀποδείξωσ τοιοῦτον οἷω φαίνεται κεκρημένος. εἰ γὰρ ἐπεφύκει, φησί, τὸ χολαγωγὸν φάρμακον ἐκκαθαίρειν τοῦ ζῶου τὴν χολήν, οὐκ αὐτὴν γεννᾶν, οὐκ ἂν ἐκένου χολήν τοῖς φλεγματώδεσι. θαυμασὴ γε ἡ τῆς ἀκολουθίας γνῶσις· ὃ τῆς μεγάλης διαλεκτικῆς τοῦ σοφιστοῦ. τί συνετὸν οὕτω Χρῦσιππος ἢ Ἀριστοτέλης ἢ Πλάτων εἶπεν; οἱ γε, εἰ περὶ τούτων αὐτοῖς ἐπισκέψασθαι προὔτεθη, τῷ μὲν μηδὲ ὄλως περιέχεσθαι κατὰ τὸ σῶμα χολήν πάντες ἂν ἔφασαν ἔπεσθαι τὸ μηδ' ὄλως ὑπὸ τῶν χολαγωγῶν ἐκκενοῦσθαι, τῷ δ' ὀλίγον περιέχεσθαι τὸ τὴν ἐλκομένην ὑπ' αὐτῶν ὀλίγην ὑπάρχειν, ὥσπερ γε εἰ πολὺ περιέχοιτο, πολλὴν εἶναι καὶ τὴν ἐλκομένην. ἀλλ' Ἰουλιανὸς ὁ τῆς καινῆς διαλεκτικῆς σοφιστῆς ἀξιοῖ μηδ' ὄλως ἔπεσθαι χολήν τοῖς χολαγωγοῖς, ὅταν ὀλίγη ποθ' ὑπάρχη κατὰ τὸ ζῶον. εἴθ' ἡμᾶς μὲν λέγει μελαγχολῶντας τοὺς δὴ ὑδραγωγὸν διδόντας φάρμακον τοῖς ὑδεριῶσιν, ἑαυτὸν δὲ σωφρονεῖν οὗ τοῖς δόγμασιν ἔπεται φλεβοτομεῖν αὐτούς.

ὁμοιότατον δὲ τούτοις αὐτοῦ τοῖς λόγοις ἐστὶ καὶ τὸ διὰ τῶν ἐχομένων εἰρημένον ἐν τῆδε τῇ ῥήσει· τό τε γίνεσθαι ἐπὶ τῶν πλείστων ἐναλλάξ ἐπιτάσεις τε καὶ ἀνέσεις ὑγεία ἀδιόριστος· ὁμοιούμενός τις, ὡς πρὸς ἡμῶν, κατὰ πᾶν συνεχείας ἐν τῷ σπανίως ὀλιγάκις τε φαινομένῳ.

ἐν τούτοις Ἰουλιανὸς καταβάλλει τὴν δόξαν τῶν οἰομένων
ἀεὶ σωματικὰς εἶναι τὰς κατασκευὰς τῶν παθῶν, ταῦτα
ὡς μαρτυροῦντα γράφων τὰς ἐπιτάσεις καὶ τὰς ἀνέσεις
τῶν νοσημάτων, οἰόμενος συμφωνεῖν μὲν τῇ δόξῃ τῶν
Μεθοδικῶν, ἐναντιοῦσθαι δὲ τῇ τοῦ παλαιοῦ. καίτοι γ'
αὐτὸ τὸ ἐναντιώτατον εὖροις ἄν. αἱ μὲν γὰρ ἐν τοῖς
στερεοῖς τοῦ ζῶου μέρεσι διαθέσεις ἐστηριγμένοι τέ εἰσι
καὶ μόνιμοι, τὰ δὲ ὑγρά καὶ μεταρρεῖν εἰκὸς <εἰς> ἄλλο
μόριον τοῦ ζῶου καὶ διαφορεῖσθαι λεπτυνόμενα καὶ κατὰ
τινας αἰσθητοὺς πόρους ἐκκρίνεσθαι καὶ ποτὲ μὲν ὑπὸ
τῆς διοικουσης τὰ ζῶα φύσεως πεττόμενα χρηστότερα
γίνεσθαι, ποτὲ δ' ὑπὸ πυρετώδους θερμασίας ἀλλοιούμενα
μοχθηρότερα, καὶ τὰ μὲν ὑπὸ τοῦ διαπνεῖσθαι † συναπα τι
τῆς πυρετώδους θερμότητος καὶ διὰ τοῦτο βελτίω γίνεσθαι
κεραννύμενα χρῆσταῖς τροφαῖς, τὰ δὲ συνδιαφθείρεσθαι
ταῖς ἐπιρρεοῦσαις ἦτοι γ' εὐθύς ἔξωθεν οὔσαις μοχθηραῖς
ἢ μὴ καλῶς ἔτι ἐν τῇ γαστρὶ πεφθείσαις ***** τοὺς δ'
ἐπὶ σηπεδόνη χυμῶν ἀναπτομένους οὐδὲν δήπου θαυμαστόν
ἐστίν, ὡς ἂν ἐκεῖνα τύχη κατὰ γε χώρας ἀθροιζόμενά <τε>
καὶ σηπόμενα καὶ κενούμενα, τὰς τε γενέσεις ἴσχειν καὶ τὰς
παρακμάς. ἀλλ' ἐν μὲν τούτοις ἀνάσχοι' ἂν τις ἴσως αὐτῶν.

ὁ δ' ἐφεξῆς ἔγραψεν Ἰουλιανὸς οὐκέτι κοινὸν ἀπάντων
ὑπάρχον, ἀλλ' ἴδιον ἐξαίρετον ἑαυτῷ, τοῦτ' ἦδη σοι δίδειμι.
ὄλην δ' ἄμεινόν μοι δοκεῖ παραγράψαι τὴν ῥῆσιν, εἰ καὶ
μακροτέρα πῶς ἐστίν, ἔχουσιν ὧδε· ὅλως μὲν ἀδιανόητον
ἐπὶ πλῆθος ἢ διαφθορὰν ὃ ἂν † τι πρὸς τῆς νῦν τιθέναι

ἀναφέρειν τὸ ποιητικὸν τῆς νόσου, τί δ' ἂν τις συμμελέστατα διαγνοίη τοῦ πάθους δι' ὅλου τοῦ σώματος

ἀπιόντος; ἀναγκαῖον ὁμολογεῖν πάντα περιπετεύειν ἐν παντὶ μέρει τε καὶ μορίῳ. τῷ ἀποτελέσματι γὰρ συμπαρατείνεσθαι χρὴ τὸ συνέχον αἷτιον. χωρεῖ δὲ δι' ὅλου πάθη ὡς πυρετοὶ ἄλλα τε μυρία ἐφ' ὧν ἐν τῷ ὅλῳ καὶ τὸ πλῆθος εἶναι δεῖ. † καὶ τὸ τοῖς πλεῖον ὅταν πλεῖον καὶ τὸ νόσημα ἦ καὶ τὸ τοῖς πλεῖον καὶ συγκεχωρημένον ὧδέ πως φάναι. εἰ δέ γε προτ *** διὰ † ἀντιφῶν τὸ πλῆθος τοῦ ὑγροῦ *** καὶ μὴν Ἰουλιανὸς οὐ βούλεται τῶν καθ' ὅλον τὸ σῶμα νοσημάτων ἐν ἐνὶ τόπῳ τὴν συνεκτικὴν ὑπάρχειν αἰτίαν. ἀλλὰ κἂν τὴν ῥύσιν ὑπόθηταί τις ἐπὶ τῷ βουβῶνι γίγνεσθαι συνέχον αἷτιον οὔσαν τοῦ πυρετοῦ, εἰς τοσαύτην ἀπορίαν ὁ λόγος ἀχθήσεται. λυομένου γὰρ τοῦ βουβῶνος οὔτε διαμένειν αὐτὴν οὔτε <αὐ>ξάνεσθαι δυνατὸν, ἐπειδὴ μενούσης μὲν ἀναγκαῖόν ἐστι καὶ τὸν πυρετὸν μὴ λύεσθαι, λυομένου δὲ ἑαυτοῦ συνεκτικὸν αἷτιον ἔχειν τὸν βουβῶνα, κἂν τούτῳ τὸν λόγον ἀνατρέπεσθαι τοῦ θαυμαστοῦ προστάτου φάσκοντος ἀδύνατον εἶναι τοῦ καθ' ὅλον τὸ σῶμα πάθους <τὸ> αἷτιον ἐν ἐνὶ τόπῳ συστῆναι. καὶ μὴν οὐδ' ἄλλην τινὰ ἔννοιαν εἰπεῖν ἔχει τοῦ συνέχοντος αἰτίου παρὰ τὸ γίνεσθαι τι πρὸς αὐτοῦ καὶ παύεσθαι σὺν αὐτῷ, πλὴν εἰ κἂνταῦθα πάλιν ἐξαίφνης ἑαυτὸν εἶναι φησι Στωϊκόν, ὡς ἐν ἄλλοις ἐποίησεν. ἀλλὰ τοῦτό γε πράξας οὐ νόσου μόνον, ἀλλὰ καὶ τῆς ὑγείας αὐτῆς αἷτιον ἀποφανεῖται τι καὶ θερμὸν καὶ ψυχρὸν ἀναγκασθήσεται τι

λέγειν εἶναι νόσημα καὶ ξηρὸν καὶ ὑγρὸν, ἅπερ οὐ βούλεται.
μὴ τοίνυν ληρείτω μάταια μηδ' ἐμπλήκτου τρόπον ἄλλοτ'
ἄλλα φανταζέσθω ποτὲ μὲν ἐπαινῶν Στωϊκούς, ποτὲ δ'
ἀναιρῶν αὐτῶν τὰ δόγματα.

Гален. Опровержение возражений, выдвинутых Юлианом против афоризмов Гиппократата

1. Хорошо бы было, если бы, как законодатели предписывают для истца, уличенного во лжи, то же наказание, которого он требовал для ложно им обвиненного, возражающие против того, чего не понимают, несли достойное своих заблуждений наказание. Но так как они набираются наглости, чтобы выносить суждение, а закона против таких лживых обвинителей нет, то тупейшие люди осмеливаются выступать против мудрейших мужей. В Египте в древности каждое изобретение в каком-либо искусстве или ремесле оценивалось общим собранием людей образованных и записывалось на каменных стелах, хранившихся в святилищах; следовало бы, чтобы и у нас был совет справедливых и образованных мужей, которые судили бы о новых писаниях и полезные выставляли бы в общественных местах, а зловердные уничтожали. Лучше было бы, чтобы и имя писавшего не сохранялось, как и было в древности в Египте, ведь таким образом сдерживалось бы безмерное стремление честолюбцев к славе.

Теперь же, когда и писать всем дозволено, и судить кто угодно может, благосклонность толпы снискивают самые

наглые, например Фессал, ругающий в своем сочинении Гиппократов, хотя в своей единственной книге, которая, как ему кажется, опровергает «Афоризмы» Гиппократов, он показал только то, что учения Гиппократов он совершенно не понимает. А ведь по справедливости следовало бы сначала изучить его и только потом пытаться опровергать. Или, может, я неправильно сказал? Но ведь никто не осмелился бы опровергать истины, разве что человек совершенно бесстыдный, как этот, ныне явившийся в Александрии, Юлиан, который, как говорят, написал сорок восемь книг против «Афоризмов» Гиппократов. Из них мне недавно попала вторая, в которой он говорит, что следующий афоризм, по его мнению, ложен: «При расстройствах желудка и при самопроизвольных рвотах, если только очистить все, что должно очистить, – это полезно и больными легко переносится. В противном случае – наоборот. Так точно и опорожнение сосудов; если можно произвести его так, как это следует делать, оно бывает полезно и легко переносится. В противном случае бывает наоборот»¹⁵⁰.

Благодарю судьбу, что эта книга попала мне в руки первой, так что не пришлось тратить времени на чтение длинного опровержения на первый афоризм, который является предисловием к последующим. В любом случае, если бы мне пришлось писать возражения против этой книги, то я не счи-

---

¹⁵⁰ *Гиппократ. Афоризмы, I, 2. Перевод. В.И. Руднева, с изменениями. См.: Гиппократ. Избранные книги. М., 1936. С. 695.*

тал бы, что совершил нечто важное, речь ведь тут еще не касается медицинских воззрений. А вот упомянутый афоризм касается темы, важной для медицинского искусства: в нем врачу рекомендуется подражать тем произвольным самоочищениям верхнего и нижнего желудка, которые полезны, и объясняется, какие из них полезны, а какие вредны и как распознавать их, а также и для полезных, и для вредных приводятся отличительные признаки. Если бы Юлиан обучался врачебному искусству у учителей-гиппократиков, то не осмелился бы возражать против этих истин. Но поскольку ни он, ни Фессал, его наставник в этой глупости, не сведущи в искусстве потомков Асклепия, то нет ничего удивительного в том, что они не понимают и того, что понимают даже те, кто заявляет, что лечит без всяких теорий. Стоит послушать этих людей, утверждающих, что врачебное искусство врача совершенствуется главным образом благодаря опыту и подражанию. Ведь, по их словам, то, что оказалось полезным больному, они и собираются применять, при этом различая природное, то есть имеющее причину внутри тела, и случайное, то есть имеющее причину вне тела, следовательно, подражать не только природе, но и случаю. Эти мужи среди многих примеров случайной пользы рассказывают о человеке, который при падении порвал себе вену на лбу. Они решили вскрыть больному, находившемуся в похожем состоянии, что и тот, у которого вена повредилась при падении, ту же вену, надеясь на такой же результат. Мы можем научиться

подражать природе, также наблюдая серьезное расстройство желудка, случающееся при воспалении глаз и затем приносящее большую пользу. Также мы видим, что страдающим желтухой часто становится легче после выделения желчеподобных масс, больным так называемой слоновьей болезнью – после истечения черной желчи, а больным водянкой – после истечения водянистой жидкости, из чего следует, что врачам нужно это использовать. Однако почему следует говорить о произвольных извержениях, если мы обучаемся искусству врачевания, перенимая опыт учителей? Неужели ученики Фессала должны подражать своему учителю, если он с помощью очистительной клизмы вылечивает больному желудок, а если очищение произошло произвольно, то его воспроизводить не следует? Или предположим, что у женщины случилась задержка месячных, а потом кровавая рвота. Неужели ученикам Фессала нужно повторять действия учителя, который, вызвав истечение или отворив жилу, излечил эту болезнь, а если месячные прорвались сами по себе и принесли облегчение, то природе им в этом подражать не следует? Ведь нет разницы, повитуха или Фессал вызвали месячные, или больная получила облегчение без их участия, от самопроизвольного истечения, – польза происходит от опустошения, а не от того, что его вызвало. Именно этому и учит Гиппократ: «У женщины, которую рвет кровью, если прорвутся месячные, наступает облегчение»¹⁵¹. Он гово-

---

¹⁵¹ *Гиппократ. Афоризмы, V, 32. Перевод. В.И. Руднева, с изменениями. См.:*

рит, что когда прорвутся месячные, тогда и наступит исцеление болезни, не важно, природа это совершит или человек. Ведь не причина события, а само событие приносит пользу больной. Одно лишь нужно, чтобы месячные пошли обильно, то есть, как выразился Гиппократ, “прорвались”, так что смысл его афоризма таков: «У женщины, которую рвет кровью, если обильно пойдут месячные, наступает облегчение». Мне бы и дня не хватило перечислить все самопроизвольные явления, которым подражают люди. Да никто с этим и не спорит, но это принимается как общее мнение всеми, кроме гнусных софистов, которые в искусстве врачевания хуже простых невежд, но способны бесстыдно и нахально сочинять величайшие глупости против наилучших из врачей. Таков и этот Юлиан, о котором всем известно, что он сам никогда не занимался искусством врачевания, но зато нагло оскорбляет древних врачей.

2. Невозможно сказать, о чем больше свидетельствуют его дерзкие речи против приведенного афоризма – о безмерном невежестве, бесстыдстве или дерзости, – а по правде говоря, так обо всем об этом и не только. Может, лучше было бы не удостаивать это письменным опровержением и не тратить на это понапрасну время? Однако многие друзья настойчиво просили меня написать для них комментариев на принесенную мне книгу, в которой Юлиан попытался опровергнуть указанный афоризм. Мне пришлось выдержать серьез-

ную битву – по правде сказать, более тяжелую, чем рукопашную, – разбирая на протяжении шести дней или более множество глупостей, которые в ней Юлиан написал. Тут кто-нибудь, и весьма к месту, вспомнит известное изречение о том, что нет существа болтливее человека:

«Только Терсит меж безмолвными каркал один, празднословный»¹⁵².

К Юлиану это изречение подходит даже больше, чем к Терситу, так как он превзошел многословием всех когда-либо родившихся. И вот те, кто присутствовал при чтении его книги, дали этому человеку два прозвища – болтуна и говоруна, да такого, которому потребен не я с моими рассуждениями, но Одиссей со своим жезлом; вразумить же такого глупца не смогло бы и собрание всех Муз.

И вот после того, как был вынужден записать это, нынешнее рассуждение послужит как бы предисловием, чтобы не обвиняли меня те, кто будет читать это. Ведь я желаю обличить глупого и невежественного лжеумудреца, который всю жизнь рассказывал нелепые вещи необразованным мальчишкам, среди которых кое-кто и поверил его кощунственной клевете на мужей древности. Так что прошу позволить мне бичевать его невежество словами более резкими, чем те, которые я обычно использую. Ведь ужасно было бы,

---

¹⁵² Гомер. Илиада, II, 212. Перевод Н.И. Гнедича.

если бы он мог порочить лучших из мужей древности, а нам нельзя бы было ясными доводами обличать его невежество, дошедшее до такой степени, что, откуда ни начни, ничего не найдешь верного в его писаниях.

3. В начале книги Юлиан занят в основном нападками на Сабина, оставляя Гиппократу без внимания. Именно это он, похоже, делает на протяжении всего сочинения, хоть и назвал книгу «Против афоризмов Гиппократа», а не «Против изъяснений Сабина»; затем, по своему обыкновению, глупо пустословит, сочиняя невнятную бессмыслицу, которую если бы кто-то и взялся разобрать, то написал бы огромную книгу, прежде чем по-настоящему приступил к разбору, да и то лишь если ему было бы позволено не все высказывать. Однако для пишущего это затруднительно, а вернее совершенно невозможно. Ведь в неподготовленных речах, какие мы часто произносили в присутствии образованных мужей, мы находили легкий путь изложения посредством подобия изложению древних; ведь когда мы во время публичных демонстраций истолковываем предложенное к толкованию произведение... ***¹⁵³ Если врач методической школы, сам того не заметив, станет выступать как натурфилософ и скажет без хвастовства и чванства, не делая вид, что выносит на всеобщее обозрение некие основы сокровенного учения, что болезненные процессы, происходящие с телом, бывают двух видов и для того, что составлено сообразно природе, воз-

---

¹⁵³ Здесь и далее так обозначается пропуск в рукописи.

можно два вида перемен, или изменений, противоположных друг другу, – избыточное собирание и насильственное изливание, – то слова его покажутся разумными – не натурфилософам, конечно же, рассуждающим о материи вселенной, а врачам физической школы. Это и есть одно из нелепых рассуждений Юлиана; удаляясь от начал, определенных Асклепиадом, Темисоном и Фессалом, он опирается на этих философов, которые полностью устраняют пустоту из нашего мира. За этой нелепостью следует другая: «Я не стану отступить и сдерживать, чтобы не говорить об этом. Разве это мне сложно? Ведь так же, как происходит рождение элементов, рождается и природа теплого и холодного, влажного и сухого. Ведь эти вещи происходят, как потомки, от тех предков. Видишь, на какой возвышенный и недостижимый трон воссел научный метод и сокрыл себя, движимый скромностью и умеренностью, а я, первый и единственный, обнаружил его на небе, прогнав скрывавшую его тучу и освободив его!» Вот что говорит Юлиан, а затем и продолжает: «Еще менее мог бы я согласиться с Эпикуром, так как не принимаю его элементов, поскольку он не сводит сущее к одному». Все это и еще многое другое говорит Юлиан в своей книге «О методе», посвященной Филону. В другой же, в которой он ведет речь о различных заболеваниях души и тела, он пишет: «Состояние, соразмерное с точки зрения скопления и истечения, мы по человеческому суждению назовем здоровьем. Если же болезни вызывают отклонение от этого состояния,

то тела неизбежно страдают, либо собираясь и делаясь тверже и суше, либо растекаясь и становясь мягче и влажнее, чем следует».

4. Таковы речи известнейшего софиста, утверждающего, что врачи методической школы следуют Зенону, Аристотелю и Платону. Мы же со своей стороны ему напомним, что все эти философы, а также их последователи считают здоровьем соразмерность тепла, холода, сухости и влажности, полагая, что болезни, происходящие от образа жизни, возникают вследствие избытка или недостатка того или иного из этих начал; они думают также, что в теле существуют жидкости, которые по своей функции могут быть сухими и влажными, а некоторые из них являются горячими и холодными, аналогично болезням. Так думал Платон и все его последователи, и Аристотель с перипатетиками, таково же было мнение Зенона, Хрисиппа и прочих стоиков. Юлиан же не прочел ни одной книги упомянутых мужей и вообще не имел представления о том, что такое последовательное рассуждение и что такое противоречие, а если бы имел, понимал бы, что это следует из учения, отрицающего пустоту; из учения же, признающего ее существование, следует, что здоровье – это некая соразмерность сосудов, а болезни, возникающие в зависимости от образа жизни, – затрудненное или избыточное течение жидкостей в них. Стоит ли мне приводить здесь одно за другим высказывания Аристотеля, Хрисиппа и всех остальных перипатетиков и стоиков, в которых они обвиня-

ют флегму и желчь и объявляют, что существует четыре первичные болезни, соответствующие четырем началам – теплу, холоду, сухости и влажности? Или лучше этого не делать, ведь тогда пришлось бы написать не одну книгу и не две, а три, четыре и даже более, а ограничиться лишь тем, что сказал Платон? Пожалуй, лучше поступить именно так, чтобы не потонуть в многословии вместе с болтливым софистом.

Итак, приведем только его суждение, не касаясь перипатетиков и стоиков. Ведь ни у Аристотеля, ни у Теофраста не найдешь книги, в которой, говоря по необходимости о болезнях, они упоминали бы о чем-нибудь, кроме тепла, сухости, холода и влажности, но они всегда говорят именно об этом, а вместе с этим часто рассуждают о желчи, черной и желтой, нередко и о флегме, а некоторые авторы разъясняют и различие между ними, называя одно кислым, другое горьким или соленым, а третье – сладким. И Хрисипп не отличается в этом от них, а всегда точно так же рассуждает о болезнях и о естественных жидкостях. И если бы кто-то захотел отобрать изречения только лишь трех упомянутых мужей, ему пришлось бы исписать немало книг и потратить на свои занятия немало времени и сил, как это сделал Юлиан Александрийский; а если бы он пожелал собрать речения всех остальных стоиков и перипатетиков, то ему пришлось бы составить целую библиотеку.

Но, как я уже сказал, ограничусь лишь рассуждением Платона, во всем следовавшего учению Гиппократу. И не ста-

ну выбирать отрывки из всех его многочисленных сочинений, а остановлюсь лишь на цитате из «Тимея»: «Что касается недугов, то их происхождение, пожалуй, ясно каждому. Поскольку тело наше сплотилось из четырех родов – земли, огня, воды и воздуха, стоит одному из них оказаться в избытке или в недостатке или перейти со своего места на чужое, стоит какой-либо части (вспомнив, что как огонь, так и прочие роды являют не одну разновидность) воспринять в себя не то, что нужно, тут же, как и в случае других подобных нарушений, возникают смуты и недуги; от этих несообразных с природой событий и перемещений прохладные части тела разгорячаются, сухие – набухают влагой, легкие – тяжелеют и вообще все тело претерпевает всяческие изменения»¹⁵⁴. В этом рассуждении Платон явно следует Гиппократу в учении о первоначалах и их свойствах. А далее он приписывает причину болезней естественным жидкостям: «Что касается белой флегмы, то содержащийся в ее пузырьках воздух опасен, когда она заперта внутри тела; отыскав сквозь отдушину путь наружу, она становится безвредней, но разукрашивает тело белыми лишаями и другими подобными недугами. Порой она смешивается с черной желчью и тогда тревожит своими вторжениями самое божественное, что мы имеем, – круговращения, происходящие в нашей голове; если такой

---

¹⁵⁴ Платон. Тимей, 82 а-в. Перевод С.С. Аверинцева. На русском языке этот диалог опубликован в издании: Платон. Собрание сочинений в 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1994. С. 421–500.

припадок случается во время сна, он еще не так страшен, но вот если он поражает бодрствующего, бороться с ним значительно тяжелее. Поскольку природа поражаемой им части священна, он по справедливости называется священной болезнью»¹⁵⁵. К этим словам Платон добавляет следующее рассуждение: «Едкая и соленая флегмы являются источником всех недугов катарального свойства; от множества различных мест, куда может устремиться истечение, недуги эти получили много разных имен»¹⁵⁶. Таковы объяснения Платона относительно флегмы, а также черной желчи. Послушай же теперь, что он говорит о желтой желчи: «Напротив, так называемые воспаления различных частей тела, именуемые так от горения и опаливания, все обязаны своим возникновением желчи. Если желчь обретает через отдушины тела путь наружу, она в своем кипении порождает всевозможные нарывы; заключенная внутри, она производит множество воспалительных недугов, и притом самый тяжелый из них тогда, когда примешивается к чистой крови и нарушает правильное соотношение кровяных волокон. Эти волокна рассеяны по крови для того, чтобы поддерживать равновесие между разреженностью и плотностью: кровь не должна ни разжигаться от горячего настолько, чтобы просочиться через вены, ни сгущаться сверх должного и этим мешать собственному бегу по жилам. К тому, чтобы блюсти эту меру, волокна

---

¹⁵⁵ Платон. Тимей, 85 а-в. Перевод С.С. Аверинцева.

¹⁵⁶ Платон. Тимей, 85 в. Перевод С.С. Аверинцева.

предназначены уже самым своим рождением. Если извлечь их даже из холодеющей крови мертвеца, весь остаток крови разлагается; напротив, если оставить их, они быстро свертывают кровь, оказавшись в союзе с обступившим ее холодом. Таково действие кровяных волокон; они оказывают его и на желчь, которая по своему происхождению являет собой старую кровь, а потом снова становится кровью из плоти. Когда теплая и разжиженная желчь сначала лишь понемногу поступает в жилы, она терпит под действием волокон свертывание и насильственное охлаждение, производя в недрах тела озноб и дрожь. Но стоит ей нахлынуть обильнее, она одолевает волокна своим жаром и, вскипев, приводит их в полный беспорядок; если же сил ее достанет на окончательную победу, она проникает до самого мозга и палит его, как бы сжигая корабельные канаты отчаливающей на волю души. Когда же, напротив, она оказывается слабее, а тело в достаточной мере сопротивляется ее разлагающему действию, поражение достается ей, и тогда она либо распространяется по всему телу, либо бывает отброшена по жилам в верхнюю или нижнюю часть брюшной полости и затем извергнута вон из тела, словно изгнанник из волнуемого смутой города. При своем удалении она производит кишечные расстройства, кровавые поносы и прочие недуги этого рода»¹⁵⁷. Так говорил Платон в своем «Тимее», следуя Гиппократу. И если бы кто-нибудь решился привести все подобные изрече-

---

¹⁵⁷ Платон. Тимей, 85 в-е. Перевод С.С. Аверинцева.

ния из других его книг, то показалось бы, что в многословии своем он подражает Юлиану – тем более если бы он взялся привести все изречения Теофраста, Аристотеля, Хрисиппа и всех перипатетиков и стоиков о жаре и холоде, сухости и влажности, желчи и соках, болезни и здоровье. Я полагаю, что некоторые и так осуждают меня за то, что я в столь длинных речах опровергаю ничего не понимающего софиста. Но тот, кто, о Зевс и бессмертные боги, не стыдится возносить хвалу Платону, Аристотелю, Зенону и их последователям и при этом спорить с учением Гиппократов об элементах, из которых состоят тела, – существует ли что-то, чего такой человек постыдится сказать обо всех них?

5. Однако оставим это. Посмотрите, что он пишет далее, не позволяя своим оппонентам, естественно, даже упоминать имя природы. Вот начало его рассуждения: «Они не убедят нас, как убедили себя самих, что в действительности познали, что есть природа – природа, о которой они вопят и поют повсюду, именуя ее то простым теплом, то смесью или сущностью холода и духа». После этого Юлиан приводит еще много обвинений, доказывая, что его оппонентам неизвестна сущность природы: например, он обвиняет Гиппократов в том, что в афоризме, который нам предстоит разобрать далее, он упомянул имя природы, а не написал, что нечто происходит само по себе. Но откуда здесь появилось имя природы? Откуда же еще, как не из пустой болтливости Юлиана, которая порождает длинные речи, – если же кто-то возь-

мется разобраться в них, он явно изобличит его глупость. Все врачи говорят, что одни очищения происходят благодаря природе, а другие – благодаря случаю, имея в виду, что их причина иногда находится в самом теле больного, а иногда – вне тела. Он же взял это в качестве отправной точки для своего пустословия о слове «природа». Смысл его рассуждения, если изложить его кратко, таков: «Те, кто не знают, что есть природа, не в праве даже упоминать природные очищения». Однако, о благороднейший из софистов, такое рассуждение не позволит допустить, что мы знаем, что у нас есть душа, или чувства, или разум, или память, или умение рассуждать, если мы не постигли их сущность. Однако что в этом удивительного? Ведь мы не знаем точно, какова сущность солнца, видимого нами самым ясным образом, – как же мы можем с готовностью ответить на вопрос о сущности природы, души, памяти или чего-то еще из названного? Но, хотя это мы сказали верно, если мы можем определить значение каждого из этих понятий и обладаем знанием из сущности, это следует вставить в рассуждение. Каждое растение управляется природой, а каждое животное – природой и душой, ведь и все люди называют питание и рост, а также их причину природой, а чувства и вслед за ними движения – душой. Так что никто из нас не заблуждается насчет того, что есть дела природы, но и не постигает сущности их тотчас после того, как узнал их, так же как мы не знаем сущности солнца, но ясно видим его восход и закат, и шествие

его между восходом и закатом, когда оно определяет время. Сущность же его мы постигаем лишь по прошествии времени и в результате изучения. Если же природные выделения действительно невозможно постичь, не понимая сущности порождающей их природы, то тот, кто показал, что сущность эта непознаваема, должен немедленно затем признать, что и их он не понимает. А так как наш великолепный Юлиан заявляет, что ее он не знает, а их знает, получается, что все то, что он говорил ранее, – вздор. Ведь мы, когда происходит обильное опорожнение без помощи очистительного лекарства, как через матку, так и через кишечник, говорим, что все это происходит естественно, или вызвано природой (что совершенно одно и то же), и воспроизводим то, что явно приносит пользу больным. Юлиан же, кажется, не знает и того, что все люди говорят каждый день и что все знают, то есть не знает того, что здоровье есть состояние, соответствующее природе, а болезнь – состояние противоестественное. Если же на самом деле нельзя использовать эти наименования, не познав сначала сущность природы, мы не сможем говорить, что состояние здоровых соответствует природе, а состояние больных противно ей.

Однако, если угодно, мы можем согласиться с ним в том, что, если не знать заранее, что наши тела состоят из горячего, холодного, сухого и влажного, мы не сможем хорошо подражать тому, что происходит благодаря природе или случаю. Что же нам мешает точно узнать все это, раз уж у нас

есть доказательство нашего учения, и лучшие из философов, которыми и ты восхищаешься, разделяют мнение Гиппократта и согласны друг с другом – разве что кое-кто, решив, что разногласие – это свидетельство незнания, не превратится в апоретика из стоика.

Ведь если это рассуждение кажется тебе убедительным и ты действительно считаешь, что человеческому познанию недоступно все то, по поводу чего разнятся мнения философов, почему ты прежде всего не откажешь в вере своим великолепным обобщениям, которые породил твой до небес превознесенный метод? Ведь никто из других врачей не знает этих истин даже туманно, но явственно постиг их, как он сам считает, лишь Фессал, и, что еще важнее, даже после того, как Фессал постиг все это и разъяснил славнейшему хору своих последователей, из них никто ни с кем не согласен, но они ведут друг с другом еще более яростный спор, чем тот, который Фессал вел со своими соучениками. Итак, если разногласия – это знак неведения, то прежде всего следует отказаться в доверии обобщениям Фессала, так как относительно них существуют величайшие разногласия. Разумеется, мнение, согласно которому природа нашего тела представляет собой соразмерное смешение воздуха, огня, воды и земли, и мнение, согласно которому она есть смешение влажного, сухого, горячего и холодного, расходятся между собой. Однако это расхождение не так сильно, как расхождение обоих этих учений с обобщениями Фессала – при том, что прежние уче-

ния приняли и Платон, и Зенон, и Аристотель, и Теофраст, и Евдем, и Клеанф, и Хрисипп вместе со многими философами, среди которых называющие себя стоиками, перипатетиками и платониками. А учение Фессала настолько не нашло признания среди других врачей, что с ними не согласны даже те безметодисты, которые прикрываются священным именем метода. Ведь ни Гиппократ, ни Диокл, ни Праксагор, ни Филотим, ни Мнезифей, ни Эрасистрат, ни Герофил, да и никакой другой врач, будь то логик или эмпирик, никогда бы не признал обобщений Фессала.

Итак, если необходимо сравнить разногласия между собой, не найдешь несогласия большего, чем несогласие с идеями Фессала. Притом что всего во врачебном искусстве существует три общих направления, по словам самих принадлежащих к ним врачей, если уж и эмпирики, и догматики отрицают идеи Фессала, то надо понимать, что общее несогласие с ними отнюдь не мало, но непреодолимо, так что даже сам породивший эти общие положения Темизон, а также никто из учеников Фессала, не имеющих метода, не следовал им во всем. Ведь и правда нет никого, кто не добавил бы к этим положениям другие, или не устранил бы какие-то из них, или не изменил бы каким-то образом. А так как во всем этом и сами они не согласны, Фессал остался в одиночестве, потому что его идеи никто не поддерживает, кроме Юлиана, да и тот только на словах. Ведь на деле оказывается, что Юлиан противоречит сам себе. Всякий, кто желает

узнать об этом подробнее, может ознакомиться с нашим сочинением «Об учении методистов». Однако, если бы Фессал был единственным, кто говорил бы состязающимся за истину, что критерием является доказательство и согласие с мнениями других, никто бы его не осудил. Но неужели мы не осудим Фессала, который входит в противоречие со всеми прочими врачами, а Гиппократу, в пользу которого, помимо лучших врачей, свидетельствуют величайшие философы, откажем в вере исключительно из-за его расхождений с Фессалом? Кто сможет вынести такое? Кто потерпит такую глупость? Кто не пожалел бы времени, потерянного на спор с человеком, который сам не помнит и не понимает того, что сам пишет, но говорит и пишет, по пословице, все, что на вздорный язык придет?

6. Однако оставим это и послушаем то, что сказано у Фессала в первом рассуждении, в котором он говорит, что источником и корнем разбираемого афоризма является учение о том, что избыток жидкостей «есть общая причина болезней». Лучше здесь привести его рассуждение полностью, его же словами. Написано же у него так (ведь здесь уместно начать спор с ним с первых же его слов): так как афоризм начинается словами «При расстройствах желудка», он заявляет, что и остальная часть афоризма имеет корень и источник в том, что избыток жидкостей приводит к болезням тела как общая причина их, так что если доказать, что причина болезней – не в жидкостях (ведь это ложное мнение), вме-

сте с этим доказывається и негодность всего афоризма, в котором из неясного заявления выводятся ложные следствия. Вот его слова. И было бы прекрасно, если бы можно было создать некий театр – не такой, который строит Фессал в своих вздорных книгах, венчая себя на его сцене, но театр, в зале которого сидели бы люди образованные. И хорошо было бы спросить Юлиана в этом театре, из какого метода доказательства он исходил, когда доказывал истинность своего рассуждения. А доказательство его, если разъяснить как следует, будет вот каким: «Те, кто думает, что опорожнения помогают больным, по необходимости считают, что общей причиной болезни является избыток жидкостей». И мы бы с удовольствием спросили у зрительного зала, состоящего из образованных людей, верно ли такое рассуждение, чтобы пустослов Юлиан почувствовал изумление этой толпы. Он не сможет почувствовать этого из одних только слов, будучи таким человеком, каким он предстает в своих сочинениях. Но я уже сейчас могу сказать, какими аргументами можно было бы хорошо воспользоваться в таком театре. Стадо ослов Фессала делает кровопускание многим больным, страдающим от лихорадки. Если они считают, что причиняют вред опорожнением, то они неправильно поступают, делая кровопускание. Если же они считают, что это полезно, значит, они полагают, что избыток жидкости является общей причиной болезни, а они этого признать не хотят. Но кто-нибудь из них, пожалуй, скажет: «А почему из того, что опорожнения при-

носят пользу, обязательно следует, что общей причиной болезней является избыток жидкости?» На это ответить проще всего: такой непосредственной связи не существует, и вот этот человек из вашего стада пусть покажет на этого Юлиана и скажет, что лучше бы ему воздержаться от речей, потому что он говорит глупости. Так сказал бы кто-нибудь из них в театре. Ныне же (ведь у нас нет такого театра) почти все совершают одни и те же ошибки в рассуждениях, говорят ли они истину или явно заблуждаются.

Юлиан-то как раз всегда пишет что придется, нимало не заботясь об истине. Я же всю жизнь ни о чем ином так не заботился, как о том, чтобы постигнуть науку доказательства, и с усердием упражнялся в ней, и, кажется, трудился напрасно. Ведь все те, кто следит за ходом доказательств, прекрасно знают, что Юлиан не перестает говорить глупости. А все те, кто принадлежит к его стаду, с самого начала не изучают ничего из того, о чем мы говорим. Именно поэтому, как я уже говорил раньше, друзья задали мне немалую работу, предложив написать это сочинение, и ради них я перейду к более научным рассуждениям. Так вот, Юлиану следовало не только называть имена, обозначающие различные причины, но и понимать смысл этих названий. А вместо этого он (и это одна из общих ошибок всех методистов) называет непосредственную причину, но не понимает, чем она отличается от изначальной причины, иначе бы он знал, что развитие болезней есть дело изначальных причин. Ведь то, что вызвало воз-

никновение болезней, по необходимости вызывает их рост, создавая и далее нечто подобное изначальной болезни. Если так случается, едкое лекарство, способное вызывать язвы, попав на кожу на час, вызовет язвы лишь на так называемом эпидермисе. Если же оно будет приложено на более длительное время, то окажет существенное воздействие сначала на кожу, а затем на находящуюся под ней плоть. Так как предшествующие причины имеют такую природу, уже возникшая болезнь не может быть исцелена, прежде чем они исчезнут. Так как при наличии действующей причины болезнь может усилиться, она, конечно, не может быть полностью вылечена, пока не будет устранено то, что ее создает. Так вот, пока предшествующие причины, к которым относится и избыток жидкости (предположим пока, для этого рассуждения, что он является предшествующей причиной), не будут устранены, невозможно вылечить уже возникшую болезнь, и поэтому Асклепиад думает, что избыток жидкости является причиной болезней, и говорит, что опорожнением можно излечить больных, но не в том смысле, что устраняется болезнь, которую избыток жидкости уже вызвал, а в смысле, что не даст болезни развиваться и позволяет врачу довести лечение до конца.

Но предположим, что избыток жидкостей является общей причиной болезней. Тогда опорожнение по необходимости вызовет прекращение болезни. Но он ни в коей мере не является общей причиной, как говорит Асклепиад. Оставим

здесь глупого Юлиана и побеседуем лучше с Асклепиадом, хотя и он является не кем иным, как софистом. Этот человек привык задавать весьма убедительные вопросы, измышленные не без изящества, что я считаю признаком софиста. Именно таков пассаж, приводимый Юлианом, который, клянусь Зевсом, даже не понял силы этого метода (а то бы он сам написал все остальное так же), но просто по памяти воспроизвел сказанное Асклепиадом, так что если бы это было речами самого Юлиана, он показался бы таким же пустословом, как и его предшественники. Итак, Асклепиад говорит, что если избыток жидкости действительно является общей причиной болезней, то обильные выделения, которые иногда бывают в начале болезни, немедленно избавляли бы больного от всего, что его отягощает. В то же время на деле мы подчас наблюдаем, что болезнь только усугубляется от того, что тело избавляется от избытка жидкости. Это рассуждение кажется достаточно убедительным и поэтому требует специального опровержения, но оно не имеет никакого отношения к тому, о чем сказано в афоризме Гиппократа. Ведь это рассуждение берет доказательства не из учения, но из общего для всех людей здравого смысла, которым, как я уже говорил, пользуются и эмпирики. Мы опровергнем эти рассуждения Асклепиада не потому, что они имеют отношение к афоризму Гиппократа, а потому, что мы считаем лучшим, после того, как мы до сих пор терпели глупости Юлиана, упражняться в более близком диалектике занятии, сразив-

шись с настоящим софистом. Так вот, когда Асклепиад говорит «избыток жидкости», надо его спросить, что он под этим понимает: имеет ли он в виду избыток в отношении функции или избыток в отношении заполнения пространства и сосудов, который обычно называют «избытком от изливания жидкостей», и имеет ли он в виду избыток во всем теле или в какой-то его части? Сказать, что он имеет в виду избыток в отношении функции, он не может, так как отрицает почти все функции, которыми управляется живое существо. Но и избыток в отношении объема сосудов может быть двух видов: либо превосходящий природную меру, либо простой, когда жидкость просто не может сдерживаться в полости. Избыток в обоих смыслах может быть как во всем теле животного, так и в отдельной его части. В сочинении «О причинах симптомов», а также в сочинении «О неестественных опухолях» нами показано, что причина и спазма, и дрожи, и лихорадки всего тела, и рожи, и того, что новейшие врачи называют опухолью, и, кроме того, некоторых других заболеваний – избыток жидкости, и, если устранить этот избыток, большая часть тела немедленно вернется в естественное состояние. Об общих причинах же в другом месте нами сказано, что этот термин, а также понятие, обозначаемое этим термином, относятся к учению стоиков и что новейшие врачи неверно понимают и неверно называют весь этот вид причин, хотя и мы иногда следуем за ними, чтобы не казалось, что мы спорим о словах, и соглашаемся с тем, что некоторые из при-

чин можно называть так – конечно, речь идет не о причинах простых сущностей и о причинах того, что приобретает свое бытие в становлении. В этом и заключается опровержение этого софизма, а в том, что он попал в данное рассуждение, повинно пустословие Юлиана, а не мы.

Но перейдем к следующей проблеме – к тому, что является общим для всех причин болезней, связанных с жидкостями. Существуют два вида этих причин – либо избыток жидкости, либо ее порча. Лечение в обоих случаях будет простым, так как мы можем достаточно быстро удалить лишнюю жидкость и вывести все, что испорчено, так что болезнь не перейдет в хроническую форму. Это рассуждение, которое весьма ясно и кратко, Юлиан изложил невнятно и длинно в следующих словах: «Из этого афоризма можно сделать промежуточный вывод, согласно которому избыток жидкости вызывает болезненные изменения качества в сторону несвойственного, чему ученики врачей дали видовое название порчи, так что Гиппократ воображает, что может быть польза от выведения вещества, вызывающего болезнь, и воображает это весьма дерзко, опираясь на суждение, происходящее из непровержимых явлений. Однако на деле это неразумно и с истиной несогласно – считать, что избыток жидкости – или не избыток, но порча – является причиной болезни. Ведь в этом случае все болезни были бы легко излечимы, и никакое лечение не было бы продолжительным, и существовал бы лишь один род лечения. Не составляло

бы труда просто удалить вызывающую болезнь жидкость и прямо вначале, при первых же признаках болезни, вылечить ее, так как необходимо было бы только выводящее жидкость средство, и в любом случае следует определить, какая жидкость вызывает данную болезнь: если это кровь, достаточно одного кровопускания, если флегма – средства, выводящего флегму, если желчь – средства, выводящего желчь».

7. Таково рассуждение Юлиана. Смысл его, как уже было сказано, состоит в следующем: «Если бы причина болезни заключалась в жидкостях, мы могли бы не позволять ни одной болезни затягиваться, быстро выводя их. Однако на деле многие болезни затягиваются, даже если в начале болезни произведено достаточно сильное опорожнение. Значит, причина заключается не в жидкостях». Но это рассуждение будет истинным только в том случае, если речь в нем идет об избытке жидкости в отношении объема, имеющемся во всем теле (ведь в таком случае, если мы пожелаем в начале болезни опорожнить излишек, мы выводим все, что приводит к состоянию переполнения). Если же страдает какая-то одна часть тела, в которой имеется избыток жидкости, то это рассуждение оказывается неверным. Ведь мы уже показали, что в таком случае не всегда можно быстро произвести опорожнение. Так же следует рассуждать и о порче жидкостей: нужно задаться вопросом, насколько просто достичь разрешения болезни. Ведь в этом случае вывести болезнетворную жидкость не так просто, как вылить воду из меха или бочки.

Но даже если мы выливаем испорченную жидкость из меха или бочки, мы не можем сразу влить другую, хорошую, но сначала мы должны помыть и тщательно прополоскать сосуд. Так неужели возможно выпустить из тела человека испорченную кровь и вместо нее сразу влить в те же части тела хорошую? Как же тогда вы говорите, что будто бы можно быстро вылечить болезнь, вызванную порчей жидкости, посредством ее выведения? Вот так же легкомысленно рассуждают они и обо всем остальном: они не уделяют должного внимания частностям и говорят обо всем в целом без того, чтобы рассмотреть его детально. Да, конечно, если в теле содержится много желчи, ее часто бывает легко вывести, если у больного нет жара. Если же человеком успела овладеть острая лихорадка, сделать это бывает сложнее. Ведь при лихорадке невозможно пользоваться очищающими лекарствами, не подвергая опасности больного. То же касается флегмы и серозных выделений. Обо всем этом сказано в других сочинениях, и тому, кто хочет получить точное знание об этом, я советую обратиться к ним. О том же, что лихорадка относится к разряду болезней, вызываемых избытком жидкостей, притом что этот избыток собирается не только в самих сосудах, но и в полостях мышц, ты узнаешь более всего из того сочинения, в котором я веду речь о противоестественных опухолях. О том же, что не всякую лихорадку можно вылечить быстро, сказано в сочинении «О методе лечения», и особенно – в тех книгах, в которых речь идет о ле-

чении противоестественных опухолей. Ведь иногда липкие и плотные соки так сильно и неотъемлемо пристают к плоти, что возникает опасность, что, если это состояние затянется, может возникнуть чирей. Но те, кто ничего из этого не знает, имеют наглость обвинять Гиппократов из-за того, что не знают важнейших частей искусства. Однако кто-то, пожалуй, мог бы перевернуть это рассуждение и сказать, что если какое-либо твердое тело охладить или нагреть, то его возвращение в естественное состояние было бы простым, точно так же, как если бы кто-то сделал его более или менее плотным. Ведь разогреть застывшее, охладить разогретое, сделать менее плотным уплотнившееся и уплотнить ставшее недостаточно плотным несложно, а вот удалить липкую или плотную жидкость, скопившуюся в мясистых частях тела, весьма трудно. И действительно, если нелегко очистить грязь из сосудов, которые открыты, неужели это легко будет сделать из мясистых частей? Так что весьма дурно рассуждение о том, что болезни, причина которых лежит в жидкостях, лечатся проще, чем болезни, причина которых в твердых частях. Ведь, когда речь идет об излишке содержимого сосудов во всем теле живого существа – о том, что мы называем переполнением в узком понимании, – это, действительно, можно вывести быстро, и больной избавится от последствий этого. Если же имеется какое-либо дурное качество или порча жидкостей, человека невозможно вылечить от него посредством обильного удаления жидкости. И действительно, на деле на-

блюдается именно это: многие, ощущавшие тяжесть в теле или натяжение, немедленно избавлялись от своих симптомов в результате кровопускания, у тех же, кто страдал из-за порчи жидкостей, болезнь длилась по месяцу и более, так как мы не имели возможности выпустить всю дурную кровь сразу и залить вместо нее хорошую. Ведь хорошая кровь в теле человека рождается от хорошо обработанной пищи. Если просто давать больному правильную пищу, то есть опасность, что уже имеющиеся в теле дурные жидкости заразят и хорошие, так что вылечить можно не при любой порче жидкостей, но лишь при такой, при которой тело еще остается крепким и силы его сохранены. В этом случае кровь еще не стала полностью отравленной и не способна заразить поступающее питание, но сама пересиливается им. Также в том случае, когда формируется избыток жидкости в отношении функции, его невозможно вылечить быстро, так как обильное выведение жидкости вредит функции. Об этом сказано в моем сочинении «О методе лечения». Так что редко можно показать, как больной становится здоровым сразу после выведения жидкости. Конечно, иногда бывает и такое, так что опыт подтверждает справедливость нашего рассуждения. Ведь некоторые сразу после выведения жидкости избавляются от того, что их обременяет, притом что ни один врач не мог определить их состояния и, даже если знал его, не мог быстро поставить диагноз. Поэтому и выходило, что большинство врачей оказывались глупцами,

а предводителем хора глупцов, по правде сказать, оказывается Юлиан, который не имеет никакого опыта во врачебном искусстве и которого писания изобличают как человека в высшей степени наглого. Мы же часто на практике показывали, что больные немедленно выздоравливали сразу после устранения обоих видов переполнения. Под обоими видами я понимаю переполнение в отношении объема сосудов, которое также называют избытком, и переполнение в отношении функции, которое не устраняется одновременно с удалением жидкости. Все это можно научиться лечить, как умеют люди опытные, если начать тщательно осматривать и изучать больных.

8. Теперь давайте рассмотрим, каким образом Юлиан пользуется рассуждениями Асклепиада, а именно его знаменитым тезисом о том, что каждое из очищающих лекарств не выводит соответствующую жидкость, но производит ее. Я кратко говорил об этом в конце сочинения «Об элементах, согласно Гиппократу», а также в первой книге сочинения «О естественных функциях», в дальнейшем же, по просьбе моих друзей, посвятил этому целую книгу – сочинение под названием «О силе очищающих лекарств». Все рассуждение желающий может узнать из этих сочинений, на писания же Фессала я отвечу здесь, приведя их дословно: «Итак, возьмем хорошо сложенного атлета, которого выберут они сами, плоть тела которого пребывает в естественном состоянии, то есть здорово и нетронута болезнями, дадим ему очиститель-

ное средство и покажем, что выделения будут сильно испорченными. Затем сделаем вывод – и никто не сможет возразить на него и сказать что-либо против, – что эти чрезвычайно жесткие и испорченные выделения – это не то, что было в атлете до принятия очистительного лекарства, потому что он был вполне здоров. Так что нам ничего не остается, как признать, что из-за лекарства произошли две вещи: во-первых, материя изменилась и испортилась, а во-вторых, она выделилась, со рвотой или через желудок». Таково рассуждение Фессала; послушайте же, в свою очередь, наш ответ, состоящий в том, что выделение любой жидкости у здорового человека может быть в равной мере и доказательством того, что эта жидкость образовалась в нем только что, и того, что эта жидкость имелась в нем ранее. Так что он зря сказал, что остается только одна из этих возможностей: ни одна не опровергнута и не доказана им. *** Если же они давали что-то, расслабляющее желудок, то это у них не было лекарство. И вот этот бесстыдный Терсит говорит: «даем и показываем» – а сам никогда не давал, и не показывал, и не наблюдал, как кто-либо другой давал и показывал. Я же не таков, чтобы дерзать говорить или писать о том, чего я не делал, но, сначала показав то или иное явление на деле, затем объясняю его в соответствии с медицинской наукой, подтверждение чему можно услышать и от тех, что из стада Фессала: сколько раз я, производя страдающим водянкой очищение посредством выводящего воду лекарства, демонстрировал, что у них уже

растянут желудок, скольким больным желтухой я дал средство, выводящее желчь, и тотчас вылечил их от желтухи. Однако Юлиан не видел ничего из этого и ничего подобного. «Я даю, – говорит он, – сильному атлету очищающее средство и показываю...». Надо думать, что человеку, исполненному такой глупости, кажется последовательным давать очистительное средство здоровому атлету, но не давать его ни страдающим водянкой, ни больным желтухой, ни меланхоликам, ни больным так называемой слоновьей болезнью, ни больным раком, ни обремененным язвами, или рожей, или какой-либо другой болезнью, вызванной дурными соками. Однако довольно говорить о его глупостях. Ведь если кто-нибудь попытается высказать все, что Юлиану по заслугам следовало бы выслушать, ему бы потребовалась не одна или две, но множество книг.

Послушаем же, что он пишет дальше. А пишет он примерно следующее: «Я приведу еще один сильнейший аргумент: увидев это, следует обрести благоразумие и не действовать под влиянием черной желчи. Когда кажется, что в основе болезни лежит желчь, а мы даем средство, выводящее флегму, выводится желчь, а флегма не выводится; или если мы, предполагая избыток флегмы, даем средство, выводящее флегму, то флегма не выводится, а желчь выводится в обоих случаях. Дадим средство, выводящее воду, – и тут то, что выводится, окажется не водой, что неожиданнее всего, так как у страдающих водянкой причиной болезни очевидным образом яв-

ляется вода, и было бы естественно, чтобы под действием выводящего желчь средства выделялась желчь, а под действием выводящего флегму средства выделялась флегма». Таково его рассуждение. В нем с самого начала заслуживает удивления заявление о том, что не надо действовать под влиянием черной желчи. То есть это нас, последователей Гиппократов, он называет страдающими от избытка черной желчи. Однако эту шутку, скорее, следовало бы отнести к другим – к тем, кто учит, будто меланхолия вызвана избытком черной желчи. Юлиан же весьма похож на осла из басни Эзопа, который, увидев, что один из милетских щенков возлежит вместе с хозяином, когда тот завтракает, скачет вокруг него, играет и виляет хвостом, издавая при этом некий приятный звук, и что это радует и веселит всех присутствующих за столом, не стал медлить, но тут же запрыгнул на стол, заревел и стал скакать по столу, размахивая хвостом. Вот на него похож Юлиан, когда пытается шутить по поводу нашей меланхолии, притом что сам производит меланхолию от черной желчи. Оставь уже нас и займись своей черной желчью – ты, который не превзошел даже тех, которые являются детьми в искусстве медицины, а уже нападаешь на Гиппократов! Возможно ли большее переполнение черной желчью? Возможно ли более очевидное невежество? Возможна ли большая дерзость? Ты бросаешь нам, Юлиан, эти насмешки и добавляешь к ним невежественные слова, нелепость которых ясна даже ребенку. Гиппократ сказал, что невозможно найти ни

возраст, ни время года, ни какой бы то ни было момент, когда в нашем теле отсутствовала бы какая-либо из жидкостей, которые, по его словам, присутствуют всегда, – кровь, флегма и обе желчи (ведь он говорит, что все эти жидкости присутствуют постоянно, но количество той или иной из них может увеличиваться в зависимости от темперамента, природы тела, возраста, времени года, местности и заболевания). Ты же думаешь, что это учение опровергнуто, если человеку, страдающему от избытка желчи, дали средство, выводящее флегму, но вызвали этим выделение не флегмы, а желчи. *** Пускай; однако и мы знаем, что так бывает: лекарство не всегда выводит соответствующую ему жидкость. Разве это доказывает, что учение Гиппократово ложно? Ведь если все способы очищения одинаково выводят все жидкости, их можно объединить в один вид, и нет никакой разницы между кровопусканием и очищением. Однако так ли это, проще всего определить на опыте: возьмем двух людей похожего сложения и близкого возраста, имеющих брюшную водянку одного и того же размера, и дадим одному средство, выводящее воду, а другому сделаем кровопускание, и посмотрим, кто из них получит пользу, а кому будет причинен вред. И справедливо было бы, чтобы обоим удалили одинаковое количество жидкости, то есть излили бы столько же котил крови у одного, сколько котил воды удалили у другого посредством очистительного лекарства. Однако уступим им в этом: удалим у одного посредством очищения, если получится, 15 котил

воды, а другому посредством кровопускания – всего два котила крови и посмотрим, кто из них будет зарезан (потому что как еще назвать кровопускание при водянке?), а кто получит величайшую пользу. Но что мы говорим, Юлиан? Разве только что описанный опыт не одинаков с тем, который ты предпринял немного раньше, или не похож на него? Он говорит: дадим средство, выводящее желчь, какому-нибудь больному водянкой. Оно, чтоб ты знал, и в этом случае выведет желчь, но в небольшом количестве и без всякой пользы. Дадим средство, выводящее водянистую жидкость, больному, страдающему избытком желчи, – оно выведет водянистую жидкость, но ее будет мало, и это причинит вред. Теперь, наоборот, дадим средство, выводящее воду, больному, страдающему асцитом, а средство, выводящее желчь, – страдающему желтухой. В обоих случаях будет выведено много жидкости, и это принесет больному большую пользу. Если Юлиан никогда не читал об этом ни у одного из врачей – что ж, я поражаюсь трудолюбию этого человека. Если же он читал об этом, но имел дерзость написать то, что он написал, – заслуживает восхищения его разум. Я думаю, у тех, кто слушал то, о чем было сказано, уже болят от этого уши. Юлиан же в своих писаниях об этом заявляет, что мы страдаем избытком черной желчи. Итак, ответим ему, вспомнив философов, которых он хвалит, и спросим, у кого из них выучился он тому методу доказательства, который он демонстрирует. Он говорит: «Если бы средство, выводящее желчь, по при-

роде своей выводило ее, а не порождало, оно не выводило бы желчь у человека, страдающего избытком флегмы». Поразительное представление о логической последовательности! О мудрец и великий знаток диалектики! Что столь же мудрое сказали Хрисипп, или Аристотель, или Платон? Они как раз, если бы можно было предложить им рассмотреть эту тему, сказали бы, что из того, что в теле совершенно не содержится желчи, следует, что средство, выводящее желчь, не выведет никакой желчи, из того, что содержится мало желчи, следует, что выведенной желчи будет мало, точно так же как если бы желчи было много, то и выведено ее было бы большое количество. Однако Юлиан – мудрец, сумевший изобрести новую диалектику, – считает, что за принятием желчегонного не последует никакого выведения желчи в том случае, если в организме живого существа имеется мало желчи. И он еще заявляет, что это мы страдаем от избытка черной желчи, когда даем средство, выводящее воду, больным водянкой, а он находится в здоровом уме, хотя из его учения следует, что им надо делать кровопускание.

Мало чем отличается от этих его рассуждений и то, что он пишет далее, в следующем пассаже: «Здоровье бывает неопределенным при частом чередовании приступов и отступлений болезни; мы считаем, что это можно сравнить с тем, что во всей непрерывности появляется редко». В этих словах Юлиан отвергает мнение о том, что источники болезней всегда бывают телесными, и об этом свидетельствует

то, что он пишет о приступах и отступлениях болезней, считая, что в этом следует учению методистов, он противоречит учению древнего врача. Однако на деле ты обнаружишь совершенно противоположное. Ведь болезненные состояния твердых частей тела живого существа бывают устойчивыми и задерживаются надолго, жидкости же, естественно, перетекают в другие части тела живого существа, распространяются, становясь менее плотными, и выделяются через различные чувствами поры, а иногда, переваренные природой, управляющей живым существом, становятся лучше, иногда же, подвергшись изменению под действием лихорадочного жара, становятся хуже, некоторые же под действием дыхания †¹⁵⁸ лихорадочного жара, и поэтому становятся лучше, смешиваясь с хорошей пищей, а другие подвергаются порче под влиянием притекающих или немедленно выводимых вовне дурных или плохо переваренных в желудке *** И нет ничего удивительного в том, что при гниении жидкостей возникают лихорадки, и в том, что, когда такие соки собираются в какой-то полости, гниют там, а затем покидают ее, лихорадка сначала возникает, а потом угасает. Но в такой ситуации лихорадку нужно просто перенести.

Перейду к тому, что написано у Юлиана дальше и что присутствует не у всех, но исключительно у него. Мне кажется, лучше всего привести это рассуждение полностью, хоть оно

---

¹⁵⁸ Этот знак здесь и далее обозначает испорченное место в тексте, не поддающееся пониманию.

и достаточно длинно. Выглядит же оно так: «В целом при избытке жидкости или порче невозможно определить † источник болезни, ведь как можно достаточно точно распознать его, если болезнь распространилась по всему телу? Необходимо признать, что при этом имеется избыток всего в любой большой и малой части тела. Ведь необходимо, чтобы непосредственная причина распространялась вместе со своим следствием. А по всему телу распространяются такие болезни, как лихорадка, и тысячи других болезней, при которых по необходимости и избыток жидкости будет во всем теле, причем этот избыток будет настолько больше, насколько больше будет болезнь. ***¹⁵⁹». Итак, Юлиан не хочет признавать, что непосредственная причина болезней, распространяющихся по всему телу, может находиться в одном месте. Однако это рассуждение будет опровергнуто, стоит только признать, что истечение из бубона может являться непосредственной причиной лихорадки. Если бубон рассосется, то и истечение не сможет ни сохраниться, ни увеличиться, а так как если оно сохранится, то и лихорадка не прекратится, а если она прекратится, то придется признать, что непосредственной причиной ее является бубон, то это опровергает рассуждение сего славнейшего защитника, утверждающего, что причина болезни всего тела не может сосредотачиваться

---

¹⁵⁹ Далее рукописный текст испорчен, кроме того, в рукописи, по-видимому, есть две лакуны. Заключительную часть фрагмента сочинения Юлиана перевести невозможно.

в одном месте. И нельзя назвать другого значения понятия «непосредственная причина», помимо того, что следствие возникает из-за нее и прекращается, как только она исчезает, – если только и здесь он внезапно не заявит, что является стоиком, как уже делал в других сочинениях. Однако если он сделает это, ему придется назвать причину не только болезни, но и здоровья и признать, что болезни бывают горячие, холодные, сухие и влажные, чего он делать не хочет. Так пусть же он не говорит глупостей и не ведет себя как безумец, поминутно меняя свои представления, то хваля стоиков, то отрицая их учение.

Комментарий

Сочинение Галена «Опровержение возражений, выдвинутых Юлианом против Афоризмов Гиппократата»¹⁶⁰ дополняет уже имеющийся в нашем распоряжении корпус источников, в которых представлена полемика Галена с врачами-методистами. В данном случае оппонент Галена – Юлиан, известный представитель методистской школы, не относящийся, впрочем, к числу столпов, сформулировавших ее основные положения. Юлиан – это, безусловно, не Эрасистрат, не Асклепиад и не Фессал, но наряду с Сораном он, по-видимому, один из наиболее известных врачей-методистов имперской эпохи, по времени близкий к Галену. В отличие от Сорана Эфесского Юлиан не внес значительного вклада в развитие медицины. Однако в свое время он как талантливый писатель и пропагандист идей школы врачей-методистов был очень известен и влиятелен. Он писал обширные сочинения, направленные против представителей других врачебных школ, в первую очередь против рационалистов-гиппократиков. Например, считается, что только один его трактат, опровергающий афоризмы Гиппократата, состоял из 48 книг. Произведениям Юлиана школа методистов обязана своим существованием: В. Наттон указывает, что в западной части империи методисты комфортно существовали

---

¹⁶⁰ Далее – «Опровержение возражений...».

до V в. На Востоке, напротив, триумф системы Галена был сокрушительным – статус господствующего учения она обретает уже к концу III в.¹⁶¹ Работы Юлиана, по преимуществу компиляторного и разъяснительного характера, сыграли роль некоего «моста во времени» между отцами-основателями школы врачей-методистов и ее позднейшими представителями.

В начале своего сочинения Гален критикует методологию врачей-методистов, считавших основой обучения профессии освоение опыта учителя. Речь, конечно, идет не о том, что учитель не нужен, – Гален имеет в виду необходимость наряду с практическим опытом наставника усваивать объективные законы природы. Для врачей-методистов, картина мира которых определялась атомистической натурфилософией, идея существования в природе законосообразного порядка протекания физических процессов была неприемлема. Отрицая телеологический принцип устройства человека, они видели процессы его жизнедеятельности как результат хаотического движения атомов. Тогда «благоприятное стечение обстоятельств» Эрасистрата становилось столь

---

¹⁶¹ Об этом подробнее см.: *Балалыкин Д.А., Щеглов А.П., Шок Н.П.* Гален: врач и философ. М.: Весть, 2014. 416 с.; *Балалыкин Д.А.* Медицина Галена: традиция Гиппократов и рациональность античной натурфилософии // Гален. Сочинения. Т. II. С. 5–106; *Балалыкин Д.А.* Исследовательский метод Галена // Гален. Сочинения. Т. III. С. 5–119; *Балалыкин Д.А.* О телеологическом принципе, научном методе и управляющих силах души в медицине Галена // Гален. Сочинения. Т. IV. С. 5–100.

же универсальным, сколь и бессмысленным объяснением успешного излечения больного. Гален обращает внимание на пользу этой теории: «Неужели ученики Фессала должны подражать своему учителю, если он с помощью очистительной клизмы вылечивает больному желудок, а если очищение произошло произвольно, то его воспроизводить не следует? Или предположим, что у женщины случилась задержка месячных, а потом кровавая рвота. Неужели ученикам Фессала нужно повторять действия учителя, который, вызвав истечение или отворив жилу, излечил эту болезнь, а если месячные прорвались сами по себе и принесли облегчение, то природе им в этом подражать не следует? Ведь нет разницы, повитуха или Фессал вызвали месячные, или больная получила облегчение без их участия, от самопроизвольного истечения, — польза происходит от опустошения, а не от того, что его вызвало» (1, 250–251 К).

Гален обращает внимание на увлеченность Юлиана и его сторонников абстрактными натурфилософскими идеями, которые мешают им правильно понимать вопросы врачебной практики, тем более что и в философии Юлиан делает грубые ошибки: «Если врач методической школы, сам того не заметив, станет выступать как натурфилософ и скажет без хвастовства и чванства, не делая вид, что выносит на всеобщее обозрение некие основы сокровенного учения, что болезненные процессы, происходящие с телом, бывают двух видов и для того, что составлено сообразно природе,

возможно два вида перемен, или изменений, противоположных друг другу, – избыточное соби́рание и насильственное изли́яние, – то слова его покажутся разумными – не натурфилософам, конечно же, рассуждающим о материи вселенной, а врачам физической школы» (3, 255–256 К).

Дальнейшие рассуждения Галена о плохом знании Юлианом той самой философии, на которую тот пытается опираться, напоминают читателю о неоднородности взглядов представителей методистской школы на протяжении всей ее истории. В этом нет ничего удивительного – и гиппократики разных поколений спорили между собой (пример – споры между Ликом и Галеном). Кроме того, категориальный аппарат натурфилософии атомизма сам по себе значительно обеднял возможности объяснений процессов жизнедеятельности живых существ. Необходимость давать правдоподобные теоретические интерпретации вопросам практического свойства приводила к возникновению разногласий.

Я уже указывал на то, что часть врачей-методистов, современников Галена, вслед за Эрасистратом полностью отрицали значение вентомии, часть приписывала Эрасистрату взгляды, которые он никогда не высказывал. Асклепиад, в целом следуя натурфилософии Эпикура, отрицал наличие в природе физического свойства притяжения, Фессал спорил с Асклепиадом и Темисоном. Юлиан, в свою очередь, пытается скорректировать теорию школы, очевидно, приспособляя ее к изменившимся реалиям: «...Удаляясь от начал, опре-

деленных Асклепиадом, Темисоном и Фессалом, он опирается на этих философов, которые полностью устраняют пустоту из нашего мира» (3, 256 К). Вместе с тем мы видим, что основные доктрины атомизма продолжают определять ход мыслей Юлиана: «В другой же [книге. – Д.Б.], в которой он ведет речь о различных заболеваниях души и тела, он пишет: “Состояние, соразмерное с точки зрения скопления и истечения, мы по человеческому суждению назовем здоровьем. Если же болезни вызывают отклонение от этого состояния, то тела неизбежно страдают, либо собираясь и делаясь тверже и суше, либо растекаясь и становясь мягче и влажнее, чем следует”» (3, 257 К). Обратим внимание на очень интересную оговорку Галена: он вскользь упоминает книгу Юлиана «О методе», указав, что она была посвящена некоему Филону. Не идет ли речь о знаменитом иудейском философе из Александрии? Или это другой Филон, из числа известных врачей, живших в I–II вв.? К сожалению, на основе имеющихся в нашем распоряжении источников ответить на этот вопрос невозможно, однако, учитывая интерес Юлиана к философии, это упоминание нельзя и проигнорировать.

Гален уличает Юлиана в неверном понимании Платона и Аристотеля, в том, что тот не знаком с трудами (или сознательно их игнорирует) Хрисиппа, Зенона и других видных философов-стоиков, в недооценке разъяснений доктрины о тепле и сухости, данных Теофрастом, и т. д. Перечислять замечания великого римского врача в адрес своего оппонента

можно долго – важно то, что текст Галена свидетельствует о значительном внимании, которое Юлиан уделял общефилософским аргументам при обосновании своих воззрений: «После этого Юлиан приводит еще много обвинений, доказывая, что его оппонентам неизвестна сущность природы. например, он обвиняет Гиппократ в том, что в афоризме, который нам предстоит разобрать далее, он упомянул имя природы, а не написал, что нечто происходит само по себе. Но откуда здесь появилось имя природы? Откуда же еще, как не из пустой болтливости Юлиана, которая порождает длинные речи, – если же кто-то возьмется разобраться в них, он явно изобличит его глупость. Все врачи говорят, что одни очищения происходят благодаря природе, а другие – благодаря случаю, имея в виду, что их причина иногда находится в самом теле больного, а иногда – вне тела. Он же взял это в качестве отправной точки для своего пустословия о слове “природа”» (5, 265 К). Иными словами, разногласия между представителями медицинских школ носят непримиримый мировоззренческий характер. Иначе и быть не может, если учитывать натурфилософскую основу их учений¹⁶².

---

¹⁶² Об этом и о том, как эти разногласия экстраполируются на медицинскую практику, см.: *Balalykin D.A. Ancient medicine after Herophilus. Part 1 // History of medicine. 2016; 3(1): 3–15; Balalykin D.A. Ancient medicine after Herophilus. Part 2. The natural philosophical foundations, theory and practice of the Methodic school doctors // History of medicine. 2017; 4(1): 82–99; Balalykin D.A., Shok N.P. The apodictic method in the tradition of ancient Greek rational medicine: Hippocrates, Aristotle, Galen // History of medicine. 2016; 3(4): 377–391.*

Гален указывает на преемственность взглядов Юлиана и Фессала, оговариваясь при этом, что «никто из учеников Фес-сала, не имеющих метода, не следовал им во всем» (5, 271 К). Эта реплика Галена поясняет мои соображения о неоднородности взглядов приверженцев школы методистов как в отношении преемственности учения, так и (непосредственно во времена Галена) в плане трактовки отдельных вопросов врачебной практики.

Фессал утверждал, что «избыток жидкостей есть общая причина болезней». Однако важно не то, сколько в организме находится жидкости вообще, надо понимать, какая именно жидкость, в каких частях тела и в каком количестве.

Асклепиад считал, что избыток жидкостей – это плохо, но «он ни в коей мере не является общей причиной» болезней: «... Асклепиад говорит, что если избыток жидкости действительно является общей причиной болезней, то обильные выделения, которые иногда бывают в начале болезни, немедленно избавляли бы больного от всего, что его отягощает. В то же время на деле мы подчас наблюдаем, что болезнь только усугубляется от того, что тело избавляется от избытка жидкости. Это рассуждение кажется достаточно убедительным, и поэтому требует специального опровержения, но оно не имеет никакого отношения к тому, о чем сказано в афоризме Гиппократов. Ведь это рассуждение берет доказательства не из учения, но из общего для всех людей здравого смысла, которым, как я уже говорил, пользуются и эмпири-

ки. Мы опровергнем эти рассуждения Асклепиада не потому, что они имеют отношение к афоризму Гиппократата, а потому, что мы считаем лучшим, после того, как мы до сих пор терпели глупости Юлиана, поупражняться в более близком диалектике занятии, сразившись с настоящим софистом. Так вот, когда Асклепиад говорит «избыток жидкости», надо его спросить, что он под этим понимает: имеет ли он в виду избыток в отношении функции или избыток в отношении заполнения пространства и сосудов, который обычно называют «избытком от изливания жидкостей», и имеет ли он в виду избыток во всем теле или в какой-то его части? Сказать, что он имеет в виду избыток в отношении функции, он не может, так как отрицает почти все функции, которыми управляется живое существо. Но и избыток в отношении объема сосудов может быть двух видов: либо превосходящий природную меру, либо простой, когда жидкость просто не может сдерживаться в полости. Избыток в обоих смыслах может быть как во всем теле животного, так и в отдельной его части. В сочинении “О причинах симптомов”, а также в сочинении “О неестественных опухолях” нами показано, что причина и спазма, и дрожи, и лихорадки всего тела, и рожи, и того, что новейшие врачи называют опухолью, и, кроме того, некоторых других заболеваний – избыток жидкости, и, если устранить этот избыток, больная часть тела немедленно вернется в естественное состояние» (6, 277–279 К). Это является еще одним подтверждением высказанной мной гипотезы

о характере внутренних разногласий среди классиков школы врачей-методистов. Кроме того, это очень ценные свидетельства: Гален либо цитирует своих оппонентов, либо близко к тексту пересказывает их высказывания, что очень важно, так как никакие работы Асклепиада и Фессала не сохранились. Подобные фрагменты из сочинений Галена позволяют реконструировать взгляды этих незаурядных представителей античной медицины.

Гален приводит еще одно суждение Юлиана, важное для понимания взглядов врачей-методистов на общую физиологию и патологию человека: «Смысл его, как уже было сказано, состоит в следующем: “Если бы причина болезни заключалась в жидкостях, мы могли бы не позволять ни одной болезни затягиваться, быстро выводя их. Однако на деле многие болезни затягиваются, даже если в начале болезни произведено достаточно сильное опорожнение. Значит, причина заключается не в жидкостях”. Но это рассуждение будет истинным только в том случае, если речь в нем идет об избытке жидкости в отношении объема, имеющемся во всем теле (ведь в таком случае, если мы пожелаем в начале болезни опорожнить излишек, мы выводим все, что приводит к состоянию переполнения). Если же страдает какая-то одна часть тела, в которой имеется избыток жидкости, то это рассуждение оказывается неверным» (7, 282 К). В точности Галена можно быть уверенным: его краткий пересказ суждения Юлиана следует за весьма обширной цитатой из сочи-

нения самого врача-методиста. Этот фрагмент подтверждает мою гипотезу относительно взглядов врачей-методистов на переполнение. Для них важен избыток вещества в принципе, без дифференциации по различным видам жидкостей, вырабатывающихся как в норме, так и при патологии. Сам Гален употребляет здесь сравнение человеческого тела врачами-методистами с сосудом: важно, чтобы в целом выходило столько же, сколько и входит, ведь все питательные вещества, равно как и составляющие человеческого тела, в конечном счете представляют собой лишь совокупность атомов. С точки зрения врача-гиппократика, к переполнению следует подходить дифференцированно – учитывать локализацию (в какой части тела) и виды конкретных жидкостей и веществ.

Гален приводит примеры излечения при разных видах переполнения: с помощью кровопускания при переполнении кровью, изгнания излишков воды – при водянке и т. д.

Великий римский врач упоминает о «знаменитом тезисе» Асклепиада, который будто бы полагал, что очищающие средства, рекомендуемые врачами-гиппократиками, не избавляют от соответствующих жидкостей, а, наоборот, оказывают противоположное воздействие: «Теперь давайте рассмотрим, каким образом Юлиан пользуется рассуждениями Асклепиада, а именно его знаменитым тезисом о том, что каждое из очищающих лекарств не выводит соответствующую жидкость, но производит ее» (8, 287 К) Утверждение,

которое с позиций современной медицины выглядит абсурдно, судя по всему, разделяли целые поколения врачей-методистов. Это указывает на системное значение данного тезиса для методистской доктрины. Гален приводит названия трех своих трактатов, на страницах которых он аргументированно опровергает эту точку зрения. Более того, Гален обращает внимание читателя на то, что этого мнения придерживался и Фессал, и приводит его слова: «Итак, возьмем хорошо сложенного атлета, которого выберут они сами, плоть тела которого пребывает в естественном состоянии, то есть здорово и нетронута болезнями, дадим ему очистительное средство и покажем, что выделения будут сильно испорченными. Затем сделаем вывод – и никто не сможет возразить на него и сказать что-либо против, – что эти чрезвычайно жесткие и испорченные выделения – это не то, что было в атлете до принятия очистительного лекарства, потому что он был вполне здоров. Так что нам ничего не остается, как признать, что из-за лекарства произошли две вещи: во-первых, материя изменилась и испортилась, а во-вторых, она выделилась, со рвотой или через желудок» (8, 288–289 К).

Иными словами, спортсмен имеет здоровые выделения (он здоров), и если ему, например, дают желчегонное, то выделяется желчь. По мнению Фессала, дело в том, что лекарство, изгоняющее желчь (так учат гиппократики, и для этого они его дают), попав в организм здорового человека, превращается именно в желчь. В нормальном состоянии в теле здо-

рового спортсмена желчи нет, поскольку она не выделяется. Если вдруг она стала выделяться, значит, появилась (раньше не было). Раз появилась после приема желчегонного, то это произошло вследствие приема препарата, а значит, образовалась из него, ведь к веществу тела, которое было здорово, ничего иного не добавлялось. Так мыслит Фессал, и если верить Галену, то в этом Фессал повторяет «знаменитый тезис» Асклепиада. Логика рассуждений лидера школы врачей-методистов может показаться абсурдной, но, на мой взгляд, есть повод задуматься о том, что рассуждения Гиппократов или Галена, как правило, представляются разумными и понятными. Это самая лучшая, реализуемая на уровне здравого смысла, иллюстрация соизмеримости протонаучной системы Галена (а не учений врачей-эмпириков и врачей-методистов) с современными взглядами на медицину.

Однако с позиции натурфилософии атомизма рассуждения Фессала совершенно разумны. В теле здорового атлета атомы находились в равновесии, а когда к ним добавляли атомы в виде желчегонного, равновесие нарушалось. Оно восстанавливалось, когда ненужные атомы выходили из организма в форме выделений. Значит, выделения и представляют собой видоизмененное желчегонное. С точки зрения Эпикура или Асклепиада, все правильно.

Сказанное поможет уяснить глубину противоречий между школьными учениями. Именно поэтому в предложен-

ной мной общей периодизации истории медицины¹⁶³ период, предшествовавший торжеству учения Галена, не относится к протонаучному: протонауке также требуется наличие господствующей теории, как и современному академическому знанию. Представителей всех школ античной медицины мы называем врачами, учитывая их практические навыки. Однако их учения об устройстве человеческого тела несовместимы: в этом смысле можно сказать, что если Фессал является врачом, то Гален принадлежит к другой профессии. Полагаю, инстинктивно многие историки медицины это улавливали: не случайно историю медицины Античности принято описывать как историю врачевания. Однако и шаман, и знахарь – тоже врачеватели, поэтому необходимо иметь более четкое представление о различиях в учениях разных медицинских школ.

Гален приводит следующее высказывание Юлиана: «В целом при избытке жидкости или порче невозможно определить † источник болезни, ведь как можно достаточно точно распознать его, если болезнь распространилась по всему телу? Необходимо признать, что при этом имеется избыток всего в любой большой и малой части тела. Ведь необходимо, чтобы непосредственная причина распространялась вместе со своим следствием. А по всему телу распространяются такие болезни, как лихорадка, и тысячи других бо-

---

¹⁶³ Подробнее об этом см.: *Balalykin D.A. On the problem of periodization in the history of medicine // History of Medicine. 2016; 3(3): 203–221.*

лезней, при которых по необходимости и избыток жидкости будет во всем теле, причем этот избыток будет настолько больше, насколько больше будет болезнь» (8, 297–298 К). Гален тут же комментирует слова Юлиана: «Итак, Юлиан не хочет признавать, что непосредственная причина болезней, распространяющихся по всему телу, может находиться в одном месте» (8, 298 К).

В трактате Галена «Опровержение возражений...» представлены неизвестные ранее сведения о взглядах врачей-методистов, позволяющие нам составить более четкое представление об их доктрине.

ΓΑΛΗΝΟΥ. ΠΡΟΣ ΛΥΚΟΝ¹⁶⁴
ΟΤΙ ΜΗΔΕΝ ΗΜΑΡΤΗΤΑΙ ΚΑΤΑ
ΤΟΝ ΑΦΟΡΙΣΜΟΝ, ΟΥ Η ΑΡΧΗ.
“ΤΑ ΑΥΞΑΝΟΜΕΝΑ ΠΛΕΙΣΤΟΝ
ΕΧΕΙ Τῆ ΕΜΦΥΤΟΝ ΘΕΡΜΟΝ”

1. Ἄνεμέσητον μὲν δήπου καὶ Λύκῳ καὶ παντὶ τῷ βουλευθέντι πρὸς Ἴπποκράτην γράφειν· ἔτι δ' ἀνεμεσητότερον οἶμαι τοῖς δυναμένοις ἀπολύσασθαι τὰ κακῶς εἰρημένα πρὸς αὐτὸν ἐγκλήματα, καθάπερ ἐν δικαστηρίῳ τοῖς ἀναγνωσομένοις ἀμφοτέρων τὰ γράμματα τὴν ἀπολογίαὶν ποιήσασθαι, καὶ μάλισθ' ὅταν ὁ μὲν ἐγκαλῶν πρὶν μαθεῖν τὰ λεγόμενα θρασύνηται, τῷ δ' ἀπολογουμένῳ πεπαιδεῦσθαι κα<λῶς ὑπάρχη> τὰ τοῦ παλαιοῦ δόγματα. Λύκος τοίνυν ἔγραψε μὲν ἐξηγητικὰ τῶν Ἴπποκράτους ἀφορισμῶν ὑπομνήματα, λωβᾶται δὲ τοῖς δόγμασι τάνδρὸς ἐκατέρωθεν, οἷς τε ψέγειν καὶ οἷς ἐπαινεῖν τινα τῶν ὑπ' αὐτοῦ λεγομένων οἶεται καὶ δι' ὧν ἀντιλέγειν ἐπιχειρεῖ. τὰ τε γὰρ ἐπαινούμενα Λύκου φαντάσματά ἐστιν, οὐχ Ἴπποκράτους δόγματα, δι' ὧν τε ἀντιλέγει, δῆλός ἐστι μηδὲ

---

¹⁶⁴ Древнегреческий текст приводится по изданию: *Adversus Lycum libellus // Galeni adversus Lycum et adversus Iulianum libelli* / Ed. E. Wenkebach. [Corpus medicorum Graecorum. Vol. 5.10.3. Berlin: Akademie-Verlag, 1951]. P. 3–29.

τὰ στοιχεῖα τῆς Ἴπποκράτους τέχνης ἐπιστάμενος. ὅτω δ' οὐκ ἔστι τῶν στοιχείων ἐπιστήμη, σχολῇ γ' ἂν οὗτος εἰς τὰς συλλαβάς εἰδείη τῆς τέχνης ἐκείνης ἢ τῶν ἀπ' αὐτῆς. εἰ μὲν οὖν ἐγὼ πρῶτος ἢ μόνος ἔλεγον ἐκ θερμοῦ καὶ ψυχροῦ καὶ ξηροῦ καὶ ὑγροῦ τὰ τῶν ζώων σώματα συγκεῖσθαι νομίζειν Ἴπποκράτην, τάχα ἂν ἴσως εὐλαβέστερον ἐνεκάλουν Λύκῳ πρὶν γνῶναι τὰ στοιχεῖα τῆς Ἴπποκράτους τέχνης ἐπιχειροῦντι τῶν συγγραμμάτων αὐτοῦ γράφειν ἐξηγήσεις. οὔτε γὰρ ὅσοι δόγμασιν ἐναντίοις ἐνετράφησαν οὔθ' ὅσοι μὴδὲ τὰ πρῶτα γινώσκουσι τῆς τέχνης [χρήσιμα] εὐλογον ἐξηγεῖσθαι τοὺς ἀφορισμούς, ἀλλ' οἵπερ μεμαθήκασι μὲν ἐκ τῆς παιδικῆς ἡλικίας, ἐπαινοῦσι δὲ ἥδιον ἢ ψέγουσιν αὐτοῦ τὰ δόγματα. Λύκος δὲ εἰς τοσοῦτον ἄρα τῆς Ἴπποκράτους τέχνης ἀμαθής ἐστίν, ὥστ' ἐγὼ – θεοὺς ἅπαντας ἐπόμνυμι – τὰς πρώτας τῶν εἰς τοὺς ἀφορισμούς ὑπομνημάτων αὐτοῦ ἐξηγήσεις ἀναγνοὺς [ἀφορισμῶν] οὐκέθ' ὑπέμεινα τὸ λοιπὸν τοῦ βιβλίου γνῶναι τοσοῦτον <δοκοῦντος> τῆς γνώμης ἀμαρτάνειν τοῦ παλαιοῦ. τῶν ἐταίρων δὲ τινος ἀξιώσαντος ἐπακοῦσαί γε τῶν εἰς τόνδε τὸν ἀφορισμὸν ὑπ' αὐτοῦ γεγραμμένων, ἐν ᾧ φησι “τὰ αὐξανόμενα πλεῖστον ἔχει τὸ ἔμφυτον θερμόν”, εἶτα πολλῶν καὶ ἄλλων παρακαλεσάντων ἀπολογήσασθαι πρὸς τὰς κατηγορίας, οὕτως ἀναγκασθεὶς ἐπὶ τόνδε τὸν λόγον ἤκον.

2. Ἴνα δὲ τοῖς ὑπ' ἐκείνου λεγομένοις <καὶ τοῖς> ὑπ' ἐμοῦ δὲ μέλλουσι πρὸς αὐτὰ ῥηθῆναι ῥᾶον ἀκολουθήσωσιν οἱ δικάσοντες ἡμῖν, ἀναγκαῖον ἔσται μοι βραχέα προειπεῖν. ὅτι

μέν ἐστι θερμὸν ἐν ἡμῖν, ἐναργῶς ἅπασι φαίνεται, πότερον δ' ἐκ κινήσεως τοῦτο τῆς κατὰ τὴν καρδίαν καὶ τὰς ἀρτηρίας ἔχει τὴν γένεσιν ἢ, καθάπερ αὐτὸ τὸ κινεῖσθαι τῇ καρδίᾳ σύμφυτον ὑπάρχει, τὸν αὐτὸν τρόπον καὶ ἡ θερμασία, διαπεφώνηται τοῖς ἰατροῖς. ἀλλ' ὅστις γε βούλεται μαθεῖν ἐπιστημονικῶς ἀρχὰς τοῖς ζώοις ἅπασι γενέσεως εἶναι τὸ θερμὸν καὶ τὸ ψυχρὸν καὶ τὸ ξηρὸν καὶ τὸ ὑγρὸν, ἐν ἔχει βιβλίον ὑπ' ἐμοῦ γεγραμμένον, ἐν ᾧ τὴν Ἰπποκράτους γνώμην ἐξηγοῦμαι τε ἅμα καὶ ἀποδεικνύω. τοῦτο μὲν δὴ τὸ βιβλίον ἐπιγέγραπται Περί τῶν καθ' Ἰπποκράτην στοιχείων. ἕτερα δὲ ἐφεξῆς ἐστὶν αὐτοῦ τὰ Περί κράσεων, ἐν οἷς δείκνυμι, τίνα μὲν τῶν σωμάτων πλείονα μοῖραν ἐν ἑαυτοῖς ἔχει τοῦ θερμοῦ στοιχείου, τίνα δ' ἐλάττονα, καὶ ὡς διὰ τοῦτ' αὐτὸ τὰ μὲν θερμότερα φύσει, τὰ δὲ ψυχρότερα γέγονεν. ἅπασι γὰρ ἡμῖν ὑπάρχει τὸ θερμὸν στοιχεῖον ἔμφυτον ἐκ τῆς πρώτης ἀρχῆς, ἣν ἐκ σπέρματός τε καὶ καταμηνίου κεκτήμεθα. διαφέρομεν δ' ἀλλήλων ἐν τῷ μᾶλλον τε καὶ ἧττον εἶναι θερμοί· ἀλλ' εἰσὶ γέ τινες ὄροι τούτου τοῦ πλάτους, ὧν ἐπέκεινα τῆς κράσεως ἐξικομένης ἦτοι νοσεῖν ἡμῖν ἀναγκαῖόν ἐστιν ἢ διαφθεῖρεσθαι. καὶ γὰρ ἐπὶ πλέον ψυχθέντες ἐν νοσήματι ψυχρῷ καθιστάμεθα καὶ θερμανθέντες ἔξω τοῦ κατὰ τὴν ὑγείαν πλάτους εἰς πυρετὸν ἀγόμεθα. καὶ τοίνυν καὶ τῶν πυρετῶν αὐτῶν ἔνιοι μὲν ἀκριβῶς εἰσι ξηροί, καθάπερ οἱ ἀκριβῶς ἐκτικοί, τινὲς δὲ ἐσχάτως ὑγροί, καθάπερ οἱ τυφώδεις ἢ <οἱ> ἐλώδεις ὀνομαζόμενοι. εἰ δ' οὐ χαίρει <τις> τοῖς οὕτω

καλουμένοις ἢ κατ' ἄλλου πράγματος ἐπιφέρειν εἴθισται τὰς εἰρημένας προσηγορίας, ἐν τῷδε τῷ λόγῳ διηγήσομαι τοὺς ὑγροὺς πυρετοὺς ὁποίους εἶναί φημι· <δι' ὧν> ἰδροῦσιν οἱ κάμνοντες ἀπὸ <τῆς> πρώτης ἡμέρας ἐν [δ'] αὐτοῖς <τοῖς> ἰδρῶσιν ἢ μετρίως ἢ οὐδὲν ὀνινάμενοι, τούτους ὑγροὺς ἐγὼ τοὺς πυρετοὺς ὀνομάζω, ξηροὺς δὲ ἔμπαλιν ἐκείνους καλῶ τῶν πυρετῶν, οἷς δίψα σφοδρὰ καὶ γλῶττα ξηρὰ καὶ δέρμα σκληρὸν οἷόνπερ βύρσα καὶ πολὺς αὐχμὸς ἐν ἅπαντι τῷ σώματι. καὶ μὴν καὶ ἕτεροὶ τινές εἰσι πυρετοὶ τὴν διαπνοὴν ὅλου τοῦ σώματος ἔχοντες ἀνιαρὰν τοῖς ἀπτομένοις, ὡς νύττεσθαί τε καὶ δάκνεσθαι δοκεῖν, διχῶς καὶ τούτου γιγνομένου, ποτὲ μὲν ἀερώδους ξηροῦ τοῦ προσπίπτοντος ἡμῖν, ἔστι δ' ὅτε ὑγροῦ πῶς φαινομένου, καθάπερ ἀτμοῦ τινος. τοιαύταις ιδέαις ἀλλήλων διαφέρουσι καὶ τῶν ὑγιαινόντων αὐτῶν αἱ κράσεις, ἃς δὴ καὶ δυσκράτους εἶναί φαμεν ἐπανορθούμεθά τε καθ' ὅσον οἷόν τε τὴν φυσικὴν δυσκρασίαν αὐτῶν. ἔστι γὰρ καὶ τοῦτο μῦριον οὐ σμικρὸν τῆς ὑγεινῆς τέχνης. ὅσα δὲ εὐκράτα φύσει τῶν σωμάτων ἐστίν, οὐδὲν τοιοῦτον ἀπτομένοις ἐμφαίνει. σύμμετρα γὰρ ἀκριβῶς ἐστίν, ὡς μήτ' ἐνδεῖν αὐτοῖς τὸ θερμόν, οἷα γέρουσιν ἢ τοῖς ἐψυγμένοις, μήτ' ὑπερβάλλειν, ὡς τοῖς ἀμετρότερον πονήσασιν ἢ διατρίψασιν ἐπὶ πλεόν ἐν ἡλίῳ θερινῷ. πολὺ δὲ δὴ μᾶλλον οὐδὲ τὸ δάκνον ἢ ἀνιαρὸν ἢ τούτων ἔχει θερμασία.

σαφηνείας δὲ ἔνεκα τῶν λεγομένων οὐδὲν ἂν εἴη χειρὸν ἀναμνησθῆναί σε βαλανείων, ἐν οἷς ἐν μὲν ἐστὶ δῆπου

τὸ τῶν εὐκράτων εἶδος, αἱ δυσκρασίαι δὲ πολλαί. μία μὲν γὰρ δυσκρασία βαλανείου ψυχροτέρου τῆς χρείας ὑπάρχοντος, ἕτερα δὲ εἰ μέχρι τοῦ λυπεῖν ἤδη θερμανθείη, τρίτη δ' ἄλλη καθ' ἣν οὐθ' ὡς ψυχρότερον οὐθ' ὡς θερμότερον αἰτιώμενοι πλήρες ἀτμοῦ φαμεν ὑπάρχειν καὶ κατὰ τοῦτο μεμφόμεθα. τίς γὰρ οὐκ οἶδεν, εἴ γε ὅλως ἄνθρωπός ἐστιν, ὡς εὐκρατόν ἐστι μὲν καὶ ὕδωρ πολλάκις, ἔστι δ' ὁμοίως αὐτῷ καὶ ἀήρ καὶ ἀτμός. οὕτω γοῦν καὶ λίθος εὐκρατος ἐν αὐτοῖς τοῖς βαλανείοις γίγνεται, καθ' οὗ κυλινδεῖσθαι δυνατόν, οὔτε θερμασίαν ὑπερβάλλουσιν οὔτε ψύξιν αἰτιώμενον οὔτ' αὐχμὸν ἢ πλῆθος ὑγρότητος. ὥσπερ οὖν ἐν ὕδατι καὶ λίθῳ καὶ ἀέρι σύμμετρος γίγνεται θερμότης, οὕτως καὶ κατὰ τὸν ἀτμόν, ὃς ἐπειδὰν εὐκρατος ὢν ἐμπλήσῃ τὸ βαλανεῖον, οἱ λουόμενοι δυσχεραίνουσι μὲν καὶ μέμφονται τὸ τοιοῦτον λουτρόν, ψυχρότερον δὲ ἢ θερμότερον οὐκ ὀνομάζουσιν, ὡς, εἴ γε καὶ τοιοῦτόν τι ποιῆι, διττὴν ποιοῦνται τὴν κατηγορίαν τοῦ βαλανείου ψυχρὸν εἶναι φάσκοντες αὐτὸ καὶ μεστὸν ἀτμοῦ, καθάπερ γε καὶ θερμὸν αὐτίς ἀμέτρως σὺν ἀτμῷ δαψιλεῖ. μὴ τοίνυν ἐπιλανθανώμεθα τούτων μηδὲ τὰ κοινῇ πᾶσιν ἀνθρώποις γινωσκόμενα διαφθείρωμεν ὑπὸ περιττῆς σοφίας, ἣν ἐπιδείκνυνταί τινες, ἀλλὰ μεμνημένοι τῶν βαλανείων, ἐπειδὰν ἀκούσωμέν τινος ἐπὶ ζώου λέγοντος ὡς ἔστι τούτου μὲν εὐκρατον τὸ θερμόν, τούτου δὲ δύσκρατον, οὐκ ἐπ' ἄλλο τι μεταφέρωμεν τὴν διάνοιαν, ἀλλ' ἐφ' ὅπερ ἅπαντες οἱ τὰς κοινὰς ἐννοίας διασώζοντες ἄνθρωποι καθ' ἐκάστην

ἡμέραν ἐν ἄλλοις τε πολλοῖς καὶ μέντοι γε καὶ τοῖς βαλανείοις ὧν ἐμνημόνευσα. θερμὸν γοῦν εἶναί φασι τὸ βαλανεῖον καὶ ψυχρόν, εἴτ' αὖθις ἀτμοῦ πλήρες ἢ ξηρόν καὶ ἀυχμῶδες ἐκάστῳ τῶν ὀνομάτων ἰδιὸν τι δηλοῦντες πρᾶγμα. πρὸς τοίνυν τοῖς εἰρημένοις ἕτερόν τι βαλανεῖόν ἐστι καπνοῦ πλήρες καὶ ναὶ μὰ τὸν Δία γε τούτου πολυειδεστάτου· ἕτερος μὲν ὁ ἐκ δρυῖνων ξύλων, ἕτερος δὲ ὁ ἐκ συκίνων ἢ ἐλαίνων ἐστὶ καὶ καθ' ἕκαστόν γε δένδρον ἄλλος καὶ ἄλλος. ἀλλ' οὐδέπω δέομαι τῶν κατὰ μέρος διαφορῶν. ἀρκεῖ γάρ μοι τήν γε πρώτην ὅλον [γε] τὸ γένος τοῦτο μιᾷ κλήσει τε καὶ νοήσει περιλαμβάνοντι καπνώδη τὸν ἀέρα φάναι τοῦ βαλανείου, μηδ' ἐνταῦθα μεμφόμενον αὐτοῦ θερμασίαν ἢ ψύξιν ἢ ὥσπερ γε μεμφόμενον αὖθις, εἰ οὕτως ἔτυχε, κατ' ἄμφω, καὶ ὡς θερμὸν τὸ βαλανεῖον καὶ ὡς καπνῶδες.

ἔασας οὖν ἤδη τὰ βαλανεῖα τῶν καθ' ἕκαστην ἡμέραν ἐν ταῖς οἰκίαις ἡμῖν συμβαινόντων ἀναμνήσθητί μοι· ποτὲ μὲν ὑγρότητα τῶν οἴκων ἐν οἷς ἔσμεν, ἔστι δ' ὅτε ἄμετρον ψύξιν ἢ θερμότητα μεμφόμεθα. πότερον οὖν ὁμοίως μεμφόμεθα τὸν κατὰ τὸν οἶκον ἀέρα τοῖς ὑπὸ κύνα καύμασι, κάπειδὰν καπνοῦ πληρωθῇ, ἢ κἀνταῦθα ὥσπερ ἐν τοῖς βαλανείοις ἔστιν ὅτε κατὰ μὲν τὴν θερμασίαν διαλλάττουσιν οὐδέν; ἔστι δ' αὐτῶν ὁ μὲν αὐτὸ δὴ τοῦτο μόνον, ἀῆρ θερμός, ὁ δὲ σὺν τούτῳ καπνώδης, εἶτα ὁ μὲν γε θερμός ἀῆρ οὐδέποτε προκαλεῖται δάκρυον, τῷ καπνώδει δ' αἰὲ ὑπάρχει τοῦτο, κἀν μετρίως θερμός ἤ, ὥστε ἐναργῶς ἐνταῦθα κατάδηλόν ἐστι τὸ δακνῶδες θερμὸν οὐ τῷ μᾶλλον θερμαίνειν, ἀλλ'

ἐτέρῳ τινὶ διαλλάττον. ἐγγυτάτω γοῦν φλογὸς μεγίστης ἀκάπνου στάντες θερμαινόμεθα μὲν οὕτω πολλάκις, ὡς ἐγγὺς μὲν ἦκειν τοῦ καίεσθαι, δάκνεται δ' οὐδεὶς οὐδὲ δακρῦει τοὺς ὀφθαλμοὺς ὡς ἀπὸ καπνοῦ. θαυμαστὸν οὖν, εἴ τις ἐπὶ καπνοῦ καὶ φλογὸς αἰσθάνεται τῆς διαφορᾶς, ἐπὶ δὲ τῶν ἡμετέρων σωμάτων ἀναίσθητός ἐστιν ἐνίοτε μὲν ἰσχυροτάτης θερμασίας οἷον φλογός, ἐνίοτε δὲ ἀνιαρᾶς καὶ δακνώδους οἷόνπερ καπνοῦ. θαυμάζω δὲ οὐδὲν ἦττον, εἰ μὴ συγχωρεῖ τὰς κατὰ τὸ θερμὸν ἐν τοῖς ζώοις δυσκρασίας ἀνάλογον ἔχειν ταῖς κατὰ τὰ βλανεῖα καὶ τὰς οἰκίας· ὡς οὖν ἐν ταῖς οἰκίαις ἄλλος μὲν ἀῆρ ἐστὶν οἴκου καπνώδους, ἄλλος δὲ ἀπλῶς θερμοῦ, κατὰ τὸν αὐτὸν οἶμαι τρόπον ἕτερος τούτων ἐναργῶς ἐστὶν, ἐν ᾧ πλῆθός ἐστι καιομένων λύχνων ἢ δαδὸς ἅμα λιγνύι. καὶ τοίνυν καὶ καλοῦμεν, ὥσπερ τὸν ἕτερον ἀέρα καπνώδη, λιγνυώδη τοῦτον ἐξ ὑπεροπτήσεως ὕλης γενόμενον. ἢ γάρ τοι λιγνὺς ταύτη τοῦ καπνοῦ διενήνοχε, καίτοι γε ἀμφοῖν περιπτωμάτων ὑπαρχόντων φλογός, [ὅτι] ἢ λιγνὺς ἐστὶ μὲν κατωπτημένης ὕλης γεώδους ἀναθυμιάσις, καπνὸς δὲ οὐθ' ὑπερωπτημένης οὔτε γεώδους, ἀλλ' ἡμικαύστου τε καὶ συμμιγοῦς ἐξ ὑγρᾶς καὶ γεώδους οὐσίας. ὅστις οὖν ἐπαιδεύθη νομίμως ἐν Ἰπποκρατεῖοις δόγμασιν, ἔμαθεν οὗτος, ὡς τῆς ὀνομαζομένης ἤδη συνήθως ἅπανσι τοῖς ἰατροῖς ἀδήλου διαπνοῆς ἦν διαπνεῖται τὰ σώματα, τὸ μὲν τοιοῦτόν ἐστιν οἷον ἀτμός, ἕτερον δὲ οἷον ἀῆρ ξηρός, ἕτερον δὲ σὺν αἰσθηταῖς ὑγρότησιν ἐκπίπτον. ***

*** 3. Αὕτη μὲν ἢ ῥῆσίς ἐστι τῶν ὑπὸ τοῦ Λύκου

γεγραμμένων εἰς κατασκευὴν τοῦ “μηδὲν διαφέρειν ἕτερον ἑτέρου θερμόν”, οὐκ ἀναμένουσα τὸν ἕξωθεν ἔλεγχον, ἀλλ’ ἑαυτὴν καταβάλλουσα. τί γὰρ δὴ καὶ φησι; τὸ θερμόν, ἧ νενόηται θερμόν, οὐδεμίαν ἔχει παραλλαγὴν πρὸς ἕτερον θερμόν. εἰ μὲν οὖν οὐδὲν ἐν τῷ λόγῳ σημαίνει τὸ ἧ νενόηται θερμόν, ἐξαιρείσθω τελέως αὐτοῦ. σημαῖνον δέ τι σαφῶς ἐνδείκνυται ταύτῃ μὲν μὴ διαφέρειν τὸ θερμόν τοῦ θερμοῦ, καθ’ ἕτερον δέ τι διαφέρειν. εἰ μὲν γὰρ οὐδαμῆ διαφέρει, περιπτῶς πρόσκειται τὸ ἧ· εἰ δ’ ἄλλη μὲν πῆ διαφέρει, ταύτῃ δ’ οὐ διαφέρει, καθ’ ὃ διαφέρει, κατὰ τοῦτο νοεῖσθωσαν αἰ διαφοραί, ὡς εἴ γε καθ’ ὃ λέγεται μόνον ἕκαστον σκοποῖτο, πάντων τῶν πραγμάτων ἀναιρήσεις τὰς διαφοράς. τὸ ζῶον, ἧ νενόηται ζῶον, οὐδὲν ἑτέρου διαφέρει ζώου. τὸ φυτόν, ἧ νενόηται φυτόν, οὐδὲν ἑτέρου διαφέρει φυτοῦ. τὸ δένδρον, ἧ νενόηται δένδρον, οὐδὲν ἑτέρου διαφέρει δένδρου. ἄρ’ οὖν οὐκ εἰσι τοῦ ζώου διαφοραί, τὸ πτηνὸν καὶ πεζὸν καὶ νηκτὸν καὶ τὸ ἔνυδρον καὶ ἔγγειον καὶ ἀέριον ἢ τὸ θνητὸν καὶ ἀθάνατον ἢ τὸ λογικὸν καὶ ἄλογον ἢ τὸ ἡμερον καὶ [τὸ] ἄγριον ἢ τὸ δειλὸν καὶ ἄλκιμον ἢ τῶν ἄλλων ὧν ἴσμεν ἕκαστον; τί γὰρ δεῖ μακρολογεῖν; οὕτω τῶν φυτῶν τὸ μὲν δένδρον, τὸ δὲ θάμνος, τὸ δὲ ἄκανθα, τὸ δὲ πόα, τὸ δὲ φρύγανον. ἢ καὶ πάντων, καθ’ ὃ νενόηται, ζώων μηδεμίαν ἐχόντων διαφορὰν ὅμως καὶ ταύτας ἀπάσας ἃς εἴρηκα καὶ πρὸς ταύταις ἑτέρας οὐκ ὀλίγας ἀληθῶς ἂν τις εἴποι ζώου διαφοράς; οὕτως δὲ καπὶ τῶν φυτῶν. οὐ γὰρ φυτόν γε φυτοῦ διενήνοχε τῷ τὸ μὲν εἶναι λογικὸν αὐτῶν, τὸ δὲ ἄλογον

οὐδὲ τῷ πτηνὸν ἢ πεζὸν οὐδὲ τῶν ἄλλων τῶν εἰρημένων οὐδεμιᾶ διαφορᾶ, καθάπερ οὐδὲ ζῶον ζώου διαφέρει τῷ τὸ μὲν εἶναι θάμνος, τὸ δὲ ἄκανθα, τὸ δὲ δένδρον, τὸ δὲ πόα, τὸ δὲ φρύγανον, τὸ δὲ † κέδρος, ἀλλ' ἐν τῷ γένει τῶν φυτῶν ἢ τοιαύτη τομή. ἀλλὰ καὶ νοσημάτων διαφορὰς αὐτὸς ὁ Λύκος γράφει παμπόλλας, καίτοι γε οὐδὲν διαφέρει νόσημα νοσήματος, ἧ νόσημά ἐστιν, ὡσπερ οὐδὲ σύμπτωμα συμπτώματος, ἧ σύμπτωμά ἐστιν, ἀλλ' ὅμως καὶ τὰς τούτων διαφορὰς ὁ Λύκος ἐπιχειρεῖ γράφειν, ὡσπερ γε καὶ τὰς τῆς πλευρίτιδος ἐκάστου τε τῶν ἄλλων νοσημάτων. καίτοι γε πλευρίτις πλευρίτιδος, ἧ πλευριτίς ἐστιν, οὐδὲν διαφέρει, ἀλλ' ὅμως ἢ μὲν τις εἰς τὴν κλεῖν ἔχει περαινομένην τὴν ὀδύνην, ἢ δ' εἰς τὸ ὑποχόνδριον. οὕτω δὲ καὶ μετὰ μὲν τοῦ κεχρῶσθαι τὸ πτύελον ἢ ἑτέρα τῶν πλευριτίδων, ἑτέρα δ' ἐναντία τῆδε καλουμένη πρὸς ἐνίων ἄπτυστος ἄλλαι τε πολλαὶ διαφοραί, καθ' ἃς ὑπαλλάττεσθαι συμβαίνει καὶ τὴν θεραπείαν. ἀλλὰ καὶ ταύτας τῶν πυρετῶν αὐτῶν τὰς διαφορὰς ὁ Λύκος ἐκδιδάσκειν πειρᾶται, καίτοι <γ>, εἴτε κατὰ πλεονεξίαν θερμοσίας ἢ γένεσις αὐτοῖς ἐστιν εἴτε κατὰ τὸ δακνωδὲς τῆς ποιότητος, οὐδεμία γενήσεται διαφορὰ πυρετοῦ πρὸς πυρετόν, ἧ πυρετός ἐστιν.

οὕτως οὖν ἀπαίδευτον ἔρωτᾶ λόγον ὁ Λύκος, ὥστε οὐκ αἰσθάνεται τὰς τέχνας ἀπάσας ἀναιρῶν. ἐν γάρ τοι τῇ γνώσει τῶν διαφορῶν ἐκάστου τῶν ὄντων αἱ τέχναι συνίστανται. καὶ τοῦτο ἐπὶ πλεῖστον μὲν κὰν τῷ [περὶ] Φιλήβω διηλθεν ὁ Πλάτων εὐθύς ἐν ἀρχῇ τοῦ

συγγράμματος· ἐφύλαξε δ' αὐτοῦ τὴν γνώμην Ἀριστοτέλης <καὶ> Θεόφραστος, Χρύσιππος καὶ Μνησίθεος, καὶ οὐδείς ὅστις οὐ διήλθεν ἐν τῷ περὶ τέχνης γράμματι τὸν αὐτὸν λόγον. ἔστι δ' ἡ μὲν πρώτη ῥῆσις ὑπὲρ τῆς κατὰ τὰς τέχνας συστάσεως τοῦ Πλάτωνος εἰρημένη τοιάδε· “φωνὴ μὲν ἐστὶ που μία διὰ τοῦ στόματος ἰοῦσα καὶ ἄπειρος αὖ πλήθει πάντων τε καὶ ἐκάστου. – τί μήν; – καὶ οὐδὲν ἑτέρω γε τούτων ἐσμέν πω σοφοί, οὐθ' ὅτι τὸ ἄπειρον αὐτῆς ἴσμεν οὐθ' ὅτι τὸ ἐν· ἀλλ' ὅτι πόσα τέ ἐστι καὶ ὁποῖα, τοῦτ' ἔστι τὸ γραμματικὸν ἕκαστον ποιοῦν ἡμῶν; – ἀληθέστατα. – καὶ μήν καὶ τὸ μουσικὸν ὃ τυγχάνει ποιοῦν, τοῦτ' ἔστι ταῦτόν. – πῶς; – φωνὴ μὲν που καὶ [τὸ] κατ' ἐκείνην τὴν τέχνην ἐστὶ μία ἐν αὐτῇ. – πῶς δὲ οὐ; – δύο δὲ θῶμεν βαρὺ καὶ ὀξὺ καὶ τρίτον ὁμότονον. ἢ πῶς; – οὕτως. – ἀλλ' οὐπω σοφὸς <ἂν> εἴης τὴν μουσικὴν εἰδὼς ταῦτα μόνα, μὴ εἰδὼς δέ, ὥς <γε> ἔπος εἰπεῖν, εἰς ταῦτα οὐδενὸς ἄξιος ἔση. – οὐ γὰρ οὐν. —ἀλλ', ὦ φίλε, ἐπειδὰν λάβῃς τὰ τε διαστήματα ὁπόσα ἐστὶ τὸν ἀριθμὸν τῆς φωνῆς, ὀξύτητός τε πέρι καὶ βαρύτητος, <καὶ> ὁποῖα καὶ τοὺς ὄρους τῶν διαστημάτων καὶ τὰ ἐκ τούτων ὅσα συστήματα γέγονεν, ἃ κατιδόντες οἱ πρόσθεν παρέδοσαν ἡμῖν τοῖς ἐπομένοις ἐκείνοις καλεῖν αὐτὰ ἀρμονίας, ἐν τε <ταῖς> κινήσειν αὖ τοῦ σώματος ἕτερα τοιαῦτα ἐνόητα πάθη γιγνόμενα, ἃ δι' ἀριθμῶν μετρηθέντα δεῖν αὖ φασὶ ῥυθμοὺς καὶ μέτρα ἐπονομάζειν καὶ ἅμα ἐννοεῖν, ὥς οὕτω δεῖ περὶ παντὸς ἐνὸς καὶ πολλῶν ἅμα σκοπεῖν. ὅταν γὰρ [αὐτὰ] ταῦτά τε

λάβης οὕτως, τότε ἐγένου σοφός, ὅταν τ' ἄλλο τῶν <ὄντων> ὀτιοῦν ταύτη σκοπούμενος ἔλης, οὕτως ἔμφρων περὶ τούτου γέγονας.” ἤρκει μὲν οὖν καὶ ταῦτα παρὰ Πλάτωνος ἀκοῦσαι τοῖς ἔχουσι νοῦν ἀκροαταῖς εἰς ἔνδειξιν ἀπασῶν τεχνῶν συστάσεως· οὐ γὰρ οἷόν τε γενέσθαι τεχνικὸν οὐδὲ περὶ ἑνὸς ἄνευ τοῦ γνῶναι τὰς αὐτοῦ διαφοράς· ἀλλ' οὐδὲν χειρὸν, ὥσπερ ὁ Πλάτων αὐτὸς οὐκ ἠρκέσθη τῷ κεφαλαίῳ τοῦ λόγου μόνῳ, παραδείγματα δὲ προσέθηκε σαφηνείας ἕνεκεν, τὴν γραμματικὴν τε καὶ μουσικὴν, οὕτως καὶ ἡμᾶς ἐν ἔτι προσθεῖναι παράδειγμα, τέχνης μὲν γραφικῆς, ὕλης δ' ὑποκειμένης αὐτῇ χρωμάτων. ἕξεστι γὰρ δήπου λέγειν κἀνταῦθα, τὸ χρωμα τοῦ χρώματος, ἧ χρωμά ἐστιν, οὐδὲν διαφέρει, καὶ κατὰ ταῦτ' ἀναιρεῖν ἀπάσας τὰς ἐν αὐτοῖς διαφοράς, ὅπερ ἀμέλει καὶ ὁ Πλάτων αὐτὸς ἐν ἀρχῇ τοῦ Φιλήβου δεδήλωκε. διαιρουμένῳ γὰρ τῷ Σωκράτει τὰς ἡδονὰς ὁ διαλεγόμενος οὐ συνεχῶρει διαφέρειν ἀλλήλων ἀπάσας αὐτάς, καθ' ὅσον εἰσὶν ἡδοναί, φάσκων ὁμοιοτάτας αὐτάς ὑπάρχειν, ἀλλ' ὃ γε Σωκράτης ἀπαντᾷ τῷ λόγῳ τῷδε· “καὶ γὰρ χρωμα, ὃ δαιμόνιε, χρώματι κατὰ γε αὐτὸ τοῦτο οὐδὲν διοίσει τὸ χρωμα εἶναι πᾶν, τό γε μὴν μέλαν τῷ λευκῷ πάντες γινώσκομεν ὡς πρὸς τῷ διάφορον εἶναι καὶ ἐναντιώτατον <ὄν> τυγχάνει. καὶ δὴ καὶ σχῆμα σχήματι κατὰ ταῦτόν· γένει μὲν ἐστὶ πᾶν ἓν, τὰ δὲ μέρη τοῖς μέρεσιν αὐτοῦ τὰ μὲν ἐναντιώτατα ἀλλήλοις, τὰ δὲ διαφορότητα ἔχοντα μυρίαν που τυγχάνει. καὶ πολλὰ ἕτερα οὕτως ἔχοντα εὐρήσομεν, ὥστε τούτῳ γε τῷ λόγῳ μὴ πίστευε, τῷ πάντα

τὰ ἐναντιώτατα ἐν ποιοῦντι.” αὕτη μὲν ἢ περὶ χρωμάτων τε καὶ σχημάτων ῥῆσις, ἢ δὲ περὶ τῶν ἡδονῶν ἦδε· “ἦδεσθαι μὲν φαμεν τὸν ἀκολασταίνοντα ἄνθρωπον, ἦδεσθαι δὲ καὶ τὸν σωφρονοῦντα αὐτῷ τῷ σωφρονεῖν· ἦδεσθαι δ’ αὖ καὶ τὸν ἀνοηταίνοντα καὶ ἀνοήτων δοξῶν καὶ ἐλπίδων μεστόν, ἦδεσθαι δ’ αὖ καὶ τὸν φρονοῦντα αὐτῷ τῷ φρονεῖν, καὶ τούτων τῶν ἡδονῶν ἐκατέρας πῶς ἂν τις ὁμοίως ἀλλήλαις εἶναι λέγων οὐκ [ἂν] ἀνόητος φαίνοιτ’ [ἂν] ἐνδίκως;” ὥσπερ δὲ τῶν ἡδονῶν τὰς διαφορὰς ὁ Πλάτων ἐν μὲν τῆδε τῇ ῥήσει διὰ βραχέων ἐνεδείξατο, καθ’ ὅλον δὲ τὸ βιβλίον ἐπὶ πλεῖστον διῆλθεν, οὕτως τῶν τεχνῶν ἐν δυοῖν βιβλίοις, τῷ Σοφιστῇ τε καὶ Πολιτικῷ·

ἄρ’ οὖν ἐπιστημῶν μὲν καὶ ἡδονῶν εἰσι διαφοραὶ πολλαὶ καὶ χρωμάτων καὶ σχημάτων καὶ τῶν ἐν ταῖς φωναῖς τόνων, ὡσαύτως δὲ καὶ ἡλικιῶν καὶ ὠρῶν καὶ χωρῶν καὶ νόσων ἀπάντων τε τῶν ἄλλων, ἐν μόνοις δὲ τοῖς θερμοῖς ἦτοι γ’ οὐκ εἰσιν ὅλως ἢ ἀδύνατοι γινώσκεισθαι τοῖς ἀνθρώποις; καὶ μὴν ὃ γε τοῦ Λύκου λόγος ἀναιρεῖ τοῦ θερμοῦ τὰς διαφορὰς, ὡς οἶεται μὲν αὐτοῦ μόνου, κατὰ δὲ τὴν ἀλήθειαν ἅμα τοῖς ἄλλοις ἅπασιν, εἴ γε ἢ τοῦ λόγου δύναμις ὁμοίως ἀντεπεκτείνεσθαι δύναται. καὶ γὰρ δὴ κάπὶ τῶν ὑγρῶν αὐτῶν ἐφεξῆς ἐρῶ τάδε, μηδὲ ταῦτα διαφέρειν ἀλλήλων λέγων, καθόσον ὑγρά. τὸ δὲ δὴ μέγιστον αὐτοῦ τῶν ἀμαρτημάτων, ὅτι καὶ τὰς τέχνας ἀπάσας ἀναιρεῖ τὴν σύστασιν ἐχούσας ἐν ταῖς τῶν εἰδῶν διαφοραῖς. ὁ μὲν οὖν Πλάτων ἐν κεφαλαίῳ γε προειπὼν

ὑπὲρ τῆς τῶν τεχνῶν συστάσεως ἐπὶ παραδείγματος [τε] διήλθε τὸν λόγον ἐπιδεικνὺς ὅπως ἡ γραμματικὴ συνέστη τέχνη γνωσθείσης τῆς ἐν ταῖς φωναῖς διαφορᾶς. ὁ δὲ τοῦ Λύκου λόγος ἀναιρεῖ δηλονότι καὶ ταύτην τὴν τέχνην καὶ τὴν μουσικὴν ὁμοίως αὐτῇ καὶ τὰς ἄλλας ἀπάσας, ἀξιῶν τῷ ἦ νενόηται τόδε τι μίαν ἔχειν ἐν αὐτῷ διαφορὰν. θέασαι γοῦν ὅπως ἀναιρήσει πρώτην μὲν τὴν περὶ τὰ γράμματα τέχνην ὁ λόγος αὐτοῦ, μετὰ δὲ ταῦτα καὶ τὰς ἄλλας ἀπάσας· δοκεῖ μοι ἀδύνατον καὶ ἀμήχανον εἶναι τὴν φωνὴν ταύτην γε σκοποῦντι ἦ νενόηται (κατ' αὐτὴν λέγω τὴν ἐκφώνησιν), πρὸς ἑτέραν ἂν φωνὴν παραλλαγὴν ἔχειν, κατὰ τινα ἰδιότητα παραλλάττουσαν κατὰ ποιότητα ἐν τῇ ἐκφώνησει κειμένην. οὗτος ὁ λόγος ὁ αὐτός ἐστι πάντη τῷ κατὰ τὴν ἀρχὴν γεγραμμένῳ τῆς ῥήσεως τῷ Λύκῳ καὶ δι' αὐτῶν γε περαίνεται τῶν ἐκείνου ῥημάτων ἀπάντων, ἑνὸς μόνου τοῦ κατὰ τὸ θερμὸν ὄνοματος εἰς τὸ τῆς φωνῆς μεταβεβλημένου, ὥστ', εἴπερ ἐκεῖνος ὑγιής, καὶ οὗτος· ἀλλὰ μὴν οὐχ ὑγιής οὗτος, ὥστ' οὐδ' ἐκεῖνος, εἰ μὴ τι ἄρα νομίζουσιν οἱ τὰ τοῦ Λύκου φρονοῦντες οὐδὲ τὴν ε φωνὴν ἑτέραν εἶναι τῆς ο, διαφέρειν δὲ τὴν ο τῆς ω. εἰ δὲ καὶ ταύτας ἑτέρας ἀλλήλων ὁμολογήσομεν εἶναι καὶ πρὸς ταύταις καὶ τὴν α καὶ τὴν ι καὶ τὴν υ καὶ τῶν ἄλλων ἀπάντων γραμμάτων, αὗται μὲν ἔσσονται τέτταρες ἐπὶ ταῖς εἴκοσιν. ἡ γνοῦσα δ' αὐτῶν τὴν διαφορὰν τέχνη γραμματικὴ, καθάπερ γε καὶ μουσικὴ τέχνη περὶ τὴν ἐν ταῖς φωναῖς ὀξύτητα καὶ βαρύτητα, καίτοι καὶ ταύτας οὐδὲν ἥττον ὁ τοῦ Λύκου λόγος ἀναιρεῖ. φωνὴ γὰρ

φωνῆς, ἢ φωνή, διαφέρει οὐδέν, ἀλλ' ὅμως ὁ μὲν τῆς μέσης φθόγγος ὀξύτερος μὲν ἐστὶ τόνω τῆς λιχανοῦ τῶν μέσων, βαρύτερος δὲ τόνω τῆς παραμέσης. αὐτῶν δ' ἐκείνων πάλιν ὁ μὲν τῆς λιχα-νοῦ τῆς παρυπάτου τῶν μέσων ὀξύτερος τόνω. ὁ δὲ τῆς παραμέσης βαρύτερος [ἡμι]τόνω τῆς τρίτης τῶν διεξευγμένων. εἴτ' ἐκείνων αὐθις ὀξύτεροί τε καὶ βαρύτεροι κᾶπειτ' ἐκείνων αὐθις ἕτεροι, μέχρις ἂν ἐπὶ τὸν ὀξύτατόν τε καὶ βαρύτατον ἀπάντων ἀφικνώμεθα φθόγγον. ἀλλ' ὁ θαυμασιώτατος Λύκος οὐκ αἰσθάνεται ταῦτα πάντα ἀναιρῶν ἐν τῷ λέγειν “δοκεῖ μοι ἀδύνατον καὶ ἀμήχανον εἶναι τὸ θερμὸν ταῦτά γε σκοποῦντι, ἢ νενόηται (κατ' αὐτὴν λέγω τὴν θάλψιν), πρὸς ἕτερον αὖ θερμὸν παραλλαγὴν ἔχειν.” καλόν, εἰ μηδὲ χρῶμα χρώματος, ἢ χρῶμά ἐστι, διαφέρειν εἰπὼν ἀναρεῖ τὴν γραφικὴν τέχνην, ἐρυθρόν γε τι παραθεμένην χρῶμα καὶ λευκὸν καὶ μέλαν καὶ ξανθὸν ὅσα τε ἄλλα τοιαῦτα. πολὺ γὰρ δήπου πιθανώτερος ὁ λόγος αὐτοῦ περὶ χρωμάτων ἐστὶν ὁ λεγόμενος ἢ νῦν εἴρηται περὶ τοῦ θερμοῦ. θερμὸν μὲν γὰρ θερμοῦ διαλλάττειν φαμέν, οὐ μὴν ἐναντίον γε ὑπάρχειν πάντη, χρῶμα δὲ χρώματος οὐ διαφέρει μόνον, ἀλλὰ καὶ τὴν φύσιν ἐναντιώτατόν ἐστι τοῦ λευκοῦ τὸ μέλαν.

4. “Καὶ πῶς ἐγχωρεῖ”, φήσειεν ἂν ὁ Λύκος, “ἐναντίον εἶναι τῷ χρώματι, καθ' ὃ νενόηται χρῶμα ὄν;” καὶ ἀληθεύσει γε ναὶ μὰ τοὺς θεοὺς, ὅσον ἐπὶ χρώματος [ναὶ] τὸ χρῶμα μηδὲν ἠγούμενος ἕτερον ἐτέρου διαφέρειν, ἀλλ' ὥσπερ τοῦτο ἀληθές, οὕτω κἀκεῖνο, τὸ λευκὸν τοῦ μέλανος οὐ μόνον

διαφέρειν, ἀλλὰ καὶ τοσοῦτον διαφέρειν, ὡς ἐναντιώτατον εἶναι. καὶ πῶς ἐγχωρεῖ, τάχα φήσουσιν οἱ τὰ τοῦ Λύκου πρεσβεύοντες, ἅμα μὲν εἶναι ταῦτόν, ἅμα δὲ ἐναντιώτατον τῷ μέλανι <τὸ> λευκόν; οἷς ἡμεῖς ἀποκρινούμεθά τι γε τοσοῦτον, ὡς, εἴπερ οὐκ ἐγχωρεῖ τὸ λευκὸν ἐναντίον θ' ἅμα καὶ ταῦτόν εἶναι τῷ μέλανι, τὸ ἕτερον αὐτοῖν αἰρείσθωσαν. ὁ μὲν γὰρ Πλάτων οἶεται δυνατὸν εἶναι, καθάπερ γε καὶ Ἀριστοτέλης καὶ Θεόφραστος, ἕτερον ἐτέρῳ ταῦτόν ὄν τῷ γένει, τοσαύτην ὅμως ἔχειν τὴν ἐν εἴδει διαφορὰν, ὡς ἐναντιώτατον ὑπάρχειν. οὗτοι δ' εἰ μὴ νομίζουσι ἀληθεύειν ἄμφω τῷ λόγῳ, τὸν ἐναργέστερον ἐλέσθωσαν. ἐναργέστερος δὲ ἐστίν, ὅσῳ καὶ πᾶσιν ἀνθρώποις ὁμολογούμενος ἐναντίον εἶναι τὸ λευκὸν τῷ μέλανι. καὶ μὴν, εἴπερ ἀληθὲς ἐστὶ τοῦτο, νομίζουσι δὲ αὐτοὶ μὴ δύνασθαι τοὺς λόγους ἀμφοτέρους ἀληθεύεσθαι, τὸν τε ἐναντίον εἶναι φάσκοντα τὸ λευκὸν τῷ μέλανι καὶ τὸν ταῦτόν, οὐκ ὀρθῶς ἐροῦσιν μηδὲν διαφέρειν, ἢ χρωμὰ ἐστίν, τὸ λευκὸν τοῦ μέλανος. ὁ μὲν οὖν ἐν τῷ τοῦ Πλάτωνος γράμματι διαλεγόμενος τῷ Σωκράτει συγγνωστὸς ἦν ἴσως, κωλύων τὸν Σωκράτην διαιρούμενον ἠδονῆν ἠδονῆς διαφορᾶ. οὐ γὰρ ἦν που βιβλίον οὐδὲν τοιοῦτον διδάσκον, ὡς ἐγχωρεῖ πολλὰ πολλοῖς ὄντα τῷ γένει ταῦτα διαφέρειν ὅμως εἰς τοσοῦτον, ὡς ἐναντιωτάτην ἀλλήλοις ιδέαν τε καὶ φύσιν ἔχειν. ἐπεὶ δ' ὑπὸ Πλάτωνος ὁ Φίληβος ἐγράφη διδάσκων τὰληθές, εἰ μὲν οὐδ' ὄλως ἀνέγνω τὸ βιβλίον ὁ Λύκος, ἄγαμαι τῆς παιδείας τὸν Λύκον. εἰ δ' ἀναγνοὺς οὐκ ἐνόησε, θαυμάζω τῆς συνέσεως. εἰ δὲ νοήσας

οὐκ ἐπέισθη, μακαρίζω τῆς κρίσεως. ὧ πρὸς τοῦ Διός, ἐρωτᾷ τις λόγον οὐδὲ τὰ πρῶτα μαθὼν τῆς διαλεκτικῆς, ἔστι τις ἀπάνθρωπος Ἑλλην ἰατρὸς ἢ γραμματικὸς ἢ ῥήτωρ ἢ φιλόσοφος ἢ ὅλως ὅστισοῦν ἄλλος ἀντιποιοῦμενος λόγων, ὃς οὐκ ἀνέγνω τὸν Πλάτωνος Φίληβον; καίτοι τί λέγω τὸν Φίληβον; οὐ γὰρ ἐν τούτῳ μόνῳ τὸν προκείμενον λόγον Πλάτων ἐδίδαξεν, ἀλλὰ καὶ δι' ἄλλων πολλῶν ἐπεμνήσθη βιβλίων, ὧν ἐχρῆν μόνον κἂν ἓν γέ τι τὸν θαυμασιώτατον Λύκον ἀνεγνωκέναι, ἀντιποιοῦμενον λόγων ἐπιστημονικῶν. αἰσχρὸν γὰρ Ἴπποκράτην διελέγχειν ἐπιχειροῦντα καὶ λόγους ἐπερωτῶντα περαντικούς, ὡς νομίζει, μηδὲ τὰ πρῶτα φαίνεσθαι μεμαθηκότα τῶν ἐν ταῖς φιλοσόφοις διατριβαῖς.

ἀλλὰ νῆ Δία θαυμαστὸν αὐτοῦ τὸ περὶ τῶν ὑγρῶν ἐστὶ παράδειγμα. καὶ γὰρ ταῦτα βούλεται μηδὲν ἀλλήλων διαφέρειν, ἧ πάντα ἐστὶν ὑγρά. καθ' ὃ μέντοι τὰ μὲν ὀξέα, τὰ δὲ στρυφνά, τὰ δ' ἄλμυρά, τὰ δὲ γλυκέα, ταύτη διαλλάττει, οὐκ ἀκούει δὲ ἐν τούτοις αὐτὸς ἑαυτοῦ. λέγων γὰρ ἧ διαφέρει τὰ ὑγρά κατασκευάζειν οἶται μηδεμίαν ἐν αὐτοῖς εἶναι διαφορὰν, ἀλλὰ μάτην μὲν Ἴπποκράτην διαφορὰν εἰρηκέναι, μάτην δὲ Θεόφραστον ὄλην πραγματείαν γεγραφέναι Περὶ χυλοῦ, καίτοι καὶ αὐτὸ τοῦτο τοῦνομα ὁ χυλὸς ὑγροῦ διαφορὰν τινα ἐνδείκνυται. ἀλλ' ὅμως καίτοι διαφορὰ τις οὔσα <τοῦ> ὑγροῦ πάλιν αὔθις τέμνεσθαι πέφυκεν εἰς ἑτέρας διαφοράς. οὐ μὴν θαυμαστὸν εἰς τοσοῦτον ἀπαιδευσίας ἦκοντα Λύκον, ὡς νομίζειν ἐν

ὄξει στύφουσαν εἶναι ποιότητα, τοιαύτην τολμῆσαι πρὸς Ἴπποκράτην γράφειν ἀντιλογίαν. τὰ γὰρ οὕτως ἐναργῆ καὶ Διοσκορίδης ὁ Ἀναξαρβεὺς ἐγίγνωσκεν οἷ τ' ἄλλοι πάντες οἱ τὰ περὶ ὕλης ὑπομνήματα γράψαντες. ὀνομάζουσι γοῦν ἐν τούτοις τὰ μὲν ἀλυκά, τὰ δὲ ἀλμυρά, τὰ δὲ πικρά, τὰ δὲ γλυκέα, τὰ δὲ αὐστηρά, τὰ δὲ στρυφνά, τὰ δὲ στύφοντα, τὰ δὲ δριμέα, τὰ δὲ ὄξεα. Λύκος δ' ὁ θαυμασιώτατος ἦτοι οὐδ' ὄλως γινώσκει διαφέρουσαν ὄξειαν ποιότητα στυφούσης ἢ πεπήρωται τὴν γεῦσιν, ὡς μηδ' ὄλως αἰσθάνεσθαι τῶν ἐν τοῖς χυμοῖς διαφορῶν. ἔοικε γοῦν ὡς ἀπίου καὶ μεσπίλου καὶ μήλου καὶ κυδωνίου τοῦ ὄξους αἰσθάνεσθαι, καίτοι γε πάντων ἀνθρώπων ἕνια μὲν τῶν μήλων ὄξεα καλούντων, ἕνια δὲ στύφοντα, γλυκέα δὲ ἄλλα, καθάπερ οἶμαι καὶ ῥοιάς ὄξειας τε καὶ στυφούσας καὶ γλυκείας. ἐν μὲν γε τοῖς οἴνοις ὡς ἀρετὴ κακίας ἀφώρισται στύψις ὄξύτητος· εὐγενεῖς μὲν γὰρ οἱ στύφοντες· ὄξυς δ' οὐδεὶς κατὰ φύσιν, ἀλλ' εἰ καὶ μικρὸν αὐτῷ προσέλθῃ τοιαύτης ποιότητος, ὑποπτεύομεν αὐτίκα τὴν εἰς ὄξος αὐτοῦ μεταβολήν. ἴσως οὖν ὁ Λύκος οὐδ' ὄξυλάπαθον οὐδ' ὄξυαλίδα λαπάθου τε καὶ θριδακίνης διεγίγνωσκεν, οἷς στυφούσης μὲν ποιότητος οὐδὲ τοῦλάχιστον ὑπάρχει, τῆς δὲ ὄξειας δαψιλῶς μετέσχηκεν ἅμφω. θαυμαστὸν οὖν, εἰ ταῦτα μὲν ἀπὸ τῆς ὄξειας ποιότητος ὠνόμασται, τὸ δὲ ὄξος αὐτὸ μὴ μετέσχηκεν αὐτῆς. ἀλλ' ὁ μηδὲ τὰς κοινὰς αἰσθήσεις ἀποσώζων Λύκος ἐγκαλεῖν Ἴπποκράτει τολμᾷ. † πάλιν οὖν ἔγνω τὴν παρὰ τοῖς φυσικοῖς ζήτησιν ὑπὲρ

τοῦ τῶν χυμῶν ἀριθμοῦ. κατὰ τοῦτο γὰρ οὐδέν, ὡς ἔοικε, διαφέρει χυμὸς χυμοῦ, καθ' ὅσον χυμὸς ἐστίν. ἡδέως ἂν οὖν ἤκουσα, τίνος τῶν ὄντων εἰσὶν αἱ τοιαῦται διαφοραί, γλυκὺς ὀξύς δριμύς πικρὸς ἀλυκὸς ἀλμυρὸς στρυφνὸς αὐστηρὸς στύφων λιπαρὸς. εἰ μὴ γὰρ χυμῶν, ἴσως ἦτοι φωνῶν ἢ χρωμάτων ἢ ὀδμῶν ἢ διὰ τῆς ἀφῆς εἰς γνῶσιν ἤκουσι. παρὰ ταύτας γὰρ οὐκ ἔχομεν ἄλλην αἴσθησιν, ἀλλ' εἰσὶν αἱ πᾶσαι πέντε, γεῦσις καὶ ἀκοή καὶ ὄψις καὶ ὄσφρησίς τε καὶ ἀφή. διαγινώσκομεν δὲ ὥσπερ καὶ ταῖς ἄλλαις ἄλλα τῶν αἰσθητῶν, οὕτως τῇ γεύσει καὶ τοὺς χυμούς. ὡς δὲ ἐν τοῖς ὑγροῖς αἱ διαφοραὶ πολλαί, κατὰ τὸν αὐτὸν τρόπον κὰν ταῖς αἰσθήσεσι. καίτοι γε ἡ αἰσθήσεις εἰσὶν, οὐ διαφέρουσι, ἀλλ' ὁ διαλεκτικώτατος Λύκος οὐκ ἐάσει λέγειν ἡμᾶς οὐτ' ἐν τοῖς χυμοῖς εἶναι τὰς εἰρημένας διαφοράς, οὐδ' ἐν ταῖς αἰσθήσεσιν ἄς ἅπαντες γινώσκουσιν, οὐτ' ἐν τοῖς χρώμασι καὶ λευκὸν καὶ μέλαν καὶ φαιὸν καὶ ξανθὸν καὶ πυρρὸν ἐρυθρὸν τε καὶ φοινικοῦν καὶ κυανοῦν. οὐδέν γὰρ χρῶμα χρώματος ἢ χρῶμά ἐστι διαφέρει. μαίνονται τοίνυν ἅπαντες ἰατροὶ καὶ φιλόσοφοι χρωμάτων μὲν ἡγούμενοι διαφορὰς εἶναι τὰς εἰρημένας, χυμῶν δὲ τὸν ὀξύν καὶ πικρὸν καὶ δριμύν ὅσους τ' ἄλλους ὀλίγον ἔμπροσθεν εἶπον, ὥσπερ καὶ τῶν αἰσθήσεων αὐτῶν. οὐτε γὰρ χρῶμα χρώματος, ἢ χρῶμά ἐστι, διαφέρει, ὡς οὐδ' αἴσθησις αἰσθήσεως, οὐτε χυμὸς χυμοῦ, καθάπερ οὐδὲ πυρετὸς πυρετοῦ, μὴ [δὲ] ὅτι θερμὸν θερμοῦ. μαίνονται τοίνυν οἱ γράψαντες ἰατροὶ πυρετῶν διαφορὰς πολλὰς καὶ τὸν καῦσον καὶ τὸν λειπυρίαν καὶ

τὸν ἠπίαλον καὶ τὸν τυφώδη καὶ τὸν λοιμώδη καὶ τὸν ἡμιτριταῖον ἀμφημερινόν τε καὶ τριταῖον καὶ τεταρταῖον. ἀλλὰ καὶ αὐτὸς ὁ Λύκος ἐτέρωθι γράφει πυρετῶν διαφορὰς ὡσπερ γε καὶ τῶν ἄλλων σχεδὸν ἀπάντων πραγμάτων.

5. Τί ποτ' οὖν δόξαν αὐτῷ νῦν ἐπελάθετο τοῦ τέμνειν ἕκαστον τῶν ἄλλων εἰς τὰς οἰκείας διαφορὰς, ὅς γε “καὶ περὶ τοῦ τῶν ἀχύρων ἐξαπτομένου πυρός, ᾧ χρῆσθαι τοῖς τὸν χρυσὸν ἐργαζομένοις ἔθος, οὐδεμίαν εἶναι νομίζει διαφορὰν [ἀλλὰ] πρὸς τὸ τῶν ἄλλων ὑλῶν· οὐδὲ γὰρ τὸ πῦρ τοῦ πυρός, ἧ πῦρ ἐστι, <διαφέρειν, ἀλλὰ> κατὰ τὸ μᾶλλον τε καὶ ἥττον. ἰσχυρὸν γὰρ εἶναι τι καὶ ἀσθενὲς πῦρ συγχωρεῖ, καὶ τό γε τῶν ἀχύρων ἀσθενέστατον εἶναι νομίζων εὐταμίευτον εἶναι φησι πρὸς τὴν ἐργασίαν τοῦ χρυσοῦ. διατήκεσθαι γὰρ αὐτὸν καὶ διαρρεῖν ἰσχυροτέρῳ πλησιάζοντα φλογί.” ἀλλ', ᾧ βέλτιστε Λύκε, φαίη τις ἂν οἶμαι πρὸς αὐτόν, εἰ τῶν φυσικῶν φιλοσόφων ἠκηκόεις ζητούντων, ὅπως αἱ φλόγες γεννῶνται, κατανενοήκεις ἂν οἶμαι τὰς ἐν αὐταῖς διαφορὰς. ἐγὼ τοίνυν, ὅσον οἶόν τε διὰ βραχυτάτων ἐπιτέμεσθαι λόγον οὐ μικρόν, ἐξηγήσομαί σοι περὶ αὐτῶν. ὀρᾷς οἶμαι τῆς καιομένης ὕλης ἀναθυμιάσιν τινα γιγνομένην ἐν διεσπασμένοις ἀπ' ἀλλήλων μορίοις, ὧν μεταξύ τις ἀήρ ἀπολαμβάνόμενος ἐξ ἀνάγκης μὲν δήπου θερμαίνεται. παμπόλλην δὲ ἴσχει διαφορὰν ἐν τῷ μᾶλλον τε καὶ ἥττον. ἀλλὰ καὶ τὰ διαλείμματα τῶν ἀναφερομένων σωμάτων οὐκ ἴσα πάσαις ταῖς φλοξίν ἐστιν, ὡσπερ οὐδ' αὐτῆς τῆς ἀναθυμιάσεως ἡ φύσις, ἀλλὰ καὶ μεγέθει καὶ

σμικρότητι διενήνοχεν ἀλλήλων τὰ τῆς καιομένης ὕλης ἀνε<νεχ>θέντα μόρια καὶ πυκνότητι καὶ μανότητι καὶ τῷ τὰ μὲν ἡμίκαυτα, τὰ δ' οἶον ὀλόκαυτα ὑπάρχειν, ἢ ὅλως τὰ μὲν μᾶλλον, τὰ δὲ ἥττον ἐκπυροῦσθαι. ὅταν οὖν ταῦτα φαίνεται τοσαύτην ἔχοντα τὴν διαφορὰν ὅ τε ἀήρ ὁ δεδεγμένος αὐτὰ ποτὲ μὲν μᾶλλον ὑπ' αὐτῶν ἐκτεθερμασμένος ἦ, ποτὲ δ' ἥττον, ἀναγκαῖον οἶμαι παμπόλλην γε ποικιλίαν γίγνεσθαι καὶ διαφορὰν οὐκ ὀλίγην τῆς φλογός. ἢ γὰρ τῆς μείξεως ἀνομοιότης τὸ πλῆθος τῶν διαφορῶν ἐργάζεται.

6. Ὡσπερ δὲ τὰ περὶ τοῦ πυρὸς ἀμαθῶς εἴρηται τῷ Λύκῳ, κατὰ τὸν αὐτὸν οἶμαι τρόπον κάπειδὰν φάμενος τριχῶς νενοῆσθαι τὸ πολὺ θερμὸν ἕκαστον τῶν σημαινομένων ἐπεξέρχεται. τὸ μὲν γάρ τι κατὰ τὴν οὐσίαν φησὶν νενοῆσθαι πολὺ θερμὸν, τὸ δέ τι κατὰ τὴν ἐπίτασιν τῆς ποιότητος, τὸ δέ τι κατὰ τὴν ἰσχὺν τῆς οἰκείας ἐνεργείας. ἀλλ' οὔτε κατὰ τὴν οὐσίαν εἶναι τοῖς ἀξιονομένοις πολὺ θερμὸν ἐπὶ σμικρῷ γε τῷ τοῦ σώματος ὄγκῳ οὔτε κατὰ τὴν τῆς ποιότητος ἀΰξισιν· οὐ γὰρ φαίνεται θερμότερον τῶν ἀκμαζόντων. ἐν μὲν δὴ τῇ τῶν οἰκείων ἔργων ἰσχύι συγχωρεῖ μὲν ὑπερέχειν τὸ τῶν ἀξιονομένων θερμὸν, ἀλλ' οὐ κυρίως λέγεσθαι. ἔστι μὲν οὖν [ἦ] ῥῆσις αὐτοῦ, δι' ἧς ταῦτα δηλώσει βέλτιστα, ἀλλ' ἐγὼ μοι δοκῶ, καθάπερ ἐπὶ τῆς προγεγραμμένης ἔπραξα, καὶ νῦν οὕτω ποιήσειν. οὔσαν γὰρ κάκεινην μακροτάτην οὐχ ὅλην ἔγραψα, μόνον δὲ τὸ ἐπικαιρότατον αὐτῆς ἐξέλεξα. γιγνέσθω τοίνυν κάπὶ ταύτης οὕτως καὶ γραφέσθω τὸ χρησιμώτατον εἰς τὸ προκείμενον μέρος αὐτῆς

(ὁ μὲν ἕτερος οὖν μοι τῶν λόγων καὶ δὴ πέρας ἔχει, ἐπὶ δὲ τὸν λοιπὸν ἂν ἀφικοίμην. δύο γὰρ δήπου μέμνησθέ με προθέμενον εὐθύς ἐπιζητήσεις ἐν ἀρχῇ, μίαν μὲν τὴν εἰ ὀρθῶς προσέθηκεν Ἴπποκράτης τὸ ἔμφυτον, ἄλλην δὲ εἰ ὀρθῶς εἶπε πλεῖστον εἶναι τοῖς αὐξανομένοις τὸ θερμόν. τῆς δ' ἑτέρας οὖν ζητήσεως ἐκτετελεσμένης ἐπὶ ταύτην ἂν λοιπὸν τραποίμην καὶ ἐπιχειρήσοιμι ἀνασκοπεῖσθαι, εἰ ὀρθῶς λέλεκται πλεῖστον εἶναι τοῖς αὐξανομένοις τὸ θερμόν). κατὰ δὴ τὸ ἐξετάζειν [οὖν] ἕτερον πρὸς ἕτερον θερμόν τριττὰ τυγχάνει ὄντα τὰ ἐπιζητήσεως δεόμενα καὶ μάλα πολὺ κεχωρισμένα ἀλλήλων. ἐν μὲν τί ποτέ ἐστι τὸ πλεῖον ἄλλο ἄλλου θερμόν, ἕτερον δέ τί ποτέ ἐστι <τὸ> ἄλλο ἄλλου θερμότερον, καὶ τρίτον τί ποτ' ἐστι <τὸ> ἄλλο ἄλλου θερμόν ἰσχυρότερον. εἰ μὲν οὖν τύχοι τις ἐρόμενος ἡμᾶς, ποῖόν τί ἐστι τὸ πλεῖον ἄλλο ἄλλου θερμόν, τὸ ἀνὰ λόγον ὀφείλομεν ἀποκρίνεσθαι, ὡς κἂν πρὸς τὸν ἕτερον ἐρόμενον, ποῖόν τί ἐστὶν ἕτερον ἐτέρου ὑγρὸν πλεῖον, ἀποκρινοίμεθα. ὥσπερ γὰρ ἐνταῦθα πρὸς τὸ εἰρημένον ἐπερώτημα οὐκ ἔστιν ἄλλο τι ὀρθῶς ἀποκρίνασθαι ἀλλ' ἢ μόνον τοῦτο τὸ τῆ οὐσία ὑπερβάλλειν <τὸ πλεόν καὶ διπλασίῳ> πλείονος ἀμέλει ὑγροῦ ἂν τις εἴποι εἶναι τὸν ἀμφορέα τοῦ ἡμίσεως, οὕτω [δὲ] κἀπὶ τοῦ θερμοῦ, εἰ τὴν αὐτὴν τις ἐρώτησιν ἐρωτῶη ταύτην, ποῖόν ἐστι πλεόν τοῦ ἐτέρου θερμόν, οὐκ ἂν ἄλλο τι ὀρθῶς ἀποκρινοίμεθα ἢ τὸ τῆ οὐσία πλεόν διὰ τὸ οὐσίας ὑπάρχειν πλείονος δηλονότι καὶ παρήκειν <εἰς> τόπον πλείονα. καὶ οὐδὲν ἂν γε κωλύσει ταυτὸν

καὶ πλεῖον εἶναι θερμὸν καὶ ἐπ' ἔλαττον θερμὸν, ὥσπερ
γε καὶ τὸ πλεῖον τῇ οὐσίᾳ ὑγρὸν δύναιτ' ἂν ἐπ' ἔλαττον
εἶναι κεχυμένον. πρὸς μὲν οὖν τό γε ἐπερώτημα τοῦτο
ὀρθῶς ἂν τις ἀποκρίναιτο· πρὸς δ' αὖ ἐκεῖνο τὸ ποιὸν
ἔστιν ἕτερον ἐτέρου θερμότερον ἀποκρίνασθαι ὀρθῶς ἔστι
τὸ κατὰ τὴν θάλψιν ἐπιτεταμένον μᾶλλον, κἂν ἐπὶ οὐσίας
ἐλάττονος τύχῃ ὄν, ὥσπερ γε πρὸς τὸν ἐρόμενον, ὁποῖόν τί
ἔστιν ἕτερον ἐτέρου λευκότερον, ἔστιν ἀποκρίνασθαι ὀρθῶς
τὸ ἐπιτεταμένον μᾶλλον κατὰ τὴν ποιότητα τὴν λευκὴν.
κατὰ γοῦν τοῦτο κἂν ἐν βραχεῖ ὄγκῳ τύχῃ οὔσα χιῶν,
λευκοτέραν <ἂν> τις φαίη αὐτὴν εἶναι οὐτινοσοῦν ἄλλου
λευκοῦ, ὥσπερ γε καὶ πρὸς τὸν ἐρόμενον, ποιὸν τί ἔστι
τὸ ἕτερον ἐτέρου ὑγρότερον, ἀποκρίνασθαι ἔστιν ὀρθῶς τὸ
μᾶλλον κεχυμένον, οἷον τὸ ὕδωρ τοῦ μέλιτος καὶ τῆς πίττης,
κἂν τὸ μὲν ὕδωρ ἐν πάνυ βραχεῖα οὐσία θεωρῆται, τὸ δὲ μέλι
καὶ ἡ πίττα ἐν ὑπερβολῇ. οὕτω δὲ καὶ <πρὸς> τὸν περὶ τοῦ
θερμοῦ ἐρόμενον, ποιὸν τί ἔστιν ἕτερον ἐτέρου θερμότερον,
ὀρθῶς ἔστιν ἀποκρίνασθαι τὸ μάλιστα ἐπιτεταμένον κατὰ
τὴν θάλψιν, οἷον τὸ πῦρ, κἂν ἐπ' ὀλίγης οὐσίας θεωρῆται,
ἕτερον δὲ τί που θερμὸν καὶ χλιαρὸν ἀντεξεταζόμενον
τούτου τυγχάνῃ ἐπὶ πλείονος οὐσίας ὑπάρχον. πρὸς μὲν οὖν
ταῦτα αἶδ' ἀποκρίσεις εἰσί· πρὸς δὲ τὸν ἀναπυθνόμενον,
ποιὸν τί ἔστι τὸ ἕτερον <τοῦ> ἐτέρου ἰσχυρότερον θερμὸν,
οὐκέθ' ὁμοία ταῖς πρόσθεν <ἢ> ἀπόκρισις. οὔτε γὰρ τὸ κατὰ
τὴν θάλψιν ἐπιτεταμένον μᾶλλον ἀποκρινόμεθα οὔτε τὸ ἐπ'
οὐσίας θεωρούμενον πλείονος, ἀλλὰ τὸ κατὰ τὴν ἄνυσιν τοῦ

ἔργου ὑπερβάλλον. συνίσταται δ' ἂν ὅπερ λέγω οὕτως· ἔργα
δήπου τὰ τοῦ θερμοῦ πολλά ἐστί. χεῖται γάρ τινα τούτω,
καὶ ἄλλα συνίστησι καὶ μεταβάλλει μάλα πολλά καὶ ὡς
κατὰ μέρος εἰπεῖν ἐπὶ τῶν ἡμετέρων σωμάτων πέττει τὴν
τροφὴν ἐν γαστρὶ καὶ τοῖς ἐντέροις καὶ εἰς τὸ σῶμα ἀνάγει
τὴν κατεργασίαν καὶ [πρὸς σῶμα] ἀλλοιοῖ καὶ προσφύει
τοῖς ἡμέτεροις σώμασιν αὐτὴν κατὰ γε τὴν θρέψιν καὶ τὴν
αὔξησιν. ἔστιν οὖν ἰσχυρότερον ἕτερον ἐτέρου θερμοῦ τὸ
μᾶλλον παρέχεσθαι ταῦτα δυνησόμενον. τὸ δὲ τυγχάνον
ὄν οὐχὶ πάντως τὸ ἦτοι κατὰ τὴν ποιότητα ἐπιτεταμένον
ἢ κατὰ τὴν οὐσίαν πλεῖον. πολλάκις γὰρ τὸ ἔλαττον τῆ
οὐσία καὶ τὸ ἔλαττον τῆ θάλψει ἀνυσιμώτατον πρὸς τὸ
ἔργον ἐστίν. ὡς γὰρ τὸ πρότερον εἶπομεν ὑμῖν, πρὸς τὴν
ἀπόδοσιν τῶν οἰκείων ἔργων οὐ τὸ μάλιστα ἐπιτεταμένον
ἐστίν ἰσχυρότερον, ἀλλὰ τὸ μάλιστα σύμμετρον, ὡς τό γε
ἐπιταθὲν κατ' αὐτὴν τὴν θάλψιν ἐνίοτε καὶ βλάβος τοῖς
ἔργοις γίγνεται, καὶ μοι τούτου πιστώματα ἱκανά, ἃ πρόσθεν
ὑμῖν ἐγὼ διεξῆλθον περὶ τῆς ἰδιότητος τοῦ θερμοῦ λέγων.

τούτων ὧδε ἐχόντων καὶ τριῶν ὄντων, ὥσπερ προείρηκα,
τῶν ἐπιζητουμένων κατὰ τὸ ἀντεξετάζειν ἕτερον πρὸς
ἕτερον θερμοῦ, ἐπειδὴν Ἴπποκράτης φῆ ἐνταῦθα ἔχειν τὰ
αὔξανόμενα τὸ θερμοῦ πλεῖστον τὸ ἔμφυτον, τῶν τριῶν
ἔν, ἢ κυρίως χρώμενος ταύτῃ τῆ φωνῆ ψευδός τι εἶρηκεν
ἢ κακῶς κέχρηται τῆ φωνῆ καὶ ψευδός τι εἶρηκεν ἢ ἵνα
ἀληθές τι δόξη εἰρηκέναι χρή <συγχωρεῖν> αὐτὸν οὐ καλῶς
τῆ φωνῆ κεχρηῆσθαι. εἰ μὲν γὰρ λέγει πλεῖστον εἶναι τὸ

θερμὸν τοῖς ἀύξανομένοις οἷον κατὰ τὴν οὐσίαν, ὡς ἂν καὶ τὸ ὑγρὸν τις φαίη πλεῖστον εἶναι τὸν ἀμφορέα, οὐ τὸ διπλάσιον τούτου, τῇ μὲν φωνῇ ὀρθῶς δόξει κεχρηῆσθαι, ψεῦδος δέ τι πολλὴ ἀνάγκη ἐστὶν αὐτὸν εἰρηκέναι. οὐ γὰρ ἐστὶ τῇ οὐσίᾳ τὸ ἐπὶ τῶν ἀύξανομένων θερμὸν πλεῖστον, ὅτι οὐδὲ ὁ τοῦ σώματος ὄγκος μείζων ἐστὶν ἐπὶ τούτων ἢ ἐπὶ τῶν ἀκμαζόντων τε καὶ γερόντων. τὸ δ' ἔμφυτον θερμὸν παντὶ παρεκτέταται τῷ σώματι. εἰ δ' αὖ πλείονα λέγει τοῖς ἀύξανομένοις καὶ ταύτην τὴν θάλψιν ἐπιτεταμένην ἴσως τούτων θερμότεραν, ὡς ἂν καὶ φαίη τις βουλόμενος εἰπεῖν τὴν χιόνα λευκοτέραν εἶναι ἄλλου τοῦ τῶν λευκῶν, μὴ λευ-κοτέραν εἶναι αὐτὴν μηδὲ μᾶλλον λευκὴν, ἀλλὰ πλεῖον εἶναι τὸ λευκὸν τοῦδε λευκοῦ, κατ' ἀμφότερα δόξει ἀμαρτάνειν Ἰπποκράτης, κατὰ τε τὸ μὴ καλῶς κεχρηῆσθαι τῇ φωνῇ καὶ κατὰ τὸ ἄλλως ψεῦδός τι λέγειν· κατὰ μὲν τὸ μὴ καλῶς κεχρηῆσθαι τῇ φωνῇ διαμαρτάνειν ἂν δοκοίη, ὅτι τὴν ἐπ' οὐσίας πλείονος ταπτομένην φωνὴν ταύτην ἔταξεν, ἐθέλων σημῆναι ποιότητα ἐπιταπτομένην μᾶλλον ὑπάρχειν τῇ θάλψει. ψεῦδος δέ τι ἂν δοκοίη εἰρηκέναι, ὅτι οὐ μάλιστα ἐπιτεταμένον τὸ θερμὸν τοῖς ἀύξανομένοις κατὰ τὴν ποιότητα, οὐ δεόντως θερμότερου ἐπὶ τῆσδε τῆς ἡλικίας τοῦ θερμοῦ ἢ ἐπ' ἄλλης τινός. ὁ δὲ ἔφη εἶναι μάλιστα ἐπιτεταμένον ἐπὶ τῶν ἀύξανομένων· ὅτι δὲ τοῦτο ψεῦδος τυγχάνει ὄν τὸ μάλιστα ἐπιτετάσθαι τοῖς ἀύξανομένοις τὸ θερμὸν, ῥᾶδιόν ἐστι πάντα ἐπιστῆσαι. οὐδὲν γὰρ ἂν εὐρεθείη γνῶρισμα κατὰ τὸ σῶμα ὑπάρχον ἐπὶ

τῶν ἀύξανομένων τῆς μάλιστα κατὰ τὴν θάλψιν ἐπιτάσεως τοῦ θερμοῦ. τὸ γὰρ εἰρημένον ὑπὸ τούτου ἐν τῷ Περι φύσεως ἀνθρώπου συγγράμματι εἰς τέκμαρσιν τοῦ πλείστον εἶναι τοῖς ἀύξανομένοις τὸ θερμὸν ἡλίθιον παντελῶς. τῷ γὰρ πρώτῳ χρόνῳ θερμότερον ἀποφαίνει εἶναι τὸν ἄνθρωπον, τεκμαιρόμενος τῇ ἀύξήσει πλείστη τηνικαῦτα συντελουμένη. οὐ γὰρ ἂν πρὸς βίαν, φησί, καὶ παρὰ φύσιν ἀνεφέρετο ἢ τροφή πρὸς ἐναντίον τῷ αὐτῆς βάρει ἐν τῷ αὕξεσθαι τὸ σῶμα, εἰ μὴ τι ἰσχυρὸν τὸ ἐπαναγκάζον εἴη. τῷ γὰρ τοιούτῳ οὐ τὸ μᾶλλον ἐπιτετάσθαι κατὰ τὴν θάλψιν τὸ θερμὸν ἐστι γνώρισμα, ἀλλὰ τὸ ἰσχυρότερον εἶναι. τὸ δὲ ἰσχυρότερον, ὡς ὀλίγον ἔμπροσθεν εἶπον, οὐ τοιοῦτον ἦν, οἷον τὸ μάλιστα ἐπιτεταμένον κατὰ τὴν αὐτοῦ ποιότητα, ἀλλὰ τὸ μάλιστα σύμμετρον πρὸς τὸ ἔργον· ὅπου δ' οὖν ταῦτα ταύτη ἔχει, εἶπερ οὕτως λέγει Ἴπποκράτης· “τὰ ἀύξανόμενα τὸ θερμὸν ἔχει πλείστον τὸ ἔμφυτον”, κατ' ἀμφοτέρα διαμαρτάνει, κατὰ τε τὸ μὴ καλῶς κεχρηῆσθαι τῇ φωνῇ καὶ κατὰ τὸ ψεῦδός τι ἄλλως εἰρηκέναι. εἰ δ' ὡς τὸ τρίτον εἶπον, λέγει πλείστον εἶναι τοῖς ἀύξανομένοις τὸ θερμὸν ἐν ἴσῳ τῷ ἰσχυρότατον πρὸς τὴν ἄνυσιν τοῦ ἔργου, ὅπερ γίνεται ἐκ τοῦ μάλιστα σύμμετρον εἶναι, οὐχὶ δέ γε ἐκ τοῦ ἦτοι τῇ οὐσίᾳ πλεῖον ὑπάρχειν ἢ αὐτῇ τῇ θάλψει ἐπιτετάσθαι μάλιστα, τῇ μὲν ἂν φωνῇ δοκοίη <οὐ> καλῶς κεχρηῆσθαι, ὅτι πλείστον εἶπεν εἶναι τὸ θερμὸν δέον φάναι ἰσχυρότατον, τὸ μέντοι εἰρημένον ὀρθῶς λελέχθαι δοκοίη ἂν. εἶπερ γὰρ αἱ ἀύξήσεις ὑπὸ τοῦ ἐμφύτου γίνονται θερμοῦ, ὥσπερ

οὖν ἔρεϊ ὁ λόγος, ἀμήχανον καὶ ἀδύνατον μὴ ἰσχυρότατον εἶναι αὐτὸ ἐπὶ τῶν ἀύξανομένων. καὶ μοι εἰς τοῦτο καλῶς ἂν εἴη λελεγμένον τὸ ἐκ τοῦ Περί φύσεως ἀνθρώπου συγγράμματος· ἀνάγκη γὰρ ἀύξανόμενον καὶ χωρέον τὸ σῶμα πρὸς βίην ***... ἰσχυρότατον ἔχειν τὸ θερμὸν αὐτῆς, οἷα καὶ ἡ τοῦ Λύκου ῥῆσις εἰς μῆκος μὲν ἐκτεταμένη, πλεόν δὲ οὐδὲν ἐρμηνεύουσα τῶν ὑπ' ἐμοῦ προειρημένων. εἰ μὲν γὰρ τῷ τῆς οὐσίας ὄγκῳ παραμετρῶν ὁ Ἴπποκράτης πλεόν ἔφησεν εἶναι τοῖς ἀύξανομένοις τὸ θερμὸν, ἀμαρτάνειν αὐτὸν οἶεται μικροτέρου σαφῶς τοῖς παιδίοις ὑπάρχοντος τοῦ σώματος. εἰ δὲ τὸ κατὰ τὴν θάλψιν ἐπιτεταμένον, πάλιν αὖ καὶ τούτῳ μάχεσθαί φησι τὸ φαινόμενον. εἰ δὲ τὸ κατὰ τὴν ἐνέργειαν ἰσχυρότερον, ἀληθὲς μὲν τι λέγεσθαι συγχωρεῖ, κεχρηῆσθαι δὲ οὐ καλῶς αὐτὸν ἀποφαίνει τῇ λέξει. χρῆναι γὰρ οὐ πλεόν, ἀλλ' ἰσχυρότερον ὡς πρὸς τὴν ἐνέργειαν εἰρηῆσθαι τὸ τῶν ἀύξανομένων θερμὸν.

7. Ἄλλ', ὃ βέλτιστε Λύκε, φαίη τις ἂν οἶμαι πρὸς αὐτὸν ἀπολογούμενος ὑπὲρ ὧν ἐπηρεάζει τὸν Ἴπποκράτην μὴ ταυτ' εἶναι μοχθηρὰ τὰ λεγόμενα. εὐθύς οὖν τὸ κατὰ τὴν οὐσίαν πλεόν θερμὸν οὐχ ἀπλῶς κρίνεται τῷ τοῦ παντὸς ὄγκῳ σώματος, ἀλλ', ὡς αὐτὸς ὁ Λύκος ἔλεγεν ἐτέρωθι, “μέγιστον ἐγκέφαλον ἔχειν τὸν ἄνθρωπον”, οὐχ ἀπλῶς λαμβάνων τὸ μέγεθος, ἀλλὰ κατὰ τὴν ἀναλογίαν τοῦ ζῴου πρὸς τὸ ζῶον. ὥσπερ οὖν οὕτω σμικρὸν παιδίον ἐλέφαντος τοῦ μεγίστου μείζονα τὸν ἐγκέφαλον ἔχειν φησίν, οὐ τῷ τοῦ σώματος ὄγκῳ μόνῳ προσέχων τὸν νοῦν, ἀλλὰ προστιθεὶς

αὐτῷ τὸ κατὰ τὴν ἀναλογίαν, οὕτω καὶ πὶ τοῦ θερμοῦ σώματος ἔχρῃν πεποιηκέναι, σκεψάμενον ὁποῖόν τι τῶν ἐν ἡμῖν σωμάτων ἔμφυτον ὑπάρχει, τουτέστιν ἀρχέγονον. αὐτὸς γὰρ ἐπίσταται τοῦνομα καὶ γεγραμμένον ἐν τοῖς Ἱπποκρατείοις βιβλίοις καὶ συνημμένον ἐκεῖνο τὸ σῶμα τὸ ἐξ ἀρχῆς ὑπάρχον τοῖς γεννωμένοις, τουτέστιν ἐξ οὗ τὴν πρώτην ἔσχηκε γένεσιν. ἄρ' οὖν ἄλλο τι τοῦτ' ἐστὶ πλὴν καταμηνίου καὶ σπέρματος; ἐγὼ μὲν οὐδὲν οἶδα τρίτον, ἀλλ' ἐπεὶ περ ἢ τοῦ σώματος οὐσία τοῖς γεννωμένοις ἐκ τούτων ἐστὶ τῶν ἀρχῶν, ἢ μὲν ἀκριβῶς πρώτη σύστασις οὐκ ἐκ πλείστων ἂν εἶναι λέγοιτο τῶν εἰρημένων σωμάτων, ἀλλ' ἐκ μόνων. καίτοι τί λέγω τὴν πρώτην ἀκριβῶς; εἰ γὰρ ἀναμνησθεῖμεν, ὁποῖαν τινὰ διηγήσατο τὴν ἐκταίαν γονὴν Ἱπποκράτης, εἰσόμεθα σαφῶς ἔτι διαμένον ἐν αὐτῇ τὸ ἔμφυτον σῶμα· πρὶν γὰρ ὅσπου τινα φύσιν ἢ φλεβὸς ἢ ἀρτηρίας ἢ νεύρου ἢ χόνδρου ἢ συνδέσμου ἐν τῷ κυήματι φαίνεσθαι, μόνον αὐτοῖς ὑπάρχει θερμὸν σῶμα τὸ ἔμφυτον. ἀδιάπλαστος γὰρ τις σὰρξ μαλακὴ παραπλήσιος αἵματος θρόμβῳ διαδέχεται τὴν πρώτην τοῦ κυήματος ἰδέαν, ἐν αὐτῇ τινὰς ἔχουσιν, καθάπερ Ἱπποκράτης ὠνόμασεν, οἶον αἰμάλωπας ἐκ τῆς τοῦ σπέρματος οὐσίας τῆς ἐν αὐτῇ λευκότητος ὑπαρχούσης, ὕστερον δ' ἐκ πολλῆς τῆς ἀλλοιώσεως συνεχῶς γιγνομένης ὅσπου τις ὑπογραφή καὶ χόνδρου καὶ συνδέσμου καὶ νεύρου καὶ ἀρτηρίας καὶ φλεβὸς ἀποτελεῖται, καθ' ὃν ἤδη χρόνον μένον ἔτι τὸ ἔμφυτον θερμὸν σῶμα τοῖς κνουμένοις ἐστίν, ἀλλὰ πλείστον

ἀεί τε καὶ μᾶλλον ἔστιν, ὅσον ἀυξάνεται τὰ κυούμενα. τὸ μὲν ἔμφυτον αὐτῶν σῶμα θερμόν, ὅπερ ἦν αἷμα καὶ σπέρμα, μείον γίγνεται. ποικιλία δὲ ἐπικτήτων προσγίγνεται σωμάτων. οὐδὲν γὰρ τῶν εἰρημένων τοῖς ζῳοῖς ἔμφυτόν ἔστιν, ἀλλ' ἐπικτήτα πάντα καὶ εἶπερ ὅλον οἶόν τ' ἦν γενέσθαι ποτὲ ζῳον ὅστινον ἢ νεύρινον, ἐφθείρετ' ἂν οὕτως τὸ ἔμφυτον θερμόν. ἀλλὰ τοῦτο μὲν ἀδύνατον, ἐπικρατεῖν δὲ τὴν τῶν ὀσῶν καὶ χόνδρων καὶ συνδέσμων καὶ νεύρων καὶ ἀρτηριῶν καὶ φλεβῶν οὐσίαν ἐγχωρεῖ. τὰ γοῦν εἰς ἔσχατον γῆρας ἀφικόμενα τῶν ζῳῶν ἐλαχίστην ἔχοντα τὴν αἱματώδη φύσιν ὀλίγου δεῖν ἐξ ὀσῶν μόνων καὶ νεύρων ὑμένων τε καὶ συνδέσμων ἀρτηριῶν τε καὶ φλεβῶν καὶ χόνδρων σύγκειται. ἐκ γὰρ πάντων τῶν τοῦ ζῳοῦ μορίων <μόνη μὲν> ἢ σὰρξ αἱματώδης ἔστιν, ἦν ἐλαχίστην ἔχει τὰ γεγηρακότα καὶ ταύτην ὀλίγαιμόν τε καὶ σκληράν. τῶν δ' ἄλλων τῶν εἰρημένων μορίων οὐδὲν αἱματῶδες ὑπάρχει. οὐκουν ἀπλῶς χρὴ τῷ τῆς οὐσίας ὄγκῳ μετρεῖν τὸ ποσὸν τοῦ συμφύτου σώματος, ὅπερ ἐπὶ τῆς δραστηκωτάτης τῶν ἐν αὐτῷ ποιότητων ἔμφυτον ὠνόμασται θερμόν, ἀλλὰ παραβάλλοντες τοῖς οὐκ ἔμφυτοις σκοπεῖσθαι τὴν ἀναλογίαν. ὡς γὰρ ἐν τῷ βαλανείῳ πολὺν ἀτμόν ἢ νῆ Δία καπνὸν ἢ τι τοιοῦτον ἕτερον εἶναί φαμεν οὐ [γὰρ] πρὸς τὸ μέγεθος ἀναφέροντες ἀπλῶς τῶν οἴκων, ἀλλὰ πρὸς τὸν οἰκεῖον ἀέρα τῶν βαλανείων, οὕτως καὶ κατὰ τὸν ἄνθρωπον ἐροῦμεν ἦτοι πλείστην εἶναι τὴν οὐσίαν ἢ ὀλίγην τοῦ ἔμφυτου θερμοῦ, παραβάλλοντες τοῖς οὐκ

ἐμφύτοις σώμασιν· αἱματωδέστατα γὰρ ἅπαντα ἔχει τὸ βρέφος ἄχρι <τοῦ> καὶ τοῖς ὀστοῖς ἐμφαίνεσθαι τι τοιοῦτον. ἔμπαλιν δὲ οἱ γέροντες ἀναιμότετα πάντ' ἔχουσιν ἄχρι τῶν σαρκῶν· καὶ γὰρ ταύταις ἐλάχιστον αἵματος ὑπάρχει. ἀλλ' ἦν ἔμφυτον σῶμα θερμὸν <ἦ> τὸ αἷμα, περαίνοιτ' ἂν ἡμῖν ἐκ τῶνδε πλεῖστον μὲν εἶναι τὸ ἔμφυτον θερμὸν σῶμα τοῖς ἀϋξανομένοις, ἐλάχιστον δὲ τοῖς γεγηρακόσιν· οὕτω δὲ καὶ τὸ σπέρμα συγκείμενον ἔκ τε τῆς ὀρρώδους ὑγρότητος καὶ τοῦ πνεύματος, οὗ κατ' αὐτὴν ἐλάχιστον μὲν ἐν τοῖς γεγηρακόσι, πλεῖστον δ' ἐστὶν ἐν τοῖς τῶν ἀϋξανομένων σώμασι, καὶ τούτων μάλιστα ἐν τοῖς νεωτάτοις, ὡς ἐν τοῖς Περὶ σπέρματος ὑπομνήμασιν ἐπεδείξαμεν, εἰ γοῦν ἀπορήσεις, εἰ ῥαδίως ἀναλίσκεται καὶ διαρρεῖ τὸ σῶμα τῶν ἀϋξανομένων. καὶ μὴν ἐπὶ γε τῶν ἄλλων οὐκ ἀγνοεῖς ὕδωρ μὲν θερμὸν ἢ ἔλαιον ἢ τι τῶν οὕτως ὑγρῶν ἐλαχίστω χρόνῳ διαφορούμενον ὅλον, οὔτε δὲ γῆν οὔτε λίθον οὔτ' ἄλλο τῶν ψυχρῶν φύσει καὶ ξηρῶν. δύο μὲν γὰρ εἰσιν ἐν ἅπασιν τοῖς οὕσιν ἐπιτηδειόταται ποιότητες εἰς διαφόρησιν, ὑγρότης καὶ θερμότης, δύο δὲ ἔμπαλιν εἰς διαμονήν, ξηρότης τε καὶ ψυχρότης, ὥστ' οὐδὲν θαυμαστόν, εἰ τὰ μὲν τῶν παιδίων σώματα διὰ τε τὴν ὑγρότητα καὶ θερμότητα ῥαδίως διαπνεῖται, τὰ δὲ τῶν γερόντων οὐ ῥαδίως ὑπὸ ξηρότητος καὶ ψύξεως πεπηγυῖαν ἐχόντων τὴν οὐσίαν.

ὥστ', ὦ βέλτιστε Λύκε, περὶ ὧν ἐχρῆν ἐπιτιμηθῆναί σε, περὶ τούτων ἐγκαλεῖς. ἀγνοῶν γοῦν ἐφάνης ἐν τι τῶν πρώτων μαθημάτων, ὃ μηδεὶς τῶν εἰσηγμένων νομίμως

ἀγνοεῖ. πολλήν μὲν γὰρ οὐσίαν ἀπλῆν ὁ τοῦ σώματος ὄγκος κρίνει, σύνθετον δὲ ἐκ διαφερόντων ὑπάρχουσιν ἢ τῶν μιχθέντων ἀναλογία, καθάπερ καὶ τὸν ἐγκέφαλον ἢ τι τῶν ἄλλων μορίων. οὕτω γοῦν καὶ οἱ μειγνύντες οἶνον ὕδατι τοῦ πιεῖν ἔνεκεν ἦτοι πλείονα τὸν οἶνον λέγουσιν ἢ τὸ ὕδωρ ἢ οὐδέτερον, ὅταν εἰς συμμετρίαν κράσεως ἦκωσιν. ἔμπληκτος δ' οὐδεὶς οὕτως ἐστίν, ὡς ἐμβαλὼν εἰς οἶνου πίθον ὕδατος κοτύλην πλεον εἶναι λέγειν ἐν τῷ πίθῳ τὸ ὕδωρ τοῦ κατὰ τὸ μικρὸν ποτήριον, ὅταν, <εἰ> οὕτως ἔτυχεν, ἐν ἐκείνῳ τριῶν ὄντων κυάθων ὁ μὲν εἷς ὕδατος, οἱ δὲ δύο ὑπάρχωσιν οἶνου. Λύκος δέ, ὡς οἶμαι, καὶ τὴν τετραφάρμακον ὀνομαζομένην δύναμιν ἐκ κηροῦ καὶ στέατος καὶ πίττης καὶ ῥητίνης ἴσων ἀπάντων συντεθειμένων οὐ φήσει πλείονα τὴν πίτταν ἔχειν, ἐὰν διπλασίαν τις ἐμβάλῃ τῶν ἄλλων. ἀλλὰ κἀνταῦθα ἐπισκέπεται, πότερον πίθος ὅλος ἐστὶ μεστός τῆς τετραφαρμάκου δυνάμεως ἢ μικρόν τι λεκάριον, εἶτα τὸν πίθον ἐρεῖ πολὺ πλείονα τὴν πίτταν ἔχειν τοῦ λεκαρίου, κἀν ὁ μὲν ἐξ ἴσων ἦ τῶν τεττάρων, ἢ πίττα δ' ὑπάρχη διπλασία τῶν ἄλλων ἐν τῷ λεκαρίῳ. τοιγαροῦν ἅπαντα τὰ τοιαῦτα ἀμαρτήματα τῶν πολλῶν μὴ δυναμένων † ἐστὶ διακρίναι τὸ κατ' ἀναλογίαν καὶ μίξιν πολὺ τοῦ κατὰ τὸ κοινὸν μέτρον ἀπλῶς οὕτω λεγομένου, οὐ κατὰ τὸν αὐτὸν τρόπον, ἐφ' ὃν ὁ Λύκος ἐνεκάλεσεν Ἴπποκράτει; ἢ τε γὰρ οὐσία τοῦ ἐμφύτου θερμοῦ πλείστη τοῖς ἀύξανομένοις ἐστὶν ὡς πρὸς τὴν τῶν ἄλλων ἀναλογίαν, ἢ τε σὺν αὐτῇ ποιότης

ὡσαύτως, ἐπειδήπερ ἀχώριστοι τῶν οὐσιῶν εἰσιν αἱ οἰκείαι ποιότητες, ὥσπερ γε <αὐ>τῶν καὶ αἱ δυνάμεις. οὕτω γοῦν κἂν εἰς τὴν τετραφάρμακον ἐμβάλῃς πλείονα τῆς τῶν ἄλλων ἀναλογίας τὴν πίπταν, οὐ τὴν οὐσίαν μόνον αὐτῆς, ἀλλὰ καὶ τὴν ποιότητα καὶ τὴν δύναμιν ἐρεῖς ἐνεῖναι πλείονα καὶ διὰ τοῦτο καὶ τὸ ὑγρὸν μέρος τῆς πίπτης ηὔξησθαι. δῆλον οὖν ὅτι κατὰ τὰ τρία τοῦ πολλοῦ σημαινόμενα τὰ πρὸς τοῦ Λύκου γεγραμμένα πλείων ἢ τε πίπτα λεχθήσεται κατὰ τὴν τετραφάρμακον εἶναι τό τ' ἔμφυτον θερμὸν τοῖς ζώοις, ἔτι δὲ μᾶλλον, ἐφ' ὧν οὐ κέκραται δι' ὄλων ἀλλήλων ὅλα τὰ μειγνύμενα, κατάδηλόν ἐστι τὸ κατὰ τοὺς τρεῖς τρόπους οὕς ὁ Λύκος εἶπεν ἕτερον ἐτέρου λέγεσθαι πλέον, ὥσπερ ἐπὶ τοῦδε τοῦ φαρμάκου τῶν συνηθεστάτων ὄντος, ὃ σύγκειται μὲν ἐξ ἴρεως καὶ ἀριστολογίας καὶ τοῦ τῶν ὀρόβων ἀλεύρου καὶ λιβανωτοῦ, πάντων ἀλλήλοις ἴσων τῷ σταθμῷ, δύναται' ἂν τις τὸ ἐν ἐξ αὐτῶν διπλάσιον ἐργασάμενος ἀναμεῖξαι τοῖς ἄλλοις ἴσοις, οἷον, εἰ τύχοι, τὴν ἀριστολογίαν. ἀληθὲς οὖν ἐστὶ κατὰ τὴν αὐτῶν μίξιν εἰπεῖν, ὅτι καὶ τῇ οὐσίᾳ καὶ τῇ ποιότητι καὶ τῇ ἐνεργείᾳ πλείων ἐστὶ καὶ κρατεῖ τῶν ἄλλων ἢ ἀριστολογία. ταῦτόν δὲ τοῦτο κάπλι τοῦ βαλανείου τις <ἂν> εἴποι μὴ μόνον ἔχοντος ἐν ἑαυτῷ τὸν εὐκρατότατον ἀέρα, προσειληφότος δέ τι καὶ καπνοῦ καὶ ἀτμοῦ. δύναται γὰρ ἐκ τούτων ποτὲ μὲν ὁ καπνὸς εἶναι πλείων, ποτὲ δὲ ὁ ἀτμός, ὥσπερ γε καὶ ὁ κατὰ φύσιν ἀήρ τοῦ βαλανείου. τὸ δ' ἀπλῶς οὕτως πλέον κατὰ τὴν τῆς οὐσίας ὑπεροχὴν λέγομεν ᾧ καὶ τὴν ποιότητα

συναύξεσθαι καὶ τὴν ἀπ' αὐτῆς ἐνέργειαν ἀναγκαῖόν ἐστιν. ὑποκείσθω γοῦν εἶναι τὴν οὐσίαν τοῦ καπνοῦ πλείονα τῆς τῶν ἄλλων δυοῖν· ὀρθῶς ἐρεῖς τῆνικαῦτα καὶ τὴν ποιότητα τοῦ καπνοῦ τῆς τῶν ἄλλων ποιότητος εἶναι πλείονα καὶ τὴν ἐνέργειαν, ὁμολογουμένως δὲ οὐ πλείονα γίνεσθαι ποιότητα ποιότητος, ἀλλὰ σφοδρότεραν, ὥσπερ γε καὶ ἀμυδροτέραν, οὐκ ἐλάττω, παμπόλλης οὔσης τῆς τοιαύτης χρήσεως τῶν ὀνομάτων ἐν ὅλῳ τῷ βίῳ καὶ κατὰ πάσας τὰς τέχνας. καὶ τί δεῖ τῶν ἄλλων μνημονεύειν ἔχοντας ἐναργῶς τοῦ λόγου μαρτύριον ἐπ' αὐτῶν τῶν πυρετῶν, οὓς ὀσημέραι πάντες ποτὲ μὲν μείζονας ἢ ἐλάττονας ἀλλήλων γεγονέναι φασί, ποτὲ δὲ ἔλαττον ἢ πλέον πυρέττειν τόνδε τοῦδε καὶ τὸν αὐτὸν χθὲς ἢ σήμερον. οὕτως οὖν ὑποκειμένου λέγεσθαι τοῦ κατὰ τὴν ποιότητα πλείονος οὐδὲν θαυμαστόν, ἐν ᾧ βαλανείῳ πλείων ἐστὶν οὐσία καπνοῦ, καὶ τὴν ποιότητα φάναι γεγονέναι πλείονα καὶ τὴν ἐνέργειαν, εἰ μὲν κυρίως ὀνομάζομεν ἰσχυροτέραν τε καὶ σφοδρότεραν, εἰ δὲ καταχρώμενοι μείζονά τε καὶ πλείονα. δῆξεται γὰρ δηλονότι τοὺς ὀφθαλμοὺς ὁ καπνός, εἰς ὅσον ἀυξάνεται κατὰ τὴν οὐσίαν, ὥστ' ἀεὶ ταῖς οὐσίαις συναυξανομένων τῶν οἰκείων αὐταῖς ποιότητων καὶ τῶν ἐνεργειῶν ἀληθῶς ἂν εἴποι τις ἐν τῷ τοιούτῳ βαλανείῳ πλεῖστον εἶναι τὸν καπνόν. ὑποκείσθω δὲ πάλιν ἔλαττον μὲν ἀτμοῦ τε καὶ καπνοῦ κατὰ τὸ βαλανεῖον ὑπάρχειν, ἢ δ' οἰκεία τοῦ ἀέρος οὐσία πλείστη <φαίνεται> κατὰ τὴν ἀναλογίαν οὐσά τε καὶ γιγνομένη τοῦ τοῖς ζῳοῖς ἐμφύτου θερμοῦ. λεχθήσεται

γὰρ καὶ νῦν ἐν τῷ βαλανείῳ πλεῖστον εἶναι τὸ οἰκτεῖον θερμόν. ἄρ' οὖν ἀποδεῖ τι τούτου τὸ κατὰ τοὺς ἐν τῷ ζῳῷ χυμούς, ἐξ ὧν ἀτμιζόντων ἢ προσπίπτουσα θερμασία τοῖς ἀπτομένοις ἔξωθὲν ἐστίν; ἄλλη μὲν γὰρ ἀπὸ τοῦ αἵματος ἀνάπτεται θερμότης, ἄλλη δὲ ἀπὸ τοῦ φλέγματος, ἄλλη δὲ ἀπὸ τῆς ξανθῆς ἢ μελαίνης χολῆς. ἐπὶ μὲν οὖν τῶν παίδων ἢ οὐσία τοῦ αἵματος πλείστη κατὰ τὴν τῆς μίξεως ἀναλογίαν· (τούτου γὰρ ἀναμνήσκειν ἀεὶ δεῖ καθάπερ ὑπὸ ληθάργου κατεχομένους τοὺς τὰ τοιαῦτα ληροῦντας, ὅποια Λύκος ἔγραψεν)· ἢ τε συναυξανομένη ποιότης οὔσα χρηστὴ καὶ φίλιος, οὐκ ἀνιαρὰ καὶ δακνώδης τοῖς ἀπτομένοις ἢ τ' ἐνέργεια καθ' ἣν αἱ πέψεις οὐ κνισώδεις γίνονται οὐδ' ὀξώδεις ὡς ἐπὶ φλέγματος.

κατὰ πάντας οὖν τοὺς τρόπους, ὧ γενναιότατε Λύκε, τοῖς αὐξανομένοις πλεόν ἐστὶ τὸ ἔμφυτον θερμόν, ὥστ' οὐδὲν Ἰπποκράτης ἤμαρτεν, ἀλλὰ σὺ μᾶλλον ἐξηλέγχθης ἐπηρεάζων. ἐνεδείξω γὰρ ἐξ ὧν ἔγραψας οὐδ' ὄλως εἰσηγμένος ὑπὸ διδασκάλων τῶν Ἰπποκρατείων ἐπαΐειν τι δογμάτων ἐγκαλῶν τε προφανῶς οἷς οὐδ' ὄλως οἶσθα τὴν τ' ἀντιλογίαν ἀμαθεστάτην ποιούμενος ἐφωράθης τε δι' αὐτῆς ἀνατρέπειν ἐγχειρῶν ἀπάσης τέχνης σύστασιν, ἀγνοῶν γε ἃ περὶ τούτων ἔγραψε Πλάτων πολλάκις, ἐναντία δὲ λέγων σαυτῷ λυμαινόμενός τε τοῖς νέοις ὅσοι καθάπερ σὺ λογικῆς θεωρίας ἀγυμνάστως ἔχοντες ἀγνοοῦσι διακρίνειν ἀληθεῖς λόγους ψευδῶν. ἐφ' ἅπασιν δὲ τούτοις τολμηρότατός τε ἅμα καὶ φλύαρος ὤφθης ἐπιχειρήσας γράφειν ἐξηγήσεις τῶν ὑφ'

Ἰπποκράτους εἰρημένων ἄνευ τοῦ μεμαθηκέναι πρότερον αὐτά.

Гален. Против Лика

О том, что нет ничего ошибочного в афоризме Гиппократ, который начинается словами: «Тела, которые еще растут, имеют больше всего врожденной теплоты»¹⁶⁵

1. Разумеется, нет ничего предосудительного в том, чтобы всякий желающий, пусть бы даже и Лик, стал оспаривать идеи Гиппократ. Но тогда, на мой взгляд, тем более незачем по возможности избавить Гиппократ от несправедливых наветов, как это бывает, например, в суде, когда оглашающий заявления сторон обязан позаботиться о защите ответчика, тем более если истец начинает дерзить, прежде чем разобраться в том, что было сказано, зато ответчик опирается исключительно на учение великого врача древности, которое ему прекрасно известно.

Что до Лика, своим толкованием афоризмов Гиппократ он вдвойне оскорбил учение этого мужа: и в тех моментах, где ругал, и в тех, где, как ему кажется, хвалил, и, наконец,

---

¹⁶⁵ *Гиппократ*, Афоризмы, I, 14 // // Гиппократ. Избранные книги / Редакция, вступит. ст. и примечания В.П. Карпова. М.: Медгиз, 1936. С. 697. Перевод В.И. Руднева, с изменениями.

своими встречными аргументами. Ведь то, что он хвалит, – это фантазии Лика, а не учение Гиппократу. Из возражений же его очевидно, что и самых основ учения Гиппократу он не знает. Тот же, кому неведомы основы, то есть буквы учения, напрасно будет взирать на сложенные из них слоги и то, что получится из них.

Вот если бы я первый, а может, даже единственный, заявил, что, согласно Гиппократу, тела всех живых существ состоят из сочетаний теплого, холодного, влажного и сухого, тогда, конечно, мне следовало бы осторожнее упрекать Лика за то, что тот решился толковать сочинения Гиппократу, не удосужившись прежде изучить самых основ его учения. Ведь ни тем, кто изначально воспитан в противоположном учении, ни тем, кто не знает даже основ учения, не следует комментировать «Афоризмы»: только тем, кто воспитан в этом учении, пристало хвалить или ругать его мнение. Лик же настолько невежественен в учении Гиппократу и настолько пренебрегает всякой мыслью этого уважаемого врача, что, клянусь всеми богами, после самых первых его толкований афоризмов я не мог заставить себя читать оставшуюся часть его труда, настолько, как я видел, эта книга извращает учение древнего врача.

Однако один из моих друзей попросил меня ответить на его комментарий на афоризмы, в котором говорится, что «тела, которые еще растут, имеют больше всего врожденной теплоты». Далее, вынужденный защищаться от много-

численных обвинений тех, чье внимание привлек этот вопрос, в конечном счете я решил написать эту книгу.

2. Впрочем, на мой взгляд, стоит предварительно сказать еще пару слов. Тогда нашим судьям будет проще проследить ход мысли как в возражениях Лика, так и в моих возражениях.

Присутствие тепла в наших телах – неоспоримый факт. Тем не менее врачи по-прежнему расходятся во мнении, что же является его источником. Одни говорят, что это – движение, возникающее в результате деятельности сердца и артерий (ведь движение свойственно сердцу в силу его природы), а другие – что тепло, как и движение, является прирожденным свойством сердца.

Желающие с научной точки зрения постичь учение, согласно которому тепло, холод, сухость и влага есть первичные элементы всякого живого организма, могут обратиться к одной из моих книг, в которой я подробным образом пересказываю и разъясняю учение Гиппократу. Она так и называется: «Об элементах, согласно Гиппократу». После стоит также прочесть и другое мое сочинения – «О смещениях», в котором я показываю, в каких телах содержится больше первоэлемента огня, а в каких – меньше, а также то, что поэтому одни являются по природе более, а другие – менее горячими. Сам первоэлемент огня заложен во всех нас изначально: он зарождается при соединении спермы и менструальных выделений. Однако мы отличаемся друг от друга разной

температурой тела: один человек может быть теплее или холоднее, чем другой. Однако существуют границы этого различия, при выходе за которые человек непременно заболит и может даже погибнуть. Ведь, если у нас слишком низкая температура тела, мы заболеваем холодными болезнями, а если температура тела выше нормы, обыкновенно дело доходит до лихорадки.

Также обстоит дело и с лихорадками: некоторые из них – крайне сухие (например, лихорадки, связанные с особенностями телосложения), другие – невероятно влажные (например, тифозные или вызванные водянкой). Однако вполне вероятно, что подобная терминология придется по вкусу далеко не всем, а многим, пожалуй, привычнее использовать ее применительно к совершенно другим предметам. Вот почему сейчас я дам более подробное описание некоторых из этих лихорадок.

Если у больного с первого же дня начинается обильное потоотделение, которое или не приносит никакого облегчения, или весьма умеренное, то такие лихорадки я называю влажными. Сухими же, в свою очередь, я называю лихорадки, которые сопровождаются сильной жаждой и сухостью во всем теле, язык также сухой, а кожа – жесткая, как содранная шкура. Существуют, однако, и другие виды лихорадок, например, те, при которых по всему телу проходит поток воздуха, что для больного крайне мучительно, – будто нечто бьет его или жалит. Такие лихорадки тоже бывают двух видов, в за-

висимости от типа потока воздуха, который может быть сухой или влажный, наподобие пара.

Так различаются эти смешения соков между собой и так отличаются они от здорового смешения – мы именуем их также дурными смешениями и по мере сил пытаемся улучшить их. И это тоже немалая часть врачебного искусства.

Если же тело обладает хорошим смешением соков, то при прикосновении к нему ничего подобного не обнаруживается в нем все элементы соразмерны, и нет ни нехватки тепла, какая бывает, например, при переохлаждении или у пожилых людей, ни чрезмерного жара, который, в свою очередь, свойственен тем, кто не в меру много трудится или просто часто проводит время на летнем солнцепеке. И, что гораздо важнее, теплота тела для этих людей не является тягостной или мучительной.

Для того чтобы моя мысль стала понятнее, возьмем, например, наши купальни. В них, как и в наших телах, бывает только один вид гармоничного смешения элементов, а дурные типы смешения многочисленны.

Иногда приходится мыться в очень холодной купальне, а иногда – в невыносимо нагретой. Но даже при умеренной температуре частенько мы все равно бранимся: мол, слишком много пара. Ведь каждому человеку известно: и вода, и воздух, и пар могут обладать хорошим смешением.

Так и камень, на который в наших купальнях выливают воду, имеет хорошее смешение, благодаря чему не бывает ни

избытка тепла, ни излишнего холода, ни удушья или избытка влаги. Ведь как во влаге, воздухе и камне тепло оказывается соразмерным, таким же оно бывает и в паре, и когда пар, обладая хорошим смешением, наполняет купальню, все тотчас же делается недовольными и что есть сил бранят такое купание, однако не называют его слишком горячим или слишком холодным. Если же происходит и это, то предъявляется двойное обвинение: все твердят, что купальня не только холодная, да еще и полна пара, или, наоборот, что все в пару и слишком уж горячо.

Вот что нам следует учитывать. И тем более не стоит пытаться ниспровергнуть чрезмерным мудрствованием, которое так любят демонстрировать некоторые, факты, давно всеми признанные неоспоримыми. Напротив, учитывая пример с банями, всякий раз, когда мы слышим, будто бы в одном живом существе достаточно тепла, а вот в другом – нет, необходимо обращаться исключительно к тем представлениям, которые свойственны всем людям, сохраняющим здравый смысл, и к которым все обращаются каждый день во многих случаях, в том числе и в бане, о чем шла речь выше.

Скажем, все знают, что бани бывают теплые и холодные. Также порой баня наполнена паром, или, напротив, в ней сухой и жесткий воздух. И у каждого вида имеется собственное название. Вдобавок бывают такие бани, в которых полно дыма, и, клянусь Зевсом, они тоже весьма разнообразны: одни – на дубовых бревнах, другие – на смоковничных, тре-

тьи – на оливковых, а ведь есть еще многие другие – по виду каждого дерева.

Однако сейчас нет никакой нужды говорить отдельно о каждом их виде. Довольно будет сказать, что порой воздух в купальнях бывает дымным, и при помощи этого определения нам удастся охватить все бани такого рода. Говоря так, мы не ругаем их за то, что в них слишком тепло или слишком холодно, а если такое случается, то ругаем сразу за две вещи и называем такую баню не просто слишком теплой, но еще и заполненной дымом.

Но оставим пока пример с банями и вспомним, как обстоят дела в наших собственных домах. Порой мы начинаем сердиться, что в комнатах слишком влажно, или, напротив, досаждем на холод или сильную жару. И разве не так же раздражаемся мы на воздух в сильный зной в летние месяцы? Ведь в это время наши жилища наполняются дымом, хотя иногда, как и в банях, на жару мы при этом не жалуемся.

Стало быть, порой воздух в доме – просто горячий, а порой – все еще и в дыму. Надо также отметить, что сам по себе горячий воздух не может быть причиной слез, зато в задымленном помещении человек непременно прослезится, даже если воздух там умеренно теплый.

Вывод очевиден: раз едкое тепло греет не больше, чем всякое другое, основное его отличие в чем-то еще. И в самом деле, когда мы стоим очень близко к большому, но не дымящему костру, огонь опалает нас так сильно, что, кажет-

ся, подойди немного ближе – непременно обожжешься, но при этом ни у кого не щиплет глаза и не текут слезы, как при дыме.

Вот почему мне странно, если тот, кто понимает, в чем разница между пламенем и дымом, стоит только зайти речи о наших телах, вдруг отказывается понимать, что жар порой может быть подобен пламени, а порой – только щипать нас и докучать, словно дым.

Но, на мой взгляд, еще более странно, что не все согласны с тем, что дурные смешения в отношении тепла в телах живых существ бывают такими же, какие мы можем наблюдать в банях или наших домах. А ведь если мы говорим о помещениях, всем очевидно, что в задымленном доме воздух одного рода, а в просто нагретом – совершенно иного. И надо думать, в доме со множеством зажженных светильников или коптящим факелом воздух будет также значительно отличаться.

Ведь мы и называем один воздух дымным, а другой – закопченным, из-за перегрева дров, поскольку в копоти как раз и кроется разница между «закопченным» и «дымным». И хотя в обоих случаях под воздействием пламени будет выделяться некое вещество, причина копоти – это испарения земляных и сильно подгоревших дров, а источник дыма – горение дров разнородных, землистых и влажных, и скорее полуобгорелых, чем перегоревших полностью.

Кто обучался в школе Гиппократата по всем правилам, на-

верняка знает о сложившейся врачебной традиции точно так же различать поток воздуха не совсем ясной природы, рассеивающийся по нашему телу: в одном случае он схож с паром, в другом – с сухим воздухом, а в третьем выделяется вместе с распознаваемой чувствами влагой.

3. Это рассуждение – одно из тех, что Лик написал в доказательство того, что нет разницы между видами тепла. Ему даже не требуется опровержение извне, поскольку оно прекрасно опровергает само себя. Что же это за рассуждение? Звучит оно следующим образом: «Поскольку тепло считается теплом, между одним теплом и другим нет никакой разницы».

Если в этой логической конструкции словосочетание «поскольку тепло считается теплом» просто ничего не значит, его стоило бы совсем устранить. Но если оно все-таки что-то значит, Лик тем самым невольно доказывает, что одно тепло не отличается от другого тепла в том, благодаря чему оно считается теплом, а по иным критериям различается. Ведь если между ними действительно нет никакой разницы, условие «поскольку тепло считается теплом» избыточно, но если в чем-то другом они отличаются, а в этом нет, то следовало бы определить различия согласно этому критерию. Ведь, если мы будем учитывать только критерий, по которому определяется каждая из вещей, то мы вообще устраним всякие различия. Например, тогда получится, что всякое живое существо, поскольку оно считается живым, ничем не отличает-

ся от другого живого существа, а всякое растение, поскольку оно считается растением, – от другого растения. Да и всякое дерево, поскольку оно считается деревом, от другого дерева тоже не будет отличаться.

Но неужели среди животных действительно не существует никаких различий? И разве мы все не знаем, что бывают существа пернатые, водоплавающие и сухопутные, те, что живут в воде, и те, что под землей или в воздухе, как смертные, так и бессмертные, разумные и нет, домашние и дикие, храбрые и трусливые? А ведь сюда можно прибавить еще много других различий!

Но что понапрасну разглагольствовать? Как известно, к растениям относятся и деревья, и кустарники, и трава, и колючки, и даже хворост. И хотя животные не различаются между собой в том, что делает их всех животными, однако не правда ли, что все перечисленные мной животные имеют между собой множество различий? То же касается и растений. Конечно же, последние не различаются между собой по тому признаку, что одно из них разумно, а другое нет, или, например, по тому, что одно – сухопутное, а другое – пернатое, да и по всем прочим перечисленным мной критериям. Однако и животные не отличаются тем, что какие-то из них мы отнесем к кустарникам, другие – к колючкам, траве или деревьям, например, к хвойным, а какое-то просто будет хворостом – ведь все эти различия относятся к роду растений.

При этом, как ни странно, Лик довольно много писал о различиях между болезнями. И, хотя одна болезнь в том, благодаря чему она считается болезнью, не отличается от другой, как и один симптом в том, благодаря чему он считается симптомом, не отличается от другого, Лик все-таки пытается показать разницу между ними. Например, он описывает виды плеврита, а также других болезней. И, хотя один вид плеврита, поскольку он считается плевритом, не отличается от другого его вида, Лик все-таки считает нужным упомянуть, что один из них подразумевает боль, отдающуюся в ключице, а другой – в подреберной области. Более того, для одного вида плеврита характерно окрашивание слюны, тогда как для другого, который некоторые врачи называют безмокротным, характерно полное отсутствие мокроты. Наконец, Лик пытается описывать также различные виды лихорадок, хотя, возникла ли лихорадка от избытка тепла или из-за едкости вещества, лихорадка от лихорадки в том, благодаря чему она является лихорадкой, не отличается.

Вот насколько невежественно начинает Лик свое рассуждение: он даже не понимает, что тем самым он уничтожает саму науку. Ведь все науки состоят в познании различий между отдельными сущностями. Более подробно об этом говорил Платон в самом начале своего диалога «Филеб», а последователями его идей были Аристотель, Теофраст, Хрисипп и Мнеситей. К тому же невозможно представить, чтобы кто-нибудь в своем сочинении о каком-либо искусстве не

изложил ту же точку зрения.

Вот что сказано Платоном о составе всех искусств:

«**Сократ.** Звук, исходящий из наших уст, один, и в то же время он беспределен по числу у всех и у каждого.

Протарх. Так что же?

Сократ. Однако ни то ни другое еще не делает нас мудрыми: ни то, что мы знаем беспредельность звука, ни то, что мы знаем его единство; лишь знание количества звуков и их качества делает каждого из нас грамотным.

Протарх. Совершенно верно.

Сократ. Но то же самое делает человека сведущим в музыке.

Протарх. Каким образом?

Сократ. Согласно этому искусству, звучание в нем также одно.

Протарх. Как же иначе?

Сократ. Однако же мы признаем два звучания – низкое и высокое, и третье – среднее. Не правда ли?

Протарх. Да.

Сократ. Но, зная только это, ты не станешь еще сведущим в музыке; не зная же и этого, ты, так сказать, ничего не будешь в ней смыслить.

Протарх. Разумеется, ничего.

Сократ. Но, друг мой, после того как ты узнаешь, сколько бывает интервалов между высокими и низкими тонами, каковы эти интервалы и где их границы, сколько они образу-

ют систем (предшественники наши, открывшие эти системы, завещали нам, своим потомкам, называть их гармониями и прилагать имена ритма и меры к другим подобным состояниям, присущим движениям тела, если измерять их числами; они повелели нам, далее, рассматривать таким же образом всякое вообще единство и множество), – после того как ты узнаешь все это, ты станешь мудрым, а когда постигнешь всякое другое единство, рассматривая его таким же способом, то сделаешься сведущим и относительно него»¹⁶⁶.

Не обделенному умом читателю одного только этого высказывания Платона должно быть достаточно для того, чтобы понять, в чем состоят все искусства. И правда, немислимо стать хоть немного в чем-либо сведущим, если не знать об отличиях внутри избранной тобой сферы деятельности. Но поскольку даже сам Платон не удовольствовался одним предметом, выбранным им в самом начале речи, и для большей ясности прибавил примеры из грамматики и музыки, будет уместным, если мы тоже приведем один пример из изобразительного искусства, а предметом нашего исследования станут цвета. Ведь и здесь можно сказать, что один цвет, в том, благодаря чему он является цветом, не отличается от прочих, тем самым уничтожив все различия между ними, как показал и сам Платон в начале «Филеба». Протарх не соглашается с рассуждающим о наслаждениях Сократом в том,

---

¹⁶⁶ Платон. Филеб, 17b–17e // Платон. Собр. соч. в 4 томах. Т. 3. М.: Мысль, 1994. С. 14. Перевод Н.В. Самсонова.

что между ними существует хоть какая-нибудь разница: якобы раз все они являются удовольствиями, то, следовательно, чрезвычайно схожи друг с другом. Однако вот что ему отвечает Сократ: «Но ведь и цвет, почтеннейший, как нельзя более подобен другому цвету, и именно потому, что всякий цвет есть цвет, и один цвет несколько не будет отличаться от другого; между тем все мы знаем, что черный цвет не только отличен от белого, но и прямо ему противоположен. Равным образом и фигура наиболее подобна другой фигуре; в самом деле, как род она есть единое целое, но одни части ее в отношении к другим частям то прямо противоположны друг другу, то содержат в себе бесконечное множество различий; то же самое можно сказать и о многом другом. Поэтому ты не верь учению, которое все противоположности сводит к единству»¹⁶⁷.

Это – о цветах и фигурах, а дальше речь идет уже об удовольствиях: «...с одной стороны, мы говорим, что удовольствие испытывает человек невоздержный, с другой – что и рассудительный наслаждается в силу самой рассудительности; наслаждается, далее, безумец, полный безрассудных мнений и надежд; наслаждается и разумный в силу самого разумения. Разве не справедливо кажется безрассудным тот, кто утверждает, что оба этих вида удовольствия подобны друг другу?»¹⁶⁸ Впрочем, стоит отметить, что в этом диало-

---

¹⁶⁷ Платон. Филеб, 12e–13 // Платон. Собр. соч. в 4 томах. Т. 3. С. 9.

¹⁶⁸ Платон. Филеб, 12d // Платон. Собр. соч. в 4 томах. Т. 3. С. 8.

ге о разнице между удовольствиями Платон говорит достаточно кратко, а более подробно и уже на протяжении всего повествования будет рассуждать на эти темы в двух других своих сочинениях – «Политике» и «Софисте».

Так все же, неужели несмотря на то, что существуют многочисленные различия в науках, искусствах, цветах, фигурах, тональностях, а также в возрасте, временах года, местностях и всевозможных болезнях, лишь в том, что касается тепла, их или вовсе нет, или для людей не представляется возможным их познать?

С помощью своего утверждения Лику удалось свести на нет абсолютно все различия между разными видами тепла. Он думал, что устранил лишь различия тепла – а на самом деле устранил и все другие, если распространить суть его рассуждения и на другие области. Вот и я могу, руководствуясь его примером, заявить, скажем, о жидкостях, что их виды не различаются между собой, поскольку все они являются жидкостями.

Но самая главная его ошибка – в том, что он, по сути, упраздняет все науки, так как суть всех наук – в описании различий между видами. Тот же Платон, рассказав в общих чертах о составе всех наук, в качестве примера доказывает, что грамматика – это наука, объединяющая в себе знание о различиях между всеми существующими звуками. Рассуждение же Лика, естественно, уничтожает и эту науку, а также музыку и прочие науки, утверждая, что, поскольку что-то

считается чем-то, то оно содержит в себе лишь один вид.

Сначала мы рассмотрим опровержение Лика в области грамматики, а потом перейдем к его высказываниям касательно прочих искусств. Представь себе следующее рассуждение: «Совершенно немыслимо, на мой взгляд, что один звук, в том, благодаря чему он считается звуком (а именно, своим звучанием), может иметь какое-либо отличие от другого звука. Отличаться же они будут в силу индивидуальной особенности в качестве их произнесения». Это рассуждение совершенно тождественно тому, с которого начинается сочинение Лика и которое повторяется и во всех остальных его речах, только понятие «тепло» мы заменили на понятие «звук». Значит, если то рассуждение верно. Однако на деле ни это, ни то рассуждение неверно: если, конечно, последователи Лика не полагают, будто звук «ε» ничем не отличается от звука «ο», зато между «ο» и «ω» имеется большая разница! Но достаточно допустить, что на самом деле все они отличаются друг от друга, а вдобавок еще и «α», и «ι», и «υ», и прочие буквы, и вот мы уже можем насчитать целых двадцать четыре звука. А ведь грамматика – это и есть знание о разнице между ними. И точно так же наука музыки есть знание о разнице между высокой и низкой тональностью звуков. Впрочем, положение Лика точно так же уничтожает и ее.

Конечно, один звук, в том благодаря чему он считается таковым, не будет отличаться от другого звука, однако звук меса на тон выше, чем лихана средних, и на тон ниже, чем

парамеса. Из них самих, в свою очередь, звук лиханы выше на тон, чем паргипата средних, а звук парамесы ниже на полутон, чем трита разделенных¹⁶⁹. И так далее: какие-то звуки будут выше по тону, чем другие, а какие-то – ниже, пока мы не дойдем до самого высокого и самого низкого из них.

Но наш дивный Лик абсолютно не понимает, что он уничтожает все это своим рассуждением, когда говорит: «Совершенно немислимо, на мой взгляд, что одно тепло в том, благодаря чему оно является теплом, (я имею в виду температуру), может как-либо отличаться от другого тепла».

Что ж, прекрасно! А поскольку и один цвет не будет отличаться от другого цвета в том, благодаря чему он является цветом, существование живописи Лик тоже отрицает. Ведь в данном искусстве «цвет» – это в равной мере и красный, и белый, и черный, и оранжевый, и прочие многочисленные цвета.

Но надо признать, даже это рассуждение о цветах убедительнее его рассуждения о тепле. Ведь одно тепло, отличаясь от другого тепла, никогда не будет противоположно ему во всех отношениях. Зато цвета, например, белый и черный, не просто в чем-то отличаются друг от друга, но абсолютно противоположны по своей природе.

4. «Но как такое возможно, – мог бы спросить Лик, – что

---

¹⁶⁹ О значении этих терминов см.: *West M. Ancient Greek Music. Oxford, OUP, 1992. P. 219–223; Энглин С.Е. Музыкальная логика античной нотации // Hyperboreus, 2002; 8 (1): 122–144.* За помощь в переводе этого пассажа благодарим кандидата искусствоведческих наук доцента Н.А. Алмазову.

один цвет был противоположен другому цвету в том, благодаря чему они считаются цветами?» И, клянусь богами, верно бы подметил, утверждая, что один цвет, в том, благодаря чему он является цветом, в сравнении с другим не имеет никакой разницы. С одной стороны, казалось бы, и Лик прав, однако и с тем не поспоришь, что, скажем, белый и черный цвета совершенно противоположны, а не просто отличаются друг от друга.

«Но как такое возможно, – спросили бы, пожалуй, в свою очередь последователи Лика, – что белый, будучи противоположным черному, по сути является с ним одним и тем же?» На это есть только один ответ: если они не в состоянии признать, что черный и белый цвета могут быть одинаковы и в то же время противоположны друг другу, пусть в таком случае попробуют также опровергнуть и других авторитетных авторов по данному вопросу. Ведь Платон, Аристотель и Теофраст тоже считали возможным, чтобы какие-либо два предмета, будучи по роду одним и тем же, имели при этом настолько большую разницу по виду, что в итоге оказались бы совершенно противоположны друг другу.

Впрочем, их мнение еще может показаться недостаточно правдоподобным. Намного сложнее отрицать нечто совсем очевидное. Например, существует общепризнанное мнение, что черный и белый цвета абсолютно противоположны. И если это так, то люди, которым не способны внушить доверия ни слова Платона и Аристотеля, ни мое утверждение,

что белый и черный цвета могут быть одинаковыми и в то же время противоположными друг другу, все равно окажутся неправы, считая, что белый цвет, поскольку он считается цветом, ничем не отличается от черного.

Все же, пожалуй, нашего снисхождения заслуживает лишь собеседник Сократа в «Филебе», пусть даже он возражает Сократу, когда тот рассуждает о разнице между удовольствиями. Ведь тогда еще не было ни одной книги, которая могла бы объяснить, что многочисленные явления, будучи одного рода, порой настолько отличаются друг от друга, что по виду и по своей природе оказываются совершенно противоположны. Потому Платон и написал свой диалог «Филеб», в котором объясняет нам истинное положение вещей.

Если Лик не сумел одолеть эту книгу, я, надо признаться, поражаюсь его образованности. Если все-таки прочел, только понять – не понял, остается лишь подивиться его уму. А если понял, но так и остался не согласен, пожалуй, до самых небес стоит превознести его столь мудрое суждение!

Но, во имя всемогущего Зевса, кто вообще осмелится выставить какое бы то ни было логическое суждение, не изучив сначала диалектики? И неужели среди эллинов найдется хотя бы один человек, врач, грамматик, ритор, философ, кто начал бы сам оспаривать чужие суждения, не прочитав «Филеба» Платона? Впрочем, что говорить о «Филебе»! Идея, приведенная нами выше, встречается у Платона не только в этом диалоге, но и во многих других его книгах. Нашему

дивному Лику стоило бы прочесть хоть одну из них и только потом оспаривать научные суждения. Ведь это позорно – пытаться опровергнуть Гиппократ с помощью логических, как он считает, доводов и при этом, как оказывается, не знать основополагающих сочинений философов.

Но, Зевс всемогущий, до чего же нелепый пример о жидкостях приводит Лик! Ведь он утверждает, что жидкости не отличаются друг от друга в том, благодаря чему они являются жидкостями, и при этом признает, что жидкости бывают терпкими, кислыми, солоноватыми или сладкими, и этим отличаются друг от друга. Здесь Лик не слышит самого себя. Ведь он рассказывает, как именно жидкости отличаются друг от друга, и при этом утверждает, что между ними нет никакой разницы.

И неважно, что об этой разнице говорил еще Гиппократ, а Теофраст даже написал целый трактат «О вкусе» (впрочем, уже само слово «вкус» указывает на то, что какая-то разница между жидкостями существует). Нет, все-таки эта разница и впрямь есть, а кроме того, внутри нее можно усмотреть и более мелкие различия. Однако, как выяснилось, сам Лик, например, считает, что кислый вкус всегда обладает некоторыми свойствами вяжущего. Так стоит ли после этого удивляться его невежественным возражениям Гиппократу?

При этом сам Диоскорид Аназарбейский¹⁷⁰, а также все

---

¹⁷⁰ Педаний Диоскорид Аназарбейский (40–90 г. от Р.Х.) – древнегреческий врач, фармаколог и натуралист. Считается одним из отцов ботаники и фармако-

прочие авторы сочинений о лекарственных веществах, считали сказанное неоспоримым. Вот почему все они выделяют среди вкусов соленый, горький, горьковато-соленый, сладкий, слегка терпковатый, терпкий, вяжущий, острый и кислый.

И только наш дивный Лик, как выяснилось, не знает, чем кислый вкус отличается от терпкого. Или, быть может, он просто настолько ущербный, что вообще не чувствует на вкус никакой разницы? Похоже, и груша, и мушмула, и айва, и яблоко для него одинаково кислые. А ведь всякий скажет, что кислыми бывают только некоторые яблоки, еще встречаются сладкие или вяжущие. То же самое, например, с гранатами: есть среди них и кислые на вкус, и сладкие, и вяжущие.

В винах тоже принято отделять благородную терпкость от скверной кислинки: хорошие вина всегда имеют вяжущий привкус, но ни одно из них не может быть кислым по своей природе. Добавь к нему хоть капля подобного качества, мы бы решили, что оно превратилось в винный уксус. Еще, судя по всему, Лик не видит никакой разницы между щавелем курчавым, кислицей, щавелем обыкновенным и латуком. Как известно, в них тоже нет терпкого привкуса, а ведь кислица и щавель курчавый очень даже кислые на вкус! Впрочем, было бы странно, будь это не так, притом что даже

гнозии, а также автором одного из самых полных сохранившихся собраний рецептов лекарственных препаратов, известного под названием «О лекарственных веществах» (Περὶ ὕλης ἰατρικῆς, *De Materia Medica*).

в их названиях можно найти корень этого слова¹⁷¹.

Однако Лик, не желая учитывать даже общие всем людям чувства, осмеливается критиковать Гиппократов. А ведь не сказать, чтобы попытки ученых выявить точное число существующих вкусов были ему неизвестны. Однако он все равно продолжает считать, что один вкус ничем не отличается от другого, коль скоро он является вкусом.

Я был бы рад услышать от него, что подразделяется на следующие виды: сладкий, кислый, острый, горький, соленый, горьковато-соленый, вяжущий, слегка терпковатый, терпкий и маслянистый? Если это не виды вкусов, то, может быть, это виды звуков, цветов, запахов или того, что воспринимается посредством осязания? Ведь, как известно, чувств у нас всего пять: вкус, слух, зрение, обоняние и осязание. Вкусовые ощущения мы различаем с помощью вкуса, а все прочее – с помощью остальных чувств. И вот про объекты этих чувств, как и про жидкости или еще многое другое, тоже можно сказать, что их существует множество видов.

Разумеется, с той точки зрения, что все это – чувства, между ними нет никакой разницы. Вот только Лик, весьма поднаторевший в искусстве диалектики, не дал бы нам упомянуть о других, всем известных различиях. Впрочем, как и о том, что среди вкусов также существуют все упомянутые нами виды, а среди цветов есть белый, черный, серый, зо-

---

¹⁷¹ Οξύς – прилагательное «кислый», Οξύλάθρον – «щавель курчавый», Οξύαλίς – «кислица».

лотисто-рыжий, коричневато-рыжий, красный, пурпурный, темно-синий и многие другие. Ведь цвет от цвета ничем не отличается, поскольку является цветом!

Стало быть, все врачи и философы, которые считают, что названные цвета действительно существуют, способны различать кислый, горький, острый и другие вкусы, о которых говорилось немногим раньше, и к тому же придерживаются подобного мнения и насчет чувств, поражены безумием. Ведь один цвет, поскольку он является цветом, ничем не отличается от другого цвета, а также чувство от чувства, вкус от вкуса, лихорадка от лихорадки, не говоря уже о том, что вовсе не отличается тепло от тепла!

Может быть, и врачи, выделяющие разные виды лихорадок: жар, липарию, озноб, тифозную, чумную, каждодневную, полутретичную, трехдневную и четырехдневную, тоже не совсем в своем уме? Но ведь и сам Лик в свое время писал о видах лихорадок – а также о видах почти всех других вещей.

5. Так почему же Лик вдруг запомнил о своем решении выделять виды в каждом встречающемся ему явлении и пишет: «... Также нет никакой разницы между тем огнем, который разжигается при помощи щепок и обыкновенно используется при обработке золота, и прочими, для розжига которых требуются другие дрова. Один огонь в том, благодаря чему он является огнем, не отличается от другого, но они отличаются лишь количественно. Ведь огонь может быть более

слабым или более сильным. Считается, что огонь, разжигаемый при помощи щепок, наиболее слаб и его легче всего контролировать, и поэтому он лучше всего подходит для золотообрабатывающего ремесла. При контакте с более сильным огнем золото непременно бы растеклось и расплавилось».

Но, по-моему, милейший, на это можно возразить: если бы ты послушал, что говорят те, кто всерьез занимается изучением природы физических явлений, о возникновении пламени, ты бы и сам понял, в чем именно здесь заключается различие. Впрочем, и я постараюсь немного рассказать об этом – настолько кратко, насколько может позволить столь обширная тема.

Полагаю, все не раз наблюдали, как при горении дрова расщепляются и под воздействием пламени возникает некое испарение. Воздух, оказавшись между ними, тоже поневоле нагревается. И этого теплого воздуха может быть больше или меньше. Также у разных видов пламени будут отличаться природа самого испарения и интервалы, через которые вещество поднимается вверх. Или, например, частицы горящих дров могут быть разными по размеру, по плотности, по тому, сожжены они полностью или только наполовину, по тому, сильно или слабо горят. Как видите, только по этим критериям уже есть огромная разница. А ведь и сам воздух, поскольку он впитал все это, может иметь разную температуру. Стало быть, напрашивается неизбежный вывод, что между видами пламени все-таки есть разница, и эта разница не

просто велика, но и крайне разнообразна. Ведь несходство между собой разных типов смешений порождает множество различий.

6. Впрочем, на мой взгляд, невежественны не только рассуждения Лика об огне, но и его рассуждение, в котором он, заявив, что существует три критерия различения сильного жара, рассматривает каждый из них. Ведь, если верить его словам, один из них может считаться сильным с точки зрения своей сущности, другой – по усилению качества, третий же – по силе присущего ему действия.

Но поскольку растущие тела еще небольшого размера, тепло в них не может быть наибольшим по количеству. Не может быть причиной и усиление его качества, иначе у взрослых и температура была бы выше. Он допускает, что у растущих тел тепло больше по силе своего действия, но не признает, что оно у них сильнее в буквальном смысле.

Все это очень хорошо и подробно изложено в одном из сочинений самого Лика. Я не стану здесь пересказывать его полностью, но, как и в случае с предыдущим, выделю самое главное. Таким образом, перед нами останется только часть, наиболее полезная для предстоящего обсуждения.

И поскольку предыдущая тема нашего разговора исчерпана, можно наконец двинуться дальше. Вы, вероятно, помните, что в самом начале были заданы одновременно два вопроса: первый – правильно ли Гиппократ применяет по отношению к теплу понятие «врожденное», второй – явля-

ется ли истинным его утверждение, что у растущих тел больше врожденного тепла. И теперь, когда прочие рассуждения подошли к концу, попробуем приступить к данному вопросу и попытаемся выяснить, насколько верна мысль Гиппократов о том, что растущие тела имеют больше врожденного тепла.

Итак, вопрос о том, чем одно тепло отличается от другого, нуждается в рассмотрении сразу с трех совершенно разных точек зрения. Во-первых, одно тепло может отличаться от другого тем, что оно больше, во-вторых – тем, что теплее, а в-третьих – тем, что жар его сильнее.

И если бы кто-нибудь решил спросить нас, какое тепло отличается от всех прочих в том отношении, что оно больше, ответ был бы тем же, что и в отношении любого другого предмета. Например, какая жидкость отличается от всех остальных в том отношении, что она больше? Разумеется, единственно верный ответ – та, в которой содержится больше вещества. Именно в этом смысле мы говорим, что в полной амфоре вдвое больше жидкости, чем в той, которая наполовину пуста.

Схожим будет ответ и в случае тепла. Если бы кто-нибудь спросил нас, какое тепло отличается от всех прочих в том отношении, что оно больше, мы бы непременно ответили: то, в котором содержится больше этого вещества. Большее же тепло всегда будет стремиться перейти в более просторное место. Ничто ведь не мешает большей по количеству жидкости перетечь туда, где ее меньше. Вот и большее тепло неиз-

менно будет соединяться с меньшим.

А на вопрос, какое тепло является более теплым по сравнению с прочими, всякий сумел бы правильно ответить. Конечно, то, у которого выше температура. При этом самого вещества в нем может быть меньше, чем в каком-либо другом.

Ведь и на вопрос, какое белое белее всего прочего, правильный ответ будет – то, в котором выше качество белого. Например, думаю, все согласятся, что совсем немного снега все равно будет белее, чем какой угодно другой предмет того же цвета.

А значит, и на вопрос, какая жидкость отличается от всех прочих тем, что она более жидкая, верным ответом будет – та, что более текуча. То есть вода в любом случае более жидкая, чем, например, смола или мед, даже если мы сравниваем всего одну каплю воды с невероятно большим количеством смолы или меда.

Вот почему на вопрос, какое тепло отличается от прочих в том отношении, что оно более теплое, правильно будет ответить – обладающее наиболее высокой температурой. А это значит, что по сравнению даже с самым маленьким огнем, все прочее, не важно, больше оно или меньше, покажется просто теплым или даже слегка тепловатым.

Но некоторые вопросы предполагают совсем иные ответы. Например, если бы кто-нибудь попытался выяснить, какое тепло отличается от прочих в том отношении, что оно более

сильное, ответ уже не был бы схож с предыдущим. Ведь более сильное тепло не обязательно больше или имеет более высокую температуру, но оно непременно должно превосходить все прочее в выполнении какого-нибудь действия.

Поскольку очень многие действия совершаются благодаря теплу, сказанное можно проиллюстрировать следующим образом.

Как известно, чему-то тепло помогает распространяться, что-то – объединяет, а многое даже меняет. В наших телах оно, можно сказать, действует поочередно: сначала переваривает пищу в желудке, потом в кишках, а затем разносит результаты переработки по всему телу. При этом все лишнее выходит наружу, а переработанной пищей тепло снабжает наше тело ради его питания и роста. Следовательно, наиболее сильным будет то тепло, которое может лучше проявить себя в этом. Оно, возможно, даже будет не слишком высоким по своему качеству или большим по своему количеству. Ведь зачастую как раз крайне малое по своему количеству и низкое по температуре тепло оказывается наиболее эффективным. Я ведь уже говорил прежде, что в обеспечении внутренней деятельности организма наиболее сильным оказывается не самое интенсивное тепло, но наиболее соразмерное своим задачам. А вот при сильном увеличении температуры оно порой даже наносит вред организму. Но этому, на мой взгляд, я уже привел достаточно доказательств, когда рассуждал о сущности тепла.

Итак, вот три критерия, которые можно выявить при сопоставлении видов тепла друг с другом. Следовательно, когда Гиппократ говорит, что растущие тела имеют больше естественного тепла, логично предположить три варианта: либо Гиппократ, используя это слово в точном смысле, делает ложное утверждение, либо он неправильно использует это слово и делает ложное утверждение, либо, наконец, следует признать, что Гиппократ употребляет слово в не присущем ему значении, однако мысль его верна.

Но если он имеет в виду, что растущие тела обладают большим по количеству теплом, в том значении, в котором говорят, что в полной амфоре жидкости больше, чем в полупустой, то он, кажется, верно использует слово, мысль же его неверна: невозможно, чтобы в растущих телах тепло было больше по количеству, поскольку их масса намного меньше, чем у стариков или людей взрослых, а внутреннее тепло распространяется по всему телу.

С другой стороны, под «большим теплом» он может подразумевать и большую температуру, поскольку она же и более теплая, как если бы кто-нибудь, имея в виду, что снег белее, чем иное белое, вместо того, чтобы сказать: «снег белее» или «снег более белый», заявил, что его белизна полнее белизны иного белого. В таком случае Гиппократ дважды ошибается: в том, что неверно использует это слово, и в том, что делает ложное утверждение. Неверное использование термина состоит в том, что, имея в виду более интенсив-

ное качество тепла, он выбирает слово, обозначающее большее количество. И по смыслу это утверждение ложно, поскольку в растущих телах тепло никак не может быть наибольшим по своему качеству, иначе бы в этот период они были бы теплее, чем в какой-либо другой. Он же утверждает, что тепло в растущих телах является наибольшим, но в том, что это не так, и тепло растущих тел не более интенсивно, чем тепло других тел, всякий может без труда убедиться. Ведь нельзя привести ни одного доказательства, что увеличение температуры тела в наибольшей мере свойственно именно растущим организм. Те же свидетельства, которые Гиппократ в сочинении «О природе человека» приводит в пользу того, что наибольшее тепло свойственно растущим телам, Лик объявляет в высшей степени нелепыми. Гиппократ, по его словам, утверждает, что человек является наиболее теплым на первых порах своей жизни, на основании того, что именно в этот период происходит наиболее активный рост. Ведь пища, утверждает он, не могла бы насильственно и вопреки естеству превращаться в нечто иное лишь благодаря собственному весу, не понуждай ее к этому нечто достаточно сильное. Но таким образом он доказывает только, что в данном случае тепло крайне сильное, а никак не высоту температуры.

А как уже было сказано выше, наиболее сильным теплом считается не наиболее интенсивное по своему качеству, но наиболее соразмерное своей задаче. Значит, и в этом случае,

когда Гиппократ говорит, что именно растущие тела имеют больше врожденного тепла, он ошибается сразу в двух отношениях: в том, что неверно употребляет слово, и в том, что в целом делает ложное утверждение.

Но есть еще и третий вариант: растущие тела обладают наибольшим теплом, поскольку оно оказывается наиболее действенным. Таковым оно может быть только в результате наибольшего ей соответствия, не обязательно являясь при этом больше по количеству или выше по температуре.

На первый взгляд, в этом случае Гиппократ опять выбирает неверное определение. Ведь сама его формулировка свидетельствует о том, что наибольшее тепло и есть наиболее сильное. Но, с другой стороны, так уж ли это неверно? Если процессы роста на самом деле вызваны воздействием естественного тепла, о чем, собственно, и говорит это положение, было бы естественно предположить, что в растущих организмах такого рода тепло и будет одновременно и наиболее сильным.

По-моему, к этому случаю прекрасно подойдет еще одно его высказывание из сочинения «О природе человека»: «Неизбежно выходит, что растущее тело поневоле должно содержать в себе тепло», <...>¹⁷² что тепло в них – наиболее сильное, о чем говорит и Лик в своем рассуждении, которое весьма затянато, но объясняет не больше, чем сказано мною ранее.

---

¹⁷² Судя по всему, здесь лакуна в тексте.

Лик тоже считает, что Гиппократ ошибается, если его утверждение о наличии у растущих тел наибольшего тепла указывает на большее количество вещества, поскольку всем очевидно, что масса тела у младенцев меньше, чем у всех остальных. Если же Гиппократ имеет в виду значение температуры, то и это, по мнению Лика, противоречит наблюдаемым явлениям. Наконец, если Гиппократ имеет в виду наличие у тепла наиболее сильной функции, Лик признает это утверждение верным, но замечает, что само определение Гиппократ все равно использует неверно, ведь следует говорить, что тепло у растущих тел не больше, а сильнее с точки зрения своей функции.

7. Однако, мой дорогой Лик, какой угодно адвокат, выпавши ему защищать Гиппократа в том, за что ты его критикуешь, мог бы доказать, что даже так он высказался не совсем скверно.

Ведь и количество тепла измеряется не просто, одинаково для тела любой массы, но, на основании того же принципа, согласно которому сам Лик в другом месте говорит, что «человек обладает самым большим головным мозгом». Он имеет в виду не просто размеры органа, но сравнивает их с размерами всего живого существа. В данном случае говорит, что головной мозг у маленького ребенка больше, чем у огромного слона. Он имеет в виду не просто размер этого органа, но предлагает составить пропорцию. Когда же мы говорим о телесном тепле, стремясь выяснить, сколько у нас

врожденного тепла, то есть тепла, присутствующего в теле новорожденного, поступать следует схожим образом.

Лик использует термин «врожденное тепло», который также можно встретить в сочинениях Гиппократов. Это некое тело, изначально присущее всем новорожденным, то есть то, из чего, собственно, зарождается жизнь. И что же это может быть, кроме спермы и менструальных выделений? Мне не приходит на ум ничего третьего. Поскольку же тела новорожденных формируются из сочетания этих двух основ, можно с уверенностью предположить наличие в них скорее единичных, чем многочисленных упомянутых тел.

Почему же я с такой уверенностью говорю про столь ранний период развития плода? Достаточно вспомнить данное Гиппократом описание вида шестидневного плода, чтобы полностью убедиться, что в нем присутствует эта изначально субстанция. И это теплое врожденное вещество можно наблюдать в теле зародыша еще до формирования всех костей, вен, артерий, хрящей или сухожилий. Ведь изначально нежная и неразвитая плоть имеет сходство со сгустком крови, который потом сменяется первоначальным обликом зародыша, а в нем, согласно описанию Гиппократов, есть нечто похожее на кровянистые сгустки, к тому же, в силу наличия семенного вещества, присутствует и белый цвет. И лишь позднее, благодаря дальнейшим изменениям, которые будут происходить постоянно, в зародыше начнет появляться некое очертание костей, хрящей, сухожилий, мышц, артерий

и вен.

Как раз в это время в зародышах всегда очень много врожденного тепла, и оно будет только увеличиваться по мере развития плода. Но в то же время тепло, некогда возникшее из соединения крови и спермы, будет постепенно исчезать. При этом в организме появятся многие и разнообразные новые органы. Немыслимо ведь, чтобы что-нибудь из перечисленного оказалось для кого-нибудь врожденным. И даже если бы в мире удалось обнаружить некое существо, целиком состоящее из костей или сухожилий, врожденное тепло совершенно точно было бы в нем уничтожено.

Но подобное невозможно. Зато вполне можно допустить, что порой в организме преобладают такие части, как кости, хрящи, мышцы, сухожилия, артерии и вены. Как известно, наименее полнокровны люди, достигшие крайней старости. Они состоят чуть ли не из одних костей, сухожилий, кожи, артерий, вен, мышц и хрящей. Однако из всех органов, присущих живому существу, лишь плоть содержит в себе много крови, а ей состарившиеся люди обладают в наименьшей степени, к тому же она у них очень жесткая и малокровная. Из прочих же перечисленных частей тела ни одна не насыщена кровью.

Вот почему это врожденное тело, по самому сильному из ее качеств названную «врожденным теплом», следует измерять не просто по весу вещества, но сравнивать с количеством неврожденного и составлять пропорцию.

Например, когда нужно сказать, что в купальне слишком много пара или дыма, никто не будет иметь в виду размеры самого помещения, но станет сравнивать воздух в нём с тем, что обычно бывает в банях.

Так и с человеком: мы можем сказать, много или мало в нем врожденного тепла, лишь сравнивая его со всеми прочими, не врожденными частями нашего тела. Например, в теле зародыша все наполнено кровью. Нечто такое есть даже в его костях. Зато у пожилых людей даже плоть будет совершенно обескровлена. Поскольку же кровь – это и есть источник врожденного тепла в нашем теле, можно сделать вывод, что больше всего его именно в период роста, а меньше всего – когда мы стареем.

Со спермой дело обстоит примерно так же. В ее состав входят воздух и сывороткообразная жидкость. Последней тоже меньше всего у пожилых людей, а больше всего в растущих телах. Согласно же нашему сочинению «О семени», больше всего спермы у наиболее юных. К этому сочинению ты можешь обратиться, если не знаешь быстрее ли поддается разрушению и разложению растущее тело. Прочтя его, ты также узнаешь, что вода, тепло, оливковое масло и другие подобные жидкости полностью разлагаются в очень короткий срок, а вот все сухое или холодное, например, земля или камень, – нет. Как известно, существуют лишь два качества, в наибольшей мере способствующих разложению, – влага и теплота, еще же два – холод и сухость, – напротив, способ-

ствуют устойчивости. Потому не удивительно, что в силу избытка тепла и влаги тела младенцев крайне легко разлагаются, а старческие тела, имеющие уплотненную структуру, по причине присутствия в ней сухости и холода – нет.

Получается, мой милый Лик, тебя и самого не трудно обвинить в том, за что ты порицаешь других. Ведь, как выяснилось, ты сам не знаешь тех основ науки, которые знают те, чьим обвинителем ты выступаешь. Ведь вес тела обозначает количество простого вещества, смешенные же сущности оцениваются по соотношению составляющих их компонентов. Таким образом, например, оценивается размер головного мозга или любой другой части тела. И даже смешивая вино с водой, чтобы пить, мы точно так же говорим, что больше либо вина, либо воды, или, если нам удастся достичь соразмерности в этой смеси, ни того, ни другого. И только глупец, влив котилу воды в пифос с вином, может решить, что теперь воды в нем больше, чем было в маленькой чашке, если в ней, например, всего три киафа, из них один киаф воды и два киафа вина¹⁷³.

А еще, Лик, судя по всему, не скажет, что, если в так называемый тетрафармакон, который делают из воска, жира, смолы и камеди, смешанных в равных пропорциях добавить вдвое больше смолы, чем всего остального, то в нем будет слишком много смолы. Уверен, он и здесь начнет задаваться

---

¹⁷³ Котила и киаф – древнегреческие меры объема. Котила составляет примерно 0,27 л, киаф – примерно 0,045 л.

вопросом, что же больше наполнено четырехсоставным лекарством – целый пифос или какая-нибудь маленькая тарелочка? А потом все равно скажет, что в пифосе смолы намного больше, чем в тарелочке, пусть бы даже там все четыре ингредиента смешаны в равных пропорциях, а в тарелке смолы вдвое больше.

Это крайне распространенная ошибка. Очень многие не могут отличить количество, определяемое из пропорции в смеси, и количество, определяемое простым измерением. И разве иначе поступает Лик, когда обвиняет Гиппократата?

Однако если в растущих телах тепла больше по количеству, по качеству его тоже будет больше. Ведь качества, как и силы, неотделимы от сущностей, которым они присущи. Следовательно, если кто-нибудь добавит в тетрафармакон больше смолы, всякий скажет, что в лекарстве смолы стало больше не только по количеству, но также по силе и качеству, вследствие чего в нем к тому же и увеличится доля воды.

То есть, помимо всего прочего, мои возражения Лику состоят из следующих положений: во-первых, верный ответ в примере с тетрафармаконом, что смолы в нем все-таки больше, во-вторых, то же самое будет и в случае с врожденным теплом у живых существ, и в-третьих, что всякое соединение, даже если его части смешались друг с другом не полностью, в любом случае представляет собой единую смесь.

Все совершенно ясно и с теми тремя значениями, в которых, согласно Лику, одно может быть больше другого. Возь-

мом, например, еще одно лекарство из числа наиболее распространенных. В его состав входит ирис, кирказон, мука из турецкого гороха и ладан, причем все они смешаны в равных пропорциях. Предположим, кто-то берет вдвое больше одного из этих компонентов и смешивает его с прочими, скажем, пусть это будет кирказон. Так вот, относительно этой смеси справедливо заметить, что кирказона в ней больше, чем всех прочих ингредиентов, как по количеству, так и по качеству, а также по силе и по действию.

Так и в случае с баней, всякий скажет, что обыкновенно в ней присутствует не только правильно смешанный воздух, но и пар с дымом. Порой может быть больше дыма, а порой – пара или свойственного баням воздуха. Обыкновенно мы просто говорим о чем-либо, что его больше по количеству, но на самом деле также возрастает качество и усиливается функция. Например, предположим, что в какой-то бане больше всего дыма. В этом случае будет справедливо также отметить, что его качество, как и действие, тоже больше, чем у всего остального.

И хотя о качестве принято говорить, что в сравнении с чем-либо оно сильнее, а не больше, слабее, а не меньше, такие слова могут употребляться по-разному, как в повседневной жизни, так и во всех науках. Но к чему нам здесь приводить другие примеры, когда есть один совершенно неоспоримый – лихорадки? Ведь говорят же о них, что одна лихорадка больше, чем другая, или что того больного лихорадит

сильнее, чем этого, а какого-то сегодня больше, чем вчера.

Так что нет ничего удивительного, если говорят, что, когда какая-то субстанция преобладает, она бывает сильнее и по качеству. Например, о дыме, преобладающем в бане, будет совсем не странно заметить, что его качество и действие тоже усиливаются. Ведь все знают: дым разъедает глаза в той мере, в какой его бывает больше по количеству. А поскольку одновременно с количеством всегда увеличиваются соответствующие функции и качества, правильным будет просто сказать, что в такой бане больше всего дыма.

А теперь, напротив, предположим, что в бане меньше пара и дыма, зато количество характерного для бани воздуха в соотношении с ними очень велико – в данном случае я провожу аналогию между воздухом бани и врожденным теплом живых существ. В таком случае можно уверенно сказать, что в такой бане характерное для нее тепло крайне велико.

И разве не так же обстоит дело с жидкостями, содержащимися в телах живых существ? Ведь именно их испарение и служит источником жара, который ощущается при прикосновении. Один жар разжигается, когда преобладает кровь, другой – когда больше флегмы, третий же – в случае преобладания желтой или черной желчи.

Так вот, у детей, если составить пропорцию смешения, больше всего будет крови. Качество этого жара, возрастающее вместе с его количеством, становится лишь полезнее и благотворнее, его нельзя назвать тягостным или жалящим.

Не менее полезна и его функция – способствовать тому, чтобы пищеварение не было мучительным или тягостным, как бывает, например, от флегмы. Вот об этом-то не только нам всегда следует помнить, но и тем, кто по примеру Лика, любит в блаженном забытии болтать всякий вздор.

Пожалуй, достопочтенный наш Лик, ты и сам видишь, что именно растущим телам во всех отношениях присуще наибольшее количество естественного тепла. А значит, Гиппократ ни в чем не ошибался, зато ты, злословя, сам оказался уличен во лжи.

Все написанное тобой свидетельствует только о том, что ты не сумел постичь учения Гиппократа, поскольку не обучался у его последователей. При этом ты дерзнул открыто порицать то, в чем ничего не понимаешь.

Вдобавок, сочинив свое крайне невежественное возражение, ты в нем подверг сомнению основы всех наук и, естественно, был немедленно изобличен. Ведь ты даже не поинтересовался тем, что на эту тему многократно писал Платон, и при этом впал в противоречие с самим собой.

К тому же, своими действиями ты нанес вред юношам, которые, как, впрочем, и ты сам, не будучи приобщенными к учению о логике, еще не способны понять, как отличать правдивые утверждения от ложных.

Но главное, помимо всего прочего, ты показал себя до крайности вздорным и дерзким, когда взялся толковать Гиппократа, прежде даже не изучив хорошенько, что он, соб-

СТВЕННО, ГОВОРИТ.

Комментарий

В небольшом сочинении «Против Лика» представлена полемика Галена с коллегой, в целом не оспаривавшим основных принципов традиции Гиппократата. По-видимому, во взглядах Лика не было ничего такого, что позволило бы отнести его к числу врачей-эмпириков или к школе врачей-методистов¹⁷⁴. Между Галеном и Ликом имелись разногласия в понимании некоторых функций человеческого организма. При изучении аргументации Лика создается впечатление, что он являлся приверженцем школы рационалистов, развивающим и дополняющим учение Гиппократата. Примером может послужить учение о работе почек и принципах функционирования мочевыделительных органов: объяснения, предлагаемые Ликом¹⁷⁵, интереснее, изящнее и ближе к современным научным представлениям, чем суждения Галена.

Естественно, что любые интерпретации физиологических процессов, данные выдающимися врачами в протонаучный период развития медицины, имеют существенные ограничения соизмеримости с современным научным знанием.

---

¹⁷⁴ Об этом свидетельствует текст рассматриваемого трактата и, например, отрывок из первой книги другого сочинения Галена – «О естественных функциях» (I, 17).

¹⁷⁵ О них мы можем судить по отрывкам из его работ, которые приводит в своих сочинениях Гален.

Тексты видных представителей врачебной профессии (таких как Гиппократ или Гален) являются попыткой создать язык науки своего времени. Именно поэтому для историка вопрос оценки тех или иных суждений классиков античной медицины состоит в том, насколько они предугадывали либо экспериментально доказывали точку зрения, близкую к современной¹⁷⁶. Это и определяет историческое значение их работ: например, Гален экспериментально доказывал, что регуляция произвольных движений частей тела осуществляется из головного мозга через нервы, от него исходящие (основной источник в данном случае – «Об учениях Гиппократа и Платона»). Врачи, веками учившиеся на работах Галена, всегда знали о важнейшей роли головного и спинного мозга в регуляции двигательной и чувствительной активности человеческого тела. В конечном счете при появлении соответствующих технических приспособлений и развитии сложных естественнонаучных дисциплин стало возможным, отталкиваясь от уже известного понимания роли нервов, получить новое научное знание. На место идеи Галена о бессмертной части души, локализованной в головном мозге, пришло учение о центральной нервной системе. Электрический импульс, понимание устройства синапса, учение об афферентных и эфферентных связях – все это заменило

---

¹⁷⁶ Вспомним про критерии соизмеримости и несоизмеримости, введенные Т. Куном (см.: *Kuhn T. The Structure of Scientific Revolutions. Chicago: University of Chicago Press, 1970*).

галеновское представление о психической пневме, двигающейся внутри трубкообразной полости нерва. Однако речь идет о намеченных виднейшими представителями протонаучной медицины общих направлениях движения. Не случайно сами создатели новой медицины (например, К. Бернар или Р. Лаэннек) прекрасно осознавали связь времен и преемственность знания.

Именно поэтому полемика Галена с Ликом представляет огромный интерес. В. Наттон подметил склонность Галена к тщеславию и его способность легко отнести на свой счет результаты, достигнутые своими предшественниками. Пожалуй, единственная в этом отношении неприкасаемая фигура для него – это Гиппократ. Сочинения Галена являются для историков XXI в. важнейшим источником сведений о медицине Античности. Многие историки медицины отмечали, что за фигурой Галена как бы исчезают все остальные исторические персонажи. Полемический задор Галена (порой даже азарт, граничащий с бытовой склочностью) сослужил хорошую службу истории: благодаря обильному цитированию великий римский врач сохранил фрагменты трудов своих оппонентов, что позволяет составить представление об их взглядах¹⁷⁷.

Теперь мы знакомимся с Ликом, врачом, к которому Гален относится с явной неприязнью. Сугубо субъективная причина отношения становится ясной внимательному. В

---

¹⁷⁷ Так, благодаря Галену мы, например, довольно много знаем об Эрасистрате.

учении Галена о функциях важная роль уделяется «притягиванию», «удержанию» и «вытеснению». На языке этих функций Гален описывает работу желудка, печени и других органов, в которые поступают некие питательные вещества, превращающиеся в другие субстанции. С желудком все ясно: пища поступает извне через пищевод, ясен и механизм ее доставки. Печень связана с желудком посредством кровеносных сосудов. Но как же объяснить механизм действия почек, образование и выделение мочи? Гален затрудняется это сделать и прибегает к откровенно софистическим приемам – эти объяснения представляют собой интерпретации придуманной им «функции притяжения». Почки как бы избирательно притягивают к себе определенные компоненты жидкостей, из которых образуется моча. Великий врач тут же попадает в ловушку: он утверждает, будто бы объем выделенной жидкости у здорового человека всегда равен объему потребленной.

С точки зрения Лика, почки выполняют роль некоего фильтра, собирающего ненужные организму жидкости, которые превращаются в экскрет в виде мочи и в силу мышечной энергии мочевого пузыря выводятся наружу. Точка зрения Лика гораздо ближе современным представлениям о выделительной системе. Его заключения рациональны и не имеют ничего общего с физическими взглядами врачей-эмпириков или натурфилософским атомизмом врачей-методи-

стов. Более того, позицию самого Галена¹⁷⁸ по вопросу выделяемой жидкости можно критиковать за близость к учению методистов.

Очень важно, что Лик не отрицает идею внутреннего тепла, интерпретируя ее иначе, чем Гален. Нюансы этой трактовки вызывают у Галена гнев, и он выстраивает полемику так, чтобы создалось впечатление, что Лик не согласен с Гиппократом.

Один из «Афоризмов» Гиппократа касается того, что разные люди могут обладать внутренним теплом в разном количестве (его может быть больше или меньше). Выражения, которые использует Гиппократ, неоднозначны: «врожденное тепло» ассоциируется с новорожденным ребенком, т. е. интенсивно растущим организмом. Организм взрослого человека обладает внутренним теплом как врожденной функцией – вне зависимости от того, изменяется ли она количественно во времени. Взрослый не растет, поэтому «растущие тела» – это дети. Если внутреннее тепло – качественно постоянная функция, то дети обладают ею в той же мере, что и взрослые. Если она количественно изменяется со временем, то «наибольшим врожденным теплом» будут обладать именно «растущие тела». Казалось бы, о чем тут спорить?

Однако Гален довольно обстоятельно (на нескольких страницах) напоминает об основах теории Гиппократа: врожденное внутреннее тепло связано с присутствием в ор-

---

¹⁷⁸ Он считает, сколько жидкости вошло, столько и излилось.

ганизме первоэлемента «огня». У разных людей его наличие выражено по-разному: даже здоровые младенцы могут иметь разную температуру тела, гипертермия является спутником тяжелых заболеваний, а гипотермия может к ним приводить.

Гален затрагивает сложный вопрос о количественной оценке гипертермии и связи энергии внутреннего тепла с категориями сущностей – влажным и сухим: «...Некоторые из них – крайне сухие (например, лихорадки, связанные с особенностями телосложения), другие – невероятно влажные (например, тифозные или вызванные водянкой). Однако вполне вероятно, что подобная терминология придется по вкусу далеко не всем, а многим, пожалуй, привычнее использовать ее применительно к совершенно другим предметам. Вот почему сейчас я дам более подробное описание некоторых из этих лихорадок.

Если у больного с первого же дня начинается обильное потоотделение, которое или не приносит никакого облегчения, или весьма умеренное, то такие лихорадки я называю влажными. Сухими же, в свою очередь, я называю лихорадки, которые сопровождаются сильной жаждой и сухостью во всем теле, язык также сухой, а кожа – жесткая, как содранная шкура. Существуют, однако, и другие виды лихорадок, например, при которых по всему телу проходит поток воздуха, что для больного крайне мучительно, – будто нечто бьет его или жалит. Такие лихорадки тоже бывают двух видов, в зависимости от типа потока воздуха, который может быть су-

хой или влажный, наподобие пара» (2, 200 К).

Гален напоминает о том, что гиппократовская концепция умеренности касается и температуры – слишком низкая или слишком высокая мучительны. Он представляет внутреннее тепло не как физическую константу, а как внутреннюю энергию, приводящую в движение физиологические процессы. Оно само по себе является формой движения или его производной. Существовало даже мнение (Гален с ним не спорит), что внутреннее тепло определяется деятельностью сердца и артерий.

Гален, постоянно полемизирующий с софистами, – мастер риторики и софистических ухищрений, которыми он пользуется в случае необходимости. Он с удовольствием иллюстрирует свои тезисы о различных видах тепла и его энергии бытовыми примерами: «Иногда приходится мыться в очень холодной купальне, а иногда – просто в невыносимо нагретой. Но даже при умеренной температуре частенько мы все равно бранимся: мол, слишком много пара. Ведь каждому человеку известно: и вода, и воздух, и пар могут обладать хорошим смешением.

Так и камень, на который в наших купальнях выливают воду, имеет хорошее смешение, благодаря чему не бывает ни избытка тепла, ни излишнего холода, ни удушья или избытка влаги. Ведь как во влаге, воздухе и камне тепло оказывается соразмерным, таким же оно бывает и в паре, и когда пар, обладая хорошим смешением, наполняет купальню, все тотчас

же делаются недовольными и что есть сил бранят такое купание, однако не называют его слишком горячим или слишком холодным. Если же происходит и это, то предъявляется двойное обвинение: все твердят, что купальня не только холодная, да еще и полна пара, или, наоборот, что все в пару и слишком уж горячо.

Вот что нам следует учитывать. И тем более не стоит пытаться ниспровергнуть чрезмерным мудрствованием, которое так любят демонстрировать некоторые, факты, давно всеми признанные неоспоримыми. Напротив, учитывая пример с банями, всякий раз, когда мы слышим, будто бы в одном живом существе достаточно тепла, а вот в другом – нет, необходимо обращаться исключительно к тем представлениям, которые свойственны всем людям, сохраняющим здравый смысл, и к которым все обращаются каждый день во многих случаях, в том числе и в бане...» (2, 201–203 К). Примеры как бы «очевидной» разницы в отношении природы тепла Гален дополняет рассуждениями о птицах, животных и растениях.

Создается впечатление крайней эмоциональности автора в сочетании с некоторым недостатком рациональных фундаментов. Лик утверждает некое единство природы внутреннего тепла: «Поскольку тепло считается теплом, между одним теплом и другим нет никакой разницы»¹⁷⁹ (3, 206 К). Судя по всему, Лик пытается существенно упростить изложение

---

¹⁷⁹ Гален цитирует своего оппонента.

базовых принципов своей профессии. Однако ничто не указывает на то, что идеи Лика противоречат принципам Гиппократата: Лик не говорит ни о «единой болезни», ни о трех универсальных причинах всех болезней. Ни о чем подобном Гален не упоминает, а напротив, признает, что Лик «довольно много писал о различиях между болезнями». Лик четко различает симптомы разных заболеваний. Это означает, что он согласен с Гиппократом в отношении понимания определенности патогенеза.

В чем же тогда Лик провинился перед Галеном? Следующий фрагмент может помочь прояснить этот вопрос: «... Лик довольно много писал о различиях между болезнями. И, хотя одна болезнь в том, благодаря чему она считается болезнью, не отличается от другой, как и один симптом в том, благодаря чему он считается симптомом, не отличается от другого, Лик все-таки пытается показать разницу между ними. Например, он описывает виды плеврита, а также других болезней. И, хотя один вид плеврита, поскольку он считается плевритом, не отличается от другого его вида, Лик все-таки считает нужным упомянуть, что один из них подразумевает боль, отдающуюся в ключице, а другой – в подреберной области. Более того, для одного вида плеврита характерно окрашивание слюны, тогда как для другого, который некоторые врачи называют безмокротным, характерно полное отсутствие мокроты. Наконец, Лик пытается описывать также различные виды лихорадок, хотя, возникла ли лихорадка от

избытка тепла или из-за едкости вещества, лихорадка от лихорадки в том, благодаря чему она является лихорадкой, не отличается» (З, 208–209 К).

Тепло, по мнению Лика, есть тепло, плеврит есть плеврит, но при этом они бывают разными – все это вполне рациональные рассуждения, и критика Галена выглядит немного странно. Уже ясно, что Лик писал о нозологиях, симптомах и их индивидуальной выраженности. Галена, по-видимому, раздражает склонность Лика выделять универсалии и к иерархии понятий. Плеврит выглядит как нозологическая форма в силу общности самых важных проявлений, но в зависимости от особенностей протекания болезни симптомы у различных пациентов могут отличаться – подобная точка зрения не может вызывать возражений у современного врача.

Гален очень мало цитирует Лика, хотя весьма многословен в своих выпадах против него. Он хитрит, обильно цитирует Платона, рассуждает о «многочисленных различиях» в науках и искусствах, приводит массу примеров из грамматики и музыки. Он излишне подробно описывает устройство домов и бань, стремясь показать, что его оппонент не прав на уровне здравого смысла. Не происходит только одно – четкого попозиционного разбора соображений Лика, подтвержденных цитированием. Гален открыто спорит с Эрасистратом, Хрисиппом из Сол, возражает Платону и Аристотелю – и всегда добросовестно воспроизводит точку зрения

своего оппонента и аргументированно ее опровергает. В тексте «Против Ли́ка» ничего подобного нет, и требуется очень внимательно оценивать редкие высказывания, касающиеся сути обсуждаемых вопросов.

Увлечшись примерами из области грамматики, Гален приводит слова Ли́ка: «Совершенно немислимо, на мой взгляд, что один звук, в том, благодаря чему он считается звуком (а именно, своим звучанием), может иметь какое-либо отличие от другого звука. Отличаться же они будут в силу индивидуальной особенности в качестве их произнесения» (3, 214 К). Здесь то же самое, что и в примере с плевритом: звук – это звук, но, разумеется, каждый звук имеет индивидуальные особенности. Далее следует довольно большой отрывок, в котором Гален переводит полемику в область анализа цветовых гамм. Казалось бы, какая связь между цветами, звуками и медицинской практикой?

Все упомянутые примеры ведут историка в одном направлении – к критике источника: идет ожесточенная дискуссия о принципах систематики. Существенным недостатком Галена как ученого является то, что ему не всегда удаются системные построения: он грешит излишней детализацией. Это отнюдь не отменяет его достоинств: Гален стремится к системности и иерархичности построений – и ему это почти всегда удается. Гален, безусловно, великий врач и философ, однако иногда он склонен усложнять свои системные конструкции. Порой его можно упрекнуть в небрежности: под-

час он использует разные слова для названия одних и тех же вещей, иногда по нескольку раз возвращается к одному и тому же, порой ему не хватает простоты и ясности изложения.

Лик, по-видимому, умел четко и ясно излагать свои мысли. Это вызывало у Галена крайнее раздражение, ведь Лик не был последователем Эрасистрата или врачом-эмпириком, а это означает, что он был его конкурентом! Если мое предположение о Лике как гиппократике-рационалисте верно, то тогда перед читателем пример самой ожесточенной полемики – спор о первенстве с коллегой-конкурентом.

Лик, кажется, предостерегает от излишнего теоретизирования: внутреннее тепло есть совершенно ясная субстанция, к чему вводить дополнительные категории и оценки? Речь идет не только об оспаривании присущего Галену менторского стиля подробного изложения маловажных деталей. К этому склонен любой врач, ощущающий себя выдающимся учителем. Лик логично рассуждает по поводу внутреннего тепла¹⁸⁰: «Также нет никакой разницы между тем огнем, который разжигается при помощи щепок и обыкновенно используется при обработке золота, и прочими, для розжига которых требуются другие дрова. Один огонь в том, благодаря чему он является огнем, не отличается от другого, но они отличаются лишь количественно. Ведь огонь может быть более слабым или более сильным. Считается, что огонь, разжигаемый при помощи щепок, наиболее слаб и его легче

---

¹⁸⁰ Здесь Гален снова приводит слова Лика.

всего контролировать, и поэтому он лучше всего подходит для золотообрабатывающего ремесла. При контакте с более сильным огнем золото непременно бы растеклось и расплавилось» (5, 223–224 К).

Лик обращает внимание на различия сущности по «усилению качества», по «силе функции». Читая текст сочинения, можно предположить, что серьезные противоречия у Галена с Ликом возникали при переходе дискуссии на тему фармакотерапии, – и не случайно великий римский врач взывает к авторитету Диоскорида.

В подзаголовок своего сочинения Гален вынес фрагмент одного из афоризмов Гиппократов, согласно которому растущие тела обладают большим врожденным теплом. Если понимать это тепло как энергию, обеспечивающую процессы жизнедеятельности, то очевидно, что дети обладают ею в наибольшей степени. Об этом ясно свидетельствуют процессы роста, идущие очень быстро по сравнению с биологическим временем взрослого человека: тело ребенка растет, меняется, используя для этого большое количество «строительного материала» в виде первоэлементов, потребляемых с пищей. По-видимому, Лик обозначил свое отношение к теплу как энергии, постоянно существующей в теле человека при жизни, разграничив объяснения процесса роста и вопрос о колебаниях уровня внутреннего тепла. Более того, рискну предположить, что Лик мог отнести вторую тему к обсуждениям, не имеющим практического смысла, – все и так ясно:

ребенок растет, взрослый стареет, старик угасает, внутреннее тепло затухает. Этот подход вызвал резкую реакцию со стороны Галена: он требует рассматривать качественные характеристики внутреннего тепла. Одно тепло от другого может отличаться тем, что оно больше, теплее (т. е. интенсивнее) и дает более сильный жар, – таково мнение Галена. Под «больше» он подразумевает значение тепла как внутренней энергии, которая «всегда стремится перейти в более просторное место», – подобно сообщающимся сосудам, «большее тепло также всегда будет соединяться с меньшим». Гален также имеет в виду другую оценку тепла, простую и качественную – речь идет о более высокой или низкой температуре тела. Третья характеристика в большей степени касается обеспечения внутренним теплом его функционального предназначения – физиологических процессов: «Поскольку очень многие действия совершаются благодаря теплу, сказанное можно проиллюстрировать следующим образом. Как известно, чему-то тепло помогает распространяться, что-то – объединяет, а многое даже меняет. В наших телах оно, можно сказать, действует поочередно: сначала переваривает пищу в желудке, потом в кишках, а затем разносит результаты переработки по всему телу. При этом все лишнее выходит наружу, а переработанной пищей тепло снабжает наше тело ради его питания и роста. Следовательно, наиболее сильным будет то тепло, которое может лучше проявить себя в этом. Оно, возможно, даже будет не слишком высоким по

своему качеству или большим по своему количеству. Ведь зачастую как раз крайне малое по своему количеству и низкое по температуре тепло оказывается наиболее эффективным. Я ведь уже говорил прежде, что в обеспечении внутренней деятельности организма наиболее сильным оказывается не самое интенсивное тепло, но наиболее соразмерное своим задачам. А вот при сильном увеличении температуры оно порой даже наносит вред организму» (6, 229–230 К).

Могу следующим образом представить себе реакцию Лика на вышесказанное: «Да, уважаемый Гален, ты прав, внутреннее тепло обеспечивает работу частей тела, на то оно и тепло. Но более высокая или низкая температура, как и многое, о чем ты говоришь, – это не о здоровье, а о болезни, поэтому тепло как функцию надо обсуждать отдельно. Проявления количественных колебаний тепла в здоровье и болезни – совершенно другой вопрос».

Если бы Лик отвечал примерно так, то Гален мог бы услышать в свой адрес упрек в смешении понятий, т. е. в общефилософской безграмотности. Упрек неприятный, а для Галена с его общеметодологическими дискуссиями с многочисленными оппонентами убийственный.

Это и объясняет полемический задор Галена, особенно ход его рассуждений в завершающей части текста. Он пытается уличить Лика в попытке опровергнуть идеи Гиппократата, но проговаривается: «Лик тоже считает, что Гиппократ ошибается, если его утверждение о наличии у расту-

щих тел наибольшего тепла указывает на большее количество вещества, поскольку всем очевидно, что масса тела у младенцев меньше, чем у всех остальных. Если же Гиппократ имеет в виду значение температуры, то и это, по мнению Лика, противоречит наблюдаемым явлениям. Наконец, если Гиппократ имеет в виду наличие у тепла наиболее сильной функции, Лик признает это утверждение верным, но замечает, что само определение Гиппократ все равно использует неверно, ведь следует говорить, что тепло у растущих тел не больше, а сильнее с точки зрения своей функции» (6, 234 К).

Лика, судя по всему, действительно волнует только выраженность функции вещества: он, как и Гален, сторонник телеологического принципа. Например, утверждение Лика, что «именно человек обладает самым большим в мире мозгом», надо рассматривать как оценку функциональности по отношению к размеру тела – это признает сам Гален. В противном случае самым умным животным в мире был бы слон – его мозг весит больше. Гален также соглашается с тем, что Лик, вслед за Гиппократом, использует термин «врожденное тепло», признавая это свойство.

Великий римский врач пытается доказать, что наибольшим количеством внутреннего тепла обладает плод во время внутриутробного периода, поскольку за очень короткий срок он формируется и растет наиболее интенсивно: «Почему же я с такой уверенностью говорю про столь ранний период развития плода? Достаточно вспомнить описание Гип-

пократом вида шестидневного плода, чтобы полностью убедиться, что в нем присутствует эта изначальная субстанция. И это теплое врожденное вещество можно наблюдать в теле зародыша еще до формирования всех костей, вен, артерий, хрящей или сухожилий. Ведь изначально нежная и неразвита́я плоть имеет сходство со сгустком крови, который потом сменяется первоначальным обликом зародыша, а в нем, согласно описанию Гиппократу, есть нечто похожее на кровавистые сгустки, к тому же, в силу наличия семенного вещества, присутствует и белый цвет. И лишь позднее, благодаря дальнейшим изменениям, которые будут происходить постоянно, в зародыше начнет появляться некое очертание костей, хрящей, сухожилий, мышц, артерий и вен.

Как раз в это время в зародышах всегда крайне много врожденного тепла, и оно будет только увеличиваться по мере развития плода. Но в то же время тепло, некогда возникшее из соединения крови и спермы, будет постепенно исчезать. При этом в организме появятся многие и разнообразные новые органы. Немыслимо ведь, чтобы что-нибудь из перечисленного оказалось для кого-нибудь врожденным. И даже если бы в мире удалось обнаружить некое существо, целиком состоящее из костей или сухожилий, врожденное тепло совершенно точно было бы в нем уничтожено» (7, 236–237 К).

В аргументации Галена содержится одна фундаментальная ошибка: он рассматривает организм растущего плода как

существующий сам по себе. Однако историк должен быть очень осторожен с такими словами, как «ошибка» или «заблуждение», по отношению к врачам предшествующих эпох: они имели все основания представлять те или иные анатомо-физиологические процессы иначе, чем современные специалисты. Однако бывают случаи, когда определенное суждение знаменитого врача прошлого опровергалось в рамках его собственного типа рациональности, вступая в противоречие с им же сформулированными принципами.

В данном случае Гален именно ошибается, отказываясь рассматривать организм плода во взаимосвязи с организмом материи. Другой классик античной медицины, Соран Эфесский, исходил из четкого понимания этой взаимосвязи и оставил потомкам труды, на много веков определившие состояние акушерства и педиатрии. Соран, как известно, был методистом, и о его достижениях в физиологии и клинике внутренних болезней нам неизвестно. Можно предположить, что в случае конкретной акушерской проблематики натурфилософия атомизма способствовала его профессиональным успехам. Гален, напротив, в области акушерства и гинекологии не оставил сколько-нибудь значимого наследия.

Судя по всему, Гален видел в Лике опасного конкурента, способного поколебать его общепризнанную репутацию как лидера гиппократовского направления в медицине. Можно предположить, что Лик не считал Галена непререкаемым ав-

торитетом. Учитывая обидчивость и эмоциональность великого римского врача, нетрудно себе представить, что для неприязни к Лику ему хватило бы ничтожного повода. Сочинение «Против Лика» представляет собой пример внутрикорпоративной полемики последователей Гиппократов и видных представителей рационального направления в античной медицине II в.